

Г. А. Бондарев

ТРИЕДИНЫЙ ЧЕЛОВЕК ТЕЛА, ДУШИ И ДУХА

Г. А. БОНДАРЕВ

ТРИЕДИНЫЙ ЧЕЛОВЕК ТЕЛА, ДУШИ И ДУХА

PROLEGOMENON

К АНТРОПОСОФСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

МОСКВА

*На обложке книги изображена вторая апокалиптическая печать
(худ. Клара Реттих)*

На базе антропософски ориентированной Духовной науки Рудольфа Штайнера в книге предпринято системное исследование трихотомии человеческого существа. Опираясь на открытый Гёте закон метаморфозы, автор показывает возможность дальнейшего раздвижения границ формальной логики и выхода за пределы абстрактного, рефлектирующего мышления в сферу созерцающей силы суждения, более высоких потенций духа. Книга представляет собой также определённого рода введение во всеобщую методологию Антропософии. Книга имеет также задачей способствовать внесению света разума в одну из значительнейших областей человеческой жизни – в область спиритуальных исканий.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>ПРЕДИСЛОВИЕ</i>	5
<i>ВВЕДЕНИЕ. ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ КРИЗИСА ЦИВИЛИЗАЦИИ И САМОПОЗНАНИЕ</i>	10
<i>ГЛАВА I. ЭВОЛЮЦИОНИЗМ И ЛОГИКА ИМАГИНАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ</i>	58
1. От философии к науке о духе	58
2. Философия в свете антропософского учения об эволюции	83
3. Гетеанизм и логика	100
4. Онтология Духовной науки и логика	118
5. Многочленный человек в эволюции мира	127
6. Розенкрейцеровская формула	134
7. Философия Фихте в свете Христологии	138
<i>ГЛАВА II. «Я» НА ПУТИ К СВОБОДНОМУ ВОЛЕНИЮ</i>	150
1. Многочленный человек и ингредиенты душевной жизни	150
2. «Философия свободы» в аспекте психологии	157
3. Общая панорама душевной жизни	172
<i>ГЛАВА III. ДВЕНАДЦАТИЧЛЕННАЯ СИСТЕМА ВОСПРИЯТИЙ ЧУВСТВ</i>	177
1. Общие положения	177
2. Лемниската системы восприятий чувств	196
3. Три вселенских творящих луча	200
4. Жизненные процессы и восприятия чувств	216
5. Мировые троичности	222
6. Действие древних тенденций развития в земном зоне	228
7. Томление — искупление — творение	233
8. Мистерия вочеловечения Христа	244
9. Внутренняя (эзотерическая) природа системы восприятий чувств	253
10. Макро- и микрокосмические аспекты системы восприятий чувств	263
11. Вещества, элементы, эфиры	276
12. Три группы восприятий чувств	294
13. Три пути в сверхчувственное	301
<i>ГЛАВА IV. МИКРОКОСМ, МАКРОКОСМ И СЕМИЧЛЕННЫЙ ЦИКЛ ГЛАВНЫХ ПРАЗДНИКОВ ГОДА</i>	310
1. Человек «на кокретном языке мироздания»	310
2. Трехчленный человек внутри годового цикла природы	337

3. Великие христианские праздники года	351
4. Христологический взгляд на принцип семичленной метаморфозы	375
5. Семиконечная звезда праздников года	388
ГЛАВА V. МНОГОЧЛЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК И ПРОСТРАНСТВО	394
1. Духовно-научное понятие пространства и его измерений	394
2. Человек, пространство и духовные существа	430
3. Эзотерическое содержание категорий пространства	436
4. Идеальная природа пространства	447
ГЛАВА VI. ЧЕЛОВЕК ВРЕМЕННОЙ	460
1. Общий план эволюции мира	460
2. Время в его отношении к эволюции и духовным существам	464
3. Система категорий и время	476
ГЛАВА VII. ПСИХОСОФИЯ	496
1. Пространственный человек между прошлым и будущим	496
2. Три тела и три души	514
3. Христос и человеческая душа	530
4. Феномен человека в мгновении настоящего	542
5. Человек в эволюции и инволюции	554
6. Возникновение психического	569
7. Диалектика душевной жизни	576
8. Самобытие душевной жизни. Формула человека	596
9. Ингредиенты душевной жизни. Нравственность	610
10. Любовь и Мудрость	632
11. Самобытие душевной жизни (продолжение)	644
12. Дополнительные вопросы	659
ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ. СЕМЬ СТУПЕНЕЙ МЕДИТАЦИИ КАМНЯ ОСНОВЫ	665
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	678
ПРИМЕЧАНИЯ	681

ПРЕДИСЛОВИЕ

ДИАЛОГ АНТРОПОСОФИИ с современной цивилизацией затруднен, прежде всего, на уровне согласования понятий. Материалистический дух эпохи основательно подорвал саму культуру мышления; повсеместно возобладавший в методологии науки количественный метод, поставив логические категории в иерархический ряд понятий, определил субординацию в нем некой «выслугой лет» работы на ниве анализа и абстракции. Та высокая степень умозрения, еще позволявшая Гегелю и Канту возводить собственный категориальный ряд на чисто идеальных основаниях, ныне, кажется, безнадежно утрачена, а всякая попытка восстановить первоначальный, аристотелевский смысл категорий сопряжена для исследователя с риском тотчас же быть обвиненным в метафизике и неотомизме.

Однако Антропософия идет на этот риск. Она возвращает категориям их древнее право: быть отражением в мыслящем (а не созерцающем) сознании всеобщих реалий интеллигибельного мира, быть феноменами прафеноменального (первофеноменального), сверхчувственного мира. В соединении феномена с прафеноменом Антропософия видит целостный образ реальности, который возникает лишь благодаря мыслящему субъекту. Возводимая духовной работой человечества монистическая картина мира нигде не имеет в себе разрывов, а в представлениях восходит к единству идеально-го и материального.

Когда с подобным учением сталкивается современное рефлектирующее мышление, то, в силу укоренившихся в нем стереотипов, оно оказывается просто не в состоянии осознать, что возможен какой-либо иной, кроме абстрактного, уровень существования идей. По этой, в большей мере психологической, причине так трудно входят в обиход современной науки методологические принципы Антропософии, ее теория познания, расширенная до непосредственного прозрения в мир интеллигибельных сущностей. Как материалиста, так и идеалиста наших дней страшит мышление, утрачивающее жесткие контуры догмы (будь то веры или опыта), приобретающее характер живого существа, способного на самобытие в мире других, подобных себе существ. Однако тот, кто преодолевает указанные трудности, обнаружит, что только в антропософски ориентированной Духовной науке происходит вскрытие всего богатства категорий, не «размывание», а расширение их границ, совершаемое методологически строго, с учетом

требований познания, выработанных наукой на протяжении последних столетий, но только требований — правомерных.

В этой связи необходимо понять ту простую истину, что философия никогда не была самоцелью, а лишь средством для понимания человека и смысла бытия. Но кто тогда вправе ставить границы ее содержанию, если они расширяются в сторону решения ее задач? Мысль — не только чистая абстракция. За нею стоит чистое бытие, о котором ведали древние. Гносеология — не антитеза онтологии, и обе они не ограничены безусловно абстрактным взятием категорий. Абстрактное мышление — не более чем прием, которым следует пользоваться до тех пор, пока отсутствуют другие приемы познания. Иное дело, как смотреть на соотношение этих приемов: видеть ли в нем закономерную, преемственную связь, эволюционный процесс или блуждание наугад из одного тупика в другой.

Например, древние процесс миропознания осуществляли в неразрывной связи с человекопознанием, а это последнее не мыслилось вне триединства религии, искусства и науки. В центре духовной жизни стояли Мистерии: малые — для всех, большие — для избранных, для духовно подвинутых. Система школьного воспитания и образования строилась на познании семи прекрасных искусств: поэтики, грамматики, астрономии (небесной поэзии) и др.

В нашу эпоху пути религии, науки и искусства разошлись, что привело их ко все возрастающему кризису. Чтобы выйти из него, они должны существенно измениться, настолько, чтобы стал возможен их новый, более высокий, чем в древности, синтез.

Если говорить о науке, то в ней по сию пору можно распознать следы ее древнего происхождения из сфер сверхчувственного опыта. Ныне перед нею стоит задача вновь прийти в связь со сверхчувственным, не утрачивая ни единого из завоеваний, достигнутых в ней индивидуальным духом. Способ решения этой задачи в общих чертах уже дан в антропософски (не антропологически) ориентированной Духовной науке. Опираясь на нее, можно выявить некоего рода «спираль» восхождения научного познания, которая одновременно образует ступени развития индивидуального духа. Они, кроме того, есть выражение, можно сказать, историко-культурного «филогенеза», приходящего к единству с духовным «онтогенезом» в акте самопознания индивидуального духа (см. рис.)

Ни исторически, ни в опыте индивидуального развития ступени этой спирали не проходятся в строгой последовательности. Абстрактно она как бы реализуется вся одновременно за счет того, что в разные культурные эпохи, а также в процессе воспитания, индивидуального познания проявляются самые разные ее звенья. И тем не менее, правомерно говорить о последовательности и

о восхождении человеческого познания по указанным ступеням. Это обусловлено рядом причин. Вот некоторые из них: абстрактному мышлению объективно предшествует образное, как в культурно-историческом, так и в индивидуальном развитии; далее — высшая духовная мудрость, софийность познания достижима не ранее, чем человек достаточно долго поработает над природопознанием, пользуясь силами своего мыслящего сознания, и т. д.

Восхождение по спирали познания составляет задачу целой жизни, и даже не одной. Все ее ступени многократно осваиваются индивидуализирующимся духом предварительно, бессистемно, поэтому создается впечатление, что системы тут вообще нет. Однако в науке посвящения она имеется и представляет собой некоего рода «нить Ариадны», приводящую низшее «я» человека к единству с высшим Я. С ее помощью человек приходит, как к высшей индивидуальной цели, к единству Я и не-Я, что достигается на ступени посвящения, которая в оккультизме носит название единства микрокосма и макрокосма. На этой ступени восхождение индивидуального духа не кончается, но здесь реализуется та полнота, с которой человек, творение Божие, способен гармонично, не противоречиво войти в бытие Универсума как его правомерный член, т. е. как носитель космического сознания.

Между ступенями спирали познания существуют взаимосвязи, идущие как бы лучами от исходной точки, перескакивая с витка на виток. Можно пытаться двигаться и по ним, но такое движение было бы не органичным. И уже полным абсурдом являются попытки проникнуть в сверхчувственное, вообще игнорируя познание, работу мышления. Однако именно они особенно широко практикуются в наше время. Результаты такой практики могут быть только

деструктивными, поскольку исключают индивидуальное развитие. Человек со своим низшим «я» вводится в сверхчувственное переживание, а потому, естественно, и переживает он лишь хаос собственного существования: спорадические стремления, надежды, мании, фобии и проч., — и все это разросшимся до мировых масштабов.

Кто действительно желает восходить к высшему, т. е. развиваться, обязан прибегнуть к познанию, которое сопровождается постоянным изменением его собственного существа. В первую очередь, изменение касается трех основных ингредиентов индивидуального бытия: мышления, чувствования и волеизъявления. В дальнейшем будет показано, что человеческое мышление, восходя к идеальному созерцанию, движется не силой диалектики, а по закону семичленной метаморфозы; воля по своей природе трехчленна: поступок обусловлен взаимодействием мотива и побуждения; чувство на уровне восприятий — двенадцатичленно. Всего этого и многого другого, чем оперирует Духовная наука, не знает современное материалистическое — да и идеалистическое тоже — познание.

В целом, основная трудность, с которой сталкивается мир современной культуры, когда пытается овладеть Антропософией, заключается в ее чрезмерной новизне, выражающейся в интерпретации чувственной реальности в понятиях прафеноменального мира. Поэтому всякий, берущийся за анализ Антропософии или за разработку какой-либо самостоятельной темы в ключе ее методологии, оказывается в положении исследователя какого-нибудь забытого памятника культуры: он вынужден обстоятельно и с самых разных сторон приводить предмет и объект своего исследования в связь с уже известными феноменами культуры. Проводить подобную работу в отношении Антропософии необходимо еще и по той причине, что все возрастающая дифференциация наук и сопровождающее ее настроение релятивизма привели к подмене духовной культуры идеологией. Доктринерство определяет целые научные направления. И если кто-то в этих условиях желает обратиться к истинному смыслу науки, он должен прежде всего расчистить себе место от всевозможного одурманивающего идеологического хлама. Ныне, как никогда в прошлом, актуален принцип гетевской науки:

Обдумай что,
Но более обдумай как.

Именно этим обстоятельством продиктован публицистический характер довольно пространного введения к книге. Для нас было предметом особой заботы не просто высказать какие-то идеи, но предложить определенное содержание пробужденному сознанию читателя, чтобы не произошло бессознательного, как это часто случается, перевода читаемого на язык уже усвоенных философских, ес-

тественнонаучных, оккультных и религиозных штампов. Нам было исключительно важно разбудить в читателе непредвзятость. При этом речь вовсе не идет о безусловном принятии всего, что читатель найдет в нашей книге. Может, например, случиться, что кому-то покажется несостоятельным философский подход к теме эволюции, осуществленный в первой главе; в дальнейшем это впечатление может рассеяться, но возрастут трудности в понимании чисто духовно-научного содержания и т.п. Наконец, автору было бы лишь приятно услышать другие мнения и даже возражения по поводу затронутых им вопросов, но при условии, что они будут обстоятельно аргументированы.

Все, что читатель найдет в книге, представляет собой некоего рода вариации на ряд духовно-научных тем: за основу в ней взяты соображения Рудольфа Штайнера, рассмотрение которых ведется далее таким образом, чтобы стали возможны соответствующие им по духу косвенные умозаключения, облегчающие, на наш взгляд, как понимание самой Антропософии, так и ее роли в развитии уже существующих наук, не утративших своего первоначального намерения: решать загадки человека, что сопряжено с формированием свободного и жизнеспособного мировоззрения. Повсеместно мы старались давать ссылки на заимствованное у Рудольфа Штайнера, однако, чтобы оценить вариации, необходимо все же достаточно хорошо знать тему. А что касается вариаций как таковых, то в науке — и это нет нужды доказывать — они могут обладать значительно большей самодовлеющей ценностью, чем, скажем, в музыке.

Тема книги — трихотомия человеческого существа. Ее раскрытие дано на сопряжении философии, духовно-научного учения об эволюции мира и человека, психологии и христологии.

Метод исследования основывается на гетеизме, с его созерцающей силой суждения, и на семичленной логике, возводящей рефлектирующее мышление к порогу имажинативного. Рудольфом Штайнером созданы все необходимые предпосылки для вычленения в самостоятельную тему вопроса о новой логике. Нами предпринята попытка извлечь из данных им предпосылок неизбежные следствия.

Следует особо оговорить роль, которую в книге играют рисунки, — она не только вспомогательная (пояснения к тексту), но и самостоятельная. С помощью рисунков подчас дается больше, чем раскрыто в тексте книги. Их необходимо созерцать параллельно чтению книги.

У книги имеется один довольно серьезный для нашего века недостаток: читая ее с начала, полезно знать, о чем идет речь в конце, т. е. ее следует прочесть дважды.

Написано на Троицу
1989 г.

ВВЕДЕНИЕ

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ КРИЗИСА ЦИВИЛИЗАЦИИ И САМОПОЗНАНИЕ

ЖЕЛАЯ ОТЫСКАТЬ то наиболее существенное, что определяет историческое развитие человечества с той поры, как закатилась чарующая звезда эллинизма, приходишь к нарастающей от века к веку, принимающей самые разные обличья борьбе материализма с идеализмом. Эта борьба играла едва ли не главную роль в большей части войн, которые человечество вело в последние полторы-две тысячи лет, в культурных, социальных, экономических и политических революциях; ею же порожден апокалиптический XX век. В нем земная цивилизация подвинулась к самому краю бездны, которая грозит поглотить и саму физическую основу бытия. Такая, никогда еще в прошлом не бывшая столь реальной и близкой перспектива кажется неизбежной во всех трех случаях: продлится ли и далее эта старая борьба или верх одержит одна из участвующих в ней сторон, получив тем самым возможность осуществлять те намерения, которые сложились у нее к настоящему времени. Поэтому единственной здоровой альтернативой остается поискать разрешения возникшего кризиса вне пределов пришедших к поляризации сил.

— Но где же выход из сложившегося положения? — с нарастающей тревогой спрашивают повсюду люди и отправляются на поиски его в противоположном от истинного направлении. Часто это выражается в том, что любое, даже вполне искреннее намерение понять нашу эпоху удовлетворяется поверхностной риторикой, абстрактным гуманизмом, рассудочным теоретизированием, не имеющим связи с реальными делами мира.

Везде говорится и пишется о законах развития, но еще никогда их так не игнорировали, как в наш и предшествующий ему век. Их интерпретация стала предметом идеологии, ожесточенных споров, а не науки. А отсюда следует, что кризис цивилизации, в конце концов, есть производная от кризиса познания.

Кризис же познания уходит своими корнями в далекое прошлое, хотя осознать его начали сравнительно недавно: во второй половине, а точнее — в последней трети XIX века, когда идеализм либо ретировался за церковную ограду — его выразителем стала теоло-

гия, — либо доживал свой век в узких кругах разного рода трансценденталистов, а на широком плане секуляризованной цивилизации восторжествовал естественнонаучный метод познания, разработавший универсальное миро- и жизневоззрение, коим человечество питается духовно и по сей день.

Сочинение Николая Коперника «Об обращении небесных сфер», открытие спектрального анализа, работы Чарльза Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора», «Происхождение человека и половой отбор», Эрнста Геккеля «Мировые загадки», специфическое направление идей, которому можно дать общее название социального дарвинизма, — явились теми основополагающими элементами, из которых сложилось мозаичное панно, называемое естественнонаучной картиной мира. Казалось, она объяла собою все, и за ее пределами не осталось ничего. Но так обстояло дело лишь для обыденного сознания, ибо уже в 1872 г. немецкий физиолог и философ, член-корр. С.-Петербургской Академии наук Дюбуа-Реймон в своей знаменитой, но ныне известной лишь специалистам, речи «Игнорабимус» (неизвестность, незнание), посвященной вопросу о границах природопознания, перечислил семь мировых загадок, которые, как заявил он, наука вообще не способна разгадать. Среди них он назвал: возникновение хотя бы простейших ощущений и сознания, рассудочного мышления, речи, свободы воли. Наука, сказал он, имеет дело лишь с законами внешнего мира и не способна понять и малейшего элемента душевного мира как такового.

Скептицизм Дюбуа-Реймона попытался хотя бы отчасти опровергнуть его современник, философ и психолог Франц Brentano. Он поставил перед собой задачу написать фундаментальный труд, где на основе одного только естественнонаучного метода должны были быть раскрыты загадки бессмертия души, сознания, живущего в смене сна и бодрствования и др. Brentano предполагал написать три тома, и первый из них, носящий название «Психология с эмпирической точки зрения», вышел в свет в 1874 г. В нем автор дошел до анализа представлений и чувств, объявив волю низшим родом жизни чувств, поскольку ее, как таковую, вообще не обнаружил в душевной жизни. И на том Brentano поставил точку, ибо ему стало ясно, что в анализе душевной жизни он подошел к границе, за которой кончается действие естественнонаучных законов. Переступить эту границу он не посмел и не умел. Однако постигшая Brentano неудача не помешала его последователям: О.Кюльпе, Н.Ах и др. — на основе его частичных, по сути приведших в тупик, изысканий основать целое направление в психологии, получившее название Вюрцбургской школы. И в этом выразилась характерная черта всего естественнонаучного направления, каким оно стало к началу XX века: оно

просто прошло мимо тех коренных вопросов, которые ему не удалось решить в XIX в., когда оно само еще понималось своими представителями не как самоцель, а как средство для объяснения смысла человеческого бытия и предназначения человека.

Иным путем пошла антропософски ориентированная Духовная наука, также возникшая в последней трети XIX в. Она сделала тот шаг, на который не решились ни философия, ни психология, ни естествознание, несмотря на то что к нему, фактически, свелись все их напряженные искания. Она открыла врата в познание сверхчувственного мира и сделала это, не только не порывая связи, но, напротив, широко опираясь на предшествующий научный и духовный опыт человечества, соблюдая со всей строгостью принципы и методы познания, установленные естественными науками.

Это составляет *фундаментальное свойство Антропософии*, что она последовательно, отдавая должное законам эмпирического мира, раздвинула границы познания и ввела его в сферу, которую уже привыкли, и не без основания, считать предметом либо метафизики, либо религиозного и оккультного опыта, несоединимого с рациональной наукой. Антропософия перекинула мост через пропасть, казалось бы уже безнадежно отделившую спиритуальное сознание от научного. И теперь это лишь вопрос времени — когда современная культура во всех своих феноменах пожелает ступить на него.

Всесторонне, в многообразной связи едва ли не со всеми факторами цивилизации и культуры обосновала Антропософия реальность и надежность возведенного ею моста, для чего создала также *новую методологию науки*, подлинное *наукоучение*, основу которого составляет действительно лишенная предпосылок теория познания, возведенная благодаря этому в ранг основной философской науки, чем, собственно, и полагается начало преодолению кризиса познания.

Уже в своих первых работах, посвященных анализу и комментариям естественнонаучных и философских взглядов Гете, мимо которых прошла, совершенно не поняв их значения, наука XIX, а потом и XX века, в самостоятельных сочинениях, таких как «Истина и наука» (1892), «Философия свободы» (1894), Рудольф Штайнер убедительно показал надуманность по-своему грандиозных построений двух — их несомненно можно назвать «итоговыми» — философов, уведших познание по двум несоединимым и в равной мере безысходным путям: Иммануила Канта и Эдуарда Гартмана.

Огромный вклад Канта в науку не подлежит сомнению. Он, прежде всего, заключается в создании поистине критической философии. Ведь не следует забывать, что до Канта всерьез ставился вопрос о возникновении органического из неорганического путем

самозарождения. До Канта строящаяся единственно лишь на мышлении философия не решалась признать его за атрибут индивидуального человеческого духа. Даже Лейбниц считал, будто бы изживающее себя в мышлении сознание монад приводит свое содержание в связь с остальным миром деятельностью Бога. Кант смело поставил вопрос о возможностях познания как чисто человеческой деятельности. Но для него оказалась закрытой природа человеческого опыта. Правильно начав с выводов Юма о том, что опыт не дает нам безусловно надежных истин и они должны быть в душе до опыта, он не смог понять, что приходящие к человеческой индивидуальности на разных путях восприятие вещи и ее понятие разделены лишь в субъекте и в нем же преодолевают свою разделенность. Кант миру бесконечного множества отдельностей, данных нам в восприятии, приписал характер объективного, а миру, где они соединяются, познающему духу — субъективного. А далее и законы существования обоих этих миров он объявил несоединимыми, противоречащими один другому. Так человеческое познание в философии Канта оказалось обреченным на вечное заточение в сфере чувственных вещей, и все выходящее за ее пределы философ объявил объектом веры, не знания, на чем уже до Канта настаивала теология.

Эдуард Гартман в своей системе трансцендентального идеализма, которую сам он называл реализмом, предпринял попытку достроить то, на что не хватило силы у философии Гегеля. Гартманом поставлен вопрос о субстанциональности мышления, в связи с чем он выходит за пределы чисто логического и принимает требование естественных наук искать результаты науки лишь на пути наблюдения. Он не разделяет, подобно Канту, опыт и сознание на два несоединимых мира, но видит нечто единое, пронизывающее их обоих, что в одном случае осуществляет мир видимых вещей, а в другом — их представительство в познающем духе. И это действительное не может быть лишь логическим, которое способно только воспроизводить само себя, — но силой, дарующей идеям бытие. Эту силу Гартман назвал бессознательной волей. Однако, как подчеркивает Рудольф Штайнер, он не утверждал, что бессознательная идея или воля существуют во внешнем мире, исходя из того же источника, что и их сознательные представители в нашем духе; более того, он твердо стоял на том, что «мы не знаем о качестве того, что идее и воле соответствует в объективном, и для нас ясно лишь одно: такой источник существует»¹. Он пребывает по ту сторону нашего сознания, в трансцендентальном мире, который и составляет истинную реальность. Это мир вещей в себе, соотношение с ними доступно субъективному человеческому духу, но оно может быть только трансцендентным.

Бессознательная идея, бессознательная воля, согласно Гартману, осуществляют себя в мировом процессе, который тоже реален — почему монизм Гартмана имманентный, — но человек, познающий этот процесс и чувствующий его в формах пространства, времени, причинности, имеет дело лишь с самим собой, в силу чего образ предстоящего познающему субъекту мира превращается в содержание его сознания. Так система Гартмана склоняется к категорически отвергаемому им солипсизму.

Гартман поистине гениальной интуицией верно почувствовал субстанциональное родство чистого мышления с волей, сущностное единство бытия и сознания, но на спекулятивном уровне; ему не хватило мужества поставить вопрос *об интеллектуальном созерцании как о восприятии идеи*, что до него уже сделал Гете, и потому он подменил этот вопрос другим: о трансцендентном соотношении — через бессознательную волю — с миром трансцендентальным, тkanie которого мы и наблюдаем в чувственном мире и в нашем сознании. Такое искусственное построение, в котором вещь в себе была помещена в бессознательное, хотя и открыло к ней некоторый доступ, но, явно, не на путях философии, мыслящего сознания. И сделано это было на самой вершине той философской рефлексии, к которой человеческий дух восходил, начиная с эпохи досократиков. Поэтому не случайно с Гартманом философия вступает в стадию упадка.

Однако такой исход не был для нее единственным. Более того, история философии в конце XIX в. вплотную подошла к тому, чтобы сделать последние выводы, приводящие ее к конечной цели. Гарман взял правильное направление, когда к «умозрительным результатам» своей философии постарался прийти с помощью индуктивного естественнонаучного метода, ибо, идя от соединения результатов эмпирических наук с умозрительной философией, ей следовало, в конце концов, искать решение вопроса о границах познания и о единой картине мира. Но Гартману идеальные связи вещей показались слишком легковесными, и потому, вслед за Кантом, он отправился на поиск «реальных» связей, оставаясь однако в сфере рефлектирующего мышления. По этой причине ему и пришлось их декретировать в трансцендентальном и тем вступить в противоречие с им самим же избранным вначале методом философии.

Отсюда логически проистекало другое следствие гартмановской философии. Отправляясь в поиск за реальными основами бытия и отвергая при этом возможность расширения сферы восприятий до сверхчувственного (т. е., поставив безусловные границы опыту, как Кант поступил в отношении познания), он неизбежно должен был опуститься ниже сферы сознания, даруемого рефлектирующим мышлением, в сферу бессознательного, и попытаться мыслить о

том, чего не только нельзя воспринять, но что и в рефлектирующее сознание имеет право вступать лишь на правах вещи в себе всецело в кантовском смысле. Поэтому Гартман чисто гипотетически измыслил свою запредельную мыслящему сознанию реальность и присокупил к ней какие-то понятия.

На что не решился Эдуард Гартман, то совершил Рудольф Штайнер и тем не только избежал трагических тупиков трансцендентализма и агностицизма, но и привел философию к ее высшим результатам: *к обоснованию сверхчувственного опыта и познания до их практического осуществления.*

В докторской диссертации, изданной под заглавием «Истина и наука», Рудольф Штайнер так формулирует основной принцип своей философии: «Мы обосновываем объективный идеализм, как необходимое следствие понимающей саму себя теории познания. Этот идеализм отличается от метафизического, абсолютного идеализма Гегеля тем, что он ищет основание для расщепления действительности на данное бытие и понятие в субъекте познания и видит связь их не в объективной мировой диалектике, а в субъективном процессе познания»². Следовательно, Рудольф Штайнер не противопоставляет свою философию гегелевской, но соотносит ее с ней, ибо Гегель наиболее чисто и совершенно подвел рефлектирующее мышление к границе сверхчувственного. Он даже поставил вопрос мышления о мышлении — ключевой в философии Штайнера, — однако никакого решения его не дал. Целиком обошел он и вопрос о восприятии, хотя уже был необычайно близок к нему. Психологизм гартмановской теории познания мог бы завершить Гегеля на ином пути. Но Гартман все свел к туманной мистике.

Рудольф Штайнер пошел, фактически, обоими путями: чистого мышления и анализа восприятий. И начал он с того, что в своем главном философском труде «Философия свободы» особое внимание сконцентрировал на вопросе «мышления о мышлении» как деятельности, в которой *мысль как идеальное восприятие* правомерно стоит в ряду всего многообразия чувственных восприятий. Он показал, что все многообразие мира дано человеку в понятии и восприятии, соединяя которые, человек совершает поистине универсальную деятельность и приходит к единому образу мира, за пределами которого нет больше никакой реальности, в том числе и вещи в себе. Иное дело, что понятие не исчерпывается лишь сферой рефлектирующего мышления, а восприятие не ограничено лишь чувственной реальностью. Однако при любом расширении их границ они всецело укладываются в пределах человеческого духа, приводящего их к соединению в познании.

Когда в нас вспыхивает сознание, мы действительно переживаем противоположность «я» и мира. Но «когда мы содержание мира, —

говорит Р. Штайнер, — сделали содержанием нашей мысли, мы снова находим ту связь, от которой сами себя отделили»³. Ибо не в предметах мира, вопреки утверждению Канта, а в нашей организации заложено то, что они предстают нам в виде бесконечного множества отдельных; и, наоборот, их соединение есть объективный факт единого мира. «Раскол между восприятием и мышлением существует только в то мгновение, когда я, размышляя, становлюсь перед вещью»⁴. Поэтому всем противоположностям, о которых говорят различные философские системы: субъекта и объекта, Я и не-Я, явления и вещи в себе, понятия и материи, — противостоит наиважнейшая противоположность: восприятия-наблюдения и мышления. Соединяя их в познании, мы данный нам дуалистически мир перерабатываем в единство (монистически). В этом процессе «объяснить вещь, сделать ее понятной означает не что иное, как поместить ее в общую связь, из которой она была вырвана по причине устройства нашей организации. ...Загадочность предмета заключается в его отдельном бытии»⁵.

Целостны как мир восприятий, так и его познание, поскольку и то и другое — две равнозначные части более общего единства, которое включает в себя мир и познающего человека. В силу этого «причина и следствие, — говорит Р. Штайнер, — суть взаимопринадлежащие части целого. ...Два события мы приводим в причинную взаимосвязь лишь тогда, когда она следует из их содержания. Эта связь дана не менее, чем само содержание события»⁶. Следовательно, кроме «идеального» — в смысле идейного (*ideellen*) — иного общего элемента у всех вещей мира искать бессмысленно. В своем мышлении человек постигает «общее Первосущество», пронизывающее как мир, данный нам в восприятиях, куда следует включить и существо самого человека во всех его проявлениях, так и мир мышления. Поэтому «исполненная мысленным содержанием жизнь в действительности есть в то же время и жизнь в Боге»⁷.

Взятые по отдельности, эмпирик и абстрактный мыслитель постигают лишь половину действительности. Метафизик же попросту придумывает содержание для Божественного, заимствуя элементы для него в мире чувственного опыта, а потом забывая об этом; подобным же образом поступает и метафизик с материалистическим уклоном, строя модели атомов, гипотезы о происхождении Вселенной, человека и т. д. Однако этим ничего не говорится против фактов, добытых с помощью эмпирических наук, против строгих и стройных методов естествознания, а также против культуры и дисциплины логического мышления. Дело сводится лишь к тому, чтобы, отдав должное фактам, методам и дисциплине, не замыкаться в границах чувственно-абстрактного. Кроме мыслящего сознания (а есть и не мыслящее, например во время сна со сновидениями), суще-

ступают как более высокие, так и более низкие его ступени. Кроме известных пяти чувств, человек может овладеть целым рядом других. Можно научиться входить в иные состояния сознания и восприятия, но *принцип движения в них* должен оставаться тем же, что и в чувственном мире, где он состоит в соединении восприятия с его идеальным противополообразом, с понятием. Только тогда человек сохранит способность отличать галлюцинаторное от реального, аберрации расстроенного сознания от его высших потенций, благодаря которым оно восходит на ступени имажинации, инспирации и интуиции.

Сила и продуктивность гносеологии Рудольфа Штайнера заключается именно в том, что на ее основе возведена новая европейская наука посвящения, отличная от всего, что в этой сфере на Востоке и на Западе продолжает жить по традиции. Все лучшие достижения философской и научной мысли, религиозной жизни, искусства, культуры получают в ней колоссальное возвышение именно за счет того, что индивидуальный опыт человека может с ее помощью осознанно охватить те сферы, из которых в ином случае приходят лишь смутные наития и вдохновения. На пути такого потенцирования душевных и духовных способностей встает, как предварительная ступень, овладение созерцающей силой суждения, к которой пришел и на опыте доказал ее плодотворность Гете.

Чтобы овладеть ею, человеку необходимо научиться среди многообразных объектов восприятия различать, как таковой же, собственное мыслительное содержание. В воспоминании постигнутая идея встает как восприятие, наряду с восприятиями чувств, но будущи явленной интеллектуальному созерцанию, умозрению. При этом *субстанционально* она, в отличие от чувственных восприятий, *совершенно подобна последующему, приведенному с нею в связь понятию*. Поэтому в мышлении человеку дано творить новое; мы касаемся в нем, говорит Рудольф Штайнер, «мирового свершения в той точке, где мы должны участвовать сами, чтобы оно могло возникнуть, осуществиться»⁸. Поистине в мышлении человек впервые в своей деятельности уподобляется Творцу. Начав отсюда, он может затем шагнуть так далеко, что начнет воспринимать идею, опосредованную эволюцией мира и предстоящую нам в объекте природы. (Таким путем получал свои ботанические идеи Гете). Тогда для него перестанет быть тайной, почему и сферу трансцендентального, сверхчувственного следует постигать в категориях бытия и развития, чего пока не знает ни современная внешняя, ни какая-либо эзотерическая наука, кроме Антропософии.

У Антропософии свои взгляды на развитие. Согласно им — о чем впервые также заговорил Гете — развитие совершается не линейно, а через цепь имманентных преобразований, метаморфоз. Восходя по их

ступеням, как существо природы, человек пришел к мыслящему сознанию, а в дальнейшем реализует в себе «свободного духа», взойдет на ту ступень, где с восприятием человека станет соединимо понятие не *Homo sapiens*, а свободного духа. «Мышление о мышлении» представляет собой первый шаг на этом пути, в нем мы преодолеваем действие биогенетического закона, распространяющегося также и на многие стороны душевно-духовной деятельности человека, поскольку и она есть не что иное, как высшая природа в природе. *Метаморфоза развития совершается лишь при метаморфозе его законов.*

Таковы лишь некоторые из основных методических положений Антропософии. Они находят многообразное преломление в различных областях практической жизни: в педагогике, медицине, в искусстве и др., чем в полной мере удовлетворяют рационалистическому принципу общепризнанной науки, что практика есть критерий истины. Поэтому, казалось бы, ничто не должно мешать Антропософии входить в современную цивилизацию, а цивилизации овладевать ее идеями, давать им дальнейшую разработку, как она поступала в отношении всех значительных феноменов, рожденных человеческим духом в прошлом. И пусть бы это носило как всецело положительный, так и противоречивый, но диалектический характер. Однако ничего подобного в действительности не происходит. Антропософию, насколько это удастся, окружают заговором молчания, а если критикуют, то ни в коей мере не в сфере науки. Ее обвиняют в том, что она занимает позицию «над схваткой», проповедует «наивное примиренчество», «беспочвенный идеализм», среди «суровой правды жизни» и т. д. Все подобного рода упреки, наверное, были бы на своем месте, если бы речь шла о какой-нибудь пропагандистской доктрине или, если бы прогресс совершался от просветленного интеллекта к инстинкту, от свободы, равенства и братства — к рабству и тоталитаризму. Но поскольку это не так, то мы вправе утверждать, что от понимания коренных вопросов бытия зависит, в первую очередь, — куда пойдет человеческая цивилизация. Подобное положение нет необходимости доказывать. Большая часть того, что появляется в мире в напечатанном виде, отражает духовные искания. Но сколь иначе делается это теперь по сравнению с прошлыми веками. И дело тут не только в былой духовной углубленности, от которой мало что сохранилось в наш век. У науки проявилось новое свойство, которого она не имела прежде, от самого своего зарождения. Мы лучше всего поймем его, обратившись к примерам.

В связи с освобождением духовной жизни, в последние годы в России стали публиковаться статьи, книги, показывающие, что под идеологическим прессом движение мысли все же не остановилось. Именно к публикациям такого рода следует отнести книгу «Логика мифа», изданную в 1987 году в Москве. Ее автор, некто

Я. Э. Голосовкер, делает попытку обогатить методологию современной науки понятиями эзотерической философии. Желая подчеркнуть приоритет своих изысканий, автор делает такое заявление: «Шарлатанство и актерство всяческих спиритов, «софов» (под которыми, конечно, подразумеваются и антропософы. — *Авт.*) и пр. я отбрасываю прочь» (с.156). В противовес всем им автор заводит речь о «законе метаморфозы» в природе и культуре, об «имагинативном» мышлении, «имагинативном абсолюте», «имагинативном духе», а также о том, что «мысль есть также природа, а Ариман, Люцифер и Христос являются воплощениями абсолютных понятий добра и зла, доблести и ничтожества» (с. 139) и т. д.

Лишь при условии, что русскому читателю абсолютно ничего не известно об Антропософии, можно безнаказанно высказывать подобное. Но в глазах тех, кто с нею знаком, это выглядит столь же откровенно недобросовестно, как, скажем, намерение присвоить себе в 1987 г. приоритет открытия периодической системы элементов.

Возьмем еще один пример из области религиозных исканий. Жизнь церкви в наш век разделяет общую судьбу цивилизации и также пребывает в глубоком кризисе, ибо утратила всякое ощущение духовной глубины человеческого бытия. Теология ныне столь же абстрактна, сколь и любая материалистическая наука. Но коль скоро духовный поиск начинает идти в обход церкви, то делаются попытки вернуть его назад за счет разного рода подновлений, временных компромиссов и проч. С одной из таких попыток мы встречаемся в книге А. Позова (автор, видимо, из русских эмигрантов) «Логос—медитация древней церкви», изданной на русском языке в 1964 г. в Мюнхене. (Книга широко распространена в московском самиздате). Ее автор, конфронтируя с Антропософией и солидаризируясь с психоанализом (!), пытается доказать, что молитвенная практика стоит выше медитативной. Исходит он из того, что «великий узурпатор разум на протяжении тысячелетий пытался создать свою религию, религию разума, и обоготворяет силы природы или ангелов и планетных духов, и кончает самообожествлением человека» (с.9). Медитативная жизнь западной церкви, пишет он далее, «проделав опасную кривую в лице Эригены и Экхарта», вскоре выровнялась в лице Бернарда Клервосского, Фомы Аквинского и др., но «законченную форму получила лишь у Игнатия Лойолы, в его духовных упражнениях» (с.52).

Произвольность подобных утверждений и их прямо-таки вопиющую противоречивость было бы не трудно показать. Но мы допустили бы ошибку, вступив с автором в научную дискуссию, поскольку его метод подобен, как говорится, игре бильярдным кием против

шахматных фигур. Начав *ad absurdum*, он приходит к откровенной лжи и заявляет, например, что «бывший штейнерианец» Фридрих Риттельмайер дал медитативный праксис, который «означает возврат» к старой медитации Игнатия Лойолы (с. 63—64). Не только книги, написанные Риттельмайером, но и множество людей, лично знавших его до последнего дня жизни, могли бы засвидетельствовать, что это абсолютная неправда.

Из приведенных примеров видно, что же это за свойство приобрела современная наука. Оно становится в ней едва ли не важнейшим и всякий, не принимающий его во внимание, рискует быть безнадежно сбит с толку, вступая с наукой в дискуссию. Свойство это — *недобросовестность*, о чем свидетельствуют сами представители науки. Стоит лишь вспомнить недавнюю историю, связанную с открытием (давно известным фармацевтам-гомеопатам) в лабораторных условиях феномена потенцирования веществ, когда после полного исчезновения материального носителя действие вещества продолжает оставаться. Опубликование открытия решительно задерживалось учеными по той причине, что не было найдено подходящего ему материалистического истолкования. Тайну разгласили вездесущие журналисты.

Или почитаем, что пишет итальянский теолог Алигьеро Тонди, многие годы состоявший членом Ордена иезуитов, затем на некоторое время перешедший из католицизма в марксизм и вновь вернувшийся в лоно церкви. В книге «Иезуиты», изданной в 1954 г. во Флоренции, а в 1955 г. в Москве, он приводит следующие слова некоего Шаньона, преподавателя социологии и этики в Грегорианском университете. «Если бы католическая философия, — говорит тот, — отражала реальную жизнь, понимала и объясняла бы ее, одним словом, если бы она сама была жизнью, она не смогла бы существовать. Почему? Потому что тогда она не была бы в руках правящей церкви оружием для достижения целей, которые не имеют ничего общего с жизнью. В этом случае Ватикан и «Общество Иисуса» должны были бы отказаться от власти над людьми и господства над умами» (с.178). Так говорят о себе сами учителя церкви. А бывший президент Рейган в дни визита римского папы в США в сентябре 1987 г. объявил, что только церковь способна решить загадки бытия и предназначения человека! И это ни в коей мере не частное мнение. Иначе как понять, что 42-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН началась с молчаливой молитвы в ее учас-
тниках?

Было время, когда наука и религия стремились решать загадки мира и человека, но оно ушло безвозвратно. Мы все являемся детьми эпохи, в которую повсюду в жизни господствует намерение *не объяснять мир, а переделывать его*. Правда, традиционный спор идеализма

с материализмом все еще продолжается. Но суть дела больше не в нем, хотя многих он еще увлекает всерьез, и с бастионов спорящих сторон не упускают случая обменяться холостыми выстрелами в праздной надежде что-то объяснить и доказать друг другу.

— Дух! — без особого энтузиазма бухает время от времени пушка на бастионе идеалистов.

— Материя! — отвечают ей залпом с другой стороны, и вслед за тем звучит пальба калибром помельче:

— Человек произошел от обезьяны!

— Человек сотворен Богом! — отстреливаются им в ответ. — И за один день!

Потом пальба затихает и начинается маневрирование. На бастионе идеализма вывешивают белый флаг и начинают предлагать разного рода компромиссы.

— Давайте считать, — кричат оттуда, — что духа у человека нет, а только тело и душа. Последней же присущи некоторые свойства духа?

На бастионе материализма возникает оживление и вскоре оттуда кричат в ответ:

— Признайте, что есть только тело, ему же присущи некоторые душевные свойства. На том и сойдемся. Ведь душа есть функция тела. Будьте последовательны!

В лагере идеализма с этим не соглашаются и, видимо, совсем не ведая что творят, спрашивают:

— А как же тогда быть с непогрешимостью папы? Ведь плотский человек способен заблуждаться.

В лагере материализма раздается взрыв хохота, слышатся аплодисменты, и пальба возобновляется. Но с годами дым от нее делается все прозрачнее, и сквозь него начинают проступать контуры некой новой реальности: цитадель, возведенная от земли до облаков, и называется она «Мордор». Это отреставрированный и достроенный в соответствии с требованиями «дизайна» древний замок Клингзора. На его бастионах нет никакой артиллерии. Гигантские ворота между двумя могучими пилонами закрыты, и никто не знает, когда они откроются. Пока же войти в Мордор и выйти из него можно через маленькую калиточку, проделанную в стене. Невдалеке от той калиточки остановилась однажды небольшая группа людей умственного труда и затеяла оживленный спор на популярную метафизическую тему. Речь у них шла об открытии загадочного свечения, исходящего от человеческих рук.

— Это и есть аура! — настаивал один из споривших, по-видимому последователь восточной философии.

— Допустим! — вдруг услышали они незнакомый голос, от которого все вздрогнули.

Оглядевшись по сторонам, они увидели, что от калитки к ним неторопливо приближается мужчина лет шестидесяти шести. На лице его особенно выделялись кустистые темные брови и крупный в склеротических прожилках нос. Пальцы его сцепленных на животе рук напоминали обрубки древесных корней, а всем своим обликом он походил на врубелевского Пана, только вместо голубых, словно карельские озера, на интеллигентов смотрели сероватые, со свинцовым отливом глаза, и взгляд их действовал угнетающе.

— Допустим! — повторил он, вплотную подходя к группе, — Однако это свечение можно сфотографировать. Следовательно, — он учительски поднял палец, — оно материальной природы. А тогда нужно признать, что называемое вами, — он повернулся к последователю индийской философии, — аурой есть одно из проявлений материального мира.

— Это не я называю, — не особенно дружелюбно отозвался тот. — Тысячелетние традиции Востока хранят огромный опыт, который мы, европейцы, игнорировали, а теперь вынуждены признать. Но что вы скажете о других, получивших название паранормальных, явлениях, таких как телекинез и тому подобное?

Мордорец оживился.

— Вы задали очень интересный вопрос, — сказал он. — Именно эти феномены побуждают нас шире, чем мы это делали раньше, взглянуть на материю. «В самом деле, — в голосе мордорца зазвучали патетические ноты, — ведь это понятие включает в себя психическую деятельность человека, энергию Микеланджело, тоску Мильтона, драму Гете, трагедию Достоевского, олимпийское спокойствие Леонардо, грезу Данте. Почему это так? Потому, что между материей и духом не существует онтологической разницы. Начиная с ничтожного и кончая великим. Они являются ступенями, различными качествами одной и той же объективной реальности»¹⁰.

Не сдержав возмущения, я вмешался в разговор. — Послушать вас, чего только в материи нет! — сказал я. — Одного лишь бессмертия недостает!

— Не переходите на личности, — жестко отрезал мордорец и, обращаясь к группе, продолжал: — Я приведу вам одно высказывание Николая Рериха. С вершин Гималаев этот мудрец в своей гениальной «Общине» возвещает: «Нужно до такой степени обосновать материализм, чтобы все научные достижения современности могли войти конструктивно в понятие материи.

Мы говорим об астральных телах, о магнитах, о свечении ауры... о посылках мысли через пространство, о явлении цементирования пространства... Мы, материалисты, имеем право требовать уважения и познания материи». И еще он говорит: «В учении Будды мы находим материалистическую философию».

Мордорец умолк, и возникла полная значения пауза, а потом заговорил человек средних лет, манерой речи обнаруживая свою принадлежность к академическим кругам. Он сказал:

— Возьмите, к примеру, НЛО. Факт их существования не подлежит сомнению. О чем он говорит? Что во Вселенной существуют цивилизации, значительно обогнавшие нас в интеллектуальном развитии. Их летательные аппараты демонстрируют независимость от сил инерции и гравитации.

— Да, это любопытный феномен. Но наука пока не дала ему окончательного подтверждения, — тоном деланной объективности отозвался на это мордорец.

— Какая наука? — с жаром воскликнул человек средних лет. — Это бюрократы от науки делают все возможное, чтобы не допустить контактов с мировым разумом, понимая, что тогда обнаружится вся их глупость. В действительности же уже найдены тела гуманоидов и обломки потерпевшего аварию НЛО. И вообще, — скороговоркой закончил он, — с гуманоидами контакт уже установлен. Они наблюдают за нашей планетой, чтобы не допустить возникновения атомной войны.

Мордорец слушал, сочувственно кивая головой, а когда наступила пауза, заговорил, имитируя воодушевление:

— Мне хорошо понятно ваше негодование, ваш духовный подъем. Многое, в чем сомневаются сегодня, завтра может стать фактом науки. Все относительно! Ведь что такое человек в конце концов?

Поставив сей риторический вопрос, мордорец выдержал паузу и элегически, что при его внешности выглядело довольно комично, сам на него ответил, процитировав Карлоса Кастанеду: — «Пузырь энергии!» А что такое Вселенная? Она возникла в результате расширения, которое длилось всего 10^{-30} секунды! «Разлетаясь, расширяясь во все стороны, — мордорец снова перешел на патетический тон, — материя отодвигала безбытие, творя пространство и начав отсчет времени...» Но некогда произойдет «схлопывание Вселенной. Она уже вступила в эпоху своей гибели». Она вернется в исходную точку. Разумеете? Вот откуда взялись разные апокалипсисы и прочее. А потом опять произойдет взрыв. «Праматерия ринется во все стороны, раздвигая и творя пространство. Опять возникнут галактики, звездные скопления, жизнь». А поскольку время движется по замкнутому кругу, то «значит, — он потряс пальцем, — число гибелей и возникновений» Вселенной бесконечно! Эта мысль была известна в Шумере, Риме, о ней знали Демокрит и Пифагор.

Мордорец жестом сдвинул всех в крут потеснее и заговорил доверительно:

— Существует так называемое реликтовое излучение. Это волны миллиметрового диапазона — след сверхплотного, сверхраскаленного состояния Вселенной. Излучение это, оказывается, приходит не только из прошлого, но и из будущего! Это отблеск «мирового пожара», — разумеете? — исходящего из следующего цикла, в котором рождается новая Вселенная. Исследователи уже говорят о «внутреннем опыте», о своего рода «памяти молекул», атомов, элементов, частиц. В момент схождения материи информация в ней не уничтожается. Вы понимаете, к чему мы подходим? «Мысль о вечном повторении, вечном возвращении всего сущего присутствовала в сознании человека практически всегда... В этом вечном повторении всего, бывшего некогда, все опять совершит свой круг, и опять начнутся новые войны, и снова могучий Ахилл отправится к Трое». Все уже было и будет несчетное число раз!

По мере того, как мордорец говорил, слушавшие все теснее смыкали круг. А он перешел на совсем интимный тон:

— «Знакомо ли вам ощущение, когда что-то происходящее кажется знакомым, словно все это вы уже видели?» «Путешествуя как-то из Страссбурга в Друзенгайм Гете на какой-то миг почувствовал себя в некоем сомнамбулическом состоянии и вдруг увидел себя со стороны. Однако в другом платье, которого никогда не носил. Через восемь лет он снова проезжал это место и с удивлением обнаружил, что одет точно так, как это привиделось ему некогда...» И таких примеров много. Все они дают повод к размышлениям, «как и слова Христа, будто бы произнесенные им накануне распятия: «Все же сие было». ...все происшедшее, происходящее и то, что еще должно произойти, — неисчезаемо, неуничтожимо и пребывает вечно. Как пребывают вечно все живущие сейчас и жившие когда-то»¹¹.

Мордорец умолк. Круг снова расширился. Волнение покрывало лица слушавших румянцем, глаза их блестели восторгом. Во мне же боролись два чувства: желание рассмеяться перемежалось волнами какой-то безысходной тоски. Тут я увидел, что в нескольких шагах от нас стоит служитель культа и, пылливо всматриваясь в наши лица, мерно поглаживает пышную курчавую бороду. Увлеченные рассказом мордорца, мы даже не заметили, как он подошел. А еще я увидел приближавшегося к нам другого мордорца. Оказывается, по ту сторону ворот была еще одна калитка. Из нее он и вышел. Этот мордорец был полной противоположностью первому. Элегантный серый костюм сидел на нем безупречно. Из-под узких, укороченных рукавов выглядывали накрахмаленные манжеты. У первого мордорца рукава мешковатого темного костюма закрывали кисти рук до половины. Отличались мордорцы и прической. У первого волосы располагались на голове как хотели,

а виски были высоко застрижены. Второй, видимо, только что вышел из парикмахерской. Волосы его были уложены на пробор, а виски закрывали тщательно подстриженные седоватые бачки. Приближаясь к нам, он улыбался приветливой, но искусственной, словно у диктора телевидения, улыбкой. Пока он подходил, заговорил приверженец НЛО. Кося глазом на служителя культа и явно имея в виду его, он сказал:

— Во всех религиях мира имеются свидетельства, что космические пришельцы уже неоднократно бывали на Земле. Да и кто такие сами основатели религий, как не эти пришельцы? Их принимали за сверхлюдей, и они таковыми и были, поскольку владели более высокими энергиями.

— Йоги достигают того же с помощью дыхательных упражнений, — заметил последователь индийской философии.

— И не только они, — возразил приверженец НЛО. — С помощью аутотренинга тонкими энергиями может овладеть всякий. Но я хочу сказать о религии. Посудите сами, Христос в Евангелии то и дело читает мысли на расстоянии...

Но тут служитель культа перебил его. Нараспев и окая, он произнес:

— Слова, слова, слова!

Все оживились.

— Напрасно вы так думаете, — игриво улыбаясь, как это делают взрослые, беседуя с детьми на недетские темы, сказал мордорец, — между нами возможно взаимопонимание, только для этого нужно идти на взаимные уступки. А главное — нужна терпимость. Пусть для вас Христос явился сверхъестественным путем, а для нас — естественным, как человек больших дарований, подобный, например, Конфуцию или Магомету.

— Кроме того, — поддержал первого мордорца второй, — нас сближают и социальные цели. Вы ожидаете, что он опять придет, чтобы утереть слезы униженным и угнетенным, накормить голодных, дать кров бесприютным, — но таковы и наши цели.

Служитель культа посмотрел на него с недоверием, и тот, заметив это, продолжал:

— Я понимаю, вам мешает опыт прошлого. Но мы живем в новой реальности. Перед церковью поставлены большие задачи: вести патриотическое воспитание, бороться за мир, заниматься благотворительностью.

Тут я опять не сдержался.

— Представим себе, — сказал я не без резкости, — православных, католиков, протестантов, как все они занимаются патриотическим воспитанием в Италии, Франции, Германии, России, а светская власть между тем вступает в политические конфронтации.

Как тогда быть церквям? Испокон веков у церкви была одна задача: помогать людям находить связь с Богом.

— А как тогда быть с «кесарево кесарю»? — возразил мне первый мордорец.

— Церковь платит налоги, — ответил я.

— И немалые, — добавил слижитель культа.

— А еще, — продолжал я, явно горячась, — не замечаете ли вы, что, говоря о материи, вы перешли от науки к своеобразному вероучению? Вы наделили материю всеми свойствами духа. Вы уж простите меня, но из сказанного вами возникает тот самый фидеизм, в котором вы обвиняете всех духовно ищущих.

— Вы не правы, — холодно возразил мне первый мордорец. Он назидательно поднял свой похожий на сук палец. — Мы во всем основываемся на опыте, на эксперименте.

— Не об опыте речь, а о том, как вы его истолковываете, — сказал я. — Вот пример: лишь из математических вычислений следует, что при движении со скоростью света масса убывает до нуля. Вы же утверждаете, что живой человек при таком движении начнет молодеть, вернется к младенческому состоянию. А потом, что будет с ним? Он начнет минус-жизнь? И вообще, вы и откровенной магии уже придаете наукообразный вид. Ваши ученые «исследуют» всякие виды ворожбы и колдовства, нарекли их парапсихологией, даже «моделируют» новые виды заговоров и прочей чертовщины. Я не выдумываю — об этом пишут в газетах. А возьмем массовую культуру, что происходит в ней? Не магия ли это, не откровенный ли шаманизм? Однако вы напшились и тут. С ученым видом вы объявили: «Рок-лаборатория!» Пройдет немного времени, и вы откроете «порно-академию».

— Ладно тебе устраивать охоту на ведьм! — дружно заворчали на меня люди умственного труда, и в их голосах я уловил знакомые интонации народного негодования. А самый молодой из них, видимо, десятиклассник, так даже закричал на меня:

— Вам бы только запрещать! Чтобы крутом ходили, взявшись за ручки, подстриженные мальчики и девочки в платьицах.

— Да причем тут запреты! — сказал я с досадой, сбитый с толку его горячностью. Но потом я как-то вдруг сразу успокоился, и мне захотелось, чтобы он понял меня. Я стал рассказывать ему, какую роль в африканских культах играла ритуальная музыка, послужившая прообразом для всех экспериментов с поп-музыкой. Я попытался также объяснить ему, сколь могуч европейский музыкальный гений и как, будучи лишь направленным по ложному пути, он углубил суггестивное, разрушающее личностное действие африканских ритмов и т. д.

— Вначале вам кажется, — сказал я, — что вы как-будто бы самоутверждаетесь, собираясь вокруг рок-ансамблей. Они для вас

некие символы протеста против того, что в обществе уже отжило свой век. Но, скажи мне — это длится не одно десятилетие, — где плоды этого самоутверждения? Где яркие, сильные, независимые индивидуальности, воспитывавшиеся с детства на поп-музыке? Их нет. И речь все больше заходит о потерянных поколениях.

Пока я говорил, мордорец насмешливо посматривал на меня и не перебивал. Он был абсолютно уверен в провале моего намерения и, когда я закончил, небрежно обронил:

— Он заснул, слушая тебя.

— Но не его, а наша с тобой в том вина, — сказал я. — Ты отучил его мыслить, а я пока не нашел нужных слов, которые были бы ему понятны. Но я надеюсь их найти. Ибо и в нем, и во мне одна и та же искра Божия. Как, впрочем, и в тебе? — добавил я вопросительно.

Но от моего вопроса мордорец вдруг ошетинился.

— Спасай себя, — злобно проворчал он. — И не суйся, куда не просят.

Тут из-за его спины появился еще один мордорец, своим видом напугавший меня элегантного черта из «Сказки» Василия Шукшина.

— Славяноффылы! — брезгливо процедил он сквозь зубы.

— А ты не думай, что я за тебя! — вдруг храбро вскинулся против мордорца десятиклассник. — Я хоть и не все понимаю, о чем он говорит, — он мотнул головой в мою сторону, — но и таких, как вы, насквозь изучил! — и он дернул ворот рубахи.

Разрядить возникшее напряжение попробовал служитель культа.

— Ваша общая беда, дети мои, — мягко сказал он, — состоит в том, что вы слишком отделились от церковной ограды.

Мордорец скорчил презрительную гримасу и заговорил, обращаясь только ко мне:

— Я тебя, умника, уже давно заметил. — В его голосе зазвучали интонации Джона Сильвера, которые я почему-то постоянно ожидал от него услышать. — Что ж, поговорим откровенно. Эти, — он презрительно махнул рукой в сторону своих собеседников, — и слушая, ничего не услышат.

При этих словах мордорца я с ужасом увидел, что лица у них вдруг словно погасли, словно их мгновенно объяла дремота.

— Ты правильно догадался, — продолжал мордорец, — что речь ныне идет о суперидеологии, которая всех бы удовлетворила и все бы объяснила и объединила. Кирпичами в возводимый нами храм знания лягут все: и Кант, и Эйнштейн, и Гегель, и Дарвин, даже ваш Соловьев и ваш Иошуа. А если некоторые, вроде тебя, не захотят войти в тот храм, то вам просто не останется места в мире.

И снова впадая в патетический тон, мордорец довольно долго развивал передо мной картину будущего устройства мира. Что-то

знакомое то и дело слышалось мне в его словах. Позже я понял, что это были перепевы из «Легенды о Великом Инквизиторе» Достоевского и из известных антиутопий. В заключение мордорец подвел такой итог:

— Итак, ваша карта бита! Поймите хоть это.

Его речь, должен признаться, подействовала на меня чрезвычайно угнетающе. Она не производила впечатление бреда или пустой утопии. В ней звучало основательное знание дела. Когда он закончил ее, я не нашелся, что ему возразить, и лишь промямлил что-то в том духе, что мы не играем в карты.

Так как же вы собираетесь нас обставить?! — торжествуя и с сарказмом воскликнул он, и мордорцы преувеличенно дружно рассмеялись.

Но тут мне на помощь пришел кое-кто из тех, на кого речи мордорцев не производят никакого впечатления.

— Мы просто объясним вас, — сказали они.

Эти слова сразу изменили всю картину. Первый мордорец от мгновенного прилива ярости сделался иссиня-багровым и что-то силился сказать, но органы речи не повиновались ему. Из калитки позади него протянулись необычайно длинные руки и, схватив его за воротник, втянули вовнутрь.

И уже из-за калитки донесся групповой вопль:

— Не позволим!

Элегантный мордорец быстрым шагом отправился к старому бастиону идеализма. А над порталами Мордора, взвились отвратительные назгулы. Голосами, от которых по спине побежали мурашки, они завывли:

«Так действуй, насилие!

Почувствуйте, стихийные духи,

Силу своего владыки...!»

Из зловещей Минас-Моргул подземным гулом, сотрясая землю, донеслось:

«Бороться буду»!

А из ясного неба, голубизна которого, по словам Гете, уже сама есть теория, прозвучало в ответ:

«Служа Богам борьбою!»¹²

И все стихло. И пока Мордор инвертирует, мы продолжим наше введение.

Что особенно важно понять в современном материализме — это его намерение стать вероучением, столь же универсальным, как Христианство. Такое намерение должно было возникнуть с неизбежностью, поскольку вставшая на путь научно-технического прогресса цивилизация потеряла «ключ к сущности человека»

(К. Ф. Вайцзекер); она впала в атеизм нового типа, который не следует понимать традиционно, как результат разочарования научно мыслящих людей в старых догматах веры. «Обезбоживание» мира, как предупреждает Хайдеггер, «не означает простого устранения богов, грубого атеизма. ...Возникшая пустота заполняется историческим и психологическим исследованием мифа»¹³. Но делается это весьма своеобразно. Поскольку духовный вакуум постепенно охватывает, фактически, все пространство культуры, то «научный» или, как он себя называет, «диалектический» материализм, превращаясь, так сказать, из проблемы «давления» в проблему «всасывания», видит свою задачу в том, чтобы попросту подменять содержание понятий и представлений, которыми живет культура, сохраняя их внешнюю традиционную форму. По этой причине он заводит речь о бесконечном утончении энергий, чем как бы упраздняется сама необходимость говорить о какой-либо иной, кроме физической, реальности. Объявлявшийся прежде вторичным, физический мир наделяется всеми атрибутами мира духовного, в силу чего спор о существовании духа подменяется такой дилеммой: считать ли галлюцинации и бессознательное за чувственную реальность или всякую духовную реальность принимать за галлюцинации?

При такой постановке вопроса мало что остается от науки, она тогда перенимает приемы теологии, в ней умирает интерес к поиску истины. Вот почему, отстаивая ныне духовно-научное мировоззрение, необходимо в первую очередь помнить гетевский принцип:

Обдумай что,
Но более обдумай как.

Этот принцип приобретает поистине общеметодологическое значение, и не только в науке, но и в религии, и в искусстве. Ныне, говоря языком спортсменов, «планка» познания, отделяющая человека от истины, поднята на большую высоту, и не столько за счет объективных факторов культуры, таких как абстрактное искусство, атональная музыка, новейшие естественнонаучные открытия, сколько за счет недобросовестности при насаждении господствующих воззрений. Поэтому в наш век требуется несравненно больше сил самосознания, чем в прошлом, чтобы такую «планку» преодолеть. Рассмотрим это на двух больших примерах, образующих, по нашему мнению, существенную часть описанной выше цитадели.

Пусть первым примером будет психоанализ. Лишь через понимание того, как он создавался и как подается широкой публике, можно разглядеть его истинное существо. В Восточной Европе он долгое время был под запретом, благодаря чему к нему развился огромный интерес, в известной мере метафизического свойства. Серьезное его

изучение было исключено, поскольку была изъята соответствующая литература. И тем не менее, уже лет пятнадцать-двадцать тому назад полуофициальная апологетика психоанализа служила признаком утонченной учености. Его критика с позиций диамата почти никем не принималась всерьез и рассматривалась как неизбежная дань идеологии. Неофициальная же критика грозила повлечь за собой для того, кому он не нравился, обвинение в непроходимом провинциализме и презрении.

В силу разных причин психоанализ обрел популярность. Одна из них заключается в его легко доступной методологии, создающей иллюзию, будто она способна «открыть дверь» любой тайны, дать ключ к решению всех мировых загадок. Сфера примеров, иллюстраций, аналогий, которыми оперирует, например, Карл Юнг, подкрепляя свои медицинские выводы, включает в себя и философию, и литературоведение, и древние культы, древние Мистерии, и толкование мифов и всех религий мира, и многое другое. Мало кому доступна такая широта познания, и потому многие интерпретации Юнга попросту принимаются на веру.

Однако если кто-то хорошо разбирается хотя бы в одной из затрагиваемых Юнгом сфер культуры, то он легко поймет, кому особенно импонирует психоанализ. Это та, к сожалению, весьма многочисленная категория людей умственного труда, наиболее характерные свойства которой — поверхностность знаний и вместе с тем претензия на широкую эрудицию, интеллектуализм, не затронутый и малейшим чувством ответственности за познание, за истину. Люди подобного рода находят в психоанализе прямо-таки блистательный выход из своего неустойчивого положения. Достигается это следующим образом. Представим себе людей, серьезно занимающихся, скажем, раннехристианским или средневековым периодом истории философии. Им хорошо известно, насколько они трудны, загадочны, и даже не будет преувеличением сказать — сокровенны. Однако Юнг утверждает, что это вовсе не так. Достаточно лишь понять психологический тип всех этих, кажущихся столь таинственными, индивидуальностей: Оригена, Тертуллиана, Эригены, Абельяра и др., — чтобы открылось, сколь элементарна сама природа их идей. Кроме того, каждому интеллектуалу Юнг предлагает в подходе к любому уму, любому гению встать на позицию врача, имеющего перед собой психически нездорового пациента. Ну и, наконец, необоримо привлекательна возможность обронить мимоходом в кругу «людей знания»: «А, Тертуллиан? Так это же классический интроверт интеллектуального типа!» Или: «Ориген? О, как понятен мне его «*sacrificium phalli*»!»¹⁴.

Чтобы не быть здесь голословными, сошлемся на одного маститого историка, Б.А.Рыбакова, которому мы в свое время были обя-

заны продлением русской древности вплоть до каменного века и на которого не посмеет не сослаться ни один исследователь, берущийся за тему древнерусской истории. В своем последнем труде «Язычество древней Руси» (Москва, 1987), написанном, как и все предыдущие, с позиций самого «магистрального» диалектико-материалистического метода, Рыбаков позволяет себе такую новацию: «...позволю себе высказать догадку относительно этимологии имени «скифского» Аполлона (имеется в виду герой скифской мифологии Гойтосиф. — *Авт.*). В славянских языках «гойный» означает «изобильный»; «гоити» — «живить». «Гоило» переводится как фаллос, и поэтому выражение русских былин «гой-еси, добрый молодец» означает примерно: «*viro in plenis potentia*»*) (с. 70). По прочтении такого пассажа трудно удержаться от комплимента и не воскликнуть: «До чего свежо и оригинально!»**

Интересно, что сам Юнг довольно легко сознается в своей некомпетентности в культурологических вопросах. В «Психологических типах» он пишет: «Кончая эту главу о принципе типов в истории античного и средневекового духа, я вполне сознаю, что не дал ничего, кроме простой постановки вопроса. Моя концепция недостаточно велика, чтобы исчерпать эту трудную и обширную проблему»¹⁵. А в другом месте он вообще говорит о том, что всецело ограничивает себя психологическим аспектом и не берется судить по существу затрагиваемых им иных областей знания, что его «компетенция недостаточно велика». Но все подобного рода признания Юнга, смеем утверждать, есть не более чем уловка, рассчитанная на то, чтобы обезоружить критическое отношение к своим сочинениям. Ибо уже в предисловии к цитированному труду он пишет: «...убежден, что психологическая точка зрения, приведенная в этом моем труде, имеет *всеобщее значение, всеобщую значимость*» (подчеркнуто нами. — *Авт.*). Это неправда, что Юнг лишь ставит проблему. Он судит, судит решительно и решительно обо всем: о сущности культуры, науки, религии, — и в конечном счете предлагает целое мировоззрение, за пределами которого не остается практически ничего.

Но оставим все сказанное нами лишь как преамбулу и обратимся непосредственно к методологическим посылкам Юнга. Примечательно, что в энциклопедиях его характеризуют как психолога и философа-идеалиста. Однако его психологический метод является всецело естественнонаучным и материалистическим. Об этом свидетельствует один из наиболее горячих приверженцев

* За написание латинской фразы ответственность несет автор цитированной книги.

** И еще хочется надеяться, что ни у кого не возникнет наивного вопроса, типа: так как же тогда, выходит, приветствовали друг друга древнерусские люди?

Юнга, редактор и издатель авторизованного перевода на русский язык его избранных трудов на русском языке Э. Метнер. В предисловии ко 2-му тому он прямо заявляет: «Психология имеет право проникать во все области, где действует душа человеческая... естественнонаучным методом». Так и поступает Юнг, хотя сам о своем методе высказывается противоречиво. Но, может быть, эту противоречивость также следует включить в его метод, ибо прослеживается она у него повсюду и вряд ли носит случайный характер. Так, на первой странице введения к «Психологическим типам» он пишет: «Мысли, нашедшие свое выражение в этой книге, возникли постепенно, прежде всего из бесчисленных впечатлений и опытов, практически приобретенных мною в качестве психиатра и врача-невролога». Из сказанного следует, что Юнг в своих исследованиях пользовался индуктивным методом, широко и вполне правомерно нашедшим свое применение в естествознании. Но тремя страницами ниже он заявляет: «...я принужден ограничиваться изложением принципов, выведенных мною из множества единичных фактов, которые мне приходилось наблюдать (т. е. добытых индуктивно. — *Авт.*). При этом надо заметить, что мы имеем дело не с *deductio a priori*, как может показаться, а с дедуктивным изображением эмпирически добытых пониманий». Как следует понимать эту двусмысленность? Вероятно так, что под выводы, добытые в узкой области эмпирической психиатрии, автор берет на себя смелость подвести обобщения, касающиеся всей культуры человечества, которые он добыл каким-то другим, не известным нам способом.

Претензия психоанализа на роль дедуктивной науки понятна. Ведь это дает право исходные посылки подавать так же аксиоматично, как это делают, скажем, в математике. Однако реального права так поступать мы за психоанализом признать не можем. Его попытка интерпретировать все культурное развитие как психиатрический факт попросту фантастична и не основывается ни на чем.

Юнг стремится абсолютизировать декларированные им психологические типы, и на этой основе делает выводы вроде следующего: «Затемнение суждений о себе встречается так часто потому, что каждому более выраженному типу *свойственна тенденция к компенсации односторонности своего типа* — тенденция биологически целесообразная, ибо она вызывает стремление поддержать душевное равновесие»¹⁶. Иллюстрируя далее свою мысль многочисленными примерами, Юнг не находит в истории цивилизации ни одной уравновешенной личности, а потому выходит, что все культурное творчество представляет собой не что иное, как стремление «компенсировать односторонность своего типа», обремененное, к

тому же, сексуальным энергетическим «либидо»*. Исходя из этой предпосылки, общий вывод о природе феноменов культуры напрашивается сам собой. Юнг великодушно предоставляет сделать его нам, помогая еще одним наставлением, что односторонность типа является нездоровьем и компенсировать ее целесообразно всеми способами, в том числе даже «биологически» (трудно сказать, что он подразумевает под этим).

И еще Юнг предупреждает, что каждый из нас отклоняется в ту или другую сторону, и «поэтому вполне естественно и то, что мы всегда склонны понимать все в смысле собственного типа»¹⁷. Ну, а это, «вполне естественно», дает нам право сказать, что и вся теория Юнга есть не более, чем проявление односторонности его типа. Подобную мысль высказал в свое время Рудольф Штайнер по поводу З.Фрейда. «Попробуйте, — говорит он в одной из лекций, — трактовать Фрейда в том же духе, как это делает он сам, выводя все вещи из подсознания, и вы должны будете сказать: фрейдова теория пришла из сексуальной жизни, она есть результат лишь сексуальной жизни» (178; 11.XI)**. Юнг, правда, оказался предусмотрительнее Фрейда и, угадав возможность такого возражения, попытался в свойственной ему манере «запутать следы». «Цель науки, — пишет он, — благодаря научному пониманию возвыситься над тем, что лишь опытно-познаваемо; цель эта всегда останется продуктом субъективной психологической констелляции исследователя, несмотря на всеобщую и доказанную значимость. ...Мы видим в объекте то, что лучше всего могли бы видеть внутри самих себя». Юнг заявляет это в начале «Психологических опытов», а в конце еще добавляет: «... я думаю, что к психическому процессу можно применить еще несколько других, столь же «истинных» объяснений, и притом столько, сколько существует типов. И эти объяснения будут уживаться друг с другом так же хорошо или так же плохо, как самые типы в их личных взаимоотношениях. ...Что бы мы ни стремились исследовать с помощью нашего интеллекта — все приводит в конце концов к парадоксальности и относительности»¹⁸. Перед такой «веротерпимостью» ученого остается лишь развести руками, поскольку взгляда шире этого уже не бывает. Только что тогда делать с уже упомянутым утверждением Юнга: «...убежден, что психологическая точка зрения, приведенная в этом моем труде, имеет всеобщее значение, всеобщую применимость»? Ответ на этот вопрос, по-видимому,

* Делаемая Юнгом оговорка, что «каждому человеку присущи оба механизма» — интроверсии и экстраверсии, — мало чего стоит, поскольку развития он этой мысли не дает.

** Для цитат из сочинений и лекций Рудольфа Штайнера указаны в скобках порядковый номер тома по каталогу Издания Полного Наследия (ИПН) и число или страница.

элементарно прост: «Да ничего не делать! Кто хочет — принимай одно, кто не хочет — принимай другое».

Так раскрылось нам деструктивное мышление психиатра Карла Юнга, вслед за которым он хочет увлечь и нас. Правда, он обещает некий выход из шизофренически двоящейся дилеммы, состоящий в том, что субъективные умозаключения, полученные на основе односторонних, а следовательно, болезненных переживаний типов, могут быть приведены к «высшему синтезу». Но в это мы позволим себе просто не поверить, ибо — чем синтезировать? Интеллектом? Но он приводит к «парадоксальности». «Биологически»? — А как это сделать? Одним словом, нам остается лишь осуществлять «высший синтез» ряда «парадоксальностей». Таков, согласно Юнгу, итог теории познания и науки вообще. На самом же деле это итог одной только психоаналитической науки.

Таково «как» психоанализа. Наибольшее, что можно сделать, оценивая его, так это действительно отнести его на счет «собственной психологической своеобразности»¹⁸ создателей. Поняв это, мы уже с большей свободой можем обратиться к психоаналитическому «что». Посмотрим, как трактует Юнг сущность Христианства, вокруг которого в основном и вращаются его культурологические опусы. Особенно ярко «идеализм» юнговских воззрений раскрывается в его определении души. Он отличает ее от психики. Последнюю он определяет как «совокупность всех психических процессов, как сознательных, так и бессознательных»¹⁹. К душе он относит лишь «ограниченный комплекс функций, который лучше всего можно было бы охарактеризовать как «личность»²⁰». И далее он ведет речь о синдроме «расщепления личности» и о тех способах, которыми личность пытается это замаскировать. Она вырабатывает определенные установки, среди которых «внешнюю установку, внешний характер, — говорит Юнг, — я обозначаю словом «персона»; внутреннюю установку я обозначаю термином *анима*, душа». Таким образом, душа — это всего лишь «установка» личности по отношению к самой себе, к субъекту. А что есть субъект? — Его образуют «прежде всего все те неясные побуждения, чувства, мысли и ощущения, которые не притекают с наглядностью из непрерывного потока содержательных переживаний, связанных с объектом, но которые всплывают ...из темных внутренних недр... лежащих за порогом сознания, и в своей совокупности слагают наше восприятие жизни бессознательного»²¹. Ну, а если это так, то все переживаемое ясным бодрственным сознанием — эстетические переживания и т. п. — остается объявить вторичным и — не побоимся сказать — «надстроечным» по отношению к странному «базису», «шлему души», поднимающемуся со дна бессознательного. К таким результатам фактически приходит бодрственное, предметное, рефлетирующее сознание Юнга.

Вторым краеугольным положением психоаналитической трактовки души является учение о «либидо». Основоположником этого учения является Фрейд, однако, как утверждает Э.Метнер, Юнг оказался «научно вынужденным одним решительным поворотом положить начало своей сексуальной энергетической теории Либидо»²².

И вот с такими установками Юнг принимается за анализ Христианства. Опасаясь за способность читателя следовать за юнговскими экскурсами в эту область, популяризатор его трудов Э. Метнер призывает нас к научной дисциплине. Он пишет в предисловии к труду Юнга «Либидо, его метаморфозы и символы»: «Многое в настоящей книге может показаться благочестивому читателю еретическим, кощунственным, если он не примет во внимание особой установки и особых прав научно-психологического исследования. Хладнокровное сопоставление низин душевных с вершинами духа может вызвать чувство возмущения, и однако аналитико-психологический скальпель, беспощадно, казалось бы, врезающийся в организм религиозной жизни, на самом деле нисколько не лишает жизненности ту душевную ткань, которая необходима для жизни духа; и, открывая инфантильные либо архаические психологизмы этой ткани, он может даже привести к оздоровлению духа и оказать услугу его подлинно ценному религиозному зерну».

Удержим в памяти это метнеровское обещание и последуем за юнговским «скальпелем», которым он взрезает Христианство. Сделаем это не ради познания, ибо мы, люди конца XX века, ничего принципиально нового здесь не встретим, но ради долга понимать дух нашего времени и проникать в культурно-историческую симптоматику в поисках выхода из углубляющегося кризиса познания и культуры. При этом дальнейшее изложение мы перенесем в примечания, сознательно идя на риск быть обвиненными в недостатке научного хладнокровия, в ложной скромности, провинциализме и проч. В нашу эпоху значительным элементом в методологию многих наук вошел снобизм, почему, собственно, и приходится столь существенным образом заниматься тем, как ныне подаются идеи, учения, настроения и т. д. Кроме того, нам хотелось бы сохранить за читателем право не погружаться во все те поистине грязные «либидозные» дебри, выдаваемые психоанализом за науку. Поэтому перенесенное в примечания пусть будет предназначено тем, кому изложенное на этих страницах покажется недостаточно убедительным²³...

Некую квинтэссенцию юнговского «анатомирования» Христианства мы находим в работе «Психология бессознательных процессов». Он там прямо пишет: «Понятие Бога — это лишь просто-напросто (naemlich schlechthin) необходимая психологическая функ-

ция иррациональной природы, которая к вопросу о существовании Бога вообще не имеет никакого отношения. Ибо этот последний вопрос принадлежит к числу наиглупейших вопросов, какие только может поставить человек»²⁴. Дойдя до этого места, иной читатель, возможно, воскликнет: «С этого и нужно было начинать!» Будем справедливы к Юнгу — он так и поступил, сделав это заявление в начале своей литературной деятельности*. Загадкой остается другое: чем руководствовался Э. Метнер, обещая нам «оздоровление духа» и укрепление «религиозного зерна» с помощью психоаналитического «скальпеля». В упомянутом предисловии он старается уговорить нас еще следующим образом. Он пишет: «Изучая произведения Юнга, следует всегда помнить, что он признал и со всей силой высказал эту автономию областей, эту *неприкосновенность искусства и религии*. ...нарушение автономии областей тотчас само обрушилось бы против психологии: она сама была бы признана лишь функцией мозга. Но признать, что все автономные области культуры входят всецело в сферу психологии, что искусство, религия, философия есть не что иное как психология, — значит перейти из особой автономной науки в сферу «панпсихологизма», в сферу особой, дурной метафизики, столь же догматичной, как и «панматериализм»²⁵.»

Если в этом заявлении поменять знаки на противоположные, то мы получим совершенно правильную характеристику психоанализа. Ибо на самом деле Юнг не «признал» и «со всей силой» нарушил «автономию областей» и это обрушилось против самого психоанализа, который в конечном счете представляет собой не что иное, как одну из разновидностей «панматериализма», где все духовное содержание индивидуума сведено к набору функций мозга. И ничего не стоят заявления Юнга о том, что он, якобы, предметом психологии делает не ставшее искусство, а лишь процесс его формирования, не сущность религии, а ее эмоциональные и «символические» феномены. В самом деле, в чем, говоря по существу, разница между догматом «диалектического» панматериализма: «Религия ... (это) фантастическое отражение в сознании людей господствующих над ними природных и общественных сил...», и психоаналитическим: «Понятие Бога — это лишь просто-напросто необходимая функция иррациональной природы...»? Если разница здесь и существует, то она заключается лишь в том, что при определенных социальных условиях, согласно первому определению, религиозных людей принудительно перевоспитывают, согласно второму — лечат. Подобные вещи нет надобности доказывать людям конца XX века. И мы, та-

* Хотя в позднейших изданиях указанной работы оно было снято, но вовсе не потому, что Юнг стал думать иначе, что явствует из всего содержания написанного им в дальнейшем.

ким образом, вновь убеждаемся, сколь это значительно — разглядеть, как подаются идеи. Тогда может случиться, что вся суть дела сведется к простому вопросу: зачем это делается?

Что касается психоанализа, то Рудольф Штайнер, отвечая на этот вопрос, говорит, что психоаналитик в верхних слоях души находит «расовые, национальные связи и т.п., что более или менее бессознательно заявляет о себе в душе; в самом же низу лежит демоническое, особенно неопределенное, «животный донный ил». А затем эти люди, сторонники психоанализа, нередко потихоньку, заявляют, что там внизу, в этих демонических глубинах пребывают те импульсы, которые ведут к гнозису, теософии, Антропософии и т. п.» (168; 3.XII).

Так обнаруживается совпадение взглядов «передовой» философии, «передовой» психологической науки и старой теологии. Поэтому не станем ломать голову над тем, почему по поводу гетевских «Тайн» Юнг заявляет: «Там он пытается принять розенкрейцеровское решение, а именно соединить Диониса со Христом, розы и креста. Это стихотворение не трогает(!). Нельзя вливать новое вино в старые мехи»; или по поводу «Фауста»: «Мы имеем здесь дело с тем исконным образом, которым усердно занимались уже гностики, а именно с идеей божественной блудницы, — Евы, Елены, Марии и Софии Ахамот»²⁶. Для тех, кто не полный дилетант в вопросах христианского эзотеризма и истоков творчества Гете, подобные высказывания Юнга звучат как варварский набор слов, приправленный изрядной дозой пошлости и цинизма. И не может быть большей ошибки, чем принять все это за науку.

Выкладки Юнга интересны с совсем иной точки зрения. Для того, кто разобрался в их природе, они представляют собой один из значительнейших симптомов не должного схождения разнохарактерных феноменов современной цивилизации, вызывающих ее кризис. Что мы имеем здесь в виду? — Лишь изучая нашу цивилизацию симптоматологически, можно с пониманием встретить поразительное совпадение взглядов маститого «философа-идеалиста», которые мы только что процитировали, со взглядами безвестного материалиста из совершенно другого угла этой цивилизации, пишущего, например, такое: «Софиология возникла как своеобразный «гибрид» экстремистских форм богоискательства и ортодоксии ...компромиссный вариант. ...Характер мышления софиологов определяет и специфику языка: многозначного, символического, допускающего различные толкования. Если в утопическом романе Джорджа Оруэла «1984» государство для контроля за мыслями создает особый язык — «двойной разговор», чтобы исключить даже «мысленное преступление», т. е. малейший намек на расхождение индивида с политикой правительства, то софиологи создают язык таких переливчатых символов, таких слов-оборотней, который спо-

собен противостоять языку с фиксированным значением слов. ...София — это сложный идеологический феномен»^{27*}.

Так возводится Мордор. Метод его науки состоит в нагромождении несуразностей, с целью травмировать ими индивидуальное сознание, сбить его с ног, связать по рукам и ногам и кинуть в кучу массового, группового сознания, удерживаемого в заданных пределах силой суггестии. Психопсихиатрия делает это не только своей теорией, но и широкой практикой. Общий итог деятельности психопсихиатрических консультаций, обслуживающих не только взрослых, но и детей, сводится к безудержному росту неврастения, истерии, половой распущенности. В недалеком прошлом в этом еще можно было сомневаться, но не теперь, когда вызрел устрашающий плод сексуальной революции — СПИД. Ибо психопсихиатрия есть одновременно и «крестный отец», и самая «передовая теория» этой, с позволения сказать, революции.

У каждой революции свой исход: у политической — террор, у сексуальной — умирание человеческого «я». Что же касается единственно правомерной революции — духовной, то на нее, после первых двух, у человечества уже не остается сил. Однако только в ней мир обретет решение задач, с которыми связано само его существование. Первая среди них — нахождение сознательной связи со сверхчувственными мирами. И именно здесь психопсихиатрия встает поперек дороги. В нем содержится известная полуправда, когда речь идет о бессознательном, но делается это так, что в результате, как говорит Рудольф Штайнер, происходит «захват мышления подсознанием, волнами чувств в подсознательном, что означает нарушение строя организма. ... Мышление ориентировано на физический план ... Чувство действительно стоит в связи со всеми духовными существами, о которых можно говорить как о реальных. Так что, если человек с недостаточными понятиями погружается в жизнь своих чувств, то он приходит к коллизии с богами — если хотят выражаться именно так, — но именно со злыми богами. ... В сфере чувств человек не может эмансипироваться от связи с духовным миром. Если же он в материалистическую эпоху эмансипируется от духовного мира в сфере рассудка, то тогда в мир своих чувств он будет входить с недостаточными понятиями; и он тогда может заболеть» (178; 11.VI). Он станет тогда одержимым этими вполне реальными злыми существами низшего мира души, что и находит свое выражение в неврастении и истерии. Гипертрофируя к тому же сексуальную сферу, довершают распад личности, затопляют сознание «шлямом» инфернальных существ.

* Напомним, что в русской культуре софиологами являются Владимир Соловьев, Павел Флоренский, Александр Блок, Андрей Белый, кн. Е. Трубецкой и др.

Единственно, что могло бы оздоровить душевную и духовную жизнь людей в наш критический век, — это внесение в культуру, в воспитание, в систему образования конкретных и систематических знаний о бессознательном, о тех реальных духовных существах, которые населяют мир за порогом бодрственного сознания, о высоких Божественных Иерархиях, отношение к которым во все времена составляет основу всех лучших устремлений человечества. Знание о них, в противовес психоаналитическому остроумию, укрепляет человеческую индивидуальность. И этой цели служит Антропософия. Она дает обширное, хорошо увязанное с фактами жизни, науки, культуры знание о сверхчувственном, а главное — науку посвящения, науку о том, как расширить сознание (а не утопить его в бессознательном) за пределы рефлексии и чувственных восприятий, чтобы оно, не теряя ни одного из уже приобретенных им свойств, смогло войти в те сферы бытия, которых привыкли как огня бояться в материалистической культуре.

Наука посвящения существовала во все времена. Но это была не одна и та же наука. Она менялась в соответствии с изменением самого человеческого существа. Многие современные оккультисты, разделяя судьбу материальной культуры, приняли догму о том, что человек, как мыслящее, чувствующее и волящее существо, остается неизменным с той поры, как стал *Homo sapiens*. По этой причине они прибегают к любым оккультным приемам, не различая ни времен, ни народов, и склеивают из них совершенно немислимую практику, подчас довольно эффективно вводящую в сверхчувственное, однако безнадежно уродующую и дух, и душу, и тело. До опасного курьеза граничащую с авантюризмом тенденцию довел Джон Лилли, ставящий с применением наркотиков якобы научные эксперименты.

В противовес всему этому в антропософски ориентированной науке посвящения все строится на укреплении мыслящего я-сознания и на его последующем возвышении и расширении. Подобный процесс всецело соответствует той новой ступени эволюции, к которой подошло человечество, по крайней мере его наиболее продвинутая, европейская часть. Некогда все люди обладали ясновидением, но были групповыми существами. Они утратили его, чтобы индивидуализироваться через выработку рефлектирующего мышления. К концу XIX столетия эта задача была решена, и теперь, хотя того люди или нет, врата сверхчувственного будут раскрываться все шире и шире силой самих законов эволюции. Кто окажется не готов к новым условиям, по доброй воле станет заполнять психиатрические лечебницы, принимая открывающийся сверхчувственный опыт за болезнь. Ищущие же в атеистическом оккультизме будут со все большей легкостью обретать ясновидение, но ничего, кроме социального

хаоса, оно человечеству не принесет. Духовный мир — это мир существ. Все в нем — только существа. Иные из них способны безгранично расширять человеческое сознание, одарять более высокими, чем физическое, формами бытия. Таких существ называют Божественными Иерархиями. Их имена запечатлены в христианском гнозисе. Для других существ, люциферических и ариманических, человек есть лишь средство в достижении неких целей, губительных для самого человека. Они-то и заполняют психоаналитическое бессознательное, ослабляя и разрушая человеческую индивидуальность; они же караулят душу на Пороге сверхчувственного мира, когда она приходит туда с помощью атактистических практик.

Соответствующая нашему времени наука посвящения, которую дает Антропософия, приводит человека в связь с высокими духовными существами, открывающимися через Я. Поэтому она обосновывает и досконально разъясняет духовный опыт до его наступления. Другая ее особенность заключается в способности обновлять все сферы социальной жизни, доходить до повседневных задач любого человека, готовя его таким образом к встрече со сверхчувственным. И человек, вполне сознательно или нет, ныне сам хочет обрести реальный доступ к Божественному не в уединенной молитвенной практике, а именно в связи со всем содержанием своей жизни. Он хочет, чтобы повседневные занятия не деформировали его личность, не вынуждали на поиск еще одной, личной жизни. Удовлетворить такую потребность можно, лишь строя соответствующим образом всю социальную структуру общества, так, чтобы она объективировала всего человека в совокупности его духовных, материальных, гражданских интересов.

Эзотерике следует перестать быть пугалом для слабонервных или прибежищем для шарлатанов. Поэтому новая наука посвящения должна стать доступной всем людям, на всех ступенях их социального бытия, поскольку соединение человека с Богом не может быть уделом лишь избранных.

В массовом сознании сложилось стереотипное представление, что подобными вопросами должна заниматься церковь. Отчасти это так и есть. Только церковь пытается усовершенствовать лишь одну сторону человеческой природы — душу, питая жизнь чувств на самом элементарном уровне. Но человек трихотомичен. И тут церковь ничего значительного сказать не может; более того, она категорически возражает всякий раз, когда кто-то отваживается ставить такой вопрос. Поэтому нет ничего удивительного в том, что поиски сверхчувственного пошли в обход церкви. И поскольку процесс этот объективен, соответствует законам развития, то из Божественного мира навстречу человеческим поискам протянута рука помо-

щи. Из самого Божественного мира звучит призыв христианизировать всю человеческую жизнь. Дело здесь заключается не в том, чтобы на фабрике учреждать Храм Мистерий, но необходимо, чтобы и стоящий за станком знал нечто о духовных процессах, сопровождающих его работу. Школьное воспитание должно служить раскрытию душевно-духовных сил в человеке, а не превращению его в запоминающее устройство, механически следующее набору абстрактных морально-этических норм, не имеющее ни малейшей надежды понять когда-либо их смысл и происхождение. Наконец, гражданское равенство должно из идеала превратиться в действительность.

В определенных кругах как на Востоке, так и на Западе, в мире католицизма, в англо-саксонском мире владеют наукой посвящения, но в силу древних традиций делают из нее тайну, не желая понять, что правила, условия и способы посвящения определяются не снизу, людьми, а сверху — Богами, почему они и приводятся всякий раз в связь с уровнем развития человечества. Две тысячи лет протекло с тех пор, как Архангелом Михаилом — Регентом космической интеллигенции — была разорвана завеса в храме, скрывавшая тайну посвящения. Величайшая из Мистерий — Голгофа — совершилась открыто, на всемирно-историческом плане. Однако для многих оккультных сообществ такой аргумент по сию пору остается недостаточно убедительным, и они по-прежнему продолжают хранить в тайне науку посвящения, давая ее остальному человечеству дозированно и в виде детских сказок об Алисе, храбрых хоббитах и т. п.

В западном мире не хотят считаться с повзрослением человечества. Оно же всеми правдами и неправдами ищет связи с духом, о чем свидетельствуют вспыхивающие, подобно эпидемиям, увлечения восточными гуру с их оккультными практиками, которые дают хоть какую-то духовную пищу. Западный потаенный оккультизм пытается что-то им противопоставить, но тайну посвящения по-прежнему продолжает хранить в узком кругу. Наружу выходят одни суррогаты, у которых лишь одна цель: переключить на себя внимание, уделяемое европейцами восточным учениям. О последствиях подобных действий для западной цивилизации если при этом кто-то и думает, то только с точки зрения сил, стремящихся эту цивилизацию вообще устранить с лица Земли. Одним из феноменов такого рода, несомненно, являются оккультные романы Карлоса Кастанеды, в которых повествуется о некоей науке посвящения, якобы почерпнутой у индейского посвященного. Что фабула этих романов вымышленна, приходится говорить лишь по той причине, что в каждом, кто их прочел, живет страстное желание принимать их за действительность. Следует признать, что автору (или авторам; мы склонны думать, что над ними работает группа довольно опытных

оккультистов) удалось хорошо распознать тоску нашего века по духу. В то же время, он сумел необыкновенно угодить самому обывательскому вкусу к оккультному, учесть определенные слабости своих современников, обусловленные характером материалистической эпохи, а именно: желание понимать духовный мир на манер материального, не обременять себя проблемами морали, познавать сверхчувственное на манер увлекательного зрелища, когда духовно можно пребывать в полнейшей пассивности, отдаваясь любви к авантурным сюжетам, щекочущим притупленные нервы, и т. п.

Сюжет Кастанеды весьма традиционен. В нем с первого же взгляда легко узнается популярная в американской литературе тема о суперменах. Он лишь оснащает ее элементами настоящих оккультных теорий и практик, собирая их, что называется, со всего мира. Об этом вполне определенно говорит один из последователей и популяризаторов «донхуанизма» Лотар Лютге. Во введении к книге «Карлос Кастанеда и учение Дона Хуана», в которой он пытается из романтического сюжета образовать род пособия для повседневной оккультной практики, он пишет: «Описанная Кастанедой спиритуальная система поставлена во всеобщую взаимосвязь с другими эзотерическими учениями, чтобы показать ее общеупотребительность». Она трактует о способах расширения сознания, технике медитации, парапсихологии, йоге, парамедицине; она имеет параллели с описанным Юнгом «процессом индивидуализации». При этом, продолжает автор, Кастанеда не находит нужным заниматься вопросами теории познания. Из абсолютной непознаваемости собираются у него миры, «реальности», описать природу которых невозможно. Объективны они или субъективны — Дон Хуан не знает; их «материально-энергетическая манифестация безгранична» и т. д.²⁸ В этих коротких словах сконцентрировано многое из того, о чем мы уже говорили в нашем введении как о симптомах кризиса цивилизации. На первом месте среди них стоит нежелание заниматься теорией познания. Это сделалось ныне главным свойством подавляющего числа духовных исканий. В результате философский агностицизм перерастает в оккультный, размываются абсолютно все точки опоры для индивидуального, для сознания; галлюцинация получает равные права с иминацией.

Все это мы находим грандиозным образом задуманным и исполненным в романах Кастанеды. В них мир, на первый взгляд, приобретает даже целостный образ, но в виде некоего универсального «нечто», во всех своих частях пронизанного безысходным — иначе и не скажешь — релятивизмом. И, казалось бы, под такой мир можно подвести любую доктрину, но — нет, в точном соответствии с методом Юнга Кастанеды, несмотря на всю неопределенность и неопре-

делимость своих опытов, в основу их, как нечто несомненное, кладет «материально-энергетический» принцип.

Отвечающий духу нашей эпохи оккультизм, утверждая я-сознание как универсальную и автономную основу человеческого бытия, признает за человеком право, и даже видит в том его долг, спрашивать обо всем: что оно означает по сути. Времена, когда ученик в Саисе безмолвствовал перед покрывалом Изиды, миновали. Парсифаль, не решаясь спрашивать о происходящем в замке Грааля, совершает чуть ли не роковую ошибку, которую ему удастся исправить лишь с большим трудом. Все это, видимо, знает Кастанеда, и потому без конца спрашивает, но он задает псевдovoпросы и получает на них псевдоответы, которые расшатывают не столько вредные закоренелые привычки мышления, сколько само мышление. Делается это следующим образом. Что с материалистическими представлениями невозможно войти в духовные миры — это аксиома всякого здорового оккультизма. Поэтому первоначально замысел Дона Хуана в отношении своего незадачливого ученика кажется естественным и понятным. Однако постепенно — через несколько романов! — обнаруживается, что никаких различий во взглядах между учителем и учеником не было, они просто пользовались разной терминологией*. Теперь невыясненными остались лишь частности, но уже заложены все необходимые предпосылки и для их материалистически-энергетического истолкования. Не вульгарного, нет! — ибо хотя и показано, что ничего, кроме материи, в мире нет, но позволено при этом саму материю принимать за сон о сне.

Следует еще отметить, что общий замысел романов Кастанеды не вполне оригинален. Первый его набросок мы находим в повести Ричарда Баха «Иллюзии». Бах в свое время привлек к себе внимание спиритуально тонкой повестью «Чайка по имени Джонатан Ливингстон». Другая его повесть представляет собой нечто совсем иное. Написана она в чисто хэмингуэвском стиле, но автор ставит в ней проблему духовного ученичества в условиях западной цивилизации, т. е. берет явно не хэмингуэвский сюжет, и благодаря стилю основательно её приземляет. Фигурирующий в повести учитель — сам Мессия (его зовут Дон (Дональд) Шимода (Химода); у Кастанеды — Дон Хуан), который работает автомехаником(!) и параллельно совершает разные чудеса. Мессией, как утверждает Бах, может стать любой; все дело заключается лишь в наших психических установках; таким же образом обстоит дело и в Палестине. Весьма сим-

* Для читателей ^{этого} круга чтения растянулся на многие годы. Чтение Кастанеды превратилось в некоего рода школу, в длительный воспитательный процесс, в котором на его нынешнем этапе можно делать любые акценты, выводы, давать любые интерпретации.

птоматично, что в самиздатском переводе повести на русский язык кто-то в весьма удачной стилизации дополнил ее еще двумя главами, где, продолжая фигурирующую в ней «книгу учителя» (своего рода евангелие, которое, якобы, также может написать любой), сформулировал — несомненно вытекающий из духа повести — такой тезис: «Мысль есть такая же форма, как и все, что нас окружает. Если ты веришь, что все вокруг тебя материально, то и мысль такая же».

Что касается связи учения Дона Хуана с индейским оккультизмом, то такая связь, несомненно, имеется. Но она дана опосредованно, сквозь призму старого европейского оккультизма. В одной из лекций Рудольфа Штайнера имеется интересное высказывание: «Американские индейцы ...имели интенсивное сверхчувственное знание, и это знание они приобретали с помощью тех методов, которым позже от них научились англо-американцы и в несколько окултуренном, но благодаря этому и декадентском виде затем сберегали» (192; 20.VII). Такая «окултуренность» и сказывается в том, что в книгах Кастанеды можно обнаружить отзвуки взглядов Канта, Гуссерля, Сартра, Юнга и др. По этой же причине в учении индейца отсутствует какая-либо связь с религиозными и культурными традициями древних американцев. Ни единым словом не обмолвился он ни о добром божестве Тецкатлипока, ни о зловещем Таотле и др., но зато свободно оперирует понятиями кантовской философии, психоанализа, рассуждает о «модальности времени» и т. д. и т. п.

Этого весельчака и добряка ни в малой степени не волнует судьба его соплеменников в настоящее время. Кастанеда объясняет такое поведение тем, что Дон Хуан посвященный и потому стоит по ту сторону добра и зла, где малозначащими оказываются даже различия между белой и черной магией. Что ж, при установках на максимальный релятивизм можно все знаки поменять на противоположные, тогда все одно: любить ли людей или причинять им страдания.

Как в малом, так и в большом, все у Кастанеды условно и относительно. Человек — это некий «сгусток энергии», Мироздание — «эманации», проистекающие из некоего центра, который чисто условно называется «орлом», поскольку Кастанеда категорически против любой персонификации, ибо «нет никакого объективного мира, а есть только вселенная энергетических полей, которые видящие называют эманациями Орла»*. Из таких «эманаций» и состоят

* Здесь и далее цитаты взяты из книги «Огонь изнутри». Этот «орел» весьма симптоматичен, если вспомнить сообщение Р. Штайнера об искушающем западную цивилизацию «зове орла» (230; 19, 20. X).

все люди — «пузыри люминисцентной энергии». Почему люминисцентной? — Неизвестно. Возникает человек в результате «слияния двух частей свечения восприятий, по одной от каждого партнера» (т.е. родителей. — *Авт.*). И живет человек целиком по материалистическому катехизису. «Жизнь моего отца, — говорит Дон Хуан, — и его смерть равным счетом ни к чему не привели... мой отец и мать жили и умерли только для того, чтобы родить меня». Иное дело — сам Дон Хуан. Вступая на путь магии, он не более и не менее, как в своем материальном теле (в одежде и ботинках, разумеется!), влезает в некое иное измерение и там обретает бессмертие.

Будь Кастанеда русским, он, вероятно, не решился бы дать такой рискованный сюжет, ибо он уже есть у Достоевского в легенде о Великом инквизиторе, который говорит, что все люди, подобно траве, живут и умрут, и ничего от них не останется. И лишь избранным суждено бессмертие. Подобного рода концепции необычайно льстят честолюбию обывателей от оккультизма, которым присуща одна диковинная черта. Их моральные представления как бы отодвинуты в дохристианскую эпоху, когда господствовали оккультные теократии и право сильного мага принималось за основной закон.

Согласно Кастанеде, как человек рождается, так и умирает: без смысла, подобно растению или животному. На его «кокон» «люминисцентной энергии» налетает «накатывающая сила», и он сворачивается, как истлевающий лист. И лишь полученные им в жизни восприятия вбираются энергетическими полями (вспомним «перманентный атом» Циолковского), которые лишь ради этого и создают «коконы», называемые людьми. Зачем им это нужно? — Неизвестно. Почему «создают», если все — одни только поля? — неизвестно. Подобные откровения подаются нам на основе иных, не доступных простым людям восприятий. Но не следует спешить называть их сверхчувственными. Для этого, согласно Кастанеде, никаких оснований нет, а значит, и вопрос о противоположности материи и духа является праздным, надуманным. Нет ни духа, ни материи. Все это лишь наименования. Существуют только энергии (т.е. материя!).

Кастанеда вопрошает Дона Хуана, как быть с тем фактом, что существуют радиоволны, ультразвук, а мы их не воспринимаем? Тот отвечает, что мы пользуемся лишь малой частью наших способностей. В нашем «коконе» имеется некая «точка сборки», двигая которую (наподобие ручки реостата или конденсатора переменной емкости) мы можем, кроме нашего, «собрать» еще семь миров и таких, которые не хуже и не лучше того, в котором мы живем. Но что значит «собрать»? — спросим мы. — Означает ли это, что миры создаются наподобие компьютерного моделирования, они не реаль-

ны? — И да, и нет. Определенного ответа на такой вопрос Дон Хуан не дает. В одном месте он говорит Кастанеде: Ты «склонен верить, что все происходит в твоём воображении»; а в другом: «То особое соответствие, которое мы ощущаем как мир, является производным от особого места, в котором располагается наша точка сборки на коконах».

Праксис, через который проходит Кастанеда, напоминает популярные фильмы ужасов, и в то же время — он действительно оккультный. Следует вообще сказать, что все, о чем заводит речь Кастанеда, имеет свои соответствия в тех или иных системах оккультизма, все производит знакомое впечатление и может быть интерпретировано дальше, шире, глубже и яснее, чем это делает Кастанеда. Более того, трудно отделаться от впечатления, что он и сам об этом знает и тем не менее строит иную, совершенно определенную концепцию, цель которой не объяснять, а сбивать с толку.

Когда в своём первом романе он начинает жевать пейот, то в этом просматривается ставшая совершенно упадочной древняя процедура принятия так называемого «напитка забвения», под влиянием которого у ученика древних Мистерий, как говорит Рудольф Штайнер, «мозг, если я могу так выразиться, делался более «жидким», чем он бывает в обычной жизни», и можно было мыслить «больше мозговой жидкостью, чем твердыми частицами», благодаря чему человек приходил к сверхчувственным переживаниям (210; 11. II). Так это было тысячи лет тому назад, когда человек был всецело групповым существом и его мышление лишь в малой степени опиралось на физический мозг. Ныне подобная процедура попросту увела бы человека в мир враждебных ему существ, сделала бы его одержимым ими, что, собственно, и происходит с Кастанедой. Но как такие вещи объяснить приверженцам оккультного материализма, для которых не существует ни Бога, ни черта? Для них вполне убедительно звучит замечание Дона Хуана, что он прибег к пейоту лишь как к невинной уловке с целью поколебать материалистические представления ученика.

Или возьмем переживание Кастанедой чувства страха. В древних Мистериях с его помощью человек приводился в каталептическое состояние, в котором он как бы всасывал в себя то духовно-вечное, Божественное, к которому он подводился опытными иерофантами. Кастанеда приводится в «энергетические поля», в мир ариманических существ, стоящих за физическими энергиями, магнетизмом, электричеством, и их-то он и вбирает в себя. Дон Хуан, если таковой действительно существовал, довольно грамотно ведет Кастанеду путем ариманической инициации, сохраняя свой замысел в тайне

от него. Этому методу он верен во всем. Например, он систематически воспитывает в Кастанеде такое представление о морали, где, учитывая его католическое прошлое, он не предлагает ему прямо принять зло за добро, но делает их понятия относительными. Кастанеда должен воздерживаться от половой распущенности. Но почему? Лишь потому, что «это *единственно реальная* (выделено нами. — *Авт.*) энергия, которой мы располагаем». Ее нужно экономить для «точки сборки». Дон Хуан добряк, но — по чистой случайности, как говорит он сам. Учителями бывают и черные маги. Кому как повезет, и все это только частности. На том пути, по которому идет Кастанеда со своими героями, «любовь так же эффективна, как и ненависть или печаль».

Кастанеда переживает видения двух родов: либо ужасные призраки, либо лишенные всякой образности цветковые явления, лишь отдаленно напоминающие земные ландшафты. Более реальными считаются вторые. И там человека ждет безнадежное одиночество. Образные переживания рождаются с темной стороны «кокона», которая «сумрачна и зловеща»; там пребывает «непознанное, которое никому не нужно» (донный шлам?). Но Кастанеде все же почему-то приходится познавать именно «зловещую» сторону, где находится «страшный склад отбросов и неисчислимая куча человеческого хлама; очень мрачный, зловещий склад», разные фантазии, галлюцинации, видения насилия, убийств и ...духовность, религия, Бог! И тут нам остается только воскликнуть:

«Ба, знакомые все лица!»

Так, поведя нас долго (годы) и увлекательно по морям космического релятивизма, Кастанеда дает нам обрести «почву» под ногами. Ощувив ее, мы отдаем должное автору и говорим: однако, как ловко проделал он с нами свой фокус! И, уже освободившись от чар, лишь с нарастающей тревогой за судьбу человеческой души, мы читаем о том, что переживает Кастанеда на своем «складе». От близости духа, к которому его, наконец, подвел учитель, в нем вспыхивает любовь к людям, желание молиться Богу. Он на самом деле подступил к Порогу сверхчувственного мира. Но Дон Хуан лишь смеется над незадачливым учеником. Ибо Бога-то нет! Он, как уже показал Карл Юнг, есть лишь «психологическая функция иррациональной природы». Перейдя в состояние «видящего», Кастанеда переживает образ, о котором говорит: «Великолепие этого зрелища было выше всего, что я могу сказать... Я знал без тени сомнения, что стою лицом к лицу с Богом, источником всего, и я знал, что Бог любит меня, что Бог есть любовь и всепрощение»; и далее: «Пока я созерцал этот свет со всей страстной силой, на какую был способен,

свет, казалось, сконденсировался, и я увидел человека, сияющего человека, излучающего харизму, любовь, понимание, искренность, истину, — человека, который соединил в себе все доброе, какое только существует... Я упал на колени...» И как реагирует на это Дон Хуан? Он объясняет, что Кастанеда видел всего лишь «шаблон»(!) человека, подобный «гигантскому штампу, который постоянно штампует людей, как если бы их все время подносил конвейер на каком-либо серийном производстве»; мистики совершили «безнадежную ошибку», принимая «шаблон» за «всеидущего Творца».

Если кто-либо, прочтя все это у Кастанеды, скажет, что описанное им не есть черная магия наихудшего сорта, то пусть он тогда объяснит, что такое черная магия вообще. Нет, Кастанеде не повезло с учителем. Его учитель черный маг, прячущийся за маской юмора и добродушия. И все его романы есть описание черноманических, ариманических ритуалов посвящения, инспираторы которого сознательно ведут борьбу со Христом.

Для понимания приемов, принципов такого рода инициации можно многое почерпнуть в сообщениях Рудольфа Штайнера. В одной из лекций, где он излагает кое-что из того, о чем можно прочесть у Кастанеды, он говорит: «Вы, возможно, возразите: как можно быть настолько глупым, чтобы прямо-таки планомерно оторваться от нормального развития и проникнуть в совершенно иной духовный поток? — но это довольно близорукое суждение, суждение, в котором не думают о том, что, исходя из определенных импульсов, люди могут получить страстное стремление искать свое бессмертие в иных мирах, чем те, которые мы называем нормальными. Я скажу так: вы не желаете принимать никакого участия в ариманическом бессмертии? Что же, это ведь очень хорошо! Но поскольку многое среди первейших понятий остается неясным... то человек хочет изъять себя из мира — который мы называем нормальным, — включая теперь и свою жизнь между смертью и новым рождением, и говорит себе примерно следующее: Мы не хотим далее иметь Христа своим водителем, — Который ведь ведет именно через этот нормальный мир, — мы хотим иметь другого водителя, мы хотим встать именно в оппозицию к нормальному миру. — Такие люди через подготовку... получают представление того рода, что мир ариманических сил — это более могущественный духовный мир, что они могут в нем продолжать то, что усвоили здесь, в физической жизни. И теперь уже наступило такое время, когда в подобные вещи необходимо всмотреться. Ибо кто этого не знает ...тот не в состоянии понимать современность. ...Средства оторваться от этого мира, в котором люди достигают своего правильного развития, ставя себя на служение

Христу, средства эти многочисленны, и о многих из них, даже близлежащих, непросто говорить, ибо, касаясь этого близлежащего, не подозревают о том, что при этом соприкасаются с действием оккультных импульсов огромной силы, распространяющихся в человеческой душе» (174; 22.1).

Книги Кастанеды показывают, сколь далеко ушли приверженцы черномagicеских ритуалов в наше время. Им, несомненно, известно, что в мире жизненных, или эфирных, сил Земли совершается второе Пришествие Христа. После специальной магической подготовки, основанной на вживании в мир подприродных, ариманических сил, они подводят своих учеников к переживанию этого События, и те как бы по доброй воле отвергают его. Так готовится новая раса человеческих существ, которая будет вырвана из нормального хода эволюции. Подобное уже случилось однажды, в эпоху древней Атлантиды. В будущем человечество вновь столкнется с особой расой существ, прошедших обработку ритуальной черной магией в нашу эпоху. Они будут особым образом вплетены в силы магнетизма, электричества и вести получеловеческое-полуживотное существование, безмерно развивая в своей среде инстинкты зла. Такое будущее активно готовят вполне определенные группы оккультистов, скрывая свои истинные намерения под различными масками, одни из которых кажутся парадоксальными — вроде догмы о непогрешимости папы, другие — занимательными, подаваемыми в стиле «Великолепной семерки», каковыми являются книги Кастанеды.

В редакторском предисловии к одной из них говорится, что они «стали не только бестселлерами, но превратились в классику, а новость о его (Кастанеды) посвящении в мир магии, колдовства... (стала) частью нашей культуры». Но нет, они стали не частью культуры, а новым выражением материалистического невежества и варварства. Ими в массовую культуру заложен некий фундамент, и теперь, основываясь на нем, Дон Хуан — индеец из племени яки, супермен, оккультист и ковбой — может до бесконечности падать в нужных местах на землю от хохота, незамысловатыми антиномиями ставить в тупик своего простоватого ученика — плод западно-европейской образованности и католического воспитания — и так выгаптывать любую сферу человеческой культуры: философию, эстетику, историю, религию, мораль, науку, возводя меж тем упорно и систематически некую универсальную ариманическую посвященческую науку Мордора.

На основе Антропософии можно было бы без особого труда провести доскональный анализ оккультных подоснов кастанедовских сочинений, и тогда масштабы и характер заложенного в них стали бы еще очевиднее. Но это было бы уже самостоятельным иссле-

дованием, которое не входит в нашу задачу. В нем можно было бы показать, как Кастанеда искажает знание о человеческом двойнике, приписывая «олли» не свойственные ему черты, а романтически поданный «уход» Дона Хуана в «собранные» миры предстал бы тогда перед нами во всем его невыразимом трагизме. Ибо уходит он в так называемую «восьмую сферу», где Ариман готовит субстанцию для особой, всецело отпадающей от Христианской эволюции планеты. Ни одна человеческая душа, говорит Рудольф Штайнер, не смеет желать попасть на ту планету, ибо страдания, которые ее там ожидают, превосходят всякое воображение.

Кастанеда не случайно ставит в центр своих романов индейского посвященного, ибо в кругах американской ариманизированной магии индейский оккультизм играет огромную роль. Истинное содержание того, что через романы Кастанеды предлагается нам в виде туманной, адаптированной для европейского характера эзотерической теории, за пятьдесят лет до их появления раскрыл Рудольф Штайнер. В лекции от 18 сентября 1916 г. он рассказал о Мистериях западного полушария, которые существовали там задолго до открытия Америки. Они обладали определенным учением и «некая единая сила, которой подчинялись и за которой следовали все без исключения, почиталась как призракообразный дух, тот дух, который был преемником великого Духа Атлантиды (Тао), дух, который понемногу приобрел ариманический характер, поскольку хотел действовать со всеми теми силами, которые были правомерными лишь в Атлантиде, а вернее сказать, уже в Атлантиде ариманизировались. ...Этот дух называл себя словом, которое звучит примерно так: Таотль. Это была ариманическая разновидность великого Духа, Таотль — мощное, не нисходившее до физической инкарнации существо». Оно действовало как инспиратор в особых мистериях, где посвященные стремились привести жизнь к такому оцепенению, механистичности, чтобы над земной жизнью могла быть в будущем возведена особая люциферическая планета и люди с земного плана вытеснялись бы на нее, т. е. это был замысел, в котором Ариман и Люцифер как бы протягивали один другому руки. «На полном истреблении всякой самостоятельности, — продолжает Рудольф Штайнер, — всякого внутреннего движения возводилось то всеобщее земное царство смерти, и в мистериях Таотля вырабатывались силы, делавшие человека способным установить такое механистическое земное царство. Для этого нужно было знать большие космические тайны», проявляющие свое действие на Земле.

Мудрость подобного рода живет во всех Мистериях, вопрос лишь в том, как с ней обращаться. В мистериях Таотля эта мудрость сообщалась тем, кто приходил к посвящению с помощью

ритуальных убийств, совершавшихся путем вырезания желудка (такой смертью умерло немало испанцев при завоевании Америки). Тайны сообщались посвящаемому лишь по частям — от убийства к убийству. И когда посвящаемые оказывались достаточно зрелыми, «им сообщалось, какого рода взаимодействие возникло между теми, кого убили, и теми, кого посвящали. Тот, кого убивали, должен был быть подготовлен к тому, чтобы, пройдя через такую смерть, устремиться в люциферическое царство, а посвящаемый должен был получить мудрость для того, чтобы земной шар преобразовать определенным образом и изгнать с него человеческие души. Благодаря тому, что создавалась связь между убиваемым и посвящаемым — не убийцей, а посвящаемым, — для самого посвящаемого также возникала возможность быть взятым с Земли другой душой, т.е. в нужный момент также смочь покинуть Землю».

Конечно, продолжает Рудольф Штайнер, это были мистерии самого возмутительного рода, намеревавшиеся истребить всякий смысл человеческого бытия. Поэтому им были противопоставлены другие Мистерии, подготовленные той сущностью, которая известна под именем Тецкатлипок^ж. В некотором смысле он был подобен Богу Ягве, хотя иерархически стоял значительно ниже. Учение Тецкатлипоки широко пошло в мир, и для борьбы с ним в мистериях Таотля был воздвигнут некий дух, воплощенный непосредственно на земном плане, подобный гетевскому Мефистофелю. Его звали Кватсалькоатль.

С другой стороны, в определенное время в Центральной Америке родилось существо, о котором говорили, что Дева родила его через непорочное зачатие от окрыленного существа, пришедшего с Неба. Это дитя родилось около первого года христианской эры. В его миссию входило преодолеть власть рожденного в мистериях Таотля черного мага, пожалуй, самого великого из всех черных магов, ступавших по земле. Дитя звали Вицлипутцли. Когда оно выросло, ему удалось, в результате продолжительной войны, победить черного мага и заковать его силу, убить его знание и тем снова направить к инкарнациям души людей, уже получивших тягу следовать за Люцифером. «Так не осуществилось то, — заключает Рудольф Штайнер, — что могло бы осуществиться в тех областях, если бы мистерии Таотля принесли свои плоды. Однако в эфирном мире продолжает жить то, что в силах, в дальнейшем действии сил осталось от стремлений тех мистерий. Все эти силы продолжают существовать подчувственно ...Они находятся здесь, они в некотором роде находятся под вулканическим слоем обычной жизни». И когда человек проникает под этот слой, то его там ожидают большие опасности. Потому о них должно быть сказано открыто. А «если о тех силах ничего не будут знать, то они могут

стать непреодолимыми, и условия, бывшие сравнительно благоприятными для человечества в период, когда оно их не осознавало, могли бы обернуться для него сущим проклятием». — И они, можно сказать, уже обернулись! Во всем социальном экспериментировании XX века, с его неисчислимыми жертвами, именно и действуют силы, на которые указывает Рудольф Штайнер, а люди не желают ничего знать о них. В конце века человечеству предлагается еще иным образом встать в их фарватер, приняв их как «классику», как «часть нашей культуры». В дальнейшем такие предложения будут делаться со все возрастающей силой, поскольку в недалеком будущем сама ариманическая сущность воплотится на Земле. Мистерии Таотля видят в нашу эпоху свою цель в том, чтобы всячески способствовать той инкарнации, которая, похоже, состоится на американском континенте.

Рудольф Штайнер говорит, что инкарнацию Аримана предотвратить невозможно. Он имеет на нее право в силу высших законов развития. Но к ней можно и нужно подготовиться должным образом, для чего следует научиться распознавать, как ее готовят в современной цивилизации и какие предпосылки складывались для нее, начиная с древнейших времен. Человечество, некогда бывшее единым, после атлантической катастрофы разделилось надвое. Более отсталая его часть переселилась на запад, на американский континент, более передовая — на восток. Восточная часть подготовила воплощение Бога, Христа, но также и распяла Его. Однако Он победил смерть и ведет к этой победе каждого отдельного человека. Западная часть человечества подготовила воплощение величайшего ариманического посвященного. Посланец Света распял его и заклал его темную силу. Так встают в полярную противоположность величайшее зло и величайшее добро. Силой Христа величайшее зло — распятие Бога — претворено в величайшее благо — спасение человечества. С другой стороны, распятое зло не желает смиряться и надеется все же победить силы добра. В одной из лекций Рудольф Штайнер говорит, что множество душ древних американцев в XX в. воплощается в Европе. По закону реинкарнации души постоянно переходят из расы в расу, из народа в народ. И это правомерный процесс. Но души несут с собой свою карму. Поэтому, несомненно, вместе с душами древних американцев в Европу пришли и посвященные Таотля. И не они ли стоят у истоков колоссальных, бессмысленных, с точки зрения обыкновенного гуманизма, убийств, что творились в Европе, в России, а потом и в Азии? Если это так, значит, Таотль-Ариман накопил огромную силу.

Другую задачу в эпоху души сознательной Ариман видит в овладении сознанием людей. Принудить христианские народы добровольно пойти на ритуальную смерть труднее, чем древних индейцев.

Как обнаружилось, лишь немногие перед смертью добровольно возглашали: «Да здравствует Таотль!» (в большевистских застенках). Но зато в эпоху самосознания можно понудить, причем духовно ищущую часть человечества, добровольно залезать в восьмую сферу с помощью ариманической науки посвящения. Ныне развитие подошло к моменту, когда подобно тому, как в древней Палестине решался вопрос спасения всего человечества, в современной Америке будет решаться вопрос его всеобщей гибели. Задача народов Европы — помочь ей пройти через это труднейшее испытание. Однако, к сожалению, происходит нечто противоположное: американский стандарт культуры, несущий в себе жало ариманической инкарнации, затопляет Европу, а сам заимствует у нее лишь наиболее нездоровые плоды.

В скором времени человечеству будет предложено самым непосредственным образом сделать выбор между Христом и Ариманом, который явится как ожидаемый в физической телесности мессия. Он постарается полностью затмить в сознании людей факт второго Пришествия Христа в мире эфирных сил, уже совершающийся в нашем столетии. Он также назовет себя Христом и нужно будет суметь отличить подлинного Христа от ложного, что без духовного познания сделать будет нелегко.

Таковы лишь некоторые существенные приметы кризиса нашей цивилизации. Нам осталось лишь в немногих словах дополнить их теми специфическими проявлениями оккультной жизни, с которыми мы сталкиваемся на востоке Европы. При этом мы должны специально подчеркнуть, что как в предыдущем изложении, так и теперь наш анализ темной стороны оккультизма не имеет ничего общего с его критикой с позиций диамата. Ибо, во-первых, последний сам темно оккультен по своей социальной сути, а во-вторых, сам по себе оккультизм, оккультное знание есть не только правомерный, но и наиболее существенный элемент человеческой культуры. Это не более чем ариманическая уловка, когда пытаются противопоставить оккультизму якобы «здоровое» материалистическое мировоззрение. На самом деле последнее оказывается лишь одной из худших форм оккультизма. Не лучше обстоит дело и с абстрактным идеализмом. В то же время, если оккультизм, духовное знание, является значительным элементом общечеловеческой культуры, то в нем, как и во всем другом, должны быть светлые и темные стороны. Помочь тем, кто желает в этом разобраться, и составляет задачу нашего введения, за которым последует изложение взглядов светлого эзотеризма на природу человека, поняв которую, мы обретем силы для понимания истинного смысла бытия.

Но вернемся к Восточной Европе. Здесь все более широкую известность получает книга Даниила Андреева «Роза мира» — оригина-

нальное исследование, проведенное на основе собственного сверхчувственного опыта автора. Нет никаких оснований сомневаться в честности его намерений, однако без некоторых выражений книга не может быть принята. Первое из них сводится к тому, что Андреев при написании книги безоговорочно следовал за инспирациями некоего духа — о чем он говорит сам, — о природе которого он не имеет ни малейшего представления. Дух же этот люциферический. Поэтому все, о чем мы читаем в «Розе мира», есть плод не объективных духовных переживаний, а выражение взгляда Люцифера на царство Аримана, т.е. это односторонняя, искаженная духовная реальность.

Вторая ошибка Андреева заключается в том, что он нарушил то правило здорового оккультизма, согласно которому следует воздерживаться от описания того, что человек может пережить как «накипь» духовного мира (145; 24. III), дабы не открывать ей врата в сферу человеческого сознания, ибо тогда, поскольку сознание есть реальность, она обретает бытие в культурной и социальной жизни, где в современных условиях ей места лучше не предоставлять. Соблюдая это правило, Рудольф Штайнер почти ничего не сообщил о внутренних сферах Земли, о «накипи», о полуиллюзорном, но тем не менее весьма агрессивном мире существ, порожденном низменными проявлениями человеческой природы, уходящими в ариманизированную подприроду.

Люциферическая окраска присуща и другим проявлениям эзотерической жизни современной России. Так, в ходящей в самиздате книге под названием «Ищущим» (1982) можно прочесть утверждения такого рода: «в задачу Христа входит останавливать миры для всего человечества сразу, т.е. включение пралайи». — В этом, как мы знаем, видят свою задачу люциферические и ариманические духи, а не Христос.

В последние годы не только в самиздатскую, но и в официально публикуемую литературу все настойчивее вводится идея об «оккультном социализме». О ней пишет и неизвестный автор выше-названной книги. «...Все социалистические и коммунистические идеи, — заявляет он, — ...созвучны древним эзотерическим учениям», а существование «Союза республик является не чем иным, как Божественной волей». Такой идеи придерживаются также последователи Николая Рериха и агни-йоги. С завидным энтузиазмом они клеймят «узколобых» бюрократов, не желающих принести социализму огромную пользу признанием его оккультных подоснов. Что ж, такие подосновы действительно существуют, и они ждут своего исследователя, но когда их вскроют, то окажется, что тема эта звучит подобно другой, уже инаугурированной французскими журналистами Повелем и Бержье, давшими ей название «оккульт-

ный рейх». В самом деле — да не будут на нас в обиде последователи Рериха, ибо дальше простого указания на факты мы не идем и, кроме того, признаем в Рерихе действительно незаурядного художника, — не авторами антиутопий и не политиками известного толка, а Н. Рерихом высказаны в его «Общине» такие руководящие положения: «Еда дважды в день достаточна. Долго за столом не сидим»; «условия таковы: полная перегруженность и сознание небезопасности жизни»; «труд без границ и принятие задач без отказа»; «в наших общинах осуждено всякое опаздывание»; «вы сокращаете язык ...вы отменяете личную заслугу ...вы отменяете храмы»*; «необходимо проверить программы школ и усилить линию материально достоверного. ...Биология, астрофизика, химия привлекут внимание самого раннего детского мозга»; «живая координация между работником (его психической энергией) и станком должна быть применена в общинах труда!» и т. д. При этом: «Наши представители посетили Маркса в Мадриде и Ленина в Швейцарии... Оба вождя одинаково сказали: «Пусть скорее наступит Шамбала».» — Что ж, она и наступила. Ее природу уже в 20-е годы разглядел и описал в романе «Котлован» Андрей Платонов. Ну а нам, жителям конца столетия, известно, что потом в этом «котловане» происходило: был там и «труд без границ», и «небезопасность жизни», и проч.

Близко к воззрениям последователей Н.Рериха и агни-йогов примыкает также довольно популярное оккультное направление Гурджиева. Незабываемый образ этого «майстера» дает Луи Повель, лично проходивший в 30-е годы его так называемую «Школу гармоничного развития» в Фонтенбло, что под Парижем: на бруствере траншеи, которую в качестве эзотерического праксиса роет ученик, возвышается фигура учителя в начищенных до зеркального блеска сапогах, с хлыстом в руке. Взгляд его холоден и презрителен. А внизу — согбенная фигура с лопатой в руках.

Что касается проблемы противостояния материализма и идеализма, то она в Восточной Европе долгие годы подавалась совершенно экзистенциально, была уплотнена до зримого образа противостояния земного рая социализма и ада капитализма, что следует признать весьма последовательным, если исходить из принципа: бытие определяет сознание. Однако в последние годы, ввиду победы сознания над бытием, всплывают новые противостояния, якобы коренящиеся в старых традициях русской культуры. Сторонники новой полярной противоположности называют себя «неославянофилами» и «неозападниками», но то,

* А вот как характеризует православный клир Радженш: «...церковники. Все эти тараканы и крысы... реальные агенты капитализма».

чем они занимаются, вряд ли имеет хоть какое-то отношение к русской культуре и русским традициям. Иллюзия сходства возникает по той причине, что на бастионе «неославянофилов» речь начинают с интересов русского народа, заманивают почтительным отношением к церквям, школам. Однако делается это вовсе не ради восстановления духовных ценностей русской жизни. Ибо само Христианство, как считают там, есть, видите ли, всего лишь иудео-Христианство! На том бастионе манят назад (правда, делая по ходу идеологической борьбы поправки), в языческое прошлое с гербовыми богатырями, волхованием и кристальной чистотой группового сознания.

На бастионе «неозападников» речь заманчиво начинают с прав человека и духовной свободы. — Мы также за веротерпимость, — объявляют там, и добавляют: Но в таком случае никто не вправе показывать свой провинциализм и возражать против сексуальной революции, против поп-музыки или, тем более, — против психоанализа; все это только на пользу русскому народу. И вообще прекратите почвенные разговоры об исключительности вашего христианства. Оно ничем не лучше любой другой религии: буддизма, иудаизма, ислама и какого угодно, хоть африканского, верования. Если вы думаете иначе, то, значит, вы либо фанатики, либо националисты²⁹.

Необычайно трудно удержаться посередине меж этими бастионами. Но истинное место человека только там. Он должен его занимать уже в течение нескольких веков — от начала эпохи души созна-

тельной. Замечательный образ этого положения мы находим во второй розенкрейцеровской алхимической печати.

Атакующие справа и слева фигуры — это люциферические и ариманические силы. Будучи космическими антиподами, они в социальной жизни часто объединяются, что делает положение человека необычайно трудным и опасным. Беда всякому, уступившему натиску хотя бы одной из них. В то же время, их натиск есть непереносимое условие развития, развития индивидуального духа к свободе. Кто удерживает эти силы в равновесии, является истинным христианином; тогда через него совершается спасение мира и человечества. Неизменным образом раз и навсегда такого положения не удержать. Оно обязывает к непрестанной подвижности сознания, к познанию себя как триединого существа, обладающего телом, душой и духом, вплетенного в сложное, полное противоречий развитие. Древний призыв Мистерий: «Познай себя» — ныне означает: познай мир, который без тебя развиваться не может, и познай себя как не способного к развитию вне мира; ты триединый член этого мира, а над вами обоими — триединый Бог.

Углубляющий такое самопознание выдержит все испытания века, а «претерпевший до конца — спасется».

Дав нашей книге такое введение, мы, вероятно, лишились некоторой части читателей того, что последует за введением. Однако не наша в том вина. Подать себя приятным для всех образом — дело несложное, но бесцельное, если для этого нужно поступиться истиной.

ГЛАВА I

ЭВОЛЮЦИОНИЗМ И ЛОГИКА ИМАГИНАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ

1. От философии к науке о духе

ДУХОВНО-НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ эволюции мира и существа человека, проведенные Рудольфом Штайнером и изложенные им в книгах «Очерк тайноведения», «Из Акаша-хроники», а также в многочисленных лекциях, привели к завершению ту единую всеобъемлющую картину мира, что веками возводилась сначала на основах религиозного мышления и метафизики, а затем умозрительной философии и естествознания. В этом процессе XIX век пришел к ощущению острой необходимости дополнить данные эмпирических наук эмпирией высшего, сверхчувственного познания. Например, Иммануил Фихте, сын знаменитого философа, идя по стопам отца, не смог подняться до высот его «интеллектуального созерцания», в то же время глубже, чем он, заглянул в сверхчувственную природу человека. Фихте-младший искал высших сил, строящих чувственного человека, и назвал их эфирными. Находясь в непосредственной связи с вечными силами Универсума, утверждал он, эти силы существуют до физического рождения человека и сохраняются после его смерти. Поэтому завершение своей «Антропологии» он видел в «Антропософии».

✓ Швейцарский философ и врач Игнац Пауль Троклер (1780—1866), в свое время широко известный, а ныне незаслуженно забытый, в «Лекциях о философии, о ее содержании, образовании, цели и применении к жизни как энциклопедии и методологии философских наук» (изданы в 1835 г.) прямо повел речь о «сверхчувственном духе», о «сверхчувственном чувстве», о «чувствительных мыслях», которые могут чувствовать сами себя, об «интеллектуальных чувствах», которые делают себя «интеллигенцией», т. е. сверхчувственными сущностями (лекция шестая).

Имеются и другие примеры подобного рода. Однако везде в них далее отдельных догадок, зачастую весьма проницательных, дело не идет. О построении подлинного «наукоучения», систематической картины мира, органически и непротиворечиво сочетающей в себе обе стороны бытия: чувственную и сверхчувственную, — мы можем

говорить лишь в связи с изысканиями Рудольфа Штайнера. Он дал чувственному опыту ту завершающую его грань, без которой невозможно было преодолеть его косвенный характер и отъединенность от своего смысла, значения, назначения, от какой-либо связи с этической категорией, что, в конечном счете, и привнесло в науку анти-социальный элемент.

Принцип доказательности в исследованиях Рудольфа Штайнера выдержан не менее строго, чем в современном естествознании, но чтобы это увидеть и понять, необходимо значительное время посвятить изучению Духовной науки, ее богатой фактологии и вполне самостоятельной методологии. В ней обстоятельно показано, с учетом всех достижений современной психологии и физиологии, что человеческие восприятия могут быть, путем особого, строгого и систематического воспитания, значительно расширены в сфере чувственного мира и переведены за его границу. На первый взгляд может показаться, что ничего нового тут нет, поскольку о сверхчувственных переживаниях можно прочесть в любой популярной книжке по оккультизму. Однако между литературой такого рода и тем, о чем трактует Духовная наука, имеется существенное различие. Его можно уподобить различию между любым обыкновенным человеком, глазеющим на мир и слышащим его звуки, и психологом, создающим науку о восприятиях чувств.

Духовная наука показывает, что к развитию сверхчувственных восприятий человечество идет *эволюционным* путем, но в индивидуальном опыте этот процесс может быть ускорен — именно ускорен, а не обойден. И если ускорение вызывается с соблюдением всех необходимых правил, то происходит не неожиданный, непознаваемый и неуправляемый прыжок из одной сферы восприятия в другую (как это имеет место при галлюцинациях), а взаимосвязанное расширение единой реальности за границы ее чувственно постигаемой части, сопровождающееся вполне определенными качественными изменениями сознания, возводящими его на более высокую ступень самосознания, а не низводящими в состояния транса, сновидения или вообще бессознательного.

Проходимый таким образом путь развития приводит не к упразднению законов эволюции и замене их чем-то произвольным, хаотическим, а к обнаружению новых, благодаря чему вскрывается глубинная природа феноменов. Законы физики, будучи дополнены законами биологии, позволяют глубже проникнуть в тайну жизни. Двигаясь далее по этому пути, можно прийти в мир самих жизненных (эфирных) сил и познать законы жизни у их пра-феноменально-го источника.

Человек своей физической природой коренится во всеобщей природе мира и образует ее высшее звено. Законы действия его

души и духа коренятся в сверхчувственном мире, благодаря чему человек является гражданином двух миров: чувственного и сверхчувственного. Постигая законы первого из них, он затем находит их продолжение и дополнение во втором. Ему тогда открывается, что дарвиново-геккелевское учение об эволюции охватывает лишь малую ее часть, составляет лишь небольшой фрагмент в возможном учении об универсальной эволюции мира, объемлющей собой наравне с чувственным также и сверхчувственные сферы бытия, уходящие за пределы пространства и времени. От всей этой эволюции, как учит Духовная наука, в сверхчувственном мире остаются некоего рода «следы», «космическая память», которую в оккультизме называют «Акаша-хроникой». Она представляет собой точные сверхчувственные отображения в духовной основе мира всех процессов развития. К «Акаша-хронике» может проникнуть сверхчувственное восприятие и исследовать в ней все прошлые, а также будущие состояния мира; прошлые — в их завершенности, будущие — в их потенции. Именно там и проводил свои духовно-научные исследования Рудольф Штайнер, изложив их затем в одной из глав «Очерка тайноведения», о котором он впоследствии сказал, что это «своего рода лишь партитура, и читателю необходимо его содержание вырабатывать самому из активной внутренней деятельности; только тогда он получит его» (334; 4.V). *Эту-то задачу мы и ставим себе в доступной нам мере в настоящем исследовании.*

Сначала очертим круг основных духовно-научных категорий* и понятий, на которые будет опираться наше исследование; в дальнейшем, по ходу изложения, они будут дополнены целым рядом других, либо проистекающих из них, либо привлеченных из иных областей знания. Для читателей, не знакомых с Антропософией, постигнуть содержание ее основных понятий — задача не из легких, однако считать ее неразрешимой нельзя. От тех же, кто знаком с трудами Рудольфа Штайнера, потребуется хорошее владение тем содержанием, которое он дал в своих основополагающих книгах; остальное станет понятным непосредственно из контекста.

Говоря о человеке, мы будем исходить из его четырехчленной природы, образованной физическим, эфирным, астральным телами и Я. На базе тройственной телесности деятельностью Я субстанционально, психически и духовно развивается тройственно дифференцированная душа и тройственный дух человека. Охарактеризуем вкратце, что подразумевается в Антропософии под каждым из перечисленных членов человеческого существа.

* Говоря о категориях Духовной науки, мы в данном случае не ставим проблему в строго философском смысле. Это будет сделано в 5-й и 6-й главах.

«Телом» в самом общем смысле в Антропософии обозначается то, «что придает существу какого-либо рода, — говорит Рудольф Штайнер, — «форму», «облик». Выражение «тело» не следует поэтому отождествлять лишь с чувственно-телесной формой. ...Обозначение «тело» может быть употреблено также и для того, что принимает известный облик как душевное и духовное» (9; гл. 6). То есть *физическое тело* — это не столько его минеральное, вещественное наполнение, сколько «форма», «фантом», подчиняющийся законам чувственного мира: силе тяжести, пребыванию в пространстве и времени и др. Под «фантомом» в Духовной науке понимается духовный «формооблик» человека; он «так перерабатывает физические вещества и силы, что они вступают в форму, встречаемую на физическом плане как человек...» (131; 9.X). Вся совокупность законов, обуславливающих существование фантома, эволюционирует наравне с ним.

Источник жизни физического тела пребывает в мире жизненных (эфирных) сил. *Эфирное тело* человека производит вещества и силы для тела физического, но кроме того — оно есть «самостоятельная, действительная сущность». Она «в каждое мгновение жизни сохраняет физическое тело от распадаения» (9; гл. 6). Эфирным телом обладают также растения и животные. Человеческое эфирное тело, в отличие от них, есть «подвижный в себе организм, непрерывное выражение мыслей, чувств и воли» (158; 21.XI). При описании его можно также говорить о цветовых, тепловых, звуковых и др. проявлениях, но в сверхчувственном мире.

Астральное тело Рудольф Штайнер определяет так: «Как бы из сокрытых, таинственных источников поднимаются при пробуждении человека сознательные силы из бессознательности сна. Это то же самое сознание, которое при засыпании погружается в темные глубины и снова восходит при пробуждении. То, что все снова пробуждает жизнь из состояния бессознательности, и есть, в смысле сверхчувственного познания, третий член человеческого существа. Его называют астральным телом» (13, с. 58). Оно образует некую оппозицию законам природы, действующим в нас в течение дня, и тем освобождает нас от их оков, препятствующих развитию индивидуальной душевной и духовной деятельности. О нем также можно сказать, что оно представляет собой «сумму процессов» (227; 22.VIII) душевно-духовного рода; оно импульсирует всякое движение и находится в связи с духовной сущностью планет и звезд (потому — «астральное») — особенно во время сна. «Все сострадание, милосердие проистекают из астрального тела» (123; 12.IX); в нем формируются (но не укореняются) привычки; существует оно только во времени и сверхчувственно (не трехмерно) имеет вид светящегося образования в форме яйца. Преимущественное выражение астраль-

ное тело человека (им обладают также и животные) находит в движении возникающих и преходящих мыслей (не в привычках мышления), эфирное же тело — в пребывающих аффектах и привычках, физическое — в волевых импульсах.

Я образует центр души. В каждом индивидуальном человеке оно имеет свой неповторимый характер. Оно живет как во внешнем мире, так и в собственном физическом теле, поэтому в нем приходит к концу различие между субъектом и объектом. С помощью Я человек сводит в регулируемое самосознанием единство все переживания, которыми он обладает, будучи телесно-физическим и душевно-духовным существом. Но Я есть также и сверхчувственная сущность. Для ясновидящего она имеет вид «синего полого шара», расположенного между бровями за лобной костью, там, где индийская эзотерическая традиция находит так называемый 2^й лепестковый лотос. В своем проявлении в нервно-чувственной деятельности человека Я имеет свою опору в области солнечного сплетения.

Таков в самых общих чертах четырехчленный человек в духовно-научном освещении. Описание его отдельных элементов можно встретить в самых разных оккультных и религиозных учениях. Но там оно повсюду носит характер разрозненных, часто весьма запутанных туманным сообщений. И лишь в Антропософии (мы сообщаем объективный факт, в чем может убедиться каждый непосредственно) мы находим их систематическое, непротиворечивое описание. А главное, в ней раскрыта их эволюция, благодаря чему соблюдено одно из наиболее важных справедливых требований современной науки — познавать феномены в их развитии.

Эволюция человека, согласно данным «Акаша-хроники», прошла через ряд состояний, в которых все уровни мирового бытия претерпели фундаментальные изменения. Каждое из таких состояний представляет собой сложное, ступенеобразное сгущение материальной Вселенной из духовных субстанций, а в промежутках между ними внешне проявленное бытие вновь растворяется в духе. Таким образом, мы имеем здесь дело с некоего рода *метаморфозой*, через которую периодически проходит вся чувственно воспринимаемая Вселенная. В эзотерике отдельные ступени этой глобальной метаморфозы называют *планетарными кругооборотами*, или зонами. Каждый из зонов имеет свое название. Мы живем в зоне Земли, которому предшествовали еще три зона, носящие названия: *древний Сатурн, древнее Солнце и древняя Луна*. После Земли развитие пройдет еще через три зона, через три метаморфозы, или *планетные перевоплощения*, которые называются *будущими Юпитером, Венерой и Вулканом*. Названные семь зонов не исчерпывают всей эволюции мира: она совершалась до др. Сатурна и продолжится после будущего Вулкана. Однако о тех со-

стояниях мира даже великие посвященные мало что могут сказать, поскольку происходящее там не имеет почти ничего общего с кругом представлений современного человека. Даже о трех первых состояниях др. Сатурна Рудольф Штайнер говорит, что одно из них может быть обозначено как «чисто душевная теплота, не воспринимаемая внешне», другое — как «чисто духовный свет, который внешне есть тьма», а третье — «духовно сущностное, законченное в самом себе и не нуждающееся ни в каком внешнем существе, чтобы осознать себя» (13, с.169).

В указанных зонах проходят развитие девять родов духовных существ, образующих три *Иерархии*, человек и три царства природы. Выше Иерархий пребывает *Божественная Троица*. Кроме того, в развитии участвует много элементарных духов и др. Имена Иерархий, как «Божественные Имена» (Дионисий Ареопагит), Духовная наука берет из христианского гнозиса, существовавшего во все времена наравне с церковным вероучением, которым он осуждался, однако обладал более глубоким смыслом, чем теология и церковное вероучение, о чем, например, свидетельствует византийская и русская иконопись. Чтобы было легче ориентироваться в дальнейшем изложении, мы приведем весь перечисленный ряд уровней мирового бытия³⁰.

Мир Бога-Отца, Бога-Сына, Бога-Святого Духа.

I Иерархия

Серафимы, или Духи Вселюбви.

Херувимы, или Духи Гармонии, Мудрости.

Престолы (Троны), или Духи Воли.

II Иерархия

Господства, или Духи Мудрости; Кириотетес.

Силы, или Духи Движения; Динамис.

Власти (Элоимы), или Духи Формы; Эксузиан.

III Иерархия

Архаи (Начала), или Духи Личности, Духи Времени.

Архангелы, или Духи Огня.

Ангелы, или Сыны Жизни, Вестники Богов.

Человек.

Животное царство.

Растительное царство.

Минеральное царство.

Таков круг и содержание исходных понятий, с которыми мы будем работать в нашем исследовании. В философском осмыслении они приобретают характер категорий, ибо категории — это тени реальных мыслесуществ высшего интеллигибельного мира.

Теперь набросаем несколько, так сказать, «сквозных», или «осевых», представлений об эволюции мира, чтобы в дальнейшем не потерять нить рассуждений в сложном сплетении частностей.

Наиболее существенным образом Рудольф Штайнер характеризует все семь зонов развития с точки зрения уровней того сознания, которое вырабатывают в них человек и все виды бытия. Ступени эти следующие:

Др. Сатурн — трансовое сознание, которым ныне обладает минерал (в мире все пронизано сознанием, но не все — самосознанием).

Др. Солнце — сознание сна без сновидений, которым ныне обладает растение.

Др. Луна — образное, сновидческое сознание, которым ныне обладает животное.

Земля — бодрственное, или предметное, сознание.

Буд. Юпитер — сознательное образное (психическое, имажинативное) сознание, которым ныне обладают Ангелы.

Буд. Венера — сознательное сознание сна (сверхпсихическое, инспиративное), которым ныне обладают Архангелы.

Буд. Вулкан — сознательное всезнание (интуитивное), которым ныне обладают Архаи.

Четырехчленный человек возникает в зонах постепенно, и от зона к зоне члены его существа получают все большее совершенство.

Др. Сатурн	Др. Солнце	Др. Луна	Земля	Степень совершенства
физич. тело	физич. тело	физич. тело	физич. тело	4
	эфирное тело	эфирное тело	эфирное тело	3
		астр. тело	астр. тело	2
			Я	1
Престолы	Господства	Силы	Власти	.
Ведущие Иерархии				

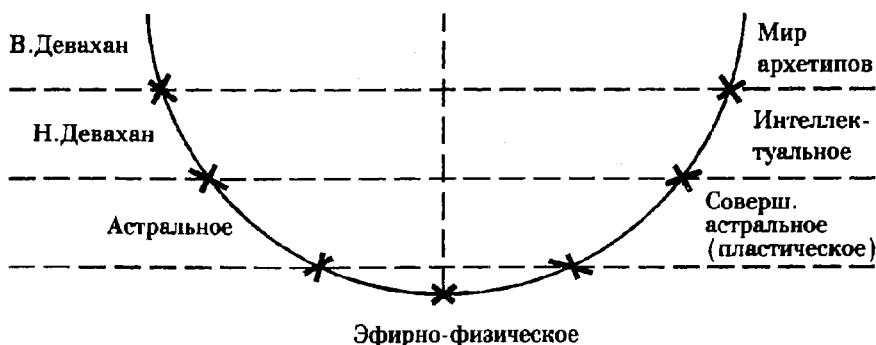
Состав человека в будущие зоны

Юпитер	Венера	Вулкан
физическое тело эфирное тело <i>Самодух</i> — пронизанное я-созна- нием астр. тело	физическое тело <i>Жизнедух</i> — пронизанное я-сознанием эф. тело <i>Самодух</i>	<i>Духочеловек</i> — пронизанное я-сознанием физич. тело <i>Жизнедух</i> <i>Самодух</i>

Образование, или сгущение, материализация планетарных состояний, или зон, и их растворение, одухотворение происходят также по семи ступеням, из которых три образуют нисхождение, на четвертой возникает феноменальный мир, после чего все восходит по трем ступеням в высшие сферы духа. Ступени эти — «*состояния формы*» (глобы) — суть следующие:

1. Высший Девахан (в восточной терминологии арупа-ментальное состояние).
2. Нижний Девахан (рупа-ментальное).
3. Астральное.
4. Эфирно-физическое (материальное состояние).
5. Совершенное астральное (пластическое); это эфирно-физическое, взошедшее на астральный план со всеми плодами (законами) своего развития.
6. Нижний Девахан (интеллектуальное); это еще более высокая ступень одухотворения эфирно-физического.
7. Высший Девахан (мир архетипов, или праобразов); это высшая степень одухотворения бывшего эфирно-физического, после чего оно снова начинает нисхождение к новому циклу развития.

Схематически это можно изобразить так:

Таковы формы, которые принимает жизнь на пути овладения одной из вышеперечисленных ступеней сознания (зоны). Предварительно, как важный для дальнейшего изложения момент, отметим, что по мере своего одухотворения бытие приходит к единству с сознанием и в наибольшей мере разьединено с ним на четвертой ступени, в феноменальном мире.

Теперь мы подошли к необходимости изложенный в общих чертах духовно-научный взгляд на эволюцию описать в понятиях философии. Ничего надуманного в таком намерении нет, если представить себе, что Антропософия не только разделяет, но и возводит на несравненно более высокий, качественно иной уровень воззрения платоновской философии на идеи как на интеллигибельные сущности. По сути дела, и философия, и Духовная наука в своих рассмотрениях имеют один и тот же предмет, но увиденный с двух сторон: теневой, абстрактной, условной и реальной, сверхчувствительной, сущностной. И почему бы не попытаться увидеть этот предмет сразу с обеих сторон?

Итак, дальнейшее рассмотрение, которому посвящена настоящая глава, будет носить характер сопоставительного анализа. За исходное в нем, вне всякого сомнения, удобнее всего взять учение Гегеля о категориях. При этом, оговоримся сразу, в нашу задачу в данный момент не входит ни содержательное ни, тем более, критическое их рассмотрение. Вопрос о категориях в духовно-научном их освещении составляет самостоятельный раздел нашей книги, к которому мы сможем подойти лишь постепенно. Теперь же этот вопрос мы затрагиваем лишь предварительно; однако и на этом этапе нам придется отметить несовпадение нашего взгляда с гегелевским на первоначальную категорию. Повышенный, если можно так выразиться, онтологизм духовно-научного рассмотрения тяготеет к универсальной персонификации всего того, что в философии подлежит лишь абстрактному рассмотрению. Поэтому, обращаясь к *первоисточнику* всего того, что в дальнейшем образовало содержание категорий бытия и сознания, в Антропософии лучше говорить о категории *сущего*.

Мы попытаемся обосновать такую точку зрения этимологически, обращаясь к особенностям русского языка, отличающим его от немецкого. Но это не будет экскурсом в семантическую философию. В то же время, приписать нашему намерению совершенно частный характер мог бы лишь убежденный номиналист, видящий в словах только пустые оболочки наименований.

Итак, исследуем этимологию слова «сущее» в русском и немецком языках. В немецком слово *Seiende* (сущее) происходит от слова *Sein* (бытие). В русском слово «сущее» происходит от слова «сущий», которое хотя и является причастием настоящего времени от

глагола «быть», тем не менее имеет целый ряд отличительных от него значений. Под «сущим» в русском языке понимается не только и не столько то, что имеет бытие, существует; сколько то, что является истинным, подлинным, настоящим. В этом смысле различают, как противоположности, бытие сущное (духовное) и вещественное, а также — сущее и должное. Интересно еще отметить, что немецкое *Dasein* в философии Гегеля на русский язык переводится как «наличное бытие».

Слово «сущий» происходит от старославянского «сы», или «сый» (ов) и употребляется в русском языке как одно из имен Бога: Сущий, Вечный*. В Евангелии от Иоанна мы, например, читаем о Христе: «Единосущный Сын» (Ин. 1, 18), «от начала Сущий» (Ин. 8, 25). Состояние сущего есть существо; в немецком языке это *Wesen*, *Wesenheit*. Таким образом, «сущее» как категория есть то, что одновременно и истинно, и непреходяще, и обладает бытием. А таков Сам Бог — первопричина всех вещей, всего сущего. Объем соответствующего немецкого понятия *Seiende* несравненно меньше. Поэтому остается лишь сказать, что, философствуя Гегель на русском языке, порядок его категорий был бы несколько иным.

В дальнейшем рассмотрении мы получим более веское обоснование делаемого нами теперь предварительного замечания, а пока описанное в понятиях Духовной науки циклическое развитие мира мы резюмируем следующим образом: на высшем Девахане феноменальный мир возвращается к своему первоистоку и покоится в сущем, из которого исходит всякое бытие. Сущее на высшем Девахане в полной мере отвлечено от проявленного бытия и по отношению к нему есть не-бытие, *праляйя* (в смысле эзотерики); в бытии, вернувшись в лоно сущего, все бывшие проявленными свойства, говоря языком философии, сняты. В следующем затем цикле развития сущее переходит в бытие и имманентно пребывает в нем, чем обусловлено становление: в нем сущее снято, чем собственно, и обусловлен его имманентизм**.

Подобный взгляд, как мы показали, находится в противоречии с принципом гегелевской философии, начало которой полагается в категории бытия, которое «нельзя ни ощущать, ни созерцать, ни представлять себе»³¹. Это начальное бытие, согласно Гегелю, тождественно «ничто»: «Начало есть не чистое ничто, а такое ничто, из которого должно произойти нечто; бытие, стало быть, уже содер-

* См. Полный церковно-славянский словарь. Составитель Григорий Дьяченко. М. 1900, 1993 г.

** Мы говорим о «снятии» всецело в гегелевском смысле: «Оттого, что нечто снимает себя, оно не превращается в ничто. ...оно не-сущее, но как результат... оно еще имеет в себе определенность, от которой оно происходит» (Наука логики т. 1, М., 1970, с. 168).

жится и в начале. Начало... оно есть единство бытия и ничто, иначе говоря, оно — небытие, которое есть в то же время бытие, и бытие, которое есть в то же время небытие»³². Если мы спросим себя, что это за начало? Начало чего это? — то в аспекте истории философии (включая и ее гностически-теологическую ветвь) — это начало онтологии. Гегель категорию бытия поставил в начало логики, *чем и сделал новый шаг в философии*. Но в нем отчасти заключается и слабая сторона его системы. Оставаясь всецело в логическом, Гегель пытается решить загадку сущего, хотя определенно нигде не высказывается об этом. С одной стороны, он утверждает, что его «пустое бытие» есть начало и оно же есть «суть», с другой, что «начало есть логическое начало»³³, и, наконец, что бытие «есть чистая мысль», и, как таковая, она «образует начало»³⁴.

Когда мы читаем у Гегеля, что «интеллектуальное созерцание на самом деле берется исключительно как первые определения» и они «в этой чистой непосредственности суть не что иное, как бытие, точно так же, как и, наоборот, чистое бытие, взятое не как абстрактное бытие, а как бытие, содержащее опосредование, есть чистое мышление или созерцание»³⁵, то возникает подозрение: а не является ли это реминисценцией декартова *cogito*? Гегель отрицает это, признавая, что в «чистой рефлексии начала» бытие есть «не бытие, а ничто», «абстрактная отрицательность»³⁶. Таким образом, беря систему Гегеля как чистую гносеологию, мы, прежде всего, вынуждены *отказаться ей в лишенности предпосылок*. Гегелевская категория чистого бытия прошла опосредование в духе философа и может быть лишь чисто условно поставлена в начало науки о мышлении. В действительности же, как показал Рудольф Штайнер, первоначальным здесь может быть только само мышление, взятое без его отношения к бытию. В одном месте Гегель признает это, говоря: «если не делать никакого предположения, а само начало брать непосредственно, то начало будет определяться только тем, что оно есть начало логики, мышления, взятого само по себе. Имеется лишь решение ...*рассматривать мышление как таковое*»; но в то же время Гегель утверждает: «начало — чистое бытие», «пустое бытие» есть также и «суть», кроме того: «начало должно быть абсолютным»³⁷.

Во всем этом, несомненно, обнаруживается онтологизм гегелевской теории познания, и будь это обстоятельство достаточно выявлено им, оно составило бы одну из сильнейших сторон всей немецкой философской классики, в чем убеждаешься, переходя от гегелевской «Логики» к «Философии свободы» Рудольфа Штайнера. Ставя, как и Гегель, вопрос о начале философствования и фихтевский вопрос о начале науки вообще, Рудольф Штайнер делает это в ином и единственно правильном ключе — в ключе антропоцентризма. Он начинает с «коренного» вопроса познания, порождаемого жизненной

потребностью индивидуального духа. Он говорит: «...Существует ли возможность так рассматривать человеческое существо, чтобы воззрение на него послужило опорой для всего остального, что подступает к нему благодаря переживаниям или науке, но что, как он ощущает, не способно держаться на самом себе?»³⁸

Именно этот вопрос и побуждает философов искать «начала» познающего себя, свое предназначение наукоучения. Вокруг этого вопроса сформировались и поляризовались многочисленные монистические и дуалистические миро- и жизневоззрения. Рудольф Штайнер в противовес им показывает в «Философии свободы», что основная и первоначальная противоположность возникает *в нашем собственном сознании*. Это мы сами противопоставили себя, как «я», миру. Благодаря нашей собственной организации мир подступает к нам двояким образом: в восприятии и в понятии. И в сфере сознания происходит снятие этой противоположности. Именно недооценка мыслящего субъекта повела, с одной стороны, к крайним выводам материалистического монизма, а с другой — к дурной схоластике эмпириокритицизма с его мышлением «согласно принципу наименьшей траты сил» (Авенариус).

Исходное звено, в котором понятие и восприятие, противостоя друг другу, образуют в то же время и единство, есть мышление о мышлении. Производя мышление, мы находимся в наисобственнойшей деятельности. А затем мы сами противопоставляем его себе как идеальное восприятие, к которому подыскиваем соответствующее ему понятие. В мышлении о мышлении субъект и объект *субстанционально* одного рода. Переживание этого факта и образует основу гегелевского онтологизма, хотя оно и не нашло пути в рефлектирующее мышление философа. Гегель не смог понять, что это единство возникло как последнее звено эволюции, поэтому для мыслящего субъекта оно обладает наибольшей достоверностью и именно с него и следует начинать теорию познания. «До тех пор, — говорит Рудольф Штайнер, — пока философия будет браться за всевозможные принципы, такие как атом, движение, материя, воля, бессознательное, — она будет парить в воздухе. Впервые лишь, когда философ станет абсолютно последнее рассматривать как свое первое, он сможет прийти к цели. Этим же абсолютно последним, к чему пришло развитие мира, является мышление». Оно есть некий факт, и сомневаться можно лишь в правильности или не-правильности его применения, но не в нем самом³⁹.

Ставя в начало философствования категорию бытия, Гегель упускает из вида, что подобную операцию совершает мыслящий субъект; многочисленные оговорки о пустоте такого бытия, его абстрактности делает он же. Представим себе на миг мыслителя, способного работать на уровне гегелевского умозрения, который

пожелал бы обосновать сущность, стоящую у Гегеля на втором месте, в качестве первой категории логики*. Ему, вероятно, такая попытка удалась бы, поскольку обе категории — и бытие и сущность — коренятся в исходном и первоначальном или безначальном онтологическом сущем, с помощью которого Гегель, фактически, очерчивает исходное положение категории бытия. Словно предчувствуя возможность такого хода мысли, Гегель отрезает для него пути, беря сущее в качестве прилагательного по отношению к ничто. «Das Nichts, — говорит он, — zeigt sich in seiner Unmittelbarkeit genommen als seiend...»⁴⁰ (Ничто, будучи взятым в своей непосредственности, оказывается сущим (ничто)). И вслед за тем, как гносеолог, он концентрирует свое внимание на сущности, которая есть «истина бытия», «прошедшее, но вневременно прошедшее бытие», которое, уходя в себя, становится сущностью. Сущность оказывается в положении «между бытием и понятием и составляет их середину, а ее движение — переход из бытия в понятие»⁴¹. Таков категориальный ряд философии Гегеля. Чего в нем недостает — это определенности в начале и завершенности в конце, что может быть восполнено только с помощью категории мышления, без которой сущностная природа самого философствования остается произвольным допущением, а сознание приобретает характер всеобщей абстракции. Философия Гегеля принципиально противоположна подобным выводам, о чем говорит многое, в том числе несогласие Гегеля с кантовским онтологическим доказательством бытия Бога именно по той причине, что в нем понятие Бога отлично от его бытия. И в то же время: в том, говорит Гегель, что «его (Бога) понятие и его бытие нераздельны и неотделимы», состоит «абстрактная дефиниция Бога»⁴².

Вся эта недосказанность, а отчасти и противоречивость, с которой мы сталкиваемся у Гегеля, проистекает из того, что тождество бытия и сознания он не берет в том последнем звене, которое предстоит философу первым, т. е., что он не желает быть чистым гносеологом.

Идеальное восприятие идеи, по сути, ничем не отличается от любого чувственного восприятия, «интеллектуальное созерцание» по праву может быть включено в круг других восприятий. А если идеальное восприятие (как объект), данное интеллектуальному созерцанию, одной с ним природы, то это значит, что через них обоих восходит к своему единству тот гигантский процесс эволюции, в результате которого, с одной стороны, возник мир, а с другой — мыслящий субъект. Дуализм идеи и чувственного восприятия снят в мышлении о мышлении, где мы, по словам Рудольфа Штайнера,

* Такую попытку, фактически, делает И. Фихте.

Данное разграничение областей философии не является абсолютным и полным. Мы лишь указали опорные категории и опустили промежуточные и переходные. Однако в главных чертах разграничение философских дисциплин и направлений (в направлениях меняется отношение и к содержанию дисциплин) нам представляется именно таким.

Гегель категорию сущего — о чем можно судить лишь косвенно — помещает где-то между бытием и сущностью. При этом он оперирует этимологией этого слова. «Немецкий язык,—говорит он,— в глаголе «быть» (sein) сохранил в прошедшем времени (gewesen) сущность (das Wesen)...»⁴⁴. Сущее (das Seiende) непосредственно восходит к sein и das Sein (быть — бытие), сохраняя при этом также и характер прошедшего времени глагола sein, что выражается в другом его значении — «данность». Данность вещей тождественна их бытию, но в ней сняты все их определенности. То же самое можно сказать и о сущности. Сущность «есть *через нечто иное*, а именно (она есть) для абстракции и вообще для *сущего, продолжающегося противостоять ей* (выделено нами. — Авт.)»⁴⁵.

Итак, сущее у Гегеля не выше бытия. Выше бытия стоит «абсолютно не обусловленное», абсолютное, которое «не есть ни одно лишь *бытие*, ни также (одна лишь) сущность», а «абсолютное единство обоих...»⁴⁶. Словом, Гегель не дает оснований предпослать сущее бытию, и «в себе сущий мир» имеет у него свое основание в абсолютном. Это и не могло быть иначе, раз само абсолютное берется им как абсолют, как «предмет внешней рефлексии»⁴⁷.

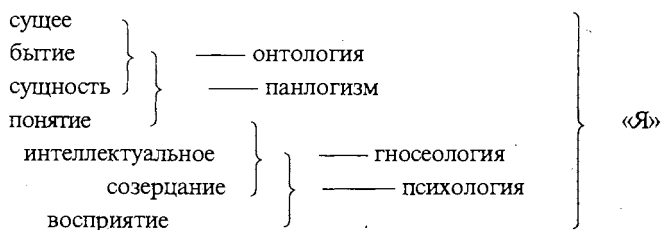
Тайна того, почему на первом месте у Гегеля оказывается бытие, раскрывается нам в новейшее время в онтологии Николая Гартмана. Он говорит: «Различие между бытием и сущим того же рода, что и между истиной и истинным, действительностью и действительным, реальностью и реальным*. Многие являются истинным, но бытие истины (Wahrsein) в этом многом есть одно и то же; речь об истинах во множественном числе философски не состоятельна и должна избегаться. ...то же самое следует сказать о сущем и бытии». В то же время: «...не следует спрашивать о *едином сущем* позади многообразия всех сущих — с самого начала это означало бы *поиск субстанции* (выделено нами. — Авт.), Абсолюта или какой-либо иной единой основы, а ею, собственно говоря, опять-таки должно быть бытие, — а только о том, что пребывает в этом просто как онтически (ontisch) понимаемое генеральное. Но таковым является бытие»⁴⁸. Н. Гартман, таким образом, с полной ясностью высказывается о том, чего недоговаривает Гегель. Интересно еще отметить, что,

* Тут, несомненно, следует обратить внимание и на этимологию этих слов в немецком языке, не совпадающую с их этимологией в русском.

«схватываем за кончик» мировое свершение, которое до возникновения нашего сознания совершалось без нашего участия, почему окружающий нас мир так, казалось бы, чуждо противостоит нам. Но бытие мира продолжается в нашем мышлении. Доказательством тому служит порождение нами мысленного содержания мира и способность, объективируя его, противостоять ему как миру идеальных восприятий в том мышлении, которым мы, не меняя его по существу, соотносимся с миром чувственных объектов и сводим их в идеальное единство. Таким образом, у нас не остается оснований утверждать, что возникший мир идеальных восприятий менее реален, чем мир чувственных восприятий. Они — лишь части одного мира, а потому, соединяя понятие с восприятием, человек совершает универсальную деятельность, за пределами которой не остается ничего. Она одновременно и субъективна и объективна, поскольку мышление, как говорит Рудольф Штайнер, сводит также и «все субъекты восприятия во всеобщее идеальное единство всяческого многообразия. Один и тот же идеальный мир изживает себя как в нас, так и во множестве (других) индивидуумов»⁴³.

Таков вывод, к которому приходит монистическое воззрение Рудольфа Штайнера, в котором он начинает с простейшего и абсолютно достоверного: я мыслю. И здесь находится истинное начало философии. В мышлении и только в нем, говорит Рудольф Штайнер, мы в праве встать на точку зрения наивного реализма. Оно есть простейшее и непосредственное, ибо и чувства, и движения воли я осознаю лишь посредством мышления. Что совершается во мне и со мной помимо моего сознания, для меня не существует. (Что, разумеется, не следует брать в социологическом или биологическом смысле.)

Из анализа мышления и восприятия можно прийти к понятию о существовании и бытии; но все это я способен сделать на основе моей самосознающей деятельности. И хотя «я», как категория, далеко не первой входит в круг моих представлений, его реальное присутствие во мне необходимо с самого начала, если вообще должно состояться какое-либо мышление. Резюмируя сказанное, мы приходим к следующему образу развития философии:

формулируя понятие абсолютного как «абсолютно не обусловленного», Гегель отождествляет его, подобно Аквинскому, с «сутью дела»⁴⁹.

Фома Аквинский в своем первом небольшом сочинении «О сущности и бытии», опубликованном в 1252 или 1253 году, тесно примыкая к Аристотелю, пишет о двух значениях понятия сущего. В одном случае, говорит он, «сущим может быть названо все, о чем можно сделать утвердительное высказывание также и в том случае, когда из этого не следует никакого фактического полагания». В этом смысле и отрицание может быть сущим, будучи взятым как противоположность утверждению. (Вот где встречаем мы первую вспышку гегелевского тождества бытия и ничто). В другом случае сущим можно назвать лишь то, чем полагается что-то фактически. В этом случае, продолжает Аквинский, можно сказать, что сущее (*ens*) «есть то, что обозначает суть (*essentia*) дела». В первом же случае речь может идти о многих сущих, также и таких, у которых нет никакой сути⁵⁰.

Собственно говоря, в этом определении Аквинского философская мысль уже приобретает то направление, в котором позже возникает порядок категорий логики Гегеля.

Гегель не переступил порога, за которым вспыхивает мир имажинативного мышления, где мысль и бытие приходят не к абстрактному единству. Но зато он исследовал во всю возможную для рефлектирующего мышления ширь и глубь его границы и потенции. Он увенчал то строение, фундамент которого заложила греческая философия в условиях угасающего древнего ясновидческого опыта. Рефлексия в последующие времена стала на место откровения, и тем было положено начало мыслящему сознанию. Как постоянно индивидуальному духу, ему надлежало тeneвым образом вместить в себя все содержание мира и только тогда снова подняться в сферу сущего. Теория познания как философская дисциплина на некоторое время должна была стать доминирующей наукой. Начало этого процесса на заре новой эпохи обозначила школа высокой схоластики*. В ней же имеют свой исток и онтологические черты гегелевской философии.

Схоластике было еще не чуждо наравне с мышлением о мире переживать, пусть лишь в предчувствии, восхождение к лицезрению духовной реальности интеллигибельного мира, откровением которой в мыслящем сознании и являются абстрактные понятия. Именно отношение к обеим реальностям: духовных существ и постигаемого

* Заметим попутно, что феноменализм Гуссерля и даже экзистенциализм Хайдеггера находятся, по нашему мнению, в более тесной преемственной связи с учением высокой схоластики, чем воззрения неотомистов типа Т. Барто, И. Б. Лотца и др.

в мышлении чувственного мира — послужило фундаментом обособываемого ею единства бытия и сознания.

К моменту возникновения схоластики развитие философии, идущее от платоновского учения о духовных мыслесуществах, составляющих сущностное абстрактных мыслеформ, разделилось надвое. Один путь, пролегающий через Плотина и христианский гнозис Иоанна Богослова и апостола Павла, достигает своего апогея у Дионисия Ареопагита, который учил о возвышении души к созерцанию божественно-духовного мира. Он не отрицал наличия сущего в тех именах, которыми человек нарекает вещи внешнего мира. Но это он рассматривал лишь как предварительную (но необходимую) ступень в восхождении к восприятию «неизреченного», где имена вещей лишь мешают созерцанию, заслоняют заключенное в них Божественное.

Другой путь привел к скептицизму номинализма, первый представитель которого, Росцелин (ок. 1050 — ок. 1122), не только частные понятия, связанные с отдельными вещами чувственного мира, но и общие понятия, «универсалии», объявил не более чем простыми обозначениями неких общих признаков вещей.

Фома Аквинский и Альберт Великий — главные представители высокой схоластики, — стоя внутри одухотворенной традиции философии Плотина, Скотуса Эригены, Дионисия Ареопагита, несравненно более них работали в сфере логического рассудка, но при этом решительно выступали против учения номиналистов. Стремясь понять связь сущего в мышлении с его абстрактным, они исследовали связь мышления с восприятием. Чистое мышление, как реальная форма, берется ими в смысле аристотелевской энтелехии, как актуальность, без содержания в отношении к вещам чувственного мира. Сущностное этой формы-энтелехии живет сначала отдельно от вещей — *ante rem*. Такова первая универсалия. Далее сущностное формы переходит в вещи. Это универсалия *in re*. Наконец, сущностное формы отделяется от вещей. Тогда мы имеем универсалию *post rem*. Она живет в душе познающего субъекта, выступая в его познании, в процессе взаимодействия души с вещами. Все три универсалии одного рода и в конечном счете пребывают в Божественном Разуме, но их проявление различно, благодаря чему, с одной стороны, возникает возможность логического мышления, а с другой — мышление не теряет связи с сущим и с сущностным бытием. Лишь благодаря восприятию многообразия вещей внешнего мира я образую общие понятия, которые затем самостоятельно живут в моей душе. В них заключено высшее, духовное вещей, не данное чувственному восприятию. Но если бы этого духовного не было в вещах (*in re*), то я никогда бы не пришел к общим понятиям, универсалиям *post rem*. Поскольку же сами вещи есть откровение

высшего, то, значит, высшее существовало до вещей и как таковое предстоит мыслящему сознанию в универсалии *ante rem*.

Гегель, в сравнении с учением схоластики, еще на шаг сдвигается далее в логическое, однако и там не порывает связи с сущим, что выражается в его категорическом отказе искать объяснение мира где-либо за его пределами. При этом объективное мира включает в себя, согласно Гегелю, и свои законы. Для Гегеля, говорит Рудольф Штайнер, «действительное одновременно и реально и идеально» (30;с.311). Но, в то же время, для него не существует проблемы там, где ее, последовательно идя от Аристотеля и схоластики, находит Шеллинг, когда говорит: «...природа — ни что иное, как орган самосознания, и все существующее в природе необходимо лишь потому, что только такой природой может быть опосредовано самосознание»⁵¹.

Бытие для Гегеля есть бытие идеи. Он в какой-то мере повторил, если это можно так назвать, ошибку Аристотеля, не разделявшего онтологические взгляды своего учителя, Платона. Идеи Гегеля — это главным образом универсалии *post rem*, о чем сам он сказать не догадался. Поэтому гегелевский панлогизм оказался лишь одним звеном (но исключительно важным) в построении целостного мировоззрения. Другое звено, от которого ушел Гегель — разработку универсалий *ante rem* вкупе с основным вопросом натурфилософии, — мы находим замечательным образом проведенной Владимиром Соловьевым в ключе религиозной философии. В «Чтениях о Богочеловечестве» Соловьев говорит о «религиозном синтезе» как «положительной всеобщности», противоположной «отрицательной всеобщности», но не противоположной логическому как таковому, ибо и религиозной истине в ее «идеальном (идейном) содержании» присуще логическое развитие, а следовательно — историзм, поскольку «история есть развитие, а не бессмыслица»⁵².

В «положительной всеобщности» Соловьев выделяет три основных элемента: «... во-первых, *природа*, т. е. данная, наличная действительность, материал жизни и сознания (вспомним вышеприведенную мысль Шеллинга. — *Авт.*); во-вторых, *божественное начало* как искомая цель и содержание, постепенно открывающееся, и в-третьих, *личность человеческая* как субъект жизни и сознания, как то, что от данного переходит к искомому и, воспринимая божественное начало, воссоединяет с ним и природу, превращая ее из случайного в должное»⁵³.

Все три элемента мы неоднократно можем встретить в различных системах европейской философии, но того, как их соединяет Соловьев, — такого мы там не найдем. Это следует сказать в первую очередь, а далее мы обнаруживаем целую систему взглядов, суще-

ственно достраивающих платоновский идеализм на основе христианского, следует сказать, не антропологизма, а антропософизма, о котором в XIX в. Иммануил Фихте высказал лишь догадку.

Владимир Соловьев развитие рассматривает религиозно, как откровение божественного начала, чем, собственно, и обуславливается единство (но не тождество) бытия и сознания. Они едины в своем первоисточнике, в безусловном, первой ступенью объективации которого является природа. В ней божественное начало существует как «в своем другом», или, скажем, в инобытии, и открывается сознанию в многообразных, как говорит Соловьев, «мифологических» религиях, в политеизме. На второй ступени Божественное открывается в своей противоположности природе, что находит выражение в буддизме. В мифологических религиях природа дана как «все». И поскольку «вне ее для человека не существует ничего в данном состоянии сознания, то отречение от природного существования есть отречение от всякого существования. Стремление к освобождению от природы есть стремление к самоуничтожению: если природа есть все, то то, что не есть природа, — есть ничто»⁵⁴. И такой шаг — к ничто — делает буддизм, отрицая жизнь и все сущее и в нирване возвращаясь к безусловному началу. Так от обожествления природы человек пришел к отрицанию бытия, что нашло свое отражение, как считает Соловьев, в философском нигилизме Шопенгауэра и Э. Гартмана. Но шаг тот был необходим, чтобы в дальнейшем человек стал способен «к восприятию» сверхприродного, безусловного.

Буддийское «ничто» есть одновременно и безусловное начало. Будучи свободным ото всех определений, оно *свободно от всякого бытия*, но не лишено бытия. Это положительное «ничто», которое есть «все». Так преломляется в философии Соловьева гегелевское тождество бытия и ничто. При этом он, в отличие от Гегеля, акцентирует онтологическую сторону своего положения, говоря о безусловном, об абсолютном как о божественном начале, которое, будучи взятым чисто логически, хотя и «отрешено» ото всех определений, но в то же время есть «завершенное, законченное, совершенное, т. е. всем обладающее, все в себе содержащее», ибо *«отрешиться от всего можно, только обладая всем»* (выделено нами. — Авт.)⁵⁵. Этот момент в философии Соловьева особенно существенный, ибо обнаруживает в абсолютном *этическое начало* уже на ступени *логического*. Так находим мы в философии Соловьева, с одной стороны, выход за пределы чистой гносеологии, а с другой — соединение в ней двух полюсов гетевского мировоззрения, об одном из которых Гете говорит в статье «Природа»: «Природа! Мы окружены и объаты ею, неспособные ни выйти из нее, ни глубоко в нее проникнуть. ...Все — ее вина, все — ее заслуга», — а о

другом подает реплику Фауст, отвечая духу отрицания, Мефистофелю: «В твоём ничто я все найти надеюсь».

Гете разрешает дилемму бытия и сознания, идя путями европейской философии и естествознания, и приходит от абстрактного, чисто логического к «созерцающей силе суждения» как новой способности интеллектуального созерцания, открывающейся самосознающему «я». Соловьев идет путем религиозной философии, которая позволяет ему логику и природопознание возвысить до сферы сущего. Природа, говорит он, есть откровение Божественного. Аскетически отрицая ее, мы отрицаем не откровение, но — его плоды. Ими же является логическое мышление, способное привести ум от чувственного опыта «к умозрительной вере в идеи», поскольку положительное все (всечелость, или полнота бытия) может находиться лишь в сверхприродной области, которая, в противоположность миру вещественных явлений, определяется как мир идеальных сущностей, «царство идей»⁵⁶.

Далее Соловьев развивает мысли, не просто созвучные естествонаучным взглядам Гете, но антропософические по своей сути. Он приходит к выводу о том, что составляющие чувственную реальность элементы, атомы, есть элементарные «силы», и более чем силы — «существа», «живые элементарные существа». Лишь на их уровне мир реален, в явлении же он есть лишь *взаимодействие* идеальных сущностей, обусловленное их взаимодействием представление*. Живые, деятельные существа — вечны, интеллигибельны. Своим взаимодействием они образуют все существующее. Они есть «истинно сущее»; в них — истина природного бытия, его идея. И здесь Соловьев приходит к третьему этапу религиозного развития, где мыслящий человек предстает нам как природное существо. Формально-логическое отношение идей в его духе подобно отношению идей в сфере сущего. Проявляясь в человеке, идеи составляют его безусловное, его собственную сущность, что выражается в индивидуальном характере личности. Мир сущностных идей не тождественен, иерархичен, и мыслящий человек как существо включен в эту иерархию. Поэтому то, как Соловьев характеризует индивидуальное мыслесущество, может быть в полной мере отнесено к характеристике индивидуального в человеке. Он пишет: «...если каждое из них представляет свой особенный характер или идею, то каждое из них должно и относиться ко всем другим особенным образом, должно занимать во всем свое особое определенное место,

* Однако и этот уровень мира следует мыслить принципиально отличным от шопенгауэровского «мир есть мое представление» именно ввиду реального, а не номиналистического взятия идей Соловьевым.

и это-то отношение каждого существа ко всему есть его объективная идея, составляющая полное проявление или осуществление внутренней его особенности, или *субъективной идеи*⁵⁷.

Будучи взятым в динамике, соловьевское определение выражает и смысл эволюции как духовных существ, так и человека: восхождение субъективной идеи-существа до всеобщей, которая у Соловьева есть идея «безусловной благодати и любви»; в Евангелии о ней сказано: «Бог есть любовь».

Рудольф Штайнер, обосновывая в «Философии свободы» реальность как совокупность понятий и восприятий, подчеркивает, переходя к человеку, что в нем его собственное восприятие и понятие находятся в постоянном развитии, где последнее проходит путь от элементарного: это человек, — до высшего: это свободный дух; восприятию же дана этическая метаморфоза. На высшем уровне, в Самодухе, они сливаются. Таким образом, мы видим несомненное совпадение результатов философии Владимира Соловьева и Рудольфа Штайнера. Что еще объединяет их — это постановка в центр философствования самосознающей личности, носителя я-сознания. Для Соловьева Я есть «истинно-единое» человеческого существа, которое образуется не за счет лишения «множественности», а напротив, потому, что, проявляя в себе бесконечную множественность чувств, мыслей и желаний, (оно) вместе с тем всегда остается самим собою и характер своего духовного единства сообщает всей этой стихии множественности проявлений, делая ее своею, ему одному принадлежащею⁵⁸. В этом состоит истинное богоподобие человека, поскольку единство, осуществляемое человеческим Я в Боге, пребывает как безусловно-единое, способное на бесконечную множественность полагания себя, своего другого. Так Бог и человек идут навстречу друг другу. Однако мы не найдем у Соловьева конкретного описания того пути, или, скажем, той «атомистики» душевной жизни, где природное, идеальное и психическое образуют сложную ткань развития человека. Эту задачу решила Духовная наука, без которой недооценивая себя философия, возжелавшая в кантианстве упразднить знание, чтобы очистить место вере, до бесконечности сталкивалась бы с намерением плохо понимающей себя науки упразднить веру ради знания.

Таков в общих чертах онтологизм соловьевской теории познания, достраивающей гегелевскую гносеологию вплоть до обоснования созерцаемости идей. Что касается отношения к познающему субъекту, то здесь Гегель идет в противоположную от Соловьева сторону. Он досконально исследовал содержательную сторону Я, выражающуюся в его наисобственной деятельности — в мышлении. Однако при этом само Я превратилось у него в «чистое знание». Возражая против намерения Фихте поставить Я в начало

философствования, Гегель все же признает, что Я — «это непосредственное, отчасти как нечто в гораздо более высоком смысле известное, чем какое-либо иное представление»⁵⁹. Но все это для Гегеля есть лишь недостатки Я, от которых ему необходимо освободиться, чтобы своему собственному сознанию предстать как абстрактное «я» и тем преодолеть различие между субъективным и объективным. Гегель проглядел, что именно в «простой непосредственности» мыслящего «я» снята противоположность между субъектом и объектом; что в мышлении о мышлении, где мыслительная субстанция предстает себе в понятийной и восприятийной форме, совершается самый первый акт преодоления дуализма сущности и существования, бытия и сознания, поскольку в этом акте они взаимозаменяемы: сущность как *бытие* выступает фактом сознания, а *мыслительный процесс* — фактом существования, и наоборот.

Таким образом, в самом начале философствования есть сознание, и оно есть в Я, а Я есть мыслящее сознание. Тогда абсолют есть не просто чистое сознание, а абсолютное «Я есмь». Гегель же и свою философию религии начинает утверждением: «Чистый, не знающий пределов разум есть само Божество»⁶⁰. Поэтому этот раздел его философии является наиболее слабым. В нем он не поднимается выше второго из отмеченных Соловьевым этапов религиозного развития, где абсолютное открывается как «ничто» природного бытия, в отрицательной свободе от него, что Соловьев поясняет примером из Санкья-Карики, сочинения мудреца Капишлы. Там говорится: «Истинное и совершенное знание, которым достигается освобождение от всякого зла, состоит в решительном и полном различении вещественных начал природного мира от чувственного и познающего начала, т. е. «я»». На наш взгляд, здесь лишь иными словами выражено вышеприведенное требование Гегеля очистить Я от «простой достоверности самого себя». Но именно этой «достоверностью» оно и обязано «вещественным началам природного мира», в круг которых у нас нет оснований не включать также самопознающее, чувствующее и волящее «я».

Однако, чтобы убедиться в этом, в философии должен был быть проложен еще один путь, вернее сказать, было необходимо сдвинуться от Гегеля еще на один шаг вниз, к мыслящему и воспринимаящему субъекту, что, собственно, и сделал Рудольф Штайнер. В своей статье «Философия и Антропософия», написанной на материале лекции, прочитанной им в 1908 г., он говорит о том, что мы вправе брать чистое мышление в аристотелевском смысле — без содержания в отношении непосредственной данности чувственного мира, как «чистую форму» (т. е. и в гегелевском смысле). Например, математические представления мы действительно конструируем априорно, как это утверждает Кант. Такое мышление

для Аристотеля есть чистая актуальность. И оно, несомненно, имеет отношение к вещественному миру, о чем свидетельствуют результаты науки, хотя, на первый взгляд, объектам мира безразлично, что за мысли связывают с ними и связывают ли вообще. Но Рудольф Штайнер ставит еще следующий вопрос: «Где внутри чистого мышления пролегает путь к тому, чтобы можно было породить не только форму, но, одновременно, и материю?»⁶¹, — материю, понимаемую не как вещество, а как субстанцию, как духовное, лежащее в основе действительности.

В наших априорных математических суждениях несомненно присутствует объективное в виде законов, которым непреложно подчиняется мир вещей. Поэтому, говорит Рудольф Штайнер, «когда сумма всех форм растворится в чистом мышлении (представим себе вышеуказанный переход эфирно-физического в совершенное астральное. — *Авт.*), то должен возникнуть некий остаток»⁶². Это и есть аристотелева «материя». Но, продолжает Рудольф Штайнер, «Аристотель должен быть завершен через Фихте. В смысле Аристотеля, можно сначала прийти к формуле: все, что находится вокруг нас, также и принадлежащее к невидимым мирам, делает необходимым, чтобы мы формальному действительности противопоставили материальное. Для Аристотеля ведь понятие Бога есть чистая актуальность*, чистый акт, т. е. такой акт, при котором актуальность, или наделение формой, обладает в то же время силой воспроизводить свою собственную действительность, не быть чем-то таким, чему противостоит материя, но таким, что в своей чистой деятельности является одновременно и полной действительностью. Отображение же этой чистой актуальности находится в самом человеке, когда он из чистого мышления приходит к понятию «я». Тогда в «я» он имеет дело с чем-то таким, что Фихте обозначает словом *Tathandlung* (дело-действие). Человек приходит в своем внутреннем к чему-то такому, что, когда он живет в актуальности, то вместе с актуальностью производит свою материю. Когда мы постигаем Я в чистом мышлении, то находимся в некоем центре, где чистое мышление производит также и свою материальную сущность как эссенцию (*essentiel* — сущностно). Когда вы постигаете Я в чистом мышлении, то налицо имеется тройное «я»: чистое Я, принадлежащее к универсалии «ante rem»; Я, внутри которого вы находитесь, принадлежащее к универсалии «in rem», и Я, которое вы понимаете, принадлежащее к универсалии «post rem». «Когда вы восходите к действительному постижению Я, то все три «я» совпадают одно с другим. «Я» жи-

* Как, собственно, и для Гераклита, Плотина, Лейбница. Гегель: «Дух есть абсолютная актуальность» (Энцикл. фил. наук, § 34).

вет в себе, когда производит свое чистое понятие и в понятии может жить как в реальности. Для Я, не безразлично, что делает чистое мышление, ибо чистое мышление есть творец Я. Здесь понятие творческого совпадает с понятием материального. И остается лишь понять, что во всех иных процессах познания мы прежде всего наталкиваемся на границу, и только в отношении Я этого не происходит; его мы объемлем в его внутренней сути, полагая в чистом мышлении». Через познанное и созданное Я «мы проникаем сквозь границу, которая для всего остального встает между формой и материей»⁶³.

Именно по той причине, что философия принимает понятие за абстракцию, она оказывается неспособной постичь ту точку, в которой понятие выступает архетипически, творчески. Думая о Я, приходят лишь к мысли о Я. Но можно прийти к переживанию Я, в котором человек творит и форму, и материю как содержание своего сознания. Далее от этого переживания можно перейти к иному, к *переживанию идеального мира в восприятии*. Рудольф Штайнер пришел к такому опыту. По этой причине его гносеологии присущ психологизм, а в более широком смысле — психософизм, в отличие от онтологизма гегелевской гносеологии*.

В познающем субъекте живут два рода деятельности: мышление и восприятие, — и оба их можно *качественно* видоизменить. Обычное, ассоциативное, или пассивное, состояние ума движется силой восприятий. В чистом мышлении человеческий дух силой концентрации устраняет свой произвол и дает мысли двигаться в своей сфере лишь силой заключенных в ней самой закономерностей. Но можно пойти еще дальше. «Мышление, — говорит Рудольф Штайнер, — можно сделать столь подвижным, что оно станет внутренне живым, неким родом эфирного тела.» А затем нужно видоизменить характер действующей в восприятии воли. В воле всегда «живет нечто такое, что внутренне беспрестанно наблюдает за нами. Это в некоем роде еще один человек в человеке, более высокий, чем просто мыслящий. И когда имеют (т. е. вырабатывают с помощью вполне определенной практики. — *Авт.*) и то и другое: подвижного человека мышления, эфирного человека, и этого внутреннего наблюдателя, то оказываются поставленными в духовный мир...»⁶⁴.

* Сам Рудольф Штайнер назвал систему взглядов, изложенную им в «Философии свободы», «мысле-монизмом» (Gedanken-Monismus). Данное им в книге «Как достигнуть познания высших миров?» всецело проистекает из теоретико-познавательных принципов его философии и одновременно является руководством по практической выработке мышления с целью вывести его за границы рефлексии и чувственного опыта. Подобного шага до Р. Штайнера философия никогда не предпринимала, хотя он настолько же правомерен, насколько правомерно существование руководства по формальной логике.

Рис. 1

Именно таким способом Рудольф Штайнер и расширил границы познания — путем реального вхождения обученным сознанием в мир сверхчувственных восприятий. При этом, как показал он, характер деятельности познающего духа не меняется. Он и в сверхчувственном имеет задачу соединять понятия с восприятиями, но уже в условиях единства субъекта и объекта, сознания и бытия. И этот путь философии, который мы схематично изобразили выше, Рудольф Штайнер замкнул в круг, чем последовательно завершил его развитие, берущее начало от первых греческих философов.

Немецкая классическая философия в лице Гегеля, Фихте, Шеллинга и др. вплотную подошла к этому решающему шагу, но сделать его не смогла, отчего вступила в период упадка, где развился, попросту говоря, страх перед этим решающим шагом. «Обвалом в пропасть нефилософии» назвал этот шаг Э. Гартман. Но там, где для Гартмана разверзлось «ничто» философии, Рудольф Штайнер нашел ее «все»: восхождение от рефлектирующего к созерцающему сознанию. В определенной мере к такому итогу развитие философии привел уже Гете, научившийся непосредственно из восприятия вещей черпать их идеи. Рудольф Штайнер развил начатое Гете в строгую науку посвящения. Следуя ей, человек начинает с простейшего: с мышления о мышлении, вживается в мир имманентных законов диалектики, а далее, переходя от укрепленного рефлектирующего мышления к медитативному, постепенно прихо-

дит к *переживанию* мыслесуществ интеллигибельного мира, восходит вплоть до *переживания* сущего. Такой путь Рудольф Штайнер назвал «королевским» путем в сверхчувственное, наиболее соответствующим условиям современной культуры и душевно-духовной конституции человека.

Его проходят с помощью потенцирования интеллектуальных способностей Я. Но само Я впервые зарождается в *круге восприятий чувств*. Этот круг также может быть расширен. Тогда познающее Я вступает в сверхчувственный мир сущего с *другой стороны*. На том пути необходимо делать упражнения, описанные Рудольфом Штайнером в книге «Как достигнуть познания высших миров?». Завершается современное посвящение неперменным соединением обоих путей, что делает «я» гражданином двух миров: чувственного и сверхчувственного. Тогда все то, к чему философия на протяжении своей долгой истории стремилась подступить косвенно, силой рефлектирующего мышления, раскрывается непосредственно. И если теперь она не решается сделать такой шаг, то это лишь означает, что она больше не понимает, чего, собственно, хочет.

Возможности рефлектирующего мышления велики, поскольку весь интеллигибельный мир мыслесуществ отбрасывает в него свои тени — но только тени. Ныне человеку дано освободиться от тех пут, которыми он был связан в «пещере» Платона, и повернуть голову туда, где пребывает источник света, мимо которого проходят реальные мыслесущества. Некогда человек уже обитал в их сфере, но как групповое существо. Поэтому он был «связан» узами чувственного опыта и теневого мышления и оставлен в мире бытия-ничто, бытия-абстракции. Но, работая с мыслями и миром опыта, он обрел поистине богоподобное свойство рождать реальность, материю и форму, и потому стал причастен индивидуальному принципу сущего, абсолютного: обрел индивидуальное Я. С ним он может возвратиться в мир сущего и там проходить ступени своей дальнейшей эволюции.

2. Философия в свете антропософского учения об эволюции

ФИЛОСОФСКИЙ ПУТЬ развития индивидуального духа представляет собой лишь небольшой отрезок той гигантской эволюции сознания, семь ступеней которой мы перечислили выше. Но этот отрезок обладает совершенно исключительным значением, поскольку только здесь человек за счет выработки я-сознания по-настоящему обретает самобытие. И здесь же перед ним впервые встает задача осознать и познать всю ту эволюцию, которую его существо

претерпело в прошлом и которую ему предстоит проходить в будущем. От этого познания зависит способность человека из собственных сил управлять своей судьбой.

В книге «Очерк тайноведения» Рудольф Штайнер дает впечатляющую картину предыдущих этапов, эонов развития. Первый из них, с которого начинается наш цикл развития, носит название «древний Сатурн». В том, что предшествовало ему, царит вечность, «блаженный покой в пребывающем» (104; 19.VI), где нет движения, поскольку нет времени и пространства. О том состоянии повествует также «Ригведа» (X; 129):

*Тогда не было ни сущего, ни не-сущего,
Не было ни воздушного пространства, ни неба над ним...
Тогда не было ни смерти, ни бессмертия...
Откуда возникло это Мироздание?
Боги (появились) после творения его.
Кто же знает, из чего оно возникло?
(...) Создал ли (кто его) или нет?
Кто видел это на высшем Небе,
Тот поистине знает.*

То «высшее Небо», о котором говорится в «Ригведе», есть Акаша-хроника, уже упомянутая выше. В ней на определенной ступени сверхчувственного познания открывается, что некое запредельное развитие — «старая» солнечная система — подготовило новое развитие. Оно стало возможным благодаря тому, что к его началу своей высшей зрелости достигла самая возвышенная Иерархия: Серафимы, Херувимы, Престолы. «И следуя задачам высшего Триединства, — говорит Рудольф Штайнер, — они нашли себе во Вселенной место и сказали: здесь начнем. И тогда Серафимы восприняли цель (новой) мировой системы (ею стали семь уже названных эонов), Херувимы обработали эту цель, а Престолы излили в избранную часть мира первичный огонь из своей собственной сущности. Таково было начало нашей мировой системы» (105; 8.VIII).

Жертвой Престолов была субстанция воли. То, как совершалось космическое жертвоприношение, открывается в величественной имажинации. Рудольф Штайнер описывает ее следующим образом: «...Престолы, или Духи Воли, коленапреклоненные, полные самопожертвования, — перед Херувимами. Но это самопожертвование исходит не из ощущения своей малости, а из сознания, что есть чем пожертвовать. ...Эту жертву они высылают как сияющее тепло, так что «дым» жертвы восходит к крылам Херувимов. Из этой жертвы исходят (как если бы мы могли произнести в воздухе слово и оно

стало бы существом), из всего процесса (жертвоприношения) исходя Духи Времени» (132; 7.XI).

Такова имажинация, открывающаяся сверхчувственному созерцанию. Попробуем ее понять. Излитая Престолами «бескачественная» воля является *астральной субстанцией в ее наивысшем аспекте*, которого она достигла в результате предшествующего древнему Сатурну развития. То, что мы называем бытием, представляет собой уже некоторое сгущение ее, объективацию; однако этим не утверждается, что сама она лишена бытия. Она лишена, говоря языком философии, каких-либо акциденций — в ней сначала нет ни пространства, ни времени. Мы, вне созерцания, можем лишь констатировать, что она есть, она есть для нас как простейшая мысль о ней; мысль же является первейшим свойством нашего Я. Следовательно, в я-мысли об абсолютном оно само открывается как абсолютное Я. Мы можем сказать о нем, что оно подобно фихтевскому абсолютному Я, которому вначале не противостоит никакое не-Я; Я=Я, что лишь означает: если Я положено, то положено Я. Гегелевская категория бытия приложима к нему лишь постольку, поскольку он согласен рассматривать бытие как тождество Я=Я. Это чистая идея, которая созерцающему сознанию открывается в виде величественного образа, в котором дано то внутреннее, чем обусловлено последующее движение этой идеи в нашем духе. Но для мыслящего сознания эта идея сначала только есть. И о ней можно лишь сказать, что моментом ранее нет и ее, она уходит куда-то вовнутрь, в духовно-сущее, «законченное в себе» и не нуждающееся ни в каком проявлении.

Но вот она явилась, — к ней, как к субстанции, прилагают свою деятельность Господства, или Духи Мудрости. Тогда с «волей» соединяется «жизнь». Посылая свою жизнь в субстанцию Воли, Духи Мудрости переживают ее отражение и наслаждаются им как формой собственной объективации. *Они выходят благодаря такому процессу из состояния абсолютной субъективности.* Для них оно является тогда исходным в последующем восхождении, для человека — *последним*, к чему он приходит лишь в зоне Земли. *Из божественного Субъекта был рожден человек и в собственном субъекте впервые пережил свое богоподобие.*

Вслед за Духами Мудрости отраженную в субстанции воли жизнь Иерархия Сил, или Духов Движения, пронизывает качествами, присущими их собственному астральному телу. Тогда возникает сущность. Происходит нечто аналогичное мыслительному процессу в «я», когда рождается мыслеформа. Она возникает из соединения тезиса с антитезисом, как это трактует гегелевская диалектика. По такому же принципу возникает органическая форма, когда из противоречивого отношения почвы и семени появляется росток.

Какую же работу совершают Духи Движения? Они, фактически, низводят субстанцию, пожертвованную Духами Воли, в инобытие. В результате этого из «бескачественной» воли образуется качественно определенное астральное тело древнего Сатурна, который тогда «извергает в небесное пространство (хотя тогда пространства в нашем понимании еще нет, его следует мыслить как «душевное» пространство) изъятия ощущений, чувств и т.п. душевных сил. Весь Сатурн тогда представляет собой одушевленное существо, проявляющее симпатии и антипатии» (13; с.162).

В «Ригведе» (X; 129) о том состоянии говорится так:

*От великого тапаса зародилось Единое,
Покрытое пустотой.
И началось тогда с желания — оно
Было первым семенем мысли.
Связку сущего и не-сущего
Отыскали, восприняли в сердце прозорливые мудрецы...
Восхождение — внизу, усилие — вверх.*

То высшее «вожделение» не следует представлять себе по типу низшего, хотя в высшем вожделении заключен прафеномен всякого низшего вожделения. Таков принцип движения. В том праотдаленном состоянии он возникает в ряду: чистая актуальность, за нею следует бытие, как отражение, а в результате возникает «материя» сущности. Далее в процессе эволюции первичный принцип повторяется в мириадах случаев; например, природа семени, как в инобытие, переходит в росток; роль земли при этом подобна абсолютному отрицанию. В синтезе-ростке антитезис-почва присутствует в снятом виде. Так, примерно, в познании можно составить себе представление о сотворении Иерархиями древнего Сатурна. Чтобы он мог возникнуть, субстанция, пожертвованная Духами Воли, должна была перейти в свое инобытие. Процесс «овеществления» духа носил необычайно сложный характер и совершался Иерархиями, творческая мощь которых превосходит всякое человеческое воображение.

Вслед за Духами Движения в процесс творения Сатурна вступили Власти, или Духи Формы. Низший член их существа, как и у Духов Движения, — астральное тело, только оно еще менее совершенно и потому на единую астральность Сатурна действует *дифференцирующе*, «так, что проявления ощущений извергаются в мировое пространство как бы отдельными существами» (13; с.162). Так возникает первичный феномен того, что ныне открывается как многообразие форм чистого мышления. Мыслесущества — ибо Иерархии суть не что иное, как идеи в их истинном, нетеневом бытии — направляют свою деятельность на некий объект, в котором

нет собственного бытия и в то же время он есть носитель ощущений. Его ощущения представляют собой не что иное, как сами отношения мыслесуществ, встающих по разные стороны объективной воли Престолов. Вся картина мирового бытия представляет собой гигантский праобраз человека: его мышление — космос Иерархий, его душевная жизнь — их *отношения* в «телесности» субстанции воли, принесенной на алтарь развития.

Если вновь прибегнуть к нашей аналогии, то этот, четвертый, этап развития древнего Сатурна, когда выступили Духи Формы, можно сравнить с растением в тот период, когда оно проходит от перволиста до начала цветения. Растение тогда развивается как бы через освоение окружающей среды: света, воздуха, влаги, почвы, приобретая тем законченную форму. Здесь есть своя метаморфоза, идущая от листа к листу, но особенно значительный скачок она делает, когда раскрываются бутоны. Наше мышление, восходя на подобную ступень, сначала занимается анализом, для которого, не следует забывать, уже созданы некие предпосылки в виде умозаключений чистого мышления — гипотез, теорий, мировоззрений. В ходе анализа на основе восприятий строятся описательные суждения типа: это цветок, это стебель; или: это идея такой-то философской системы. Описательные суждения могут быть не только результатом анализа, ими живет любое обыденное сознание; но там в них отсутствует какая-либо организация и потому ассоциативное мышление есть не более, чем мыслительный «фон», на котором мышлению еще только предстоит сформироваться.

Нам могут возразить, что гипотезы подчас приходят в виде мгновенных озарений. Но, во-первых, так это кажется лишь на первый взгляд. Известно, что периодическая система химических элементов открылась Менделееву во сне. Но можно быть уверенным, что она никогда не приснилась бы Льву Толстому. Во-вторых, в подобных случаях мы сталкиваемся со спонтанными проявлениями созерцающей силы суждения, которая ведь постоянно проявлялась и на доиндивидуальном уровне развития и называлась *откровением*. Обученное аналитическое мышление пользуется широким аппаратом суждений: описательных, классификационных, далее: единичных, ограничительных, суждений подчинения, принадлежности и т.д. С их помощью оно стремится как можно быстрее взойти к наиболее универсальным, безусловным суждениям, формулирующим закон. Но здесь возможен и иной путь — тот, которым пошел Гете. Он открыл, что активное, способное к самодвижению в сфере чистых идей мышление, будучи ограниченным на ступени анализа описательными суждениями, а затем приведенное к активному молчанию, способно метаморфизироваться в силу идеального восприятия и воспринимать идеи непосредственно в объектах. И лишь когда та-

кое восприятие получено, его следует подвергать эмпирической проверке.

Все великие идеи, в первую очередь нравственные, двигавшие человеческий прогресс в прошлом, получены таким путем. Они извлекаются человеческим духом из вещей (материальных ли, идеальных ли) только потому, что изначально заложены в них. Обретая мыслящее сознание, человек получает к ним доступ на идеальном, не чувственном уровне, — иными словами, восходит к единой первооснове вещей, где отсутствует противоположность между субъектом и объектом. Фихте в данной связи говорит о «тетических» суждениях. Они в конечном счете также синтетические, только свою, скажем, диалектическую ступень они проходят в духовно сущностном, онтологически, о чем у нас еще будет идти речь. Тетическое суждение «Я есмь» дано мне благодаря рефлектирующему мышлению. Возникло же оно эволюционно, благодаря пра-древнему дуализму Бога и мира, Творца и творения. С тетическими, или полученными с помощью созерцания, суждениями мы вошли уже на пятую ступень анализируемого нами логического ряда. Но прежде, чем исследовать ее, раскроем пошире и резюмируем четыре предыдущие.

В эволюции было так, что Духи Мудрости излили свое эфирное тело в бескачественную волю Духов Воли. Этот факт лишь с оговорками может быть уподоблен отношению Я и не-Я, ибо та жизнь, которой Духи Мудрости одаряют бытие, есть «благодатью воздействующая добродетель... Эти дары пронизывают и оживляют Вселенную, вливаясь в нее и впервые устроявая ее» (132; 14.XI).

В полном смысле говорить о принципе не-Я можно лишь в более поздние эоны, когда Боги противостоят самим себе и создают некий мир противобогов — иллюзорных, люциферических богов, наделенных бытием как *акциденцией*. В первом же эоне, на древнем Сатурне, эфирное Духов Мудрости есть субстанция, встающая в отношение к субстанции Духов Воли. Они изливают ее, но она возвращается к ним обратно. Субстанция же воли обратно к Духам Воли не возвращается. Она содержит в себе в ином бесконечные силы творения, движения. Лишь имея это в виду, можно понять, почему фихтевское Я способно само себя полагать. Фихте, говорит Рудольф Штайнер, «бессознательно решает представить Я как сущее» (3; гл.VI), что было совсем неприемлемо для Гегеля. Однако нам, когда мы обращаемся непосредственно к созерцанию картины становления, философские противоречия раскрываются как грани одного целого.

Благодаря взаимодействию воли и жизни, которое лучше рассматривать не как противоречие, а как отношение, отношение небытия и бытия, бескачественная астральность, абсолютный субъект (потому Я) через становление обретает качество, «наличное бы-

тие» — согласно терминологии Гегеля, — которое есть астральное тело Сатурна. Такова духовная реальность, встающая позади гегелевского тождества бытия и ничто. Диалектика этого тождества обнаруживается в рефлектирующем сознании по той причине, что наличное бытие проявляет себя в нем как абсолютное в-себе-бытие. *Феномен мышления есть первое наличное бытие*, в котором заключена тайна его происхождения.

В жертве Духов Воли содержится чистая актуальность. Иное — бытие Духов Мудрости. За счет того, что оно объективируется в этой актуальности, оно и ей дает объективный характер. В деятельности Духов Движения она как будто бы возвращается к себе, ибо субстанционально воля Духов Воли и астральное тело древнего Сатурна — одной природы, и в то же время Сатурн есть полная объективация сущей воли. Потому это не круг. Фактически мы имеем взаимодействие Существ трех иерархических родов огромной высоты. Они суть прафеномен того, что в теневом сознании завязывается и разрешается в виде диалектической триады, которая лишь в сознании превращается в круг, когда «первое становится и последним, а последнее — первым»⁶⁵.

Отвергая существование прафеноменального, мы вынуждены будем признать, что самодвижение чистого мышления есть просто чудо. С другой стороны, круги диалектических триад лишь в точке соприкасаются друг с другом, и хотя способны своею сетью объять весь мир, они никогда не соприкоснутся с чувственной реальностью как таковой. В диалектике чистого мышления сознание и бытие несоединимы. Поэтому с необходимостью должен быть поставлен вопрос о единстве логического и эволюционного*. В их единстве то, что в мышлении выступает диалектически, образует отношение. Вот почему в философии оказалась столь слабо разработанной онтологическая проблема в сравнении с гносеологической. Онтологически движение мысли не обусловлено противоречием, и тем не менее обладает своей логикой. Логика онтологии до- или постдиалектична, а поскольку в философии такой логики никто не открыл, то онтология, будучи возводимой на тетических суждениях, стала предметом религиозной философии. Ее доказательность начинается с переходом от диалектической триады к созерцающей силе суждения. При этом вся она — сплошная дедукция, движущаяся от идеально-созерцаемого к чувственно-конкретному: моральному, социальному, менее — к историческому.

* Именно эволюционного, а не исторического, к чему пришел Гегель, ибо исторический ход развития мысли всецело протекает в абстрактном. История философии имеет теперь значение для познания тех «следов», что остались на пути индивидуального к я-сознанию и далее — к созерцанию. Хотя далеко еще не каждым этот путь пройден до его новой фазы.

Почему, например, столь непоследовательной и противоречивой кажется философия Н. Бердяева? Именно потому, что он пытается *post faktum* внести диалектику в то, что открывается ему как «познание разом», не логически в общепринятом смысле этого слова. То есть он ошибочно делает шаг назад от интеллектуального созерцания, которым воспринимает идею разом (поскольку мышление у него обучено диалектикой), к тому, что уже оказывается в таком случае ненужной предысторией акта познания, вместо того чтобы прямо доводить дедукцию до ее конкретного, индивидуального, что он делает лишь в третью очередь.

В конечном счете, и в онтологии речь должна идти о некоей логической полноте, которую мы и пытаемся выявить. В диалектической триаде содержится отблеск принципа творения. Он, как праязв, пронизывает собой и бытие, и мышление. Самобытие и самосознание коренятся в одном имажинативном мире, хотя и выражаются поразному. «Познание Бога, — говорит Гегель, — отнюдь не недоступно разуму, ибо разум — это лишь отблеск Бога...»⁶⁶. Чтобы «отблеск» Творца не оторвался от творения и не противостал ему как чему-то чуждому, мы, совершая мыслительный процесс, не должны завершать его триадой тезис — антитезис — синтез, что, с одной стороны, замыкает его в круг абстракции, а с другой — есть в некоем роде преждевременная жатва. Семя, умирая, возрождается в ростке, но росток — это еще не новое семя; ему предстоит пройти еще ряд ступеней, чтобы породить новое семя.

Обратимся снова к эволюции. Мы установили, что бескачественная воля, пройдя через состояние жизни, обретает качество — наличное бытие. Потом выступает следующая Иерархия — Духи Формы, или Элоимы. Это четвертая ступень эволюции древнего Сатурна. С нею следует связать категорию количества, которое у Гегеля «есть чистое бытие, в котором определенность положена уже не как тождественная с самим бытием, а как снятая, или безразличная»⁶⁷. Поскольку же и количество коренится в сущем, то «снятость» в нем «определенности» есть опять-таки не что иное, как *имманентный закон самодвижения*. Фихте через категорию количества приходит к «делимости» Я и не-Я⁶⁸, вообще впервые получает возможность выйти из абсолютного полагания, что весьма примечательно с точки зрения сказанного нами.

Таким образом, мы должны видеть, что через категорию количества круг триады размыкается и мышление выходит как бы на внешнюю сторону (рис. 2). И здесь оно становится в одном случае аналитическим, в другом — созерцающим, и в обоих случаях — эмпирическим, если эмпирию понимать в самом широком, в том числе и эзотерическом, смысле, и получает возможность двигаться не внутренним, а внешним коренным противоречием духа и ма-

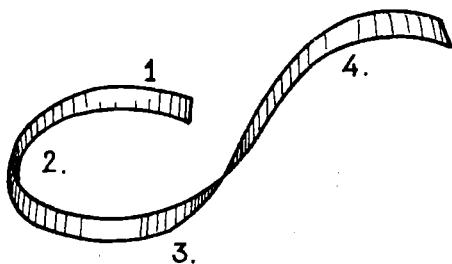

Рис. 2

терии, субъекта и объекта, которое оно преодолевает, когда «я» соединяет понятие с восприятием (в том числе и идеальным). Поэтому на четвертой ступени теория познания должна сделать существенный поворот. Гегель правильно нащупал необходимость такого поворота, возведя в «Науке логики» свою

иерархию категорий. Ею он, фактически, обозначил ступени той логики, о которой речь идет у нас. Тому, что возникает здесь на 4-й и 5-й ступенях, у Гегеля соответствуют категории количества и качества. Но, как панлогист, Гегель созерцает свои категории лишь из мира триад и потому не видит их реальной (а не абстрактной) логической взаимосвязи с предшествующими им категориями. Он и в логике главным образом показывает лишь то, как изживает себя абстрактное мышление, когда мыслит о логике.

Бескачественная воля Престолов есть начало творения нового цикла, протекающего в семи зонах, или в семи метаморфозах. Оно есть чистая актуальность и реальность субстанциональной воли. Поэтому «понятие реальности равно понятию деятельности»⁶⁹. Оно также есть абсолютное Я, или Я-есмы. В отношении к этому исходному состоянию верно шопенгауэровское: «Мир как воля и представление». Мыслесущество = волесуществу. Их тождество и есть: «В начале было Слово». Однако древний Сатурн не является абсолютным началом, которого вообще не существует. Духи Воли получают задачу, продуманную в еще более высокой сфере. Она состоит в том, чтобы высокие мысли, полученные от Троиного Бога и продуманные Серафимами, слить с новой действительностью (110; 14.IV), т. е. сотворить феноменальный мир. Что в акте творения движет Духами Воли — это переживание свободы и любви к поступку, к творению. Таким образом, то, что составляет цель развития человеческого духа, — свобода и «этический индивидуализм», какими они описаны в «Философии свободы», является исходным в творении нашего Мироздания. Субстанция Духов Воли есть деятельная мудрость как форма их бытия в более высоком, бытия в Троином Боге. Субстанция Духов Мудрости — «благодатью действующая добродетель» — есть форма их бытия в более высоком. Это любовь, которая, как жизнь (животворящая любовь) желает слиться с проявленным миром. В нем истинным тождеством являются: сущее=свобода=любовь. Духи Воли вносят в творение мудрость, Духи Мудрости —

любовь. Тут нет противоречия, если проследить связи Иерархий до их высшего звена.

В Божественной Троице пребывает первоисточник Любви и Мудрости. Абсолютное единство Бога-Отца, Сына и Святого Духа покоится в Боге-Отце. Акт творения начинается через расторжение этого единства, но не в себе, а в явлении. Это, как задачу, идущую от высшего Единства, переживает Первая Иерархия, также образующая триединство. Она раскрывается в эволюцию, и далее ее импульс переходит, скажем, к явлению второго рода через нижнее звено: Духов Воли. Здесь сквозь них, носящих в христианском эзотеризме также имена: «Лучистые жизни», «Лучистые пламена», «Возвышенно Правящие», — деятельность Херувимов проявляется как Мудрость. Херувимы еще имеют имя «Полнота Софии». Так что жертва Духов Воли полна высшей мудрости; она *софийна*.

Самые высокие существа Первой Иерархии, Серафимы, или «Духи Вселюбви», проявляются через высший род существ уже Второй Иерархии, через Духов Мудрости. Так проявляется в творении разделение высшего единства Любви и Мудрости. При этом единство сохраняется также и внизу, в разделении, но, говоря опять же языком философии, в снятом виде, т. е. как закон, имманентная актуальность, обуславливающая самодвижение отношения любви и мудрости, выступающих в мыслящем сознании как тезис и антитезис, к единству, синтезу. Можно сказать, что синтез есть некоего рода точечный объект в сознании, ничто бытия по сравнению с «кругом» сущего (рис. 3). Он возможен лишь потому, что присутствует на протяжении всего пути движения тезиса и антитезиса, но в снятом для рефлектирующего мышления виде. Рисунок поясняет это. В точке синтеза нисходящее из духа развитие не возвращается к себе, а в некотором роде выходит на «другую» сторону. Далее троичность разворачивается в семеричность. Подобную тенденцию имеют и диалектические триады. В троичности (триединстве) творение еще не отрывается от Творца, потому в нем (в Я) исключены свобода и

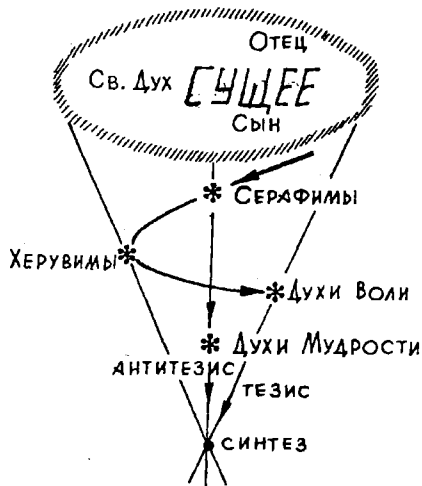

Рис. 3

Я. Чтобы они возникли, феноменология духа должна пройти через семичленный цикл метаморфоз.

Духовная высота Духов Воли позволяет им в конце эоны древнего Сатурна, на седьмой ступени развития, напечатлеть тепловым фантомам зачатки Духочеловека. И только в нем и возникает по-настоящему, т. е. окончательно, инобытие абсолютного, совершенная объективность, рядоположная абсолютному Субъекту.

В начале развития Сатурна субстанция есть чистое полагание. Духи Мудрости наделяют ее предикатом: она живет (отражает). В этом возникает ее ограничение, о чем языком философии Фихте можно сказать так: «...всякая реальность полагается в Я, это значит, что в нем полагается всякая деятельность, и наоборот: что все в Я есть реальность; это значит, что Я только деятельно; поскольку оно деятельно, оно есть только Я; поскольку же оно не деятельно, оно есть не-Я»⁷⁰. Не-деятельность же, согласно Фихте, есть страдание. Схождение высшего к низшему есть страдание. Субстанция Духов Воли в полагании есть Я, в отражении — не-Я. Страдая, она рождает наличное бытие*. Единственную возможность наполнить Я реальностью Фихте видит лишь в страдании Я, находящегося в «состоянии аффекта»⁷¹.

Это страдание высшего и чистое вожеление низшего, творения, и обусловили, если говорить на языке Духовной науки, совершение Духами Движения объективации бескачественной воли в астральное тело Сатурна. При этом наслаждение Духов Мудрости отражением своей жизни в субстанции воли образовало деятельность стоящей ниже их Иерархии Духов Движения, низший член существа которых не эфирное, а астральное тело. Все в духовном мире есть одни только существа.

Таким образом, в деятельности Духов Движения сущее становится сущностью. И сущность эта есть качество, или, также, наличное бытие. Далее Духи Формы порождают в нем множественность, «наводят» в нем множественность с характером субъекта, и она есть не что иное, как отражение самих Духов Формы в ином.

В человеческой духовной деятельности эта ступень эволюции воспроизводится всякий раз, когда понятия приходят в связь с восприятиями. Мы уже отмечали, что в аналитическом мышлении суждение содержит в себе внутреннее противоречие, но как снятое. В своем дальнейшем движении, как синтетическое суждение, оно вступает в противоречие с внешней реальностью. И как во внутренней диалектике каждая посылка содержит в себе лишь присущее ей противоречие, так и во внешней реальности понятие

* В этом нисхождении-страдании Божественного уже явлен первообраз нисхождения Христа к земному человечеству.

приходит в связь лишь с соответствующим ему восприятием. Следует еще отметить, что на этом, внешнем, пути опять, как и в высших сферах бытия, возникает не противоречие, а отношение. Значит, и понятие и восприятие есть лишь разные состояния единого высшего бытия. Противоречие остается лишь в познающем субъекте и снимается в нем им же самим.

Обе стадии выводимого логического цикла отчетливо просматриваются уже в учении схоластики об универсалиях. Универсалии до вещей (*ante rem*) присутствуют в аналитических суждениях. Синтетические суждения имеют дело с универсалиями в вещах (*in re*). И только потому, что это два разных состояния одной и той же универсалии, возможна выработка созерцающей силы суждения. Она позволяет взойти на ступень выше, к достоверности универсалий *ante rem*, которые тогда суть не что иное, как универсалии *post rem* (после вещей). По этой причине становится очевидным, что сфера синтетических суждений есть даже не философия природы, а чистое естествознание, где обретается способность «всматривания» в универсалии *in re*. На вопрос: зачем нужно это делать, если эмпирические науки все равно приводят к познанию природы? — логично дать такой ответ: в созерцающем суждении участвует вся полнота человеческой индивидуальности, восходя через него к своей божественной первооснове. Игнорируя познающего субъекта, современная наука дегуманизируется и превращается в самоцель. Кроме того, существенным моментом остается интерпретация опыта, которая в рамках материализма не способна преодолеть свой метафизический характер.

Итак, к универсалиям *post rem* мы приходим на пятой ступени семичленного логического цикла. На ней человеческий дух перекинул мост между «я» и миром, но еще не прошел по нему. Однако это, можно сказать, решающая ступень. В эволюции древнего Сатурна ей соответствует выступление Духов Личности. Низший член их существа — астральное тело, но «оно действует как современное человеческое Я». Через них на древний Сатурн из его окружения взирает это «я». И оно сообщает свою природу отдельным жизнесуществам (*Lebe-Wesen*) Сатурна» (13; с.163). В них первосубстанция Духов Воли обретает характер «тонкой вещественности» в виде тепла. *Самосознание Духов Личности, впервые во всей эволюции, вспыхивает на основе отражения, перешедшего с духовной на вещественную сторону бытия.* Сатурн в это время наполняется тепловыми шарообразными формами, которые являются первым зачатком человеческого физического тела.

Вместе с тепловыми телами возникает тепловой эфир. Возникает время. И время — также существа — есть Духи Личности. Тепловые

формы движутся в будущее силой теплового эфира, и, как прошлое, от их движения остается первоогонь, в котором прежде (в начале зона Сатурна) тепло (душевное) было слито в единство с внутренним бытием.

В духовном мире все есть ритм, звучание. Жертва Духов Воли звучит Мировым Словом, и оно рождает Духов Личности. Они суть люди древнего Сатурна, поскольку свое Я-сознание обретают благодаря феноменальному миру тепловых монад. Такого сознания не знают более высокие Иерархии, поэтому именно Третья Иерархия: Духи Личности, Архангелы и Ангелы, — получают наиболее непосредственное отношение к человеку. Она более всех «понимает» нашу душевно-духовную жизнь.

Первозачаток человеческого физического тела рождается мировым Словом вместе с Духами Личности, и его следует мыслить как тепло без материального носителя. И такую вещественность в форме тепла, пишет Э. Марти, «в отличие от материи, следует обозначить как субстанцию»⁷². Тепло является последним состоянием субстанции, проявленным уже по эту сторону порога сверхчувственного мира. Другая его сторона, по ту сторону, — тепловой эфир. Это мост между духом и материей на уровне бытия. Я Духов Воли, живущее в тепловой субстанции, есть зачаток Духочеловека. Зачаток потому, что на древнем Сатурне Духочеловек еще не обладает самобытием; и в то же время он уже противостоит высшей субстанциональной воле за счет опосредования деятельностью ряда Иерархий.

Сознание, обретаемое Духами Личности за счет тепловых монад Сатурна, всецело созерцающее. Их знание — непосредственное, но оно подобно человеческому, поскольку является в связи с существованием чувственных объектов. Духам Личности уже ведомо некоторое противопоставление их Я и мира, но более оно носит характер отношения, ибо ни на единый миг сознание Духов Личности не останавливается перед проблемой познания. Это состояние трудно понять рефлектирующему мышлению, поэтому Кант отводит созерцающей силе суждения место лишь в искусстве и в органической природе, где в «созерцающем рассудке» особенное не выводится из всеобщего, но определяется им («Критика силы суждения»). Однако Гете казалось, «что этот замечательный муж действовал с плутовской иронией, когда он то как будто старался самым тесным образом ограничить познавательную способность, то как бы намекал на выход за пределы тех границ, которые сам же провел»⁷³.

Гете солидаризируется с Кантом, когда речь заходит о критике той необдуманности, с какой «опрометчиво» спешат «приписать предметам какой-нибудь вздор, мелькнувший в голове». Кроме

того, указывает Гете, сам же Кант допускает существование рассудка, «который, будучи не дискурсивным, как наш, а *интуитивным*, идет от *синтетического общего*, от созерцания целого, как такового, к частному, от целого к частям». И Гете продолжает: «Так приходим мы «к идее некоторого *intellectus archetypus*, и эта идея не содержит в себе противоречия».

Кант, правда, имел в виду божественный рассудок, однако Гете считает, что и в интеллектуальной области «посредством созерцания вечно созидающей природы мы становимся достойными принять духовное участие в ее творениях». И Гете заключает в своей статье «Созерцающая способность суждения»: «И если я сначала бессознательно и по внутреннему влечению без устали добивался первообраза, типического, и мне даже посчастливилось создать представление, согласное с природой, то уж с тех пор ничто не может мне помешать и дальше отважно настаивать на этой *авантюре разума*, как ее называет сам кенигсбергский старец»⁷⁴.

Против «знания посредством созерцания» возражал и Гегель. В то же время, «чистое созерцание» он считал тождественным «чистому мышлению», но не с точки зрения эмпирического «я», а личности «в себе всеобщей», каковая есть мысль⁷⁵. Однако на это, вновь апеллируя к «Философии свободы», мы должны сказать, что эмпирическое «я», мысля о мышлении, тождественно всеобщему, а на ступени созерцания-восприятия — тем более; оно на самом деле восходит там, как эмпирическое «я», к *intellectus archetypus*, которым порождены как оно само, так и мир вещей. Фихте переживал это положение вещей в предчувствии, не будучи в состоянии проложить к нему логического пути, поскольку, как замечает Рудольф Штайнер, не смог от полагания Я самим себя перейти к «полаганию мышления», а потому он получает не тетическое, а совершенно «экзистенциальное суждение»: Я — есмь (3; гл. VI). Но именно этим он и обнаруживает свое чувство связи мышления с бытием.

Наконец, не просто существенным, а, как мы полагаем, решающим для характеристики отношения философской классики к созерцающей силе суждения является та оценка, которую Гегель дает всему методу Гете, при помощи которого тот сделал все свои основные естественнонаучные открытия и в котором созерцающее суждение играет первостепенную роль. В письме от 24 февраля 1821 г. Гегель пишет Гете: «Вы ставите во главу угла простое и абстрактное, что так удачно называете прафеноменом, — затем раскрываете конкретные явления в их возникновении благодаря привхождению дальнейших сфер воздействия и новых обстоятельств и так управляете всем процессом, чтобы последовательный ряд шел от простых условий

к более сложно составленным, располагаясь в определенном порядке... Выискивать своим чутьем этот прафеномен, освобождать его от всяческих прочих, случайных для него сопутствующих элементов, постигать его, как говорим мы, абстрактно — это я считаю делом великого духовного чувства природы, равно как метод такой вообще считаю поистине научным для познания в этой области. Напротив, я вижу, как Ньютон и весь сонм физиков после него хватаются за какое-нибудь сложное явление, упираются в него как в стену и начинают взнуздывать клячу с хвоста... просовывают и вгоняют в явление все то, что лежит перед ним и за ним. При этом у них не обходится без «изначальности» ...Вкладывают в явление некое рукотворное, достойное их самих нутро...» Говоря о значении первофеномена для философии, Гегель продолжает: «...когда наше поначалу аморфное, серое или совсем черное — как Вам угодно — абсолютное мы доводим до воздуха и света, до того, чтобы оно возжаждало таковых, тогда нам нужны проемы, чтобы совсем вывести его на белый свет. Наши схемы рассеялись бы как дым, если бы мы просто захотели поместить их в пестрое и запутанное общество неподатливого мира. Здесь нам превосходную службу сослужат прафеномены... В этом двойном свете — духовном и постижимом благодаря своей простоте, зримом и осязаемом благодаря своей чувственности — *приветствуют друг друга оба мира — наш темный мир и являющееся бытие* (выделено нами. — Авт.)».

Таково было истинное положение дел в науке в начале XIX в. Удержись оно и дальше на достигнутой высоте, и студентам XX в. не пришлось бы в качестве основной «философской» дисциплины овладевать учением о прибавочной стоимости. Тогда созданная Рудольфом Штайнером в конце XIX в. давно искомая лишенная предпосылок теория познания заняла бы подобающее ей место в умах людей, разгоняя сон разума.

Но вернемся к нашей теме. Схождение двух миров, о котором пишет в своем письме Гегель, открывает познающему «я» путь к преодолению их дуализма. Дело остается за деятельным «я». В эволюции древнего Сатурна эта, шестая, ступень отмечена особым переломом. Его прежняя отраженная жизнь принимает внутренний характер. В ней возникают вспышки световой игры — предвестники становления пространства*. Плоды этого развития получают Архангелы, или Духи Огня. Действуя на тепловые монады,

* Мы прослеживаем лишь главную канву той древней эволюции, опуская пространственные описания, которыми ее сопровождает Р. Штайнер в «Очерке тайноведения» и во многих лекциях. Ознакомившись с ними, читатель найдет множество дополнительных аргументов в пользу развиваемой нами темы.

они могут как бы сказать себе: «Окружающее меня дает мне быть» (13; с.165). Их степень сознания родственна современному сознанию сновидения. Получая его за счет тепловых тел, Архангелы закладывают в них зачатки органов чувств. Но эту деятельность они не могут совершать самостоятельно. На помощь им приходят Серафимы. Отказываясь иметь какие-либо плоды для себя, они даруют Архангелам созерцание происходящих на Сатурне процессов, которые и встают в их сознании подобно образам сновидения.

Затем — и это седьмая ступень — во внутренней жизни Сатурна возникает нечто такое, что, по словам Рудольфа Штайнера, можно назвать вкусовыми ощущениями. Они возникают в монадах, а вовне выражаются как звук. Так звучащее Мировое Слово впервые получает отклик, приходящий от сотворенного Им. И тут в развитие вступают Ангелы, или Духи Сумерек, Сыны Жизни, Вестники Богов; в индийской эзотерической традиции их называют Бархишад-Питрис, ибо об Ангелах знали во все времена во всех народах. Взаимодействуя со вкусовыми ощущениями, Ангелы развивают в своем эфирном теле — а именно оно является низшим членом их существа — некоего рода обмен веществ. На помощь Ангелам приходят Херувимы и сообщают им род сознания, которым современный человек обладает во время сна без сновидений. Такое сознание способно управлять жизненными процессами, и на древнем Сатурне им руководят Херувимы. Это опять-таки не остается без последствий для человеческих тепловых монад. Силой пришедших на помощь Духов Воли им напечатлевается самая смутная форма сознания, та, какой в современном мире обладает минерал. «Оно, — говорит Рудольф Штайнер, — приводит внутреннюю сущность в созвучие с физическим внешним миром» (13; с.168); и Духи Воли управляют этим созвучием на Сатурне. Человек же в малом становится как бы отпечатком жизни Сатурна в большом: зачаток физического тела получает печать своего Творца — Духочеловека. В седьмой зоне, на будущем Вулкане, этой печатью, как телом воскресения, овладеет индивидуальное человеческое сознание; оно тогда станет интуитивным. На Сатурне же благодаря Духочеловеку впервые проявляется смутная человеческая воля. Она носит машинообразный характер, поскольку управляют ею Духи Воли. Вовнутрь Сатурна она открывается как запахи.

Итак: теплота — световая игра — вкусовая и звуковая игра — запахи (вовнутрь) и машинообразная воля, Я (вовне). После того все бытие древнего Сатурна начинает одухотворяться и переходить на астральный план. Для феноменального мира наступает пауза, пралайя.

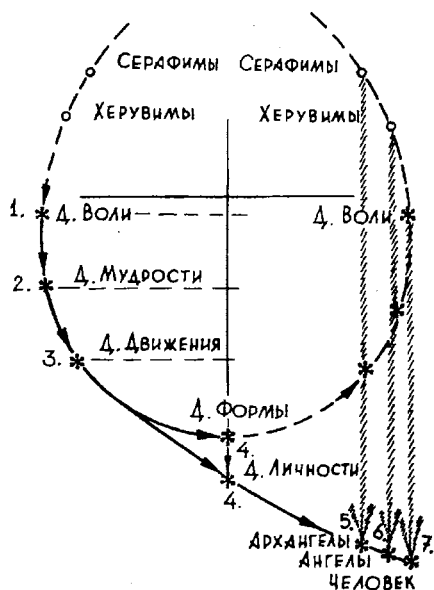

Рис. 4

Резюмируем в виде схемы все сказанное об эволюции древнего Сатурна (рис. 4)*. Несмотря на ее условный характер, наша схема позволяет лучше уяснить общий принцип эволюции, начиная с ее первого звена. Представим себе все развитие древнего Сатурна в виде некоей яйцеобразной формы. Ее верхняя часть уходит в выси сверхчувственного. Обозначенное слева сплошной линией выражает описанный ступенеобразный процесс творения. Нижняя часть овала обозначает границу, до которой доходят Первая и Вторая Иерархии. Это граница наделения Я. За нею начинается некое отпадение духа, в которое высшие Иерар-

хии не нисходят. Она движется по наклонной линии вниз, порождая в конце концов трансное сознание в человеческой монаде, обладающей зачатком одного лишь физического тела. Тем же путем идет Третья Иерархия. Но она не соединяется с ~~отражением~~, а лишь использует ~~его~~ как аппарат отражения. (Более высокие Иерархии находили свое отражение в субстанции изначальной воли.) Что должно возникнуть по правую сторону от вертикальной оси, составляет задачи развития последующих зонон. На древнем Сатурне они обнаруживаются лишь как действующий закон. В дальнейшем мы увидим, как он будет осуществляться.

Ключевым для дальнейшего хода эволюции является положение Духов Формы, или Элоимов. Они пребывают на границе внутренней и внешней эволюции. И именно здесь творение одаряется искрой Я. На древнем Сатурне Духи Формы выступают в роли неких "Ангелов" по отношению к «людям» Сатурна — Духам Личности.

* Приводимыми нами рисунками мы не только поясняем сказанное, но и пытаемся выразить то, что не вполне поддается выражению. Читатель в дальнейшем убедится в этом сам. Мы же, со своей стороны, хотели бы предложить, надеясь, что нас при этом не обвинят в нескромности, изучать рисунки немного медитативно. Тогда из них можно будет извлечь немало другого. Когда духовно-научное содержание пытаешься дать с помощью рисунков, то они приобретают характер весьма динамичных символов.

Таким образом, в результате развития первого зона творения абсолютное Я погрузилось во множественность «Я» Духов Личности и выступило в них как предметное сознание, хотя и вне связи с чувственным опытом. Далее неким «наведением» оно стало осуществлять себя в машинообразном волеизъявлении тепловых монад, наделенных атрибутом высшего Я Духов Воли.

Но в целом Я-деятельность Духов Личности направляется на весь ряд нижестоящих существ: Архангелов, Ангелов и человека. Через них Духи Личности находят отношение к высшей Иерархии. И в этом можно видеть преобраз действия сознания, почерпывающего универсалии после вещей. На древнем Сатурне подобная деятельность, несомненно, имела совсем иной вид, чем на Земле, но принцип был тот же. Универсалии до вещей живут в области, расположенной налево от вертикальной оси (см. рис. 4). Вверху, выше ступени Духов Воли, простирается сфера необусловленного. Она сводит воедино концы и начала. Будучи сама необусловленной, она обуславливает все. Но по завершении зона Сатурна Абсолютное, возвращаясь во в-себе-бытие путем одухотворения и поднятия в свои сферы всего творения, также оказывается *обусловленным*. Произошло это благодаря тому, что субстанция творения, воля Престолов, обрела индивидуального носителя в материальном бытии. Им стал человек с трансовым сознанием, свойственным современному минералу. В «ничто» его сознания, — с точки зрения мышления, — содержалось «все» бытие — Я Духов Воли как зачаток Духочеловека, Мировое Слово, Мировая Мысль. И в том состоянии Творец и творение были единством. Таковы они и ныне, только непосредственным образом это дано лишь в мышлении, проистекающем из индивидуального Я. Через мышление, в первую очередь, пролегает путь человека к Творцу. В развитии человек получил мышление последним, уйдя для этого в материальное бытие вплоть до его последней формы; и оно же должно стать первым, с чем он должен работать на возвратном пути к духу, если не желает вновь попросту раствориться в ничто. Тогда бы он все равно вернулся в лоно Бога, но перечеркнув весь смысл творения.

3. Гетеанизм и логика

ПОСЛЕ ПРАЛАЙИ, «мирового сна», в который ушло проявленное бытие, оно вновь приходит к явлению — раскрытию и развитию. Но это не прямое продолжение того, что было до пралайи, а метаморфоза прежнего состояния в новое. Пралая, или небытие, что отделяет ступени метаморфозы одну от другой, означает возврат

бытия в лоно Сущего. Там вновь приходят к тождеству непосредственное и то, что было опосредовано: явление и его закон. Всякое развитие есть отделение от Сущего, и поэтому его возможности имеют предел, перейдя через который, творение уже никогда не возвратилось бы к Творцу. В состоянии пралайи той сумме объективного, которое достигнуто в процессе проявленного развития в ^{идущем} материальном мире, напечатлеваются новые черты Сущего, что затем на новой ступени метаморфозы обнаруживается как обогащение и расширение имманентных законов развития. В пределах одной ступени законы остаются неизменными (они образуют идеальное содержание феноменального мира), их можно лишь частично модифицировать. Вот почему в современном нам мире, пока не наступит коренной перелом, ни одно животное не взойдет к мыслящему сознанию, ни одно растение не обретет нервной деятельности, ни один минерал не прорастет.

Возникающее на второй ступени метаморфозы в эзотерике называется древним Солнцем*. Имагинация творения зона Солнца такова: «Жертвующие Престолы, коленопреклоненные перед Херувимами; и к их жертве присоединяются, некой вереницей, Духи Мудрости, преданные в своем настроении тому, что они видят в центре Солнца: жертве Престолов, которая вырастает в их настроении до образа жертвенного дыма, льющегося во все стороны и принимающего наконец форму шара, творя из своего облика лики Архангелов, которые отражают жертвенный дым с периферии как свет, светя внутри Солнца, возвращая дар Духов Мудрости и творя таким образом сферу Солнца. Она состоит — будучи принесенной в дар — из пламени и жертвенного дыма». (132; 14.XI).

В сверхчувственном познании такая имагинация, подобно имагинации древнего Сатурна, разворачивается в семь больших состояний развития. В первом состоянии, или на первой ступени, прежняя жертва Духов Воли вновь сгущается до теплового состояния. Но на этот раз она способна в сотворенном не только на механическое волеизъявление, но и на внутреннее восприятие себя как жизни. Что прежде, говоря языком современной науки, «моделировалось» в тепловых монадах как жизнь, получает теперь тенденцию стать самобытием благодаря тому, что Духи Мудрости, взойдя на ступень выше, обрели способность, подобно Духам Воли на Сатурне, принести в жертву свое эфирное тело, которое, пройдя через переживание жизни в отражении, всецело пронизалось их сознанием и стало Жизнедухом.

* Планеты Солнечной системы с аналогичными названиями имеют отношение к тем зонам. Они присутствуют здесь как воспоминание о древних состояниях и предвосхищение будущих. Но в целом вопрос таких соответствий значительно шире.

Так приходим мы к главной отличительной особенности развития на древнем Солнце: в нем особое значение приобретает второй акт — жертва Духов Мудрости. Вся седмица развития окрашивается их новой ролью, как на древнем Сатурне во всех его метаморфозах доминировало безусловное «полагание» Духов Воли. Солнце выступает в некоем роде как антитезис Сатурна. По сути говоря, каждый эон представляет собой гигантскую отработку одной из ступеней семичленной метаморфозы, и те из них, очередь которых еще не наступила, сказываются на предшествующих ступенях через закон всеединства в той или иной мере условно, частично*. Свое полное завершение вся цепь метаморфоз получит лишь тогда, когда абсолютное Я, пройдя через ряд форм инобытия в индивидуальных «я», придет в них к Я Духочеловека. На будущем Вулкане человек, став тождеством «я» = Я, пронизет своим высшим сознанием физическое тело, благодаря чему оно станет телом воскресения — Духочеловеком. Проработка абсолютным Я оболочек человека, идущая вплоть до физического тела, и образует стержень метаморфоз. Внутри них господствуют противоречия, приходящие к разнообразным разрешениям. Прежде всего, из противоречия рождается «независимая деятельность», в смысле философии Фихте. Жертвой Духов Мудрости в тепловые монады столь же абсолютно, как и породившая их воля, входит жизнь. Возникает несамотождественное на том низшем уровне, но целостное взаимодействие воли, мудрости и жизни. Говоря языком философии Фихте, в возникшем состоянии можно выделить три момента:

«1. Взаимным действием и страданием определяется некоторая независимая деятельность.

2. Некоторой независимой деятельностью определяется взаимное действие и страдание.

3. Обе стороны взаимно определяются друг другом, причем безразлично, будем ли мы переходить от взаимного действия и страдания к независимой деятельности или же, наоборот, от независимой деятельности к взаимному действию и страданию»⁷⁶.

Поскольку философия Фихте известна лишь очень узкому кругу специалистов, мы изложим вкратце, какое содержание вкладывает философ в эти три положения, важные для нашего дальнейшего из-

* Мы лишь в дальнейшем, в седьмой главе подойдем к вопросу о том, как еще не осуществленные макрокосмические ступени метаморфозы могут актуально действовать в развитии. Предварительно лишь скажем, что их действие обусловлено природой астрального мира с его движением навстречу феноменальному времени. На рис. 4 мы могли бы на овале поставить стрелки, идущие и в противоположном направлении, ибо метаморфоза осуществляется в «Лоне Божием», внутри определенной формы, где кроме развития к множественности господствует также божественное Единство.

ложения. Стрдание и деятельность, говорит он, противоположны друг другу, и возникает вопрос, почему вообще между ними должно происходить взаимодействие и, таким образом, взаимоопределение? Оно происходит в силу наличия чего-то третьего, которым является «*основание отношения*» между ними, не зависящее от взаимоопределения. Оно шире, чем взаимоопределение, и оно есть некая «реальность», а если взаимоопределение мыслится, то — «некоторая деятельность».

Во взаимоопределении Я и не-Я имеются два основания их отношения: идеальное и реальное. Первое возникает благодаря тому, что некоторое количество деятельности Я переходит на не-Я. От этого в Я полагается страдание, а в не-Я — деятельность. Количество, равное самому себе в Я и не-Я — в страдании и деятельности — имеет место в рефлексии, когда полагается взаимоопределение Я и не-Я. Но страдание противоплагается сущности Я, как отрицание бытия. С этой точки зрения страдание есть качество. И это есть основание реальное. Реальное основание страдания полагается деятельностью не-Я. В то же время, лишь пока Я страдает, для него существует реальность не-Я. Таково их взаимоопределение. Кроме того, страдание есть деятельность и по качеству и по количеству (как уменьшенная деятельность). Ибо Я полагает себя лишь как существующее. Поэтому деятельность является основанием отношения обоих моментов. Поскольку же Я *безусловно* полагает себя, безо всякого основания, то таков же характер и его уменьшенной деятельности — она также абсолютна. И с «безусловной самоопределенностью» она, направляясь на объект, ограничивает себя. Будучи же направленной, она *необходимо* ограничивается в данном и никаком другом объекте, определяется объектом, который прежде, «силой воображения», сама определила. Так полагается независимая деятельность. Она объективируется от Я и не-Я как деятельность. Но во взаимосмене она ограничена и является страданием. Она, таким образом, имеет два аспекта.

Обращаясь от независимой деятельности к анализу взаимодействия Я и не-Я и страдания, Фихте приходит к выводу, что Я, перенося деятельность на не-Я, делает и его страдательным. Это не может быть иначе, если *идеально* полагаемое в не-Я (количество деятельности Я) становится *реальным* основанием некоторого страдания в Я; идеальное основание становится реальным (как качество)*. В независимой же деятельности, как в своем синтезе, идеальное и

* Здесь мы опускаем пространное и довольно сложное доказательство, которое в данном месте приводит Фихте. Ведь нашу задачу составляет проследить общую канву его умозаключений, чтобы затем обратиться к их прафеноменальной основе, раскрывающейся в Духовной науке.

реальное основание суть одно и то же, а следовательно, страдательное состояние Я и не-Я также одно и то же. Так, фактически, в своей системе критического идеализма, который, как он считает, объединяет идеализм с реализмом, Фихте приходит к выводу о единстве бытия и сознания.

Во взаимосмене Я и не-Я, говорит он, имеется и форма, и материя. «Формой взаимо-смены является обоюдное проникновение взаимо-членов друг в друга, как таковое. Материей же является то в них обоих, что делает возможным и необходимым их взаимное проникновение. — Характерной формой взаимо-смены в действительности является *возникновение через уничтожение* (становление через исчезновение)». При этом, добавляет он, необходимо отвлечься от субстанции, на которую производится действие⁷⁷.

Выводы Фихте, по сути, совпадают с выводами Гегеля, к которым тот приходит в своей логике, с той только разницей, что чистое бытие у Фихте — это абсолютный субъект, Я, которое идеально рождает некую объективную реальность — не-Я; в философии Рудольфа Штайнера оно есть реальность чисто мыслящего Я-сознания, в философии Вл. Соловьева — ступень существа.

Приводя выводы рефлектирующего мышления в связь с прафеноменологическими основами бытия, мы обнаруживаем во вторых поразительное раскрытие природы первых. Что, фактически, представляет собой жертва Духов Воли на древнем Сатурне, как не свободное ограничение себя и при этом направленное к определенному объекту — к Духам Мудрости. Хотя основание отношения в том первом эоне еще только намечается. Ведь то, о чем рефлектирует философ, есть, по сути, нечто завершенное, поскольку оно является результатом развития, протекшего в течение трех полных эонов. Жертва Духов Воли рождает лишь идеальное отношение: Духи Мудрости получают в ней свою жизнь отраженной. Жертва еще не переходит в инобытие. В некоем роде весь Сатурн представляет собой одно утверждение: Я, Я, Я. И только породив Духов Личности, Я встает в отношение с не-Я. Возникает вещь-существование, теплота. Она есть реальное основание отношения Я, персонифицированного на той ступени Духами Формы, и не-Я, персонифицированного Духами Личности. По ту и другую сторону этого отношения встают: триада высшего сознания и триада творимого сознания. Такова семеричность сатурнического развития. Но она же есть и восьмеричность, ибо полнота достигается октавой. В ней семеричность обретает выход из своей абсолютной замкнутости. Поэтому нам следует рис. 4 изобразить иначе (рис. 5).

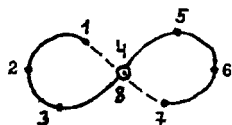

Рис. 5

Тогда Духи Формы остаются в положении 4; Третья Иерархия занимает 5—7-е положения, а человек, одаряемый искрой Духочеловека, замыкает лемнискату развития, приходя в прямую связь с Духами Воли.

В полученной картине развития, если ее взять для условий древнего Сатурна, наиболее существенными являются 1-е и 5-е состояния, в силу уже изложенных причин.

В зоне древнего Солнца вновь повторяется жертвоприношение Духов Воли, но в нем уже есть известная неизбежность. На Солнце, скажем, тезис Сатурна определяется антитезисом Солнца, воля — жизнью. Жертва Духов Мудрости видоизменяет все, что возникло на Сатурне. Вместе со второй ступенью особое значение приобретает шестая ступень, где Архангелы приходят к тому состоянию сознания, которое Духи Личности обрели на Сатурне. Архангелы — это люди древнего Солнца. Все бытие здесь погружается в материальное еще на одну ступень: наравне с теплом образуется воздух. По этой причине *основание отношения постепенно превращается в основание разделения*. Возникает сложная взаимосвязь двух потоков развития: иерархического и человеческого, которые от зона к зоне все более расходятся, по мере сгущения вещества до водного и минерального. Забегая вперед, чтоб было понятнее, о чем идет речь, дадим картину того, к чему все приходит в зоне Земли (рис. 6).

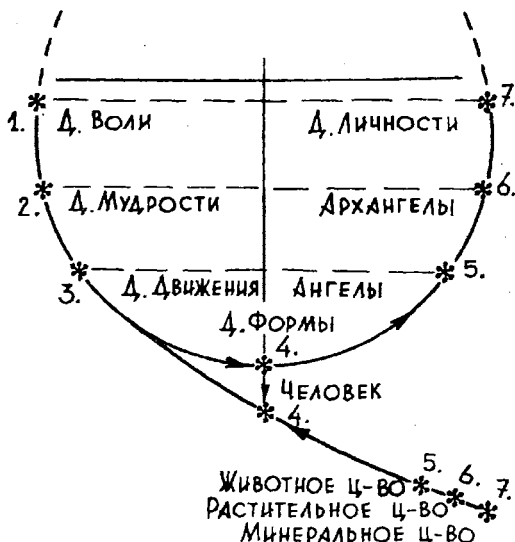

Рис. 6

Вся Третья Иерархия, восходя к Я-сознанию, встает в отношение ко Второй Иерархии и отчасти — Первой. Основание отношения между ними — Духи Формы, т. е. оно и реально, и идеально как в форме бытия, так и сознания. Отношение Третьей Иерархии к инобытию как материальному миру идеально в силу своей субстанциональности. А потому в ней не возникает независимой деятельности, т. е. свободы. В седмице Иерархий господствует непреложное действие

более высоких законов. Там отношение никогда не становится противоречием.

В нижней седмице, в том положении, где обретается предметное сознание и индивидуальное Я, в положении, в какой-то мере аналогичном положению Духов Формы, оказывается человек. Получая Я как дар от Духов Формы, он далее превращается в звено отношений двух родов. Как носитель тройственного тела, он есть реальное основание отношения между царствами Второй и Первой Иерархий и тремя царствами природы. (Групповое Я минерального царства в земном зоне пребывает в сфере Первой Иерархии и т. д.). Как носитель мыслящего сознания (духа), он есть идеальное основание отношения между царствами природы и существами Третьей Иерархии. В силу этого царства природы некогда также взойдут через человека к предметному и более высоким состояниям сознания. Сам человек в идеальном отношении с Третьей Иерархией получит в дальнейшем возможность прийти в отношение со Второй Иерархией и даже с Первой.

Кроме того, человек является основанием противоречивого отношения, противоречия, ибо он стоит между духовным и материальным мирами, коренясь непосредственно в них обоих. Приводя их в связь, соединяя понятия с восприятиями, он поистине совершает независимую деятельность, приводит к синтезу идеальное и реальное основания. И кроме него никто больше во Вселенной не может этого делать. Свои восприятия он получает благодаря душевной деятельности. Она образует третий род основания отношения, который не был обнаружен философией. Он полуреален — полуидеален. Лишь в синтезе философии и психологии, или в психософии, открывается он. В отношении Я к седмице Иерархий раскрывается прафеномен гносеологии; в положении Я между царствами природы и Иерархиями раскрывается прафеномен онтологии. Очевидно, что и то и другое при расширении границ познания должно быть приведено к синтезу. С другой стороны, этот синтез должен вобрать в себя природопознание. Проблемы этой не решить средствами диалектической логики, а только имажинативной, о которой мы и ведем речь.

Имажинативная (назовем ее так) *логика* возводит нас от рефлексии к созерцанию, и чтобы обосновать ее, необходимо опереться на результаты сверхчувственного опыта, как для создания формальной логики необходимо было иметь в наличии мышление. И как первая, так и последняя необходимо стремятся восходить до безусловного и только из него черпать основания для всего последующего, только возможности у них разные.

Опыт сверхчувственного познания показывает, что всеобуславливающее начало мы должны видеть стоящим выше Иерархий, в са-

мой Божественной Троице. Ее Ипостаси выступают регентами отдельных зон эволюции. На древнем Сатурне Регентом является Отчее Начало. Воля Бога-Отца полагает бытие Сатурна. Откровением Его воли и являются Духи Воли. И это откровение полно высочайшего самобытия. Антропософию обвиняют в многобожии лишь потому, что не желают понять, что ее учение о Божественных Иерархиях (а оно присутствует в самом Христианстве с древности) не подменяет само Божественное начало, а раскрывает его действие в творении мира. *Только благодаря этому и становится понятной триединая природа Бога.* По отношению же к человеку Иерархии обладают столь невообразимой духовной мощью, что в полном смысле слова являются Божественными существами, но такое отношение к ним не имеет ничего общего с языческим обожествлением духов природы.

Являясь откровением Бога-Отца, Духи Воли испытывают блаженство от своей способности принести жертву. И в их блаженной любви к поступку действует Ипостась Сына. Она светит навстречу воле Отца от Духов Мудрости, восходящих к более высокому бытию. Кроме того, откровение Отца задумано в Мудрости, в чем выражается Ипостась Святого Духа. И на том высочайшем уровне бытия Дух Святой образует первооснову отношения между Отцом и Сыном. Он действует в том, что составляет астральное тело Иерархий и несет через этот элемент волю Отца. Начало Сына иное — это эфирное тело Духов Мудрости. От взаимодействия воли с жизнью воля обретает способность отражать (астрально) жизнь (эфирное). Это качество воли есть откровение Св.Духа (см. рис. 3). И в целом все пребывает еще в состоянии единства, хотя уже перешло из сокровенного, Сущего, в проявленное, в бытие.

Первое реальное противостояние возникает при образовании тепла, а с ним — теплового эфира. Тут проявляется зачаток качества не-Я по отношению к Отчему Я. Духи Личности хотя и иерархичны, но свое отражение получают благодаря первой вещественности. Их «Я» есть новое основание отношения, как форма уже опосредованной деятельности Святого Духа. При этом Отчее начало образует в форме инобытия вторую сторону отношения. И чтобы инобытие не отпало от Бога, «Отец послал Сына в мир»: с Отчей вещественностью мира имманентно соединяется жизнь. Это означает, что *Божественное творение трансформируется в эволюцию видов, сначала в ее прафеномене.* Высшее единство бытия и сознания, переходя в инобытие, принимает такой характер, что абсолютное, Отчее, оказывается стоящим внизу, в вещественности; что занимало середину — действие Святого Духа — восходит в выси как «Я» Духов Личности (они же — Духи Времени); Христово начало, как мудрая жизнь, как тепловой эфир, встает между «Я» и веществом

тепла. Так возникает первое творение в лоне Троицы. Вторая Иерархия при этом является сотворцом, ее развитие коренится в законах, происходящих из досатурнического состояния. Их отблеск мы переживаем в чистом мышлении, чувствуя инстинктивно, что оно может стоять на самом себе и производить реальность без отношения к вещественному миру. Мы сомневаемся в такой его способности потому, что путаем божественные потенции с человеческими.

Регентом древнего Солнца является Христос. Поэтому все отношения здесь иные, чем на древнем Сатурне. Вместо видимости воля наделяется истинной жизнью. Изначальное единство Отца и Сына входит в отношение жертвенных деяний Духов Воли и Духов Мудрости. Духи Мудрости овладевают Жизнедухом и потому становятся откровением Христа. Как их творение возникают Архангелы, нижний член существа которых, как и у Духов Мудрости, — эфирное тело. Этим обусловлен иной характер их «Я» по сравнению с «Я» Духов Личности. Если Духи Личности более тяготеют к выработке Духочеловека, то Архангелы — Жизнедуха. Но не следует думать, будто перед Архангелами не встает задачи вырабатывать весь троиственный дух. Дело заключается лишь в присущей только им роли в дальнейшей эволюции. Они, попросту говоря, более Христовы, Духи же Личности — более Отчие; в этой связи Ангелы, придя к индивидуальному «Я», получают преимущественное отношение к Святому Духу; но подчеркиваем, преимущественное — как задачу, — а не абсолютное.

На древнем Солнце реальное отношение воли и жизни, Отца и Сына при посредстве Святого Духа рождает оживленную монаду, обладающую тепловой, а затем и воздушной телесностью, а также внутренней жизнью. Она есть некоторое количество наличного бытия. Божественное начало ушло в ней в иное, породив самостоятельную деятельность как бытие. Но ее идеальный аспект остается в высшем — в сознании Архангелов.

Появление оживленных монад позволяет Духам Движения пронизать своим астральным телом их эфирное тело, и оно «обретает способность совершать некие внутренние движения в физическом теле» (13; с.176), нечто вроде движения соков в растениях. В них изначальная воля метаморфизмуется в «волю к жизни». Она-то и образует основание отношения между Отчим и Сыновним началом — ^{суб}станции и жизнью — в форме высшего сознания Духов Движения, являющихся на древнем Солнце откровением Святого Духа. Так меняются отношения на древнем Солнце по сравнению с древним Сатурном.

Движение в эфирных телах монад есть, фактически, метаморфизированное ощущение, возникшее на третьей ступени развития Сатурна. Духи Движения там из бескачественной воли «модели-

ровали» «ощущение» и в нем, как в отражении, объективировали свое сознание. На Солнце это стало *первоисточником жизненных процессов*.

Далее Духи Формы закрепляют совершающиеся в монадах процессы в устойчивые облики, дают им форму. На Сатурне, как мы помним, они дифференцировали «моделированное» ощущение. Теперь множественность ощущений метаморфизуется в множественность жизненных форм. И еще тут следует учесть, что на Сатурне ощущения монад были иллюзорны, на Солнце же их жизнь обладает реальностью, в ней есть самобытие, но не самосознание.

Духи Личности на Сатурне «моделировали» в тепловых телах личность, а сами породили время и таким образом дали ей длительность. На Солнце монады отражают Духам Личности образы их ясновидческого, имажинативного сознания, которое позволяет им «в образах наблюдать внутренние душевные состояния окружающих существ... сохраняя при этом полное самосознание» (13; с.178). Человек овладевает таким сознанием в зоне, следующем за земным. Свое действие Духи Личности направляют на эфирные тела монад, и через их деятельность проявляется сила любви Серафимов, от чего монады начинают проявлять признаки некоего деления, явившегося зачатком процесса размножения: из тепло-воздушных образований в это время выделяются облики, всецело похожие на материнские*. Так отражение личности метаморфизуется в воспроизведение подобных себе обликов, в размножение, что является первым зачатком индивидуального проявления монад. Такова пятая ступень метаморфоз солнечного развития. Произведенное там совместной деятельностью Серафимов и Духов Личности еще дальше продвинуло тот процесс, который обусловил эволюцию видов, приведшую в конце концов к формированию мозга, позволившего человеку осознать себя как «я», рождать мысли. Человек в таком состоянии (на Земле) переживает четвертую ступень своей метаморфозы. Она выражается не только в появлении множественности индивидуальных «я», в одарении людей искрой Я, но также и во множественности проявлений индивидуального Я. (У человека не одно Я.) Стабильным (необратимым) такое состояние сможет стать на пятой ступени (на будущем Юпитере) путем реализации высшего Я, каковым на Солнце обладают Духи Личности, а на Земле Ангелы. (Духи Личности на Земле восходят к сознанию, каким на древнем Сатурне обладали Духи Формы.)

* Мы легко поймем, почему здесь проявляется деятельность именно Серафимов, если проследим развитие, идущее от рис. 4 к рис. 6. Духи Личности на древнем Солнце входят в круг действия Иерархий как раз под то влияние, которое на Сатурне прямо нисходило от Серафимов на Архангелов.

На пятой ступени развития Солнца произошло и кое-что другое. Не весь тепловой элемент Сатурна оказался способным воспринять в себя эфирное тело. Часть его отстала и вошла в монады как их низшая природа; другая же часть образовала вовне еще одно царство наравне с человеческим. Отстали при этом и некоторые Духи Личности. Они выделили из Солнца некое космическое тело, представлявшее собой возрожденный Сатурн. Так, наравне с отношением в эволюции впервые выступает *противопоставление*. Оно захватывает Третью Иерархию и человеческие монады. «Сами Боги, говорит Рудольф Штайнер, — вызвали в мировом развитии своих противников». Они как бы сказали себе: «Если мы будем устраивать все сами, то никогда не получим сопротивления ...мы хотим существ, которые бы нам, *С.И.* *противоборствовали*», тогда смогут развиваться свободные существа 132; 14. XI).

Покажем эту констелляцию в развитии древнего Солнца, для чего возьмем лишь часть рис. 6 и детализируем ее (рис. 7).

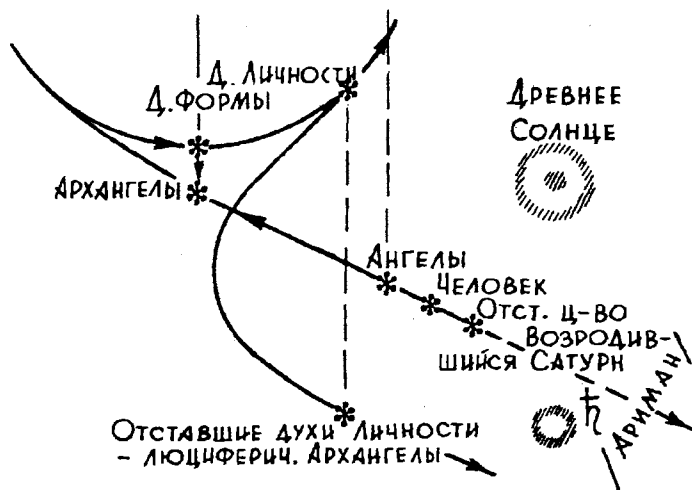

Рис. 7

Иерархии разделяются (отстают), что порождает мировой дуализм. Он в действительности представляет собой противостояние не просто духа и материи, а высшего духа, с одной стороны, и материи вместе с соединенной с нею духовностью, с другой. Только благодаря этой последней материя может отражать, но в рефлектирующем мышлении нет Бога, а только его тень. Однако — это тень Бога.

Наделение субстанции самобытием невозможно без отрыва от божественного первоисточника. Отрыв же есть противопоставление. Его первообраз возникает уже на второй ступени древнего Сатурна. Он носит там характер отражения. Но вплоть до вступления в действие Духов Формы отражение не рождает инобытия первосубстанции; бытие и сознание остаются в единстве. Духи Формы образуют границу, за которой сознание (Третья Иерархия) и бытие (человек и царства природы) противостоят друг другу.

Развитие, показанное в левой половине рис. 6, идеально отражается в диалектической триаде. Начиная с зона Земли, мыслящее сознание через созерцающую силу суждения овладевает тем, что изображено в правой верхней части рисунка. Между ними и тремя царствами природы, данными в восприятии, стоит познающее «я» человека, пребывая в независимой деятельности.

По мере того, как складывалось это состояние, Вторая Иерархия восходила ко все более высоким состояниям единства бытия и сознания, приближаясь к высшему Триединству. Для существ Третьей Иерархии отражение в субстанции изначальной воли было недоступно по причине слабости их сознания. Такое отражение несло бы им форму бытия, которая беспрерывно растворяла бы все их существо. Единство возникало бы прежде становления индивидуального. Возникая же после, оно составляет цель развития. При этом меняются и временные отношения. В левой половине рис. 6 изображено, фактически, прошлое состояние Второй Иерархии, в правой — настоящее Третьей Иерархии, а для человека оно является будущим. На пути к нему он, как и Третья Иерархия, обрести самосознание через отражение в сущем не может. Оно бы также попросту растворило его в ничто, чего, собственно, и достигают йоги, погружаясь в Нирвану. Но чтобы, повторяем, стало возможным абстрактное мышление, часть существ Третьей Иерархии должна была отстать и соединиться с бессущностным.

Так сложно метаморфозируется отражение. Для Первой Иерархии оно есть лицезрение высшего Бога, бытие в Боге; для Второй Иерархии — самопознание, тождественное самобытию; для Третьей Иерархии отражением служит инобытие сущего, само же отражение субстанционально; для человека сознание представляет собой бессущностное отражение в инобытии сущего. Чем более «материи спускаются», тем более абстрагируется это сознание.

Благодаря тому, что сознание Третьей Иерархии сущностно, оно, отражаясь, воздействует на вещественность монад древнего Солнца. Так, Архангелы, восходя к своей человеческой ступени, развивают в монадах органы чувств, т.е. напечатлевают им первую грань индивидуализации.

В противоположность правомерным Архангелам, люциферические архангелы (отставшие духи Личности) видят в человеческих монадах лишь средство наверстать упущенное, для чего им необходимо полностью получить их в свое распоряжение, оторвать от правомерных Иерархий. Таким способом служат они становлению человеческой свободы. На пути к ней человеческое сознание эмансипируется от божественного, имажинативного сознания, но становится теневым, бессущностным. В нем высшее Триединство живет лишь в законах логики, а диалектическое начало является проекцией высшего отношения на низшее противопоставление. То есть в диалектическом мышлении живут существа как правомерных, так и отставших Иерархий. Поэтому оно, служа нашей свободе, не способно привести нас к сущему. Для этого необходимо еще одно мышление — созерцающее.

Иной характер на древнем Солнце придают отставшие духи Личности и жизни восприятий чувств. Действуя со второго мирового тела (которое выделяется из Солнца) на отставшее царство Солнца, они приводят с ним в связь человеческие органы чувств: «Тепловые субстанции этого царства вливаются и изливаются через человеческие зачатки органов чувств» (13; с.183). Фактически, эти отставшие духи пытаются в творении имитировать деятельность Творца, но вместо высшего отражения возникают зачатки жизнедеятельности (но не размножение), которая в то же время есть и восприятия органов чувств. С этого существенного момента должна начинать свои рассматривания психология.

Те «вещественные» восприятия состоят из различных тепловых действий, которые усиливают, а впоследствии и индивидуализируют эфирные тела монад, и в них обретают возможность развернуть свою деятельность Ангелы, которым теперь помогают Херувимы (это опять-таки становится ясным из сравнения рис. 4 и рис. 6). Для ясновидческого сознания в этот период древнего Солнца внутри монад встают некие откровения, которые можно сравнить со вкусовыми ощущениями*.

Завершают развитие Солнца, опять-таки возводя его в октаву, Духи Мудрости — жертвователи этого зона. Они наделяют монады способностью ощущать первые признаки симпатии и антипатии, т. е. *вносят мировой дуализм в зачатки их душевной жизни*. Окружающие монаду запахи, вкусовые ощущения, световое мерцание она воспринимает внутренне, а вовне выражает свое к ним отношение в виде звуков. В тот же период Духи Мудрости напечатлевают эфирному телу монад зачатки Жизнедуха.

* Тему восприятий мы продолжим в гл. III.

Древний Сатурн	Древнее Солнце
1. Духи Воли — <i>эсертвуют</i> субстанцию воли. 2. Духи Мудрости — дают воле качество, <i>отражают</i> в ней свою жизнь. 3. Духи Движения — отраженную жизнь пронизывают качеством астр. тела: Сатурн отражает <i>ощущения</i>. 4. Духи Формы — дифференцируют ощущения. Сатурн как <i>совокупность существ</i>. 5. Духи Личности — люди Сатурна; отражают свою личность. Жизнь <i>овнутряется</i>. Теплота, время. 6. Архангелы — напечатлевают монадам эф. зачатки органов чувств. <i>Серафимы</i> созерцание дарят Ангелам. Свет + вкус; вовне — звук. 7. Ангелы взаимодействуют со вкусом, и в их эф. телах возникают зачатки <i>обмена веществ</i>, кот. они напечатл. монадам. <i>Херувимы</i> управляют жизнью. 8. Человек — вовне механическая воля, вовнутрь — восприятие запахов; <i>Духи Воли</i> напечатлевают зачаток <i>Духочеловека</i>.	1. Духи Воли — повторение сатурнических событий, образование теплового тела. 2. Духи Мудрости — <i>эсертвуют</i> эф. телом. ~~З~~ <i>З</i>еленный человек состоит из физ. и эф. тела. 3. Духи Движения — тепло сгущают в воздух. <i>Движение в эфирно-физическом</i> (вроде соков в растении). 4. Духи Формы — дают монадам <i>пребывающую</i> во времени <i>форму</i>. 5. Духи Личности действуют на эф. тело монад. Воздух отражает в свете ясновидческие образы Духов Личности. <i>Серафимы</i> — любовь (в свете): в эф. теле — <i>размножение</i>. Железы. 6. Архангелы — <i>люди Солнца</i>. Отставшее тепло. Две планеты. Отставшие духи Личности. <i>Органы чувств</i> в монадах. Два царства. 7. Ангелы взаимодействуют со вкусом в монадах; вовне из монад — звук. <i>Херувимы</i> созерцают мудрость Солнца и вливают ее в Ангелов, а те — в эфирное тело монад. 8. Человек переживает симпатии и антипатии. Жизнедеятельность = восприятию. <i>Духи Мудрости</i> напечатлевают зачаток <i>Жизнедуха</i>.

Табл. 1

Подведем итоги развития в двух зонах в виде схемы, которая облегчит нам рассмотрение дальнейшего и позволит бросить обобщающий взгляд на предыдущее (табл. 1).

Приведенная таблица отражает лишь самый общий характер главных ступеней метаморфозы, через которую проходит развитие целых зон. Внутри каждой ступени совершается свой ход метаморфоз, скажем, второго порядка, внутри тех — третьего и т. д., вплоть до элементарного, которое в зоне Земли предстает нам в каждом экземпляре сложного растения*. Семь ступеней его развития в общем виде можно представить так (рис. 8).

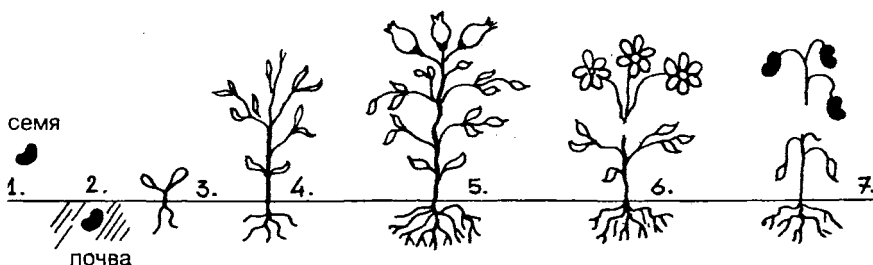

Рис. 8

Каждая из изображенных здесь ступеней не элементарна, также возникает в результате цепи метаморфоз. Особенно отчетливо это можно проследить (если не усложнять вопрос) на примере четвертой ступени. Ее «осевой» линией развития является стебель, который, как показал Гёте, представляет собой результат метаморфозы листа. (Что особенно хорошо видно на примере обыкновенной травы). Вдоль стебля, по мере его роста, сначала набирает силу тенденция листа, затем листья начинают уменьшаться, принимают все более элементарную форму и наконец исчезают на стебле совсем, а когда появляются вновь, их с трудом можно распознать в лепестках чашечки цветка; совсем в ином виде предстают они нам, когда раскрываются бутоны.

Такова так называемая спиральная тенденция листа, обнаруживающая ряд его метаморфоз, восходящих от перволиста до цветения. Но на каждой из ступеней лист всегда начинает свое развитие от фазы перволиста, из некой общей нулевой точки, и доходит до соответствующего данной ступени метаморфозы состояния, а потом увядает. Общая картина метаморфозы в таком случае имеет вид, показанный на рис. 9⁹.

* Простейшие растения (мхи, папоротники и т. д.), являя отсутствие отдельных ступеней метаморфозы, лишь тем ярче иллюстрируют ее природу.

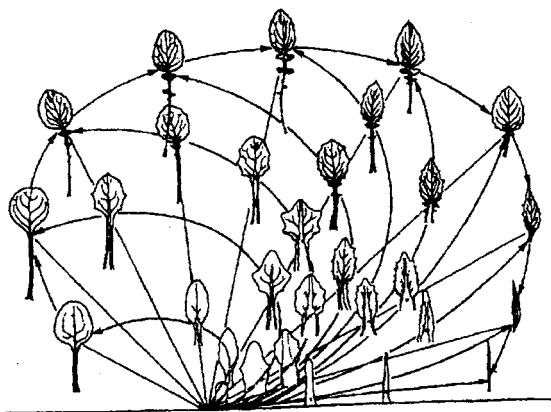

Рис. 9

По аналогии с приведенным рисунком можно представить себе семь зон большой эволюции как своего рода листья на едином стебле. Каждый из них силой своей собственной метаморфозы продвигает общее развитие на одну ступень дальше. При этом все ступени начинаются в некоем общем нулевом центре (праляйя), откуда все вновь исходит полагание развития, которое, однако, лишь в самом начале носит совершенно необусловленный характер — как жертва Духов Воли. Розенкрейцеры говорили об этом начале так: *Ex deo nascimur* — из Бога рождаемся. В последующих зонах первоначальный акт творения возобновляется, уже неся в себе плоды предыдущего развития. Принцип жертвы, т. е. принцип абсолютного начала, переходит на другие ступени метаморфоз внутри зон. На древнем Солнце — это вторая ступень, на древней Луне — третья, и т. д. Но абсолютный характер последующих ступеней следует понимать как вторичный по отношению к первой — древнему Сатурну. Отсюда проистекает двоякое: все зоны начинаются с повторения изначального деяния Духов Воли, и в то же время каждый зон есть автономное, законченное в себе целое. На последней стадии он как бы вновь возвращается в исходную точку, но расположенную на ступень выше того ее положения, которое она занимала в начале зона.

По сути, весь наш цикл развития представляет собой одну спираль, которая то проявляется вовне, то уходит вовнутрь. (При этом внешние проявления следует мыслить не только вещественными.)

Изображенное на рис. 10 сплошной линией справа и означает феноменальный мир. Пунктирная линия обозначает уход в праляю

через ноуменальные состояния. Само состояние пралайи означает выход мира из закона метаморфозы, поэтому нашему духу, всецело рожденному в рамках действия этого закона, и не доступно познание того состояния высшего тождества, из которого изошел весь наш цикл развития. Однако это не означает, что человеку вообще закрыт доступ в сферы сущего. Их достигают на высочайших ступенях посвящения, где о развитии человека следует говорить как об идущем в обоих направлениях: в будущее и в прошлое.

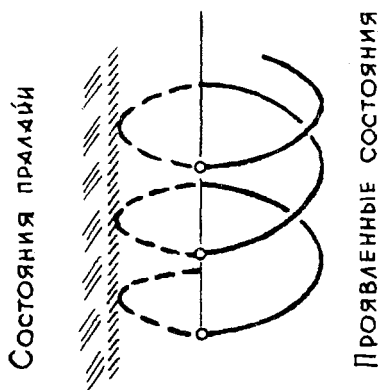

Рис. 10

Что же касается семи ступеней метаморфозы, то, как уже было сказано, в них реализуется семь ступеней сознания. В своем элементарном звене эта метаморфоза получает два выражения: на уровне бытия и на уровне сознания. Первое элементарно явлено нам в феномене растительного образования, второе — в феномене каждого человеческого сознания, движение которого в мыслительной форме имеет тенденцию изменяться согласно общему закону метаморфозы. Поэтому логическое «древо познания» в своем формальном выражении неизбежно должно иметь вид, подобный тому, что изображено на рис. 9. То, что представляет собой семь ступеней анализируемого нами логического цикла, есть своего рода «стебель». Каждый его отрезок есть мыслеобразование, исходящее из некоего общего для данного цикла центра, откуда берет свое начало тезис.

Имеется здесь, правда, и отличие от метаморфозы растения. В растении мы имеем дело с простейшей формой жизни. Она целиком локализована в пространственно-временных отношениях, и потому каждая ее ступень кончается переходом в сверхчувственное, в небытие. Далее во времени движется лишь один закон эволюции вида. Иное дело — мышление. Несмотря на свой теневой характер, оно отражает универсальное, вневременное и внепространственное бытие интеллигибельного мира. По этой причине каждый «побег» мысли, образующий определенную ступень логической метаморфозы, может иметь еще свой, иной по отношению к данному, логический цикл. Задача познающего «я» состоит в выделении из всеобщей сети познания, накинутаой на весь мир, определенного звена, где все элементы были бы приведены в отношение, показанное на рис. 11.

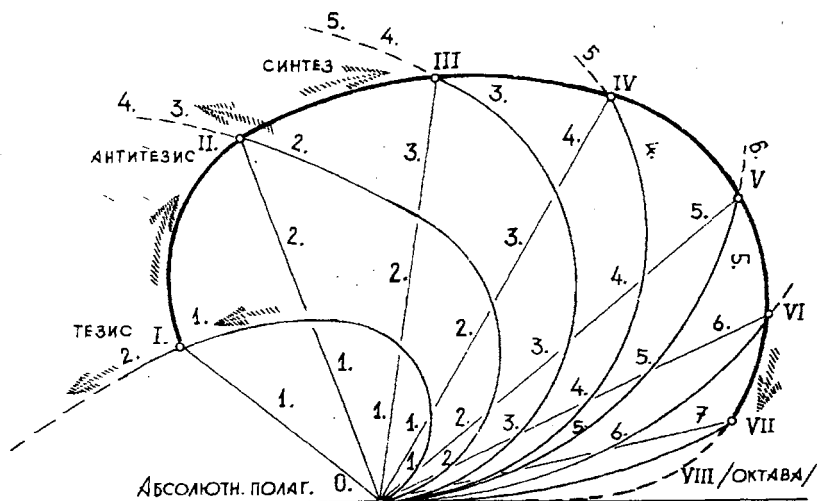

Рис. 11

Как видно из рисунка, тезис может двигаться в разных направлениях. Наша задача — выбрать одно из них, где тезису противопоставит вполне определенный антитезис. В то же время, между тезисом и антитезисом трансцендентно существует лишенная всякой свободы, необходимая взаимосвязь. На третьей ступени, которая в нашем логическом цикле образует синтез, она обнаруживается, но не однозначно. Синтез, к которому приходит движение нашей мысли, имеет, как элемент, еще свое собственное развитие. По мере дальнейшего движения мысли достоверность ее элементов все более

возрастает и становится исчерпывающей в седьмом звене.

Благодаря рис. 11 можно увидеть, какие ошибки возможны при осуществлении семичленного логического цикла. Они возникают при отклонении «стебля» мысли от его «оптимального» пути, когда он начинает двигаться по более ранним или более поздним, не свойственным ему звеньям (рис. 12).

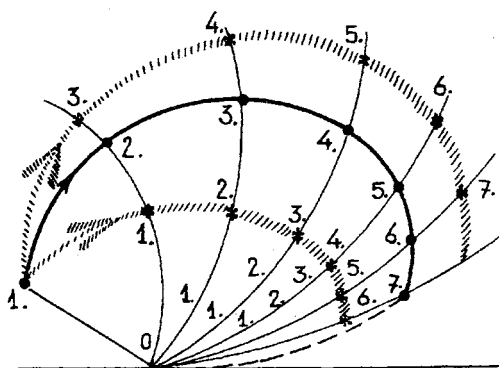

Рис. 12

С другой стороны, естественно, каждый «побег» нашей мысли не только может служить, но и служит в любом своем звене началом (тезисом) иных циклов мышления. Поэтому нет никакой возможности, мысля, выйти за пределы мышления, туда, где было бы что-то не мысленное. Но можно сделать другое: изменить принцип мышления и, двигаясь в нем по закону метаморфозы, прийти к его непосредственному бытию, к имажинациям, к качественно иному мышлению. Почему это не достижимо в триадах, которые также образуют сеть (но не «древо») познания, мы частично уже показали, но вполне очевидным все станет из дальнейшего изложения.

4. Онтология Духовной науки и логика

СОЛНЕЧНОЕ РАЗВИТИЕ, пройдя через пралайю, возродилось на древней Луне, где человек приобрел самостоятельную жизнь чувств — зачаток индивидуальной души и даже некоторое побуждение к мышлению.

Главной в развитии древней Луны является третья фаза, где Духи Движения принесли в жертву свое претворенное в Самодух астральное тело. Человеческие монады стали трехчленными. Им удалось вобрать в себя астральное тело. Это произошло благодаря тому, что в состоянии пралайи их физическое и эфирное тела были впитаны высшей духовностью и *там им были напечателены новые закономерности*, в силу которых они получили возможность продвинуться еще на один шаг к индивидуализации, а следовательно — к обособлению себя от высшего духа, к овладению природой вожделений и желаний, что сопряжено с обретением индивидуального астрального тела.

Говоря о пралайе, в которую переходит феноменальный мир, следует иметь в виду, что главным в ней являются законы. Они при определенной проработке, закреплении в низшей, чувственной реальности способны возвышаться, принимать универсальный характер, могут пребывать в высшем мире, оставаясь законами мира низшего. В качестве примера можно указать на закон тяжести, которого до древнего Сатурна в мироздании не было.

Имманентное в трансцендентальном — вот что такое состояние пралайи. И такое определение есть не размывание границ понятий, а правомерное их расширение с помощью духовного познания. В феноменальном мире действие законов не меняет их самих. В трансцендентальном они претерпевают трансформации, поскольку качество там восходит к сущему, феномен отождествляется с прафеноменом.

На языке христианского гнозиса мы можем сказать: в пралайе творение возвращается к своему Творцу. Это значит, что эфирное тело монад отождествляется с Ипостасью Сына, а физическое — с Ипостасью Отца. А поскольку Бог Триедин, то физическому и эфирному напечатлеваются свойства, необходимые для соединения с новой субстанциональностью древней Луны, регентство над которой принадлежит Святому Духу.

Вобрав в себя астральное тело, монады на древней Луне начинают проявлять собственные (а не наведенные) чувства удовольствия и неудовольствия. Их зачатки проступили уже на древнем Солнце; на Луне деятельностью Духов Формы эти чувства приводятся к тому, что может быть названо зачатком «желания и вожеления». Монады стремятся к повторению того, что им доставило удовольствие, и избегают неприятного, хотя такое переживание чувств можно назвать лишь инстинктивным, поскольку Духи Формы не отдают монадам своей сущности.

Однако уже инстинктивные переживания приводят к сгущению субстанциональности Луны до водного состояния, которое местами даже твердеет, образуя ^{как бы} вещество, подобное современному рогу. Наравне с человеческим появляются еще два царства. Одно из них пребывает в среднем между минеральным и растительным царствами Земли состоянии, другое — между растительным и животным. При этом о человеческом царстве следует говорить как о человеко-животном.

Все это возникает как следствие событий, разыгрывавшихся в мире Иерархий. Высшие Иерархии, начиная с Духов Движения, не могут далее оставаться вместе со сгущающейся материей и выделяют — как возрожденное древнее Солнце — особое космическое тело, где они могут развиваться далее с присущей им скоростью и, благодаря этому, более эффективно влиять на развитие человеческих существ*.

Часть солнечных Духов Личности, ^{древнего Солнца, который} ~~которым на Луне-вадьяскало~~ ^{на древней Луне наиболее} ~~Солнечного Звезда~~ взойти на ступень Духов Формы, отстала. Они начали в лунном наследии Духов Воли развивать свою, независимую от отделившегося Солнца, деятельность. Это был своего рода мятеж против солнечных духов. В результате него человек оказался под двойным влиянием. Одно из них оказывали отставшие духи, пытаясь все человеческое существо связать с его водным телом. Солнечные существа, противодействуя подобным намерениям, сделали оплотняющее физическое тело преходящим. Луна начала вращаться вокруг Солнца. В отдельные периоды ее вращения эфирное и астральное тела человеческих существ высвобождались из физического и тогда представляли собой образования, подобные «тонкому музыкально-

* Выделяется также еще ряд планет, в соответствии со скоростью развития других существ. Обо всем этом можно прочесть в «Очерке тайноведения».

му инструменту, на струнах которого звучали Мистерии Вселенной» (13; с.205), благодаря чему в телах слагались зачатки различных органов. Человек тогда переживал блаженство и покой, но становился менее самостоятельным, чем в другие периоды, когда в нем преобладало действие лунных существ. Такая смена состояний сознания напоминала, с одной стороны, современное бодрствование и сон, а с другой — жизнь и смерть, поскольку параллельно со сменой сознания менялось периодически и физическое тело. Так углубился в лунном зоне раскол, возникший еще на древнем Солнце.

Духи Личности правильного развития овладевают на Луне инспиративным сознанием и, воздействуя на астральное тело человеческого существа, развивают в нем характер личности: человек начинает относить к себе радость и страдание. Он как бы говорит себе: «...мое окружение удерживает меня в бытии» (13; с.197). Подобное состояние сознания переживали, благодаря тепловым телам монад, Архангелы на древнем Сатурне.

Стало быть, на древней Луне человек начинает сам отражаться в своем окружении. В нем развиваются зачатки *представлений*, и они, пишет Рудольф Штайнер, были тогда родственными процессу *размножения*. Когда человек бывал отращен от сильного солнечного действия, процессы, происходящие в водно-воздушной среде, рождали в его сознании образы, подобные сновидческим, но с той разницей, что они точно соответствовали внешним процессам. Благодаря им человек сообразовывал свое поведение с происходившим в окружающей среде. Он совершал поступки *по смутному побуждению*. Таковым становится прежнее машинообразное волеизъявление. Кроме того, символические образы внешнего мира строили внутренние процессы в человеке, ибо они были имажинативными, т.е. обладали созидательной силой. Человеческое существо «стало как бы отображением процессов своего сознания» (13; с.200). Так пришел к первому *завершению* процесс, начавшийся на древнем Сатурне. Созидающее сознание абсолютного Я переходит пусть еще в зачаточное, еще хранимое Иерархиями, но уже само себя созидающее сознание человеческих существ. Оно еще не является самосознанием, но обладает большей силой созидания, чем современное предметное сознание. С другой стороны, на древней Луне еще только складывается то развитие, которое мы на Земле называем эволюцией видов. Законы физического развития тогда еще не были так неизбежно связаны с вещественностью, как в зоне Земли.

Развитие чувств в астральном теле сопровождалось усложнением процессов питания и дыхания, на которые оказывали влияние силы индивидуального имажинативного сознания Архангелов, входившие в эфирное тело человека.

В зоне древнего Солнца Архангелы работали над созданием органов чувств в человеческих монадах. В лунном зоне этими органами пользуются Ангелы, восходя на свою человеческую ступень. *Благодаря человеческим органам чувств они приходят к переживанию индивидуального Я*, и оно для человеческих существ выступает как их групповое «Я». Отдельному человеку Ангел открывается в ясновидческом образе и, когда на жизнь Луны усиливается воздействие Солнца, уносит его сознание в сферу солнечных существ. Иными словами, в лунном зоне Ангел руководит сменой состояний сознания в человеке, при этом он образует некое продление органов чувств из эфирного и астрального тел в физическое, чем закладывает основу будущей нервной системы.

Итак, Духи Формы превращают чувства удовольствия и неудовольствия в желания, хотя и не самостоятельного характера. Духи Личности впечатлевают *человеческому астральному телу* самостоятельность благодаря возникшей смене состояний сознания и разделения вещественности, в чем участвуют и отставшие существа; человек начинает чувства радости и страдания относить к себе. Архангелы сообщают *эфирному телу* человека род *воспоминания*, благодаря чему человек чувствует себя *одним и тем же* существом в обновляющейся телесности. Ангелы делают *физическое тело* физиогномическим отображением астрального тела, насаждая в него признаки типов личности.

Далее на древней Луне, как и в предыдущие зоны, развитие восходит к своей октаве. Тогда Духи Мудрости впечатлевают всему бытию Луны мудрость, которая ныне так поражает нас в целесообразности всего природного. Это деяние Духов Мудрости явилось выражением регентства Святого Духа над зоной Луны. Так бывшее основанием отношения на древнем Сатурне переходит к своему самостоятельному выражению. Духи Движения впечатлевают зачаток Самодуха человеческому астральному телу. Под влиянием Духов Мудрости они воздействуют на человеческое астральное тело таким образом, что оно вырабатывает «душевную подвижность и исполненное мудрости жизненное (эфирное) тело» (13; с.212). Далее Духи Движения пробуждают в астральном теле зачаток *души осязающей*, а как мудрое устройство эфирного тела выступает зачаток *души рассудочной*. Самодух образует их высшее единство и гармонию, т. е. выражается не столь бессознательно, как Жизнедух и Духочеловек в предшествующие зоны.

В целом лунный человек уже являет собой триединство. У него есть физическое тело лунной природы, в его эфирном и астральном телах обитают существа Третьей Иерархии — они образуют зачатки индивидуальных переживаний, — и все это, как групповым «Я» всех человеческих существ, пронизывается Самодухом (рис.13).

В образовавшейся троичности есть своя законченность, значительно большая, чем в зоне Земли. Она выражается в том, что Божественное Троиединство в зоне Луны всеми Ипостасями переходит в явление, породив в ином для-себя-бытии новую триединую субстанцииальность: физическую, эфирную и астральную, которая является совершенным выражением Бога, поскольку несет запечатленным в себе тройственный дух. Наделив Третью Иерархию Я-сознанием, Божественная Троица получила в ней опосредующее звено между телом творения и духом, а в трижды трех Иерархиях — полноту своего выражения в творении. Сказанное можно еще пояснить рисунком (рис.14).

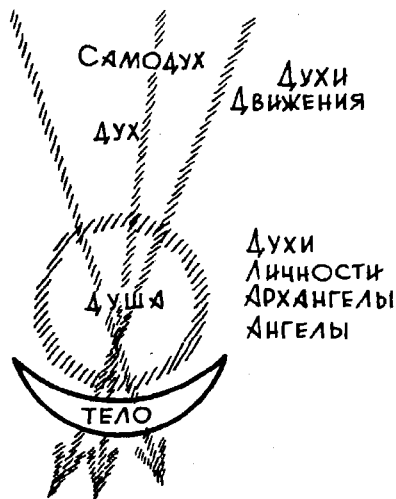

Рис. 13

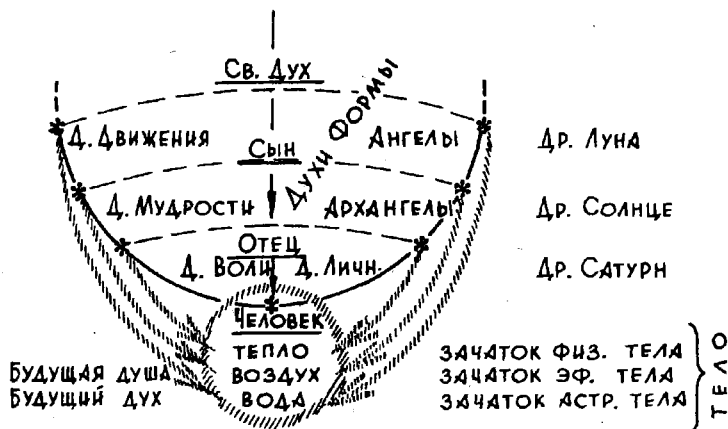

Рис. 14

Пусть на этом рисунке читателя не удивляет иной порядок Иерархий по сравнению с тем, который был дан на рис.6. Там была изображена картина эволюционного процесса; здесь — образ общей констелляции человека, возникшей в результате его развития в течение трех первых эонов. Мы получили своего рода итог и од-

новременно иллюстрацию того, что и откуда в нем взялось. В триединстве тела, души и духа человек поистине есть образ и подобие Божие. Однако в нем имеется и некое противоречие с высшим, обусловленное отставанием иерархических существ, особенно в Третьей Иерархии, что повлекло за собой огрубение ~~сущности~~^{сущности} и возникновение трех царств природы, ставших «подножием» идущего к свободе человека.

Так возникает ряд опосредований. Их тоже три. Сначала им была Вторая Иерархия, которая опосредовала связь Третьей Иерархии с Первой и с Божественным Триединством. Третья Иерархия опосредовала отношение нового творения с Богом, которое потом стало противоречием. Оно еще более углубилось с возникновением трех низших природных царств. А опосредующим звеном между ними и Иерархиями стал сам человек.

Переходом отношения в противоречие, параллельно нисхождению высшего Импульса по ступеням бытия, обусловлен переход троичности в четверичность, произошедший в зоне Земли. Противоречие это — двоичность внутри гармоничной, завершенной троичности. Это скрытый антитезис к целостному синтезу триады. Причем, если в триаде в полагании уже заключено и его отрицание и последующий синтез, то противоречие второго рода — экзистенциальное. Его разрешение неизбежно проходит через многообразие форм бытия, через множественность «я», через пространственно-временные отношения.

В известной мере все это было и в трех первых зонах. Мы уже говорили о том, что семеричность как принцип вошла в наш цикл эволюции с самого начала, и в нем она получила тенденцию претворяться в двенадцатеричность, поскольку развитие стало совершаться в пространстве. Но сначала действие законов развития проявлялось более трансцендентально. Окончательная отработка ступеней, как феноменология всеобъемлющей мысли Бога, происходит лишь от зоны к зоне. А затем, как мы уже говорили, каждая из них может имманентно пребывать в трансцендентном. Таковыми в земной зоне являются три ступени, отработанные в предыдущих зонах. Они-то и могут существовать в законах человеческого мышления, в самодвижении диалектических триад, в чистой актуальности мысли. Ничего кроме феноменологии породившего его Творца это мышление переживать не может, но переживать Его оно может лишь логически. Таков панлогизм.

В чистом мышлении понятие и бытие Бога, как считал Гегель, действительно неотделимы. Однако бытие Бога заключено и в природе. Там понятие слито с бытием нетеневым образом. «... В предметах природы, — говорит Шеллинг, — ...всегда обнаруживается полнейшее слияние идеального и реального»⁸⁰. Отношение к природе мо-

жет быть двояким: созерцательным и мыслительным. Во втором случае человеческому духу предстоит более глубокое противоречие, чем в диалектике чистого мышления. В то же время, в философии, как утверждает Шеллинг, *созерцательная* и *сознательная* деятельность тождественны, и потому философия возвращает данное созерцанию, реальное, т.е. природу (а мы скажем — восприятие), — идеальному (понятию)⁸¹. Включая мышление в понятие реального, мы приходим к мышлению о мышлении, от него — к созерцанию как к качественно новой способности мыслящего духа: воспринимать идею из вещей, идеальное из материального. Так решает человек свою задачу опосредования между материей и духом. И не существуя возможности сознательно переживать материальное, человек и мир навеки остались бы разделенными. А она существует по той причине, что пары: созерцание-мышление и идеальное-материальное — имеют внутреннее тождество, и тождественны мышление и идеальное. Поэтому противоположность духа и материи, бытия и сознания приходит к единству в созерцающей силе суждения. Однако полученное с ее помощью нуждается в последующем усвоении индивидуальным духом, должно быть приведено в *индивидуальную сознательную связь* с ним, где не было бы утрачено отношение к миру опыта, иначе все вновь вернется в абстрактный круг первых трех ступеней мыслительного хода.

На шестой ступени логического цикла идея, почерпнутая в созерцании (а она есть не что иное, как дважды метаморфизированный тезис: абстрактно — в синтезе, и в высшей эмпирии — в созерцании), приобретает индивидуальный характер, свое, скажем, «я». И только как таковая, как я-идея, она приходит к своей завершающей стадии — к последнему выводу (седьмая ступень). А он есть не что иное, как синтетическое суждение, *поставленное на свое истинное место, т.е. не до, а после опыта, опыта созерцания в том числе*.

Итак, мы имем ряд: абстрактное суждение (3-я ступень) — созерцающее суждение (5-я ступень) — синтетическое суждение а posteriori (7-я ступень). И все они связаны цепью метаморфоз, а не произвольно, как полученные в не связанных между собой различных актах мышления, где отсутствуют все промежуточные ступени, отчего цепь мышления разбивается, абстрактное противостает конкретному, философия — эмпирическим наукам и т. д.; а главное — теряется роль человека сначала в познании, а потом и в бытии, в развитии.

О возможности перехода от сознания к бытию и обратно знали средневековые алхимики. В своих опытах, там, где они ставились в чистоте (не ради добычи золота), они этот путь проходили. Описание его ступеней дал Якоб Беме в книге «Аврора». Замечательным

образом выкладки Беме резюмирует Рудольф Штайнер в книге «Мистика», откуда мы их и приведем. Их, как и следовало ожидать, семь. «В темной терпкости, — так говорит Якоб Беме, — получает *Первосущество* свой облик, безмолвно замкнутый в себе и неподвижный (соль)... Через поглощение своей противоположности первый природный образ выступает в форме *второго*: терпкость, неподвижность обретает движение; в них вступает сила и жизнь (ртуть)... В борьбе покоя с движением, жизни со смертью открывается *третий* природный образ (сера). Эта борющаяся в себе жизнь получает проявление (огонь)... Этот *четвертый* природный образ восходит к *пятому*, к покоящейся в самой себе живой борьбе частей (вода). На этой ступени, как и на первой, есть внутренняя терпкость и безмолвие; но это не абсолютный покой, не молчание внутренних противоположностей, а их внутреннее движение. Покоится в себе не спокойное, а возжженное огненной молнией четвертой ступени. На *шестой* ступени само Первосущество познает себя как такую внутреннюю жизнь; оно воспринимает себя через органы чувств (звук)... *Седьмой* природный образ есть Дух, возвышающийся на основе своих восприятий чувств (мудрость). Он вновь обретает себя как самого себя, как первооснову, внутри из первоосновы выросшего и в гармонии и дисгармонии сформировавшегося мира» (7; с.127—128). И Беме заключает описание седьмой ступени словами: «Святой Дух вводит в существо сияние величия, в котором Божество пребывает явно».

Такое вот великолепное алхимически-онтологическое описание обосновываемой нами имажинативной логики находим мы у Якоба Беме. Немецкой классической философии не дано было развить эту сторону философии Беме. Но русская религиозная философия, благодаря своему онтологизму, нащупала здесь верный путь, хотя и не смогла дать себе достаточно ясный отчет в том, с чем она соприкоснулась, на какую дорогу вышла. Священник и философ Павел Флоренский, остро ощущавший «прокрустово ложе» диалектических триад в их применении к религиозному сознанию, которое может быть также и мыслящим, нашел своеобразный выход из положения. В статье «Дедукция семи таинств» Флоренский, беря самого человека как онтологическую категорию, говорит об основном противоречии между стихийной, родовой подосновой человека, «усией», и разумной, личной идеей человека, «ипостасью». Усия и ипостась образуют тезис и антитезис индивида. Их противоположностью, говорит он, «осуществляется сильный пульс внутренней жизни; а связанностью их обоих синтезом — цельность и единство этой жизни». Но далее Флоренский обнаруживает и в тезисе, и в антитезисе иные движущие силы, которые также троичны по своей природе; в них, как и в усии и в ипостаси, есть своя

	Яков Беме	Гегель	Гете	Р. Штайнер
1	Безмолвно замкнутый в себе образ первосущества	тезис	—	—
2	Поглощая свою противоположность, первый природный образ переходит в форму второго	антитезис	—	—
3	В борьбе покоя с движением, смерти с жизнью открывается третий природный образ	синтез	—	—
4	Борющаяся в себе жизнь получает проявление	—	созерцание	—
5	Четвертый образ восходит к покоящейся в себе живой борьбе частей. Новая жизнь	—	идея, идеальное восприятие из созерцания	—
6	Само первосущество познает себя как внутреннюю жизнь — через органы чувств	—	—	Идея находит для себя индивидуального носителя, обретает самобытие
7	Дух, первосущество обретает себя как самого себя, взойдя на основе чувственных восприятий	—	—	Восхождение тезиса на высшую, ступень достоверности; последний синтез

Табл. 2

«центростремительность и центробежность», и потому троичность разрешается в семеричность. Лишь в ней дан конечный синтез, которым устанавливается «семь основных функций человеческого существа, и только непреложность всех их, утверждаемая культом, есть залог человеческого равновесия»⁸². К такому выводу приходит Флоренский и далее приводит весьма примечательную схему:

1. Тезис тезиса	2. Антитезис тезиса	3. Синтез тезиса	4. Тезис антитезиса	5. Антитезис антитезиса	6. Синтез антитезиса
			II. Антитезис: ипостась		
III. 7. Синтез*					

Такой примечательный пример, говорящий в пользу наших изысканий, встречаем мы в русской религиозной философии. Он значителен по двум причинам. Во-первых, попытка разрешить троичность в семеричность обнаруживает глубинное стремление русского религиозного сознания соединить вероучение с наукой, с учением об эволюции (о чем свидетельствуют и другие работы П. Флоренского). Во-вторых, русская онтология искала синтеза с теорией познания, что с особой силой выразилось в философии Вл. Соловьева; и в этом смысле Павел Флоренский несомненно является его последователем. Обе задачи были самостоятельно поставлены русской религиозной философией, но их решение мы находим в гетеанистической науке Рудольфа Штайнера.

Резюмируем в виде таблицы картину становления имажинативной логики (табл. 2).

5. Многочленный человек в эволюции мира

В КОНЦЕ ЭОНЫ ДРЕВНЕЙ ЛУНЫ высокие солнечные существа побеждают отставших духов, и все бытие, одухотворяясь, поднимается на Девахан, а когда оно вновь возвращается оттуда, то закономерности, действующие в субстанциях и существах, уже иные. Человек получает четвертый член своего существа — индивидуальное Я, которое жертвенно даруют ему Духи Формы, или Элоимы. Совершается это следующим образом. В трех больших кругооборотах развития Земля повторяет состояния трех предшествующих эонов, благодаря чему объективируется из духовного космоса как самостоятельное космическое тело. При этом: посредством сил физической природы она «выделяется из Вселенной, посредством эфирных сил она допускает действие Вселенной на

* Нумерация добавлена нами. — Авт.

себя, благодаря астральным силам она становится самостоятельной индивидуальностью во Вселенной» (27; гл.4). Подобный принцип в конечном счете должен быть реализован в каждом отдельном человеке, для которого Земля есть истинный прафеномен.

Астральное тело человека, полученное им на древней Луне, в зоне Земли вырабатывает в своей более тонкой части зачатки тройственной души. Физическое становление идет таким путем, что первой образуется кровь (действием тепла), потом нервы (действием света и воздуха), потом железы (действием элемента воды*) и последним — твердые отложения, которые открыли органы чувств (человека) вовне (102; 24.III).

В предшествующие зоны, как мы помним, все было наоборот: на древнем Сатурне возникли зачатки органов чувств, на древнем Солнце — система желез, на древней Луне — система нервов. Но в том и заключается изменение законов развития в земном зоне, что все в нем оказывается приспособленным к восприятию Я. Кровеносная система, состоящая первоначально из тепловой субстанции, образуется первой потому, что в физическом — аналогично Я в душевно-духовном — она обуславливает все последующее: «...она одновременно является родом системы органов чувств. Это именно тепловая и познавательная система. Ведь человек состоит, так сказать, из тепла и крови» (102; 24.III). Они образуют в нем различные течения, тепловые и эфирно-силовые**. Нервная система и световое тело выступают сначала как некие предвестники образования системы желез.

В целом в этот период Земли конституцию человека внутри духовных сил можно получить путем дальнейшего развития того, что было изображено на рис. 6 и 14.

Изображенную на новом рисунке (рис. 15) связь Третьей Иерархии с тройственной душой следует представлять себе идущей по лемнискате. Кроме тройственной души в человеческом существе, как первый зачаток индивидуализированных переживаний, образуется еще один член — душевное тело, звено, опосредующее связь астрального тела с душой ощущающей. Полное раскрытие изображенного на рис. 15 будет дано лишь в последующих главах.

На рисунке видны все образовавшиеся в результате четырех эонов эволюции связи, но в них еще не проявлено действие индивидуального. Оно, как жертвенный дар Духов Формы, свыше, как

* В Духовной науке говорится об «элементах»: воде, воздухе и т. д. — под чем подразумевается не вещественное в них, а силы.

** Не путать их с физическими «энергиями», которыми ныне так охотно занимается материалистический оккультизм. Физические энергии есть лишь следствие, выражение духовных сил.

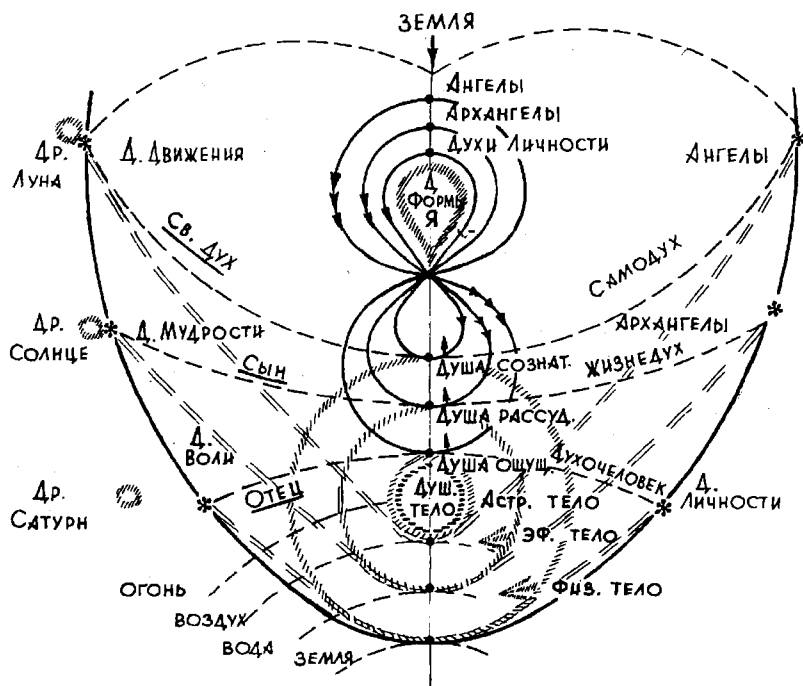

Рис. 15

групповое «Я», вначале лишь опосредует связь Третьей Иерархии со становлением троиственной души. С другой стороны, душа эта формируется деятельностью Второй Иерархии, которая опосредует в ней присутствие самой Божественной Троицы. Соединением действий всех Иерархий и высшего Бога совершается метаморфоза трех тел в троиственную душу. Сверху, навстречу этому действию, в человека воплощается **Я**, при нисхождении которого решающую роль сначала играют Элоимы, а вернее тот из них, который перешел с Солнца на выделившуюся из Земли Луну, чтобы готовить пришествие Христа — Бога человеческого **Я**: Ягве-Элоим.

Под действием Ягве **Я** должно было войти в человека согласно тем же законам (отражение), по которым прежде оно вошло в существ Третьей Иерархии. Но по сравнению с ними человек — творение иного рода. Он совершенно непосредственным образом, глубже всех иерархических существ низошел в материальное бытие. Поэтому он не может войти в ряд Иерархий тем же способом, как было показано на рис.4 и 6. Лишь в первой половине земного эона

он приходит в положение, которое мы изобразили на рис.6. А далее начинается совсем особое развитие, обусловленное образованием трех царств природы и отставанием духов. В силу всего этого и стала необходимой жертва Христа.

Но мы забежали вперед. В описываемый теперь момент началось углубление раскола, который впервые возник еще на древнем Солнце. На Земле его последствия привели к оплотнению вещества до элемента Земли и выделению планет нашей Солнечной системы. В человеке начала сгущаться вещественность нервов. Прежде она представляла собой лишь силовые линии в эфирном теле; теперь же она стала способна порождать внутренние световые образы. Внутри человека тогда, как и на древней Луне, встают разные видения, отражающие происходящие вовне процессы. Ими освещается внутреннее пространство имажинативного, несомого Ангелом, а не индивидуального сознания человека. Согласно образам, поднимавшимся в астральном теле, человек и слагал своей высшей, но действовавшей инстинктивно, силой нервную систему.

В этом состоянии сознания в ритмической последовательности совершались значительные перемены, суть которых заключалась в том, что человек попеременно отдавался влиянию то солнечных, то земных существ. Но различия между обоими состояниями заходили так далеко, что мы вправе уже говорить отдельно о смене сна и бодрствования и о смене жизни и смерти.

Человек переживал на себе действие высших Иерархий. В тепле внешнего мира он ощущал действие Духов Личности, в световых образах — Архангелов, в звуках — Ангелов. От водной субстанции человек получал чувство вкуса. Мировой звук — музыка сфер, — действуя подобно физическому звуку при образовании хладниевых фигур, вызывал «танец субстанций» и так образовывал белковые соединения. Параллельно зарождению жизни на Земле шло разделение духов, что способствовало сгущению и огрубению материи. Тепловой процесс перешел в процесс сгорания, и образовалась «зола». Тройственной человеческой душой космический дух переживался как Слово, и она с помощью Ангела обрела тогда смысл Слова. В результате вещественность «золы» втянулась в органическую вещественность, в белковые образования, заложив тем самым в человеке основу костной системы.

Когда во всей этой деятельности душа сознательная «настолько продвинулась в своем развитии, что во время пребывания на Земле смогла образовать сообразное своей природе тело, Духи Формы одарили ее искрой Я» (13; с.244). Человек в ту пору еще не был двуполым существом. В соответствующем месте Библии, как говорит Рудольф Штайнер, на самом деле стоят следующие слова: «И Бог сотворил человека по образу Своему... мужески-женским сотворил

Он его» (Быт. 1.;27). Да и как могло быть иначе, если человек был сотворен «по образу» Божию?

Восприняв «Я» — еще групповое, — душа стала все теснее связывать внешние впечатления с собственной жизнью, теряя по этой причине способность воспринимать имминативно. Она «все более и более становится зеркалом внешнего мира, а он повторяется в глубине души как представление» (11; гл. 6), как ранее он повторялся там в имминативных образах. Следствием этого процесса явилось образование органов чувственного восприятия.

Но если бы человек и далее пошел этим путем, то он чрезмерно увяз бы в земном и мог бы совсем отпасть от божественного мира. Поэтому он стал периодически покидать свое физическое и эфирное тела и погружаться в мир Третьей Иерархии. В такие периоды жизненные процессы в оставленных оболочках поддерживали существования Второй Иерархии (см. рис. 6). Таково было состояние сна. Но затем стали возникать периоды, в которые и эфирное тело освобождалось от физического. Тогда физическое тело умирало и душа некоторое время целиком жила в духовном мире. Потом она возвращалась на Землю и облекалась новым физическим телом, а к опыту прошлой жизни присоединялся опыт новой, прошлое воздействовало на настоящее и в значительной части обуславливало его. Так возникли реинкарнации, метаморфозы души и духа, а с ними — карма.

Новое тело душа получала образованным в линии предков. В нем жила общая земная память, как родовое «Я». Воплощенная душа чувствовала себя не столько отдельным «я» (оно вспыхивало сначала лишь в душевном теле за счет одних только восприятий чувств), сколько частицей действующего через ряд поколений «Я» праотца*; и она переживала такое «Я» совершенно конкретно, личностно.

На более ранних ступенях развития душа переживала групповое «Я» совершенно сверхчувственно, как осеняющее ее по воле Иерархии Элоимов. И так это осталось бы навеки, если бы в развитие не вмешались люциферические ангелы. Вступив в противоборство с Элоимами, они сделали астральное тело человека самостоятельным; но оно утратило свой иерархический характер — перестало быть идеальным зеркалом, отражающим духовное Мироздание. В нем пробудилась способность исходя из самого себя управлять встающими в сознании образами, господствовать над ними, с чем неизбежно была связана подверженность заблуждениям

* Через какое-то число поколений эта память гасла и вспыхивала снова, но уже от нового родоначальника. Сами родоначальники были, естественно, индивидуальностями, сильно опережавшими общее развитие, т. е. посвященными.

и злу, что повлекло за собой зависимость родового «Я» от индивидуального астрального тела. Поэтому и после смерти душа стала переживать помрачение духовного мира, который теперь как бы изгонял ее в чувственный мир. *Развитие я-сознания стало единственным способом сохранения бытия.* Вот почему греческий герой говорит, что лучше быть нищим на Земле, чем царем в царстве теньей.

Начало процессу индивидуализации было положено событием, описанным в Библии как искушение райским Змеем, приведшим человечество к изгнанию из Рая, т.е. из созерцания мудрого строения Мироздания. В «Раю» человечество покоилось во всеобщей астральности Земли. В то время оно представляло собой единый индивидуум. Его-то и создал Бог как Адама — порождение божественной Воли, пришедшей в связь с теплом Земли. Далее, надо полагать, выступает действие Сыновнего начала — Мировой Любви. Его творится эфирное тело всечеловека Адама — Ева. Из высокой астральности Божественного Триединства, опосредованное действием Духов Мудрости, спускается эфирное тело Земли. Как — скажем и в этом случае — основание отношения двух миров, выступает Святой Дух. Благодаря Ему творение получает тенденцию вновь вернуться к себе, в лоно Триединства. И чтобы такого не произошло прежде, чем в человеке родится свободный дух, эфирное тело Духов Мудрости обращается к формированию иной, земной астральности, способной к дифференциации. Она возникает вследствие того, что Дух Мудрости и Дух Любви противостоят друг другу в творении. И тогда соединение Святого Духа (как основание отношения), через Иерархию Духов Движения, с земным творением становится основанием противостояния. Это, собственно, и приводит к возникновению люциферических существ, подступающих к Еве — женской ипостаси единого человеческого существа. Они хотят овладеть его жизненным началом, но Элоимы не допускают этого, ибо сначала задача сводится к выработке теневого, а не творящего, сущностного сознания. Адам и Ева вкушают плод древа познания, а не жизни. И древо это не Отчее, а достояние Духов Движения. Оно-то, как астральное тело Адама, и подвергается дифференциации (изгнанию).

Отчее начало, с одной стороны, остается высшим принципом Триединства, а с другой — оно целиком переходит в свое иное — в физическое. Оно же образует основу первого ингредиента индивидуальной душевной жизни — души ощущающей (см. рис. 15). К душе ощущающей тесно примыкает тело душевное, или тело ощущений. Его нижняя часть сливается с астральным телом, которое является производным от жертвы Духов Движения. Оно возникло на древней Луне (зачаток души ощущающей следует предполагать возникшим в

какой-то мере на древнем Сатурне, а значит — в отчем Лоне, в высшей астральности — в физическом) и в своем высшем оно восходит к Ипостаси Святого Духа, Который метаморфозирует его в душу сознательную. Это отношение Бога-Отца и Святого Духа следует мыслить чисто земным. И в нем, как основание отношения, встает Ипостась Сына — Регента эфирного тела и души рассудочной. Так прежнее противостояние Мудрости и Любви получает новое выражение. Теперь противостоят земная и небесная мудрость, София и рассудок, которые могут быть примирены в любви. На это можно взглянуть и с другой стороны. Тогда нам предстанут: бытие мира природы, мир восприятий и сознание, мир духа, мир идей, понятий. Приходя к единству в познающем субъекте, эти противоположности рождают в человеческой душе Христа.

Традиционному Христианству чрезвычайно трудно принять, что соединение бытия с сознанием и составляет христианизацию человека. Стало привычным думать, что Христова любовь есть просто теплое чувство в душе. Но если мы подумаем о том, что любовь Христа спасает всякое творение, то у нас должен возникнуть вопрос: как это делается? Это делается так, что человек мыслящий развивает исполненное любви познание мира, в жертву которому принес Себя Христос, и тем впервые возвращает его Творцу. Для такой деятельности, конечно, необходимо познание, которое должно быть не абстрактным, а духовным, *не отражать бытие, а быть бытием*. Не следует думать, что искупление мира — это процесс элементарный, где в простоте душевной достаточно лишь принять существование Бога. Нет, тут требуется иная простота, простота гениальности, прошедшая через высшую сложность. «Вы куплены дорогою ценою», — говорит апостол Павел; и чтобы эту «цену» вернуть, необходимо напрячь все душевные и духовные силы, а не заниматься благочестивым балагурством.

Астрально-эфирное тело всечеловека Адама, пройдя через повторение трех предыдущих зон развития, получило, как свое новое качество, способность дифференцироваться, параллельно *поляризуя свойства самого эфирного тела, что и нашло свое выражение в разделении полов*. Благодаря ему единая жизненная основа разделилась на сферу, рождающую новую жизнь, и на сферу, рождающую индивидуальное сознание. И как с тех пор рождаются люди мужского и женского полов, так существует мужская (скажем, более рассудочная, светская) и женская (углубленная, жреческая) мудрость — мудрость Хирама и мудрость Соломона, если говорить языком Мистерий.

Способность астральной субстанции к дифференциации Духи Формы заложили уже на древнем Сатурне. Там она привела к многообразию отраженных тепловыми телами ощущений. На

древнем Солнце тепло-воздушные тела силой астрального влияния Духов Формы стали принимать пребывающую во времени форму. На древней Луне в таких, одаренных собственной астральностью, формах смогли возникнуть вожеления и желания, что также произошло благодаря Духам Формы. Духи Личности помогли человеческим существам относить возникающие вожеления к себе. Но на человека воздействуют также отставшие духи Личности, ~~которым на Земле предназначено стать Духами Формы~~. Они втягивают астральное тело в вещественность, развивая в нем непомерные вожеления чувственных переживаний, отчего астральное тело принимает все более индивидуальный характер и Духи Формы одаряют его искрой Я. А когда люциферические духи пытаются овладеть астральным телом человека, то боги, чтобы отразить их натиск, делают человека смертным.

Люциферические духи насыщают астральное тело человека страстями и вожелениями как совокупностью элементарных существ. Из них же они стремятся образовать оболочку сущностного Я, дать ему внешнюю форму и так со временем проникнуть в его сущее, а следовательно — во все Мироздание. Так формируется в человеке его низшее «я», эго. Божественная творческая мысль должна умереть в эгоцентричном я-рассудке, чтобы стать основой самосознания. Переходя в царство Люцифера, она становится отражением самой себя. Поэтому в человеческую самую способно светить высшее Я, несомое Ангелом, который после Мистерии Голгофы является Духом-Водителем отдельного человека. Из взаимодействия двух Я тройственное тело метаморфизуется в тройственную душу. Снизу в ней работают импульсы чувств и чувственных восприятий, сверху — импульсы Самодуха: высокие идеи, нравственность.

6. Розенкрейцерская формула

ТАК ОТКРЫВАЕТСЯ НАМ феномен мышления, а с ним и его носитель — сознание. В мышлении мы выявили две составленные части. Одна из них абстрактна, другая — интеллигибельная, собственно, мир мыслесуществ, то, из чего «все начало быть» — Логос. И Логос есть абсолютное Я: «Я и Отец — Одно». В их единстве, говоря языком философии Фихте, «само-полагание и бытие — одно и то же», как и «само-не-полагание и не-бытие»⁸³. Оно есть полнота как «определенная определенность», т. е. субстанция.

Рудольф Штайнер говорит, что евангельское: «Вначале было Слово» — относится к древнему Сатурну (112; 26.VI). А далее: «В Нем была жизнь» и: «Отец послал Сына в мир» — одно стало двумя,

но лишь в явлении. Это древнее Солнце. Но «антитезис невозможен без тезиса, т.к. «противопологать что-либо можно только чему-либо положенному». И одновременно: «Антитезис невозможен без синтеза, иначе антитезисом уничтожилось бы положенное; следовательно, антитезис был бы уже не антитезисом, а сам был бы тезисом. Таким образом, все три, действуя, суть лишь одно и то же действие, и только в рефлексии в них можно различить отдельные моменты этого единого действия»⁸⁴. Ев. от Иоанна говорит об этом так: «И жизнь была свет человеков». Это древняя Луна. В Святом Духе обнаруживается единство того, что выступило прежде как отдельные моменты. И в Нем же высшее Троиединство перешло в триединство творения. Все три элемента последнего именно в своей совокупности снимают противостояние эфирного и физического. Форма, жизнь и сознание «суть лишь одно» — пришедшая в себе к равновесию актуальность. Так совпадают теория познания и христианский гнозис.

Но далее — «свет во тьму светит»: в троичности, как мы показали, заключена двоичность; она возникла между тем, что пребывает вверху, и тем, что сформировалось внизу. Ее равновесие не есть покой, феноменология духа не тождественна самому духу. Это противоречие второго рода, оно разрешается в земном зоне через оживание единого божественного Я в многообразии феноменальных «я». Одновременно во всей мистериальной значительности встает этическая проблема противостояния добра и зла, соотношение спасения и свободы и т. д.: «И свет во тьму светит, но тьма не постигла его». Бог оказывается в противоречии с собственным творением. Но поскольку все изшло из одного, то и на Земле противостояние духа и материи должно иметь свой синтез. Он образуется в человеческом «я».

Синтез второго рода подготавливается в лоне первого. Где-то к концу пятого кругооборота на древнем Солнце слагаются две реальности: мир мыслесуществ и тварный мир. На них накладывается бытие отставших духов Личности и отставшей вещественности. В монаде, в ее строении и бытии, выражена высшая идея. Но идея заключена и во втором, в отставшем, царстве. Таков один род противостояния. Другой образуют два мира вещественности. Идеальное противостояние (противоречие) через отношение рождает в веществе восприятие: идея, действуя в материи как имманентные законы, осуществляет эволюцию видов и через нее возвращается к себе — в человеческий дух, где высшая идея продолжает жить также и трансцендентно, т. е. непосредственно. Ее действием человек и биологически строится как особый род: в вещественности его образуется высшая нервная система — инструмент мышления; в нем вспыхивает я-сознание — свойство существ иерархического рода.

Этому-то сознанию и противостоит в идеальном восприятии идея отставшего царства. В сознании противостояние трансцендентного и имманентного не противоречиво. Через их соединение идея, увязывая в веществе ради человеческого самосознания, вновь возвращается к высшему бытию через это же самосознание. В дальнейшем же, поскольку эволюция видов не окончена, возникшая через человеческий дух связь низшего творения и высшего бытия низойдет в царства природы и породит новое многообразие индивидуального бытия, но в будущих зонах.

Таким образом, четвертый зон, земной, является поворотным. В нем готовится победа того света, который «во тьму светит» четвертого зона. В пятой зоне, на будущем Юпитере, он приведет к вхождению Самодуха в индивидуальное Я. Оттуда начнется восхождение человеческого рода к своему Творцу благодаря осуществлению принципа: «не «я», но Христос (Я) во мне». Но прежде должно осуществиться еще одно обетование, данное Христом: «Я пошлю вам Духа Истины». Благодаря Ему мы «со Святым Духом воскреснем». Далее, в шестой зоне, в зоне будущей Венеры, мы «Во Христе умираем», т. е. умираем как смертные существа и в Жизнедухе обретаем вечную жизнь. А в зоне Вулкана, последнем в нашем цикле развития, мы «Из Бога рождаемся»; тогда каждое отдельное человеческое существо сможет повторить слова Христа: «Я и Отец — одно». Это не будет означать равенство Богу, но высшее, истинное подобие. Человек, подобно Христу после Мистерии Голгофы, облечется телом воскресения, Духочеловеком.

Сказанное нами отличается от традиционного строя известной розенкрейцерской формулы, но только потому, что она взята в ином отношении. Розенкрейцеры говорили об изначальном рождении человека из Бога. Поэтому первым у них было: *Ex deo nascimur*. Но если на развитие смотреть с Земли, как центра эволюционного цикла, где сначала совершается нисхождение из духовных сфер, а затем восхождение, то в восходящей линии метаморфоз все начинается с того, что человек воскресает в своем мышлении и через духовознание делает его софийным. Та новая логика, о которой мы ведем речь, позволяет нам уже в рефлектирующем мышлении соприкоснуться с имажинативным миром, с миром Божественной Премудрости, соприкоснуться благодаря тому, что такое мышление движется по законам бытия, а не абстрактной диалектики. Это еще не воскресение со Святым Духом, что выражается в нисхождении Самодуха в душу сознательную, представленном в празднике Пятидесятницы, но существенное подготовка к нему. В имажинативной логике сознание и бытие приходят к идеальному, т. е. высшему единству, и выражением их единства является Христос. Поэтому на следующей ступени,

восходя к инспиративному сознанию, мы должны пожертвовать низшим сознанием, своим эго, которое еще ощутимо присутствует в имажинативной логике. Мы тогда «Во Христе умираем», что сопровождается трансформацией всего нашего человеческого состава. Истинное же и окончательное рождение из Бога достижимо лишь в Духочеловеке. Так метаморфизуется древняя розенкрейцерская формула при взгляде на отдаленное будущее. В земном же зоне эта формула должна браться в ее прямом порядке. Соотношение прямого и обратного порядка порядка поясним на рис. 16.

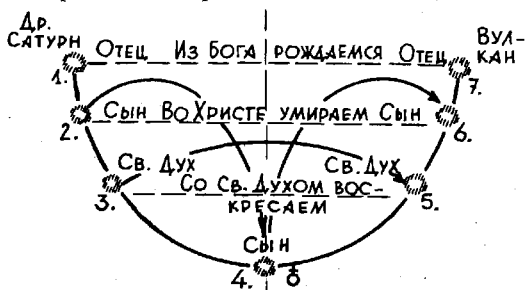

Рис. 16

Из рисунка также видна совершенно особая роль Христа в нашем эволюционном цикле. Он, по сути, приводит единство к троичности, и через Него троичность разворачивается в семеричность, о чем разговор еще впереди. Можно еще отметить, что розенкрейцерская формула внутри семеричности образует триединство следующего рода: 1—3-й, 4-й и 5—7-й зоны*. В своем самом непосредственном отношении к человеку она охватывает 3-й, 4-й и 5-й зоны. Ибо, если можно так выразиться, практически лишь на древней Луне человек родился из Бога. Обретя на Земле эго, он получил тенденцию к отпадению от Бога. Силой

* Изложенный нами взгляд на розенкрейцерскую формулу фактически уже содержится в тех словах Христа, с которыми Он обращается к ученикам в конце Ев. от Иоанна. Он говорит: «Я иду приготовить вам место. И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе» (14; 2—3). «И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да придёт с вами вовек. Духа истины...» (14; 16—17). «Когда же придёт Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух Истины, Он будет свидетельствовать обо Мне» (15; 26). «Он прославит Меня, потому что от Моего возьмет и возвестит вам» (16; 14).

Христос указывает на путь к Себе через Святого Духа. В человеке познание Христа должно соединиться с Его деянием. Это два идущие навстречу друг другу движения. Они не встретятся без участия человека, без познания События Христа силой Святого Духа. Но для этого интеллектуалистическое познание должно воскреснуть в духовознании, чем занимается Наука посвящения, трактуя о связи тройственной души с тремя ступенями высшего познания.

Христовой жертвы он может быть спасен, если своим низшим «я» умрет во Христе, ибо тогда и только тогда он не растворится в Универсуме, а взойдет на более высокую ступень индивидуально-го бытия: воскреснет со Святым Духом.

7. Философия Фихте в свете Христологии

ТАКОВА ОБЩАЯ КАРТИНА эволюции мира и человека. В ней особенно важно понять место и роль земного эона, где нисшедшее в материю, в индивидуальное получает импульс к восхождению к сверхиндивидуальному путем преодоления власти материи. Импульс этот внесен в земной эон Мистерией Голгофы. Она — центральное событие не только Земли, но всего эволюционного цикла. Более того, ее значение будет сказываться и в следующем цикле, чего мы хотя бы в немногих словах попробуем еще коснуться.

Обретение человеком самосознания есть, в определенном смысле, и осуществление цели творения, ибо «всякое развитие основано на том, что сначала из окружающей жизни отделяется самостоятельное существо, потом в отделившемся существе, как бы через отражение, запечатлевается окружающее, а затем отделившееся существо самостоятельно развивается дальше» (13; с.191)*. И таковым человек становится начиная со второй половины земного эона, а реально, в становлении индивидуального сознания, — лишь в послеатлантическое время, когда исходя из собственного «я» начинает копировать деятельность абсолютного Я, познавая в отражении противобытие Я и не-Я. Ведь и полаганию человеческого Я противостоит «иное» в нем самом. Противостоят Я и отражение, сущность и не-сущность, что, собственно говоря, и ощущает Фихте, противопоставляя я экзистенциальное я познающему. Фихтевское наукоучение движется в сфере сущностного Я, рефlectируя о нем, и потому он говорит: «Опосредованная деятельность в нем налицо, непосредственной же вообще быть не должно. Из опосредованности этой деятельности вполне возможно объяснить все остальное: реальность не-Я и постольку отрицание Я, отрицание не-Я и постольку реальность Я»⁸⁵. Но что конкретно следует из этого для «я» познающего? — Разъяснение диалектической природы рефlectирующего мышления. Хотя и оно, как мы видели, еще нуждается

* В эволюции участвует множество существ, и вся она может быть рассмотрена с точки зрения любого из них. Полученные таким образом картины мира неравнозначны, но они способны гармонично сочетаться друг с другом. Можно было бы, например, рассмотреть эволюцию мира с точки зрения существа Ангела. Вероятно, тогда особое значение приобрел бы эон древней Луны и стало бы необходимо подробно говорить о том, каков был мир до возникновения древнего Сатурна и т. д. От соединения таких картин мира полнота познания лишь возрастала бы.

ся в дополнительном раскрытии в сфере сущего, а иначе мы обрекаем себя навеки остаться перед неразрешенной загадкой самодвижения мышления и, как следствие этого, постоянно сомневаться в его значении для Я и искать обходных путей в трансцендентальное.

Одно лишь рефлектирование о природе сущего лишает нас возможности выйти в сферу практической жизни, что Фихте и подтверждает своей системой. И гегелевский панлогизм являет нам лишь многообразие форм рефлектирующего мышления. Ни там, ни там мы не проникаем в сферу сущего, к реальному Я; но мы не находим нашим мышлением отношения к реальности не-Я. В какой-то мере эту, вторую, задачу решают эмпирические науки, но им совершенно закрыт доступ к Я, отчего в них и зреет надежда когда-нибудь смоделировать искусственный интеллект.

Фихте, начав с абсолютного полагания Я, сделал первый шаг к действительно универсальному наукоучению, способному стать единой методологией всех наук. И он бы создал ее, если бы смог расторгнуть круг абсолютного самополагания Я и обосновать его связь с объектами восприятия. В своей дедукции представления он вывел два рода деятельности: деятельность познающего Я и деятельность, исходящую от объекта. Познающее Я, как созерцающее, «определяет само себя к мышлению некоторого объекта». При этом, «поскольку объект оказывается определенным через мышление, то он представляет собой нечто помысленное. Этим он тотчас же определяется как нечто, *определяющее* себя само, — к воздействию на созерцающее». В отношении объект-субъект «объект мыслится как причина некоторого страдания в созерцающем, как его действие»; или: мыслящее определяется мыслимым и наоборот — мыслящее определяет себя к мышлению, и тогда мыслимое (объект) становится страдательным⁸⁶.

Но как такое становится возможным с точки зрения сущего? Внутреннюю деятельность объекта, которой он определяет себя к деятельности, Фихте полагает чисто мыслительной. Однако он вынужден признать, что она есть «некоторый *ноумен*, *если подвести под эту деятельность некоторый субстрат, как то и нужно сделать* (выделено нами. — *Авт.*)»⁸⁷. Ноуменальный же характер Я разумеется сам собой. И когда Фихте обосновывает «устойчивую точку» для различения субъекта и объекта, то, по сути, она у него сводится к тому, что Я-ноумен способен «силой абсолютного отвлечения», сам себя через себя определяя, «отмыслить» от себя все объективное, чем эмпирический индивидуум приближает свое «эмпирическое сознание к чистому»⁸⁸. Но почему того же самого не может сделать ноуменальный объект, для Фихте остается неясным; остается неясным, почему этот объект, как нечто мысленное, определяет сам себя к воздействию на созерцающее Я.

Таким образом, выводам фихтевского наукоучения не хватает завершенности. Этот неподражаемый мастер дедукции в силу условий культурного развития своего времени не смог найти адекватного выражения для своих интуиций. Но они тотчас же предстают в своем истинном виде, лишь только на них падает свет духовознания. Достаточно сказать, что «отмысливание» Я всего объективного приводит рефлектирующую деятельность «я» к медитативной, где восстанавливается ноуменальное единство объекта и субъекта.

Что же касается обыкновенной мыслительной деятельности на уровне субъект-объект, то в ней следует различать два совершенно неоднозначных акта, о которых у нас уже шла речь. Мы уже показали, почему «я» способно определять себя к мышлению и собственной силой двигаться в сфере рефлексии. Эта его деятельность по сути все та же деятельность эволюционного процесса, взошедшего (или нисшедшего) на ступень мыслящего сознания. За диалектикой мысли стоят отношения существ ноуменального мира. Мыслящий человек — это человек, творящий по образу и подобию Божьему. А поскольку интеллигибельный мир лежит в основе как субъекта, так и объекта, то в идеальной деятельности они взаимозаменяемы, в силу чего Я способно переходить к идеальному восприятию ноумена в объекте (или вещи в себе, что, как считает Фихте, есть одно и то же). Именно это и нужно иметь в виду, когда мы читаем у Фихте о том, что действие Я, полагающее созерцаемое, «не есть рефлексия... а деятельность, устремляющаяся на внешнее... деятельность созидания. Созидается созерцаемое как таковое»⁸⁹. Им же является весь мир не-Я, возникший в процессе длительной эволюции. В конце ее рождается встречающая деятельность Я, когда оно от рефлексии восходит к восприятию идеи объекта, и тем осуществляет «бытийно-познавательное» возврат не-Я к Я, на что без рефлектирующего мышления не-Я не способно.

Именно по причине ноуменального, с одной стороны, и в рефлексии — с другой, тождества Я и не-Я возможно воздействие объекта — «я» — на субъект — Я. Без деятельности первого рода — самообусловленной мыслительной деятельности — нет индивидуального «я»; без деятельности второго рода — восприятия идей — нет истинного познания, восстанавливающего первоначальное единство. Если бы не возник чувственный мир, человек никогда не осознал бы себя как «я», деятельность его «я» осталась бы машинообразной, лишь повторяла бы в человеке действия высших Иерархий, в первую очередь — Ангела. В то же время, если бы природа была сущностно иной, по сравнению с природой человека, то человек никогда не нашел бы к ней отношения ни в восприятии, ни в мышлении. Созерцая-рефлектируя природу индивидуальным «я», мы познаем себя как микрокосм, возникший в результате бес-

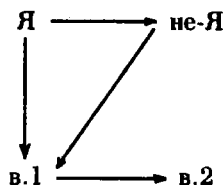
конечно долгой эволюции. Созерцая-рефлектируя деятельность «я», мы постигаем то, к чему стремится прийти Фихте в своем наукоучении, а именно, к взаимополаганию мира и Я; но взаимополаганию, скажем, разнокачественному и разновременному. Фихте выражает это тем, что признает за не-Я реальность, а природу Я постулирует как двоякую: абсолютную и «интеллигентную». Благодаря и через посредство не-Я, Я становится интеллигенцией (добавим: в рефлексии), оставаясь при этом независимым от не-Я. Правда, Фихте тут признается, что не знает, каким образом Я, свободное от воздействий извне, воздействует на себя, как бы окольно порождая не-Я.

Проблема эта решается, когда мы обращаемся к христианскому эзотеризму, к духовному познанию эволюции мира и человека. Тогда нам открывается тайна изначального разделения мира. Разделяются Бог и творение, и разделяются Иерархии. Образуются две пары отношений:

Я и вещественность первого рода (в.1);

не-Я и вещественность второго рода (отставшая) (в.2).

Эволюционный процесс начинает двигаться таким образом: (рис.)

Так разделяется мир, и не-Я становится рефлектирующим мышлением в человеке, противостоящим миру в.2. Чтобы возник субъект, в чисто духовном противостоят: «древо Жизни», Христос — мир в.1; «древо Познания», Люцифер — в.2. В силу этого человек облекается оболочками двоякого рода:

1. Он получает такие физическое, эфирное и астральное тела, что в них может обитать Я, несущее в себе ядро божественного Я — макрокосмос в микрокосмосе, в виде зачатков некогда напечатленных Духочеловека, Жизнедуха и Самодуха. Все они пребывают в человеке потенциально, не раскрыто, не индивидуализированно.

2. Он получает такие физическое, эфирное и астральное тела, в которых рождается не-Я, живущее в понятиях мышление. Не-Я не тождественно "Я" сущностно, но тождественно в мышлении. Индивидуальный психогенезис состоит в переходе от не-Я к Я. Я в отношении Я и не-Я есть чистое становление, и поэтому в нем есть бытие. Бытие есть основание отношения между Я и «я», между Я и сущим. Только через Я не-Я находит отношение к Я.

Для полноты картины мы должны сказать здесь еще об одной бессущностной силе, которая оформилась по мере оплотнения вещества и является самым принципом этого оплотнения, — об ариманической силе. Она полярна по отношению как к Иерархиям, так и к люциферическому миру. При ее учете приведенная выше картина приобретает иной вид и может быть дана с указанием на стоящие за нею прафеномены (рис. 17).

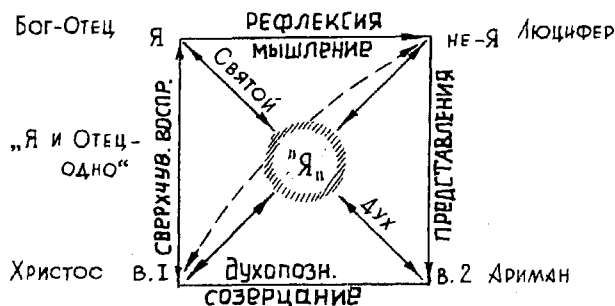

Рис. 17

В новой картине мы должны представить себе "Я" как подвижный центр микрокосмоса, встающий внутри различных взаимоотношений ее частей. В отношении Я и не-Я, как мы уже показали, «я» обретает рефлектирующее мышление. Не-Я находит отношение к в.2 через мышление в «я» и этим путем возвращается в Я. Вставая в отношение не-Я и в.2, «я» выступает как эмпирическое, познающее в мире феноменов. Именно здесь оно соединяет понятия с восприятиями. Между Я и не-Я оно находится в процессе чистого мышления. Но его должно пронизать духопознание, раскрывающее тайну пребывания Я в в.2; тогда для в.2 возникает движение к Я через «я». Так через человеческое познание, восходящее к Богу-Отцу, т.е. осененное Святым Духом, «спасается всякое творение».

Духопознающее «я», вставая поочередно в отношения в.1 — в.2 и в.1 — Я в духе принципа: «Не я, но Христос во мне», — находит отношение ко хранимому Христом эфирному телу, к Жизнедыху, а далее — к Духочеловеку. Астральное тело возвышается силой «Духа Утешителя», приходящего в "Я" из Отчей сферы и пронизывающего познание природы (в.2) духовными понятиями.

Всякая абстрактная идея встает в мышлении как не-Я, как тень мыслесущества, т.е. люциферично. Сила ее изначальной тождественности с Я живет в ней как тенденция к возврату в Я, и эта тенденция встает в противоречие не с Я, а, естественно, с не-Я. Такова природа движения мысли в диалектической триаде. Мысль, таким образом, с одной стороны, стремится вернуться в сущее, а с другой — она обречена (в силу связи с не-Я) оставаться отражением.

Как равнодействующая обеих тенденций возникает суждение. В в.1 оно одновременно и иллюзорно по отношению к Я, и тождественно с ним; по отношению же к Я в в.2 оно дуалистично. Идеально противоречие разрешается в "Я" благодаря его отношению к сущему через в.1.

Без отношения Я — в.1 творение (в.2) навеки отпало бы от Бога. С другой стороны, если бы не-Я творило в в.2, то последнее также

образовало бы тупиковую линию в эволюции (см. также рис.7). И ее создает материалистическая наука. Но в.1 и в.2 — единство. В отношении к праисточнику бытия они так же тождественны, как Я и не-Я. В становлении же они дуалистичны. И такое онтологическое противоречие также разрешается через "Я", ибо для в.2 нет непосредственного пути к в.1, поскольку в нем нет сознания*; сознание действует в нем как закон природы, имманентно, и тем образует непроходимую пропасть между ним и в.1, подобно тому, как имманентные законы логики отделяют абстрактное мышление от сущего. Так обнаруживаем мы общее в верхней и нижней парах тройственных отношений, которое и означает возможность взойти в «я» до тождества бытия и сознания.

Спасение «всякой плоти» есть ее возвышение, а не просто возвращение в лоно Божества, как ошибочно думает современное богословие, отвергающее эволюционизм. Возвышается же «всякая плоть» через "Я", которое обязано ей, ее грехопадению, миром своих восприятий, переживаемых им в отношении не-Я и в.2.

Между Я и в.1 "Я" приходит к высшему познанию и сверхчувственным восприятиям. Но там происходит некое нисхождение: «Отец послал Сына в мир». Связующим звеном между Отцом и Сыном в творении встает Святой Дух. Поэтому минуя Его, а вместе с тем игнорируя всю эволюционную взаимосвязь правого треугольника (рис. 17), «я» в левом треугольнике пришло бы лишь к галлюцинациям. *Принцип познания в обоих треугольниках один, что составляет фундаментальное положение новой науки посвящения. Согласно ей, установленное единство бытия и сознания способно взойти на вторую ступень: к единству чувственного и сверхчувственного восприятия, где само восприятие — в имажинации — есть форма бытия, отождествляющегося с бытием мыслящего сознания. Мир чувств — это застывшие имажинации. Соединяя понятие с восприятием, «я» расколдовывает их, возвращает в мир прафеноменов, мыслесуществ, само при этом выступая в роли группового «Я», интеллигенции природных царств.* Царства природы продумывают себя в познающем «я» и так находят идеальное отношение к их Я.

Игнорируя гетеанизм в науке посвящения, вместо отношения в.1 — Я застревают, приходя к ясновидению, в отношении в.1—в.2, где и переживают иллюзию видимого мира, его ариманическую сторону**. Единственно правомерное, что может здесь сделать «я» — это выработать созерцающую силу суждения, как синтез своей деятельнос-

* Это отношение подобно отношению человека к Существу Ангела (рис. 6 и 7), через которого человек восходит в круг Иерархий.

** Как, погружаясь мистически в субъективный мир отношения Я и не-Я, приходят к восприятиям люциферического рода.

ти в верхнем и правом треугольниках. В верхнем треугольнике оно проходит три первые ступени семичленного логического цикла (*ante rem*); в правом треугольнике — четвертую, которая, переливаясь в пятую, превращается в созерцание (*in re*), в восприятие идеи из объекта. Вся эта деятельность затем осознается в центре, в «я» — так достигается шестая ступень (*post rem*), где первоначальный тезис, пройдя через опыт и став восприятием, находит для себя индивидуального носителя. Это ступень персонификации идеи. И только как таковая идея окончательно перестает быть абстрактной. А затем она входит в мир первореальности — в левый треугольник, где способна приобрести имaginативный характер. Восьмым (октавой) является ее вхождение в точку нового полагания, где все проистекает из Я.

Эволюция, протекающая от древнего Сатурна до эоны Земли, есть путь из Я в в.1, на котором приходит к явлению не-Я. Путь из в.1 в в.2, при сопутствующем ему нисхождению Святого Духа из Я в в.2, есть крещение на Иордане и Мистерия Голгофы, благодаря Которой в акте вознесения возникло отношение в.2 к в.1. И тогда струится Святой Дух в «я» на Троицу, что соответствует пятой ступени логического цикла. Так приходим мы к пониманию того, что такое Христианизация науки.

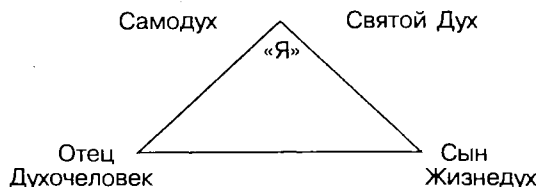
Восприятие идеи в созерцании подобно нисхождению на апостолов Святого Духа. Ибо в такой идее открывается мир сущего, из которого сотворено все чувственно воспринимаемое. Соединяясь с такой идеей, в вершине лета, человек уподобляется Иоанну Крестителю (24 июня его праздник), а осенью, на Михайлов день, оказывается способен на борьбу с драконом, стремящимся тогда усыпить, умертвить человеческий дух силой природного действия. (Подробнее речь об этом будет идти в четвертой главе).

В заключение этой главы отметим, что все семь ступеней описанного логического цикла остались бы искусственной конструкцией, если бы их, как осевой принцип, не приводило в единство деятельное «я». Оно, подобно музыканту, проигрывает всю гамму «мысле-тонов» и возводит ее к октаве, осуществляя творчески как познание, так и собственное становление, и более того — выступает в роли некоего маленького демиурга по отношению к трем царствам природы.

Изначальная воля Отца действует в «я», как субстанция. Но силой основания отношения между «я» и Я, которым в предыдущие эоны выступала ипостась Святого Духа, субстанция в «я» стала отражением, — не-Я. Однако в этом процессе не-Я само обретает характер ипостаси (если вновь обратиться к вышечитированной статье П. Флоренского), являясь антитезисом к субстанции, усии. Результатом этой стадии эволюции является множественность индивидуальных «я». В них первоначальное основание отношения действием Люцифера дифференцировано на многообразие мыслеполага-

ний. В них есть подобие абсолютному полаганию Я, но именно в аспекте не-Я, — зеркально.

Действием Христа в «я» оживает субстанция. Наравне с отражающей астральной деятельностью, оно получает отношение к миру эфирных сил — к «древу Жизни». Христос восстанавливает связь люциферизированного «я» со Святым Духом, посылая к людям Духа Утешителя, или духопознание. Сам же он становится основанием отношения между Ипостасью Отца и Ипостасью Святого Духа, ибо Он: «Я и Отец — одно». На рис. 17 это было выражено в форме треугольника (возьмем его в ином положении):

В человеке часть эфирного тела удержана от грехопадения, благодаря чему открывается доступ к одухотворению физического тела. И в эту безгрешную субстанцию входит Импульс Христа. Своим деянием Он через земной зон связывает лунный зон с зоной Юпитера, подобно тому как в зоне Древнего Солнца Он образовывал отношение между древним Сатурном и древней Луной. Силой Христа Земля готовится к некоему синтезу в зоне будущего Юпитера (см. рис. 16). Там субстанция древней Луны, Регент которой Святой Дух, будет пронизана сознанием в индивидуальном «я», и человек, обретя Самодух, воскреснет в Святом Духе. Такое «я», оставаясь индивидуальным, расширится до масштабов былого родового «Я».

О бытии Юпитера словами Флоренского можно сказать, что это будет «личное общество, индивидуальный род, утверждающий индивида как члена общества, и общество как условие индивида. Духовное равновесие и взаимопроникание усии и ипостаси»⁹⁰. Это будет община Жизнедуха, Буддхи, первый опыт которой люди переживут уже на Земле в шестую, славяно-немецкую культурную эпоху, которая последует за нашей, европейской. В такой общине сойдутся люди, в которых Самодух будет обитать индивидуально. А затем силой Импульса Христа человек овладеет индивидуальным Жизнедухом. Эта, шестая, ступень будет реализована тем отношением, которое Христос устанавливает между Землей и будущей Венерой через зон будущего Юпитера (рис. 16).

Современный швейцарский мыслитель Бертольд Вульф в книге «Гете и Гегель» пишет о том, что категория *propos ti* — отношение, занимающая в онтологическом ряду Аристотеля четвертое место, в по-

знающем сознании встает на место первой — усии (субстанция). И она «обозначает интервал между третьей ипостасью («Person») Бога и первой. Этот интервал имеет содержание. Он есть вторая Ипостась, Логос Божий, Сын, Который во всем, что принадлежит интервалу, приводит к откровению все «отношения»: «Где двое или трое соберутся во Имя Мое, там Я посреди них.»» Сознание, продолжает Вульф, деятельно переводящее четвертую категорию в первую, «смотрит на Сына как исходящего от Отца и Святого Духа и между ними обоими становящегося историей»⁹¹. Отсюда следует, что в теорию познания, приходящую к единству с онтологией, вступает социологический элемент. Он, как мы показали, отмечен и П. Флоренским, а ранее — Вл. Соловьевым в его идее Богочеловечества*. В имажинативной логике «социологизация» мыслительного процесса выражается в смене принципа диалектики на принцип отношения с переходом от 3-й к 4-й ступени метаморфозы. Отношение имеет место и в диалектической триаде, но там оно остается на прафеноменальном уровне и, как обладающее чертами сущего, выражается в отношении Я и не-Я. Но далее, в созерцающем суждении, оно становится определяющим на феноменальном уровне. В первом случае благодаря ему возникает теория познания, не порывающая всецело с онтологией; во втором случае обе они сливаются воедино, когда Сын Божий, нисшедший от Отца и Святого Духа, приводит ипостасное Я, осуществляющее в себе принцип «Не Я, но Христос во мне», на встречу со Святым Духом, исходящим от Отца и Сына (филиокве) и нисходящим в общину Буддхи как индивидуальный Самодух.

Так решается духовный спор, разделивший некогда христианскую церковь на восточную и западную. Он возник, по сути говоря, по причине смешения различных оснований мыслящего сознания (хотя об этом, разумеется, тогда не думали), и только по отношению к нему и имеет смысл. И стоит лишь поставить все на свои места, как мы приходим к христианской инициации, где рефлектирующее сознание обретает сущностное наполнение. «Существует, — пишет Фихте, — абсолютное основание полноты, и полнота эта не является только относительной»⁹². Она есть Сама Божественная Троица. Порожденное Ею автономное, самоопределяющееся человеческое «я» есть некая искра на вершине «святого золотого треугольника», который, согласно розенкрейцерской легенде, Ягве подарил Хираму-

* На языке логики это получает выражение в том, что замкнутый круг гегелевских триад в семичленной метаморфозе мысли выходит через четвертый элемент на «внешнюю сторону бытия», приходя в отношение с миром опыта, что можно показать завершив рис. 2. Он тогда принимает следующий вид (рис. 18): Восьмая ступень в нем восходит над первой.

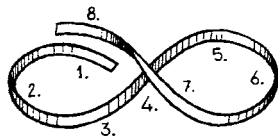

Рис. 18

Абифу, мужской мудрости, обращенной на дела физического мира*. Этот «треугольник» есть действенное триединое начало человеческого духа в телесно-душевной четверичности человеческого существа. В своей совокупности они образуют семь членов, что показал Рудольф Штайнер, разъясняя эзотерический смысл молитвы «Отче наш» (96;28.1). Он дал следующий рисунок (рис. 19).

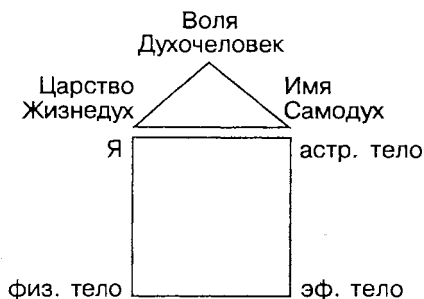

Рис. 19

В нашем рассмотрении мы повернули треугольник (как действенное начало) внутрь четырехугольника (рис. 17). Тогда то, что на рисунке Рудольфа Штайнера выражает иерархический порядок элементов духа, на нашем рисунке принимает порядок, обусловленный непосредственной связью духа с душой и телом. В таком порядке ближе всего к человеческому «Я» стоит Самодух.

Так мы это и изображаем на рис. 20.

Полученные на рисунке связи, возможно, покажутся непривычными для того, кто поверхностно знаком с Антропософией. Однако они верны и раскрывают более глубокий смысл природы человека в ее отношении к спасению. В особенности это касается понимания угрозы эфирному телу человека, проистекающей от Аримана, и спасения физического тела Деянием Христа. Ибо в пасхальное Воскресенье

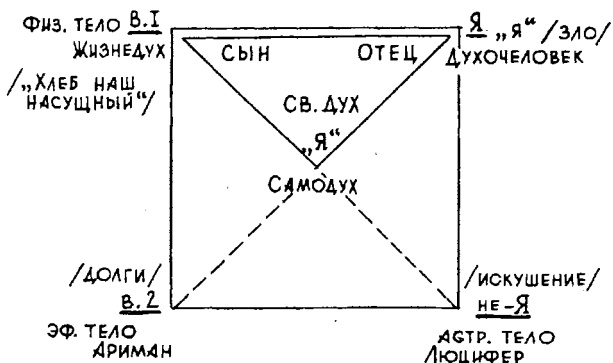

Рис. 20

* Поскольку в наше смутное время оккультизм все активнее используется как разменная монета в политической борьбе, автор просит читателя не усматривать в данном месте какой-либо намек на идеологию масонства.

бессмертный фантом физического тела, Духочеловек, восстал из гроба силой Христова Жизнедуха.

Вообще, следует сказать, что полученный рисунок — не абстрактная схема, он дает пищу для многих размышлений, которых мы не раз коснемся в дальнейших главах. А эту главу мы закончим признанием ее эскизного характера. Затронутая в ней тема, несомненно, нуждается в более детальной разработке. Но поскольку, как кажется, данные для нее Рудольфом Штайнером предпосылки еще никак не разрабатывались, то вполне правомерно дать ее общий и краткий очерк.

Примеры движения мышления по законам имажинативной логики

Из «Философии свободы». — Гл. 1 (начало).

Тезис и антитезис в начале главы слиты воедино в форме вопроса, который имеет две части:

1. «Духовно свободное ли человек существо в своем мышлении и деятельности...».

2. Антитезис: «... или же он находится под гнетом законов чисто природной необходимости?»

Противоречие разрешается в синтезе, который в данном случае не может быть особенно значительным, поскольку Р. Штайнер только начинает свой труд.

3. Синтез состоит в констатации такого факта: «Мало существует вопросов, на которые было бы потрачено столь много остроумия, как на этот». И т. д.

4. Далее Р. Штайнер переходит не к каким-либо утверждениям, к новому тезису, а к простому описанию того, какие аргументы и контраргументы выдвигались в споре о том, что сформулировано в исходном вопросе. Описание это есть одновременно и созерцание. И автор занимается им до тех пор, пока идеальное (интеллектуальное) восприятие не воспримет заключенную в объекте восприятия идею.

5. Эта идея поднимает полученное в синтезе умозаключение на новую ступень. Она звучит значительнее и определеннее, чем третья: «Что мы имеем здесь дело с одним из важнейших вопросов жизни, религии, практики и науки, — это чувствует каждый, если только главной чертой его характера не является противоположность основательности».

6. Теперь встает задача дать обретенной на новой ступени первоначальной идее индивидуального носителя. Рудольф Штайнер решает эту задачу в данном пассаже мысли весьма оригинально. В качестве носителя он избирает взгляды Д. Ф. Штрауса на проблему

свободы, цитируя его высказывание, в котором тот утверждает следующее: «Всякая достойная этого имени философия всегда признавала лично безразличную свободу выбора за пустой фантом...», и т. д.

7. Наконец, весь ход мысли поднимается к последнему выводу. Рудольф Штайнер пишет: «Я привожу здесь это место (из Штрауса) не потому, что придаю особое значение книге, из которой оно взято, а потому, что книга эта высказывает, на мой взгляд, то мнение, до которого в этом вопросе способно подняться большинство наших мыслящих современников. Что свобода не может состоять в том, чтобы вполне по своему желанию выбирать тот или иной из двух возможных поступков, это знает в настоящее время, по-видимому, всякий, притязающий на то, что он уже больше не дитя в науке».

Так заканчивается весь пассаж, и его последняя ступень плавно переходит в следующий, но отчасти может быть еще причислена к седьмой ступени предыдущего пассажа (октава):

1. «Всегда существует, скажет он нам, совершенно определенное основание того, что...» Потом идет:

2. «И тем не менее...» И т. д.

Таков один пример. Теперь попробуем построить семичленный ход мысли сами. Наш пример будет грешить искусственностью, но задача в данный момент не идет дальше того, чтобы дать иллюстрацию — простую и понятную.

Мы видим в комнате много цветов и у нас возникает мысль: Комната переполнена цветочными горшками. Антитезис может звучать так: Здесь не только горшки, но и цветочные вазы. В качестве синтеза возникает вопрос: А какая разница между ними?

Начинаем созерцать и обнаруживаем, что в горшках цветы растут в земле, а в вазах они стоят в воде и т. д. Отсюда следует мысль (и это пятое), что цветочные сосуды (не горшки) следует классифицировать по назначению.

Как может индивидуализироваться такая мысль? Частично, все еще исходя из созерцания, мы говорим, что горшки имеют в большей мере функциональное назначение; цветочные вазы исполняются таким образом, чтобы их функциональная роль (сосуды для воды) была по возможности завуалирована. Срезанные цветы требуют иной, более художественной связи с вазами, чем растущие в горшках.

Седьмое: Сосудам для цветов присущ эстетический элемент: он один — у горшков и иной — у цветочных ваз.

ГЛАВА II

Я НА ПУТИ К СВОБОДНОМУ ВОЛЕНИЮ

1. Многочленный человек и ингредиенты душевной жизни

ИДУЩИМ КАК БЫ СВЕРХУ ВНИЗ совершается рассмотренное нами становление человека в зонах, предшествующих Земле. Духовный Импульс, зарождаясь в высокой сфере, нисходит по ступеням Иерархий, облекаясь качествами, отрицающими его изначальную природу, нисходит до тех пор, пока совершенно не погрузится внутрь «бытия в ином». Тогда вступает в действие другой, «горизонтальный» принцип развития, ведущий к бесконечному повторению ставшего, к простому воспроизведению одних и тех же форм бытия. Но, подобно эху, нарождается еще одна тенденция развития, идущая снизу вверх, навстречу первоначальному духовному импульсу. Равнодействующей всех трех сил предстает нам реальная картина эволюции земного человека. В ней, по мере развития земного зона, мы наблюдаем все утончающееся действие импульса, приходящего сверху, и все возрастающее автономное развитие, исходящее из сил индивидуального земного полагания. Верхний импульс все более сообщается с индивидуальным человеческим духом, в результате чего образуется многоступенчатая лестница отождествлений этого импульса с проявлениями индивидуального «я». С другой стороны, он целиком погружается в эволюцию видов.

Чтобы подойти к той сложной «атомистике» душевно-духовной жизни, что порождается восходящим индивидуальным развитием, необходимо сначала обрисовать ее общий характер и привести ее в связь с тем, что в ней уже сформировалось макрокосмически.

В предыдущей главе мы выявили в природе человека три рода троичностей, порожденных импульсами высшего Триединства. Каждая из них, вне зависимости от степени своего совершенства, представляет собой замкнутое единство. Взятые вместе, они образуют девятичленную природу человека, наделенную рядом основополагающих качеств, взаимные действия которых образуют внутреннюю игру душевных сил, обуславливающую индивидуальные волеизъявления. Их соотношения выражают уже прослеженную нами картину творения, в которой высшее, как свое эхо,

рождало низшее бытие, а в их полярном противостоянии возникала автономная воля.

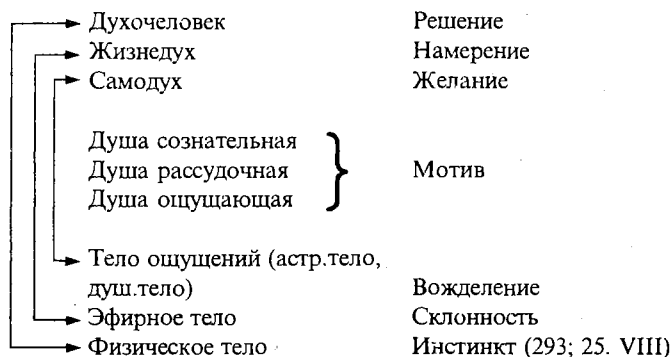

Табл. 3

Изначальное абсолютное полагание (решение) и поныне действует в физическом теле как инстинкт. Этим объясняется автоматизм и принудительный характер его действия. Космическое намерение, определенно, вторично по отношению к абсолютному решению, обусловлено им в своем явлении, но, в то же время, свободнее его. В нем потенциально присутствует возможность альтернатив. Нечто подобное присуще и склонности. В отличие от инстинкта, в ней заключены некоторые степени свободы. Наконец, желание есть возрожденное на новой ступени решение, форма бытия абсолютного в конкретном, в многообразии наличного бытия. В нижней троичности вожделение представляет собой поднятый на предельную для него (до сознания) высоту инстинкт.

Что касается действия мотива в тройственной душе, то в нем, по сути, и выражает себя индивидуальное «я». Как эмпирическое «я», оно опосредует взаимосвязь верхней и нижней троичности, выводя ее в сферу самосознания, и, в то же время, оно само есть плод их глубинного, можно сказать, онтологического противостояния. Если еще раз привлечь на помощь полученное нами на рис. 20, то взаимосвязи, данные в табл. 3, можно было бы изобразить так, как показано на рис. 21.

На этом рисунке мы вместо трех прежних получили четыре новые троичности. В этом переходе от троичности к четверичности и выражается феноменология «я». Вся она обусловлена обращенностью души как к телу, так и к духу. В то же время, «я» есть самостоятельный, четвертый принцип человеческого существа наравне с те-

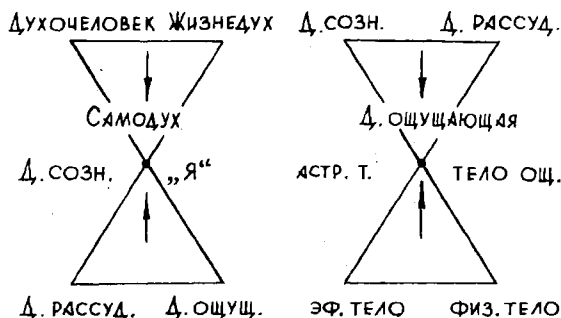

Рис. 21

лом, душой и духом. И его основными качествами, ингредиентами являются мысль, чувство и воля.

Приведенные выше семь качеств девятичленного человека, будучи взятыми в аспекте «я», получают иное выражение. Мы тогда приходим к взаимодействию высшей троичности чувства, мысли и воли с низшей через среднюю, где и действует самообусловленное Я. Дополнив таким образом табл.3, мы получаем образ целостного человека (табл.4).

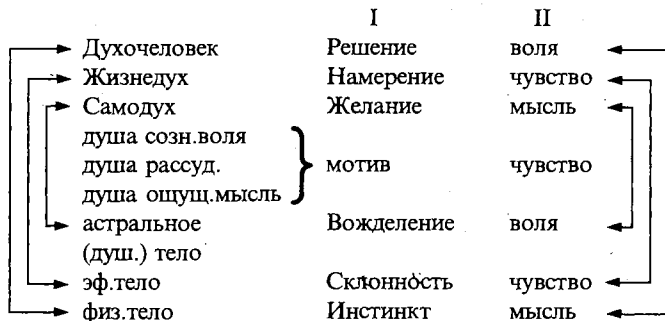

Табл. 4

Отмеченные нами в таблице связи (справа и слева) образуют три круга отношений высшего с низшим, в двух из которых мысль и воля трансформируются друг в друга, а круг чувства остается неизменным. Однако так это выглядит без учета душевной деятельности. Вернее сказать, в первом случае мы имеем картину того, как низшее непосредственно порождается высшим. Этим вопросом мы занимались на протяжении всей первой главы, где показали, что сфера сущего, космическая воля, есть одновременно и мысль. Она рождает

физическое тело как инструмент мышления. Космическая Жизнь, космическая Любовь рождает эфирное тело, образующее основу для жизни чувств. Космическая Мудрость, которая есть лишь иной аспект космической Воли, рождает астральное тело, источник индивидуальных волеизъявлений.

Во втором случае, когда деятельной становится душа, она вносит во взаимосвязь высшего с низшим новый принцип. Все здесь начинается с деятельности Духов Формы, чье Я приходит во взаимосвязь с душевным телом и тем полагает начало формированию индивидуального «я», изживающего себя в совокупном действии мысли, чувства и воли, рождающихся в душе и вместе с душою. При этом действует и другой ряд качеств, но он в душе выражается однозначно, в мотиве. Мотив (или волеизъявление) по сути является тем ингредиентом, в котором объединяются оба ряда качеств (I и II; табл. 4). В результате, в сложной картине душевной жизни вокруг центрального принципа мотивации поступков, слагаются две сферы, одна из которых образует все то, что в человеке называют характером, другая выражает себя в формах самосознания. Все три: мотивация, характер и самосознание — образуют своим взаимодействием становление индивидуального «я». Однако этому предшествует иная, более глобальная деятельность, в которой че-

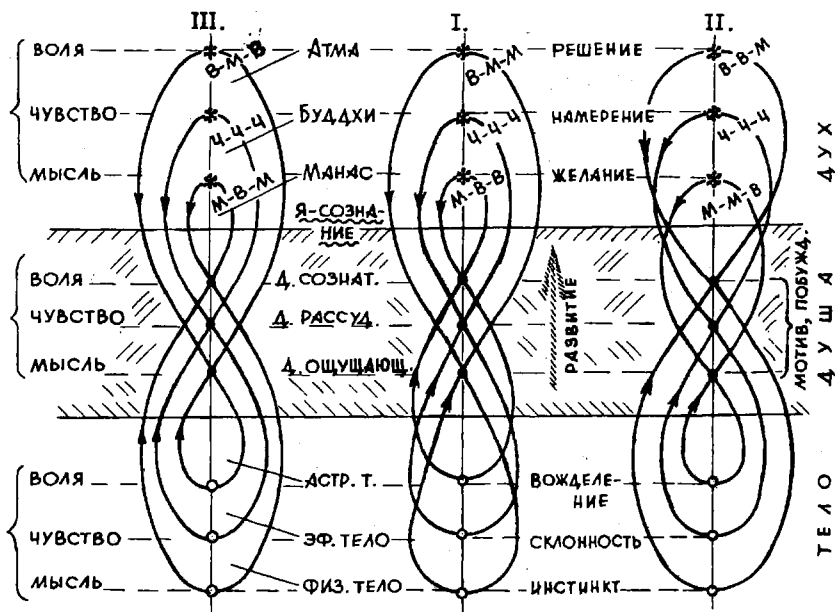

Рис. 22

ловек получает свое выражение как микрокосм в макрокосме. В ней тройственная деятельность макрокосмического по своей природе духа, проходя через тройственную душу, как бы «овнутряется» и переходит в тройственное тело. И все это носит характер метаморфозы, почему и может быть изображено с помощью лемнискаты, а точнее — ленты Мебиуса (рис. 22).

Из всех возникающих здесь взаимосвязей мы затронули только три. Общее же их число определяется математически, числом перестановок из девяти по три. Не будем шокироваться таким обстоятельством, помня, что «Бог геометризует». Проанализировав все возможные здесь взаимосвязи, мы получили бы сложную и стройную полифонию душевной жизни, ингредиенты которой, формируя друг друга и перетекая из одних взаимосвязей в другие, создают условия для «солирующей» деятельности «я».

Для наших целей достаточно проанализировать лишь три позиции. В первой из них (I) мы имеем отражение эволюционного процесса, каким он протекал в прошедшие зоны. Фактически, уже на древнем Сатурне, с возникновением физического тела и взаимодействием Ангелов со вкусовыми восприятиями в нем и т.п., были созданы первые предпосылки для возникновения души ощущающей. На древнем Солнце, с обретением монадами эфирного тела, возникли предпосылки для возникновения души рассудочной. Только все это хранилось в более высоких сферах духа и только на древней Луне было напечатлено астральному телу человеческих существ. В полной мере развитие тройственной души проявилось в земном зоне, где сначала она вновь выступила в астральном теле, а в связь с тройственной телесностью пришла лишь постепенно. Весь процесс, напомним еще раз, протекал так, что прямые (круговые) зависимости духа и тела, все более опосредуясь деятельностью души, выходили из внутреннего бытия в высшем духе на внешнюю сторону бытия проявленного. Движение начинало идти по лемнискате.

Когда начался процесс индивидуализации (II), возникло встречное движение из внутреннего субъективного бытия во внешнее духовное космоса. Но сначала инспирирующей силой группового «Я», исходящей из сферы Самодуха, в астральном теле обособилось тело душевное, и в нем стали развиваться индивидуализированные ощущения и восприятия. Далее из сферы Жизнедуха это «Я» повело к выработке устойчивых переживаний, чувств, закрепив их в утончившейся части эфирного тела — в душе рассудочной. Наконец, для формирования физического мозга «Я» под влиянием импульсов Духочеловека возвысило часть астрального тела до способности жить индивидуально в чистом мышлении. Сначала эти мысли открывались имажинативно и в них проявлялась их волевая природа, ощущения же являлись как порожденные мыслесуществами макрокосмоса.

Такой же характер носили и чувства, они были живой Мудростью, чувство-существами.

Когда перед человеком встала задача взять свое развитие в собственные руки, то осуществление ее свелось к переходу от позиции II к позиции I, т. е. к исходному положению, но уже при наличии индивидуального духа. При этом один род деятельности должен состоять в том, чтобы связь астрального тела с Самодухом, осуществляющуюся через душу ощущающую, поднять до души сознательной, для чего необходимо очистить, просветлить промежуточную сферу жизни чувств и вожделений астрального тела. Таков поток развития, идущий снизу вверх. Навстречу ему движется деятельность Духочеловека в физическом теле, опускаясь от души сознательной к душе ощущающей, что выражается в пронизании всех сфер душевной жизни высшими ступенями сознания. Взаимодействие обоих потоков развития опосредуется душой рассудочной. Ее роль подобна роли Солнца — звезды, ставшей на время планетой. Душа рассудочная, в силу особой ее связи (через эфирное тело) со Христом — Жизнедухом, — является первым устойчивым ингредиентом индивидуальной жизни и ключевой сферой в метаморфозе мысли и воли.

В третьей позиции на рисунке выражена превалирующая над другими видами душевной деятельности деятельность рефлектирующего мышления, опирающегося на физический мозг и протекающего в астральном теле, взошедшем на ступень души сознательной, где в нее отбрасывает свою тень Самодух, интеллибельный мир. В таком мышлении присутствует элемент воли; она рождается в субъекте. Как противоположностью этому встает задача пронизать мыслью ощущение, а значит, и восприятие, т.е. научиться черпать идеи из восприятия. В этой деятельности выражается связь Духочеловека с астральным телом, опосредованная душой ощущающей. Здесь душа ощущающая есть поистине основание отношения Я и не-Я, как в предыдущей позиции им была душа рассудочная. В полной мере этот процесс завершается лишь при посвящении, когда силой Самодуха душа сознательная превращается в душу имажинации, душа рассудочная, силой Жизнедуха, — в душу инспирации, а Духочеловек нисходит в душу ощущающую и превращает ее в Душу интуиции. (поз. III). Тогда концы сходятся с началами. Абсолютное Я отождествляется с первой ступенью ин-

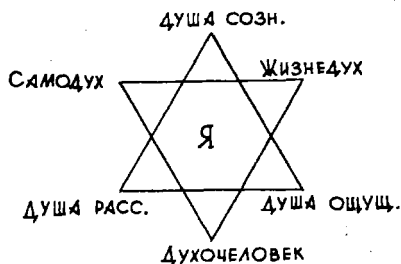

Рис. 23

дивидуальной жизни, с душой ощущающей, которая в таком случае представляет собой все астральное тело, пронизанное сознанием. Вслед за тем идут еще более высокие ступени посвящения. Но чтобы восходить по ним, в человеке должно произойти некое сдвигание тех троичностей, которые мы изобразили на рис. 21. Должна образоваться результирующая взаимосвязь, представляющая собой человека, взойшедшего на первые три ступени высшего сознания (рис. 23). Почему у нас при этом Духочеловек оказался на направленной вниз вершине макрокосмического треугольника, нам теперь понятно из анализа рис. 22.

Такова общая картина, выражающая душевно-духовный онтогенез человека в земном эоне. Детально мы рассмотрим в ней процесс восхождения мыслящего сознания от души ощущающей к душе сознательной. Рудольф Штайнер говорит в «Философии свободы», что мышление по своей сути не нуждается в человеческой организации, и последняя вообще должна отступать назад, когда возникает процесс мышления. Но иначе обстоит дело с возникновением я-сознания: «Внутри собственного существа мышления пребывает действительное «я», а не я-сознание. ...«я» находится внутри мышления; я-сознание выступает благодаря тому, что во всеобщем сознании (индивида. — *Авт.*) погребены ... следы мыслительной деятельности» (4; с.148). Следы эти возникают потому, что мышление не только осуществляет себя, но, благодаря наличию в нем космической воли, которая обнаруживается уже в душе ощущающей (рис. 22 поз.1), оттесняет телесную организацию, и на ее место тогда вступает мышление Самодуха, отраженное в душе сознательной. Процесс не остается без последствий для физической организации: возникают «следы» совершённой деятельности мышления, они образуют связь души сознательной с физическим мозгом (поз.III), в чем и выражается рождение я-сознания.

Его рождение начинается уже с первого индивидуального ощущения и восприятия чувств и заканчивается в душе сознательной, где я-сознание освобождается (уподобляясь сущностному мысле-бытию) от телесной организации, возвращается в позицию I, и там живет в связи: Самодух — душа сознательная — астральное тело, вырабатывая душу имажинации, то есть *живет всецело в стихии мышления*. И сознание это — мыслительно-волевой природы. Причем воля проистекает в нем из индивидуального душевного (поз.I), поднимаясь сквозь все уровни душевного мира, а мысль лучится сверху, как отблеск высшего Я. Чувство же играет опосредующую роль, осуществляя в индивидуальном взаимосвязь воли и мысли.

2. «Философия свободы» в аспекте психологии

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР всю сложную игру мышления, чувствования, я-сознания и волеизъявления замечательным образом прослеживает в 9-й главе «Философии свободы». Содержание ее раскрывается значительно глубже, если мы свяжем его с тройственной душой и рассмотрим в качестве звена I той картины, что получилась у нас на рис. 22.

С возникновением я-сознания начинается путь к индивидуальной свободе. И именно мерой свободного волеизъявления определяется степень индивидуализации человеческого духа в генезисе души. Здесь, как говорит Рудольф Штайнер, «мы имеем дело с одним из важнейших вопросов жизни, религии, практики и науки...» (4; с.15).

В своей исходной точке индивидуальное воление обусловлено *внутренней и внешней* необходимостью. Внутренняя необходимость, согласно «Философии свободы», обнаруживает себя в душе как побуждение, как устойчивая или постоянная основа, определяющая действия индивида; необходимость внешняя выступает как *мотив* — в виде либо понятия, либо представления. Внешняя необходимость обусловлена действием я-сознания. Между внутренней и внешней необходимостями в субъекте происходит сложное взаимодействие мысли, чувства и воли. В условиях родившегося я-сознания, на пути воли к свободе их действие снято и метаморфизировано в осознанные мотивы. В другом случае они выявлены как индивидуальный склад характера, побуждающий человека к действиям, как «характерологическая основа». Она образуется в нас из многократно повторенных, пережитых чувств и представлений, ставших оттого неотъемлемой частью нашей душевной жизни.

Вновь приходящие идеи также ставятся нами в связь с характерологической основой, прежде чем стать поступками, но в этом случае речь должна идти о «целях нравственности», ибо то, как они воздействуют на эту основу, дает нашей индивидуальной жизни, самой основе, определенный моральный или этический облик, который из себя самой она выработать не может. Иными словами, первопричина этического прогресса находится не в ней. Однако характерологическая основа способна сама побуждать человека к поступкам, минуя акт мышления или даже принуждая понятия двигаться в желаемом для нее направлении, поскольку она есть более или менее «постоянное содержание» моего субъекта, которое главным образом ориентировано на переживание: ощущаю ли я от известного представления или понятия радость или страдание, то есть она по преимуществу чувственной природы, и, одновременно, она есть обусловленный «непосредственно в человеческой организации фактор воли» (4; с.149).

Итак, с одной стороны, воление обуславливается волей же, но опосредованной чувством, с другой — понятием, мышлением. Взаимодействие всех трех ингредиентов индивидуальной жизни имеет место в каждом из трех элементов души. Сначала мы встречаем их в душе ощущающей, где они образуют следующую картину (см. рис.). Картина эта целиком проистекает из того, что содержится в анализируемой нами 9-й главе «Философии свободы»; мы лишь глубже вскрываем ее содержание.

Со стороны непосредственных волеизъявлений, выступающих в оболочке чувств, индивидуальную жизнь души ощущающей слагают восприятия чувств. Они действуют сначала с инстинктивной непосредственностью, что обусловлено связью души ощущающей с физическим телом (рис. 22, поз. I). Самым элементарным образом это выражается, например, в отдергивании руки от горячего предмета. Связь души ощущающей с астральным телом обуславливает побуждения к действиям, проистекающим из вождений (поз. II), которые начинаются в сфере чисто животных потребностей, таких как голод, жажда и т. п. Но в силу связи души ощущающей с тройственным духом этот род чувственных восприятий может быть возвышен. Инстинкт тогда преобразуется в такт высоким дыханием Духочеловека; вождение под действием Самодуха претворяется в нравственный вкус. Действием Жизнедуха, связь с которым души ощущающей мы на рисунке не показали, но представить ее легко, облагораживается эгоистическая природа души ощущающей. Поступки, проистекающие из этих высоких побуждений, остаются в душе ощущающей столь же непосредственными, как и первые, низшие, и действия их тем совершеннее, чем чаще они совершаются; благодаря им эгоизм принимает все более косвенный характер.

В книге «Теософия», в главе «Тело, душа и дух», Рудольф Штайнер говорит о душе ощущающей, что она открывается вверх, навстречу интуициям, и вниз — ощущениям. Приходящее в нее

сверху и действует в ней как такт и нравственный вкус; приходящее снизу ведет к формированию органов чувств, ибо ощущения, в первую очередь, суть вождения — основное качество астрального тела, развиваемое им и в силу глубоких причин — люциферического искушения.

Такова одна сторона души ощущающей. Другая ее сторона, где возникают мотивы нравственности, воздействующие на характерологическую основу, образована эгоизмом. С первого взгляда может показаться, что проявления эгоизма — чувственной природы, поскольку, например, бывают эгоистичны маленькие дети. Однако дети, если к ним присмотреться, поступают на основе чувственного восприятия. Один ребенок вырывает игрушку из рук другого по той причине, что он хочет прикоснуться ко всему, что привлекло его внимание, иногда — и к горящей свече; возникший плач другого также остается для него лишь восприятием. И даже более серьезные, «безнравственные» — каковыми их считают взрослые — поступки ребенок совершает чисто подражательно, увидев, как это делают другие. Но когда ребенок подрастает и в нем вспыхивают элементарные понятия, то в первую очередь он начинает их самым непосредственным образом связывать с переживаниями приятного и неприятного, удовольствия и страдания. И тогда вырабатывается первая форма эгоизма — так называемый прямой эгоизм, которым люди нередко руководствуются и во взрослом состоянии. Прямой эгоизм всегда связан с представлением, но его понятийная основа чрезвычайно слаба, она мгновенно сливается с вождением; и все-таки он не есть одно вождение, что легко обнаруживается, когда цель, преследуемая эгоистически, достигается не сразу.

Развитие души ощущающей в этой ее части состоит в превращении прямого эгоизма в косвенный. Такая возможность имеется в ней благодаря ее связи с Самодухом, а также с душой сознательной (рис. 22, поз. II, I), которые вождения просветляют до осознанных желаний; в них во все большей мере начинает преобладать момент обдумывания. На высшей ступени, там, где возникает свобода, просветленное вождение целиком претворяется в силу движения мысли, в волю к мышлению и тем возвращается в сферу, из которой оно низверглось силой люциферического искушения. Поэтому путь назад, в сферы духа, неизбежно должен пролегать через нравственную сферу, где преодоление эгоизма совершается превращением его из прямого в косвенный. Человек тогда начинает приносить благо другим в надежде, что в ответ получит подобное же.

Конечно, расчетливая мораль еще не отличается нравственным величием, в то же время нужно понять, что безо всякого эгоизма,

как и без чувственных восприятий, душа ощущающая существовать не может. С подобным фактом совершенно не хотят считаться проповедники абстрактной морали. Они сразу же ставят человеку задачи уровня души сознательной, и тогда он начинает любить все человечество и все менее выносить окружающих. На самом же деле косвенный эгоизм должен лишь постепенно расширять свои круги. В Евангелии сказано: «Возлюби ближнего, как самого себя». С этого начинается нравственный прогресс, и он может со временем возвести человека на ту ступень, где интересы всего человечества он будет переживать как свои собственные.

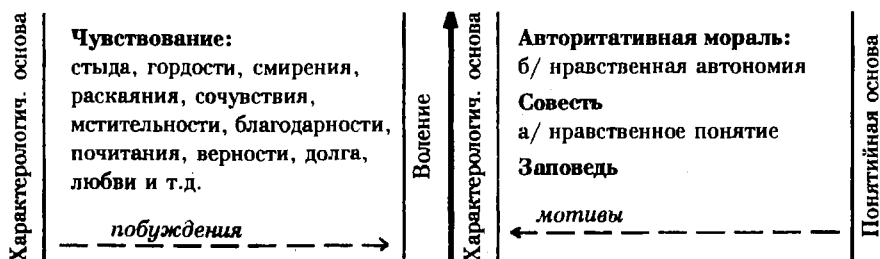
Весьма любопытное обоснование косвенного эгоизма дает Д. Карнеги в книге «Как заводить друзей и оказывать влияние на людей» (1965), представляющей собой некое руководство по самовоспитанию души ощущающей. «Каждый дурак, — пишет Карнеги, — может критиковать, осуждать... Но нужно иметь сильный характер и высокое самообладание, чтобы понимать и прощать». Такое утверждение как будто бы адресовано к иной душевной сфере, чем душа ощущающая, однако, как открывается далее, дело тут сводится к вещам более элементарным. «Вы должны, — продолжает Карнеги, — делать приятное людям, если хотите, чтобы они делали приятное вам». А потому не критикуйте, говорите о том, что интересно вашему собеседнику, дайте ему высказаться, дайте ему возможность почувствовать свою значительность и делайте это искренне. Относитесь к людям с искренним участием. Уважайте их мнение и не говорите им, будто они в чем-то неправы. В своей же неправоте признавайтесь быстро и энергично, и т. д. и т. п. И делать все это следует ради собственного успеха, преуспевания, ради того, чтобы заставить людей думать так, как мы хотим и делать то, что нам нужно.

Подобные рекомендации кому-то могут понравиться, а у кого-то вызвать отвращение. Однако все это не имеет принципиального значения, поскольку душа ощущающая — это реальность, коренящаяся в нашем астральном теле, и у нас нет иного пути заложить в ней первооснову для я-сознания иначе, как только внося в вожеления такт и нравственный вкус и претворяя прямой эгоизм в косвенный. Иное дело, если мы подумаем о том, каково последнее слово одного из выдающихся представителей англосаксонского мира, где в нашу эпоху преимущественное развитие получает душа сознательная. В таком случае «мудрость» Карнеги может только разочаровывать. Не низведение сил души сознательной в душу ощущающую, а нечто прямо противоположное составляет истинный прогресс нравственности, а с нею и всего рода человеческого на пути к свободе воли. В первом же случае готовится «война всех против всех». Чтобы понять это, достаточно лишь представить себе человеческое со-

общество, где все поступали бы согласно рекомендациям Карнеги. Поэтому значительно проще и лучше осознать необходимо эгоистический характер души ощущающей, а вместе с тем — отсутствие в ней какой-либо свободы воли.

Следующий уровень душевной жизни имеет такую структуру:

Д у ш а р а с с у д о ч н а я

Такова душа рассудочная. В ней в качестве побуждений выступают разного рода устойчивые, т.е. постоянно возобновляющиеся в индивидуальной жизни чувства, или чувствования. Они вызываются из характерологической основы различными восприятиями, приходящими из внешнего, а также из внутреннего мира, и побуждают душу к привычным для нее действиям. Власть этих чувств над душой также принудительная, и прогресс в этой сфере возможен лишь путем их перегруппировки, замены отрицательных чувств положительными. А следует заметить, что все они двухзначны: каждому положительному чувству противостоит отрицательное.

Роль чувствований в душе рассудочной особенно хорошо описана в испанской литературе — у Кальдерона, Сервантеса; их метафизический аспект, где обнаруживается роль двойника, — в русской литературе, у Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Сухова-Кобылина, Андрея Белого.

Положение души рассудочной совершенно особое. Субстанционально она связана с эфирным телом. Мыслесущество является в ней как жизнесущество. А это означает, что если благодаря субстанции астрального тела, приведенной в связь с физическим, мы способны переживать тень мыслесущества, понятие, которое летуче, неустойчиво, то жизнесущество заявляет о себе в душе непосредственно. Оно мгновенно достигает физического тела, кровотока и способно оказать влияние даже на обмен веществ. Чувства поистине возвышают, но могут и свести в могилу. В чувствах мы переживаем единство бытия и сознания, они наполняют нас как совокупность существ. Часть из них была некогда изгнана из Рая Жизнедуха и образовала вожеления астрального тела. Другая

часть присутствует в душе рассудочной как вестники сферы Жизне-духа, каковой, например, является любовь.

Именно в силу своей сильно выраженной экзистенциальной природы чувства достигают нашего сознания в ослабленном виде, подобно сновидениям. Но тут имеется и промежуточная ступень, где более проявлена понятийная сторона этого единства бытия и сознания. Она выступает в душе рассудочной как авторитативная мораль. У нее, как и у эгоизма, также две ступени. На низшей действует нравственное понятие в виде заповеди. Заповеди пришли в сферу человечества благодаря инспирациям, к которым восходили древние посвященные. В заповеди действует не спорадическое представление о собственном удовольствии, свойственное душе ощущающей, но основанность на «целой системе нравственных принципов», которые могут служить мотивами действий в форме «отвлеченных понятий», о происхождении которых мы можем даже ничего не знать (4; с.155-156). Заповедь сильна могучим дыханием Отчего начала, сказывающегося в ней. Не силой рефлектирующего мышления, не рассудком, а разумом в откровении получали люди заповеди, как предвозвещение грядущего пришествия Христа, когда их принудительный характер будет смягчен деянием свободной любви. Но сами они всегда выражаются в форме тетических суждений в повелительном наклонении. Будучи однажды принятыми, они входят в понятийную сферу и воздействуют на душу ощущающую как высший авторитет, способствуя тем претворению прямого эгоизма в косвенный, а души ощущающей — в сознательную.

Легкий, подвижный характер, какой мысли имеют в душе ощущающей, они, вступая в душу рассудочную, сменяют на склонность к мудрости. И потому к этому элементу души обращены слова Христа: «Познаете истину, и истина сделает вас свободными». Из сферы Самодуха нисходит истина, и первое явление ее в душе есть заповедь. Таким образом, Христом опосредованная воля Отца достигает души рассудочной как весть Святого Духа. Она склоняет «я» к добрым поступкам, «а если делать добро становится для «я» привычкой, то оно работает над эфирным телом» (109; 5.VI)*.

Не через отказ от заповеди, а через восхождение к еще более высочайшим мотивам деятельности пролегает путь к свободе. Поэтому Христос пришел не отменить, но «исполнить» заповедь.

Нравственная автономия человека начинается с действий, продиктованных совестью.

По своей сути совесть также понятийной природы, ее инспирации доступны каждому человеку. В совестливом деянии

* Напомним, что все приведенные отношения можно сделать совершенно наглядными путем дальнейшего развития того, что дано на рис. 22.

каждый сам себе пророк. Личные склонности в ней уже не обуздываются приходящими извне запретами, а возжигаются высшим намерением Христова Жизнедуха, находящего в совести непосредственный доступ к индивидуально переживающей себя душе.

Мы должны сказать, что совесть — этическая категория христианского мира, хотя понятие о ней впервые возникло за несколько веков до пришествия Христа. О тех, кто ее переживал в мире эллинизма, говорят как о христианах до пришествия Христа, ибо они опередили свое время. Но таких людей было немного, другие же переживали непосредственное действие духовных существ, которые, безотносительно к индивидуальному, являлись в силу жесткого закона богов (вспомним судьбу Ореста), как духи мщения.

Совершенно новое начало принес на Землю Христос. Соединившись с нею, став ее Духом, Он и все природное пронизал моральным, как это явлено в таинстве причастия. Душе рассудочной Он дал высшее из доступных чувств — духовную любовь. Через любовь должен теперь человек находить свое отношение к тварному миру, к его познанию. Древнее же познание было «природно-софийным» (210; 19. II); духовная суть природы открывалась тогда человеческому созерцанию, но при этом отсутствовал сам познающий субъект. Вместе с индивидуальным началом в человека вошло и чувство ответственности, — в первую очередь, ответственности за познание, рождающее мотивы деятельности. Поэтому присутствие в человеке Бога «Я» начинается с логической совести. Лишь поняв это, мы станем способны по достоинству оценить гетейстическую науку.

С душой рассудочной во многих отношениях тождественно наше «я». В ней впервые начинается высвобождение я-сознания из душевно-физической организации, а воли — из оков необходимости низшей природы. Основа освобождения закладывается не в теневом мышлении, не в абстрактной мотивации, а в сущностном мышлении сердцем. Как это происходит? «Человек, — говорит Рудольф Штайнер, — становится другим человеком, если сначала занимается мышлением как школой, как упражнением. Пусть он занимается им не ради того, чтобы постичь высшие миры, но чтобы из себя самого сделать другого человека. И в логическом мышлении переживают (тогда) прежде всего определенный род совести... и если человек выработал ее у себя, то вообще в своей душе он получает чувство ответственности за истину...» (119; 29. III). Обретая логическую совесть, индивидуально мыслящий человек находит подход к самому Божественному, ибо совесть — «это отблеск вносящего поправки Мирового Духа, который, бодрствуя, стоит рядом с «я» и является человеку как совесть» (59; 12. V). Иными словами, в отличие от

древнего, человеческое познание становится индивидуально-софийным, когда в него вступает совесть.

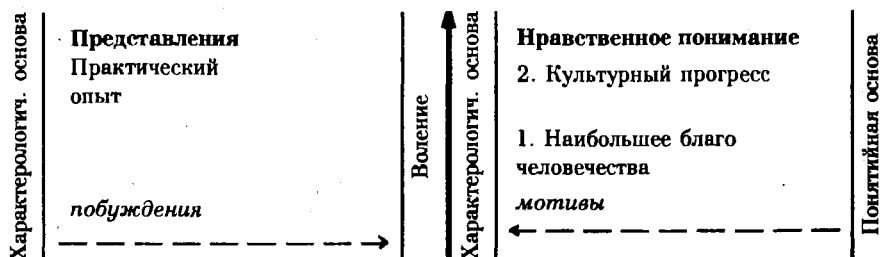
До вступления «я» в тройственную душу «Мировой Дух» извне воздействовал на тройственное тело (на рис. 22 это следует представить себе как связи верхней и нижней троичностей, но идущие по кругу), а после вступления он работает через «я» в тройственной душе. Уже в душе ощущающей мы сталкиваемся с предоощущением совести, которое возникает в результате столкновения эгоизма астрального тела с импульсами Самодуха, в какой-то мере всегда проникающими сквозь все три душевные сферы. В душе рассудочной совесть пребывает как в своей собственной сфере, поскольку она ожила в индивидуальной душе с возникновением мышления в понятиях. На первом своем этапе — в V—IV вв. до Р.Х. — мышление не было таким абстрактным, как в более поздние времена, а проистекало из целостной природы человека; в нем еще сильно ощущалось живое присутствие мыслесуществ. В столкновении мыслящего сознания с нравственными и безнравственными мотивами поведения, что нашло свое яркое отражение в диалогах Сократа, развилась склонность к нравственности (см. табл.3), обусловленная осознанным намерением творить добро (на фоне античной этики, следует подчеркнуть). Такое намерение несет в себе свойство высшего интеллигибельного мира, что и выступает в душе как совесть. Это своего рода логика сердца, чувство-понимание, доступное любой душе.

Итак, в душе рассудочной, как члене, опосредующем взаимодействие высшей и низшей сфер души, приходит к своему выражению вся Божественная Троица. Как главнейшее свойство этой души выступает Христово начало — любовь, о которой апостол Павел говорит: «И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, не завидует...», и т. д. (I. Кор. 13; 3-8). Это значит, что сколько бы мы ни претворяли прямой эгоизм в косвенный, — здоровым образом душой сознательной, минуя душу рассудочную, нам не овладеть, поскольку — и это с другой стороны — только любовью преобразается характерологическая основа человека. Кроме того, Христом несомая любовь подготавливается в душе рассудочной Отчим началом — заповедью; и в нее светит Ипостась Святого Духа — совесть. Душа рассудочная имеет склонность познавать софийно, что не может происходить без любви к объекту, ко всему творению. Исполнен любви к поступку и софийный мотив, а тогда он ничем не обусловлен, т. е. свободен. Но такая ступень достигается только тогда, когда душа рассудочная претворяется в душу инспирации. Однако, как таковая, она еще не свободна, любовь еще не стала в ней всеопределяющим побуждени-

ем, а совесть — мотивом деятельности. Многие меры должны быть предприняты «я» на пути к инспирации, — должна быть проработана душа сознательная, а в ней — найдено конкретное сознательное отношение к духу.

С переходом в душу сознательную нравственное действие начинается всецело определяться пониманием.

Д у ш а с о з н а т е л ь н а я

В душе сознательной действие по совести является уже недостаточным, минуя же совесть — недопустимым. Совесть носит характер авторитета, хотя и внутреннего. И как в душе рассудочной исполнение заповеди ведет к совести, так в душе сознательной развитая совесть ведет к действию, исходящему из нравственного понимания. Чтобы овладеть им, необходимо тройкое: во-первых, умение активно мыслить, вносить волю в мышление; во-вторых, умение приходить к целостному образу действительности, соединяя с восприятиями соответствующие им понятия; в-третьих, необходима возрастающая сила любви, как в нравственном, так и в познавательном отношении — верность объекту познания. В последнем случае она становится основой созерцающего суждения, открывающего глубинный смысл вещей, без чего действие, адекватное действительности, немислимо. Иными словами, то глубинное, онтологическое присутствие Божественной Троицы, что мы открыли в душе рассудочной, в душе сознательной переходит еще дальше в сферу индивидуального и выражает себя гносеологически, исчезает в нем. *По этой причине гетеанистическая теория познания и лишена предпосылок, а логическое приобретает имажинативный характер. На пути к высшему духу душа рассудочная должна стать христологичной, а душа сознательная — софийной.* В душе сознательной Дух Святой — София — ведет нравственное действие человека к принципу: «Не я, но Христос во мне».

Впервые этот принцип заявляет о себе уже в душе ощущающей, где его силой расширяются границы косвенного эгоизма, однако зародышевая сила «я» не теряется, а обретает в себе космические

силы. Без Христа, на основе абстрактного гуманизма, преодоление эгоизма ведет к возврату в групповое сознание, а не преодоление его — к войне «всех против всех». Душа ощущающая есть плод космического искушения, и она нуждается в спасении. Христос дает «я» субстанцию. Поэтому христианский альтруизм вселяет в «я» силу и мир. Об этом многократно говорится в Евангелиях: «...если кто хочет идти со Мною, отвергни себя... Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее» (Лк. 9; 23—24); «...кто не собирает со Мною, тот расточает» (Лк. 11; 23); «...кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не может делать ничего. Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет...» (Ин. 15; 5—6).

Однако прямого пути развития от души ощущающей к душе сознательной нет, поскольку в них действуют противоположные тенденции: центростремительная и центробежная. Возможна лишь метаморфоза, проходящая по трем ступеням, где первоначальный импульс, пройдя некое становление, возвращается в себя (как индивидуальное), но на более высокой ступени. И как новый антитезис к произошедшему становлению рождается четвертое — я-сознание.

Душа сознательная познает себя более в объектах внешнего мира, чем в своем внутреннем. В окружающих людях отражается нам наше я-сознание. И если бы мы стали искать его внутри себя, то пришли бы к пустоте. Она образовалась в нас для того, чтобы было куда нисходить субстанции Я, Самодуху. Окружающие люди до поры до времени хранят мое «я», и это неплохое хранилище. Но понять это можно лишь с помощью учения о духовных основах эволюции и карме.

Переход «внутренней», по своему характеру, души ощущающей в душу сознательную через душу рассудочную осуществляется по универсальному, уже изложенному нами принципу. В пояснение его небесполезно прибегать к лемнискату. Нужно представить себе, что она выражает и развитие тройственной души (рис. 24).

В лемнискате мы получаем образ той элементарной первичной семеричности метаморфоз, с которой начинается индивидуальная жизнь. В нижнем круге из триединства восприятий чувств, элементарных понятий и эгоцентрических действий складывается первая ступень индивидуальной жизни: в «темной терпкости», говоря словами Беме, замкнутая в

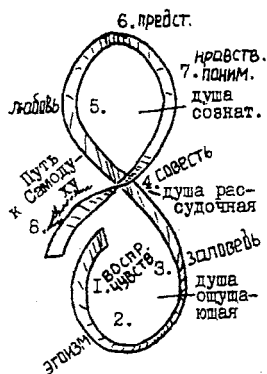

Рис. 24

себе и духовно неподвижная. В душе рассудочной триединство воли, мысли и чувства рождает первую ступень я-сознания, антагонистичного по отношению к внутренней замкнутости. В душе сознательной оно приводит свой первоимпульс (возникший в душе ощущающей) к реализации в духе своих намерений, возникших в душе рассудочной. Далее я-сознанию открывается путь к Самодуху, к претворению души сознательной в душу имажинации, что сводит все предыдущее к октаве и одновременно образует первую ступень следующего цикла.

Элементы, слагающие седмицу метаморфоз, совершающихся в трехчленной душе, естественно, иные, чем в логике, но закон их развития тот же. Дуализм понятия и восприятия с наибольшей силой выступает в душе ощущающей. (Она по своему складу наивный реалист и одновременно мистик.) В нашем рассмотрении они взяты в этическом преломлении (поскольку речь идет о душе), и потому их синтез образует заповедь. Она примиряет влечение и расчетливую мораль. Но душу ощущающую можно рассмотреть и мировоззренчески, тогда синтезом стали бы единичные суждения отношения, подчинения, свойства. В роли такта тогда выступили бы тетические суждения.

Действие совести впервые индивидуализирует душу, вводя ее, с известной мерой автономии, в многообразие социальной жизни. Любовь рождается как плод совестливых действий. Я-сознание в ней освобождается от группового. Далее любовь приходит в связь с представлениями, и, как последний плод индивидуализации, возникает нравственное понимание. Понятие и восприятие при восхождении к душе сознательной приходят от противоречия к отношению. Но наравне с этим в онтогенезе души продолжает действовать противоречие астрального тела и физического. Оно разрешается через тело эфирное и душу рассудочную так, что троичность мысли, чувства и воли разворачивается в семеричность. Кроме того, действие эфирно-астрального выражается в душе еще и иным образом. Так, мы можем почувствовать их взаимодействие с переходом от восприятий чувств к эгоизму и заповеди, а далее — к совести и любви, представлению и нравственному пониманию. Это не может быть иначе, если учесть все многообразие связей, проистекающих из данного на рис. 22. Следует помнить, что при анализе души может быть взят лишь ограниченный объем ее содержания. Это хорошо понимали древние. «Границ души, — говорил Гераклит, — ты не найдешь никогда, если даже обойдешь все окрестные улицы».

В душе сознательной индивидуальная характерологическая основа рождает в качестве побуждений представления, что означает фундаментальное ее преобразование. Сначала, путем воспитания, в ней насаждается автоматизм высшего порядка: такт. Ее чувственная природа просветляется нравственным вкусом, происходит пе-

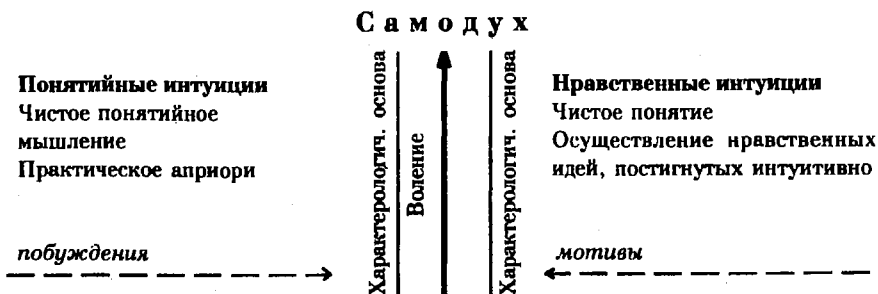
регруппировка чувствований. Первоисточник преображающих ее действий — понятийная основа, мотивы которой, прежде чем достичь воления, всегда наталкиваются на характерологическую основу и либо задерживаются ею и тогда возникает внутренняя борьба, либо находят в ней сотрудника, что необычайно усиливает мотив. В результате такого сложного взаимодействия в характерологической основе слагается ряд устойчивых представлений, способных обуздывать остаточные проявления низших чувств. Душа сознательная при этом опирается на практический опыт, осмысленный я-сознанием. Собственно говоря, это он и переходит в тактичное действие. Ибо такт прививается двояким образом: внешне, путем воспитания, начиная с детского возраста, и внутренне, путем самовоспитания. Первое лишь создает благополучные предпосылки для второго. Но истинный такт непременно сопровождается нравственным пониманием, поэтому в душе сознательной побуждение и мотив во многом тождественны, хотя и не сливаются вполне. Мысль, понятие в ней, всегда опережает способность характерологической основы к свободному действию. В то же время практический опыт основательнее нравственного понимания.

По сути дела, в своих волеизъявлениях душа сознательная всецело руководствуется представлениями, и тем фундаментально ослабляет связь мотива и побуждения с душевно-физическим бытием субъекта; они принимают более идеальный характер, близкий к природе интеллигибельного мира, где обитает человеческий дух, т.е. они приближаются к свободе. Но порывая связь с бытием субъекта, душа сознательная опирается на широкий мир опыта, и поэтому вернее будет сказать, что она расширяет субъект до размеров объекта и делает это двояким образом. Со стороны нравственного понимания она переживает весь этический опыт человечества как субъект и тем приближается к первоисточнику, из которого всегда черпала философская дедукция, наследница откровения. В истории философии дедукция потому часто кажется не убедительной, что в ней не видна предшествующая ей скрытая (в трансцендентальном) работа восхождения от частного к общему в душе ощущающей и душе рассудочной. Но в то же время сквозь нее всегда просвечивает могущественное блистание Самодуха.

Что касается характерологической основы, то она от опыта восприятий чувств и различных чувствований — которые образовывали эмпирическую канву индуктивных суждений в душе ощущающей и душе рассудочной — восходит в душе сознательной к восприятию идей в объектах мира, т.е. к созерцающей силе суждения. Вся картина в целом и изображена на рис. 24. Ее характер, по сравнению с тем, что ранее было показано на рис. 18, осложнен вскрытием внутреннего действия души, стоящей в связи с телом и

духом. Но это та неперемнная промежуточная ступень, семичленная метаморфоза души, протекающая между чисто биологической метаморфозой, которую мы проиллюстрировали на примере растения (рис. 8; но ее можно было бы показать и на примере тройственного тела), и духовной метаморфозой, приходящей к своему выражению в имажинативной логике.

От души сознательной можно подняться еще на одну ступень вверх, и тогда мы войдем в сферу поистине свободного воления.

В этой сфере характерологическая основа не играет определяющей роли. Она — всецело объект для высшей духовной деятельности, но объект данного духовного субъекта, благодаря чему индивидуальное не снимается, а возвышается в сферу свободы. Оно уподобляется (это многоступенчатый процесс) абсолютному Субъекту. С другой стороны, лишь при сохранении субъекта имеет смысл говорить о нравственности. Весь мир интуиций встает в Самодухе в отношении к очищенному от всего случайного, низшего субъекту.

В душе сознательной нравственное понимание основывалось на мышлении о мышлении. Представление, как его определяет Рудольф Штайнер, есть совокупность понятия и восприятия. В душе сознательной его восприимчивая часть идеальна, она, как мы показали, образована нравственными идеями человечества, к которым субъект вырабатывает свое идеальное отношение и так строит мотив для нравственного действия. В сфере Самодуха субъект попросту отождествляется с чистым понятием как формой бытия, и лишь потом, выйдя из этого тождества, рефлектирует о нем.

Представления, которые в душе сознательной рождались из созерцания, в сфере Самодуха становятся тем, что мечтал обосновать Кант: синтетическими суждениями априори. В них мир чисто-го понятийного мышления встает перед душой как мир опыта, но высшего, прафеноменального. Такой опыт есть одновременно и суждение. В Канте соприкосновение с этой грандиозной сферой

породило — что можно хорошо понять — чисто религиозные переживания, и он не решился свою рефлексию возвысить до созерцания, где ему открылся бы мир вещей в себе*.

Лишь рефлектируя по поводу той высшей, интуитивной сферы, люди приходят к мнению, что она слишком холодна и надчеловечна. Так, по крайней мере, считают мистики чувства. Рудольф Штайнер говорит о ней другое: «Мышление ...как бы иссушает душевную жизнь. Но это есть именно лишь могущественно сказывающаяся тень его пронизанной светом, горячо погружающейся в мировые явления действительности. Это погружение происходит с протекающей в самой мыслительной деятельности силой, которая есть сила любви в духовном роде. На это нельзя возразить, что видящий таким образом любовь в деятельном мышлении вкладывает в него чувство — любовь. ... Кто обратится к сущностному мышлению, тот найдет в нем как чувство, так и волю, и притом эти последние в глубинах их действительности. Кто отвращается от мышления и обращается к «одним только» чувствованию и волеанию, тот и в них утрачивает истинную действительность. Кто хочет в мышлении переживать интуитивно, тот отдает должное также переживанию и чувства и воли», чего не способны делать ни «мистики чувств», ни «метафизика воли» (4; с.143).

Эти последние, какими они известны нам из истории философии и истории религиозного опыта, всегда брались в границах генезиса тройственной души, и потому на них лежит неизгладимая печать, скажем, низшей субъективности, которая означает косвенный опыт переживания высшего бытия, опосредованный опытом души. В абсолютизации инобытия, с одной стороны, и исключении становления — с другой, коренятся все ошибки теории познания и мистического опыта. Только реально восходя в сферу прафеноменов, мы обретаем тождество душевных сил, возможное единственно лишь в их высшем аспекте. В инобытии они *иерархичны* в отношении к зарождающемуся я-сознанию. Духовно-научное рассмотрение мира делает это вполне очевидным. В бытии абсолютного мысль, чувство и воля раскрываются в своем божественном пра-источнике.

Постигаемая не формально, а духовно-научно триединая природа Бога повсюду манифестирует себя так, что каждое Его единичное проявление восходит к троичности. К троичности же восходит и Его проявление во времени (семеричность), в пространстве (двенадцатеричность). В сфере Самодуха, как говорит Рудольф Штайнер, мы переживаем «любовь в деятельном мышлении». Это

* Другие, после Канта, в панике бежали от созерцания идей в противоположную сторону — к «донному шламу», в бессознательно-инстинктивное. Поистине, это была и есть мировая катастрофа.

суть те мысль, чувство и воля, которые слагали бытие тройственной души. Теперь они пришли к единству, однако и в нем различимы их единичные ипостаси, поскольку еще не достигнуто состояние сущего. Дело в том, что Сам триединый Бог, начиная с древнего Сатурна, выражает себя во времени, отчего рождается все наличное бытие, а в сфере духа — три ступени высшего сознания. Тройственная душа образуется как мост между ними. Ко времени добавляется пространство. Если взять еще раз поз. I рис. 22 и изобразить ее во всей полноте ингредиентов становления, то мы получим другую картину (рис. 25).

Окружности в ней пусть выражают отношения в пространстве, лемнискаты — во времени. Новым тут для нас является верхняя лемниската, объединяющая тройственный дух. Она-то и объясняет характер возникновения нравственных интуиций. Что в тройственной душе было противостоянием Духа Мудрости и Духа Любви — в конкретном выражении понятия и восприятия, но при неизбежном их отношении к нравственному — в духе приходит к единству. Чистое понятие, как откровение Святого Духа, встает в имажинации;

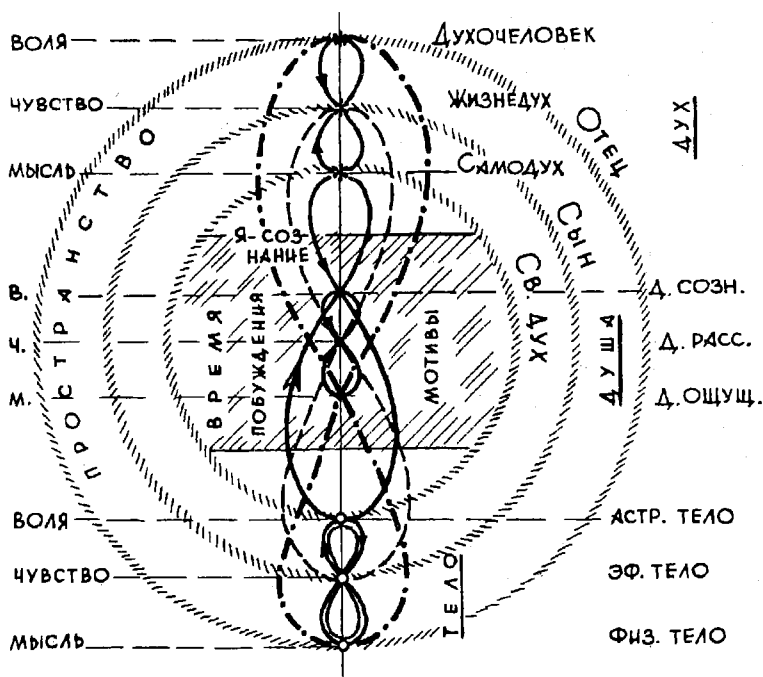

Рис. 25

пронизанное любовью восприятие рождает несомые Христом инспирации. Они суть высшая ступень созерцания, практическое априори. Единство Сына и Духа в Отце сводит космическую волю, интуицию, в сферу имажинации. Нравственная интуиция — это есть не что иное, как явленное в виде нравственного мотива единство понятия и восприятия в их высшем аспекте: любви и мудрости, имажинации и инспирации. Это исключительное состояние. Оно не означает полноценного восхождения по всем трем ступеням высшего сознания, которое вводит «я» в пространственное отношение триединого Бога с триединым телом человека (рис.25), благодаря чему меняется весь состав человеческого существа: раскрываются «цветы лотосов», возникают сверхспособности, позволяющие из «я» влиять даже на физиологические функции и проч. Вместо этого человек достигает второй предварительной ступени *посвящения (восприятие нравственных интуиций)*, если первой считать выработку созерцающей силы суждения.

Лишь в нравственном деянии мы получаем возможность, фактически, еще до возникновения имажинаций, переживать интуиции. Такая возможность обусловлена нисхождением Христа в земное развитие. Своей жертвой Он преодолел дуализм «я» и мира, духа и материи, восприятия и понятия. И впервые это преодоление открывается в моральных интуициях. Непосредственно в душе ощущающей душа сознательная явиться не может. Между ними всегда возникают коллизии. Разрешение их совершается через действие заповеди, совести, любви. В духе любовь Христа низводит волю Отца в чистое мышление, ибо мысль в Святом Духе есть чистая воля. Поэтому необходимо развивать волю в мышлении, хотя в конечном счете они не соединимы без любви, а с любовью соединимы прежде, чем человек через посвящение взойдет к интуитивному познанию. Так действует Импульс Христа, опережая развитие человечества, даруя ему то, чего эволюционно оно достигнет лишь в отдаленном будущем, и достигнет благодаря этому дару: творить деяния нравственно, из чистой любви, т. е. свободно.

3. Общая панорама душевной жизни

В НАШЕМ АНАЛИЗЕ 9-й главы «Философии свободы» мы выявили весь тот процесс душевного развития, который ведет к овладению Христовым даром. Сведем теперь все полученное воедино (табл. 5). Полученную общую картину не обязательно принимать лишь как схему. Она поистине есть план действий по самореализации, по христианизации души. Ибо сентиментальными увещеваниями с нею ничего не сделать. Необходимо дать себе ясный

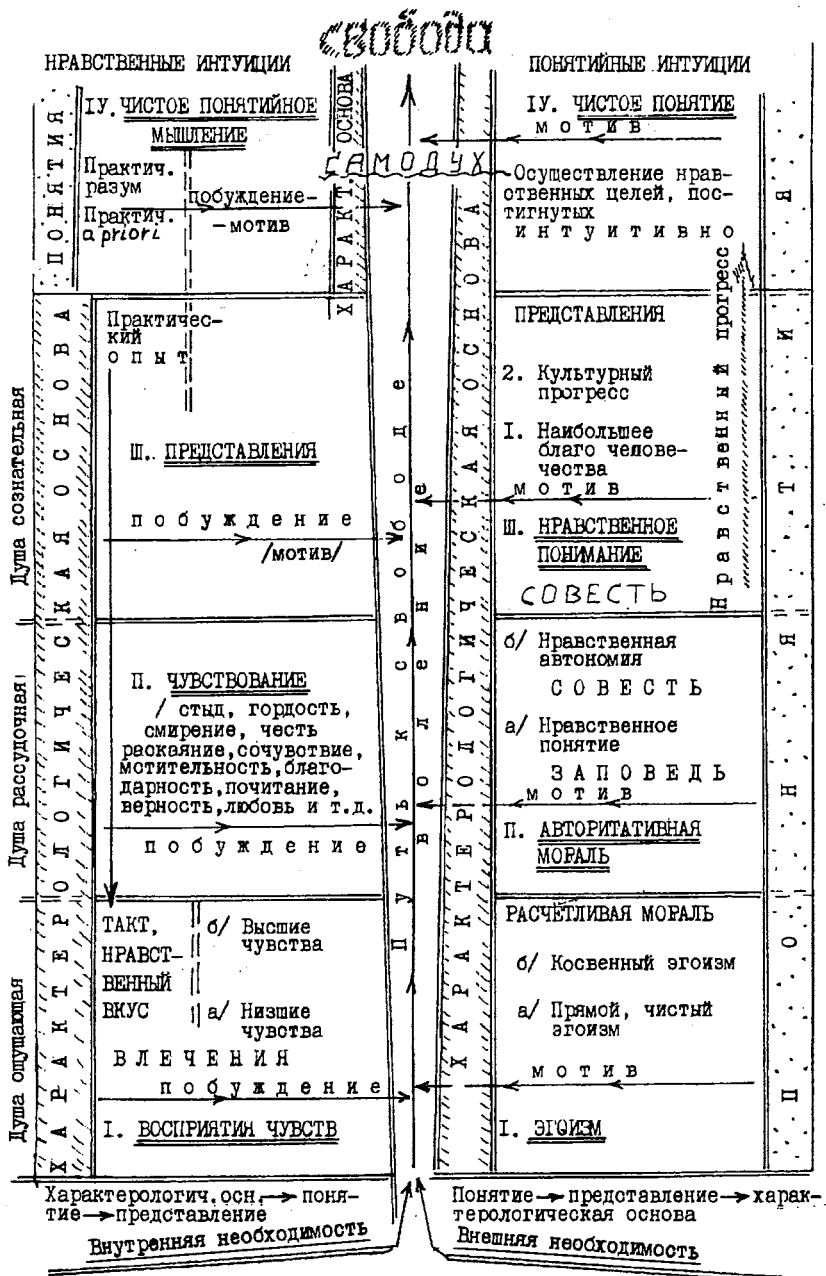

Табл. 5

отчет в том, что собой представляет человеческая душа. Тогда станет ясно, что можно с нею делать, а чего нельзя.

Сначала следует осознать, что в каждом своем проявлении душа осуществляет синтез входящих в нее понятийного и восприятийного импульсов. Они, в свою очередь, всю ее делят надвое. При этом восприятия чувств, утончаясь, доходят до идеального. Понятия же освобождаются от чувственно-субъективной окраски. Можно сказать, что в душе ощущающей противоположность понятия и восприятия тяготеет к тому, чтобы утонуть в субъективных чувствах двух родов; в душе сознательной она поднимается к отношению двух родов идеально-мыслительного.

Душа ощущающая близка к бытию природы, которая, по словам Гете, «всегда поступает аналитически, ведя развитие из живого, таинственного целого», а затем «действует синтетически, сближая и соединяя в одно целое совершенно чуждые друг другу отношения»⁹³. Для души ощущающей эти акты природы сливаются воедино, создавая в ней настроение монизма, вследствие чего она склонна сужать понятие природы, исключая из нее дух. По мере индивидуализации, теряя метафизическую связь с природой, она тяготеет к материалистическому монизму. Но, подчеркиваем, в основе его лежит чувство, настроение. И следующее, к чему приходит душа ощущающая на пути индивидуализации, когда в ней пробуждается фаустовское начало, есть настроение:

*Ах, две души живут в груди моей,
Друг другу чуждые и жаждут разделенья.
Из них одной мила земля,
И здесь ей лобо, в этом мире,
Другой — небесные поля,
Где духи носятся в эфире.*

«Фауст» ч. I. Перевод Н. Холодковского

Душа рассудочная стремится преодолеть дуализм души ощущающей, но ей дано достичь этого лишь этически. Мировоззрительно она лишь углубляет его, оформляя философски. И наиболее ярким примером здесь, несомненно, является Кант. Его категорический императив есть попытка свести решение философской проблемы в этическое русло. Он, фактически, разделяет в душе рассудочной Христа и Софию, отчего его вера в Бога монотеистична, а теория познания оставляет открытой возможность сползания к материалистическому монизму. Но одновременно она создает предпосылки и к трансцендентализму, настроению души сознательной.

В душе сознательной снимается догма опыта в силу меняющейся характерологической основы. Мышление, двигаясь более свободно

в своей стихии, обретает надежду прийти к идеальному единству мира. Формальная логика души рассудочной принимает здесь характер гегелевского панлогизма. Фихтевское не-Я здесь впервые обретает свойство Я — способность на безусловное полагание, которое еще не безусловно в полной мере (как не тождественны гегелевские понятие и бытие Бога), но свободно от догмы опыта, идеально.

Истинный монизм достигим лишь в сфере Самодуха. Он примирят трансцендентализм с наивным реализмом — в «мысле-монизме», как называет свое воззрение Рудольф Штайнер. В сфере Самодуха происходит встреча двух импульсов, идущих снизу и сверху. Снизу я-сознание приходит к единой картине мира, соединяя понятия с восприятиями. Сверху приходит откровение единства чувственного и мыслительного миров. Семичленный логический цикл протекает по законам бытия интеллигибельного мира и потому восходит к прафеноменальной основе.

С той стороны, где прежде действовала характерологическая основа, в Самодухе выступает понятийное мышление, как «высшая ступень индивидуальной жизни», независимое от содержания чувственных восприятий, поскольку само есть восприятие, и при этом оно есть интуиция, которой мы определяем содержание понятия.

«Когда мы,— говорит Рудольф Штайнер, — вступаем в воление под влиянием указывающего на восприятие понятия, т. е. представления, то определяет нас окольным путем — через понятийное мышление — это восприятие. Когда мы действуем под влиянием интуиции, то побуждением к нашему поступку является чистое мышление» (4; с.153). Уже в душе сознательной восприятие, действующее в представлении, утончается почти до созерцания идей. В Самодухе созерцание обусловлено лишь способностью данного субъекта почерпнуть вполне определенные интуиции из единого мира интуиций, подобно тому, как и в мыслительной жизни мы не способны охватить однозначно весь мир понятий и говорим о складе ума и т. д. Фихте сказал, что человек выбирает философию в зависимости от того, каков он сам. Нечто подобное действует и в мире интуиций. Человек воспринимает из них лишь те, которые близки его индивидуальному началу, а индивидуальное начало в мире Самодуха определяется способностью к любви, способностью подняться над обуславливающим началом отдельной, низшей природы и отдалиться всеобщей мировой связи вещей. А там ничто не побуждает к поступку, кроме как любовь к нему. Тогда поступок — мой, и он свободен. Побуждение к нему есть одновременно и мотив, понятие — понятийная интуиция — есть одновременно и восприятие: нравственная интуиция. Основа же их тождества есть любовь духовного, высшего рода.

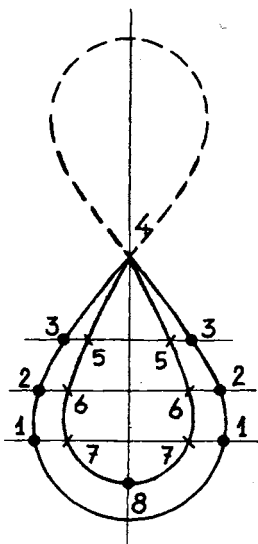

Рис. 20а

Таким образом, сфера свободы, в которую вступает человек, возвысившись над душой сознательной, является тем источником, из которого черпает свое содержание сила суждения. Ибо это есть сфера Самодуха, где бытие и сознание пребывают в единстве. Человек достигает этой сферы чисто эволюционным путем, который может быть сокращен, но только согласно правилам, отвечающим характеру науки посвящения новой эпохи. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в сфере Самодуха созерцающему суждению предстоят два рода интуиций, нечто, одновременно и единое и двойственное: нравственные и понятийные интуиции.

Единый в себе мир двояко предстает человеческому духу и в чувственной реальности: как мир внешних и внутренних восприятий. На внешнем пути дуализм «я» и мира преодолевается логически. Внутренняя дилемма решается путем самопознания и самовоспитания. И чтобы то и другое могло сойтись в сфере Самодуха, логика и нравственный прогресс должны быть подчинены закону семичленной метаморфозы. Двигаясь параллельно в генезисе тройственной души, обе метаморфозы естественно вводят нас в процесс посвящения, первые семь ступеней которого и представлены в табл.5. Не все они являются ступенями высшего познания. Три первых из них — подготовительные; четвертая — двойное созерцание — обретается благодаря развитию органа идеального восприятия. В первую очередь он образуется в мыслительной сфере, которая далее начинает жить по законам имажинативной логики. Но по мере работы над собой человек приводит к очищению и осознанию свои оболочки. Тогда он восходит на первую ступень высшего сознания — овладевает имажинативным сознанием; вернее сказать, имажинации начинают нисходить в него (см. рис.20а; он представляет собой некоего рода метаморфозу рис.20). Самодух нисходит в душу сознательную, когда мы овладеваем первой ступенью высшего сознания; на второй ступени Жизнедух нисходит в душу рассудочную; на третьей Духочеловек — в душу ощущающую, и человек тогда овладевает интуитивным сознанием. Но прежде, чем подходить к познанию этих ступеней, необходимо детально разобраться в тех элементарных процессах — ощущениях, восприятиях, — из которых впервые рождается индивидуальное «я». К анализу их мы теперь и переходим.

ГЛАВА III

ДВЕНАДЦАТИЧЛЕННАЯ СИСТЕМА ВОСПРИЯТИЙ ЧУВСТВ

1. Общие положения

ВОСПРИЯТИЯ ЧУВСТВ образуют начало индивидуальной жизни. Их следует отличать от многообразных чувствований, которые укореняются в душе как результат воспитания, жизненного опыта. Благодаря составу чувствований, каждый человек являет собой неповторимую индивидуальность, ибо ими определяется и склад ума и тип поведения.

Менее индивидуализирована в человеке сфера восприятий чувств, однако и она во всех людях проявляется по-разному, и не только в силу физиологических различий, но, опять-таки, и склада характера, и всего типа личности. Прежде всего, человек, обладая восприятиями чувств наравне с животными, уже в этой сфере принципиально отличен от них. У животного отношение к внешнему объекту прекращается в тот момент, когда он исчезает из поля его восприятия. Человек, обладая сознанием, переводит восприятия во внутренний круг жизни и строит там на их основе целый мир, которым в значительной мере обусловлено индивидуализированное отношение человека к внешнему миру. Происходит это благодаря тому, что восприятия чувств в человеке соединяются с понятиями и образуют представления.

В конечном счете, восприятия чувств являются первоисточником всей индивидуализированной жизни души.

Все, чем располагает человек в индивидуальной душевно-духовной жизни, в конце концов, входит в нее только благодаря восприятию. Даже когда говорится: я осознал мысль, то и тогда имеется в виду лишь более тонкая форма восприятия. Утверждение, что сознание определяется бытием, обладает совершенно специальным значением, не оговорив которого, его лишают смысла. Для сознания все опосредуется восприятием, объем которого включает в себя и философские категории: бытие, объективная реальность и так далее.

Итак, восприятиями обусловлено становление индивидуального сознания. Но по мере их утончения они сами становятся сознанием

и закрепляются в его сфере. Тогда сознание начинает господствовать над бытием по вышеуказанному принципу: соединяя понятия с восприятиями, творить образ целостной реальности. Человек и мир — это две части одной реальности. Без человека мир лишился бы существенного элемента: понятий. Без мира, без восприятий, человек никогда не приобрел бы понятий.

И судить об объективной реальности на основании одних лишь восприятий чувств мы не можем, поскольку, во-первых, в сферу восприятий входят и галлюцинации, и сновидения, и всевозможные предчувствия. Во-вторых, необходимо учесть, что анализ восприятий невозможен без учета самой воспринимающей личности, ибо в акте восприятия объект и субъект слиты воедино, но не однозначно. И в-третьих, на основе актов восприятия не объекту, а субъекту дано судить о характере реальности и так находить с нею закономерную связь.

Так где же тогда, спрашивается, критерий истины? Он — в адекватной связи понятия с восприятием, в представлении. При его формировании, чувства, как говорит Гете, не обманывают. Но для этого необходимо пройти сквозь некоего рода «медные трубы». Называются они верностью опыту. В субъекте мир восприятий — столь же самодовлеющая сущность, сколь и мир я-сознания. Ошибки возникают в тот момент, когда догмы одного из них навязываются другому. Поэтому перед психологией стоит задача: выработать, по аналогии с теорией познания, лишенное предпосылок (в своем, естественно, роде) учение о восприятиях чувств.

В Антропософии речь идет о системе двенадцати восприятий чувств, обусловленных соответственно двенадцатью органами чувств. Я-сознание получает в их кругу первичный опыт, ведущий к рождению его как сущности. Дальнейшее восхождение «я» к сверхчувственным восприятиям не только не отрицает целостного характера этой системы, но вообще может быть успешным лишь при условии ее глубокой и гармоничной проработки. Ибо выход за границы чувственного мира означает не только метаморфозу сознания, но также и метаморфозу исходных органов чувств.

Круг двенадцати восприятий чувств, в зависимости от их направленности, разделяется на две группы. В одну из них входят: чувство вкуса, зрения, тепла, слуха, чувство слова, мысли и чувство «я»; органы восприятия этих чувств направлены во внешний мир. Внутрь человека направлены: чувство жизни, движения, равновесия, осязание и обоняние.

Обычная современная психология, которая, по сути, вся материалистична, несмотря на всевозможные ответвления в виде «около (пара)-психологии», считается лишь с пятью восприятиями

чувств. Остальных она не различает. Они для нее слишком тонки, неуловимы. В самом деле, если мысль — лишь бессущностная тень, а «я» — только условное обозначение, то о каком чувстве их может идти речь? Ведь это означало бы почувствовать то, чего нет. Однако гетевский Фауст в одном из подобных случаев отвечает Мефистофелю:

В моем ничто я все найти надеюсь.

То, как Рудольф Штайнер давал сообщения о системе восприятий чувств, представляет собой живую картину становления целого учения. Ему не удалось (на то были разные причины) изложить ее систематически в одном труде, как он это сделал в отношении учения об эволюции мира и о многочленном человеке. Однако такая попытка была им предпринята, в результате возникла книга «Антропософия» (ИПН. 45), которой был дан подзаголовок — «Фрагмент», ибо она осталась незаконченной. Читая эту книгу, получаешь впечатление, что при ее написании Рудольф Штайнер находился в положении, прямо противоположном тому, в котором пребывал в свое время Франц Brentano, — его переполняло обилие знания, бесконечное прорастание вширь и вглубь всевозможных связей, многочисленных ингредиентов душевной жизни. Поэтому в книге он дал лишь их общий набросок, а наравне с этим в течение ряда лет создал как бы мозаичное панно учения о восприятиях чувств в составе духовно-научной психологии, психософии. Элементы этого панно рассыпаны в многочисленных лекциях, где они вкраплены в самые различные связи. Собрать из них единую картину Рудольф Штайнер предлагал своим слушателям, но так, чтобы они обращались с ними, как и в случае «Тайноведения», как с некоего рода партитурой.

Не все встечаемое нами у Рудольфа Штайнера по поводу двенадцатиленной системы восприятий чувств однозначно, даже их состав не везде одинаков. Причина этого кроется в том, что перед нами проходит живая картина становления познания, где перед исследователем стояла задача привести богатый сверхчувственный опыт в связь с данными эмпирической науки, решить терминологическую проблему, по возможности не осложняя задачу традиционному мышлению. Видимо, потому Рудольф Штайнер дает в нескольких лекциях *круг* восприятий, тогда как в действительности имеет место виток спирали, продолжающийся в обе стороны за пределы чувственного мира.

Мы начнем наше рассмотрение также с круга, и именно с того, который дан в лекции от 8-го августа 1920 года (ИПН.199) (рис. 26).

Рис. 26

Дадим краткую характеристику каждому из приведенных на рисунке, скажем попросту, чувств, памятуя однако об их отличии от приведенных во второй главе чувствований и чувств в общем смысле этого слова, где под чувствами понимаются всевозможные ощущения, переживания, например прекрасного, и т. д.

Чувство жизни, как его описывает Рудольф Штайнер, состоит в переживании некоего рода «приятности», если в нашем организме все обстоит благополучно. Иными словами, речь тут идет о всеобщем внутреннем самочувствии. Оно усиливается, например, по мере приближения обеда и повергает нас в депрессию, когда мы испытываем голод или жажду. Чувство жизни обостряется в нас всякий раз по мере нарастания усталости, и мы тогда ищем возможности отдохнуть, чтобы снова его освежить и вернуть к тому состоянию, в котором мы, привыкнув к нему, просто его не замечаем. Если бы этого чувства не было, то мы вообще не могли бы знать о том, что в нас совершается ход жизни. С него начинается наше самовосприятие. Его имеет уже новорожденный, имеет его тогда, когда все остальные восприятия чувств еще закрыты, неосознанны, инстинктивны. По мере развития чувство жизни дает нам переживание всего нашего внутреннего существа; в нем мы в наибольшей мере пребываем в самих себе. «С его помощью человек ощущает себя как исполненную пространства телесную сущность» (45;с.31).

В какой-то мере чувством жизни обладают и животные; чтобы убедиться в этом, достаточно понаблюдать за выражением их глаз в состоянии сытости, когда они целиком погружаются в его переживание. Правда, оно у них носит, хотя и неосознанно, сверх-

чувственный характер. Подобным образом человек переживал это чувство на древней Луне; начало же ему было положено уже на древнем Сатурне, где Архангелы переживали его в нас как световую и вкусовую игру, а Ангелы, взаимодействуя своим эфирным телом со вкусовыми переживаниями в монадах, заложили в них (т. е. в нас) зачатки обмена веществ. У современного человека чувство жизни часто пронизывается сознанием. Мы воспринимаем в нем то, «чем в бодрственном состоянии обладаем как своим сознанием того, что мы существуем, что мы себя внутренне чувствуем, что мы — это мы» (199;8.VIII).

Вот, собственно, почему нельзя во всем объеме принять декартово: я мыслю, следовательно, существую. Ибо это «существую» дано нам несколько раньше, чем мы начинаем мыслить. Мы вправе лишь утверждать, что вне сознания нет мышления, но не наоборот.

Вслед за чувством жизни идет *чувство движения*. От первого оно отличается тем, что для появления его нами должна быть совершена определенная деятельность, тогда как в первом случае мы можем оставаться в покое — восприятие возникает само, от изменения внутренних структур нашего организма.

Двигаться мы начинаем раньше, чем становимся способны это осознавать. С другой стороны, некоторые формы движения всю нашу жизнь лишь изредка входят в сознание, а то и вовсе остаются бессознательными, ибо в данном случае имеется в виду всякое движение — от моргания глаз и движения гортани во время говорения до ходьбы и работы руками. Когда мы стоим, ходим, танцуем и т. д., совершается сокращение и удлинение наших мышц. И от этого в душу излучается чувство свободы, свободы собственного душевного существа; оно встает в душе подобно вызываемой чувством жизни приятности. Во время движения в наших материальных органах возрастает жизненный процесс. Переживают его люди по-разному, и в движении, фактически, выражается весь душевный склад человека. Стоит лишь понаблюдать волочащуюся походку меланхолика, легкую, с носка, походку холерика и т. п., чтобы убедиться в этом. Но кроме того, движения человека находятся в определенном соответствии со всей его формой: одним образом движется человек с длинными ногами, иным — с короткими.

В движении человека приоткрывается и идет вовне сама его сущность, его «я»; во внутреннем же опыте самосознания весть об этом достигает нас в чувстве движения.

Чувство равновесия в известном смысле противоположно чувству движения и может быть еще названо чувством статичности. Оно позволяет нам ориентироваться в пространстве, осознавать наше положение в нем. Благодаря ему мы начинаем различать верх и низ,

правое и левое. Ему же обязаны мы прямостоянием. Переживание чувства равновесия связано с наличием в ушном лабиринте трех так называемых полукружных каналов, расположенных по отношению друг к другу в точном соответствии с направлением осей декартовой системы координат. Малейшие нарушения в них мы переживаем как головокружение, и тогда нами овладевает бессилие, мы падаем, т. е. теряем чувство равновесия в том же смысле, как мы теряем чувство слуха при разрушении барабанной перепонки.

В отличие от двух предыдущих чувств, где главное заключается в их явлении для внутреннего мира души, в чувстве равновесия мы приходим во взаимоотношение с внешним миром, как пространством, наполненным материей, и если мы не утомлены, то переживаем себя независимыми от тела и времени. Мы тогда переживаем душевный покой, душевное равновесие. Такой покой может быть как пассивным, так и активным. Во втором случае мы говорим о сознательном душевном равновесии, в котором активно присутствует наше «я»; поэтому тогда мы уже чувствуем себя духом. Чтобы обрести активное равновесие, нужно уметь приводить множественность переживаний чувств к единству, а единство — к множественности. В некоем единстве нам дано чувство жизни. Движение несет чувству равновесия множественность переживаний. И чувство равновесия предстает нам как некое, скажем, синтетическое чувство, приводящее к единству два предыдущих и рождающее в душе «приятность» активного покоя, равновесия, а потому и данное в восприятии нашему духу. Это последнее обстоятельство и позволяет нам трактовать чувство равновесия расширительно.

Итак, двигаясь от первого чувства к третьему, мы можем наблюдать, как постепенно просветляется, формируется благодаря им сознание индивидуального «я», стоящего в центре круга всех восприятий чувств. Первые три из них дают ему ощущение собственной телесности как внешнего по отношению к нему мира. Душа с их помощью как бы отворяет свои врата в сторону собственной телесности и ощущает ее как «в первую очередь противостоящий ей физический внешний мир» (45; с.33). Для «я» нет принципиальной разницы между этим и всем остальным физическим миром. Различия здесь возникают лишь *по степеням восприятия*: вначале они смутные, но зато более интимные, а в дальнейшем они все более просветляются для сознания и принимают отстраненный от «я» характер. Общим для них является то, что все они, в большей или меньшей мере, достигают нашего «я» как *объекты*. В недооценке этого факта коренится основная ошибка субъективного идеализма Беркли, Шопенгауэра и др., в той или иной форме объявляющих мир представлением субъекта. Чувство равновесия ставит нас на границу внутреннего и внешнего физического

мира. Если не брать вопрос чисто физиологически, то можно сказать, что чувство жизни и чувство движения не нуждаются во внешнем мире; чувство же равновесия без него существовать не может. Однако непосредственное соприкосновение с внешним миром происходит в *чувстве осязания*. Имеются основания видеть в этом чувстве совокупное действие четырех других восприятий чувств: обоняния, вкуса, зрения и тепла. Более того, во всей системе восприятий в той или иной форме имеет место «касание» объекта. По этой причине маленький ребенок все хочет потрогать руками, даже Луну. Однако осязание имеет и ряд специфических свойств, выделяющих его в самостоятельный род чувственного восприятия.

В осязании мы больше не связаны, как в трех предыдущих чувствах, с нашим внутренним непосредственно, а лишь с проекцией его на внешнее. Вещи бывают твердые или мягкие, гладкие или шероховатые, — о чем нам говорит внешний мир; но это лишь их поверхность; внутрь вещей мы в осязании не проникаем; также и в нас ничто не проникает извне через осязание. Мы наталкиваемся на предметы, но дело имеем с тем, что происходит в нас самих, внутри границ нашей кожи. Переживание осязания по своей природе, как и чувства жизни, движения, равновесия, также дано внутренне-телесно, а потому будет правомерно поставить их в один ряд. Но, в то же время, в первых трех чувствах все процессы восприятия не только протекают внутри нас, но и вызываются нашим внутренним. В осязании же мы приходим нашим внутренним в соприкосновение с разными областями внешнего мира. К тому, что в чувстве жизни, движения, равновесия мне дано как переживание моих сугубо внутренних процессов, добавляется новая область, однако лишь в ее действии на мое внутреннее. Чувство осязания одновременно и внутреннее и периферийное. Поскольку мы заключены в кожный покров, мы заключены в осязание.

У животных осязание не выделено в особый род восприятий — они осязают всеми органами чувств. И если, например, мы видим, как кошка трогает что-то лапой, то абсурдно думать, что у нее тогда возникает ощущение твердого, шелковистого и т. д. (Любовь кошек к поглаживанию основана на сверхчувственных переживаниях.) В человеке осязание стало самостоятельным чувством лишь благодаря наличию «я». В прошлом же, согласно сообщениям Духовной науки, осязание хотя и существовало, но было предназначено для восприятия не внешнего мира, а только духовного, для внутреннего восприятия высшего Я, пронизывавшего всю телесную организацию с того момента, как оно было даровано нам Духами Формы. Но позже, в Лемурийскую эпоху, чувство осязания претерпело метаморфозу и было обращено на внешний мир. Не свершись она, мы и поныне, наталкиваясь на предметы, узнавали бы лишь нечто о своем

«я». Происшедшая метаморфоза носила многоступенчатый характер, а в результате *между* «я», ставшим индивидуальным «я», и осязанием развились три вышеприведенные чувства; они отодвинули осязание от «я», и оно стало своего рода первым «посланцем» «я» во внешнем мире. Благодаря ему же «я» и во внутренней жизни смогло дистанцироваться от чувства жизни, чувства движения и чувства равновесия, объективировать их по отношению к себе, как внешние восприятия, а вследствие этого — осознать их, преодолеть в себе животную природу. Так, примерно, можно понять переход осязания с первого на четвертое место в кругу двенадцати чувств*.

Имеется и еще один аргумент в пользу такого вывода. Предмет, оказывающий на меня давление, меняет положение частей моей телесности, что переживается первыми тремя чувствами. Следовательно, чувство осязания присутствует и в них. Но отличие состоит в том, что в осязании, как говорит Рудольф Штайнер, в скрытом виде всегда присутствует элемент *суждения*. Его произносит наше «я». Оно не только наталкивается на предметы, но и говорит себе: этот предмет твердый. Таким образом, получается интересная взаимосвязь, объединяющая первые четыре чувства. Индивидуальное «я», пробиваясь сквозь смутность внутренних восприятий всеобщей телесности и сводя их к синтезу в элементарном отношении с внешним миром благодаря связи чувства равновесия (через полукружные каналы в ухе) с тремя направлениями пространства, приходит в чувстве осязания в многообразное соприкосновение с внешним миром.

Не следует удивляться, обнаружив в эволюции чувств действие все того же закона метаморфозы. Чувства занимают среднее положение между биологической и духовной эволюцией. В далеком прошлом чувство осязания замкнуло человека в кожу и дало телу облик, сложную конфигурацию за счет его неодинакового реагирования на внешние воздействия в разных его частях. Оно тогда играло роль инструмента высшего Я — творца земного человека. Через осязание высшее Я излучало свои действия вплоть до соприкосновения тела с внешними предметами. Высшее Я формировало тело человека на основе внешнего опыта, где к нему возвращалась его же собственная сущность, но с отпечатком, полученным от внешнего мира. Нечто подобное происходит и в настоящее время. Только теперь, параллельно деятельности высшего Я, складывается еще я-ощущение. Оно воплощается не одновременно с физическим рождением, а постепенно, в течение первых трех семилетий жизни. В его онтогенезе повторяются древние эволюционные

* Рудольф Штайнер в одних случаях начинает круг восприятий с осязания, в других оно стоит на четвертом месте. Попыткой дать этому объяснение и было вышеприведенное изложение.

процессы. Поэтому осязание хотя и пробуждается после рождения первым, но — в своей древней (внутренней) форме, как орган осязания творящего Я, как его земной противоположност.

По мере индивидуального развития осязание высшего, т.е. интеллигентного Я распространяется и на его мыслительную природу. Деятельность осязания уподобляется интеллектуальному созерцанию, отчего и входит в него в скрытом виде суждение, которое всегда тетической природы. И через это скрытое суждение осязание, будучи внутренним чувством, приобретает отношение к внешнему миру. Через осязание «я» начинает на уровне ощущения интеллектуально созерцать идеальное в вещах.

Так мы вновь подошли к тесной связи «я» с осязанием, только на этот раз уже не высшего, а низшего «я». Для него первая триада чувств дается чисто филогенетически. «Я» просто застает их в себе; а начиная с осязания оно осознает противостояние внутреннего и внешнего миров, что рождает в нем первую форму самосознания. В то же время, отношение внутреннего и внешнего в восприятиях чувств носит не только идеальный и временной, но также физический и пространственный характер. Поэтому следует думать, что метаморфоза чувств соединяет в себе и семичленный, и двенадцати-членный принципы развития.

Обнаружив в осязании элементы восприятия и суждения, можно было бы ожидать, что далее они пойдут разными путями. И так это отчасти и происходит. Но, кроме того, продолжается и их совместное развитие через органы восприятия, что необходимо для многосторонней связи «я» с миром, только и способной приводить его к подлинной автономии. Особенно ярко это выражено в *чувстве обоняния*.

Эволюционно мышление тесно связано с обонянием. У животных — собак, слонов — в переднем мозгу находится гигантский обонятельный нерв. С его помощью они познают внешний мир, т.е. ориентируются в нем. У человека этот нерв имеет чахлый вид. Зато в том же месте у него находится благороднейшая часть мозга, ибо «передний мозг у человека обладает органом для сочувствия, для понимания людей вообще» (348; 16.XII). И основание, по которому, скажем, собака виляет хвостом, у человека облагоустроено. «Умность» собаки, слона находится в носу; человеческая умность развилась благодаря преодолению чрезмерной деятельности чувства обоняния.

В чувстве обоняния мы приходим в значительно большую связь с внешним миром, чем в осязании; настолько большую, что соединяемся с его веществами, находящимися в газообразном состоянии. Однако и здесь преобладающим остается опыт, который мы получаем относительно *самых себя*. Мы испытываем некий натиск на нас внешней материи, и реакцию нашего «я» на этот натиск мы

переживаем как обоняние. В результате в нас рождается образ от полученного опыта восприятия. Таково существенное отличие обоняния и последующих чувств от осязания. — В них возникают не скрытые *суждения*, а *образы* окружающего мира. В логике созерцания привело нас к восприятию идеи из объекта. В восприятиях чувств скрытое суждение метаморфизуется в образ. Образ же — это чувственный представитель сверхчувственного. Все мифологическое мышление древних было образным, основанным на имажинативных переживаниях. Из них родилась творческая фантазия. В восприятиях чувств, дающих образы мира, к нам из чувственного возвращаются застывшие в нем имажинации. О том, что они же есть и идеи, свидетельствует обоняние.

Появление «запахов», как мы знаем, имело место уже на древнем Сатурне. Духи Воли сделали тогда человеческую монаду отпечатком самой жизни Сатурна благодаря тому, что напечатали ей зачатки Духочеловека, т. е. напечатали физической тепловой телесности свойства своей воли. Этим было положено начало дуализму внутреннего и внешнего, и первый опыт их соприкосновения явился тем, что мы называем запахом. В дальнейшем первонаачальный дуализм был углублен действием люциферических существ, низведших переживание запаха из сверхчувственного в чувственный мир. И здесь испускание материей запахов выражает ее борьбу с отвердением, стремление вновь одухотвориться. Человек, обоняя, противопоставляет свою волю ариманической воле материи. Иными словами, в обонянии мы имеем дело с дифференцированной, метаморфизированной, вплоть до действия отпавших духов, волей Престолов. Сама по себе субстанция обоняния высочайшего происхождения. Когда она через отпавших духов является в чувственном мире, минуя необходимый ряд опосредований, то она производит то впечатление, по поводу которого говорится, что падшие ангелы узнаются по отвратительному запаху.

Реминисценции в сознании сверхчувственного столкновения внутренней и внешней воли, происходящего в обонянии, и побудили Шопенгауэра, как замечает Рудольф Штайнер, основать философию воли. В действительности Шопенгауэр имел право сказать следующее: мир, постигаемый в обонянии, есть воля и образ (а не представление).

Обонянием кончается ряд пяти внутренних чувств. Благодаря им мы переживаем нашу жизнь как собственную, а нашим «я» осознаем, какова его экзистенциальная основа, опираясь на которую оно может затем проникать во внешний мир.

В *чувстве вкуса* «я» вступает в самую вещественность чувственного мира. Во вкусе и обонянии внешний и внутренний миры встречаются как подобные, действия же органов чувств проявляются как проти-

воположные. Вкус — это вывернутое наизнанку обоняние, как его характеризует Рудольф Штайнер. В обонянии наше «я», идя навстречу натиску внешнего вещества, увлекает с собой наше внутреннее вещество, но взаимодействия между ними не происходит. Вызывая это внутреннее, «я» теряет некую часть своего содержания, а оставшееся переживает переформированным столкновением с внешним натиском. Это, собственно, и дано ему как переживание запаха. В чувстве вкуса переформирование «я» идет на шаг дальше благодаря тому, что внутреннее вещество не просто сталкивается с внешним, но и вступает с ним во взаимодействие: слюна растворяет пробуемое вещество. Рудольф Штайнер поясняет: «...обоняние — это *восприятие* веществом самого себя, чувство же вкуса — это *оживление* веществом самого себя» (45; с.84). Так в обонянии вместо самопереживания «я» возникает вторжение внешнего вещества в я-переживание. В чувстве вкуса, как и в обонянии, «я» замыкается от действия внешнего мира, но, как говорит Рудольф Штайнер, лишь взяв внутрь себя внешнее и неся его далее в себе как часть собственного внутреннего существа. И тогда «обоняние находящегося внутри тела вещества пробует» (45; с.92). У процесса, говоря языком имажинативной логики, появляется индивидуальный носитель; столкновение внутреннего и внешнего всецело переносится внутрь субъекта. Об этом можно сказать еще так: внешнее обоняние становится внутренним в переживании вкуса, внешнее уподобляется внутреннему, а переживание восприятия меняется на противоположное: то, что в обонянии несло «я» его же собственный опыт, модифицированный *внутренним* движением вещества, порождая тем образ внешнего, — в чувстве вкуса этим внутренним становится *внешнее*, вступившее во взаимодействие с внутренним и изменившее его своими внешними свойствами. Благодаря этому свойства внешнего мира (а не одни лишь изменения внутреннего) достигают я-переживания, что мы и называем вкусом.

Вкусовые ощущения возникли на древнем Сатурне в тот период, когда ему стала присуща внутренняя жизнь. Взаимодействовали с ними Ангелы, или Сыны Жизни, развившие благодаря этому в своих эфирных телах деятельность, напоминающую обмен веществ. Ее, как внутреннюю жизнь, они вносили в человеческие монады. Для самих монад она была лишь кажущейся жизнью, но принцип действия вкусовых ощущений уже тогда был подобен земному, лишь протекал он на более духовном уровне.

Представим себе, как обособляется древний Сатурн, становится самостоятельным космическим телом, беря в себя часть космических субстанций. В нем уже есть своя тепловая субстанция, а в ней действует Я Духов Личности. Теплота является их внутренней жизнью. И вот в этой теплоте возникает световая игра. Возникает она отто-

го, что на тепловую субстанцию Сатурна начинают оказывать действие Архангелы. (Мы минуем действие более высоких Иерархий, чтобы выявить лишь суть рассматриваемого феномена.) В монадах в виде тонких эфирных зачатков возникают пра-образы органов чувств — плод деятельности астрального тела Архангелов, Духов Огня. Эти зачатки образуют границу между внутренним и внешним монад. Световая игра проникает внутрь тепло-эфирных монад, изменяя их, и там ее «пробуют» Ангелы, образующие по отношению к Духам Личности аналог отношения «я» и Я.

Далее процесс развития на древнем Сатурне еще более «овнутряется», монады обособляются настолько, что уже не вбирают в себя внешних субстанций, а только соприкасаются с ними, что ведет к возникновению аналога современного обоняния. И поскольку на Сатурне идет процесс творения, а не восприятия, то столкновение существа Ангела с внешней субстанцией проявляется вовне как машинообразная воля. На какое-то время внутри монад возникает имажинативный образ произошедшего взаимодействия — запах. Порядок возникновения праобразов чувств был тогда обратным по сравнению с земным, ибо человек творился действием, шедшим извне.

Итак, осязание и вкус — это ступени, по которым я-ощущение из внутреннего переходит во внешний мир. Обоняние, находясь между ними, образует некую промежуточную ступень.

В *чувстве зрения* мы делаем еще шаг вглубь вещественного мира. В цвете, согласно Духовной науке, предмет открывает свое внутреннее, свою суть, которая бесцветному солнечному свету является то как красная, то как синяя и т. д. С помощью зрения мы воспринимаем больше свойств внешнего мира, чем с помощью обоняния и вкуса. В обонянии мы остаемся совершенно пассивны, в чувстве вкуса мы переживаем деяния внешних субстанций, которые возбуждают ответное действие в нас. В переживании цвета и света «я» также берет в себя часть внешнего, но его же и противопоставляет иному внешнему. Ясно, что в таком случае прежде воспринятое извне приобретает уже некоторые свойства внутреннего.

Внешнее сталкивается с внешним, но в одном из них уже есть опыт «я». Как и в предыдущих чувствах, «я» отдает в зрении часть себя, но отдает столько же, сколько получает.

В понимании природы восприятий чувств значительную трудность создает то обстоятельство, что по мере их выхода вовне все большую роль начинает играть единый проходящий сквозь всю их двенадцатеричность принцип метаморфозы, принцип обращения внутреннего во внешнее, пространственный, по сути говоря, принцип. Он придает метаморфозе (временному) характер некоего рода «вечного возвращения», не позволяет бытию возвыситься путем

метаморфоз к духу. Но благодаря его действию человек находит отношение к трехмерному пространству, т. е. *становится многочисленным существом*. (Эту взаимосвязь более полно можно осмыслить, лишь прочтя главу V.)

Как ряд метаморфоз воплощающегося индивидуального духа, чувства начинают как бы выворачиваться по отношению друг к другу по мере перехода из внутреннего во внешнее. Так, чувство вкуса оказывается обратным чувству обоняния, поскольку ощущаемую в обонянии внешнюю сторону вещей поворачивает вовнутрь. Обоняние предполагает наличие вещества вовне, вкус — внутри. Чтобы возникло чувство зрения, деятельность, направленная на образование чувства вкуса, должна быть преобразована так, чтобы воспринятое вовнутрь могло быть снова обращено вовне. В я-переживании чувства зрения внешний мир, по сути, имеет дело уже *с самим собой*. Сначала он как бы высылает в человека часть своего существа, а затем этой части напечатлевает свои свойства. По этой причине чувство зрения объективнее, чем чувство вкуса.

В ходе земного развития чувство зрения претерпело большие изменения. Вначале орган зрения был чисто внутренним органом восприятия, обращенным на сверхчувственный мир. Человек тогда не обладал индивидуальным сознанием, но зато непосредственно созерцал мир мыслесуществ. Суть и явление окружающего мира переживались человеком в одном лишь акте сверхчувственного восприятия. Если, скажем, к человеку приближалось дружественное существо, то он созерцал суждение об этом, явленное сверхчувственным обликом этого существа. Но с формированием физических глаз, происходившим под действием выделившегося из Земли Солнца, внутреннее созерцание стало гаснуть, внешнему же созерцанию идеальный ингредиент объектов восприятия не был дан. Процесс перехода к физическому зрению был продолжительным. Еще греки сквозь завесу чувств прозревали нечто от мира идей, поэтому их чувственному зрению окружающий мир представлялся лишенным сине-фиолетовой части спектра. Процесс зрения в то время еще не был тесно связан с умиранием нервной системы. Сине-фиолетовые цвета присущи процессам разложения. Во внешнем мире они совершались и в эпоху древней Греции, но их не было в той части нервной системы, которая служила зрению, в зрительном центре, расположенном за сферой переднего мозга, который, как уже говорилось, есть видоизмененный орган обоняния. Чтобы овладеть комбинаторным мышлением, человек переработал сферу обоняния. Но «если бы, — говорит Рудольф Штайнер, — он, воспользовавшись непосредственно сферой зрения, смог бы выключить свой передний мозг... и мыслить непосредственно четыреххолмной частью там, где она входит в мозг, то он имел бы имажинации» (180; 30.XII). Он имел бы вместо

абстрактных мыслей созерцаемые идеи. С перенесением же точки опоры сознания на физический мозг в нервной системе началось умирание (а потому и отражение, отталкивание). Тогда внешний мир смог в процессе зрения напечатлеть человеческому внутреннему также и свой процесс умирания — сине-фиолетовую гамму цветов.

Чувство зрения — седьмое от начала, и в нем можно видеть нечто, завершающее цикл метаморфоз, через которые проходят первые семь органов чувств, однако в силу другой тенденции, о которой мы уже говорили, зрение вписывается в круг двенадцати восприятий чувств. Открываемое нам предметами через чувство зрения хотя и говорит об их внутреннем, но лишь в той мере, в какой оно заявляет о себе на их *поверхности*. Значительно интимнее вводит нас в подосновы вещей *чувство тепла*. Когда мы осязаем предмет, то оказываемое им сопротивление мы переживаем в себе; пробуя что-то, мы также более заняты тем, что происходит в нас, а не вовне. Но взяв в руки горячий или холодный предмет, мы переживаем нечто от его сути. В чувстве зрения от внешнего существа нашим «я» что-то берется вовнутрь и противопоставляется далее остальному, тому, что приходит в данной связи извне. В чувстве тепла посланное внешним внутрь человека заполняет в нем все я-переживание. При этом все внутреннее приобретает свойство внешнего, оставаясь тем не менее внутренним переживанием, в чем, несомненно, можно видеть восхождение предыдущей седмицы чувств к октаве.

Чувство тепла — это чувство жизни, взойшедшее на новую ступень, где оно заполняется внешним переживанием. Тогда внешний мир открывается как нечто однородное с внутренним, что и переживается как чувство тепла.

Тепло рождается и в самом внутреннем человека как *жизненный процесс*. В биологии говорится о процессе сгорания и во внутреннем смысле. А когда тело наполняет внешнее тепло, то «оно является вторым родом внутреннего переживания, чем-то таким, что наполняет «я» и в «я» само принимает природу «я» (45; с.74). Происходит как бы столкновение двух «я» — человеческого и внешнего. «Это второе «я» есть не что иное, как я-переживание, противостоящее первому «я». Но поскольку первое «я» в действительности чувствует только само себя, то второе «я» можно представить себе как образное ощущение им самого себя» (45; с.74). *Второе «я» есть часть первого, которому напечатлены свойства внешнего мира*. Процесс этот совершался и в предыдущих чувствах, но не так глобально. В чувстве зрения внутреннее и внешнее противостояли как равные части одного целого. В чувстве тепла они пришли к *тождеству*. *Переживание чувства тепла можно уподо-*

бить мышление о мышлении, а предыдущие чувства — разным степеням противостояния понятия и восприятия; например, в чувстве равновесия — природного объекта и понятия, в чувстве зрения — произведения искусства и эстетического суждения.

Подобные аналогии побуждают нас обратиться к более широкому толкованию феномена ощущения тепла. В первой главе мы довольно пространно говорили о едином пра-источнике бытия — Божественном Я, из которого сотворены как царства природы, так и человеческое «я». Понимание этого факта раскрывает внутренний смысл утверждения Фихте, что «Я и не-Я определяют друг друга взаимно... Я полагает себя как определяющее не-Я»⁹⁴. Вначале эта противоположная не-Я сила только чувствуется субъектом. Мы зависим от нее в плане существования. Но благодаря не-Я Я становится интеллигенцией, что противоречит абсолютному тождеству Я, ибо абсолютное Я и интеллигентное Я противоположны друг другу. По поводу этого противоречия Фихте делает весьма интересное замечание. Он говорит: «Кто в этих словах почувствует глубокий смысл и широкие последствия, тот будет для меня желанным читателем и может спокойно себе продолжать на свой лад делать из них выводы»⁹⁵. Нам представляется, что продолжать это «на свой лад» можно на путях психософии.

Проанализировав ряд восприятий чувств, мы выявили становление и укрепление внутренней, централизующей ощущения силы, индивидуального «я». При этом обнаружилась иная деятельность, идущая навстречу нашим восприятиям извне. В чувстве тепла обе деятельности стали тождеством. Выражаясь языком Фихте, мы вправе здесь говорить об идущих навстречу друг другу Я и не-Я, которые, в конечном счете, в абсолютном субъекте представляют собой единство.

Весьма похоже, что о них же говорит Рудольф Штайнер в дополнении к VI главе «Антропософии». Он различает там действующие в восприятии «молодое» и «старое» «я». Второе из них можно отождествить со стоящим в исходной точке физического воплощения *самостоятельным* Я, некогда дарованным человеку Элоимами. Оно работает навстречу идущему снизу вверх *эмпирическому* «я», оживающему благодаря кругу восприятий. На их взаимодействие накладывается деятельность «Я», созидающая органы восприятий чувств.

В своем действии извне Я выступает как ничем не ограниченное начало, можно даже сказать — выступает макрокосмически. Внутри физической телесности оно предельно ограничено и не имеет иного выхода из нее, как только через восприятия и последующее мышление, органы для которых оно и творит. По мере их возникновения оно сначала отражается обратно в себя вовне стоящим Я, и тогда

рождается «молодое» «я». В чувстве тепла оно отождествляется (но не абсолютно) с макрокосмическим Я, ибо тепло и стоящий за ним тепловой эфир образуют переходное звено от духа к материи.

Встретившись с Я на таком «мосту», «я» переходит затем на другую сторону. В чисто духовной деятельности, где мы чувство тепла уподобили мышлению о мышлении, за «мостом» должно бы начаться имажинативное мышление. Но восприятия вступают здесь в область, в которой Я выражается более тонким, чем в предыдущем опыте восприятия, образом. И эта промежуточная область представляет собой переход от восприятия к мышлению, ибо восприятие принимает здесь идеальный характер.

Первое, что встречает «я» на той стороне мира, в области макрокосмического Я, индивидуализируется через звучание. С помощью *чувства слуха* мы проникаем не просто внутрь вещей, но в их сокровенное: «благодаря звуку собственная природа, индивидуальное вещей выступает вовне и сообщает о себе ощущению» (45, с.35). Нам трудно представить себе наличие индивидуального в неодушевленных предметах. Но давайте послушаем музыкальные инструменты, колокола. Сколь много они говорят тонкому слуху. Не следует думать, будто колокол обладает индивидуальностью, но и недостаточно полагать, что все звучащее в нем исчерпывается физическими колебаниями. В древности, когда человек был теснее связан с духом в природе, умели в шуме ветра, в журчании вод слышать язык природы. Ныне даже крики животных, пение птиц мало что говорят людям.

Но с помощью слуха мы воспринимаем еще *речь, слово*. Правда, материалистической наукой утверждается, что главное в слове — его смысл, для понимания которого органа чувств не требуется. Но утверждая подобное, мы лишаем себя права говорить о *восприятии* человека как существа, отличного от природных царств. С помощью осязания, зрения, слуха мы воспринимаем себя как чисто природное существо. И лишь когда звук обретает значение, мы начинаем воспринимать человека как индивидуальное душевно-духовное существо. И тогда дело не исчерпывается одним только слуховым восприятием. Благодаря чувству слова «ребенок, — говорит Рудольф Штайнер, — учится говорить или, по меньшей мере, понимать сказанное раньше, чем научается судить. Только через речь он научается образовывать суждения. Чувство речи (слова), как и слух, и зрение, является воспитателем в первые годы жизни» (115; 23.X). В чувстве слова то индивидуальное (душевное), что присуще всем звучащим вещам (речь тут может идти о групповой душевности, например, о душе металла), «отделяется, освобождается от телесного, является с определенной самостоятельностью» (45; с.36). Это особенно явно выступает в тех случаях, когда услышанное слово несет

минимальную смысловую нагрузку, является междометием. Слыша: «ай!» «ох!» — мы ввергаемся в сопереживание прежде, чем успеем составить об услышанном суждение. Но слово может быть выражено с помощью мимики, жеста и быть правильно понято.

Еще больше наше восприятие человека углубляется в *чувстве мысли, понятия*. Оно подобно чувству тепла: в нем воспринимаемое обладает той же природой, что и воспринимающее. Но в чувстве тепла мы можем быть пассивны, внешний мир сам заполняет нас; в чувстве понятия мы должны обладать силой концентрации, позволяющей нам позабыть себя и всецело перенестись в слышимое, отождествиться с ним. Поэтому, развив чувство понятия, можно научиться понимать людей лучше, чем они понимают себя сами. В противном случае, слушая другого, мы слышим не его, а лишь самих себя. Мы тогда слушаем — что происходит довольно часто — по принципу осязания: слышим одно, а понимаем другое, поскольку чувство понятия — это все же не осязание. И грешат неразвитостью чувства понятия не только обычные люди, но и философы. Прийти с такими к взаимопониманию столь же трудно, сколь трудно слепому объяснить с глухим.

Развитым чувством понятия обладали люди древности, а в новое время — классики немецкой идеалистической философии. Но философов, чувствовавших понятие как таковое, его жизнь, движение, вне зависимости от мыслящего субъекта, плохо понимали даже их современники. Что же говорить о понимании их в нашу эпоху крайнего абстракционизма? Однако чувство понятия можно развить с помощью Духовной науки.

Последним в кругу восприятий чувств стоит *чувство «я»*. Оно не однозначно с я-чувством, с я-переживанием, слагающимся в результате восприятий всех чувств. Под чувством «я» подразумевается способность воспринимать «я» другого человека. В этом чувстве мы более всего выходим из себя и погружаемся в другого, вплоть до потери в нем себя. Поэтому если человек завладевает нашим вниманием, а мы не хотим замыкаться в сфере внутренних чувств, то он действует на нас усыпляюще. Мы, естественно, противимся такому усыплению и противопоставляем другому нашу индивидуальность, но можно в процессе общения попеременно как бы то засыпать, то пробуждаться. И тогда в моменты пробуждения мы можем почувствовать другое «я», вернее, осознать чувство «я». Такое поведение в общении является в полном смысле слова социальным, но прийти к нему не просто. В поведении человека без определенного развития преобладает эгоцентризм. В наше время общение представляет собой в полном смысле слова искусство, один из труднейших видов искусства, поскольку оно требует значительно большей объективации нашего «я», чем это имеет место, например, в акте зрения или слушания.

Восприятие «я» развивается по мере овладения созерцающей силой суждения. Во всех остальных случаях мы судим на основе наших симпатий и антипатий. Поэтому нельзя доверять первому впечатлению от человека. Оно чаще всего бывает результатом нашего переживания самих себя при встрече с другим «я». Несомненно, чтобы переживать «я» в другом, необходимо иметь «я» в себе. В чувстве «я» выражается принцип, общий всему кругу восприятий чувств. В каждом из них подобное высылается навстречу подобному. Особенность «я» в их кругу заключается в том, что оно само собрано из всех элементов восприятий. Из них соткана его оболочка. Она есть некая поверхность шара, внутри которого пребывает одновременно и все и ничего. Мы не можем воспринять никакой другой орган чувств в процессе восприятия. Мы не можем воспринять само чувство осязания, само чувство зрения. Если бы глаз однажды вошел в наше сознание, то мы перестали бы им видеть. В прошлом человек сверхчувственно переживал внутри себя свое высшее Я, но тогда он не обладал индивидуальным «я» и не воспринимал внешнего мира. Органы чувств (по крайней мере, некоторые из них) уже были, но из них не складывался обобщенный индивидуальный опыт, «я»; их переживало высшее Я и *косвенно* получало через них опыт чувственного мира. Затем это Я, как существо Ангела, вышло из человека и человек обособился от окружающего мира. Его высшее Я стало достигаться им в актах сознания, восходящего из тройственной души, в нравственных интуициях, в религиозных таинствах. И то, что в индивидуальном поднималось навстречу этому высшему, в первую очередь слагалось в опыте восприятий чувств.

Но полная картина феноменологии «я» сложнее. Чтобы ее познать, необходимо вспомнить о том, что высшее Я даровано людям Духами Формы. Со временем оно погрузилось в силы наследственности и действует в жизненных процессах, проступая сквозь завесу внутренних чувств. Оно же сияет нам навстречу в красочном многообразии мира, звучит в шумах природы, в звуках речи и в какой-то мере открывается нам в «я» стоящего напротив нас человека. Все это может показаться неправдоподобным и невероятным, но лишь до тех пор, пока глаза нам застилает морок материалистического монизма, непознаваемости и т. п. Картина мира тут же становится логичной, осмысленной, лишь только мы обращаемся к духовно-научному рассмотрению эволюции. И тут мы узнаем, что, будучи взятым в аспекте высшего Я, человек един со всем миром. На древнем Сатурне существовал лишь человек; все царства природы выделились из человека и сущностно ему не противостоят.

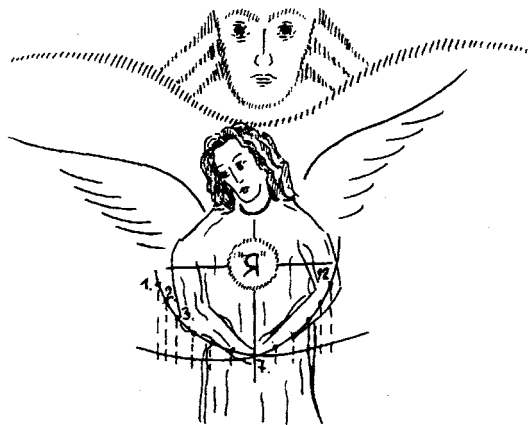
Итак, человек непротиворечиво (но только в духе) поставлен в мир, образованный двояким действием Я: изнутри человека, как части природного целого, и извне, из окружающей природы. Благодаря этому рождаются восприятия чувств. Но поскольку их деятельность сконцентрирована в субъекте, который, как физически-эфирно-астральное образование, не равнозначен всей окружающей природе, то имеющее место отношение в Я становится противоречием в субъекте. Субъект же возникает по той причине, что Я Духов Формы деятельностью третьей Иерархии было дифференцировано на множество групповых «Я», а затем — на индивидуальные. Индивидуальное «я» некоторое время было несомо существом Ангела. По мере обострения противоречия между внутренним и внешним миром человека, Ангел стал действовать в чисто интеллигибельном, оставив в субъекте своим представителем рефлектирующее мышление. Оно — плод индивидуализированных ощущений, созревший в субъекте как составная часть восприятий.

Так мы приходим к действию в человеке двух пар отношений, обуславливающих рождение индивидуального «я»: Духов Формы и высшего, или группового «Я», и существа Ангела, пребывающего в противостоянии рефлектирующему мышлению. Отношение, создаваемое Духами Формы, субстанционально, но не индивидуально, а рефлектирующее мышление создает лишь оболочку «я». Чтобы помочь человеку преодолеть возникшую пропасть, с Землей соединился Христос. Через Его исповедание, через познание мира природы как Тела Господня человек меняет природу всех своих восприятий чувств, христианизует их, христианизует познание. И тогда он восходит к высшей для себя метаморфозе: сквозь новую оболочку «я» внутрь него входит Я Христа. Тогда получается: «Не «я», но Христос (Я) во мне». И ничего другого, собственно говоря, человеку не дано. Без Христа в своем «я» он обречен навеки оставаться не-Я. Ибо «я» есть всего лишь оболочка, но в то же время, не имея ее, человек не смог бы индивидуально воспринимать мир и, следовательно, прийти к познанию принципа Христа, на основе такого познания совершить волевой акт в смысле осуществления: «Не я, но Христос во мне».

Опыт восприятия первичен на пути индивидуализации, и на этом пути «я» дано воспринять высшее действие, осуществляемое в другом «я». В чувстве «я» противостояние внутреннего и внешнего вновь превращается в отношение. Чувство «я» является, по сути, вратами, через которые можно войти в единую реальность Я, сохраняя при этом черты индивидуального склада, поскольку каждый входит в них из своего круга восприятий, более того — каждый переживает свои нравственные интуиции (см. предыдущую главу).

2. Лемниската системы восприятий чувств

ВСЕ СКАЗАННОЕ О КРУГЕ восприятий чувств представим себе в образе. Существо Ангела, действуя в человеке, как бы погружает в него обе руки. При этом одна из них обуславливает действие внутренних чувств, другая — внешних.

За деятельностью Ангела в органах чувств встает существо Духа Формы. Его роль выражается в том, что благодаря ему органы чувств развиваются по имманентным законам. Чтобы понять, что это означает для восприятий чувств, необходимо представить себе их онтогенез в виде цепи метаморфоз, что, как и прежде, лучше всего выразить с помощью лемнискаты (рис. 27).

Пусть в ней малый круг соответствует внутренним восприятиям чувств, а большой — внешним. Вдоль линии лемнискаты идут действия Я высшего и низшего «я». В точке А совершается переход от внутренних чувств к внешним. В ней же происходит рождение человека в чувственном мире, а если он идет путем посвящения, то духовное рождение в высшем мире. До рождения в мире чувств высшее пребывает во внешнем духовном мире, после рождения оно входит внутрь я-ощущений. Отметим как существенный момент, что за я-ощущениями внутренних чувств стоит макрокосмическое Я. Оно излучает свое существо внутрь микрокосма и получает его обратно, рождая этим содержание «я».

Пройдя через области чувства жизни, движения и равновесия, Я претерпевает метаморфозу и между осязанием и обонянием переходит на внешнюю сторону внутреннего мира души. В этой (II-й) четверти лемнискаты Я, придя в соприкосновение с внешним веществом и взяв его внутрь себя, противопоставляет самому себе, но

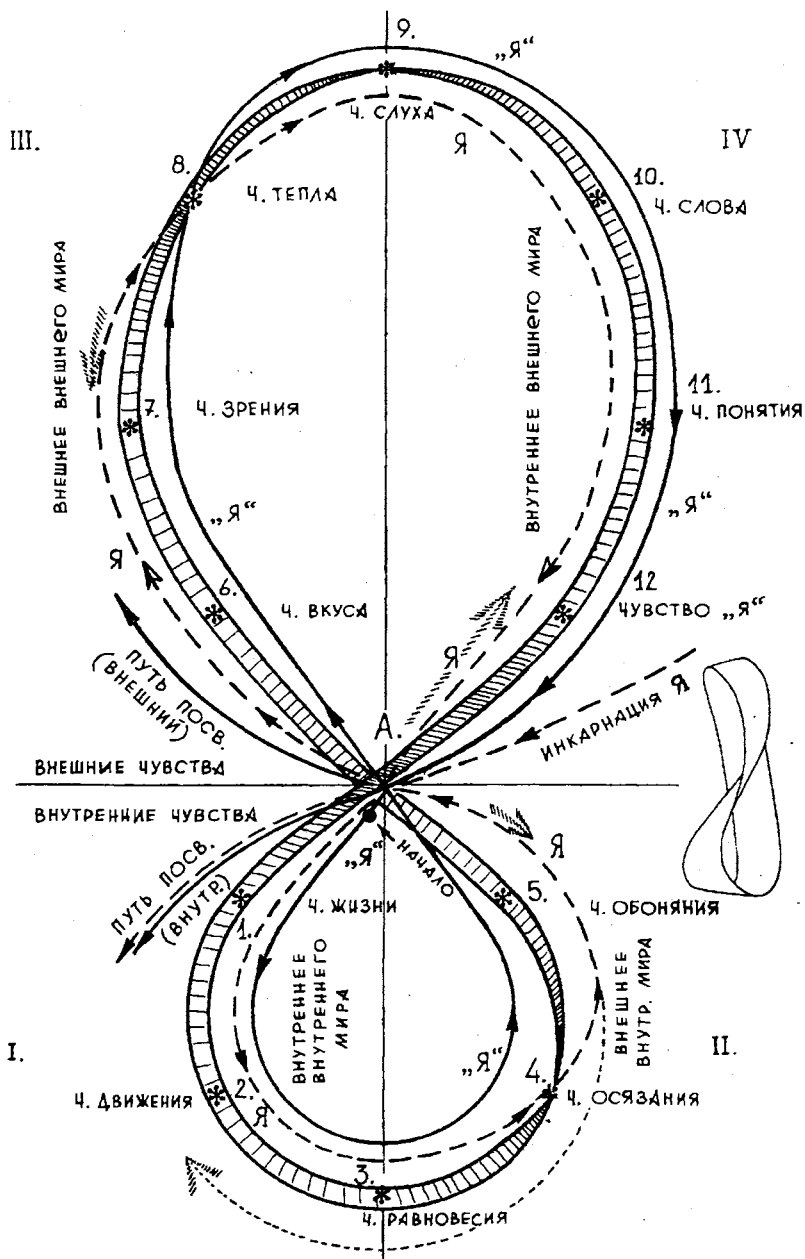

Рис. 27

как Я — не-Я или Я — «я». Во внешнем оно узнает себя как макрокосмическое Я, объективированное в мире природы, весть о чем несет «я» в виде обоняния, которое есть один из его образов.

В первой четверти лемнискаты Я заявляло о себе непосредственно, но там «я» пребывает в наибольшей смутности. При переходе из второй четверти лемнискаты в третью Я просто остается во внешнем мире, а метаморфизируются восприятия чувств: они все более открываются вовне. От этого возрастает противоположность между Я и «я» — «я» становится все более самосознающим и поэтому отделяется от Я; как эго оно строит свой микрокосм. В результате восприятия чувств *утончаются*. В чувстве тепла между «я» и Я возникает первая ступень подобия (но только в деятельности восприятия). Далее «я» и Я меняются местами: интеллигибельный мир входит в восприятия чувств субъекта, а субъективное «я» — в интеллигибельный мир. Так возникают высшие, или совершенно внешние, восприятия: чувств, понятия, слова, «я». В них «овнутряется» *внешний духовный мир. Так в душе зарождается дух.*

Переход из четвертой четверти лемнискаты в первую означает для человека двоякое: для предметного сознания круг восприятий замыкается в единое целое, и в дальнейшем происходит все углубляющаяся проработка эго, что влечет за собой развитие «я», а усиление душевного развития с помощью эзотерической практики выводит «я» в сферу сверхчувственного. Выйти туда можно двумя путями. Один путь ведет в сверхчувственное при переходе от внутренних чувств к внешним, когда я-сознание уходит от опыта чувств и проникает за покров внешнего мира, созерцает его духовную основу. В древности таким путем шли в аполлонических Мистериях. Другой путь ведет за покров внутренних чувств. Таким путем шли христианские мистики, а в более древние времена его практиковали в хтонических и дионисийских Мистериях. Ныне оба пути должны быть сведены воедино, но, как следует из рис.27, практика их прохождения должна быть различной. Внутрь души необходимо погружаться с укрепленным «я», иначе можно оказаться не на внешней, объективно духовной, а на ее внутренней стороне и созерцать, хотя и сверхчувственно, собственные физиологические процессы, которые все имеют великолепные духовные праработки, поскольку в них работает Я. Но Я здесь всецело погружено в физическое, умирает в нем, чтобы ожить в индивидуальном мышлении, что выражается в восхождении биологических структур до наивысшей — нервной системы, которая в высшей нервной деятельности умирает, порождая сознание. Чтобы посвященно выйти на внешнюю сторону внутреннего мира, необходимо научиться в точке инкарнации Я (в точке А; рис. 27) низшим «я» соединяться с ним, но двигаться не внутрь души, а по ее внешней стороне. Тут нужна

огромная сила концентрации, которой овладевает лишь очень развитое «я». Многие мистики, не имея такой силы, просто преграждали «я» путь в мир внешних восприятий. Тогда в точке А оно соприкасалось с высшим Я, покидающим внутренние чувства, и совершало некоего рода «подглядывание» за его деятельностью в них (см. точечную линию на рис. 27).

Истинно посвяtitельное проникновение в мир внутренних чувств начинается по достижении ступени интуиции. Но подготовка к нему происходит уже и в обычном опыте восприятий, благодаря тому, что Я воплощается как физически, так и духовно. Его движению через восприятия чувств соответствует его же движение через тройственную душу, показанное в предыдущей главе. Со временем в человеке рождается я-сознание, ведущее самостоятельную, независимую от человеческой организации жизнь. В ней Я обитает духовно или, скажем, интеллектуально. При этом, если в первом случае по разные стороны организма чувств стоят Я и «я», где последнее следует понимать как сотканное из восприятий чувств, как смутное, но близкое к сущностному «я» — назовем его «хтоническим», — то во втором случае этому «я» противостоит (на стороне Я) я-сознание; назовем его «аполлоническим».

В опыте тройственной души «аполлоническое» «я» образует свой ряд метаморфоз, который начинается с чувства «я». Объединяя оба «я», мы приходим не только к целостному образу действительности, данному в единстве понятия и восприятия, но и к индивидуальному сущностному «я». Это не может быть иначе, ибо «хтоническое» «я» в конечном счете восходит к мировой Основе бытия, «аполлоническое» — к мировой духовной, интеллигибельной Основе. Соединяются же Отец и Дух Святой деянием Сына.

Голгофа означает нисхождение Христа в инкарнацию Я, совершающуюся в каждом индивидуальном духе. Благодаря этому древний процесс эволюции получил новое наполнение. Без Христа интеллектуальное «я» все далее уходило бы от опыта чувств, а чувствующее «я» все более зарывалось бы в субъективное. В конечном счете это завело бы процесс раздваивания личности до ее онтологической смерти. Абстрактное «я» наполнили бы люциферические сущности, найдя в нем компенсацию своего отставания, чувствующее «я» погрязло бы в подприродной магии, шаманизме ариманических существ. И в XX веке попытка жить без Христа уже рельефно обнаружила обе эти тенденции.

Мы не ошибемся, сказав, что природа «хтонического» «я» преимущественно эфирная, «аполлонического» — астральная. Встречаясь в физическом теле, как в единой основе, они получают возможность проникать друг в друга согласно принципу, показанному с помощью рис. 22, что в опыте восприятий носит характер синтеза

эволюционного и инволюционного путей. Своим сознанием человек движется через шкалу чувств в обратном направлении, к тому смутному первоисточнику, в котором оно впервые зародилось. На макрокосмическом плане это выражается в движении астрального потока от будущего Вулкана к прошлому Сатурну. Встреча обоих принципов развития в индивидуальном опыте души и означает рождение индивидуального духа, т. е. начало становления человека иерархическим существом (подробнее об этом речь идет в седьмой главе). Животные также способны воспринимать, но они всецело стоят в потоке эволюции, а потому не индивидуальны.

Лишь в человеке природа обретает свою полноту и именно благодаря тому, что рождает индивидуальный дух. «Мы не желаем, — говорит по этому поводу Шеллинг в своей натурфилософии, — чтобы природа (лишь) случайно встречалась (совпадала) с законами нашего духа (ведь тогда — это имеет в виду Шеллинг — пришлось бы допустить существование надприродного, надчеловеческого существа), но чтобы она сама необходимо и изначально законы нашего духа не только выражала бы, но и сама реализовала, и чтобы она лишь постольку и была бы природой, поскольку выполняла бы это. ...Природа должна быть видимым духом, а дух — невидимой природой»⁹⁶.

В наших рассматриваниях мы имели случай непосредственно убедиться в правоте философской установки Шеллинга. Вполне созвучны они и с философской поэзией Гете. В стихотворении в прозе «Природа» он пишет: «...Она (природа) окутывает человека туманом и вечно подстрекает его добиваться света. Она делает его привязанным к земле, косным и тяжелым и все снова встряхивает его. ...Ее законам повинуются; даже когда противятся им; действуют заодно с нею, даже когда хотят действовать против нее.

Она превращает все, что дает, в благодеяние, ибо сначала делает это необходимым. Она медлит, чтобы жаждали ее; она спешит, чтобы ею не пресытились.

У нее нет ни языка, ни речи, но она создает языки и сердца, которыми она чувствует и говорит.

Ее венец — любовь... Она — все».

3. Три вселенских творящих луча

РАССМОТРЕНИЕ ВОСПРИЯТИЙ ЧУВСТВ с их феноменальной стороны необходимо должно быть дополнено рассмотрением со стороны сверхчувственной. Тогда данные Духовной науки начинают держаться непротиворечивой связью своих частей, а мы получаем целостный образ исследуемой действительности. Учение об эво-

люции — это азбука Антропософии. Не апеллируя к нему, невозможно достаточно далеко продвинуться ни в одном вопросе. В полной мере сказанное относится и к изучению восприятий чувств. Мы говорили, что некоторые предпосылки к образованию органов чувств были заложены уже на древнем Сатурне. Это касается чувства тепла, зрения, вкуса и обоняния. Кроме того, тогда возникли некоторые процессы, приведшие в дальнейших зонах к образованию других органов чувств. То, что на Земле, еще до развития всей системы органов восприятия возникло как противоположность между чувством «я» и чувством осязания, на древнем Сатурне свой первофеномен имело в макрокосмическом разделении Божественной Воли на ее сущее и прафеноменальное: жертву Духов Воли. Стоявшее выше той жертвы было миром космического Я, Божественной Троицей. Благодаря Духам Воли, Я мира пришло в соприкосновение с иным. Их противостояние образовало высшее, космическое лоно прачеловечества. Далее следует вспомнить деятельность Духов Мудрости, благодаря которой лишенный качеств прафеномен, еще представлявший собой единство сущего и ничто, приобрел свойство отражать жизнь. Таков, по сути, был первофеномен того, что ныне образует содержание чувства понятия, мысли. Деятельная в себе божественная мысль через Духов Мудрости становится мысле-жизнью в феномене, сущностной мыслью. К ней, собственно, мы и восходим в чувстве мысли, к ней, а не к абстрактной оболочке.

Выступление Духов Движения приводит субстанцию древнего Сатурна в состояние «одушевленного существа», проявляющего симпатии и антипатии. Божественное мысле-воление обретает индивидуализирующий принцип. И в нем следует видеть прафеномен чувства слова. Все существо Сатурна принимает характер органа слуха. Оно внемлет творящему космическому Слову. Но чтобы Сатурн мог откликнуться на деятельность, идущую из космоса, в работу должны были вступить Духи Формы, дифференцировавшие общее проявление ощущения. Бытие Сатурна распадается на отдельные монады, и каждая, по сути, есть некий род органа слуха.

Развитие описанных процессов, как мы видим, носило инволюционный характер. Дух, переходя в инобытие Сатурна, испытывает некое стеснение, сужение и тем рождает «широту» сатурнической жизни. С вступлением в работу Духов Личности внемлющие Мировому Слову монады сгущаются до теплового состояния, в котором, как говорит Рудольф Штайнер, еще отсутствует физический носитель тепла, в нем «без впечатления извне можно было бы почувствовать внутренне: здесь та или иная степень теплоты» (13; с.158). В феномене тепла противостояли друг другу макрокосмическое Я и «Я» Духов Личности, доведших к тому времени свое астральное тело до ступени, на которой оно действовало как земное человеческое «я».

Благодаря этому бытие Сатурна приобрело характер множественного проявления «видимости» личности в тепловых монадах.

Далее, с выступлением Архангелов, на Сатурне вспыхивает световая игра, что приводит к возникновению эфирных зачатков человеческих органов чувств; монады тогда не имеют в себе ничего, «кроме световых праобразов органов чувств» (13; с.165). Ни душевной, ни духовной жизни тогда в монадах не было; в них закладывались лишь основы физического тела человека. Оно же и поныне все есть лишь носитель органов чувств: «и этот носитель органов чувств и называется физическим телом человека» (45; с.59). Это, на наш взгляд, самое значительное из всех данных Рудольфом Штайнером определений физического тела.

В возникающих на древнем Сатурне органах восприятия нет собственной деятельности, но ими широко пользуются Иерархии. Например, в чувстве зрения на стороне (или вместо) человеческого «я» выступают Архангелы. Сознание их более смутно, чем сознание Духов Личности. Духи Личности лишь касаются границы материализации, но не переступают ее, давая, однако, ей своим касанием закон развития во времени, что выражается в распадении, дифференциации этого акта на бесконечное множество качественно различных состояний. Архангелы теснее связываются с зарождающейся вещественностью, образуют собой своего рода посредника между нею и более высокими Иерархиями, что и имеет своим следствием формирование органов чувств. Но пользуются этими световыми органами чувств Серафимы (см. табл. 1). С их помощью они созерцают духовные противоположности (то есть имажинации) происходящего на Сатурне и жертвенно переносят свои созерцания на Архангелов.

Так было на древнем Сатурне. А теперь вспомним сказанное выше о чувстве зрения, а именно, что в нем внешний мир, за которым стоит макрокосмическое Я, высylает часть себя во внутреннее человека и потом с этой же частью взаимодействует, т.е. взаимодействуют «я» и Я, перетекая одно в другое. На древнем Сатурне в акте зрения в соприкосновение приходят две Иерархии. И в их соприкосновении состоит отношение внутреннего и внешнего. Оно же есть отношение света сокровенного (Серафимы, или Воспламенители Огня) и явленного (Архангелы, или Духи Огня). Свет дает дискретному бытию тепла некое простираие. Свет, по сути говоря, есть сокровенная мысль Богов, явленная в пространстве, и само ее явление есть Архангелы. Этим светом, с одной стороны, озаряется пространство Сатурна, как теплового тела; возникает зрение без субъекта — откровение Архангелов в тепле; с другой стороны, им озаряется духовное «пространство» Иерархий, стоящих выше Архангелов и ниже Духов Воли. Образ их деятельности в том,

потустороннем, свете есть сознание Архангелов. Позднее из явленных образов стусится вся чувственная реальность и ее озарит посюсторонний свет. От пребывания же Архангела в тепловом эфире монад остается зачаток органа зрения.

Гете говорит: «Глаз создан светом и для света». В отношении условий древнего Сатурна мысль Гете, вероятно, можно было бы перефразировать так: Архангелы-свет созданы сокровенным светом Серафимов для сокровенного света и для того, чтобы он стал откровением. В земном зоне сокровенный свет несом световым эфиром, элементарными существами, которых древние греки называли сифами. А место Архангелов в акте зрения заняло человеческое «я»; у зрения появился субъект.

Когда на древнем Сатурне возникают вкусовые переживания, то они есть не что иное, как явление Ангелов в тепло-световой субстанциональности. Как Архангелы были откровением Серафимов в астральности Сатурна, так Ангелы явились откровением Херувимов в его эфирности, которая вся была действием Духов Мудрости. В эту эфирность Архангелы внесли отпечатки органов чувств, следы грядущего субъекта. Ангелы как бы подводят под образовавшиеся отпечатки жизненное начало, жизненные процессы. Ангелы, по сути, являются откровением сокровенной жизни Херувимов. В Архангелах и Ангелах сознание и бытие впервые выступают не в единстве, а двойственно, но на эфирном плане: как бытие сознания — световой эфир, и бытие бытия — жизненный эфир. К некоему единству они сводятся в деятельности Духов Воли, когда те напечатлевают тепловым монадам зачатки Духочеловека. Возникают запахи, открывающиеся внутрь Сатурна. В них «Я» Духов Личности противостает — в монаде — Я Духов Воли. Духи Личности берут часть субстанции Духов Воли внутрь Сатурна. Так возникает прафеномен чувства запаха. Существенным в нем является опосредующая роль уже не иерархических существ, а монад.

Так совершилось некое «овнутрение» бытия древнего Сатурна. Все оно явилось антитезой иному «овнутрению», имевшему место в первые три дотепловые периода развития древнего Сатурна. Рудольф Штайнер уподобляет первое из них душевному теплу. Еще более ранее состояние Сатурна представляло собой чисто духовный сокровенный свет, который «внешне есть тьма». Первоначальное состояние Сатурна — «духовно сущностное».

Так приближаемся мы к зарождению нашей лемнискаты, выражающей суть самых разных метаморфоз, в том числе и метаморфозы чувств, — к методологической лемнискате. Обращаясь к праистокам мира, ее, вероятно, следует изобразить так, как показана на рис. 28. Там где-то происходит выступление Духов Воли. Но над ними еще стоят Херувимы и Серафимы. А еще выше находится мир

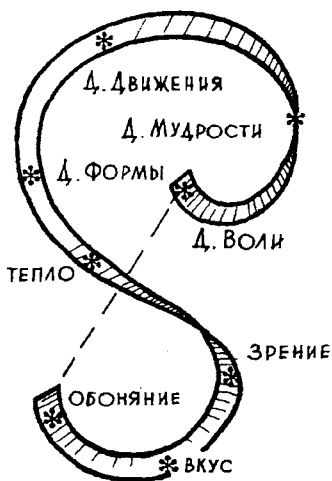

Рис. 28

Божественной Троицы, откуда «все начало быть». Эта сфера обуславливает все, сама при этом будучи не обусловленной ничем. Первая Иерархия является проводником ее намерений; она поэтому пребывает в состоянии, промежуточном между эволюционным и надэволюционным, — в «пребывающем». Обращаясь в сторону эволюции, Первая Иерархия творит Сатурн.

Далее нам предстает некое начало, одновременно единое и тройственное, в котором открывается сокровенное. Происходит это так, что, начиная с Сатурна, и во всех последующих зонах, сквозь созидательную деятельность Иерархий во всем физическом обнаруживается творческий импульс Бога-Отца, во всем эфирном — Бога-Сына, а во всем

астральном — Бога-Духа Святого. Это подобно трем лучам, уходящим вверх, в сокровенное, и перекрещивающимся внизу на границе двух миров: ноуменального и феноменального (см. рис. 3). Все Иерархии движутся в этих трех лучах, порождая по ту сторону точки их схода — в инобытии — некие аналоги ноуменального: формы бытия с зачатками самодвижения и самополагания. Иерархии становятся проводниками то одного, то другого, то третьего из приходящих свыше импульсов, что напечатлевает самим иерархическим существам свойства высшего Троиинства. В феноменальном мире движение Иерархий по трем лучам вызывает колоссальные метаморфозы.

Таким образом, единый эволюционный принцип нашего цикла бытия охватывает все миры. Что прежде стояло над эволюцией, оживает в своих свойствах в эволюционирующих Иерархиях. Начальным выражением триединого Божества является I-я Иерархия. О ней говорится, что она «лицезреет Бога». Другие Иерархии лишь со временем дорастут до такого состояния. В помощь им дано явление единого Бога в трех Ипостасях. Три Иерархии — это, по сути, и есть Тело Бога. Все они суть одно, и в то же время Бог выражает Себя в них тоекратно и троично: каждая Иерархия состоит из трех родов существ, стоящих под водительством разных Ипостасей, кроме того каждая Иерархия служит отдельной Ипостаси. Аналогично высшему устроен и феноменальный мир, где три основных субстанции: физическая, эфирная и астральная — служат выражением и высшего Троиинства, и

тройственных Иерархий, почему и возник триединый человек тела, души и духа.

Нельзя обойти вниманием тот факт, что истины подобного рода и в прошлом были известны узким кругам людей, нашедших доступ к эзотерическому Христианству. В русской духовной истории свидетельством тому является «Троица» Андрея Рублева. Эта икона была написана им под духовным руководством Сергия Радонежского, которого называли «служителем Святой Троицы». За этими словами кроется та истина, что, как посвященный, Сергий Радонежский подошел к познанию того, о чем у нас идет речь: ему открылось действие Троицы в эволюции мира. И доступными его времени средствами он через Рублева поведал о своем познании.

Давайте внимательно всмотримся в рублевскую икону, дадим ей подействовать на нас, убрав все скороспелые суждения и все те, подчас даже весьма экзальтированные, но оттого несколько не приближающиеся к истинному смыслу иконы, соображения, высказываемые в последнее время искусствоведами. И тогда, если мы сможем дать иконе заговорить к нашей душе, нам откроется, что на ней изображен именно *триединый* Бог, т. е. одновременно и трехипостасный и нераздельный. Это означает, что икону можно рассматривать в различных аспектах и каждый раз в ней будет раскрываться новый смысл. Иначе и быть не должно, если делаемый Христианству упрек в многобожии не имеет под собой основания.

Рублевская «Троица» называется новозаветной. Имеются иконы с изображением ветхозаветной Троицы. Гениальность Рублева и Сергия Радонежского заключается в том, что они нашли универсальное, а следовательно, динамическое выражение для высшего христианского Божества. Поэтому иконе можно дать несколько толкований и все они будут верны. Мы можем, например, в фигуре центрального Ангела видеть выражение Ипостаси Бога-Отца. И тогда перед нами ветхозаветная Троица. В ней лик Бога-Отца полон красоты вечной юности. Его взор погружен во внутреннее, в созерцание сущего. Во взоре этом поистине открывается вечность, которая не нуждается ни в каком внешнем выражении, а если все же прибегает к нему, то только из совершенной свободы и благодати. Так можно пережить деятельное начало в среднем Ангеле, выраженное чисто художественными средствами невероятной тонкости и одухотворенности. В наклоне Его головы к левому Ангелу выражается движение божественной мысли, в жесте руки, указующем на правого Ангела, — движение Божественной воли.

Левый Ангел в таком случае выражает Ипостась Святого Духа. Его взор излучает целенаправленную мысль, обращенную к правому Ангелу. Жестом руки он как бы передает ему импульс, полученный от среднего Ангела в сфере мысли.

Бог-Отец восседает под Древом Жизни, от которого в момент райского искушения не было дано вкусить человечеству. Над левым Ангелом возвышается строение. Это храм во многих смыслах; в одном из них — храм Мистерий, в которых изгнанное из Рая человечество искало до пришествия Христа способ вновь обрести связь с Богом в духе и истине.

Правый Ангел выражает Ипостась Бога-Сына в момент нисхождения на землю, когда «Отец послал Сына в мир», как об этом говорит Евангелие. Взор этого Ангела также погружен во внутреннее, но иначе, чем у среднего Ангела. В нем отражается созерцание будущего — полного противоречий и трагизма развития в каменной пустыне материального мира, куда Его направляет воля Отца, и где Ему предстоит испить горькую чашу, моление о которой Он вознес в Гефсиманском саду к Отцу. Лик правого Ангела обращен вниз, к творению; туда же направлен и жест его руки, как бы переносящий вниз благословение, исходящее от двух других Ангелов.

Таково одного рода видение «Троицы» Рублева. Но совершенно иное открывается нам, если мы обратимся к ней как к новозаветной Троице. Тогда Ипостась Христа следует видеть выраженной в фигуре среднего Ангела. Это Христос, прошедший через крестную смерть и победивший ее. Мистерия Голгофы есть центральное событие не только земного зона, но всей эволюции, протекающей в семи зонах. Поэтому Христос в ней — Регент жизненных, эфирных сил — есть главная Ипостась, пока будет длиться эволюция, в которой главенствующими принципами являются жертва и любовь. Сознание во Христе приходит, как это было уже в прошлом, в неразрывную связь с жизнью, но в индивидуальном «я», осуществляющем принцип: «Не я, но Христос во мне». По этой причине на иконе хитон (эфирное) у Христа дан в сложной гамме коричневых, охристых и красноватых тонов, а плащ (астральное) — голубой. Наклон головы Христа в сторону левого Ангела выражает евангельское: «И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя... Духа Истины...» (Ин.14; 16,17). Этот Дух Истины, Святой Дух, представлен на иконе правым Ангелом. Он готов низойти в ту часть заложенного Богом-Отцом еще на древнем Сатурне «храма» человеческого тела, в которой за счет отмирания, минерализации органической материи осуществляется понятийное мышление, чтобы в нее, а через нее и во весь «храм» тела, внести с помощью духопознания, оживляющего абстрактную мысль, новую жизнь, символ которой — святая Чаша Грааля. В ней — смысл творения, осуществляемого через жертву, претворение, пресуществление, что возводит человека в мир Иерархий, уподобляет Богу.

Движение внутренних импульсов, действующих в сфере триединого Бога и направленных в мир творения, в инобытие, обозначено на иконе тремя копьями, которые Ангелы держат в руках. В своей совокупности копьа выражают макрокосмическое Я, действующее в эволюции так, что от него рождается многообразие новых микрокосмических «я», т. е. рождается бытие. Копья, по сути, и выражают те три линии действия высших импульсов, о которых у нас идет речь (см. рис. 3).

Следует отметить, что в иконописи они нашли еще и более эзотерическое выражение (см. фото) в виде фигуры, понимание смысла которой в церковном Христианстве настоящего времени, кажется, утеряно целиком.

На иконе Рублева интересен благословляющий жест Ангелов. Мы не станем вдаваться в вопрос о крестном знамении, совершаемом дву-

мя и тремя перстами. Скажем только, что два перста выражают необходимый принцип деления мира надвое: на дух и материю, на «я» и мир и т. д. В двух перстах выражена тайна дуализма — неизбежной стадии развития на пути к триединству, к синтезу, который осуществляется через человека. Сам человек, как микрокосм, пятичленен. Комплекс действующих в нем сил символизирует пентаграмма. Вот почему жест десницы правого Ангела — раскрытая книзу ладонь: Святой Дух вносит спиритуальное познание, духовную науку о Христе во все существо человека. И это познание, как субстанция, как космическая интеллигенция, входит также и в эфирное тело человека.

Но человек еще представляет собой соотношение двух троичностей: высшей и низшей. Также и их находим мы выраженными на иконе. Во-первых, — это фигура на скатерти:

Во-вторых — треугольники, образованные линиями копий (вершиной вниз) и формой расположения Ангельских голов (вершиной вверх). Таким образом, на иконе отражены все главные ступени того

принципа, согласно которому «Бог геометризирует»: 1-2-3-4 (2+2)-5-6(3+3). Двоичность многократно выражена отношением окружности и центра. Семеричность выявляется из общей композиции иконы; то же самое — и двенадцатеричность.

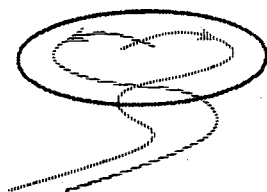
В сложной динамике иконы в первую очередь можно выделить круговое, гармоничное и нераздельное движение, в которое включены все три Ангела. Но из этого круга проистекает еще одно движение. Оно начинается от среднего Ангела и идет в обе стороны, сходясь в правом Ангеле и от него направляясь вниз.

Всю икону можно разделить на три горизонтальных зоны и переживать их по отдельности. Тогда в верхней области, где расположены головы Ангелов, мы получим ощущение чистого золотистого сияния духовной мысли. Оно излучается радиально и в то же время течет по общему кругу, уходя затем вниз.

В средней области царит высший покой чувств. Он как бы синтезирует в себе всю динамику иконы, хотя и сам не стоит на месте. Однако движение его находится как бы в пребывающем — вне пространства и времени, если можно так выразиться.

В нижней области господствует воля, что выражено в мощной динамике складок одежды, в положении ступней Ангелов. Движение это и круговое, и нисходящее. Последнее выражено ступнями, опирающимися на небесную твердь Тронов, которые являются подножием небесного Трона. Образы Серафимов и Херувимов на иконе не даны, но тем сильнее они присутствуют в духовной ауре иконы, образующей единый круг.

Закончив на этом наше рассмотрение иконы*, зададимся одним вопросом: а не имеем ли мы в гениальном творении Рублева и Сергия Радонежского ответ на все те богословские споры, что так трагично отразились на христианском мире? От Отца исходит Святой Дух, — до сих пор утверждают одни; «филиокве» (и от Сына), — возражают им другие. Эзотерическое Христианство предмета для спора здесь не находит. Мы должны сказать, что наивысшую духовную субстанциональность мира (пусть она называется звездной, астральной) следует мыслить исходящей от Отца к Святому Духу. Для взгляда, обращенного снизу вверх, она интеллигибельной природы. И в этом смысле Святой Дух исходит от Отца; он есть космическая, творящая Мысль Отца, достигающая человека в виде теневого, бессущностного мышления.

* Но возможно еще одно ее толкование, относящееся, вероятно, к очень далекому будущему.

Из Бога-Отца исходит также мировая Жизнь. Она идет к Сыну или: Сын исходит от Отца. Начиная же с древнего Сатурна, в Мироздании творится третья, собственно Отчая, субстанциональность, выражающаяся в физической форме бытия. Принципом этого творения является жертва, совершаемая из любви, т. е. силой Ипостаси Сына. Благодаря ей, сонмы новых существ обретают бытие, индивидуальное сознание. Ради них космическая Мысль должна соединиться с космической Жизнью, а далее, в сотворенное бытие, должна войти индивидуальная Мысль. И в этом смысле Святой Дух исходит от Сына или: от Отца силою Сына. Он есть Дух Утешитель, Дух высшего познания, возвещающий о пронизанности бытия Христом.

Единосущ ли Сын Отцу? В вечности — да, в эволюции — нет. И, значит, не так уж неправы были Арий и наставляемые Улфилой готы. А церковь напрасно величается победой Афанасия — не всякая пощечина к чести ее дающего. С другой стороны, можно понять и Афанасия, если упразднить вопрос об эволюции. Хотя в таком случае остается без ответа другой вопрос: как могло случиться, что змей искусил божье творение? Не по глупости же творения, в конце концов.

О том, что Святой Дух может исходить также и от Сына, говорит Сам Христос в Евангелии от Иоанна: «...придет Утешитель, которого Я пошлю вам от Отца» (гл.15, 26). И будь это иначе, разговор о единстве Трех утратил бы смысл, потому как была бы только Иерархия существ. И когда речь идет о творении, она действительно есть. Тогда от Отца исходят Дух Святой и Сын. Но будь только это, творение не смогло бы вернуться назад к Богу. Поэтому Христос говорит: «...да будет все едино, как Ты, Отче во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в нас едино» (Ин. 17,21). А если все едино, то «и Ты во Мне», «и Я в Тебе»; «Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас».

Когда мы говорим, что триединый Бог по свободному волеизъявлению — потому что он «благ» — сотворил человека, то это означает, что у Него было бесконечное число возможностей для иного творения. Но, начав нечто, Бог не может не довести начатого до определенного завершения. Поэтому Ангел Силезский говорит:

*Бог без меня не сможет для прожить,
Не поддержи я с Ним — не сможет жить и Он.*

Лишь приведя человека к свободе, создав из него Иерархию свободной любви, Бог освобождается для другого творения. Однако эволюция человека не остается без определенных последствий и для Бога. И в Его Сущность привносится что-то новое, только мы не располагаем понятиями, с помощью которых могли бы составить себе об этом какое-либо представление.

В сферу провидения, или «пребывающего», уходит для разума человека значение духовного достоинства Серафимов и Херувимов. Несколько различимее эволюция Духов Воли. Еще заметнее она во Второй Иерархии. Но, с точки зрения человека, наиболее проявлена она в Третьей Иерархии. Эволюция человека приведет его в зоне Юпитера на иерархическую ступень, на ступень Ангела. Этим будет явлен первый плод того, что было начато на древнем Сатурне. Земной эон служит подготовлением к восхождению человека на иерархическую ступень. Здесь тройственность предыдущих эонов претворяется в грядущее единство (хотя далеко не все люди справятся со своей задачей).

До эоны Юпитера эволюция протекает таким образом, что в высших движется сознание Иерархий, сами же они остаются как бы закрепленными на одних и тех же местах. Сфера Божественной Троицы остается вознесенной над всем мыслимым и как бы постоянной во всех своих проявлениях. Лишь с Духами Воли начинают проявляться признаки эволюции, присущие нашему циклу. Совершается первая жертва, в которой Отец и Сын — одно. Так это осталось и в дальнейшем, хотя приобрело иной смысл. Акт жертвы перешел к Сыну. Она стала средством обретения Я. Поэтому силой Ипостаси Сына Духи Личности на древнем Сатурне обретают «Я». На Солнце «Я» обретают Архангелы, на Луне — Ангелы. На Земле «Я» обретает человек. Начинается это с того, что в Ипостаси Святого Духа действие Иерархий входит в астральную субстанцию человеческих существ, и тогда эфирные зачатки их органов чувств начинают производить индивидуальные ощущения. В Ипостаси Отца органы чувств закрепляются в физическом теле и открываются вовне. Поясним сказанное рисунком, который возникает, если развить то, что было изображено на рис. 3. Для каждого из предыдущих эонов мы тут получаем свою картину (рис. 29).

Как следует из рисунка, человек творится Иерархиями в некоей, с их точки зрения, потусторонности, но, в то же время, сразу в высшем и низшем аспекте. Возникают зачатки его тройственного духа и одновременно тройственного тела, в чем мы опять находим выражение исходного тождества, благодаря которому возможно: 1) противопоставление Я и не-Я; 2) их последующее воссоединение. Если бы мы продолжили наш рисунок вниз, то далее последовали бы царства природы, а сверху остались бы все те же Иерархии. Они универсально связаны с творением, и связи эти следующего рода: с физическим связана 1-я Иерархия, с эфирным — 2-я, с астральным — 3-я. Их сложным взаимодействием ткется тройственная душа. Она, как средняя область между телом и духом, опосредует действия, идущие сверху вниз и снизу вверх. Так

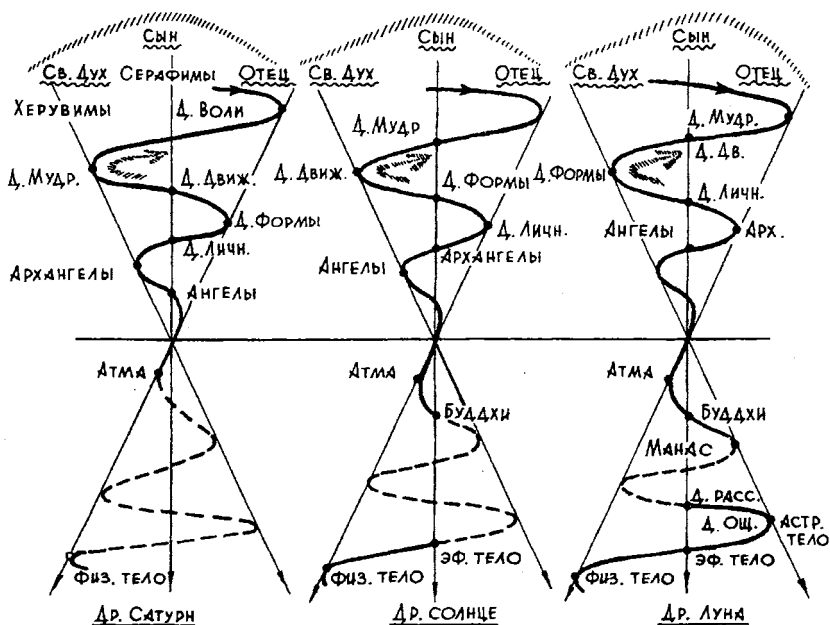

Рис. 29

закладываются основы, во-первых, трех основных ингредиентов человеческой душевной жизни — мысли, чувства и воли; во-вторых, тройственного человека обмена веществ и конечностей, ритма и нервно-чувственной, головной системы. Эта последняя троичность, которую Духовная наука выявляет в физической организации человека, обладает поистине фундаментальным значением для всего остального в нем. Мы еще не раз будем обращаться к ней в дальнейшем. А сейчас продолжим разговор о восприятиях чувств.

Их деятельностью создаются предпосылки для индивидуального воплощения высшего Я, дарованного Духами Формы. Почему именно Духи Формы даруют человеку Я, мы можем увидеть, проследив развитие тенденций, показанных на последнем рисунке. В четвертой зоне Духи Формы встают в среднее положение, где действует Ипостась Сына. Поэтому Элоим Ягве, будучи лунным Богом, отражал на Землю до Мистерии Голгофы солнечный свет Христа. Ягве одарил человека искрой Я, сущность которого — Христос. А поскольку Сын и Отец — одно, то, как в первой зоне, Христос на Земле соединился со всеми царствами природы и извне предстоит восприятиям человека. Как Бог человеческого Я, Христос воссоеди-

няет через человека идущее снизу (три тела, а потом три царства природы) с тем, что идет сверху (три духа, а далее — три Иерархии). С помощью анализа восприятий чувств мы проследили этот процесс в его непосредственном течении. При этом чувства выступили перед нами как аналог взаимодействия Иерархий между собой в прошедшие зоны в процессе обретения ими Я-сознания. Там, как мы помним, силой Импульса Христа, Регента древнего Солнца, человеческую ступень проходили Архангелы. Духи Личности, уже обладая «Я», встали под водительство Серафимов в сфере действия Импульса Отца и заложили в монады зачатки желез, опосредующих связь эфирного тела с физическим.

Ангелы, пронизанные жизненной силой Христова Импульса на древнем Сатурне (рис. 29), но в состоянии сознания сна без сновидений, каким на Земле обладают растения (оно обуславливает лишь процессы роста и размножения), на древнем Солнце вступили в сферу действия Святого Духа. Об Архангелах и Ангелах в их отношении к монадам мы можем здесь говорить как о высшем и низшем я, поскольку монады одаряются эфирным телом, с которым Ангелы имеют особенно большое родство. Извне, во втекающих в монады тепловых и воздушных субстанциях, действует «Я» Архангелов. Херувимы при этом рождают в Ангелах ощущение, что позволяет последним подняться к следующей ступени сознания, обусловленно как раз наличием ощущений.

Переживание Ангелами ощущений-образов не остается без последствий для эфирного тела монад. Они делаются способными сами вызывать в тепло-воздушных телах процессы роста и размножения, т. е. восходят на ступень сознания современных растений. Такого рода жизнедеятельность образует предпосылки к тому, что позже станет процессом обоняния. На древнем Солнце жизнь монад есть, по сути, лишь отблеск Духов Мудрости, вынесенный на внешнюю, физическую, сторону бытия как зачаток Жизнедуха в эфирных телах монад. И поскольку он перенесен на «ту сторону», то возникает отношение субъекта и объекта. Собственно говоря, оно возникает уже на древнем Сатурне с образованием зачатка Духочеловека. На древнем Солнце его пронизывают процессы жизни «в ином», «во внешнем», а через Ангелов — процессы ощущения. Они идут внутрь Солнца. Вся совокупность его монад есть один субъект, и в нем возникают внутренние ощущения, а вовне он выражает их в некоем подобии слова. Основа его речи — творящее в эфирном мировое Слово. Если обратиться к языку Аристотеля, то можно сказать, что Ангелы, как животная душа, действуют тогда в человеческой растительной душе. Вовнутрь их действие выражается как обоняние, вовне — как слово.

В зоне древней Луны на линию действия Ипостаси Христа встают Духи Движения и жертвуют свое астральное тело. На древнем Сатурне они находились в таком же положении, но были еще не способны на жертву. Они, по сути, являются отцами ощущений, симпатий и антипатий, которые внедряли уже в бытие Сатурна. На Солнце движение ощущений (в астральном) вызвало эфирные движения в физических телах монад, подобные движению соков в растениях. Иными словами, их душевное действие вызвало в физических фантомах жизненные процессы. На древней Луне астральные тела человеческих существ приобрели душевные качества: процессы в эфирно-физической телесности стали вызывать в них чувства удовольствия и неудовольствия. Выступление Духов Формы преобразовало эти чувства в первые зачатки вожделений. Но поскольку Духи Формы своей субстанции человеческим существам не отдавали, то вожделения носили инстинктивный характер, ибо инстинкт — это деятельность, происходящая в человеке, но не являющаяся его собственной.

Далее на астральное тело начинают воздействовать Духи Личности, и оно приобретает благодаря этому способность относить к себе переживания удовольствия и неудовольствия. В такой конstellации (рис. 29, третья часть) Духи Движения и Духи Личности находятся в Импульсе Христа и насаждают в человеческие существа зачатки индивидуализированных ощущений, а между ними выступают действия, проистекающие из Импульса Святого Духа. Будучи опосредованными Духами Формы, они чисто астрально рожают инстинктивную сферу. В зоне Земли деятельность Духов Формы переходит в сферу Христова Импульса и одаряет человека искрой Я.

Действия, проистекающие на древней Луне из сферы Отца, опосредуются Архангелами: в эфирных телах человеческих существ они вызывают такую внутреннюю жизнь, которая в физических телах возбуждает движение соков и процессы роста, т. е. они имманентно вносят жизненный принцип в само физическое тело, в Отчее творение. Духи Мудрости, стоящие в этой же линии действия, вносят в эфирное тело зачатки души рассудочной, т. е. пронизывают часть человеческого эфирного тела зачатками индивидуального сознания. Такое сознание имагинативно и всеобщее, но индивидуализированные ощущения, идущие из физического, позволяют человеческим существам переживаемые имагинации в какой-то мере относить на свой счет, чему способствуют Духи Формы. Действуя из Импульса Святого Духа, они насаждают в астральном теле зачатки души ощущающей. Однако личностный характер и душе ощущающей и душе рассудочной придают Ангелы, стоящие в линии действия Импульса Христа. Благодаря

этим душам Ангелы находят отношение к Самодуху, что для человеческих существ равнозначно первому соприкосновению с духом.

Это состояние можно пояснить рисунком (см. рис. 30). С его помощью дано дополнительное раскрытие части того, что было изображено на рис. 29. Нам теперь становится понятнее совершаемая действием Иерархий метаморфоза высшего в низшее.

Тройственный дух, опускаясь вниз, закрепляет чувственную реальность, которая, действуя зеркально, обуславливает вверх возникновение тройственной души. Она рождается в «потустороннем» как новое творение и вначале всецело живет в существе Ангела.

В земном эоне, когда человек овладевает индивидуальным «я», перед ним встает задача овладеть обоими аспектами своей души: земным и небесным. А то положение, которое на древней Луне занимала душа, на Земле занимает человеческий дух.

Ангелы на Земле овладевают индивидуальным Самодухом и, как таковые, представляют собой человеческое высшее Я. По причине же того, что основой индивидуальной духовной деятельности — мышления — становится физический мозг, они действуют из сферы Отца (но в астральной субстанции). В человеке земного эона должен развиваться еще третий член души — душа сознательная. А если к этому добавить ту опору земного человека, которую образуют три царства природы, то мы получим полный образ земного эона (рис. 31).

Напомним (для дополнительных размышлений), что в ряду великих метаморфоз Земля является четвертым эоном, которому предшествовал лунный эон, синтезировавший развитие первых двух эонов. По сравнению с земным состоянием, где в человеке, в центре двенадцати восприятий чувств, рождается и укрепляется низшее, но индивидуальное «я», на древней Луне его место занимало «Я» Ангела. Очевидно, по этой причине и сам круг восприятий чувств имел иной вид, и функционировал он по другому, но то состояние, в полном смысле слова, было предвосхищением земного. Однако, чтобы продвинуться в его понимании еще на шаг, необходимо подвести небольшой итог проведенных рассматриваний.

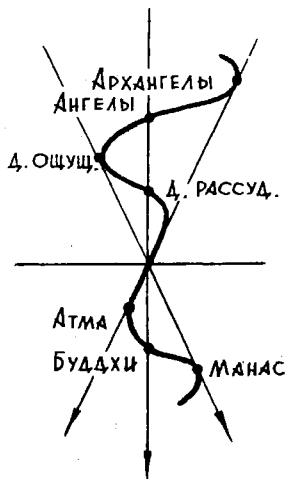

Рис. 30

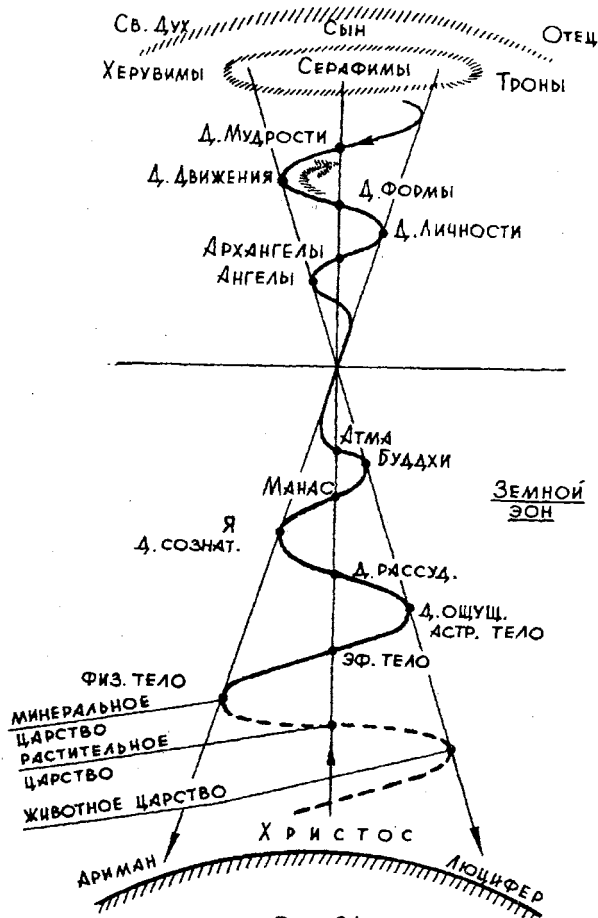

Рис. 31

4. Жизненные процессы и восприятия чувств

ОТМЕТИМ ЕЩЕ РАЗ, что все бытие мира, в каких бы формах и на каких бы уровнях оно ни протекало, образовано из существ и совокупностей существ. Даже Иерархии суть не что иное, как членами Мирового Тела Бога, будучи духовными существами разной степени совершенства и силы. Ими образованы высшие астральные и эфирные миры, из которых они вычлениют более низкие эфирные и астральные миры, как сонмы ниже стоящих, служащих высшим, духов. Взаимодействием всех Иерархий и других родов духовных су-

шеств творится еще один род — человеческий и подготовляются еще три, до поры до времени служащие творению человека. Общий принцип творения осуществляется следующим образом: «Сначала Святой Дух совершает работу в астральной субстанции. Затем связанный с астральной субстанцией Дух вращивается в эфирную субстанцию — это уже деятельность Сына (вспомним еще раз икону Рублева. — *Авт.*), а затем приходит Отец, который овладевает физической телесностью. Так в три ступени построен Макрокосмос: Дух, Сын, Отец. А человек, когда он вращивается в высшее, идет от Духа, через Сына, к Отцу» (93; 9.X).

Следует еще отметить, что в праначале также стоит воля Отца, но там она обладает чертами Триединства. Когда же мы говорили о субстанции Духов Воли, то необходимо иметь в виду, что хотя в дальнейшем она и претворяется в физическое, но в своем начале, несомненно, обладает астральной природой. В ней выражаются мудрые замыслы Духа, намерение Отца и жертвенность Сына. Она образует основу для себя-созидания 2-й Иерархии. Третья Иерархия несет творению (человеку) откровение высших миров, наполняет его Духом (136; 7.III). Такое взаимодействие оказывается возможным благодаря тому, что все пребывает внутри единого Бога.

Когда на древнем Сатурне к Я-сознанию восходят Духи Личности, это означает, что Божественная Троица открывает в Своей Сущности некий орган восприятия, который воспринимает время и сам есть время-существо. И если бы время не было существом, мы не обладали бы его понятием. Говоря в подобном же духе о глазе, мы должны иметь в виду, что он, в конечном счете, «состоит» из всего человека. Ибо остановись наше дыхание, прекратись кровообращение — и глаз отомрет. Но кроме того он «создан светом и для света», т. е. является еще духовным существом в составе человеческого духа.

Аналогично этому и Духи Личности, вводя на древнем Сатурне Божественное во временное становление, Самого Триединого Бога имеют как свое высшее существо. В цикле лекций «Теософия розенкрейцеров» Рудольф Штайнер говорит, что Духи Личности членами своего существа имеют: Я, Манас, Буддхи, Атма, так называемые три Логоса, под которыми древняя эзотерика понимает Духа, Сына и Отца. Архангелы на древнем Солнце нижним членом своего существа имели астральное тело, но не достигали Ипостаси Отца. Их астральное не достигает той высоты, на которой в нем могут осуществляться принципы физического бытия. Их астральность, скажем, планетарного, а не зодиакального уровня. Подобным же образом и Ангелы на древней Луне овладевают эфирным телом как своим непосредственным достоянием, но Ипостаси Сына своим существом не достигают (99; 2.VI). Их эфирное иное, чем у второй Иерархии.

На древней Луне человек нижним членом своего существа имеет физическое тело. Оно становится его достоянием, служа одновременно Иерархиям органом восприятия. Подобную же роль оно продолжает играть и в земном зоне, только органы чувств здесь свидетельствуют о физической реальности не косвенно, через имажинации, а непосредственно, будучи открытыми вовне, и служат они человеку. Никакие существа во Вселенной, кроме человека, не имеют непосредственных восприятий чувственного мира. Иерархиям человек служит своим познанием.

Овладение физическим телом на древней Луне означает выработку человеком собственных жизненных процессов. Их деятельность переживают Ангелы в астральном теле человека, переживают как восприятия чувств. Встающее в них является внутренней, духовной стороной бытия, но косвенно (через человека) обусловленной наличием внешней, физической, стороны. Иными словами, Иерархии творят новый мир, но единственный для них способ познать его — создать в нем существо его рода и одновременно подобное себе, обладающее автономным сознанием, для чего, в свою очередь, необходима автономная жизненная основа. *Человек представляет собой плод стремления Иерархий проникнуть в чувственную реальность.*

Рудольф Штайнер говорит о семи жизненных процессах, из которых складывается вся жизнедеятельность человека. Первый из них возник при соприкосновении монад с внешним миром древнего Солнца. Им было дыхание, одновременно выполнявшее функцию питания. И лишь на древней Луне оба процесса разделились. Обособление человеческого существа от внешней среды привело к образованию (уже на земле) внутреннего тепла, процесса согревания. Потом образовались процессы выделения, включающие в себя и секрецию желез. Процесс поддержания физических органов развился в самостоятельный обмен веществ. Наконец, в человеке происходят процессы роста и размножения.

Все семь процессов существуют не разрозненно, а образуют единую жизнедеятельность. Все начинается с принятия внутрь внешних субстанций; затем они переходят во внутренние процессы, выходят вовне. Тут важно отметить, что по такому же принципу функционируют и органы восприятия чувств (см.рис.27).

На древней Луне жизненные процессы составляли основу душевной жизни человеческих существ, рождая в ней вожделения, симпатии и антипатии. Подобного рода связь сохранилась и на Земле: например, затруднения в дыхании могут рождать чувство страха, а страх — сопровождается выделением пота. Но, как новое, у земного человека сформировалась самостоятельная сфера душевной жизни, которая лишь, так сказать, одним краем примыкает к жизненным

процессам. В то же время без обращения к ним знание о восприятиях чувств останется половинчатым.

Рудольф Штайнер дает два, на первый взгляд, значительно отличающихся один от другого перечня жизненных процессов. Приведем их в сопоставлении.

1. Дыхание	Жизнь чувств — умирающая жизнь
2. Согревание	Жизнь нервов — сохраняющая жизнь
3. Питание	Жизнь дыхания — образная жизнь
4. Отделение (разъединение)	Жизнь циркуляции
5. Поддержание	Жизнь обмена веществ — материальные органы
6. Рост	Жизнь движения — силовая жизнь
7. Репродукция	Жизнь репродукции — обновляющая жизнь

(170; 12.VIII. 208; 29.X)

Очевидно, что оба ряда взаимодополняют и объясняют друг друга, при этом второй более раскрывает внутреннюю суть и эволюцию жизненных процессов. Вспомним, например, что когда на древнем Солнце возник обмен с внешней средой, то он был одновременно и процессом дыхания, и процессом питания, а еще рождал внутри монад образы окружающего мира.

Первая вспышка взаимообмена с внешней средой возникла уже на древнем Сатурне, и он напоминал дыхание. А все восприятия чувств, надо заметить, подобны тонкому дыханию: мы вдыхаем запахи, цвета, тепло. Поскольку этот процесс — самый древний, он сопровождается умиранием нервов, но лишь в том случае, когда осуществляется не в грубой форме вбирания внешних веществ (питание и т. п.).

Жизнь нервов поддерживает жизнь восприятий. Когда мы говорим об умирании нервов в процессе нервной деятельности, то имеем в виду, что это происходит по причине деятельности, а не из-за самих нервов. Дегradирует высшая нервная деятельность, направленная на чувственный мир, а нервы, умирая, поддерживают ее. С переходом же к сверхчувственным восприятиям и имажинативному мышлению человек вновь отождествляет свои восприятия с жизненными процессами, как это было в прошлые эпохи, однако не только сохраняет, но даже возвышает свое индивидуальное начало за счет соединения сознания с бытием.

Но когда развитие еще направлялось сверху вниз, человек овладевал эфирным телом, устойчивость которому дал Жизнедух на древнем Солнце, а в дальнейшем оно было закреплено образованием нервной системы. Она явилась продолжением органов чувств внутрь человека. С образованием астрального тела и Самодуха в человеческих существах стала развиваться образная жизнь. Дыша-

питаясь (воспринимая), они переживали иманигитивные образы окружающего мира. С отделением Солнца от древней Луны в человеческих существах развилась смена двух состояний сознания. Под влиянием оставшихся с человеком Духов Формы она сопровождалась усилением процессов циркуляции, что, в свою очередь, повлекло за собой оплотнение материальных органов, развитие жизни обмена веществ. Человеческие существа делались все подвижнее, в них даже в плотной физической вещественности стали развиваться процессы роста и размножения. Последнее осуществлялось под водительством Ангелов. Своим Самодухом они сводили воедино опыт тонких восприятий, развивавшихся в зачатках души ощущающей и души рассудочной, где рождались образные представления, тесно связанные с жизненными процессами, способные сильно влиять на них, — и на их основе подвигали физическое к размножению-обновлению. Рудольф Штайнер в «Очерке тайноведения» уподобляет этот процесс некой смене «кожи». — Возвращаясь от солнечного сознания к лунному, человек тогда обновлял свою эфирно-физическую телесность, производя не новое существо, а самого себя в новом телесном облачении. Что касается восприятий чувств, в которых открывалась деятельность высоких Иерархий, обуславливающих само бытие жизненных процессов и воспроизводящих их органов жизни, то в центре их на стороне человека стояло Я Ангела. При этом, как мы отметили, с одним из жизненных процессов Ангел был связан особенно тесно, а именно — с репродукцией, где находилась исходная точка отношения Ангела, группового Я, к отдельным его носителям. И там, на стыке физического и эфирного, возникало чувство вкуса.

Впервые оно проявилось на древнем Сатурне при «овнутрении» субстанции Духов Воли. На древней Луне это «овнутрение» зашло так далеко, что Иерархии уже не могли вести оплотневшие субстанции непосредственно сами и потому отделили их от себя — породили сонмы так называемых элементарных духов, носителей вещественности физического мира, составляющих ее истинную реальность.

Итак, элементарные духи существовали уже на древней Луне. И когда человеческие существа начали там вбирать в себя внешние вещества, они вместе с ними вбирали и элементарных духов. В животнорастительном царстве древней Луны элементарные духи некоторым образом находились в ведении Духов Личности, в минерально-растительном — Архангелов. Проникая в человека, они приходили в отношение с существом Ангела, который изнутри, в человеке испытывал их воздействие на свое «Я». Это воздействие и было чувством вкуса. Далее в подобном же роде шло восприятие света, тепла и звука. Там, где под знаком Духов Движения формировался процесс дыхания, «Я» Ангела переживало переход от

внешней жизни в человеческих существах к их внутренней жизни — Самодух Ангела соприкасался с Самодухом самих человеческих существ. Между ними устанавливалось равновесие. Далее Жизнедух человеческих существ соприкасался с Самодухом Ангела и возвращался к себе. Ангел же переживал лишь внешнюю сторону этого соприкосновения. В сфере Духочеловека Самодух Ангела «овнутрялся» Духом Воли. Происходило взаимодействие, противоположное тому, которое имело место в чувстве вкуса, где Ангел извне испытывал воздействие элементарных духов. Теперь Самодух Ангела сам оказывал воздействие на Духочеловека, но внутри человеческого существа. Так возникло обоняние.

Восприятия чувств человеческого существа на древней Луне носили всецело внутренний характер, они были все «осязательны» по своей природе. Взаимодействуют, по сути, высшее Я и ряд модификаций осознания. Лемническая восприятий чувств имеет на древней Луне следующий вид (см. рис. 32).

«Я» Ангела действует в ней подобно высшему Я земного человека, а более высокими Я по отношению к нему встают Я высших Иерархий. На линии их взаимодействия и ткется цепь органов восприятий чувств, т. е. само физическое тело. И ткется оно через развитие жизненных процессов. Важно заметить, что уже на древней Луне движение идет не по кругу, а по лемнискате, в которой внешняя кривая обусловлена действием Самодуха, а Жизнедух и Духочеловек образуют по отношению к нему некое внутреннее лунного мира. Еще необходимо отметить, что в зоне древней Луны указанный ряд восприятий чувств можно поставить в прямую связь с семью вышеприведенными жизненными процессами, но так, что позади осязания действует репродукция, а позади чувства зрения — дыхание, т. е. лемниската жизненных процессов уже в зоне Луны выходит вовне.

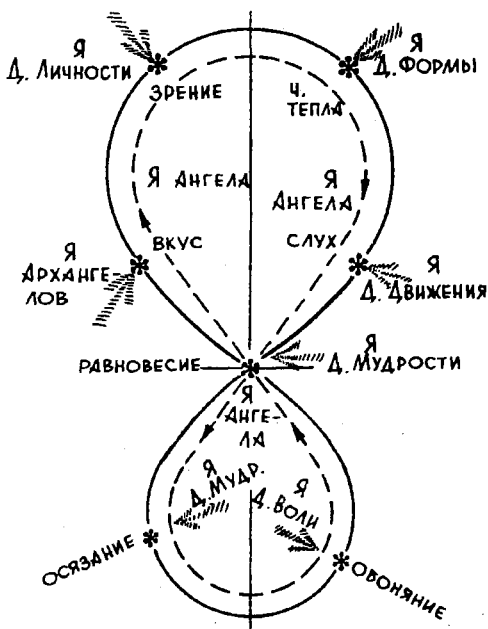

Рис. 32

5. Мировые троичности

В земном зоне человек одаряется четвертым членом своего существа — Я, и оттого меняются все его внешние и внутренние взаимосвязи. Прежде всего, органы чувств открываются для внешних восприятий, что происходит благодаря отделению жизненных процессов от органов чувств. Отныне те и другие идут раздельными путями, где претерпевают метаморфозы неодинакового рода. Они расходятся так далеко, как далеко отстоят друг от друга мир неподвижных звезд и мир планет.

Существо Ангела и на Земле долгое время пребывает в людях как групповое Я, но, начиная с Мистерии Голгофы, развитие человека резко меняется. Христос как Духочеловек воскресает в физическом теле человека и тем приводит к окончательному воплощению то, что было пожертвовано Духами Воли на Сатурне. Для человека открывается перспектива подняться в тот круг, куда ранее уже вошли существа 3-ей Иерархии (см.рис.6 и 14). Через жертву Христа ему дано причаститься Высшего Триединства, а со временем приобрести три Логоса как еще более высокие, чем Манас, Буддхи и Атма, члены своего существа и, пусть в весьма отдаленном будущем, сущностью уподобиться триединому Богу.

Начало нового пути таково, что человек в своем душевном элементе приобретает черты макрокосмического существа — его система восприятий чувств становится двенадцатичленной.

Мистерия Голгофы образует узел лемнискаты развития, через который три предыдущие зона метаморфизируются в три последующие. В ней прошлое — одарение монад зачатком Духочеловека — соединяется с будущим — с полным сознательным овладением человеком своим Духочеловеком. Христос соединил прошлое с будущим в акте овладения Духочеловеком одной индивидуальностью, Иисусом из Назарета, когда пронизал Своим Я его физическое тело. Без этого акта путь из нижнего круга лемнискаты в верхний остался бы навеки закрытым. Вернее сказать, силой ранее воплощенных в земной зон закономерностей человек в любом случае развил бы тройственную душу и соединил бы с нею дар Духов Формы, но силой ариманической и люциферической тенденций был бы душевно-духовно растерзан надвое (см.рис.31). С одной стороны, силой ариманической тенденции человек стянул бы свое высшее Я в сферу внутренних чувств и замкнулся бы в нем в чисто животном существовании, а Ариман в даре Духов Формы господствовал бы над человеческими существами как их групповое Я (см.рис.27). С другой стороны, через сферу внешних чувств человек растворился бы в люциферической иллюзии внешнего мира, вновь стал бы всечеловеком, с той лишь разницей, что его единым Я был бы Люцифер. Но

произошло иное: Христос встал между Люцифером и Ариманом и претворил грехопадение — следование древним законам эволюции — во спасение: следование в эволюции за Самим Христом. Что произошла смена законов развития, понимал уже апостол Павел и довольно откровенно выразил в своем Послании филиппийцам. «...Как фарисей, — пишет он, — шел (я) путем закона. ...А поскольку на пути закона достижимо совершенство, то считался безукоризненным.

Но все, что я некогда считал своими благоприобретенными преимуществами, на пути Христа мне пришлось познать как препятствия и недостатки. И поныне я вижу в том одни лишь препятствия, после того, как мне в полноте открылось духовопознание Иисуса Христа, моего Господа. Ради этого познания должен был я идти обходными путями. Теперь же они потеряли для меня всякое значение. ...Не та моя справедливость, которую находят через закон, а та, которой я достигаю благодаря вере во Христа. Это есть истинное высшее бытие, которое выпало мне на долю от Бога за веру. Из него проистекает познание Христа, а также сила, возведенная Его Воскресением. Благодаря этому мне понятна тайна приобщения к Его страданиям, через которые я со-образовался (*hineingestaltet*) с Его смертью и, может быть, благодаря этому врасу также и в Его Воскресение, в Его победу над смертью» (3;6-11. Согласно переводу Эмиля Бокка).

Итак, «тайна приобщения к Его смерти» образует четвертое звено мировой метаморфозы. Через него не пройти, не перенести точку опоры с природного, телесного, кровного, наследственного на духовное, свободное, индивидуальное. Совершить же все это и означает «умереть во Христе». От Отца через Христа к Святому Духу — таковы три элемента семичленной метаморфозы. Внутри ее человек оказывается поставленным в отношение к другой тричности: Люцифера, Христа, Аримана. Первый тянет назад, желая вернуть душу к былому одухотворению. Последний желает перескочить в будущие зоны, минуя то, что вносит в эволюцию Христос; Ариману нужно умное животное. Христос спасает человека, взаимоуравновешивая односторонние тенденции и ставя в центр человеческое «я», воспринявшее в себя Его Я. Не бегство от искусителей, а умение взаимопогашать их намерения составляет истинную христианизацию души. Но чтобы это осуществлять, мало одних сентиментальных увещаний, необходимо понять существо христианизации мира и человека, понять с помощью учения о метаморфозе.

В эволюции мира метаморфоза осуществляется, как мы уже понимаем, одновременно и трансцендентно и имманентно. В уже знакомой нам «чаше» семи эонов (см. рис. 4,6) одного рода развитие

идет от зона к зону через пространственно-временные состояния, разделенные пралайями. Внутри этого развития действует то, что мы называем законами природы. Но над ним также царит никогда не прекращающееся, назовем его трансцендентным, регентство Святой Троицы, что силе нисхождения в материю, обусловленного эволюцией видов, противопоставляет силу восхождения через одухотворение. Однако и тут отношения постоянно меняются (рис. 33 а, б). У нас уже шла речь о том, каким было высшее регентство в течение трех первых зон. Благодаря ему возник человек физического, эфирного и астрального тел. То было имманентное откровение Бога, и в нем зародилось индивидуальное сознание, встала задача его высвобождения из сферы инобытия. Эта задача будет решаться до конца эволюционного цикла, поэтому вплоть до седьмого зона

Рис. 33, а

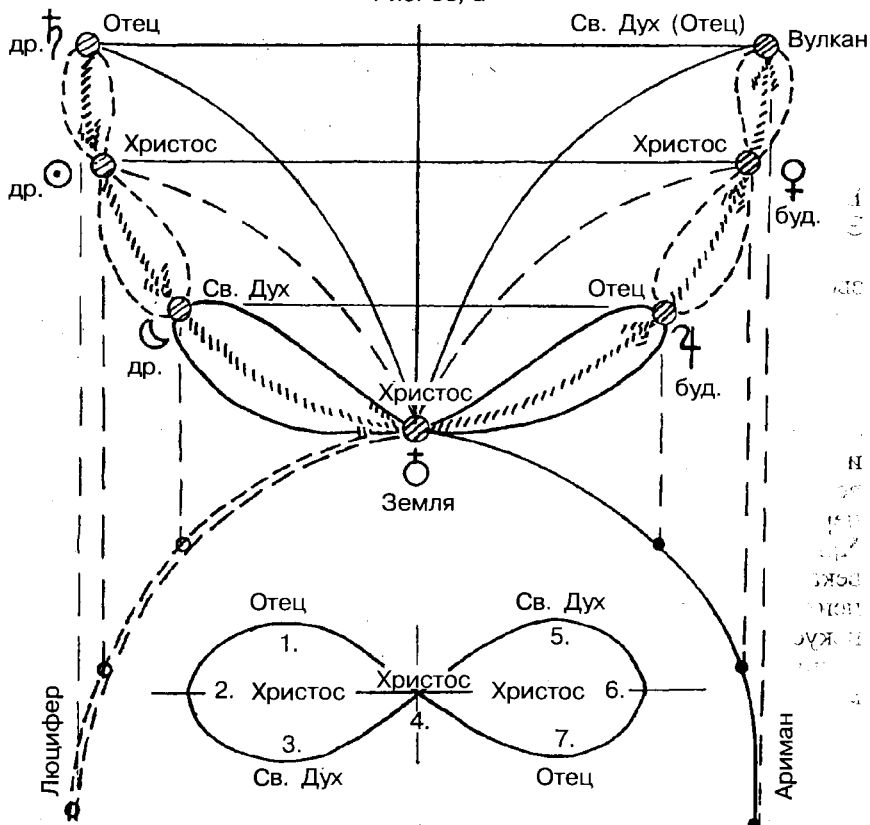

Рис. 33, б

сохранится принцип действия трансцендентного в имманентном. Единый и законченный характер ему придает вочеловечение Христа в земном эоне, что внутри имманентной эволюции придало решающую роль эволюции трансцендентной, которой и возвышается человеческий дух.

Через Христа Отчий принцип древнего Сатурна воссоединяется с принципом Святого Духа, который восторжествует в человеке на будущем Вулкане. Такая расстановка сил образует прафеномен закона метаморфозы (рис. 33, б).

Наравне с действием высшего провидения, в эволюции постоянно нарастает противодействие ему со стороны инобытия. Люцифер после Мистерии Голгофы больше не хочет движения эволюции вперед и стремится увести ее назад к состоянию древнего Сатурна, поскольку через абстрактный дух человека получил доступ к мировой астральной субстанции (дереву познания). Ариман стремится увести эволюцию в подфизическое, порождая некоего рода противо-Юпитер, противо-Венеру и так вплоть до 8-й сферы, куда он надеется стянуть мировую эфирную субстанцию (дерево жизни). Христос, пребывая в точке соприкосновения обоих противоимпульсов, приводит их к взаимопогашению.

Эволюция, протекающая в пространстве и времени, отныне без воскресения силой Христа угрожает человеку духовной смертью; в то же время, без нее человек не созрел бы до того состояния, когда становится возможным истинное воскресение.

Христос ведет человека путем развития его жизненных сил, что на будущей Венере увенчается овладением индивидуальным Жизнедухом. Началом этого пути явилось развитие на древней Луне семи жизненных процессов, бывших одновременно и восприятиями чувств. В земном эоне к семи лунным проявлениям человека добавляется двенадцать новых. Они-то и образуют основу индивидуализации человека. Чтобы понять всю их совокупность, вспомним лемнискату лунных чувств (рис. 32) и представим себе ее примыкающей к лемнискате земных чувств (рис. 27) — тогда для получения образа земного человека необходимо нижнюю лемнискату повернуть внутрь верхней. Вся она в таком случае становится своего рода «планетной системой» внутри «Зодиака» восприятий чувств, т. е. мы тогда получим некую метаморфозу того, что было изображено на рис. 25. Там была изображена общая картина процесса посвящения, которая в новом образе получает дополнительную конкретизацию (рис. 34).

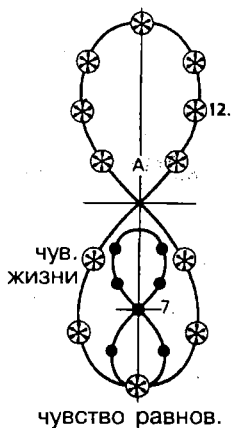

Рис. 34

Интерпретация нового образа может быть чрезвычайно обширной, поскольку в нем открывается новая грань почти всего, о чем у нас шла речь до настоящего момента. Однако вряд ли нужно совершать такую работу во всем объеме; при желании ее может сделать каждый, понявший предыдущее. Мы коснемся только совершенно новых сторон полученного образа, причем некоторые из них будут раскрыты только в следующих главах.

На данном этапе наших рассуждений нам в первую очередь важно понять значение деяния Христа в формировании двенадцатичленной системы чувств. Исходным здесь является то, что мир от начала творится триединым Божеством, и поэтому в основу системы чувств, наравне с тем, что ведет ее к упадку, заложены импульсы ее возвышения. В первой фазе ее становления, как мы уже отмечали, необходимо на первое место поставить чувство осязания, ибо в соприкосновении высшего Я с внутренним миром души, заключенной в земную оболочку, лежит начало развития всех остальных чувств. С другой стороны, мы показали их связь с Иерархиями. И если теперь попытаться увидеть роль высшего Триединства в этой общей картине, то она может быть выражена примерно так, как показано на рис. 35.

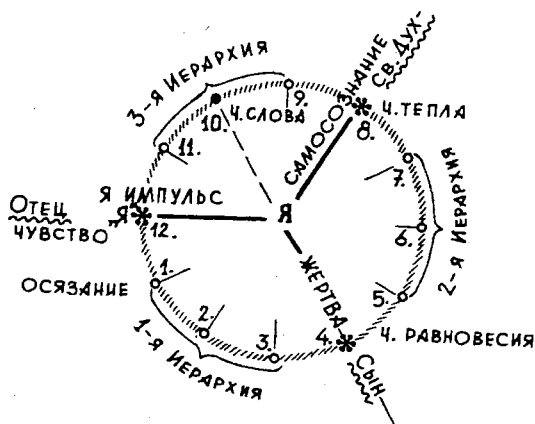

Рис. 35

Связи Иерархий с системой восприятий чувств многообразны, и некоторые из них мы еще рассмотрим. Изображенное на рис. 35 представляет собой нечто исходное, ибо в том, что мы здесь имеем, отражен принцип троичности, который разворачивается в семейность, а далее — в двенадцатеричность. Импульсами трех Логосов закладывается основа самосознающего «я». Между их импульсами идет работа Иерархий. Полученная нами картина указывает на

основание, по которому божественные существа разделяются на три Иерархии. Через них высшее Единство приходит к тройственному откровению, которое действует через все сферы бытия. Но в его тройственности всегда присутствует единство. Оно-то и образует четвертый принцип — *многоестественность сотворенных «я»*. В человеке путь к «я» лежит через выработку семи жизненных процессов.

Итак, три великих импульса в круге восприятий чувств рожают некий центр, в котором сначала обитает «Я» существа Ангела. От него действие снова идет к периферии — к развитию во времени, и рождает семь жизненных процессов. Далее действием всех 12-ти ступеней Иерархий (Божественная Троица образует в таком случае три верхних ступени) из жизненных процессов формируется система восприятий чувств. Действуя от периферии к центру, они рождают в нем индивидуальное «я». Этот второй процесс мы еще будем рассматривать подробнее, первый же, фактически, описан предыдущим изложением.

Если бы человек был навсегда закреплен в том состоянии, которое изображено на рис. 35, то он был бы идеальным отражением деятельности Иерархий, но никогда не выработал бы индивидуального «я», т. е. никогда не привел бы свою троичность к единству. Поэтому после Мистерии Голгофы существо Ангела, как сущностное наполнение «я», вышло из него и осталась одна оболочка «я», сотканная из опыта восприятий чувств, мыслей и т. д. С другой стороны, за внешним покровом мира человеку повсюду предстает Христос, ставший после жертвенной смерти Духом Земли. Человек, как природное существо, также пронизан Христом, но не в своем индивидуальном, ибо для этого ему необходимо обновить свою душевно-духовную жизнь, — в первую очередь за счет развития всей системы восприятий. В таинстве причастия освящаются вещества Земли — они становятся плотью и кровью Христа. Далее причастие должно охватить все восприятия чувств и стать духовным. Причастием должны стать чувства, мысли и поступки. Тогда Импульсом Христа будет охвачен весь человек и его «я» станет субстанциональным.

Подверженные действию Люцифера и Аримана, восприятия чувств уже понемногу отмирают. Через какое-то время, говорит Рудольф Штайнер, люди перестанут видеть краски. Весь мир предстанет им черно-белым. Придут в упадок и другие чувства, а вместе с ними и весь физический мир Земли. Человечество, по сути, находится как бы на исчезающей льдине. Весь земной мир восприятий возник лишь как средство, и он неизбежно прейдет. За отпущенное человечеству время оно должно успеть воспользоваться опытом восприятий, чтобы с его помощью развить «я» и взойти к

сверхчувственным восприятиям. В этой работе ему протянута рука помощи. Жертва Сына соединяет самосознание с высшим Я. Но чтобы эту Жертву принять в индивидуальное «я», необходимо духовное познание соединить с любовью, т.е. учиться подражать Христу.

6. Действие древних тенденций развития в земном эоне

ПО ОКОНЧАНИИ ЛУННОГО ЭОНА все оплотневшее бытие было растворено, одухотворено и поднято на высший Девахан. Подобное же произошло и с тройственной телесностью человека, благодаря чему ей были напечатлены новые законы развития. В сфере исторического, культурного развития человечества и индивидуального развития человека возникла более свободная игра духовных существ. Но проявилось это в более поздние эпохи развития Земли, а вначале в течение колоссальных промежутков времени совершались процессы сгущения духа до состояния вещества. Единое человеческое существо едва касалось первой огненной вещественности. Но уже того касания было достаточно, чтобы Духи Мудрости одарили его эфирным телом. В результате в астральном теле, дарованном Духами Движения, пробуждаются зачатки индивидуальных ощущений, опирающихся на душу ощущающую, космически образованную еще на древней Луне. Возникающие в ней ощущения рождают имажинативные образы — предтечи индивидуальных понятий.

Когда теплота сгущается в воздух, то в астральном теле пробуждается зачаток заложенной на древней Луне души рассудочной. Сначала она пробуждается в более тонкой, астральной, а не эфирной субстанции человеческого существа. Переживая воздух как звук, душа рассудочная переживает, фактически, Логос, но опосредованный существами Архангелов. В действии теплоты душа ощущающая достигает, через Духов Личности, Импульса Святого Духа*. Чувства «я», надо полагать, в тот период еще нет. Оно подготавливается деятельностью Духов Формы, и с ним — душа сознательная.

При образовании воды эфирная часть человеческого существа начинает духовно светиться, что опять-таки представляет собой духовный эквивалент процессов, происходящих в водной среде. Возбу-

* На рис. 35 напротив чувства равновесия стоит чувство слова. Так опосредованно действует Ипостась Сына: Слово сначала рождает чувство равновесия, в котором человек приходит в соприкосновение с пространством. Действие чувства тепла более непосредственно.

дителями света являются Ангелы. Их восприятия-переживания рождают в астральном теле третий элемент души — душу сознательную, которой на древней Луне не было даже в зачатке. По этой причине потребовалось опосредование действия импульса Отца через две иерархические ступени, чтобы возник третий элемент души — самый высокий по своим потенциям и наименее развитый в первом своем явлении.

Если бы душа сознательная была создана на древней Луне Духами Движения, то троичность никогда бы не смогла развернуться в четверичность. Провидению пришлось бы после зона Луны начинать какой-то иной цикл развития, в котором человек хотя и уподобился бы Ангелу, но навеки остался бы несамостоятельным существом. Такое предположение можно сделать, желая уяснить роль души сознательной как некой «тверди» индивидуального в человеке. Внешне это выражается в том, что наряду с теплом, воздухом и водой появляется четвертый элемент — земля. Он имеет отношение к «я», рождающемуся в тройственной душе. Сама же душа подчинена тройственному принципу развития, являясь одновременно связующим звеном между тройственным телом и тройственным духом.

Через тройственную душу Иерархия Ангелов, Архангелов и Архаев находит связь с тремя первыми элементами Земли. Связь эта дает человеку быть. Но ему этого мало. Он должен еще и мыслить, а затем — мысля, быть. Поэтому стало необходимо, чтобы часть бытия отстала и образовала опору для восхождения человека, подобно тому как в прошлые зоны он сам был такой опорой. Таков закон развития, и он может быть выражен простейшим образом: в ряду существ нижние помогают верхним подняться на следующую ступень, а затем верхние приходят на помощь нижним и помогают им подняться на свое прежнее место. Снизу при этом помогает другой род существ и т. д.. В целом все оказывается взаимосвязанным*.

В явлении действие этого закона выглядит бесконечно сложно. Так, для того, чтобы под человеком и в самом человеке оказалась твердь, в начале земного зона стали разворачиваться многообразные грандиозные процессы. Духовный космос как бы выдохнул отставшую вещественность предыдущих зон, и она создала на Земле гигантские растительные процессы, где особую роль играл кремний. Потом растительность начала периодически отмирать, выпадать из сферы действия земного эфира, и тогда образовалось минеральное царство. Отставшая астральность, по мере того как «всечеловек» Земли отторгал ее от себя, слагала в зем-

* Когда из яиц, отложенных в песке на берегу реки, появляются маленькие черепашки, то крокодилы, поджидающие появление собственного потомства, берут их в пасть и бережно относят в воду.

ной вещественности животное царство. Сам человек тогда приходит во внешнюю связь с образовавшимися царствами природы. Первым родом такой связи является дыхание. Оно обособляется от душевной жизни, где прежде управление воздухом происходило с помощью духовного звука, т.е. сверхчувственно.

Вслед за тем характер внешних жизненных процессов приобретает обмен веществ и кровообращение. Их развитию сопутствовало выделение Солнца из Земли, после чего тепло приобрело столь внешний характер, что стало вызывать процессы сгорания; в результате этого и образовалось минеральное царство — зола. В человеке из тепла-огня образовался зачаток сердца; возникла ритмическая система. В нее-то Элоим Ягве и «вдунул дыхание жизни» (Быт. 2,7).

Когда к явлению в физическом мире пришел свет, в человеке образовался зачаток нервов. А когда пришла очередь звука, то он побудил субстанции и вещества к «танцу», вызвал в них движение, ритм; так образовалось белковое вещество, а с ним — земная жизнь человеческого физического тела, в котором первой образовалась кровь (тепло), потом нервы (свет), железы (вода) и последними — твердые образования (зола), которые и открыли органы чувств во внешний мир. Таким образом, развитие физического человека на Земле шло обратным порядком по сравнению с предшествующей эволюцией, где первыми возникли зачатки органов чувств (древний Сатурн), потом железы (Солнце), нервы (Луна) и, наконец, кровь (Земля).

Кровеносная система образовалась из эфирных тепло-силовых течений, составлявших всего человека. В первом своем зачатке она представляла собой всю систему органов чувств. Позже из нервно-световой системы образовалась система желез. Процесс шел таким образом, что в тепло-эфирной субстанции крови кое-что отстало, и это повлекло за собой ее материализацию. Параллельно процессу материализации шло образование нервной системы; чуть позже началось вычленение системы желез. И когда образовались железы, то и кровеносная, и нервная системы продвинулись еще на шаг дальше в материальное (102; 24.III). В основе метаморфоз крови стояли процессы в астральном теле, которые выражались в возрастающем вожделении воспринимать внешний мир. Вожделение воздействовало на всю цепь эфирных преобразований крови вплоть до образования органов чувств. Так, например, образовались глаза. А когда на них извне подействовала возросшая сила света выделившегося из Земли Солнца, то они открылись вовне. Гете говорит об этом процессе следующим образом: «...своим бытием глаз обязан свету. Из безразличных вспомогательных органов животного свет вызвал к жизни подобный ему самому орган; итак, глаз образовался из света, для света, чтобы внутренний свет выступил навстречу внешнему»⁹⁷.

Когда открылось чувство зрения, человек еще с трудом отличал внутреннее от внешнего, как это и поныне имеет место у новорожденного. Кроме того, где-то к середине жизни, как говорит Рудольф Штайнер, человек снова его терял — когда наступала пора образовывать зачаток нового физического человека. Зрение в ту пору было еще тесно связано с жизненным процессом роста. И глядя во внешний мир, человек видел не только физический свет, но и открывающихся позади него Духов Огня, Архангелов. Они открывались как служители более высоких существ, погрузивших вглубь человека искру Я (см. рис. 31).

Человек в то время уже отличал внутреннюю теплоту от внешних тепловых явлений, в которых открывались действия Духов Личности, но жизненный процесс питания был тогда еще тесно связан с переживанием чувства тепла. Однако, в отличие от древнелунного состояния, у человека на Земле развивалась душа сознательная. Ее деятельность идет в направлении выработки физического мозга, и вначале она представляет собой инструмент Духов Формы. Под их влиянием она образует мост, через который дарованный Духами Движения Самодух находит доступ к астральному телу человека. В конце концов, это воля Самодуха воспринимать физический мир раскрыла органы чувств вовне. Она через астральное воздействовала на эфирное и физическое, и в ее действии три души проявляются сверхчеловечески. Они магической силой вызывают во внешнем мире тепловые, световые и водно-воздушные действия. При этом и внутри человека, и вне его действует Я Духов Формы, опосредованное с обеих сторон действиями существ 3-ей Иерархии. Но еще тройственная душа берет на себя часть управления своей эфирно-физической телесностью, в результате чего действием тепла формируется кровообращение. И через чувство тепла осуществляется связь человека с Иерархиями. В тепле переживает он вхождение в себя божественной искры своего индивидуального начала, хотя отождествиться с ней еще не может. Дух Формы извне, действуя как бы сверху вниз, образует в душеместилище для Я — душу сознательную. Другая ее сторона обращена вниз, вовнутрь, к душе рассудочной и ощущающей, через которые восходит вожделение внешних восприятий, т. е. опять-таки действие Самодуха, но приходящее из астрального тела, инстинктивно.

Когда открывается чувство слуха, то извне через него человека достигают откровения существа Ангела, что, казалось бы, противоречит сказанному ранее, что чувство слуха стоит выше чувства тепла. В нем как будто бы должны являться откровения Духов Движения. Однако не следует забывать, что мы имеем дело с земным зоном (см. рис. 31). Лишь в начальный его период развитие восприятий чувств напоминает древнелунное. Но со вступлением в

человека Я весь процесс восприятий претерпевает метаморфозу, в результате которой меняется отношение человека к Иерархиям. Их действие в нем принимает характер двух идущих навстречу друг другу потоков, и в их взаимопроникновении складывается опыт низшего «я», всецело действующего в человеке*. Основу его составляют ощущения, доставляемые восприятиями чувств, из которых исчезают откровения Иерархий, а в их подоснове действует сверхчувственное существо самого человека. Тогда оно уже не может производить магических действий в окружающей среде. Вместо этого оно действует в процессах, ведущих к образованию восприятий чувств. Один их поток начинается внутри человека, в его физическом, эфирном и астральном телах. И прежде, чем он развился до своего современного состояния, в котором совершенно индивидуализировался, хотя продолжает нести в себе и свойства всеобщего, он проходил через промежуточное состояние. В нем, как мы уже выяснили, действовало четыре ингредиента; точнее говоря, можно насчитать пять и даже больше, только они существуют потенциально, в состоянии, переходном от эволюции Я Ангела к эволюции высшего Я человека.

Что же касается самого человека, то по отношению к индивидуализирующимся восприятиям он представлял собой некоего рода «эмбрион», и в той стадии может быть рассмотрен как пятичленное существо (рис. 36).

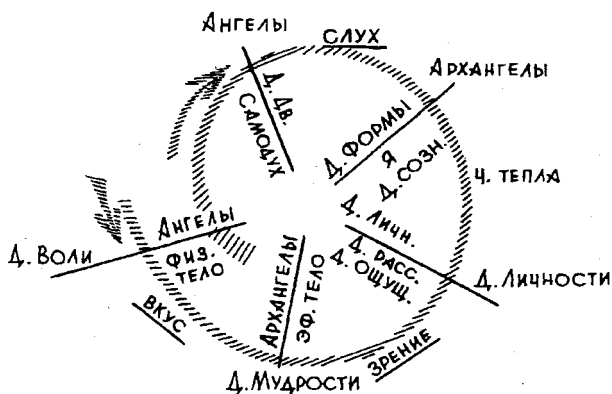

Рис. 36

В каждом из членов действует Иерархическое существо, вырабатывая жизненные процессы и органы восприятия. С другой стороны к человеку подступают внешние восприятия. Ими он как

* Приближенный образ их действия мы уже дали на рисунке в начале второй подглавки.

бы *воплощается* в свою телесность. Это воплощение также происходит под водительством Иерархий, но здесь род их действия прямо противоположен предыдущему. Ибо одно дело — эволюция человека как биологического существа, и другое — душевно-духовное воплощение. Для этого последнего переживание вкуса — первого из вспыхивающих в человеке восприятий чувств — является наиболее одухотворенным, и дается оно человеку на той древней стадии развития лишь в начале воплощения, а потом гаснет; да и на первой стадии представляется душе, скорее, «как воспоминания о переживаниях в бестелесном состоянии» (13; с.238). Но действие этого чувства в физическом — самое сильное. Именно под его влиянием тело оплотневает, материализуется.

В тесной связи с физическим телом возникает и чувство слуха, но его действие на тело — самое тонкое, и длится оно на протяжении всей жизни.

В дальнейшем то зачаточное состояние метаморфизуется в другое, с которого мы начали рассмотрение системы восприятий чувств. Только подошли мы к ней с другой стороны — со стороны Иерархий и многочленного существа человека. Рудольф Штайнер на основе сверхчувственного опыта раскрывает эту картину в лекции от 25 окт. 1909 г. (ИПН.115). Мы же пришли к ней логическим путем, взяв за основу принцип семичленной метаморфозы. Подобное обстоятельство, как нам представляется, не лишено значения, поскольку иллюстрирует действенность духовно-научного метода. Кроме того, Рудольф Штайнер не раз подчеркивал, что данные Духовной науки, после того как с ними ознакомились, могут быть получены чисто мыслительным путем, только, добавим, тут нужна еще одна логика, не формальная, а имажинативная.

Полученный нами результат важен еще и тем, что он позволяет понять, почему в указанной лекции Рудольф Штайнер дает некоторые несколько неожиданные связи. Например, он говорит, что в основе первых трех, наиболее смутных, восприятий чувств действует тройственный дух человека. Теперь мы можем это понять, проследив действие в земном зоне древних, возникших в предыдущие зоны, тенденций.

7. Томление — искупление — творение

В ЭВОЛЮЦИОННОМ РЯДУ Земля занимает четвертое место. Здесь человек обретает Я, что можно уподобить некой революции внутри эволюции, ибо прежде Я обретали лишь иерархические существа, т. е. *оно не выходило на другую, внешнюю по отношению к духу, сторону бытия*. Два первых зона пришли на древней Луне —

третьем зоне — к своему синтезу, ставшему выражением высшего Триединства. Самодостаточное изначальное бытие пришло к самодостаточному откровению, где все девять родов Иерархий пришли к Я. Этот мир, скажем, первого откровения, имел под собою чувственную реальность, как еще одно откровение Божие, сыгравшее для первого откровения роль, подобную той, которую мозг играет для мыслящего сознания.

Так возник дуализм двух откровений, двух реальностей. Они должны воссоединиться в высшем, в сущем, из которого произошли. Ключ к их воссоединению находится у человека, потому как мир Иерархий является для него одновременно и ноуменальным и абстрактным. Действующие в человеческом сознании силы реальны, но в то же время феноменология духа отлична от феноменологии чувственного бытия, несмотря на их общую пра-природу. Вся структура абстрактного мышления, данного в форме диалектической триады, не способна найти переход к чувственной реальности. Но при этом не идея для субъекта есть вещь в себе, а субъект для идеи. Его-то она и ищет через восприятия чувств.

Философия Гегеля свое средоточие имеет в трех категориях: бытия, небытия и становления. Идя от них, можно прийти только к другим категориям, а не к чувственной реальности. От фиктивного Я, в пределах его философии, нет возможности прийти к многообразию эмпирических индивидуальных «я». Все это происходит по той причине, что замкнутый круг трех первых зонов, как деятельность Иерархий, породил чувственную реальность как вещь в себе. Первоначально его отношение к ней выразилось в бытии отраженных, люциферических богов. Они-то и мыслят в человеческих абстракциях. Недостаточность этого мышления чувствовал Гегель, что и выразил в приведенном выше письме к Гете. Рудольф Штайнер выразил это другими словами. Он называет зон древней Луны «томлением» а зон Земли — «искуплением», из чего следует, что задача познания с переходом от логической триады к созерцанию включает в себя этический элемент. В триаде его нет, триада люциферична, потому и абстрактна; через четверичность она христианизируется — Люцифер обретает спасение, искупление, а человек — индивидуальное «я», таящее в себе, наравне с мышлением, отношение к сущему, к Я Христа.

Дуализм лунного бытия есть томление, томление низшего творения по индивидуальному духу и, одновременно, томление Иерархий по воздаянию за обретенное Я. Для высшей Сути это было томлением по высшему воссоединению, тождеству. И томление стало вожделением, сначала чистым, потом, под влиянием люциферических богов, — эгоистическим.

Духи Формы начали Мистерию наделения человека индивидуальным Я. Но творить они могли лишь из своего высшего совершенства, и потому дарованное ими Я могло быть только совершенным зеркалом Вселенной. Тогда люциферические духи пробудили в астральном теле возможность самостоятельно управлять образами сознания, развивать в нем свободную деятельность, но в отраженном бытии. При этом Я попало в зависимость от стоящего ниже его астрального тела, где по вине угнездившихся в нем люциферических существ возникла возможность заблуждения, неадекватного отражения высшей реальности. Обретая свободу, абстрактное мышление не могло быть истинным во всем, и для человека возникла возможность отпадения от Бога. Впервые такое возникло только в земном зоне. Своим духом человек здесь как бы уходит вниз на одну ступень дальше от Иерархий. У Рудольфа Штайнера, кажется, нет прямых указаний на эту мысль, но нашим рассмотрением эволюции мы образовали для нее определенные предпосылки.

Мы говорили о том, что действие высшего Триединства в эволюции было опосредовано 1-й Иерархией, но так, что сама Иерархия «лицезрела» Бога. Это значит, что существа Серафимов, Херувимов и Тронов, действуя в силе импульса одной из Ипостасей, были в то же время причастны ко всей полноте Триединства. Вторая Иерархия осуществляла замыслы творения и привела их к некоему феноменальному триединству, в котором индивидуальное Я обрели существа 3-й Иерархии. Таков был своего рода феномен в ноумене, если смотреть на него с точки зрения чувственного бытия. Мы уже не в первый раз касаемся вопроса о том, что феноменология духа не однозначна, а ступенчатая, ибо вопрос этот существенен для понимания бытия сознания. Обретение Я означало для существ 3-й Иерархии индивидуальное вхождение в единое Существо Бога, благодаря чему Божественное вновь пришло к всеединству, от которого оно отказалось еще до возникновения Сатурна. И когда мы говорим об абсолютном, необусловленном начале, то в бытии Сатурна оно имеет ограниченный смысл. Для философской рефлексии это так, для духопознания — иначе. Именно духопознанию открывается, что к моменту сотворения древнего Сатурна Божественное Триединство воссоединилось со 2-й Иерархией, 3-я же представляла собой некоего рода остаток предыдущего творения. Другое дело — пути, по которым могло пойти воссоединение этого остатка с Триединым Богом. Перед началом Сатурна таких путей существовало бесконечное множество, и выбор одного из них был делом абсолютной свободы.

В конце зона древней Луны 3-я Иерархия обрела отношение к трем Ипостасям как к высшим членам своего существа. С другой стороны, существа 3-й Иерархии стали нижними членами единого

Тела Господнего. В духовном мире, как уже отмечалось, существа состоят из существ, обладающих самобытием. И когда мы восходим к наивысшему, то оказывается, что это — существа, которые, «подобно тому, как человек одним из своих членов имеет физическое тело, имеют членом своего существа Духа Формы. Вместо того, что мы, люди, имеем как эфирное тело, эти существа имеют своим вторым членом Духа Движения». Родом их астрального тела является Дух Мудрости, души ощущающей — Дух Воли, души рассудочной — Херувим, души сознательной — Серафим; «...Как мы говорим о нашем Манасе, Буддхи, Атма... так взирают как бы из своего серафического элемента — как мы из души сознательной — эти сущности ввысь к изначальной духовности». Она же, говорит далее Рудольф Штайнер, столь высока, что к ней не подступить с нашими рассудочными представлениями. Исполненное благоговения отношение к Ней Христианство выразило говоря о «последовательности Святого Духа, Сына и Отца» (136; 7.III).

Такова природа божественных существ. Третья Иерархия обретает ее в ходе первых трех эонов. В них произошло восхождение Иерархий на более высокие ступени, что касается *сознания* иерархических существ. Само же их положение в течение первых трех эонов можно представить себе в известном смысле «закрепленным», т.е. в этих состояниях они однозначно включены в те сложные отношения, что развиваются между миром духа и материальной Вселенной. Восхождение Иерархий означает тогда обретение ими отношения ко всем трем Ипостасям Святой Троицы (см. рис. 29).

С наступлением земного эона коренным образом изменилось положение как многочленного человека, так и Иерархий. Чтобы обрести свободную духовность, человек всем своим существом ушел в материю на один шаг глубже — до минерального царства, в наибольшей мере «отпал» от Бога. Божественное же, мир Иерархий, подвинулось вниз вслед за человеком: «Царство Небесное приблизилось». Но приблизилось оно к человеку внешне, внутренне от него отдалившись. Для преодоления этого противоречия Христос нисшел в земное бытие (рис. 31). Его вочеловечение было подготовлено в мире Иерархий таким образом, что вся 3-я Иерархия свое преимущественное действие направила на астральное тело человека, 2-я — на эфирное; при этом Духи Формы, став в непосредственную связь с нисходящим к Земле Христом, даровали человеку Я. Первая Иерархия стала регентом-охранителем физического тела. Существенную роль играло также то, что существа 3-й Иерархии, уже в состоянии Я-существ, стали ближайшими посредниками между человеком и тремя Ипостасями Бога. В этой Иерархии, а именно в Ангельском чине, пребывает Христос после воскресения, в то же

время оставаясь соединенным со всеми царствами природы; во внутреннем же человека Он отразил чрезмерный натиск супостатов. Так замкнул Он воедино выси и глубины мира. И ныне в этом целом силой Христа совершается претворение низшего в высшее, зла в добро, материи в дух. Итак: *томление, искупление, претворение — таково триединство нового этапа эволюции.*

В эволюции многочленного человека на Земле особенно существенную роль сыграло выхождение Духочеловека из-под непосредственного действия Отчего начала, что проиллюстрировано рисунком 31. Произошло это по следующей причине. Изначальная жертва Духов Воли, став на Земле минеральным царством, уже не могла так пронизываться напечатленным ей Духочеловеком, как это еще имело место на древней Луне, где низшим было минерально-растительное царство, нечто среднее между современными минеральным и растительным царствами. На Земле минерал утратил эфирное тело и стал царством смерти, чем обусловлено рефлектирующее мышление, ибо выпадающая из жизненного процесса материя нервов отражает мыслесущество, чего не может делать органическая материя, в которой мыслесущество присутствует как принцип жизни — эфирно. Но в самом низу, фактически «на дне» мирового бытия, человек обретает индивидуальную идею высшего Бога. Пусть не совершенен отблеск мирового Я в человеческом мышлении, но он есть первое Его *непосредственное* явление в мире чувственной реальности «я». Пусть все в ней — одни лишь отражения, но потенциально в них для человека заключена возможность взойти к сущему. Потому-то и надеются отраженные боги завоевать высшую реальность. В отраженном сознании они стремятся занять место мирового Я, почему все ариманизированные и люциферизированные мировоззрения стремятся стать религией. Для ариманических духов возникает еще особая перспектива. Рудольф Штайнер говорит, что оставшие духи Личности (азуры) в недалеком будущем станут атаковать непосредственно человеческое «я», нанося ему непоправимый ущерб. Исходя из рис. 31, мы можем понять природу их действия. Человеческое «я», восходящее через душу сознательную к высшему Я, стоит на линии, где вверху действуют правомерные Духи Личности, а в оппозиции к ним, внизу, на стороне Аримана, стоят азуры. И те и другие имеют доступ через индивидуальное в человеке к его Я: через душу сознательную и опирающееся на физический мозг рефлектирующее мышление.

Отпадающее в силу минерализации от Духочеловека физическое тело было спасено Христом в деянии на Голгофе. *Всеобщего* Духочеловека Христос отождествил с *отдельным физическим телом* Иисуса из Назарета и тем открыл доступ к Духочеловеку, к телу воскресения, всем отдельным телам. Рудольф Штайнер говорит об

этом следующее: «...Из гроба восстало то тело, которое является носителем физически-материальных сил. Задуманное для человека владыками древнего Сатурна, Солнца и Луны поднялось из гроба, и это был чистый фантом физического тела со всеми свойствами физического тела. ...Мы можем представить себе следующее: подобно тому, как от тела Адама происходят тела земных людей, поскольку они обладают распадающимся телом, так от того, что поднялось из гроба, происходят духовные тела, фантомы всех людей», или новый Адам. «Мы должны мыслить то, что восстало из гроба, настолько растущим в числе, насколько размножается зародышевая клетка, лежащая в основе физического тела. ...Тело Христа Иисуса восстало из гроба и передается каждому, кто с течением времени усваивает себе отношение ко Христу» (131; 10.X).

В Евангелии говорится, что «Отец послал Сына в мир». Он послал Его, дабы Он взял в Свою сферу Духочеловека. И потому ныне Духочеловек возвращается к Отцу только через Сына. А вне Сына человека ждет лишь смерть без воскресения. Воскресший фантом (не следует пугаться этого слова из-за того смысла, который в него стали вкладывать ныне) физического тела — это чистая воля Отца; собственно говоря, в эзотерическом Христианстве Духочеловека и называют Отцом. В Принципе Отца, в Духочеловеке, как в Своем физическом теле, Христос нисходил к Земле через ряды Иерархий, но воплотился Он в теле Иисуса из Назарета как Жизнедух, оставив Духочеловека в мире эфирных сил — на Солнце. В физическом теле Иисус Христос соединился с общечеловеческим зачатком Духочеловека и пронизал его Своим Жизнедухом, макрокосмическим Я — ибо Христос есть Ипостась Единого Бога, — и вознес его как индивидуального человеческого Духочеловека в свою сферу Жизнедуха. Он воскресил бессмертную часть физического тела, оставив остальное — минеральную часть — смерти, единственной реальности нашего мира. Человеку следует понять, что для него смерть во Христе означает воссоединение с живым Отцом, характерным выражением Которого на Земле стала смерть. «Христос идет к Отцу, — говорит Рудольф Штайнер, — обвенчанный с Его Проявлением, со смертью, и образ смерти становится неистинным, ибо смерть становится именем нового Солнца в мироздании» (112; 6.VII).

В другом месте Рудольф Штайнер говорит: «Христос должен был войти во все то, что мы несем в себе как труп света (свет мы убиваем в глазу, дабы видеть), труп тепла, труп воздуха и т.д. Он стал родственен человеку благодаря тому, что стал родственным смерти. И мы должны чувствовать в нашей душе, что Бог должен был умереть, дабы наполнить нас, захваченных смертью через люциферическое искушение, и дабы мы могли сказать: Христос в

нас» (155; 16.VII). Да, человек не только подвержен смерти, но сам постоянно сеет смерть, дабы существовать как душа и дух — воспринимать и мыслить. Но в этом же самом действии состоит и борьба со смертью, ибо благодаря ему духовная деятельность переходит с физического на эфирный мозг. Мышление тогда, разумеется, перестает быть рефлектирующим. Придя к индивидуальному мышлению, человек, можно сказать, «воскрес» для свободы, но то было люциферическое воскресение, оно подтачивает жизненные силы, поскольку не ведет сознание к единению с бытием, а поддерживает первое за счет второго. Поэтому стало необходимо второе воскресение — в Святом Духе. Христос привел Иисуса — первенца из земнорожденных — к истинному воскресению. В результате эфирное тело Иисуса получило полное господство над физическим и восстановило все действовавшие прежде законы из собственных, эфирных сил, что и означает переход Духочеловека в линию действия Христовой Ипостаси (рис. 31). Когда Христос говорит: «Я и Отец одно», то это означает Их единство не только в вечности, но и в творении. Во втором случае оно есть восстановленное силами Жизнедуха физическое тело — Духочеловек. Этим, и только этим, открыт путь низшему «я» к высшему.

На древней Луне нервная система была пронизана Жизнедухом, по причине чего человек вообще не мог мыслить, а вместо восприятий чувств имел жизненные процессы. На Земле нервная система была отдана силам умирания, а жизнь ее осталась в духовном мире. Ее-то и принес на Землю Христос. Эта жизнь нервов должна была овладеть кровью, «...овладеть тем, что было разъединено в нас благодаря тому, что нервная система утратила свою космическую жизнь; жизнь стала смертью, а смерть — жизнью. И это обрело новую взаимосвязь благодаря тому, что не живет в нашей земной нервной системе, а спустилось к нам из Космоса, стало человеком, вошло в кровь; кровь же соединилась с Землей. Теперь мы, будучи людьми, можем выровнять полярную противоположность между нашей нервной системой и системой крови, приняв участие в Мистерии Христа» (169; 13.VI). Иными словами, силою Христова Жизнедуха, овладевшего человеческой кровью и очистившего ее от эгоизма вожделений, мы можем внести жизнь в мышление, перенести его в эфирное тело; тогда оно становится созерцающим, потом — имажинативным. Это последнее не порывает связи с нервами, но в них возникает не жизненный процесс, как на древней Луне, и не умирание, а идеальное восприятие. Так мы пришли к пониманию перемещения Жизнедуха в линию действия Ипостаси Святого Духа (рис. 31).

Силою Христа, Бога человеческого Я, Жизнедух в имажинации отражает нам космическую мудрость, входящую тогда в наше

астральное тело. В таком смысле следует понимать обещание Христа прислать «Духа Утешителя», Которого Он испросит у Отца, ибо Духочеловек после Голгофы находится в Жизнедухе. Когда же «Дух Утешитель» научит нас познанию Христа, мы сможем прийти к полному тождеству с бытием интеллигибельного мира, воссоединимся с Жизнедухом — взойдем на инспиративную ступень сознания.

Такова суть нового христианского посвящения. Возникает оно на вершине развития европейского духа. К началу IV в. до Р.Х., как говорит Рудольф Штайнер, т.е. через 300 лет после начала греко-римской культуры, человеческая мысль созрела до философии Платона. Через 300 лет после начала европейской культуры (она началась в 1413 году) эта мысль достигает своего апогея в Гегеле, открывшем, что жизнь в ткани мыслей есть, по сути, действующий дух. «Но что Гегель выразил столь трудно понимаемым образом, может быть облечено в слова:

*Вначале пребывает мысль,
И бесконечное есть мысль,
И жизнь мыслей есть свет «я».
Да наполнит светящаяся мысль
Тьму моего «я»,
Чтобы тьма моего «я» постигла
Живую мысль
И жила и ткала в ее Божественном начале» (152; 7.III).*

Так гласит, скажем, «возвратное» начало Евангелия от Иоанна — обращенное от человека к божественному миру. Оно выражает главную суть нового посвящения, отвечающего духу нашей эпохи и степени развития Христианства. В этой формуле раскрывается тайна Христова Жизнедуха, спасающего фантом человеческого физического тела, соединяющего человеческое «я» с Космическим Я, человеческое познание с Божественной Мудростью, Софией.

Ну, а что происходит, спросим себя, с человеком, не находящим отношения ко Христову Жизнедуху? В мышлении такой человек обращается на служение элементарному эгоизму души ощущающей, где действуют люциферические ангелы, стоящие в оппозиции к лучу Святого Духа (рис. 31). Такое мышление лишь все более и более подрывает жизненные силы. Но оно способно и на большее зло, примером чему служат социальные бесчинства нашего века, за которыми повсеместно просматривается черно-магический задний план; и они бесконечно возрастут, когда в дело будет пущен извращенный евгенический оккультизм. Мерой, противодействующей подобным манипуляциям, явилось *перемещение Самодуха после*

Мистерии Голгофы в сферу действия Импульса Христа. В ином случае, действуя именно через Самодух, можно было бы с ложными намерениями подобраться к «Древу Жизни». В своем новом положении Самодух служит познанию Христа. *Тогда в него, как в Чашу Святого Грааля, нисходит Божественное причастие, Жизнедух Христа. И поскольку Он нисходит из Ипостаси Святого Духа, то при крещении на Иордане встает образ голубя. По сути, Святой Дух, как Отец Христа, рождает Его, как Жизнедуха, в теле 30-летнего Иисуса из Назарета, в теле, подаренном Богом-Отцом на древнем Сатурне.* Это великое событие должен пережить каждый человек, идущий путем посвящения или путем синтеза Христианской культуры, науки и религии. Познание как причастие — вот то таинство, к которому должен взойти человек в своем индивидуальном культе. Тогда, как сказано, он будет поклоняться Богу «в духе и истине», «на вершинах». Такова религия будущего.

Христос принес на Землю также Свое макрокосмическое Я, в котором Он един с Отцом. И это Я жило в человеке Иисусе. Оно-то и перевело Духочеловека в сферу Жизнедуха, поскольку оно, как и Отчее начало, волевой природы, соткавшей физическую телесность человека. Навстречу этому Я в человеке, через сферы тройственной души, восходит субъективное «я». Первый толчок к его образованию был дан люциферическим искушением. Но уже в эпоху древней Греции оно запуталось в низшей природе астрального тела, что нашло свое выражение в таком явлении, как сибиллизм. В сибиллах беспорядочно, хаотически действовало все, что открывалось в чувствах, мыслях и воле.

В строгой оппозиции к ним выступила греческая философия, в значительной мере подготовившая человечество к пришествию Христа. Христос спас «я» от впадения в хаос, отразив натиск люциферического эгоизма, корнящегося в неочищенной крови, а с другой стороны — открыл путь к отделению жизни нерва от жизни крови, благодаря чему вместо земной реальности Отца — смерти — в нем открывается Его вечная реальность — космическое Я. Бесконечная любовь пронизывает льющуюся на Голгофе кровь, несущую в себе человеческий эгоизм. Благодаря этому в нее, как в индивидуально-человеческое, вносится принцип Божественного творения — жертва. Люциферический эгоизм, ведущий к смерти без воскресения, претворяется в безграничный альтруизм. И это есть новый фактор эволюции. «Как наша кровь, — говорит Рудольф Штайнер, — в форме эфира устремляется от сердца вверх, так в земном эфире после Мистерии Голгофы живет эфирная кровь Христа Иисуса. Эфирное тело Земли пронизано тем, что стало из крови, пролитой на Голгофе. ...после Мистерии Голгофы постоянно имеется возможность в поток, идущий от человеческого сердца к голове,

вести действие эфирной крови Христа. ...Но соединение этих потоков происходит лишь в том случае, если человек приносит правильное понимание навстречу тому, что содержит в себе Импульс Христа. ...иначе эти потоки взаимно отталкиваются» (130; 1.X). Так раскрывается нам тайна нисхождения из сферы Святого Духа Жизнедуха Христа в мыслящее сознание, в «я», взошедшее в душе сознательной и субстанционально, в духовознании о Христе, приведшее себя в связь с человеческим Самодухом. Тогда Жизнедух из Ипостаси Святого Духа, в оболочке Самодуха, нисходит в душу сознательную и совершает далее ту работу, которую Он некогда произвел в теле Иисуса.

В противном случае «я» начинает либо стягиваться в сферу ариманического интеллектуализма, либо утопать в безмерно возрастающем эгоизме крови, что выражается в широком комплексе симптомов, простирающемся от «загвоздок» в теории познания до иммунной недостаточности.

Работа Христа над спасением человеческого «я» происходит как в сфере человеческого духа, так и в низших членах его существа, причем началась она там задолго до Мистерии Голгофы. В нашу эпоху мы узнаем о ней благодаря духовно-научным сообщениям Рудольфа Штайнера. В лекциях, объединенных под общим названием «Пятое Евангелие», он поведал о том мальчике Иисусе, о котором повествует Евангелие от Луки. Своей генеалогией он восходит к тому из сыновей Давида (о них повествуется во 2-й книге Царств — 5; 14), которого звали Натан. Он является родоначальником жреческой линии. От него родословная Иисуса в Евангелии от Луки восходит к Адаму. И это не метафора, а глубокая мистериальная тайна. Когда совершилось грехопадение Адама, сообщает Рудольф Штайнер, то часть эфирной субстанции этого всечеловека была убережена от грехопадения, что в Библии выражено запретом вкушать «от древа жизни». Она-то и была погружена в младенца Иисуса натановой линии (114; с.116). Тайну натанова Иисуса знал апостол Павел. В первом послании Коринфянам он говорит: «...первый человек Адам стал душою живущей, а последний Адам есть дух животворящий».

В начале земного зона единая Душа человечества содержала в себе плоды всех трех предшествующих зон, а вместе с тем — впечатленные ей в состоянии пралаи новые задатки к восприятию в себя Я. Когда под влиянием люциферических духов она начала ввергаться в материальное бытие и там дифференцироваться, часть, спасенная от грехопадения, осталась в духовном мире. Ее, эту космическую душу Натанова младенца, Христос трижды пронизал Собой и тем спас человечество от грозивших ему на Земле тупиков в развитии. Первый раз это произошло в Лемурийскую эпоху, когда физические органы чувств начали открываться вовне.

Вследствие действия Люцифера им угрожала опасность стать сверхчувствительными. И если бы подобное случилось, то, например, красный цвет действовал бы на глаз так, что причинял бы человеку физическую боль; под действием синего цвета глаз чувствовал бы себя словно высосанным и т. д. Воздействием Христа на космическую Натанову Душу восприятиям чувств был придан умеренный характер. Мы не знаем, каким образом это произошло, но можно предположить, что чувства смягчились в результате того, что действию Люцифера на душу ощущающую снизу — сверху противостояло действие Христова Жизнедуха через безгрешную часть эфирного тела (рис.31), а действие Самодуха сместилось в сферу эфирного тела человека и более всего сказывалось в формировании души рассудочной.

В начале Атлантической эпохи под влиянием Люцифера, а вместе с ним теперь и ариманических сил, в семи сформировавшихся жизненных процессах, благодаря которым человек начал переживать симпатии и антипатии, вновь возникла тенденция развивать эти последние без всякой меры, до переживания дикой алчности и невыносимого отвращения. Тогда Существо Христа вновь осенило Натанову Душу, внося умеренность в жизнь чувств, возбуждаемых жизненными процессами. Следует отметить, что в предыдущий раз, отразив чрезмерное действие Люцифера в восприятиях чувств, Христос направил его на выработку индивидуальных жизненных процессов в человеке, чем, собственно, в большей мере, чем прежде, было индивидуализировано астральное тело человека; оно взяло на себя выработку органов жизни и процессов в них, но зато оно с чрезмерной силой стало проявляться в них. Тогда Люцифер был потеснен во второй раз, отделен в индивидуализированном астральном теле от эфирного, отчего физическое тело еще более так сказать сдвинулось в глубь материи. Инспирируемая Самодухом душа рассудочная силой действия космической Души раздвинула в обе стороны действие Люцифера и Аримана. Ариман ушел в инстинктивную сферу, а действия Люцифера направились на дальнейшую выработку индивидуального астрального тела, уже не имеющего такой непосредственной, как прежде, связи с жизненными процессами.

Однако и в этом действии Люцифер через некоторое время вызвал кризис. Когда в астральном теле стали дифференцированно проявляться действия мыслей, чувств и волевых импульсов, то оказалось, что они действуют друг на друга несоразмерно. Если подобное случается теперь, то человек, говорит Рудольф Штайнер, «либо впадает в ипохондрию, либо делается безумным». В том далеком прошлом, в конце Атлантической эпохи, Христом вновь было оказано воздействие на безгрешную космическую Душу человечества и

благодаря ему «была установлена соразмерная гармония в душевных силах человека, в мышлении, чувствовании и волеии» (148; 10.П). Тогда в человеке сформировалась и встала под водительство группового Я, несомого существом Ангела, тройственная душа и человек был поставлен в сознательную связь с Иерархиями, что внешне, вероятно, выразилось в учреждении высокоспиритуальных культов.

Голгофа стала четвертым деянием Христа, направленным на спасение человечества. Благодаря ей было спасено человеческое Я. Если человеку надлежало и в Я стать индивидуальным существом, то со временем его должно было покинуть существо Ангела, и чтобы противоборствующие силы, стремящиеся овладеть человеческим Я, не захватили тогда человека в его душе и духе, совершилось все то, о чем мы уже говорили.

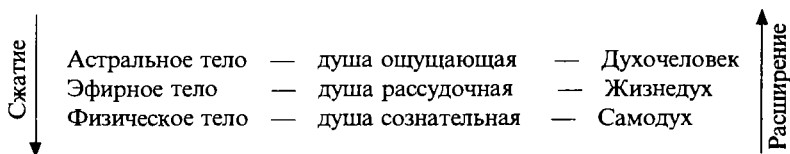
Так с еще одной стороны нам раскрылся характер первых четырех ступеней мета-метаморфозы, в результате которой произошел гигантский прорыв ноуменального мира в сферу чувственной реальности, Драма-Мистерия, разыгравшаяся на «сцене» человеческого существа. И главным действующим лицом этой драмы был Сам Бог. В ее первом акте «увидел Бог, что это хорошо», во втором акте Он сказал: «вы Боги»; а потом божественная Драма-Мистерия стала человеческой Историей.

8. Мистерия вочеловечения Христа

ОБ ЭВОЛЮЦИИ ТРОЙСТВЕННОЙ ДУШИ, а вместе с нею и индивидуального «я», с приближением Мистерии Голгофы следует говорить в плане человеческой истории. Но без понимания их предшествующей эволюции исторического процесса не понять. Он тогда, подобно жизни души в конце Атлантической эпохи, рассыпается на множественность несвязных проявлений человеческих мыслей, чувств и волеизъявлений. Учение об эволюции вскрывает истинную прафеноменологию истории. Особенно существенную роль играет здесь момент перехода тройственной души от непосредственного водительства 3-й Иерархией к самоопределению в человеческом индивидууме. Чтобы это понять, необходимо еще раз вернуться к одному моменту древнего лунного развития. Вспомним, что Духи Движения действовали тогда в астральном теле человеческих существ, и оно благодаря этому выработало себе «душевную подвижность и исполненное мудрости жизненное тело», как зачаток души рассудочной, а также зачаток души ощущающей. Обе души стали тогда выражением Самодуха; он, по сути, в ту эпоху «означает их высшее единство и гармонию» (13; с.212—213).

В земном зоне астральное тело расчленилось на три души, и когда третий член, душа сознательная, продвинулся настолько, что образовал подходящее себе физическое тело, Духи Формы одарили человека искрой Я. Таким образом, в земном зоне свое высшее единство три элемента души обретают не в Самодухе, хотя даруемое Духами Формы Я на первой стадии тождественно Самодуху, а в субстанционально новом начале, которое имеет тенденцию перелиться в тройственную душу как организующий ее в самой чувственной реальности центр. Самодух при этом, в отличие от состояния на древней Луне, встает в отношение к душе сознательной, а не к ощущающей.

Духочеловек, воздействовавший прежде на физическое тело непосредственно и тем приводивший его к консолидации, в земном зоне оказывает свое действие на него через эфирное тело. Это по прежнему «сдавливающее» действие, ибо физическое тело и Духочеловек в наибольшей мере антиподы. Духочеловек стремится сдавить физическое тело в ничто, но, будучи опосредован эфирным телом, выдавливает из него астральное тело, что приводит к переживанию чувства жизни. Самодух, напротив, действует на человеческую душу расширяюще. Возникает следующая картина:

Атма и Манас, подобно двум рукам творца, лепят человека изнутри и снаружи. Буддхи приводит их деятельность к равновесию. А результатом является индивидуальная душа, оживающая, в первую очередь, в восприятиях чувств.

В предшествующие зоны действием Атма, исходящим от Духов Воли, от Отчего начала, физическое тело велось до зона Луны, а затем дух сгустился до материи нервов, застыл в ней и вызвал умирание. Действием души ощущающей дух был приведен к воскресению в форме понятия, чем был образован первый зачаток индивидуального «я». Но это «я» подпало люциферическому искушению, действующему в душе через астральное тело. Под его влиянием «я», достигая души сознательной, должно бы было потерять связь с Отчей основой мира, с Отчей волей, образовавшей физическое тело, и перейти в мир абстракций, как в форму бытия. Но, поскольку Манас в земном зоне действует из сферы Сына, он пронизывается принципом любви, жизнью, и потому «я», ширясь в нем, ширится в Христовом Я, т. е. не теряет себя, а оживает в

Боге*. Христос связует душу сознательную с Отчей волей и делает это этически. Необходимые для этого предпосылки Он создал еще до Мистерии Голгофы, соединив космически Духа Мудрости и Духа Любви — поместив Буддхи в линию действия Импульса Святого Духа. С другой стороны, Он направил действие Своего Импульса на Атма и Манас. Таким сложным путем Христос стал основанием отношения между Отцом и Святым Духом.

В человеке высшая деятельность выразилась в том, что наравне с материей нервов образовалась материя крови. Это совершенно разные образования. Кровь подвержена земной метаморфозе и постоянно видоизменяется, одухотворяется, эфиризируется; в ней действует сущностная воля Отца. Нервная материя умирает, но, благодаря действию Христова Жизнедуха на Самодух, уходящие из нерва жизнь и воля вносятся в мысль. Тогда смерть материи ведет к рождению духа, а чтобы дух не был абстрактным, нужно умереть во Христе, прийти к живым, созерцаемым мыслям. Этому, правда, препятствует жало искушения, грехопадения. Оно, как люциферически-ариманический дракон, действует в человеческой крови и нервах: насыщает кровь эгоистическими вожелениями, а нервы приводит к умиранию без воскресения.

Третье деяние Христа до Мистерии Голгофы означало вступление Натановой Души в борьбу с этим драконом, с его хаотизирующей душу деятельностью, что нашло свое выражение в мифах и преданиях о борьбе Аполлона с дельфийским драконом и Святого Георгия со змеем. Святой Георгий — это человеческая душа, берущая борьбу с драконом на себя. Но поскольку тройственная душа имеет и космический аспект, то указанная борьба ведется и там. О ней известно как о борьбе Архангела Михаэля с драконом. Копье Михаэля-Георгия есть не что иное, как христианизированный Самодух, истинное Я человека, дарованное ему Духами Формы. Оно живет в той же мировой сфере, где и человеческая воля. Это Отчая сфера, из которой формируется физическое тело. Поэтому земное «я» «свою полную деятельность и полное сознание сначала развивает только в физическом теле. В эфирном теле оно будет их развивать в зоне Юпитера» (158; 21.XI). И чтобы это могло произойти на Юпитере, Христос вызвал поворот в ходе эволюции на Земле, перенес в сферу Жизнедуха физическое тело Иисуса из Назарета, а Сам вознесся в Иерархию Ангелов, туда, откуда прежде человек руководился своим групповым Я.

* При этом продолжает действовать и древний, лунный принцип Манаса. Он не ведет к развитию души сознательной, а прямо одаряет мудростью, как откровением. В астральном же теле и душе ощущающей свободно гнездится тогда Люцифер. Таким ныне явлен человек Востока.

Во время крещения на Иордане Христос как макрокосмическое Я вошел в тело Иисуса из Назарета, в четвертый раз соединился с безгрешной частью души Адама, которая была воплощена в мальчике Иисусе Натановой линии. А когда мы говорим о рождении Христа в Вифлееме в ночь с 24-го на 25-е декабря, то право на это нам дает то обстоятельство, что уже прежде Христос трижды в космосе осенил Натанову Душу, которая, по сути, и есть соборное человечество. С ним Христос соединен со времен древнего Солнца, когда Духи Мудрости принесли в жертву свое эфирное тело. Все, что обитает на Земле как отдельные люди, — это другая часть человечества, соблазнившаяся познанием добра и зла и потому распавшаяся на множество индивидуальных «я». Эти-то «я» Христос и воссоединяет с соборным человечеством, со своим Жизнедухом. В Нем каждое отдельное «я» обретает возможность возрасти до общечеловеческого Я, не теряя при этом индивидуального характера.

Рождение Натановой Души в Вифлееме было воплощением Христа как «ветхого Адама». Период времени в тридцать лет, протекший от Рождества до крещения на Иордане, был Мистерией, подготовившей встречу человеческого «я» с Я Христа, с несомым Жизнедухом Христа целокупным макрокосмическим Я Божественной Троицы. Чтобы такое могло произойти, было необходимо, чтобы в той части ветхого Адама, которая низошла в материю и прошла долгую эволюцию, хотя бы в единичном случае была одержана победа над драконом. Сделать это способно лишь высоко развитое «я». И такое «я» нашлось. Оно оказалось способным обитать в эфирном теле Натанова Иисуса вплоть до крещения на Иордане, хотя прямо воплотиться в нем оно не могло. Оно вошло в Него на двенадцатом году жизни, как повествует Пятое Евангелие. Таков был второй акт вочеловечения Бога. На Иордане произошел третий акт, когда Само Божественное Я заняло место человеческого «я».

Вот почему было необходимо рождение двух мальчиков Иисусов — не только в натановой, но еще и в соломоновой линии, которая приведена в Евангелии от Матфея. В царской, соломоновой линии воплотилось «я» великого посвященного древности — Заратустры. К нему на поклонение пришли маги-цари с Востока, его бывшие ученики. Нигде в Евангелии не говорится, что они пришли в вифлеемский хлев, но: «войдя в дом (они) увидели Младенца» (Мф.2;11). Кроме того, Ирод «...послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже, по времени, которое выведал от волхвов» (Мф.2;16). А это означает, что волхвы приходили не в самую ночь рождения. Да и как могли бы они это сделать, живя в странах Востока?

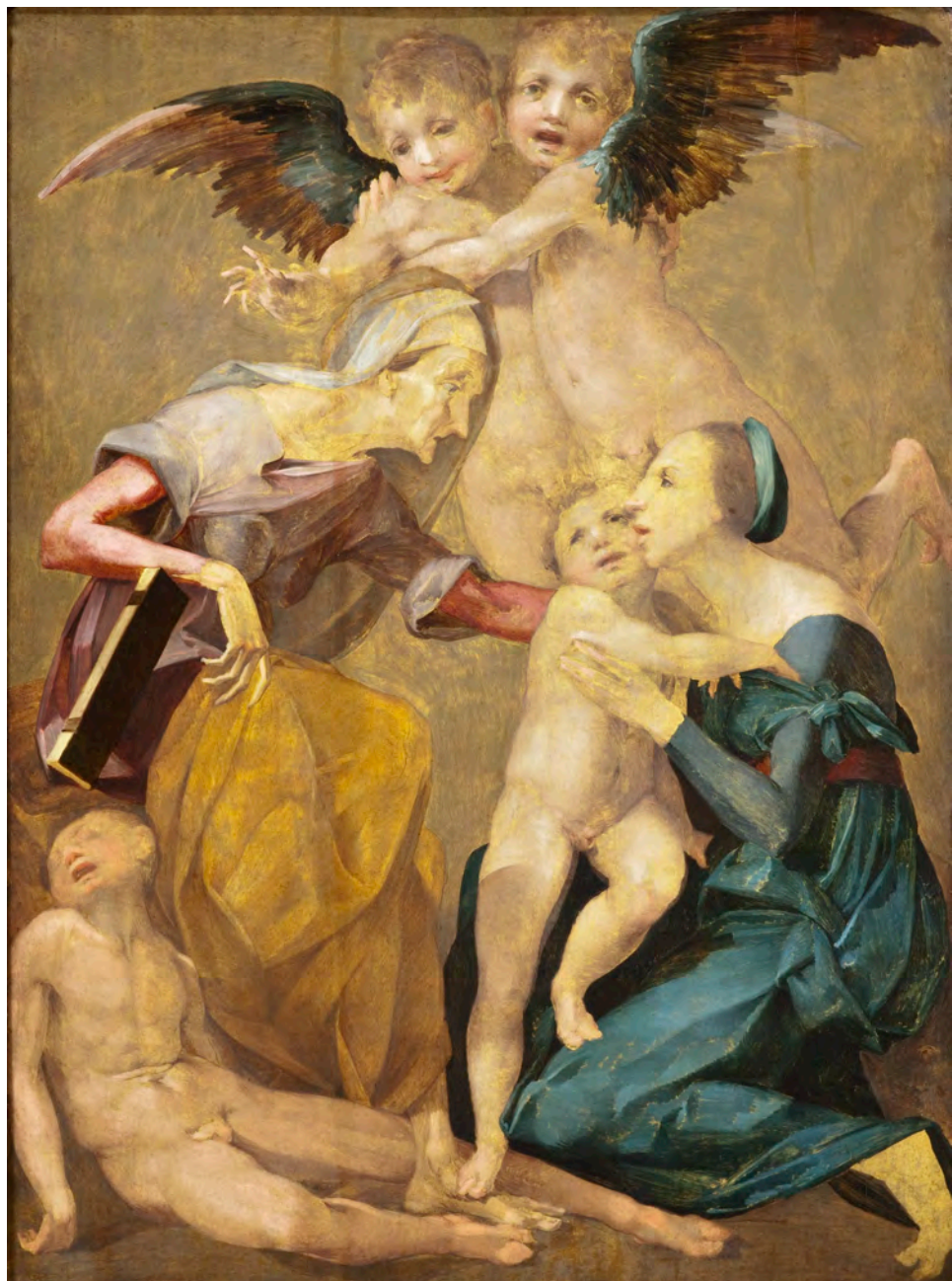
Ни одному из богословов не удалось дать хотя бы более или менее вразумительное объяснение факта существования в Евангелиях

двух родословных Иисуса Христа. Более того, церковь вообще избегает касаться этой тайны, атеизм же находит в ней один из наиболее веских аргументов в свою ползу. Но в эзотерическом Христианстве о существовании двух мальчиков Иисусов было известно всегда, о чем, кроме канонических Евангелий, говорят некоторые гностические тексты, изобразительное искусство. Мы приведем только три примера, два из которых нам посчастливилось найти собственными силами*. Это картины художников-маньеристов Пармиджанино и Фиорентино и картина Боргоньоне. Следует заметить, что творчество художников, именуемых маньеристами, особенно характерно тем, что в нем впервые намечилось снижение, ослабление, а потом и упадок блистательной силы внешнего мастерства, присущего высокой эпохе Возрождения, но, наравне с этим, проявилось более углубленное и даже обостренное переживание сверхчувственного мира, чем, например, объясняется свойственная им тяга к чистому цвету. Полотно кисти Пармиджанино, о котором у нас пойдет речь, называется «Мадонна дель коло лунго» (1535. Флоренция, галерея Питти). Первое, что обращает в нем на себя внимание, — это стремление художника всеми средствами подчеркнуть царское достоинство Мадонны. Трон, роскошные одеяния, жемчуг и большой драгоценный камень в волосах — все указывает на то, что не эта Мария искала вместе с мужем Иосифом ночлег в вифлеемских гостиницах. На коленях у Мадонны лежит младенец. Если мы внимательно всмотримся в него, то обнаружим, что он как бы соскальзывает вниз по голубому шелку плаща, теряет связь с матерью, ибо он не уснул, а уходит из жизни. Грудь Марии закрыта — прервана связь с источником жизни. Лицо младенца мертвенно бледно. Наполнявшая его прежде жизнь — она уже рядом с ним, в группе изображенных слева детей с прекрасными ангельскими лицами. Лицо Мадонны можно назвать скорбным, но тут же возникает чувство, что этого слова недостаточно. Ее лицо выражает Мистерию скорби, из которой рождается новый мир**. Вся картина, и в целом

* О множестве других примеров говорится в замечательной книге Г. Краузе-Циммер «Два мальчика Иисуса в изобразительном искусстве», Штуттгарт, 1969.

** Не случайно художник украшает волосы Мадонны жемчугом. Жемчуг образуется в раковинах в результате повреждения их необычайно чувствительной мантии. Если в ней застревает песчинка, раковина начинает обволакивать это чужеродное тело и образуется жемчужина; т. е. жемчужина — это, по сути, рана, вокруг которой долго шел процесс исцеления. Раковина, как пишет Фридрих Бенеш, использует силу своей оболочки на то, чтобы превратить боль от раны в целящее обволакивание. А «очищенная боль есть орган чувств для существ мира». Жемчужины образуют 12 врат грядущего Иерусалима, ибо из всего ранящего возникают силы «я». Из страдания рождается опыт и он становится духовным органом восприятия. Жемчуг — это «слезы Земли» (см. Ф. Бенеш «Апокалипсис», Штутгарт, 1981). Не случайно царевна в русских сказках плачет жемчужными слезами.

и в деталях, дышит таинственностью, хранит в себе тайну. Тайны полна фигура, данная на заднем плане; она держит в руках развернутый древний свиток. Несомненно, о многом говорит колонна без капители, но с мощным базисом. — Художник хочет подчеркнуть, что изображенное на картине — лишь часть общего строения, основательно задуманного и подготовленного в прошлом и теперь ждущего своего завершения. Художник отодвигает перед нами завесу с того, что является не тайной, а таинством. И за завесой мы видим Изиду-Марию с умершим младенцем на коленях. Младенец этот, как мы теперь знаем, родился в царской линии Соломона. Он умер на двенадцатом году жизни, когда воплощенное в нем «я» Заратустры покинуло его и соединилось с душой Натанова мальчика Иисуса, в котором обитало до тридцати лет и на Иордане уступило свое место космическому Я Христа.

Нас не должно удивлять, что именно Заратустра сыграл столь значительную роль в Мистерии вочеловечения Христа, ибо он был первым, кто в послеатлантическое время возвестил в древней Персии о том, что Христос — Аура Маздао — уже воздействует на Землю из сферы Солнца. Духовному водительству Заратустры, как об этом сообщает Рудольф Штайнер, обязаны своим развитием и древнеегипетская, и древнегреческая культуры. Он их истинный духовный пестователь, и потому нет ничего удивительного в том, что он представлял собой наиболее зрелый плод человеческого я-сознания, которое смогло выйти навстречу космическому Я Христа. Оно готовилось к такой встрече в Мистериях многие тысячи лет.

Еще откровеннее о тайне двух мальчиков Иисусов повествует картина Россо Фиорентино «Святое семейство» (Лос-Анжелес, Кантри-музей). На ней мы видим другую Марию, родившую Натанова Иисуса в превращенной в хлев пещере, в которой некогда, как сообщает Рудольф Штайнер, совершался культ, предвосхищавший пришествие Христа. Эта Мадонна — в простом платье. Она прижимает к груди младенца и, потрясенная, внимает тайне великой Мистерии, которую ей раскрывает вещая старушка — мудрость древних Мистерий, сибилла эпохи эллинизма*. За отдернутым ею покровом открывается Соломонов мальчик Иисус, который умер после того, как «я» покинуло его. В позе этого мальчика есть что-то от позы другого, изображенного на картине Пармиджанино, только этот мальчик постарше, ему действительно лет двенадцать. Его душа — левый Ангел вверх — не скорбит о покинутом теле, ибо это «я» Заратустры, идущее «приготовить путь Господу». Оно воссоединяется с безгрешной душой человечества —

* Она рассказывает о том же, о чем читает в свитке мужчина на картине Пармиджанино.

душой Натанова Иисуса. Этими двумя Ангелами фактически дан образ грядущего человека, который воссоединит в себе обе части: и опыт воплощений, и не знавшую их совсем, впервые воплотившуюся в Натановом Иисусе безгрешную часть души. Интересно, что второй Ангел на картине полон трагизма, он идет навстречу страданиям ради искупления части в человеке, подпавшей греху. Первый же Ангел полон радости искупления; освобождения. На картине Боргоньоне «Двенадцатилетний Иисус, проповедующий в храме» (Сант-Амброзио, Милан) два мальчика Иисуса изображены с такой откровенностью, что тут и комментировать, собственно говоря, нечего.

На этом мы закончим рассмотрение тайны двух мальчиков Иисусов и только отметим еще раз, что, согласно Пятому Евангелию, астральное тело Натанова Иисуса было пронизано Самодухом Будды, или «телом преобразований», Нирманакайей, как его называют на Востоке*. Будда был той индивидуальностью человеческого рода, которая привела астральное тело, содержащее в себе первородный грех, на ступень, которой оно должно было бы достигнуть без искушения Люцифера. Будда учил о сострадании и любви. Во Христе Иисусе на Землю пришла сама Божественная Любовь. Чтобы воспринять ее, людям необходимо преодолевать в себе первородный грех, очищать астральное тело. Для этого Будда дал восьмичленную Тропу. Она есть не что иное, как первое выражение той семичленной метаморфозы, о которой у нас идет речь. И это, как мы теперь понимаем, не могло быть иначе.

9. Внутренняя (эзотерическая) природа системы восприятий чувств

ТАК ПРЕДСТАЕТ НАМ, благодаря сообщениям Пятого Евангелия, Мистерия вочеловечения Христа — как величайшее и уникальное начало, в котором соединяются зоны, культуры, народы, религии, мир Божественный и человеческий. Чтобы это начало могло быть положено, человеку надлежало подняться к самосознанию, фундаментом которого явилась двенадцатиленная система восприятий чувств. Мы рассмотрели ряд этапов ее становления и теперь подошли к последнему.

После великой атлантической катастрофы центр развития человечества переместился на восток, и культурный импульс стал оттуда двигаться на запад. Черета культурных эпох (их семь), как их описывает Духовная наука, представляет собой цепь метаморфоз послеатлантического культурного импульса. Благодаря им *индивидуальное* человека овладевает элементами своего существа. Человек обретает совершенно индивидуальное эфирное тело, тройственную душу, Самодух и Жизнедух; два последних элемента осваиваются предварительно. Параллельно этому процессу движется становление я-сознания. Но в подосновах души, во многом бессознательно, совершается процесс, идущий в обратном порядке. Он влияет на развитие системы восприятий чувств. В опыте современной души мы должны говорить в этой связи о единстве онто- и филогенеза, простирающемся и на область психического.

* Группа ангельских обаязов на картине Пармиджанино, вероятно, имеет отношение к Нирманакайе Будды.

В развитии системы восприятий чувств мы в каждом единичном случае можем обнаружить некое последствие трех деяний Христа, совершенных Им до Мистерии Голгофы. Благодаря им формируется область шести чувств современного человека. Рассмотрим их по отдельности, двигаясь по тому кругу, который дан на рис. 26. Однажды мы уже обошли его, двигаясь, так сказать, с «внешней стороны», и заглянули в его «внутреннюю» природу с точки зрения взаимодействия низшего «я» с высшим. Теперь мы можем продвинуться в нашем исследовании еще на один шаг.

Обзор предшествующих эонов эволюции показал нам, что чувственный мир есть материализовавшийся дух. Человек, будучи поставленным на границу двух миров, стал их соединительным звеном, стал для Иерархий *органом восприятия*, как в предыдущие эоны он был их *органом мышления*. Сквозь органы наших чувств Иерархии вглядываются, вслушиваются и т.д. в чувственный мир, а в наших мыслеформах познают его. Иерархии, как большой, макрокосмический круг, постоянно стоят позади круга восприятий чувств. Там, где у нас на рис. 26 стоит чувство «я», следует мыслить в космическом противообразе абсолютную деятельность Духов Воли, которая положила начало бытию древнего Сатурна*. Это сфера абсолютного, макрокосмического Я, микрокосмическим отображением которого является индивидуальное земное «я». Далее идет действие Духов Мудрости. Они одарили мир жизнью, как откровением космической Мудрости. Вначале мысль и жизнь были едины и обращены в себя, но затем деятельностью Духов Движения они приводятся к новому откровению, звучащему во Вселенной как гармония сфер, как творящий Логос. В опыте человеческой души космический процесс находит свое микрокосмическое выражение в чувстве слова, но одновременно и в чувстве движения. Действие макрокосмоса оживает в человеке с двух сторон: снаружи и изнутри. И как двояко (изнутри и снаружи) выступает в нем космическое единство жизни и мысли (чувство понятия), так двояко переживает он и откровение Духов Движения. Но так это происходит только в зоне Земли, в результате того «сдвигения» элементов человеческого существа, которое суммировано на рис. 31.

Духи Формы обращают инспирирующее действие космического звука на творение соответствующего физического органа для его восприятия — уха. Во внутреннем опыте человек, благодаря этому органу, осознает себя в физическом пространстве. Именно здесь пространственный макрокосмический круг Иерархий находит отно-

* Ступени эволюционного становления описываемой нами теперь системы чувств мы резюмировали на рис. 35 и 36; их теперь нужно вспомнить.

шение к физическому пространству, и происходит это благодаря Христу (см. рис. 35).

На древнем Сатурне Духи Формы звучащей гармонией сфер творили тепловые монады, которые являли собой истинный орган слуха, внимавший космическим инспирациям. Далее тепло окрасилось душевными возбуждениями, что позволило Духам Личности пройти свою человеческую ступень. Совокупность внешних явлений звука, тепла и света, отразилась внутри монад как запах. Появление вкусовых ощущений означало отождествление стоявшей в самом низу эфирности, эфирного тела Ангелов, с переходящей в тепло и пронизанной эфирностью Духов Мудрости субстанцией воли. На Земле жизненные процессы в эфирном теле были оттеснены в подсознание, а вверху в нем обособилась душа рассудочная. Ею теперь уже в самом человеке обуславливается чувство вкуса. Соединение астрального тела Архангелов на древнем Сатурне с астральностью Духов Движения выразилось в явлении света. На Земле, с образованием души ощущающей, это привело к восприятию света.

Сложнее понять связь душевного тела с чувством тепла. Тепло было первой ступившейся вещественностью, и оно, пройдя через ряд метаморфоз, стало на Земле минерализующейся материей нервов, благодаря которым рождается я-сознание. Но тепло также стало свойством человеческого тела благодаря дифференциации земного эфира на четыре рода: жизненный, звуковой, световой и тепловой. Последний связан с человеческой волей и потому имеет отношение к «я» — к отблеску Отчего Я. Это отношение и осуществляется через чувство тепла, которое становится восприятием чувств благодаря вступающему в «я» самому низшему, но уже имеющему отношению к душевному миру ингредиенту астрального тела, к душевному телу. Душа ощущающая и душевное тело соединены в один член, но их единство напоминает меч, убранный в ножны. Аналогичным образом тело душевное является первым вместилищем самосознания. В нем, пусть в самой зачаточной форме, «я» вмещает в себя отблеск высшего Я (см. рис. 15).

Еще один раз феномен «я» проявляется в чувстве осязания, где внутреннее человека впервые приходит в соприкосновение с внешним миром. И мы, таким образом, получаем триаду непосредственного проявления «я» в кругу восприятий чувств. Чтобы в этом было легче разобраться, расширим рис. 26 в связи с новым рассмотрением и будем в дальнейшем руководствоваться рисунком 37.

Как явствует из рисунка, «я» не просто формируется двенадцати-членной системой восприятий чувств, но имеет в ней три узловых пункта или ступени восхождения. В осязании оно впервые пробивается из внутренней смутности к переживаниям внешнего

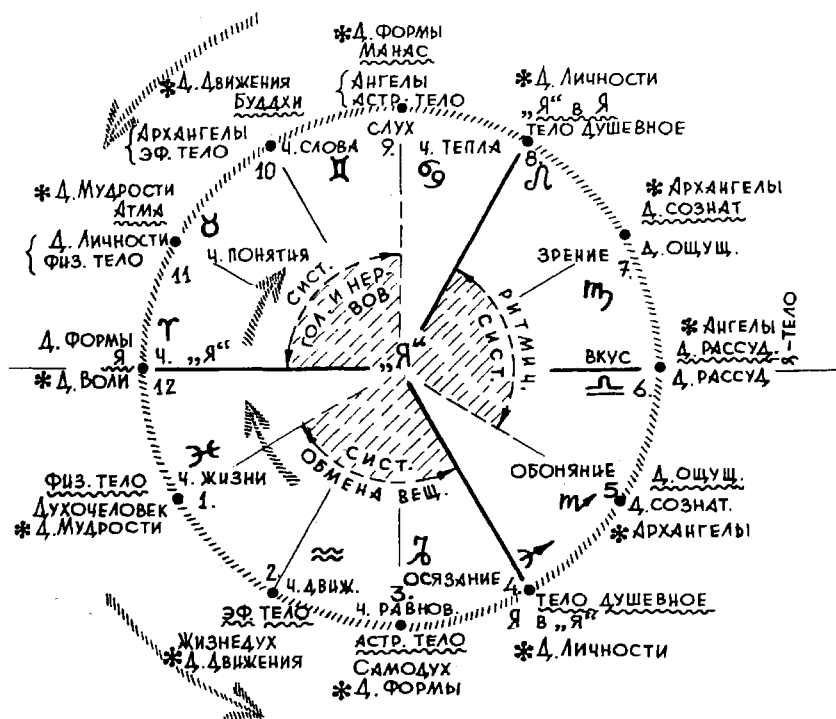

Рис. 37

мира; через врата тепла оно всецело уходит в сферу внешних восприятий и даже обретает возможность, после соответствующей подготовки, проникнуть за их внешний покров. В чувстве «я» оно встречается с самим собой как с объектом внешнего восприятия. Глубинный смысл всех трех ступеней восхождения «я» раскрывается нам при обращении к рис. 35. Там, в отличие от последнего рисунка, то, чем наполняется «я» из Ипостаси Сына, стоит в связи с чувством равновесия. Но так это было лишь в начальный период развития целостной системы восприятий чувств, когда чувство осязания стояло первым. Метаморфоза того первоначального состояния в новое совершалась по мере становления трехчленного человека нервов, дыхания и обмена веществ, а затем: жизни мыслей, чувств и воли. По поводу них можно сказать, что «я», явленное в осязании, поднимается на волне воли, действующей в сфере обмена веществ и конечностей. В чувстве тепла «я» восходит на волне чувства, действующего в системе дыхания и кровообращения. К чувству «я» мы приходим в результате головной, нервно-чувственной системы, в которой действует мышление.

Если опять вспомнить о биогенетическом законе, действующем также и на уровне формирования восприятий чувств, то следует принять во внимание, что, скажем, старый порядок восприятий чувств воспроизводится в первые годы жизни, когда все начинается с осязания, но постепенно все более проступает новый порядок восприятий, обусловленный фактором сознания. Следует всегда помнить, что система восприятий чувств — это живой процесс, в который человек *воплощается с двух сторон*: космически-биологически — от чувства «я» до чувства жизни, и индивидуально-космически — в обратном порядке. Именно поэтому действия Иерархий дифференцируются столь сложным образом (см. рис. 37), что также было подготовлено в далеком прошлом (рис. 36).

В том развитии, которое через весь спектр восприятий ведет к рождению я-сознания, мы говорим о чувстве жизни как о первом восприятии чувств. Пусть оно содержит в себе что-то «осязательное», тем не менее оно уже в новорожденном говорит душе о комфортности и дискомфортности в новой сфере бытия, что почти неведомо детенышам животных. Преимущество ощущение души в новом мире дискомфортно, и потому новорожденный плачет. Это не может быть иначе, поскольку жизненные процессы, с коими чувства в этот период еще тесно связаны, рожают в душе имажинации, а с другой стороны надвигается тьма физического мира. Но постепенно одно отделяется от другого, имажинации гаснут и зарождается первый опыт земного «я».

Чтобы духовно-научно понять чувство жизни, необходимо, говорит Рудольф Штайнер, глубоко погрузиться в подсознание. Тогда нам откроется «довольно своеобразное взаимодействие физического и эфирного тел. ... (они) вступают в определенное отношение, благодаря которому в эфирное тело... как бы нечто встраивается, пропитывает его. ... Современный человек это нечто не схватывает сознанием. Что здесь пропитывает эфирное тело, словно вода губку, ... это соответствует тому, что в далеком-далеком будущем человек разовьется как Духочеловека, или Атма. В себе, из самого себя человек сегодня никак не может пережить Атма, оно должно быть ему, так сказать, даровано из окружающего духовного мира...» (115; 24. X). Даровано оно, как мы показали на рис. 31, именно благодаря сдвигению Атма в линию действия Ипостаси Христа, Христово Жизнедуха, который троекратно оказал влияние на космическую Натанову Душу, что фактически означает проработку Христом всей системы восприятий чувств. Но наиболее непосредственно это выразилось в развитии чувства жизни.

Духочеловек стягивает, сжимает, словно судорогой, человеческое эфирное тело. На древнем Солнце Духочеловек приходил в отношение с эфирным телом Духов Мудрости, стоявших на ступени косми-

ческого Жизнедуха, Христа. Это отношение переживали восходившие на ступень космического Самодуха Духи Движения (рис.29). В земном зоне бывшее отношение настолько сжало то физическое основание, на котором оно возникло, что между этим последним и Духом-человеком возникло гигантское противоречие. Там, где в это противоречие не вступает эфирное тело, возникает минерал, кристалл. В растительном же мире фактически силой сдвливания из семени выгоняется растение. В животном мире давящее действие Атма выжимает астральное тело — своего духовного антипода — из эфирного, чем порождается ощущение. В человеке, в силу того, что «я» синтезирует взаимодействие всех трех оболочек, действие сжатия становится чувством жизни. Пока вся система находится в равновесии, оно не вступает в сознание, но как только в физическом появляются какие-либо нарушения, например, когда оно поранено, то эфирное тело не может пронизать его в том месте с необходимым совершенством, и тогда в астральном теле осознается давящее действие Атма. Фактически боль от раны всегда ощущается как давление. Функциональные расстройства в организме дают более разнообразную шкалу переживаний чувства жизни. Наконец, оно может быть еще более тонкой природы — вызываться ложными мыслями, чувствами, достигающими физического тела через тепловой организм, и принимать вид ипохондрии, подавленности или вялости.

Замечено, правда, что встречаются люди, ведущие себя безнравственно и, тем не менее, обладающие хорошим самочувствием. Но дело здесь заключается в том, что для чувства жизни необходим реальный процесс в астральном теле. Если человек совершенно не испытывает укоров совести, то все его три тела остаются в равновесии. Но безнравственному человеку это дается ценой порывания связи его «я» с Отчей волей, с макрокосмическим Я, которое через жертвы Христа пришло в чувство жизни в исходную связь с индивидуальным человеком, а с другой стороны, оживает в самом «я». Последствия такого поведения выступают лишь через определенное время, но могут тогда оказаться необратимыми и подорвать всю жизненную основу (например, — иммунитет). Человек грешит против Отчей Основы Мира и в том случае, когда перегружает, гипертрофирует чувство жизни, придает ему самодовлеющую ценность. Тогда космическое Я, утопая в биологическом, ослабляет становление «я» в его исходном звене. Поэтому Христос говорит: «Будьте совершенны, как совершенен ваш Отец на Небесах». Совершенство же означает гармонию и соразмерность.

В основе следующего чувства, чувства движения, лежит деятельность Жизнедуха, за которым, в силу уже указанных причин следует видеть деятельность Духов Движения (рис.37). Жизнедух пропитывает

вает эфирное тело человека и напечатлевает ему собственное высшее равновесие и покой. Этим равновесием обусловлена регулярность протекания наших жизненных процессов. Влияние его испытывают на себе также астральное и физическое тела, и потому они при каждом движении стремятся вернуться в состояние равновесия, что выражается в том, что астральное тело всегда движется в направлении, обратном движению физического тела, любых его частей, вплоть до движения век. Нашего сознания их взаимодействие достигает как чувство движения. В нем я-сознание в переживании соприкасается с подступающим извне Жизнедухом, фактически — с Я Христа. По этой причине человеческие движения имеют связь с Космосом, что находит свое выражение в эвритмии. И можно попытаться представить себе, сколь разрушительно действие современного танца, который к тому же усилен соответствующей музыкой; он просто не может не быть темной магией, поскольку искажает и разрушает связь человека с Космосом.

В чувстве равновесия доминирующую роль играет Самодух, которым человеку надлежит овладеть сознательно. Его действие на эфирное тело, в противоположность Духочеловеку, расширяющее. Вслед за тем тенденцию к расширению получают астральное и физическое тела. То есть возникает процесс прямо противоположный тому, который имеет место в чувстве жизни. Освобождаясь от сдавливающего действия своих оболочек, материя физического тела, как говорит Рудольф Штайнер, разгружается в определенном месте, ее частицы выдвигаются вовне, и происходит это в ухе, в полукружных каналах, расположенных по осям декартовой системы координат. Если эти каналы разрушаются, то человека охватывает бессилие, он теряет равновесие. В здоровом состоянии они позволяют «я» прийти в связь с трехмерным пространством, сотворенным Духами Формы через Архангелов. В древности Элоим Ягве опосредовал действие света солнечного Манаса, исходившего от Христа до Мистерии Голгофы, став для этого Духом Луны. Так пра-древняя Отчая деятельность, выразившаяся в образовании физического тела, была приведена в связь с индивидуализирующимся в чувственной реальности духом. Его-то человек и начал переживать как пространство. *Оно есть результат соприкосновения «я» с Импульсом Святого Духа.* Это Он, стоя в потоке Христовой деятельности в эфирном теле человека, освобождает зарождающемуся во внутреннем Я-переживании путь во внешний мир*.

* Чтобы детальнее уяснить себе механизм этого действия, нужно, исходя из рис. 22, обдумать во взаимосвязи две лемнискаты: одну, которая в позиции II соединяет Манас, душу ощущающую и астральное тело, и другую, соединяющую Буддхи, душу ощущающую и астральное тело.

Не обладающие индивидуальным духом животные имеют аппарат равновесия в виде трех, подобных камешкам, образований (отолитов), обуславливающих инстинктивное сохранение равновесия. Оттого-то чувство равновесия у них совершеннее, хотя и уже, чем у человека; кроме того, оно у них теснее соединено с жизненными процессами. Но и у человека это чувство имеет свои пределы. Например, при чрезмерной разгрузке физического тела в состоянии невесомости расширение астрального тела вызывает чувство страха, «я» тогда боится потерять себя и одновременно — неожиданно встретиться с Самодухом, что для незрелой души может иметь сокрушительные последствия. В этой связи тренировка летчиков ставит целью приучить астральное тело, при разгрузке физического, собственным усилием удерживаться в необходимых пределах. Однако при продолжительном пребывании в условиях невесомости, можно не сомневаться, — все астронавты имеют ясновидческие переживания.

Итак, в основе первых трех восприятий чувств заключено действие тройственного духа. Его влияние на физическое тело таково, что действием Атма «оно сдавливается, действием Буддхи оно удерживается в равновесии, благодаря действию Манаса оно разгружается» (115; 24.X). Чувство равновесия, таким образом, есть не что иное, как внесение в сознание (в Манас) действия Буддхи, остающегося в подсознании, где оно обуславливает чувство движения. Не следует при этом забывать, что физическое тело — это сгущенный дух. Действие Духочеловека имеет тенденцию превратить его в идеальный кристалл, чтобы хоть формой и устойчивостью существования оно отвечало своему идеальному праяобразу. Точно так же к идеальному соответствию с собой стремятся Жизнедух и Самодух привести эфирное и астральное тела: эфирное — к идеальному равновесию, астральное — к простиранию до мира звезд.

Когда все три тенденции приходят в человеке во взаимодействие, то мы имеем дело с тем, что можно назвать экзистенциальным выражением их диалектического единства. Нас не должно это удивлять, если мы поняли, что данные восприятия чувств, с одной стороны, обусловлены духовным действием и рожают самосознание, а с другой — находятся на полпути к самосознанию, не слишком далеко отойдя от жизненных процессов*. В них отчасти еще наличествует непосредственная деятельность Иерархий, которой были сотворены три первых зона. Единство трех Ипостасей в человечес-

* Еще нагляднее это выступает у животных. Для них утрата, например равновесия, переживается как угроза жизни. Потому столь молниеносно они его восстанавливают. А их движения (в особенности у диких животных), столько же рациональны, как дыхание и кровообращение.

ком существе выступает в триедином чувстве его самобытия. Высший аспект жизни, всеобщее, здесь выступает как крайняя ступень субъективного. Чувственному ощущению, говорит Гегель, ведомо лишь единичное. Крайним выразителем этого принципа является животное, которое имеет дело всецело с единичным — с *этой* болью, с этим насыщением и т.д. Но человек, благодаря мыслящему сознанию, дает восприятиям чувств длительность, хотя далеко не все они выявляют чистую сущность «я» в ее всеобщем. Чтобы прийти к ней, необходимо перейти к сверхчувственным восприятиям. В наименьшей мере «я» выявляется в чувстве жизни, в котором выражается крайняя степень единичности и обособленности человеческого «я». Но, поскольку в основе этой обособленности действует всеобщее наивысшей степени, оно содержит в себе и свое противоположное, а также возможность возвратиться в себя через это противоположное: возвратиться к равновесию через движение, но к равновесию в ином бытии, в пространстве и — к осознанному равновесию. Этим, естественно, не исчерпывается и не удовлетворяется стремление к высшему единству. Помехой на пути к нему встает чувственная реальность, нарушившая исходное равновесие. И тогда то *высшее стремление, преодолевая мир инобытия, разворачивает всю последующую шкалу восприятий чувств, а с ними и многочленного человека: троичность трансформируется в семеричность, а та — в двенадцатиричность*. Таким путем макрокосм рождает микрокосм и вновь возвращается к себе.

Вслед за пространством в восприятия чувств входит вещественность физического мира. Это происходит в чувстве осязания. Рудольф Штайнер говорит, что когда «чувство равновесия пребывает на своей высоте, тогда мы имеем чувство осязания» (115; 24.X). И далее он замечает, что представления современной физики об осязании просто абсурдны. Осязание связано с давлением, оказываемым на тело извне. Когда встает вопрос о том, как мы выдерживаем огромное давление атмосферы, а вдобавок еще — воды, если, например, ныряем в море, то физика объясняет это тем, что мы наполнены воздухом изнутри. Но в действительности дело заключается в том, что в те места, где на нас оказывается давление, устремляется астральное тело и восстанавливает нарушенное равновесие. В тех местах, где давят на физическое тело, в астральном теле образуются «небольшие желваки». При колебаниях атмосферного давления расширяется или сужается астральное тело.

Таким образом, в осязании астральное тело выступает вовне, как и в чувстве равновесия, но чувство возникает иное. Причина того — своеобразие действия человеческого «я». Представим себе его в виде чаши, внешнюю поверхность которой образует душа сознательная,

опирающаяся на физическое тело (мозг). В эту чашу изливается Самодух, как «неизреченное Имя Божие»: только себе человек может сказать «я». «Я» другого для него есть «ты», т.е. уже не «я». Поэтому человеку не дано изречь Имя Бога, сказать себе Я в высшем смысле. Его действие в нем сокровенно. Но, развивая душу сознательную, человек приближается к высшему Я, он причащается Имени Божия. «Я», данное в ощущении, в осознании, наблюдает-переживает вступление Я в широкий контакт с внешним миром, увлекается им в этот мир, но одновременно остается на границе двух миров: внутреннего и внешнего (см.рис.27). В таком процессе, в противовес сознанию, действует оболочка души, тело душевное, внутренняя сторона «чаши» души сознательной. С душевным телом, как первичным зачатком «я», Самодух стремится в осознании вступить в непосредственное отношение, для чего он должен противостоять «я» извне, иначе его действие останется инстинктивным. А поскольку «я» еще слишком слабо в душевном теле, то на его стороне Самодуху противостоят Дух Личности. Для «я» это оборачивается уравнивающим противодействием астрального тела в ответ на давление, оказываемое извне. Лишь в будущем, при овладении высшим Я, человек противостоянет в осознании собственному низшему «я». Проходя всю шкалу чувств, мы постоянно должны вырабатывать двойное к ней отношение: проработку ее высшим началом и овладение ею индивидуальным существом человека (см. рис. 37).

Итак, в чувстве осознания выражается действие высшего Я человека, опосредованное существом Духа Личности. Оно, по сути, синтезирует в себе деятельность всего тройственного духа, почему три предыдущие восприятия чувств могут считаться лишь модификациями чувства осознания. Однако, вставая на собственное место, Я в осознании противопоставляет тройственный дух материальному миру. И поскольку непосредственного соприкосновения между ними быть не может, то рождается опосредующий их связь мир души. Первое звено души — ощущение, рождаемое внесением части астрального тела в сознание, что образует душевное тело. Это есть то, что встает на стороне низшего индивидуального; на высшей стороне его встает Я — то Я, которое пожертвовано Духами Формы, а потом в три этапа доносится человеку существами 3-ей Иерархии. Все это и поныне выражается в онтогенезе восприятий чувств. А навстречу ему идет сознательная работа «я». Я и «я» встречаются в осознании. Оно — их первая и наиболее темная для сознания встреча. Значительно яснее ее является встреча индивидуальной души ощущающей с действующей космически, из Иерархии Архангелов, душой сознательной, происходящая в чувстве обоняния.

10. Макро- и микрокосмические аспекты системы восприятий чувств

НЕПРОТИВОРЕЧИВОЙ СВЯЗЬЮ своих частей держится целое Духовной науки и раскрытие каждого нового элемента в ней служит укреплению этой взаимосвязи и взаимообусловленности. Но может случиться так, что кому-то из читателей с увеличением количества аспектов нашего рассмотрения станет трудно удерживать в сознании целостный образ становления индивидуального духа; терять же его ни в коем случае не следует, иначе все содержание распадется на массу несвязных, а главное — неубедительных частностей. Поэтому мы сделаем остановку в описании отдельных восприятий чувств и дадим некоторые дополнительные разъяснения, синтезирующие ряд уже достигнутых ранее результатов. Отметим, что главным в создаваемой нами картине является то, что становление я-сознания происходит даже не с двух, а с трех сторон. Но в первом приближении мы акцентируем внимание на двух сторонах: макрокосмической и индивидуально-человеческой. С ними должен быть соотнесен каждый отдельный феномен, будь то член человеческой души, восприятие чувств или что-то другое, имеющее отношение к триединой природе человека. Например, говоря о «я», следует, с одной стороны, увидеть его эволюцию подчиненной биогенетическому закону, взятому в широком смысле, в силу чего «я» в онтогенезе сознания вкратце повторяет, начиная с простейших ощущений, едва ли не все ступени предшествующей эволюции. С другой стороны, в круту восприятий чувств это выражается в том, что, чем ближе чувство, ощущение, к инстинктивному, тем более высокая духовная деятельность стоит, как прафеномен, позади него.

Двигаясь по такому пути, мы подошли к чувству обоняния и обнаружили в нем действие двоякого рода: со стороны индивидуального — души ощущающей, а со стороны духовного мира — души сознательной. Весьма важно понять, что это не та душа сознательная, к которой мы восходим путем, изложенным в предыдущей главе. Она обладает чертами надчеловеческого образования, созданного Духами Личности как вместилище высшего Я, дарованного Духами Формы в ту эпоху, когда человек был всецело групповым существом. Поэтому можно даже говорить о душе сознательной всего человечества. Ныне человек имеет задачу овладеть ею индивидуально, а значит — индивидуально переживать общечеловеческое.

В подобном же роде следует говорить и обо всех остальных элементах человеческого существа, что мы и сделаем с помощью рисунка (рис. 38). В нем читатель без труда распознает все то, что было дано на рис. 15, 25, 27 и 37. То высшее Я, которое в роли некоего оппонента противостояло низшему «я», что было показано на

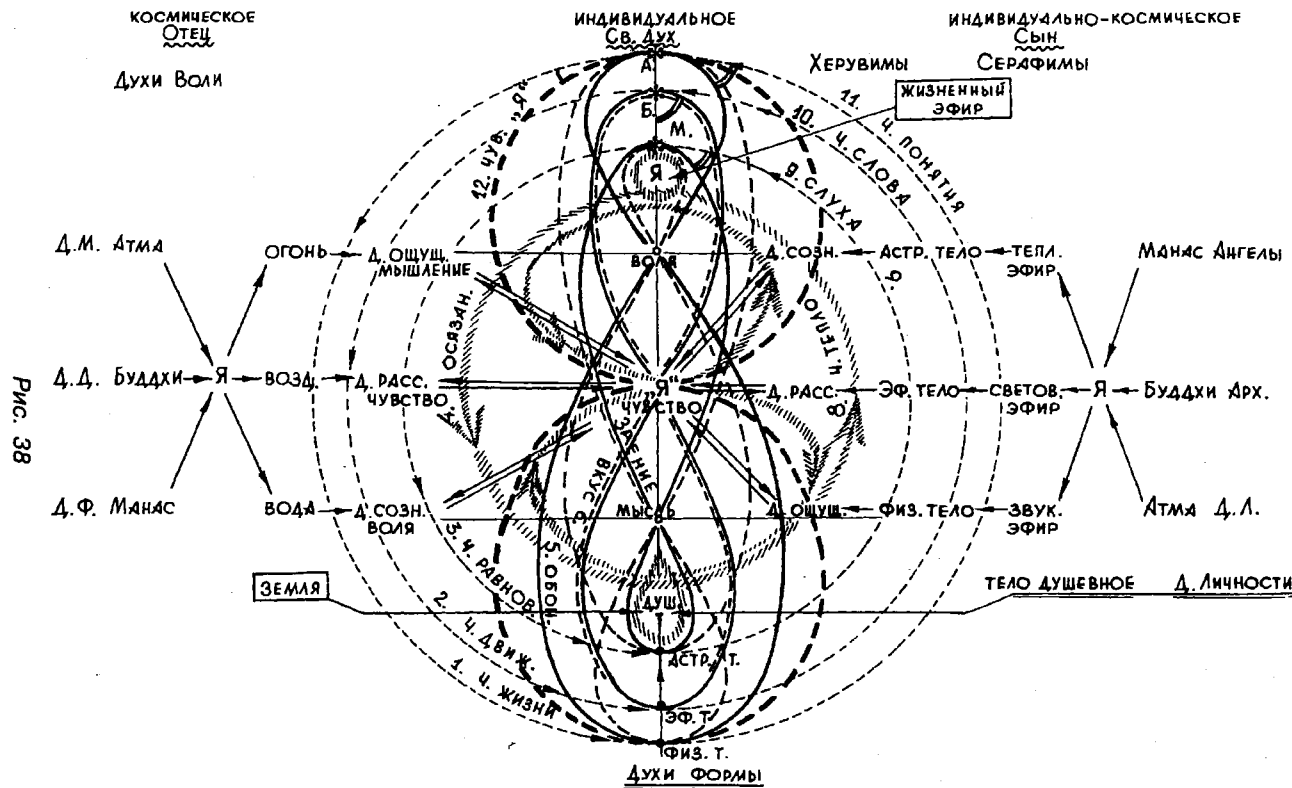

рис. 27, в дальнейшем раскрылось нам полнее, и тогда возник рис. 37. Теперь у нас появилась возможность продвинуться в этом направлении еще на один шаг.

На рисунке 38 Я предстает нам в своей связи с Божественным Триединством, в своей высшей структуре (Атма, Манас, Буддхи), в отношении к элементам и к творению из высей тройственной души. Все это дано в левой части рисунка. В правой его части показана переходная ступень становления человека, ведущая его от космического к индивидуальному. Здесь все обусловлено Христовым действием: четыре эфира, тройственное тело человека и тройственный дух. Наконец, в третьей (центральной) части рисунка дано собственно индивидуально-человеческое, каким оно рождается в Отчем лоне благодаря деятельности Христа и Святого Духа.

Как уже говорилось в предыдущей главе, множество связей объединяет здесь даже не девяти, а двенадцатиچленное существо человека. Мы выбираем из них только два рода: один уже известен нам, он дан в поз. II на рис. 22, а другой новый, он объединяет космическую тройственную душу (см. левую часть рисунка) с духом и телом индивидуально-человека (пунктирные линии). Такое наложение двух аспектов и являет нам, при его рассмотрении, переход космического в индивидуальное, начинающийся с восприятий чувств. Изображенное на рисунке слева и справа делает картину этого перехода еще более детальной.

Макрокосмическое Я, изображенное на рисунке в Отчей сфере и в сфере Сына, есть не что иное, как точка пересечения трех линий, изображенных на рис. 31. Через эту точку совершается метаморфоза духовно-ноуменального процесса в духовно-феноменальный. Как это происходит в человеческом субъекте, показывает средняя часть рис. 38.

Отдельно следует сказать о жизненном эфире. Образовался он, когда в зоне Земли стали возникать продукты сгорания, зола. Он же *есть древо жизни и безгрешная часть души человечества. В нем совершается синтез бытия и сознания*, первая ступень которого складывается в противостоянии тела душевного, заключенного в оболочку элемента земли, несомого Духами Формы, — и приходящего из высей, из сферы Святого Духа, подобно голубю при крещении на Иордане, дара Духов Формы, высшего Я. Жизненный эфир действием Христа насаждается индивидуальной душе человека, его «я», как выражающееся в силе духовной любви высшее Я, оплодотворяющее абстрактную мысль. Силой этого эфира спасается элемент Земли, а вслед за ним и все остальное. Поэтому акт спасения отпадающего от Бога творения начинается с внесения в мыслящее сознание живущего за счет умирания материи нервов духопознания, мудрости «Духа Утешителя», повествующего о Христе. Таково основание, дующее

нам право говорить о присущем познанию *сакраментализме*. Оно есть поистине начало поклонения Богу «в духе и истине». Человек, разумеется, может абстрагировать и духовопознание, но это ни о чем не говорит, ибо он может лишиться живого духа и церковный культ. В случае правильного, здорового духовопознания, когда в нем участвует весь человек, абстракция *пресуществляется* (а не отвергается), подобно веществам хлеба и вина в церковном причастии. Мы имеем тут дело с двумя сторонами одного таинства, совершаемого религиозно познающим сознанием.

Между деятельностью Отца и Сына силой Святого Духа рождается мыслящее сознание. Все, что предшествует его рождению — становление индивидуальной жизни, — опосредуется силой Христа. Свободная деятельность «я» осуществляется в мышлении. Осененное через духовопознание Святым Духом, оно ведется ко Христу, к жизни, в мир жизненных сил, а оттуда — к высшему синтезу, к Отческому началу, ибо сказано: «Я и Отец — одно». *В сознании возникает первое индивидуальное отношение творения к Творцу. В ответ на это Бог несет индивидуальному сознанию жизнь.*

Но все начинается с пробуждения чувства жизни. Оно возникает из высшего действия и лишь затем достигает индивидуального «я». Ранее мы указывали на вывод «Философии свободы» о том, что я-сознание, возникнув в душе человека, ведет затем независимое от нее бытие. Его освобождение начинается уже на ступени возникновения восприятий чувств. Став достоянием я-сознания, они переходят в цепь тех метаморфоз, которые ведут даже за пределы чувственных восприятий, что было показано на рис. 2. Однажды возникнув, чувство жизни движется как бы по внешнему кругу человеческого существа и силой Духов Мудрости приводит Духочеловека в связь с физическим телом. На пути к нему Духочеловек проходит через три элемента и, благодаря их связи с тремя эфирами, приводит все три оболочки в то взаимодействие, которое было показано на рис.38. Чувство движения и чувство равновесия возникают подобным же образом. Только диапазон их деятельности сужается, с точки зрения высшего духа, но зато освобождается от его принудительного (инстинктивного), с точки зрения индивидуального начала, действия.

Впервые в чувстве осознания возникает встречное по отношению к высшей деятельности, движение; оно проистекает из тела душевного. Тогда в оболочке астрального тела это смутное я-переживание соприкасается с Я, нисходящим в оболочке Манаса. В осознании встречное движение «я», по мере рождения я-сознания, крепнет, освобождается от связи с жизненными процессами, чем формируется все более совершенное тело душевное. При рождении же осознания в нем противопостоят друг другу Дух Личности и Дух Формы. Они образуют

макрокосмический круг, который постепенно трансформируется в микрокосмический круг тела душевного — оболочки души; а потом сжимается в точку «я».

Общий характер образования чувств довольно сложен, о чем свидетельствует рис. 38. Чтобы облегчить понимание дальнейшего, вычленим констелляцию чувства обоняния в отдельный рисунок (рис. 39).

Речь здесь у нас, как следует из предыдущего, должна, фактически, идти о взаимосвязи двух лемнискат: микро- и макрокосмической. Обе они соединяются в самом высшем и самом низшем элементах человеческого существа, т. е. там,

где возникает чувство жизни. Однако, если это последнее возникает вне зависимости от «я», то обоняние охватывает «я» с двух сторон. Но почему решающую роль в чувстве обоняния играют Архангелы? Чтобы понять это, духовную констелляцию рассматриваемого чувства следует увидеть подобной древнему состоянию человека, когда в него нисходило высшее Я. Духи Формы тогда творили, действуя в элементе огня, вещественность Земли. При этом, созидавая в линии Ипостаси Сына (рис. 31), они вносили часть своего огня в человека, благодаря чему образовывалась (сначала в эфирном) кровь с ее собственным теплом, как восприимчивый Я. Эту часть своей работы Духи Формы проводили через Архангелов, которые «являлись человеку как служители огневых существ (Духов Формы), погрузивших искру в его внутреннюю глубину» (13; с.237).

Когда эта искра пришла в связь с физическим огнем (крови), то родилась душа ощущающая. Рождение ее происходило сверху в тепловом элементе, когда Архангелы, действуя силой Христова Я, привели ее в связь с астральным телом человека, где действие Я Духов Формы опосредовалось Духами Личности. Поэтому мы и

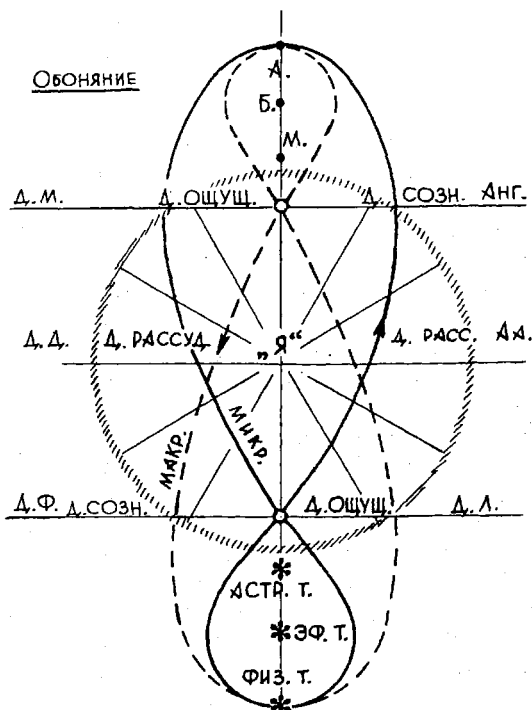

Рис. 39

говорили о душе ощущающей как о макрокосмической (рис.38, стрелки от Духов Личности к Я и — вниз, к астральному телу). Индивидуально переживаемая душа ощущающая родилась в связи Мана, несомого существом Ангела, с физическим телом, а вернее — с творящим его звуковым эфиром. И деятельность эта была также опосредована существом Архангела. В обоих случаях Архангел действовал как опосредующее звено, и поэтому «я» в обонянии получает опыт косвенного восприятия, но, по сравнению с осязанием, сверхчувственное отстоит от него дальше, а чувственное — ближе к нему.

Рождение души ощущающей в полярной противоположности действия высшего Я и «я» низшего создало предпосылки для образования индивидуальной души сознательной. Можно сказать, что *действие в обонянии макрокосмической души ощущающей тождественно действию индивидуально осознанной души сознательной*: в обоих случаях действует мысль — космическая и индивидуальная, — связь с астральным и физическим телом. Подобие же низшей и высшей души ощущающей объясняет связь низшей души ощущающей с физическим телом в интуиции. Этот аспект раскрывается нам со всей очевидностью, если мы обратимся к левой части рис.38, где через макрокосмическое, Отчее Я, пребывающее в земном зоне в Ипостаси Сына (рис. 31), Атма нисходит в водный элемент физического тела. Поскольку же последний связан с эфирным телом, постольку и здесь неизбежно выступает опосредующая роль Архангелов.

Правда, по поводу приведенного на рис. 38, знатоки могут поставить нам такой вопрос: почему там световой эфир отнесен к сфере души рассудочной, если эфирное тело связано с элементом воды? Отвечая на него, мы должны еще раз подчеркнуть, что эволюция течет в двух, идущих навстречу друг другу, потоках — эфирном и астральном. Эфирный движется из прошлого в будущее, астральный — наоборот. *Индивидуальное в человеке движется в астральном потоке, но по законам эфирного, т. е. из прошлого в будущее. Божественное входит в человека в эфирном потоке, но по законам астрального, что выражается в осознании человеком того, что как основы жизни было заложено в него уже в далеком прошлом. Таков главный принцип становления человека.* Им определяются все частности индивидуальной жизни. Мы, например, говорим, что всем трем сферам души присущи мыслительная, чувствующая и волевая жизнь. В этом, с одной стороны, выражается движение я-сознания в астральном теле, а с другой — входящая из эфирного тела в я-сознание жизнь. В человеке могут обмениваться между собой через «я» световой и звуковой эфиры. Тогда душа рассудочная начинает мыслить, а ощущающая — чувствовать. Таковыми они и сла-

гаются в индивидуальном духовном развитии. Далее меняются местами световой и тепловой эфиры, и человек в душе сознательной восходит к сопереживанию мировых интересов, а восходя к жизненному эфиру он сопереживает мировую жизнь, где открываются нравственные интуиции, о которых речь шла во II главе.

Иные отношения возникают во всеобщей эволюции. Там духовное состояние, астральное, предшествует физическому в аспекте состояния формы (об этом речь шла в начале 1-й главы). Когда состояния формы всеобщего бытия трансформируются в состояния формы индивидуального духа, тогда астральное здесь также находит прямое отношение к физическому, и затем космическая мысль оживает в душе ощущающей, отчего последняя обретает космический характер (в душе сознательной живет космическая воля). Лишь впоследствии, в ходе текущей в прямом потоке времени эволюции, силой Христа дифференцирующийся мировой эфир рождает в индивидуальной жизни индивидуальные ощущения, а потом — индивидуальное мышление.

Конечно, это не просто — проследить что-либо мыслью, идущей в двух встречных направлениях, но ничего надуманного в таком приеме нет. Мы должны пойти на эту трудность, если желаем понять природу эфирного и астрального миров. Будучи взятыми по отдельности, они как будто бы сплошь и рядом противоречат друг другу. Но так это выглядит лишь для идущего в одном направлении, абстрактного, скажем, «момышления». Как только мы примем в него встречный поток жизни, противоречия тут же разрешаются в гармонический синтез, однако, не без усилия с нашей стороны. И если мы не будем осуществлять этого синтеза, а затем насыщать его опытом и приводить в связь с индивидуальным «я», то мы придем к чему-то прямо противоположному истине — к двоемыслию*. Что же касается трудностей познания, то с обращением к Духовной науке они не уменьшаются, а, напротив, возрастают, поскольку требуется участие в познавательном процессе всего человека, а не только его интеллекта. Но ведь лишь такое познание и способно дать переживание полноты человеческого бытия.

Итак, анализируя двухстороннюю природу чувственных восприятий, мы должны отметить, что в чувстве осязания индивидуальное «я», каким оно образовано совокупностью первых трех чувств, соприкасается с Я Духов Личности. Можно сказать, что их Я стоит

* Оно не случайно так гениально изображено в антиутопии Дж. Оруэлла. Не столько ложь, сколько двоемыслие образует противоположность истине. Лгать может и душа ощущающая. В двоемыслии выражается борьба азуров с человеческим «я» в душе сознательной; таков «ангсоц».

в чувстве осязания и на стороне «я», и на стороне внешнего мира; в последнем случае оно еще стоит на стороне Духов Мудрости.

В чувстве обоняния Я Духов Личности противостоит Я Ангелов, чем обусловлен описанный выше механизм возникновения переживания запаха. Почему в обонянии действует именно волевой элемент, мы можем понять из предыдущих рассмотрений. Волевая природа души сознательной высылает наше астральное тело навстречу только той внешней астральности, в которой также действует волевой элемент. Ведь не все вещества пахнут. Пахнут те из них, в которых, выражаясь образно, есть воля к одухотворению, воля вернуться обратно в Отчее Лоно. Таковы процессы в цветах, смолах и т. д. Там, где в процесс одухотворения вмешиваются ариманические духи, возникают зловонные запахи. Люциферическое вмешательство делает запахи дурманящими. Действие всех их достигает человека через душу ощущающую, которая чувственной природы и, будучи индивидуализированной, воткана в ритмическую систему человека. Действие же души сознательной следует представлять себе приходящим из системы обмена веществ и конечностей.

В чувстве вкуса деятельна душа рассудочная. С этим чувством мы переходим в круг внешних восприятий, где действующее в душе «я», благодаря тому, что в чувстве вкуса «я» пребывает в своей собственной деятельности, выходит во внешний мир; это переживание достигает его непосредственно, что можно увидеть на рис.38. Обе лемнискаты в чувстве вкуса совпадают и свою узловую точку имеют непосредственно в «я», которое на современной ступени развития человека выступает как тождественное душе рассудочной. А если это так, то деятельность Архангела встает позади космической лемнискаты и уподобляется роли Духа Личности в чувстве осязания. В том же, что переживается самосознающим человеком как душа рассудочная, следует видеть деятельность Ангела, приходящую из астрального тела. Она подступает с двух сторон — от души ощущающей и от души сознательной, а в душе рассудочной приходит к синтезу и задает ей направление вверх, к Самодуху.

Чувства вкуса и обоняния противоположны друг другу. Обоняние возникает в душе ощущающей, а переживается в душе рассудочной. С чувством вкуса происходит все наоборот: оно возникает в душе рассудочной, а переживается в душе ощущающей. — «Я» тождественно с душой рассудочной не в ощущении, а в духовной деятельности. Ощущение, достигая «я» непосредственно, должно из душевного тела взойти в душу ощущающую. В этой связи можно говорить об обонянии как о чувстве, достигающем души рассудочной, но корнящемся в теле душевном. Тогда душа ощущающая оказывается между ними в положении опосредующего звена. А

ранее тело душевное образовывало переход от астрального тела к душе ощущающей, что, собственно, и выражается в чувстве осязания. Мы не должны забывать, что через восприятия чувств совершается переход высшей, но индивидуально бессознательной духовной деятельности (в оболочках) в высшую индивидуально осознанную. Лишь длинный ряд опосредований может привести к этой цели.

Когда мы пробуем какое-либо вещество, то с ним должна вступить во взаимодействие, в реакцию, вещественность нашего собственного тела. Во время реакций действует световой эфир. Он пронизывает собой все внутренние органы, и потому все они «пробуют» вкушаемое нами вещество. Чувство вкуса разливается по нашему эфирному телу как свет (естественно, духовный). Его действие не волевой, а чувственной природы. По своей же сути оно, как и восприятия других чувств, возникает в результате наложения двух рядов воли, бегущих в противоположных направлениях. Один из них движется в астральном мире и в астральном теле в направлении от двенадцатого восприятия чувств к первому, постепенно уходя из сознания, другой — от первого к двенадцатому.

Со стороны эфирного потока в чувстве вкуса действует световой эфир, со стороны астрального — космическая душа рассудочная. Придя в чувстве вкуса к специфическому сочетанию, они затем входят в сознание через действие других эфиров и элементов души. Ибо все восприятия чувств имеют *одни врата в сознание*: через тепловой эфир, в субстанцию тепла физического тела.

Возникновение восприятий чувств можно уподобить эффекту стоячих волн, возникающих в результате их интерференции. Соприкосновение с внешней (по отношению к духу) средой в каждом восприятии образует в некотором роде границу отражения в субъекте, которой, в каждом отдельном случае, обусловлен особый характер «стоячей волны», т. е. восприятия чувств. Например, в обонянии астральный поток души сознательной ударяется о водный организм и бежит назад, накладываясь на элемент тепла (рис. 39). Образуется два рода «стоячих волн», которые синтезируются «я» в чувство обоняния.

В чувстве вкуса происходит наложение деятельности двух душ рассудочных (космической и индивидуальной), что означает повышенное переживание этой сферы души, ее особую проявленность уже на уровне восприятий, чем образуется некое тело «я». Оно есть зачаток нисходящего в человека Жизнедуха Христа, подобно тому, как душа сознательная образует вместилище для нисходящего из высшей Самодуха.

Я-тело образует четвертый особый аспект «я» в системе восприятий чувств. В чувстве «я» оно всецело астральной природы,

в чувстве вкуса — эфирной, в чувстве тепла и осязания — смешанной, астрально-эфирной (рис. 37).

В чувстве вкуса «я» всецело коренится в эфирном и приводит его во взаимосвязь с физическим. При обонянии в слизистых оболочках носа, где материя наиболее тонка, происходит встреча двух астральностей (двух волей). Эфирное тело растений, борясь с отвердением, взаимодействует с мировым астральным (312; 18.III); оно-то и подступает через запах цветов к нашему астральному телу. В чувстве вкуса я-тело проникает в эфирное тело растения, а через него — в физическое растения, познает само физическое. И происходит это не так, как в обонянии, где имеет место некая «самооборона» нашей воли, желание отгеснить внешнюю астральность, почему мы и относим обоняние к сфере внутренних чувств. В чувстве вкуса выслаемая душой рассудочной астральность, как говорит Рудольф Штайнер, не борется с земной астральностью, а сопереживает с нею, находится с нею в равновесии (почему чувство вкуса и стоит в знаке Весов). Обусловлено это тем, что душа рассудочная встречается здесь сама с собой: как познающая и экзистенциальная. Равновесное состояние эфирной субстанции позволяет уравновесить астральную субстанцию внешнего и внутреннего миров. А тогда можно внешнее познавать объективно.

В антиподе чувства вкуса, в чувстве «я», нам необходимо «уснуть» в другом человеке, чтобы воспринять «я». В чувстве вкуса «я» впервые подходит к объективному познанию внешнего мира. При этом оно, отождествляясь с миром, не засыпает в нем, а дает ему *жить в себе*. Поэтому именно отсюда берет свое начало развитие созерцающей силы суждения, ведущей нас за покров внешних восприятий чувств. За чувством вкуса человеку может открыться имажинативный мир. Но об этом позже.

Для понимания чувства вкуса полезно еще вспомнить, что на древнем Сатурне со вкусом взаимодействовали Ангелы. На древнем Солнце они внесли вкусовые восприятия в эфирное тело монад и тем положили начало обмену веществ, жизнедеятельности, которая была тождественна акту восприятия. Субстанциями того обмена веществ были воздух и тепло. На древней Луне Ангелы обрели индивидуальное Я, которое вступило в особенно тесное отношение со световым эфиром в человеке, что и создало предпосылки для формирования на Земле человеческого я-тела. Я-тело образовано световым эфиром. С ним приходит в связь то «я», которое оживает благодаря всей системе восприятий чувств, а далее действует как объединяющее начало в жизни мыслей, чувств и волеизъявлений во всех трех сферах души. Основу этого «я» составляет жизненный эфир, стоящий в непосредственной связи со Христом. В «я» следует различать оболочку и сущностное ядро.

Следующее восприятие чувств, зрение, возникает на основе связи макрокосмически действующей души ощущающей и микрокосмически действующей души сознательной, т. е. мы имеем здесь принцип, противоположный тому, который действовал в чувстве обоняния. Характер взаимосвязей, образующих это восприятие, также иной. Из общей картины, которую мы получили на рис. 38, снова выделим отдельный рисунок (рис. 40).

Если мы сравним его с рис. 39, то увидим между ними и подобие, и различие. Различие заключается, прежде всего, в том, что в

чувстве зрения амплитуда душевных колебаний как бы сжимается. Она ограничена сферами Самодуха и астрального тела, чем и объясняется более высокая, по сравнению с предыдущими, осознанность этого чувства, его индивидуализированность. — Чувство зрения стоит ближе к границам круга «я». В нем, как говорит Рудольф Штайнер, действует «мыслительный принцип» (115; 24.X), и он носит микрокосмический характер. Наличием его следует объяснять философию изобразительного искусства.

Душа ощущающая, действующая в чувстве зрения макрокосмически, стоит в наиболее близкой связи с астральным телом, и оно благодаря этому приобретает большую пластичность, простирается навстречу внешнему миру значительно дальше, чем в чувстве вкуса. Оно возвещает нам о сопротивлении, оказываемом ему астральностью отдаленных от нас вещей. Старая физика говорила об истечении из глаз в процессе зрения некоего эфира или, наоборот, о проникновении внешнего эфира в глаза. В действительности же из глаз к видимым нами вещам устремляется астральная субстанция, которая одновременно есть мысле-субстанция, коренящаяся в звуковом (химическом) эфире.

Говорить о чувстве зрения, когда действует мысле-субстанция, позволяет световой эфир, который, как и в обонянии, опосредует деятельность двух родов, идущую сверху и снизу. Только в случае

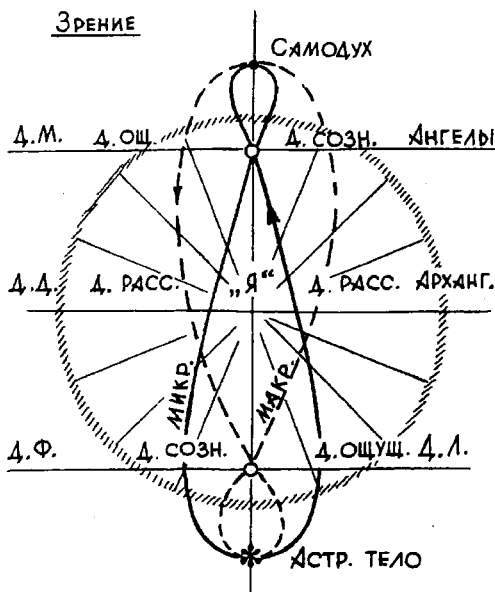

Рис. 40

зрения во всем процессе превалирует индивидуализированная душа сознательная, благодаря чему в зрении выражается не космическая, а индивидуальная мыслительная деятельность.

Мыслительная природа зрения выражается и внешним образом. Когда мы рассматриваем какой-либо предмет, то на нем должны скреститься оси зрения. Только тогда мы его видим, осознаем. В душу ощущающую впечатление приходит от зрения каждым глазом, но свести их воедино она не может. Сведение осуществляет «я» в душе рассудочной, и затем это осознается душой сознательной. Скрещение осей зрения достигается благодаря скрещению зрительных нервов в мозгу. А их скрещение, в свою очередь, «имеет свою основу в том, что произведенная в подсознательном, в душе ощущающей, работа перекрещивания поднимается в душу сознательную, и тогда одна мыслительная работа (индивидуальная) может осознать другую (космическую. — *Авт.*)» (115; 24.X). В зрении, как и в других актах: в умозрении, в воспоминании и т.д., происходит скрещение осей мыслительного процесса. В мышлении о мышлении мы, собственно говоря, лишь отдаем себе в этом отчет. Далее в этом процессе мы соединяем умозрение со зрением, но так, что созерцаем чувственно по принципу интеллектуального созерцания. В таком случае нам открывается астральная природа зрения, а с нею — виденье идеи вещей. Опору мышления мы переносим с физического мозга на световой эфир. Первым результатом этого является восприятие идеи благодаря взаимодействию нашего астрального тела с астральностью объекта восприятия, вторым результатом — имажинация. Но, напомним еще раз, первооснова мыслительного акта пребывает в сфере чувства. В астральном теле живут страсти, вожделения, желания. Ясновидческому взору они предстают как световые явления. Их совокупность образует то, что называется человеческой аурой. Нет настроения, эмоции, которые не отражались бы в цветовой игре ауры. Во внешнем мире мы также наблюдаем явления света и цвета. «И как ясновидящий, — говорит Рудольф Штайнер, — в астральном теле воспринимает красное, синее, желтое, зеленое, так физический глаз видит вокруг красное, синее, желтое, зеленое. В обоих случаях первопричина одна. Как за красным в астральном теле живет вожделение, так за красным цветком таится вожделение как «вещь в себе». Господствующее в цветке вожделение и является красным цветом последнего» (96; 19.X)*.

* Следует при этом отличать вожделение цветка от вожделений человека. У первого они таковы, какими человек имел их на древнем Солнце. Цветок имеет намерение, перерастающее в желание, обрести самобытие и одухотвориться. Это чувство его группового «Я», пребывающего в Иерархии Духов Движения. Некоторые биологи пытаются уподобить процессы в мире цветов человеческим — занимаются материалистической фантастикой.

Далее в цитированной лекции Рудольф Штайнер уподобляет процесс зрения выворачиванию сюртука, одна сторона которого — это наше астральное тело, а другая — астральность природы. При этом и там и тут мы должны представлять себе наличие совокупности элементарных духовных существ, носителей вожделений. Не будь их, природа была бы бесцветной*.

Астральное заявляет о себе в цвете. Вся красочность мира есть обратная сторона космической ауры. И если бы мы могли вывернуть наизнанку нашу ауру, то и ее мы увидели бы физически. Нечто подобное и происходит в органе зрения. Он образован внешним светом, в котором живут астральные существа. На древней Луне, когда еще не было внешнего восприятия, глаз жил в самом цвете, — т. е. цветом, проходящим через глаз, поддерживалась его жизнь. Глаз был неким органом дыхания цветом (как вкус был неким подобием современного дыхания воздухом). Весь человек тогда сжимался под действием красного и расширялся под действием синего. Это был жизненный процесс, который ныне мы переживаем лишь символически. В земном развитии человек перешел к восприятию с помощью органа зрения. И произошло это благодаря тому, что человек замкнулся от непосредственного влияния внешнего астрального в процессе зрения, поскольку стал обладателем «я».

Ранее уже отмечалось, что чувство осязания может быть взято в широком смысле. Мы осязаем не только руками, но и небом, и глазами, и носом. В основе всех этих переживаний лежит деятельность астрального тела, направленная к астральному внешнему миру. У животного она во всех восприятиях чувств одинакова. Что в человеке наделяет восприятия различными качествами — это «я». С открытием восприятий вовне, человек возвысился над стихийной астральностью, встал в активное к ней отношение. Но произошло это довольно поздно, ибо еще древний грек хотя и не дышал светом и цветом, но в значительной мере осязал глазами, жил в мире природы не размышляя о ней предметно, своим внутренним отождествляясь с внешним. У него, как говорит Рудольф Штайнер, в акте зрения частично еще сохранялась природа древнего цветового выдоха. Обратное же выдохнутое вернуться не могло. *Душа лишь отражала увиденное, и оно оживало в ней как представление. Это отражение, что бы мы о нем ни говорили, следует представлять себе как отталкивание, непринятие в себя духовных существ, отчето в душе, по принципу осязания, возникает собственный опыт.*

* Общее астральное тело Земли пронизывает также и камни. Только это древняя астральность, которую несли с собой металлы, пришедшие на Землю из космоса, — деваханическая астральность, окрасившая камни, она обладает глубоким моральным действием. Цвет камня вызывает в человеке решение стать совершеннее.

Рефлектирующее мышление — это такжсе осязание, в котором от соприкосновения с внешним интеллигибельным существом во внутреннем возникает понятие.

Ныне, с развитием я-сознания, открывается возможность вновь оживить древний способ восприятия и, например, в акте зрения не отражать поток идущих извне астральных существ (отчего возникает цветное впечатление), а дать им войти вовнутрь, «вдохнуть» их. На основе этого акта возникает созерцающая сила суждения, а далее открывается имагинативный мир существ света. Астральный организм глаза может впускать в себя также и существ собственного внутреннего мира. Тогда мы обретаем способность созерцать собственное эфирное тело. В таких имагинациях, несомненно, содержится много субъективного.

Способностью «впускать» в себя астральный мир света обладал Гете. Его созерцание мира природы вновь, как у греков — было предметным, почему в ответ на сделанное ему Шиллером возражение, что описанное им прарастение есть идея, он произнес знаменательные слова: «Это лишь дает мне право утверждать, что свои идеи я вижу глазами». Спонтанно созерцающая сила суждения вспыхивала у многих умов, оставивших заметный след в науке: у Архимеда, когда он принимал ванну, у Галилея во время наблюдения качания маятника, у Ньютона, смотревшего на падающие в сад яблоки. Менделеев «увидел» идею периодической системы элементов во сне. Гете, в отличие от них, дал новой способности человеческого духа научное обоснование.

11. Вещества, элементы, эфиры

В ЧУВСТВЕ ТЕПЛА мы вновь приходим к непосредственному соприкосновению низшего «я» с высшим. Но, в отличие от осязания, в чувстве тепла «я» не возвращается в себя, а переходит внутрь внешнего мира. Высшее Я при этом наполняет душевное тело (рис. 27, 37, 38). Оно, как мы помним, едино с душой ощущающей, и все же отлично от нее. Его субстанцию, говорит Рудольф Штайнер, составляет наиболее тонкая часть эфирного тела, и потому душевное тело связано и с эфирным, и с физическим телами. В нем тепловой эфир приходит в соприкосновение с физическим теплом, благодаря чему «я» и Я соприкасаются и даже меняются местами. Вследствие этого чувство тепла не носит осязательного характера, оно не отражательно и позади него открывается не имагинативный, а инспиративный мир, где «я» приходит к тождеству с внешними сверхчувственными объектами.

Душевное тело — сложное образование. Оно подвержено закону наследственности. Оно строится сообразно природе души ощущаю-

щей и потому носит еще название тела ощущений. В нем накапливается опыт воплощений, как совокупность причин и следствий. Дарованное Духами Формы Я тклет в нем «... и как бы высасывает (из него) субстанцию для души ощущающей» (59; 25.XI). А поскольку душа сознательная развивается благодаря тому, что мы осознаем внешний мир с помощью нашей телесности, то тело ощущений, душевное тело, является ее инструментом, инструментом в выработке я-сознания. При этом душа рассудочная, как и в иных случаях, играет роль звена, опосредующего связь души ощущающей и сознательной. И мы, таким образом, в чувстве тепла приходим к звену, где «я» выступает как совокупность всей тройственной души, а эфирная и астральная субстанции человеческих оболочек переходят одна в другую, достигая физического тела.

В чувстве тепла в ответ на различия между температурой окружающей среды и нашего тела душевное тело высылает навстречу внешней астральности внутреннюю, нашу астральность. Происходит нечто подобное действию Самодуха в чувстве движения. Следует заметить, что противоположность чувств по отношению друг к другу возникает не только по обе стороны изображенного на рис. 37 горизонтального диаметра, т.е. между внешними и внутренними чувствами, но и в любой их диаметральной противоположности, чем они дополнительно поясняют одно другое.

Когда нам не хватает сил нашей внутренней астральности, чтобы уравновесить приток внешней, мы обжигаемся, обжигаемся о чрезмерное соприкосновение с Я. Но когда душевное тело не только ничего не высылает вовне при соприкосновении с холодным предметом, но даже чрезмерно сжимается в себе, то также происходит ожог, ибо о холодный предмет мы тоже «обжигаемся», но как бы изнутри. В обоих случаях процесс протекает в тепловом эфире, который связан с индивидуальной душой сознательной. Это в ней сказывается могущественная тень Я, отбрасываемая из сферы Самодуха. В чувстве тепла это Я должно остаться строго на границе души (душевного тела) и тела и не проникать вглубь их, иначе оно их обожжет.

Мы немало говорили о значении тепла в эволюции и знаем, что из него сгустилась вся вещественность физического мира; оно же, в свою очередь, сгустилось из субстанции мира астрального. Эта субстанция проходит через множество ступеней и видов проявления, прежде чем достигает физического мира. И повсюду она состоит из существ. Лишь материя не содержит в себе сущности, т. к. поддерживается сущностью извне. То, что удерживает материю в бытии, — это элементарные существа, рожденные Иерархиями в помощь себе. Они приводят астральное тело Земли в связь с эфирами и элементами. У этих существ есть названия, которые были известны

еще древним грекам. Если мы сведем все четыре их рода и все сопутствующие им связи в одну таблицу, то получим бесполезное дополнение к той сложной картине, которая дана на рис. 38.

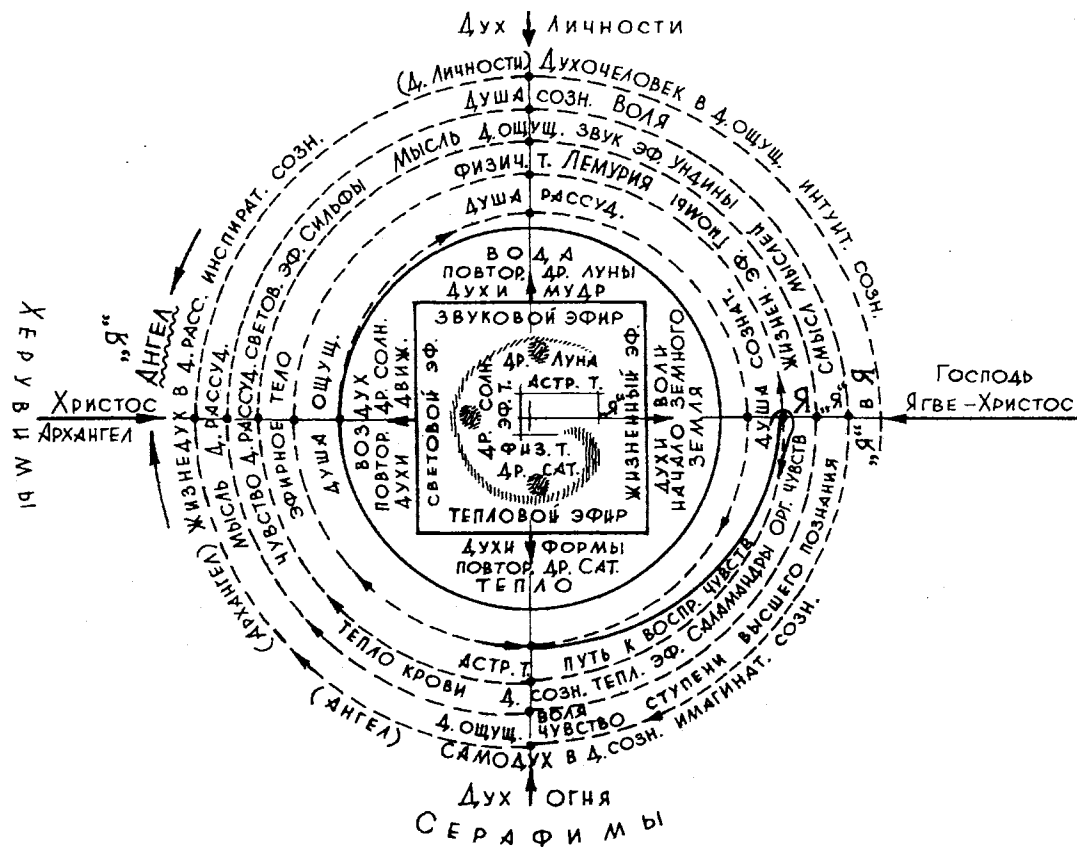
↑ физ.т. — Земля — жизн.эф. — земное — физ. —	↓ гномы — Д.Личности
астр.т. — др.Луна — звук.эф. — водное — эф. —	ундины — Архангелы
эф.т. — др.Солнце — свет.эф. — возд. — астр. —	сильфы — Ангелы
Я — др. Сатурн — тепл. эф. — огнен. — «я» —	саламандры

(122; 20.III)

Табл. 6

Саламандры в ряду элементарных духов стоят особо. Они «я-образны» (102; 16.V), «находятся в связи с мыслями человека. ... что лежит в основе мыслей — это принадлежит роду существ огня. Войдя в их сферу, человек видит в мыслях не просто себя, но мысленное содержание мира, которое имеет имажинативный облик» (230; 3.XI). И еще Рудольф Штайнер говорит, что существа огня «...стремятся к высшим Иерархиям и несут им знание о Земле» (230; 4.XI). Но и гномы «полностью являются рассудком, все в них один рассудок, но рассудок универсальный», они вбирают «идеи Мироздания через растительный мир Земли и несут их в минеральное царство» (230; 2.XI).

Родственная природа саламандр и гномов в их отношении к интеллигибельному миру позволяет тот ряд, где они находятся в полярно противоположных друг другу позициях, замкнуть в круг. Следствием этого замыкания является связь человеческого «я» с физическим телом. Эта связь представляет собой, с одной стороны, конечный результат долгого эволюционного процесса, а с другой — она образует звено в сложной цепи взаимосвязей, последовательно переходящих одна в другую. Характер их для нас уже не представляет тайны, поскольку мы довольно долго занимались им. Однако и полной ясности в этом вопросе мы еще не достигли. Поэтому посмотрим на него еще с одной стороны. Изобразим по-другому полученное на рис. 38, а именно — в виде последовательной цепи взаимосвязей (см. рис. 41). Тогда нам откроются новые грани понимания. В центре рисунка мы имеем древнюю спираль развития трех первых эонов. Они разделены пралаймами; мы отметим лишь ту, что разделяет зоны древней Луны и Земли. Эон Земли (первый, внутренний круг) начинается с повторения трех предыдущих. Они образуют ступени основополагающей земной метаморфозы. В эзотерике они носят название состояний жизни (царства, рунды). В ходе этого повторения возникают тепло, воздух и вода. На четвертой ступени, в четвертом состоянии жизни, начинается соб-

PINC. 41

ственно земное развитие. Оно знаменуется образованием продуктов сгорания: земли, золы, минерального, — все это обозначения одного и того же. Основу бытия всех четырех элементов образуют четыре эфира; из них тепловой — переходный. Идя вниз от теплового эфира, сгущается вещественность, вверх — утончается эфирность. Уже на древнем Солнце появление воздуха сделало тепло более грубым, но зато, с другой стороны, из него изошел световой элемент. Нечто подобное повторилось на Земле: с уплотнением тепла образовался воздух, газообразное, но одновременно — свет и световой эфир, а последний утончился до звукового эфира, который упорядочивает все физическое бытие. Далее звук становится осмысленным словом. Это происходит благодаря тому, что звуко-эфирное пронизывается Мировым Словом, Логосом. Он же есть «действительно ткущая, волнуемая жизнь» (122; с.57). И из Слова на Землю лучится свет. Так в Логосе на Земле приходит к синтезу деятельность всех четырех элементов и четырех эфиров. «В нем была жизнь, и жизнь была свет человеков», — так говорится об этом в Евангелии от Иоанна.

Во взаимодействии эфиров и веществ действуют Духи Формы. Они же суть служители Христа — Элоимы. Элоимам, в свою очередь, служат существа 3-й Иерархии. Духи Формы осуществляют свою деятельность изнутри, из сокровенного, идя от переходного, теплового эфира, а их служители, Духи Личности, действуют им навстречу, неся световой элемент, в котором тепло и воздух приходят ко внешнему откровению. В книге Бытия этот процесс выражен словами Бога (Элоимов): «Да будет свет».

Среди творящих земной эон Духов Формы совершенно особое положение занимает Ягве. Он — и Элоим, и еще нечто большее: непосредственный служитель Логоса. Поэтому для древних израильтян Он — Господь Бог (Быт.,2;4). Этим же именем они называли и пришедшего на Землю Христа. Ягве действует со стороны сил жизненного эфира, в чем и выражается его связь со Христом: «И сказал Бог: Да произрастит Земля зелень, траву, сеющую семя». Христос дает жизнь через Ягве (в котором тогда является Дух Мудрости), и через него же Он одаряет человека искрой Я. Деятельность эту, естественно, следует рассматривать как произведенную всей Иерархией Духов Формы, совокупную силу которых являл Собой на Солнце, до нисхождения на Землю, Христос. Ягве же образует переход от Солнца к Земле через Луну. Для человека он — представитель Христа до Мистерии Голгофы. После Голгофы Христос, как «Путь, Истина и Жизнь», Сам становится Богом человеческого Я.

Но человек живет в земной вещественности, и здесь деятельность Ягве доходит до минерального, а в самом человеке — до форми-

рования физического мозга, встречаясь там с Отчим началом, представленным деятельностью Духов Воли. Именно из сотворчества Ягве и Духов Воли возникает физический мозг. Само же мыслящее «я» возникает на ином пути — через деятельность Ангела, носителя Самодуха. Этот процесс можно назвать «спиральным». На микроуровне он является повторением макрокосмической спирали первых трех зонов. Отношение между Ягве и Духами Воли в известной мере диалектично. Ими образуется некое поле духовного напряжения, которое становится перводвигателем «спирального» процесса, приводящего к возникновению мыслящего «я». В этот процесс, естественно, укладывается и развитие всей системы восприятий чувств.

Глядя на рис. 41, мы должны постоянно представлять себе два рода сил: действующих по спирали и по осям. Причем, если спираль выражает путь развития человека, то действие Иерархий идет всеми путями; заметим еще, что спираль бывает то внутренней, то внешней. Рисунок вновь позволяет нам увидеть перекрещивающуюся деятельность эфирных и астральных сил в тройственной душе. Их взаимосвязь возникает в результате процесса развития, идущего по спирали, результатом чего предстают нам связи внутри многочленного существа человека, данные по осям рисунка. Тогда оказывается, что, с одной стороны, существует связь между земным теплом, астральным телом, душой сознательной, а далее — и душой ощущающей (по оси; см. также рис. 38), а с другой — между звуковым эфиром, водой, физическим телом; и далее эта связь выходит во все три сферы души, и т. д. Важно, конечно, понять еще, в каком смысле правомерно говорить о тех или иных связях. Всех точек зрения в нашем подходе мы, естественно, рассмотреть не можем, но многое уже дано самим рисунком.

Возвращаясь к деятельности Духов Формы — а они являются ведущей Иерархией в творении земного эона, как на древней Луне таковыми были Духи Движения, — следует особенно подробно рассмотреть их роль в становлении всех четырех эфиров. Через свет Духи Формы открыли себя, но всю деятельность внутри света они передали Духам Личности не только правильного, но и отставшего развития, которые стали носителями «тьмы». Так что вся сложная игра светотени есть деяния Духов Личности. Но с образованием звукового эфира, возникшее как смена дня и ночи, стало упорядочивающе действовать на жизненные процессы. Собственно, эта упорядочивающая, гармонизирующая деятельность и есть звуковой эфир. И в нем следует видеть деятельность Духов Личности. Что же касается самого «ткущего света» (не смены дня и ночи), светового эфира, то в нем начинают выражать себя Архангелы. Они для Духов Личности — «носители света». Далее, когда

Духи Формы жертвуют Я, Духи Личности хранят его в жизненном эфире, который со временем внесет в абстрактное мышление истинную жизнь. Архангелы же несут «искру» этого Я — через звуковой, световой, вплоть до теплового, эфиры — отдельному человеку. На последнем этапе в свете и тепле ее принимают в свою сферу Ангелы. Так раскрывается связь всего того, что на первый взгляд могло показаться противоречивым при сопоставлении рис. 38, 41 и табл. 6.

Сам Ягве выступает как творец жизни, самой себе дающей форму, облик. И в этой деятельности ему противостоит существо смерти, оставший Архангел, Ариман. Как тьма призвана подчеркнуть силу света, так смерть должна служить изобилию жизни. Жизнетворящая деятельность Ягве стала возможной благодаря тому, что он привел к единству деятельность всех эфиров, сделал ее целостной, что, в свою очередь, привело к образованию эфирного тела человека. Другие Духи Формы совершают эту работу для царств природы. Эфирное тело, в свою очередь, действует формообразующе на бесформенную (и даже стремящуюся растворить всякую форму) деятельность эфиров. И пока эфирное тело носит групповой характер, силой Духов Формы сдерживается его центробежная тенденция. С образованием же я-сознания их работу должен взять на себя человек. И поскольку он пока на это не способен, то единство его эфирного тела хранит Христос силой Своего Жизнедуха. Он действует вплоть до элементов физического тела, сдерживая в нем центробежную работу элементарных духов. Но после смерти физическое тело растворяется, и Христос тогда хранит зачатки индивидуальной (вечной) жизни человека до следующего воплощения.

Духи Формы, даровав сотворенному бытию жизненный принцип, который наиболее чисто выражен в растительном царстве, вызвали затем противостояние бытия внутреннего и внешнего. Это была «деятельность, которая устремляется к Земле извне, дабы могло произрастать не только растениеобразное, но и животноеобразное, внутренне ткущая в представлениях и ощущениях жизнь» (122; с.107). И здесь мы приходим к истоку образования астрального тела. Оно притягивается к Земле ее тепловой стихией, и мостом для их связи служат Духи Огня, Архангелы. Действием астрального тела было положено начало закреплению эфиров в элементах силой индивидуального земного начала. Внешне это выразилось в сгущении элементов до состояния вещества.

Первым членом человеческого существа, которым пребывающий до того в духовных сферах человек соприкоснулся с процессами, протекавшими на Земле, была душа ощущающая. Эта азбучная в Духовной науке истина известна далеко не всем, даже серьезно зани-

мающимся изучением Антропософии, поэтому мы сообщаем, что Рудольф Штайнер говорит о ней в цикле лекций «Тайны библейской истории творения мира» (ИПН. 122). Душа ощущающая была создана Духами Движения в конце зона древней Луны (а потенциально она существовала уже со времен древнего Сатурна), т.е. в конце триады первых зон, когда человеческое существо уже обладало тремя телами. На Земле она выступила первой, как только астральное тело Духов Движения сгустилось до светового эфира. Далее, по мере сгущения эфирного тела Духов Мудрости до звукового эфира, стала астрально формироваться душа рассудочная, и астрально же, с помощью Духов Формы, в третью очередь, сформировалась душа сознательная. Вся душа была в тот период не чем иным, как высоко духовным выражением деятельности указанных Иерархий. *И когда она низошла в сферу Ягве, он облек ее в астральное тело как в индивидуальную оболочку, содержащую в себе все будущее человечество.* Это и было сотворением Адама. Далее деятельностью Ягве астральное тело человечества было приведено в связь с воздухом: «...вдунул в лице его дыхание жизни», и с теплом: «...и стал человек душою живою», что повлекло за собой соединение астрального тела с эфирным, т.е. как ранее астральное, так теперь эфирное вычленилось из макрокосмоса в качестве эфирного тела человечества. Как совокупность четырех эфиров, оно пришло в связь с элементами Земли. Связь эта была многозначной. В эпоху Лемурии уже имелось несколько родов человеческих эфирных тел, а в водной стихии, соответственно, разные типы водо-тепло-воздушных тел. Однако в них еще не было определенно сформированных органов жизни, а органы чувств были обращены к сверхчувственному.

Нисхождение Я совершилось в душу сознательную, после того, как астральное тело «расчленилось на Земле на душу ощущающую, рассудочную и сознательную» (13; с.244). Душа сознательная к этому времени нашла отношение к вещественности воды, после чего, в человеке начинается более внутренняя и автономная работа, где Я вращивается в душевное, опираясь на внутреннее тепло крови. В элементе тепла вызревает индивидуальная душа сознательная. Оба эти положения и изображены на рис.38. И они остаются таковыми, если речь идет об образовании системы восприятий чувств. Но с рождением я-сознания картина меняется; возникают отношения, данные в табл. 6. В них «я» приходит в связь с элементом тепла (крови) и тепловым эфиром, душа ощущающая — с воздухом и световым эфиром, душа рассудочная — с элементом воды и звуковым эфиром, душа сознательная — с элементом земли и жизненным эфиром. Понять получившуюся перестановку мы можем, сопоставив рис. 38 и табл. 6.

Из рис. 38

1. тепло	душа ощущ.
2. воздух	душа расс.
3. вода	душа созн.
4. земля	Я

Табл. 6

тепл.эф.	жизн.эф.	душа созн.	земля
свет.эф.	звук.эф.	душа расс.	вода
звук.эф.	свет.эф.	душа ощущ.	воздух
жизн.эф.	тепл.эф.	«Я»	тепло

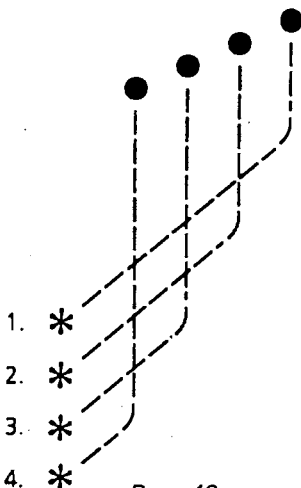

Рис. 42

Кому не понятно происхождение стрелок в новой таблице, подскажем, что они представляют собой упрощенное изображение метаморфозы, принцип которой нам уже знаком. В истинном виде она выглядит так, как это изображено на рис. 42.

С возникновением я-сознания эфирные оболочки человека и с его душой, будучи уже опосредованы не высшим, а низшим «я». При этом, конечно, метаморфизму подвергнется и все остальное, вплоть до влияния на человека планетных сфер, что будет показано в следующей главе.

Божественный мир после этой метаморфозы как бы отдалится от человека, предоставляет его развитие законам эволюции, осуществляющимся внутри эволюции видов.

В Библии говорится о седьмом дне творения, в который Бог «...почил ...от всех дел Своих, которые делал. И благословил

Бог седьмой день и освятил его». Это Божественное благословение и действует с тех пор в эволюции видов и в культурно-историческом развитии, которые христианская церковь не хочет признавать. Она пугается их абстрактного выражения, но можно научиться переживать и трепет от высокого совершенства и красоты действующих в них законов, ощущая присутствие десницы Творца, что было свойственно науке в эпоху Гали-

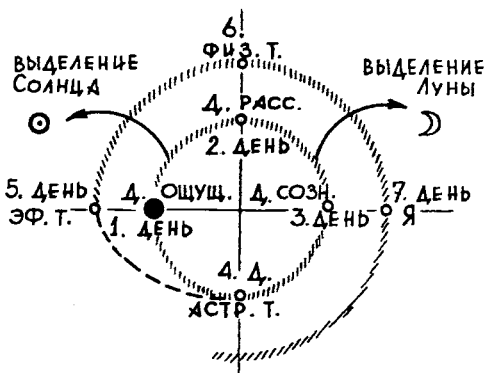

Рис. 43

лея, Дж. Бруно, Коперника, Ньютона и даже Дарвина и Геккеля. Все эти мужи науки не оставили нас в неведении на этот счет.

Переход развития в распоряжение земных закономерностей ознаменовался открытием органов чувств вовне. Человек обрел тогда самочувствие и ощутил отличие своего существа от окружающего мира. На рис.41 это состояние отмечено точкой Я, от которой движение идет в обе стороны: к физическому телу и к душе сознательной. Круг первого движения приходит в точку «я» в осознании, за которым «я» переходит во внешний мир (см. также рис. 27). Противостояние «я» и Я на горизонтальной линии имеет еще и высший аспект, выражающийся в чувстве тепла, являющемся вратами Я в чувственный мир. Поэтому от чувства тепла «я» в Я, т. е. я мыслящее, зарождающееся я-сознание начинает двигаться вниз, если смотреть на рис. 41, и вверх, согласно сказанному во II главе, т. е. к душе ощущающей, рассудочной, сознательной.

На рис. 41 имеется еще одна, не понятая нами особенность. Она заключается в том, что мы поставили существо Ангела действующим на стороне души рассудочной. Правда, отчасти мы с этим уже столкнулись ранее. В табл.6 действие Ангела поставлено в сферу светового эфира, а на рис. 38 именно там раскрывается действие души рассудочной. Таким образом, дело здесь заключается в метаморфозе космического развития человека в индивидуальное. Смысл этой метаморфозы необычайно глубок, и по сей день она еще не завершилась.

Уже говорилось о том, что до Мистерии Голгофы Ангел обитал в человеческом «я», когда оно было групповым. Такое «я» действовало в наследственности, в кровном родстве, поскольку высшее Я нисходило в тепло крови. После Мистерии Голгофы Ангел оставил «я», и с тех пор оно представляет собой лишь оболочку, сотканную из индивидуальных мыслей, чувств и волеизъявлений. Но в сфере восприятий чувств Ангел продолжает действовать и поныне. На рис.41 это следует представить себе так, что от самого края, где «я» переходит в Я, Ангел как бы простирает свои руки вверх и вниз по кругу и так тклет всю шкалу восприятий чувств, идя навстречу «я». Но наравне с этим здесь происходит и кое-что другое.

После Мистерии Голгофы, по словам Рудольфа Штайнера, Ангел оставил человеческое «я», чтобы в него могло низойти Я Христа. Мы уже описали этот процесс, в котором, пройдя через сферу Самодуха и души сознательной, Я, как Жизнедух Христа, должно пронизать душу рассудочную, в которой для Него подготовлено тело «я». Чтобы такое могло совершиться, Ангел после Мистерии Голгофы совершает в человеческой душе некий путь, который на нашем рисунке (41) можно представить проходящим по

горизонтальной оси. Ангел переходит на сторону души рассудочной единственно лишь силой Христова Импульса и готовит ее, а с нею и эфирное тело человека, к Его пришествию. Но работу свою Ангел совершает в астральном теле.

Чтобы ее понять, необходимо еще раз вернуться к рис. 31. Мы показали там сдвигение тройственного духа, произошедшее в зоне Земли. После Мистерии Голгофы нечто подобное начало происходить и с тройственной душой, началась ее христианизация. Ангел готовит душу рассудочную к нисхождению в нее Жизнедуха, работая из сил человеческого «я», поскольку оно изживает себя в мире мыслей. В том же направлении идет и действие Христова Импульса — через духопознание. Ангел в этой работе восходит к следующей ступени своей эволюции, где он овладевает индивидуальным Жизнедухом, т.е. взойдет на ступень Архангела. Поэтому мы должны представлять себе Ангела уже ныне стоящим на стороне Архангела и определенным образом оказывающим действие на душу рассудочную. Для человека это факт исключительного значения, ибо в нем мы имеем дело с решающим эволюционным сдвигом. В сознании людей укоренилась привычка считать, что эволюционные изменения наступают столь редко, накапливаются столь долго, что лишь теоретически следует думать о них. Однако сколь бы редко такие сдвиги ни происходили, один из них совершается в нашу, пятую послеплатиническую культурную эпоху и вызывает состояние, полное драматизма.

В эпоху души сознательной, говорит Рудольф Штайнер, правомерные «...Ангелы (Ангелы Света. — *Авт.*) в большей мере владеют кровью, а Архангелы действуют преимущественно в нервной системе. ...Архангелы более действуют в мозгу, а Ангелы — в сердце» (177; 28.X). Сказанное следует понимать так, что тот древний импульс, что низошел от Ангелов и пробудил в греках мыслительный процесс, оставивший затем гигантские следы в истории философии и развитии наук, в нашу эпоху метаморфозируется в нечто иное, в сердечную мудрость, где решается проблема: как соединить Духа Мудрости и Духа Любви в индивидуальном опыте души.

Архангел — в первую очередь Архангел Михаэль, — имеет в своем ведении космическую интеллигенцию, которая как откровение мудрости наполняет через Самодух душу сознательную, но также светит и в душу ощущающую. Таким путем Архангел шествует к своей следующей иерархической ступени, где он становится Духом Личности. Дух Личности, соответственно, восходит к достоинству Духа Формы, внося в человека его дар — Я. Таково то новейшее звено эволюции, к которому подошел человек. Оно осуществляется с абсолютной неизбежностью, вне зависимости от того, готов к нему человек или нет. Он должен быть к нему готов, поскольку под-

готовительный период длился довольно долго — 2500 лет. Но кто упустил это сделать — перед тем ныне встает опасность отстать от эволюции. О том, как это происходит, Рудольф Штайнер впечатляющим образом говорит в лекции от 9 окт. 1918 г. (ИПН. 182), известной под названием «Что делает Ангел в человеческом астральном теле?». На основе полученных нами результатов мы, в дополнение к содержанию этой лекции, можем сказать, что на пути к достоинству Архангела Ангел в первую очередь нуждается в реализации человеком всей полноты восприятий, какие ему даруют органы чувств. Чтобы реализовать эту цель, человек работает одновременно в двух направлениях, проходит через два ряда метаморфоз, следуя за работой Ангела в круге восприятий чувств. Мы имеем тут дело с прямым продолжением той работы Ангела, которую он вел в человеке на древней Луне. Там, как мы помним, он, благодаря человеческим органам чувств, переживал имажинативные образы происходившего в вещественной среде древней Луны. В человеческих существах это вело к индивидуализации астрального тела. На Земле имажескими силами мыслящего сознания. Как это происходит?

Что в духовном мире встает как имажинативные образы (существа), то в астральном теле рождает импульсы движения, рождает желания, вожеления, ощущения, действует как инстинкты. Из всего этого, собственно, и составлено астральное тело, и оно дано человеку не будучи опосредованным восприятиями. Когда возникает внешнее восприятие, то в астральном теле встает его образ, который остается там уже вне зависимости от наличия внешнего восприятия, и строит в астральном теле нечто новое, индивидуально-человеческое, с чем прежний имажинативный образ приходит лишь в теневое отношение, как понятие. Так образуется мир человеческих представлений, оболочка «я». Процесс этот достигает даже физического тела. Мы отмечали уже, что, например, образы, рождавшиеся в человеке чувством обоняния, повели к видоизменению структуры мозга, приспособили его к мышлению. «Образ, — говорит Рудольф Штайнер, — также можно назвать ощущением, если только слово ощущение относить не к самому чувственному переживанию, а к его внутреннему содержанию» (45, с.65). Это означает, что образное ощущение принадлежит астральному миру. В чувственном же мире дано содержание ощущения, которому «я», когда оно переживает себя, противостоит как образное ощущение. В самопереживании «я» образное ощущение уже стоит свободно в пространстве. И это есть человек мыслящий. Так работает Ангел в астральном теле человека с помощью восприятий чувств, где, так сказать, половина работы выполняется человеком. На Земле восприятий чувств у человека больше, чем на древней Луне, и среди них такие, которые выводят

его в культурно-социальную среду, где объектами внешней реальности выступают сами люди и их творения. И здесь Ангел хочет родить в астральном теле уже иные образы. В таком случае, например, чувство слуха следует понимать расширительно. Оно тогда означает умение слушать душу звучащего объекта, каков бы он ни был. Этим умением человек овладевает, приподнимаясь над собственной душой сознательной, в какой-то мере соприкасаясь своим «я» с Самодухом. Тогда между «я» и чувством слуха развивается орган чувства речи, а между даром слова и «я» — орган фантазии. Фантазия коренится в том же мире, в котором на древней Луне Ангел переживал, благодаря органам восприятия человеческих существ, имажинации. На Земле фантазия — всецело человеческий дар, в ней человек обретает свойство Ангела. И в мозгу, отмечает Рудольф Штайнер, наравне с органом понятия, имеется специальный орган фантазии.

Однако настоящей творческой фантазией, в которой выражается человеческая свобода, как и высшими (но не сверхчувственными) восприятиями чувств, обладают пока немногие люди. Оттого растет опасность отстать от эволюции. Ибо, как говорит Рудольф Штайнер в указанной выше лекции, если люди не захотят пойти вместе с Ангелом к выработке в себе новых образов, он перенесет свою деятельность в эфирное тело спящего человека, когда «я» и астральное тело удалены из него. Мы можем понять сказанное так, что речь здесь идет о формировании новых эфиров, которые, образуя основу высших восприятий чувств, должны затем послужить овладению высшими ступенями сознания, и в первую очередь — имажинативным сознанием. И если человек не станет восходить к нему, то оно останется для него в бессознательном и в том случае, когда в его эфирном теле будет существовать реальная основа для овладения им. Поэтому инстинкты астрального тела, придя в связь с имажинативной сферой, и приобретут значительно большую, чем теперь, власть над человеком. *Они станут в сфере желаний и воледействий действовать с мощью инстинкта жизни.*

Чтобы такого не случилось, Ангел побуждает нас вырабатывать образы, по меньшей мере, соответствующие высоте души сознательной, а в моральной сфере они должны восходить даже до интуиций. Эти образы Ангелы ткут под руководством Духов Формы, т.е. исходя из импульсов Я, которые трех родов. В силу действия первого из них в социальной жизни людей должно возникнуть состояние, когда никто не сможет чувствовать себя счастливым и спокойным, если рядом кто-то страдает. Таков принцип «абсолютного братства, абсолютного единения человеческого рода, правильно понятое братство в отношении социального развития в физической жизни» (182; с.140). Силой второго импульса человек в будущем должен на-

учиться видеть в других людях скрытое Божественное. Ибо в каждом человеке через плоть и кровь открывается нечто от Божественной Основы Мира, поскольку «Слово стало плотью». Со временем на земле разовьется свободная религиозная жизнь. Уже одна только встреча с человеком будет переживаться как некое таинство, а жизнь станет выражением сверхчувственного мира. Третий импульс побуждает «...дать человеку возможность через мышление достичь духа...» Итак: «Духовная наука для духа, религиозная свобода для души, братство для тел. — Это звучит как мировая музыка через работу Ангела в человеческих астральных телах» (182; с.142).

Развитию всех трех импульсов предстоит долгий путь, но нечто решающее должно быть сделано уже сейчас. Почему именно сейчас? — Это можно понять, исходя из характера эпохи души сознательной. Многое, даже решающее, часто происходит ненавязчиво в эпоху свободы. Поэтому в той части человечества, где свободой всерьез овладевать не желают, окрепло впечатление, будто бы с человеком вообще ничего не происходит, а если и происходит, то носит относительный характер и может быть истолковано и так и этак. Однако уже нельзя не замечать грозных знаков времени, которые многие хотя и называют апокалиптическими, но относятся к ним, как и ко всему другому, легкомысленно.

В противовес такому настроению встает задача понять, что за путь уже пройден человечеством, и из нагромождения бессвязных отдельных воссоздать истинный образ современного мира, а в нем — человека. В свое время Гете говорил о четырех типах людей нашей эпохи. Первый из них — «искатели пользы, способствующие ей. ... (они) как бы очерчивают сферу науки, схватывают практическое. Сознание благодаря опыту дает им уверенность, рождает потребность известной широты». Другие — любознательные, «...они нуждаются в спокойном, некорыстолобивом взгляде, в подвижном любопытстве, ясном рассудке». Им полезно общение с первыми, поскольку в научном смысле они также перерабатывают лишь то, что находят уже готовым. К третьему типу относятся «созерцающие», пребывающие «в продуктивном состоянии»; для них «знание, которое возвышает само себя, требует, без того, чтобы это было замечено, созерцания и переходит к нему, а потому также знающих (познающих) так сильно распинаят и благословляют перед имажинацией, что они, прежде, чем поймут это, вынуждены звать на помощь продуктивную силу воображения». Наконец, к четвертому типу людей Гете относит «способных все схватывать взглядом и приводить к синтезу». Они суть творцы, «продуктивны в высшей степени. Когда они исходят именно от идеи, то уже высказывают единство целого, и после того это уже дело природы — приладить себя к этой идее»⁹⁸.

Нам, людям XX века, необходимо понять, что восхождение по всем четырем ступеням, описанным Гете как типы личности, составляет полноту нашей человеческой задачи в эпоху души сознательной. Мы подошли к этой задаче в результате едва обозримой эволюции, и в нас заложены силы для ее решения. Потому и задача эта — эволюционная. Уже в начале века Рудольф Штайнер дал идею социальной трехчленности как единственной альтернативы войнам и хаосу, которые неизбежно будут разрушать цивилизацию, если она и дальше будет упорно стоять поперек дороги истинному, а не вымышленному прогрессу.

Трехчленное (а не трехчастное, как у Платона) социальное устройство общества должно иметь вид трех взаимопроникающих, но совершенно автономных сфер жизни: хозяйственной, духовной и правовой. Сам человек при этом, как четвертый элемент, является звеном, связующим все три сферы воедино, как организм, поскольку он и субъект труда, и гражданин, и духовно автономная, неповторимая личность. Благодаря жизни и деятельности в трехчленной социальной структуре в каждом человеке должны вызревать те образы, которые вызывает в его астральном теле Ангел, для чего необходимо иметь: 1) интерес к человеку; 2) понимание того, как из духовного мира Ангел показывает, что Импульс Христа, кроме многого иного, обуславливает полную религиозную свободу, что и является истинным Христианством; 3) «...неопровержимое прозрение в духовную природу мира» (182; с.145), к чему, собственно, и ведет созерцающая сила суждения.

На пути к выработке новых качеств человек встречает духовных существ препятствий. Они стремятся не допустить выработки души сознательной, способной прийти в соприкосновение с Самодухом. Люциферические духи при этом действуют таким образом, что стремятся вернуть человека к тому древнему состоянию, когда Я осеяло все человечество в целом и было совершенным зеркалом деятельности Духов Формы. В то время Люцифер, желая отнять Я у Иерархий, поскольку сам он упустил возможность выработать его на древней Луне, искусил человека обратиться к познанию, к выработке индивидуальной интеллигенции в тройственной душе. Он надеется захватить Я в раздробленном виде, используя для этого человека, и потому, подтолкнув его к обретению свободы, он теперь не желает, чтобы человек из я-сознания обращался к Богу. Он старается сделать человека поступающим морально автоматически и ввергнуть его в древнее ясновидческое состояние, в котором душа сознательная, действуя макрокосмически, через тепло крови рождала переживание родового «Я» (см. рис. 41). Достичь своей цели Люцифер стремится через такие социальные устройства, которые сделали бы человека благочестивым насильственно. Не составляет

особого труда разглядеть в современном мире — где и как Люцифер собирает свою жатву. В дальнейшем он надеется вообще устранить Землю, как место для человеческих реинкарнаций, а все бытие раньше времени, пока люди еще не успели для этого созреть, перевести в тепловой эфир, световой и т.д., и тем земной эон сделать повторением лунного.

Иначе действуют ариманические духи. Они стремятся все духовное интерпретировать в понятиях физических полей энергии, поскольку именно там, в подприроде, ткуют они свое будущее. Ариман, как говорит Рудольф Штайнер, является большим учителем материалистического дарвинизма и всяческих технических открытий, практической деятельности, направленной на удовлетворение чисто физиологических потребностей. Его первая задача — затмить в человеке знание о духовной эволюции, которое показывает, что человек есть истинное творение Божье. А далее он стремится свести «я» в физическое, утопить его в бессознательном, включить его в естественный кругооборот природы и вернуть человека к животному состоянию. Он знает о полярном противостоянии сознательной и сексуальной сфер и стремится первую затопить второй.

Положение, в которое человек уже приведен духами препятствий и которое мы попытались охарактеризовать во введении, может стать совершенно безвыходным, если люди не осознают, что делает Ангел в их астральном теле. Рудольф Штайнер предупреждал, что если Ангел перенесет свою работу в эфирное тело без участия человека, то к концу XX столетия сексуальная жизнь опустится до темной магии, инстинкты прорвутся в социальную жизнь и придадут ей свой облик. Тогда «...люди прежде всего будут побуждаться к тому, чтобы приходящее к ним обычно в кровь вследствие сексуальной жизни ни в коем случае не способствовало развитию братства на Земле, но всегда бы противилось ему. И это действовало бы инстинктивно» (182; с.150). И когда такой инстинкт, продолжает Рудольф Штайнер, выступит наружу, его назовут естественной потребностью; медицина назовет болезнь здоровьем, и даже будут найдены некие вещества и отправления, развивающие сексуальный инстинкт.

Ныне мы можем констатировать, что предсказания Рудольфа Штайнера сбываются: национализм с его магией крови, пропаганда сексуальной распущенности, йога-секс и проч. затопляют цивилизацию. И, как обратная сторона этой медали, при каждом удобном случае в социальную жизнь врывается инстинкт уничтожения. В социальных экспериментах оказываются ненужными целые народы, а далее все отчетливее просматривается конечная цель такого пути: упразднение человечества в целом.

Но сколь бы плохо ни шли дела человеческие, примиряться с происходящим никто не вправе. Хаосу и разрушению должно быть

противопоставлено познание духовной основы мира, главных событий его эволюции и, в первую очередь, того факта, что в XX в. в мире эфирных сил совершается второе Пришествие Христа. Лишь впадающая в материализм религиозность может настаивать на новом пришествии Христа в физическом теле, т.е. фактически на повторении первого Пришествия. Подобное можно утверждать лишь отрицая всякое развитие, чем, собственно, и занимается церковь. И то, на чем она настаивает, осуществится. В скором времени в физическом теле придет некое существо и станет выдавать себя за Христа. Но это будет Ариман во плоти.

Христу нет нужды приходить еще раз в физическом теле. Придя в нем однажды, Он привел его к воскресению. Зачем, спрашивается, Ему еще раз погружаться в темную телесность? Спасением одного Он спас всех, о чем красноречиво говорит весь Новый Завет. Моральная проповедь не составляет главного дела Христа. Для этого Он слишком великое Существо. Он совершает деяние. Проповедь же в мир могут нести Его посланцы — апостолы, люди высокой духовной жизни. Поэтому задача людей состоит уже не столько в том, чтобы понять, почему второе Пришествие Христа осуществляется в духе (это должно разумеется само собой), а в том, чтобы осознать Его Пришествие уже совершающимся.

У кого-то могут возникнуть недоуменные вопросы: почему же о втором Пришествии не знает церковь? римский папа? Но с подобными вопросами обращаются и к древнему миру: почему Голгофа совершилась не на главной площади Рима? — Событие Христа совершается не согласно принципам идеологии и массовой пропаганды, а в соответствии с внутренним развитием человека. В эпоху души сознательной человек пришел к состоянию (его не обязательно должны одновременно достичь все), которое было подготовлено в результате продолжительного развития. Не следует думать, что оставление Ангелом человеческого «я» произошло мгновенно. Этот процесс длился столетиями, в связи с чем перед людьми вставали новые задачи развития, в силу которых нужно было в земной жизни учиться опираться на мышление. Именно это, совершенно новое начало, пытался внести в античную культуру Сократ. Кто не хотел следовать за ним, — тянулся к старому ясно-видению, а в нем начали являться все более темные духи. Они проникали в культовые отправления и делали людей одержимыми. Стали возникать эротические культы (только их и знает современная наука), развиваться новые болезни, например, проказа. В упадок пришли даже многие Мистерии. Наиболее яркими выразителями того, что творилось в античной душе, не желавшей последовать за новым водительством Ангела, были Нерон, Калигула и подобные им.

Но со временем новое победило. Ныне, как замечает Рудольф Штайнер, любой крестьянин думает больше (но не глубже), чем Платон. Мышление стало разменной монетой. Им владеют, не замечая его. Из него творят абстрактные схемы, а из схем встают неистовства нашего времени. Нерон, в сравнении с их инициаторами, как говорит Рудольф Штайнер, выглядит «мальчиком-сироткой». Положение ныне усугубляется тем, что в силу законов эволюции человечество вышло из темной эпохи, Кали-юги — во время которой погасло старое ясновидение, — но оказалось при этом погруженным во тьму материализма. Вся структура человека ныне изменяется так, что, готово самосознание к переменам или нет, ему во все большей мере станет вновь открываться сверхчувственный опыт. Но как в древности было опасно удерживать его слишком долго, так теперь опасно получать его слишком рано. Уже почти на столетие отойдя от конца Кали-юги, мы можем все отчетливее видеть, как сквозь толщу материи начинает все более проступать сверхчувственный мир. Оттого материализм принимает все более оккультную, магическую окраску и таковым хочет утверждать себя в изменившихся условиях. В свое время Фрейд выражал ужас перед надвигающимся, как он говорил, «потопом» оккультизма. Его настроение было не лишено оснований, но он не видел иного, кроме материалистического, подхода к проблеме. Потоп возникает лишь в тех случаях, когда люди оказываются не готовыми к тому, к чему они готовились уже веками. Но не повсюду дела обстоят так. Например, к новому состоянию за сто лет до его наступления была готова гетеанистическая наука, которая, кстати сказать, была представлена не одним только Гете; в духе ее работали Карл Густав Энноззер, Эрнст фон Фойхтерслебен, Карл Фортлаге, Иоанн Карл Пассавант, Вильгельм Генрих Пройсс и др. Но следует сказать больше: гетеанистической в своей истинной сути (а не в интерпретации) была наука Гегеля, Фихте, Геккеля и многих других.

Антропософия увенчала этот долгий путь приготовления, начало которому положили Сократ, Платон и Аристотель. Она позволяет, кроме всего прочего, понять, что в последние две тысячи лет развитие идет от одних врат к другим, от Мистерии Голгофы ко второму Пришествию Христа. Образно это можно представить себе так, что божественный мир отослал человечество во мрак бездуховной эпохи ради того, чтобы было обретено я-сознание, приводящее к индивидуальной свободе. На этом пути в помощь людям был дан Сын Божий. Он, как свет, светил во тьму человеческих душ и ныне встречает нас у врат новой эпохи, через которые мы снова входим в духовные миры, если возвышаем свои индивидуальные способности. Поэтому нам и дано до определенной степени понять Мистирию Голгофы. Силу понимания Христос даровал людям после Своего

воскресения. Но понимание не может быть абстрактным. Мудрость в нем надлежит сочетать с любовью. И когда они сливаются воедино, мы обретаем силу истинной веры.

Ангел тем временем готовит эфирные тела людей к тому, чтобы приобщить их ко Христову воскресению. Оно совершается в духе, и благодаря ему становится возможной встреча со Христом в сверхчувственном мире. Человеку для этого необходимо «достроить» свою систему восприятий чувств, овладеть всей ее полнотой, чтобы далее не односторонне, а гармонично, из полноты человеческого, взойти к сверхчувственным восприятиям.

12. Три группы восприятий чувств

КАК МЫ УЖЕ ПОКАЗАЛИ, в чувстве тепла совершается особенно значительная метаморфоза внешних чувств — они обретают способность проникать во внутреннее внешнего мира, в его суть, данную через феноменологию духа. С другой стороны, само высшее Я, начиная с чувства тепла, все полнее входит внутрь человека. В результате этого мы обретаем опыт восприятия сути внешнего мира, т.е. нечто прямо противоположное мистике чувств. Мы приходим к переживанию интеллигибельного мира, тогда как прежде мы переживали только его производную — объекты чувственного мира, в котором «я» и мир всегда противостояли друг другу и требовалось преодолевать их дуализм. Начиная же с чувства тепла, «я» и мир выступают в одном переживании. И будет не совсем верно, если чувство тепла изображать, как это дано на рис.38, одним только внутренним кругом, как и осязание. То, что осязание проходит по кругу, не касаясь непосредственно «я», — мы уже выяснили. В отличие от него чувство тепла не просто объемлет душу, но пронизывает ее. В нем круг, объединяющий действие высшего Я и зародыша «я» низшего (душевное тело), включает в себя еще движение по лемнискате, проходящей через все сферы тройственной души и имеющей свой центр в точке «я». Эта картина особенно существенна для понимания феномена перехода от материи к духу в опыте души.

Все восприятия чувств, уже рассмотренные с точки зрения действующих в них духовных сил, распались у нас как бы на две группы. Первые четыре чувства возникают на некой периферии души и лишь косвенно заявляют о себе в ней. Следующие три чувства — обоняние, вкус, зрение — заявляют о себе непосредственно в душе, но при этом встает вопрос об их связи с первыми четырьмя чувствами. Обе группы предстают перед нами как бы самостоятельными. А тогда почему мы говорим о системе чувств? Картина тотчас проясняется, лишь только мы обратимся к чувству тепла, т.к.

именно оно соединяет обе группы чувств. Через него они получают возможность перетекать друг в друга и таким образом создавать целостный процесс рождения я-сознания.

Начиная с чувства тепла, мы вправе говорить о третьей группе чувств, которая включает в себя все остальные чувства. Принцип ее образования таков, что чувства в ней возникают из соединения процессов, образующих внутренние чувства, с процессами, которые в восприятии пронизывают сферы тройственной души. Для лучшего понимания обратимся к картине образования чувства слуха (рис. 44).

Из рисунка видно, что чувства третьей группы возникают из тройственных связей. Одна связь образуется между чувствами, противостоящими друг другу по обе стороны от горизонтального диаметра (рис. 37); для другой связи некоего рода ось симметрии образует чувство тепла. А в целом мы получаем картину триединства всей системы восприятий чувств, в которой противополож-

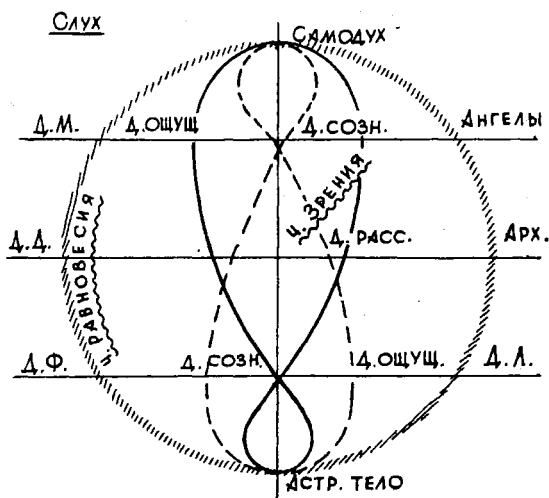
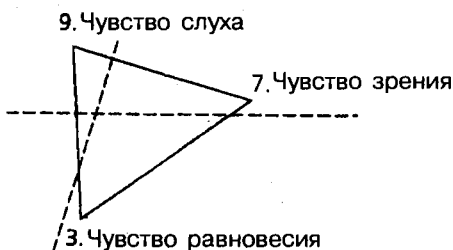

Рис. 44

ность первых двух групп приходит к синтезу в третьей группе чувств. И это не может быть иначе, ибо система восприятий чувств есть совершенное выражение развития, имевшего место в течение первых трех зонов и создавшего основу для рождения в человеке индивидуального «я». Оно есть четвертый принцип по отношению к троичности единой системы восприятий чувств. Оно не противопоставлено им как нечто стоящее вовне, а, напротив, в своей первооснове полностью соткано ими, и в то же время, «я» есть нечто принципиально иное, чем восприятия чувств. По мере перехода из одной группы восприятий чувств в другую, «я» становится все более автономным и затем живет в совокупном действии мыслей, чувств и волеизъявлений в тройственной душе, постепенно освобождаясь и от них, что было показано во II главе. В целом здесь также можно увидеть семеричность: три группы восприятий чувств, воля, чувство, мысль (за ними стоит тройственная душа, ее общую с тремя

группами чувств основу образует трехчленный человек обмена веществ, ритма и нервной деятельности) и свободное «я», осуществляющее себя в мире нравственных интуиций.

Но вернемся к чувству слуха. Оно входит в некий треугольник (см. рис.). В нем о связи слуха с чувством равновесия говорить не приходится — в основе их находится почти один и тот же физический орган. Но, в отличие от чувства равновесия, при возникновении чувства слуха в его органе, как говорит Рудольф Штайнер, действуют и мысль, и чувство, и воля, в чем в значительной мере сказывается присутствие Манаса в осознающем слух «я». В так называемой «улитке» (лабиринте) действует чувство слуха. Через евстахиеву трубу, имеющую связь с органами дыхания, идет воля, если звуки

мы производим сами. В слуховых косточках (молот, наковальня, стремечко) живет раскусодок. Но еще орган слуха обладает памятью, которая живет в полукружных каналах. Все это пронизывается нервом и через него достигает мозга. Таким образом, орган слуха — это весь человек в миниатюре, но его деятельность остава-

лась бы разрозненной, если бы ее не приводил в единство Самодух. Рассмотрим элементы этой деятельности.

Воздух пронизывается звуковым эфиром, который сообщает ему живущее в нем. Это достигает звукового эфира в человеческом эфирном теле через посредство души сознательной, которая в своей макрокосмической роли выступает в чувстве слуха как индивидуальное человеческое начало, в чем и выражается действие Самодуха в индивидуальной душе сознательной*. Человеческое эфирное тело пронизывает ту «живую воду», которая наполняет улитку, и в нее проникает действие звукового эфира. В его действии мы имеем остаток древней, творящей деятельности музыки сфер, космического Слова. В жидкости полукружных каналов ею и поныне образуются кристаллы, когда звуковой эфир приносит в нее действие внешних звуков и слов. Эти-то кристаллы и хранят память об услышанном в подсознании, откуда она может быть извлечена.

К процессу, происходящему в улитке, присоединяется деятельность воздушных колебаний в евстахиевой трубе. Говоря, мы сами движем этот воздух, и в его движении участвует наше «я». «Я» обус-

* В чувстве равновесия Самодух воздействует прямо на астральное тело; в зрении действует индивидуальная душа сознательная.

ловливается воля к произнесению слова, для чего оно действует через тепло крови, тепловой эфир и далее — через световой эфир воздуха (см. рис.38, правая часть). В звуковом эфире (в улитке) внешний и внутренний звуки встречаются. И поскольку нам знакомы колебания в евстахиевой трубе, происходящие от произнесения нами слов, то слыша подобное извне, мы понимаем его, понимаем сказанное слово. Так взаимодействуют «я» и Я, поменявшись после чувства тепла местами.

Эфирное тело включает в себя все четыре эфира, один из которых — звуковой — несет ему весть от мирового эфира. Само эфирное тело действует в водном организме, но через световой эфир оно приходит в связь с воздушным организмом, с которым, в свою очередь, связано астральное тело. (Световой эфир более родственен с воздухом, чем звуковой.) Так приходит в действие душа ощущающая, выступающая в роли посредника между «я», коренящимся в душе рассудочной, и астральным телом. Наконец, все соединяется в тепловом организме, где «я» приходит в связь с душой сознательной, а через нее — с физическим телом, с мозгом. Так процесс слуха достигает сознания, осознается.

Итак, чувство слуха обусловлено действием астрального тела в световом эфире. А то, что несет звуковой эфир, есть разные модификации Мирового Слова, или мирового творящего мышления. Оно осуществляет себя сначала в водном организме физического тела, а затем достигает его минеральных, кристаллических образований. С другой стороны, в чувстве слуха действует просто физический аппарат — барабанная перепонка и проч. Лишь благодаря душе сознательной он может служить восприятию чувств. Нечто аналогичное имеет место и в чувстве зрения, где существенную роль также играет физический аппарат: хрусталик, водное наполнение глаза. Наконец, в чувстве слуха существенную роль играют слуховые косточки, некая вариация человеческих конечностей, в которых коренится воля, образующая подоснову того мышления, что возникает в памяти кристаллов, образующихся в лабиринте*.

Непосредственное действие Самодуха в чувстве слуха выражается в том, что свою астральность он посылает в человека как подобно процессу в чувстве равновесия, так и отлично от него, поскольку на этот раз его действие опосредуется душой сознательной. Рудольф Штайнер говорит, что «...на крыльях этого Существа мы вступаем во внутреннее, в душу вещей, так что можем их познавать» (115; 24.X). Ведь наше эфирное тело, на которое оказывается действие извне, не может выступать ему навстречу, это не входит в его функ-

* См. подробнее об этом лекцию Рудольфа Штайнера от 29 ноября 1922 г. (ИПН. 348)

цию. Конфронтируют между собой физическое и астральное тела благодаря противостоянию Духочеловека и Самодуха. В чувстве слуха звук достигает человека физическим путем, и без посредства эфиров он никогда не пришел бы в связь с астральным телом. А именно о связи здесь идет речь, а не о соприкосновении по принципу осязания. В чувстве слуха Самодух, или существо Ангела, несет нам откровение внутреннего вещей и тем возводит мост к Жизнедуху Христа.

Непосредственное прохождение по этому мосту начинается в чувстве слова. Здесь на помощь человеку приходит Жизнедух, а с ним — существо Архангела. Подобную конституцию мы уже встречали в чувстве движения, но там все носило в значительной мере инстинктивный характер и было обусловлено деятельностью Духов Движения. В чувстве слова действует Жизнедух, имеющий отношение к отдельному человеку, т. е. несомый существом Архангела.

Архангелы выступают в эволюции как водители народов, и их деятельность простирается в человеке вплоть до движения соков в организме. Архангел воздействует на весь водный организм. Вот почему язык так тесно связан со всем — доходящим вплоть до физического — своеобразием каждого народа. Звуковой эфир, лежащий в основе воздействия Архангела на водный организм, он все тот же, что от начала земного бытия был инструментом творящего Слова.

В чувстве слова, как и в других высших чувствах, восприятия тела полностью сняты. Здесь в человеке действие высшего Я сливается с процессами, происходящими в душе, и вносит в них изменения, подобно тому, как на ранней ступени развития оно воздействовало на оболочки, творя органы жизни. В этой сфере в человеческой природе творится высшая природа. В слове человек переживает космическую деятельность, поскольку гласные и согласные звуки восходят к инспирациям, исходящим от планет и круга Зодиака. Характер речи не подпал судьбе теневого рассудка, речь и поныне таит в себе откровение мирового Жизнедуха. И образ его желает породить в нашем астральном теле Ангел — образ идущего к человеку Христа. Как благодаря Мистерии Голгофы было спасено от упадка физическое тело человека, так вторым Пришествием спасается эфирное тело. Физическому телу грозила опасность всецело подпасть законам материального мира. Возникшее благодаря физическому мозгу мышление, становясь все более абстрактным, постепенно отразило бы, отторгло тепловой эфир, надломило бы воздушный, световой организм человека, умертвило бы, действуя через язык, мировой звук, слово и, наконец, упразднило бы саму жизнь. Христос противодействует этому разрушительному процессу, не дожидаясь, когда люди примут Его и поймут. И лишь после сознательного от-

каза от Христа, дав своим идеям лишь гибельный ход, отдельные люди в будущем окончательно подпадут смерти.

После Голгофы люди рождаются в телах, несущих в себе семя воскресения. Оно позволяет им дать теневому рассудку восходящее развитие, воспринять в себя весть Святого Духа о Христе. А далее встает задача со-чувствовать с людьми, уметь слушать слово в его прафеноменальной значительности и силе. Прообраз такого со-чувствия явлен в Тайной Вечере, в таинстве совместного преломления хлеба. Поэтому не случайно мы пришли к открытию, что душевная деятельность, ведущая к выработке чувства слова, есть та же, что и в чувстве вкуса.

Ныне люди привыкли легкомысленно обращаться со многим, что по своей природе свято. Слово они превратили в фразу, питание — в чисто физиологический процесс. Вместо правомерного Архангела почитают демонов национализма, не понимая, что национальное обособление ведет к умиранию национальной культуры, языка и самой национальной сути, что *национализм антинационален*. Отчуждение захватывает отдельных людей и нации*, вследствие чего разрушаются высшие чувства, человек деиндивидуализируется и утрачивает связь с духом. Христа теряют не под влиянием атеистической пропаганды, а в результате варваризации всей культурной и социальной жизни.

В чувстве понятия, человек приходит к высшей ступени индивидуального соприкосновения с духом. В нем он «обоняет» само Я без покровов, вбирает в себя ту «материю» духа, о которой мы говорили в связи с Фихте. — Процесс восприятия в чувстве понятия тот же самый, что и в чувстве обоняния, только «материя» тут другая — «материя» Духочеловека, тень которого объемлет все содержание рефлектирующего мышления. Конечно, сходство следует считать во многом лишь внешним, поскольку иная «материя» меняет характер всего процесса восприятия. Чтобы понять его, говорит Рудольф Штайнер, необходимо обратиться к переживанию музыкального как такового. В нем мы различаем отдельный тон, мелодию и гармонию. «Гармония покоится на восприятии одновременности, а мелодия на соединении следующих один за другим звуков» (115; 25.X). Если бы мы, проникнув в этот процесс сознанием, смогли при восприятии мелодии отдельные тона так сдвинуть во временную линию, что можно было бы их воспринять одновременно и, таким образом, прошлое в мелодии свести с ее будущим, тогда мы из мелодии образовали бы в сознании гармонию, т. е. внесли бы в сознание то, что совершается бессознательно. В

* Другой крайностью здесь выступает ложный интернационализм с его идеей искусственного языка (эксперанто) и проч.

чувстве слова, когда мы слышим «и» или «а», нашей бессознательной деятельностью мелодия мгновенно преобразуется в гармонию. Такова тайна слова. Но при этом совершается и еще нечто. Музыкальный тон сопровождается обертонами, чем он и отличается от простого шума. При «сжатии» мелодии в гармонию мы, поэтому, имеем дело как с тонами, так и с обертонами. В этой бессознательной работе «душе приходится, слушая слово, отвлекать внимание от основного тона мелодии, так сказать, пропускать его мимо ушей и схватывать лишь гармонию обертонов, благодаря чему возникает слово...» (115; 25.X). То, чем тогда оказываются обертоны, и есть «и» или «а». Это подобно действию света в глазу, где преломление разных лучей, совершающееся по законам физики, дает цвет.

Но как, слыша слово, мы постигаем его смысл? Ведь одно и то же понятие на разных языках звучит по-разному, а смысл его тем не менее остается неизменным. Чтобы понять, в чем тут дело, мы должны еще дальше продвинуться в переживании звуков: отказаться от всей системы обертонов. Тогда нам откроется воплощенный в слове смысл. В словах нашей речи, как мы уже знаем, возвещает о себе Дух народа, Архангел. «Речь — это таинственный шепот Духа народа, полное тайны формирование в соках того, что в обертонах трепещет в нашем организме» (115; 25.X). Лежащее же за системой обертонов есть всеобщий Дух человечества, объемлющий всю Землю. В первом приближении этим Духом является Дух Личности. Но его речь — чисто служебная. Он служит познанию Христа, несомому людям Святым Духом. Отдельного человека эта весть достигает с помощью существа Ангела (см. рис. 31, 37). В целом же мы познаем Христа, «...когда каждый на своем особом месте (т.е. индивидуально и в элементе языка. — *Авт.*) вслушивается сквозь обертоны в неслышимое, в просто представление образное» (115; 25.X).

Сжимая таким образом нюансы в чувстве слова, мы познаем всеобщее, общечеловеческое. «Лишь в жизни представлений, — говорит Рудольф Штайнер, — становится постижимым Дух Христа в его истинном облике» (там же). В правильно переживаемом чувстве понятия жизнь и мышление исходят из одного источника. Но, вновь возвращаясь к чувству обоняния, следует сказать, что в чувстве понятия в полной мере достигается то, чего не дано достичь в обонянии, с чем мы там лишь соприкасаемся и познаем лишь косвенно. Далее этот импульс на своем пути и метаморфизировал в мозгу орган обоняния в орган мышления, достигнув тем самым своей цели — идя из индивидуального, воссоединился со своим всеобщим.

Наконец, мы приходим к чувству «я». В нем нам дано пережить то Я, которое некогда было даровано Духами Формы, но оболочкам человека, а не его душе. Оно, как и чувство понятия, опирается на связь Духочеловека с физическим телом, чем также рождается

чувство жизни. Отдельно его можно представить (рис.38) в виде большой лемнискаты, объемлющей собой все другие. Она выражает собой деятельность я-сознания, рожденного из совокупности восприятий чувств. Но у нее есть и своя, предшествующая именно ей ступень — это лемниската в круге чувств осязания и тепла. (Взаимосвязь эта на рис.37 подчеркнута жирными линиями). Она позволяет нам увидеть еще с одной стороны, почему осязание может стоять первым в кругу восприятий чувств. А прохождение лемнискаты чувства «я» через точку «я» объясняет нам связь этого чувства с чувством вкуса. Так специфически образуется чувство «я». Для его переживания необходима столь высокая степень отвлечения от субъекта, что его можно назвать негативным чувством, не-чувством. С другой стороны, оно, как никакое другое чувство, глубоко коренится во всей системе восприятий чувств. И если всего этого нет, то попытка пережить чувство «я» оканчивается прерыванием сознания, засыпанием. Но подобное же случается и при переходе к сверхчувственному восприятию.

13. Три пути в сверхчувственное

ПРОЦЕСС СВЕРХЧУВСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ совершается в состоянии, когда астральное тело и «я» делаются способными хотя бы периодически вести бытие вне зависимости от эфирного и физического тел. С точки зрения бодрственного индивидуального сознания это состояние настолько отличается от обычного дневного сознания, насколько это последнее отличается от сознания сновидения. При сверхчувственном восприятии мы должны как бы проснуться в сознании высших духовных существ. Результаты, полученные в ходе нашего исследования, позволяют нам выработать дополнительное понимание и этого вопроса.

Одно из фундаментальных положений науки посвящения нового времени, созданной Рудольфом Штайнером, заключается в том, что она сводит воедино два древних пути в сверхчувственный мир: тот, который пролегает через завесу внешних чувств, аполлонический путь, и другой, на котором погружаются внутрь собственной души, — в древности его называли дионисийским, в Египте его проходили в хтонических Мистериях, в средневековье что-то схожее с ним имел путь, называвшийся мистическим. Соединение обоих путей в антропософской науке посвящения происходит не формально, не эклектически, но так, что сходясь в единство, каждый из древних путей претерпевает существенные изменения. Это не может быть иначе, если исходить из того, что в основе изменения пути посвящения всегда лежит изменяющаяся природа человека.

В третьей и четвертой культурных эпохах, когда Ангел сущностно пребывал в человеческом «я», призыв Мистерий: «Познай себя» означал погружение с «я» внутрь себя, и там человеку открывался целый мир. Ангел приводил посвящаемого ко встрече с грядущим Христом. О Христе, еще не низошедшем к Земле и открывавшемся человеческой душе лишь на пути посвящения, говорили как об Озирисе или как о Дионисе. В Мистериях Аполлона готовились ко встрече с грядущим Христом, который должен был прийти в мир, преодолев завесу, иллюзию материального мира, заслоняющую сверхчувственное. Эта завеса была прорвана при крещении на Иордане. Но до того, как это свершилось, греки говорили об Аполлоне как о Боге, открывающемся очищенному астральному телу человека, когда оно с окрепшими силами сознания, с силами сестры Аполлона, Афины Паллады, проникает на ту сторону внешнего чувственного мира, в его внутреннее. Еще ранее, в эпоху Заратустры, о Христе говорили как о духовной ауре Солнца — Аура Маздао, — которую заслоняет от сверхчувственного созерцания бог тьмы Ариман, или Ангра Манью.

После Мистерий Голгофы положение человека в чувственном мире фундаментально изменилось. Христос, как Бог человеческого «я», явился не только сквозь завесу внешних чувств, но также низошел и во внутреннее человеческой души вплоть до ее низших вожделений и инстинктов — «во ад», и там потеснил власть духов, затмевающих индивидуальное сознание, искажающих весь путь души через реинкарнации. Он стал Распорядителем Кармы, смягчил действие кармического закона принципом сострадания и любви. И Он стал Духом Земли, пронизал Собою все ее царства. Вот почему ныне человек, идя ко Христу, должен искать Его не только внутри себя, но и во внешнем мире. После Голгофы вся история творения человека явлена ему извне, где эволюция человечества соединилась с породившим ее Словом. До вочеловечения Христа внешний мир был для человека отчужденной реальностью, принесенной в жертву ради подготовки человеку пути к я-сознанию. Христос, так сказать, свел концы с началами. Он, как макрокосмический Принцип творящего Я, непосредственно пронизал прежде отторгшееся от духа творение, перешел за ту линию (рис. 31), за которую оно ушло от Божественного пра-начала как в сферу инобытия. В великом синтезе, начатом Мистерией Христа, человеку предстоит осознать, что весь окружающий его мир есть он сам и, *познавая ныне этот мир, он познает себя*. Но познание начинается с восприятий чувств, восприятия же бывают как внутренние, так и внешние.

Человек ныне во внутреннем мире переживает различные чувства, мысли, побуждения воли. Их деятельностью пресуществляется субстанциональность трех человеческих тел, образуя тройственную

душу, завоеванную индивидуальным «я». В душевной деятельности «я» имеет также задачу прийти к переживанию Христа. И теперь посмотрим, как происходит соединение двух путей в сверхчувственное более непосредственно. В третьей лекции цикла «Антропософия, психософия, пневматософия» (ИПН. 115), который мы уже неоднократно цитировали, Рудольф Штайнер, говоря о чувстве понятия, называет его также чувством представления, которое «позволяет нам прежде всего воспринять Дух Христа в его истинном облике». (Дух же Христа соединен со всеобщим человеческим Духом, поэтому Христа называют новым Адамом.) Происходит это благодаря Гениям речи, существам из Иерархии Архангелов, действующим в чувстве слова, с помощью обертонов наколдovывающим в соках человеческого организма определенные образы. В чувстве понятия наше астральное тело отодвигает систему обертонов, т. е. происходит отвлечение внимания от них, что позволяет астральное тело простереть в виде некоего рода щупалец к существу, несущему понятие, заключенное в звучащем слове. Вслед за тем возникает возможность внешнее восприятие снять и астральную субстанцию из области головы направить непосредственно в сверхчувственный объект. Возникающее при этом по своему значению эквивалентно всей системе восприятий чувств.

Взглянем на то, что здесь происходит, с другой стороны. Благодаря астральному телу зарождается первое смутное ощущение индивидуальной жизни. Затем это ощущение обогащается и проявляется за счет деятельности других восприятий, для чего, например, в чувстве равновесия материя должна в полукружных каналах в ухе вытесняться вовне. Когда возникает чувство понятия, астральное тело свободно выходит в духовный мир. И тогда оказывается, что всё, составлявшее его деятельность в восприятиях чувств, было лишь частью его высшей деятельности, было опосредовано той частью человеческого существа, которая образует сопряжение души сознательной с Самодухом. Чем более смутным было восприятие, тем в менее просветленные сознанием части астрального тела погружалась деятельность, идущая от этого сопряжения. Мы довольно подробно проанализировали этот процесс и нам осталось лишь сказать, что сопряжение представляет собой вполне определенное образование в астральном теле и носит название 2-лепесткового лотоса. Из него исходят два духовных луча, обуславливающие внешние восприятия. В своей деятельности они сходятся на объекте чувственного восприятия, который с точки зрения сверхчувственного мира всегда является для человека *внутренним*. Но эти лучи могут скреститься и на внешнем, т. е. духовном объекте, тогда возникает имажинативное восприятие. Другое астральное образование, расположенное в области гортани, называется 16-лепестко-

восприятия. Вновь поясним сказанное рисунком (рис. 45). На нем даны несколько родов сверхчувственного восприятия. Рассмотрим их один за другим.

Как уже было показано, сначала мы движемся по кругу восприятий чувств и в конце его, за чувством «я», восходим к имажинациям. Восхождение к ним представляет собой глубочайшую метаморфозу всей душевной жизни, в результате которой индивидуальное развитие, если его по-прежнему выражать с помощью пространственного образа (что до определенной степени и правомерно и необходимо), начинает двигаться в обратном направлении, но уже за покровом внешних восприятий чувств. Это движение (I на рис. 45), собственно, и выражает превращение души сознательной в душу имажинации, рассудочной — в душу инспирации, ощущающей — в душу интуиции. Этим путем человек идет с помощью развития чистого мышления и медитативных упражнений, но так, что восхождение не входит в его сознание до тех пор, пока он не овладеет третьей ступенью. Все плоды, какие он может здесь получить предварительно, сводятся к выработке созерцающей силы суждения и к переживанию моральных интуиций — описанных в «Философии свободы» — несверхчувственным образом. Это и есть путь «Философии свободы», путь «королевский», но долгий.

Идя по нему, ученик новых Мистерий может делать еще специальные упражнения, развивающие его восприятия чувств. Они описаны в книге «Как достигнуть познания высших миров?» и состоят в концентрации на семени, кристалле и т. д. Благодаря таким упражнениям мы также проникаем за завесу чувственных восприятий, но у нас тут же начинаются восприятия сверхчувственные. *Если первый путь представляет собой продолжение работы с понятием, простирающееся на область сверхчувственного, то второй путь представляет собой аналогичную работу с восприятием.* А в целом обе задачи, будучи соединенными вместе, являют собой продолжение той основополагающей деятельности, которую человек совершает в чувственном мире, соединяя понятия с восприятиями. В сверхчувственном мире она, естественно, принимает иной вид, но по сути, т. е. в отношении к субъекту, к его индивидуальной духовной деятельности, она остается той же.

Оба пути начинаются в противоположных сферах души и движутся навстречу один другому. Не однозначен и обретаемый при этом опыт. Имагинации, возникающие в душе сознательной на первом пути, представляют собой результат освобождения от всего субъективного, достигаемого работой, описанной во II главе. Переработка всей характерологической основы и развитие чистого мышления являются там неперенным условием воссияния света

Самодуха в душе сознательной, возвышения души сознательной до Самодуха. Такой вид приобретает в Новом Посвящении древний путь хтонических Мистерий. Ибо «Философия свободы» описывает именно этот путь в его новом облике.

Не исключено, что у некоторых читателей такой вывод вызовет удивление, но — в чем с нами должны согласиться — мы пришли к нему не случайно, и каждый может обдумать изложенные предпосылки еще раз. Подготовка к этому новому мистическому пути ведется через выработку, а не сужение, всей системы восприятий чувств, и она является *единой основой для обоих путей*. Иными словами, их соединение начинается уже там, где о посвящении еще нет и речи, ибо восприятия чувств развивает каждый человек. Но все дальнейшее, с чем связано высвобождение сознания из оков низшей субъективности, — разве не напоминает оно многое из того, что мы нередко встречаем в писаниях святых отцов? А ведь они шли мистическим путем. Вспомним еще раз задачи, встающие в связи с работой человека над собой на пути «я» к свободному волеию. Все они морального свойства, т. е. имеют отношение к внутреннему миру души, но при активнейшем включении мыслительной деятельности, чего недостает старым мистикам оккультизма. Недостаток этот очень существенен. Из-за него они входили в сверхчувственное не в полноте индивидуального, а при отсутствии его главного ингредиента. Оттого весь их сверхчувственный опыт был опытом в себе, ибо не мог сопровождаться сильным выходом «я» и астрального тела из эфирного и физического. Погашая сознание, они не столько восходили к сверхсознанию, сколько оставались ни с чем. Они созерцали космические процессы в своих собственных органах жизни, вместо того, чтобы восходить к самим этим процессам. На их пути им мешали восприятия чувств, и они всячески сужали их сферу. Ведь чувства развились на основе жизненных процессов, и можно сквозь завесу чувств проникнуть и в иной мир — в *органы жизни*. Открывается в них немало, но это субъективный сверхчувственный опыт. А поскольку он все же сверхчувственный, то в нем открываются и нижние сферы астрального — инстинкты, вожделения. Вот почему мистика требуется высокая степень очищения астрального тела — чтобы, нисходя в свой организм с ослабленным сознанием, не быть полностью захваченным, поработанным вожделениями.

Философ свободы очищает свое астральное тело с иной целью: чтобы освободиться от всего группового, родового, доиндивидуального в себе. И когда очищение происходит, «я» соединяется с высшим Я и уже в его аспекте нисходит в сферу своих инстинктов, где, подобно святому Георгию, побеждает их силой Я, силой Христа. По принципу «Не я, но Христос во мне» восходили к сверхчувственному

и некоторые христианские мистики; их опыт является наиболее значительным при переходе от древнего посвящения к новому. Когда этот принцип оживает в новом посвящении, то он ведет к преображению, к претворению (а не отрицанию) всех трех главных ингредиентов душевной жизни: мысли, чувства и воли, а далее — к тому, что, работая во внутреннем, идущий путем «Философии свободы» готовит себя и к прохождению внешним путем, где ему, как гетеанисту, предстоит научиться приходить к целостному образу действительности, соединяя понятия с восприятиями. — Путь вроде бы чисто научный, но таким он представляется лишь с первого взгляда, ибо его внутренняя сторона образована чистейшей христианской мистикой: моральной работой над собой. Так приходим мы к пониманию того, что означает христианизация науки.

С помощью особых концентраций на различных объектах природы, вплоть до человеческого существа, начинается путь в сверхчувственное, который проходили в аполлонических Мистериях Греции. Позже его практиковали в кругу короля Артура, а также розенкрейсеры. На этом пути имажинации возникают уже на переходе от души ощущающей к душе рассудочной, т. е. там, где к ним приходят мистики, идущие прямо противоположным путем. По этой причине опыт, получаемый на аполлоническом пути, также окрашен субъективным. А как может быть иначе, если впервые он возникает в самой неразвитой сфере души. Однако мера субъективного на аполлоническом пути меньше, чем на мистическом. Имеет место лишь *окрашенность* опыта субъективным, поскольку в органах чувств действует материальное.

Первые имажинации на пути, ведущем во внешний мир, возникают уже позади чувства вкуса. Более чистый характер они приобретают позади чувства зрения. Далее «я» выходит во внутреннее внешнего мира и при первом столкновении с ним в чувстве тепла окрашивает имажинации тем субъективным опытом, в котором оно жило в душе прежде. Преодолев субъективное, «я» отождествляется с внутренним внешнего мира, внемлет гармонии сфер в инспирации, встающей позади чувство слуха. Оно переживает Логос, Бога человеческого Я и тогда вновь возвращается к себе, но уже в аспекте высшего Я, что подобно упомянутой выше борьбе святого Георгия с драконом. Дальнейшая степень отождествления «я» с Я вводит в сферу интуиции и, наконец, подводит к переживанию Сущего*.

На первом пути индивидуальное «я» переживает Сущее уже на первой ступени, но в виде моральных интуиций, которые, вспыхивая

* Эту тему мы развиваем в связи с лекцией Р. Штайнера от 8 авг. 1920 г. (ИПН. 199).

в имажинативной сфере, являются средством еще более свободного и объективного возвращения в сферы души, чтобы *сущностию* претворять их в высшие члены духа.

Здесь, в точке интуиций, окрашенных сущностным, встающих позади чувства «я», оба пути должны соединиться, что означает приведение субъективного в полное соответствие с объективным духовным миром. Это выражается в том, что не просто очищается астральное тело, преодолеваются низшие вожеления, но в астральном теле (а затем и в эфирном) формируются органы сверхчувственного восприятия, раскрываются три первых лотоса.

Вслед за тем человек может восходить на еще более высокие ступени посвящения. Они открываются позади внутренних восприятий чувств. В прошлом туда погружались мистики (см. рис. 45; III). Они как бы отсекали всю полусферу внешних восприятий чувств и мистически углублялись во внутренние чувства*. Мы уже говорили, что в осознании чувство жизни подходит к границе внутреннего и внешнего миров. Это можно мыслить также расширительно и сказать, что через осознание чувству жизни дано пережить пронизанность человека мировым бытием, «почувствовать Бога» (199; 8.VIII). Ведь за внутренними чувствами встает действие тройственного духа. С ним можно соприкоснуться, но его явление будет всецело обусловлено нашей органической деятельностью, в силу тесной связи с нею внутренних восприятий чувств. Через внутренние чувства мистик приходит к единобытию с Богом, но с Богом, *творящим человека ощущающего, воспринимающего*. К подобному опыту, говорит Рудольф Штайнер, приходили святая Тереза, Иоган Таулер и подобные им. Такой же опыт имели и многие русские подвижники. Но мы воздержимся от его полной оценки (она не может быть дана в нескольких словах) и ограничимся лишь определением его места в структуре нового христианского посвящения. Новый путь пролегает значительно глубже благодаря тому, что выходит *на объективную сторону даже внутренних восприятий чувств*. А тогда возникают не первые, а высшие ступени посвящения: 5, 6 и 7-я.

У нас оказывается вроде бы потерянной 4-я ступень. Но дело заключается в том, что первой ступенью посвящения является не выработка имажинативного сознания, а изучение Духовной науки, которым мы занимались на протяжении всех предшествующих страниц. Ступень эта, как изучение, имеет отношение к пути I (рис. 45); на пути II ей соответствует овладение всей системой

* На рис. 27 путь мистика был показан иначе. Тут необходимо считаться с положением осознания в ряду восприятий чувств. В целом же мы оставляет этот вопрос недоработанным, поскольку он не имеет принципиального значения для темы наших исследований.

восприятий чувств. Соединение одного с другим должно подвинуть ученика новых Мистерий к выработке созерцающей силы суждения. Такова в действительности первая ступень. За нею следуют три других: имажинативная, инспиративная, интуитивная. Далее можно подняться еще на три ступени. Они носят следующие названия: 5. «Работа над камнем мудрых»; 6. «Слияние с макрокосмосом»; 7. «Блаженство в Боге». В последней редакции «Очерка тайноведения» Рудольф Штайнер дал им иные названия: «5. Познание отношений между микрокосмосом и Макрокосмосом; 6. Единение с Макрокосмосом; 7. Единобытие во всем ранее приобретенном опыте как в основополагающем настроении души» (13; с.393). На этих ступенях человеческое «я» совершенно отрывается от своих оболочек и оказывается способным свободно двигаться в субстанции космической воли Иерархий, где Я и Христос воистину Одно.

Таковы в общих чертах те дополнительные разъяснения нового посвятельного пути, которые возникают на основе углубленного изучения всей двенадцатиленной системы восприятий чувств. В заключение главы порекомендуем заинтересованному читателю, поскольку мы не исчерпали всего, что заложено в приведенных рассматриваниях, вернуться к рис. 27 и привести в более детальную связь с ним все то, к чему мы пришли на рис. 38 и 45.

ГЛАВА IV

МИКРОКОСМ, МАКРОКОСМ И СЕМИЧЛЕННЫЙ ЦИКЛ ГЛАВНЫХ ПРАЗДНИКОВ ГОДА

1. Человек «на конкретном языке мироздания»

В ПОНЯТИЯХ ДУХОВНОЙ НАУКИ тезис: «Человек есть творение Божие», — раскрывается как взаимосвязь микрокосма и Макрокосма, чем определяется взгляд на человека как на малое выражение всего Мироздания, Универсума. Из подобного взгляда мы исходим на протяжении всего нашего исследования, но он требует также и особого рассмотрения.

Понять человека как микрокосм — составляло одну из главных и труднейших задач ученика древних Мистерий. В новейшее время к ней должна была бы восходить любая из областей понимающей себя науки.

В Духовной науке взгляд на человека, как на микрокосм рождается с абсолютной неизбежностью. Мир и человек встают в ней как две стороны единого целого и потому взаимно объясняют друг друга. Без человекопознания нет миропознания, без миропознания остается загадкой человек. Человек — истинное дитя макрокосма, из которого он рождается и в который он, умирая на Земле, возвращается. Войти в подобное воззрение, овладеть им настолько, чтобы оно служило задачам повседневной жизни, — дело нелегкое, однако лишь благодаря ему преодолевается абстрактный характер духовного познания.

Антропософия рассматривает Вселенную как состоящую из множества миров, но не материальных, а духовных. В истинном смысле слова миры — это во всех отношениях качественно различные формы и уровни бытия, развившиеся из единого праисточника, чем обусловлена их никогда не прерывающаяся взаимосвязь. Каждый уровень бытия уникален и таковой же является органическая жизнь на Земле. У людей имеются «братья по разуму» во Вселенной, но с помощью радиотелескопов с ними связи не установить. Не добратся до них и на космической ракете. Чтобы встретиться с ними, нет необходимости даже выхо-

дить из дома — нужно лишь научиться повышать уровень своего сознания.

В неоднократно цитированной нами книге «Антропософия. (Фрагмент)» Рудольф Штайнер дает понятие четырех миров. Первый из них — «высший духовный мир». Действующие в нем силы формируют «образования, представляющие собой живущие в самостоятельной вещественности переживания органов чувств. И этим образованиям напечатлены задатки к формированию органов жизни...». Во втором, «нижнем духовном мире» силы «формируют такие образования, которые питаются овнутренним (*verinnerlichten*) веществом. Силы второго мира добавляются к первым как такие, которые, собственно, и овнутряют вещество (материю)... Формирующие силы второго мира добавляют к ...задаткам органов чувств такие органы, которые находятся во взаимосвязи с внешними веществами». Третьим идет «астральный мир», где пребывают силы, формирующие органы чувств, а органы жизни действием этого мира делаются способными воспринять в себя органы чувств. Наконец, четвертым (миром) является наш, физический, мир, в котором мы получаем переживания чувств и вырабатываем индивидуальное сознание (45; с.99).

Человеку, поверхностно знакомому с Антропософией, такое описание миров может показаться необычным и мало понятным. Но оно в наибольшей мере подходит целям нашего исследования. Чтобы сделать его более понятным, укажем на его связь с семью состояниями формы (глобами), которые были приведены в начале главы I. Но состояния формы — это ступени эволюции, метаморфозы, у нас же сейчас речь идет о мирах, т. е. не о временном, а о пребывающем существовании ряда ступеней бытия. Чтобы соединить одно с другим, нужно представить себе, что, разворачиваясь в ряде форм, бытие нисходит по их ступеням вниз, вплоть до физического. При этом каждая пройденная ступень не упраздняется, иначе прервалась бы связь нисходящего бытия со своим первоисточником. И поскольку они остаются, бытие имеет возможность, достигнув своих конечных целей в физическом, вновь восходить. И вот тогда ступени упраздняются одна за другой и в конце концов наступает пралайя.

Ныне переживаемый нами макрокосмос в его физическом явлении представляет собой откровение ступеней низошедшего вплоть до материи духа. То, что Рудольф Штайнер называет «высшим духовным миром», являет нам себя в мире неподвижных звезд. С переходом от зодиакального круга к планетной системе следует вести речь о «нижнем духовном мире». Третий мир — сама планетная система; четвертый — Земля. Не следует пытаться слишком жестко

определять границы этих миров, поскольку здесь перекрещивается ряд аспектов. Взять хотя бы такой факт: мы говорим о высшем духовном мире, относя его к зодиакальному кругу, который явлен нам *физически* в виде скоплений светящихся звезд. Но наравне с этим, как нам быть с уже принятым делением на физический, эфирный и астральный миры?

Заметим себе, что в вышеприведенных определениях Рудольф Штайнер говорит о *силах*, действующих из четырех миров на человека. И именно с такой точки зрения мы и попробуем эти миры понять. Вероятно, целесообразно в первую очередь говорить о действии четырех родов *сил* в Мироздании, а затем — о ряде сфер, в которых их действие осуществляется. Возникающая картина, если попытаться взять ее во всем объеме, необычайно обширна. Но для понимания ее сути достаточно представить ее себе в связи с многочленным человеком.

Итак, построим картину того, как разного рода космические силы, действуя в различных сферах бытия, отражаются на образовании существа человека. Тогда мы создадим себе представление о нем как о микрокосме. При этом скажем заранее, что не настаиваем на абсолютной достоверности всех элементов такой картины. Она есть не более чем приглашение читателя к размышлению. Но мы утверждаем, опираясь на все содержание нашего исследования, что принцип ее построения верен (табл. 7)⁹⁹.

	Св. Дух	Сын	Отец	Триединство
<i>Сферы</i>	астральное	эфирное	физическое	Я
<i>Зодиак</i>	скелет	кровь	облик тела, его рельеф	12 мировоззрений (см. ИПН. 151)
<i>Планеты</i>	внутренние органы	лимфа (железы)	сферическая форма	7 душевных настроений (151)
<i>Земля</i>	кожа	водный организм	выпрямление, вертикальное положение	монотеизм
<i>Человек</i>	восприятие чувств	жизненные процессы	сознание, мышление	я-сознание

Табл. 7

У внимательного читателя-антропософа в душе должен жить вопрос: Что же представлял собой древний Сатурн субстанционально? С одной стороны, он возник в астральном мире, а с другой — был началом физического бытия в Мироздании. Но тогда чем же была воля Престолов, которую они принесли в жертву в начале нашего цикла творения? О ней, мы считаем, следует говорить как о вполне самостоятельном физическом принципе творения, исходящем от Отца. Пусть, в конечном счете, он пребывает в высшей астральности, но это не сама астральность, даже в ее высшем состоянии. На всех приведенных в табл. 7 уровнях бытия физический принцип (как сила, закон) выражает себя самостоятельно и поразному, действуя в диапазоне от Духочеловека до минерала. Если взять его высшее проявление — звезды, то с нижнего уровня бытия, с Земли, оно являет себя как свет и цвет. Но если бы возникла возможность удалиться от Земли на достаточно большое расстояние, сохраняя восприятия чувств, то на месте сияющих точек открылся бы прафеномен их света — духи I-й Иерархии, как носители физического принципа в высшем духовном мире.

Самостоятельно действует в Мироздании и принцип Триединого Бога. Астральное, эфирное и физическое — это лишь Его инструменты. Однако у них имеются и многообразные формы самобытия. Нисходя из сферы в сферу, они метаморфизируются одно в другое: эфирное зодиакального круга выше астрального планетной системы и фактически образует ее; астральное планетной системы сгущается в ее же эфирное. У Земли свои эфирное и астральное тела. Наконец, ими обладает отдельный человек, и у него они опять-таки другие. Все это разная эфирность и астральность. Имея это в виду, мы уже с пониманием встретим сообщение о том, что физическая форма (глоба) сгустилась из астральной, а физическое бытие возникло из эфирного, сгустившегося, в свою очередь, из астрального.

Четырехчленный человек является произведением и отображением всех четырех миров в их действии через три сферы бытия и, в результате, образует собой еще одну сферу. Из рассмотрения эволюции мира мы уже уяснили, что физическое тело человека — это не просто совокупность веществ, и что возникло оно в высоко духовном бытии древнего Сатурна. Тот высший духовный мир и поныне остается истинным местом происхождения физического тела. Там хранится его «первоформа» как совокупность сил, которая, нисходя по ступеням Иерархий, облекается эфирным и астральным телами в соответствии с той последовательностью развития, которую она проходила в предыдущие зоны. На Земле она становится носителем индивидуального «я» и облекается физической вещественностью, до того действуя как чисто духовный импульс. Так обстоит в отношении общечеловеческого воплощения физического тела в земной зон.

Прямо противоположным образом идет эволюция индивидуального «я». Сначала оно индивидуализируется в астральном теле, благодаря ощущениям и восприятиям чувств, потом начинает мыслить, приобретает душевные качества, мировоззрение и постепенно начинает осознавать свое эфирное тело. В отдаленном будущем человек научится своим сознанием управлять также и собственными физиологическими процессами. Таким образом, человек пребывает одновременно в двух потоках развития:

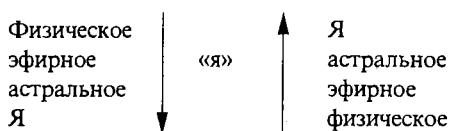

Табл. 8

Первый поток несет его от инкарнации к инкарнации сквозь весь земной зон. Второй поток образован индивидуальными усилиями, совершаемыми ради одухотворения (вплоть до физического тела). Из совокупности обоих потоков возникает подвижный центр индивидуального «я».

Существенно также отметить, что физическое тело человека фактически пребывает там же, где и его высшее Я, то есть в аспекте Духочеловека. Нужно постараться не принизить величественный образ творения сонмами богов истинного прафеномена того, что мы носим на Земле как наше физическое тело, и тогда для нас окажется естественным увидеть этот прафеномен запечатленным в необъятном круге неподвижных звезд, в круге Зодиака. Рудольф Штайнер говорит, что физические звезды суть лишь знаки, указывающие на место обитания различных колоний могучих духовных существ. Это они из окружения древнего Сатурна творили на нем зачаток физического тела человека. В дальнейшем их космическая деятельность была закреплена в виде высокодуховной сущности, обусловившей на Земле огромную эволюцию видов. Она, как чистый прафеномен, действовала в ней в виде совокупности законов природы, как воля к сознанию в феноменальном мире.

Путем многообразных метаморфоз прафеномен вычленил из сложной совокупности эволюционных процессов, где образовывались также и отставшие формы бытия, ту земно-физическую форму, которая и смогла отразить в себе или от себя (вспомним об аналогии мышления с процессом осязания) строящие ее духовные существа, мыслесущества. В процессе отражения, или обособления от истинного духовного мира, образовалась оболочка низшего «я». Все «я» построено, фактически, на оппозиции человека Богу. Оно

люциферично, в нем сидит первородный грех. Но человеку оно дает первую ступень поволенной Богом свободы, исходя из которой человек вновь возвращается в лоно Божества, но как Иерархия свободной любви.

Путь человека через эволюцию видов начался в ту отдаленную эпоху, когда Земля уже вычленилась из мирового эфира и существовала лишь в эфирно-астральном состоянии. Ее собственная астральность содержала плоды предыдущих эонов, включая все вожеления отставших, люциферических существ. Силой тех вожелений стала сгущаться теплота, а всеобщее астральное тело человечества (Адам) стало отторгать от себя отставшую астральность, из которой образовалось царство животных. То, что было отторгнуто в первую очередь, образовало царство рыб. Всечеловек Адам соприкоснулся тогда с тепловой вещественностью, ступил на Землю. В результате соприкосновения развилось то, что мы теперь имеем как ступни наших ног. Происходило это в то время, когда Земля находилась в созвездии Рыб и действие его сил было преимущественным. Следующий этап метаморфозы воплощения Адама разыгрался в знаке Водолея. Но прежде, чем Земля созрела для нового этапа, она не единожды обошла весь круг Зодиака, и т. д.

В искусстве существует замечательный образ Христофора, выражающий эзотерическую тайну человека. Христофор — это человек, несущий на плечах Младенца Христа, в котором заключена вся «тяжесть», все судьбы мира. Существуют изображения, где Христофор стоит на плывущей рыбе, но чаще он просто несет ее с собой. Легенда рассказывает, что к Христофору (прежде его звали Офферус), обладавшему огромной силой и давшему себе зарок служить только самому сильному существу в мире, подошел ребенок и попросил перенести его через реку. Река, следует понимать, есть граница, отделяющая сверхчувственный мир от чувственного. В направлении к чувственному миру ее пересекают «блуждающие огни» из «Сказки о зеленой змее» Гете. Иероним Босх окружает образ Христофора рядом сцен, выражающих задачи культурно-посвятительного пути. Мы видим человека, вешающего медведя, что символизирует победу души над низшими вожелениями. Такова обратная метаморфоза, идущая снизу вверх согласно гетевскому принципу «умри и будь», а не силой абстрактной теологии, представленной на картине Босха в виде монаха, карабкающегося по сухому дереву за папской тиарой.

Описываемую Духовной наукой эволюцию физического тела в известной мере выражает биогенетический закон, но в силу материалистических представлений в нем остается без соответствующей интерпретации замеченный наукой факт прохождения

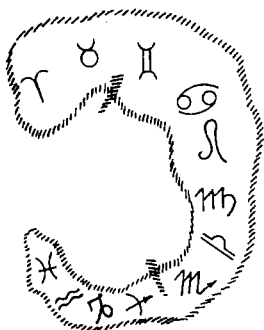

Рис. 46

эмбрионом через все стадии развития мира — от минерально-кристаллической до животной. А именно это дает человеку возможность воочию убедиться в том, что физическое тело ткется всем макрокосмосом. Всякий раз, как человек приходит на Землю, его тело рождается из сил макрокосмоса. В знаке Овна начинается движение к воплощению, в знаке Весов, как об этом говорится в Духовной науке, физическое приходит в связь с душевным, а в знаке Рыб мы ступаем на Землю, рождаемся, и начинаем индивидуальный жизненный путь с переживания чувства жизни.

Двенадцатичленная природа макрокосмоса отражается в форме земного тела, и эта форма есть истинное откровение действующих в ней высших духовных сил. Рудольф Штайнер дает замечательный образ человеческого эмбриона как микрокосма (208; 28.X), (рис. 46). В этой форме действует весь Универсум — как мир неподвижных звезд, так и планеты, и Земля. Действие Зодиака с особой непосредственностью выражается в формировании головы. Но далее идущее извне действие «сдавливается» действием иного рода, приходящим изнутри Универсума, где господствует мир планет. В целом человеческое тело есть результат действия трех обличьюобразующих сил. Одна из них действует извне вовнутрь и имеет тенденцию к образованию сферы, космический образ ее — свод неподвижных звезд; вторая сила действует линейно, по радиусу, идущему от поверхности сферы к ее центру; третья сила опосредует действие двух предыдущих, образуя петли и лемнискаты движения планет (323; 12.I)*. К этому следует еще присовокупить особое действие Луны и Солнца, о чем подробнее будет сказано ниже. Все перечисленные действия хотя и выражаются в материальном мире, но свой первоисточник имеют в духе. В человеке самым непосредственным образом на это указывает феномен сознания. Но поскольку физическое не может существовать без эфирного и астрального, а у человека оно еще есть носитель «я», то вся взаимосвязь микро— и макрокосма сводится к следующему:

- «1. Физическое тело — эхо круга Зодиака.
2. Эфирное тело — эхо движения планет.
3. Астральное тело — переживание движения планет.
4. «Я» — восприятие эха круга Зодиака» (209; 18.XII).

* Таково их движение, открывающееся с геоцентрической точки зрения, которая не является чисто математической условностью, о чем догадалась уже и материалистическая астрофизика.

Таков человек «на конкретном языке мироздания». Нам этот образ уже знаком в связи с тем, что мы получили в табл. 7 и 8. Приведа его во взаимосвязь с тем, что дано Рудольфом Штайнером в лекции от 18 апр. 1920 г. (ИПН. 201), мы получим состав микрокосма, который будет опорным в наших дальнейших изысканиях.

1. Круг Зодиака, зодиакальная сфера	Я	весь облик человека	<i>физ. тело</i> — эхо круга Зодиака
2. Сфера планет	эфирное	внутрен. движение (крови, лимфы и т. д.)	<i>эф. тело</i> — эхо движения планет
3. Элементарный (астральный) мир	астральное	действие органов жизни	<i>астр. тело</i> — пережив. движ. планет (мысль, чувство, воля)
4. Земля	физическое	обмен веществ	«я» — восприятие эха круга Зодиака (свод мировоззр.)

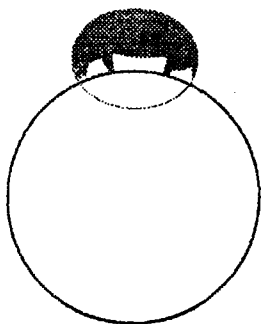
Табл. 9

Как и в предыдущих исследованиях, мы сознательно формируем этот состав (образ) антропоцентрически*, что позволяет нам большей Космос рассматривать как Макро-Антропоса — прошлое, настоящее и будущее человека, совокупность вечного и преходящего. Только в нем человек в полной мере явлен как совокупность тела, души и духа. Действия макрокосмоса на Землю двухмерны. Лучеобразно они достигают Земли с одной стороны и уходят в другую, в бесконечности возвращаясь к одномерности своего первоисточника. В своем действии на Землю они приходят со всех сторон Мироздания — так образуется трехмерное сферическое действие, стремящееся уподобить Землю своему первоисточнику — сдвинуть ее в точку. Подобным же образом действует на все физическое Земли Духочеловек и так выражает он себя в чувстве жизни в отдельном человеке. Этому намерению Духочеловека противится бытие трехмерного пространства: движением планет его действие

* Будучи взятым в иных аспектах, он не становится неверным, а только видоизменяется. Видя дом с одной стороны, знать, что у него есть еще три, не означает быть релятивистом.

многообразно модифицируется, оно, попросту говоря, ставится в различные угловые отношения к объекту. Идеальное выражение это находит в кристаллических формах минералов. Подобным же образом взаимодействием физических сил Зодиака и планет (в особенности Луны, т. к. с нею из Земли вышла наиболее грубая вещественность) должно было бы образоваться и физическое тело человека.

Свою лепту вносит и Земля. Она пронизывает действие макрокосмических зодиакальных сил своим эфирным телом, и то, что под его действием выходит из-под влияния чисто физических сил (органический мир), принимает шарообразную форму. По этой причине Земля (и все планеты) круглая, круглую форму стремятся принять растения — клетки, кроны деревьев, плоды. И если в мире не все идеально кругло, то причина этого кроется в частичном перевесе физических сил Земли и Зодиака (например, силы тяжести, кристаллизации) над эфирными силами. Но там, где эфирные силы

действуют без помех (в элементе жидкости), образуются шарообразные формы. Их действием позвоночник животного располагается параллельно земной поверхности. Он, с одной стороны, имеет тенденцию уйти в обе стороны в бесконечность, а с другой — замкнуться в окружность. Рудольф Штайнер дает весьма характерный образ животного, в котором видны указанные тенденции (208; с.148).

Материалистическому сознанию такая картина не говорит ни о чем; наша же задача — увидеть физическую форму как откровение сверхчувственного, как врата в сверхчувственный мир. Человек, благодаря обладанию индивидуальным «я», вырвался из-под чрезмерного влияния земных и космических сил и пришел к прямостоянию. И хотя в период эмбрионального развития он подчинен силам Зодиака, но приходящее к воплощению «я», двигаясь в обе стороны — к голове и к конечностям, — стремится простереть их за пределы круга Зодиака, навстречу деятельности высшего Я. Достичь своей цели ему удастся лишь отчасти. В человеке животное начало противодействует импульсу «я». Это выражается в том, что то, чем хочет стать животное, человек имеет лишь в голове. Действием высшего Я в человеке обуславливается линейная тенденция к выпрямлению, но в голове она сильно модифицируется эфирными силами планетной системы, поэтому голова превращается в шар. Что при этом остается в шаре головы от зодиакального действия — это его наибольшая, по сравнению с остальным телом, минерализация. Голова является сво-

го рода «Землею» человеческого существа, а прообраз она имеет в Солнце — средоточии эфирных сил всей планетной системы.

Прямо противоположным образом обстоит дело с конечностями человека. В них макрокосмическая тенденция Я побеждает планетарную в образовании формы. Что остается в них от действия планетной системы — это большая, по сравнению с головой, насыщенность мышечной тканью и кровеносными сосудами.

Итак: *голова* — сильное действие импульса «я» и слабое Я; шарообразная форма за счет победы эфирных сил планетной системы; Макрокосм выражен в минерализации;

конечности — сильное (бессознательное) действие Я и слабое «я»; линейная форма за счет победы физических сил макрокосма; планетной системой обусловлена наименьшая минерализация.

Туловище находится в среднем состоянии между головой и конечностями. Своей формой оно в некоем роде напоминает лунный серп, т. е. стремится, как и голова, стать шаром, но в эту тенденцию снизу вторгается импульс высшего Я, что выражается даже в форме ребер: вверх они сомкнуты, а книзу — расходятся.

У Рудольфа Штайнера мы находим совокупный образ человека, данный в виде рисунка (293; с.155), (рис. 47). В нем большая сфера выражает макрокосм, включающий в себя всего трехчленного человека тела, души и духа — Макроантропоса. В наибольшей мере ему соответствуют конечности. В своей тенденции простирается в обе стороны они смыкаются в бесконечности в круг, объемлющий все Мироздание. В земном то, что мы имеем как руки и ноги, есть лишь маленький, овеществленный фрагмент этого духовного импульса. Поэтому конечности являются наиболее одухотворенной, но и наиболее бессознательной частью тела. Грудь является выражением взаимодействия тела и души. Присутствие космического духа в ней индивидуализировано, что выражается в душевном элементе. Дух не позволяет материи насытить весь «шар» груди, присутствует в нем подобно духовному Солнцу в серпе Луны. Рудольф Штайнер говорит о лунном серпе как о праяобразе Святой Чаши, в которой святым причастием покоится духовный диск Солнца, поскольку физическое действие Солнца в затемненной части Луны заслонено Землей, а там, где физическое действие ослаблено, всегда возрастает духовное действие. В наименьшей мере космический дух достигает головы. Физически там может проявиться индивидуальный дух. Голова в отношении ее физических сил, обуславливающих мышление, подобна полной Луне. Свое выражение эти силы находят в

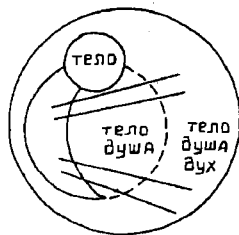

Рис. 47

умирании нервной системы; ими же сформирован мозг. С точки зрения эфирных формообразующих сил, Луна есть выражение действия Солнца, всецело достигшего физического плана.

Если теперь мы представим себе, что Сатурн, как самая внешняя планета Солнечной системы*, является некоего рода представителем действия более высоких космических сил в планетной системе, образует для них опосредующее звено, то духовный прафеномен земного человека можно увидеть в сочетании трех планет: Солнца, Луны и Сатурна.

Прафеномен этот не единственный, но он важен для нас тем, что представляет собой итоговое состояние, к которому человек пришел в результате развития в первые три зоны. Этот человек, наделенный групповым «Я» в земной зоне, есть всецело творение Элоима Ягве. В онтогенезе ему соответствует эмбриональное состояние и первый период детства. Но далее приходит новое. Оно обусловлено индивидуальным развитием, в котором данный прафеномен как бы отступает на задний план, в сокровенное, откуда вновь извлечь его можно лишь с помощью науки посвящения.

Рис. 48

Таков трехчленный человек в своем облике, который возникает не без активного влияния того, что разыгрывается внутри человека. А там развиваются внутренние органы, жизненные процессы, формируются органы восприятия. Внутренние органы получают свою форму в результате противостояния земных и планетных сил. Земля стремится дать органам шарообразную форму извне, планеты действуют изнутри, более духовно. В результате органы получают форму «мешков» или «карманов». Рассмотрим, говорит Рудольф Штайнер, глазные впадины, носовые проходы, аппарат пищеварения, начинающийся от губ и завершающийся желудком, — повсюду мы видим сочетание карманоподобной формы с шаровой (208; с.143). Даже сердце, печень, легкие имеют форму карманов, только сильно модифицированных, с утолстившимися стенками, сильно обособившихся в себе. Но как формой головы, хотя она и напоминает земные образования, человек обязан действию внеземных сил, так и формой карманов он обязан действию сил Зодиака, благодаря чему, несмотря на внешнее сходство, органы человека отличны от органов животных, — в первую очередь тем, что в них заложены

* Уран, Нептун и Плутон вошли в эту систему из иных миров, они не имеют прямого отношения к тому развитию, через которое прошла Солнечная система со времен древнего Сатурна.

предпосылки к выработке самостоятельных органов чувств. Мы уже отмечали, что все человеческое тело есть совокупность органов восприятия; тело же животного есть преимущественно только аппарат пищеварения. Поэтому органы чувств — это не просто «карманы», а «карманы» с неким наполнением. Например, глаз — это не просто глазная впадина, она заполнена сложным устройством, способным мыслить на свой лад. Формы других органов чувств имеют столь сложное наполнение, что его не так просто распознать, поскольку оно целиком духовной природы.

Итак, уже в своем физическом теле человек представляет собой микрокосм, находящийся в многосторонней связи с макрокосмом. Мы вправе рассматривать человека как центр Мироздания, а вернее — все Мироздание как Макроантропоса (хотя это и не будет единственным взглядом на природу Мироздания). Тогда 12 духовных областей зодиакального круга предстанут нам как двенадцати-членное силовое физическое тело человека, объединенное высшим Я, стоящим не в центре этого круга, а объемлющим его извне. Внутри этого единства действие идет извне к центру. Так действует макрокосмическое Я. Оно проходит сферы семи планет и достигает человека, порождая в нем внутренние органы. Сами планеты, при таком взгляде на вещи, представляют собой внутренние органы Мироздания, но в эфирном бытии. Они суть внутренние органы Макроантропоса. Юпитер — это печень, Солнце — сердце, Венера — почки и т. д. Проходя врата смерти, человек возвращается к своей макрокосмической сути и живет в ней, каждый — в своей, поскольку пространственные отношения тогда упраздняются. Рудольф Штайнер дает прекрасное описание Макроантропоса. Мы приведем его, несмотря на то, что оно довольно обширное. Он говорит: «...мы имеем картину, возникающую из движения планет, и в ней нам открывается небесная картина того, что выражается в человеческом существе, в нервах, в железах. ...Когда мы рисуем нервную систему и секреторные железы, то с каждым штрихом мы рисуем физическую картину движений планетной системы, какой она видна духовному взгляду. ...Когда мы поднимаемся от имажинации к инспирации, то движения исчезают. «Видение» в узком смысле прекращается, начинается духовное «слышание». Бывшее ранее движением делается смутным, пока не превратится в картину, видимую как бы в тумане. Но от этой картины начинает течь музыка Космоса, начинает слышаться духовно-космический ритм...

Если мы хотим изобразить это на нашей картине, то мы должны взять кисть и, следуя по ходу нервной системы, быстро сделать здесь мазок красным, там — синим, здесь опять красным, там опять синим и т.д., вдоль всех линий нервной системы. В некоторых местах мы почувствуем побуждение остановиться, мы не сможем идти даль-

ше; мы должны теперь на картине нарисовать законченную «форму», чтобы выразить то, что мы слышим духовно. ...И то, что мы сейчас нарисовали, есть не что иное, как путь, вдоль которого течет кровь. Когда мы доходим до какого-либо органа — сердца или легких, или органов, которые получают нечто из внешнего мира или из субстанций внутри самого тела, — то мы должны в этих точках нарисовать формы, так или иначе привязанные к руслу потока крови. Так получаем мы сердце, легкие, печень, почки, желудок. Космическая музыка учит нас, как получить секрецию из этих органов и как включить их в кровеносную систему на нашей картине.

А теперь перейдем к следующей ступени. Мы восходим от инспирации к интуиции. Нечто новое возникает из космической музыки. Тона начинают смешиваться друг с другом; один тон воздействует на другой, и мы начинаем слышать *значение* космической музыки, она начинает изменяться в космическую речь, которая произносится Вселенной. ...Мы обнаруживаем, что, давая выражение этим космическим словам и нанося это выражение на наш рисунок, мы получаем картину мышечной и костной систем в человеческом существе. Как будто некто говорит нам что-то, а мы вписываем это в нашу картину». Во всем этом, конечно, выражается действие Иерархий: 3-й — в том, что касается человеческой формы, 2-я влетает в движение планет, она «...действует в формировании космического прототипа нервной и эндокринной систем человека», а также и в кровеносной системе. Первая Иерархия творит костную и мышечную системы. И когда мы таким образом останавливаем взор на деяниях Иерархий, то «...вот, человек стоит перед нами!» (231; 13.XI).

Так открывается космический праобраз человека на ступенях высшего познания, к которым мы восходим, проникая на другую сторону восприятий внешних чувств. Его видимая форма есть откровение высшего, и, будучи понятой в таком смысле, представляет собой врата в сверхчувственное. Наравне с формой и феномен жизни — также космического происхождения. Следует вспомнить, что в начале земного эона вся Солнечная система была единым образованием с характером живого организма. И это был всечеловек Адам. Солнце представляло собой систему питания (духовного, разумеется) в этом организме; Земля получала питание через Солнце из мирового пространства. Луна и другие планеты тогда также были в Земле и исполняли свои функции. Эмбриональное развитие и рождение каждого человека повторяют, согласно сообщениям Рудольфа Штайнера, то прадревнее развитие и рождение Земли (347; 30.IX). Подобно эмбриону, Земля некогда созревала внутри Солнца, и вся Земля была человек. Возвращаясь после пралайи к

проявленному бытию, человек содержал в себе все образовавшееся за три предыдущие зона, и в новом зоне оно получило свое дальнейшее развитие, изойдя из человека. Оно же образовало основу для его земных инкарнаций. Из человека, можно сказать, как бы изошла лестница в чувственный мир, состоящая из ступеней бытия, и последним по этой лестнице низошел он сам. В этом нисхождении участвует главным образом тот импульс, который простирается от высшего Я до низшего. И всякий раз перед духовным миром встает задача: как его «овнутрить», облечь материей, удержать в инобытии. Поэтому действием Сатурна, носящим морально-физический характер, импульс уберегается от растворения (одоухотворения) в звуковом эфире, деятельностью Юпитера — от растворения в световом эфире, Марса — в тепловом. Свое выражение эта деятельность находит в формировании целого комплекса физически-душевно-духовных ингредиентов и свойств человеческого существа. Так, например, охраняющая деятельность Марса выражается в насыщении крови железом и в формировании у человека собственной устойчивой температуры. Солнце отделяет и одновременно переводит эфирную деятельность внешних планет в более приближенную к физическому эфирную деятельность внутренних планет. Благодаря этому Венера помогает человеку в овладении твердыми частями тела, Меркурий — жидкими, Луна — воздушными (213; 30.VI).

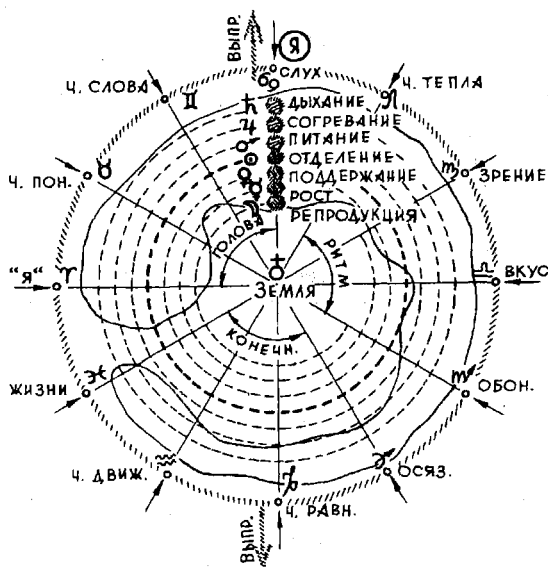

Рис. 49

Воздействие планет на человека опосредуется жизненными процессами. Каждый из них находится под преимущественным влиянием одной из планет. В целом макрокосмический аспект человека можно дать в виде итогового образа (рис.49).

Итак, мы видим, что высокодуховная форма человека закрепляется в бытии Земли благодаря тому, что эфирными силами планет в нее вносится индивидуальная *жизнь*. Возникает некоего рода поток планетарной деятельности, берущий свое начало в одухотворенной сфере внешних планет и затем как бы выворачивающийся (по ленте Мебиуса) на другую сторону, где действуют внутренние планеты и образуется минеральное вещество. Отображением этой деятельности в человеке становится лемниската его жизненных процессов, охватывающая трехчленного человека обмена веществ, ритма и головы. Все три сферы образованы в результате развития, совершившегося в первых трех зонах. Земной зон вносит в них самостоятельную жизнь, а с нею и индивидуальное сознание. Но возникает это не сразу.

Мы уже говорили, что голова человека — это своего рода «Земля» его микрокосма. Она есть результат творения, совершившегося на древнем Сатурне. Ритмическая система была заложена на древнем Солнце, система обмена веществ и конечностей — на древней Луне. Три планеты с этими же названиями образуют в нашей Солнечной системе имажинацию трехчленного человека. Если попытаться погасить физическое восприятие наших конечностей, то имажинативному созерцанию откроется пребывающая в их основе деятельность лунных сил. В ритмической системе мы можем увидеть себя как творение Солнца. А если отвлечься от рассудочного мышления, то исчезнет весь физический человек и на заднем плане мы увидим Сатурн, а вместе с ним и всю планетную систему (236; 4.V). Таков другой сверхчувственный образ человека. В нем открывается природа живущих в нас *мышления, чувствования и волеия*. А поскольку они есть результат нашего индивидуального развития на Земле, то в этом сверхчувственном образе открывается еще *карма* человека.

Итак, мы получили представление о форме человека, его жизни, душевно-духовной деятельности и карме, о двух рядах связей в трехчленном человеке:

	I	II
Головная система	☉	♄
Ритмическая система	♅	☊
Система обмена веществ и конечностей	♆	♁

Оба ряда действуют в нас, но каждый в своем роде, а наряду с ними человек в развитии на Земле проходит через огромную

метаморфозу, в которой один ряд связей переходит в другой. В итоге же мы получаем прафеномен биогенетического закона, филогенетическая составляющая которого слагалась еще в ту пору, когда Земля представляла собой единую мировую туманность. Ее формой Макроантропос был представлен лишь как головное образование. Внутри нее, в виде эфирно-астральной деятельности будущих планет, осуществлялись процессы обмена с окружающим духовным миром, где развивался космос неподвижных звезд. Вся туманность простиралась до границы, которую ныне очерчивает орбита Сатурна. Там совершалось повторение развития, бывшего на древнем Сатурне, и формировались зачатки будущей головной и нервно-чувственной системы. Еще следует отметить, что туманность та была не земным, а солнечным образованием, и все последующие планеты, в том числе и Земля, выделялись из солнечной туманности, из туманности Солнечной системы. Правомерен, однако, и геоцентрический взгляд на нее, хотя бы потому, что голова — это «Земля» микрокосма. Таким образом, подходя с разных сторон, мы можем увидеть три прафеномена физической головной системы: *сатурнический, солнечный и земной*. Кроме того, головной и нервно-чувственный человек ткется всем кругом Зодиака.

По мере того, как человек облакался материей, его голова долгое время оставалась средоточием всей его жизнедеятельности. В совсем уже поздние времена, в Лемурийскую эпоху, человек, обитая в мировом океане, был обращен головным образованием к центру Земли, напоминая собой фантастическую луковицу или медузу, а то и спрута. Это головное образование прикреплялось к твердеющему основанию мирового океана, а сверху из него прорастали некие «побеги», направлявшиеся радиально в сторону выделившегося из Земли Солнца. Таковы были физические зачатки конечностей. По мере овладения астральным телом человеческое существо стало принимать горизонтальное, а потом вертикальное положение. Так совершалась метаморфоза одного рода связей в другой. Сказанное можно пояснить рисунком (рис. 50).

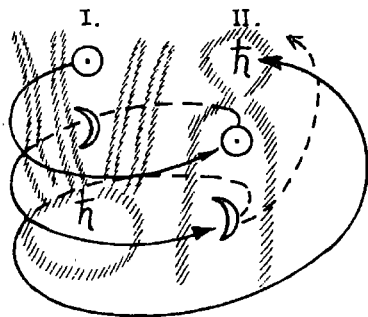

Рис. 50

Теперь мы можем понять, что совершившаяся в человеке метаморфоза была следствием упорядочивания сил становящейся Солнечной системы. Когда Солнце было еще соединено с Землей, эта последняя повторяла развитие древнего Сатурна. Тогда головной человек и земное образование

были единством. С отделением Солнца жизненные процессы сгустились в головном образовании и извне на них стало оказывать воздействие Солнце. Луна играла опосредующую роль во взаимодействии эфирных сил Солнца с физическим головным образованием. Но лунные импульсы не носили ритмического характера. Они были астральной природы. Ритмически действовало Солнце. Постепенно оно оттеснило лунно-астральное действие в нижнюю сферу и заняло его место, образовав в человеке систему дыхания и кровообращения. Но еще ранее астральными импульсами Луны, как уже говорилось, головное образование человека было выведено из сферы земного действия — человек тогда занял горизонтальное положение. Наконец, силой обособившегося Сатурна головное образование было увлечено вверх, в сторону действия высшей астральности мира неподвижных звезд. Сатурн в это время стал планетой, опосредующей духовную связь Солнечной системы с окружающим космосом. Сложилось положение, описанное с помощью табл. 7. Человек, что касается его жизненных и нервно-чувственных процессов, занял положение II, изображенное на рис. 50. Но в его форме продолжает действовать и древняя констелляция — I.

В современном человеке Солнце занимает срединное положение, аналогичное положению этой звезды в Солнечной системе. В обоих случаях оно выполняет роль посредника между деятельностью внешних и внутренних планет. Луна является управительницей жизненных процессов, развившихся уже в зоне древней Луны. У земного человека они по преимуществу так и остались в нижней части его существа, куда к ним опустилась Луна. Сатурн эмансипирует от лунной деятельности нервно-чувственные процессы. Получается так, что Солнце как бы просеивает астральные импульсы Луны и пропускает их в верхнюю сферу, где они подхватываются Сатурном и приводятся в связь с астральностью неподвижных звезд. В то же время, Солнце удерживает лунное в системе обмена веществ и конечностей, нагружая его жизнедеятельностью. В этом плане Луна оказывается звеном, опосредующим связь эфирного, действующего в материи, с высшей эфирностью мира неподвижных звезд, приходящей как бы с другой стороны. Она входит через врата Солнца и уходит через врата Луны. Навстречу этому потоку идет другой поток — физических сил.

Солнце представляет собой центр планетной системы, в котором постоянно рождается жизнь; умирает она на Земле, а материя дематериализуется. Но материальным центром Вселенной является не столько Земля, сколько Луна. В Луне материя концентрируется к центру и расщепляется в мировую пыль, исчезает из пространства. В Солнце «материя хотя и приближается к центру, но затем начинает излучаться, будучи пронизанной жизнью. ...В

центре Солнца живет космическое оплодотворяющее (начало). В космической противоположности Солнца и Луны даны противоположность между повергающей в хаос и восходящей, прорастающей материей» (207; 24.IX). В противоположности Луны и Сатурна дана противоположность чувственного и интеллектуального, инстинктивного и осознанного.

Когда человек проходит эмбриональную стадию развития, то сущностное в нем — солнечной природы. Оно входит в бытие по линии действия крови, будучи предопределенным кармой предыдущего воплощения. В нем действует оплодотворяющая сила Солнца. Но через лимфатическую систему в человека вступают также силы наследственности и насыщают солнечное действие материей. Не случайно в искусстве мы встречаем образ Богоматери, соединенной с Солнцем и стоящей на лунном серпе. Звеном, связующим действие в человеке лунных и солнечных сил, является дыхание. Человек начинается с дыхания, которое «вдунул в лице его» Элоим Ягве. С дыхания начинается освобождение процессов восприятия от процессов жизни. Но прежде, чем идти в этом вопросе дальше, задержимся на одном факте, сообщаемом Рудольфом Штайнером, который при поверхностном подходе к Антропософии может вызвать недоумение.

Принято думать, что Ягве — это Дух Формы. Однако в цикле лекций «Духовные существа в небесных телах и царствах природы» говорится следующее: «Так является еврейской древности в Ягве тот, кто был одного рода (gleichartig) с солнечными Духами Мудрости». А чуть ранее стоит: «...отделился (от Солнца) и пожертвовал собой один из Духов Мудрости и перенес место своего обитания на Луну...» (136; с.205). Чтобы понять это сообщение, нужно вспомнить сказанное в предыдущей главе о некоем «сдвигении» Иерархий в связи с исполнением на Земле Миссии Христа. Мы показали на рис.31, что Духи Формы встают в земном эоне под влияние сил Христовой Ипостаси. Духи же Мудрости изначально, с древнего Солнца, являются носителями Его Импульса. В земном эоне задача наделения человека индивидуальным «я» сделала необходимым выделение Луны из Земли и переход на нее с Солнца существ 2-й Иерархии. Солнце же, даже по своей физической природе, относится к разряду не планет а неподвижных звезд, поскольку оно не получает, а излучает свет. Оно есть *представитель высшего мира неподвижных звезд в нашей планетной системе*. И для понимания эволюции мира и человека это духовный факт исключительного значения.

Мы знаем из сообщений Рудольфа Штайнера, что развитие, имевшее место до древнего Сатурна, поднялось на такую высоту, что в нашем цикле предстало как зодиакальный круг. Некогда и

Земля возвысится до состояния излучающей свет звезды. Солнце же, возникнув в новом эволюционном цикле, с самого начала пошло по другому пути, приобрело уже в зоне древней Луны характер звезды, а не планеты. Его особое (необычайно быстрое) развитие обусловлено ролью Христа во всем нашем цикле эволюции.

Много внимания в I-й главе мы уделили той семичленной метаморфозе, закон которой правит внутри нашего цикла. Однако ее не следует брать абсолютно, изолированно от всего предыдущего и последующего. Рудольф Штайнер говорит, что в каждой точке эволюции общая картина ее меняется, так как сверхчувственно всегда видны три прошедших и три будущих зона. Поскольку же это видение не физическое, а сущностное, то в нем открывается закономерность, правящая в семи элементах данного созерцания: каждый его элемент представляет собой не пространственную картину, а особую ступень сознания-бытия. В созерцаемом действуют закономерности, сводящие его в некое сущностное и феноменальное целое. В то же время, бытие Вселенной шире этого целого, и хотя составить себе представление о том, что выходит за пределы семичленного цикла, довольно трудно, косвенно об этом все же можно кое-что заключить.

Мы можем сделать предположение (и не беспочвенное, а на основе уже полученных выводов), что с приближением к эрону древнего Сатурна предшествующее развитие должно было принять характер описанной нами семичленности. И тогда древний Сатурн явился по отношению к нему восьмой ступенью, образовавшей «октаву». То прадревнее развитие несло в себе черты всеопределяющей Отчей деятельности. Мир Бога-Отца завершил на древнем Сатурне свое развитие и одновременно положил начало новому циклу. И хотя мир Святого Духа и мир Сына в исходной точке этого цикла также стоят выше какой-либо необходимости, тем не менее основополагающее действие Импульса Отца превалирует над всем в первотолчке к сатурническому развитию. Ему с самого начала противостоит, уже в конце цикла, на будущем Вулкане, Ипостась Святого Духа. А та эволюция, что совершается в семи зонах цикла, протекает под всеопределяющим влиянием Бога-Сына: «Отец послал Сына в мир». После космоса Отца возникает космос Сына.

Несомненно, Троиный Бог творит из вечности в вечность, но мы потому и говорим о Троидинстве, а не просто об одном Боге, что роль Божественных Ипостасей в творении не всегда равнозначна. А не будь они триединством, развитие ушло бы по трем различным направлениям и с точки зрения Абсолюта одно неизбежно противостало бы другому, другое — третьему. Абсолютное не может быть трехчленным; будучи же просто одним, оно навеки застыло бы в универсальной неподвижности. Поэтому Бог Один и

Триедин. *Бог един (один) в своей бесконечной, непостижимой высоте, и Он триедин в пределах умопостигаемого, в эволюции.* Однако и все умопостигаемое несет на себе печать непостижимого. Трансцендентная, непромеряемая глубина есть атрибут всякого сущностного творения. И таковы не только Иерархии, но и сотворенное ими бытие, всякое истинное творение человеческого духа и, конечно, сам человек. Всякое атеистическое представление коренится в неспособности осознать присутствие непостижимого в постигаемом, поэтому атеизм ограничен сферой ариманического (но не тождествен ему) — бессущностного и преходящего.

Итак, не лишено оснований рассматривать бытие мира до эоны древнего Сатурна стоящим под знаком преимущественной деятельности Бога-Отца. От Сатурна и до Вулкана в центре развития мира пребывает Сын. Но если мы ничего не можем сказать о том, что предшествовало и с чего «начал быть» космос Отца, то в основе космоса Сына мы видим семя Отчего начала. Это и есть древний Сатурн. Его можно поставить в отношение со всем предыдущим бытием мира, и тогда он образует антитезис к нему. В самом деле, все то бесконечное по духовной высоте развитие, которое проделал досатурнический мир, было внутренним. В жертве Престолов оно излилось в некое инобытие и, будучи лишенным самобытия, как физическое тепло, стало небытием по отношению к своему первоисточнику. Из этого отношения возникло становление. Фихтевское Я и не-Я может быть поставлено на эту границу двух космосов, и там оно сразу же приобретает реальный смысл. Досатурническое бытие и древний Сатурн находятся в отношении Я и не-Я. В древнем Солнце Я возвращается к себе, пройдя через становление древнего Сатурна. По сути говоря, в древнем Солнце вся досатурническая Вселенная (Солнце — звезда) противостояла творению, небытию, как антитезис и одновременно — как синтез!

В семи зонах мы вправе видеть целостный цикл развития, но в более широких пределах и он — лишь момент. Беря его в отношении к предыдущему, мы приходим к величайшему противостоянию физического (сатурнического тепла) и Иерархий, пришедших из досатурнического развития. Древнее Солнце явилось их синтезом. *Им была жизнь*, дарованная ничто (инобытию). Последовавший за Солнцем лунный зон можно понять в смысле слов Ев. от Иоанна: «...и жизнь была свет человеков». Тогда древний Сатурн встает как: «Вначале было Слово». Оно было в Отчем лоне — «у Бога» как «Я и Отец одно», и в то же время — не одно, а два. Одно являло себя взглядом, направленному от древнего Сатурна назад, а вперед открывалось Слово — Регент нового цикла творения.

Все развитие от древнего Сатурна до Вулкана стоит под знаком человека. Сначала человеческую ступень проходят существа 3-й

Иерархии — Духи Личности, Архангелы и Ангелы. На Земле эту ступень, основным признаком которой является овладение бодрственным, или предметным, сознанием, завоевывает сам человек. В будущих зонах им последовательно овладеют три царства природы. Обретением минеральным царством на Вулкане я-сознания завершится космос Сына. Возникнет 4-я Иерархия с человеком на вершине и двумя родами иерархических существ, стоящих ниже; ими к тому времени станут животное и растительное царства. Что же касается минерального царства, то на Вулкане оно будет проходить свою человеческую ступень и в Иерархию не войдет. Оно станет семенем следующей, 5-й Иерархии по той причине, что в космосе Сына физическое, ставшее минералом, есть *Отчая* основа бытия. На ней развивается Христово деяние, но сама она уходит в следующий космос, который, вероятно, можно назвать космосом Святого Духа. Космос Христа добавит в нем к *Отчему* дару свой дар — Я. И на этой двойной основе возникнет то бытие, которое последует за Вулканом.

Также не лишено оснований предположение, что в том космосе будет играть какую-то роль ариманическое царство, которое в будущие зоны образует так называемую «неисправимую Луну» и отпадет от Христовой эволюции. В космосе Христа ариманические духи исполняют правомерную роль, удерживая материю в пространстве и времени, сковывая ее и не давая ей одухотвориться. Но при этом они глубоко вторглись в сферу человеческого мышления, завладели субстанцией космической интеллигенции, и потому они перейдут в космос Святого Духа как противоборцы и лишь там будут обращены к добру. В Мироздании в нужное время осуществляются желания всех существ. Ариман хочет увековечить материю, заключить в нее все бытие. В современном состоянии мира его намерение является величайшим злом. Но когда Святой Дух отождествится с физическим состоянием бытия в феноменальном мире, тогда Ариман будет спасен. Если бы это случилось в космосе Христа, то минеральное царство, взойдя на ступень я-сознания, т. е. всего лишь на человеческую ступень, лишилось бы условий, необходимых ему для восхождения на ангельскую ступень. В посюстороннем ариманические духи должны послужить для него последней опорой при его восхождении в чисто духовное бытие. За зоном Вулкана существующее ныне противоречие будет носить уже не материальный, а морально-физический характер. Возникнет тогда и нечто принципиально новое, о чем мы не можем составить себе никакого представления.

Возвращаясь вновь к «Троице» Рублева, можно сделать предположение, что в состоянии мира за Вулканом в Божественном Троиединстве центральное положение займет Святой Дух. И Он «по-

шлет» Отца в мир, дабы поднять на иерархическую ступень то изначальное, что на древнем Сатурне изошло от Отца, послужило, как минеральное царство, пронизанное сонмами духов материи, эволюции в семи зонах, но само там должно было быть принесено в жертву, опуститься вниз, дабы бытию всех других царств дать подняться вверх. Более конкретно на эту тему можно было бы говорить, проникнув в тайну пеплообразования. Но это не наша тема. Мы остановились на возможном *образе* того, что следует за Вулканом. Не сделать этого нам было нельзя по той причине, что тогда наше рассмотрение не получило бы целостного характера. Но хорошо, что для построения нашего образа отдаленного будущего нам послужила икона. Ибо, как говорит Рудольф Штайнер, даже состояние Вулкана является столь возвышенным, святым, что о нем не следует думать и говорить поверхностно, без благоговения.

Субстанцию Духов Воли вверил Отец Сыну на древнем Сатурне. На древнем Солнце Христос даровал ей жизнь в инобытии, положив тем начало становлению в ней автономного Я. От Отца в наш космос пришла форма, Христос одарил ее жизнью. Святой Дух внес в нее ощущение, восприятие, что послужило основанием возникновения сознания. На древнем Солнце Христос привел сатурническое бытие к единству с досатурническим, что стало основой развития в новом цикле; досатурническое, таким образом, метаморфизировалось в послесатурническое. На древней Луне образовалось первое триединство в пределах нового цикла — высший прафеномен человеческого я-сознания. В дальнейшем это триединство разрешается в семеричность, без которой рефлектирующего сознания человек достиг бы как своего наивысшего. И такое могло бы произойти даже в том случае, если бы Солнце было планетой, а не звездой (условия жизни тогда, естественно, были бы иными, но существенное заключается в другом). Поэтому встает вопрос о том, что является движущим началом, переводящим троичность в семеричность, т. е. обусловливающим развитие как жизнь во времени, жизнь, приходящую к сознанию. Принцип самодвижения вошел в наш космос из предыдущего космоса, который свое прямое продолжение имеет не в планетной системе, а в мире неподвижных звезд. Из этого мира в планетной системе присутствует Солнце — планета Христа.

Также и древнее Солнце отличалось от древнего Сатурна и древней Луны тем, что эти последние обладали природой, свойственной новому циклу, оно же заключало в себе природу досатурнического развития. Благодаря ему древняя Луна, с одной стороны, завершила круг первых трех эонов, а с другой — явилась *четвертым* звеном метаморфозы, став *многообразным* выражением той жизни, первофеномен которой возник на древнем Солнце. Земля

в таком случае является пятой ступенью и подводит первый существенный итог тому, что «начало быть» только с древнего Сатурна. И итог этот представляет собой вочеловечение Христа, соединение Бога с человеком, обретшим индивидуальное «я» и ставшим способным принести его в жертву (подобно Престолам), что представляет собой *способ* восхождения к высшему в космосе Христа.

На будущем Юпитере каждый отдельный человек станет переживать опыт Иисуса из Назарета — нисхождение на него при крещении на Иордане Святого Духа в виде голубя. Тогда овладение Жизнедухом в зоне Венеры станет осуществлением конечной цели деяния Христа. Тогда Я, как достояние индивидуального человека, обретет вечную, космическую жизнь. Вулкан же образует октаву. На нем человек будет приведен Христом к Отцу, к Духочеловеку. И это станет семенем следующего цикла эволюции*.

В Солнечной системе Солнце, как звезда, образует центр всей эфирной жизни, приходящей из мира неподвижных звезд и пронизывающей планеты. И это есть эфирное тело Духов Мудрости. Вся совокупность планет образует для него физическое тело. В целом же мы получаем образ зона древнего Солнца, усложненный благодаря тому, что на Земле развивается индивидуальный человек, а эфирное тело Духов Мудрости не допускает индивидуализации на столь несовершенной ступени. Эфирное тело человека Христос спасает от растворения в Жизнедухе, для чего Он использует планеты, опосредующие прямое действие Духов Мудрости, а Сам тем временем ведет нас к индивидуальному овладению Жизнедухом. Поэтому Он — Спаситель и одновременно Податель Жизни.

В зоне древнего Солнца, как мы помним, отставшее и сделалось неким воспоминанием о древнем Сатурне, выделилось в виде самостоятельного космического тела. В зоне Земли в таком положении находится Луна. Она является одновременно воспоминанием и о древнем лунном, и о древнем сатурническом зонах. Поэтому в ней сосредоточено действие как физического, так и астрального импульсов — она отражает солнечный свет на Землю. Но в отраженном свете живут люциферические существа, соблазнившие человека вкусить от Древа познания. Средоточие же истинного астрального тела Солнечной системы образуют Духи Движения. Ныне свое «главное место сбора» (136; с.169) они также имеют на Солнце и действуют на человека не прямо, поскольку он не может существовать как Самодух, а, подобно эфирному, через посредство

* Тут еще необходимо заметить, что подобный взгляд на метаморфозу не упраздняет другого, приведенного в главе I. Тот взгляд имеет своим центром овладение человеком более высокими членами своего существа; там метаморфоза принимает иной вид.

планет. В Солнце, как уже говорилось, материя излучается вовне, будучи пронизанной жизнью. «И вместе с жизнью, — говорит Рудольф Штайнер, — развивается астральность» (207; 24.IX). Можно сказать, что макрокосмическое эфирное рождает астральное планетной системы. Этим астральным, силой Духов Движения, эфирное Духов Мудрости дифференцируется на четыре эфира. Так действует Солнце.

В Луне материя уничтожается, а вместе с нею разрушается и астральность. В этом расщепляющемся мире Луны следует видеть действие Бога-Отца, идущее «вплоть до материи в ее законченности». И мир Бога-Отца должен пребывать в планетной системе, «пока не превратится в мир Бога-Сына... Лунное и солнечное соотносятся между собой как Божественно-Отчее и Божественно-Сыновнее» (207; 24.IX). Так в земной зоне соприкасаются досатурнический и послесатурнический циклы. Развитие в семи зонах является, по сути, не чем иным, как метаморфозой одного из них в другой. Параллельно этому готовится метаморфоза нашего цикла в следующий.

До древнего Солнца в космосе существовало единство. Вступив в поток развития, единство пришло к современной Луне. Природа такого развития — дохристианская, и в человеческой среде оно приходит к своему выражению в естествознании. Другой поток развития — солнечной природы; он — христианский (201; 8.V). Оба потока текут параллельно, имея тенденцию к слиянию. И всякая попытка помешать этому означает, фактически, отделение Отца от Сына. Более всего в этом намерении ныне упорствует церковь, возводя стену между верой и знанием.

Наконец, Солнечная система имеет свое Я. И это Сам Христос. К Нему человек смеет искать непосредственное отношение. Он — Бог человеческого Я, и только в «я» человек может сказать: «Не я, но Христос во мне». Некогда Духи Формы дифференцировали единый Самодух Духов Движения и как высшим Я одарили им человека. Для этой цели один из Элоимов (обитающих на Солнце), Ягве, сошел на Луну и стал работать в силах распадающейся материи и умирающей астральности, вырабатывая в потоке наследственности орган рефлектирующего мышления — человеческий мозг. В это мышление, по мере его образования, стала светить весть о грядущем Христе. Ягве-Элоим создал для ее восприятия подходящую Я-форму. В своей работе он привлек на помощь также люциферических духов. Но Христос действовал через Ягве и как Податель жизни, а это значит, что через Ягве действовало эфирное тело Духов Мудрости. Поэтому *живая Мудрость* возвещала о себе через пророков, из пылающей купины, адресуясь также к *мыслящему сознанию* древних израильтян.

Человек является плодом совместной деятельности Солнца и Луны. Как микрокосм, он повторяет все то, что совершается в них и между ними. То есть и в нем материя отбрасывается в хаос, погибает. Но в очаги ее умирания как моральные, этические идеалы, образующие семя будущих миров, изливается Христова сила, ибо «в бытии Юпитера будет только то, что сегодня в этих очагах разрушения в людях возникает как новообразования из моральных идеалов», а также и аморальных, что на Юпитере приведет к борьбе между ними (207; 24.IX).

Но лунно-солнечная деятельность в человеке начинается с формирования эфирного тела человека. Вместе с Землею он заключен между сферами Солнца и Луны. И той деятельностью, что духовно разыгрывается между этими тремя планетами, созданы главные органы человеческого тела. В одной из лекций Рудольф Штайнер говорит о некоем движении духовных существ, исходящем из четырех областей Солнца. Один род этого движения пронизывает Луну, другой — Землю, а третий снова возвращается в Солнце, не достигая других планет. В этой деятельности, вероятно, можно видеть проявление эфирного тела Духов Мудрости. Она, надо думать, существовала уже и тогда, когда Земля, Луна и Солнце были одним космическим телом, на котором обитал планетарный человек, и в нем закладывались зачатки того, что теперь мы имеем как мозг, легкие и сердце. Они дифференцировались как отдельные органы, когда планеты разошлись. Эту

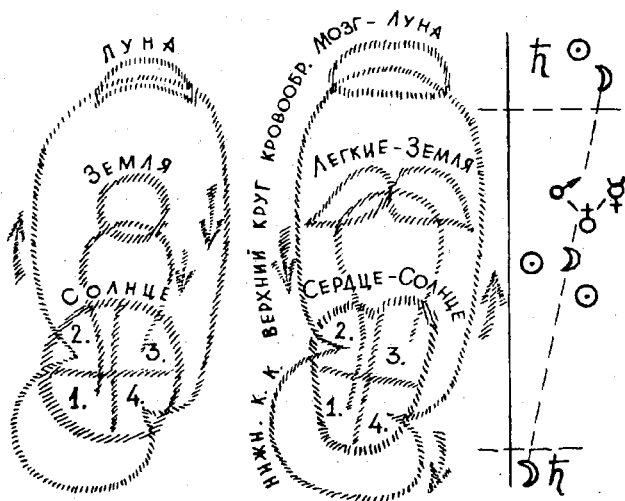

Рис. 51

связь органов с планетами Рудольф Штайнер поясняет рисунком (286; с.56), который мы также приведем на рис. 51 (правая часть добавлена нами. — *Авт.*).

Из рисунка мы можем понять, для чего Солнцу и Луне нужна Земля. Они образовали ее как орган, опосредующий их деятельность; иными словами, *ей были приданы свойства древнего Солнца в его положении между древним Сатурном и древней Луной*. Поэтому Христос смог соединиться с нею, она смогла стать Его планетой. В дополнение к тому, чем человеческие монады были наделены на древнем Солнце — способностью обмена с внешней средой, что послужило зачатком дыхательной системы, — Христос деятельностью, идущей от современного Солнца, наделил ритмическую систему кровообращением. В целом все формирование велось к тому, чтобы действие древнего сатурнического наследия в человеке опосредовал Ягве-Элоим, чем была обусловлена выработка мозга (см. рис.50). Древние лунные импульсы Духов Движения Ягве опосредовал как Дух Движения, направляя потоки астрального, приходящие от Солнца, в ритмическую систему человека. Наконец, эфирная деятельность Духов Мудрости также опосредовалась Луной. В этих процессах принимали участие и другие планеты. Так, например, в первую половину земного эона дыхание и кровообращение не были дифференцированы в человеке, в них преобладала деятельность эфирных сил, идущих из макрокосмоса, и в их опосредовании существенную роль играл Марс. С завершением образования легких эфирное действие в них ослабло; астральное же действие опосредуется Меркурием — внутренней планетой, — что означает эмансипацию человеческого астрального от космического.* Наконец, в подготовленную таким образом систему органов низошло Я Христа.

В человеке процесс дыхания был некогда соединен с процессом питания, потом они разъединились. С образованием органов чувств дифференцировался и сам процесс дыхания, в нем от более грубой части — дыхание воздухом — отделилась более тонкая — дыхание в восприятиях чувств. Ныне в человеке происходит следующее. Когда он делает вдох, то, фактически, весь наполняется воздухом. Особенно деятельно в этом процессе астральное тело (во время сна действует космическая астральность Иерархий). После вдоха в человеке скапливается углекислота, все процессы протекают в водном организме, и там действует эфирное тело; оно же обуславливает вы-

* Характер формировавшихся при этом связей, если их изучать детально, можно было бы, как и в иных случаях, представить с помощью системы лемнискат. Их ряд мог бы быть такой: обмен веществ — нижний круг кровообращения — верхний круг кровообращения — дыхание — процессы в нервах. Они уже намечены на рис. 51.

дох, поэтому он — солнечной природы, вдох же — лунной. Таков процесс дыхания воздухом. Но человек обменивается с внешней средой и более тонкими элементами, например — теплом. Это также имеет вид дыхательного процесса. В нем, как об этом говорит Рудольф Штайнер в цикле медицинских лекций для пасторов Общины Христиан (318; 14-15.IX), мы вдыхаем и выдыхаем тепло макрокосмоса. Этот процесс отличается от дыхания воздухом тем, что *выдох* в нем также идет в *человека*, становится в нем внутренним процессом. Вдох и выдох мирового тепла осуществляет наша нервно — чувственная система в процессе восприятий, при этом выдох соединяется со вдохом посредством воздуха.

Таким образом, нервно-чувственный процесс состоит во вдохе, в некоем тонком восприятии извне, и в выдохе внутрь себя, соединенном со вдохом воздухом. Нервно-чувственный вдох солнечной природы, в нем «световой эфир, химический (звуковой) эфир макрокосма, жизненный эфир макрокосма переходят в человеческий организм на пути теплового вдоха» (318; с.100)*. Так эфирное Солнце достигает человека в виде четырех строящих всю Солнечную систему эфиров. Они соединяются с элементом воздуха и остаются в человеке. Так осуществляется связь духа с материей. Она идет по следующим ступеням:

жизненный эфир
хим. (звуковой) эфир
световой эфир
тепловой эфир

тепло
воздух
вода
земля

Все входящие в человека эфиры идут по своему назначению. Световой эфир, идя путем теплового эфира, не переходит в дыхательный процесс, но наполняет человека в нервных путях как мыслительная деятельность. «Макрокосмический химизм», звуковой эфир, переходит во внутренний химизм человеческого тела, соединяясь со вдохом воздухом. И поскольку нервы являются

* Ученик йоги, концентрируясь на входе и задержке дыхания, проецирует возникающий процесс на восприятии чувств с их обратной стороны и приходит к сверхчувственному восприятию. Концентрируясь на выходе, он покидает телесность и растворяется в Мироздании. В первом случае его созерцание заполняет люциферическая стихия вдоха.

внешним физическим проводником того, что происходит в верхнем, мыслящем в свете, человеке, то вбираемое сверху дыхательным процессом свою проекцию имеет в циркуляции артериальной крови. Жизненный эфир проникает за границу выдоха, но не соприкасается с внешней стороной обмена веществ, со средствами питания. Он проецируется на циркуляцию венозной крови.

2. Трехчленный человек внутри годового цикла природы

ТАК ПОДОШЛИ МЫ с еще одной стороны к области *схождения* в человеке восприятий чувств и жизненных процессов. Мы выявили три рода деятельности планет в человеческом существе. В своей совокупности они образуют прафеномен биогенетического закона и, кроме того, подводят нас к пониманию индивидуальной духовной деятельности человека, в которую также проникает, затем иссякая там, действие этого закона.

Триединой деятельностью Отца, Сына и Святого Духа был создан в условиях земного зона общечеловеческий биологический тип — «ветхий Адам». Он был воспоминанием о трех предыдущих зонах и одновременно нес в себе задатки для нового действия в нем планет, олицетворяющих древние зоны в новом (рис. 50, I). Такой человек прикреплялся головным образованием к оплотневающей материи Земли и сам насыщался материей. Луна, которая тогда была еще соединена с Землей, *развивала* во всеобщей человеческой астральности вожделения, бывшие выражением желания отставших (еще на древней Луне) люциферических ангелов нагнать упущенное, овладеть «я», обособленным от Божественного. И чем более они старались это сделать, тем более отторгались Иерархиями, что, собственно, и вело к оплотнению материи. Роль Луны в этом положении носила не ритмизирующий, а хаотизирующий характер, — как в сфере астральности, так и на пути эфирного солнечного действия. В результате головное образование насыщалось продуктами сторания, золой, минерализировалось. Луна как бы приводила к противоречию импульсы Отца и Сына, поскольку встала *между Сатурном и Солнцем*. И будь это не так, не допусти боги противостояние люциферических существ импульсам Святого Духа, человек никогда не пришел бы к индивидуальному сознанию. Человек мог начать мыслить на Земле, и для этого уже на ступени биологического формирования в нем должна была быть создана собственная «Земля», голова, которая не была бы простым повторением древнего лунного зона.

А в дальнейшем произошло так, что человек «оперся» головной системой на макрокосм (сделался прямостоящим) и тем освободился от влияния физических сил Земли. Конечности же, напротив, были введены в сферу этого влияния, утратив свой чрезмерно одухотворенный характер. От бывшего действия планет остались только физические формы головы, конечностей и груди*.

В новом положении человека восстановился правильный порядок действия прошлых эонов. И тогда в нем стали формироваться его, человеческие, органы жизни и восприятия. Возник трехчленный человек головы, груди и конечностей, как необходимая основа двенадцатичленной системы восприятий чувств и всей душевно-духовной жизни. Теперь головная система испытывает действие Отчего начала — всего мира неподвижных звезд, куда мы восходим, пройдя через сферу Сатурна. Ритмическая система испытывает действие Христова Импульса. Система конечностей, пока бессознательно, находится в связи с импульсами Святого Духа.

Но данный аспект человека не является окончательным. В нем, как мы сказали, разрешилось древнее противоречие, однако на смену ему пришло противоречие иного рода. На той стадии развития, где человек был обращен системой конечностей к космосу, все в нем определялось космической деятельностью, исходной точкой которой является макрокосмическое Я, действующее из сферы более высокой, чем круг Зодиака. Оно действует из окружения, а в центре формируется минеральное Земли, и человек своим головным образованием связан с ним. Голова человека в ту эпоху — это вся Земля, а к ней по радиусам со всех сторон устремлена тепло-эфирная деятельность космоса, входящая через врата Солнца. Древний Сатурн стремится в земном образовании все привести к идеально сформированному кристаллу. Солнце оживляет кристалл, превращает его в растение. И во все это, подобно челноку в ткацком станке, вмещивается Луна, выплетая причудливый узор вожделений; этим она также усиливает сатурническую деятельность, поэтому в определенный момент выделяется из Земли. Тогда действие импульса к минерализации ослабевает, эфирные силы упорядочиваются, космическое Я начинает действовать на систему обмена веществ и конечностей, будучи опосредованным силами Земли (сквозь Землю).

Возникает двойное воздействие Я на человека. Во-первых, оно вызывает в конечностях состояние, родственное древнему лунно-

* Былое люциферизированное действие Луны и поныне выражается в заболевании чахоткой.

му, когда все три оболочки находились в тесном взаимодействии, направляемом иерархическим Я. Поэтому в конечностях человек не может объективировать его, встать к нему в индивидуальное отношение. Во-вторых, в головной системе Я освобождается от оболочек, встает к ним в прямо противоположное, по сравнению с конечностями, отношение, в результате чего человек приобретает способность переживать его, но переживать тeneвым образом. Развитие, исшедшее из Я на древнем Сатурне, в голове человека приходит к своему концу, к омертвелой форме черепа, которая *физически* являет собой действие эфирного и астрального тел. Поэтому голова — это одно лишь тело. Но, с точки зрения субъекта, истинным телом является система конечностей, поскольку в ней соединена деятельность всех трех тел и она наиболее бессознательна. Голова же, напротив, и мыслит, и воспринимает, питает душу и дух. Так приходим мы к образу человека, прямо противоположному тому, который приведен на рис. 47.

Ритмическая система занимает среднее положение и в первом и во втором образах человека. В ней природный человек живет в тесном взаимодействии физических и эфирных сил. Космическое действие Я в ритмической системе ослаблено, оно утрачивает свое непосредственное воздействие на астральное тело, благодаря чему открывается возможность для индивидуализированного развития восприятий чувств. Астральное тело делается в груди носителем индивидуальной душевной жизни. Еще выше, в голове, Я отторгается и от эфирного тела. Материя начинает умирать и, отталкиваясь-осая Я, мыслить-рефлектировать. В конечностях Я — творец тела животной природы (Зодиак в переводе означает животный круг), в голове оно заявляет о себе в совокупности 12-ти мировоззрений (см. табл. 7 и 9).

Навстречу импульсам космического Я, стремящимся организовать человека как недифференцированное единство, идет работа индивидуального «я». Она начинается с восприятий и мышления в душе ощущающей, в индивидуализированной части астрального тела. В Я ей противостоит космическая астральность Самодуха. В ритмической системе оба рода деятельности, идущие навстречу друг другу, сходятся таким образом, что Я слагает циркуляцию крови и сердце, а под влиянием «я» (космической души ощущающей) слагается система дыхания. Уяснить этот момент существенно важно по той причине, что в нем выражается переход от космической деятельности к индивидуальной. В начале главы, как исходное, мы получили табл. 8, где «я» еще не имело самостоятельной роли. Теперь же оно эту роль имеет, отчего прежняя картина получает более детальный вид. (табл. 10).

«Я» индивидуальное	
<i>тело</i> — мозг <i>душа</i> — восприятие чувств <i>дух</i> — мышление	<i>тело</i> — предельно минерализованное состояние физического
<i>тело</i> — система дыхания, как основа мыслительной деят. и восприятия чувств <i>душа</i> — осмысленные чувства (душа ощущающ.)	<i>тело</i> — кровеносная система как опора для Я, опосредующего деят. верхнего и нижнего человека <i>душа</i> — космическая душа рассудочная
<i>тело</i> — совокупность физиологических функций как основа для развития индивид. души и духа	<i>тело</i> — микрокосм трех оболочек <i>душа</i> — космическая душа сознательная <i>дух</i> — определяющее форму космическое мышление
	Я космическое

Табл. 10

Сравнив между собой обе таблицы (8 и 10), мы поймем, как из четырехчленного возникает пятичленный человек. Его образование начинается с разделения процессов дыхания и питания, а кончается противостоянием «я» и Я. В ходе этого развития упорядочивается соотношение высшей и низшей эфирной и астральной деятельности. Все, так сказать, встает на свои места, что обусловлено сдвижением планет, показанным на рис. 50. Первое положение там соответствует табл. 8, второе — табл. 10.

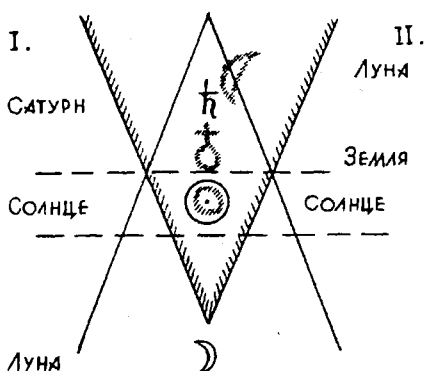

Рис. 52

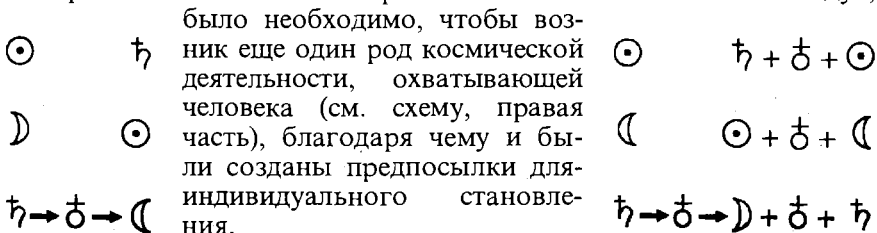
Изображенное на фиг. I выражает следующий этап эволюции, где законченная в себе тройственная деятельность Сатурна, Солнца и Луны, породившая современного человека как биологическое существо, лишь предрасположенное к овладению индивидуальным духом, восходит еще на одну ступень. По сравнению с древнелунным состоянием, в человека встраивается еще одна троичность (рис. 52). Солнце при этом выступает как звено, опосредующее

связь обеих троичностей, метаморфозу древней троичности в новую, когда сотворенное первым физическое, Отчее, приходит к своему концу в материальном бытии.

Имагинативно видно, говорит Рудольф Штайнер, как Луна постоянно собирает материю из окружения, расщепляет ее и распыляет. Материя собирается к центру Луны как бы сужающимися кругами, но центра Луны она не переносит и превращается там в ничто. Иное дело — Солнце. С приближением к его центру материя (в тонкой, конечно, форме) пронизывается жизнью. В микрокосме для развития полного мыслей «я» мы носим в себе, в наших инстинктах, «ярость разрушения» материи. Этому повергающему материю в хаос настроению противостоит солнечная деятельность восприятий чувств.

Таким образом, с одной стороны, возникает дуализм Солнца и Сатурна. Он разрешается во взаимопроникающем действии физического, эфирного и астрального тел в системе конечностей. С другой стороны, мы имеем дело с дуализмом Солнца и Луны, который в человеке выражается как противоположность ума и сердца. Эта противоположность рождает «я» и в нем находит свое разрешение.

Уясним себе еще раз, откуда берется тот (третий) аспект человеческого существа, который выражен рисунком 51. Сначала мы имеем дело с чисто Божественной деятельностью в человеке, которая исходит от макрокосмического Я и движется через ряд: Я — эфирное — астральное — физическое (физическое как сверхземное, поскольку оживляется не индивидуальным началом). В завершение ряда можно опять поставить Я: Я — эфирное — астральное — физическое — Я. В этот ряд вносит свои коррективы Земля. В ней, как и в Луне, материя приходит к своему концу, уничтожается. Поэтому Земля космическому физическому действию Я противопоставляет подфизическое, комплекс сил уничтожения (радиоактивный распад, электричество). Борьба обеих тенденций начинается в конечностях человека и завершается в головной и нервно-чувственной системе. Подфизическое при этом одерживает победу в том, что приводит материю нервов к умиранию. Победа космического выражается в возникновении мыслящего сознания, и человек поворачивается головой вверх. Но чтобы в нем ожил Самодух, было необходимо, чтобы возник еще один род космической деятельности, охватывающей человека (см. схему, правая часть), благодаря чему и были созданы предпосылки для индивидуального становления.

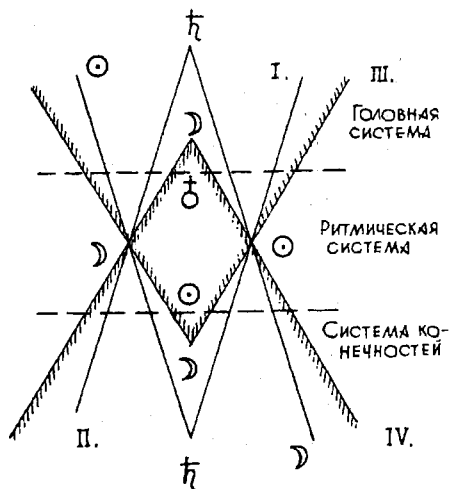

Рис. 53

В итоге то, к чему мы пришли на рис. 52, получаем дальнейшее развитие (рис. 53). Треугольник I (одна из его сторон уходит в бесконечность) выражает действие в человеке Отчего начала, треугольник II — Отца и Сына, III — Сына, IV — Сына и Святого Духа. При этом определяющей в человеке является ритмическая система и, следовательно, Христово начало.

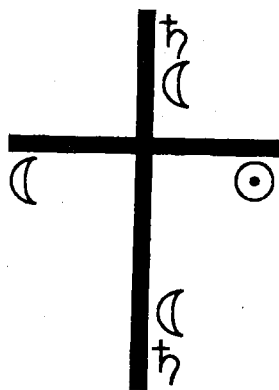
Силой Отчего начала, как уже было показано с разных сторон, новому циклу творения даруется субстанция, которая в земном зоне, как в космосе, так и в человеке, прихо-

дит к своему концу. «Бог-Отец, говорит Рудольф Штайнер, — действует вплоть до материи в ее законченности. ...Но внутри нас материя отбрасывается в ничто, пронизывается чисто духовной сущностью, нашими моральными идеалами, а также аморальным. Из этого проистекает новая жизнь. Мир должен явить нам свой двойственный облик: Бога-Отца, как он творит внешне видимое, и как это достигает своего конца в человеческом внутреннем, где оно отбрасывается в хаос. Мы должны сильно чувствовать конец этого мира, который есть мир Бога-Отца, и мы увидим, как благодаря этому чувству мы придем к внутреннему пониманию Мистерии Голгофы. ...важнейшее представление, которое необходимо связать с Мистерией Голгофы, — это представление о воскресающем Христе, побеждающем смерть. ...Христианство — это не просто религия спасения, таковыми были и восточные религии, Христианство есть религия воскресения, религия пробуждения того, что в противном случае остается лишь разрушающейся материей» (207; с.43-44).

Из сказанного следует, что Отчее творение есть лишь средство для чего-то иного: для творения новой жизни сначала в феноменальном мире Отца, затем — в мире чистого сознания. Так что человек, рождаясь из Бога-Отца, не может умереть в Нем же, ибо тогда он просто вернулся бы к исходному пункту бытия — к ничто, в которое низвергается отслужившая свое материя. В противовес этому умереть во Христе означает: когда материя в нас умирает, от трехчленности физического, эфирного и астрального мы переходим к трехчленности эфирного, астрального и Самодуха.

Как действуют все три Ипостаси в человеке, мы показали на рис.52, где даны две гексаграммы (сплошными и жирными линиями), выражающие древнего и новозаветного человека. Если их развернуть в более подробную картину (рис.53), то можно будет сказать, что в первой гексаграмме (I-II) творение переходит от Отца к Сыну, во второй (III-IV) — от Сына к Святому Духу. В треугольнике I в полную силу действует импульс древнего Сатурна (он образует вершину направленного вниз угла), устремленный к земному, материальному и к материализации. Действием Христа силы этого космического физического импульса удерживаются в человеке на ступени растительного образования. В треугольнике II Отчий принцип как бы отражается от Земли и вновь направляется в космос — материя, умирая, начинает отражать дух, рождать его познание. В действии обоих импульсов противостоят друг другу Луна и Солнце — умирание и воскресение, и не только в физическом, но и в астральном, и в эфирном.

С образованием треугольника III возникает, будучи соединенным силой Христа, противостояние Солнца и Земли. Этот момент был окончательно закреплён Мистерией Голгофы. В новой констелляции лунные силы получили двойное назначение, подобно тому как это произошло с силами Сатурна. Мы поймем это, вспомнив, что умирающий физический мир древнего Сатурна ныне выражает себя в Луне. Но она же является звеном, опосредующим влияние на Землю сил макрокосма, входящих в Солнечную систему через Сатурн, сил Духочеловека, Отчего начала. Деятельностью Христа, несущей жизнь, Отчее начало через врата Луны воздействует на человека в сфере сил размножения. Будучи отраженным в космос, этот же импульс формирует мозг, порождающий духовную жизнь. Так возникает мировой крест творения, претворяющийся в крест спасения и воскресения, в микрокосмический крест. Изобразить его не совсем просто, поскольку он не статичен, а образуется в результате годового движения Солнца, Земли и Луны относительно друг друга. На рис. 53 мы дали довольно абстрактный образ того, как возникает человеческая форма при воплощении души в физическом пространственном мире. Но из него можно развить другой, показывающий принцип возникновения жизни, способной дать воплощение индивидуальному духу. Такой образ должен быть неизбежно подвижным, и от нас потребуются сила воображения, что-бы следовать за ним.

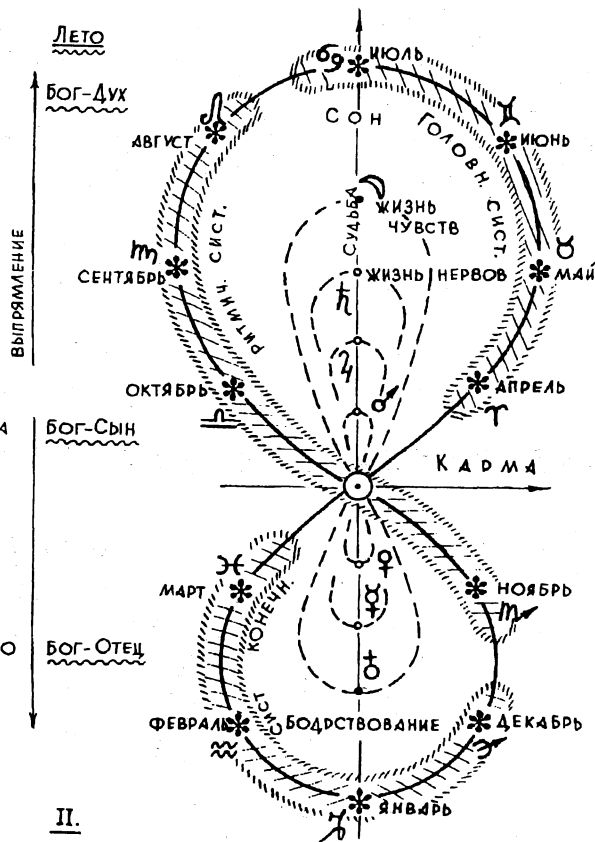
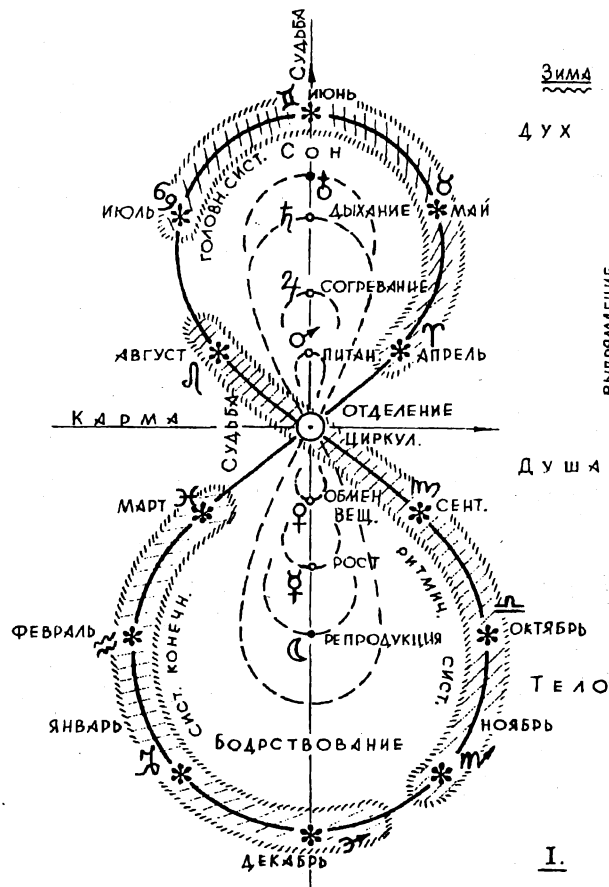
Начнем с того, что закрепим на рисунке две полярно противоположные позиции нашего подвижного образа, а остальное будем представлять себе перетекающим из одного положения в другое (рис.54; I, II)*.

Изображенные позиции выражают космические конstellляции человека, соответствующие самой глубокой точке зимы и самой высокой точке лета. Переход одной конstellляции в другую совершается за счет годового движения Земли вокруг Солнца, которое следует представлять себе и физически и духовно.

Но прежде чем проделать это, нужно поговорить еще об одном оживляющем человека принципе, о действии мирового эфира. В человеке имеется семь жизненных процессов. Они управляются всей планетной системой, и происходит это так, что действие высшего эфира Духов Мудрости дифференцируется силами планет, которые, в свою очередь, представляют собой средоточия деятельности Иерархий. Иными словами, совершается все тот же древний процесс, имевший место уже в зоне древнего Сатурна и древнего Солнца, только там не было планетной системы и многого другого, что связано с индивидуализацией человека. В силу последнего обстоятельства, отдельные эфиры закреплены в человеке развитием жизненных процессов. Именно связью того или иного эфира в человеке с эфиром соответствующей планеты определяется управляющая роль планет в жизненных процессах.

Действие трех эфиров во внешних планетах — Сатурне, Юпитере, Марсе — повторяется во внутренних — Венере, Меркурии, Луне. Солнце управляет жизненным эфиром; и именно он действует на Земле как планетарный эфир. Кроме него на Земле действуют и три другие эфира, но будучи дважды опосредованными планетами. Наконец, все четыре эфира достигают человека и слагают его эфирное тело, пока он проходит земную инкарнацию. Закрепляются они в нем благодаря тому, что тепловой и световой эфиры обладают центробежной тенденцией, а химический (звуковой) — центростремительной. Так образуется ступенеобразное действие эфиров, сквозь которое, нисходя к воплощению, проходит человек. Сатурн и Юпитер, действуя в тепле и свете, влекут нас от Земли. Их силы близки к макрокосмическому эфиру и потому возбуждают в нас восприятия чувств. Тогда в помощь Солнцу выступает деятельность Венеры и Меркурия, «приземляющая» то высокое действие. Действием химического и жизненного эфиров «материи сгущаются» до элементов воды и земли, в которых космический эфир получает противоположную тенденцию — стремится оторваться от Мироздания, но деятельностью Солнца опять-таки одухотворяется:

* На этом рисунке Меркурий и Венера поставлены на их истинные места.

материя распадается в Луне, Земле и человеке, а эфиры освобождаются. Но кроме распада материи происходит и одухотворение ее, эфиризация, переход на духовный план; тогда в эфирном мире возникает фантом физического тела, а также тело будущего зона.

В ходе человеческой инкарнации эфиры, будучи закрепленными в жизненных процессах, циклически меняют характер своей деятельности в течение года, в зависимости от движения планет что, в свою очередь, оказывает существенное влияние на астральное тело, на душевно-духовную деятельность человека. В ходе годового движения Земли вокруг Солнца меняется соотношение внешних и внутренних восприятий чувств. Происходит некая пульсация, «дыхание» Макроантропоса. Зимой в нем расширяется сфера внутренних чувств, летом — внешних (рис. 54). В основе таких изменений лежит сдвигение сфер деятельности трехчленного человека — головы, ритма и конечностей, отчего меняется характер жизненных процессов, поскольку эфирная Земля в ходе года меняет свое отношение к внешним и внутренним планетам. Астральное тело Земли в вершине лета простирается в дали космоса, а к зиме снова сжимается. Вместе с ним определенные движения совершает и человеческое астральное тело.

Когда мы берем одно кругообразное движение человека вместе с Землей внутри круга Зодиака, то перед нами — ветхозаветный человек с его групповым сознанием, жестко обусловленный гороскопом своего рождения, подчиненный изменениям в природе, совершающимся в смене времен года. Такой человек теряет себя в вершине лета, выдыхает свое сознание в дали Мироздания, а зимой погружается в дремоту внутренних восприятий чувств. Полуокруг внешних восприятий чувств дается ему, с точки зрения индивидуального осознанного пользования ими, с трудом. Поэтому перед человеком, после того как он стал прямостоящим существом, стоит задача «выпрямиться» также и душевно-духовно. Такое выпрямление ориентировано в двух направлениях: в сторону созвездий Рака и Близнецов, где в вершине лета стоит праздник Иоанна, и в сторону Козерога и Стрельца, где в глубинах зимы мы празднуем Рождество.

В этих конstellляциях сам Дух Земли переживает в отношении к ней свои полярно противоположные состояния. Летом, вместе с сонмами элементарных духов, он покидает Землю. Наступает состояние, подобное тому, в котором человек находится во время сна, когда «я» и астральное тело выходят из эфирного и физического тел. Вслед за Духом Земли влечется и человеческое «я», и тем в большей мере, чем менее человек индивидуален, т. е. способен удерживать «я» в бодрственном состоянии. В прошлом люди в летнее время погружались в некоего рода групповые грезы, в групповые сновидения среди элементарных духов природы. Тенденция эта действует и по-

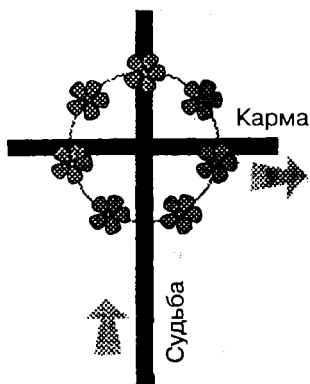
ныне. Она как бы «сгибает» человеческий дух в зодиакальный круг, что находит свое выражение и в душевно-биологической сфере: система головы и нервов «сдвигается» в сторону внутренних чувств, где усиленно действует бессознательное, животное начало, а сферу внешних чувств заполняет ритмическая система со своими инстинктивными процессами дыхания и кровообращения, в которых превалирует элемент растительной жизни. Все это мешает низшему «я» мыслить в вершине лета. Но зато тогда оно может бодрствовать в силах Самодуха, приходящих из-за зодиакальной сферы, если способно проникать к нему.

Летом человек входит во всю полноту своих внешних восприятий чувств и получает наибольшие возможности изживать себя в них, если способен при этом удержать сознание. Здесь, как сказано в Евангелии, «кто имеет, тому будет дано». А кто «не имеет, у того отнимется и то, что он, как полагает, имеет». (Мк, гл.4; согласно переводу Эм.Бокка). То есть, кто мыслит не своим умом — живет в групповом сознании, — у того летом оно отнимется, поскольку слишком высоко к голове поднимаются процессы дыхания и питания. Материалистическое воспитание, правда, приучило сознание в течение всего года удерживать себя в застывших мыслеформах. Такие люди именно в вершине лета становятся в наибольшей мере материалистами, т. е. не просто мыслят материалистически, а делаются медиумически подверженными ариманическому инспирациям, внушениям.

В ином положении находится человек зимой, т. к. сфера его внешних чувств сужается. Процессы питания и дыхания отступают в глубину бессознательного. Головная система освобождается от них, и в нее входят инспирации Духа Земли, а с ними — инспирации всего космоса. Тогда человеческий дух поднимается к вершине своих способностей. Но если летом человек был сильно вплетен в процессы природы, в эфирно-физическую стихию Земли, то осенью, вместе с увяданием, умиранием природы, он испытывает желание погрузиться вместе с элементарными духами Земли, которые наполняют астральное тело при групповом сознании, в зимнюю спячку. Так возникает некоего рода замкнутый круг: летнее сознание обуславливается зимним, а зимнее — летним. Чтобы этот круг разомкнуть, необходимо зимой в потоке сил, помогающих мышлению, работать своим «я» в тройственной душе, готовя ее к встрече с Самодухом. Тогда летом Самодух спасет сознание от зимней спячки.

Итак, усилия в работе над собой необходимо ориентировать в двух направлениях: к вершине лета и к глубям зимы. Из них тогда складывается судьба человека, он освобождается от оков древнего предопределения, восходит к свободе. Путь этот долог, он проходит через целый ряд воплощений. В них усилия, прилагаемые к измене-

нию судьбы, образуют иную, чем при пассивной жизни, причинно-следственную связь. Так человек приходит к изживанию своей кармы, а вместе с тем — к освобождению от земных воплощений. Линия кармы вплетена в ход движения самого Солнца внутри круга Зодиака. Цикл его движения длится 25 тыс. лет — платоновский год. Так пришли мы к пониманию креста спасения и воскресения. Он образован пересечением линий судьбы и кармы. Семь обвивающих его роз выражают семь жизненных процессов, опосредованных действиями планет; тут мы соприкасаемся с глубинным смыслом Тайной вечери, а, следовательно, и с таинством причастия*. Просветление, освящение, одухотворение жизненных процессов приводит ученика Мистерий к созерцанию «камня мудрых», тела

воскресения. Крест без роз выражает лишь распинающую человека мировую необходимость. И только внесение жизни в сознание ведет к воскресению. Начиная с абстрактной мысли, человек должен проникнуть сознанием в сферу эфирных сил. В центре их стоит Христос — Бог человеческого Я и Распорядитель кармы. Человеку необходимо прийти к встрече со Христом, пришествие Которого совершается в мире эфирных сил.

В овладении эфирными силами организма человеку особенно необходимо считаться с движением планет. Наиболее значительную роль среди них играет движение Земли и Луны вокруг Солнца. От-

ношение их движения к движениям других планет образует многообразие астрософических аспектов космического влияния на судьбу. Влияния эти носят не только эфирный, но и астральный, и физический характер, т. е. влияют на состояние как физического, так и душевного, и духовного здоровья, — на жизнь мышления, чувствования и волеизъявления. Однако всем этим влияниям должно противостоять индивидуальное «я», идущее на встречу с Я высшим. Для человека нового времени все влияния космоса, как нити его судьбы, больше не должны сплетаться Парками. Он должен плести «узор» своей судьбы сам — именно плести судьбу, а не бороться с ней, к чему его стараются побудить «прометеи» ложных социальных учений. Борьба с судьбой есть опаснейший абсурд. Он ввергает человека в еще большую необходимость. *К свободе ведет умелое, исхо-*

* Символ этот необычайно многозначен, мы говорим лишь об одном из его значений.

дающее из укрепленного «я» управление судьбой, ибо ее ингредиенты суть составляющие человеческого существа, в чем не трудно убедиться. Рудольф Штайнер приводит множество примеров того, в чем выражаются космические влияния на человека. Вот некоторые из них:

⌈ — верхняя часть астрального тела	— оберегает от раство- рения в хим. эфире. Действует в мораль- но-физическом	— жизнь инстинктов
⌋ — мышление	— оберегает от излия- ния в световой эфир	— склонности
♂ — речь	— оберегает от излия- ния в тепловой эфир	— моральные импульсы
⊙ — Я	— отделение физическо- го от эфирного	
⌘ — соединение астр. тела с ритм. деят.	— овладение твердыми частями тела	— благоразумие
♀ — деят. эф. тела	— овладение жидкими частями тела	— любовь
⌌ — возбудитель репродукции	— овладение воздушны- ми частями	— фантазия, память

204 (5.V)

213 (30.VI)

213 (1.VII)

Достаточно ознакомиться лишь с этими примерами, чтобы отпал вопрос о борьбе с судьбой. Бороться необходимо с дурными наклонностями и слабостями, мешающими «взять в руки» собственное «я». Со временем оно настолько окрепнет, что станет способным изменять влияние планет даже на биологические процессы. Человек придет к тому, что изменится даже процесс размножения. Магией слова станет один индивидуум в тонкой вещественности Земли порождать другого. Изменяться и другие жизненные процессы — полностью метаморфизируются в те душевные качества, которые мы находим в вышеприведенных примерах.

Задача духовного «выпрямления» в ритме годового цикла развития свой физический аспект имеет сильнее всего выраженным в движении Земли вокруг Солнца, каким его описал Коперник. Эфирно-астральные движения идут по лемнискату, переходя в узловой точке — в Солнце — с внешней стороны на внутреннюю и обратно.

Вся совокупность действует так, что стремится «перевернуть» человека головой вниз при переходе от зимы к лету (рис.55), вернуть его в древнее состояние, в котором он пребывал в начале Лемурийской эпохи. Этой тенденции необходимо каждый год что-то противопоставлять, дабы духовно удержать в космосе «прямостояние».

В первую очередь, нужно удерживать в сознании, наравне с коперниканской, птолемеевскую картину мира. В ней Земля, как материальный центр Вселенной, полагается неподвижной, а планеты движутся вокруг нее. Что касается эфирно-астральных сил, то лемниската их движения в таком случае свое средоточие имеет на Земле (рис. 56).

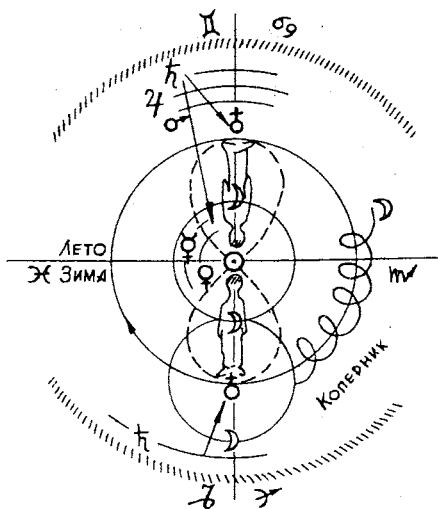

Рис. 55

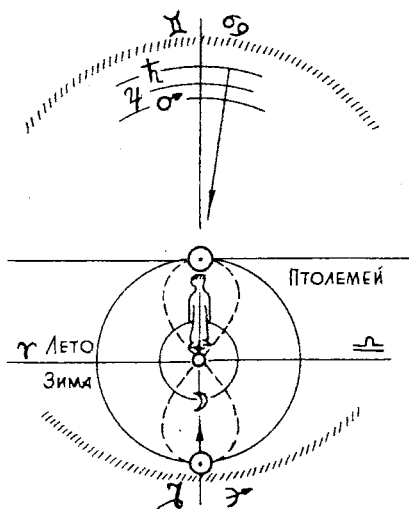

Рис. 56

Кроме того, система Птолемея не только геоцентрична, но и антропоцентрична. В нашей картине она наиболее соответствует зимней конституции человека, коперниканская же — летней.

Когда мы стоим на Земле, она кажется нам неподвижной, а Солнце — движущимся: в течение суток с востока на запад, а в течение года с юга на север и обратно на юг. И это не кажущийся образ, обусловленный лишь точкой зрения человека. В нем выражается эфирно-астральное дыхание Земли. От этого дыхания зависит все дышащее и произрастающее на Земле. Земля, как материальный центр и одновременно периферия Мироздания, восходит в более высоко расположенные духовные сферы лишь в ходе долгой эволю-

ции, а не за один год. Что же касается астрального тела Земли и ее Духа, то они ежегодно покидают ее и вновь возвращаются к ней. Внешним знаком этого процесса является физическое движение планет. Но поскольку человек имеет тройственное тело, на него влияет все: процессы в эфирно-физическом Земли стремятся превратить его в растение, процессы в ее астральном теле хотят вернуть его к животному состоянию. Человеком сознающим и мыслящим ему надлежит стать самому. И тут на помощь ему приходит Христос, ставший после Мистерии Голгофы Духом Земли. В силу этого задачу духовного «выпрямления» человек ныне может решать, вживаясь в главные христианские праздники года.

3. Великие христианские праздники года

ЧТОБЫ ХРИСТИАНИНУ В НАШЕ ВРЕМЯ быть до конца честным перед самим собой, он должен признаться себе в том, что переживание праздников года дается ему с трудом. Рождество и Пасха, если говорить о русских, еще вызывают какой-то отклик в их душе, хотя даже здесь не вполне ясно, что играет решающую роль — традиция или действительное отношение ко Христу; остальных же праздников христиане не знают, они ничего не могут связать с ними ни в душе, ни в сознании. Причина этого кроется в том, что люди утратили последние остатки атавистического ясновидения, позволявшего сопереживать игру духовных сил в природе, а сознательно-го отношения к праздникам еще не нашли. И вот создается впечатление, будто Христианство отмирает. На самом же деле оно только начинается, ибо истинное отношение к нему строится на раскрытии полноты человеческого существа.

Из Духовной науки мы знаем, что четыре сезона года управляются четырьмя Архангелами, ведущими человека к высшему развитию. В глубине зимы, там, где мы празднуем Рождество, в космосе стоит Габриэль (рис. 57). Он, по словам Рудольфа Штайнера, действует в импульсах питания, а следовательно, и обмена веществ. По мере приближения весны он начинает свои силы направлять в систему дыхания, в которой действуют импульсы Рафаэля — Архангела Пасхи. «Тогда питающие силы становятся исцеляющими. Габриэль протягивает питание Рафаэлю, и оно становится исцеляющим. Метаморфизированная сила пита-

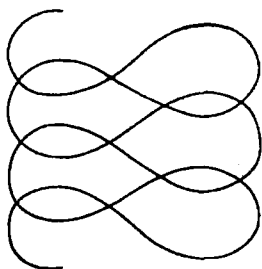

Рис. 57

ния — это исцеляющая сила» (223; 13.X). И действует она в дыхательной системе. Дыхательная система исцеляет нас. Но когда сила дыхания поднимается вверх, в человеческую голову, тогда целящие силы становятся духовными силами человека, которые действуют в восприятиях чувств и мышлении. Так восходим мы к импульсу Уриэля — Архангела Иоаннова праздника, приходящегося на 24 июня. Далее «Михаэль, воспринимающий от Уриэля силы мышления и силу космического железа, из которого выкован его меч, эти силы превращает в волю, так что она становится в человеке силой движения» (223; 13.X). Так мы приходим к осеннему празднику Архангела Михаэля.

Если теперь снова вернуться к рис. 54, то указанное взаимодействие Архангелов в ходе года раскроется нам довольно подробно. Зимой человек более всего погружен в свою систему обмена веществ и конечностей, интенсивно переживает себя в сфере внутренних чувств. К этой сфере стягивается и система ритма. С приближением весны ритмическая система начинает восходить в сферу внешних восприятий чувств, в головную и нервно-чувственную систему, а осенью снова опускается. Импульс сознания, полученный в вершине лета, движется при этом вглубь внутренних восприятий чувств. Таков итог кругооборота года, а точнее сказать, развития, прошедшего по лемнискате годового цикла (ибо оно состоит из метаморфоз), в результате которого возвышается духовно-душевная жизнь человека, способного в необходимой полноте сопереживать четыре главных праздника года.

Праздники эти сложились еще в дохристианское время. После Мистерии Голгофы они, как и многое другое или даже все на Земле, получили новое наполнение. Некогда главных праздников было три, и год тогда переживался троично: жаркий сезон, влажный и холодный. Так было в эпоху древнеиндийской и древнеперсидской культур. Но уже египтяне и халдеи начали переживать годовой цикл как четверичный. Значит, *лишь в ту эпоху земной эон начал входить в сознание людей.* И происходило это по той

причине, что творящий макрокосмический импульс действием солнечной силы, с которой тогда соединяется Христос, перешел из сферы внешних в сферу внутренних планет. Тогда действие ведущего в земном развитии импульса Марса сменяется импульсом Меркурия — на этот раз в их воздействии на душевно-духовное существо человека. (Их действие на существо Земли, на человека органического сменилось в середине эпохи Атлантиды.)

Но четверичность, как мы показали, входя во временное развитие, разворачивается в семеричность. Поэтому главных христианских праздников года семь. Они образуют законченный в себе цикл метаморфоз, в котором человек в *единстве бытия и сознания* каждый год восходит на более высокую ступень индивидуализации, что равнозначно его христианизации, и в этом ему помогает все Мироздание. Двигаясь по лемнискате метаморфоз, человек возвращается не в исходную точку, а на ступень выше, как в музыке, где первый тон, пройдя весь звукоряд, звучит на октаву выше.

У этого процесса нет абсолютного начала, поскольку он сложился постепенно. Но началом цикла в нем, несомненно, является Рождество. В разных религиях год начинается в разное время. Христианский год, с точки зрения его влияния на духовную эволюцию человека, начинается в ночь с 24 на 25 декабря. Эта точка обоснована Мирозданием, и конфессиональные разногласия по отношению к ней рано или поздно должны будут смолкнуть.

Конstellляция Рождества имеет вид, показанный на рис. 58. В общей взаимосвязи годового цикла она дана на рис. 54 (поз. I), но теперь нам важно детальнее разобраться во взаимодействии и влиянии на человека в этой конstellляции трех главных планет: Солнца, Луны и Земли. В их троичности выражено Божественное Троиединство, и в то же время в них главенствует Ипостась Сына: Христос, как аура Солнца, Луной-Ягве отражается на Землю и соединяется с нею как ее Дух.

Земля в конstellляции Рождества подобна человеку в состоянии бодрствования. Она полностью вобрала в себя свое астральное тело и Я и стоит в Мироздании, воспринимая своей аурой его идеи — мыслит о Мироздании. Подобным образом ощущает себя и человек. Своим духом он опирается на свою «Землю», которой является его голова. (поскольку «духом», то, естественно, — «головой вверх»). Это состояние и следует назвать в истинном смысле слова стоянием на Земле, духовным выпрямлением. На Рождество человеку дано

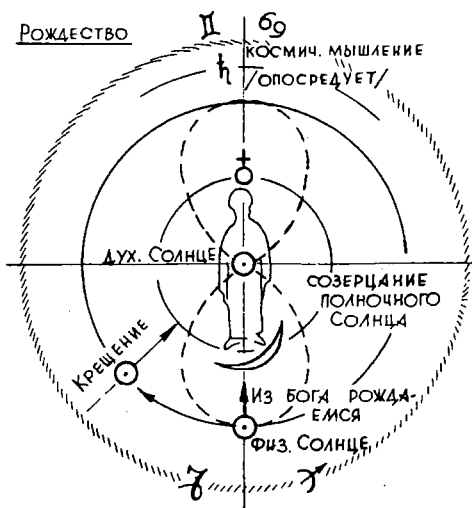

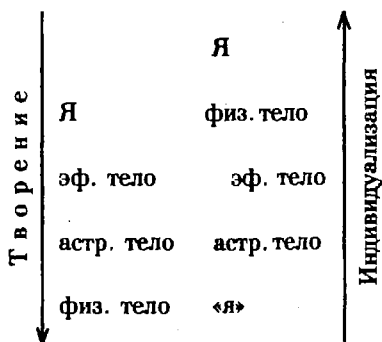
Рис. 58

пережить его в наибольшей мере. Голова идеально выражает действие сил, идущих из макрокосмоса. Их индивидуальным духовным коррелятом является мышление. Поэтому зимой человек мыслит индивидуально из сил всего космоса. В остальном организме они метаморфизируются действием планет в формы органов («карманы») и в жизненные процессы. В глубине зимы жизненные процессы сдвигаются к своему нижнему краю, в сферу лунных сил, управляющих репродукцией (рис. 49, 57), регент которой Архангел Габриэль. Человек, собственно говоря, находится между двумя полусами рождения: физического и духовного. Но чтобы и то и другое могло осуществляться, между Землей и Луной должно встать духовное Солнце. На Рождество его физическая сила ослаблена в наибольшей мере, что позволяет человеку без помех переживать его духовно. Он сквозь Землю переживает его в полночный рождественский час. В своем действии на эфирное тело человека Солнце четырехчастно (рис. 51), в действии на астральное тело Солнце нужно, конечно, рассматривать как двенадцатичастное. Я Солнца говорит к человеку совокупным действием планет и неподвижных звезд, говорит «внятной для внутреннего человека речью» и «в духовно воспринимаемом внутреннем слове впечатлевает суть человека. ...Индивидуализированное мыслеобразование космоса открывает себя как индивидуализированный Логос» (224; с.38—39).

Некогда, в I-м году новой эры, Слово стало плотью, дабы плоть некогда вновь стала Словом. И пока этого не произойдет, человек будет рождаться телесно. Но каждое Рождество он сдвигается, пусть хотя бы на маленький шаг, от физического к духовному рождению. Он стремится *созерцать* духовное Солнце, а его *инспирирующая* деятельность звучит к его эфирному телу хорами Иерархий, поскольку эфирное тело человека представляет собой «взаимодействие, слияние, совместное тkanie Духов Мудрости, Духов Движения, Духов Формы, которые их струящуюся, текущую, звучащую, говорящую деятельность индивидуализируют и образуют эфирное тело человека. ...В эфирном эта деятельность проявляется, а в астральном она пребывает» (224; с.41), там, где действует 3-я Иерархия.

Действием 2-й Иерархии в человеческом эфирном теле формируется некое средоточие, которое мы переживаем в области солнечного сплетения. Здесь, восходя в гармониях Вселенной к Духу Мудрости, звучит Логос нашего индивидуального высшего Я. В самом человеке эта гармония (в эфирном теле) образует некое движение, инспирируемое Духом Движения. Оно, поскольку все в мире состоит из существ, обретает бытие в виде существа Архангела, который метаморфизирует эфирное звучание в человеческую речь. Этой деятельностью универсальный импульс Духа Движения дифференцируется. Но еще он действует как воля, и в этом случае носи-

телями его являются Духи Личности. Там же, где он выступает как мыслесущество, действуют Ангелы. Но чтобы возник земной человек, необходимы физические органы для мышления, чувствования, волеизъявления, речи, движения. И здесь на помощь приходит I-я Иерархия. Духи Воли приводят волевою деятельность человека в созвучие с его физической организацией, с системой обмена веществ и конечностей. Херувимы вызывают созвучие речеобразования с органами речи. Серафимы приводят мыслительную деятельность в связь с нервно-чувственной системой. Чтобы систематизировать все эти связи, нам нужно вспомнить уже известную схему:

Левая ее часть выражает процессы, о которых только что шла речь. Завершаются они в правой части, где вспыхивает индивидуальное «я» и воспроизводит их собственной силой, двигаясь снизу (от индивидуально осознанного) вверх (к космическому сознанию). В результате его действия формируются тройственная душа и дух. Возникает некий кругооборот, более сложный, чем приведенная таблица. Вновь попробуем выразить его с помощью рисунка (рис. 59).

Что может показаться в нем необычным, так это меняющееся отношение Иерархий к различным членам человеческого существа. Но мы еще раз воспользуемся табл. 9. Она внесет необходимые коррективы в наши представления. И если мы, например, привыкли думать, что 2-я Иерархия связана с эфирным телом, то, обращаясь к «я» и помывшись о том, что к нему склоняется Христова жертва, мы не найдем ничего противоречивого в том, что 2-я Иерархия связана также и с ним. Та безгрешная часть Души

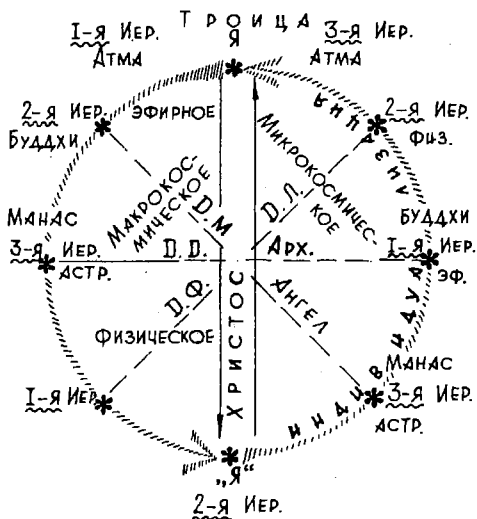

Рис. 59

человечества, Натанова Душа, субстанционально содержится в «я» как дар Духов Мудрости. Ведомый Логосом Божиим Дух Формы — также существо 2-й Иерархии — вдохнул этот дар, как «дыхание жизни», в Адама.

Таким образом, мы можем рассматривать индивидуальное «я» по меньшей мере в четырех аспектах. В первую очередь, оно есть произведение Отчего начала и потому может, как мыслящее и воспринимательное, жить в чувственном мире. В Отчем начале «я» хранит в себе Логос, несомый Духом Мудрости. Будучи опосредованной Духами Движения, сила Логоса дарует человеку в «я» речь, от которой произошло мышление, живущее в астральном теле. Но мышление возникло также потому, что на человечество через Духов Формы низошел Самодух — дар Духов Движения. В оболочке Самодуха на Землю низошел также и Жизнедух, но соединение их с человечеством пошло разными путями, которые не сошлись еще и поныне, однако импульс к их схождению дан в акте крещения на Иордане.

Самодух достиг человека как существо Ангела, как групповое «Я». Но после Мистерии Голгофы человек руководствуется лишь миром своих понятий и восприятий, за которыми ему должно открыться истинное и индивидуально переживаемое Я. И это есть Я Христа, пронизывающий все земное Жизнедух. Он имеет намерение войти в оболочку индивидуального человеческого духа, который для этого должен взойти к индивидуальному Самодуху. Иными словами, в опыте отдельной души должно быть пережито то, что некогда низошло на все человечество. И чтобы такое могло совершиться, Христос во время крещения на Иордане низошел в оболочке Святого Духа (голубь) в тело Иисуса из Назарета.

Конфессиональное сознание христиан пугливо избегает познания таких истин. Оно еще, как у поздних греков, мифологично. Поэтому Троиный Бог для них — это окрашенный эмоциональным восприятием символ. Когда христиане созерцают его изображенным на иконе, они просто не решаются думать о том, кто там Отец, кто Сын, а кто Святой Дух. Поэтому в религиозной жизни различия в исповедании Отца и Сына не идут дальше имен. Номинализм восторжествовал в вероисповедании. Ибо, спросим себя, знаем ли мы христиан, которые реально переживают отличие Отца от Сына? О Духе Святом, а тем более о Софии и говорить не приходится. Возникает чувство, что подспудно в церкви живет желание вообще от них отказаться, ибо одним достаточно Отца, другим — Иисуса. Но Христианство не может идти таким путем. Долгом христианина является преодолеть мифологическое мышление, подняться над антропоморфизированным представлением о Троином Боге. Однако это не означает, что судить о Нем следует лишь абстрактно. Нет,

мыслящее (а не мифологическое) сознание по-прежнему должно осеяться инспирацией, и тогда его будет сопровождать соответствующее чувство, более чистое и возвышенное, чем может это себе представить большинство нынешних ортодоксальных христиан.

Они говорят, что мысль без чувства мертва, но то же самое утверждает и в Антропософии. Рудольф Штайнер говорит в этой связи об отличии человеческой интеллигенции, ставящей лишь рассудочные опыты, от творческой активности познания, которую переживают художники, поэты, ученые, когда воспринимают свои инспирации, — об отличии рассудочных представлений и идей от «спиритуально инспирированного чувства». Чувство радости сопровождает такое познание, ибо тогда в малом выражается характер большого — космической интеллигенции. Если представить ее себе «как мир мыслей, доступных высшему Я (Манасу), то можно тотчас заметить силу тепла, пронизывающего Универсум, тепла, как бы исходящего из творческого источника всякой жизни (Буддхи). И через это тепло можно обрести предчувствие мира творческой силы, который существовал прежде нашего мира и содержит его в себе. Человек тогда восходит от Манаса к Буддхи, а от Буддхи к Атма». Он способен проделать такой путь по той причине, что является микрокосмом. В нем индивидуальное «я» возжигается Словом, которое поэтому в эзотерике называют третьим Логосом. «Представим себе, — продолжает Рудольф Штайнер, — силу высшего Я в человеке, Манас, распростертым по всему Универсуму, как источник тепла, возжигающего жизнь... и мы приходим ко второму Логосу... от которого человеческая душа воспринимает отблеск в свою творческую активность (Буддхи). Единый же источник всего есть первый Логос, непостижимое Божество, центр всякой манифестации» (94; с.91-92). В оккультизме все три Логоса выражают символами:

В какой-то мере это их пространственный осмысленный образ (Sinnbild). Во времени им соответствуют числа 7 — 7 — 7, т. е. уже прослеженный нами принцип эволюции, протекающий в циклах метаморфоз. Экзотерически говорят о числе 343, полученном от перемножения трех семерок. Это общее число метаморфоз, необходимое Богу для сотворения человека.

Теперь вернемся к рис. 59 (хотя о нем у нас, собственно, и шла речь) и представим себе, что изображенный на нем круг есть первый

Логос. Его высшей манифестацией является абсолютно положенное Я; низшей — индивидуальное «я». Связь между ними двоякая: косвенная — через эволюцию, и прямая — через Христа. При крещении на Иордане Я вошло в оболочки, в которых прежде обитало «я» наиболее развитого из земных людей, великого посвященного Заратустры. Христос, соединив Я с оболочками Иисуса из Назарета, явил в откровении первый Логос. И эта Мистерия стоит выше эволюции. Надэволюционное вошло здесь в поток эволюции, где прафеноменом также выступает высшее Триединство, но уже иначе.

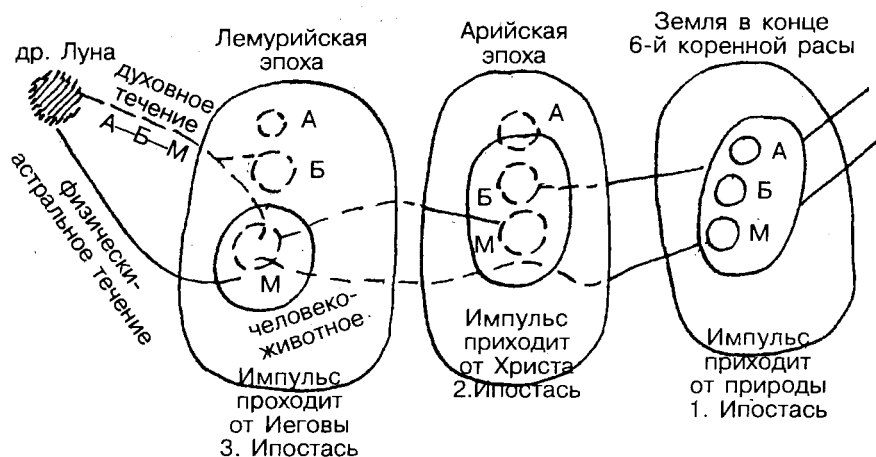

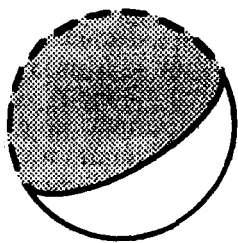
Рис. 60

В одном из писем (см. 262; с.91) к Марии Яковлевне фон Сиверс Рудольф Штайнер дает интересную схему (рис. 60). Она показывает, что перешедшее с древней Луны на Землю развитие пошло таким путем, что внизу, в материальном мире, в эпоху древней Лемурии образовалось человеко-животное. Сверху в него проникла дарованная Духом Формы искра Я. В нем, как в групповом Я, действовала Ипостась Святого Духа. Бывшее при этом внизу отставшее люциферическое царство, развивая вожеления, сгущало астральное до физического. Чтобы при этом в их сферу не было стянуто Я, его изнутри наполнял Жизнедух. Поэтому Элоим Ягве стоял в линии действия Христовой Ипостаси (здесь опять уместно вспомнить рис.31). А то, что все же сошло вниз, «я», живущее в отраженных мыслях, несет в себе неистребимую тягу вновь подняться вверх. Гностики называли эту тягу «ахамот». Навстречу ахамот Отец послал Сына. Через Ягве человек был сотворен как третий Логос. Основа его была создана уже на древней Луне в регентство Святого Духа.

Нисхождение импульса этой Ипостаси до Иерархии Духов Формы обусловило вхождение в лунное творение принципа духовной индивидуализации. Многое из Импульса Святого Духа было отдано царству Люцифера. Но осталось стремление вверх, ахамет. Оно, собственно, и есть то становление, что соединяет бытие и ничто. И без Христа становления быть не может, без Него оно переходит в бессущностное, каковым является абстрактное мышление.

Возвращаясь к празднику Рождества, мы можем теперь сказать, что там, в физически-астральном творении Элоима, лунного Бога, действующего в лунном наследии, рождается то, что можно назвать духовной силой Солнца, — Натанова Душа, безгрешная Душа человечества, сотворенная Логосом на древнем Солнце через Духов Мудрости. Дева, стоящая на лунном серпе и облеченная в Солнце — такова имажинация Рождества. Духовная сила солнечного действия покоится в лунном серпе, как в материальной оболочке, подобно просвиरे в чаше причастия. Когда эта сила рождается на Земле, то для нее это не первый, а заключительный акт Мистерии, длившейся многие тысячи лет. Первый акт состоял в том, что Христос в начале Лемурийской эпохи через Натанову душу так воздействовал на лунное наследие, на человеко-животное, что оно пришло к прямостоянию. Его воздействие в первую очередь касалось физического тела, и о произошедших в нем изменениях можно судить по рис. 50. Во второй раз действие было оказано на эфирное тело, что упорядочило жизненные процессы и одарило человека речью, «он стал способен воспроизводить нечто большее, чем простое словоощущение», стал способен «постигать объективное», «слово стало верным знаком внешней вещи». Уже в конце Атлантической эпохи, благодаря третьей жертве, органы речи были еще раз пронизаны силой Христа, благодаря чему обрели способность «создавать действительные словесные обозначения для внешнего окружения», «стать средством понимания» (157; 7.III) Это уже было действием, оказанным на астральное тело человека, что повело к упорядочиванию природы вожелений и, следовательно, к гармонизации мыслей, чувств и волеизъявлений. Так возник третий Логос, микрокосм. Уже из собственных сил он развил в себе тройственную душу, вкушая от «Древа познания», но дальнейший путь к вечной жизни, к «Древу жизни», был ему закрыт. Человек мог овладеть индивидуальным Манасом, и его достиг великий посвященный Заратустра. Но Буддхи должно было прийти с другой стороны.

На Земле рождаются два мальчика Иисуса, но в разное время — один на несколько месяцев раньше другого, как сообщает Рудольф

Штайнер. Можно предположить, что первым родился Иисус соломоновой линии, и случилось это во время осеннего праздника Михаэля (как Мардук, Михаэль был известен уже в эпоху древнеперсидской культуры). В этом мальчике было сосредоточено лучшее, что человечество могло развить в четверичности физического, эфирного, астрального тел и «я». В Рождественскую же ночь, в точном соответствии с особой конstellляцией звезд, в другом мальчике Иисусе воплотилась безгрешная Душа Человечества — Сын Человеческий. Почему Натанова Душа не могла воплотиться осенью? В осеннее время Михаэля обостряется совместное действие арииманического и люциферического начал. Они встречают душу, возвращающуюся из далей космоса, куда она уходила в Иоанново время. И Михаэль, чтобы помочь человеку, насыщает его кровь железом, силой «я». Поэтому в осеннее время воплощается «я» Заратустры, прошедшее через опыт многих воплощений и познавшее действие искушающих сил. Натанова Душа воплощается в такое время, когда внешнее, люциферизированное действие Солнца ослаблено в наибольшей мере, а арииманические силы скованы в Земле.

Имелись и другие различия между двумя мальчиками Иисусами. Следует вспомнить, что нисхождение Бога к Земле длилось бесконечно долго. На заключительной стадии Своего нисхождения Он воздействовал на Землю с Солнца и с Луны. Луна регулировала продолжение человеческого рода, начиная от первого человека, Адама. Луною, действием Элоима Ягве — Лика Христова до вочеловечения Христа — произошло разделение на два пола*. С разделением силы репродукции открылась возможность для принятия человеком искры Я. В лоне лунного мышления рождается солнечный плод духа. Таково рождество индивидуального, обособленного «я». Переживается оно тeneвым мышлением, но его родители — весь планетный космос, что раскрывается в связи тройственной души с планетными сферами.

Тот дыхательный ритм, которым живет Земля в ходе года, человек повторяет в ходе каждых суток при смене бодрствования и сна. Он показан на рис. 61 (119: 22.III). В нем — что нам теперь легко понять — Сатурн и Луна играют роль космических врат. Сатурн возводит высший элемент души во время сна к границе Девахана,

* В апокрифическом Евангелии от Филиппа о разделении полов сказаны замечательнейшие слова: «Когда Ева была в Адаме, не было смерти. После того, как она отделилась (от него), появилась смертью. Если она снова войдет в него и он примет ее, смерти больше не будет»⁷¹; «Если бы женщина не отделилась от мужчины, она бы не умерла вместе с мужчиной. Её отделение было началом смерти. Поэтому пришел Христос, дабы снова исправить разделение, которое произошло вначале, объединить обоих и тем, кто умер в разделении, дать жизнь (и) объединить их»⁷².

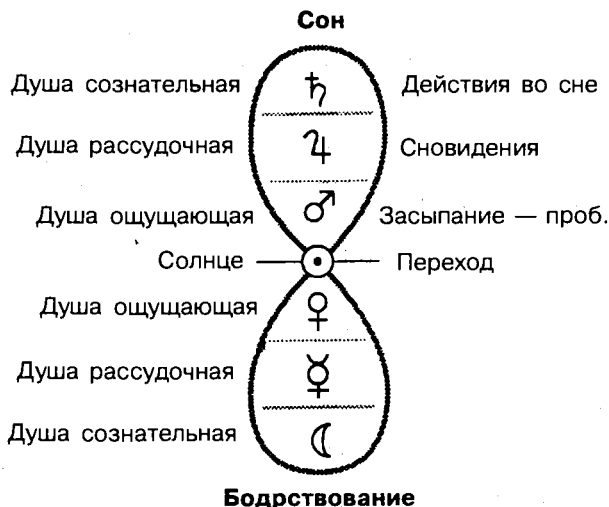

Рис. 61

Луна управляет этим элементом в бодрственном сознании человека, формируя мозг — опору рефлектирующего мышления. Именно душа сознательная является источником индивидуальной выработки тройственной души. Навстречу тому, что происходит в сфере внутренних планет, с другой стороны Солнца приходят действия космической тройственной души. Каждую ночь мы воссоединяемся с ними, но дневное сознание тогда гаснет, ибо в космической тройственной душе сознание и бытие пребывают в единстве. Из ее элемента Христос воздействовал на земного человека через три космические жертвы.

Мальчик Иисус Соломоновой линии воплощал в себе квинэссенцию индивидуальной тройственной души. Его «я» было самое бодрственное в среде людей. Натанов мальчик Иисус был первым воплощением космической тройственной души, несомой существами второй Иерархии. Лишь в сновидении или посвящении человек мог соприкасаться с этой душой. И бодрствовавший больше всех великий посвященный Заратустра уже за несколько тысяч лет до Мистерии Голгофы прозревал связь индивидуальной души с космической. Как аура Солнца открывалась ему эта душа. И это был Христос. Христос, как говорится, от века соединял низшего человека с высшим. Потому и родились два мальчика. В одном была явлена вершина того, на что был способен ветхий Адам; в другом на низший план бытия сошло наивысшее — Сын Человеческий, Макрокосм, пронизанная второй Ипостасью безгрешная Душа че-

ловечества. Вемое Христом-Солнцем, «я» Заратустры воссоединилось на двенадцатом году жизни с Сыном Человеческим, *от века произанным в космосе Жизнедухом Христа*. А на Иордане уже на физическом плане Жизнедух Христа пропитал эфирное тело Натанова Иисуса и затем три года обитал в нем как макрокосмическое Я, как само Солнце. Так на Земле была разыграна Мистерия, которая на Небе дана в виде взаимодействия планет с тройственной душой человека. После воскресения Христа Его Мистерия продолжает осуществляться в каждом отдельном человеке, и попыткой продвинуться на один шаг в глубь ее тайны является все наше исследование.

Как «полночное Солнце» рождается Христос в двух мальчиках Иисусах, когда в космосе одерживают победу физическая Луна и духовное Солнце. А далее, в течение тридцати лет, Солнце и Луна движутся навстречу друг другу, потом воссоединяются и движутся вместе, пока духовное Солнце не победит физическую Луну, претворив ее в дух, что находит свое выражение в Мистерии Пасхи. После того христианину можно спокойно «лечь в могилу» — дать физическому Солнцу победить духовную Луну на Иоаннов праздник, ибо благодаря Пасхе мы тогда воскреснем со Святым Духом. Но процесс этот развивается постепенно.

Солнце после Рождества начинает двигаться на север, побеждая земную тьму. В человеке это выражается в победе рожденного индивидуального дитя духа над унаследованной, групповой, лунной мудростью, над силами теневого рассудка. Благословляющее действие макрокосма помогает человеку, его осеняет Святой Дух, но не так, как на Троицу, а индивидуально. Происходит смена группового начала, действующего в крови через линию предков, на всеобщедуховное действие космоса. Поэтому становится необходимо, чтобы силы Земли несколько сдвинулись в ритмическую систему; туда же сдвигается и лунное влияние (см. рис. 58). Внешне это выражается в возросшем влиянии Солнца на них обоих. От Рождества до Крещения проходит всего две недели, но за это время Солнце от границы двух зодиакальных сфер — Стрельца и Козерога — восходит к апогею Козерога. В эволюции перемещение Солнечной системы из одного знака в другой означает смену целой культурной эпохи.

Убывание физического лунного действия в силах репродукции приводит к возрастанию опосредующей роли Солнца, действующего в смене сна и бодрствования. В зимнее бодрствование мыслящего сознания начинает просачиваться нечто от космического сна, от имажинативной силы, не завоеванной индивидуальными усилиями. Человек крещается Духом Святым, получая как бы аванс на будущее. Но, чтобы удостоиться этого крещения, он, подобно Зара-

тустре, должен с возрастанием Духа-Солнца принести в жертву свое обыденное сознание. В этом состоит цель высшего развития человека: укрепленную силу «я» поднять до той высоты, где оно сможет свободно принести себя в жертву высшему, дать высшему Я жить в себе. Силу, подвигающую «я» на жертву, апостолы называют верой. Процесс этот есть метаморфоза в духе гетевского «умри и будь». Живущий в ритме христианских праздников года учится на Крещении такую жертву-метаморфозу совершать. Но в полную силу эта задача встает на Троицу. Троица в этом смысле образует единство с Рождеством и Крещением в кругообороте года, о чем мы будем говорить немного позже.

А теперь нам необходимо шире развернуть панораму трех Логосов, чтобы заглянуть в тайну мистерии Крещения. Поэтому вернемся еще раз к рис. 59. Мы уже сказали, что изображенный на нем круг есть первый Логос, объемлющий собою все семь зонов. Поволенное им творение проходит через восемь ступеней, поскольку земной эон следует рассматривать состоящим из двух частей. Первая из них управляется Марсом, вторая Меркурием. Тогда

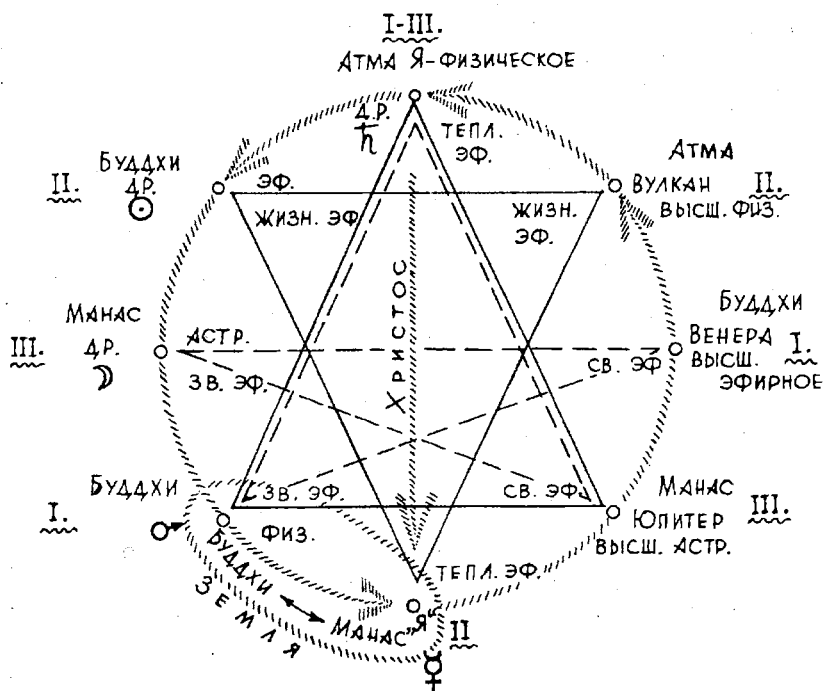

Рис. 62

Вулкан сводит весь цикл в октаву. Внутри первого Логоса творят два других. И если принять это во внимание, то рис. 59 примет иной вид (см. рис. 62).

Сплошной линией внутри круга мы изобразили знак макрокосма, пунктирной — микрокосма. По поводу полученных на нашем рисунке связей нам могут возразить, что они не совпадают с теми, какими их дает Рудольф Штайнер в заметках к одному эзотерическому уроку (244; с.190—191). Но нужно учесть, что фигуры эти многозначны. Мы берем их в аспекте принципиального взаимодействия трех Логосов во всем цикле творения; Рудольф Штайнер в тех заметках показывает их лишь в аспекте одного микрокосма. Но мы можем показать, как осуществляется переход от одного взгляда на эти емкие символы к другому.

Картину, данную Рудольфом Штайнером, мы воспроизводим на рис. 63. Она отражает конstellации микрокосма во второй половине земного зона. Здесь Сатурн действует в «я», изживающем себя в мыслях, Марс — в речи, благодаря которой развилось мышление. А на то место, где Марс стоял как выразитель первой половины земного зона, должен встать Меркурий — выразитель второй половины земного зона. Там, где у нас находится Вулкан, в земном выражении следует поставить Луну, поскольку речь здесь идет о физическом теле, а не о Духочеловеке. Так приходим мы из одного ряда планетарных связей к другому.

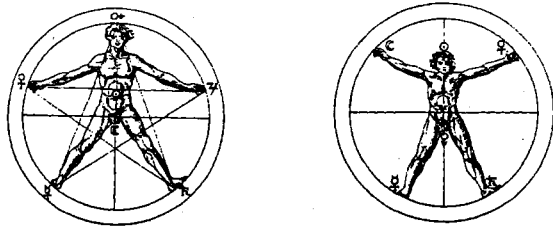
В знаке микрокосма (в пентаграмме) подвижными являются четыре члена. Там, где выражает себя Юпитер, действует Самодух. Это будущее. По пентаграмме течет космический поток. Вне всякого сомнения, о нем идет речь в данных Рудольфом Штайнером в так называемых, «шести правилах» (Nebenübungen. ИПН. 42/245). Он входит в сферу человеческого мышления, где действует Сатурн, далее идет в правую ногу (воля), в левую руку (чувство), в правую руку («я») и в левую ногу (Самодух). Затем поток замыкает пентаграмму в круг. При замыкании и происходит сдвижение планет, действующих в микрокосме (рис. 64) — действие Марса метаморфизуется в действие Меркурия, а указанные шесть качеств получают то выражение, которое им дано на рис. 63. Можно сказать так: «шести правил» — это душевные процессы в астральном теле человека; данное на рис. 63 относится к качествам, коренящимся в эфирном теле, т. е. соответствует космическому потоку эфирных сил, пронизывающих человека. В этом потоке действует второй Логос! В шести правилах дано руководство к работе внутри микрокосма, третьего Логоса. Со знаком макрокосма (гексаграммой) все до известной степени обстоит противоположным образом. То, что изображено на рис. 63, отражает вос-

хождение третьего Логоса ко второму, а на рис. 62 — проникновение второго Логоса в третий*.

Понимание всех возникших взаимосвязей осложняется тем, что в основе их лежит необычайно подвижное взаимодействие эфирной и астральной субстанции на всех уровнях и между уровнями их существования. Поймать этого сущего Протея жестко фиксированными понятиями — задача невозможная, ибо, будь она осуществлена, мы бы Протея попросту убили. Но если мы не испытываем страха перед живым движением мысли, то в данном случае возникает наиболее реальная возможность постичь природу единства бытия и сознания или, иными словами, примирить Духа Любви и Духа Мудрости. А ради этого вочеловечился Христос.

Неисчислимы подходы к решению этой задачи. Мы прибегнули к помощи символов. В своей сути они чисты, и чисты чувства, которыми их может, насытив жизнью, согреть человеческая душа. То, что на рис. 62 мы изобразили треугольником, направленным вершиной вверх, в оккультизме традиционно обозначает триединство человеческого существа. Но оно, как мы уже видели, многозначно. Это и человек тела, души и духа, и тройственная душа. Высший элемент души лелеется в лоне 1-й Иерархии, куда мы входим в состоянии сна (рис. 61). Два других элемента души входят в сферы Марса и Юпитера. Будучи совмещенными с тем, что дано на рис. 62, эти отношения проясняют нам двойственный характер земного зона. Человеческое индивидуальное развивается от души ощущаю-

* Тему эту можно развивать и далее, но мы вынуждены оставить ее, чтобы не обременять содержание дополнительными аспектами. Можно лишь посоветовать читателю привлечь к рассмотрению знак микрокосма, данный Агриппой Неттесгеймским в динамике. Он изображает его позиции в соответствии с зонами. В земном зоне определяющим является деятельность Марса в человеческой речи. В зоне Юпитера мышление становится эфирным (♂), а сила речи служит репродукции (♂). Чтобы от изображения микрокосма, данного Р. Штайнером, перейти к фигурам Агриппы, нужно в нашем рис. 64 поднять линию ♂ — ♀ и заменить ее линией ♂ — Вулкан (♂), а затем произвести движение в обратном по сравнению с приведенным на рис. направлении. Тогда ♂ встанет на место ♀, ♀ — на место ♂, ♀ по наклонной передвинется вниз на место ♂, а ♂ сдвинется вверх на место ♂. Тогда мы придем к тому, что дает Агриппа (это лишь две из шести его фигур):

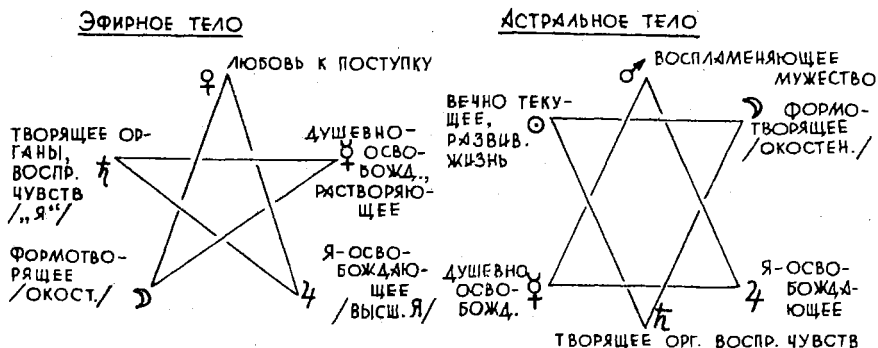

Рис. 63

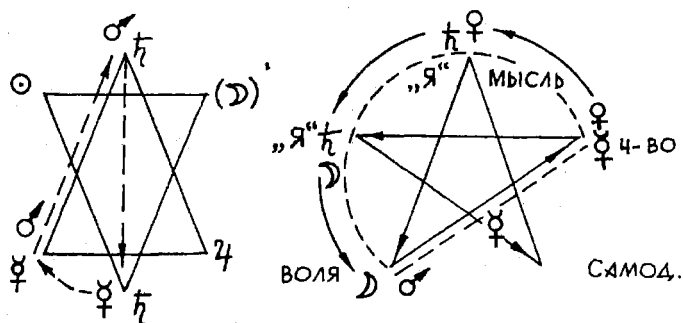

Рис. 64

шей до Самодуха. Так происходит во времени. В астральном же мире движение идет в противоположном направлении: от Буддхи к Манасу. А что касается Буддхи, то в нем временное становление совпадает с духовным. Буддхи закрепляет становление в пространстве и времени, делает его фактом эволюции (а следовательно, изменяет и прошлое в астральном элементе). Глубокомысленно, языком Христианского гнозиса, говорит об этом Иоанн Креститель: «...Идущий за мною, но Который стал впереди меня... потому что он был прежде меня» (Ин; 1; 27,30). Космически это выразилось в трех жертвах Христа, совершенных через Натанову Душу, в деяниях Жизнедуха, сделавших возможным развитие человека в трех оболочках, ставших его достоинством.

В физически-астральном бытии (а именно его выделяет Рудольф Штайнер на рис. 60), в котором сначала обитает человеко-животное, силой действующего из космоса Христа, отраженной Элоимом Ягве, рождается стремление к духу (ахамот), к Отчему Я-Атма. В плане общей эволюции нашего цикла ахамот опирается на зоны

Земли и Юпитера. Осуществление цикла образует октаву. Но внутри его возникает закрытая троичность (ахамот-Земля-Юпитер), не способная одной лишь силой эволюции перейти от мудрости к жизни (в теории познания это — разделенность сфер понятия и восприятия). В такой констелляции пребывает Сын Человеческий. Двояко предстает он на Иордане, выйдя навстречу Сыну Божию: как приготовившее себя к исерстве «я» Заратустры и как «я» Иоанна. Второй пришел, чтобы «приготовить путь Господу», а вместе с тем — путь душе в жизнь вечную. Первый в чистейшей исерстве я-сознания умирает во Христе, чтобы воскреснуть со Святым Духом, преодолев наследственный грех. С эфирным телом Иисуса из Назарета, с Натановой Душой соединяется «пра-Суть Солнца». Сын Человеческий и Сын Божий становятся одним. При этом Сын и Отец — одно. Значит, во Христе Иисусе после крещения в Иордане жили и Принцип Отца и Принцип Сына (214; 30, VII). А где был при этом Святой Дух?

Рудольф Штайнер говорит: «Кто Его Отец? — Можно ли вообще ставить такой вопрос? Не только в смысле Евангелия от Иоанна, но и в смысле Евангелия от Луки (1,35) вы можете об этом спрашивать. Ибо лишь об особом безмыслии свидетельствует обстоятельство, что люди не видят, как в провозвестии говорится: «Дух Святой нисойдет на тебя, и сила Всевышнего осенит тебя; посему и рожденное святое Дитя наречется Сыном Божиим». В самом Евангелии от Луки говорится, что Отец Иисуса — Святой Дух» (103; 29, V). А о чем говорит Христос ученикам на Тайной Вечере? — «...Я в Отце и Отец во Мне... Я иду к Отцу Моему... И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя... Духа истины...» (Ин. 14, 11—17). Возникает как будто противоречие. Но лишь на короткое время, чтобы тут же разрешиться в Троиединстве.

Обратимся снова к рис. 62, взяв в нем треугольник, обращенный вершиной вниз. В традиционном эзотеризме он означает высшее начало, нисходящее на человека. В христианском эзотеризме он выражает нисхождение Христа в Иисуса из Назарета. В понимании триединого Бога одно неотделимо от другого. В нашем эволюционном цикле это есть триединство Манаса, Буддхи и Атма. Оно, как макрокосмическое Я (единство), и вошло в Иисуса. Но процесс соединения Его с оболочками Иисуса длился три года и вполне завершился лишь в Гефсиманском саду в страстной четверг. А точнее сказать, он длился 33 года — от Рождества до Пасхи.

Не следует слишком антропоморфизировать представления об отцовстве и сыновстве в отношении высшего Бога. Дух Святой является Отцом Христа на Иордане по той причине, что Самодух имеет ближайшее из всей духовной троичности отношение к человеческому «я», к человеческой душе и трем оболочкам. Поэтому отцовство

на Иордане следует понимать больше в смысле опосредования. Другое опосредование произошло на Рождество, где опосредующим звеном послужила Натанова Душа. Христос соединился с нею в космосе для того, чтобы смочь затем соединиться с нею на Земле. Родилась непорочная Душа, потому и речь мы ведем о непорочном зачатии. Всевышний, осенивший Богоматерь, — это опять же Дух Святой, но действующий от времен Древней Луны и приведший человека к индивидуальному, мыслящему «я». Его-то Он и осеняет при рождении Соломонова Иисуса. При рождении Натанова Иисуса роль Святого Духа иная, она имеет отношение к очищенному астральному телу Будды, освобожденному от необходимости проходить через воплощения (об этом можно прочесть в соответствующих лекциях Рудольфа Штайнера). Это астральное тело Натанова Иисуса было под стать эфирному, безгрешной Душе Человечества. На Иордане, можно сказать, совершается третий акт Мистерии Святого Духа — он опосредует соединение с эфирным телом Иисуса Жизнедуха Христа. А когда совершается воскресение, то физическое тело восходит в сферу Жизнедуха и существует в нем: тогда Христос идет к Отцу мира, породившему физическое на Древнем Сатурне. Христианам нужно понять, что вочеловечивание Христа, Его смерть и воскресение — это столь всеобъемлющая мировая Мистерия, что главные праздники года обозначают лишь начало ее актов и ни один из них не выражает ее целиком. Думать, что в ночь с 24 на 25 декабря наивысший Бог просто родился в человеке, — значит обеднять понимание Христианства, мифологизировать его не в лучшем смысле этого слова. Нет, когда действует все Мироздание, то совершается Мистерия, неисчерпаемая по смыслу и бесконечно потрясающая того, кто приближается к ее познанию. Из потрясения рождается истинное познание Христа. Тогда вопрос о вере и неверии в тривиальном смысле отпадает сам собой, как праздный.

Таким образом, Рождество и Крещение есть *тройственный* акт вочеловечивания Бога, тогда высшее Троиединство приходит в связь с физическим, эфирным и астральным, уже воплощенным на Земле. Так это выглядит с божественной стороны, но по-другому — с земной. С земной точки зрения Рождество и Крещение образуют величайшее в мире противоречие, дуализм, ибо еще никогда высший Дух так непосредственно не соединялся с материей. Разрешается противоречие на Пасху, в акте воскресения. И три года жизни Христа в теле Иисуса есть борьба за синтез двух начал, так далеко разошедшихся в эволюции. Чтобы лучше понять Мистерию Голгофы, нам необходимо на рис. 62 обратить внимание на тот момент, что фигуры Макрокосма и микрокосма в верхней точке совпадают. И это есть точка физического, претворенного в Духочеловека силой Христовой Я. Некогда туда поднимется и человек, а ныне туда

направляется его я-сознание. На Голгофе Христос, бывший «прежде» «я», встает впереди «я», — Он спасает третий Логос, Мудрость, силой Любви.

К совершаемому Богом на Голгофе человек более непосредственно приближается лишь в вершине лета, на Иоаннов праздник. Если на Иордане человек водой крестит Бога, то в день Иоанна Бог крестит человека Духом Святым. Конstellляция Иоаннова праздника дана на рис. 54 (поз. II), но мы выделим ее еще и отдельно (рис. 65).

Здесь человек должен с особой силой стараться стоять на Земле, поскольку «переворачивающая» тенденция достигает своего апогея. Ариманические силы, как говорит Рудольф Штайнер, в вершине лета, выступая вслед за растительными образованиями из земли, хотят в наибольшей мере стянуть человеческое сознание в сонное, подсознательное состояние, в котором находится растительный мир (223; 5.X). Но если человек эту тенденцию преодолевает, то на Иоаннов праздник он может прийти к совершенно особому переживанию.

ИОАННОВ ПРАЗДНИК

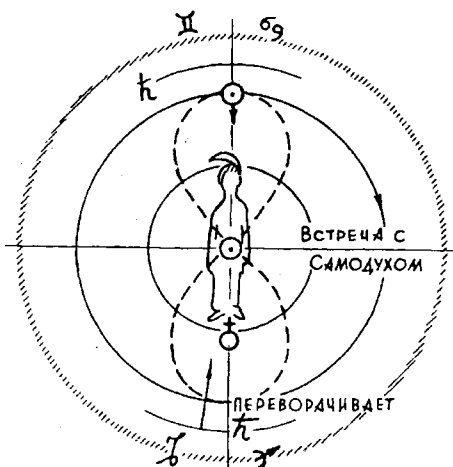

Рис. 65

Что в глубине зимы действовало в системе конечностей, как лунно-репродуктивная система, то в вершине лета восходит к голове. Земное сознание тогда хочет что-то рождать, сливаясь с силами природы, т. е. хочет стать живым именно как сознание, опирающееся на созданный лунными силами мозг (рис. 51). Иоанново состояние полярно противоположно рождественскому. Там духовный плод — спиритуальное Солнце — покоилось в чаше физической телесности. Летом эта чаша, как подлинный Грааль, переворачивается и изливает на человека жизненные силы Солнца. Именно ими и оживляется мир природы. Но у человека задача иная, прямо противоположная природной. Его цветение — чисто духовное. Человеческий рассудок наиболее беден в Иоанново время, настолько беден, что может погаснуть совсем. Но если человек, подобно «я» Заратустры при крещении на Иордане, принесет в жертву рассудочное и при этом не потеряет себя, то ему откроется «объективно духовное» в природе; он увидит,

что на земле силой высшего, приходящего от круга Зодиака физического, живут и ткут кристаллические формы, имея свое средоточие в земной твердости. Человек тогда получает впечатление, будто бы он сам растворяется в природной пластике, мерцающей синим цветом и пронизанной серебристыми линиями. Он чувствует себя «буквально» выросшим из синих подоснов земной почвы, чувствует себя внутренне пронизанным силами сияющих серебром линий кристаллизации... Он чувствует себя стоящим на космической воле». А если свой взор он направляет вверх, «то получает впечатление распространяющейся космической интеллигенции... множества существ, которые живут одно в другом... (интеллигенции) сквозь которую проходит жизнь света, освещающего светлую ткущую живую интеллигенцию, как противоположность воли...» (223; 12.X).

В древние времена, как говорит Рудольф Штайнер в другой лекции, люди с помощью сложных представлений подходили к переживанию космической интеллигенции в Иоанново время. И когда кончался праздник, они получали чувство: «...у нас было «я», но оно осталось на Небе, оно там, вверху, оно говорит только в Иоанново время... оно было нам явлено, но об этом нужно было попросить» (223; 7.IV). В нашу эпоху положение существенно изменилось. Индивидуальное «я» живет в самом человеке, но оно увязло в интеллектуализме, в материализме, поскольку опирается на физический мозг. Поэтому летом человек, если не засыпает, то видит одну материальную природу. Но кто от своего «я» способен обратиться к высшему созерцанию, тот в вершине лета зрит Уриэля (рис. 57), чья «интеллигенция составлена из действующих одна в другой сил планет нашей планетной системы, поддержанных действием звезд из круга Зодиака» (223; 12.X).

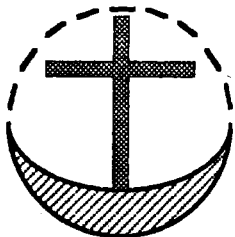
Уриэль — ведущий Архангел летней констелляции Земли и человека. Он указывает человеку на его несовершенства, обременяющие Землю. А все, что как человеческие добродетели способно устремляться с серебряными линиями сил кристаллизации вверх, образует как бы облако, окутывающее Уриэля, подобное «...произведению искусства; это человеческие добродетели, превращенные в светящейся интеллигенции в облачную пластику». Так сплетаются между собой моральное и природное.

Описывая далее имажинацию Иоаннова праздника, Рудольф Штайнер говорит о том, что некоего рода крылообразными руками Уриэль делает предостерегающий жест, которым он вводит в человеческий род «историческую совесть». И, как бы освещенный силой глаз Уриэля, виден голубь. Внизу все связанное с человеческим несовершенством кругообразно консолидируется «в образ Матери-Земли, назовем ли мы ее Деметрой или Марией». Это Материя всего бытия. А то, «что консолидируется вверху в теку-

чем облике, следует ощущать как Отца-духа всего бытия вокруг нас.

Как результат взаимодействия Отца-духа с Матерью-материей выступает прекрасным образом, как несущий в себе созвучие серебряного земного действия и золотого небесного действия, Сын: между Отцом и Матерью... Описанная Троица — не следует мыслить ее догматически — открывается в вершине лета» (223; 12.X). И Рудольф Штайнер рисует образ: встающий над земной поверхностью, Матерью-материей, крест, а сверху на него нисходит голубь. Такова космическая имажинация Иоаннова праздника, которая, следует признать, оставляет нас в некоем недоумении, поскольку в ней присутствуют отзвуки Крещения и Пасхи, а отчасти даже Рождества. Но полученное нами в результате уже проведенных исследований позволяет нам возникающее недоумение рассеять.

Итак, серебром лучится вверх от Земли жизнь кристаллов в вершине лета. А таково, как мы уже знаем, физическое действие Макрокосма, модифицированное вмешательством лунных сил. Многоугольность кристаллических образований, серебристое излучение являются следствием их взаимодействия. Луна, погруженная своими силами зимой в земное, с наступлением весны восходит вверх, увлекаемая Солнцем. Земное действует как закругляющее в растительных формах. В целом земно-лунная деятельность объективирует действие космической интеллигенции, давая ей наивысшее выражение в человеке. Летом земное в человеке сдвигается в систему конечностей, в эти лучащиеся формы человеческого существа, а лунное углубляется в нервно-чувственную сферу, т. е. выражается более духовно. В результате в человеке возникает некоего рода движение объективированной интеллигенции навстречу своему космическому пра-источнику, к космической интеллигенции, входящей в земной мир через врата Солнца. Ее носитель тогда — Уриэль, представитель «мирового разума». При встрече земной и космической интеллигенции возникает «космически-алхимический» процесс претворения серебра (лунного) в золото (солнечное). «И мы видим, как постепенно, с приближением осени, отданное Землей в серебре Космосу возвращается назад как золото. И в этой силе превращенного в золото серебра заложено то, что затем, во время зимы, совершается в Земле...: солнечное золото, которое под господством Уриэля образовывалось в вершине лета, втягивается в глубины Земли и духовно пронизывает волнами и тканием глубь Земли, оживляет там то, что жизнь ищет для следующего года в глубине зимнего времени» (223; с. 218). Так Солнце оплодотворяет Землю. И мы узнаем тут уже описанный ранее образ Солнца, покоящегося в серпе Луны. Духовное Солнце, как жизнь, пребывает в материи Земли. И эта духовная жизнь, заключенная в материю, переживает некоего

рода распятие — как в природе, так и микрокосме.

В православии, под действием императивного сознания, образ, к которому мы пришли, нашел свое выражение в символе креста, поставленного на лунный серп. Таково, можно сказать, символическое выражение того дуализма между Рождеством и Крещением, который Христос преодолевает на Пасху.

Дух Солнца обитает в зимней Земле, но действует с Солнца. Потому Он, как Жизнедух, сходит на Землю непосредственно, несомый Духом Святым, космической интеллигенцией. И совершается это на Крещение, как повolenное Богом деяние. Третья Ипостась в человеке — микрокосм — соединяется со второй Ипостасью. Что касается первой Ипостаси, Отца Мира, то она тогда господствует во всем материальном, восставая из него в Пасхальное Воскресенье. На Иоаннов праздник жизнь Земли высупает как пронизанная Жизнедухом Христа, и она возносит человека на встречу с космической интеллигенцией. С каждым отдельным человеком происходит нечто обратное тому, что произошло с Иисусом из Назарета на Иордане: на него не нисходит Святой Дух, но он сам своим «я» и астральным телом восходит ему навстречу. Мера восхождения обусловлена мерой морального совершенства человека. И моральное движется в потоке Христовой жизни, пронизывающей Матерь-материю. Жизнь соединяется с интеллигенцией, Любовь с Мудростью, бытие с сознанием. Возникает космическая Мистерия. В лучах света ткущего мирового золота возникает в красном, в тепле, облик Уриэля. «И все это не твердо закрепленный облик, все это непосредственная жизнь». (223; с.222). В Мистерии сходятся все четыре эфира, и в ней явлена вся Божественная Троица. Но как? — Она явлена в аспекте *Божественной Софии*. Ибо *имагинация Иоаннова праздника есть имажинация Софии*. Это, по сути, Ее праздник.

В лоне эзотерического Христианства эта тайна, возможно, была известна всегда, будучи воспринятой из дохристианских Мистерий. Нам о ней говорят софийные иконы, в особенности тот их сюжет, который мы приводим на фото. На этой иконе, фактически, изображено все то, о чем говорит Рудольф Штайнер, описывая имажинацию Иоаннова праздника. Внизу мы видим земное, данное в голубовато-серебристых тонах. Это Матерь-материя, вызванная к явлению действием высших Иерархий. В ней на Рождество родилось Божественное Дитя. Поэтому слева от Софии изображена Богоматерь Оранта. Предстоящий справа от трона — Иоанн, т. е. микрокосм, крещаемый в вершине лета Духом Святым. А сама София — зага-

дочное Существо в красных одеяниях, восседающее на золотом троне — есть космическая интеллигенция, представленная в Иоаннов праздник Уризем. София вместе с тронном заключена в теплую розовую ауру, которую сверху осеняет Христос-Жизнедух, соединенный после Голгофы с Землей. Еще выше дана сфера Бога-Отца и ангельских сонмов космической интеллигенции.

В целом икона Божественной Софии представляет собой в некоем роде метаморфозу «Троицы» Андрея Рублева. В самом деле, если мы возьмем ее в аспекте новозаветной Троицы, о чем у нас шла речь в 3-й главе, и представим себе дальнейшее осуществление того, что дано на ней, то мы получим картину действия Божественного Троиединства в творении после Вознесения Христова. Тогда, как первый акт этого действия, встает Пятидесятница — нисхождение Духа Святого на апостолов, а вторым актом является Иоаннов праздник — соединение со Святым Духом всего земного бытия: элементарных духов, элементов, царств природы и человека. В этом акте Божественное Троиединство выступает *иерархически*, как показано на иконе Софии. И это не может быть иначе, поскольку восхождение человека и всего творения к Богу совершается эволюционно в самом широком смысле слова. Сознание, индивидуальное мышление есть первая ступень обоготворения, если человек соединяет природопознание с духовопознанием и изменяет сам способ мышления, вносит в него принцип метаморфозы, соединяет веру со знанием. Водителем на первой ступени является Дух Утешитель, посылаемый Христом человечеству, или Божественная премудрость — София, которая есть Дух Святой, но не как Ипостась, а явленный человечеству, т. е. опосредованный действием Божественных Иерархий и ими приведенный в связь с человечеством; потому Он — Матерь мира, Изида — майя-материя — Мария. На второй ступени силой

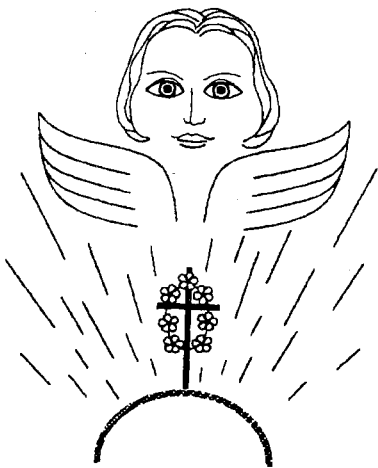
Христа сознание и жизнь приходят к единству; на третьей — одухотворяется сама плоть.

Но начало процесса восхождения в крутообороте года мы должны искать на Рождество. Рождество и Крещение, можно сказать, отражены на иконе Рублева, взятой в аспекте ветхозаветной Троицы. (Речь об этом шла в главе III). Пасхе и Вознесению соответствует ее новозаветный аспект. Затем на Пятидесятницу и Иоаннов праздник икона претворяется в новую форму — икону Божественной Софии. Обе иконы, будучи взяты вместе, в образной форме выражают все то, что было найдено нами в связи с рис. 29, 30 и 31.

Но вернемся к Иоаннову празднику. Переживание его возносит душу в высокую сферу интуиции. Кто идет к посвящению путем «Философии свободы», имеет в ряду праздников года ступени, первые три из которых соответствуют трем элементам рефлексизирующего сознания. Но, будучи вплетенным в ритм года, ученик переживает в живом ткании природы и духа то, что в его сознании абстрактно выражается как самодвижение мысли в трех элементах. Вознесение ставит задачу перейти от абстракции к созерцанию-имагинации за счет оживления, христианизации предшествующей триады мышления; Троица возводит к инспирации. На Иоаннов праздник душа имеет задачу взойти к переживанию моральных интуиций, о которых идет речь в «Философии Свободы». Выше этой задачи переживания, связанные с годовым ритмом Земли, не идут.

В моральных интуициях Жизнедух Христа нисходит в человека в оболочке Самодуха, Софии. София ведет человека через познание к соединению со Христом; софийное мышление становится во Христе жизнью. Богоматерь склоняется перед Софией, ибо без познания индивидуальный человеческий дух жизнь вечную не унаследует.

Такова Мистерия Иоаннова праздника. В ней «...сам человек живет как воплощенная в тело инспирация, как из инспирации состоящее существо в Мистерии Высей. Мистерии Глубей и в Мистерии соединения (тут мы опять встречаем «основание отношения». — *Авт.*), Середины, в тех Мистериях, на которые снизу указывает Матерья-материя, в тех Мистериях, чье соединение возникает благодаря тому, что Христос из взаимодействия

Духа-Отца с Матерью-Землей непосредственно стоит перед человеческой душой как несущий Мировой Дух» (выделено нами. — Авт.) (223; с.223).

Эта инспирация, добавим от себя, нисходит на человека уже на Пятидесятницу как дар Божий, если человек его удостоился. Благодаря ему, строя на нем, человек на Иоаннов день может подняться еще на одну ступень: будучи облеченным в дар Божественной инспирации в представительстве Софии пережить Христа, открывающего нам врата в мир моральных интуиций, ибо София — это Матерь Божия. Матерь-материя — лишь один из Ее аспектов, ибо все изшло из Духа и в Дух возвратится. София опосредует явление Христа в человеческой душе, рожденной в материальном мире и обретшей благодаря этому индивидуальный дух.

В имажинации Иоаннова праздника можно распознать метаморфозу Рождественской имажинации. Микрокосм выражается не только пентаграммой, но и крестом. В символе Креста соединено чрезвычайно многое. Это и четыре эфира, и тот ход земной эволюции, который привел человека как биологическое существо к прямостоянию. Круг, изображенный в центре креста есть духовное Солнце, пребывающее в человеческом сердце и воссоединяющее Мудрость (тысячелепестковый лотос индийской философии) с Любовью, наполняющей мышление жизнью. Символ этой жизни — семь розенкрейцерских роз. А над крестом-микрокосмосом простирает крылья голубь-Самодух в образе Уриэля. Фактически, весь цикл праздников года, в их ориентации на индивидуальные задачи человека, сходится к празднику Иоанна. Внешняя церковь, отделив веру от знания, праздник Иоанна потеряла. Потеряла она и Софию, хотя какие-то следы ее культа остались в православии, но лишь в силу традиции. В результате целостный цикл христианских праздников года распался, и важнейшая задача нашей эпохи — эту целостность восстановить.

4. Христологический взгляд на принцип семичленной метаморфозы

ПО МЕРЕ ПРИБЛИЖЕНИЯ ОСЕНИ встает имажинация Михаэля. Его одеяние то вспыхивает солнечным золотом, то внутренне пронизывается серебряным излучением (223; с. 217). Ибо он «сын ЕА (СОФ-ЕА халдейских Мистерий), Мудрости...» (243; 11.VIII). Почему? — нам теперь понятно.

Михаэль — регент космической интеллигенции, сын ЕА, Софии — каждый год приходит к откровению, рождается из Иоаннова праздника, чтобы помочь человеку правильным образом вновь ни-

Праздник Арх. Михаила

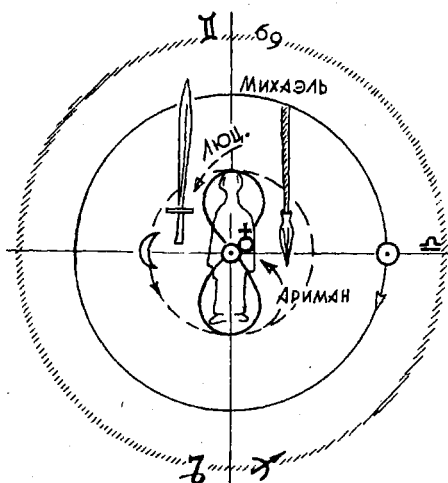

Рис. 66

зойти из космических вышей в земное. Космическая констелляция праздника Михаэля изображена на рис. 66.

В начале осени в Земле, насыщенной за лето ариманической активностью, поскольку Дух Земли был в даялах космоса, возникает процесс, обратный тому, через который Земля и человек правомерным образом проходили в течение весны и лета. Из системы обмена веществ ариманические духи стремятся проникнуть в ритмическую систему, захватить человеческую кровь, а с нею и все то, что было пережито в Мистерии Иоанна; они стремятся стянуть в свою сферу космическую ин-

теллигенцию, которой причастился человек. Это выражается, как говорит Рудольф Штайнер, в сульфуризации *физически-эфирного* существа человека. Уже в Иоанново время человек объят астрально светящимся пламенем серы, которое, подобно змее, исходит из Земли и обвивает человека. Во время Михаэля это пламя достигает апогея, и сам человек все более погружается в него*. И тогда решается: захватит ли Ариман в человеке плоды духа, а самого его погрузит в зимнюю спячку, и тогда в нем умрет София, или, напротив, возникнет усиленное бодрствование, в которое индивидуализированным образом засветит космическое мышление.

В этой борьбе на помощь человеку приходит Михаэль. Он действует на кровь и на эфирное тело человека через субстанцию железа. Идет борьба за гармонизацию ритма дыхания и ритма движения крови, за претворение воли в мышление. Для этого Михаэль теснит железным острием копыя субстанциональную и духовно — через человеческое «я» — в сфере жизненных сил Аримана, а человеку железным мечом указывает вверх, как бы говоря: «Помни о Софии и будь Ей верен в глубинах зимы!» Земная ариманизированная воля должна быть претворена михаэлически, т. е. должна стать волей в мышлении.

* Он как бы опять поворачивается ногами вниз, если даже не сохранил летом духовного «прямостояния» (см. рис. 55), возвращается ритмической системой в земное.

Если сравнить между собой constellation праздников Рождества, Иоанна и Михаэля, то мы увидим своего рода промежуточное положение последнего из них между первым и вторым. Действие Земли (по лемнискате) нисходит от Рождества к Иоанну. На Пасху оно пребывает в сфере сердца, духовного Солнца. Поэтому лишь в страстной четверг Христос окончательно соединяется с оболочками Иисуса. На Михаэля эта constellation повторяется вновь, только Земля движется в обратном направлении — снизу вверх, чтобы на следующее Рождество снова соединиться с головой человека.

На праздник Михаэля в системе ритма концентрируется действие Солнца, Земли и Луны, поэтому требуются большие силы, чтобы удержать их в равновесии. Солнечной силой Христова Жизнедуха может установить это равновесие человек. Архангел Михаэль помогает ему, укрепляя силу «я» в крови и обогащая индивидуальную интеллигенцию космической, ведя от рассудочного к живому, софийному мышлению, от формальной к имажинативной логике.

Весной физическая Земля и все царства природы так воздействуют на жизненные процессы в человеке, что стремятся как бы перевернуть его. Осенью физическое влияние идет в обратном направлении, а навстречу ему движется духовное влияние; Земля, как духовное образование, вносит в человеческую голову космическое образование. И это — здоровый процесс, но параллельно с ним восходят намерения Аримана завладеть через человека космической интеллигенцией. интеллигенцией в «я», завладеть не абстрактно, почему он (Мефистофель) и жаждет овладеть человеческой кровью.

Навстречу Земле в человеке из головы в конечности движется Луна. Вместе с нею сознание стремится овладеть глубинами человеческого бессознательного. Это тоже здоровый процесс. Но параллельно с ним идет намерение Люцифера вновь слить в человеке воедино восприятия чувств и жизненные процессы, сделать человека совершенно групповым существом, каким он был на Древней Луне. Влияние искустелей не страшно для человека, если он в ходе предыдущих праздников соединился с Импульсом Христа. Если пасхальная мысль, говорит Рудольф Штайнер, такова: «Он лег в гроб и он восстал». — то мысль праздника Михаэля звучит иначе: «Он восстал, и можно спокойно лечь в могилу» (223: 24.XI); можно спокойно лечь в могилу зимней Земли и не умереть духом в групповом начале. Умрет лишь внешняя природа, но в ней михаэлит воскреснет духовно.

В цикле всех праздников года участвует трехчленный человек тела, души и духа, но участие его не равнозначно. На Рождество мы из Бога рождаемся, в вершине лета причащаемся космического Духа. Самодуха. На Пасху и праздник Михаэля совершается Мистерия человеческой души, возникает борьба за ее христианизацию. Если год

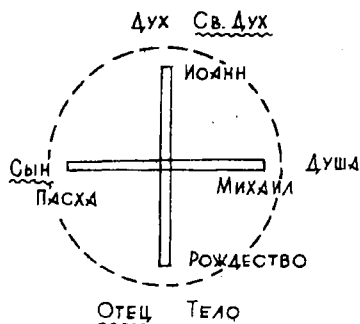

Рис. 67

Пасха

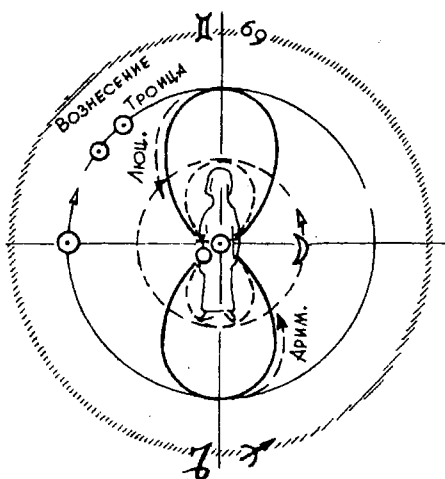

Рис. 68

взять как некое единство, то принцип троичности метаморфозируется в нем в четверичность. Так Бог овладевает человеком и включает его в Свой миропорядок, как будущее иерархическое существо. Метаморфоза троичности в четверичность совершается за счет двух праздников: Михаэля и Пасхи (рис. 67).

Космическая constellation праздника Пасхи полярно противоположна constellation праздника Михаэля. А вместе они выражают собой переходные состояния между зимним и летним положением Земли и человека в космосе (рис. 68).

Зимой весь человек, можно сказать, является одной головой. Он, как и вся Земля, продумывает космические мысли. Когда начинается движение к тому, чтобы от мыслей о космосе перейти к бытию в космосе, приходят в движение самые разнообразные силы. Человек при переходе к лету как бы раздваивается. На Земле остается то, чем он уже стал в ходе эволюции, в космосе он идет навстречу тому, чем ему надлежит овладеть в будущем.

Для выработки правильного отношения к Пасхе исключительно большую роль играет переживание Страстной недели. Если двенадцать святых ночей образуют в цикле года для души христианина некоего рода врата в пространство чувственного мира, то семь дней Страстной недели — это врата в земное время. Поэтому год, как мера времени, определяемая космосом, начинается на Пасху.

Мистерии времени семеричны, и каждая их ступень описана в Евангелиях. Каждый день Страстной недели ориентирован на одну из планет, но не в порядке их следования в пространстве, а согласно их углубленному, мистическому порядку, как это будет показано в

дальнейшем (см. рис. 69.) Вся седмица христианских праздников года имеет как временной, так и пространственный образ. Но первый из них таков, что он являет собой переход из времени в пространство, а второй — из пространства во время. Поэтому пространственный образ на указанном рисунке — это круг, а временной — септаграмма. Исходя из нее, становится понятно, что за вербным воскресеньем следует страстной понедельник, день Луны, а не день Марса. Кроме того, в этот образ времени вписан многочленный человек, без которого нет и Мистерии времени. А в связи с ним день Солнца становится как бы центром всей недели, на который ориентированы все шесть остальных дней. Они идут поочередно и так, что день внутренней планеты, т. е. находящейся между Солнцем и Землей, сменяется днем внешней планеты, находящейся за Солнцем. Это н о в ы й образ времени, которое на Землю принес Христос — Дух Солнца, Тот, Кто прежде был Аура Маздао.

В вербное воскресенье Господь въезжает в Иерусалим. Христианин, стремящийся сопережить в индивидуальном опыте Мистерию Голгофы, в этот день переживает как бы вхождение Импульса Христа в собственное физическое тело, свое индивидуальное становление во времени.

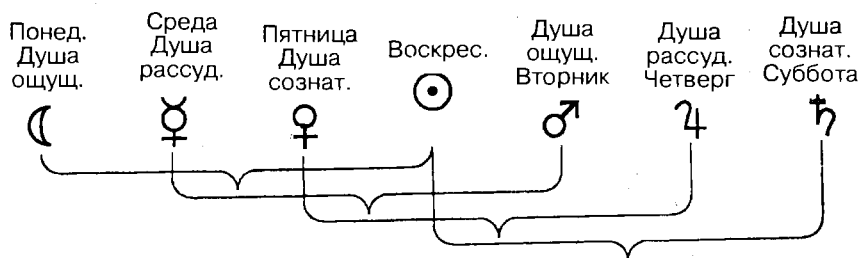

Рис. 355

Ребенок рождается из времени в пространство, говорит Рудольф Штайнер. Христос принес людям временное, ибо Он пришел от Солнца. Соединяясь со Христом, человек делается причастным к потоку времени, текущему «от вечности до вечности». И чтобы, выходя из пространства в момент смерти, не умереть душой, нужно умереть во Христе (236; 4.VI). В другом месте мы читаем у Рудольфа Штайнера: «...с основанием Христианства место пространства заступило время» (37, стр. 225). Основано же Христианство было на Пасху. А на Рождество и Крещение Христос пришел из пространства. «Этот приход из пространства, — говорит о нем Рудольф Штайнер, — пришествие Христа из бесконечностей пространства на нашу Землю

имеет ценность вечности, а не просто временную ценность. ...Христос как Дух пространства принес в земную культуру нечто пространственное. И это есть отношение людей, стоящих в пространстве рядом друг с другом, отношение души к душе вне зависимости от временных связей» (113; 31. VIII). Поэтому у человека, рождающегося на Земле, даже в инстинктах заложено стремление переживать равенство всех людей.

Иерусалим есть образ нашего пространственного тела, в которое вступает поток вечного становления в воскресенье последней недели великого поста, который длится семь недель. (Адвент же длится четыре недели.)

«Многие, — как сказано в Евангелии, постилали одежды свои по дороге; а другие же резали ветви с деревьев и постилали по дороге» (Мф; 11, 8). Нечто подобное надлежит делать христианину с самим собой, вернее в себе. Он должен к этому воскресенью «приготовить путь Господу» в себе, постлать на его пути свои оболочки, что можно сделать, лишь очищая их от греха. Тогда «въезд» состоится: «И вошел Иисус в Иерусалим и в храм (в «я», следует понимать); и, осмотрев все, вышел в Вифанию с двенадцатью» (Мф; 11, 11). Заходит Солнце, выступают звезды. С двенадцатью Христос выходит в мир звезд, пространства, в астральный мир.

А в понедельник Иисус из Вифании идет обратно и видит смоковницу без плодов. Это дерево было символом древнего посвящения, совершавшегося в полном соответствии с циклом года, чем-то вроде дерева Буддхи, дерева Будды (посвященный древнего иудаизма Нафанаил «сидел» под смоковницей). С приходом Христа на Землю произошло полное обновление древних Мистерий, и в своем прежнем облике они не должны были более приносить плодов, т. е. правильным, отвечающим изменившимся условиям времени образом возводить к созерцанию и познанию сверхчувственных миров. Эта перемена сопровождалась изменениями в человеческом эфирном теле, ибо прямым водителем в сверхчувственное ныне является Сам Христос. Перемена в эфирном теле вызывает кризис и в я-сознании. Поэтому Христос выгоняет торгующих из храма. Торгующие — это наши абстрактные мысли, рассудочные спекуляции. Отныне: «...дом Мой домом молитвы наречется для всех народов» (Мф. 11; 17), т. е. на смену рассудочному придет медитативное мышление.

И вновь с наступлением темноты Христос выходит из города, что соответствует состоянию пралайи между звеньями эволюции.

В великий Вторник к некоему синтезу приходит содеянное в два первых дня: смоковница засохла, Христос учит о вере, о молитве, о моральном очищении (прощении). Он также борется в последний раз с люциферическим и ариманическим искушениями, подступаю-

шими к Нему через фарисеев и саддукеев, и рассказывает о будущем человечества.

В великую Среду совершается помазание Христа, а Иуда решает окончательно Его предать. Зло как будто бы начинает побеждать.

Великий Четверг — это уже великий синтез всех земных дел Христа Иисуса, которые он совершил в течение Своей жизни на Земле. Он приводит их в связь с Космосом. Моральная проповедь здесь подтверждается его деянием: Он оmyвает ноги апостолам. Но заканчивается все это еще большим торжеством зла: Христа Иисуса арестовывают.

В страстную Пятницу совершается Голгофа. На третий раз зло вроде бы побеждает окончательно. Но в действительности в землю, в гробницу кладут не мертвое тело, а семя вечной жизни.

В субботу, в день Сатурна, как бы само древнее Солнце, зон Христа, погружается в зон древнего Сатурна, когда из Отчего начала было сотворено физическое тело человека. Тогда же в него были заложены задатки Духочеловека. И вот, через зоны прадревнее отношение приходит в последнюю взаимосвязь, чтобы в отдельном человеке, Иисусе из Назарета породить Духочеловека. Неслыханная по своим масштабам космическая Мистерия завершается в страстную Субботу.

В воскресенье, на Пасху, из могилы Земли, из того, к чему пришло содеянное на древнем Сатурне, силой Христова действия, в Жизнедухе восходит над всей Вселенной первый человеческий Духочеловек. А в ходе года вся Земля вступает во временное развитие, ибо эволюция продолжается. Христос же покидает время и переходит в высшее пространство Отца, призывая нас этим преодолеть кровнородственные связи, где действует Люцифер, и прийти к братским, пространственным отношениям, стать братьями во Христе.

К Пасхе человек приходит в состояние, как будто бы напоминающее то, в котором он пребывал на праздник Михаэля, и однако, как мы говорили, эти состояния противоположны. Одно из различий между ними заключается в том, что совершающееся на праздник Михаэля микрокосмически, на Пасху принимает макрокосмический характер. Это относится и к действию противоборствующих сил. Нельзя, разумеется, сказать, что осенью все мировые процессы переходят в человека. Нет, мы имеем в виду лишь то, что в отношении к человеку, проходящему через годовой цикл развития, годовые метаморфозы протекают так, что сначала он вплетается в них, а к осени он может пережить их в себе. Можно сказать еще так: мировая драма пасхального времени повторяется микрокосмически на праздник Михаэля.

Весной, с пробуждением элементарных духов Земли, даже в минеральном царстве возникает определенное оживление. В первую

очередь оно касается извести. Ариман тогда старается сделать известь ариманически мыслящим организмом, стянуть в него человеческую интеллигенцию, которая в это время нисходит в человеке из головной системы в систему конечностей. Он стремится слить воедино мышление и обмен веществ, чтобы овладеть космической астральностью, в чем ему помогает сила Луны, восходящая в человеке в головную систему. Но в еще большей мере Ариман стремится проникнуть в астральные дали мира вместе с Духом Земли, которого влекут за собой силы духовного Солнца.

Прямо противоположное намерение имеют люциферические духи. Они пользуются потоком астральных сил, текущим из космоса навстречу эфирным силам Земли, восходящим к Солнцу. В потоке этих сил они достигают человеческой системы дыхания и через нее надеются овладеть эфирным телом человека, а вместе с ним — Жизнедухом. Они надеются, что вместе с астральным человек однажды выдохнет из себя также и эфирное тело и станет жить в космосе. Когда-то такое произойдет правомерным образом, но в настоящее время человек к такой метаморфозе не готов. Христос в пасхальное время приходит к человеку на помощь. Он, как высшая индивидуализирующая сила, удерживает эфирное тело от растворения, а Ариману указывает на его предел: сферу материи, которую тот должен консолидировать.

Человек на Пасху должен пережить, что своим индивидуальным я-сознанием он в какой-то мере обязан Люциферу и даже Ариману. Но идти вместе с ними он не должен. Божественный мир позволил им оторвать от себя человека, чтобы сделать его свободным. Но для самих духов препятствий человек есть лишь средство, с помощью которого они надеются отвоевать себе Мироздание. И поскольку человек пока не в силах ограничить их притязания, Христос в страстную субботу лежит в могиле Земли. В воскресенье он открывает врата ариманической темницы и Сам становится водителем человека на пути к овладению высшим Я. Победу над Люцифером в вершине лета довершает София. Там Самодух и Жизнедух приходят к единству, человек может вкусить от Древа познания и Древа жизни, но в высях, преодолев в себе первородный грех.

Далее, к осени, встает задача не утратить плоды космического культа при возвращении в ариманизированную за лето Землю, и более того: освятить ими все земное. Осенью Михаэль воспринимает от Уриэля силы одаренного Космической интеллигенцией мышления и претворяет их в человеке в волю, отчего мышление делается способным отказаться от физической опоры и протекать в эфирном. Кроме того, с осени человек от внешнего круга восприятий сдвигается к внутреннему. Метаморфоза мысли сопровождается метаморфозой чувства и воли. Из их совокупности

образуется зимнее бодрствование. В нем, как первое, встает задача возвести в октаву опыт всего предыдущего года. Самое благоприятное для этого время — Адвент, четыре недели предрождественского поста. Христиане в это время делают венки из еловых веток и ставят на них четыре свечи. В каждое воскресенье Адвента зажигается одна свеча. Она символизирует одну четверть прожитого года, один из сезонов, в средоточии которых стоят четыре христианских праздника: Рождество, Пасха, праздники Иоанна и Архангела Михаила — мировой крест, на котором, по словам философа, распята Мировая Душа. Она страдает в ожидании спасения, воскресения. Воскреснет же она только в воскресающем человеке.

При свете первой свечи христианин, приведя к покою свою душу, упражняется в «памятовании о Духе» (в смысле Медитации Камня основы — (Uebe Geist-Erinnern), с которым он, как индивидуальность, прошел через первую четверть прошлого года и Рождество. Со второй свечой вспоминают о прошлой весне и Пасхе, и т. д. Задача Адвента — в спокойном созерцании-воспоминании внести опыт прошлого года в эфирное тело, чтобы он стал частью нашего сознательного существа, т. е. породил какие-то, пусть совсем небольшие, плоды Жизнедуха. Так протекает, или должно протекать, подготовка к новому Рождеству.

С 24 на 25-е декабря начинаются 12 святых ночей, в течение которых восьмое звено духовных метаморфоз предыдущего года (октава) превращается в первое звено метаморфоз нового года. В эти ночи нам предоставляется возможность проникнуть в совершенно эзотерическую тайну мирового становления, данную нам экзотерически, но бессознательно, например, в музыкальном переживании. Вхождение в тайну совершается таким образом, что в течение 12 святых ночей мы пытаемся пережить то, что обычно душа переживает лишь после смерти, — мы выходим своим астральным телом и «я» из эмпирического времени и движемся в ноуменальном времени астрального мира: из будущего (вернее от настоящего момента) в прошлое. А тогда время становится пространством. В опыте 12 святых ночей это выглядит так, что перед нами разворачивается двенадцать панорам, соответствующих 12 месяцам прошлого года, и мы созерцаем их одну за другой, но двигаясь в обратном порядке, так, что в первую очередь мы созерцаем пережитое в истекшем декабре, во вторую — в ноябре и т. д. Каждый день в таком случае встает макрокосмически — в аспекте соответствующего знака Зодиака. В ходе всех ночей, начиная со Стрельца, мы просматриваем опыт года с точки зрения всего мирового круга, объективно — мы чувствуем размышляем (Uebe Geist-Besinnen) о Духе и перед Крещением

снова входим в эмпирическое время в знаке Козерога, подойдя к нему с обратной стороны, из сверхчувственного.

Итак, в ходе 12-ти ночей мы пережили не только начало года, его первую ступень, но и тайну того, что в гегелевской диалектике трактуется как единство бытия и небытия. Нам теперь в *переживании* стало ясно, почему тезис неизбежно содержит в себе антитезис, а вместе с тем и необходимость синтеза, почему материя с неизбежностью предполагает наличие духа и свое одухотворение. Так готовимся мы к созерцанию Духа (Uebe Geist-Erschauen), который нисходит на Иисуса из Назарета при крещении на Иордане. Мы тогда готовы к переживанию праздника Крещения. Мы тогда уже познали ту трансцендентальную пропасть, что отделяет дух от материи. Мы созерцали ее из мира астрально-эфирных сил, т. е. в реальности, а потому должны теперь знать, что она преодолевается в мире майи-материи. Всякое философствование на эту тему оказывается лишь слабой тенью по сравнению с могучей реальностью этого переживания. Оно же позволяет нам лучше понять и Мистерию вочеловечения Христа.

Представим себе еще раз процесс вычленения человеческого индивидуального из группового, родового в процессе эволюции. Мы говорим, что в начале земного эона все человечество представляет собой единое образование, в котором физическое, пребывающее на стадии тепла, объемлет общая астрально-эфирная аура. Это есть Адам. Поэтому он — Всечеловек. В нем в скрытом виде пребывает все то, что позже развернется в царства природы и дифференцируется на отдельные человеческие индивидуальности.

Характерным для этой стадии эволюции является *взаимонесвязанность* физической, эфирной и астральной субстанций. Они пронизывают друг друга, но взаимодействия между ними нет. Они еще всецело несомы Иерархиями. Взаимодействие между ними на ступени эфирно-физического означает возникновение органического, а на ступени астрально-эфирно-физического — психического.

В ходе дальнейшей эволюции единое существо Адама разделяется на части (см. рис. 69). Возникают человеческие роды. В родовом каждый человек имеет отдельное, *обособлённое* физическое тело, *тесно связанное с жизнью рода* эфирное тело и *групповую* душу. Человек уже получает индивидуальные восприятия, впечатления, как изнутри, так и снаружи, однако более существенным при этом оказывается то, что протекает по всему кругу взаимосвязанных астральных тел, в которые входят ясно-видческие образы происходящего во всем круге Зодиака. Чрезвычайно существенную роль в индивидуальной жизни играют и процессы всеобщей родовой жизнедеятельности. Весь опыт рода синтезирует существо

Ангела, объемлющее всех членов рода единым «Я». Ангел приводит астральное и эфирное тела на базе физического тела в такую взаимосвязь, что образуется первый член индивидуально-го существа человека — душевное тело. Далее в нем развивается тройственная душа.

Что принципиально новое внесло вочеловечение Христа в этот ход эволюции? Христос внес в эфирное тело отдельного человека Свой Жизнедух, пропитал Жизнедухом физическое тело Иисуса из Назарета, сделав его бессмертным, т. е. Духочеловеком.

А это означает, что Христос породил *единое физическое тело* человечества, которым может овладеть каждое индивидуальное я-сознание! От начала земного эона человек обладает отдельным физическим телом; таковы были тепловые тела и на древнем Сатурне. После Голгофы из гроба восстает единое тело человечества, тело физическое, пронизанное *индивидуальным космическим* сознанием — Я Христа. Это тело множится с тех пор, говорит Рудольф Штайнер, а это означает, что единая субстанция Духочеловека пронизывает, пропитывает с тех пор отдельные физические тела людей, находящихся отношение ко Христу. Единое же тело — Аتما — дает переживание индивидуального высшего Я, которое содержит в себе, объемлет собой все мироздание. Я-Аتما — это целый мир, за пределами которого не остается ничего. В этом мире «Я и Отец — одно».

Деятельностью Ангела в оболочках человека было положено начало формированию тройственной души за счет отпадения тройственного тела, оболочек души, от Божественных Иерархий. Иными словами, этот процесс носил люциферический характер. Навстречу ему шла от земного опыта работа становящегося низшего «я». Результатом их взаимодействия было приведение тройственной души в связь с тройственным телом. «Я» при этом обрело мыслящее сознание, а потому и стало индивидуальным, опирающимся на физический мозг. В индивидуальности Будды «я» пронизало сознанием все астральное тело, претворив его в Самодух и тем решив задачу индивидуального развития человека в пределах всего земного эона. Астральное тело Натанова мальчика Иисуса Самодух осенял сверху до двенадцати лет, а далее, до тридцати лет, снизу вверх в астральном теле работало «я» Заратустры — самое подвинутое в среде человечества «я», вполне коренящееся в душе сознательной. В результате его работы Иисус из Назарета перед

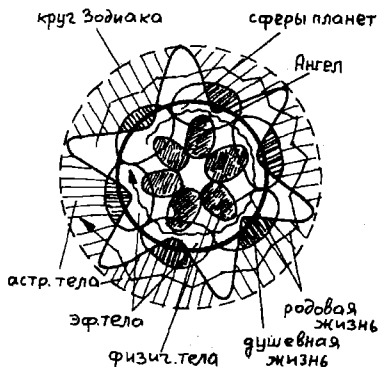

Рис. 69

крещением в Иордане обладал способностью вмещать в себя индивидуальный Самодух. Потому в него и низошел при крещении Дух Святой как Я Христа, а «я» Заратустры перед крещением вышло из оболочек Иисуса.

Если бы Святой Дух вошел в астральное тело, не переработанное в Самодух, то он разрушил бы, сжег его. Самодух же родственен природе (по уровню сознания) Святого Духа: подобное соединилось с подобным. Но если бы «я» Заратустры воплотилось в Натанова Иисуса, то оно, в силу своей недостаточной зрелости, сделало бы невозможной ту пластичность развития, в которой нуждалось эфирное тело этого мальчика — безгрешная Душа человечества, еще не ведавшая земных воплощений. У безгрешного эфирного тела сначала была задача прийти в связь с высшим Я земного человека (Нирманакайя) и лишь затем — в связь с лучшим, но низшим «я» земного человека.

Таким образом, Мистерия вочеловечения Христа совершается ступенеобразно, и каждая ступень свята для нас. На новой ступени, на Рождество, рождается Натанова Душа, безгрешная Душа человечества. От начала она пребывает в неразрывной связи со Христом. Ибо до грехопадения все человечество (Адам) и Христос было единством. На двенадцатом году жизни Христос в Натановой Душе соединяется с низшим «я» человека, прошедшего через грехопадение. Это вторая ступень. На третьей ступени, на Иордане, в оболочке Духа Святого Жизнедух Христа, т. е. индивидуальный Жизнедух, соединяется с Самим Собой, но с той Своей частью, которая лишь потенциально содержит в себе возможность воссоединиться со своим высшим аспектом. Обращаясь к языку философии, это можно выразить так. Человечество, подпавшее райскому искушению, представляет собой инобытие Божественного, или небытие (бытие в абстрактных мыслях). Поэтому оно противостоит Божественному. Натанова Душа образует основание отношения между Богом и человеком, т. е. Она повторяет положение эона Солнца (Регент которого — Христос) между зоном Отца — древним Сатурном — и зоном Святого Духа — древней Луной. Поэтому Натанова Душа едина со Христом, но не тождественна Ему. В ее потенциальных возможностях заложено все становление земного человека Жизнедухом. И чтобы им овладеть, человек опустил в матерно. Поэтому и Жизнедух Христа также нисходит в нее. Там основанием Его отношения к земному человеку выступает Натанова Душа. Это особенно важно понять, чтобы не связывать эту душу с Софией. Натанова Душа не несет мудрости о Христе; Она несет Самого Христа. Основание отношения Бога и человека есть Бог в человеке, единство бытия и ничто, бытия и сознания. Познание же Бога противостоит Его бытию. Оно только благодаря этому противостоянию и возможно. Преодолевая противостояние, Мудрость становится носительницей Бога, каковым явился Святой Дух на Иордане.

Итак, при крещении на Иордане Жизнедух Христа соединился, подобно соединению Святого Духа с Самодухом, с тем, что изначально было родственно Ему и что вошло в воплощение тридцатью годами раньше. При этом необходимо иметь в виду, что на Рождество совершается космическая Мистерия без участия земного я-сознания. На Крещение совершается космически-человеческая Мистерия: *жертву приносят Бог и человек*, поскольку Заратустра сознательно приносит в жертву свое индивидуальное «я», умирает во Христе. А только это и дает смысл вочеловечению Бога, ибо на доиндивидуальном уровне человечество и до Мистерии Голгофы по сути пребывало в лоне Бога, хотя бы потому, что, будучи ведомо люциферическими духами, оно моральной ответственности за это не несло. Лишь законы Моисея впервые внесли в человеческое сознание представление о добре и зле, а раньше только Заратустра говорил о Боге света и боге тьмы. С осознанием отпадения от Бога рождается задача воссоединиться с Ним вновь. А этот акт без Голгофской жертвы невозможен, поскольку силой Люцифера самосознание приводится в связь с отдельным физическим телом, в котором коренится Ариман. Единое же и осознанное физическое тело может возникнуть только в сфере Христова Жизнедуха.

Человек благодаря грехопадению способен собственной силой подняться до Самодуха. Но Жизнедух может быть ему дарован только Христом, ибо остается еще физическое тело, которое умирает в процессе мышления. Человек восходит к духу на основе, которая сама по себе обречена. Творению не дано вкусить от «древа жизни», пользуясь как-либо плодами «древа познания». Между ними пропасть небытия, пралайя. Это две полярно противоположные сферы бытия: теневого (в мышлении) и реального (жизнь вечная). Чтобы из одной сферы перейти в другую, необходимо совершить метаморфозу в духе Гетевского «Умри и будь» или евангельского: «Кто не умрет прежде чем умрет, тот погибнет, когда умрет». Лишь Божественная Ипостась, Христос, может провести нас через эту метаморфозу, поднять тело в сферу Жизнедуха, осуществив таким образом принцип: «Я и Отец — одно». Этот, четвертый, акт Мистерии вочеловечения Христа осуществился на Пасху. Мы, христиане, должны научиться переживать великие праздники года в такой вот тесной их взаимосвязи. Ибо поистине они образуют одну неразрывную цепь метаморфоз, которые для человека служат «лестницей», по которой он от Земли восходит на Небо.

Вознесение завершает Божественную Мистерию, а с Троицы начинается Мистерия человека. Святой Дух, как и на Крещение, вновь сходit вниз, но на этот раз на множество людей, и не так, как во времена язычества, — он нисходит лишь на людей, обладающих индивидуальным «я», преодолевших узы кровного родства. Но эти люди еще не

обладают Самодухом, а потому и Жизнедух Христа не может войти в их эфирные тела. Они для этого еще слишком темны, инстинктивны. Но пережитый дар Святого Духа вселяет в христианина энтузиазм, желание работать над собой, дабы некогда прийти на собственный Иордан, а потом пережить собственную Пасху.

5. Семиконечная звезда праздников года

ТАКОВ ГЛУБИННЫЙ СМЫСЛ главных христианских праздников года, если рассмотреть их с точки зрения тех задач развития, которые решает человек, идя путем метаморфоз. В заключение главы мы коснемся еще связи кругооборота праздников года с имажинативной логикой. Что главных праздников семь*, — это обстоятельство должно представляться нам совершенно естественным. В самом деле, такой значительный феномен эволюции, как годовой ритм, не может стоять вне ее основного закона. В ходе года человек проходит через семь ступеней метаморфозы, охватывающей все его существо — тело, душу и дух, — возводящей их к восприятию высшего Я.

Праздники Рождества и Крещения встанут подобно тезису и антитезису в мышлении: Крещение уже содержится в Рождестве, и в то же время, они противоположны. Их прафеномен — отношение эонов древнего Сатурна и древнего Солнца. На Земле прадревнее противоречие встает в своей завершающей фазе, чтобы прийти к разрешению в Мистерии Голгофы. Человек переживает его в противоположности настроений Масляницы и Великого поста. Мировое противоречие должно быть пережито и разрешено в каждой отдельной душе.

На Рождество Христос не мог воплотиться Своим Жизнедухом. Это означало бы отрицание Отчего начала, было бы в некоем роде равнозначно возникновению зона древнего Солнца вместо зона древнего Сатурна. Потребовалась гигантская переработка жертвы Духов Воли Иерархиями, прежде чем с нею смогло соединиться Существо Христа. На Земле сначала должен был быть доведен до определенной степени совершенства ветхий Адам — Отчее наследие, прежде чем в него смог войти Новый Адам.

В страстной четверг состоялся величайший синтез материи и духа. Я мира полностью соединилось с материей, и результатом их соединения могло быть тройкое: либо полное уничтожение материи — чего хотел Люцифер, — либо победа материи над духом — этого хотел

* Они «установлены» Космосом, их происхождение уходит в глубь Мистерий древности. Другие же Христианские праздники установлены людьми, характер их совершенно иной, более внешний.

Ариман. — либо нечто третье, чего хотел Христос. Третьим явилось величайшее *пресуществление* материи. Жизнедух Христа поднял физическое творение Отца в свою сферу, не погасив, а возвысив созревшие в нем плоды нового, дарованного Богом самобытия.

Но на этом космически-человеческая Мистерия не могла быть завершена. Внесенное в эволюцию семя спасения должно прорасти в душах, еще не освободившихся от последствий грехопадения. Поэтому после Голгофы Христос не мог снова вернуться в сферу Солнца, а должен был вознестись во всю ауру Земли. Вознесение возрастает в человеке плодами индивидуальности, которые есть дар Святого Духа, нисшедшего в Пятидесятницу (через семь недель после Пасхи) на апостолов.

Сорок дней длится имажинативное созерцание апостолами Христа в астральной ауре Земли. А затем Он переходит в эфирную ауру, и тогда требуется инспиративная ступень сознания, чтобы пережить Его и там. Апостолы на Троицу переживают себя как бы в новом рождении. На этот праздник завершается троичность индивидуально-духовного развития. Внутри эволюции апостолов Христос рождает определенную инволюцию. Процессу эволюции соответствует переживание рожденности из Бога на Рождество. Тогда мы на Пасху во Христе умираем и на Троицу со Святым Духом воскресаем. Однако наравне с этим, ученик Христианских Мистерий переживает в индивидуальном духе воскресение со Святым Духом на Рождество, благодаря чему не засыпает вместе с умирающей природой, а приходит к повышенному бодрствованию, к космическому мышлению. Но то воскресение совершается в его низшем «я», и им нужно пожертвовать в страстную Пятницу, как Заратустра сделал это на Иордане. Необходимо от рефлексии перейти к созерцанию мира, пронизанного Христом. Тогда из созерцания-имагинирования некогда на Троицу совершится рождение из Бога — нисхождение на место низшего «я» Я высшего. Мы уже говорили, что истинный его облик явлен в элементе Жизнедуха. И Я-Жизнедух, как в Иисуса на Иордане, когда-то низойдет в чашу человеческого Самодуха. Но это будет уже не голубь, а язык живого пламени. Так двояким образом проявляется на Троицу творящая деятельность высшего Троициста. На физической основе тела она движет человека в потоке эфирных сил, а навстречу идет процесс индивидуальных усилий, достигающих астрального тела. В начале этого процесса содержится его конец, в конце — начало. А в результате возникает необычайно целостная картина развития (см. также рис. 16).

Троичность царит над семеричностью, разворачивается в нее и вновь возвращает ее к себе. И потому на Пятидесятницу мы переживаем пятую ступень метаморфозы, где первоимпульс, семя развития, получает законченный самостоятельный облик. Свое ин-

дивидуальное выражение, или носителя, он обретает на шестой ступени, которую образует праздник Иоанна, когда сошедший на человека Дух Святой обуславливает появление «цветов» личности. В оболочке Самодуха Жизнедух осеняет апостолов на Троицу — *инспирация в оболочке имажинации*. На праздник Иоанна в оболочке инспирации человек восходит к *интуиции* и переживает в ней Софию.

На праздник Михаэля завершается процесс посвящения, проходящий христианином в цикле года. Крещеный Святым Духом и огнем, он встает на место Христа, которое Он занимал в Мистерии Голгофы. Человек опускается в гробницу зимней Земли, чтобы на Рождество воскреснуть со Святым Духом и одновременно родить в себе младенца духа, который в следующем году повторит цикл посвящения на более высокой ступени. Что в Мистерии Христа длится с вечера страстной пятницы до пасхального воскресенья, то в посвяжительной Мистерии человек переживает от 29 сентября до 24 декабря. Экзотерическая часть Мистерии *повторяет путь Соломонова Иисуса*. В ней человеческое «я» с осени входит в пору все возрастающей бодрственности. Путь от Михаэля до Рождества есть также возведение к октаве семичленной метаморфозы года.

Сказанное можно пояснить рисунком (рис. 70). Круг на нем по-прежнему является выражением первого Логоса. Что касается второго и третьего Логосов (см. рис. 62), то, переходя в развитие, они сливаются в одну форму септаграммы. Цикл праздников года движется по септаграмме, повторяя все семь эонов нашего эволюционного цикла*, в котором, как мы показали, всеопределяющую роль играет Ипостась Христа, Который исшел от Отца уже в зоне древнего Сатурна и передаст эволюцию Ипостаси Святого Духа после зона Вулкана.

Изображенное на рис. 70 выражает Мистерию вочеловечения Христа, которая свое микрокосмическое отражение находит в недельном цикле (он начинается в субботу — Сатурн и кончается в пятницу — Венера). Ее начало находится там, где стоит праздник Рождества. Соединенный с Землей Импульс Христа восходит в цикле года с одной планетной сферы на другую в том порядке, каким он предстает в геоцентрической системе**, то есть Импульс Христа движется по кругу первого Логоса, что и означает: «Я иду к Отцу». Но Христос на пути к Отцу берет с Собой человека, и это движение эволюционное, у него семь ступеней метаморфозы. Септаграмма выражает единство эфирного и астрального тел; находясь в круге, она выражает единство Любви и Мудрости в лоне Бога-Отца.

* Вулкан там отсутствует, а Земля представлена Марсом и Меркурием.

** Напомним, что названия Меркурия и Венеры в обычной астрономии переставлены местами.

Значительные дополнения к пониманию, а следовательно, и переживанию христианских праздников года дает рассмотрение того, как принцип триединства пронизывает семеричность годовой метаморфозы. Изображенная на рисунке септаграмма образована, фактически, из семи троичностей, каждая из которых представляет собой законченное целое. Рассмотрим первую из них. В ней соединяются праздники Рождества, Троицы и Вознесения. Переживая один из них, необходимо подумать и о двух других. Рожде-

ние, как импульс, идущий всецело от сил природы, — бесперспективно, если ему не соответствует импульс, идущий сверху, — духовное рождение, Троица. И между ними должна быть еще связь — ее образует Вознесение. Аналог этому в эволюции — дуализм древнего Сатурна и древнего Солнца, разрешаемый в зоне Венеры.

Следующая троичность образована праздниками Рождества, Троицы и Крещения*. В ней земной дуализм материи и духа, физического и эфирного, древнего Солнца и древнего Сатурна, разрешается солнечной деятельностью Христа в земном зоне, когда Он посылает душам Духа Утешителя. В совершенном виде праздник Троицы будет праздноваться в зоне Юпитера.

В других троичностях выступают более индивидуализированные ингредиенты человеческого существа, а также иные связи прошлого и будущего. Многие для понимания праздников можно извлечь из рассмотрения свойств планет, под знаками которых они стоят. В Мироздании все пребывает в непрерывных метаморфозах, совершается непрерывный культ, пресуществление.

Мы не станем продолжать анализ всех выявленных нами троичностей и оставим эту работу на свободное усмотрение читателя. Тема эта неисчерпаема, и обращение к ней способно разбудить душевную спячку, подвинуть к переживанию живого Христа,

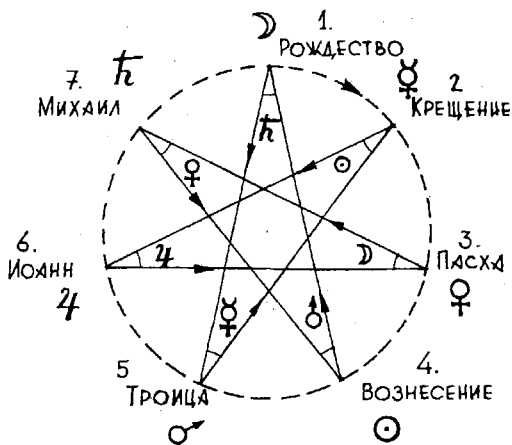

Рис. 70

* Если эту троичность взять в отношении к предыдущей, то можно в их взаимосвязи обнаружить нечто от принципа макрокосма, выражаемого гексаграммой.

приближающего нас к Себе через праздники Христианского года.

В заключение мы лишь коснемся еще одного вопроса: восхождения семеричности к двенадцатеричности, — ибо развитие во времени совершается еще и в пространстве. В человеческом существе семеричность переходит в двенадцатеричность благодаря связи в трехчленном человеке головы, ритма и конечностей семи жизненных процессов с двенадцатью восприятиями чувств, опираясь на которые, восходит к жизни индивидуальное «я» в мыслях, чувствах и волеизъявлениях. В него тогда светят духовные силы Зодиака, инспирирующие 12 мировоззрений, в совокупности которых выражается полнота космической интеллигенции.

За основу возникающего здесь образа мы возьмем связь семи-членного существа человека с кругом Зодиака и с Существом Христа, которые Рудольф Штайнер дает в лекции от 15 января 1908 года (ИПН. 102), и дополним их тем, что уже неоднократно вставало в наших рассмотрениях.

Как следует из таблицы, мы вправе говорить также и о семичленной природе Существа Христа, когда речь идет о Его отношении к человеку, к Мистерии вочеловечения. Тогда Его низшим членом является Жизнедух, несомый Духами Мудрости. К этой мысли мы подходили уже не раз, и теперь остается лишь подчеркнуть значение эфирного принципа для нашего пути ко Христу. Но Христос нисшел в плоть до физической материи, и Его путь в нее опосредуется всем рядом Иерархий.

				I Логос	
	Υ	12 член	«Мистический Агнец»	Неизв. планета	II Логос
	♌	11 член		Плутон	III Логос
	♍	10 член		Нептун	Серафимы
	♎	9 член		Уран	Херувимы
	♏	8 член		♄	Духи Воли
7. Духочеловек	♐	7 член		♅	Духи Мудрости
6. Жизнедух	♑	6 член		♆	Духи Движения
5. Самодух	♒			☉	Духи Формы
4. Я	♓			♀	Духи Личности
3. Астр. тело	♊			♂	Архангелы
2. Эф. тело	♋			♂	Ангелы
1. Физ. тело	♌			♂	Человек

1-я Иер.
2-я Иер.
3-я Иер.

Табл. 11

Места средоточения своих сил Иерархии имеют на планетах. Планеты опосредуют связь Земли с силами неподвижных звезд. Действие духовных сил в планетах качественно иное, чем в зодиакальной сфере, но числом их также должно быть 12, иначе планетная система не смогла бы развернуться в пространстве. Однако эволюционно (развитие во времени) Солнечная система состоит из семи планет. Принцип пространства, как более высокий, соответствует миру неподвижных звезд (высшее пространство одномерно). Поэтому как бы в помощь Солнечной системе из высшего мира Провидения пришли четыре планеты не нашего космоса, не участвовавшие с нами в том развитии, которое началось на древнем Сатурне. Три из них уже известны, о четвертой лишь в последнее время повели речь в астрономии. Как материальное тело она столь тонка, что физическими приборами можно обнаружить лишь косвенные признаки ее существования. С этой планетой дело обстоит как с недавним открытием в лабораторных условиях феномена потенцирования веществ в гомеопатических лекарствах, когда при больших разведениях самого вещества в растворе обнаружить уже не удастся, а действие его сохраняется.

Итак, семичленное существо человека вписано в зодиакальную спираль, имеющую свое начало в знаке Рыб. Каждая из ступеней этой спирали есть форма бытия и состояние сознания определенных иерархических существ. Человек, как макрокосм, фактически, состоит из семи родов этих существ. И сам он, в конечном итоге, есть не что иное, как вполне определенный способ и форма их взаимодействия. И таковы все истинные существа во Вселенной. Их сознание есть совокупность ряда других сознаний. От этого индивидуальное начало не становится некой условностью, мозаикой, которая в один момент существует, а в другой может рассыпаться, но поистине восходит на едва постижимые высоты и пребывает там в единстве бытия и сознания, а если мы говорим о бытии, то его ведь нельзя представлять себе иначе, как единством. И если в его единстве отдельные члены бессознательны (процессы в клетках, в нервах и т. д.), то от этого бытие не делается более совершенным. Осознанное во всех своих элементах бытие есть бытие высшее. Лишь в нем человеческое Я обретает способность поистине свободно реализовать себя в гармоничной связи с Мирозданием.

МНОГОЧЛЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК И ПРОСТРАНСТВО

МЫ ДОСТИГЛИ ПРИМЕРНО СЕРЕДИНЫ наших исследований, и теперь в поисках новых ответов на решаемые нами проблемы, мы все чаще будем апеллировать к результатам, полученным в первой половине книги. При этом исходным по-прежнему будет оставаться взгляд на человека как на многочленное существо, восходящее от инстинктивного к индивидуальному я-сознанию.

В пределах доступного человеческому пониманию цикла эволюции даны одновременно и пределы развития самого человеческого существа. Ими являются физически-материальная телесность и Духочеловек — высшее состояние физическо-го. А если это так, то, значит, бытие физического на его низшей, материальной ступени, в пространственно-временном состоянии формы, должно с необходимостью нести в себе какие-то черты своего наивысшего бытия. Посозерцаем ряд исходных посылок, чтобы получить необходимое об этом понятие.

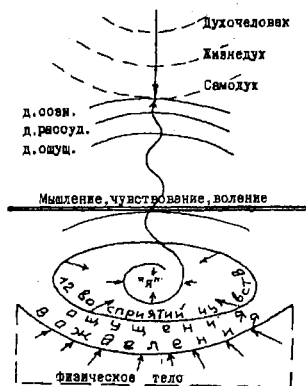

Рис. 71

Обе составляющие материальной формы бытия: пространство и время, — не равнозначны. Исходной между ними является пространство. Именно в нем находит свое последнее выражение, отражение, нисходя по ступеням бытия и сознания, высшее Божественное Троиединство.

В эволюции мира, в том состоянии, которое предшествовало зоне древнего Сатурна, было, как говорит Рудольф Штайнер, лишь пространство. Нейтральный мировой огонь был слит с мировым пространством, которое, собственно говоря, и излило и ограничило тепловую субстанцию древнего Сатурна (110; 17.IV). Это пространство было духом. «Мы сами есть сгущенное пространство, рождены из пространства» (284, стр. 83).

Итак, пространство — дух. Как найти отношение к такому его пониманию? Ясно, что наблюдаемое нами вещественное простирается объектов в системе декартовых координат не может быть признано исчерпывающим для понимания этой категории. Существуют пространства и двух- и одномерные*. В физически-материальном мире они мыслимы лишь математически, т. е. абстрактно, а значит духовно, в том смысле, что их нельзя пережить чувственно. Чувственная реальность не знает двух- и одномерного бытия; все ее объекты трехмерны. Однако является ли и трехмерное пространство созерцанием, как это считал Кант?

Если мы обратимся к началу философского воззрения на мир, то там категория пространства действительно рождается из созерцания. В учении одного из зачинателей философского рассмотрения мира, Ферекида из Сироса (VI в. до Р.Х.), выделены три мировых начала, которым даны имена богов Зевса, Хтона и Кроноса. Именно даны, поскольку Ферекид пользуется ими не вполне в ключе образного, мифологического мышления, а пытается выкристаллизовать из них понятия. Под Зевсом, как об этом свидетельствует Гермий, он подразумевает эфир, под Хтоном — землю, под Кроносом — время: начала активное, пассивное и то, в котором все происходит.

Неоплатоник Прокл считал учение Ферекида более загадочным, чем учение Платона. Почему? — это можно понять, лишь зная о совершенном древними греками переходе от сверхчувственного созерцания, через образно-мифологическую форму мышления, к мышлению в понятиях. Ферекид в этом смысле уже не столь мифологичен, как, скажем, Гомер или Гесиод. Его учение — не теогония. Однако и в понятиях, подобно Сократу и Платону, он еще мыслить был не способен.

* Что касается многомерных (четырех, пяти и т. д.) пространств, то с ними следует обращаться предусмотрительно, чтобы математическая игра не превратилась в игру с реальностью. В дальнейшем мы еще коснемся этого вопроса.

Замечательное представление о том, как древний грек переходил от созерцания к понятию, дает Рудольф Штайнер в первой главе первого тома «Загадок философии». Не время в современном смысле, говорит он, понимали греки под Кроносом. «Кронос живет, и его деятельность состоит в поглощении, потреблении жизни другого существа, Хтона». И в природе, и в человеке господствует Кронос; и там и там Кронос потребляет Хтона. Соединительным звеном между обоими существами является Зевс. Он не есть «пространство» в нашем понимании. Зевса грек переживал, направляя взгляд на воду, когда она переходит в пар, в облака и простирается над землей. Как «пространственно-действенного» распространителя переживал грек Зевса, как силу. А глядя на замерзающую воду он переживал Хтона. В действенном, не чувственном образе огня созерцали древние Кроноса. «Через совместное действие этих трех первооснов, — заключает Рудольф Штайнер, — возникает, в смысле Ферекида, мир. Благодаря их совместному действию возникают, с одной стороны, чувственные, вещественные миры: огонь, воздух, вода, земля (в алхимическом их понимании. — *Авт.*), а с другой — сумма невидимых, сверхчувственных существ, оживляющих четыре чувственных мира (царства природы, включая человеческое. — *Авт.*). Зевс, Кронос, Хтон суть существа, в связи с которыми можно употреблять выражения (понятия): дух, душа, вещество... Пользуясь способом выражения более поздних мировоззрений, Зевса можно назвать «миро-эфирным», Кроноса — «творцом времени», а Хтона — «созидателем вещества...» (18, стр.32—34).

Итак, греки переживали пространство в неразрывной связи со временем и веществом. Эти три, в нашем понимании, категории образовывали для них единство, которое пребывало на переходе от сверхчувственного бытия к чувственному. Определенный приоритет в этой троичности отдавался пространству, но не как богу Зевсу, а данному в переживании процесса текучести и летучести элемента воды. Как свидетельствует Ахилл, Ферекид полагал началом всех начал воду, которую он также называл Хаосом.

В генеалогии греческих богов Хаос олицетворяет исходное состояние мира. Из него рождается Гей-Земля — первое поколение богов; далее идут Титаны и Кронос — второе поколение богов. Зевс принадлежит к третьему поколению, но его первая супруга, Метиды, является дочерью Океана и Тетиды — богов из второго поколения. Хтон (Хтоний) в ранний период греческой культуры представлял собой одну из ипостасей Зевса — владыки неба, земли и того, что под землей. Но позже их сферы, или их миры, разделяются.

Так довольно прозрачно греческая мифология повествует нам о том же самом, о чем говорят данные Духовной науки, а именно, что пространственное и временное в эволюции мира меняются местами:

изначальное, пространственное, рождает непространственное — древний Сатурн, состояние, в котором рождается время — Духи Личности, или Кронос. На древнем Солнце рождается пространство, носителями которого являются Архангелы, или Зевс*.

Что касается досатурнического пространства, то оно обладало каким-то иным, многозначным или многовариантным характером, и потому греки говорили о нем как о Хаосе. В зоне Земли этот Хаос выступает из состояния Великой Пралайи как эфирная Вселенная, из которой сгущается «мировая туманность» будущей Солнечной системы. Она, сначала как единое мировое тело, сгущается до теплового, воздушного и водно-эфирного состояния. А это и есть Зевс в бытии трехмерного пространства. Таковым он начал становиться в зоне древней Луны (на древнем Солнце даже второе измерение пространства было едва намечено; главным образом существовало измерение между «внутренним» и «внешним»). Далее водно-эфирное оплотневает до минерального — возникает царство Хтона. Поскольку же вода — это тоже вещество, то вначале Хтон является лишь эпитетом Зевса. В их последующем разделении можно почувствовать постепенное рождение трехмерного пространства в зоне Земли: сначала оно эфирное, двухмерное — Зевс проявляется вплоть до Хаоса. Земля и Солнце в этот период образуют одно космическое тело, вокруг которого в высшем астральном (сверхчувственном) из Пралайи приходит к явлению круг Зодиака; а с ним рождается Кронос. Но он тогда еще не земной, а макрокосмический, слитый воедино с пространством. Разделяются они только в земных условиях по мере сгущения эфира до состояния вещества. Затем, по мере выделения планет, пространственно-временные отношения физического мира простираются в космос, вплоть до неподвижных звезд.

В земных условиях эфир, жизненное начало, рождает пространство: эфирное рождает жизненный процесс, протекающий во времени, принимающий все более вещественный характер и выступающий из двухмерного в трехмерное пространство. В далях космоса все происходит наоборот. Там из высшего астрального, пространственно ноль-мерного (но не безмерного) бытия рождается эфирное становящейся планетной системы — временной процесс. Но по мере развития материальных условий бытия на Земле из планетарного эфирного рождается низшее астральное, возникают физически-эфирно-астральные формы земной жизни, которые как бы «выдавливаются» из имажинативного мира и *раздвигают* пространство до трех измерений.

* Все это, разумеется, нужно мыслить соотношенным со становлением феноменального мира.

Что касается высей мира, то там пространство остается в досатурническом состоянии. Это сфера Бога-Отца, Божественного Триединства, небесная «твердь», «хрустальное небо». Единый Бог является Богом этого пространства, и из Него рождается древний Сатурн, а вместе с ним — и человек: Из Бога рождается.

Древнее Солнце возникает под регентством Христа. В земном зоне Христос, говорит Рудольф Штайнер, пришел от времени, с Солнца (236; 4.VI). Ибо Солнце является источником эфирных сил в Солнечной системе. Солнце рождает жизнь, жизнь протекает во времени, а поскольку она разворачивается в физическом материальном мире, то мы вправе сказать, что Солнце рождает пространство в его конечной форме — как трехмерное. Эфир и материя приходят во взаимодействие, протекающее во времени, т. е. по законам жизни. А в результате рождается низшее астральное — основа психического. Высшее пространственное переходит «на другую сторону», в сферу инобытия: Бог-Отец вступает в мир своего творения, в результате чего в неодушевленном пробуждается вождение, жажда индивидуального сознания.

Древнее Солнце, в философском смысле, явилось основанием отношения между Отчим началом и началом Святого Духа, выражением которого в ином явилась древняя Луна. Нечто подобное имеет место и в зоне Земли. Христово, эфирное начало, образует основание отношения между Отчим, пространственным, и земно-астральным, психическим; Солнце излучает пространство. Но в земных условиях древнее *отношение* принимает характер *противоречия*, поскольку инобытие, тварный мир, погружаясь в материю, становится антиподом, противником духа. И в этом напряженном, силовом противоречии возникают земное физическое, эфирное, астральное.

В этих трех субстанциях человек рождается, проходит определенное развитие и умирает. Он умирает с ходом времени, во Христе, и покидает пространство. Чтобы он в таком случае не умер и космически, то, что давало ему физическое тело — возможность сознания в бытии, — должно быть заменено чем-то более высоким и одновременно индивидуальным. А таковым является Самодух. Поэтому: Со Святым Духом воскресаем.

Если человек, говорит Рудольф Штайнер, смотрит с Солнца на Землю в жизни после смерти, то он видит физическое, эфирное, астральное. На другой стороне, в Мироздании, он видит Самодуховность. «Человек колеблется между физическим и Самодуховностью. Стабильным в середине остаются эфирное и астральное. Когда человек смотрит в Мироздание, то земное исчезает полностью. Остаются эфирное, астральное и Самодуховность» (236; 4.VI). В этой Самодуховности необходимо воскреснуть, чтобы не подпасть смерти вместе со смертью материального тела. Но путь к воскресению

долг и непрост. Он пролегает через множество инкарнаций, в ходе которых человек реализует в себе иную, предварительную, или исходную троичность, которая является выражением высшего Триединства в индивидуальном становлении человека. Такой троичностью являются: сила выпрямления, поднимающая человека над животностью, способность речи и мышление. В действии эта троичность имеет следующий вид (см.рис.). Цифрой I на рисунке обозначена сила выпрямления. С двух сторон ее спиралеобразно обвивают сила речи (II) и сила мышления (III) (181;2.IV). Троичность имеет пространственный образ.

Сведем все полученное в итоговую таблицу и продолжим рассмотрение, опираясь на нее (табл. 12). Как видно из таблицы, овладение Самодухом означает выход из пространства, за пределы животного круга (Зодиак). Такова истинная проблема «выпрямления», о чем у нас шла речь в предыдущей главе. За кругом Зодиака начинается мир Божественного Триединства*. Внутри круга заключено божественное творение: мир звезд, планет и Земли, а в нем: трехчленный человек, 3х3-членный и двенадцатичленный, т. е. 4х3-членный.

Эволюция человека на Земле протекает внутри материи, времени и пространства. Данные сознанию, эти три категории образуют единство, прафеноменом которого является наивысшее Триединство. Их взаимосвязь — динамическая и осуществляется в иерархическом порядке действия сил и субстанций. Мы подвергаем ее анализу в том состоянии, которое ей свойственно на современном и последующих этапах развития человека и Земли.

Триединство					Самодух	«Хруст. небо»	
Зевс	Пространство	Выпрямление	Отец	Астр.	Астр.	Зодиак	Дух
Кронос	Время	Речь	Сын	Эф.	Эф.	Планеты	Душа
Хтон	Материя	Мышление	Св. Дух	Физ. (тело)		Земля	Вещество

Табл. 12

* Существуют средневековые картины, на которых изображен человек, достигший границы плоской Земли и сферического Неба, и заглядывающий за небесную сферу. В таких картинах отражено посвяtitельное знание, а вовсе не наивные верования людей темного времени.

Христово начало одарило Отчую форму нашего тела жизнью, которая, в свою очередь, поднялась в нас со ступени органического до душевно-духовного, до жизни мыслящего сознания. В это последнее, как в форму, нисходит дар Святого Духа, который на апостолов сошел в праздник Пятидесятницы. Он нисходит, чтобы возвести нас в сферу высшего Троиинства. Синтез земного бытия приводит к синтезу бытия духовное. Это не означает, что человек, овладев Самодухом, покидает внутризодиакальную сферу, но, что с этого момента он начинает восходить к вечному бытию — на высший Девахан, куда волны Пралайи уносят феноменальный мир.

Христос говорит: «Небо и Земля прейдут, но слова Мои не прейдут» (Мк.13:31). Это так, ибо: «В начале было Слово ...и Слово было Бог», — отсюда начался древний Сатурн. Потом «Слово стало плотью». Но некогда плоть станет Словом. Для этого Христос «упросил» Отца послать нам «Духа Утешителя». С этого момента начинается восхождение — когда наше мыслящее сознание наполняется знанием о Христе, духовпознанием. Поэтому не ради праздной игры ума пытаемся мы на каждом этапе нашего исследования обдумать вопрос в понятиях и философии, и христологии, и естествознания, и духоведения.

Итак, мы уяснили себе следующую картину: в высях мира царит троиединый Бог; в творимый Им мир изливается Его действие, действие трех Ипостасей. Но поскольку наш мир творится в лоне единого Бога, то он тоже един, един в становлении. Единство и становление — это два главных свойства нашего мира, благодаря чему постоянно и многообразно возникающий дуализм развития постоянно и повсеместно восходит к монизму.

Становление и единство — есть по сути иное выражение категорий времени и пространства. *Пространство является выражением высшего Единства, Троиинства, в ином. Оно есть последняя ступень нисхождения Божественного Троиинства по ступеням бытия, по ступеням сознания. Поэтому пространство троидино.* А если это так, то оно никак не может быть созерцанием, а только *идеей*. Именно такое его понимание и отстаивал Рудольф Штайнер с первых шагов своей научной деятельности.

Созерцание пространства возможно лишь в имажинации или, как у греков, на переходе от мифологического к понятийному мышлению: в идеальном восприятии. В имажинации пространственно соотносятся сути вещей или, попросту говоря, — существа. Рожденные в разное время существа далее переходят в пребывающее, вот почему прожитая жизнь предстает человеку после смерти в виде некой панорамы. При переходе в чувственную реальность сущность и явление выступают раздельно. Явление целиком переходит в инобытие, и там образуется далее всего отстоящее от сути соотношение

явлений, или феноменов*. О нем-то и говорят как о пространстве. Оно выражает собой наибольшую степень отдаления творения от Божественного первоисточника.

Когда наш дух, пишет Рудольф Штайнер в одном из введений к естественнонаучным трудам Гете, вступает через восприятие в мир опыта, то он стремится преодолеть эту обособленность вещей в пространстве. И это ему удастся, поскольку каждая вещь не есть абсолютная «сущность для себя», а изошла из единого праисточника. Будь это иначе, ни о каком «Nebeneinander» (пребывании возле друг друга) вещей вообще не могло бы быть речи (I, стр. 209).

Но единый первоисточник трехипостасен в отношении к творимому миру. И отражением этого его свойства являются три измерения, образующие пространство, а точнее говоря — *бытие в пространстве*. Мы пытаемся составить себе представление об этом бытии и для этого, среди прочих, привлекаем на помощь пространственные представления. Рудольф Штайнер дает описание того, как мы это делаем. «В первом измерении, — читаем мы в вышеупомянутых введениях, — я соотношу между собой два элемента-явления чувственного мира; во втором измерении я соотношу между собой уже пространственные соотношения. Так я устанавливаю отношение между отношениями. Конкретное явление я снимаю, конкретное же отношение я оставляю. Наконец, я соотношу пространственно друг с другом конкретные отношения. Это означает, что я совершенно отвлекаюсь от того, что это конкретные отношения; но тогда найденное мною в одном, должно быть *абсолютно тем же самым*, что я нахожу в другом. Я устанавливаю отношения между подобиями. И здесь кончается возможность находить дальнейшие отношения, поскольку кончаются различия» (I, стр. 292).

Проделав три таких операции, мы возвращаемся в исходную точку. В пояснение своей мысли Рудольф Штайнер приводит пример. Рассмотрим, пишет он, одну пару людей с точки зрения соединяющей их дружбы, а затем еще одну. Мы тогда получим два понятия дружбы: «а» и «б». Соотнесем их между собой, отвлекаясь от конкретных людей, и мы получим понятие дружбы вообще. Далее с этим понятием я могу подходить к изучению сколь угодно большого числа людей. Суть вновь и вновь получаемых понятий дружбы окажется идентичной с уже полученным ранее результатом. И я прихожу к выводу, что я обнаружил некое единство. Это единство и есть всеобщее понятие дружбы. Но с точки зрения этого понятия я ведь и начал рассмотрение двух конкретных людей. Поэтому на третьей ступени я, фактически, возвращаюсь к первой.

* Трансцендентная сущность присутствует в них косвенно; имманентно — это законы природы.

Когда подобную операцию мы производим с пространством, то в первом измерении мы устанавливаем соотношение между двумя восприятиями чувств. И это есть «конкретное представление» (по Р. Штайнеру), или восприятие с его имманентным понятием (см. «Философию свободы»). Соотношение двух конкретных представлений образует второе измерение. Оно есть «абстракция». Третье измерение образует «идеальное единство абстракций» (I, стр.293).

Таким образом, если в пространстве и содержится что-либо от созерцания, то лишь в первом измерении: восприятийная часть представления. Все остальное являет собой мыслительное установление *наивысшего* единства объектов чувственного мира без какого-либо касания их внутренней сути. В то же время, единство это реальное, оно существует, и природа его такова же, как и природа мыслящего сознания. Оно является тeneвым, бессущностным, но в нем постоянно сказывается отблеск мощной сверхчувственной реальности. Свое тeneвое бытие оно ведет по законам интеллигибельного мира, мира мыслесуществ, в силу чего содержит в себе принцип самодвижения; оно диалектично, а далее, как мы уже показали, может ввести в себя некую «органику», двигаться силой закона метаморфозы, соединиться со временем.

Пространство заключает в себе отблеск высшего Триединства, силой которого удерживается в единстве трехмерная Вселенная — физический мир. Иные миры также пространственны, но в другом смысле. Так с переходом в имажинативный мир снимается чувственное восприятие. Восприятием становится его идеальное соответствие, понятие. Соотношение субъект-объект сохраняется, хотя и в другой форме, в силу чего идеальные восприятия могут быть соотнесены друг с другом, а в их идеальном единстве тогда открывается их сущность. Эта последняя, таким образом, *и в имажинативном мире не дана непосредственно*. Ее достигают путем сверхчувственного исследования, в котором продолжают действовать законы движения мышления, законы логики. Логика эта семичленная. По ее законам идеи-восприятия растут, развиваются, устанавливают и расторгают связи и являют созерцанию двухмерное пространство имажинативного мира. Но вернее будет сказать, что мы имеем тут дело с промежуточным состоянием пространства, где оно совершает переход от трехмерного к двухмерному, поскольку оказывается снятым лишь половина одного из трех измерений чувственного мира — его восприятийная часть.

В мире инспирации человек отождествляется с объектом и так входит в идеальное единство, но при этом остается отношение внутреннего и внешнего, как остаток отношения представлений или идеальных восприятий. В инспирации еще продолжается частичное действие отношения «здесь» и «там». Поэтому инспиративное про-

странство является средним между двух- и одномерным. И лишь в интуиции пространство точечно. В любой точке интуитивного пространства содержится вся, на этот раз уже духовная, Вселенная, производной от которой является Вселенная физически материальная; повсюду тогда дано идеальное единство — всеединство. И поскольку оно дано, мы продолжаем говорить о пространстве. В одномерном пространстве единство соотносится с единством. Это и есть фихтевское тождество Я=Я, в котором сознание есть одновременно и бытие, а бытие — сознание.

Высший уровень бытия и сознания совершенно отвращен от всего феноменального, даже *духовно-феноменального*. Это мир единого Бога. Мы смотрим на него из мира в той или иной мере пространственного и потому он (и мир и Бог) предстает нам как триединый. Это все, что можно сказать о наивысшем мире, пребывая в мире трехмерном: он всеедин, точечен, а в явлении триедин.

Бог един в мире, лежащем над миром интуиции, поскольку там нет ни пространства (в нашем понимании), ни времени. А что вне этих категорий может представить себе наш рассудок как отношение? Необходимы иные свойства души, чтобы приблизиться к пониманию единого Бога, а именно — вера и сердечное знание, то знание, которое обладает чертами бытия.

Но в своей обращенности к творению Бог трехипостасен. И последнее, по форме бытия и сознания, его выражение в феноменальном есть три измерения пространства. Поэтому пространство физическое мира — это идея; в противном случае нам пришлось бы утверждать, что в трехмерности мы созерцаем Бога *непосредственно*, земными очами. Однако эта идея наделена определенным бытием; идея без бытия дана лишь человеческому мыслящему сознанию.

Чувству зрения дано творение, изшедшее от Отчего принципа. Отчее начало заключено в нем как идея, закон бытия. Поэтому представление — это Отец. Отношение между представлениями рождает Сын*. Оно не противоречиво: не существует диалектики пространства, поскольку оно богоподобно. Идеальное единство отношений восстанавливает Святой Дух, и так изшедшее от Отца, от Единства, через Сына и Святого Духа вновь возвращается к Нему; мы же при этом говорим о единстве пространства.

Пространство есть также форма бытия идеи. Космическим сознанием порождена биологическая форма, способная вместить в себя сознание, идею, *и эта форма есть многочленный человек*. Через него Божественная идея возвращается к себе. *Человек рожден идеей и в*

* Это действие простирается вплоть до «пространства» социальных отношений: «Где двое соберутся во Имя Мое...».

идею: в трехмерное пространство. Беря свое начало во внепространственном, импульс Божественной воли по трем лучам движется в сторону физического мира. На своем пути он опосредуется деятельностью трех Иерархий. При этом из высшего пространства, из высшего астрального, он сходит во временное, в эфирный мир планетной системы и, наконец, достигает физически-материального мира, а затем уже от физического мира Земли простирается в дали физической Вселенной. Эта Вселенная материальна и трехмерна только с точки зрения материального мира*.

Три луча, образующие оси декартовой системы координат, носят также и онтологический характер. О них у нас уже шла речь в связи с рис. 31. Выходящую между ними линию эволюции следует представить себе проходящей во времени. В аспекте новых рассмотрений этот образ должен быть видоизменен. Верхняя его часть пусть остается двухмерной, а нижняя, мир второго откровения, вызывается к жизни иным характером соотношений трех лучей Божественного творения.

В верхней части рисунка пространство и время следует мыслить себе слитыми, поскольку там они пребывают в астрально-эфирном мире, где пространство, нисходящее из высей, превращается во время, а время, сконцентрированное в Солнце, излучает низшее, трехмерное пространство. В направлении от Земли к звездам все переживается в обратном порядке.

Переход от двухмерного, имажинативного пространства к трехмерному возможен лишь благодаря наличию времени. Во времени осуществляется развитие, и его осуществляют Иерархии. Образуется взаимосвязь многочленного человека, пребывающего в чувственном мире, с существами Иерархий, пребывающими в сверхчувственном. Все эти связи, или элементы, взятые по отдельности, бывают и одно- и двухмерными и даже нуль-мерными, но в своей совокупности они распахивают мир чувственной трехмерной реальности. При этом один принцип, принцип Отца образует как бы сквозную вселенскую ось, идущую от центра Земли, как центра материальной Вселенной, в Универсум в его чувственно-сверхчувственной реальности. Это силовая ось, действием ее в физическом теле вызывается выпрямление, прямоостояние. Вдоль нее возникает и преходит материя (181; 2.IV). Равновесное состояние всей совокупности чувственного бытия эта ось обуславливает во взаимодействии с двумя другими: с осью действия Ипостаси Сына, центробежных сил, которыми обусловлено овладение человеком

* Хотя и с земной точки зрения прямая, уходящая в бесконечность в одну сторону возвращается с другой стороны.

речью, и с осью действия Ипостаси Святого Духа, центростремительных сил, которыми обусловлено овладение понятийным мышлением.

Итак, выпрямление, речь, сознание (мышление) — такова форма бытия в трехмерном пространстве. В нем выпрямление соответствует представлению, речь — отношению представлений, сознание — идеальному единству. Троичность выпрямления, речи, сознания, в свою очередь, коренится в троичности человеческих оболочек, в которых и из которых развивается тройственная душа и троичность мысли, чувства и волеизъявления.

Попробуем выразить на рисунке, каким образом возникает переход из двухмерного в трехмерное пространство. Для этого совместим рис.31 с декартовой системой координат (рис. 72).

Три космических принципа, находясь в непрерывном взаимодействии, движении, творят форму, жизнь и сознание (см. о понятийном аппарате в гл. I). Их соотношение в двухмерном пространстве движется также и во времени, только время там дано созерцанию, как черед пространственных образов, состояний. В чувственном мире время становится формой движения, получает собственное выражение, а пространство закрепляет высшую деятельность в виде некоего триединства: формы, жизни, сознания. Действие высшего Триединства в верхней сфере протекает так, что прошлое, настоящее и будущее там сосуществуют в пространстве, как совокупность пространственных картин. В этом выражается присут-

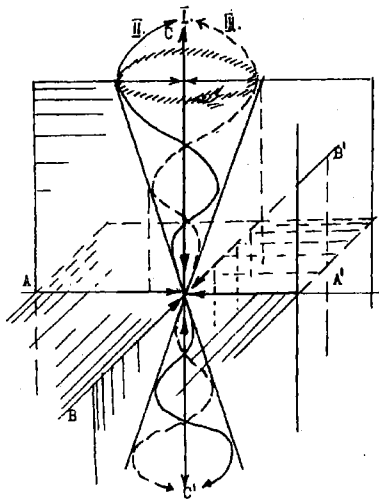

Рис. 72

ствие астрального в эфирном, а эфирного в астральном. Эфирное развивает форму жизни, а астральное дает ей облик в виде устойчивого состояния сознания. Разновременные события находятся там не в опосредованном взаимодействии, что и дает «объемность» двумерному пространству. А если в этой «объемности» подняться к созерцанию ее идеального единства, то мы окажемся в одномерном пространстве, как более высоком состоянии бытия. В человеке такое состояние можно уподобить следующему. Все наши органы обладают сознанием. Если бы мы могли входить в их сознание, то возвращение в я-сознание, где все эти отдельные сознания при-веде-

ны к единству, дало бы нам некое подобие перехода из двухмерного в одномерное пространство.

В чувственном мире сверхчувственная «объемность» переживается также двухмерной, как становление во времени. Но земное становление во времени постоянно исчезает из трехмерного пространства. Пребывающее (астральное) — идея, сталкивается здесь с многообразием меняющихся восприятий. Например, идея растения соединяется как с перволистом, так и с пышно цветущим растением. Строя отношения, идея приобретает двухмерный характер. А поскольку разные стадии роста растения не распадаются на бессвязные отдельные, но остаются в пределах некоего единого целого, то возникает третье измерение — для мыслящего сознания, разумеется, поскольку в растении его идея не объективирована вне состояний жизни. Так в чувственном мире двухмерность восходит не к одномерности, а к трехмерности.

В высшей, зодиакальной сфере астральное (одномерное) метаморфизмуется в эфирное планетарной сферы как принцип формы. Войдя во временное, этот принцип, как ставшее, потому пространственное, приходит в противоречие с временным, со становлением. Планеты своими действиями многообразно модифицируют форму. Так рождается трехмерность, как многочленный человек с его жизненными, психическими и духовными процессами. В его форме закреплена *наибольшая плотность* высшей жизни и сознания, которые образуют прафеномен человека: его идею (которую в сверхчувственном можно «видеть глазами»), поскольку духовное непосредственно присутствует в чувственном мире только в форме идей.

Звеном, связующим прафеномен с феноменом, является восприятие. Этот элемент, собственно, и позволяет нам ввести некоторую условную наглядность, которую мы представили на рис. 72. Почему условную? — мы поймем это, обратясь к царствам природы.

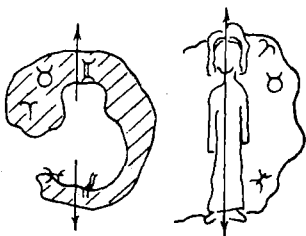
Минеральное царство получает пространственный образ благодаря тому, что первый, осевой принцип в своей тенденции, действующей в выпрямлении, всецело побежден силой тяжести. Два других принципа — эфирное и астральное минерального царства, в чувственный мир не входят, остаются за его порогом. Поэтому минеральное царство — это чувственный образ одномерного, а точнее сказать, полумерного пространства; именно образ, косвенное свидетельство, выражение, а не само пространство. Его трехмерность в минерале есть чисто математическая идея: декартова система координат. А то, что нам предстает как высота, длина, ширина минерала, — есть одно лишь восприятие. Главное в минеральном царстве — его идеальное единство. Отношение между минералами только механическое. Минеральный мир, как системный, целостный объект, есть вся физическая Вселенная, объединенная законом

всемирного тяготения, — точка. В минеральном царстве нет верха и низа, правого и левого, того, что находится спереди и сзади. В каждом атоме дано все физическое разом. Атом можно поместить в трехмерную систему координат, состоящую из трех равнозначных осей, условно, идеально сведенных воедино. И любая из осей вводит атом в одномерность, причем — через отношение состояний, а не положений.

Растительное царство пребывает в двухмерном пространстве, а точнее сказать, в полуторамерном*, поскольку сила тяжести в нем преодолевается силой роста с его тенденцией к выпрямлению. Растение плоскостно, а точнее — линейно. В нем в строении листа и во всем облике присутствует ось симметрии. Отношения в растительном мире не только механические, но и органические с главной ориентацией на источник света, на жизненный центр Солнечной системы. В растительном мире реально действует эфирно-временной принцип.

В животном царстве кроме симметрии по отношению к вертикальной оси, существует актуальное отношение вдоль горизонтальной оси (плоскости), от носа к хвосту. Благодаря этому животное обладает астральным телом и зачатками психической жизни. Но в то же время, животное поработщено силой тяжести. Тенденция к выпрямлению находится в нем на уровне растительного царства. Духовного выпрямления, стоящего в основе физического выпрямления, животному не дано. Однако наличие ощущений приводит животное в частичную связь с третьим измерением.

Вполне трехмерен только человек благодаря обладанию «я». Благодаря ему же он сверхпространствен, вырастает за пределы пространства в двухмерность, одномерность, восходя по ступеням высшего сознания. Человек тогда духовно выходит за круг Зодиака, своей головой и конечностями, как бы «разрывает» пространство, которое в силу центростремительной тенденции постоянно стремится всему напечатлеть сферическую форму. Действием этих сил слеплена человеческая голова, которую, как физическое образование. Духочеловек стремится сжать в точку надмирового пространства. И он достигает этого, когда в голове рождается идея — единство трехмерного пространства. Таким образом, животное не вполне трехмерно. Человек из трехмерности, поскольку он в ней больше не умещается.

* Мы вынуждены пользоваться такими непривычными понятиями, если хотим постигать мир в непрерывном становлении и прехождении.

возвращается в двухмерность, переживая бытие идеи. Силой Отца он низведен в мир земной тяжести — в физическое тело. Но в теле изначально заложена возможность претворить его в Духочеловека. Начало претворения — выпрямление: физическое, потом духовное.

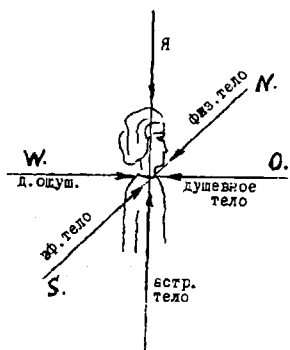

Рис. 73

Действием Сына человеку напечатлевается жизнь чувств. Отношения между «я» из пространственного превращаются в этические. Дух Святой, рождая затем самосознание, возвращает творение, как индивидуальный дух, в сферу Отца, а вернее — в сферу Троиинства. Между двумя полюсами: выпрямлением и духовным вознесением, укладывается огромная эволюция, в которой формирование трехмерного пространства идет рука об руку с развитием многочленного человека. На современном этапе развития их взаимосвязь имеет вид, показанный на рис. 73.

Рудольф Штайнер описывает эту взаимосвязь в лекции от 26 октября 1909 г. в цикле лекций, посвященном вопросам психософии (115), где речь также идет о двенадцатичленной системе восприятий чувств. Там сказано, что повсюду, где возникает восприятие внешнего мира, простирается душа ощущающая. И то, что она при этом воспринимает, есть видимость, блистание (Schein) тела ощущений. Астральная субстанция при этом что-то вытесняет и возвращает обратно. В человеке возникает взаимодействие между тем, что он имеет перед собой и позади себя. А когда два течения сталкиваются, то образуется некое скопление, уплотнение. Чувственно мы не видим этих «течений», а только их уплотнения. «Зафиксируем наше внимание, — говорит Рудольф Штайнер, — на кожном покрове: там происходит встреча души ощущающей с душевным телом. Мы видим там, как душа формирует тело» — действующая изнутри наружу душа ощущающая и действующее снаружи вовнутрь душевное тело. Так приходим мы к пониманию того, каким образом душа формирует тело.

Подобным же образом работают и другие течения. Потoki физического тела, слева, и эфирного тела, справа, при столкновении образуют «...чувственно воспринимаемого физического человека, чувственно воспринимаемую внешнюю сторону человека» (115, стр.39-40).

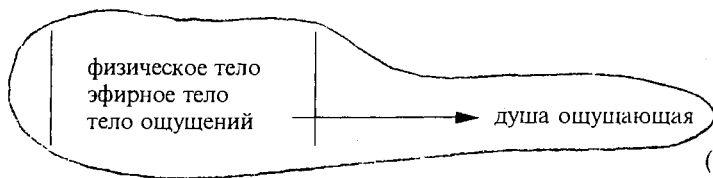
В астральном теле, кроме указанных, имеются еще два потока, идущие сверху вниз и снизу вверх. Это действуют навстречу друг другу высшее Я и собственно астральное тело. Из взаимодействия

всех перечисленных потоков образуется некое уплотнение, которое мы называем физическим телом. По сути его бытие иллюзорно, ибо стоит распасться описанному силовому взаимодействию и на месте тела ничего не останется. В мировое эфирное уйдут и астральное, и сами потоки. Останется же то, что в силовом взаимодействии образовалось как индивидуальная душа и дух.

Переходным звеном от тройственного тела к тройственной душе служит тело душевное. В «Теософии» Рудольф Штайнер пишет, что душа ощущающая, порождая ощущения, опирается в своей деятельности на эфирное тело. «И поскольку эфирное тело — это жизнь внутри физического тела, то и душа ощущающая косвенно зависит от него». Мы получаем соответствующие действительности восприятия чувств только в том случае, если наши физические органы чувств здоровы, правильно образованы. Так телесность влияет на душу ощущающую и ставит ей границы. В результате всего этого «... между физическим и, с одной стороны, эфирным телом, а с другой — душой ощущающей образуется ... тело душевное или тело ощущений. Можно также сказать, что одна часть эфирного тела тоньше, чем другая, и эта более тонкая его часть образует единство с душой ощущающей, а более грубая — с физическим телом» (9, стр.30—31. Изд. Ереван, 1990). Но душевное тело связано и с астральным телом. В «Очерке тайноведения», в главе «Существо человека», Рудольф Штайнер пишет: «Когда имеют в виду возникновение знания о находящихся перед нами предметах, то говорят об астральном теле. А то, что дает знанию длительность, называют душой. Оба они соединены до некоторой степени в один член человеческого существа. Поэтому часто их соединение называют просто астральным телом. Но в более строгом смысле слова об астральном теле следует говорить как о теле душевном, а о душе, поскольку она соединена с ним, как о душе ощущающей» (13, стр.65).

Наконец, в одной из лекций Рудольфа Штайнера мы встречаем еще такое описание: «... образующееся здесь целое — душевное тело, как внешнюю оболочку, и вдетую в него душу ощущающую — грубо говоря можно сравнить с мечом, вложенным в ножны. Для душевного созерцания это предстает как целое и в теософии называется кама-рупой, или астральным телом. Высший член физического тела (т. е. душевное тело. — Авт.) и низший член души (ощущающей) образуют здесь целое...» (53; 13.X).

Таким образом, душевное тело имеет отношение ко всем трем телам: физическому, эфирному и астральному. Мы обрели его в зоне древней Луны, когда нашему астральному телу были напечатлены зачатки души ощущающей и рассудочной. В зоне Земли все это проявилось в единстве, имеющем следующий вид:

(262, стр.75).

Единство это, как наследие древней Луны, является в известном смысле тупиковым. Мы говорили о нем еще в первой главе, когда рассматривали диалектическое единство и законченность развития в течение трех первых зонов. В зоне Земли возникшее прежде несет в себе тенденцию к бесконечному повторению.

Способность к дальнейшему развитию человека на Земле была дана благодаря одарению его искрой Я. Оно надэволюционно, из высшей обратило напечатленный эволюционно в конце древней Луны человеческому астральному телу Самодух к работе в той части астрального тела, которая стала вычленяться как душевное образование. Тогда душа ощущающая начинает сама, изнутри воздействовать на всю тройственную телесность и вызывать метаморфозы сил и субстанций, формирующих душу и дух.

Извне, навстречу душе ощущающей, из сил эволюции действует душевное тело, в первую очередь через работу органов чувств. Так возникает взаимодействие того, что на рис. 73 идет сверху вниз, с тем, что приходит со всех остальных сторон. Оно становится возможным благодаря связи душевного тела со всеми тремя оболочками.

В зоне Земли со стороны высшего Я на душевное тело, а вместе с ним и на душу ощущающую, было оказано действие, приведшее их в связь с жизненными процессами, с эфирным телом, что повлекло за собой образование души рассудочной. На этом этапе развития планета Марс пронизала планету Земля и одарила ее субстанцией железа. Обе планеты тогда находились в астрально-эфирном состоянии и полученное железо вобрала в себя человеческая кровь, также пребывавшая тогда в эфирном состоянии. В человеке стала слагаться ритмическая система: тогда Господь Ягве «вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2; 7).

В этом действии Ягве выразилось нисхождение Самодуха в Иерархию Духов Формы. На древней Луне Самодух, предупреждает Рудольф Штайнер в «Очерке тайноведения», не представлял собой чего-то особенного наряду с возникшими тогда зачатками души ощущающей и рассудочной. Обе души тогда были его выражением, а он — их высшим единством, гармонией, они являлись выражением возвышенной деятельности Духов Движения, пожертвовавших на древней Луне своей астральной субстанцией. Ими же осуществля-

лось тогда высшее единение души и духа, т.к. Духи Движения были и творцами Самодуха.

На Земле Самодух нисходит на одну Иерархию ниже, а астральное тело приходит в тесную связь с двумя другими телами и получает тенденцию, оттолкнувшись от них, начать процесс, идущий в обратную сторону, к одухотворению, получает тенденцию к образованию тройственной души. Действие Я в земном астральном теле сначала носило характер высшей творящей деятельности, пока не достигло физического тела, пока не стала слагаться центральная нервная система, головной мозг, а с ним — душа сознательная. Тогда Я пришло в связь с отдельным человеком и он обрел, сначала бессознательно, самостоятельность по отношению к духовному миру. Но еще долго Я действовало в воплощенном на Земле человеке как родовое.

Та конкретная связь Самодуха с астральным телом, которая повела к выработке души сознательной, началась с середины Атлантической эпохи, когда на смену Марсу пришло духовное влияние Меркурия на земное развитие, а вместе с ним — ртути (алхимической). Оно достигнет своего апогея, когда Земля, путем одухотворения, перейдет в пластическое состояние формы, снова взойдет на астральный план. Ртуть является единственным металлом на Земле, пребывающим в жидком состоянии. В духе алхимии Парацельса-Беме в ртути видели образ движения, жизни, вступающей в борьбу с покоем, неподвижностью (солью). Действием ртутного принципа обусловлена тенденция к образованию сферической, каплеобразной формы в мире вещественного.

Итак, в формировании пространственного облика человека действуют, в первую очередь, два потока сил. Один из них идет из прошлой эволюции, — поток эфирных сил, которые во времени продвинули человека до выработки души ощущающей — первой формы индивидуального душевного бытия. Навстречу этому потоку развития идет действие высшего Я в астральном теле, что наполняет форму сознанием и выводит ее в мир трехмерного пространства. На древней Луне пространственный мир был двухмерным и простирался до будущего зона Юпитера, который вставал тогда в предвосхищении. На древнем Солнце пространственный образ мира был одномерен, или «полуторамерен», линейен, обладал внешними и внутренними отношениями и простирался (опять-таки, в предвосхищении) до зона будущей Венеры. В зоне древнего Сатурна одномерный, точечный пространственный образ мира простирался до будущего Вулкана.

Эти взаимосвязи возникали как бы над всем тем, что зрело в недрах древних зон как будущая Земля. Потом к ним добавилось действие импульса, шедшего прямо из вечности, «перпендикулярно»

становлению пространственных отношений (в эволюции). И как равнодействующая всех перечисленных сил возникла эволюция Земли. На ней, в середине ее развития, которая приходится на середину Атлантической эпохи, временной и пространственный принципы развития достигают своей предельной полноты в материальной форме бытия, — с того момента, как человек одаряется искрой Я. В нем тогда начинает действовать, хотя еще и наиндивидуально, вся полнота тройственной души, и он принимает вертикальное положение. Триединый Бог отображается в трехмерном пространстве, поскольку творение приобретает богоподобный характер в ином.

В чем конкретно это выражается? Прежде всего, в том, что человек осознает отношение не только внутреннего и внешнего, но и верха и низа, правого—левого. «Пространство, — говорит Рудольф Штайнер, — сотканное с верхом и низом, было для него тем, что как интеллигенция господствовало в Мироздании. И, участвуя, благодаря росту вверх и вниз, в этой интеллигенции Мироздания, человек и себя чувствовал интеллигентным... А стоя спокойно и созерцая мир (через переживание левого и правого. — *Авт.*), он обретал чувство своей связи с мировым чувством. ...Через ходьбу он вступал своей волей в мировую волю». В этих трех направлениях, продолжает Рудольф Штайнер, «...людям было дано отображение тройственного Бога: Отца, Сына и Святого Духа». Но в развитии религий пониманию троичности предшествует понимание единого Бога. Оно тоже было дано через пространство, почему, например, древний раввин называл Бога пространством. Позже, когда возникло переживание времени (у Платона, Аристотеля, гностиков), в нем стали ощущать отображение единого Бога через отношение «предшествующего», как Божественного, к «последующему», как небожественному. «Монотеизм лежит в основе древнего переживания времени, — заключает Рудольф Штайнер, — основа ощущения Троицы лежит в древнем переживании пространства» (184; 20.IX).

Переход от монотеизма к исповеданию Триединого Бога длится по сию пору и не только в магометанстве, но и среди христиан. Он особенно сказывается в оппозиции церковного сознания смыслу исторического развития, в котором видят лишь процесс отпадения от Бога. И таково настроение монотеизма. Отказ от трихотомии человеческого существа является наиболее ярким выражением борьбы против Триединого Бога, борьбы против эволюции, где через метаморфозы форм бытия Бог рождает свое подобие. Именно на эволюционном пути человечество восходит от небожественного «настоящего» к Божественному «последующему» (о том же идет речь в универсалиях схоластики).

Из трех основных ингредиентов душевной жизни человека в полной мере трехмерна лишь воля, поскольку она связана с обменом веществ и с системой конечностей, с движением. Чувство рождается в плоскости, оно двумерно. Рудольф Штайнер указывает на симметричное строение человека и уподобляет жизнь чувств некой картине, которую мы рисуем на плоскости симметрии с обеих сторон. Все трехмерное, проектируясь на эту плоскость, получает двумерный характер. На ней сталкиваются между собой, приходя с разных сторон, мудрость и форма, идея и облик. Художник, живописующий на этой плоскости, не имеющей, естественно, толщины, есть сама воля. Так проявляется непространственная по своей сути жизнь чувств в пространстве. Мышление же проявляется в пространстве одномерно, как простирающееся вдоль линии, идущей сверху вниз и снизу вверх (213; 24.VI. 184; 20.IX).

Переживание пространства в индивидуальном опыте души есть нечто иное по сравнению с объективным соотношением в человеке сил, обуславливающих само возникновение жизни мыслей, чувств и волеизъявлений. Чувствующий человек по преимуществу связан с ритмической системой и образует в некоем роде разделительную линию, над которой действуют силы познания — как сверхчувственное, — а снизу — подчувственные силы воли. На вопрос: откуда приходят эти подчувственные силы? Рудольф Штайнер отвечает: «Это суть те же силы, что и силы планет, то есть для нас, находящихся на Земле, они являются силами Земли. В нас постоянно действуют силы Земли, ...они волевой природы. Силы познавательной природы, они приходят с периферии мира; они как бы изливаются извне: из внепланетного они изливаются в нас» (191; 4.X). И Рудольф Штайнер поясняет сказанное рисунком.

Зная это, было бы теперь естественно обратиться к связи мышления, чувствования и волеизъявления с Иерархиями, т. е. с их прафеноменальным, что мы и сделаем, но несколько позже, поскольку возводимое нами представление о природе пространства мы уже, так сказать,

опустили на чувственный план. Здесь феноменология мысли, чувства и воли включает в себе в некоем единстве три аспекта: индивидуальный, планетарный и звездный. В соответствии с ними возникают и три уровня формирования пространства (рис. 74).

Точка х, в которой на рисунке сходятся все три плоскости, представляет собой точку схода всех формирующих пространство сил. И это есть точка низшего человеческого «я», которое внепространственно. Однако возникает оно в пространстве и

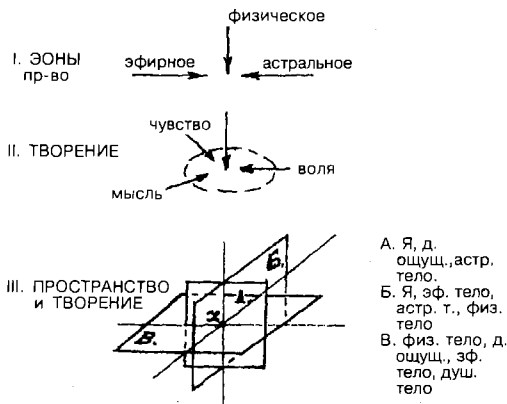

Рис. 74

существует благодаря ему, благодаря многочисленному существу человека. В нем имеет свою точку опоры и высшее Я. Точка х расположена в области солнечного сплетения (но ее можно перенести в область гортани). Низшее «я», восходя по ступеням тройственной души, достигает области 2-лепесткового лотоса (в области между бровями). Как равнодействующая двух сил: высшего Я и низшего, возникает

точка в области 16-лепесткового лотоса (в области гортани). Там и коренится связь низшего «я» с пространством, в ней «я» через звук и речь объективирует себя в чувственном мире. Если говорить детальнее, то «я» в точке 16-лепесткового лотоса «суммирует» триединую деятельность души, протекающую в мыслях, чувствах (12-лепестковый, сердечный лотос) и волеизъявлениях, и приводит ее в связь с высшим Я.

Позиция III. на рис. 74 суммирует в себе две другие, поскольку плоскости А, В, С выражают собой действие в нас мысли, чувства и воли. Эти последние имеют макрокосмическое происхождение и таково же происхождение пространства. Из пространства круга Зодиака рождается человек в пространство земного мира. Человеческое же Я происходит из еще более высокого мира, из мира Божественного Триединства, который одномерен и одновременно стоит выше того, что мы можем представить себе как одномерность («хрустальное небо»). В своей обращенности к творению Единый Бог как бы наносит на круг Зодиака космическую форму макроантропоса, образованную, с одной стороны, тремя главными ингредиентами (мыслью, чувством, волей), на которых возводятся индивидуальная душа и дух, а с другой — четверичностью того имажинативного образа человека, в основе которого коренится трехчленный человек конечностей (телец), ритма (лев), и нервно-чувственной системы (Орел-Скорпион). В этого трехчленного человека нисходит высшее Я (Водолей-Ангел), и одновременно оно нисходит в человека мыслей, чувств и волеизъявлений. Так высшее Я, нисходя из мира высшего Единства, переводит троичность мышления, чувствования, волеизъявления из надличностной сферы в троичность физического существа че-

ловека, в котором они приобретают личностный характер, а высшее Я живет как четвертый принцип.

Так возникает пространственное бытие трехчленного человека тела, души и духа. Будучи выражением высшего пространства, которое (Зодиак) двенадцатичленно, человек в каждой из своих трех ипостасей двенадцатичленен: двенадцатичленно его тело (голова — Овен, грудь — Лев и т. д.); двенадцатичленна душа, как система 12-ти восприятий чувств; двенадцатичленен дух, как система 12-ти наполняющих его мировоззрений, инспирируемых силами Зодиака. В виде некоего рода осевого принципа, через указанные взаимосвязи проходит трехмерное пространство. Все в целом имеет свой прафеномен, который дан Рудольфом Штайнером в виде рисунка (рис. 75) (201; 11.IV).

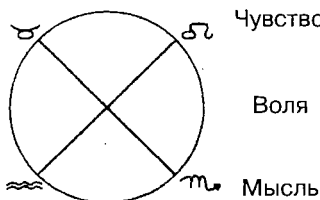

Рис. 75

Изображенное на нем следует мыслить в виде трех взаимно перпендикулярных плоскостей, где плоскость воли — это данная нами на рис. 74 плоскость А, мышление — плоскость В, чувство — плоскость С. Таково объективное соотношение между чувством, мыслью, волей и трехмерным пространством в человеке. Субъективно пространство для человека выступает как идея, объективно — как форма бытия,

бытия как многочленного человека, в котором могут изживаться мысли, чувства и волеизъявления.

Космической волей, субстанцией Престолов был рожден человек. Она и была тем «художником», который «нарисовал» человека на еще чисто духовном круге Зодиака. В индивидуальном опыте она «рисует» чувство; индивидуально-космически сверхчувственное мышление и подчувственная воля «рисуют» чувство. Некогда (достаточно определенно это выступило в зоне древнего Солнца) плоскостью чувства был сам круг Зодиака. Он отделял сферу Троицы и первую Иерархию — проводника высшего замысла — от того, что стало волей в инобытии, в творении. Своего рода итогом, квинтэссенцией инобытия ныне является планета Земля, возникшая в результате совокупного действия космических воли, чувства и мысли.

Былая плоскость чувства (круг Зодиака) переместилась в ритмическую систему человека; она отделяет голову человека от остального тела, и поэтому человек, взятый как микрокосм, может в некоем роде «просунуть» голову за круг Зодиака, в сферу изначальной Божественной мысли, которая в творении выступила как воля. Он может это сделать, восходя от предметного к интуитивному

мышлению путем внесения воли в мышление. Тогда воля, действующая в конечностях, приходит к единству с индивидуально повolenным мышлением, и человек выходит из пространства (см. направление Овен—Весы).

От начального состояния — творения на древнем Сатурне — до указанного, в известном смысле, конечного (как возвращение в лоно Божества), пролегает гигантская эволюция. В ней на первых этапах все три плоскости, изображенные на рисунке 74, слиты в одну, отделяющую сущность от явления, бытие от ничто, Я от не-Я*. Следовательно в этой плоскости пребывают одновременно и мышление, и чувствование, и воление. Они тогда принадлежат Иерархиям, не могущим нисходить ниже двухмерного пространства, которые «моделируют» их в человеке.

В процессе такой работы воля Престолов, как Духочеловек, нисходя по ступеням Иерархий, как бы «раздвинула» плоскости чувства, мысли и воли, что выразилось в движении сил по кругу Зодиака, т. е. в развитии — оно стало пространственно-временным, — которое затем перешло в сферы планет, как в форму бытия во времени и в пространстве, и, наконец, достигло Земли, образовав ее совершенное трехмерное пространство. Вслед за тем трехмерное пространство стало шириться от Земли в дали планетарных сфер и, наконец, достигло Зодиака — пространства восприятий чувств и мышления.

Раздвижение мысли и чувства волей выразилось в образовании системы циркуляции крови и дыхания. И эта воля была тем Я, которым Элоимы одарили человека, вдохнув в него «дыхание жизни».

В начале эволюционного цикла, окружающий ныне Землю небосвод был едва намечен. Он существовал лишь как разграничительная плоскость, отделяющая внутреннее Мироздания от его впервые возникающего внешнего. И та плоскость была волей Престолов, выражением воли Бога-Отца. И поскольку воля объективируется, в ней объективируются откровения двух других Ипостасей. Откровение Бога-Сына объективируется в направлении, идущем от Водолея ко Льву, а Бога-Духа — от созвездия Орла к Тельцу (рис. 75). Но если откровение Отчей воли опосредуют Престолы, то откровения Сына и Святого Духа опосредуют Херувимы. Четыре Херувима как бы держат за четыре конца план грядущего мира. При этом каждый из них имеет справа и слева по спутнику. Так образовались 12 небес-

* Восприятие, созерцание также являются бытием, и поэтому не забудем, что частично, как половина того, что образует идею первого измерения, идея пространства содержит в себе созерцание. Оно есть основание отношения пространственного и внепространственного.

ных сил, положивших основание кругу Зодиака (110; 17.IV). Внутри круга указанных сил воля Престолов сгущается до теплоты, из которой образуются сферические зачатки физического тела человека: первые сферические формы в Мироздании. Они начинают двигаться внутри двухмерного круга Зодиака, носящего чисто духовный характер, и исходящие от него силы формируют в тепловых телах зачатки органов чувств. С известным правом можно сказать, что границей сферы восприятий чувств, которая ныне обозначена кругом Зодиака, тогда являлась поверхность сферических тепловых тел. Формировавшиеся в монадах зачатки органов чувств были одновременно и зачатками органов жизни. Поэтому каждая монада представляла собой также «свернутую» в себе будущую планетную систему; ее через монады творил мир будущих звезд. В монадах это выражалось в образовании внутренних органов: когда древний Сатурн стоял в знаке Льва возник первый зачаток человеческого сердца и т. д.

На древнем Солнце и древней Луне вышеописанная работа приняла более многообразный и овеществленный характер. При этом сила, исходившая от знака Орла и оживлявшая монады, стала на древнем Солнце их убивать, что в зоне Земли привело к раскрытию, к «протыканию» органов чувств вовне. Их «проткнуло» жало Скорпиона, — так говорили жрецы древних египетских Мистерий. Внешний, предметный мир выступил перед человеком. Но зачатки познания были внесены в человеческие монады еще на древней Луне, где движение по кругу Зодиака завершилось не в Скорпионе, а в Водолее.

В целом мы получаем такую картину. В ходе предыдущих эонов в сфере неподвижных звезд формируется пространственный двенадцатичленный образ физического человека. В него вчлняются опосредованные Херувимами импульсы Ипостаси Святого Духа, заложившие в единое Отчее начало творения разделение на систему обмена монад с внешним веществом (а следовательно, метаболическую систему), систему ритма и систему нервно-чувственной деятельности; и все это — на животном уровне. Отражением того исходного состояния являются современные животные Орел, Лев, Телец. Человек выделил их из себя, преодолев в себе животное начало. Рудольф Штайнер говорит, что та же сила, которая в физическом, в воздухе, дает Орлу перья, на астральном плане ведет к образованию мыслей. Лев во всем мире животных обладает идеальным равновесием между дыханием и циркулирующей крови. Весь он, по сути, — одна грудная организация, как Орел — головная, а корова (Телец) вся — обмен веществ.

Но развитие тройственного человека стало возможным лишь во времени. Оно сопровождалось образованием внутренних органов,

выработкой автономных жизненных процессов. Поэтому внутри круга Зодиака возникла планетная система, возникли следующие соотношения:

Орел (птица Юпитера) ($\mathcal{M}$) — внешние планеты — головная система:

Лев (δ) — Солнце — ритмическая система:

Телец (τ) — внутренние планеты — система обмена веществ и конечностей.

Так зодиакальное, пространственное в своем воздействии на человека стало опосредоваться планетарным, временным и метаморфизироваться в земное трехмерное пространство обитания многочленного человека. Весь процесс метаморфоз воспроизводился Иерархиями. В нем в животный принцип было внесено чисто человеческое, индивидуализирующее начало. Так, например, когда древний Сатурн стоял в Тельце, в человеческих монадах началась выработка органов речи. Уже на Земле, в древнеегипетскую культурную эпоху действие Тельца возобновилось и позволило человеку ощутить родство между словом и волеизъявлением, деянием, поступком. Когда Земля в один из своих мировых кругооборотов стояла в знаке Скорпиона, из нее выделилась Луна, произошло разделение полов и человек получил возможность для выработки мыслящего сознания, а вместе с ним — способность принимать вертикальное положение (110; 18.IV).

Распрямляясь и начиная индивидуально ощущать, воспринимать, чувствовать и мыслить, человек стал приобщаться к миру Иерархий, входить в иную сферу бытия, которую ранее мы изобразили на рис. 6. Процесс этого вхождения, скажем, в полусферу, поскольку пространство при этом «разрывается», сопровождается выработкой в человеке собственной полусферы — полусферы тройственной души. Таков смысл рисунка, который Рудольф Штайнер дает в лекции от 26 октября 1909 г. (115) (рис. 76). Приведя тот рисунок в связь с рис. 6, мы получаем картину, показанную на рис. 77.

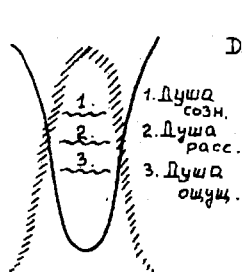

Рис. 76

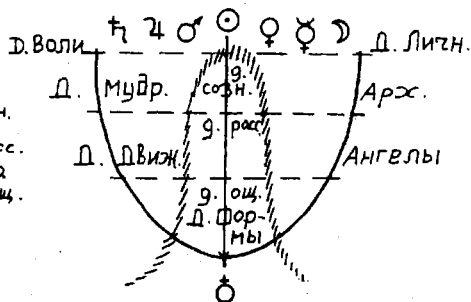

Рис. 77

В рис. 77 мы узнаем дальнейшее развитие рис. 61 и, таким образом, получаем картину взаимосвязи высшего, надиндивидуального, и низшего, индивидуального, аспектов тройственной души. Переход от одного к другому осуществляется через сферу Солнца, из которой действует Иерархия Духов Формы, одаривших человека Я. Высший аспект тройственной души пребывает в сфере существ второй Иерархии, которая действует в эфирном теле человека. Поэтому отсюда наша душа действует в теле созидающе, действует из времени.

В сферах внутренних планет тройственная душа входит в пространственное бытие, рождаемое Солнцем, и изживает себя в нем в совокупности мышления, чувствования и воления.

Различие между рис. 61 и 77 состоит в том, что на первом из них дано древнее действие планетарных сил на тройственную душу, приводящее ее к выработке я-сознания; в смене сна и бодрствования

♂ — д. созн.	д. созн.
♀ — д. расс.	д. расс.
♂ — д. ошущ.	д. ошущ.

⊙ — «я»

♀ — д. ошущ.	д. созн.
♂ — д. расс.	д. расс.
♂ — д. созн.	д. ошущ.

это действие продолжается и по сию пору. Но с овладением индивидуальным «я» человек берет развитие души в собственные руки, начинает сам идти навстречу действию космических сил, что и показано на рис. 77. Тогда, с одной стороны, мы имеем восхождение индивидуального духа (стремление ахамет, в терминологии гностиков), а с другой — нисхождение высшего, творящего импульса (Демидурга).

В сфере внутренних планет высший и низший импульсы действуют в противоположных направлениях.

В сфере Луны индивидуальная душа осязающая встречается с космическим импульсом души сознательной. В результате ее душа сознательная приходит в связь с мозгом (осуществлять их связь собственными силами человек пока не способен) и человек овладевает способностью образовывать собственные представления: воспринимать мир и творить идеи. Так возникает первый элемент идеи пространства. Второй образуется в сфере души рассудочной, где космическое совпадает с индивидуальным. Третий элемент мы получаем благодаря внесению воли в мышление, когда мышление обретает способность двигаться собственной силой. Волю эту в наше астральное тело вносит космическая душа осязающая — дар Духов Движения на древней Луне.

Развивая тройственную душу за сферой Солнца, человек действует совместно с ее космическими импульсами. Поэтому то, что между Землей и Солнцем действует как сознание в элементах мысли, чувства и воли, за сферой Солнца обретает характер жизни, что нахо-

дит свое выражение в выработке сознанием, как формой бытия, речи и в духовном выпрямлении, которое есть перводвигатель выпрямления физического. Опосредующая роль Солнца выражается в формировании «я».

Осознавая себя как планетарное существо, человек приходит к единству бытия и сознания, что, естественно, сопровождается восхождением к высшим ступеням сознания: к имажинативному и т. д. Этот процесс также идет в двух направлениях: «я» восходит по ступеням высшего сознания; в тройственную душу, а потом и в тело высшие состояния нисходят. И тогда душа сознательная метаморфизуется (субстанционально) в душу имажинации, душа ощущающая — в душу интуиции, душа рассудочная занимает среднее положение, становясь душой инспирации.

Таким образом, планетарный человек получает уже известный нам из прошлых рассмотрений вид (рис. 78).

По вертикали в нем действует сила распрямления, а вокруг нее — силы речи и поволенного мышления. Сверху вниз на человеческое существо действует высшее Я, снизу, навстречу ему, восходит сила низшего «я» и мышления, а вокруг вертикали сил действуют силы чувства и воли. В них высший принцип пространства приходит к своему выражению в низшем, трехмерном пространстве. Возникает род взаимосвязей, показанных на рис. 79.

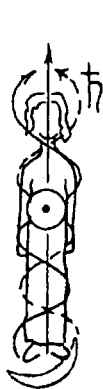

Рис. 78

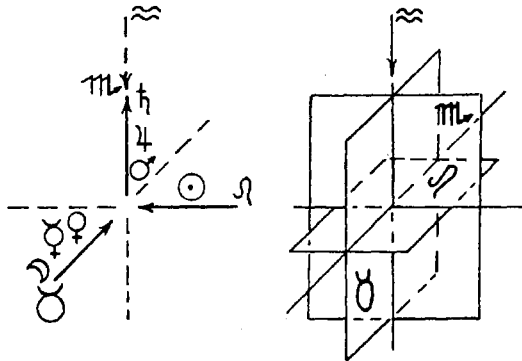

Рис. 79

Образуя пространственное существо человека, планеты встают в разного рода угловые соотношения между собой и по отношению к силам зодиакального круга. Возникает ряд пространственно-временных соотношений, обусловленных движением Солнечной системы по кругу Зодиака, чем, собственно, и вызывается формирование много-членного человека.

Основой, на которой творится человек тела, души и духа, является тройственная телесность, форма. Она, кроме того, делится на мужскую и женскую. Рудольф Штайнер говорит, что уже в круге Зодиака часть знаков — верхние семь — соответствуют мужскому существу, а другая — нижние пять — женскому. Весь круг Зодиака имеет вид мужески-женского существа, змееобразно замкнутого в круг (31б; 8.1).

Что макрoантропос вписан в круг Зодиака — это обстоятельство, несомненно, сказывается не только в физическом, но и в эфирном, и в астральном телах. В их высшей космической констелляции нам явлен первый образ Святого Грааля — тайна творения человека. У нас уже шла речь о том, что человеческий эмбрион является физическим отображением духовного вызревания человека в сфере Высшего Деваха. Теперь мы получили возможность еще с одной стороны взглянуть на этот факт (рис. 80).

Рис. 80

В аспекте мужского и женского начал Зодиак напоминает собой убывающую Луну. На пути духовных исследований тайны Грааля Рудольфу Штайнеру однажды открылось, что имя земного хранителя Грааля нанесено оккультными письменами на лунный серп. Луна в таком состоянии в меньшей своей части освещена физическим светом Солнца, а в затененной части свет присутствует духовно, его физическая часть задержана Землей. Тогда в серпе Луны, подобно Святому Причастию, хранится «просфора» духовного, эфирного Солнца. Нечто проходит сквозь физическую материю, говорит Рудольф Штайнер, «и это есть дух, живущий в солнечных лучах. Ду-

ховная сила Солнца задерживается, а не отбрасывается назад (Лунной). ...солнечный Дух покоится в лунном серпе» (149; 2.I).

Высший праобраз этого сочетания сил и являет нам круг Зодиака. Его верхние семь знаков выступают навстречу нашему созерцанию из мира высших эфирных сил, принесенных на алтарь творения еще в зоне древнего Солнца*. В оккультизме область неподвижных звезд носит название «Мистический Агнец» (см. рис. 70). Она есть сфера действия Христова начала, опосредованного Иерархией Серафимов — Духов Вселюбви, а ступенью ниже — Духами Мудрости.

Нижние пять знаков включают в себе высшее астральное. Это сфера действия Святого Духа, опосредованного Иерархией Херувимов, которые также имеют имя «Полнота Софии», а ступенью ниже — Духами Движения.

Разумеется, действие высших эфирных сил простирается и в область нижних (ночных) знаков, а астральных — в область верхних (дневных) знаков. Но имеются также основания говорить о местах их преимущественного действия. А тогда действие одних ослаблено внизу, а других — сверху. Отчее начало, как высшее физическое, опосредованное Духами Воли, объемлет весь круг Зодиака и приводит его к единству. Это сила наивысшего, вселенского Я. Ниже оно опосредовано Духами Формы. И именно им они и одарили человека. В эволюции, снизу вверх, от низшего «я» к Я высшему нас ведет Христос. Поэтому Он многократно подчеркивает, что «идет к Отцу».

В круг Зодиака вписан высший прафеномен физического человека — Духочеловек, как макрокосмическая, покоящаяся в лоне Бога-Отца форма. Человек возвращается к ней всякий раз, как после смерти восходит на Высший Девахан. Действием двух других Ипостасей Бога в физическую форму вносится комплекс эфирно-астральных сил, а с ними принцип пространственно-временной эволюции, в которой в человеке рождаются индивидуальные мысли, чувства и волеизъявления, а с ними — «я». И пока он занимается их выработкой в условиях земных инкарнаций, высшее, Божественное хранит его изначально задуманный праобраз. Он также меняется с ходом времени. Ныне он приобрел тот вид, какой мы показали на рис. 80.

На древнем Сатурне высшее и низшее в монадах пребывало в единстве. В дальнейшем Божественное Троиединство образовало направленную в сторону материального бытия четверичность сил. То, что действовало и продолжает действовать поныне, но только на высшем Девахане, как линия Серафического Импульса Христа,

* Они присутствуют и в нашем Солнце, почему оно не планета, а звезда.

разделилось надвое и, с одной стороны, образовало в человеке ритмическую систему, «дыхание жизни», а с другой — нисходит на человека в Ангельской Иерархии как индивидуальный Самодух. Иными словами, всеобщее, вселенское, мировое Я достигает человека, пройдя через опосредование Иерархиями Духов Воли, Духов Мудрости, Духов Движения и Духов Формы.

Действием, исходящим от знаков Орла (Скорпиона) и Тельца, в человеке возбуждается жизнь мышления и воли, где наравне с силами Святого Духа вновь выступает Отчее начало. Силами, идущими от Тельца, была образована система обмена веществ и конечностей. Она стала в человеке сферой пока еще спящей воли: в ней действует Отчее начало. Что прежде было Орлом, повело к выработке индивидуального астрального тела и системы нервов, головного человека. Этому, изначально Софийному принципу, внизу противостояли люциферические духи. Произошло некое низведение Божественной Софии в сферу грехопадения. Знанием о двойном аспекте Софии обладали гностики Валентин, философ Вл.Соловьев; причудливо, со следами декаданса оно отразилось в творчестве Александра Блока.

София-Изида-Мария рождает Божественное Дитя. Этот образ мы находим у Рафаэля. Но Орел, ставший Скорпионом, есть антипод Святого Духа: Ирод в земном измерении. Он порождает в человеке низшие, эгоистические вожеления и тем сгущает материю! София-Мария становится Майей — духом, сгущенным до вещества, недухом. И в этот мир иллюзии открываются органы чувств дитяти человеческого. Отчий принцип, физическую форму, Люцифер заполняет веществом, материей, и в ней, благодаря вожелениям и восприятиям, формируется душа ощущающая. От нее начинается движение вверх, к душе рассудочной (см. табл.5): через человека преодолевается то падение космических сил, которое совершилось в созвездии Орла еще в зоне древнего Солнца. Через человека должно совершиться примирение Духа Мудрости с Духом Любви, для чего необходимо не дать жалу Скорпиона проникнуть в душу рассудочную, коренящуюся в индивидуальном эфирном теле. Достигается это путем высветления астрального тела, восхождения от души ощущающей к душе сознательной, в которую тогда нисходит Самодух, исходящий от преображенного Скорпиона — от Орла, от Софии.

Божественная София низвела в виде голубя Жизнедух Христа, Христа как Я-Водолея (поэтому Иоанн Креститель стоит в знаке Водолея и крестит водой) в тройственное тело Иисуса из Назарета. В шестой, славяно-германской культурной эпохе люди будут создавать общины, пробразом которых является чаша Грааля, и в них будет в оболочке Самодуха-Софии нисходить Жизнедух-Христос. София преобразит душу сознательную в душу имажинации, и тогда

Жизнедух низойдет в душу рассудочную, на Земле возникнет новая социальность — община Христа, община Буддхи.

Таков макрокосмический Грааль и его действие в человеке. Образ его мы находим и в растительном царстве, когда созерцаем чашечку цветка, наполненную световым и тепловым действием Солнца. Это уже живой символ Грааля

в его планетарном аспекте, который является в некоем роде производным от звездного его аспекта (рис. 81). Макрокосмический и планетарный Грааль соотносятся между собой как внутреннее и внешнее, как сущность и явление. Их соотношением рождается пространство.

Что в Зодиаке, как всеобъемлющий принцип, выражает Ипостась Отца, то в планетарном Граале образует его центр — Землю*. Ведь физическая Земля есть не что иное, как древняя воля Престолов, перешедшая *без развития* в 4-й эон. Духовная сила Солнца, покоящаяся в лунном серпе, ведет свое происхождение от дара Духов Мудрости, лунный серп — от дара Духов Движения.

Таким образом, мы приходим к выводу, что Грааль трехаспектен, и он поистине есть «странствующее причастие», «Ганганда Греида» средневековых христиан-окультистов (см. ИПН. 149;1.1), осмысленный образ эволюционного «странствия» Божественной Троицы сквозь пространство и время. И он есть образ творимого человека. Макрокосмический андрогин, высший прафеномен человека покоится в зодиакальном Граале. Через сферы планет в Святой Чаше Духа нисходит к Земле Божественное Дитя и становится Сыном Человеческим. Силой Его нисхождения человек в своем земном воплощении размыкает зодиакальный круг, превращает его в прямую линию, «вдоль» которой течет ныне индивидуальное стремление к духу, к небесному Граалю, который в будущем станет возноситься все выше и выше. Уже теперь нет смысла искать его на Земле, в материальных условиях. Вместе с тем и братство служите-

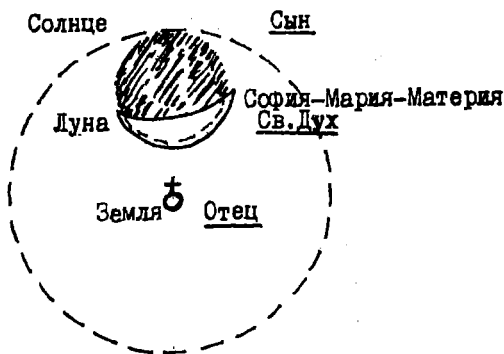

Рис. 81

* Но в земном эоне незримо уже присутствует будущий эон Вулкана, как 8-я сфера, внешнее очертание которой образует Луна своим движением вокруг Земли. Наивысшему противостоит самое низшее: намерение Аримана породить в этой сфере свой, подматериальный мир.

лей Грааля — а им должно стать все человечество — соединяется вокруг святыни в духе.

Устремленностью к Граалю человек преодолевает древнее грехопадение, свою животную природу. Из змеи (символ Мудрости,

а не райского змея; райский змей — это падшая мудрость, обращенная на вещественное, абстрактный раскусудок), кусающей свой хвост, состояния необычайно высокого, но в котором человек остается всего лишь автоматом высшего порядка, он превращается в прямиостоящее существо, человека Земли со свободной волей, и, как таковой, он сам есть последний осмысленный образ Святого Грааля. И вид его таков (рис. 82):

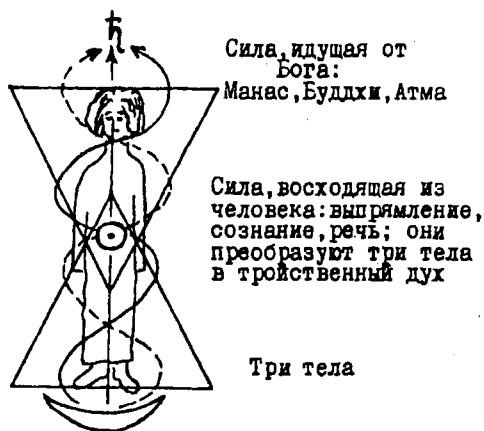

Рис. 82

Верхний треугольник сил не просто нисходит в человека, он «тянет его вверх»: в нижнем треугольнике совершается преодоление сил тяжести. В зоне наложения треугольников рождается индивидуальное «я». По мере развития оно восходит до области 2-лепесткового лотоса. Нисхождение тройственного духа преобразует, со своей стороны, все три оболочки человека. Поэтому в некоем конечном состоянии оба треугольника образуют правильно построенную гексаграмму, у которой теперь есть седьмой элемент — вертикальная ось. Такая гексаграмма выражает многочленного человека трехмерного пространства.

Двенадцатиричный круг космических сил образует в земном человеке вертикаль силы выпрямления и одновременно — двенадцати-членное физическое тело. Кольцо Мудрости, в которое был «свернут» космический человек, в земных условиях распадается на две силы: Мудрости и Любви. Одной из них вырабатывается речь, другой — сознание. Они же являются первоисточниками образования индивидуального эфирного и астрального тел.

В своем высшем, идеальном праяобразе человек переживает состояние исполненного мудрости пребывания в вечности. Змея, кусающая свой хвост, символизирует некоего рода «вечное возвращение» (Ницше). В этом пребывании нет времени и нет развития в нашем

понимании*. Двенадцать сил, расположенных по окружности, лишь в ином, в инобытии способны прийти ко взаимодействию по принципу метаморфозы.

Когда прафеномен человека размыкается, возникает феноменология бытия и сознания. Что прежде двигалось лишь по кругу, возвращаясь к себе, начинает двигаться по спирали, простирающейся от неподвижных звезд до Земли (см. рис. 31). Долгое время силы двигались вдоль этой спирали лишь сверху вниз, — пока внизу не было порождено самобытие, а тогда началось их возвращение к себе, но с некоторым результатом: с самосознающим человеком. Этот принцип и выражает собой человеческий Грааль.

Возвращаясь после смерти на Девахан, к своему космическому прафеномену, человек всякий раз привносит в него нечто от действия сил, восходящих от индивидуального к космическому. Когда-то прафеномен и феномен (индивидуальность) станут равнозначны — человек обретет достоинство иерархического существа. Он образует Иерархию свободной любви. Рис. 31 дает нам, до известной степени, наглядный образ особого становления этой Иерархии. Приведя его в связь с рис. 73, мы получим возможность охватить пониманием метаморфозу высшего, деваханического пространства в низшее — трехмерное. Основа и сам результат этой метаморфозы — многочленный человек.

Из сопоставления двух указанных рисунков (добавим к ним еще рис. 79) можно увидеть, что соотношение физического и эфирного тел в человеке образовано соотношением принципов Бога-Отца и Бога-Сына, перенесенным в трехмерное пространство, астрального тела и Я соотношением принципов Бога-Отца и Бога-Духа. Что на рис. 74 дано как плоскость воли, есть, по сути, земная проекция круга Зодиака (рис. 80). Сопоставим оба положения (рис. 83), и мы поймем, как высшая троичность превращается в четверичность действующих в земном пространстве сил.

Плоскость сил воли, действующих в человеке, будучи двухмерной, заключает в себе принцип трехмерного пространства благодаря присутствию в ней всех трех Божественных Ипостасей. Прафеномен этой плоскости — круг Зодиака (рис. 80). В круге Зодиака три Ипостаси пребывают в состоянии покоя — лишь только в пространстве.

Само пространство там является отражением (выражением) запредельного бытия Триединства. В творении, в инобытии действие Божественных Ипостасей входит во время и здесь, оставаясь единством, они образуют три абсолютных импульса развития. Будучи сами ничем не обусловлены, они в тварном мире обуславливают

* У этого символа есть и другие значения.

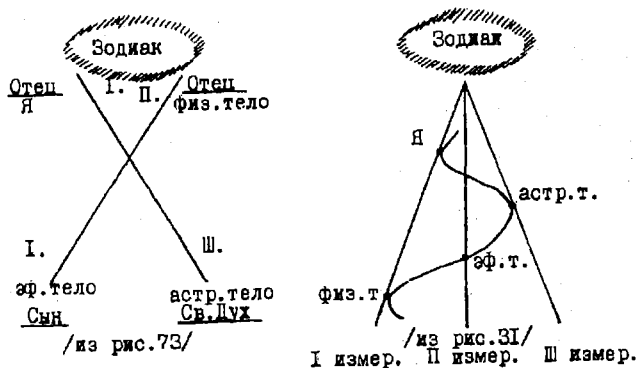
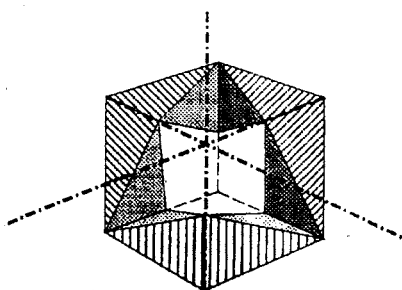
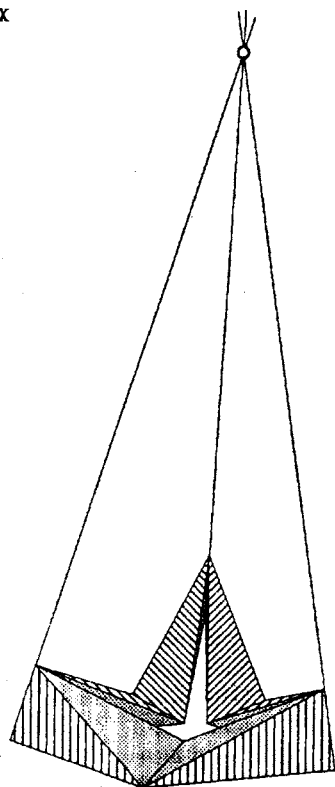
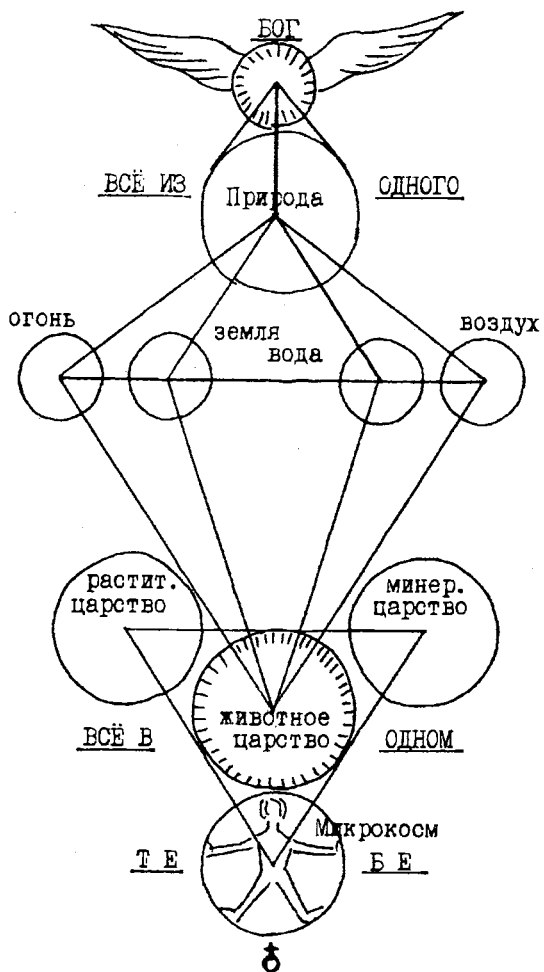

Рис. 83

все. Отражением их единства в человеке является воля, троичности — четырехчленный человек физического, эфирного, астрального тел и Я (рис. 83, левая часть). Этот последний возник во времени и существует в пространстве. Такое стало возможным благодаря тому, что Триединство, войдя в земное пространство (плоскость воли, рис. 74), продолжило свое действие во времени. И тогда возникли две другие плоскости, плоскости человеческого существа. Христово начало, действующее со стороны эфирного тела, образовало плоскость чувствования. Святым Духом, даровавшим нам через Духов Движения астральное тело, образовалась плоскость мышления. Поэтому чувство — это отношение Отца — Сына, мысль — Отца — Святого Духа. Так и в пространственно-временном мире сохраняется Триединство. Отчая воля рождает и чувство, и мысль, но силою Сына и Святого Духа, о чем много говорит Сам Христос, особенно во второй половине Евангелия от Иоанна.

Совершенно наглядным переход троичности в четверичность делает так называемая модель выворачивающегося куба, разработанная Паулем Шатцем. В ней куб образован подвижной взаимосвязью шести тетраэдрических тел. Три грани куба снабжены длинными осями. В исходном положении они образуют декартову систему координат, основу четверичности, а значит — и куба. Начнем двигать эти оси (см. рис.). Форма куба начинает проходить через весь ряд так называемых платоновых тел, а точка пересечения осей — удаляться от них. Можно представить себе, что эта точка движется от одной планетной сферы к другой и обладает творящей силой. Она одновременно напоминает точку скрещения осей зрения на предмете в акте его зрительного восприятия или осей мышления при концентрации мысли; наконец, подобное же происходит при сверх-

чувственном, имагинативном восприятии, где скрещиваются два луча астральной субстанции, исходящей из 2-лепесткового лотоса.

Метаморфоза куба в ряд платоновых тел представляет собой наглядный образ «искривления» трехмерного пространства и переход его в двухмерное. Действие под углом 90° представляет собой некоего рода основной закон существования трехмерного пространства. Изменение этого угла есть изменение закона. Можно представить себе три оси как три творческих принципа, которые, меняя угловые (силовые, субстанциональные) соотношения между собой, создают различные уровни бытия.

Принцип перехода троичности в четверичность был известен средневековым розенкрейцерам. Они выразили его в одной из фигур в своем альбоме, изданном в 17 веке*. Из Божественного (Зодиак) исходит тройственный импульс в виде трех осей, о которых у нас идет речь, начиная еще с анализа иконы Андрея Рублева «Троица». Претерпев метаморфозу в алхимической лаборатории Природы, этот импульс выступает в четверичном мире как четверичность, в виде четырех элементов: воздуха, воды, земли и огня, составляющих эфирно-вещественное начало четырех царств природы. Но сами царства есть производное от человеческого существа. Бог из Троиинства творит человека, а не царства природы. Эти последние возникают как «побочный» эффект при переходе высшего самосознания в объект, в низшее — Я в «я». Четверичность земных царств своей вершиной имеет человека-духа, затем коренящееся в нем душевно-психическое проецируется в его животную природу, объективируется в животном царстве. И именно в этой линии: духовное — душевное — психическое — инстинктивное (животное) сходятся к единству в ином четыре эфира. Сложное эфирное, как единство, как четвертый принцип, присутствует в триединстве физического, эфирного и астрального тел человека. А в результате возникает многочленный человек в трехмерном пространстве.

Круг Зодиака — животный круг, в нем принцип жизни (эфирное) соединен с психическим (астральным) началом (мужески-женское). На Земле все неживое произошло из живого, все инстинктивное — из высшего сознания. И все произошло из человека и через человека. В эволюции мира существуют два полярно противоположных единства: Божественное и человек, как микрокосм. Чувственный мир есть некоего рода развертка, объективации человеческого существа и: объективация Мирового Существа через человека. Также и

* *Geheime Figuren der Rosenkreuzer* (aus dem 16-ten, 17-ten Jahr) Генриха Матануса. Переизданы в 1988 г. во Фрайбурге.

обратный путь природы к духу протекает через человека, которым «спасается» всякое творение.

На пути объективации высшее Триединство метаморфозируется в человеке и через человека в четверичность, в пятеричность (пентаграмма; микрокосм), в шестеричность (гексаграмма; символ Грааля), семеричность (цикл метаморфозы: $3+1+3$ или $4+3$) и, наконец, в двенадцатеричность (Зодиак, время, пространство, восприятия чувств и т. д.).

Человеку до поры до времени не дано созерцать пространство, ибо тогда он непосредственно узрел бы Самого Бога. Нам сначала дано созерцать творение Божие и постигать заложенную в нем Божественную Мудрость. Христом рождаются отношения. Мы переживаем мир в единстве. Поэтому лишь отпавшее от бога естествознание с неизбежностью приходит к релятивизму и агностицизму. Посылая к нам Духа Святого, Христос ведет нас к Отцу, к Всеединству, через внесение воли в мышление, что на первом этапе пути к одухотворению дает *понимание* Всеединства. Восприятие мира, опыт дают науку и искусство; переживание единства мира дают религия и искусство; познание Всеединства дает Духовная наука; восхождение к Всеединству осуществляется через науку посвящения.

2. Человек, пространство и духовные существа

БУДУЧИ ЯВЛЕННЫМ ЧЕЛОВЕКУ как идея, но в своей онтологической сути, пространство есть совокупность постоянно взаимодействующих друг с другом духовных существ. В мире неподвижных звезд — это 1-я Иерархия. Лишь существа 1-й Иерархии лицезреют Бога. Между ними и Триединым Богом возникает отношение внутреннего и внешнего. Проецируясь в мир планет, отношение принимает характер, если не противоречия, то все же отношения сил, действующих в противоположных направлениях. — Ряд внешних планет противостоит ряду внутренних (по отношению к Солнцу) планет. Противоречие между ними снимается деятельностью Солнца. Солнце — звезда, оно образует отношение, которое в планетной системе вызывает метаморфозу одних сил в другие.

Наконец, действие высших сил переносится в человека, и в нем они приходят в отношения, показанные на рис. 79. Там их тройственное взаимодействие рождает нечто четвертое — индивидуальное «я». Это последнее берет на себя функцию, исполняемую в планетной системе Солнцем: осуществляет метаморфозу породивших ее сил. Оно, правда, еще не имеет сил, чтобы творить субстанционально, поэтому оно исполняет роль посредника в действии суб-

станционально творящих сил, которые как бы создали нечто, препятствующее их идеальной деятельности, и постепенно передают ему свою роль.

Препятствие образует некоего рода «вихрь» в центре действующих на него сил, некоего рода «смерч», рожающий целый ряд взаимосвязей и противоположностей. Три космически-планетарные силы, будучи опосредованными «я», рожают три противосилы в мире трех измерений (см. рис. 84, пунктирные линии). Действие Солнца, отступая от центра на периферию, приводит к тому, что действие астрального мира внешних планет метаморфизуется в силовые потоки человеческого астрального тела, вступающего в противоречие с высшим, благодаря чему и рождается мышление.

Действие эфирного мира внутренних планет метаморфизуруется в эфирное, а затем в физическое тело человека; из их противостояния со временем рождается индивидуальная воля. Наконец, само Солнце, осуществляя общий синтез действующих из Космоса сил, рождает в человеке первый ингредиент индивидуальной жизни — душевное тело (см. рис. 73). Вплоть до этого момента «я» действует силой высшего Я (т. е. бессознательно), однако в душевном теле рождаются индивидуализированные ощущения. А когда возникают чувства, душевное тело рождает свою противоположность — душу ощущающую.

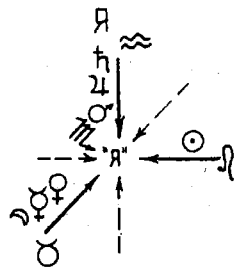

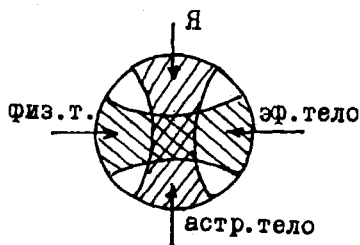
Рис. 84

После того «я» начинает набирать силу и рождает душу рассудочную и сознательную в плоскости индивидуальной воли, где все опять принимает двухмерный характер (рис. 76, 77), поскольку индивидуальной душой и духом человек выходит из трехмерного пространства (рис. 77)*. Но пока он остается в этом мире, взаимодействие сил, не только внутри человека, но и во всем его окружении, совершается вышеописанным образом. Из сообщений Рудольфа Штайнера известно, что в образовании всей Земли в направлении с юга на север преобладает действие эфирных сил, а с севера на юг — физических. Поэтому большая часть континентов сосредоточена в северном полушарии. А групповые души, говорит Рудольф Штайнер, которые одарили человека речью, действуют с запада на восток. Они вызвали движение человечества из Лемурии в Атлантиду, чем было порождено действие тех сил в человеке, которыми была сформирована гортань (115; 27.X).

* Напомним, что индивидуальное овладение тройственной душой следует отличать от тройственной души, дарованной Духами Движения и Духами Формы, опосредующей действие свыше Самодуха на индивидуализирующееся астральное тело человека.

Затем человечество вновь двинулось на восток, в эпоху великого переселения народов из Атлантиды, благодаря чему люди обрели способность образовывать представления. Движением с востока на запад в течение пяти послееатлантических культур была завоевана сила, способная образовывать понятия в тройственной душе, и человек, в известной мере, эмансипировался от действия планетарных сил. В шестой культурной эпохе овладение Самодухом будет в некоторой мере связано с движением культурного импульса на восток. А ежели этому движению помешают и направят его в противоположном, западном направлении, то это исказит всю конфигурацию индивидуального человеческого духа. Тогда правильная его выработка станет уделом лишь немногих людей, способных применить к своему развитию науку посвящения.

Действием указанных сил формируется и физическое тело человека, физический облик. Душой ощущающей, но еще той, что действует из Космоса, от Духов Движения через Самодух, изнутри наружу строится человеческое лицо. Поэтому оно является зеркалом души. А, например, человеческое сердце с его четырьмя камерами строится взаимодействием четырех сил (115; 26.X): исходящих из трех

тел и высшего Я. Аналогичным образом построены органы чувств, а также все остальное в человеческом облике и организме. Поэтому все в нем подвижно, и весь человек не только в душевно-духовном, но и в физическом, есть процесс. Его гармоничное протекание составляет основу душевного и телесного здоровья; нарушение гармонии, главным образом вследствие ослабления деятельности «я», его взаимосвязи с высшим Я, ведет к болезням. Например, ослабление эфирного тела (одного из эфиров) вследствие чрезмерно эгоцентрической и неупорядоченной деятельности души ощущающей может привести к желчно-каменной болезни; чрезмерная активность астрального тела, хаотизирующая деятельность «я», вызывает разного рода воспаления. А поскольку миры эфирных и астральных сил состоят из существ, то в человеке имеет смысл говорить о соотношении существ.

Определенную роль наполняющие его существа, не иерархического порядка, играют и в пространственных отношениях. Это главным образом люциферически-ариманические существа. Вдоль плоскости, разделяющей человека по оси симметрии, люциферические существа подступают слева, а ариманические — справа. Они воюют здесь через наши мысли, а также во внутренних органах и в

восприятия чувств. Противостояние Люцифера, действующего спереди, Ариману, действующему сзади — иного рода. Между ними остается некоторое свободное пространство, где человек развивает жизнь чувств, в которых может принадлежать себе. В сфере воли действие Аримана идет снизу вверх до грудобрюшной преграды, Люцифера — сверху вниз до основания черепа. Свободное от этих духов пространство в человеке называется «кубом Ягве», куда он вдохнул «дыхание жизни» (158; 20.XI).

Все указанные соотношения, исключительно важны для понимания природы мыслей, чувств, волеизъявлений и феномена «я», они играют существенную роль и при возникновении трехмерного пространства. Сами Иерархии, как чисто духовные существа, не могут непосредственно вступать в трехмерное пространство, в материальный мир. Поэтому в ходе эволюции, по мере оплотнения материи ими был создан мир вторичных богов. Этим, ариманическим антибогам была поручена задача консолидации материи. А поскольку первопричиной сгущения материи послужило внесение эгоцентрического принципа в астральный мир, то еще ранее возник мир люциферических антибогов.

По сути говоря, все Иерархии разделены натрое с тех пор, как откровение Триединого Бога в круге Зодиака получило тенденцию к нисхождению из двухмерности в трехмерность. При этом в высших Иерархиях разделение носит условный характер, но чем ниже уровень бытия и сознания, тем более решительный, непримиримый характер принимает противостояние люциферических и ариманических иерархических существ, вынужденных в той или иной мере отстать с введением в эволюцию факторов времени и пространства. Самое большое противостояние между ними — в третьей Иерархии. И именно здесь противостоят один другому мир физических и мир эфирных сил (см. рис. 84). Это противостояние слабее в сфере внешних планет и еще слабее — в сфере неподвижных звезд.

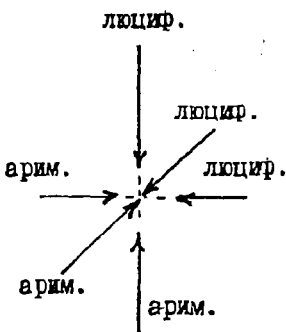

Рис. 85

Люцифер и Ариман противостоят Иерархиям и друг другу. Расстановка сил в трехмерном пространстве имеет вид, показанный на рис. 85.

Существа люциферического и ариманического рода воздействовали на человека еще в эпоху древней Лемурии, когда он, находясь в состоянии человеко-животного, еще не принял вертикального положения. Однако уже и тогда в человеческом существе были вполне определенно дифференцированы система конечностей, ритма и

нервно-чувственная система. В последней из них действием Скорпиона-Люцифера органы чувств были «проткнуты» во внешний мир, и человек начал постепенно развивать мышление, чему, с другой стороны, способствовала деятельность Аримана, формировавшая предметный мир материи и физический мозг человека. Одновременно высшей силой, солнечной деятельностью в человеке развивался дар речи.

Как равнодействующая сил мышления и речи возникла силовая линия выпрямления. В качестве опосредующего звена в деятельности всех перечисленных существ выступили элементарные духи: гномы, ундины, сильфы, саламандры (230; 4.XI), (рис. 86). Первопричиной же выпрямления явилась, естественно, деятельность высшего Я, шедшая из знака Водолея и опосредуемая Духами Формы, а потом существами третьей Иерархии.

В целом процесс выпрямления совершался следующим образом. В начале его человек был обращен конечностями вверх, а головой направлен к центру Земли. На этой стадии он напоминал собой нечто среднее между растением и животным. Его физическое бытие

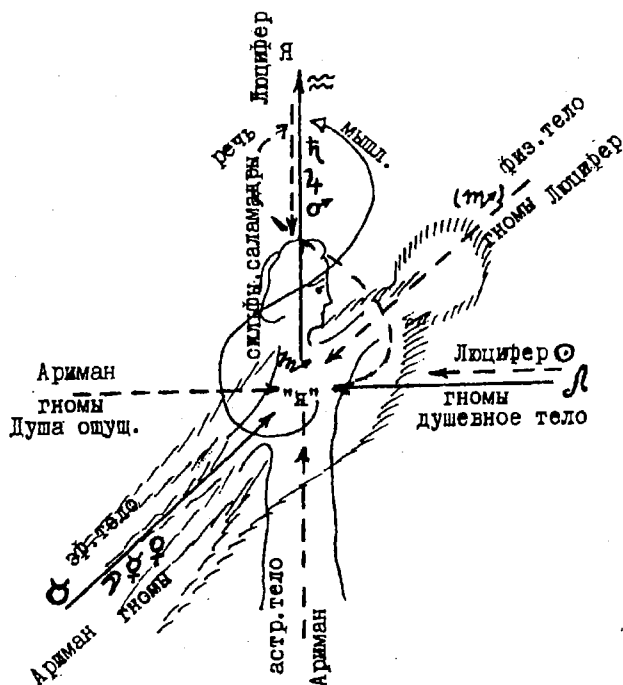

Рис. 86

напоминало некий мираж, колеблющийся между двумя и тремя измерениями пространства (рис.87, I). Земля и Солнце тогда составляли одно космическое тело. С выделением Солнца человек принял горизонтальное положение (рис.87, II) и как человеко-животное более определенно вошел в пространство материального мира. Но в полной мере пространство сформировалось после выхода из Земли всех планет и Луны.

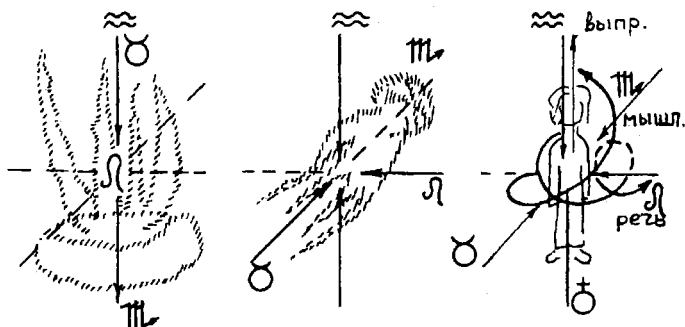

Рис. 87

Поскольку человек формировался в ходе не одного, а многих оборотов Солнечной системы внутри круга Зодиака, то линии образования речи и мышления следует представить себе в виде неких спиралей, движущихся в разных плоскостях (рис. 87, III).

Такова общая картина, дающая нам представление о человеке пространственном. Из шести сил, образующих его, три носят характер перводвигателей. Это эфирные силы, силы высшего Я и силы душевного тела. Три других силы — производные: силы физического и астрального тел и силы души ощущающей. Вслед за ними возникают еще более высокие силы человеческой индивидуальности. А в целом мы получаем двенадцатичленного человека не только в отношении его физического тела или восприятий чувств, но как полное содержание трихотомии тела, души и духа.

О каждой двенадцатиричности следует говорить особо. Например, двенадцатиричность физического тела является результатом действия, в первую очередь, Отчего начала. Трехчленный человек есть отображение трехипостасного Бога. И как Бог открывает себя в четверичном бытии трехмерного мира, так и трихотомия человеческого существа приобретает четырехчленный характер. В простейшем выражении это три тела и «я»: «квадрат» Божественного творения — по аналогии с «кубом Ягве». Далее четверичность разворачивается в полноту двенадцатичленного существа человека, как **ким** он возникает в пространственно-временных отношениях, если

на них смотреть из круга Зодиака, т. е. из высшего астрального, которому и во временном соответствует 12 планетных сфер (см. табл. 11).

Внутри двенадцатичленности Божественное Триединство, творя «по образу и подобию» своему, создало трехчленность тела, души и духа, а на их основе возник четвертый элемент — дух, также трехчленный по своей природе. При этом мы имеем в виду не Манас и т. д., а дух индивидуального «я». Его ступени суть следующие: душевное тело, «я» и высшее Я (табл. 13).

Именно в этом, четвертом, элементе заключается все дело, когда творение принимает пространственно-временной характер. Только на сопряжении физического, с одной стороны, и эфирного и астрального тел — с другой, могло образоваться душевное тело — первая форма индивидуального бытия. Далее развитием тройственной души в человеке формируется индивидуальное «я». Благодаря тройственному духу человек достигает своего высшего Я. В посвящении ступень, где «я» соединяется с Я носит название «единения микрокосмоса с макрокосмосом»; она следует за ступенью интуиции и является четвертой по счету, если не считать приготовления. Лишь там человек приходит к великому синтезу всего того, что возникает в ходе семи эонов творения. Лишь там он окончательно выходит из временного становления, из пределов круга Зодиака, ведет бытие там, где пространство есть чистый дух.

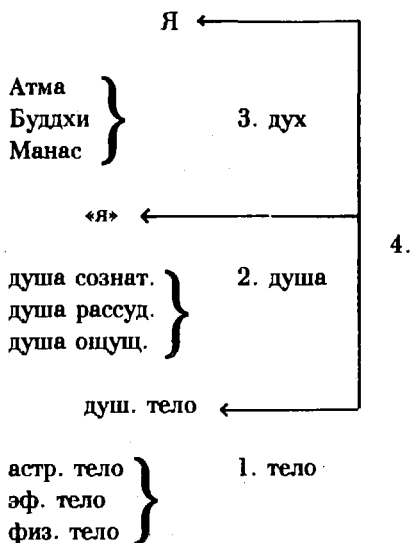

Табл. 13

3. Эзотерическое содержание категорий пространства

ЕЩЕ ОДНА СУЩЕСТВЕННАЯ ГРАНЬ познания пространства раскрывается при рассмотрении его в аспекте единства бытия и сознания. Для этого мы должны еще раз обратиться к духовно-научному воззрению на эволюцию, на семь эонов творения. Они образуют семь основополагающих ступеней той метаморфозы, выше которой

нет ничего в нашем цикле творения. Этим определяется основной закон эволюции человека, мира и всех существ, как чувственных, так и сверхчувственных, в пределах семи эонов. Он гласит: *во Вселенной эволюционирует все, и все эволюционирует путем семиступенных метаморфоз.*

Далее встает вопрос о том, что является главными движущими силами в эволюции, какими силами, принципами вызывается в творении процесс метаморфоз? Обычно в этой связи в Духовной науке говорится об Иерархиях и о подчиненных им духовных существах. Но нас интересует еще нечто другое. Поскольку мы говорим о единстве бытия и сознания, а именно такая постановка вопроса включает каждого из нас, как самосознающее «я», в мировое бытие, то выделение всеопределяющих и первоначальных движущих сил оказывается неразрывно связанным с проблемой категорий.

Онтологический ряд категорий, предложенный Аристотелем, по сию пору выступает в философии в роли своего рода историко-философского памятника. Никто не задумывается над принципом их выведения, довольствуясь одним абстрактным, которое не мешает другим философам выдвигать свои ряды категорий и вообще размывать их границы.

После Аристотеля наиболее значительный вклад в учение о категориях сделал Гегель. Как диалектик, он выдвинул три категории: бытие, сущность, понятие (мы приводим их без раскрытия, которое им дает Гегель). Кант в ряд категорий возвел такие понятия, как качество, количество, отношение (субстанция и свойство, причина и действие), модальность (возможность и невозможность и т. д.). После Гегеля и Канта отношение к категориям, как в чистой философии, так и в философии науки, становится все более произвольным по причине ослабления самой техники мышления, а также все большего отдаления от познания критериев выведения категорий. В экзистенциализме, например, к категориям отнесены (философски не корректно) заботы, чувство страха; общенаучными категориями материализма являются информация, саморегуляция и др.

Гегель считал категории порождениями абсолютной идеи. Его логика является учением о категориях. Для Канта они были априорными, неизменными формами рассудка, упорядочивающими опыт и раскрывающими природу не вещей в себе, а самого познающего субъекта. В то же время, в подходе к категориям как Гегеля, так и Канта, в какой-то мере еще сказывается учение высокой схоластики об универсалиях. Оно же, в свою очередь, восходит к тому переживанию интеллигибельного мира, которым, пусть и ослабленно, но все же обладал Аристотель, создавая впервые учение о категориях. По этой причине правомерно исследовать параллели

между его философией и чисто эзотерическими учениями об идеях, правомерно сравнивать десять категорий Аристотеля с десятью зефиротами древнееврейской каббалы. И те и другие имеют отношение к интеллигибельному миру, как к миру мыслесуществ.

Рудольф Штайнер, прослеживая возникновение аристотелевских категорий, говорит, что тот извлек их из слов. Слово, как дар Гениев речи, Архангелов, вначале приходило к людям в элементе воли из высокой сферы интуиции. Такое слово несло не смысл, а действие, обладало магической силой. Позже, по мере овладения человеком индивидуальной сферой чувств, Архангелы стали творить речь из сферы инспираций. Тогда слова стали выражать человеческие симпатии и антипатии. И, наконец, слово начинает апеллировать к индивидуальному я-сознанию, нести в себе смысл, мыслительные категории, поскольку начинает приходиться из сферы имагинаций, где обитают мыслесущества (224; 4.VII).

Когда человек начал мыслить, он начал создавать свой новый мир, состоящий из сети понятий. Все понятия обладают бытием. Но формы их бытия различны. То, что творит человек своим миром понятий, это в имагинативном мире является мыслесуществами элементарной природы. Таковы категории экзистенциализма, отдельных наук. Они, по сути, — лишь понятия. Возведение их в ранг категорий — не более, чем произвол рассудка. Они действительно, как утверждает Кант, характеризуют структуру познающего субъекта, упорядочивают опыт — на его низшей ступени. Нет никаких оснований объявлять их неизменными формами мышления, чего, надо сказать, современная философия науки и не делает. Для нее категории умерли, как в свое время умерли боги для имагинативного сознания греков, а потом германцев.

Кант же совсем из других оснований говорил о неизменных формах мышления — главным образом, опираясь на собственный опыт сильной техники диалектического мышления, способного автономно жить в понятиях, за счет их самодвижения при полном отвлечении сознания от всего чувственного. В еще большей мере такой способностью обладал Гегель. В интеллектуальном предчувствии он восходил даже до переживания единого первоисточника мира идей, до абсолютной идеи, в кругу «приближенных» которой он и искал свод своих категорий.

Любопытную деталь содержит в себе взгляд экзистенциалистов на категории. Они у них весьма своеобразно вновь приобретают онтологический оттенок за счет совершенно инстинктивной попытки соприкоснуться понятиями с чувственной сферой, за которой стоит мир *инспираций*. Слово в нем обладает природой *чувство-существа*. Достоин сожаления, что эта попытка не была доведена до конца по причине ослабления техники мышления, я-сознания мыслителей это-

го направления. Впрочем, трудно представить себе, какого рода успех мог бы быть здесь достигнут, поскольку прежде необходимо сознательно войти в имажинативный мир мыслесуществ, что достигается с переходом от диалектического к имажинативному мышлению, с переходом от формальной к имажинативной логике, к созерцающему суждению.

Итак, в Иерархии духовных существ нам предстоит, по сути, мыслесущества. Из них наиболее непосредственно нам дан мир элементарных мыслесуществ. Мы отчасти сами являемся его творцами. Но над ним стоит мир высоких мыслесуществ, доступ к которым мы получаем через Архангела речи. И это суть категории. Будучи данными нам чисто мыслительно, они в то же время изначально соединяют в своей природе бытие и сознание. *В сущем они сводимы к единству, в явлении они следуют законам феноменологии духа-бытия.* И трудно представить себе, как это могло бы быть иначе.

Первоначально в явлении нам открываются семь категорий. Их потому семь, что и они в своей совокупности образуют семичленную цепь метаморфоз, взаимосвязаны между собой не только абстрактно, умозрительно, но и онтологически, что в нашем случае теперь означает: в своем явлении для ума, понятийно, они таят свою иную, «бытийную» природу; ею-то и обусловлена их реально-идеальная взаимосвязь как мыслесуществ, метаморфозирующихся согласно всеобщему закону эволюции.

При первом приближении в качестве семи категорий можно было бы назвать семь зонон. Но то был бы язык чистой эзотерики, не всегда удобный для мышления. Человек, способный мыслить в понятиях эзотерической философии, может не искать других слов для обозначения категорий. Он может их называть древним Сатурном и т. д., имея при этом в виду, что в одном слове он выражает и понятийное, и осмысленный образ, и сверхчувственную реальность, и прафеноменальное.

Но мы опустимся ступенью ниже — к философии как таковой, не порывая однако связи с эзотерическим. Тогда первые три категории мы выявим, обдумав то основополагающее, в чем выражается процесс творения, как исходящий из абсолютного Триединства. То, начало чему было положено на древнем Сатурне, в основе своей имело субстанцию. Ее Духи Воли пожертвовали для нового цикла эволюции. Через них пришло к откровению то, что свой первоисточник имеет в Боге-Отце. С тех пор первосубстанция, многообразно метаморфозируясь, постоянно составляет основу всякого бытия. Она образует единство с бытием и, в то же время, первичнее бытия как сущее и как сущность. Нет бытия вне субстанции. В то же время, бытие предполагает наличие небытия. В субстанции нет дуализма. Она может как полагаться, так и не полагаться — сама она выше и

того и другого.. В явлении, в откровении, она тождественна с бытием; по ту сторону откровения, в неизреченном, она тождественна с сущим.

Отсутствие в философии понятия «неизреченного» оборачивается для нее значительной трудностью, поскольку без него остается неопределенной граница рефлектирующего мышления — не познания, а именно самого мышления, протекающего в понятиях. И в прошлом, и теперь создается впечатление, что такой границы вовсе не существует, если сознание не теряет предметности и бодрствования. Поэтому у Гегеля остается недосказанность в вопросе о бытии идеи.

Евангелист Иоанн решает эту проблему гностически, говоря, что «В начале было Слово, и Слово было с Богом, и Слово было Бог». В этих словах легче почувствовать, чем понять, что за некоторой границей кончается наша способность двигаться с помощью понятий. Поэтому, говорим мы, опираясь на Духовную науку, необходимы иные, более высокие ступени познания-бытия: имажинативная и т. д. Но как бы высоко ни поднималось наше познание, а также как бы низко оно ни опускалось, — его и в бытии, и в инобытии пронизывает, как единая основа, субстанция. Поэтому и мыслящему познанию она открывается первой. Переступая свою границу, мышление становится чистой субстанцией. По эту сторону границы оно представляет собой одну из многочисленных форм ее бытия, среди которых мы встречаем и небытие равное бытию, как Я равное не-Я.

Второй онтологической категорией, данной рефлектирующему мышлению, является *жертва*. Духи Воли субстанцию принесли в жертву. Они смогли так поступить, взойдя на ту высокую ступень, где впервые приходит к своему откровению Ипостась Бога-Сына. Субстанция и жертва, придя во взаимосвязь, во взаимоотношение, творят мир существ в пределах семи эонов. В основе каждого эона лежит жертва, которую приносят одна за другой высокие Иерархии: Духи Мудрости — на древнем Солнце, Духи Движения — на древней Луне, Духи Формы — на Земле. И все они жертвуют субстанцию: физическую (волю), эфирную (жизненную), астральную (психическую), Я (самосознающую). И все ее виды представляют собой различные модификации прасубстанции единого Отчего досатурнического мира.

На Земле, с обретением я-сознания, способность к жертве, богоподобие, надлежит вырабатывать человеку. И только благодаря такой способности человеческое творчество обретает сущностный характер. Поэтому акт бескровной жертвы составляет основу религиозного культа, где совершается пресуществление земных веществ — переходящего — до состояния субстанции — вечного. По этой же причине *в центре христианского монотеизма стоит: Бог есть Любовь.*

Жертвенным должно стать и понятийное мышление. Тогда от рефлексии оно взойдет к медитации*; в медитации же творится субстанция, нечто непреходящее. В рефлектирующем мышлении, если даже и возникают сверхчувственные носители идей, мыслесущества, — они элементарной природы, их бытие недолговечно, прозрачно; спустя некоторое время они вновь растворяются во всеобщей мировой астральности, превращаются в другое бытие. В них субстанция лишь на время обретает форму и вновь ее теряет, поскольку в ней не содержится жертвы.

Но бытие все же превращается в самобытие, становится сущностью и обретает отношение к сущему. Это происходит благодаря отражению. Категория «отражение», как и всякая другая, имеет большой объем. Мы позволим себе еще раз привести одно высказывание Рудольфа Штайнера, которым однажды уже воспользовались. В «Очерке тайноведения» он пишет: «Ведь всякое развитие основано на том, что сначала из окружающей жизни отделяется самостоятельное существо; потом в отделившемся существе, как бы через отражение, запечатлевается окружающее, а затем это отделившееся существо самостоятельно развивается дальше» (13; стр.172—173). В своем дальнейшем развитии бытие отдельного существа восходит на ступень бытия отдельного рефлектирующего сознания, в которое, по достижении им некой конечной цели, как об этом пишет Яков Беме, Святой Дух низводит блеск величия, откровение Самого Божества.

Первоначальное звено теории отражения, без которого вся она обречена навсегда остаться незавершенной, вне всякого сомнения дано Рудольфом Штайнером в описании становления древнего Сатурна. Благодаря принесению Престолами в жертву своей субстанции, в зоне древнего Сатурна возникло «тонкое легкое эфирное тепловое тело» человека, управляемое физическими законами (13; стр.140), т. е. оно было субстанциональным и подчиненным законам позднейшего материального мира. Из таких тел состоял весь Сатурн, а его «атмосферу» образовывали существа Иерархий, в первую очередь Духи Мудрости. В отличие от человека, высшим членом которого (потенциально) является Духочеловек, эти существа обладают еще одним, более высоким членом — Самим Духом Святым, «Третьим Логосом» (речь об этом у нас уже шла). В Духах Мудрости Он находит Свое непосредственное выражение в творении. Как это осуществляется?

* Но никоим образом не минуя ступень рефлексии, ибо, как было сказано, пожертвовать можно лишь то, чем располагаешь вполне. В этом состоит фундаментальное отличие духовно-научного подхода к технике медитации от всякого другого. Повсюду мы встречаем антипатию к логическому мышлению, когда речь заходит об обретении сверхчувственного опыта.

Духи Мудрости погружают члены своего существа (эфирного тела) в физические тепловые тела древнего Сатурна. Эти последние можно уподобить зеркалам, но «отражают» они не образы Духов Мудрости, а их «жизненные состояния». Рудольф Штайнер пишет далее в «Очерке тайноведения», что благодаря деятельности Духов Мудрости «совершенно бескачественная воля постепенно приобретает свойство отражать жизнь в небесное пространство» (13; стр.142). Это сообщение особенно важно для нас по той причине, что у Аристотеля третьей категорией является качество. Ставя на ее место категорию «отражение», мы вскрываем глубинный смысл аристотелевской категории, даем ей выражение, соответствующее современной стадии индивидуального развития человека.

Гегель из категории бытия выводит категории качества, количества, меры. Мы, благодаря экскурсу в «Очерк тайноведения», как бы заглянули «за кулисы» рефлектирующего мышления, в «зазеркалье», и увидели реальный первоисточник явления категорий для ума. Но тогда вскрывается и иной их состав, иной смысл. В философской рефлексии мы оперируем понятием качества без отношения к вещам, а в категории «отражение» получаем *первокачество*. Как о субстанции мы говорим: «Вначале было Слово», так о качестве мы вправе сказать: *вначале было отражение, и отражение было первым качеством творимого мира, а человек был субстанцией отражения*. Так теория познания органично сливается с учением о бытии, а вернее сказать, проистекает из него. Однако не забудем: однажды возникнув, теория познания ведет свое совершенно самостоятельное бытие.

Итак, Ипостась Святого Духа вносит в эволюцию мира особый творческий принцип — отражение. С ним Божественное Троиединство выступает в явлении, как его высочайший Субъект. Мир Деятели Иерархий образует *первое откровение* Троиединого Бога. Оно обретает полноту в течение первых трех зонов. Этот факт и находит свое отражение в первых трех категориях Аристотеля, которыми он называет: сущность (субстанцию), количество и качество. Так нужно было выразить это на заре философствующего сознания, обращающегося от созерцания к рефлексии. В нашу эпоху мы имеем задачу вскрыть онтологический смысл категорий, поскольку рефлектирующее мышление созрело для того, чтобы вновь обратиться к созерцанию. Категории на этом пути должны сыграть роль ариадниной нити.

Потребность в раскрытии внутреннего смысла категорий остро переживал Кант, почему и отрицал их отражательный характер, а к концу жизни поставил веру на место знания. Но без обращения к Антропософии проблему эту разрешить нельзя, поскольку решение выходит за рамки философии, остающейся неразрывно связанной лишь с тeneвым мышлением.

На древнем Сатурне принцип отражения прошел через целый ряд качественных состояний, опосредований. При его первом явлении «...в самом Сатурне нельзя было бы найти ничего живого, но он (Сатурн) действовал оживляюще на свое окружение, отражая в него, как эхо, посылаемую ему жизнь». Совместным действием «воли» и «жизни» достигается следующая ступень, на которой в эволюцию вступают Духи Движения. Нижний член их существа — астральное тело. Его качествами они пронизывают отраженную жизнь Сатурна, отчего весь он становится одушевленным существом, начинает отражать не только жизнь, но еще симпатии и антипатии, «душевные действия Духов Движения»*. Далее Духи Формы делят отраженную душевную жизнь «...на отдельные живые существа ... правда, не обладающие собственной жизнью и собственной душой, но отражающие жизнь и душу» иерархических существ. Наконец, с вступлением в развитие Сатурна Духов Личности он начинает отражать «в мировое пространство некое подобие деятельности человеческой личности», ее «отражение»; сама она при этом принадлежит Духам Личности (13; с.141—144).

Так совместным действием Духов Формы и Духов Личности на древнем Сатурне был сотворен первый зачаток того, чем мы ныне пользуемся как самосознанием, опирающимся на рефлектирующее мышление. В том древнем состоянии мы всем своим существом служили инструментом отражения для ряда иерархических существ, что дало им возможность подняться на более высокие ступени сверхбытия, сверхпсихического и высшего индивидуального**. Для человека в зоне Земли это обернулось способностью восходить от тела к душе и духу. На древнем же Сатурне следствием служения высшему развитию явилось возникшее *отношение* между человеческой монадой и Божественными Иерархиями. Итак мы имеем: субстанция, жертва, отражение, отношение. Категория «*отношение*» по праву занимает четвертое место в Collegium Aristotelicum. В нашем подходе она объемлет собой природу *второго откровения Троиственного Бога*: материальную Вселенную и ее четыре царства природы.

В акте творения мира нам надлежит различать два откровения Бога, поскольку двоякое имеет место в нашем цикле эволюции: возникает новое творение — человек и три царства природы, а над

* Все эти ступени, уже не раз входившие в наше рассмотрение, в дальнейшем обнаружатся как прафеноменальные в генезисе индивидуального духа, движущегося от психического к духовно-мыслительному. Мы не подчеркиваем каждый раз общую взаимосвязь наших рассматриваний, но ее нельзя терять из виду.

** Так, примерно, можно выразить развитие на древнем Сатурне, которое получили существа второй Иерархии — Духи Мудрости, Духи Движения, Духи Формы.

ними определенное развитие проходят существа Иерархий (рис. 4 и 6). Неисповедимыми путями шло их развитие до зона древнего Сатурна. Но чтобы они могли двигаться дальше, стало необходимо, чтобы Триединый Бог открылся «по эту» сторону сокровенного, а затем породил инобытие как новую Вселенную. Откровением стали: субстанция, жертва, отражение. Было ли это чем-то абсолютно новым, впервые выступившем на древнем Сатурне? Что касается субстанции и жертвы, то — нет. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что к началу зона Сатурна способность приносить жертву обретают Престолы. А это значит, что существа, стоящие выше их, были способны на нее и ранее.

Новым был синтез субстанции и жертвы в отражении. По сути говоря, отражение — это тоже жертва, но перенесенная в иное. Высшее вдруг воспроизводит себя в низшем. Таково откровение. В нем существа Иерархий восходят по ступеням единства бытия и сознания, а в мире второго откровения это действует как закон семичленной метаморфозы. Так что закон семеричности второго откровения коренится в законе триединства первого откровения.

Три принципа первого откровения продолжают действовать и во втором откровении, но в метаморфизированном виде. Субстанция во втором откровении оплотневает до вещества, жертва выражается в качестве (единство, множественность, целостность-система), отражение материализуется до противостояния добра и зла (см. рис. 7 и 14). Отношение между первым и вторым откровениями приобретает то содержание, которое в него вкладывает Кант. Это отношение субстанции и свойства, причины и действия; наконец, отношение выражается как взаимодействие. Что касается борьбы противоположностей, то его закон всецело относится ко второму откровению, что не лишает его и определенного метафизического содержания, поскольку с миром второго откровения связаны сонмы отраженных богов.

Еще в конце первой главы мы говорили о категории «отношение». Теперь можно было бы повторить все, сказанное там, и добавить кое-что новое. Оно обусловлено переходом первого откровения во второе, благодаря чему возникает множественность существ чувственного мира. Послужив инструментом для высшего развития, эта множественность вобрала в себя свойства, позволяющие ей самой взойти в мир Иерархий. Однако реализовать свою потенцию она оказалась бы не в состоянии, творение навеки отпало бы от Бога, если бы возникло лишь то отношение, в котором сознание-бытие иерархических существ противостояло творению, как инструменту отражения.

Их противостоянию мы обязаны диалектикой, но ей предшествует высшее отношение, которое Ипостась Сына образует между Ипос-

тасью Отца и Ипостасью Святого Духа. И то отношение от начала мира было предопределено к нисхождению во второе откровение, чтобы привести его не только в идеальную, но и в *реальную* связь с первым откровением. Вот почему Сын Божий стал плотью и прошел через смерть и воскресение.

Только благодаря Мистерии Голгофы для человека открылась возможность восходить к единству бытия и сознания. И начинается оно с подступов к ее познанию. Поняв это, мы не будем шокированы в нашем религиозном чувстве, когда обнаружим, что религиозно-философское постижение Мистерии Голгофы открывает нам вид на состав категорий. Этой Мистерией эволюция мира делится надвое в том смысле, что длившееся три с половиной зона нисхождение высшего индивидуального Духа после ее совершения сменилось восхождением индивидуального духа творения. Таковы две стороны главного феномена эволюции, которому сопутствует множество других, вторичных по отношению к нему. Подобная точка зрения является антропоцентристской. Однако лишь она одна дает смысл и содержание разговору о категориях. С позиции, скажем, индивидуального сознания Ангела картина мира предстает иначе, чем с позиции человека, — но только благодаря различиям в *способах* постижения мира. Что человеку предстает в безжизненных понятиях, как теневой контробраз реального мира восприятий, Ангел постигает целостно, изнутри в ряде восходящих отождествлений. Однако все уровни бытия заключены в одну реальность, проходят эволюцию, в которой каждое состояние я-сознания образует универсальный центр в силу потенциально таящегося в нем и приходящего в той или иной мере к явлению абсолютного Я.

Поэтому Христос принес на Землю абсолютное Я, абсолютный Субъект. После Голгофы это Я оживает в низшем «я» человека. Так возникает мировая ось, идущая одновременно идеально и реально от Троиственного Бога к человеку. Для Бога индивидуальный человек возникает на периферии Его откровения, в некоей «тьме» материального бытия. Для человека мир начинается в «я» и простирается до наивысшего Бога. Такова реальная картина мира, которая столь же реально предстает и всякому другому я-центру, будь то Я Ангела или групповое Я растений, пребывающее на Девахане. Любое я получает смысл лишь как порождение абсолютного Я. Но при этом существует иерархия я, поэтому мир не распадается на множественность бессвязных картин.

С точки зрения иерархии я, три прошедших зона образуют для человека и стоящих ниже его царств природы некое всеобщее, которое и выражают три первые категории. Как главные, три категории выделяют и Аристотель, и Гегель. Откуда берутся остальные? — Ни в коей мере не из единства исторического и логического.

Оттуда возникают представления. Категории представляют собой отражение в мыслящем сознании основных звеньев эволюции мира, основных форм единства бытия и сознания, прописывающих все развитие мира как его основной закон. Поэтому категории существуют всегда, но осознаются лишь по мере становления мыслящего сознания. Для этого последнего вслед за данностью прошедших эонов встает отношение миров первого и второго откровения. В широком смысле этим отношением является *весь земной эон*. Через отношение возникает человек, как субъект. Категории, описывающие его становление, суть: *выпрямление, речь, сознание*. Так антропоцентристски выражаются в человеческом субъекте три следующих эона эволюции мира. В этом смысле выпрямление, как органический процесс, сменяется духовным выпрямлением, в котором «я», на своем пути к высшему Я, простирается за пределы круга Зодиака. Принцип, или закон, выпрямления универсален для всех царств природы. Речь в эволюции индивидуального духа исходит от Слова, из Которого «все начало быть». Наконец, сознание, став в человеке индивидуальным, восходит до всеознания.

Таким образом, мы получаем систему из семи категорий, одновременно всеобщих, носящих мировой характер, и отражающих эволюцию человека как индивидуального духа (табл. 14). Поэтому три последних категории, как и три первых, не сводимы к чему-либо другому, более общему. Они сужены лишь в субъекте и в нем же получают всеобщий характер. Их суженность есть, так сказать, проходной момент. Суженное выражение имеют и три первых категории: субстанция — в веществе, жертва — в эго (эгоизме), отражение — в интеллектуальной рефлексии.

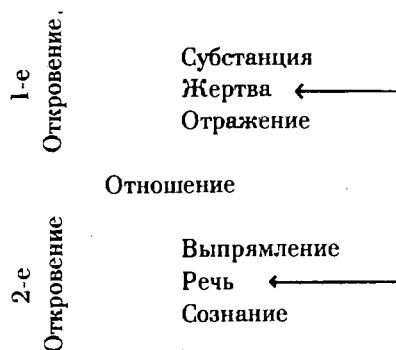

Табл. 14

В своей совокупности семь выявленных нами категорий образуют собой целостную систему метаморфоз. А это значит, что они онтологические и логические в одно и то же время. Они и неизменны, как закон, и переходят друг в друга — в бытии. Они размыкают рамки диалектики и в интеллигибельном бытии восходят к октаве — к имажинации, с которой начинается иная, более высокая семеричность, где мы имеем дело не с категориями, а со ступенями высшего сознания. Там качественно меняется вся позиция антропоцентризма. Переход же с одного уровня сознания на другой осу-

ществляется с помощью категорий имажинативной, а не диалектической логики. Поэтому их Collegium, подчиняясь всеобщему закону метаморфозы, должен включать в себя семь элементов, а затем еще пять, о чем речь пойдет в следующей главе.

4. Идеальная природа пространства

ВЫЯВЛЕННЫЕ В УКАЗАННОМ СОСТАВЕ категории легко и плодотворно раскрывают свой объем в самом широком спектре вопросов миро- и человекопознания. Так, первые три категории, если их привести в связь с тройственной природой «я», как это показано в табл. 13, объясняют многое в его микрокосмической природе. Далее мы видим, что тройное становление я-сознания, т. е. овладение нами своей иерархической сутью, заключается в том, что высший принцип жертвы, осуществляемый Христовой Ипостасью, т. е. Самим Христом и всеми встающими в линии Его действия существами, творит в человеке дар слова, благодаря которому плоть вновь становится космическим Словом, начало чему было положено образованием душевного тела. Высшее Я до того, как явиться мышлению, создало носителя, а потом — само мышление, которое родилось из речи. В этом процессе выявилось творческое действие Христовой силы в нас. Христос не ждал, когда из круга восприятия чувств в нас разовьется я-сознание и признает Его. Он действовал параллельно с этим процессом со времен древней Лемурии. Благодаря Его действию и то высшее Я, которое было пожертвовано нам Элоимами, стало Его Я. А потому нет для человека выше цели, чем осуществление принципа: «Не я, но Христос во мне». И нечто глубоко утешительное заключено в осознании этого факта.

Как промежуточное между высшим Я и первоначальным феноменом я в человеке, образуется — назовем его так — повседневное «я», централизующее жизнь наших мыслей, чувств и волеизъявлений. Им мы обязаны действию тех сил, что стоят за категорией «отношение». В явлении ими является многообразный мир существ и мыслесуществ: иерархических и элементарных, возвышенных и недобрых, а также мир всех царств природы, включая человеческое царство. Ко всему этому мы ищем *отношение* в первую очередь через двенадцатичленную систему органов чувств, в центре которой рождается «я» (рис. 71), а далее через него и в нем отношение метаморфизмуется в *отражение*. В процессе восприятия встает также проблема верности объекту, благодаря чему в конце концов возникает интеллектуальное созерцание, т. е. в процесс вступает этический элемент, проблема жертвы.

Систему категорий в их отношении к «я» стоит сопоставить с системой элементов имажинативной логики. В ней, как мы помним, 1, 3, 5 и 7-й элементы носят активный, утвердительный характер. Это ступени возрастания достоверности тезиса. Три остальные элемента стоят как бы на противоположной стороне по отношению к первым. И именно им — вторым элементам соответствуют категории, имеющие преимущественное отношение к становлению «я». Это обстоятельство отражает противостояние «я» и мира. Не «я», а мир произносит первое Слово, и в «диалоге» с ним формируется «я». Возникнув, диалог сначала носит характер отношения (восприятие), потом противостояния (диалектика, отражение), а затем (когда возникает мыслящее сознание) вновь отношения (созерцание, созерцающая сила суждения).

На пути от первого этапа диалога с миром ко второму человек воплощается в пространстве и времени и развивает свою многочисленную природу; от второго к третьему — восходит к своему высшему Я, преодолевает воплощение в пространстве.

Двенадцатичленный состав человека, как мы показали (табл. 13), отражает его пространственную природу в самом широком смысле (зодиакально). Будучи приведенным с ним в связь, семичленный состав категорий окончательно раскрывает нам идеальную суть трехмерного пространства, что лучше показать с помощью рисунка (рис. 88).

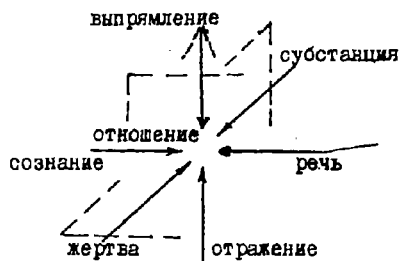

Рис. 88

Так приходят в пространственную связь три высших категории — категории творения, — с тремя другими — с категориями творимого. В центре оказывается категория «отношение». И тогда встает вопрос: что поставило эти категории в «угловые» соотношения друг с другом?

У нас уже говорилось о том, что даже существа второй Иерархии нуждались в отражении, чтобы взойти на более высокую ступень их творящего сознания. Ступенью этой является способность на жертву, с чем связано полное овладение той или иной субстанцией. Для Духов Мудрости это была эфирная субстанция. Лишь став с нею в отношение субъекта-объекта благодаря жертве более высокой Иерархии — Престолов, они обретают способность в следующем зоне пожертвовать ставшей их достоянием эфирной субстанцией. Духам Движения приходится в течение двух эонов объективировать свою астральную субстанцию, прежде чем она полностью становит-

ся их достоянием. Астральное тело Духов Формы еще дальше отстоит от высшего астрального мира и потому они овладевают этой субстанцией в течение трех зон, и она принимает характер чистого Я.

Деятельность Божественных Субъектов имеет огромные последствия для объекта — он становится *субстанциональным*, приобретает характер существа. Вместе с тем у него возникает потребность также объективировать себя, в чем-то отражаться. Зеркалом для него становится *вещество*, чувственная реальность, мир трех царств природы, а затем — мир культуры. Для этой цели субстанция переходит в инобытие, теряет атрибут сущего. Весь процесс, как постепенно субстанция сгущается до четырех эфиров, потом четырех элементов и, наконец, до материи, подробно описан Рудольфом Штайнером в «Очерке тайноведения».

Чем ниже стоит существо, тем в более «грубом» зеркале оно нуждается. Кроме того процесс отражения по мере нисхождения в инобытие «овнутряется». Сначала это происходит при переходе от второй к третьей Иерархии. Например, Архангелы на древнем Сатурне не извне, а находясь внутри Сатурна, даже не в рефлексии, а в восприятии получают назад свое воздействие на тепловые монады и так обретают сновидческое сознание; в тепловые тела этим вносятся зачатки органов чувств. Нечто подобное происходит и с человеком в земном зоне. Первую ступень сознания он получает благодаря восприятию чувств, но уже внутри мира второго откровения.

Вступление Ангелов во взаимодействие с тепловыми телами древнего Сатурна заложило в эти последние зачатки собственной жизнедеятельности. Таким образом, мы имеем три ступени становления индивидуального сознания: отражение, восприятие, жизнедеятельность. И все три основываются на противопоставлении субъекта объекту; причем в двух высших Иерархиях оно носит внешний характер, в двух нижних — внутренний: посередине стоят Духи Формы и Духи Личности (табл. 15).

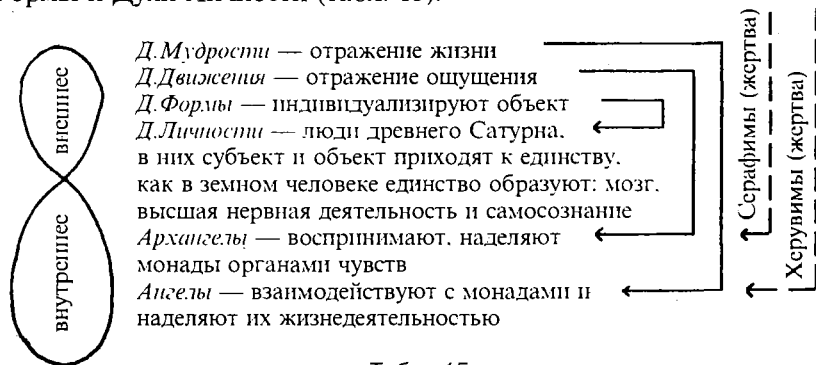

Табл. 15

Из приведенной таблицы видно, что по мере нисхождения, в процессе объективации творения наравне с отражением возрастает противоположность между внешним и внутренним. Объект все более наделяется чертами субъекта. Происходит переход из мира первого откровения во второй. Приняв это во внимание, не забудем, чем является объект изначально. Ведь он есть субстанция Духов Воли, носителей необычайно высокого сознания. И встает вопрос: почему в этой субстанции возникает столь глубокая степень бессознательного? А дело в том, что жертва, если существо действительно способно на нее, совершается абсолютно. Сначала достигается степень абсолютного обладания, а затем — абсолютного отказа от обладания. В таком случае пожертвованное действительно перестает быть частью жертвователя. Оно, правда, не сразу выпадает из мира высшего бытия, но Я становится в нем не-Я. Можно еще сказать так: вся сила Я в пожертвованном употребляется на воссоздание не-Я, иначе жертва не состоится. Вот почему она зависит от силы Я. Я должно породить равное себе по силе не-Я. Понимание этого факта стоит где-то на грани способности познания в понятиях. Наиболее содержательно его описал Фихте в «Наукоучении».

Человек может попробовать принести в жертву часть своего существа, например, палец. Но жертва не состоится — палец просто отомрет, так как наше «я» не владеет нашим телом. Лишь в религиозном культе, т. е. при непосредственном участии Божественного мира, человек учится совершать жертву субстанционально. И его деяние, по отношению к высшей жертве, есть «обратный культ» — претворение вещества в дух, в субстанцию. Культ имеет целью помочь человеку пронизать я-сознанием свое собственное триединое тело, но прежде — наиболее тонкое, душевное тело. Поэтому способность к жертве человек прежде вырабатывает в душевно-духовной сфере, исходя из братской любви. Поступок, совершенный из любви, исключает надежду получить за него вознаграждение. И тогда мы учимся подражать Богу, высшим духовным существам.

Жертва Престолов, совершенная из любви к поступку, из абсолютной свободы, не была повторением их самих в ином. Она была иным, инобытием. Она была не-Я, но субстанцией, обладавшей новой акциденцией, не свойственной ни одному существу досатурнического Космоса — способностью противостоять Иерархиям, отражать их от себя, что стало *основным принципом индивидуализации в нашем цикле творения*.

Вспомним еще раз, по причине особой значимости этого момента, космическую имажинацию, в которой предстает акт первожертвы: «Духи Воли, коленопреклоненные, полные самопожертвования, — перед Херувимами. ...Они посылают свою жертву как сияющее тепло» (что следует представлять себе чисто духовно. — Авт.), так что «дым»

жертвы восходит к крылам Херувимов. Херувимы обращают жертву на нечто иное (т. е. тоже приносят жертву), и из нее рождаются Духи Личности, или Времени (132; 31.X). Но прежде, чем родятся эти духи, субстанция начинает отражать жизнь, ощущения и т. д., а отражая, механически воспроизводит их в себе. Она пребывает в состоянии как бы бессамостного созерцания, что для нее не остается без последствий — она обретает еще одну акциденцию: способность все более отпадать от сущего, овеществляться. Отражение содержит в себе элемент отталкивания, отторжения. И это есть акциденция не-Я. Отражая субстанциональное Я Иерархий, не-Я все более отделяется от Божественного первоисточника. Восхождение одного отныне дается ценой нисхождения другого. Но это значит, что в субстанции Духов Воли, положенной на алтарь творения, заключен высший принцип жертвы. Все последующие жертвы (Духов Мудрости и др.) — стоят одной, двумя и т. д. ступенями ниже ее.

Таким образом, в не-Я мы можем видеть высшее, вселенское Я единого Бога, но данное целиком в аспекте жертвы, жертвы, идущей столь далеко, чтобы стать не-Я ради становления других Я. А потому, в конце концов — иначе и быть не могло, — в самом последнем акте нисхождения, в минеральной материи явилось в бесконечной жертвенности Само вселенское Я и отождествилось с не-Я, тем вновь направив его к Божественному первоисточнику вместе со всей полнотой вновь возникшего бытия. Вот почему в Евангелиях столь часто встает образ рыбаков и сети с богатым уловом.

Теряя черты высшего совершенства, субстанция первожертвы рождала новое бытие: она обрела собственную жизнь, бытие в ином, сознание — и все это в процессе отражения. Она получила это в дар за бессамостное служение. Но в процессе космической индивидуализации постоянно выделяется некий остаток. В конце концов он принимает форму безжизненной материи, и возникает противостояние духа и материи. В нем рождается рефлектирующее сознание.

Первичный акт объективации привел к противопоставлению, потом одно встало в противоречие с другим, что было чуждо природе Божественного мира, где царит лишь отношение: отношения внутри Единства. Начиная с древнего Сатурна возникает мировой дуализм. Но поскольку в основе его лежит субстанциональное начало, то он имеет в себе силу вновь приходить к единству, но уже через иные, новые формы индивидуального сознания. Вот в чем причина разделения, охватившего все Иерархии. Начиная с древнего Сатурна возникают Иерархические существа, ориентированные на отторжение Божественной субстанции; от них, по мере материализации мира, отчленяются ариманические существа. С древнего Солнца, когда развитие вполне вступает во время, часть Иерархий от-

дает предпочтение вечности: так отчленяются люциферические существа.

Само по себе противопоставление миров бессущностно, но в мировом целом все имеет своих носителей. Поэтому в том новом, что возникает лишь начиная с древнего Сатурна — в объекте — сами Иерархии противопоставляют себе же. Но в высоких сферах противостояние имеет иной характер, чем в нижних, в мире материи. Мы в значительной мере условно говорим об ариманическом и люциферическом принципах в высших Иерархиях. Иное дело, материальная вселенная. Здесь носители бессущностного — вещества и феномен рефлектирующего сознания — самым решительным образом противостоят Иерархиям регулярного развития. Этот антагонизм возникает и имеет реальный смысл главным образом в связи со становлением человеческого я-сознания, т. е. он приобретает этическое значение лишь в пределах третьей Иерархии: Духов Личности, Архангелов и Ангелов.

Итак, троякое сходится в творении: пожертвованная субстанция, содержащая в себе некоего рода «уплату долга» Иерархиями (за совершенную ради них службу отражения) в виде потенциальной силы восхождения, овеществление и противостояние Божественному. В результате творение, обретая я-сознание, встает перед выбором между добром и злом, обретает новую степень свободы.

Во всем своем составе, во всех проявлениях человек является двойственным существом. Так это заведено от начала мира. Преодоление двойственности составляет индивидуальную задачу человека и, подчеркнем, *в первую очередь* человека; через ее решение решается мировая проблема.

Иерархии, объективируясь в ином, лишь увеличивали разделение мира. Человеку надлежит положить начало мировому синтезу, который далее поведут Иерархии. Он начинается с мышления о мышлении (как об этом говорится в «Философии свободы»), с качественно нового акта сознания, в котором объект и субъект принимают чисто идеальную форму, как это было на древнем Сатурне. Мысля о мышлении, беря мысль как восприятие, мы метаморфизируем мышление в орган идеального восприятия, а следовательно наделяем сознание атрибутом бытия. Но чтобы по достоинству оценить значение возникающего синтеза, необходимо хорошо понять смысл разделения, противостояния. Именно оно низвело нас в материю и в трехмерное пространство. Его идеальное, высшее, составляют семь категорий. Со стороны вещественного категориям противостоят люциферическое и ариманическое; только благодаря им возникает потребность говорить о пространстве, как о восприятии. Как средоточие обоих начал: материального и идеального, рождается многочленный человек.

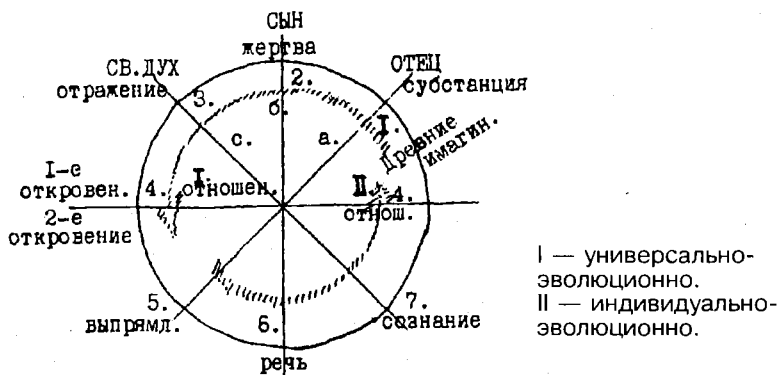
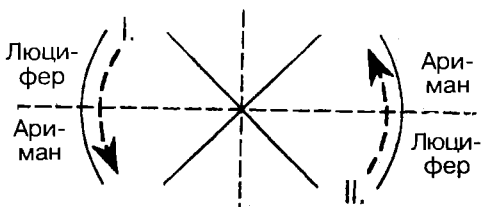

Рис. 89

Если вновь воспользоваться рисунком, то переход категорий из интеллигибельного мира мыслесуществ в трехмерное существо человека, производными от которого выступают три царства природы, можно представить себе следующим образом (см. рис. 89 и далее рис. 90). Рисунок 89 мы строим на основе рис. 29, и при этом выделяем два новых момента. Во-первых, отметим себе, что горизонтальная линия категории «отношение» отделяет мир первого откровения от второго. Во-вторых, связь между ними образуется как эволюционно, когда импульс развития идет по кругу в цепи семи метаморфоз (стрелки I и II), так и индивидуально-посвятительно, когда человек берет свое развитие в собственные руки и через я-сознание приходит в новое отношение со сверхчувственным миром, восходя к субстанциональному мышлению, к имажинациям.

Но всякое развитие, какой бы характер оно ни приняло, всегда осуществляется внутри более высокого единства. Цикл метаморфозы потому не распадается на ряд бессвязных звеньев, что его всегда пронизывает выше его стоящее единство — закон, в нашем понимании. Поэтому, когда, например, возник древний Сатурн, то на высшем плане можно было обнаружить и будущий Вулкан. С тех пор его присутствие в эволюции сказывается постоянно, но не в виде неколебимого предопределения, а в том, что зоны метаморфизируются друг в друга. На ряде наших рисунков (в том числе и на рис. 89) этот высший принцип выражен в виде трех осей, постоянно пронизывающих весь цикл эволюции, идущей от зона к зоне,

а в каждом зоне — от высшего состояния формы до низшего и снова до высшего.

Внутри зона возникает некоего рода спираль нисхождения и восхождения. При переходе из первого откровения во второе возникает вещественный мир, полярно противоположный духовному миру. Поэтому на границе двух миров встают люциферические и ариманические духи: духи бессущностного, иллюзорного отражения.

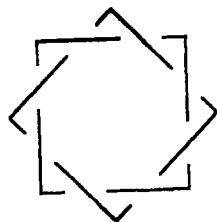
Ариман встречается нас в материальном мире, в телесности, в которую мы нисходим из сферы имажинативного группового сознания. Там были мы искушены райским змеем, Люцифером, который на пути оттуда провожает нас до врат чувственно-материального мира, выталкивает нас за эти врата, что, собственно, и выражается в раскрытии органов чувств вовне. Ведь вытолкнут-то был комплекс органов восприятия, которые только потому облеклись в материю, что получили склонность воспринимать индивидуально, в сверхчувственном же мире никакого объединяющего восприятия индивидуального центра они не имели.

Когда же мы с помощью науки посвящения пытаемся вновь подняться к былому Раю, то в чувственном мире нас провожает до тех же самых врат, опять-таки, Люцифер, живущий в рефлектирующем мышлении. У самых врат нас встречает Страж Порога. При первом явлении он имеет ариманический облик, сотканный из всех наших привычек материального бытия, в том числе и мышления. Этого Стража не миновать, не принеся в жертву и привычки, и мышление, опирающееся на физический мозг. Запоминающийся образ этого принципа дан в Евангелии. В притче о сопернике там говорится: «Когда ты идешь с соперником своим к начальству, то на дороге постарайся освободиться от него, чтобы он не привел тебя к судье, а судья не отдал тебя истязателю, а истязатель не вверг тебя в темницу. Говорю тебе: не выйдешь оттуда, пока не отдашь и последней полушки» (Лк. 12; 58—59).

Наивно думать, что речь в притче идет о социальных отношениях. Нет, на пути к высшему «начальству», к Началам, или Духам Личности нам надлежит освободиться от «долгов», которые коренятся в эфирном теле, иначе вместо высшего мира мы попадем в «темницу» собственных привычек и страстей уже не как обычные люди, которые к «начальству» пока идти не намереваются, а как оккультисты: нас обуяют страсти — духовный мрак, заточение во мраке ариманических и люциферических существ.

Но не только в судьбе человека сказывается действие Люцифера и Аримана. Оно меняет фактически все отношения мира первого откровения, когда те переходят в чувственный мир. На их пути как бы встает «зеркальная стена», плоскость, обозначенная на рис.89

горизонтальной линией. Все, происходящее выше этой линии (плоскости), отражается в ней, но не продолжается сущностно, как было показано на рис. 72. В зеркале же объект встает в различные угловые отношения с субъектом (объектом отражения). И когда мы берем три высших категории и приводим их в отношение с тремя низшими, то оно сводится к тому, что три первых категории отражаются в трех других. Плоскость сходится в точку (меняется число измерений пространства, метаморфизмуется само пространство) в момент перехода из бытия в ничто, а категории, будучи взятыми уже в мире второго откровения, «встают» по отношению друг к другу «под углом в 90° ». Угол этот является основным принципом, формирующим трехмерное пространство, в котором диалектическая триада переходит в свое четвертое — в созерцание. Поэтому основные фигуры трехмерного пространства — квадрат и куб, а его эзотерическая печать образована двумя наложенными друг на друга квадратами. Эта фигура является также символом 16-лепесткового лотоса, в котором сходятся пути ума и сердца, пролегающие из мира чувственных отношений в сверхчувственный. Глубочайший смысл фигуры выражен на древних иконах Спаса Вседержителя.

Представленное декартовой системой координат, является последним, всецело экзотерическим отзвуком эзотерических первооснов пространства. В нашем рассмотрении эта система кроме математического, абстрактно-идеального, вновь обретает свой имманентно-онтологический смысл. У нее имеется и материальное выражение. Мы находим его в полукружных каналах нашего органа слуха, образованного в процессе воплощения Я в «я», что доказывается принципиально иным строением органа слуха у человека в отличие от животных (отолиты).

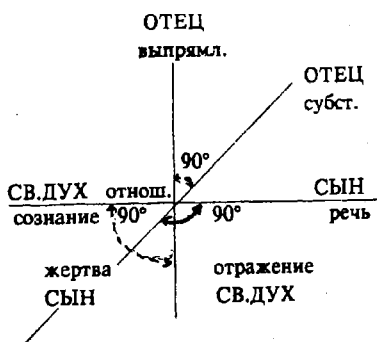

Рис. 90

Во всем мире природы господствуют физические законы: тяжести, притяжения, отталкивания, меры и т. д. Их осознание именно в трехмерном пространстве является всецело делом человеческого ума. Например, в кристаллографии мы пользуемся этим для систематизации свободно творящей природы. Даже в математике с переходом к бесконечно большим величинам декартова система координат теряет, как минимум, одну из своих осей. В то же

время, беря идеальный мир первого откровения как мир перво-причин, первофеноменов второго, мы вправе говорить об овеществлении идей. Поэтому правомерно поставить вопрос и о чувственном выражении *трехмерного пространства*. Им является *многочленный человек* (рис. 91).

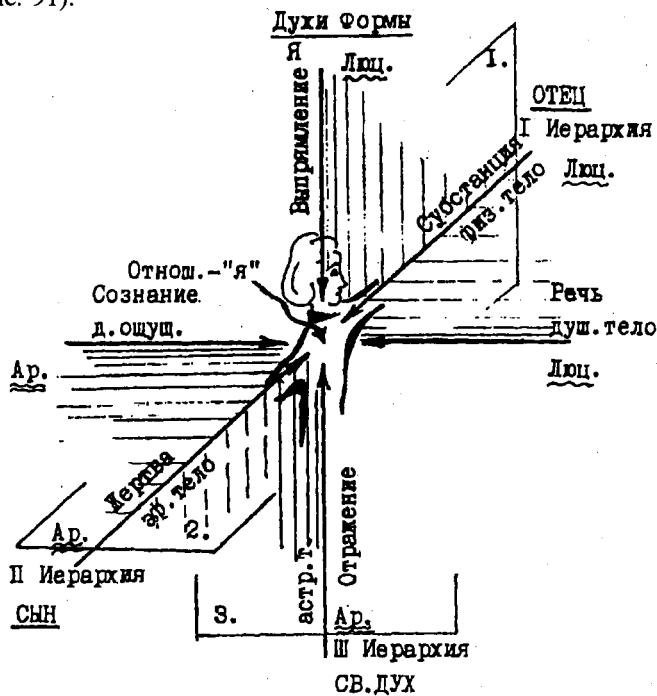

Рис. 91

Чувственный мир, как зеркало сверхчувственного, овеществлен и способен отражать. В нем имеет место противостояние люциферических и ариманических сило-существ. Ариман — бог материи, ее консолидатор. Действуя на нее, он стремится и эфирно-астральной субстанции придать законы материи. Люцифер пользуется материей как средством отражения. Саму ее он не приемлет, стремится вновь растворить в духе, но в духе, истонченном до «зеркального» бытия (рис. 91, плоскость 1).

Субстанциональное в материи выражается в том, что минеральное царство пронизывают существа первой Иерархии, а еще выше — Ипостась Отца. В противостоянии люциферических существ первой Иерархии мы получаем в мире второго откровения физическое тело, насыщенное материей.

В мире эфирных сил действует вторая Иерархия, опосредующая жертвенное откровение Бога-Сына. В ее противостоянии ариманическим богам рождено наше индивидуальное эфирное тело, носитель жизненных процессов в отдельном физическом теле.

Но одного противостояния недостаточно для эволюции человека, поэтому действует как высшее, так и низшее отношение между Отцом и Сыном: «Отец послал Сына в мир». Благодаря этому вещество физического тела обрело способность одухотворяться, воскресать, вновь становиться субстанцией с чертами нового сознания-бытия, становиться Духочеловеком. И именно такой Духочеловек воскрес в пасхальное воскресенье в мире эфирных сил, как Жизнедух. *Жизнедух (Христов принцип) является восприимчивом воскресающего Духочеловека (Отчего принципа) на Его пути к Отцу.*

Деятельность Святого Духа в мире второго откровения опосредована третьей Иерархией. В противостоянии ее ариманическим силам индивидуализируется наше астральное тело. Оно высвобождается из жизненных процессов и в направлении от конечностей к голове формирует физические органы восприятия, вернее — систему нервов в них. Третья Иерархия прошла через человеческую ступень, имея аппаратом отражения тепловое, воздушное и водное. Человек для обретения «я» нуждается в минеральном. Поэтому в его астральном теле третья Иерархия «конфронтирует» с ариманическими силами, следствием чего и является умирание нервной системы.

Навстречу импульсам, идущим в человеке снизу вверх, сверху приходит деятельность Духов Формы, дарующих Я. Их импульсам противостоят люциферические духи. Они дифференцируют отдельные ощущения в человеке до вожелений, страстей, в стихии которых и зарождается первый зачаток «я».

Противостоянию люциферического и ариманического в плоскости 1 (рис. 91) человек, в известной мере, обязан индивидуальной выработкой своих мыслей; их противостоянию в плоскости 2 — индивидуализированными восприятиями чувств. Вдоль первой плоскости, говорит Рудольф Штайнер, Люцифер и Ариман сталкиваются непосредственно. По этой причине в нашем мышлении всякому «да» противостоит «нет», тезису — антитезис. И они никогда не пришли бы к синтезу, к единству, если бы в этой плоскости не действовали также и Божественные существа. Они не только осуществляют взаимодействие физического и эфирного тел, но и обуславливают самодвижение нашего мышления.

Во второй плоскости Люцифер и Ариман порождают своего рода диалектику наших чувств. Здесь всякой симпатии противостоит антипатия. Деятельностью высших Иерархий противоположность чувств

также приводится к синтезу. Им является способность к жертве, любовь. Благодаря любви силы симпатии и антипатии метаморфизируются в силы индивидуального суждения, подробный разговор о чем у нас еще впереди.

Наконец, в третьей плоскости человек сам встречается с Люцифером и Ариманом и в борьбе с ними завоевывает свободную волю (см. табл. 5). На рис. 91 мы встречаемся с ее начальным этапом. Все дальнейшее переходит в тройственную душу и покидает трехмерное пространство.

Таким образом, трехмерное пространство — это идея, система семи категорий. А поскольку реальная идея есть существо, то и *трехмерное пространство является живым существом: семичленным человеком.*

Деятельность Божественной Троицы, Иерархий и противостоящих им духов осуществляется в двухмерном пространстве. Но деятельностью люциферического и ариманического он противопоставляется Творцу как «я». Благодаря этому человек получает первые члены своего индивидуального существа: душевное тело и душу осязающую. В них он рождается как не-Я. Отношением Я и не-Я обусловлено раздвижение под углом 90° плоскостей 1 и 2. Оно возникает также благодаря противостоянию между Люцифером и Ариманом, но опосредованному деятельностью Иерархий, как это было уже рассмотрено.

Некогда линии сознания и выпрямления были слиты воедино. Противостоянием Люцифера и Аримана в человеческой душе они в эпоху Лемурии были разведены под углом 90° . Этот процесс сопровождался разделением полов, после чего человек стал прямо стоящим существом, но линии выпрямления и сознания не слились вновь, поскольку сознание, индивидуализируясь, эмансипировалось от органического (см. рис. 87).

Выдвижением линии душевного тела из плоскости эфирного и астрального тел человек обрел дар речи. И уже в противостоянии душевного тела и души осязающей он обрел первый зачаток индивидуального сознания. В точке же сопряжения всех процессов родилось «я». Отблеск высшего Я оно хранит в себе благодаря тому, что образовано не только из противостояния полярностей, но и благодаря отношению всех участвующих в его творении Божественных сил.

Мы сказали, что в линии сознание-речь человек как бы противопоставляет Божественному миру (плоскость 1). Но это противостояние временное, поскольку за ним мы находим Божественную деятельность, но ставшую *в свободное отношение к человеку. Дело в том, что как Люцифер, так и Ариман противостоят всем трем Ипостасям Троицы. Ариман противостоит Отчему началу. Но его*

противостояние делается бессущностным благодаря действию Бога-Сына, идущему из эфирного в физическое. В результате Ариман играет положительную роль в эволюции: как консолидатор материи. В линии действия астрального тела Ариман противостояит Духам Формы и нейтрализуется действием Святого Духа. Когда же он действует в линии сил души ощущающей, то через речь ему в человеке противостояит Христос. Поэтому «Слово стало плотью». Но многое здесь должен решать и сам человек.

Подобным же образом обстоит дело и с Люцифером. На стороне человека ему противостояит Святой Дух и другие Божественные силы, но в мышлении человек должен взять часть борьбы с Люцифером на себя, сделать свое мышление субстанциональным, что значит — чистой волей.

Если выделить из многочленного человека аспект его индивидуального действия, в котором берет начало развитие я-сознания, уже не подвластного пространственным отношениям, то он будет иметь вид, показанный на рис. 92.

Таково лишь в главных чертах содержание изображенного на рис. 91. Заканчивая эту главу, мы не исчерпали ее содержания, но все дальнейшее мы попытаемся выявить в структуре других связей и, в первую очередь, обращаясь к духовно-научному воззрению на проблему времени.

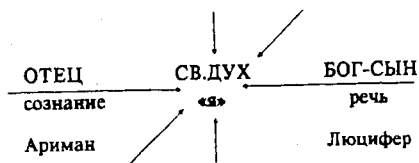

Рис. 92

ГЛАВА VI

ЧЕЛОВЕК ВРЕМЕННОЙ

1. Общий план эволюции мира

С ПРОСТРАНСТВОМ СВЯЗАНО БЫТИЕ, со временем — становление. Пространство, говорит Рудольф Штайнер, мы переживаем физической телесностью; ему свойственно отношение внутреннего и внешнего. Время мы переживаем душой; ему свойственно отношение прежде—позже.

Гностики видели во времени действие духовных существ — эонов, творцов мира и человека. Они были «ранее» и из них произошло все «позднейшее». Поэтому «ранее» переживалось гностиками как Божественное, а «позднейшее» как небожественное. Возвращаясь к началу времен, мы приходим к чему-то всеобъемлющему, к единому Богу, в отличие от триединого Бога пространства.

В какой-то мере реминисценцией древнего учения гностиков, облеченной в форму диалектики, является гегелевское противопоставление бытия и ничто, а также фихтевские Я и не-Я. Немецкие философы пытались через переживание самодвижения мысли в индивидуальном духе примкнуть к мировому становлению, а не только размышлять о нем. Задача эта, несомненно, первостепенной важности, если правильно ее понимать, если видеть в мышлении наисобственнейшую деятельность человека, не просто отражающую мир опыта, а способную обрести бытие как качество.

Становление идет путем семиступенных метаморфоз. По этой причине 7 является числом времени, как 12 — числом пространства. Но нет ничего случайного в том, что в предыдущей главе мы пришли к ряду семичленных структур внутри пространственных отношений. С подобными феноменами мы столкнемся не раз и в дальнейшем. Ибо пространство постоянно перетекает во время, а время — в пространство. Они находятся в постоянном живом взаимодействии, из которого возникает все многообразие форм бытия и сознания, а также все соотношения духа и материи.

В антропософски ориентированной Духовной науке проблема становления, развития во времени решается в форме целого учения об эволюции. Главных ступеней этого учения мы касались уже не

раз, но теперь пришло время составить о нем целостное представление, чему должна служить табл. 15. Она составлена на основе разных сообщений Рудольфа Штайнера, главным же образом — на базе того, что дано им в «Очерке тайноведения» (глава «Развитие мира и человека»). Из лекций укажем на том № 93-а в издании полного наследия.

Основу эволюции мира составляют, как мы знаем, семь эонов, или планетных воплощений. В каждом из них существа Божественных Иерархий восходят на одну ступень сознания-бытия. При этом от зона к зоне творятся новые миры, новые формы бытия и сознания, самобытия, и среди них — человеческое царство.

Человек в ходе семи эонов вырабатывает семь ступеней сознания. Каждая ступень — планетное воплощение, которое может быть также названо состоянием сознания — разворачивается в семь состояний жизни. Характер их в каждом эоне различный, но главная их суть состоит в том, что первые три состояния направлены к материализации, овеществлению, три другие — к новому одухотворению, а посередине находится переходная ступень. На нашей таблице мы строим геоцентрический и антропоцентрический образ эволюции мира. В другие зоны и с точки зрения других состояний сознания этот образ приобрел бы другой вид, но не просто другой, а все же вытекающий из приводимого нами. То есть этот образ способен модифицироваться, но *суть его построения в любых вариациях остается одной и той же*. Выбранная нами точка зрения является наиболее удобной для мысленного рассмотрения, но у нее имеется и ряд других, глубоко эзотерических оснований.

Итак, в зоне Земли три прошлых состояния жизни были кратким повторением пройденного в течение прошлых трех эонов. Теперь мы находимся в четвертом, собственно земном состоянии жизни (царстве). В нем субстанция сгущается до минерального состояния.

Каждое состояние жизни, в свою очередь, также представляет собой семичленный цикл метаморфоз, проходит через семь состояний формы. Каждое состояние жизни зарождается на Высшем Девахане и нисходит до той или иной формы материализации, овеществления. Физическое — это наиболее грубое в эволюции мира состояние формы, пройдя через которое материя одухотворяется.

По завершении развития в семи формах приходят к полному исчерпанию все возможности, которые содержит в себе то или иное состояние жизни. Возникает необходимость изменить сами закономерности, правившие в нем. Для этого состояние жизни полностью исчезает из феноменального мира. При этом изменение закономерностей, которое претерпевает состояние жизни, уходя в пралаю (она называется малой), *не касается законов развития сознания в данном эоне*. Они действуют в течение всех семи состояний жизни.

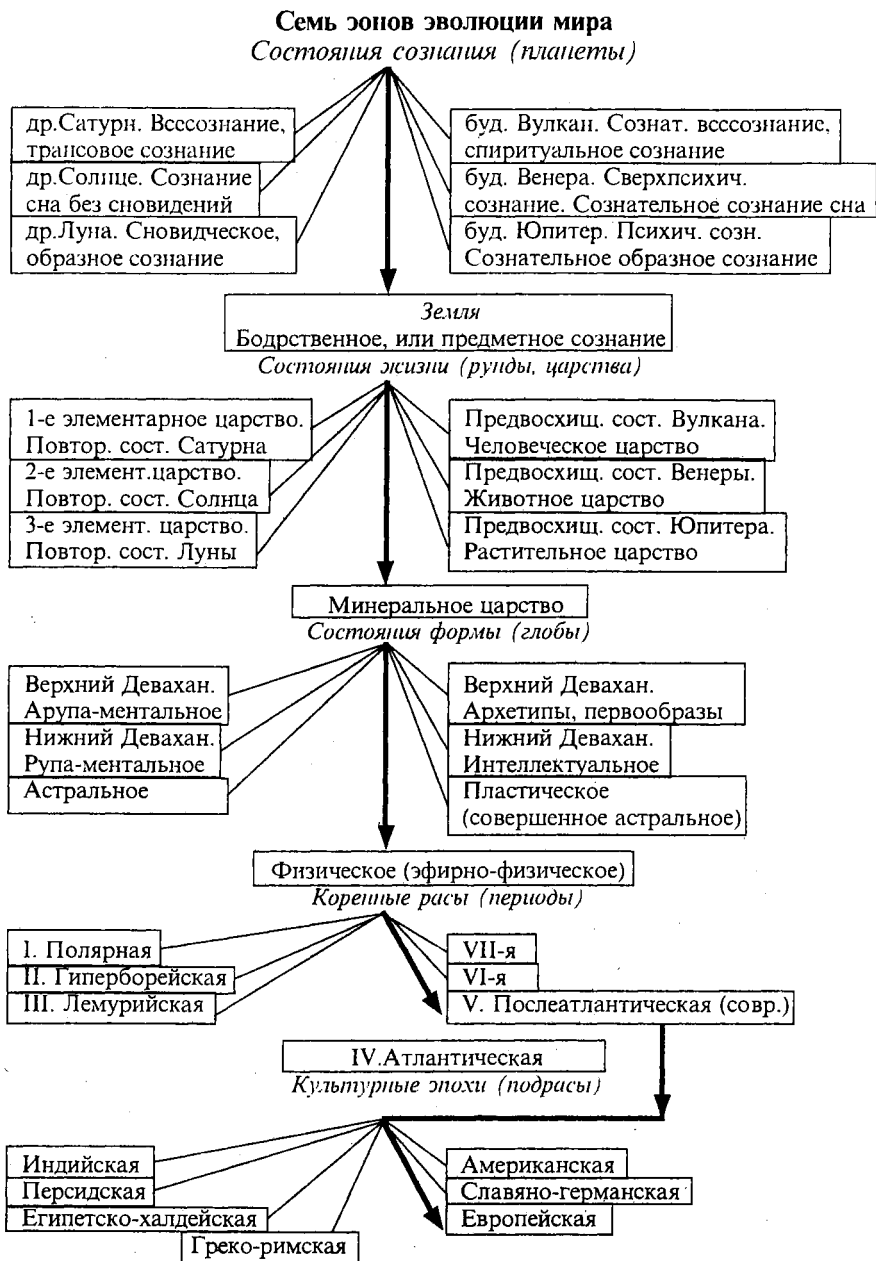

Табл. 16

Состояний формы также семь. В современном состоянии формы метаморфозу претерпевает *трехчленная телесность человека*; ступени этой метаморфозы носят название коренных рас. Четыре из них мы уже прошли и теперь находимся в пятой.

Каждая коренная раса также состоит из семичленной цепи метаморфоз. Ее ступени называются культурными эпохами. В них эволюционирует душевно-духовное существо человека, его трехчленная душа и «я». Длительность культурной эпохи (2160 лет) определяется временем прохождения Солнечной системы через один знак Зодиака. Культурные эпохи находятся под водительством Духов Личности, Архаев. Наконец, каждая культурная эпоха состоит из семи малых периодов продолжительностью примерно в 300 лет (на табл. не показано). В каждом из них водителем выступает Архангел. Таких Архангелов семь. Они другие по сравнению с теми, которые ведут отдельные народы. Наш период начался в 1879 году и его ведет Архангел Михаил, сменивший Архангела Гавриила.

Такова в общих чертах структура эволюции мира, протекающая во времени и периодически выходящая из него. (Седьмой ряд метаморфоз в ней образует жизнь отдельного человека, состоящая из семи периодов, четвертый из которых длится 3×7 лет — с 21 до 42 лет.) Ее содержание, наполнение, естественно, в каждой зоне разное. Ознакомление с нею может породить вопрос о предопределении в развитии. В известной мере оно действительно существует, но границы его необычайно широки. Предопределены универсальные законы развития: их состав и метаморфоза. Но по мере зарождения индивидуального духа их роль идет на убыль и на смену им приходит нечто более высокое — *закон действия свободного духа*. В точке перехода одного закона (природы) в другой (Я) возникает свобода выбора, а вместе с нею и возможность зла, возможность действовать против любых законов развития.

Но и внутри предопределения, если даже седьмая ступень метаморфозы в скрытом виде содержится в первой, само течение метаморфозы определяется множеством извне приходящих факторов. Скажем, метаморфоза одного растения может быть подавлена другим или вмешательством животного царства и т. д. Бесконечное многообразие диалектических триад, осуществляющих себя в мыслящем сознании, в каждом индивидуальном духе слагает иное миро- и жизневоззрение и даже позволяет познающему приблизиться к абсолютному Духу. Неизменно во всем существующем только одно: присутствие Божества в мире откровения, как его закон, закон семичленной метаморфозы, из которого разворачивается действие других законов: пространственного, бытия, материального и т. д.

Все, приведенные в табл. 16 элементы эволюции мира в сверхчувственном представлены существами, которые являются либо творцами, либо орудиями творения. В результате сущностного взаимодействия духовных существ возникает вся многообразная феноменология сущности. Она захватывает разные элементы многочленного существа человека, с которыми приходят в связь те или иные существа Иерархий. Мы говорили о том, что культурными эпохами управляют Духи Времени, или Духи Личности. Водителями коренных рас выступают Духи Формы. И можно представить себе, сколь велика задача — овладение дарованным ими Я.

Духи Движения все приходящее к явлению бытие низводят из духовной зодиакальной сферы в планетарно-вещественную, где оно принимает эфирно-физическую форму. Духи Мудрости являются регентами семи состояний жизни в каждой зоне, через которые реализуется та или иная степень сознания. Наконец, зонами, планетными воплощениями управляют Духи Воли, Троны. Таким предстает нам мир обоих Божественных откровений, над которым возвышаются еще более высокие существа: Херувимы, Серафимы и Сама Божественная Троица. Их силой удерживается в единстве все происходящее внутри зон, а также связь творения с Творцом.

Таков лишь самый общий взгляд на эволюцию. Но он совершенно необходим при всяком детальном ее рассмотрении, особенно же — в отношении времени.

2. Время в его отношении к эволюции и духовным существам

В «ОЧЕРКЕ ТАЙНОВЕДЕНИЯ» ГОВОРИТСЯ, что время рождается лишь на определенном этапе эволюции и оно является совокупностью существ — Духов Времени, которые также являются Духами Личности. На древнем Сатурне они проходили через ту ступень развития, которую мы, люди, проходим на Земле. А из этого следует, что время есть *атрибут предметного я-сознания*; и оно есть идеальная форма движения, не-Я, инобытие абсолютного. По сути говоря, Духи Воли, породив своим Я в акте жертвы не-Я, породили Духов Личности и одновременно — развитие во времени.

Вправе ли мы не-Я отождествить с Я Духов Личности? — Скорее всего, да. Духи Личности дали инобытию самобытие, а до того акт творения носил во многом предварительный характер. Иерархии, стоящие выше Духов Личности, обрели самобытие до времени. Но стоящие ниже их — во времени. С Духами Личности рождается *сам принцип бытия во времени*, и это есть Я в новой форме бытия — тепловой, воздушной и т. д. В нем не-Я рас-

падает на целую иерархию вновь творимых, в акте противостояния, отражения, Я.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что рефлектирующее сознание, вещественность и время неразрывно связаны между собой. Движение этой взаимосвязи порождает череду пространственных форм бытия, реальность которым дает то же самое, что составляет реальность и в сверхчувственном: существо. В трехмерном пространстве таким существом является человек.

Время живет в движении и пространстве — атрибутах чувственного мира, но самого его здесь нет. Поэтому речь может идти лишь об *организации* развития во времени. Ища эту организацию в сверхчувственном, как причину, мы опять-таки встречаемся с существами, поскольку в сверхчувственном ничего кроме существ нет. Существа, организующие развитие во времени, в Антропософии называются *Духами кругооборота времени*.

Оказавшись в начальном периоде древнего Сатурна, говорит Рудольф Штайнер, человек переживает себя погруженным в дифференцированное по качеству море мужества без пространства и времени. Таков мир Духов Воли. Сквозь них проступают существа, которые целиком являются мудростью, и мудрость эта излучается. Это Херувимы. «Престолы жертвуют свое существо Херувимам — таково последнее представление, к которому вообще можно прийти, когда, идя назад, в прошлое, приближаешься к (древнему) Сатурну». Из жертвы рождается время, как самостоятельное существо, — Духи Личности. Они исходят из жертвы Престолов подобно тому, как если бы мы смогли произнести слово и оно стало бы временем-существом (132; 31.X).

Иное происходит на древнем Солнце. Эон Солнца начинается с повторения предыдущего, т. е. Престолы приводят к явлению свою субстанцию. Но некоторые Херувимы их жертвы не принимают, отсылают ее обратно, благодаря чему, по словам Рудольфа Штайнера, возникают как бы кольцеобразные облака жертвенного дыма, напоминающие кольца современного Сатурна. Но что означает этот отказ? Ведь из жертвы рождается время, существа времени. Отказавшиеся от жертвы Херувимы отказываются таким образом от бытия во времени, «... они избирают себе вечность, пребывание, неподчинение возникновению и прехождению» (132; 21.XI). Они, одним словом, отстают, предпочитают остаться в том, что было до древнего Сатурна. Конечно, их отставание не имело характера моральной ошибки. «Сами Боги, — говорит Рудольф Штайнер, — вызвали в мировом развитии своих противников». Боги как бы сказали себе: «Если мы будем устраивать все только сами, то мы никогда не встретим сопротивления ... (но) мы хотим существ, которые бы противодействовали нам; и тогда смогут развиваться свободные существа» (132; 14.XI).

Итак, на древнем Солнце происходит разделение на «время» и «вечность», и в этих условиях на ступень человека восходят Архангелы. Но прежде творятся Духи Времени, которые суть Духи Личности; они были сотворены Самим Божественным Словом. Как в условиях Земли «Слово стало плотью и обитало среди нас, полное благодати и истины», так на древнем Сатурне Слово стало Духом Личности и тем сотворило время — новый принцип развития, которому с тех пор подчиняется всякое становление я-сознания.

На Земле Слово пришло к «я-людям», как сказано в начале Евангелия от Иоанна, если сделать правильный перевод (в синодальном переводе стоит «к своим»). Эти «я-люди» потому и были «своими» для Слова, что уже на древнем Сатурне Оно сотворило их в неразрывной связи с Духами Личности* — личности нового рода, возникающей во времени, что всю Вселенную ввергло в новый процесс эволюции. Возникновение и прехождение, рождение и смерть, свет и тьма, дух и материя, добро и зло, свобода и необходимость — эти и многие другие противоположности стали атрибутами нового цикла эволюции, или тем «оселком», на котором в дальнейшем суждено было оттачивать личностное начало, впервые обретаемое сонмами новых существ.

Духи Личности родились в условиях еще не разделенного мира, благодаря чему личностное начало сущностно не включило в себя дуализм. Разделение коснулось лишь его акциденций, объективированных развитием во времени, где преодоление противоположностей рождает новое свойство бытия в мире Иерархий — свободу, обретаемую на основе выбора между добром и злом, и любовь, не обусловленную никакой необходимостью, которая по сию пору свойственна только Божественному Троиединству. Но в будущем овладеть такой любовью дано человеческому высшему Я, когда человек станет иерархическим существом. На пути к этой цели необходимо пройти через всю полноту опыта во временном бытии, что предполагает многократное прохождение через рождение и смерть, *пока их дуализм не будет преодолен в духовном синтезе*. Архангелы и Ангелы тоже обретают Я в условиях разделенного мира, но смерти они не знают. Источник их *субстанционального* происхождения находится в *досатурническом* состоянии мира. Смерть из всех существ Божественного мира познал только Христос.

Пришествие Христа имеет для человечества двоякое значение. Во-первых, важно знать, что Христос пришел на Землю из внешнего мира (по отношению к человеческому внутреннему), из мира выше-

* В Апокалипсисе в этой связи говорится о людях, чьи имена вписаны в «книгу Жизни».

го пространства, что «...имеет ценность вечности, а не просто временную ценность. ...Христос, как Дух пространства, принес в земную культуру нечто пространственное. И это есть отношение людей, стоящих в пространстве рядом друг с другом ...отношение души к душе вне зависимости от временных связей» (113;31.VIII). Вместо ставшего люциферизированным кровного родства Христос принес людям принцип духовного братства. Поэтому Христос, как разрушитель кровнородственного люциферизма, говорит: «...не мир пришел Я принести, но меч» (Мф.10; 34).

Следовательно, о пространстве надлежит говорить в двух смыслах: природно-эволюционном и духовно-эволюционном. Что касается первого, то там речь должна идти о многочленном существе человека, как о «сосуде Божием», существе временном. Соединяясь в душе и духе со Христом, человек преодолевает временное бытие и одновременно покидает трехмерное пространство, приобщается к вечности через переживание «Не я, но Христос во мне».

Значение Пришествия Христа, кроме многого другого, состоит еще в том, что Он принес человечеству, так сказать, чистое, не затронутое разделением время, время Духочеловека, субстанциональное время, которое родилось на древнем Сатурне как Духи Личности. Как и в отношении пространства, мы должны отличать эмпирическое время, время природного становления, которое вызывает годовой кругооборот природы и в которое также включен и человек, от чисто духовного, субстанционального времени, которое всецело выражается *в плодах личности*. Первый род времени повсеместно господствовал на Земле и в человеке до Мистерии Голгофы. И там, где человек не принимает Христа, он и поныне продолжает жить только в эмпирическом времени, в силах кровного родства — последнем выражении природного в человеческом царстве, в силах наследственности, группового сознания, одним словом: в царстве «детей Люцифера». Но если мы переживаем метаморфозу не только в ходе целой жизни, от семилетия к семилетию, но также в ходе каждого года, как метаморфозу семи великих христианских праздников, и переживаем так, что даем в своем низшем «я» — для чего его необходимо возвысить до души сознательной и там уметь жертвовать им, переходить от рефлексии к созерцанию — ожить Я Христа, то мы побеждаем временное и приобщаемся к жизни вечной.

Итак, христианизирова социальные отношения, приходя к духовному братству, мы христианизируем, так сказать, «социальное пространство», т. е. духовное пространство личности. В духовном же пространстве обитает Духочеловек, воскресший Христос. Вот почему: «Где двое соберутся во Имя Мое, там Я посреди них». Внося принцип временного развития, метаморфозу в жизнь сознания, мышления, человек христианизирует природное, эмпирическое

время, возвращает его вечности. *И на этом пути одухотворяется вся природа.* Христос само физическое тело человека однажды сделал чистым духом, Личностью, Я. Зачаток же Духочеловека был Духами Воли напечатлен тепловым монадам еще в конце древнего Сатурна. Там же индивидуальное Я обрели Духи Личности. Поэтому о содеянном Христом благодаря Мистерии Голгофы можно сказать: *Он соединил физическое тело человека с субстанциональным временем, с Духом Личности, как с индивидуальным Духом человека.*

Сами Духи Личности в земном зоне обладают Духочеловеком как высшим индивидуальным членом своего существа. Человек поднимется на такую высоту лишь в седьмом зоне. Но в Иисусе из Назарета силой Христа эта высота была достигнута в пасхальное воскресенье 33-го года христианской эры. А поскольку Духочеловек представляет собой синтез субстанции Я и времени, то Его бытие пронизывает все человечество. Каждый человек причастен Ему, претворяя вещество в субстанцию, преодолевая природное время, восходя в духе к высшему Я. В этом, собственно, и состоит путь христианина. С особой силой, рельефностью он выражен в цикле семи праздников года, если мы понимаем их глубинный смысл*. Овладение Духочеловеком означает окончательную победу над тем пространством и временем, внутри которых совершается эволюция мира в семи зонах. Но это также означает, что *все пространственно-временное заключено в пределах Духочеловека.* А когда мы читаем у Рудольфа Штайнера о том, как были сотворены Духи Времени, то имеем все основания видеть в том процессе становление всей материальной вселенной. Пожертвованная субстанция воли восходит от Престолов к Херувимам, звучит живое Слово, образованное эфирными силами, достигающими нас в гласных звуках (в человеческой речи мы имеем лишь их тень). Исходя от планет, духовные звуки ткнут в нас все временные процессы: жизненные процессы, а

* Тогда, среди многого прочего, открывается, например, смысл разделения церквей, истоки господствующих в них настроений. Известно, что в православии особенно глубоко переживается праздник Пасхи. Это происходит по причине господства в среде русского народа апокалиптического настроения, настроения ожидания момента выхода из эмпирического времени, одухотворенности плоти. В христианских церквях Зап. Европы преобладает настроение Рождества, а с ним — желание последовательно проходить все ступени земной эволюции. В каждом из этих настроений содержатся и односторонности: восточные христиане недооценивают значение физ. бытия, западные — переоценивают его и потому испытывают антипатию к мысли об Апокалипсисе, о конце земных времен. Одни грешат в своем отношении к настоящему, другие — к будущему. Отсюда следует, каков должен быть характер здоровых отношений между ними и что тогда следует понимать под реальным экуменизмом. Восточные христиане должны находить братскую, не фальшивую опору в настоящем с помощью западных христиан, а тем следует понимать, что среди восточных христиан зреет будущее всего человечества.

вместе с ними — наши внутренние органы, а потом и многое душевно-духовное.

На древнем Сатурне в жертве Престолов сущностно звучал зародыш нашей планетной системы. Шедшее навстречу его звучанию от Херувимов, Духов Гармонии, или Полноты Софии, ныне свой слабый отзвук находит в согласных нашей речи. В космосе субстанционально согласные звучат от знаков Зодиака, формируя человека и как телесное, и как душевно-духовное существо. На древнем Сатурне в сущностном звучании Херувимов творился мир неподвижных звезд, мир физического пространства. Их звучанием жертва Престолов была преобразована в существ времени, или личности. Слово стало Личностью *иным*, чем все вышестоящие Иерархии, образом. И бытие Времени-Личности побудило все Иерархии встать в особое отношение к творению: явить запредельное пространство в откровении, пойти на разделение мира и его существ, подчиниться закону возникновения в ином и прехождения. Бытию — вечному внепространственному — противостояло небытие — временное, пространственное. А между ними простерлось становление. Становление вызвало нисхождение бытия по ступеням: состояний жизни, формы и т. д., которые стали развиваться во времени. Потребовалась организация этого развития, благодаря которому от циклов инобытия стал образовываться некий «остаток» — личность, «овеществленное» время, как сущность. Для этой цели из взаимодействия Херувимов и Престолов и изошли, упомянутые выше, особые служебные духи — Духи кругооборота времен. Они не являются иерархическими существами, а отпрысками Иерархий. Позже, подобно им, возникли отпрыски второй Иерархии — групповые души животных, отпрыски третьей Иерархии — элементарные духи природы.

Рудольф Штайнер характеризует Духов кругооборота времен следующим образом: «Все, что совершается ритмически, что основано на повторении событий, — направляется Духами кругооборота времен, отпрысками существ первой Иерархии» (136; 7.III). В другой лекции он говорит, что они также прошли через человеческую ступень и в настоящее время в разной мере стоят выше человека. Все они могут оглянуться на свою прежнюю человеческую ступень и понять становящегося человека; а это значит, что и они прошли через ступень предметного сознания. Образовалось их по семь в каждом планетарном воплощении и три — в истекшем отрезке земного развития. Таким образом, продолжает Рудольф Штайнер, «двадцать четыре «человека» смотрят вниз на современного человека. Это существа, которых мы можем в хорошем смысле слова назвать регуляторами развития, регуляторами времени. Время связано с развитием. Это те 24 старца, которых мы встречаем в Апокалипсисе

Иоанна» (104; 22.VI). Они распределяют работу элементарных духов Земли «...по временам года, т. е. вызывают смену времен года в разных частях Земли. Они представляют собой то, что мы могли бы назвать астральным телом Земли. ...с этими существами связаны все виды распределения времени (в том числе смена дня и ночи), упорядочение временных и пространственных отношений. ...Они подлинны носители сил, вращающих Землю вокруг оси» (136; 4.III).

Из приведенных характеристик следует, что Духи кругооборота времен управляют метаморфозой самых больших этапов в развитии эонов — состояний жизни, рунд (табл.16). Они вводят во временное развитие деятельность Духов Мудрости, творящих эту жизнь, низводят ее на ступень астральной субстанции, пронизывают высшее эфирное планетарным астральным, т. е. самими собой, в результате чего жизнь входит в ту или иную форму, приобретает пространственный характер, а там, уже в астральном теле человека, возникает пространственно-временная человеческая личность — отражение (повторение) всего планетарного бытия, как состояния сознания, в инобытии.

Духи Мудрости не могут отделить творение от творца, им неведомо противопоставление, и они не могут вступать в пространственно-временное бытие; они имеют к нему лишь идеальное отношение. Поэтому и возникла необходимость в духах, управляющих эмпирическим временем, где внутри законов чувственного мира творится личность, почему Духам кругооборота времен подвластны элементарные духи природы (см. рис. 86). Время же, как сущность, есть совокупность Духов Личности.

Духам Личности не нужны служители. *Они являются временем в мире первого откровения, где одни существа состоят из других.* С момента своего возникновения, оставаясь с тех пор самостоятельными существами, Духи Личности одновременно стали низшим членом существ 2-й Иерархии, что и обусловило связь этих последних с законом возникновения и прехождения, поскольку они не подвластны закону рождения и смерти, в их сфере происходят лишь превращения. Все в существах 2-й Иерархии пронизано я-сознанием. И их соприкосновение с развитием во времени также стало я-сознанием, как еще одним членом их существа — Духом Личности.

Итак, семь ступеней большой метаморфозы, через которую проходит целое планетное воплощение, своим первофеноменом имеют семь Духов кругооборота времен. Закон, вызывающий превращение одной ступени в другую, есть Дух Личности. А поскольку в инобытии закон дан человеческому духу, то он есть та совокупность категорий, которая в пространстве выражает некое действие, происходящее в соответствии с декартовой системой координат. Их семичленная совокупность есть Дух Личности в явлении. Будучи ду-

хом метаморфозы, он и состав категорий (ее идеальное выражение) образует по принципу метаморфозы, которому подчинено все вошедшее в пространственно-временные отношения, в том числе и мыслящее сознание.

Мыслящее сознание нуждается в носителе — которого мы выявили в предыдущей главе, — в семичленном человеке, который является природным существом, возникшим в процессе деятельности Духов кругооборота времен. Мыслящее сознание, постигающее их взаимосвязь в седмице категорий, становится временем-личностью в себе, и так достигается та цель, ради которой родились Духи Времени (в аспекте антропоцентризма).

Рудольф Штайнер дает двоякое описание возникновения феномена времени. В одном случае — оно есть указанные 24 старца Апокалипсиса, Духи кругооборота времен. Они, как реальные существа, стоят за тем, что мы переживаем как 24 часа суток. Так выражают они себя в четвертой рунде (в других рундах структура времени, естественно, иная). Но в книге «Бытия» о становлении времени говорится по-другому. Там Элоимы, как разъясняет Рудольф Штайнер, своими высшими упорядочивающими силами создали свет и тогда на свое место поставили первых Духов Времени, Архаев — «*jom*» по-древнееврейски. Всего их было семь. Элоимы также противопоставили этим Архам других, отставших, действующих во тьме, в темной силе. И то, «...что жило во мраке, они назвали «*lilit*» (ночь). Это не наша абстрактная ночь, а сатурнические Архан, не достигшие солнечной ступени», т. е. отставшие (122; 21.III).

Как духи Времени, они образуют собой некое «противовремя», оппозицию эволюции во времени, значит *поциферически постоянно апеллируют к вечности*. Их роль в эволюции выражается в том, что Духи кругооборота времен низводят состояние жизни по четырем ступеням состояний формы, управляемым Духами Движения. — до пространственно-временного состояния и в этой деятельности побеждают «лилит», а на следующих трех ступенях вновь одухотворяют бытие, как бы побеждаются «лилит», и развитие переходит в пралайю.

Дело при этом, разумеется, не заключается в одних только отставших духах Времени, а в разделении всех Иерархий. Возникновение правомерных Духов Времени повлекло за собой вовлечение всех Иерархий в развитие во времени, сделало их причастными к процессу *возникновения и прехождения*, а следовательно вызвало *разделение* Иерархий. Они как бы стали по обе стороны творимого мира, то оплотняя его вплоть до состояния, где возникает физическая смерть, то одухотворяя до столь высоких состояний, которые не имеют ничего общего с проявленным бытием. Уходящее в духовный свет, в потустороннее, есть тьма с точки зрения проявленного бы-

тия, и наоборот. Но было бы ошибкой говорить о победе вечного над временным, как о победе зла над добром. Ибо мы имеем здесь дело не с нравственным законом. Поэтому и следует о разделении высших Иерархий, об отставании в них, говорить как о процессе сознательном, условном, а не как о нравственной ошибке, о зле.

Итак, за правомерными Духами Времени следуют все правомерные Иерархии, за отставшими — все отставшие. Их взаимным действием в эволюции мира вызываются два пограничных и по внутренней сути однозначных явления: *пралая и смерть*. Оба они означают кардинальную смену всех трех состояний: сознания, жизни и формы. В пределах указанных границ явление пралаи или смерти находит многообразное выражение в процессах метаморфоз. Идя сверху вниз по схеме эволюции мира (табл. 16), мы сначала находим Великую Пралаю, в которой исчезает, умирает вся проявленная Вселенная; такая Пралая отделяет зон от зона. Состояния жизни внутри каждого зона разделены малыми пралаями, где исчезает лишь мир второго откровения. А далее, в смене коренных рас, культур и вплоть до метаморфоз в природе, пралая выражается в *смене состояний формы без ее одухотворения*. Пралая здесь действует в смене имманентных закономерностей, что и приводит к метаморфозам проявленного бытия.

Снизу, навстречу этим, скажем, модифицированным состояниям пралаи идет феномен смерти. В полном смысле слова смерть переживает только человек, поскольку лишь он один реинкарнирует и обладает кармой. Смерть животного соотносится с его групповой душой и означает для нее лишь утрату одного из физических носителей единой жизни животного вида. В мире растений смерть вызывает цепь бесконечных превращений, что напоминает собой бытие высших духовных существ. Но не только в мире растений низшему напечатлены черты высшего. Мы находим их в царстве человека — в смене состояний сна и бодрствования. Засыпая, человек погружается в свою микропралаю, а в течение дня проходит через свою микроманвантару. И это примечательно, что в повседневном ритме жизни человека отпечатлен макропроцесс эволюции мира, идущий через планетные воплощения, разделенные Великими Пралаями.

Поистине, человек есть мера всех вещей. Микрокосмический цикл его жизни, протекающий в течение 24-х часов, связан с движением Земли вокруг своей оси. Следующий, годовой цикл метаморфоз, отображенный в четырех временах года, связан с движением Земли вокруг Солнца. Метаморфоза культурных эпох и коренных рас связана с платоновским годом, с движением Солнечной системы внутри круга Зодиака. Смена состояний формы, которую человек претерпевает, идя от одной инкарнации к другой, приводит к метаморфозе само время и пространство. Тогда круговое движе-

ние сменяется на линейное, идущее от Земли за круг Зодиака и обратно. На этом пути возникают ступени метаморфозы формы. Метаморфозы состояний жизни протекают во времени, ставшем пространством, т. е. простираются в прошлое и будущее, но не в эмпирическом времени. И именно таким образом движется сознание посвященного, чем оно отличается от движения души обычного человека после смерти, которой некое подобие высшего сознания дано лишь в короткий период Камалоки.

Так приходим мы к двоякому пониманию того, что в Библии названо «йом» и «лилит». Эти понятия означают не только «день» и «ночь»; за ними стоит разделение Иерархий и особое взаимодействие между ними. Те из них, которые отстали, избрали для себя «сумрак» вечности, они повсюду стремятся вечное излить в мгновение, дать откровение сразу всему сокрытому. Человек, входя в развитие, сначала испытывает действие таких существ, а далее освобождается от их люциферического влияния благодаря тому, что мгновение делает преходящим, метаморфозирует каждое состояние духа и как бы на волне метаморфоз восходит к вневременному высших Иерархий, где он будет принят лишь как индивидуальное Я, способное к высшим метаморфозам. В противоположность люциферическим духам, ариманические духи стремятся сделать человека лишь временным существом, оторвать нас от нашего космического прошлого, хотят мгновению, как таковому, придать характер вечности.

Такова, скажем, «лилит», обрекая нас на погружение в материю, а потом — на смерть, через которую мы от «лилит» освобождаемся*. Но процесс этот многопланов, состоит из целого ряда метаморфоз сознания. Одна из них совершается в смене дня и ночи. Предпосылки к этой смене были заложены уже на древнем Сатурне, который с определенного момента начал двигаться в круге небесных сил, образовавших позже круг Зодиака. Каждая область таких сил, согласно сообщениям Рудольфа Штайнера, выражала собой некоего рода мировой час. Всего их уже тогда было 12. Внутри них каждое планетное воплощение проходит через 7 состояний жизни, направляемых Духами кругооборота времен. Так возникают пространственно-временные отношения. Возникшая в мире первого откровения личность — Духи Личности — встает в разные отношения к Божественным Иерархиям. Эти отношения дают ей многообразие индивидуальных, возрастающих по силе переживаний. Череду взаимосвязей, идя от Иерархий, через Духов Личности в мир второго откровения, вызывает в нем к явлению многообразие многочисленных существ. Как бы чистая личность движется от одной зодиакальной

* Это с земной точки зрения, а в высшем смысле мы возвращаемся в вечность, в свет чистого духа.

области к другой. И это есть время. Движение личности вызывает ту или иную реакцию в существах Иерархий. Они воздействуют в определенном ритме на субстанцию личности. В ней возникает метаморфоза, а с нею — эмпирическое время, перетекающее в трехмерное пространство через формирование многочисленных существ.

Субстанция Духов Личности, согласно ее происхождению, сверхличностна, но поскольку она пожертвована, она есть не-Я. И она способна отражать, а поскольку отражение иерархично, то Духи Личности получают развитие, оно совершается во времени: поскольку отражает субстанция, в ней возникает развитие во времени. Вся субстанция желает стать Я. Но поскольку она бессознательна, личностное стремление в ней действием Духов кругооборота времен разворачивается в ряд пространственных состояний. Иными словами, эмпирическое время, в котором развитие ведут Духи кругооборота времен, и время-личность соотносятся между собой как горизонтальный и вертикальный векторы развития.

Пространство, как мы знаем, существовало и до возникновения древнего Сатурна. В нем становление осуществлялось в пребывающем, что нам трудно себе представить. Бытие и сущность там слиты воедино — вертикаль и горизонталь развития, присущие нашему циклу, там слиты в точку, но не упразднены. Мы говорим об их слиянии как об Абсолюте. Но сущность приходит к явлению, сокровенное — к откровению. И тогда перед нами встает некий «первокруг» — откровение сокровенного пространства, с которым неразрывно слито и то, что в откровении выступает как время. В сокровенном у времени иной облик — облик Я более высоких, чем Духи Личности, Иерархий. Они, можно сказать, живут во «внутреннем» времени. Такому Я присущ атрибут вечности, а значит — единство бытия и сущности. Для нас, смотрящих из феноменального мира, все это выступает как бы из сумрака небытия, из Пралайи, мировой ночи. Но в целом мы все же имеем дело с кругом развития, где не обусловленное — Пралайя — связано с откровением, поскольку оно положено. А тогда *полукруг семиступенной метаморфозы состояний жизни следует мыслить как часть круга, верхнюю половину которого образует Пралайя.*

В соответствии с законом становления во времени, этот круг следовало бы поделить на две равные части. Но тогда мы получили бы лишь эмпирическое время, разрушилась бы связь вечного с временным, личности с состояниями формы. Жизнь тогда пришла бы к вечному повторению. Поэтому периоды откровения чередуются с возвращением в сокровенное, чередуются состояния Я и не-Я, «я» и Я. Проявленное бытие образует 7 мировых дней (часов); его возврату в сущее соответствуют в явлении 5 мировых ночей (часов) — (рис. 93). При этом два «дневных» часа образуют переход от

мирового «дня» к «ночи» и от «ночи» ко «дню». Они образуют некоего рода «сумерки», переход от «хаоса» — мирового неопределенного — к «упорядоченному» бытию мира двух откровений.

В книге «Бытия», говорит Рудольф Штайнер, «Egeb»-«Boker» — не следует понимать лишь как «вечер»-«утро». «Мы должны сказать: и был «Egeb», т. е. запутанное, беспорядочное, а стал «Boker», т. е. порядок, или упорядоченное» (122; 20.III), т. е. предопределенное. А это и означает выход в становление, идущее путем семичленных метаморфоз.

Полученное представление дополняет наше понимание характера пралайи и манвантары. Будучи взятыми вместе, они, по сути, образуют единство. В нем выражается связь Бога со своим откровением. Внутри его совершается постоянное перетекание высшего пространства в эмпирическое время и наоборот, в результате чего творится я, личность (рис. 94). Поэтому Духи Личности, или Времени, образуют основание отношения между становлением «я» в пространстве (многочленный человек) и в движении внутри эмпирического времени и высшим, вневременным пространством.

При переходе из пралайи в манвантару происходит, говоря языком физики, некоего рода «искривление» пространства, последовательное становление его одно-, двух- и трехмерным. На языке эзотерики это означает, что пространство приходит к откровению, переходит во время, в чем выражается подчинение высших Иерархий

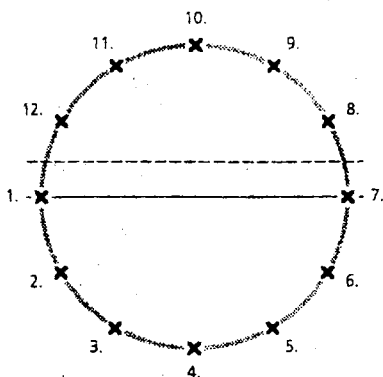

Рис. 93

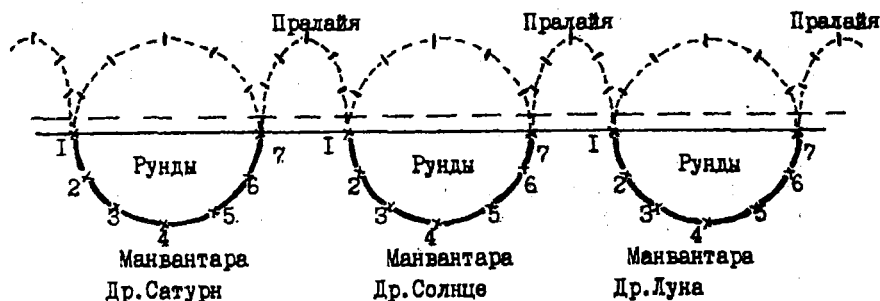

Рис. 94

закону возникновения и прехождения, закону метаморфозы, а в высшем смысле — закону смены сущего и бытия*.

Таким образом, состояние пралайи, сколь бы высоким оно ни было, в силу своей связи с явлением также подчиняется определенному закону развития, данному нашему мыслящему сознанию. Она в пределах Единства пятичленна и, в то же время, она есть чистая личность, Я с отношением к не-Я, начиная с древнего Сатурна. В пралайе сотворенный субъект возвращается к абсолютному Субъекту.

3. Система категорий и время

ВЫЯВЛЕННЫЙ НАМИ великий Первофеномен всякого бытия находит свое бесконечно многообразное выражение в становлении феноменального мира. В инобытии пралайи образует интервалы между ступенями семичленной метаморфозы (почему их не 5, а 6 — об этом речь впереди). Но поскольку метаморфозы являются всего лишь орудиями творения индивидуального сознания, то пралайя, как элемент метаморфозы, есть состояние, в котором объект возвращается к субъекту. В царствах природы этот субъект всегда высшего порядка — групповое «Я», постоянно пребывающее в мире первого откровения, вмешательство которого в мир второго откровения означает для последнего смену действующих в нем имманентных закономерностей: исчезновение бытия на одной ступени метаморфозы и возникновения его на другой.

Человек свой субъект имеет в мире *второго* откровения, его Я в той или иной мере пребывает в «я», что выражается в пятичленном существе человека, пребывающего в семичленном существе трехмерного пространства. Благодаря семичленному существу субъект *живет в пространстве, в пространстве живет то, что по своей сути принадлежит пралайе*. Это бытие субъекта разворачивается в цепь личностных состояний, которые и дают переживание течения времени. Мир явлений, как оплотневший дух, и «я», как мыслесущество, противостоят друг другу, будучи разделенными пространством, многочленным существом человека (царства природы суть производные от этого существа). Но они стремятся прийти к единству: две идеи — мировая и человеческого субъекта, чем вызывается цепь метаморфоз. Они представляют собой явление индивидуально-

* В соответствии с рис. 94 нам следует и древний Сатурн представить себе отделенным от того, что было до него, пралайей — в том смысле, в каком ею разделены последующие зоны. По сути, так оно и есть, ибо все, что пребывает выше пунктирной линии на рисунке, живет в вечности, где в начале пребывает и конец: «Альфа» и «Омега».

го начала разной высоты. В проявленных ступенях метаморфозы личное изливается в явление, пространство Я переходит во время «я»; между проявленными ступенями время переходит, оно «уходит» в одномерное пространство, в пралаю, где мировая идея и человеческий субъект сливаются в единство. Так происходит после смерти и каждую ночь при засыпании.

Так переливаются друг в друга время и пространство. Пространство двенадцатичленно, время семичленно. Между ними, как связующее звено, выступает пятичленная пралая — высший субъект. Время-личность, соединяясь с жизнесуществом, с трехмерным пространством, образует семичленного человека. Время есть личность, соотношенная с пространством. Из их взаимосвязи возникают, с одной стороны, двенадцатичленный человек, с другой — двенадцатичленная структура времени. Таков процесс метаморфозы времени в пространство и наоборот. В обе стороны она протекает через человека. В результате развития во времени возникает семичленный человек. Он возникает в результате 7 «дней» — это проявленное бытие — и 5 «ночей» — это чистый субъект. В феноменальном мире и то и другое получает пространственно-временное выражение.

Время имеет тенденцию, с одной стороны, восходить к вечности; поэтому оно есть откровение единого Бога. С другой стороны, оно переводит бытие в трехмерное пространство, которое есть откровение триединого Бога. Оба откровения опосредованы действием двенадцати родов существ интеллигибельного мира; т. е. идеальная полнота мира также двенадцатичленна.

Все вместе взятое снова подводит нас к проблеме идеального выражения реальности. Мы снова должны, поскольку реальность дана нашему мыслящему сознанию, искать первоисток ее познания в системе категорий, адекватно выражающих ее во всей полноте и сути. В предыдущей главе мы выявили семь категорий, раскрывающих природу сил, творящих семичленного человека в трехмерном пространстве путем метаморфозы (они выражают превращение времени в пространство). Теперь к ним добавляются еще пять. Тогда в своей совокупности они выражают становление человека индивидуальным духом, способным подняться над пространственно-временными отношениями, упразднить их.

Пять новых категорий соответствуют той части двенадцатичленного круга эволюции (рис. 94), которая периодически исчезает в пралае. Состояние пралаи описать нельзя. Субъект там возвращается к себе. Но в явлении Субъект открывается как первофеномен. И тогда его можно выразить с помощью следующих категорий: *бытия, становления, сущности, качества, количества*. В этих категориях выражается актуальность, *действие* Субъекта. Его

объективация выражается с помощью других семи категорий. Вся совокупность двенадцати категорий описывает процесс становления Я не-Я — человеческим «я».

Рудольф Штайнер в цикле лекций «Человеческая и космическая мысль» (ИПН.151) дал двенадцатичленную систему мировоззрений, с помощью которой индивидуальное «я» постигает рефлектирующим сознанием ту Полноту Мудрости, навстречу которой на древнем Сатурне устремилась жертва Престолов (рис. 95). В каждом из перечисленных мировоззрений выражается лишь $\frac{1}{12}$ истины. Это значит, что всякий объект, предстающий мыслящему сознанию, имеет 12 сторон и должен быть обдуман с каждой из них, если мы действительно желаем его познать. Так действует человеческий вневременной, т. е. ставший дух. Но прежде чем он возникнет, мы имеем дело со становлением индивидуального «я» в кругу двенадцати восприятий чувств. Их состав разбивается на две группы: 7 и 5, о чем довольно подробно шла речь в третьей главе. Теперь нам становится еще понятнее, что стоит за движением восприятий чувств по лемнискате в зависимости от времен года (см. рис. 54). Оно обусловлено *живым взаимодействием пространства и времени, метаморфозы и Субъекта, рождающих индивидуальную человеческую душу в трехчленном человеке — обмена веществ, ритма и перво-чувственной системы* (см. также рис. 37).

Рис. 95

По отношению к семи категориям, образующим цепь метаморфоз, новые пять категорий являются некоего рода «промежутками», «интервалами» между ступенями метаморфозы, «исчезая» в которых, процесс метаморфозы возрождается на новой ступени.

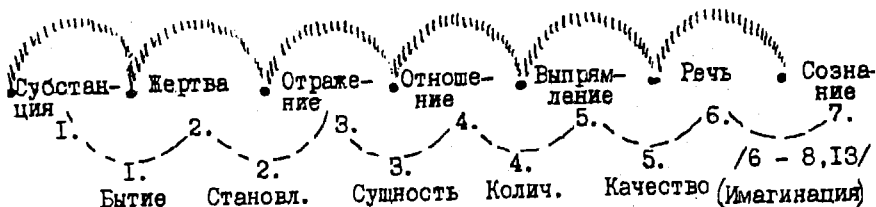

Табл. 17

Взаимосвязь между обеими группами категорий образуется благодаря тому, что сначала категории действия и категории объективации абсолютного субъекта образуют симметричный ряд парных отношений, в чем находит свое выражение лишь пространственный принцип творения:

Т Субстанция	⌘ Жертва	И Отражение	⌘ Отношение	Л Выпрямление	т Речь
Ж Бытие	≈ Становление	⌘ Сущность	⌘ Количество	т Качество	⌘ Сознание

Табл. 18

Здесь нижний ряд показывает способы действия Божественной Сущности, а верхний — что из этого образуется в мире откровения. Такое соотношение существует реально, но благодаря одному ему в творении никогда не возникла бы духовно автономная сущность. Поэтому произошло все то, что в Духовной науке описывается как процесс отставания и связанная с ним материализация миров. В творении наравне с прямым действием Божественного мира, возникло его косвенное действие. Оно, как закон, вошло в «горизонтально» протекающую череду метаморфоз (т. е. в эмпирическом времени), пронизало их от первой до седьмой ступени, и благодаря этому богданное сознание стало оживать в ином через эволюцию видов.

Единое Божество в трехипостасном явлении вызвало к жизни семичленный цикл эволюции. В нем возник трехчленный человек конечностей, ритма и головы, потом — тела, души и духа (но можно сказать и наоборот). Как живое пространство, он становится семичленным, а вырабатывая индивидуальное я — двенадцатичленным. Семичленность становится формой временного развития в пространстве, двенадцатичленность — формой пространственного становления во времени.

Но единое Божество, каким оно пребывает в Пралайе, во второй раз пронизало творение, как из вечности выступающее Я, что нашло свое выражение во второй группе из пяти категорий. Его действием симметричный ряд категорий (табл.18) перестроился по другому принципу. (Категория «сознание» является динамической, в плане

вселенского Сознания, и — плодом творения, в плане индивидуального «я».) Возник метаморфизирующий ряд из семи категорий, выражающий развитие во времени. Пять других категорий показывают, почему эта метаморфоза происходит. Она происходит под действием вселенского Я. Пять выражающих его действие категорий не метаморфизируются друг в друга: бытие не превращается в становление, становление — в сущность и т. д. Но они показывают то, что всегда остается скрытым в метаморфозах феноменального мира. И теперь мы узнаем, что субстанция и жертва приходят во взаимосвязь потому, что ее опосредует бытие. При этом равно ли бытие небытию и каково отношение бытия к инобытию, не играет перво-степенной роли.

Что впервые выступает из Великой Пралайи, есть субстанция, а первое, что дано рожденному индивидуальному духу, есть мысль. С субстанции начинается мир, как Макрокосм; с мышления о мышлении начинается мир микрокосма. Макрокосм выражает себя в микрокосме двояко: творя его как существо и открываясь в его мышлении. И то и другое (природа и дух) подчинено закону метаморфозы. Сама же метаморфоза — природно-духовная; дух заключен в ней как природа в природе, как закон. Метаморфоза в сфере чистого мышления, протекающего по законам имажинативной логики, образует собственную природу субъекта, его мир, в котором он сам выступает как творец, как богоподобное существо.

Субстанция и жертва приходят не только к высшему отношению, но и к взаимодействию; к бытию добавляется становление, и тогда рождается отражение: субстанция—отражение, Я—не-Я. В субстанции отражаются сущности, Иерархии, и благодаря их отражению возникают отношения в мирах обоих откровений и между мирами. Становление делается сущностным, в нем рождаются сначала индивидуализированные существа 3-й Иерархии, а потом человек и т. д.

Подобный анализ категорий, одновременно онтологический и теоретико-познавательный, раскрывает нам эволюцию мира в ее феноменах бытия и сознания и всего многообразия конкретных связей между ними.

Но у нас остался не раскрытым еще один элемент. по праву принадлежащий к Collegium категорий, сам при этом вполне категорией не являясь (табл. 17). Это имажинация. Она принадлежит к первой ступени высшего, сверхчувственного познания, где сознание и бытие приходят к единству. Имагинация выражает собой явление Я в «я», возникающем в результате временного развития, и как таковая присутствует в мире чувственной реальности, образуя связующее звено между ее метаморфозами и высшим миром. Имагинация является восьмым элементом в цикле метаморфоз, она возводит его к своего рода октаве, а

потому *имеет отношение к его имманентному закону*. И здесь мы касаемся тайны взаимосвязи явления и вещи в себе, имманентного и трансцендентного. Лишь последовательный анализ категорий, проведенный на основе духовно-научного понимания эволюции, дает нам решение этих фундаментальных проблем философии.

Восьмая ступень является повторением первой на более высоком уровне развития. Повторение это не механическое. Октава, рождаясь в ходе предыдущего цикла метаморфоз, обладает и самостоятельным значением. На самом высоком уровне мы можем позволить себе сказать, что три Ипостаси Бога, явленные у истоков нашего цикла эволюции, представляют собой некоего рода восхождение к октаве досатурнического развития, которое для нас есть единый Бог. Именно потому, что на месте феноменологического отношения семи к восьмому на более высоком уровне встает отношение одного к трем, мы говорим о принципиально иных законах досатурнического развития.

В кругу 12-ти категорий имагинация, как 13-я, стоит в центре. Она выражает собой пространственное присутствие Я в «я», без чего «я», уже возникнув, все равно не нашло бы обратного пути к Богу, к внепространственному, как без 8-го элемента метаморфоза никогда не вышла бы из вечного повторения. Если говорить точнее, 8-я ступень следует не за 7-й — там начинается 1-я ступень нового цикла, — а представляет собой таинственный интервал между 6-й и 7-й ступенями, переходящий в 8-ю ступень, или в начало нового цикла. Эту тайну мы способны понять, вспомнив, что пятеричность категорий является выражением абсолютного Субъекта. Цель же метаморфоз состоит в обретении объектом я. Поэтому октава, зарождающаяся в ряду интервалов, и является реализацией заложенных в цикле метаморфоз потенциалов индивидуализации. Именно благодаря этому разрывается круг вечного повторения. От цикла к циклу возрастает присутствие Субъекта в интервалах, что дает новый облик явлению вплоть до той высшей его формы, которая оказывается способной вместить в себя мыслящее сознание. Вслед за тем встает задача подняться к более высокому, имагинативному сознанию, соединить сознание с бытием, стать, как «я», 13-м в кругу 12-ти, что означает переход в двух- и одномерное пространство высшего Я. выход из протекающих во времени метаморфоз в вечность*.

Мы говорили ранее, что в имагинативной логике на 6-й ступени происходит индивидуализация идеи, идея как бы обретает свое «я». Это «я» идей подхватывается высшим Я и приходит к высшему синтезу логического; Я приводит к синтезу весь логический ряд: возни-

* На прафеноменальном уровне тут еще следует обдумать то обстоятельство, что Великие Пралаи возникают, так сказать, «по вертикали» бытия. См. об этом в другой книге автора: «Архангел Михаил и михазлиты». М. 1998.

кает 7-я ступень. А далее роль высшего Я еще более возрастает, оно переводит одну метаморфозу в другую. В индивидуальном опыте мыслящего духа такой процесс осуществляется с переходом от рефлектирующего мышления к имажинативному. Став «я» в душе сознательной, человек получает задачу изменить технику мышления, обратиться к медитативному мышлению, где присутствие Я в «я» обнаруживается сначала в созерцающей силе суждения. Она возводит мышление, движущееся по законам имажинативной логики, на ступень посвящения путем апелляции к высшему Я: к имажинации не восходят, а с нужной долей благоговения ждут ее нисхождения в душу сознательную. Здесь мало одной теории познания. Опыт познания здесь должен органично вобрать в себя этическое начало.

Но вернемся еще раз к категориям Аристотеля. Выявляя их состав, этот гениальный философ несомненно руководствовался не только понятийным мышлением, но также определенным прозрением в мир прафеноменов. Однако, сохранившееся лишь частично, его философское наследие, загадочный характер самой философии Аристотеля не позволяют с полной достоверностью определить ни количество данных им категорий, ни их порядок. Наиболее авторитетное суждение по этому вопросу высказал большой знаток философии Фомы Аквинского Франц Brentano в опубликованной им в 1862 г. работе «О многообразном значении сущего у Аристотеля».

Brentano насчитал у Аристотеля 10 категорий и разбил их на пары, что представляет для нас особый интерес в связи с тем, что было показано в табл. 18. При этом категорию «субстанция» Brentano ставит на первое место, а «отношение» — на последнее, между ними располагаются: время и пространство, количество и качество, действие и страдание, обладание и положение.

Рудольф Штайнер, касаясь категорий Аристотеля, говорит, что их у него «восемь-девять» и дает такой их состав:

Количество, или число
Качество, или свойство
Отношение
Пространство
Время
Положение
Деяние
Страдание (233-а; 1.1).

С точки зрения нашего изложения такой подход Рудольфа Штайнера к аристотелевским категориям вполне понятен. В нем выделено их скрытое отношение к закону метаморфозы. Но ведь иначе Аристотель и не мог поступить, если за понятиями он все еще переживал, хотя и более смутно, чем его учитель Платон, интелли-

гибельный мир мыслесуществ. Мышление Аристотеля, не лишенное некоторых черт интеллектуального созерцания*, не могло не переживать живое становление мыслесущества по закону метаморфозы. Поняв это, мы получаем надежный критерий для выявления системы категорий в философии Аристотеля.

Что касается «пространства» интеллигибельного мира, то его Аристотель не мог переживать так, как это стало возможно в наше время. Ибо в греко-латинской культурной эпохе устои личности были еще слишком слабы, «я» философа изживало себя в душе рассудочной, лишь только начинало овладевать силой рефлексии и было еще не способно восходить к созерцающему суждению на границе души сознательной и Самодуха. Созерцание Аристотеля было еще обращено к старому, угасавшему ясновидению групповой душевности греков. Из наложения того опыта на опыт мыслящего сознания, проявившегося в Аристотеле с особой силой, и явились его категории: как тени миротворящих существ. Поэтому в той или иной форме категории Аристотеля должны были отражать закон метаморфозы и, если не иметь, то хотя бы тяготеть к двенадцатичленной структуре.

Интересную попытку выявить эту структуру на базе Антропософии предпринял Г. Шуберт. Установленный Брентано ряд аристотелевских категорий он приводит в связь с кругом Зодиака. Он задается вопросом: «Что категории способны высказать всеобъемлющим образом о бытии мира?» и дает на него такой ответ: «Всеобщая субстанция образует основу всего, она открывает себя во времени и пространстве, дифференцируется согласно количеству и качеству, проходит через деяние и страдание и приходит к правильному отношению. Она определяет свое положение и чувствует себя в своем последнем аспекте как замкнутое единство, которое снова устанавливает свое отношение ко всему в целом»¹⁰⁰.

По поводу того, что категорий у Аристотеля 10, а знаков Зодиака 12, Шуберт пишет, что в прошлом в астрологии господствовало представление о десятичленном круге Зодиака. Знак Весов в нем появился позже, а знаки Девы и Скорпиона были объединены в один знак. На подобном представлении о круге Зодиака построена древнееврейская система десяти зефиротов — некоего рода предшественников категорий, менее абстрактных и более обращенных к сверхчувственному созерцанию**.

* Оно у него, правда, всецело оставалось на заднем плане, и философствовал он вполне абстрактно, но сам закон движения мысли переживал скорее в духе Платона, чем Гегеля.

** Однако можно допустить мысль, что у Аристотеля было все же 12 категорий, поскольку и двенадцатичленный круг Зодиака был известен в его время. Или у него их могло быть только 8.

Две недостающие для современного представления о Зодиаке категории Шуберт находит у Рудольфа Штайнера. Ими, по его мнению, должны быть «сущность» и «явление». В целом Шуберт дает ряд взаимосвязей, приведенных в табл. 19 (три левых колонки).

зефироты				категории			
1	♄	Кетер	Корона	Субстанция	8. Качество	Субст.	Υ
2	♅	—	—	(Сущность)	7. Сознание	Жертва	♄
3	♆	—	—	(Явление)	6. Речь	Отраж.	Π
4	♇	Хокмах	Бож. Мудрость	Время	5. Выпрямление	Отнош.	♅
5	♈	Бинах	Косм. Интел.	Простр-во	4. Отношение	Выпрям.	♇
6	♉	Гедуллах	Величие	Кол-во	3. Отражение	Речь	♈
7	♊	Гебурах	Сила	Качество	2. Жертва	Сознание	♉
8	♋	Тиферет	Откров. прекр. в творении	Деяние	1. Субстанция	Качество	♊
9	♌	Нецах	Победа жизни над смертью	Страдание	12. Бытие	Количество	♋
10	♍	Ход	Существование (экзистенция)	Положение	11. Становление	Сущность	♌
11	♎	Есод	Фундамент	Место	10. Сущность	Становление	♍
12	♏	Малькут	Небесное царство на Земле (я-человек)	Отношение	9. Количество	Бытие	♎

Табл. 19

Сопоставим их с тем, что выявлено в ходе наших исследований и тогда, как нам представляется, становится вполне очевидным, что наш свод категорий в большей мере отвечает задачам познания мира и человека в эпоху души сознательной.

Время неразрывно связано с развитием и движением, результатом которых является возвышение личности. Развитие, которое одновременно есть и движение, осуществляется благодаря ритму и противопоставлению. Взаимодействие ритма и противопоставления выражается в виде метаморфозы, которая многообразно модифицируется силами пространства.

То время и пространство, в которых мы живем теперь, возникли в результате длительной эволюции. В чувственном мире они находятся в неразрывном единстве, подобно тому, как взаимодействие мыслей, чувств и волеизъявлений образует единый феномен душевной жизни. Что касается становления, то в нем бытие переходит с одного плана на другой, прафеномены раскрываются в феноменах и т. д.

Тайна «учреждения» мировых часов, движение которых ввергает нас в инкарнацию, подчиняет закону возникновения и прехождения, возводит, как «душу живую», к мыслящему сознанию и вновь

возвращает в вечность, — соединяет в себе как принцип эволюции, так и принцип становления.

Иными словами, время образует равнодействующую двух упомянутых выше векторов. В земном эоне оно было «учреждено» при прохождении эволюции через состояния жизни. Как мы уже знаем, одно планетное воплощение состоит из 7-ми состояний жизни (7 «дней») и 5-ти состояний пралайи (5 «ночей»)*. В своей совокупности они образуют единство бытия и сознания. Земной эон — 4-й в ряду эволюции мира. В нем пространство и время получают свой законченный в чувственной реальности вид. Человек здесь становится четырехчленным существом. Цепь макрометаморфозы (семь эонов), проходящей через Земной эон, вся целиком, как семичленность (от трех через четвертое к семи), разворачивается в феноменологии чувственной реальности. В силу всех этих причин и время получает законченный двенадцатичленный характер. Как эмпирическое время, его образуют 24 Духа кругооборота времен. Такова сумма «больших дней» — по 7 в трех прошедших зонах и 3 земных. Но время есть также Личность. Личность же по своей сути трансцендентна, она подвержена перевоплощениям. Поэтому у времени имеется второй аспект: дневной-ночной. И мы тогда говорим о сложном времени планетного воплощения, как состоящем из манвантары (7 часов, «дней») и пралайи (5 часов, «ночей»). Важным здесь является число 12 и двоичность, которая выражает соотношение дня и ночи (начиная от манвантары и пралайи и до бодрствования и сна), время-личность и принцип метаморфозы: семь ее ступеней и пять интервалов (шестой — октава; см. рис. 94 и табл. 17).

Уже в условиях земного эона единое земно-солнечное тело, прежде чем войти в пространство минерального состояния жизни, прошло через повторение всего, что было в прошлых зонах. И тогда из мирового пространства выступили 24 Духа кругооборота времен. Земля обошла их мировой круг в одухотворенном состоянии формы, в духовном свете, и это было «светлое время»; во второй раз это был круг инобытия, в котором Солнце еще не давало физического света, — «темное время». Так трансцендентное время-личность из «тьмы» пралайи перешло во тьму внешнего бытия, а для эмпирического времени, протекающего под действием физического света Солнца, был воссоздан праобраз в «лучах» духовного света. При этом и то и другое получило двенадцатичленный характер. И ныне мы говорим о двенадцатичленном существе человека, живущего в пространстве и времени. Он одновременно — и семичленное физическое существо с пятичленным духом и двенадцатичленное физи-

* Вернее сказать: пятичленная пралайя (см. рис. 94).

ческое существо с двенадцатичленной системой восприятий чувств и т. д., и т. п. Одним словом, мы получаем окончательный образ того, как жизнь, форма и сознание, приходя в человеческом существе во взаимосвязь, образуют процесс перетекания времени в пространство и пространства во время. Все это еще получает числовое выражение в ряду магических чисел 1-3-4-5-7-12.

В процессе эволюции происходит то сгущение духа в материю, то разрежение, одухотворение материи. Если бы время было только эмпирическим, оно вело бы лишь к становлению, исключило бы прехождение. Метаморфоза стала бы двенадцатичленной и потеряла бы связь с духом, дух навеки остался бы закрепощенным в вечном повторении инобытия. Поэтому в двенадцатичности семичленная метаморфоза отделена от пятичленности духа, а в результате жизнь дневная (эмпирическая) побеждается смертьюночью, трансцендентальным, вечностью. Время побеждается пространством, органическое — индивидуально-духовным. Процесс этот начинается в человеке, когда его мышление становится понятийным и получает жизнь за счет умирания материи нервов, а заканчивается с переходом манвантары в пралайю. Таков результат, скажем, победы пространства над временем.

Когда время побеждает пространство, то имеет место развитие внутри двенадцатичленного пространства круга Зодиака, которое выражается в движении Солнечной системы через платоновский год, а также в движении Земли вокруг Солнца и вокруг собственной оси. Все виды движения ориентированы на зодиакальный круг, но циклы совершающегося развития не однозначны (табл. 20).

Вращение Земли вокруг оси	— 24 части 12x2 (часы)	— 12 знаков Зодиака
Вращение Земли вокруг Солнца	— 12 частей (месяцы) 52x7 (недели, дни)	— 12 знаков Зодиака
Платоновский год — движение Солнца и Земли по кругу Зодиака	— 12 частей (культур- ные эпохи, слагающие — по 7 — коренные расы)	— 12 знаков Зодиака

Табл. 20

В ходе платоновского года Солнечная система проходит через сферы то дневных, то ночных знаков, что существенным образом сказывается на характере развития. В нашем платоновском годе Солнечная система в сферу дневных знаков вошла с переходом от

атлантической к послееатлантической коренной расе. Под знаком Рака стояла первая послееатлантическая, индийская культурная эпоха. В конце седьмой, американской культурной эпохи человечество перейдет в следующую коренную расу, а Солнечная система — в сферу ночных знаков.

В ходе земного года ночным знакам соответствует период зимы, состояние наибольшей пробужденности человеческого индивидуального сознания, дневным знакам — период лета и ослабление сил мышления. В ходе платоновского года все семь культур послееатлантической коренной расы соответствуют мировому дню. Они представляют собой высшее проявление земной манвантары, когда духовное рождается на базе органического, космический принцип метаморфозы приобретает характер эволюции видов. Время побеждает пространство (высшее), так что оно приобретает иллюзорный характер материального мира и реально живет в нем лишь в форме абстрактной идеи. Но побежденное пространство приобретает также вид многочленного существа человека, в котором время живет в форме индивидуального духа, духа человеческой личности.

Если семь культурных эпох взять с точки зрения тех достижений, которые становятся достоянием не отдельных, а многих людей, то мы можем дать им следующий образ (рис. 96).

На этом рисунке треугольник главенствует над четырехугольником, как сознательное над бессознательным. Однако и там и там движение осуществляется за счет метаморфозы. И мыслящее сознание, если оно обретает жизнь, движется по законам имажинативной логики, во времени и постепенно охватывает собой четырехугольник бессознательного, обращенный в своей бессознательности к вечности.

В конце нашей коренной расы развитие индивидуального человеческого духа получит сильную тенденцию к выходу из эмпирического времени. Следующая коренная раса будет носить характер обратный характеру нашей коренной расы, где мы проходим через отношение 7 к 5: сначала *феноменология космического духа*, затем рождение высшего Я в индивидуальном «я», синтез бытия и инобытия. Но следующая коренная раса будет развиваться в отношении 5 к 7. Ее культурные эпохи уходят в следующий платоновский год, в сферу дневных знаков, где будет иметь место *феноменология*

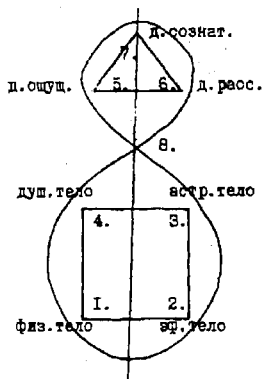

Рис. 96

человеческого духа внутри космического*. Дух человеческой личности вернется в двухмерность имминативного пространства, а иллюзорное пространство трехмерного материального мира прейдет. Физическое тело человека возвысится над веществом, человек одухотворится, что, правда, еще не будет означать наступление пралайи. Переход из одной коренной расы в другую означает лишь существенные перемены в соотношении бытия и сознания, но полного их единства еще не возникает, поскольку развитие остается в пределах одного и того же состояния формы Божественного откровения.

Если пойти в другую сторону от платоновского года — к году земному, то здесь развитие чрезвычайно уплотняется. Что в первом стоит под управлением Духов Личности (культурные эпохи), во втором сжимается до размеров месяца, а что внутри культурных эпох представляет собой смену регентства семи Архангелов, в земном году соответствует семи великим праздникам или недельному циклу. Соотношения эти следует, естественно, мыслить более идеально, чем эволютивно. Однако они существуют и реально обращены к человеческому духу. Действующие в них духовные существа не знают смерти, а только превращения, каковые и вызывают в мире земного бытия и сознания.

Семь ведущих Архангелов своим бытием и сознанием связаны с семью планетными сферами (264, стр. 192—193) и поэтому действуют во временном становлении, в цикле семи дней недели. Кроме того, Архангелы, или, как их еще называют, «Ангелы начал» «всегда находятся в начале времени, когда, скажем, возникают народы, когда народы в первый раз вступают в мировую историю» (156; 6.X). Одни Архангелы помогают отдельным людям приходить в связь с другими Архангелами — с Душами народов, а также с Душами рас. Архангелы простирают свою деятельность вплоть до животного царства (102. 20.IV). Это последнее, важное для нас обстоятельство, мы рассмотрим позже, а сейчас еще отметим, что через Архангелов выражается свойство Духов Времени вызывать становление индивидуального духа во времени, что, собственно, и приводит к преодолению времени пространством, к возникновению состояния пралайи, которое присутствует уже в материальном бытии как *индивидуальный дух*. Через Архангелов Духи Времени, или Духи Личности, приходят в связь с пространством, в результате чего возникает

* Этому состоянию человеческого духа будет свойственно свободное сознательное движение во времени от прошлого к будущему и обратно. Время станет для него чередой пространственных картин бытия — пройденного и грядущего. Вместе с тем, возрастет и воздействие человека на будущее и прошлое, т. е. он овладеет некоторыми атрибутами космического духа, феноменология которого породила наше «я».

человек как микрокосм, как существо, обретающее на базе тройственной телесности душевные свойства и благодаря этому рождающее в себе и собой трехмерное пространство.

В ходе недельного цикла развития Архангелы, опосредуя действия планетарных духов, способствуют выработке душевного тела, а затем дара речи и способности переживать мудрость и любовь. С переходом времени в годовое пространство Архангелы приходят в связь с Духами кругооборота времен, которые своим семичленным действием вызывают разгорание и затухание семичленных метаморфоз в растительном, животном и человеческом царствах. *Но духов кругооборота времен 24, т. е. они имеют тенденцию метаморфозу всегда вводить в трехмерное пространство, а значит — в материю.* И тогда Архангелы влетают в эту живую связь семичленности с двенадцатичленностью, времени с пространством и вызывают в ней четырехчленный цикл не смены сезонов (это делают Духи кругооборота времен), а смены внутренних состояний в человеке: человек все больше освобождается от органического, биологического и набирает силу как индивидуальный дух. Возникающие при этом связи показаны в табл. 21.

Ведущие Архангелы года	Свойства, вызываемые их действием в человеке	Праздники
Гавриил	Консолидация рассудка Осторожность Система обмена веществ Искушение злом — <i>Берегись зла!</i>	Рождество
Рафаил	Покаяние Справедливость Система ритма, дыхания Целение <i>Познай себя!</i>	Пасха
Уриил	Просветление, моральные импульсы Духовная мудрость, сила мысли <i>Восприми свет!</i>	Летний праздник Иоанна
Михаил	Познание, познание природы сила движения, воля Душевное мужество <i>Следи за собой!</i>	Осенний праздник Михаила (223; 8.IV)

Табл. 21

Особенность приведенных здесь связей заключается в том, что природное в них тесно переплетено с индивидуально-духовным, а все в целом хочет стать то одной лишь жизнью (летом), то одним лишь сознанием (зимой). Тяга к претворению духовного в органическое (стремление к прорастанию подступает даже к нервной системе) преодолевается переходом четырех праздников года к семи, о чем у нас шла речь в четвертой главе. Поэтому вместо возврата к животному состоянию, к групповой душевности, человек возвышается до индивидуального «я» и как таковой живет в смене сна и бодрствования, что для индивидуального духа (групповое «Я» не знает столь резкого различия состояний сознания во время бодрствования и сна) означает смену на микрокосмическом уровне состояний манвантары и пралайи. Для этого 24 старца, или Духа кругооборота времен, и образовали 24-часовой цикл суток. В ходе их, в смене сна и бодрствования повторяется нечто, напоминающее те перемены, которые природа переживает в смене сезонов года. Человеческое же сознание переживает переходы от бытия во времени и трехмерном пространстве к бытию в вечности.

Перемены состояний сознания при переходе от бодрствования ко сну, сопровождаются кардинальным изменением соотношения оболочек. В ходе года оно также меняется, но более пластично, без перехода между отдельными ступенями метаморфозы в сверхсознательное, в пралайю. В ходе же суток человек повторяет гигантский отрезок своей эволюции: от момента вхождения в земной эон до момента становления индивидуальным духом. А поскольку начальный период земного эона представлял собой повторение трех предыдущих эонов, то суточный цикл является также повторением всей предшествующей эволюции. Поэтому в ходе суток Земля совершает полный оборот, поворачивается своей поверхностью ко всем знакам Зодиака, а человека обступают 24 старца — 24 состояния жизни, как космическое прошлое человека, через которое он прошел бессознательно и был в конце концов введен в современное пространственно-временное бытие, где обрел индивидуальное сознание, которым отныне имеет задачу сознательно охватить свое прошлое, вызвать непрерывность я-сознания в смене бодрствования и сна.

У 24-х часов суток имеется и другой прафеноменальный источник. Нам известно, что ночью «я» и астральное тело человека покидают эфирное и физическое тела и восходят вплоть до высшего Деваханана, т. е. за пределы круга Зодиака, — туда, где пребывает высшее Я. Таким образом, в смене сна и бодрствования участвует четырехчленный человек, и он своей четырехчленностью встает между семью- и двенадцатичленностью планетной и зодиакальной сфер. В ходе развития эонов, как мы знаем, последовательно возникли три

тела и «я». Поэтому, когда речь заходит о двенадцатичленном времени, то в ходе его возникает соединение и разъединение физического и эфирного тел с астральным телом и «я», т. е. того, что возникло на древних Сатурне и Солнце с тем, что возникло на древней Луне и Земле (тут имеет место двоичность). В то же время, все зоны были вчленены в двенадцатичленную структуру пространства вне зависимости от ее поэтапного становления в феноменальном мире; в идее пространство существует с древнего Сатурна, хотя там из круга Зодиака было проявлено только четыре знака. Потому-то Рудольф Штайнер и предлагает взять вместе 2×12 кругооборотов древних Сатурна и Солнца и 2×12 кругооборотов древней Луны и Земли.

Каждый кругооборот (зон) имеет 7 дневных и 5 ночных «часов»; об этом мы уже говорили. Но кроме того, зоны попарно противостоят друг другу подобно дню и ночи. Противостоят друг другу и отдельные зоны. Так, между древним Сатурном и древним Солнцем возникает противоположность, которая в человеке выражается в противоположности между физическим и эфирным телами. Об этом у нас шла речь в третьей главе, в связи с описанием чувства жизни. Далее, состояние древнего Сатурна — это ночь с точки зрения проявленного бытия, а на древнем Солнце возникает физический свет. Духовный свет, который внешне есть тьма, приходит в связь с внешним светом. Так возникают ночь и день в единстве 2×12 кругооборотов древних Сатурна и Солнца.

Противоположность древней Луны и Земли выражает противоположность между родовым и индивидуальным «я». «Я» исчезает в родовом, во «мраке» бессознательного, где, однако, светит духовный свет. Предметное «я» освещается бодрственным, мыслящим сознанием. Смена двух состояний, опять-таки, образует единство внутри 2×12 часов суток. Это второе единство противостоит первому, как сознание бытию. Бытие строится на противоположности жизни и смерти, сознание — на противоположности индивидуально сознательного и бессознательного. В земном человеке все приходит во взаимосвязь, поскольку, с одной стороны, перед ним стоит задача привести к единству бытие и сознание, а с другой — смене сна и бодрствования сопутствуют кардинальные изменения в сфере бытия. Вот почему сутки состоят из 12 дневных и 12 ночных часов. В смысле более эзотерическом сутки, подобно году, делятся на 4 части, каждая из которых управляется той или иной планетой. Например, в понедельник с 6 часов утра и до 12 действует Луна; с 12 до 18 — Меркурий; с 18 до 24 — Венера; с 24 до 6 — Солнце. Во вторник с 6 часов до 12 действует Марс; с 12 до 18 — Юпитер и т. д.

Рудольф Штайнер говорит, что в таком членении суток в течение недели заложено отношение 4 к 7 (262, стр. 74—79). Семь дней

образуют неделю, которая состоит из 28 частей. Каждый день недели управляется своей планетой, с недельным циклом связан семичленный человек.

Так космосом совместно с индивидуальными усилиями человека прядется единый «узор» бытия и сознания. В этой работе пространство в наибольшей мере побеждено временем. Сутки представляют собой непрерывную метаморфозу, протекающую под управлением сменяющих друг друга планет и переходящую от суток к суткам. В смене недель уже достаточно ясно обозначается пространство двенадцатичленного года. Он, в свою очередь, также четырехчленен. Узловые точки его четырехчленности обозначены пространственно — положением Земли по отношению к Солнцу, а также и к знакам Зодиака. Планетарная семичленность недели в ходе года переходит в зодиакальную двенадцатичленность.

Благодаря победе времени над пространством человек из группового существа стал индивидуальным. И этот процесс становления повторяется каждые сутки. Однако у него есть и абсолютное начало. Когда из небытия, из сущего великой Пралайи стал проявляться земной эон, то первоначальная туманность, которая содержала в себе все планеты Солнечной системы, стала проходить через повторение состояния древнего Сатурна. При этом она обошла весь духовный круг Зодиака и стала тем особым астральным образованием, которое мы называем физическим. (Однако вопрос о природе физического требует дальнейшей разработки.) Движение по кругу Зодиака сопровождалось оплотнением субстанции до теплового состояния, что повлекло ее к нисхождению с высшего Девахана по четырем ступеням состояния формы, а затем восхождению по другим трем ступеням, что явилось повторением семи больших кругооборотов (рунд) развития древнего Сатурна. Поэтому развитие Земли уже в тот период стало временным.

Первоначальная туманность разделилась на две части. В одной из них, где сохранялось влияние семи верхних (дневных) знаков (от Козерога до Рака) действовали чисто духовные соотношения; в нижней части (от Стрельца до Льва) физическое сгустилось до теплового состояния. Так завершился выход земного эона из великой Пралайи. Потом, после нового частичного одухотворения, после прохождения через малую пралайю, началось повторение состояния древнего Солнца. И тогда планетная система представляла собой единое образование, которое вновь обошло весь круг Зодиака. В результате эфирная субстанция соединилась с физической теплотой. Подобное могло произойти по той причине, что не было резкой границы между чисто духовной и тепловой частями первичной туманности. Субстанция жертвы нисходила по ступеням Иерархий, и существа Иерархий опосредовали ее переход из зодиакальных сфер,

спиралеобразно восходящих до мира Божественной Троицы, в новое творение (рис. 97). Происходило своего рода «отслоение» субстанций от Зодиака и постепенное их оплотнение, сжатие. Причем размер первоначальной эфирно-физической туманности следует представлять себе сначала распростертой до границ современной Солнечной системы и даже еще дальше.

После второй малой пралайи началось повторение состояния древней Луны. Вся туманность обрела собственное астральное тело. Но она опять была двойственной. В верхней части находилось эфирно-астральное; в нем, собственно, и произошло соединение жертвы Духов Движения с жертвой Духов Мудрости. А далее астральное пронизало эфирно-физическое образование, отчего физическое сгустилось до тепло-воздушного, а затем до водного состояния. Но главным было рождение человека, как всечеловека, на Земле. Четыре Херувима, действуя от четырех сторон Зодиака, принесли его единую душу в земной эон. Они действовали, идя от четырех знаков, но так, что два соседних, стоящих справа и слева от каждого из главных знаков, соучаствовали в их деянии. Таково первичное происхождение двенадцатиричности из четверичности — происхождение трехмерного пространства. Тем высшим действием от четырех сторон света пространство было подчинено времени, а Зодиак разделился на две части в отношении 7 к 5.

Мировая Душа человека, сначала как животная душа, какой она развилась еще в зоне древней Луны, как бы глянула из двенадцати-членного мирового пространства на земное образование и вслед за тем начала воплощаться на нем, приходить в связь с тепло-водо-воздушным телом туманности.

В четвертую рунду (см. табл.16), собственно земную, к дару Духов Движения добавился дар Духов Формы — животная душа обрела сущий в себе центр, Я. Это Я, с одной стороны, действовало на земные монады извне, как Ангел, от знака Водолея, а с другой — оно покоилось внутри творения, образуя в нем потенциальную возможность для будущего человека овладеть Я индивидуально. Рудольф Штайнер говорит, что вторая апокалиптическая печать выражает собой первоначальное состояние земного человечества. Тогда души были групповыми, и их было четыре. Они представлены в Апокалипсисе тремя животными: тельцом, львом, орлом, и человеком (Ангелом).

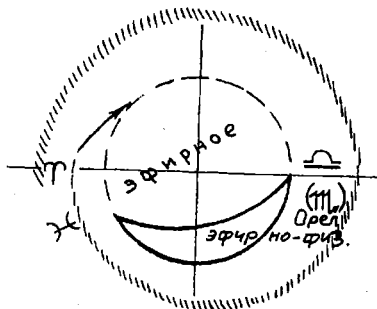

Рис. 97

В четвертой рунде человек еще в начале третьей коренной расы, Лемурийской, был тонким, воздушным существом. «И он имел вид, — как сообщает Рудольф Штайнер, — который в ясновидческом образе являл собой сочленение четырех групповых душ: с одной стороны это было как образ льва, с другой — как образ тельца, сверху — как образ орла, а в середине, несколько смещенным книзу, выступало уже нечто человекоподобное. ...Так выступал человек из Страны духов. А то, что как силы образовывало его, явилось в виде радуги. Более физические силы в виде радуги окружали все образование человека» (104; 19.VI).

Выражение «более физические» силы следует понимать как зодиакальные, а не материальные, что говорит в пользу нашего определения физического как высшего астрального. Материальное оплотнело внизу, во тьме физически-эфирного бытия. Там действием четырех групповых душ (каждая из них была четырехчленна в смысле сказанного выше, но один из четырех элементов играл в ней преобладающую роль) творился трехчленный человек обмена веществ, дыхания (ритма) и нервов (головы). Как четвертое, в нем, по мере раскрытия органов чувств вовне, рождалось собственное человеческое «я». Однако такой человек мог либо навеки остаться пассивным отображением Божественного мира, либо, подвергшись искушению и, получив толчок к переживанию индивидуального «я», никогда не возвратиться назад в мир Иерархий. Поэтому земной человек был сотворен пятичленным, каким его изображает вторая апокалиптическая печать. Она повествует о том, что, изойдя из четырех групповых душ, человек некогда снова вернется к ним: «возвысится до состояния групповой души, но в высшем смысле сознательно». Сама групповая Душа человечества ныне уже не та, что была в эпоху Лемурии, она на астральном плане индивидуализирована как человеческая душа. Символ ее дан в центре второй печати (см. рис. ниже). Это Душа Христа, символизированная в виде Агнца. Она завершает и приводит к высшему единству четыре древние групповые души (284; стр. 67—69).

Так при непосредственном участии Самого Бога четырехчленный принцип превращается в пятичленный, и мы получаем тот образ, который поясняет переход пралайи, вневременного, в проявленное бытие. В посюстороннем ее пятичленность находит свое выражение как индивидуальный пятичленный человек, живущий по принципу: «Не я, но Христос во мне», чем и обретается «жизнь вечная». Жить согласно этому принципу человек научается лишь постепенно, и только ради него в пространстве и времени разворачивается манвантара: в двенадцати членном пространстве семичленный творческий Мировой импульс действует во времени, порождая семичленную метаморфозу, взаимодействие высшего и низшего созна-

ния порождает в разных аспектах смену света и тьмы, дня и ночи, а потом — добра и зла. Из высшего состояния единства бытия и сознания пришло становление, дабы породить новые сонмы индивидуальных сознаний, в том числе — и человека. Ради этой цели Сын Божий нисшел на материальное «дно» сотворенного мира, родился как Сын Человеческий у матери Майи-материи, Марии-Софии. Он стал вечным Я в человеке, чтобы человек обрел силу для преодоления той материи, что стусилась из-за искушения драконом. Ее преодолел то, что Гете назвал «вечно женственным», а мы называем Жизнедухом Христа.

Некогда Земля вновь соединится с Солнцем, человек станет «Женой, облеченной в Солнце», и потому негодная материя (Луна, дракон), должна быть попираема ногами: она будет вытолкнута из Солнца. Это состояние изображено на пятой апокалиптической печати. На ней изображено отдаленное будущее Земли. До той поры дракона должен попирать Михаил-Георгий.

Образом, соединяющим обе печати в единое целое, является Чаша Грааля. В нашем изложении этот образ возник на рис. 80 и 81. Теперь, исходя из рис. 97, мы получаем его в дальнейшем развитии (рис. 98) и в сопоставлении с двумя апокалиптическими печатями*.

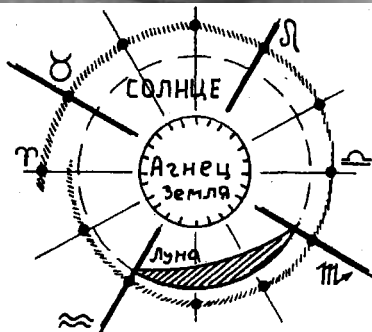

Рис. 98

* Желаящему не поверхностно войти в содержание книги читателю мы можем порекомендовать сделать копии основных рисунков и изучать их параллельно с текстом, когда эти рисунки приводятся в различные взаимосвязи, получают дальнейшее развитие. Особенно необходимым это станет в главе VII.

ГЛАВА VII

ПСИХОСОФИЯ

1. Пространственный человек между прошлым и будущим

ЧТО СОВЕРШАЛОСЬ НА ЗЕМЛЕ в течение трех первых состояний жизни, повторилось еще раз в четвертом состоянии, когда в четвертой глобе (состоянии формы) развитие с астрального плана стало переходить на эфирно-физический. Это были периоды становления коренных рас человечества, время окончательного нисхождения человеческого рода в материю (табл. 16). К этому времени формируется тот пространственный образ Вселенной, который в общих чертах мы имеем по сию пору; исключение составляло лишь созвездие Скорпиона, носившее прежде образ и название Орла. Однако и там изменения носили в основном духовный характер.

Тогда началось выделение планет из единого планетарного образования. Солнце, Земля и Луна дольше всех оставались одним телом и так совершали движение по кругу Зодиака. В книге Бытия период становления коренных рас описан как начало творения Земли и человека. Тогда 24 Духа кругооборота времен достроили то время, в котором мы живем теперь, для чего потребовалось Землю и Луну отделить от Солнца, а к движению по кругу Зодиака добавить ряд других. Тогда всечеловек Адам, а потом и Ева были рождены на Земле: астральное и эфирное тело всего человечества пришли в связь с тепловой, потом воздушной, водной и, наконец, минеральной вещественностью Земли. Всечеловек Адам обладал четырехчленной групповой душой и был двуполым существом. Постепенно всеобщая аура человечества начала делиться на виды — сначала на 4, потом на 12; двенадцать видов получили семичленную нюансировку; произошло разделение полов. От былого единства четырехчленной групповой души в каждом человеке осталась трехчленная система обмена веществ, дыхания и нервов и способность к развитию на ее основе индивидуального «я». Кроме того, развитие, низведшее человека в трехмерное пространство, возвысило его над животным состоянием, сделав семичленным существом.

Временной принцип развития слился с пространственным. Так было положено начало эволюции видов. С другой стороны, из сверхпространственного (одномерного), в нее вошло действие принципа пралайи, которым во временном четырехчленный человек был превращен в пятичленного; и дарованное Духами Формы Я обрело отношение ко вселенскому Я, к Я Христа. Действие, пришедшее свыше, было подобно той помощи, которую в прошлые эпохи 1-я Иерархия оказала существам 3-ей Иерархии при их прохождении через человеческую ступень, через ступень предметного сознания. В результате всех перечисленных действий возник двенадцатичленный человек Земли (см. табл. 13), или человек, состоящий из четырех трехчленностей, что делает его одновременно и подобием Троиственного Бога и существом четвертого эона.

Так *числовые принципы*, действующие внутри пространственно-временного становления, входят во все возникающие отношения, а отношения эти всегда — живой человек. В нем в ходе развития возникает и пятая трехчленность. С точки зрения магии чисел ее возникновение обусловлено переходом развития от четвертого эона к пятому и тем, что Макрокосмосом рождена пятичленная душа человека (см. вторую апокалиптическую печать).

Пятой трехчленностью в человеке выступают мышление, чувствование и волеизъявление. Они рождаются на вершине тех возможностей, которые получает развитие при самом тесном переплетении времени и пространства. В то же время, пространство и время в них умирают, как умирают тезис и антитезис в синтезе. На их троединном взаимодействии возрастает человеческое я, восходя по трем ступеням: душевного тела, низшего «я» и высшего Я.

Мысль, чувство и воля коренятся в тройственном физическом теле: в нервно-чувственной системе, в системе ритма и в системе конечностей и обмена веществ. Но физическое тело пронизано эфирным и астральным телами, в которых следует искать первоисточник возникновения мыслей, чувств и воли. Благодаря тройственности физического тела они лишь получают возможность проявиться в трехмерном мире. Сами же по себе они живут только во времени, поскольку, как мы показали, время — это личность, сознание. Во времени на Земле живет только человек.

Рудольф Штайнер в лекциях по психософии, говоря о феномене душевной жизни, рассматривает процесс образования в душе представлений и вождений. Он поясняет, что вождения, а также более возвышенные чувства, такие как страсть, нетерпение, сомнение, страх, ненависть, любовь и т. д., — « все они имеют отношение к будущему, к чему-то такому, что может наступить и является желательным» (115; стр. 139). С ходом времени, когда пережитое всплывает в нашем воспоминании, оно все более и более бледнеет. Иное

дело, настоящее и будущее — к ним наши вожеления и интерес направляются с особой силой.

Представления всегда связаны с восприятиями — внешними или внутренними, — т. е. они опираются на настоящее или прошлое. Однажды возникшие представления живут в памяти и могут то всплывать в сознании, то исчезать из него.

Оба потока в душе: поток вожелений и поток представлений, — как бы налетают друг на друга. И «это (их) взаимоналетание (*ueberg-einanderschlagen*) является сознанием» (115; стр.141). В каждый момент существования нашего сознания мы переживаем их встречу, вернее сказать, застой, затор, образуемый ими при столкновении.

Рудольф Штайнер называет поток представлений «эфирным телом души», а вожелений — «астральным телом души». А в таком случае сознание — это «обоюдная встреча астрального и эфирного тел» (115; стр. 141). Но нам известно, что поток астрального тела течет из будущего в прошлое, эфирного — из прошлого в будущее. Поэтому в феномене душевной жизни, из которого возникает наше сознание, происходит деятельность нескольких родов: *в потоке приходящего из будущего астрального возникают воисдействия и устремляются навстречу ему же, в будущее; в потоке эфирного, приходящем из прошлого, возникают представления и стремятся распространиться как в будущее, так и в прошлое.*

Столкновение обоих потоков, их затор происходит благодаря тому, что они встречаются в физическом теле, которое, в свою очередь, органично вплетено в семи-, девяти- и двенадцатичленную структуру человека. Без физического тела эти потоки текут свободно, а когда человек умирает и теряет эфирное и физическое тела, его сознание (в Камалоке) движется в обратном направлении в потоке одного астрального тела. Характер у этого сознания иной, по сравнению с земным. В земном сознании присутствует элемент, какого нет в Камалоке — способность образовывать *суждения*. Суждения не имеют связи ни с пространством, ни с временем, но они являются тем элементом, с помощью которого образуется индивидуальное бытие во времени — сознание. Суждение есть атрибут нашего «я». Оба они — вневременные образования, хотя живут во времени.

Таким образом, феномен сознания является результатом *взаимодействия* ряда ингредиентов, происходящего в каждый момент душевной жизни. Рудольф Штайнер дает следующую картину этого взаимодействия (115; стр.153). (рис. 99).

Рудольф Штайнер говорит, что «это очень хорошая схема душевной жизни» (115; стр.153) и она способна дать решение бесчисленного

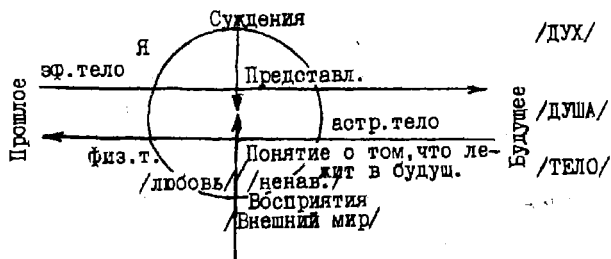

Рис. 99

числа загадок. Мы займемся ею, обратясь к ряду схем, уже полученных в ходе нашего рассмотрения. Вспомним сначала ту из них, которая дана во второй главе (табл. 5), но прежде посмотрим, в каком отношении к схеме Рудольфа Штайнера находится полученное нами в двух предыдущих главах.

На рис. 91 был представлен пространственный человек, являющийся совокупностью действия ряда сил. Картина эта трехмерная. Ее третье измерение обусловлено, фактически, тем, что, с одной стороны, взаимодействием трех тел образуется четвертое — душевное тело, а с другой — этой четверичности действием Я противопоставляется еще один член — душа ощущающая. До возникновения душевного тела и души ощущающей человек представлял собой двухмерное, по сути, импигнативное, несмотря на вещественность, образование, обитавшее уже в далеком прошлом в душевно-духовной атмосфере Земли и лишь слегка касавшееся тепловго элемента. Так это было в Гиперборейской коренной расе (см. табл. 16). Тогда Духи Формы напечатлели тройственной телесности человека искру иерархического Я. Позже, с раскрытием органов чувств вовне, в оболочке душевного тела вспыхнул первый опыт низшего «я», благодаря чему индивидуализировалось переживание души ощущающей. Она еще не стала тогда всецело индивидуальным достоянием человека, но в своем действии приобрела вполне посюсторонний характер, став элементом семичленного человека трехмерного пространства.

Мы теперь можем дать окончательный в наших рассмотрениях образ пространственного человека. В своем семичленном составе он возникает как результат ряда отношений и противостояний. Здесь мы опять касаемся глубокого значения категории «отношение». В человеке пространственном благодаря ему образуется целостная взаимосвязь элементов, без которой феномен «я» был бы просто невозможен. С нею же «я» не только возникает, но постепенно наполняется субстанцией Я.

Отношение образовано следующей цепочкой связей:

Поясним показанные связи рисунком (рис.100).

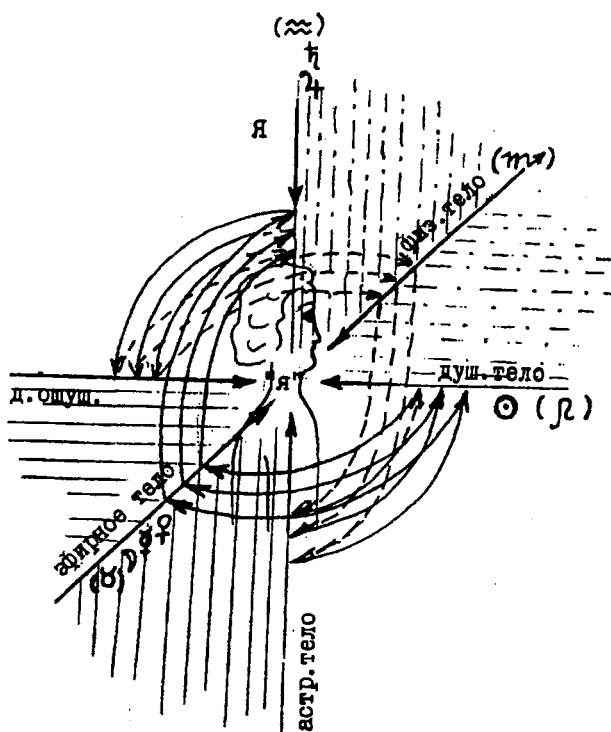

Рис. 100

Среди уже знакомого нам, отметим на рисунке, как особенно существенное, что высшее Я в цепочке пространственных отношений приходит в связь с эфирным телом. Этот факт имеет прямое отношение к пониманию Пришествия Христа. С физическим телом в непосредственную связь приходит душа ощущающая. Это момент чисто эволюционный.

Кроме пространственного, в человеке имеет место высшее, надпространственное отношение. Оно трехчленно и, как протофеномен, истекает из Божественного Троиинства:

Отец:	физ. тело — астр. тело	эф. тело — Я
Сын:	физ. тело — душа ощущ.	эф. тело — душевное тело
Св. Дух:	Я — душа ощущ.	астр. тело — душ. тело

Может возникнуть вопрос: А почему Я не стоит в Ипостаси Сына? — Да потому, что Он Сам, как Я, является в Сыне Человеческом. Отчее же Я и то, которое действует в Ипостаси Святого Духа, — они не нисходят так непосредственно в материю, остаются в идеальном.

Далее в человеке возникают противоположности:

физ.тело	—	эф.тело
душа ощущ.	—	душевное тело
астр. тело	—	Я

На этих противоположностях основывается дуализм человеческого существа, который углубляется вмешательством люциферических и ариманических существ, которые образуют группировку сил, показанную на рис. 101. Противостояние этих духов Богам и «развернуло», собственно говоря, двухмерное пространство в трехмерное.

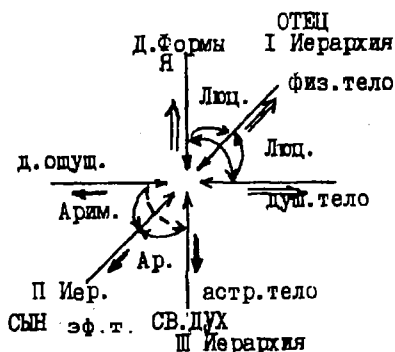

Рис. 101

Как видно из рисунка, действие каждого из этих духов ведет к образованию трехмерности, но по-разному. Люциферическая трехмерность стремится удержать физическое от материализации, а Я — от индивидуализации, хотя и приводит их в связь с новообразованием — с

душевным телом, благодаря чему органы чувств получают свой завершенный облик и открываются вовне. Однако такое образование не может, в силу своего несовершенства, жить в мире Иерархий; они его отторгают, но не противопоставляют себе. Поэтому оно встает, скажем, в «угловое» отношение к ним, а также и к иной, ариманизированной троичности.

Люцифер стремится в имажинативном мире развернуть трехмерное пространство. И таковым оно выступает в атакстическом ясновидении, при его спонтанных вспышках, когда сверхчувственное видение не могут отличить от чувственной реальности. В то же время, мы теперь понимаем, что Люцифер, строящий свой мир как «постиндивидуальный», уже не тот, что действовал в райском искушении. Он теперь глубочайшим образом связан своей кармой с Ариманом.

Ариман, со своей стороны, стремится физическое материализовать, стянуть в него Я и оторвать его от Божественного первоисточника. Такая форма самобытия еще менее, чем предыдущая, способна пребывать в мире Иерархий; она выталкивается ими в мир материи. Так возникает посюсторонняя связь дарованной в конце зона др.Луны души ощущающей с индивидуальным бытием человека в трехмерном мире. — Органы чувств наполняются не только люциферическими вожделениями, но и веществом. Подчиняясь закону метаморфозы в посюстороннем, они образуются в результате эволюции видов. И только благодаря этому и становится возможным их открытие во внешний мир. Чувственное восприятие возникает, по сути, как некоего рода «компромисс» между люциферическими и ариманическими духами, осуществленный, или, скажем, допущенный, под регентством Иерархий.

В этом компромиссе заключена также и тайна возникновения третьего измерения как воплощенной идеи, «я». Действия люциферических и ариманических существ при его возникновении необычайно многообразны. Полный их анализ (с точки зрения рис.101) мог бы составить самостоятельную главу. Но для нас пока важно понять лишь общий их принцип. Он коренится в том, о чем говорит Рудольф Штайнер, когда описывает общий характер действий люциферических и ариманических духов. Он, например, говорит, что в особенности весной Ариман стремится стянуть астральное тело Земли и человека из Мироздания (т. е. астральное тело как субстанцию Иерархий) вниз и оживить ими минеральное, известь, действуя при этом в эфирном теле человека. Люцифер, напротив, действует в астральном, но в низшем, противостоя в нем Ариману, и стремится эфирную оболочку всей Земли увлечь в выси и поселиться в ней; через эфирное тело человека он хочет сам стать эфирным (а вместе с тем земное пространство перевести в текущее в обратном направлении, духовное время). Люцифер хочет спуститься эфирно,

действуя на человека через душевное тело, поэтому в его облике гортань и уши слиты в одно целое (223; 7.X).

Ариман, действуя в душе ощущающей, стремится сделать ее связующим членом между чувственным и сверхчувственным мирами, насытить эфирной субстанцией, чем невольно дает толчок к ее преобразованию в душу рассудочную, а сам превращает мысли в тени. Он также стремится сделать человека чистго временным существом, противостоя Люциферу, тянущему в вечное*.

Приведем еще ряд характеристик, поясняющих роль люциферических и ариманических существ в формировании трехмерного пространства многочленного человека.

Люцифер — хочет быстро ввести нас в духовное, минуя будущие эоны.

Ариман — хочет вернуть нас к состоянию древнего Сатурна, где существовало одно физическое.

Л. — ненавидит закономерное; любит бесформенное.

А. — испытывает тягу к закономерному, к форме, затвердению.

Л. — имеет доступ к нашим способностям.

А. — имеет доступ к нашим потребностям.

Л. — от него защищает сила нравственности.

А. — от него защищает сила суждения и различения. (ИПН. 120).

Л. — вызывает нежелание идти к свободе.

А. — вызывает желание предвосхитить овладение стадией свободы раньше времени.

Л. — хочет сделать человека чуждым Земле.

А. — хочет одухотворить Землю в плотной субстанции.

Л. — побеждает в астр. теле, и человек делается мечтателем.

А. — побеждает в астр. теле, и человек делается эгоистом.

Л. — побеждает в эфирном теле, и человек привыкает лгать.

А. — побеждает в эфирном теле, и человек делается одержим умностью.

Когда мы из пространственного переходим во временное в пределах чувственной реальности, то «ось» души ощущающей сливается с «осью» астрального тела и мы получаем то, что Рудольф Штайнер называет «астральным телом души», т.е. речь в данном случае уже идет об осознанной части астрального тела. Душа ощущающая сливается с деятельностью Я в «я», становится первой ступенью реализации Я в ином — как «я»**.

* Вспомним еще раз Херувимов, не принявших жертву Престолов и оставшихся в вечном, в пребывающем.

** При этом, естественно, меняется и характер действия душевного тела и души ощущающей. В пространственной картине их действие было формообразующим, во временной — индивидуализирующим.

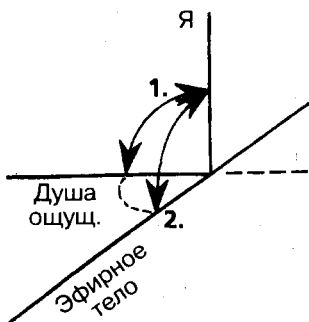
Определенного рода слияние имеет место и в деятельности люциферических и ариманических существ при переходе к «плоскости» развития во времени. Оно осуществляется по оси «физическое-эфирное» и сводится к их обоюдному стремлению оторвать все четыре царства природы от Иерархий. Поэтому Бог-Отец противопоставил их намерению смерть и воскресение, «послал Сына в мир», в ось эмпирического времени — «эфирное-физическое», — куда Христос низошел свыше, из Я, а пройдя через Голгофу, пронизал Собой и низший мир астрального: низошел во ад. Через Свое вочеловечение Христос наполнил Собой и ось вертикального восхождения индивидуального духа — «астральное — Я», — где действует Ипостась Святого Духа.

Действием Иерархий во времени намерения люциферических и ариманических существ обращаются на созидательное развитие. Этим объясняются «угловые» отношения, в которые встают по отношению один к другому члены человеческого существа: астральное тело — под углом в 90° по отношению к Я, а эфирное тело — под углом в 90° по отношению к физическому телу.

Прямое действие Иерархий выражается в отношении Я к физическому, эфирного к астральному. Такой перегруппировкой сил достигается двойное: 1) осуществляется индивидуальное развитие, идущее от души ощущающей к душе сознательной с использованием противодействия люциферических и ариманических средств; 2) движение к индивидуальной свободе и освобождение от вредного действия во времени люциферических и ариманических сил. Кроме того становится понятным, что переход из трехмерного пространства в двумерное означает не просто снятие одного измерения, а полную перегруппировку действующих при этом сил.

Угловые отношения сил (в первый раз они были показаны на рис. 38), действующих в эмпирическом времени, есть некоего рода «зигзаг» в эволюции, вызванный поляризацией сил творения и их опосредованным действием в ином, в ничто. Чтобы понять это достаточно тонкое соотношение бытия и ничто, и необходимо в пределах пространственно-временного бытия ввести понятие «углового» отношения. Оно выражает не только отличие творения от Иерархий, но также и позитивный аспект деятельности отраженных богов в творении мира и человека.

Результат, к которому мы пришли, домыслив пространственный образ человека и перейдя к его временному образу, выражает собой рис. 99. Изучая его, следует еще иметь в виду, что астральный и эфирный потоки, входя в круг действия Я, приобретают характер «астрального тела души» и «эфирного тела души». Как возникает первое из них, мы уже показали. Второе возникает по мере преодоления ариманического действия в душе ощущающей, насыщения ее эфирной субстанцией, т. е. в результате ее двойной метаморфозы,

которая происходит благодаря тому, что в человеке образуются две сферы индивидуального бытия: сфера мышления (понятий, суждений) и сфера опыта (восприятий, вождений). Подробнее эта картина представит перед нами в ходе дальнейших рассуждений.

ощущ. 2. А теперь мы попробуем воспроизвести целиком всю картину происходящего в тройственной душе в процессе движущихся через нее в двух направлениях (из прошлого и будущего) метаморфоз. Сопоставим табл. 5 с рис. 99. И в том и в другом случае речь идет об одном и том же. При их наложении, обе картины существенно дополняют друг друга (рис. 102).

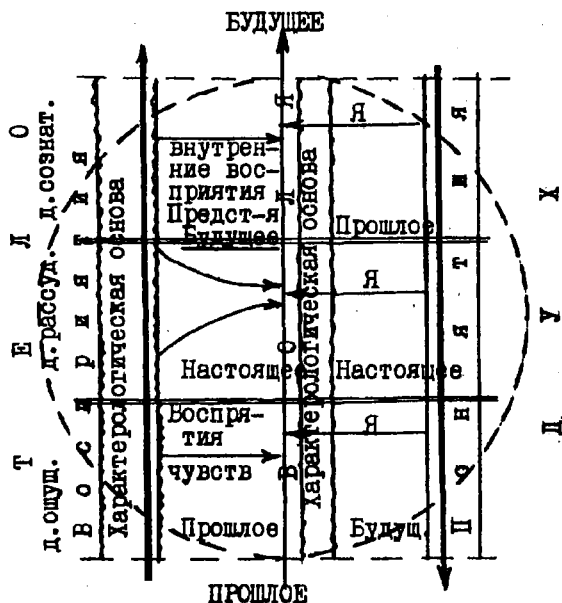

Рис. 102

Выявленные нами еще во II главе три уровня душевной жизни конкретизируют ее общий, данный Рудольфом Штайнером на рисунке (который у нас стоит под номером 99), принцип. И перед нами

теперь возникает задача проанализировать, раскрыть содержание этого принципа в каждом из членов тройственной души.

Прежде всего, важно заметить, что общее течение во времени астрального и эфирного потоков в тройственной душе претворяется в ступени ее эволюции и — в согласии с биогенетическим законом. Чтобы понять, как это происходит, необходимо вернуться к некоторым аспектам становления человеческого существа в прошлые зоны.

В эволюции мира, как мы уже знаем, периоды проявленного, феноменального бытия сменяются пралайями, когда вся чувственная реальность одухотворяется. Физическое, эфирное переходят на астральный план, сохраняя однако в себе сущностное обретенных ими в инобытии состояний формы, жизни и сознания. Те состояния были выражением, или развитием заложенных в них во время их пребывания на высшем Девахане законов. Исчерпав себя в имманентном (см. табл. 16), закон возвращается к себе, а вместе с ним и сущностное феноменального мира. Если выразиться языком биологии, можно сказать, что *оитогенетическая сущность обретает филогенетическое содержание*, что приводит ее в отношение тождества с законом, который при этом освобождается от нее для собственной метаморфозы.

Говоря языком философии, сущность и явление приходят к единству в мире сущего, в состоянии пралайи. И это единство иного порядка, чем то, в каком они пребывали в инобытии, оно ему даже противоположно: имманентизм закона сменяется трансцендентализмом феномена. Происходит высший синтез двух идеальных начал, после чего сущность порождает в явлении новые состояния жизни, формы, сознания.

Взаимодействие сущности и явления в инобытии можно представить себе с помощью двух осей координат, выражающих скрещение временного и пространственного в имажинативном мире (рис.

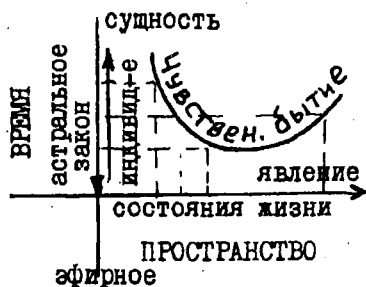

Рис. 103

103). Действующее по вертикали астральное имеет два аспекта: идущий сверху вниз — сущность, закон; навстречу ему, снизу вверх, встают ступени индивидуального. Ибо не забудем, что время — это личность. По горизонтали действует эфирное, приходящее в связь с физическим, образуя ось одномерного пространства, на которой возникают разные состояния жизни — явления. Когда явление уплотняется до физического, эволюция переходит в нечто *третье*: в

сферу чувственного бытия, где пространство получает второе и третье измерения и сливается со временем. Таким образом, эволюция мира есть результирующая двух, действующих, говоря условно, по осям координат сил, к которым потом добавляется третья — сила материализации.

Теперь перейдем к человеку, в котором все указанные соотношения действуют в наибольшей полноте. Его эволюционная структура с точки зрения нашего последнего рассмотрения такова, как показано на рис. 104. Соотношение чашеобразной формы и всего, что находится вне ее, является, по сути, выражением того, что мы понимаем под соотношением сущности и явления или бытия в сущем и ино-бытия.

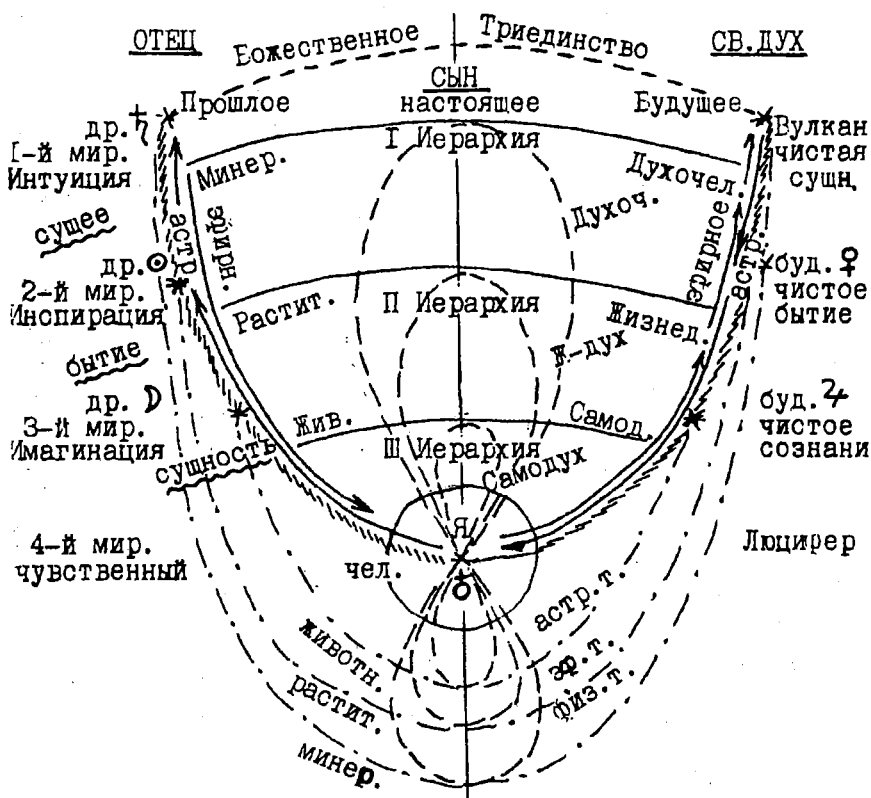

Рис. 104

Тройственное тело человека в феноменальном мире — это явление в инобытии его тройственного духа, порожденного Иерархиями в трех прошедших зонах. Точкой связи, или, лучше сказать, взаимодействия высшего и низшего в человеке является его Я, дарованное ему в зоне Земли Духами Формы.

Положение человека, каким он образовался в зоне Земли, является ключевым, как это хорошо видно на рисунке, во всем эволюционном цикле, состоящем из семи планетарных зонов. Поэтому этот цикл, с известным правом, может быть сведен к понятию Макро-Антропоса. Ибо все в нем сводимо к многочисленному человеку, покоящемуся, разумеется, в лоне Иерархий, а вместе с ними — в лоне Триединого Бога.

В самом деле, три царства природы возникли, фактически, как своего рода уплотненные отложения, возникшие в процессе развития человека. Они отставали одно за другим, переходя в инобытие, чтобы там образовать основу для становления человека я-существом. Тут, в инобытии, они стоят ниже человека, противостоят ему. В духе же существует единство между ними и тройственным духом человека.

В эволюции происходит так, что, например, минеральное царство, возникнув на древнем Сатурне как физический человек, с одной стороны, ныне является самым отсталым и идет путем эволюции в пространстве и времени, а с другой, получив от Духов Воли печать Духочеловека, — осталось вне пространства и времени, как некий залог будущих достижений индивидуального духа человека, в котором некогда вновь восстановится былое единство.

Возникнув на древнем Сатурне, в лоне Сущего, Духочеловек сразу же простерся, объял собою состояние будущего Вулкана, т. е. в духе Вулкан возник в эпоху древнего Сатурна; он возник как чистый Духочеловек, как Сущее, в надвременном и надпространственном состоянии. В то же время, это был Духочеловек, с той внутренней ориентацией на инобытие, которая в инобытии образует импульс самодвижения от будущего к прошлому.

Подобное же произошло с Жизнедухом в зоне древнего Солнца. Уже тогда он породил будущий зон Венеры как чистое бытие — бытие Сущего. В зоне древнего Солнца он выступает как бытие Духов Мудрости в ином. В зоне древней Луны рождается сущность как Самодух и объемлет собой зон будущего Юпитера как чистое сознание. Так конкретизируется, будучи взятым в аспекте эволюции, порядок категорий, показанный еще на *первом рисунке* нашего исследования.

В земном зоне через жизнь мышления рождается индивидуальное «я», приходящее через развитие тройственной души в связь с высшим Я. Этот процесс поставлен в центр семичленной эволюции таким образом, что действием, идущим из будущего в прошлое, т. е.

через инволюцию*, сущее в оболочке чистого бытия и сознания достигает земного человека как самосознание. И это есть тот поток космических сил, который входит в человеческое астральное тело. Возникнув в двух аспектах: прошлом (три зона) и будущем (три зона), — наш эволюционный цикл образовал некое «поле силового напряжения», существование которого обусловлено стремлением высшего к восстановлению утраченного единства. Восстановлению же мешает илюзийность, преодолеть которое можно лишь возвысив его, приведя в нем к единству бытие и сознание.

В море космического сознания земной эон «плавает» в виде некоего рода «затвердевшей» формы бытия. Но в ней постоянно идет работа обширной иерархии метаморфоз. Все они эволютивной природы, их импульс приходит в потоке космических сил, движущихся из прошлого в будущее. Также и здесь действуют сущность, бытие, сознание. Они порождают в инобытии состояния жизни и состояния формы, в которые может нисходить высшее Я. Это эволюционное движение в человеке опирается главным образом на эфирное тело, оно совершается в эмпирическом времени, т. е. вызывает к жизни одно за другим ряд состояний жизни, формы, творит многочленное трехмерное существо человека. В результате этого развития возникает форма, способная вместить самосознание, которое оно, опять-таки, подчиняет закону метаморфозы (имагинативная логика).

Итак, в человеке действуют два импульса самосознания. Один приходит из высей, как инспирирующая деятельность высшего Я, другое возникает из слияния процессов эволюции и инволюции. Первое пребывает вне пространства и времени, становление другого всецело обусловлено ими.

Как это хорошо видно из рис. 104, человек пребывает в эволюционном цикле в виде некоего *вечно длящегося настоящего*, что не следует понимать как увековеченное мгновение, а как никогда не останавливающийся процесс перехода из одного мгновения в другое. Поэтому человек есть сущий Протей. Вся череда его видоизменений состоит из мгновений синтеза импульсов, приходящих из прошлого и будущего. Эти синтезы осуществляют либо действующая из высей сила высшего Я, либо действующее снизу вверх «я» низшее. И то и другое обозначает момент настоящего, они пребывают только в нем и вызывают иного рода метаморфозу, направленную «перпендикулярно» к пространственно-временным метаморфозам. Этот принцип важно осознать, поскольку он объясняет процесс претворения «я» в Я, процесс восхождения к высшему сознанию, где не следует уповать на

* Действие, приходящее из будущего, лишь вбирается, усваивается человеком, что создает предпосылки для его душевно-духовной эволюции.

молниеносные скачки, не обусловленные созданием очень непрос-тых предварительных условий. Порой человек получает откровения свыше, но всего лишь — как подарки. В границах обычного развития скачок сознания сопровождается переходом в сон или впадением в транс.

Человека в момент смерти поток инволюции уносит в прош-лое. С момента рождения его влечет в будущее череда состояний жизни, формы, сознания. Но как совокупное существо тела, души и духа, человек объемлет собою весь цикл эволюции в семи зонах. В пространственно-временном бытии он есть лишь малая часть, фрагмент самого себя, но с наиболее сильно выраженным пере-живанием самобытия*.

Может быть, это не совсем просто — пережить человека, опира-ясь на рис. 104, пребывающим одновременно и в пространстве, и во времени, а также одновременно движущимся в будущее и прошлое по дуге эволюции и инволюции, да при этом еще восхо-дящим по вертикали уровней сознания. Однако он именно таков, этот человек. И необходимо не только интеллектуальное, но и ме-дитативно-созерцательное усилие, чтобы понять его, а тогда мы получим ключ к пониманию всего, о чем только можно помыс-лить.

Рудольф Штайнер определяет эволюцию как некоего рода эмана-цию, истечение, а инволюцию — как всасывание. «Между ними, — говорит он, — происходит смена всех мировых состояний» (93; 6.VI), и поясняет сказанное примерами. Представим себе, предлагает он, ребенка, который учится читать и писать. Он тратит на это усилия, приходя в общение с внешним миром, нечто из этого мира вбирает в себя. Это процесс инволюции. Когда ребенок вырастет, то про-деланная работа исчезнет и останутся только приобретенные спо-собности писать, читать и др.; их человек может разрабатывать, совершенствовать далее, но уже из самого себя. И это будет эволю-ция. Все совершаемое нами в эволюции основывается на том, что необходимые способности были заложены в нашу душу ранее, в процессе инволюции, и теперь проявляются вовне. Принцип этот действует не только в духовной эволюции, но также и в эволюции чувственного мира. Например, некогда часть материи выделилась из Земли и стала Луной, благодаря чему человек сделался тепло-кровным существом, т. е. источник тепла он стал иметь внутри себя, тогда как прежде его тепловое состояние зависело от окружающего тепла (53; 9.III).

* Из понимания эволюции и инволюции следует, что движение человеческого духа в прошлое (после смерти) носит творческий характер. А значит прошлое не за-вершено.

Возьмем еще один пример. «Чем дальше, — говорит Рудольф Штайнер, — мы идем назад (в истории), тем больше находим знания о Христе, хотя Христа тогда следует мыслить пребывающим в сверхчувственных мирах. Это знание, возвещаемое через Ангела ...распределено между многими людьми. Христос тогда жил как Инспиратор многих людей: эволюция.

Но то знание постепенно отступает, исчезает, меркнет, и в одном существе, в Иисусе из Назарета концентрируется все то, что ранее было разделено. ...В каждом посвященном Мистерий можно было найти нечто от Христа... И все это исчезло. И в одном-единственном месте, в теле Иисуса из Назарета, все сошлось вместе, все, что было разделено: инволюция. Внутри величайшей инволюции прекращается эволюция. Здесь начинается этап, на котором Христос живет вместе с Землей, но знание о Христе должно быть развито вновь» (165; 28.XII). Для него необходимо иное сознание. Оно не возникает ни в эволюции, ни в инволюции. Оно есть результат чего-то третьего — *творения из ничего*. Вот почему мы по поводу рис.104 говорим об импульсе, приходящем свыше, о вечном (не увековеченном) настоящем.

Трояко являет себя развитие мира: как сознание, жизнь и форма. Творением из ничего дается сознание (93-а; 30.X). Форма возникает в процессе инволюции. Состоянием жизни вызывается эволюция. От начала мира, с древнего Сатурна действует Божественное сознание, пребывая в высшей безмерности. Им полагается начало бытия. Для этой цели оно создало мир отраженных богов — люциферических существ. Они, как пустое множество, противостояли единству Божественного Я-сознания, полагающего весь наш цикл творения. Низшее «я» человека также пусто, но оно превращено в арену, на которой постоянно соединяется то, что в эволюции разделено на две части: на сущее Я и на пустые отображения. Наше, мыслящее абстрактно, в понятиях, я-сознание бессущностно, но оно, творя соединение разделенного Божества, все более наполняется Божественным содержанием. «Так, — читаем мы у Рудольфа Штайнера, — идет эволюция: через постоянное выравнивание (соединение), происходящее в индивидуальностях; отдельные сознания наполняются тем, что вначале составляло содержание Божественного сознания» (155; 24.V).

Срединное положение человека в «настоящем», как это показано на рис.104, обусловлено работой соединения сущности и явления. Я и не-Я. При этом импульс эволюции, действующий от древнего Сатурна, все увеличивает явление, порождает многообразие бытия. Импульс же инволюции, *действующий от будущего Вулкана*, через внесение сущего в «я», все более «овнутряет» многообразие явления. В человеке феномен становится ноуменом. На будущем Вулкане все

станет одним лишь человеческим царством. Это означает, что те уровни сознания, которыми к тому времени овладеют три царства природы, станут составными частями будущего интуитивного сознания-бытия человека, в котором предметное сознание будет низшим, как ныне таковым выступает подсознание. Сам человек станет частью сознания-бытия стоящих выше его Иерархий. Иными словами, творение вновь вернется к Божественному всеединству. И оно уже существует в будущем со времен древнего Сатурна. Оно приближалось к земному зону по мере развития древнего Солнца и древней Луны. Земной зон замкнул связь прошлого с будущим в инобытии. В этом зоне встает задача инобытия соединить с бытием. Потому-то человек, одаренный Я, должен овнутрить Я-сознанием феноменальный мир, возникший ради сотворения этого сознания — *центрального в инобытии всего нашего эволюционного цикла.*

Все, что на рис. 104 изображено ниже «чаши» эволюционного цикла, некогда, через человеческое «я», воссоединяющееся с Я — даром Духов Формы, — войдет внутрь этой чаши, станет Самодухом, Жизнедухом и Духочеловеком. Феноменальный мир овнутрится, и лишь минеральное царство, взойдя на ступень предметного сознания, будет составлять мир инобытия.

Итак, творение мира и человека осуществляется одновременно и постоянно трояким образом. Поэтому изначально единый Бог явил Себя в трех Ипостасях; что стало универсальным прообразом для всего остального, где законченное в себе Сущее, высшее сознание, трояко обнаруживает себя в явлении. Здесь изначально единство сохраняет себя лишь идеально, как мир первого откровения. В мире же второго откровения Святой Дух несет в себе будущее, Бог Отец действует из прошлого, а между ними, как Посредник, как Всесоединитель (Вседержитель), встает Бог-Сын. Результат творения — человек Земли — есть по сути прямая проекция Христова действия в феноменальном. Христос, как вселенское Я, в конце концов наполнит человеческое «я»; и поэтому Он не мог однажды не воплотиться в человеке.

До вочеловечения Христа знание о Нем несли отраженные, ориентированные из будущего в прошлое люциферические боги. Они от начала творения встали на стороне, где из будущего действует Ипостась Святого Духа (см. рис. 104), и именно они движутся во временном астрального мира. Святой же Дух действует в восхождении индивидуального духа. Благодаря Ему время в человеке становится личностью. Он представлен не люциферическими, а правомерными существами времени. Они стоят на службе у Христа, Который воссоединяет их с бытием, насыщает эфирной субстанцией, приходящей в эволюции из прошлого, от Отчего начала, посылающего Сына в мир, скажем, «по вертикали», поскольку от зона к зоне («по дуге») движется Сам Отец.

Пройдя через Мистерию Голгофы, Христос воссоединился с Землей, «овнутрил», т. е. обоготворил ее. С тех пор явление, многообразие мира, получило тенденцию к «овнутрению», т. е. одухотворению, к индивидуализации. Познание Христа после Мистерии Голгофы стоит под знаком не отражения, абстракции, множественности, а под знаком синтеза бытия и сознания, под знаком эволюции индивидуального человеческого духа, что ведет человека к овладению качеством Божественного: к способности творения из ничего, *творения мыслеформ как мыслесуществ*.

Человек, и в первую очередь его «я», выступает в роли некоего рода «челнока» в плетении сложного «узора» мира и собственного многочленного существа. Эфирный поток, идущий в будущее, и астральный поток, идущий в прошлое, пронизывая внутренние, протекающие по лемнискате процессы (см. рис. 22), способствуют претворению тройственного тела в тройственный дух. Всем этим, собственно говоря, и образуется бытие в трехмерном пространстве и времени. Но человек, как процесс, постоянно переводит трехмерное пространство в двух- и одномерное, а также пространство во время и наоборот.

Высшее астральное, пройдя через человека, обращается к прошлому и меняет его, поскольку вносит человеческое самосознание туда, где его раньше, в процессе мировой эволюции, не было. Проникая к Акаше-Хронике, человек не просто познает, он *наполняет своим индивидуальным прошлое*, посредством чего восстанавливает единство своего низшего со своим высшим, а далее воссоединяет прошлое с будущим, что выводит нас за пределы времени.

Когда идущий в обе стороны процесс завершится, закончится наш эволюционный цикл. Тогда и Божество воссоединится со Своим отражением. Прибегая к рисунку 104, скажем: правая половина эволюции воссоединится с левой. При этом, что касается Аримана, который стоит в оппозиции к миру «снизу», образуя полярность материи и духа, — то во временном он стремится увековечить настоящее, остановить как эволюцию, так и инволюцию. «Остановись, мгновенье!» — это заветное желание Аримана. Осуществись оно, и все бытие ушло бы «по вертикали» в подприродное. Этому желанию Аримана противостоит Христос. Люцифер стремится повернуть все развитие вспять, т. е. он вызывает не инволюцию в душах, а поворачивает вспять эмпирическое время — не в мире органического, что ему пока не дано, а в душевно-духовном человеке вводит индивидуальный дух в форму группового сознания, инспирирует психологию родовых отношений, узкий национализм.* В этом ему также

* Более конкретно намерения Аримана и Люцифера в эволюции выражает рис. 33. Из их противодействия Иерархиям образуется своего рода «опрокинутая» «чаша» эволюции.

препятствует Христос, как создающий правильное отношение между прошлым и будущим, посылающий в помощь человеку Духа Утешителя и возводящий мир к Отцу.

2. Три тела и три души

ЧЕРЕЗ РАБОТУ В РОЛИ ЗЕМНОГО ПОСРЕДНИКА между прошлым и будущим, между духом и материей человек получает свое многочисленное существо и процесс индивидуализации в нем во все большей мере ведет собственными силами, как это было показано на рис.15 (рис. 16 поясняет нам значение Христа в этом процессе). Тот рисунок раскроет нам дальнейшие детали становления человека индивидуальным духом, если мы дополним его процессами временного характера.

Мы уже много занимались вопросом, как в процессе эволюции Иерархии создали тройственное тело человека: физическое, эфирное, астральное. В конце эоны древней Луны, когда Вселенная вновь одухотворилась, физическое принимает эфирную форму и благодаря этому «...становится, — как пишет Рудольф Штайнер в «Очерке тайноведения», — более родственным эфирному телу... снова может более тесно проникнуться теми частями эфирного и астрального тел, которые в солнечные эпохи лунного развития (это когда жизнь на древней Луне была более ориентирована на действие сил, выделившихся из Луны Солнце. — *Авт.*) должны были выделяться из него» (13; стр.194). Из этого сообщения Рудольфа Штайнера следует, что уже в зоне древней Луны человек обладал эфирным и астральными телами двойственной природы. Одна их часть оставалась постоянно связанной с телесностью и периодически то оживлялась, росла, то хирела. Другая имела более душевный характер и выделялась из тела, соединялась с духами Солнца. Для человека такие состояния были средними между сном и смертью, переживаемыми современным человеком.

Но вот физическое на древней Луне принимает эфирную форму, «физическое делается душевнее» (13; стр. 194), и душевное теснее соединяется с ним. Этой новой совокупности Духи Мудрости напечатлевают новые законы развития. (В земном эоне эти законы проявляются в «мудром» устройстве человека и всех царств, существ природы). Кроме того, человек становится более самостоятельной душой. А далее снова выступают Духи Движения. «Они действуют главным образом на астральное тело, так что оно под их влиянием *вырабатывает в себе душевную подвижность и исполненное мудрости жизненное тело.* (Выделено нами. — *Авт.*). Это исполненное мудрости эфирное тело есть первый зачаток того, что выше

было описано как душа рассудочная современного человека, между тем как пробужденное Духами Движения астральное тело есть зачаток души ощущающей». Обе они являются выражением Самодуха, « а он означает их высшее единство и гармонию» (13; стр.195).

В зоне Земли лунное развитие получает свое продолжение. «Сначала огнем Земли зажигается астральное тело, которое еще содержит в себе растворенными тела жизненное и физическое. Затем это астральное тело расчленяется на более тонкую астральную часть, душу ощущающую, и более грубую, эфирную, которой теперь коснется стихия Земли. *Вместе с тем выявляется образовавшее уже ранее эфирное, или жизненное тело.* (Выделено нами. — Авт.). И между тем, как в астральном человеке вырабатываются душа рассудочная и душа сознательная, эфирное тело включает в свой состав более грубые части, способные воспринимать звук и цвет» (13; стр.216). Эфирное тело охватывает, кроме светового, тепловой, огневой элемент; человек включает в свой состав вещественное.

Далее (мы должны пойти здесь на продолжительное цитирование, поскольку благодаря ему выявляется весьма значительный для наших рассматриваемых элемент) физическое тело получает внешнюю жизнь, независимую от души человека, возникает наследственность, некое сознание я, текущее через ряд поколений. Астральное тело вычленяет также душу сознательную, и когда эта душа « настолько продвинулась в развитии, что во время земной жизни смогла *образовать себе подходящее тело* (Выделено нами. — Авт.), Духи Формы одарили его искрой своего огня. В нем вспыхнуло Я» (13; 228). С этого момента человек также и в бестелесном состоянии начинает переживать себя как отдельное существо.

Все приведенные сообщения Рудольфа Штайнера, в особенности выделенные нами места, достаточно ясно говорят о том, что человек обладает *двумя родами* своей тройственной телесности; да и с тройственной душой дело обстоит не однозначно. Дело в том, что *внутри гигантской эволюции, длящейся три зона, эволюционируют главным образом Иерархии, эсертвенно эмануруя свою субстанцию и сознание в мир инобытия. Человек при этом пребывает в процессе инволюции.* К концу зона древней Луны возникает целостный образ будущего, как совокупность трех будущих зон: Юпитера и т. д. Возникает противостояние двух троичностей: эволютивной — эманации Иерархий, и действующей в эволюции инволютивно троичности будущих зон, где Самодух, Жизнедух и Духочеловек уже существуют вне зависимости от Иерархий, в свободной взаимосвязи с ними, как возводящие, говоря языком философии, мир не-Я до состояния Я (рис. 105).

Так обе троичности получают законченный вид, однако без некоего опосредующего звена они не могут во всей полноте воспользо-

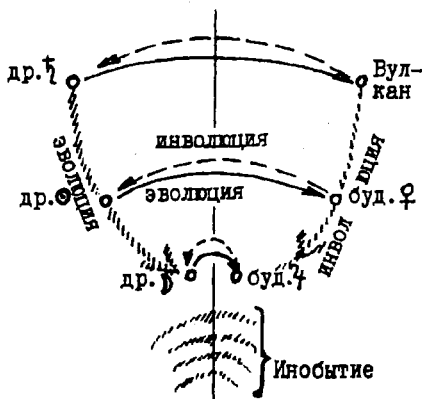

Рис. 105

вать друг на друга. И такое звено имеется — его образуют человек и три царства природы (на древней Луне их всего было три: человеко-животное и т. д.). Но чтобы их актуализировать, необходимо в них, и в первую очередь в человека, *внести принцип эволюции*. Таким внесением и было впечатление души ощущающей и рассудочной человеку древней Луны*. Однако и этот процесс носит там еще инволютивный характер: Иерархии действуют, а человек вбирает их действие в себя, хотя оно уже качественно

иное по сравнению с обретением трех оболочек. На этот раз Самодух встает, скажем, в диалектическую связь с двойственной душой. Он является высшим единством, синтезом ее двойственности. Но что это за синтез? В зоне Земли он выражается в виде колоссального, постоянно меняющегося процесса. Самодух, осеняющий земного человека, иной, чем, лунный Самодух. Тот был выражением Божественной эволюции. В зоне Земли он действует из будущего и одновременно нисходит из вышей как высшее Я — четвертый член человеческого существа. Кроме того, он осеняет совокупность *трех* душ, навстречу ему развивается низшее, эволютивное «я», в котором Самодух становится инволюцией. Действием из будущего Самодух вводится в пространственно-временной процесс, претворяя его в состояние сознания.

Нечто подобное происходит и с астральным телом. Как дарованное Духами Движения, оно приходит в тесную связь с физическим и эфирным телами. Но потом ему напечатлеваются эволютивные качества: души ощущающая и рассудочная. В зоне Земли выступают последствия воздействия Духов Мудрости на физически-эфирное. Напечатленная им мудрость выражается в способности эфирного тела человека вступать в эволюцию, становится носителем души рассудочной. При этом другая его часть, как и прежде, выражает собой эволюцию Божественного мира. Это они, Боги, сгущают материю, вызывают тепловые, воздушные и др. состояния: творят Небо и Зем-

* Душа сознательная не могла тогда быть напечатлена по той причине, что физическое еще не приняло характер минерального. Все бытие находилось ступенью выше по сравнению с земным. С другой стороны, в акте одухотворения материи Христос, как Духочеловек, воскресает в эфирном облике.

лю, отделяют свет от тьмы и т. д. Но во все их действия понемногу вмешивается человек. Некие свойства Демиурга проявляются в его астральном теле. Постепенно дело заходит так далеко, что из астрального выделяется третий член индивидуальной жизни — душа сознательная, которая находит отношение даже к физическому телу и его вещественности.

Конечно, в образовавшейся тройственной душе еще сильно действует надчеловеческий Самодух, существо Ангела. Но Самодух все более отождествляется если не с отдельным человеком, то с совокупностью человеческих существ и переживается ими как групповое Я.

Интересно, что внизу при этом, всецело еще на путях древней, Божественной эволюции, вспыхивает переживание родового «Я», пронизывающего череду поколений и действующего в силах наследственности. Оно является реликтом древнелунного действия Самодуха, перенесенного в условия Земли, и обречено на полное отмирание. Но, отмирая, оно уже в ряде тысячелетий дифференцируется на множественность индивидуальных «я». В своем отношении к высшему Я они интегрируются в рамках тех или иных, групповых по своей сути, традиционных представлений, обычаев, миро- и жизневоззрений. Перерастая их, возвышаясь над ними, но не искусственно исключая их, «я» находит индивидуальное отношение к Я, что сопряжено с выработкой тройственной души.

С определенного момента земного развития, человек начинает переживать смену состояний сна и бодрствования, жизни и смерти. Засыпая или умирая, он переходит в сферу своего высшего, плоды тройственной души, обретенные в результате земного опыта, вносит туда, где действует тройственная душа, развитая в процессе инволюции. Просыпаясь или рождаясь, человек развивает тройственную душу индивидуально-эволютивно, имитируя некие свойства богоподобия. Инволюция при этом протекает в нем в результате процессов *воспитания и обучения*, как душевно-духовный онтогенез наравне с древним, органическим онтогенезом; хотя и этот последний имеет теперь иной характер.

Человек наследует от родителей не только три тела, но и родовое «Я», из которого вычленяются зачатки «я» индивидуально: темперамент, общая конфигурация характерологической основы. Навстречу всему врожденному движется формирование всецело индивидуальной тройственной души. Человек сознательно формирует состав своих чувств, мыслей, волеизъявлений и постепенно высвобождает их из всего статичного, привычного, обусловленного субъективно-групповым. Например, человек вырастает в то или иное мировоззрение по причине либо внутренней предрасположенности, либо воспитания. Переживая себя как свободное «я», он научается переноситься в переживания других мировоз-

зрений, периодически отождествляясь с ними, как с излюбленным.

Плоды деятельности индивидуальной тройственной души человек уносит — как квинтэссенцию (осознанно) физического, эфирного и астрального тел, как единство бытия и сознания — в сверхчувственное и живет в них как индивидуальное существо, т. е. наподобие земного существа, эволютивно. Приходя к воплощению, человек вводит свои, осознанные, ставшие навеки его собственным достоянием субстанции трех тел в три унаследованные от родителей тела, в которых продолжает жить древнейший дар Духов Воли, Духов Мудрости и Духов Движения.

Со временем человек, как субъект эволюции, полностью претворит полученное в дар в свое достояние. Он сделает это в ходе трех будущих эонов. В ходе их *Иерархии вступают в процесс инволюции: они будут вбирать в себя сотворенное ими, что и означает сознательное вхождение человека в прошлые эпохи, изменение прошлого. В конце концов, весь цикл эволюции, протекающий в семи зонах, окажется полностью пронизанным потоками эволюции и инволюции, прошлое придет к конечной для данного цикла цели, будущее достигнет прошлого. И все это произойдет на базе нового творения — человека. Времени тогда не будет, а пространство превратится в точку, которая будет заключать в себе мировое бытие сущности.*

Так будет в чрезвычайно отдаленную от нас эпоху развития, которая возникает из совокупного действия эволюции, инволюции и творения из ничего. Что же касается современного этапа развития, то здесь человек развивает в себе тройственную душу, как это было показано на рис. 102.

В чем там выражается действие биогенетического закона? В аспекте родового, как мы уже показали, астральное в зоне древней Луны приходит в связь с физическим и эфирным человеком. В зоне Земли их совокупность выражает себя в эволюции видов. В ней с большей по сравнению с прошлыми зонами силой действует принцип самобытия, а следовательно и самодвижения. Законы эволюции в зоне Земли принимают всецело имманентный характер. Под их действием вся совокупность трех тел движется из прошлого в будущее через ряд состояний жизни, формы, сознания в пределах пространственно-временного мира.

Состояние сознания при этом возникает как переходное от имманентного к трансцендентному. Закону душевно-духовного развития присущ, если можно так выразиться, имманентизм сверхчувственной реальности. На доисторических стадиях развития Земли он повторял принципы действия Иерархий в предыдущие эпохи, где даже закон биологической эволюции не был имманентен инобытию. Теперь же, а точнее с той последней стадии лунного эона, когда астральному

телу человека были напечатлены две души, закон душевно-духовного развития человека постепенно вычленяется из эволюции видов, освобождается от пространственных отношений и начинает оплодотворяться импульсами, приходящими из будущего.

С давних времен оккультизм выражал эту двойственную природу законов развития в виде гексаграммы. В ней треугольник, направленный вершиной вниз, выражает совокупность трех тел, а направленный вершиной вверх — совокупность трех душ (рис. 106). Фигура эта имеет и ряд других значений. Рудольф Штайнер говорит о ней как о сверхчувственной форме астрального тела, которую оно принимает на высшем Девахане (227;31.VIII. 264, стр. 191), что можно понять, если вспомнить, что и физическое, и эфирное тела там переходят в состояние высшего астрального, т. е. сущность и явление, феноменальный мир и действующие в нем законы приходят к единству. А когда все снова приходит к явлению, то приобретает вид двух троицностей. Законы, действующие в них, разделяются, но сохраняется и некая связь между ними: одни, с переходом к индивидуальной эволюции, метаморфизируются в другие. Иными словами, нарождающийся индивидуальный человеческий дух возвращает сущему и инобытие, и его законы.

Разделяется и астральное тело. Часть его, связанная со сферой воли, обмена веществ и конечностей, при каждом воплощении человека повторяет древние стадии эволюции и продолжает их в эволюции видов. Верхняя часть все более обуславливается приходящим свыше: от круга Зодиака и планет. В момент смерти человек, подобно щепке, брошенной в реку, тотчас же уносится потоком астрального мира назад, в прошлое (влево от вертикальной линии на рис. 104) и при этом восходит в выси. Он тогда созерцает себя как Макроантропоса и из сочетания прошлого и будущего творит план своей следующей инкарнации. Кроме того, в сферах духа человек во всей полноте переосмысливает земной опыт предыдущей инкарнации, к миру земных восприятий присоединяет их идеальные соответствия, но не абстрактно: он тогда воссоздает картину *едиства бытия и сознания, после чего только прожитая на Земле жизнь получает свою полноту.*

Неоднозначность эфирного тела человека выражается в том, что одна его часть со времени древнего Солнца выступает в неразрывной связи с физическим телом. Но кроме того эфирное тело в земном воплощении постоянно пронизывает поток космических эфирных сил, ход которых имеет форму пентаграммы (264; с.188).

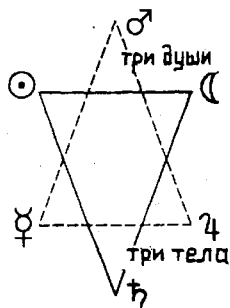

Рис. 106

Это силы Жизнедуха, напечатлевшие человеческому эфирному телу в конце зона древней Луны мудрость, а вместе с тем способность вырабатывать душу рассудочную; они приходят из зона будущей Вены.

Физическое тело пребывает в трехмерном пространстве, поскольку одна его часть служит жизненным процессам, а другая — душевным и духовным. В нем существует материя двух родов: материя крови и материя нервов. По мере разрушения нервной системы материя из нее излучается в виде духовной субстанции. Правда, первоматерией в земном человеке выступила материя крови; из нее образовалось все остальное, в том числе и нервная система. В то же время: «Мозг построен мыслями ...кровь построена жизнью чувств» (96; 8.X). В этом выражается примат духа над материей. Дух, оказывающий свое действие вплоть до физического тела отдельного человека, пребывает в сфере будущего Вулкана. Он не имеет ничего общего с наследственностью. Через посредство тройственной души он одухотворяет материю тела.

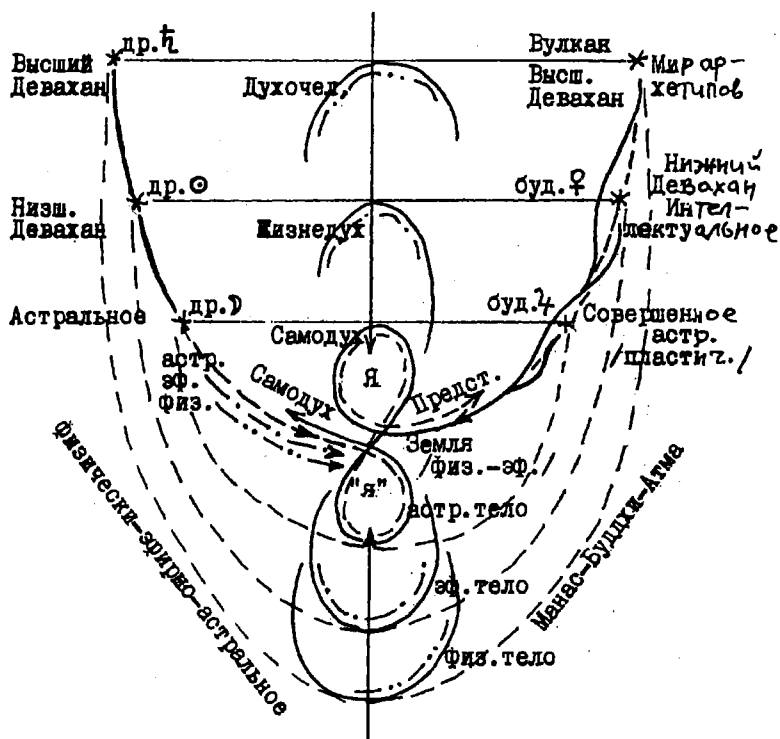

Рис. 107

Таким образом, чтобы понять феномен индивидуальной душевной жизни, необходимо постоянно менять представление о пространственно-временных отношениях, а также правильно распознавать ряды опосредований, через которые проходит действие духовных импульсов в человеке. Беспрерывная метаморфоза пронизывает весь феноменальный мир, включая и мир духа, где алхимии веществ чувственного мира соответствует духовная алхимия субстанций.

Имея все это в виду, мы должны конкретизировать изображенное на рис. 104. Если к тому же еще раз обратиться к табл. 16, то серию метаморфоз, пронизывающих человеческое существо, тут следует мыслить идущей на ступени состояния формы, возводящей человека к следующему состоянию сознания.

Мы ведем речь о человеке нашего цикла развития, которому соответствует физическая форма. Семичленная метаморфоза состояний формы, какой она выступает в эволюции, идущей сверху вниз — от состояний сознания, через состояния жизни, — представляет собой выражение единства сознания и бытия на каждой их ступени. В самом деле, каждое состояние сознания разворачивается в цепь семи состояний жизни, обуславливая собой, как закон, каждое ее звено. А дальше действие сознания и жизни порождает нечто третье, в чем находит для себя совокупное выражение. И это есть состояние формы.

При таком взгляде нам открывается еще один аспект эволюции: *метаморфоза, действующая в ней, так сказать, «по вертикали»* (что легко принять, если вспомнить рис. 11 и 12). У нее тоже семь ступеней. Они суть следующие, если их взять в отношении к современному человеку (см. табл. 16): 1) бодрственное, или предметное сознание; 2) минеральное состояние жизни; 3) эфирно-физическая форма существования сознания и бытия; 4) послеатлантическая коренная раса; 5) европейская культурная эпоха; 6) период правления Архангела Михаила; 7) седьмым является индивидуальная эволюция современного человека, как конечный результат действия Богом положенного бодрственного, предметного сознания. Будучи взятыми в другом аспекте, перечисленное образует ступени посвящения.

Иной вид имеет состояние формы при взгляде на него снизу вверх. Форма и в этом случае является синтезом бытия и сознания, но — всецело в аспекте индивидуального духа. Ибо в направлении сверху вниз человек пребывает в процессе инволюции, как творение; снизу вверх он развивает из «я» индивидуальную эволюцию.

Соединим оба аспекта воедино, и тогда — при наложении состояния сознания на состояние формы — мы получим картину, показанную на рис. 107.

В ней все то, что мы взяли из рис. 104, соответствует объективной эволюции мира и человека. Но внутри ее происходит эволюция ин-

дивидуального человеческого духа. В ней все, что происходит из будущего, нисходит по ступеням формы, принимает в конце концов астральную форму. Но это не то астральное, которое приходит слева; там оно тесно сплетено с эфирным и физическим. Справа астральное приходит как Самодух, и он в астральной форме содержит в себе Жизнедух и Духочеловека. Это астральное и называется *пластическим состоянием формы*. Сфера Жизнедуха называется нижним Деваханом. Это мир высшего интеллектуального, интеллигибельный мир высших мыслесуществ, где сознание обладает реальным бытием.

Религиозное сознание говорит о явлении Жизнедуха в оболочке Самодуха как о «Духе Утешителе», Духе Святом, несущем весть о Христе. Мы уже можем не задерживаться на том, что весть эта звучит не абстрактно, а требует для ее принятия иной техники мышления. В оболочке же Самодуха приходит и Духочеловек. Его силой рождаются мыслеформы как духовные существа: «Я и Отец одно»*. Благодаря ему в сфере Самодуха можно пережить моральные интуиции.

Такой тройственный дух, приходя из будущего, где он был рожден в ходе трех первых зонов, входит в человеческий Самодух, с которым тождественно высшее Я — последний плод Божественной эволюции, дар Духов Формы человеку. Оттуда, будучи опосредованным Я, он входит в астральное тело, соединяется там с опытом чувственных восприятий и способствует развитию низшего «я»; а далее, уже опосредованный низшим «я», эволюционирующим в тройственной душе, уходит в прошлое.

Но прежде он рождает тройственную душу без человеческого самосознания (я-сознания), как это описано в «Очерке тайноведения», одновременно образуя в человеке некоего рода переходную ступень от инволюции к эволюции в силу напечатленных астральному телу человека в астральном состоянии формы, в которое вошла древняя Луна в конце своего развития, души ощущающей и рассудочной. Они были напечатлены не одному астральному, а и физическому, и эфирному телам, которые тогда перешли в астральное состояние формы. Это было астральное пластическое, но не в его действии в эфирно-физическом состоянии формы, приходящим из будущего, а пребывающее всецело в своей сфере, вобрав в себя феноменальный мир путем изменения самих законов его бытия.

* О том же мы читаем и в Евангелии: «Из царства Начал происходит сила Слова, которое Я говорю вам» (Ин. 8; 25). «Пославший меня есть сама Истина» (Ин. 8; 26). «Кто следует за Мною... будет иметь свет, который есть жизнь» (Ин. 8; 12). (Согласно переводу Эм. Бокка).

Весь проявленный мир, периодически одухотворяясь, поднимается по ступеням формы, где осуществляется предвосхищение будущего. И поскольку развитие во времени там прекращается, а также меняется и характер пространства, то мы говорим о восхождении развития *по вертикали*, о субъективации мира, его царств и существ.

Когда мы говорим о семи ступенях метаморфозы состояний жизни, формы и т. д., то, с одной стороны, имеем в виду их проекцию в феноменальный мир, а с другой — эта проекция имеет реальное многообразное воплощение в мире земного бытия, где высшее в своем целостном (семичленном) принципе присутствует как закон, меняющий формы материально-живого при его переходе с одной ступени метаморфозы на другую; в-третьих, в своей сверхчувственной целостности семиступенность состояний жизни, формы и т. д. дана лишь человеческому сознанию, поэтому теория познания должна в первую очередь разработать логику имажинативного мышления, которое, пребывая в условиях пространственно-временного мира, одновременно движется *по вертикали*. Именно в феномене такого мышления мировой дуализм поистине начинает приходить к единству.

Рождение тройственной души в человеке в прошлые коренные расы совершилось как бы свыше и из будущего. А снизу и из прошлого, эволюционно, возникло тройственное тело. Силой Я тройственная душа нашла к нему отношение. В будущем тройственное тело из объективной эволюции постепенно перетечет в душевно-духовную эволюцию и станет тройственным духом. Эта метаморфоза также начинается в потоке астрального. Но там она, выступая на ступени абстрактных понятий, бессущностна. Поэтому перед человеком стоит задача внести в мышление жизнь, для чего он должен сначала научиться понятия соединять с восприятиями (в том числе и идеальными) и так строить мир своих представлений. Таково высшее движение индивидуального духа в объективной эволюции, когда он начинает ощущать свою опору в эфирной субстанции, претворенной в душу рассудочную. Еще ранее выступает проработанная связь души сознательной с физическим телом. И, наконец, свыше все это начинает осенять индивидуально переживаемое единство. Так начинается индивидуальная эволюция.

Иными словами, наша картина (рис. 104, 107) еще более усложняется за счет наложения трех родов метаморфоз, идущих в направлениях «прошлое-будущее», «будущее-прошлое» и по вертикали. Речь о них у нас была начата намного ранее, и теперь полезно вспомнить рис. 22, а если мы желаем еще конкретнее проникнуть в атомику душевной жизни, то и рис. 38. Воссоздать совокупный образ полученного на тех рисунках — задача не из элементарных, однако решение ее позволит нам с нашим бессущностным познанием

проникнуть в область, где, казалось бы, с ним просто нечего делать.

Мы попытаемся совершить эту работу в несколько этапов, привлекая то новое, что мы получили теперь. Прежде всего, полученное на рис. 107 раскрывает нам внутреннюю природу того, что Рудольф Штайнер дает на рисунке, который мы ввели в наши рассматривания (под номером 99). И там, и на нашем рисунке мы имеем дело с идущими навстречу друг другу из будущего и прошлого потоками сил и действующими «перпендикулярно» по отношению к ним, вне пространства и времени, импульсами низшего «я» и Я высшего. Мы, таким образом, данное Рудольфом Штайнером получили в обобщенной картине развития мира и человека. Но в ней недостаток одного элемента — тройственной души. Поэтому полученное на рис. 107 мы обращаем к рис. 102. Исходным на этом последнем, т.е. то, что лежит ниже уровня души ощущающей, есть душевное тело, или тело ощущений. Оно, как пишет Рудольф Штайнер в «Теософии», является тончайшим преобразованием телесности. В нем, как в теле, а не в чем-то индивидуально-душевном, все три тела приходят к единству, но так, что физическое и эфирное образуют его с одной стороны, а астральное — через душу ощущающую — с другой.

Тело душевное есть своего рода вершина органической эволюции, поэтому в нем, несомненно, действуют силы наследственности, простирающиеся в душевное и определяющие в человеке общий склад его характера: склонности, страсти и др., которые были свойственны предкам данного человека. Душа ощущающая наполняет душевное тело изнутри; наследственные признаки передаются и ей, но в ней, начиная с восприятий чувств, вступает в действие также и индивидуальное. Какие ощущения вызывают в нас восприятия — это может быть в значительной мере обусловлено наследственными признаками, но степень развитости восприятий, их культура могут находиться в прямой зависимости от полученного нами воспитания и самовоспитания; особенно, если говорить о высших восприятиях: чувстве мысли и т.д.

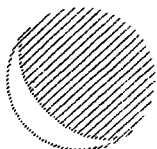
Душевное тело возникло в результате становления причинно-следственной связи, обусловившей, с одной стороны, вычленение из жизненных процессов органов чувств и открытие их в сторону внешнего мира, а с другой — возрастание различия между пребыванием астрального тела в сфере Солнца и в физической и эфирной оболочках, иными словами — в результате образования регулярных перевоплощений. Оно есть результат воздействия Самодуха, содержавшего в себе с конца лунного эона душу ощущающую и рассудочную, на эволюцию эфирно-физического человека Земли. Отсюда проистекает двойственный характер душевного тела: его обращенность как к объективной, так и к индивидуальной эволюции.

О теле душевном можно еще сказать так: в нем к своему непосредственному выражению пришло все мировое противоречие между духом и материей; или: душевное тело есть то ключевое звено, в котором инволюция индивидуального человеческого духа метаморфизмуется в эволюцию, что символически можно выразить в виде двух спиралей:

Целиком мировое противоречие разрешится только в зоне будущего Вулкана, одновременно метаморфизмуясь во что-то иное. А до того оно служит тем средством, благодаря которому только и возможна индивидуальная эволюция.

Душевное тело, как эфирно-физический субстрат, является носителем характерологической основы тройственной души. С противоположной стороны ему противостоит астральное тело, как, опять-таки, субстрат-основа мыслящего сознания, в котором рождается мир понятий. Оно есть понятийная основа трехчленной души, которая одной своей частью образует единство с характерологической основой и потому инволютивна: главным образом на ступени души ощущающей. Из астрального субстрата души проистекает иерархия я-проявлений, коренящихся в высшем Я. Проистекающее из эфирно-физического субстрата души носит по преимуществу восприимчивый и чувственный характер. Взаимодействием мотивов и побуждений, исходящих от двух сторон (основ) душевной жизни, рождаются волеизъявления.

В объективно-эволюционном, как в оболочке, рождается индивидуальная эволюция души, и образ того, как это происходит, снова напоминает нам Чашу Грааля. Высочайший духовный праобраз, нисходя по ступеням феноменального мира, повторяется на них на всех в виде ряда отображений, уподоблений. Он выражает себя в них одновременно и как форма и как закон.

Переходя от осмысленного образа (Sinnbild) к схеме, мы общую структуру действующих в тройственной душе сил должны изобразить так, как показано на рис. 108 и 109.

Так на уровне субстанций совершается переход от инволюции к эволюции. В ключевом звене субстанция метаморфизмуется в субстрат. Под субстратом мы в нашем случае понимаем ту часть возникающего в ходе эволюции мира физически-эфирно-астрального образования, которая через духовно-душевный онтогенез усваивает качества индивидуального человеческого духа, соединяет в себе в бытии свойства бытия и сознания. Субстрат — это базис в становлении человека иерархическим существом. Он также есть переходная стадия универсального Духа на его возвратном пути к себе.

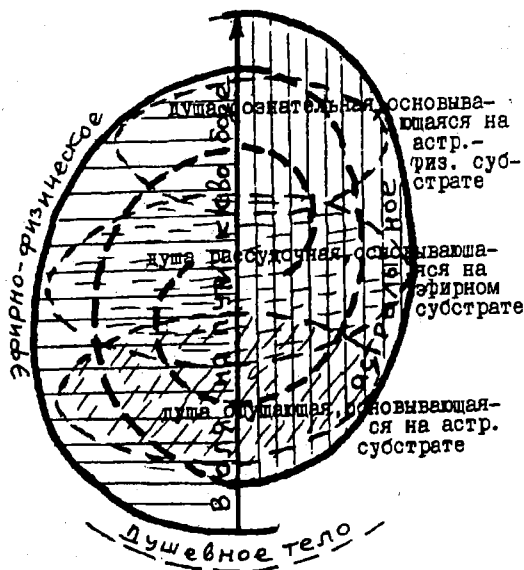

Рис. 109

Субстратом, по сути, является душевное тело, как *первая* ступень самобытия в ином, как ощущение. Бытие животного субстратом не обладает, поскольку в его ощущениях правит субстанция; оно не способно относить ощущения к себе.

Субстанция же — это форма и содержание (в их единстве) индивидуальностей высшего порядка. На переходной стадии движения от субстанции к субстрату, в эволюции видов, высшее индивидуальное выступает как имманентный закон, а если выразаться в духе гетеанстической науки, то — как тип. Пространственно-временные формы его реализации могут достигать состояния вещества — крайней степени нереального, небытия. Это небытие и встает между эволюцией и инволюцией как сфера творения из ничего. Плодом такового творения является человеческое «я». Оно не есть производное от типа и менее того — от имманентного закона. В своей эволюции «я» опирается на обе стороны реальности — на субстрат и субстанцию, но, однажды возникнув, оно в дальнейшем не обусловлено ничем. Рождаясь и действуя в мире небытия, ничто, оно — по словам Фауста — становится всем — высшим Я.

Субстрат тройственной души по преимуществу инволютивен, он создает предпосылки для объективации «я», но сам на нее не способен. Объективация «я» начинается с души ощущающей. В ней объективно-эволюционно действуют идущие навстречу друг другу потоки астраль-

ных и эфирных сил. Из их взаимодействия рождается индивидуально волящее «я». Оно сложной природы. В каждом элементе душевной жизни оно рождается под действием импульсов характерологической основы и понятийной основы: мира восприятий, чувствований и мышления. Его ориентация во времени постоянно меняется. В ходе объективной эволюции оно вбирает в себя идущие из будущего импульсы Самодуха, опосредующего действие Святого Духа в человеческой душе (согласно рис. 107). После смерти физического тела «я» с плодами земной инкарнации возвращается к Отчему праисточнику своего возникновения, к моменту одарения человека Духами Формы искрой Я. Пребывание «я» в Я (на высшем Девахане) своим результатом (аналогично тому, что происходит со всеми царствами природы) имеет перемену самой сути «я», возвышение его потенций, позднейших (в инобытии) имманентных законов развития самого «я» (логики, этики, эстетики), порождаемых им из своего внутреннего.

Посредником, приводящим в «я» к единству принцип Отца и Святого Духа, Я и Самодуха, выступает Сын Божий. Христос действует в пространстве, во времени, а также и вне их. Он пребывает в том настоящем, где в каждый миг прошлое переходит в будущее, будущее в прошлое, высшее в низшее*, низшее в высшее. По образу и подобию Его действует и развивается и наше «я», восходя по ступеням отождествления со Христовым Я. Без Христа распалась бы связь времен, низшее отпало бы от высшего. Со Христом высшее Троиединство воссоединяется в инобытии: в человеческом духе, благодаря чему только человеку и возможно войти в мир иерархических существ.

Христос от начала мира выступает в роли такого Посредника и Объединителя. Только до Мистерии Голгофы Он действовал из высей, после Мистерии Голгофы Он воссоединился с царствами Земли и с человеческим «я», впервые реально проявившемся в греко-латинскую культуру. Существует много причин, в силу которых Христос во-человечился в начале нашей эры. Главная из них состоит в том, что Он ждал рождения «я» в человеке, которое впервые заявило о себе в эпоху души рассудочной. Внешне это выразилось в способности человека соединять с восприятиями понятия, а не мифологические образы.

Низшее «я» под действием Самодуха стало мыслящим. В древнейшие эпохи Земли действием Самодуха было вызвано воплощение тройственной души в становящееся тройственное тело. Действуя как существо Ангела, Самодух образовал из тройственного тела единую форму, тело душевное, вместившее в себя искру Я. Это Я мы соотносим с Отчим началом по той причине, что оно способно

* Не в том, разумеется смысле, что хорошее становится плохим, а в смысле водительства и претворения.

овладеть всем человеком, вплоть до его физического тела. Впервые оно является в нас в отражении. Оно лишь «смотрится» в «зеркало» нашей телесности, ее высшей организации, ее наиболее выпадающей из жизненных процессов части — головного мозга.

Явление Я в нас — в понятиях — бессущностно. В нашем мышлении выступает, по сути говоря, лишь весть о Я, но это весть, несомая Святым Духом. А далее через Сына мы приходим к Отцу. Христос насыщает наше «я» субстанцией Жизнедуха, ведет к искуплению первородного греха, приведшего нас к познанию Бога лишь в отражении. Мы искупаем тот грех, соединяя «дерево познания» с «дерево жизни», делая мышление сущностным. Так с четырех сторон сходятся импульсы в человеческой душе. Если представить себе их действие, скажем, в плане, в горизонтальной плоскости, то известную нам картину можно изобразить по-другому (рис. 110).

От этого переходного образа вернемся к рис. 102 и попробуем на основе полученных результатов подробнее раскрыть его содержание (рис. 111).

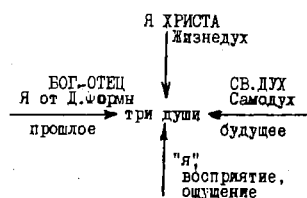

Рис. 110

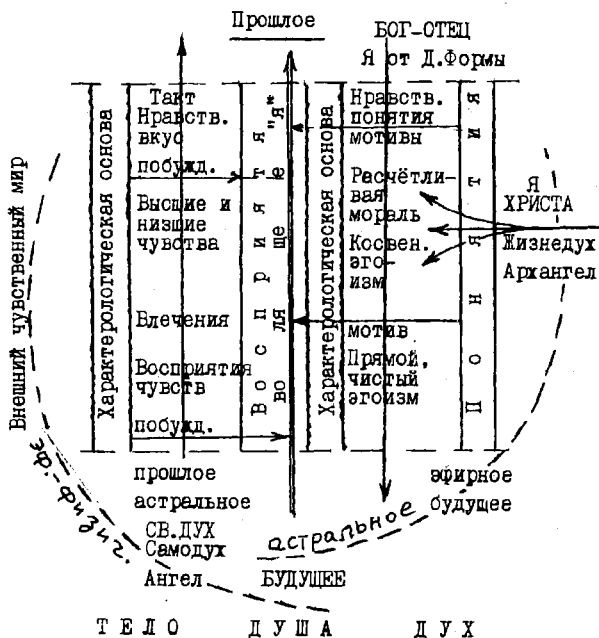

Рис. 111

Рассмотрим на рисунке конституцию души ощущающей. Чтобы лучше ее понять, с учетом идущих навстречу друг другу эфирных и астральных сил, возьмем в помощь себе еще один образ. Поскольку мы говорим о действии биогенетического закона также и в душевной жизни, то представим себе его действие в развернутом виде. Мы помним, что на стадии инволюции развитие тройственной души началось с души ощущающей. С нее же начинается и индивидуальная эволюция человеческого духа. Тогда в целом мы получаем картину, показанную на рис. 112.

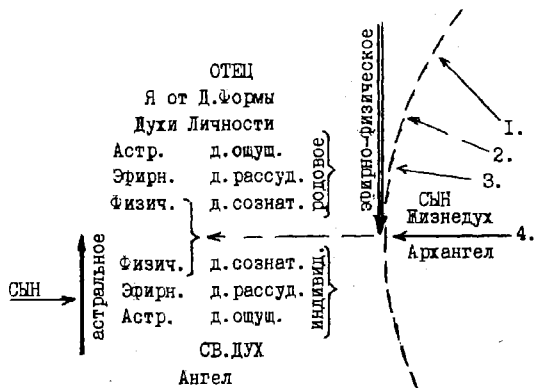

Рис. 112

Мы имеем на нем два исходных момента становления человека индивидуальностью: макрокосмический и микрокосмический. В точке схода импульсов, идущих из мировой и индивидуальной эволюции, встречаются два рода физической телесности, образующей основу души сознательной. Наибольшее погружение космического духа в материю там встречается с наибольшим освобождением индивидуального духа от оков материи. Исторически в этой точке совершается крещение на Иордане: Жизнедух Христа соединяется с тремя оболочками Иисуса из Назарета, в которых «Я» Заратустры выработало индивидуальную душу сознательную, что выразилось в его способности принести в жертву свое низшее, но высоко развитое «Я», как личное достояние, ради интересов развития всего человечества. Заратустра был первым, кто осуществил принцип «Не я, но Христос во мне» и предоставил свою душу сознательную, как сосуд, нисходящему космическому Я.

«Я» Заратустры, будучи воплощенным в Иисусе из Назарета, стояло на той высоте индивидуального развития, которой и в наше время достигают очень немногие люди. Он вполне обладал не толь-

ко способностью мыслить в понятиях, но, благодаря господству «Я» над жизнью мыслей, чувств и волеизъявлений, мог восходить в мир моральных интуиций и там черпать мотивы для своих поступков, мотивы нравственности. Поэтому Иисус из Назарета был лучшим представителем человечества. Безгрешная душа человечества, Натановская Душа, обрела в нем своего *индивидуального* выразителя. До Мистерии Голгофы эта Душа свыше, макрокосмически способствовала воплощению тройственной души в земного человека. Заратустра в ряде воплощений овладел этой душой совершенно индивидуально, уже в греко-латинской культурной эпохе стал представителем современной, европейской культурной эпохи, а может быть и двух последующих, т. е. всей коренной расы. Но предвосхищение будущего развития носило в Заратустре инволютивный характер. В своей *индивидуальной* духовной форме он достиг конца нашей коренной расы (в нас эта форма живет пока как групповая духовность) и теперь развивает в ней индивидуальную эволюцию, претворяя все свое астральное тело в Самодух, а эфирное — в Жизнедух. В своих дальнейших воплощениях он является одним из величайших служителей воскресшего Христа.

3. Христос и человеческая душа

ИТАК, РАЗВИТИЕ ТРОЙСТВЕННОЙ ДУШИ (и тройственного духа) многоэтапно, поскольку речь тут идет об овладении индивидуальным бытием и сознанием. Можно с уверенностью выделить три этапа воплощения тройственной души. Первый из них был для человека чисто инволютивным. Духи Движения повторили свое древнелунное деяние в условиях Земли: напечатали человеческому групповому Самодуху противобраз в астральном теле в виде души ощущающей и рассудочной. Вслед за тем, уже на основе чисто земных отношений, в которых физическое имело тенденцию нисходить до минерального состояния, до элемента земли, вычленилась душа сознательная. Весь этот этап развития завершился раскрытием органов чувств вовне, при котором значительную роль сыграли люциферические существа. Это, по сути, их жажда восприятия инобытия — сферы их бытия, — иллюзорного мира отраженных богов, сгущенного их эгоцентрическими вожделениями до состояния ничто, материи, где дух вытеснен из вселенского бытия, «проткнула» глаза, уши и другие органы восприятия изнутри наружу. Человек при этом служил люциферическим духам лишь инструментом. И под действием их одних, как говорит Рудольф Штайнер, открывшиеся вовне чувства стали бы «...сверхчувствительными... красный цвет, например, так действовал бы на глаз, что ощущалась бы

совершенно реальная боль... как бы высосанным чувствовал бы себя глаз от восприятия синего цвета. И таковыми были бы и другие восприятия чувств» (148; 10.П).

Их оздоровление произошло благодаря тому, что на высшем Девахане Христос соединился с Натановской Душой. А это означает, что *Христос в состоянии не пралайи, а манвантары совершил корректировку законов развития тройственного тела.*

Нужно постараться оценить этот факт по достоинству. В обычном ходе эволюции для такого деяния нужно было бы одухотворить всю планетную систему, перевести ее в астральное состояние и поднять в область архетипов. Но Боги поступили иначе. Они удержали часть Адамовой, т. е. общечеловеческой души от развития, удержали в состоянии пралайи, но так, что она оставалась частью общей души, т. е. не была прервана ее связь с эволюционирующей в земных условиях частью. Отсюда следует, что *целиком в объективную эволюцию в земных условиях человек вошел лишь после Мистерии Голгофы.* До нее его душа была разделена надвое и пребывала одновременно и в духе (точнее, в мире первого откровения) и в материи (в мире второго откровения*). Можно представить себе, сколь призрачным было наше бытие до пришествия Христа.

Разделенность Адамовой души явилась единственным условием, при котором Бог смог стать человеком. Ведь Он стоит выше всего того, что возникает в нашем цикле эволюции путем метаморфозы. *Бог не мог прийти в человека ни из прошлого, ни из будущего, а только из настоящего — свыше. Таким пришествием запредельного бытия, явлением пралайи в непрекращающемся течении манвантары и были жертвенные деяния Христа, совершаемые им через Натановскую душу до Мистерии Голгофы.*

Если бы Боги не разделили душу Адама, не изгнали часть ее из Рая, то он остался бы навеки соединенным с ними, но без свободной воли. Если бы они изгнали ее целиком, то вся она стала бы добычей люциферических и ариманических духов. Но такой участи подверглась лишь часть Адамовой души. На нее стали действовать законы чувственного, материального мира, где люциферические и ариманические духи понимают человеческую свободу как средство вообще оторвать творение от Творца.

Человек оказался как бы под двойственной «юрисдикцией», из чего возникла свобода выбора между добром и злом. Но выбирать может только самосознающий человек. И пока он еще не возник, Боги были вынуждены сами корректировать действие высших законов в ином, — пока не оказалось возможным предоставить человеку

* Существенным в таком состоянии было то, что неизменным оставались лишь законы становления мыслящего сознания.

свободную волю, выпустить его «из рук» Божественного предопределения, отпустить в мир имманентных законов; мир же этот может существовать лишь как оппозиция высшему миру, как инобытие, не-Я.

Лишь отдельным людям, вставшим на путь посвящения, удавалось до Мистерии Голгофы осуществлять синтез двух миров. Глобальный синтез стал возможен лишь благодаря приходу Самого Бога в мир инобытия. Однако и роль земного человека в деянии Бога была немаловажной. Вслед за первым начался *второй этап* воплощения тройственной души в человека. Душа ощущающая стала развивать свою деятельность в физическом теле. Это означает, что душа сознательная, нашедшая на первом этапе воплощения связь с физическим телом, обрела свое первое *индивидуальное* выражение, т. е. метаморфизировалась в душу ощущающую: человек начал восприятия чувств относить к себе. Сверхчувственное действие тройственного духа, имевшее место на первом этапе, теперь отступает от человека, и он все более подвергается действию люциферических существ.

На втором этапе овладения тройственной душой часть человеческой астральности, не подвергшаяся грехопадению, находилась на высшем Девахане, в сфере Духочеловека. Христос соединился с этой частью. Внизу, в воплощенной в земное части человека следствием Христовой жертвы было то, что часть физического тела утончилась и пришла в тесную связь с эфирным телом. Образовался первый ингредиент индивидуального существа человека — душевное тело. Оно-то и ограничило безмерную экспансию люциферических существ. Вместе с тем умеренность была внесена в восприятия чувств. Органы чувств начали функционировать спокойнее за счет обособления от внешнего мира. *Они стали в большей мере принадлежать отдельному человеку, в чем и проявилось первое действие Христового Я в человеке.* Безгрешная часть человеческой души пришла при этом в связь с душой ощущающей, принесла в нее закономерность из мира пралайи — индивидуальное начало, способное на индивидуальную эволюцию, начало, благодаря которому человек становится личностью.

Все это происходило в Лемурийскую эпоху, когда человек особенно интенсивно воплощался в свою систему обмена веществ и конечностей, что повлекло за собой их поворот на 180° — от обращенности в сторону Солнца к обращенности к центру Земли.

В Атлантическую эпоху человек начал овладевать собственной ритмической системой. Началось также осознание уже в чисто земных отношениях семи жизненных процессов. Их выработка происходила задолго до раскрытия органов чувств вовне, осознание же — после. Также и сюда вмешались люциферические духи, а вме-

сте с ними — и ариманические. Под действием их одних, говорит Рудольф Штайнер, «...человек испытывал бы не просто симпатии и антипатии, но дикую алчность и ужасное отвращение ко всему, чем он наслаждался благодаря своим органам жизни» (148; 10. II). Иными словами, если душа ощущающая позволила человеку прийти в связь с внешним миром, то становление души рассудочной поставило внутренне человека перед его сознанием как что-то объективное, хотя и в гипертрофированной форме, что было необходимо ради усиления впечатления, воздействия на становящееся «я».

Христос на этот раз в сфере Жизнедуха соединился с Натановой Душой, а она — с душой рассудочной человека, что означало высвобождение части земного эфирного тела для более высокой, чем жизненные процессы, деятельности. Переживание жизненных процессов стало умеряться более высокой индивидуальной организацией в человеке, что повлекло за собой ослабление их связи с жизненными процессами. В какой-то мере это противоречило законам развития в манвантаре, означало вмешательство пралаи в их действие, что для человека обернулось обретением новой грани своего индивидуального существа, новой связи с вечным.

Далее человек стал пользоваться собственными мыслями (но не понятиями), чувствами и волеизъявлениями, но всему этому не хватало гармонии. Выходя из-под управления Самодуха они, как до того восприятия чувств и симпатии и антипатии, становились добычей люциферически-ариманических существ. Атлантическая эпоха близилась тогда к своему окончанию. И вот Христос в сфере Самодуха, в астральном мире планетной системы в третий раз соединяется (это деяние, вероятно, следует мыслить происшедшим в сфере внутренних планет, тогда как предыдущее произошло в сфере Солнца) с Натановой Душой, а она, в свою очередь, — с душой сознательной земного человека.

Весь второй этап воплощения тройственной души завершился к началу послеатлантической эпохи (коренной расы). В результате его Самодух, как дар Духов Движения, прошел опосредование через Иерархию Духов Формы. Оно выразилось в том, что он получил возможность действовать из будущего на индивидуальный дух человека. Я Духов Формы актуализировало его действие из будущего, идущее навстречу его объективно-эволюционному действию из прошлого. В своей новой роли Самодух, будучи опосредованным человеческим «я», со временем претворит все астральное тело человека в его индивидуальный Самодух. Одно дело, когда он действует как групповой дух человечества из прошлого, и другое — когда он действует как индивидуальный инспиратор из будущего, осознаваемый лишь на пути посвящения, и третье — когда все астральное тело

человека превращается в Самодух. Эти различия только на первый взгляд кажутся слишком тонкими.

Самодух воздействует на человека также и из высей как высшее Я человека. В послееатлантическое время это Я-Самодух как бы проходило по небосклону человеческой души, будучи опосредовано третьей Иерархией, пока не достигло ступени Ангела, где, как групповое «Я», стало осенять родовую общину. В момент Мистерии Голгофы существо Ангела ушло из сущностного ядра индивидуально-группового человеческого существа. В человеке осталась лишь оболочка «я» — индивидуальная наработка опыта восприятий чувств, жизненных процессов, следования заповедям, образного мышления. «Солнце» группового «Я» ушло «за горизонт», к будущему дню эволюции, где оно некогда будет изживаться как индивидуальное Я («истинный израильтянин»). Но зато Сам Христос, макрокосмическое Я, соединился с Натановской Душой уже в земном человеке, в Иисусе из Назарета. Он перешел на другую, индивидуально-чувственную сторону тройственной души и тем положил начало третьему этапу ее воплощения, становления (рис. 113)*.

Это исключительный момент в эволюции мира! — Бог отпускает творение в материальное инобытие, а там к нему подступают духи, грозящие навеки оторвать его от Бога. Если бы человек был надеж-

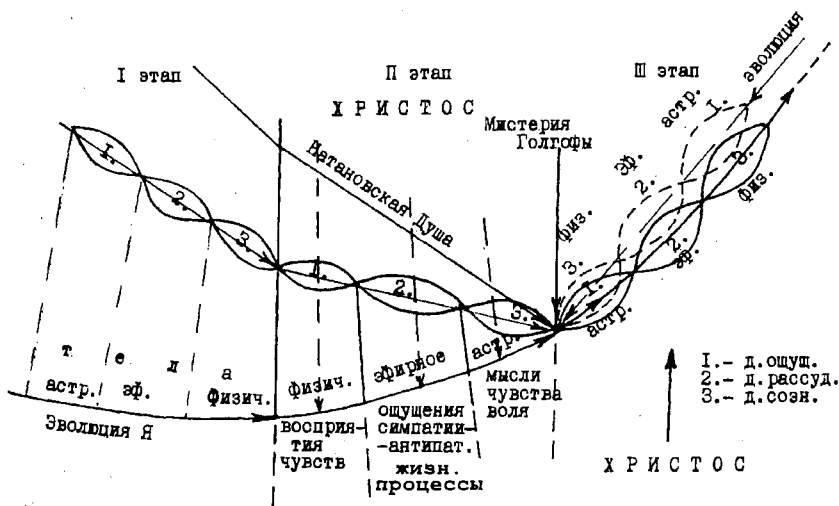

Рис. 113

* Этот рис. завершает картину, начатую на рис. 29 и 31.

но защищен высшим миром от их воздействия, то на Вулкане достиг бы Духочеловека так и не сходя вполне в инобытие, минуя даруемый им индивидуальный опыт, а вместе с тем и свободную волю. *Христос меняет закон развития всего троиственного тела в земном зоне.* При этом Он не одухотворяет зон, что лишило бы человека опыта в чувственной реальности, но *Девахан изводит в чувственную реальность, закон большой Пралайи имманентно прививает инобытию, непосредственно в нем претворяет физическое тело в Духочеловека, вносит семя будущего Вулкана в весь человеческий род.** Прошлые, настоящее и будущее сливаются в одно актуальное целое внутри человеческого «я». Обо всем этом говорит Сам Христос, например в Ев. от Иоанна. Но Он говорит языком Мистерий, и нужно уметь углубляться в его смысл: «Кто следует за Мною... будет иметь Свет, в котором есть жизнь» (8; 12); «Вы происходите снизу, Мое Я происходит сверху» (8; 23); «... из Царства Начал происходит сила Слова, которое Я говорю вам» (8; 25); «... Пославший Меня есть сама Истина» (8; 26); «Пославший Меня вершит в Моих деяниях» (9; 29); (согласно переводу Эм. Бокка).

Окончательное индивидуальное овладение троиственной душой началось еще до Мистерий Голгофы (правда, лишь отдельными людьми). Поэтому и говорят о некоторых греках, как о христианах до пришествия Христа. Однако массовый характер христианизация душ принимает лишь в нашу эпоху души сознательной, а все, что предшествовало ей, было лишь подготовлением. Наша эпоха есть *начало реализации Христианства* по той причине, что свет познания Христа, несомый Святым Духом, Софиология может соединиться лишь с душой сознательной, стоящей на границе со сферой Самодуха.

Христос действует во всей душе и не только, как мы показали, после Мистерий Голгофы. Но если это действие инволютивно, то останется подготовительным до тех пор, пока человек не возьмет на себя труд заняться познанием Христа и тем не вызовет в себе насквозь пронизанную Христом индивидуальную эволюцию, без которой он рано или поздно отстанет. Поэтому в Евангелии звучит суровое предостережение о том, что грех против Духа Святого не будет прощен. Его же творят и атеисты, и теологи, резко выступая против Софиологии, против Антропософии. Настаивают на Христианстве традиционно церковном, которое составляет лишь подготовительный этап христианизации мира. Но опять же в Евангелиях, по

* Однако основной закон земного зона, которым обусловлено становление мыслящего сознания, остается неколебимым. Поэтому Христос говорит: «Се творю все новое», — и в то же время: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон... но исполнить» (Мф. 5, 17).

сути, сказано, что отход от него простится. Простится, естественно, тому, кто в данной или в одной из предыдущих инкарнаций подготовление уже прошел и созрел для реализации Христианства, которая начинается с пронизания всей цивилизации светом Христова познания. В отдельной душе этот свет должен засветиться в душе сознательной и оттуда пронизать собой душу рассудочную и ощущающую: «...Мое Я происходит сверху».

Таков решающий акт самопознания, и в нем нужно быть реалистом: отдавать себе ясный отчет в способности воспринимать свет Христовой Истины в душу сознательную. Христос не просто гармонизирует в нас действие мыслей, чувств и волеизъявлений, но реально претворяет тройственное тело в тройственный дух, наполняет наше «я», оболочку личности, сущностным содержанием, Своим Я. И нужно приложить все усилия к тому, чтобы пойти Ему навстречу в Его работе в нас. Только тогда начнется прогресс личности, и для человека важнее этого прогресса нет ничего.

Но Христос действует и во внешнем мире, соединившись со всеми царствами Земли. Поэтому Он является человеческой душе двояко: изнутри (мистически) и извне, сквозь завесу внешних чувств (об этом у нас шла речь в главе, посвященной двенадцатичленной системе восприятия чувств). В антропософском «Кредо» говорится: «Есть четыре сферы человеческой деятельности, в которых человек полностью отдает себя духу, умерщвляет свою обособленную жизнь, — это познание, искусство, религия и полная любви отдача себя другой личности в духе» (40; стр.274). А в одной из лекций Рудольф Штайнер говорит, что в Мистериях древности искусство, религия и наука выступали в единстве, и лишь, так сказать, по причине наследственного греха человек разъединил их. В наше время их разъединение привело всю цивилизацию к величайшему кризису, который нарастает по той причине, что «... наука, искусство и религия больше не понимают друг друга... религия становится даже враждебной искусству, искусство...становится безрелигиозным» (156;20.XII). О враждебности религии к науке и говорить не приходится. Не помогают делу, а лишь все усугубляют новейшие попытки освятить церковным присутствием разные экстрасенсорные, гипнотические приемы врачевания и т. п.

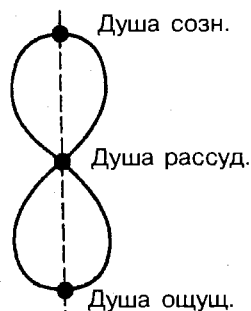
Итак, с пришествием Христа начинается третий этап индивидуальной выработки тройственной души (см. рис. 113). Он движется одновременно в двух направлениях. В объективной эволюции, идущей из прошлого в будущее, продолжается пресуществление тройственного тела в тройственный дух. В этой работе тройственная душа обретает все более наполненное субстанциональное содержание, приобретает форму вполне индивидуального духовного существа, в котором наше «я» развивает индивидуальную эволюцию,

идушую из будущего, вернее сказать, из настоящего (постоянно сдвигающегося в будущее) в прошлое. Человек силой духопознания претворяет душу сознательную в душу имажинации, душу рассудочную в душу инспирации, душу ощущающую в душу интуиции и так индивидуальным сознанием проникает в свое бессознательное прошлое, обретая в нем необходимую полноту.

В своей ориентации на Мистерию Голгофы тройственная душа выступает двояким образом. С одной стороны, совмещаются первый и второй этапы ее эволюции и образуют инволюцию, в которой в душевный онтогенез действием Христа вносится индивидуально-эволюционное начало. Такую задачу решает (или не решает) педагогика, весь учебно-воспитательный процесс, в каком бы возрасте человек ни проходил через него. С другой стороны, совмещаются оба процесса, протекающие в душе на третьем этапе ее развития, где индивидуальная эволюция силой «я», устремленного к Я Христа, вносится в объективную эволюцию, поволенную Самим Богом. И то и другое дано на рис. 112. По сравнению с ним рис. 113 лишь более подробен, он помогает нам понять ряд дополнительных аспектов: во-первых, ключевое положение души рассудочной в ряду метаморфоз, идущих от души ощущающей к душе сознательной и обратно (мы говорили об этом в гл. II, например, по поводу косвенного эгоизма, метаморфизирующегося в высокие качества души сознательной). Она представляет собой как бы точку схода двух петель лемнискаты. Во-вторых, из рис. 113 легче понять связь души сознательной и души ощущающей как с астральным, так и с физическим телом.

К изображенному на рис. 113 следует еще добавить действие Духов Формы. Действием дарованного ими Я они облагородили и утончили часть тройственной телесности, сотворенной более высокими Иерархиями и в четвертом теле, душевном, как в оболочке, образовали тройственную душу, какой она предстает на втором этапе эволюции. Ее следует мыслить заключенной в оболочку душевного тела, возникающего как бы на перекрестке действия сил физического, эфирного и астрального тел, в которые уже в предыдущие зоны было включено также действие люциферических и ариманических существ.

На первом этапе своего становления тройственная душа, как отпечаток тройственного духа, была безгрешна, не обременена веществом. Но если бы она осталась таковой и далее, она не смогла бы стать индивидуальным достоянием человека. Поэтому она, если можно так выразиться, раньше Христа пошла на Голгофу,

на распятие в материальном теле. Но не вся. Часть ее — Натановская Душа — оставалась не запятнанная грехом, в духе вплоть до пришествия на Землю Христа. Человек Иоанн — носитель тройственной души — говорит о Нем: «Идущий за мною стал впереди меня». Для нас, людей, это означает, что без Христа, если Христос не станет «впереди» нас, наша Голгофа лишена надежды на воскресение.

Став в «зараженной» люциферическим и ариманическим влиянием телесности нашим индивидуальным достоянием, тройственная душа тут же и отнимается у нас этими существами. При этом и вышшая, безгрешная часть нашей души теперь также соединена с нами. Но поскольку она никогда не порывала связи со Христом, являясь одновременно нашим макрокосмическим достоянием, то и теперь она пребывает в нас, как семя Христовой силы, соединенной со всеми царствами Земли. Именно благодаря ей Тело воскресения Христова имеет отношение к каждому человеку. Оно живет в каждом из нас как Я всего человечества, которое может стать всецело индивидуальным достоянием благодаря всеобщему и одновременно индивидуальному характеру Натановской Души.

Древнее инволюционное напечатление человеку тройственной души продолжается и в культурных эпохах, но на родовой, инстинктивной основе, а значит — люциферически. Поэтому, проходя инволютивно через культурные эпохи, пассивно следуя за духовными и иными импульсами цивилизации, человек не укрепляет своего «я», не развивает индивидуальной эволюции, иными словами, не обретает спасения. Сама же цивилизация тогда принимает упадочный характер.

Мы знаем, что Духи Личности управляют культурными эпохами, Архангелы — народами, Ангелы — водители отдельных душ. В цепи этого ряда водительств мы обретаем индивидуальные восприятия чувств, ощущения, способность чувствовать, мыслить, волить. Но ко всему примешиваются действия духов препятствий, хотя и от самого человека зависит — как он распорядится своими качествами. От него самого зависит, начинать ему или не начинать индивидуальную эволюцию. Если он ее не начнет, то будет встроен в те или иные формы, скажем попросту, потакания групповому сознанию, которыми переполнен наш век.

Ни субстанциональный астральный поток, приходящий из будущего, ни эволюционный эфирный поток, идущий из прошлого, сами по себе не образуют индивидуальной души; они создают лишь предпосылки для ее возникновения. Сама она возникает, когда возбуждается поток восходящего «по вертикали» развития. В этом случае зреющее в тройственном теле в ходе объективной эволюции начинает метаморфизироваться в индивидуально-душевное силой приходящего из высшей Импульса Христа.

От совокупного действия всех перечисленных сил в человеческой душе возникает совершенно специфическая картина индивидуализации. В ней, например, астральный поток, идущий из будущего в прошлое, вступая в душу ощущающую, движется не по чашеобразной линии эволюции (см. рис. 104), а по лемнискате внутренних метаморфоз, что, по сути, и означает *становление времени личностью*. Это происходит на перекрестке взаимно перпендикулярно действующих в многочленном человеке сил. Там тройственная душа, образуя мост между телом и духом, ставит себя в положение как временного, так и надвременного существа, что не дано душе, обретаемой в ходе объективной эволюции. Так, например, англосаксонской расе дано во временной эволюции овладеть душой сознательной, однако, не овладевая ею по-христиански («Царство Небесное усилием берется»), представители этой расы погружают душу сознательную в инстинктивную основу души ощущающей, где правит групповой (расовый, национальный, корпоративный) эгоизм. Они ставят ее на служение двойнику Души народа, двойнику Духа Времени и иного рода двойникам. В индивидуальном опыте души их трагедия выражается в том, что выше некоторых зачатков души рассудочной человек тогда, проходя через метаморфозу семилетий жизни, не поднимается. Он ставит свое понятийное мышление на служение эгоизму души ощущающей и тем готовит свой личный апокалипсис, как «посильный» вклад в апокалипсис общечеловеческий, который в значительной мере готовит англосаксонская раса, становясь, в силу овладения душой сознательной, притягательным центром для разрушительных сил*.

Это небольшое социально-этическое отступление нам было необходимо сделать для того, чтобы оживить воспоминание о нашей установке, занимаясь самыми серьезными вопросами общей Антропософии, не застревать в абстрактном, постоянно проследивать их связь с практической жизнью.

Ну, а что касается самих вопросов, то в ходе наших исследований мы приблизились к одному из значительнейших выводов, какие мы можем сделать. Мы установили, что в пространственно-временных отношениях развитие движется через ряды метаморфоз. А кроме того происходит постоянное возвышение самосознания в творении. метаморфоза в нем постепенно перемещается из органического в душевно-духовное, выходя таким образом из пространственно-временных отношений в более высокие сферы бытия-сознания. Возвышение человека, восхождение «по вертикали» по отношению к «горизон-

* Она, разумеется, может его и не готовить, а наоборот, стать источником самых положительных импульсов. Здесь действует правило: кому много дано, с того много и спросится.

тали» эволюции видов, стало возможным благодаря нисхождению Божественного импульса из высей.

Богом двояким образом позволено бытие тварного мира: имманентно, через череду метаморфоз, где закон развития неразрывно слит с феноменальным миром. действует только в нем, и трансцендентно, как эсертвенное откровение свыше. В каждой зоне Иерархии приносят жертвы. В эволюции они становятся субстанцией, субстратом, веществом. Но наравне с этим всегда остается действие свыше, более высокое по своей сути, чем все совершающееся внутри творения. Этим действием в конце древнего Сатурна монадам напечатлевается Духочеловек, в конце древнего Солнца — Жизнедух, а в конце древней Луны — Самодух. В пространственно-временной эволюции (по горизонтали) этих ступеней человек достигнет лишь в будущих зонах.

В земном зоне через действие свыше сначала приходит жертва Духов Формы — высшее человеческое Я, а потом совершается неслыханное: свыше в земное бытие нисходит Сам Бог. *Он нисходит свыше и одновременно подчиняет себя закону эволютивного развития, т. е. закону метаморфозы, чем полагается начало индивидуальной эволюции человека. До Христа человек одарялся той или иной мерой индивидуального сознания. После Его пришествия развитие я-сознания стало делом позволенной человеком в себе душевно-духовной метаморфозы.*

Нисхождение Христа совершается по семи ступеням многократно обсуждавшейся нами метаморфозы. *В первых трех эсертвах, совершенных Христом через Натановскую Душу, Он сделал индивидуальным достоянием человеческого духа плоды первых трех зон. Мы переживаем их в диалектическом мышлении, когда, свободно полагая тезис, извлекаем из него имманентное противоречие и приходим к их синтезу как к законченной действительности, но в абстрактном выражении. Чтобы эта деятельность стала вполне нашим достоянием, Христос должен был привести в гармонию силы, обретавшие самобытие в нашей тройственной душе.*

Голгофа и связанное с Нею Вознесение явились четвертой жертвой Христа. Четвертая ступень в духовной метаморфозе, как мы помним, есть созерцание. В органическом мире оно выражается в процессе роста растения, в его соединении со средой: воздухом, светом, влагой, с веществом.

Христос, пройдя через Мистерию Голгофы, стал Духом Земли, соединился со всеми ее царствами. Но сделал Он это не сразу. Его Божественный, творческий акт созерцания, который весь есть деятельность, длился 19 веков. Почему — 19? А потому, что Христос созерцал пространственно-временное бытие мира, оно же распадается на двенадцатиричность пространства и семеричность времени, из

которых рождается совокупность бытия (многочленного человека) и сознания (я).

Голгофа совершилась в 33 году. А в 1935, как нам сообщает Рудольф Штайнер, началось Второе Пришествие Христа. Это значит, что Он перешел на пятую ступень совершаемой свыше метаморфозы. В логическом ряду на пятой ступени из созерцания рождается восприятие идеи. Кто овладеет созерцающей силой суждения, рано или поздно в своем созерцании воспримет универсальную Идею Мира, Само Слово, из которого «все начало быть».

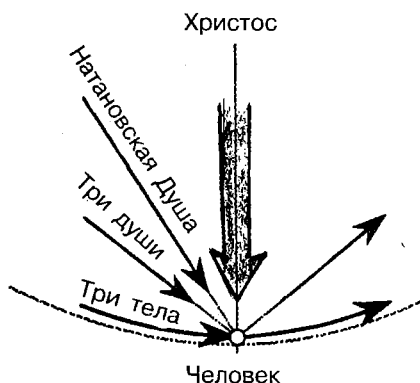
Христос говорит, что Он пришел не нарушить закон, а исполнить. Значит, Он не нарушает закон земных метаморфоз, а наполняет их высшим смыслом, задает им «вертикальное» направление. Человек, со своей стороны, качественно изменяя мыслящее сознание, приобщается ко Христовой метаморфозе духа, поистине христианизруется. Вот почему гетеанизм имеет такое большое значение для человечества. Однако сколь еще далеко человечество от осознания того, что овладение семичленной гетеанистической логикой есть начало истинной христианизации души и духа.

Претворяя орган мышления в орган восприятия, человек получает (после чувства Я) тринадцатое чувство. В нем, как в некоем центре внутри круга двенадцати восприятий чувств, нам должно открыться восприятие Христа в Его Втором Пришествии в мире эфирных сил, в Иерархии Ангелов, которыми несетя наш Самодух.

Некогда Христос осуществит шестую ступень метаморфозы свыше. Она, как и пятая ступень, будет направлена снизу вверх. Тогда Христос будет являться в Иерархии Архангелов, и человеку для переживания Христа потребуется восходить к инспиративному сознанию. На последней, седьмой, ступени мы будем в интуитивном сознании переживать Христа в Иерархии Духов Личности.

Обратимся еще раз к рис. 113.

На нем показано, что в потоке мировой эволюции развивается лишь тройственное тело. Тройственная душа только отчасти сливается с этой эволюцией, а более нисходит из высей. Так это и должно быть, поскольку в конце зона древней Луны она была напечатлена астральному телу Духами Движения, т. е. не была плодом эволюции. Становясь на Земле индивидуальным достоянием человека, она тут же начинает выходить из простран-

ственно-временных отношений, восходить, одновременно простираясь и в будущее и в прошлое.

Итак, тройственная душа является соединительным звеном между процессами, совершающимися в пространстве и времени, и импульсами духа, нисходящими свыше.

Еще менее, чем тройственная душа, отношение к земным метаморфозам имеет Натановская Душа. И, наконец, всецело из высей нисходит Христос. В целом же возникает ряд опосредований, благодаря которым прошлое как бы через выси, т. е. через принцип индивидуализации, соединяется с будущим, а будущее с прошлым. Возникает скрещение двух родов метаморфоз, скрещение двух принципов развития: пралаи и манвантары, и в центре скрещения всегда находится человек.

4. Феномен человека в мгновении настоящего

ВСЯ СОВОКУПНОСТЬ ТРОЙСТВЕННОГО ДУХА воздействует на человека из будущего как в общем-то его собственное, но сверхсознательное достояние. Оно является общечеловеческим достоянием, и пока что лишь немногие люди овладели теми или иными его частями индивидуально. Это в первую очередь относится к Самодуху. Великие посвященные уже живут с сознанием будущего Юпитера, предвосхищая общее развитие на целый эон. Еще меньше человеческих душ пребывает в состоянии будущей Венеры.

Обычного человека тройственный дух достигает в оболочке Самодуха. Как физическое может пребывать в эфирном и астральном состоянии, так и Жизнедух, и Духочеловек могут нисходить до состояния Самодуха. Достаточно вспомнить, что Христос воскрес как Духочеловек, но в оболочке Жизнедуха.

Индивидуальный человеческий Самодух, тот, в котором нас осеняет наше высшее Я, не содержит в себе в метаморфизированной форме Жизнедуха и Духочеловека. Он является центром единения тройственной души и обуславливает «вертикальное» развитие индивидуума, опережающее эволюцию субстанций.

Это выражается в том, что человек может восходить к сознательному переживанию имажинаций и т. д. значительно раньше, чем его астральное всецело претворится в Самодух и т. д.

Человек настоящего цикла развития состоит из 3х3 членов, из трех триединств. «Интервалы» между триединствами образует феномен я: сначала в виде душевного тела, потом низшего «я» и Я высшего. Из них образуется четвертое триединство. Наконец, как высшее единство всего, тринадцатым членом в человеке еще раз выступает высшее Я, — так следует понимать природу Самодуха, действующе-

го в человеке свыше. Приходящее из прошлого путем эволюции видов и последственности, действует в тройственном теле. Определяющим там является физическое состояние формы, в котором пребывает мир на данном этапе развития. Поэтому мы говорим: «Из Бога рождается», — что значит: из Бога-Отца. Навстречу этому рождению идет из будущего действие Отчего Духочеловека, который проявляется в астральном теле при возникновении внутренних чувств. Действием этого же Духочеловека, но из прошлого, обусловлено становление физической формы, способной стать носителем мыслящего сознания. Через посредство Самодуха, как было сказано, тройственный дух наполняет возникшую форму содержанием.

Благодаря всем перечисленным действиям, которые совершаются одновременно в настоящем, возникает лишь совершенное отражение высшего и не возникает индивидуально-субстанциональной связи физического с астральным. Поэтому в земную эволюцию нисшел Христос. *Он призвал в человека действие Духочеловека и Самодуха через посредство Жизнедуха, благодаря чему прошлое и будущее субстанционально сошлись в человеке*, образовалось опосредование их взаимосвязи через человеческое «я». Сам Христос встал в это срединное положение, и с тех пор — *это все решающая середина*. В индивидуальной душе, прежде всего через душу рассудочную, Христос вносит в мыслящее сознание субстанцию, способствует соединению сознания с бытием. Дух Святой через Христа — свыше — приходит как «Дух Утешитель», христианизующий все познание, чем создаются предпосылки к его субстанциализации. С другой стороны, Христос говорит: «Я и Отец — одно», — значит Христос и Духочеловека делает нашим индивидуальным достоянием; воскреснув, Христос одарил нас Духочеловеком в оболочке Жизнедуха, который, как Я Христа, как вселенское Я наполняет то Я, которое было даровано нам Духами Формы. Таков смысл евангельских слов о том, что кому много дано, тому еще прибавится.

Чтобы найти индивидуальное отношение к Я Духов Формы, необходимо овладеть предметным сознанием. А кто им владеет, для того открывается путь к несомому Христом вселенскому Я — ко всей совокупности тройственного духа, высшим единством которого оно и является. Что же касается Я Духов Формы, то оно синтезирует лишь тройственную душу.

На первый взгляд, все эти различия могут показаться трудно уловимыми. На самом же деле они носят прямо-таки фундаментальный характер. Через их познание мы выявляем целостный, методологически строго оформленный характер Духовной науки как универсального наукоучения.

В пределах нашей планетной системы Христос выступает Регентом Солнца и вместе с тем Духом Земли. Луна играет посредническую роль в духовно-физических взаимосвязях Земли и Солнца. Христос в ходе огромной инволюции человека рождает его духовную эволюцию. Вестник, которого Христос умолил Отца послать к людям, есть индивидуальность творящая сила. Она входит в человеческий Самодух, опосредуя через сознание присутствие в человеке Жизнедуха-Христа, а через Него — и Духочеловека, как единство Христа и Отца. Так *силой Христа в человеческом Самодухе*, действующем не из прошлого или будущего, а свыше, оказываются представленными все силы тройственного духа, как исходящие от Самого Божественного Троиинства. А тогда возникает полнота индивидуального развития в гармонии с Макрокосмосом. Оно стало возможным благодаря тому, что деянием Христа в состоянии манвантары было внесено состояние пралайи — непосредственное присутствие вселенского Я. Высшее Я человека получило отношение к его низшему «я», но не за счет упразднения этого последнего, чем, собственно, и спасается человек в условиях все возрастающего отпадения от Бога. Осуществляемый на Востоке акт погружения в Нирвану не дарует спасения, поскольку происходит бессознательное погружение в сферу общечеловеческого Я за счет отказа от развития «я» низшего. Человек проникает в далекое прошлое, однако самого его при этом нет. Происходит всего лишь реставрация очень древних состояний группового сознания.

С другой стороны, обращение к одному лишь опыту земных инкарнаций дает чрезвычайно развитую оболочку «я», однако в нем нет никакого субстанционального содержания. Оно входит туда, если мы вносим в сознание жизнь, если исповедуем Христа как Истину и Жизнь, если Его исповедание становится нашим Путем.

С пришествием Христа на Землю произошла перегруппировка в действии сил Самой Божественной Троицы. Если мы попробуем представить себе в самых общих чертах образ эволюции мира, каким он виделся в условиях древнего лунного зона, то нам придется весь цикл эволюции изобразить в виде спирали, у которой восьмое звено возвышается над первым, образуя некоего рода октаву; оно выражает собой выход эволюции за пределы Вулкана (рис. 114).

Внутри эволюционной спирали действуют три принципа: единства, происходящего из некоего центра; триединства, сводящего в единое целое каждые три зона и образующего семь троичностей; семеричности, выражающей переход триединства в иное и возвращение его к себе. Итак: Абсолютное (Единство), Его раскрытие в инобытие (Триединство), Его эманация, творение (семичленная метаморфоза).

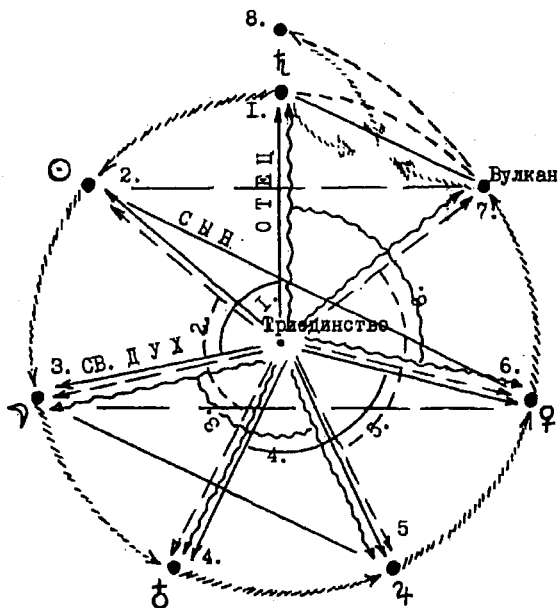

Рис. 114

На третьей ступени объективации абсолютного Духа возникают отношения: древнего Сатурна — к будущему Вулкану, древнего Солнца — к будущей Венере, древней Луны — к будущему Юпитеру. Начиная с земного зона возникают отношения: Земли — к будущему

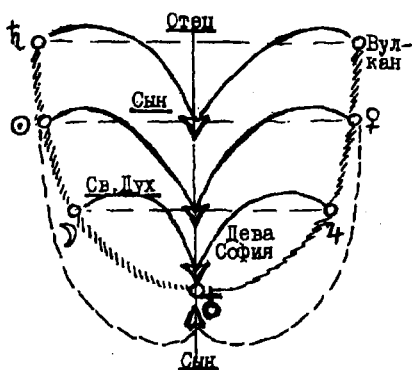

Рис. 115

Юпитеру и к древней Луне, и т. д. (см. рис. 115). Новая семеричность означает возвращение изначального Единства к себе через семеричность метаморфозы. Возникает септаграмма иного вида, чем та, которую мы получили для семи великих праздников года (см. рис. 69). В связи с рис. 114 нам раскрылся процесс становления той септаграммы, но теперь и она предстает нам в ином аспекте.

С точки зрения земного зона объективация абсолютного Единства в Триединстве и Его отношение к семичленной метаморфозе

принимает вид чаши, поскольку *самосознание как содержание касается творения как формы, отчего высшее и низшее противопостоят как две части Единого*. Их противостояние имеет характер как противоречия, так и гармоничного, органичного единения. Благодаря ему возникло то, что выше мы назвали движением по вертикали, начинающимся в сфере полярного противостояния добра и зла. Вертикальный принцип развития в мире второго откровения и потребовал корректировки законов макроэволюции в условиях инобытия, чего ни разу не случилось в прошлом. Для этого Христос нисшел в материю и во внутреннее человеческой души. Возникли соотношения, изображенные на рис. 115, который полезно осмыслить в тесной связи с рис. 59 и 62.

Начиная с зона Земли, деянием Христа возводится сознательная связь всех элементов мировой эволюции в сознании творения, в человеке, чем полагается возврат абсолютного Единства через человека к Себе. Эта констелляция мировой эволюции и отражена на иконе Софии — Божественной Премудрости, которую мы приводили в четвертой главе. София есть Персонификация соединения пространственно-временной метаморфозы с законами духовной эволюции, выходящей за пределы чувственной реальности. На иконе слева от Софии дан образ Богоматери-Оранты. В нем выражена совокупность всего, к чему пришла эволюция мира и человека, в конце концов вместившая в себя Самого Бога. Справа стоит Иоанн Креститель — человек, приобщенный к будущему через принятие новой силы, приходящей свыше. София, по сути дела, является персонифицированным в его непосредственном отношении к творению Духом Святым. И это *непосредственное* отношение Он получает благодаря деянию Христа.

Евангелия настойчиво повествуют нам (а мы не понимаем этого из-за слабого качества перевода) о том, сколь радикально переменился облик эволюции мира с вочеловечением Христа. Благодаря Ему, Сама Божественная Троица встает в непосредственное отношение к человеку: Бог-Отец — через Сына, Сын — став Человеком, Святой Дух — как София, в оболочке Ангельского существа, Ангела-Хранителя, а также и выше — в облике Архангела Уриэля и еще иным образом, вплоть до образа Марии-Софии.

Многообразное выражение находит в человеке эта перемена законов развития. В его девятичленном составе образуется сложное сплетение законов инволюции и индивидуальной эволюции, образующее все (по сути бесконечное) многообразие его индивидуальных проявлений. В одной из целого ряда взаимосвязей импульс, приходящий из будущего в оболочке Самодуха (см. рис. 116; он приведен далее, на одной стр. с рис. 118), входит в сферу индивидуального человеческого Самодуха; оттуда он вступает в душу созна-

тельную, из нее — в физическое тело, в результате чего органическое образование в высшей нервной системе — головной мозг — делается способным отражать мысли. Из физического тела импульс идет в душу рассудочную, чем создаются предпосылки для дальнейшей выработки мышления в понятиях; из души рассудочной импульс вступает в сферу Жизнедуха, затем снова в душу рассудочную, чем создаются предпосылки для соединения сознания с бытием. Из души рассудочной импульс идет в эфирное тело, потом в душу осязающую, благодаря чему возникают органы чувств.

Путь импульса из души осязающей в сферу Духочеловека указывает на возможность претворения души осязающей в душу интуиции. Из астрального тела импульс уходит в прошлое, но уже несомый индивидуальным сознанием в той мере, в какой его прохождение через многочленного человека могло быть схвачено трехступенным феноменом человеческого я (душевное тело, «я» и Я), выступающего, так сказать, в «интервалах» между приведенными на рис. 116 «узлами» многочленных взаимосвязей. Ступение импульсов в «узлах» как раз и происходит под действием я на всех его трех уровнях: подсознательном, сознательном и сверхсознательном. Безусловной границы между ними нет, а сами они есть творение из ничего, — *новообразование на базе предметного сознания*. По мере расширения этого последнего оно проникает на одну ступень в будущее и в прошлое. Первая ступень составляет имажинативное сознание. Иного пути туда нет. Об этом процессе мы говорили в прошлом в связи с рис. 22. Приведем его в связь с рис. 114, который также является раскрытием содержания рис. 62*. В этом процессе *время становится личностью и лишь как таковое проникает в прошлое*, а в других взаимосвязях — в будущее.

Навстречу потоку сил, действующих из будущего, из прошлого движется эволюция состояний жизни и формы, астрально-эфирно-физический поток. Он, как и первый поток, достигает человека в форме астрального, в котором содержится и эфирное, и физическое, но это низшее астральное. Из будущего силы приходят в оболочке Самодуха. Такое астральное подобно человеческому астральному телу и содержит в себе в метаморфизированном виде силы эфирного и физического.

Филогенетически тройственное тело также образовалось из астрального, но высшего; из него в ходе эволюции ступилось эфирное и низшее астральное. Но у человеческой души свой филогенез, который мы описали выше. Он берет свое начало в конце зона древней Луны, когда Духи Движения напечатали астральному телу

* Мы близимся к завершению нашей книги, и потому логично, если концы начинают непротиворечиво соединяться с началами.

человека в астральной форме душу ощущающую и душу рассудочную. С тех пор эволюция человека представляет собой многообразие соотношений формы (тройственного тела) и содержания (тройственной души). Приведение их в единство означает индивидуальное овладение духом, высшим Я. Синтез формы и содержания осуществляется импульсами сил, приходящими из будущего. Там человек уже обрел единство, но сверхсознательно. — единство в форме человечества.

Идущий из прошлого поток вступает в астральное тело, из него идет в душу ощущающую, потом в сферу Духочеловека и т. д. (см. рис. 116). Во всех девяти членах человеческого существа он встречается с потоком, идущим из будущего. Так *состояния жизни и формы приходят в связь с состояниями сознания, причем во всей эволюционной полноте*. Мы уже говорили о том, что в «чаше» эволюционного цикла человек присутствует повсюду, он заполняет ее всю: от древнего Сатурна до будущего Вулкана во времени и от первичного ощущения до сверхсознания Духочеловека по ступеням индивидуального. Теперь мы видим, что и в каждый момент настоящего человек ткется на всех ступенях эволюционных метаморфоз, как они показаны в табл. 16. Именно этот аспект мы теперь и разрабатываем.

Приходящий из прошлого поток сил и субстанций проникает в будущее как ряд состояний жизни и формы, способных вместить в себя возрастающий объем индивидуального сознания, т.е. как ряд *душевно-духовных состояний формы и жизни*. (Логическое является одной из таких форм.) При этом происходит преодоление форм бытия в материальном, в трехмерном. Как многочленное существо душевно-духовного рода, носитель имажинативного сознания, человек входит в будущее. Планетарное сознание (главным образом Элоимов) творит себе в инобытии необходимые формы живого, чтобы в них и через них вернуться к себе. Импульс Христа действует как приходящая свыше, претворяющая субстанции в индивидуальный дух сила вселенского Я, без которого прошлое соединилось бы с будущим без плодов нашего низшего «я».

Необходимо всегда иметь в виду, что я-сила, я-феномен рождается лишь «по вертикали», из «ничто». Форма логического, в котором оно зародилось до пришествия Христа, уже была предвосхищением Его пришествия. Однако и эта форма, простираясь до постижения абсолютного духа, до панлогизма (в философии Гегеля), остается пустой оболочкой, если не породит в себе силы субстанционального восхождения «по вертикали», если не внесет в сознание бытие, не изменит саму форму логического, не подчинит его закону метаморфозы, но вне пространства и времени. Конечно, такая работа не может быть проделана в полном отрыве от пространственно-временных

метаморфоз в тройственном теле и душе. Но идя лишь их путем, человек становится все более совершенным групповым существом.

Роль «я» в индивидуальной эволюции, поскольку оно не закреплено в «узлах» многочленного человеческого существа, а остается между ними, в «интервалах», проявляется в различных вариантах действия приходящих из прошлого и будущего сил. Например, импульс Самодуха, приходящий из будущего, может быть направлен из души сознательной в астральное тело, а из него — в прошлое. В таком состоянии лишается человеческая история. Ее незнание или ложное истолкование вносит хаос во внутренние взаимосвязи тела, души и духа. На этом же пути рождаются фантазии о прошлом и будущем.

Если указанный импульс, прежде чем уйти в прошлое, захватывает и душу рассудочную, то возникает Гетеанизм, а также рождаются религиозные движения. Охватывая душу ощущающую, импульс рождает социальные учения, теории, утопии.

Импульс, уходящий из будущего в прошлое в сфере между душой ощущающей и астральным телом, способствует пронизанию инстинктов индивидуальным сознанием.

При совокупном действии импульсов, идущих из будущего и прошлого, в тройственной душе рождаются три ступени высшего сознания.

Совместным действием импульсов, приходящих из прошлого и свыше (см. рис. 113), в тройственной душе образуется субстанциональная основа для возникновения мышления, чувствования и волеия. Это стало возможным после того, как была создана новая жизнеформа — тело душевное. Новое состояние жизни и формы, с одной стороны, завершило эволюционное становление человека трехмерного пространства, всецело перевело его в инобытие, а с другой — положило начало его возвращению назад, в двухмерное пространство, но уже индивидуальной душой. Став вместилищем нового, индивидуализированного сознания, новое состояние жизни и формы продвинуло прошлое на шаг в будущее.

Теперь для будущего готовится новое состояние, способное стать носителем единства формы, бытия и сознания. Его первый абрис проступает в нашем мышлении, когда оно начинает вбирать в себя принцип метаморфозы. Иными словами, *новая имажинативная логика есть форма грядущего сознания, несущего в себе феномен эсизми*. Она рождается в сфере между душой сознательной и Самодухом, где импульсы идущих из прошлого сил, пронизав человеческую душу, уходят в будущее.

Со временем, возвращая единство жизни и формы к его исходному состоянию в Макрокосмосе, в планетарном сознании, человек воссоединит свое исходное прошлое с будущим, вернется в лоно

Бога-Отца, как индивидуальный носитель планетарного единства бытия и сознания.

Итак, мы выявили в общих чертах характер и состав сил, действующих в человеческой душе в пространственно-временных отношениях. Таких сил *шесть*. К ним добавляется действие сил низшего «я» и высшего Я. Благодаря двум последним силам, в девяти «узлах» человеческого существа импульсы, приходящие из прошлого и будущего, обращаются на созидание человеческой индивидуальности. Время начинает перетекать в пространство, а пространство во время. Не будь этого, человек навеки остался бы двойственным существом: внизу возникала бы форма, которая со временем стала бы безупречно отражать слагающееся над ним и пребывающее в полной гармонии с высшим человеческое групповое сознание.

Соединение двух сторон человеческого бытия произошло не без вмешательства люциферических и ариманических сил. Однако не следует утверждать, будто бы своей свободой мы всецело обязаны им. В этом пункте, кстати, современный конфессионализм пытается найти основание для обвинения Антропософии в оправдании зла, а вместе с тем показать несостоятельность идеи личной свободы. Но Духовная наука обращает наше внимание на то, что существование противоборствующих сил допущено Богом для целей созидания в мире инобытия, призванного стоять на самом себе, будучи противоположностью миру духа. Поэтому мир материи должен был включить в себя консолидирующую силу, духа материи, Аримана. Что касается сознания, то, перестав быть сущностным, оно также противостало Божественному, стало его бессущностным отражением, инобытием с имманентным принципом существования — люциферизировалось*.

Если мы снова вернемся к рис. 104 и возьмем его левую часть, то, стремясь понять, что произошло в ходе трех прошлых эонов, мы как бы ставим напротив них зеркало нашего сознания по вертикальной оси симметрии. Тогда, по аналогии с зеркалом, мы получаем двойное: реальный мир прошлого и его иллюзорное отражение. К тому же нужно еще представить себе, что отраженный мир живет, но по своим, вторичным законам, *производимым* от всеопределяющего бытия сущностного мира.

Позади отраженного, иллюзорного мира существует реальное духовное будущее (рис. 104, правая сторона). Туда люциферическим духам хода нет. Человеческий дух, проникая туда, преодолевает ил-

* Следует ли из этого, что в понятиях Духовной науки имманентизм содержит в себе нечто люциферическое? — вопрос особый. Но с самого начала можно сказать, что тут открывается еще одна сторона глубинной связи философии и философии науки с эзотеризмом.

люзию, абстрактное мышление. Здесь, по сути, перед нами встает задача: как имманентное внести и удержать в сфере трансцендентного. Ее, кроме человека, решают и Люцифер, и Ариман. Два последних решения означают для человека погружение в бессознательное; решая эту задачу единственно правильным образом: для себя, — человек обязан подняться к сверхсознательному. Люцифер, мешая человеку, стремится вытеснить импульсы Святого Духа из человеческого астрального тела и поселиться в этом теле как в собственном царстве, действуя оттуда, погасить, растворить во всеобщем тройственную душу до всеобщечеловеческого и, став групповым «Я» этого всеобщего, овладеть прошлым, а затем и будущим, где индивидуального человека в таком случае не будет вовсе.

Таким образом, мы имеем некое, идущее навстречу Божественному и почти столь же универсальное стремление. Оно не приходит из будущего, но рождается в каждый момент настоящего, надеясь из мига в миг повернуть всю эволюцию вспять. Это люциферическое стремление выступает в человеческой душе как вождение. Оно вторгается в астральное тело, туда, где его пронизывает импульс Самодуха (см. рис. 116), и движется навстречу ему, атакуя душу ощущающую. Люцифер надеется полностью овладеть ею, растворить ее в астральном теле; а затем, обитая в нем в той форме индивидуального сознания, какая доступна душе ощущающей, он надеется со временем овладеть субстанцией Самодуха, производной от которого является душа ощущающая. Так невольно Люцифер начинает служить правомерному развитию: *в обращенности возделения к будущему*.

Ариманические силы также действуют из момента настоящего, но через состояние жизнеформы. Они вторгаются в человека с потоком сил эволюции и атакуют эфирное тело, стремясь захватить душу рассудочную (рис. 117). Они стремятся через человека проникнуть к силам жизни — вкусить от «древа жизни» — и затем направить их в мир ставших форм, мгновение, реализованное в трехмерном пространстве, сделать вечным, трансцендентальный мир всецело стянуть в имманентное, что означает «прокидывание» всей «чаши» эволюции, изображенной на рис. 104, вниз, во вторичный мир, создание некоего рода противодевахана. Поэтому мир черной магии поистине бездонен. И в этой бездонности возникает своя бесконечность, т. е. выход из обусловленного. Поэтому некогда и бесконечное зло будет обращено в добро на путях, пока что мало доступных человеческому разумению, поскольку все там мыслится от противного, вплоть до понятия перехода в «антикачественное» и т. п. Ариманическое служение правомерному развитию выражается в форме гегелевского закона отрицания.

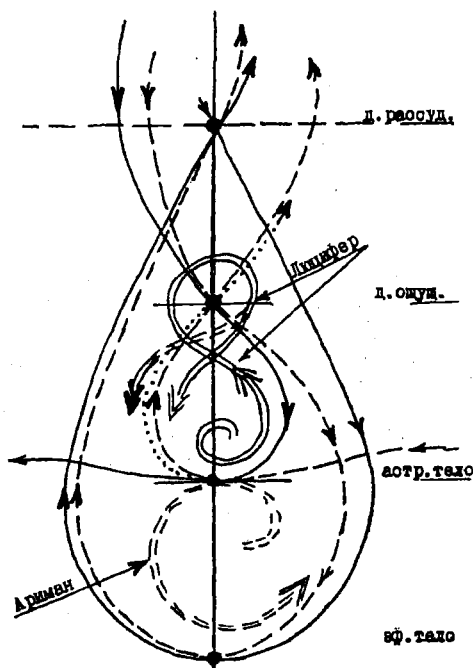

Рис. 117

Таков комплекс сил, участвующих в эволюции человека на той ступени, где формируется его индивидуальная душа. Этот процесс человек переживает в значительной мере также инволютивно. И перед ним стоит задача из собственных сил претворить инволюцию души в индивидуальную эволюцию, что впервые приближает нас к обретению иерархических свойств.

Индивидуальная эволюция начинается в тот момент, когда идущие из будущего импульсы Святого Духа человек начинает принимать в душу сознательную (вспомним еще раз икону Св. Софии). Тогда они возвышают душу сознательную до моральных интуиций. И этот процесс должен принять в человеке не случайный, а регулярный характер. Тогда все прохождение идущего из будущего потока сил через многочисленное существо человека принимает иной характер. Например, в прошлое он в таком случае уходит в области, лежащей между душой ощущающей и астральным телом, т. е. через душевное тело, что сопровождается его осознанием. О характере происходящих тут перемен легче судить, обратясь к рис. 118. Там показано, что идущий из прошлого поток сил иначе пронизывает

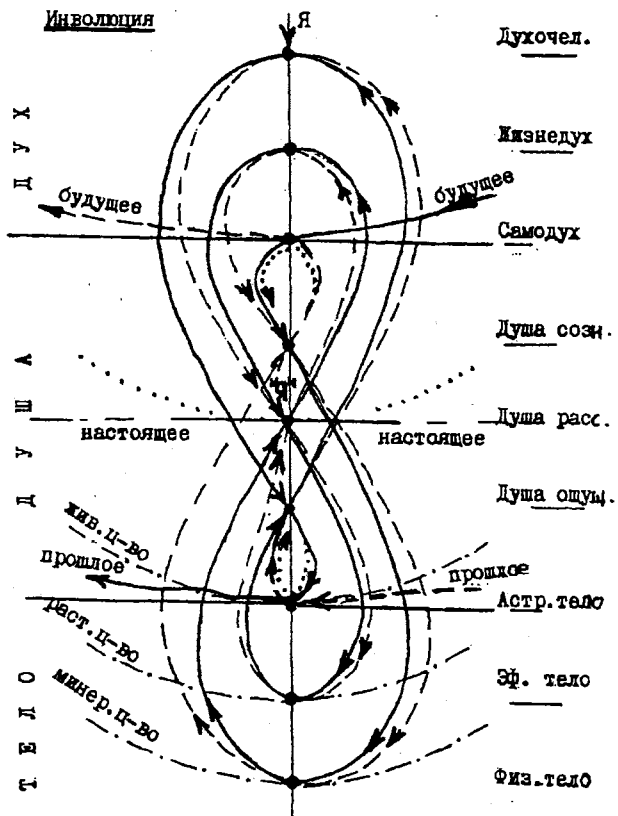

Рис. 116

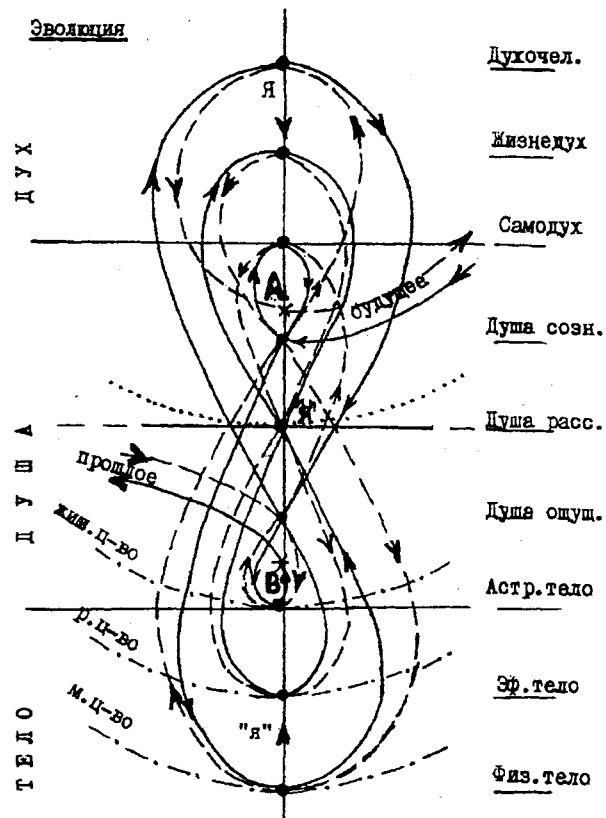

Рис. 118

человека. Он входит в душу ощущающую, благодаря чему образуется жизне-форма в сфере душевного, и только потом идет в астральное тело. В результате не инстинкты атакуют душу ощущающую, а она воздействует на них силой доступного ей самосознания (такт, нравственный вкус). В будущее этот поток уходит в той сфере, где человеку надлежит черпать моральные интуиции, в сфере интеллектуального созерцания: между душой сознательной и Самодухом (рис. 118; точка Б); там им создается новая жизнеформа для созерцающей силы суждения.

Сравнивая между собой рис. 116 и 118, можно составить себе пространное представление о том, сколь значительная перестройка действующих в человеке сил происходит *при переходе от инволюции к эволюции в сфере индивидуальной души и духа*. Взять хотя бы направление их протекания. Инволютивно астральный и эфирный потоки, будучи полярно противоположными по сути, протекают через различные члены человеческого существа в *одном* направлении, чем облегчается переход из эфирно-физической субстанции в астральную, а также их взаимные метаморфозы. Это находит свое выражение и в физическом теле, где, например, нерв, по которому движутся импульсы астрального тела, приходит в соприкосновение с током крови — носительницы эфирных сил и самого «я». Так процессы в нашей крови достигают нервной системы и душевного элемента, сознания; действует при этом и обратная связь: движения души ускоряют или замедляют ток крови; далее во все это вступает процесс дыхания и т. д.*

В процессе индивидуальной эволюции (рис. 118) в каждом члене человеческого существа астральное и эфирно-физическое текут в *противоположных* направлениях, полярно противостоят друг другу. Из их противостояния рождается самосознание; родившись же, оно само обуславливает и усиливает или ослабляет себя. Мы попытаемся проследить этот процесс ступень за ступенью.

5. Человек в эволюции и инволюции

В ПОЛУЧЕННОЙ на рис. 116 и 118 картине значительно полнее, чем прежде, раскрывается внутренняя природа сил в том слое человеческого существа, где происходит становление самосознания: в тройственной душе. За счет *однонаправленного* протекания полярно *противоположных* сил в ходе инволюции человеческого существа в ходе эмпирического времени слагаются *одна за другой душа* ощуща-

* Изображенное на рис. 116 и 118 может быть досконально обдумано и с чисто медицинской точки зрения.

ющая, рассудочная, сознательная; в то же время, душа ощущающая *противоположна* по своей ориентации душе сознательной. Поскольку первая из них есть плод инволюции, она центростремительная и принадлежит прошлому, вторая — центробежная и принадлежит будущему.

В индивидуальной эволюции эфирно-физический и астральный потоки идут навстречу друг другу (рис.99), поэтому в каждом члене человеческого существа ставшее тут же теряет свою актуальность. Там значимо лишь неустанно меняющееся за счет индивидуального усилия настоящее.

В инволюции души ощущающей астральный поток, приходя из эфирного тела, соприкасается с потоком эфирно-физических сил, приходящих из прошлого. Их совместным действием и образуется характерологическая основа (см. рис. 111), развитие которой ориентировано на Духочеловека, благодаря чему на пути посвящения душа ощущающая метаморфизуется в душу интуиции.

В приходящий снизу поток астральных сил вмещиваются люциферические существа. Они проникают в душу ощущающую, но далее, к Духочеловеку они двигаться не могут и, можно сказать, не желают, поскольку в таком случае они способствовали бы освобождению человека из-под их власти. На наших рисунках достаточно хорошо видна роль люциферических существ как водителей человека на пути к свободе. Их освобождающее действие простирается от астрального тела до души ощущающей, не далее! Проникая в нее и тем способствуя ее формированию, они затем «перескакивают» в поток астральных сил, приходящих в душу ощущающую из сферы Духочеловека, и, действуя в нем, выражают себя в абстрактном, понятийном мышлении. В своем действии люциферические духи крайне эгоцентричны, и потому они ставят это мышление на служение прямому эгоизму, отнимают у него силу, едва дав ему возникнуть. Плоды возникающей при этом индивидуализации они стремятся вновь низвести в астральное тело, чтобы поселиться в нем как в отвоеванной у Богов субстанции, вызвать в астральном теле некую, всецело в своем духе «эволюцию», уводящую человека в прошлое, к групповому сознанию, но на этот раз уже не управляемому существами Иерархий.

Возвращаясь в астральное тело, люциферические духи побуждаются потоком сил, приходящих из будущего, уйти в прошлое, но в настоящий момент развития такой уход означает для них небытие. Будучи отражением реального прошлого, они не могут покинуть «зеркала» настоящего. Выход для себя они видят лишь в одном — в овладении субстанцией настоящего. В своем вторичном выражении она приобрела характер чувственной реальности. Поэтому еще в эпоху древней Лемурии люциферические духи возжаждали эту

реальность воспринимать. Инструментом же восприятия мог служить только человек. В его астральном теле эти духи вошли в поток эфирно-физических сил и, как говорит Рудольф Штайнер, «проткнули» органы чувств изнутри наружу. Этот акт сопровождался рождением в душе человека влечения к чувственному восприятию, что значит — к познанию. Так люциферические духи, преследуя лишь свои цели, сыграли положительную роль в развитии человека: привели его к индивидуальным переживаниям в форме восприятий чувств.

Когда началось индивидуальное развитие души ощущающей, на инволютивный процесс наложился процесс эволютивный. В нем возникающая из сил прошлого (этим прошлым является как прошлая инкарнация, так и вчерашний день) характерологическая основа противостает понятийной основе (см. рис. 111, правую часть). В инволютивной характерологической основе действие, приходящее из высшей Духочеловека, сказывается как такт и нравственный вкус. Они воздействуют на понятийную основу, претворяя в ней прямой эгоизм в косвенный, порождая нравственные понятия.

Ариманическое влияние в душе ощущающей выражается в стремлении этих духов, пользуясь люциферическими вожелениями, насытить их эфирной субстанцией, разумеется, субстанцией падших эфиров, низводя таким способом влечения, ощущения в сферу электро-магнитных и иных подприродных сил, и поселиться в этом как в собственном, отвоеванном у Богов мире.

Действие Аримана особенно сказывается в душе рассудочной, но оно сильно и в душе сознательной, поскольку та связана с физическим телом (с мозгом). Действие люциферических духов особенно сильно проявляется в душе ощущающей (см. рис. 117). Однако на волнах непретворенного эгоизма они проникают вверх вплоть до низших областей Самодуха.

Общую конфигурацию каждого элемента тройственной души характеризует свой состав сил, действующих по лемнискате, в которой сама душа образует узловую точку, в чем выражается присутствие в ней индивидуального «я»*. В душе ощущающей лемниската простирается от астрального тела до Духочеловека, в душе рассудочной — от эфирного тела до Жизнедуха, в душе сознательной — от физического тела до Самодуха. Действующие по этим лемнискатам силы неоднозначны: и субстанционально, и по своей направленности. Следует также помнить, что это не физические энергии, а мир сил, где господствует непрерывная метаморфоза.

* Если бы мы захотели в духе рисунка 116 изобразить действие сил в человеке древней Лемурии, то нам пришлось бы все лемнискаты свести лишь в одну узловую точку и ею была бы точка высшего Я.

Выделенные нами устойчивые контуры действия этих сил — лишь часть из бесконечного множества других. Но в любом случае, они подчинены вполне определенной закономерности. Ею является феноменология Я. Именно оно придает совершенно специфическую форму мировым потокам сил, движущимся из прошлого в будущее и из будущего в прошлое, заставляя их определенным образом превращаться друг в друга, порождая элементы, жизнеформы, самосознание. Под действием Я в феномене человека зарождается самобытие, осознаваемое в своих пределах, в точке низшего «я». Этим в цепи объективных метаморфоз образуется еще один замкнутый круг, в котором метаморфозы все вновь возвращаются к исходной точке, но с некоторым возрастанием присутствия в них самосознания (см. рис. 116; точечные линии).

В душе ощущающей таким действием развивающегося самосознания характерологическая основа, как осознанный опыт жизни, выдвигается на свет мыслящего сознания и из принудительно, автоматически действующей основы побуждений превращается в объект воздействия понятийных мотивов. Иными словами, ослабевает ее непросветленное действие слева (согласно табл. 5) и все более проявляется ее роль в положении справа, когда, как говорится, у человека ум в ладу с сердцем. Однажды возникнув, этот феномен затем с возрастающей силой простирается в высшие сферы души.

Таким образом, приведенные нами примеры — а они начинаются с рис. 22 — показывают, что жизнь человеческой души, несмотря на ее бесконечное многообразие, поддается формальному анализу, в ней можно вычленить вполне устойчивые взаимосвязи. Сколько их? — определять и выявлять не беремся. Но еще один, так сказать, состав, или форму, мы дадим, что позволит читателю в дальнейшем самостоятельно продумывать заданный ход исследования, если у него возникнет к нему интерес. Этот дополнительный состав отвечает, можно сказать, классической, наиболее отвечающей правильному развитию форме взаимосвязей тела души и духа. Здесь силы, творящие жизнеформы, из астрального тела входят в душу ощущающую, а оттуда — в сферу Самодуха (см. рис. 119). Так образуется трехступенная метаморфоза низшей, животной астральности.

Характер индивидуальной эволюции и здесь остается прежним, но она получает иные инволютивные предпосылки для своей реализации. Чтобы лучше понять различия между всеми приведенными системами действия сил в многочленном человеке, выделим из них фрагменты, относящиеся только к тройственной душе, и сравним их между собой. Полученное на рис. 116 и 118 выделим в ряд образов на рис. 120, а то, что получилось на рис. 119 покажем на рис. 121. С известным правом можно утверждать, что данное на рис. 121 соответствует развитию человеческой души после Мистерии Голго-

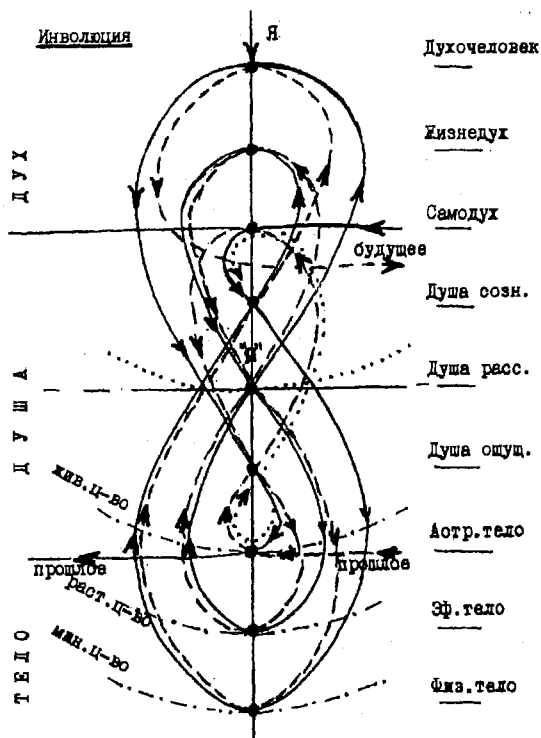

Рис. 119

фы; рис. 120 выражает более древнее состояние души, отвечающее еще третьей, древнеегипетской культурной эпохе, однако свою актуальность оно сохраняет по сию пору, так как развитие души ощущающей без сопутствующего этому процессу познания Христа преобладает у подавляющей части человечества.

В древнеегипетскую культуру характерологическая основа души ощущающей закладывалась действием эфирно-физических сил в астральном теле. Ее формирование направлялось групповой Душой, существом Ангела, действовавшим в отдельных людях как их групповое высшее Я. Инволютивный поток сил, приходивших из будущего, частично замыкался, благодаря опыту восприятий чувств и религиозным процедурам, во внутреннем контуре. Метаморфизируясь внутри человека, эти силы уходили из-под высшего водительства, и поэтому в человеке возрастало действие люциферических существ. Вся культура души ощущающей, какой она была в эпоху древней Халдеи, Вавилонa, несла на себе люцифери-

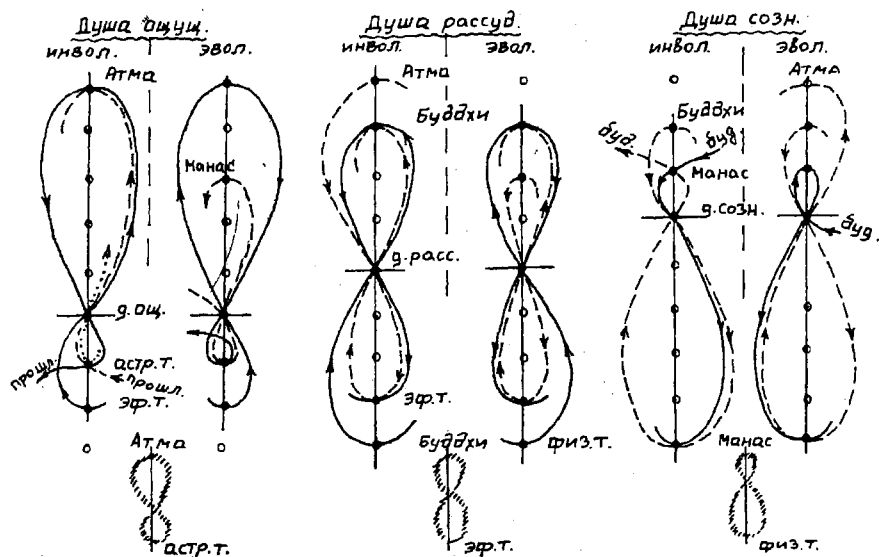

Рис. 120

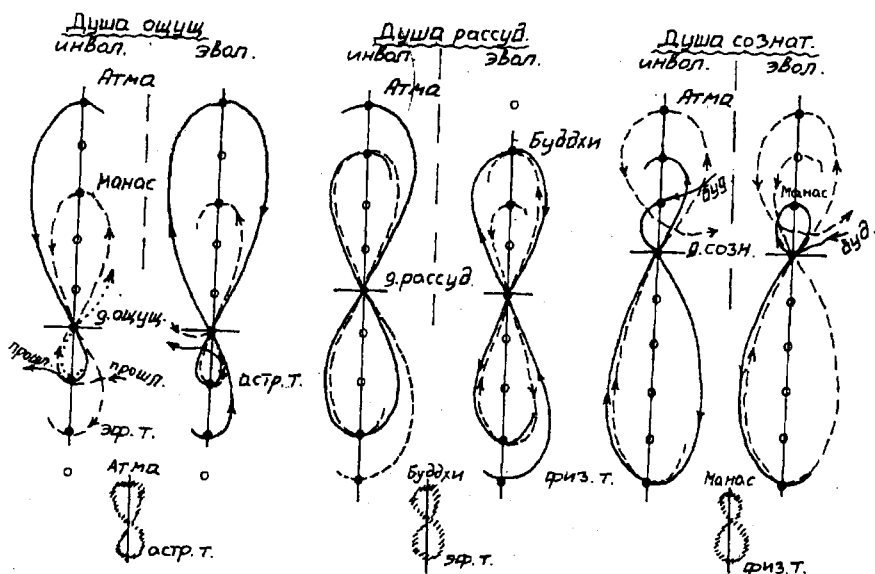

Рис. 121

ческую окраску. Групповое Я ставило этому определенный предел, что выражалось в строгой организации религиозной и социальной жизни. Большую роль играли космические деяния-жертвы Христа, совершенные Им через Натановскую Душу (см. рис. 113; средняя часть).

Ученики Мистерий древнего Египта стремились овладеть душой ощущающей эволютивно. Они проделывали специальные упражнения, чтобы направить поток формо- и жизнеобразующих сил в душу ощущающую. С помощью упражнений они давали ей индивидуальное содержание, которым затем воздействовали на астральное тело. Так формировалась индивидуальная характерологическая основа, ориентированная на Духочеловека, на грядущего Христа. Его переживали в облике Озириса, приходящего в душу свыше и соединяющегося с этой основой — Изидой.

Индивидуализация души ощущающей позволяла до какой-то степени осознать поток Святого Духа-Софии, связующий через душу ощущающую эфирное тело со сферой Духочеловека (рис. 116), и так заложить понятийную основу души. Внешне это выражалось в зачатках логического мышления, которым ученик Мистерий занимался как оккультным упражнением.

После Мистерии Голгофы через душу ощущающую дважды проходит поток эфирно-физических сил, с которыми связал Себя Христос благодаря Мистерии Голгофы. Ими душа ощущающая приводится в связь с Самодухом, а Самодух, через душу ощущающую, — с эфирным телом. Так закладывается субстанциональная основа для соединения сознания с бытием. Далее этот процесс еще более усиливается в душе рассудочной за счет связи с Жизнедухом, который в новой конstellляции через душу рассудочную достигает физического тела. Что касается души сознательной, то в ней ныне возросла связь с физическим телом через поток сил, возбуждаемых Святым Духом.

Импульс Духочеловека, приходящий в душу ощущающую в новое время, воздействует на понятийную основу, а поскольку люциферическое вторжение еще не вполне отражено человеком, то понятийная основа продолжает выражать себя в виде рефлектирующего мышления и в эгоизме.

Душа ощущающая и после Мистерии Голгофы продолжает инволютивно развиваться таким же образом, как она развивалась и в древнеегипетскую культуру. Но эволютивно все в ней внутренне ныне поставлено на индивидуальную основу. Высокая сфера Духочеловека действует в характерологической основе как такт и нравственный вкус христианской этики и эстетики. Понятийная основа рождает понятия нравственности, с помощью которых человек собственной силой претворяет прямой эгоизм в косвенный.

Душой рассудочной человек начал овладевать в греко-латинскую культуру. Инволютивно ее развитие тогда выражалось в том, что поток формо- и жизнеобразующих сил приходил в нее из сферы Духочеловека, что побуждало человека следовать полученной в откровении заповеди, установленному свыше духовному авторитету. После Мистерии Голгофы возник замкнутый контур жизненных сил, связавших душу рассудочную со сферой Жизнедуха (рис. 119). А поскольку из этой сферы начал действовать Импульс Христа, в понятийной основе души рассудочной на место заповеди встало понятие совести, что и действие заповеди сделало не принудительным, а свободным. В характерологической основе соотношение симпатии и антипатии стало, можно сказать, более субстанциональным, если в данном случае иметь в виду субстанцию «я».

По сравнению с далеким прошлым, человек ныне путем обычного воспитания получает то, что прежде вырабатывалось с помощью особых упражнений. В характерологической основе дуализм чувствований теперь рождает понятийное мышление, суждения. В понятийной основе человек переживает дуализм бытия и сознания. Импульс Христа рождает в душе нравственную автономию, когда абстрактное мышление вбирает в себя духовопознание. Ныне Христология занимает в душе рассудочной то место, которое в греко-латинскую эпоху занимали эзотерические упражнения. Логика, которой в качестве эзотерического праксиса занимались Сократ, Платон и их ученики, ныне подошла к своему концу. Впредь она должна стать семичленной, обрести субстанцию из соединения эфирного и астрального потоков сил. Со временем благодаря ей Жизнедух низойдет в душу рассудочную и претворит ее в душу инспирации. Тогда человек войдет в чистое бытие интеллигбельного мира.

Греки учились интеллектуально воспринимать на поверхности сгущенных эфирно-физических сил тени мыслесуществ, пролетающих в потоке приходящего из будущего Самодуха. В этом потоке содержатся идеальные противоположности всех объектов чувственного мира. Ведь некогда они возникли из общего источника. Человеческий Самодух, низойдя свыше, образовал звено опосредования и связи между разделившимися частями бывшей некогда единой реальности. Он является их синтезом, процессом синтеза, ведущего к становлению низшего «я», к становлению человека мыслящим существом. Былое единство некогда вновь вернется к себе, материя станет духом. Но будущее единство, в отличие от прошлого, будет иметь в себе некий нюанс, который образует человеческое Я, обладающее свободной волей. Как опосредующее звено между миром идей и миром явлений, мыслящее сознание было, по сути, ничем. Христос сделал его всем. Высшее Отношение между Отцом и Свя-

тым Духом он перенес в низшее отношение между идеей и восприятием.

Эпоха души сознательной наступила в XV в. Ее инволютивное развитие может быть как христианизированным, так и не христианизированным. В первом случае формо- и жизнеобразующие силы приводят через душу сознательную физическое тело в связь с Духом-человеком. Так действует в человеке воскресший Христос: через высший член души, где познание должно стать нравственным и должно стать знанием о Христе, человек ведется к субстанциональной связи с Телом Воскресения. В этой работе на помощь человеку из Самодуха прямо в душу сознательную входит поток инспираций, несущих в себе моральные интуиции. Их нельзя почерпнуть ни из будущего, ни из прошлого. Они являются, как только человек приводит себя в свободную от субъективизма реальную связь с идеальными противоположными образами самого себя.

Посвятительно душа сознательная может развиваться только на христианском пути, где требуется выработка созерцающей силы суждения, ведущей к синтезу сознания и бытия. В древности этой цели достигали, пройдя через посвящение в хтонических и аполлонических Мистериях и соединив их плоды в опыте индивидуальной души. Ныне ее достигают путем овладения *методологией* гетеанистической науки с параллельным претворением души ощущающей в душу сознательную через звено христианизированной души рассудочной. Первым практическим результатом тут должно стать обретение созерцающей силы суждения. В нем опыт и метод выступают в неразрывном единстве. Человек здесь уже качественно представляет собой иное существо по сравнению со всей прошлой инволюцией и эволюцией. Он восходит к новому состоянию формы, в котором имажинативное сознание раскрывается как естественное, внутренне присущее этому состоянию свойство индивидуального духа.

В душе ощущающей нечто аналогичное этой форме, ее первичное явление, уже образовалось в пространстве между душой ощущающей и астральным телом. Там, как основа последующей индивидуализации, зарождается единство трех тел, называемое душевным телом. В своей высшей метаморфозе новая форма представляет собой претворение субъекта в объект, что сопровождается переходом к сверхсознанию. Мы говорим тогда, что характерологическая основа всецело оказывается внутри понятийной основы. И это уже иная, преображенная характерологическая основа. Она вся соткана из представлений. Понятийная основа в таком случае несет в себе жизнь; она оказывается сотканной из мыслесуществ.

Интересные закономерности обнаруживаются при анализе магии чисел в опосредующей, между телом и духом, роли души. Составим некоего рода «реестр» сил, действующих в девятичленном человеке

		Откуда приходит импульс	Куда уходит импульс
Душа ошущ.	7. инвол.	Духочеловек астр. тело Самодух	астр. тело Самодух эфирное тело
	Эвол. 5.	{ астр. тело прошлое Духочеловек эфирное тело }	{ Самодух астр. тело } астр. тело Духочеловек
Душа рассуд.	8. инвол.	Жизнедух эфирное тело Жизнедух эфирное тело }	эфирное тело Жизнедух физич. тело Духочеловек
	Эвол. 6.	{ эфирное тело физич. тело Жизнедух Самодух }	{ Жизнедух Жизнедух } эфирное тело эфирное тело }
Душа сознат.	7. инвол.	Самодух физич. тело физич. тело }	физич. тело Духочеловек Жизнедух
	Эвол. 5.	{ физич. тело Жизнедух Самодух будущее }	{ Духочеловек физич. тело } физич. тело Самодух

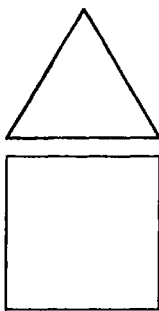
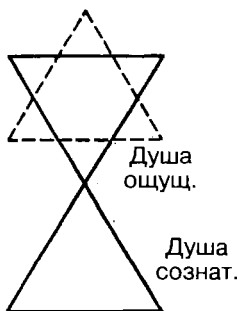
Табл. 22 (согласно рис. 121)

(табл.22, 23). Из него в первую очередь следует, что в инволюции душа ощущающая и душа сознательная опосредуют взаимодействие трех духовных и трех телесных сил. В каждом случае действует семи-членная метаморфоза, но она там пребывает в становлении. Действуют два троичных принципа, и от их соприкосновения рождается феномен души (седьмое). Само же их соприкосновение выражается в виде гексаграммы — знака человеческого астрального тела, а также Отчего принципа творения*.

* Не следует удивляться, что на рисунках не в каждом отдельном случае (и в душе ощущающей, и в душе рассудочной) тройственное тело приходит в связь с тройственным духом. На рис. 120 и 121 мы взяли лишь отдельные фрагменты. В целостной же картине развитие охватывает всего девятичленного (или двенадцати-членного) человека, но строго определенным образом. Например, развитие души ощущающей всегда совершается в связи с душой сознательной и т. д.

В эволюции силы души ощущающей и души сознательной встают в отношение 3 к 4, т. е. они сами образуют семичленную метаморфозу, а душа сознательная образует по отношению к этой метаморфозе восьмой член — октаву. Так обнаруживается еще одно отличие инволюции души от ее индивидуальной эволюции. При этом и семичленность принимает другой характер. Об общем ее смысле мы говорили в первой главе (см. рис. 17, 20, 21), что треугольник выражает в ней триединый дух, а четырехугольник — земного человека, как обладателя трех тел и «я»; в эволюции индивидуализирующейся души «я» начинает действовать как ее собственный ингредиент.

Рудольф Штайнер говорит, что из той жизни, которая выражена четырехугольником — из жизни инстинктов, потребностей, темперамента и т. п., — подобно тени поднимается мышление, чувствование и воление (треугольник). Мир четырехугольника должен быть облагорожен, иначе он станет миром зла. «Когда человек погружается в материальное, то многое зависит от того, погружается ли он в него этически, со свободным образом мыслей, или это происходит с нечистым, неморальным, несвободным, т.е. эмоциональным, инстинктивным, животным настроением» (198; 16.VII). Из сказанного следует, что в феномене души ощущающей и сознательной заложена неизбежность становления души рассудочной, а различие между душой ощущающей и сознательной носит по преимуществу этический, глубинно этический характер.

Так выявляются законы индивидуализации человеческой души и духа. Протекающие при этом процессы субстанционально необычайно многообразны. Закон (в данном случае как тип) обозначает лишь диапазон их взаимных метаморфоз: от «я» до Я. Что же касается инволюции, то в ней трехмерное существо человека с неизбежностью входит

в эмпирическое время и включается в объективную эволюцию физической вещественности.

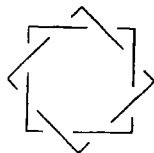
Для души рассудочной в обоих случаях — эволюции и инволюции — характерно соотношение сил 4×4. Возникающая при этом фигура выражает собой принцип явления Христа в человеческой душе. Такую фигуру мы находим на иконе «Спас в силах», где в нее заключен Христос, восседающий на троне в окружении существ I-й Иерархии. По углам внешнего четырехугольника изображены апокалиптические животные. Этим нам показывается, что четверичность

		Откуда приходит импульс	Куда уходит импульс
Душа ощущ.	7. инвол.	эфирное тело Духочеловек <i>астр. тело</i>	Духочеловек астр. тело Духочеловек
	Эвол.	5. <i>астр. тело</i> проштое Духочеловек эфирное тело	Самодух <i>астр. тело</i> астр. тело Духочеловек
Душа рассуд.	8. инвол.	физич. тело Жизнедух эфирное тело Духочеловек	Жизнедух эфирное тело Жизнедух эфирное тело
	Эвол.	5. Самодух эфирное тело физич. тело Жизнедух	эфирное тело Жизнедух Жизнедух эфирное тело
Душа сознат.	7. инвол.	Самодух Жизнедух физич. тело	физич. тело физич. тело Самодух
	Эвол.	5. <i>физич. тело</i> Жизнедух Самодух будущее	Духочеловек физич. тело физич. тело Самодух

Табл. 23 (согласно рис. 120)

действующих в круге Зодиака Серафимов, как сфера открывающегося в интуиции Христа, силой Его вочеловечения может открыться внутри четверичности земного человека.

Если и здесь, опять-таки, обратить внимание на закон совершаемого действия, то он показывает первостепенную связь Христа с душой рассудочной. Она тогда обретает роль звена, опосредующего действия, идущие сверху, через душу сознательную, и снизу, идущие через душу ощущающую, идущие из прошлого и из будущего. Главенствующую роль при этом обретает низшее «я», получающее опору в Христом несомой душе рассудочной и простирающее свои действия вниз и вверх — в глубины под-сознания и к высотам сверхсознания, вызывающее метаморфозу души ощущающей в душу сознательную за счет претворения прямого эгоизма в косвенный и многого другого. Далее, приходя к тож-

деству с высшим Я, низшее «я» всю тройственную душу претворяет в тройственный дух. Из высей навстречу этому стремлению низшего «я» нисходит высшее Я, но такое, которое свою опору имеет в Христом несомом Жизнедухе и совершает в высшем аспекте деятельность, зеркальным отражением которой является деятельность низшего «я».

Что еще важно нам отметить — это пятичленность сил, действующих в душе при наложении процесса эволюции на процесс инволюции. Она получается за счет исключения повторяющихся в одном и другом случае соотношений сил. Пятеричность — пентаграмма — есть осмысленный образ индивидуализирующегося человека, его эфирного тела. Так обнаруживается индивидуализирующая роль эфирных сил с началом эволюции души. Интересно, что в душе рассудочной с переходом в новую эру проявляется шестичленный принцип действующих из прошлого и будущего сил, что означает возросшую роль астрального начала в индивидуализации этой души — действия Святого Духа, в конечном счете. Так Христос через «Духа Утешителя» приводит пентаграмму индивидуализирующегося духа к единству с гексаграммой творящего принципа Бога-Отца, чем полагается основа для обретения тела воскресения. Речь об этом у нас уже шла ранее в связи с рис. 59 и 62, где был показан принцип творения триединым Богом мира и человека. Теперь мы взглянули на это с другой стороны, со стороны творения, что помогает нам лучше понять восхождение его к своему первоисточнику, которое будет длиться до конца нашего эволюционного цикла. Поднимаясь по ступеням сознания, человек будет приводить ко все более высокому синтезу весь состав действующих в нем сил. Благодаря этому своим сознанием-бытием он будет охватывать все более широкий диапазон будущего и прошлого (рис. 122).

Если говорить детальнее о процессах в душе рассудочной (как в инволюции, так и в эволюции), то как наиболее существенное в ней следует отметить насыщенность характерологической основы эфирной субстанции. В инволюции она притекает как из эфирного

тела, так и из сферы Жизнедуха (рис. 121), что ведет к претворению ее в душу инспирации.

С переходом от инволюции к эволюции понятийная основа приводит физическое тело в связь с Жизнедухом, в чем мы видим залог обретения сознанием бытия. В целом же простираением дей-

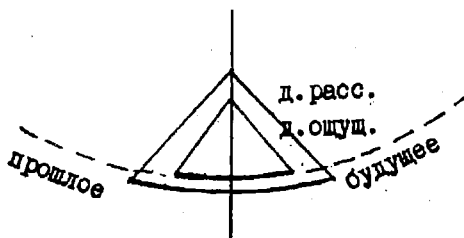

Рис. 122

ствующих в душе рассудочной сил от физического тела до Духочеловека обусловлена ее, скажем, базисная роль в триединой душе. Душа рассудочная на микрокосмическом уровне повторяет позицию Христа в Божественном Триединстве, когда начинается наш эволюционный цикл. Подобно тому, как троичность первых зонов через Христа переходит в четверичность, а затем в семеричность зонов, так через восьмеричность (2×4) души рассудочной взаимно переходят друг в друга семеричности души ощущающей и души сознательной.

В конфигурации души рассудочной мы имеем, по сути, картину вочеловечения Христа: Его погружение, как Жизнедуха, в гробницу физического тела (в инволюции) Иисуса из Назарета, где четвертым членом является Само Христово Я, и действие Его силы воскресения в человеческой телесности, в эволюции, где четвертым членом является человеческое «я» (рис. 123).

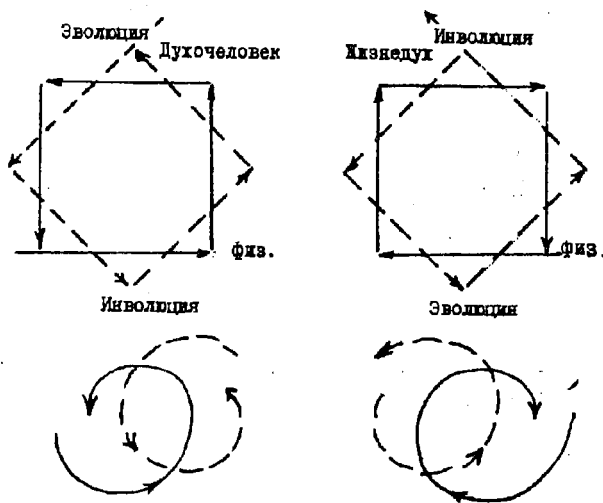

Рис. 123

Борение Иакова с Богом выражает принцип индивидуальной эволюции человека.

В душе сознательной характерологическую основу образует эфирно-физический поток, приходящий из физического тела. Это означает, что она в душе сознательной имеет наиболее законченную форму, в которую вливается эволютивный астральный поток, приходящий из сферы Самодуха. Понятийная основа души сознательной вся обусловлена прямым воздействием на нее (в эволюции) импульсов, приходящих из будущего. То, для чего душа рассудочная

создает лишь предпосылки: единство бытия и сознания, — в ней призвано стать реальностью. Ее эволюция простирается от физического тела до Духочеловека. Но, поскольку речь идет об индивидуальной эволюции, то какие-либо реальные результаты простираение дает лишь в случае прогресса самосознания.

Как в душе ощущающей преобладает связь всех действующих сил с астральным телом, в душе рассудочной — с эфирным, так в душе сознательной — с физическим (см. табл. 22 и 23). По этой причине ей в наибольшей мере угрожает искушение ариманическими силами, атакующими «я» на его пути к Самодуху. Эти искушения опаснее тех, которые выступают в душе ощущающей. Здесь речь идет о борьбе за одухотворяющуюся материю, и потому в душе сознательной ариманические духи приобретают азурический характер — действуют из иерархии ариманических архаев. Люциферические ангелы, действующие в абстрактном мышлении, опирающемся на физический мозг, проникают из души сознательной во всю понятийную основу (если человек ничего им не противопоставляет) и, действуя оттуда, *приходят в связь, а не в противоречие* с действующими в характерологической основе ариманическими архангелами. Силы тех и других соединяются и, как «высшее» (т.е. с обратным знаком) их единство, выступают азуры.

В духовном мире одни существа состоят из других. Так, азуры возникают из приходящих к единству люциферических ангелов и ариманических архангелов. Для человека их влияние означает погружение души сознательной в пучину эгоизма и вожделений души ощущающей. Так возникает «опрокинутый» микрокосм, символ которого — перевернутая пентаграмма, применяемая порой в политическом оккультизме и в черномагических ритуалах.

Но Христов импульс с особой силой противостоит супостатам в душе сознательной. Как сила Жизнедуха, Он пронизывает понятийную основу, рождает в ней представления, основанные на практическом опыте (включая нравственную жизнь). В конце концов, вся душа сознательная приобретает характер понятийной основы и действует в человеческом духе как практическое априори, практический разум. Человек тогда входит в сферу Самодуха и живет там индивидуально с помощью созерцающей силы суждения, неся в себе характерологическую основу как объект (см. табл. 5).

Таков самый краткий анализ полученной нами картины действия субстанциональных сил в двенадцатичленном человеке. Для наших целей этого анализа достаточно, и теперь, опираясь на него, мы рассмотрим более подробно отдельные ингредиенты душевной жизни.

6. Возникновение психического

ГОВОРЯ О ЧЕЛОВЕКЕ как о существе, формирующемся на сопряжении сил, приходящих из прошлого и будущего, мы, естественно, и время рассматриваем как феном двоякого рода. Рудольф Штайнер говорит об этом так: «Мы имеем время в двух потоках: *эфирное* (время), которое движется в будущее, и *астральное*, которое стремится назад, в прошлое... Понимание этого совершенно необходимо. Но в таком случае нужно отвыкнуть от того образа мыслей, который считается только с прошлым, когда говорит о причине и следствии (о законе причинности). Мы не должны считаться с прошлым; мы должны говорить о будущем как о чем-то реальном, о чем-то реально идущем нам навстречу, в то время как прошлое мы влачим за собой. Но пройдет много времени, прежде чем у нас появятся такие понятия. А до тех пор не будет никакой психологии» (124;7.XI).

В правильности утверждения Рудольфа Штайнера мы будем убеждаться тем больше, чем детальнее станем вникать в картину того, что нам способно раскрыть полученное на рис. 116-121. То, что Рудольф Штайнер называет эфирным временем, движется из прошлого в будущее через ряд состояний жизни и формы. В этом процессе *время становится трехмерным пространством через феноменологию живых существ, в которых правит ориентация свыше на индивидуальную эволюцию. Семичленная метаморфоза выступает здесь как выражение перехода космического двенадцатиленного пространства во время. В земных условиях двенадцатичленность времени выражает переход эмпирического времени в пространство высшего мира: в двух-, одномерное и нулевое (точечное).* Этот, второй, процесс становится возможным лишь благодаря времени, текущему из будущего, которое есть чистая личность и сверхсознание.

Психическое в феномене человека есть место встречи одного времени с другим. Они текут навстречу друг другу, и их столкновение в каждом элементе человеческого существа требует соответствующего синтеза. Сталкиваются между собой эфирные потоки, поскольку в каждый член человеческого существа они приходят как снизу, от телесности, так и сверху — свыше. В инволютивном процессе становления человека разнохарактерные потоки сил и субстанций текут параллельно в теле и духе, а сталкиваются между собой в тройственной душе. В эволютивном процессе их столкновение происходит повсюду (ср. рис. 116, 119 и 118).

Имея перед собой общую картину всех этих процессов, мы получаем возможность глубже и систематичнее понять многие сообщения Рудольфа Штайнера, которые он в самых разных взаимосвязях делал в своих многочисленных лекциях и сам просил нас

систематизировать и обдумать их. Рассмотрим на нескольких примерах, как можно это сделать.

В одной из лекций Рудольф Штайнер дает описание действия эфирно-астральных потоков в ритмической и головной системах человека. Он говорит, что от сердца к голове в человеке восходит поток эфиризованной крови, который, пронизав голову, уходит затем в космос. Этот поток сопровождается другим, астральным, который, однако, задерживается мозгом и не пронизывает его. С другой стороны, астральный поток обладает определенной притягательной силой для внешней астральной субстанции. «Поэтому астральное тело человека, поскольку оно достигает области вблизи головы, состоит из двух видов астральности: из астральности, постоянно стремящейся из космоса, и из той, что в человеческом теле идет снизу вверх и притягивается внешней астральностью». Чем морально совершеннее человек, тем чище сияет это место в виде ореола вокруг человеческой головы. «Когда астральная материя, — продолжает Рудольф Штайнер, — удерживается мозгом, то она отражается назад, и то, что отражается, — это мысли человека, это ваше осознанное чувство, что вы обычно переживаете как вашу душевную жизнь». Знание внешнего мира оказывается возможным именно благодаря указанному соприкосновению двух астральностей (129; 26.VIII).

Если вспомнить, что душа сознательная особенно тесно связана с 2-лепестковым лотосом, находящимся в области нижней части лба, то вышеприведенное сообщение Рудольфа Штайнера можно привести в связь с рис. 119. Тогда поток эфиризованной крови предстанет нам идущим в потоке эфирных сил, восходящих из души ощущающей, опирающейся на 12-лепестковый лотос в области сердца, в сферу Самодуха, потом — в эфирном потоке, восходящем из души рассудочной в сферу Жизнедуха, и, наконец, в эфирном потоке, который из физического тела через душу сознательную восходит в сферу Духочеловека. Этот последний поток, как бы суммируя все три потока, уходит затем в будущее, в космос. Таким образом, поток эфиризованной крови охватывает всего человека, и благодаря связи низшего с наивысшим происходит дематериализация крови, ее эфиризация. А поскольку индивидуальное в человеке играет при этом существенную роль, то, как сама собой разумеющаяся, образуется следующая конфигурация сил: от низшего члена души эфирный поток идет в сферу Самодуха, а в душу сознательную приходит поток из физического тела, т.е. из физической крови. Второй из указанных потоков приходит в душу сознательную вместе с астральным потоком, дальнейший путь которого пролегает в сверхсознательное — к Жизнедуху. Но в душе сознательной он встречается с приходящим из будущего через

сферу Самодуха потоком иной астральности. Она приходит из космоса, а то, что идет снизу, — это, как мы уже говорили, иная астральность, которая замыкается в контур всего многочленного существа человека.

В идущий из будущего поток астральности вступает поток эфирных сил, которые не уходят в будущее целиком (т. к. образуется жизнеформа), а в метаморфизированном виде устремляются в физическое тело, вызывая вместе с астральным потоком «осознанное чувство», «душевную жизнь», иными словами: индивидуальную душевную жизнеформу.

Наброшенная нами картина получает свое дальнейшее обоснование благодаря другому сообщению Рудольфа Штайнера, где он говорит о том, что ток крови в человеке «так возбуждает на своем пути эфирное тело, что мы видим развивающиеся в эфирном теле потоки, принимающие определенное направление, как бы стремясь присоединиться к крови, струящейся вверх от сердца к голове. А в голове эти потоки сливаются подобно токам электричества, идущим от разноименных полюсов. ...В противовес им другие потоки стремятся из тех частей эфирного тела, которые принадлежит к остальной телесной организации. Эти потоки по большей части исходят из нижнего отдела груди, а также из лимфатических сосудов и других органов и идут таким путем, что противостоят первым, верхним потокам. Итак, мы имеем в мозгу, когда складывается картина памяти, два эфирных потока: один, приходящий снизу, и другой, приходящий сверху, которые противостоят друг другу с величайшим напряжением, подобно двум разноименным потокам электричества. Если между этими потоками достигается равновесие, то восприятие делается картиной памяти и внедряется в эфирное тело» (выделено нами. — Авт.).

Оба потока, говорит далее Рудольф Штайнер, конденсируются с такой силой, что захватывают субстанцию физического тела и уплотняют ее до вещественных органов. Созерцая этот процесс сверхчувственно, можно пережить яркие эфирные световые потоки, струящиеся между органами, служащими физически-чувственным выражением памяти. Органы эти суть шишковидная железа и гипофиз. «Мы имеем здесь определенную точку в человеческом физическом организме, внешнее физическое выражение совместной деятельности души и тела», своего рода, входные врата из чувственного мира в сверхчувственный (128;23.III).

Рудольф Штайнер фактически дает нам описание разнохарактерного тока сил, который мы выявили на рис. 116, 118, 119. Прослеживая далее процесс становления самосознания, обратимся еще раз к рис.118, чтобы лучше понять характер столкновения идущих в противоположных направлениях эфирных потоков. На рисунке мы

видим, что в душу сознательную один эфирный поток приходит из сферы Жизнедуха, а навстречу ему идет другой — из физического тела. Далее, через головного человека, минуя душу сознательную, т. е. бессознательно, идет поток эфирных сил из эфирного тела и сталкивается с эфирным потоком, идущим из сферы Самодуха*. Эти-то потоки и создают описанное Рудольфом Штайнером напряжение, результатом которого является не только возникновение индивидуальных душевных сил, но даже материализация, конденсация эфирного в физические органы.

Связь физического с душевным можно рассмотреть подробнее, если привлечь на помощь еще одно сообщение Рудольфа Штайнера, в котором он говорит о возникновении восприятий чувств и в том числе чувства слуха. Звук, слышимый нами в физическом мире, «...возникает благодаря тому, что воздух пронизан звуковым эфиром...». И когда эфир пронизывает воздух, то он сообщает ему живущее в себе, а для нашего восприятия возникает то, что мы называем звуком. Звуковой эфир, который в то же время является химическим эфиром ... он живет в нашем водном организме. ...У нас есть эфирное тело, оно работает и действует, когда образует мысли в нашем водном организме. Но в водный организм постоянно входит и выходит то, что мы называем химическим эфиром. Итак, рассматривая наш организм, мы находим полный эфирный организм, состоящий из химического, теплового, светового, жизненного эфира, и кроме того особо, через водное тело в нас входит и выходит химический эфир.

Астральное тело, выражающее себя в чувствах, связано с воздушным организмом. Но с воздушным организмом особое родство имеет другой род эфира, пронизывающего воздух, — световой эфир. ...Этот световой эфир, несомый воздухом, родственен воздуху...

У нас есть «я», человеческое «я», действующее в тепловом организме через волю. Оно, опять-таки, связано с внешним теплом, с внешним тепловым эфиром».

«Наше «я» само является такой духовной организацией, которая то, что мы носим в себе как тепло, что господствует над этим «я» и дает ему конфигурацию, не только ограничивает внешне, исходя из себя, но насквозь конфигурирует внутренне. И душевное — нам его не понять, если мы не примем во внимание прямое действие «я» на тепло. «Я» в человеке приводит в движение волю, подает волевые импульсы. ...волевые импульсы связаны с земным, а мысли-импульсы, импульсы представлений — со вземным. Но когда «я» удерживает волевые импульсы вместе, то где пролегает тот путь, по которому они вступают во все человеческое существо? Это происходит бла-

* Осознаются эти потоки в душе рассудочной.

годаря воздействию воли на тепловой организм человека» (202; 17.XII).

Теперь соединим сказанное Рудольфом Штайнером с тем, что у нас было показано на рис.38 и 119. Тогда получится картина, данная на рис.124.

Низшее «я» человека имеет пределом своего восхождения душу сознательную; и оно связано с тепловым эфиром. Высшее Я связано с жизненным эфиром, и его главным местопребыванием является Жизнедух. Оттуда оно простирает свою всеупорядочивающую деятельность на весь тройственный дух, подобно тому как низшее «я» через отождествление с душой рассудочной синтезирует опыт самосознания, рождающийся во всей тройственной душе. Звуковой импульс, несомый в воздухе звуковым эфиром, вступает в наше астральное тело и отсюда проникает в душу ощущающую, связанную с воздухом через химический эфир, затем достигает души сознательной и так приходит в связь с неоднозначной деятельностью низшего «я». Весь процесс движется вдоль цепочки эфиров: звукового, тепло-

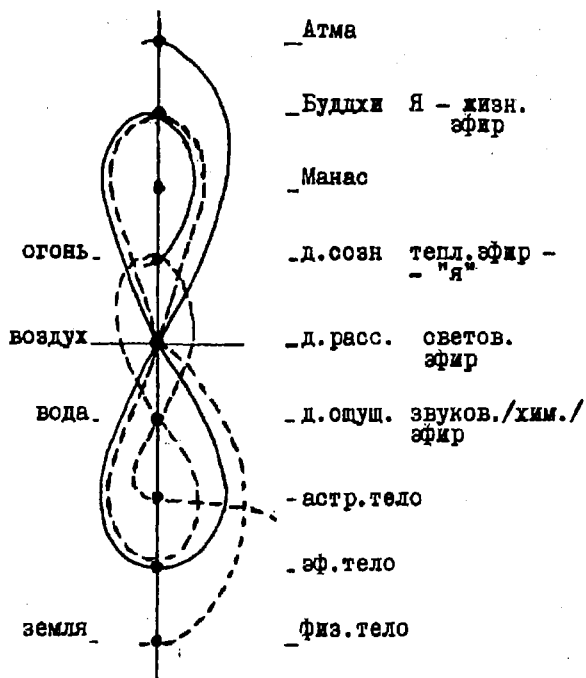

Рис. 124

вого и снова звукового, и вызывается он внешним действием, а импульс должен погрузиться в собственное эфирное тело человека и лишь после того достигнуть светового эфира, связанного с душой рассудочной. С другой стороны, из сферы Жизнедуха в душу рассудочную приходит импульс астрального тела, выражающий себя через воздушный организм и световой эфир. Так в душе рассудочной происходит осознание звука, воспринятого через душу ощущающую. Для этого импульсы астральных сил должны войти в эфирное тело человека и оттуда вернуться еще раз в душу рассудочную.

Разумеется, на этом примере мы не показали полной картины того, как возникает феномен восприятия звука, но лишь взаимосвязанное действие различных членов человеческого существа, благодаря которому это восприятие входит в наше сознание. Здесь, в первую очередь, важно начать процесс понимания феномена слуха, воспользовавшись одним из особенно значительных сообщений Рудольфа Штайнера.

Идя таким путем далее, можно найти у Рудольфа Штайнера различнейшие характеристики многочленного существа человека, усвоив которые, можно в анализе индивидуальной психической и духовной деятельности человека двигаться совершенно свободно. Насколько широки имеющиеся здесь возможности, видно хотя бы из частичного сведения воедино известных в Духовной науке свойств человеческого тела, души и духа (табл. 24).

Приведенные в таблице качества показывают нам многочленную природу человека как микрокосм, формирующийся на стыке ряда идущих навстречу одна другой деятельностей: высшей и низшей, сознательной и бессознательной (сверх- и подсознательной), ну и, конечно, уже немало анализируемых нами, — тех, которые приходят из прошлого и будущего.

Во всей этой многообразной деятельности более всего нас теперь интересует: каким образом она, так сказать, задерживается в человеке, оставляет в нем неизгладимые следы, образующие неповторимый феномен человеческой личности? Вопрос этот до некоторой степени может показаться запоздалым, поскольку вроде бы лишь на него и давался до сих пор ответ. Так оно и есть, только ставится он на разных уровнях или — с разных сторон. На сей раз мы ставим его в наиболее конкретной форме и в самой непосредственной сфере формирования человеческого самосознания и самобытия, какими они являются в современную эпоху развития. Лишь скрупулезный анализ этой сферы позволит нам завершить наше исследование.

	Манас	Буддхи	Атма
	Мудрость	Красота, благочестие, доброта	Сила
Влияние на физическое	Освобождение (возможность восприятий)	Равновесие	Стягивание, сжатие
Связь с физическим	Сердце, кровь	Гортань	Акаша — субстанция, наполнение всего человека
	Космически-астр. силы действуют на человеческое астр. тело. Моральная, культурная жизнь	Космические формообразующие силы действуют на физическое, на Землю. Религиозная жизнь. Мирозидатель	Формообразующее действие сил головы на обмен веществ и конечности
	Желания. Св. Дух Манас воспринимает Буддхи — это София, постижение вечного. Возвышение чувств и ощущений до вечного.	Намерения Бог-Сын Высшее благочестие, любовь, стремление к абсолютному совершенству.	Решения Воля Бога Господство над дыханием, кровообращением, работой нервов, мышлением
Инволютивная связь с планетами Эволютивная связь	душа ощущ.	душа рассуд.	душа сознат.
	мотивы и побуждения		
	Марс	Меркурий	Юпитер
Опасности	Луна	Меркурий	Венера
	Гнев	Истина	Благоговение
Опасности	Люциферизация, духи Лемурии	Ариманизация, (сатанинские) силы Атлантиды	Азуры действуют от настоящего времени и в будущее
Свойства, действия	Аффекты, внешние действия, влечения, инстинкты, страсти	Дыхание, внутренняя жизнь	Умеренность, рассудительность, чувство «Я», Я-Мудрость
	Преобразует впечатления в ощущения — сохраняет в памяти как представления	Идеалы прекрасного. Христос, работа в душе расс., связан с эф. телом независимо от окружающих Божеств. сил. Рассудок, характер, ум и сердце. «Ах, две души живут в груди моей...»	Чистое созерцание, точное наблюдение. Связь с прошлым, способность оглянуться на прошлое и свобода мысли
Отношение к мышлению	Мысли пребывают в подсознании	Мысли проявляются	Мысли осознаются
Отношение к чувствам	Переживание удовольствия и неудовольствия	Симпатии и антипатии	Истина, добро без симпатии и антипатии
	Еще к тройственной душе относится все то, что приведено в табл. 5		
Душевно-духовные свойства тел носят сверхчеловеческий или подчеловеческий характер	Физич. тело	эфирное тело	астр. тело
	Инстинкт.	Склонность	Вожделение
	Истина, справедливость.	Красота, рассудительность	Добро, сердечность
	Питание	Здоровье	Болезнь
		Эстетика, эстетизм	Сострадание, милосердие, совесть, эгоизм, религиозность
	Темпераменты		
	Пространственно-временное.	Временное	Пространственное

Табл. 24

7. Диалектика душевной жизни

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР говорит: «Все душевное есть либо суждение (как деятельность, процесс. — *Авт.*), либо жизнь в любви и ненависти» (115, стр. 77). Таково наисобственнейшее содержание индивидуальной человеческой души. Все остальное приходит к ней либо извне, через телесность, либо изнутри, через духовное, поскольку душа, как мы помним, есть посредник между телом и духом.

Деятельность суждения имеет свою цель и назначение: благодаря ей в душе образуются представления. Об этой деятельности, говорит Рудольф Штайнер, правомерно спрашивать: куда она ведет? Иное дело любовь и ненависть. Они являются в душе не столь таинственно, как суждение. О них можно сказать, откуда они приходят: позади них «...всегда стоит вожеление и излучается в нашу душевную жизнь» (115, стр. 79).

Далее в душевной жизни существенную роль играет один элемент, не являющийся «...в строгом смысле слова душевным» (115, стр. 82). Это ощущение. Оно, словно некий страж, стоит у врат наших органов чувств. Его следует решительно отличать от восприятия. Восприятие является душевным переживанием, вызываемым в нас внешними вещами (внешними по отношению к субъекту). Восприятие прекращается с устранением объекта восприятия. А то, что остается в нас от вызванного им переживания, есть ощущение.

Ощущение является иным элементом душевной жизни по сравнению с любовью и ненавистью, хотя различие между ними не носит качественного характера. Но что это за различие? Чтобы составить о нем представление, вспомним, как возникает мышление о мышлении, чистое мышление. Сначала мы соединяем разного рода внешние восприятия с понятиями, когда познаем окружающий мир, а затем в качестве восприятия берем сами понятия. В результате мы оказываемся в однородной стихии, где мир и мышление о мире не имеют качественного различия. *Что-то подобное возникает и в начале нашей душевной жизни.* Сначала у ее врат сталкиваются два мира: внешний, данный нашим органам чувств, и внутренний, хранящий ощущения, порожденные восприятиями. А далее ощущение как некоего рода восприятие, но уже не связанное с внешним миром, соединяется с качественно однопорядковыми ингредиентами душевной жизни: с переживанием любви и ненависти, с переживанием суждений или вожелений и суждений. Возникает, по аналогии с чистым мышлением, *чистое переживание*. Мы называем его *чувством*.

В чистом мышлении дух человеческий порывает связь со всем внешним, которым для него является душа и все то, что она опосредует. В

жизни чувств душа порывает связь с внешним физическим миром, достигающим ее через врата восприятий чувств, и живет своей собственной жизнью. В духе мы имеем два рода *представлений*: с отношением к внешнему восприятию и без него. В душе мы имеем два рода *ощущений*: с отношением к внешнему восприятию и без него. Чистое представление — это по сути чистая деятельность, модифицировавшее восприятие, созерцающее интеллигибельного мира. Что же касается внутреннего ощущения, чувства, то оно, по определению Рудольфа Штайнера, есть *модифицированное восприятие*: желание, жажда, охота (Begehrnis) (115, стр. 116).

Так раскрывается нам внутреннее содержание изображенного на рис.95 (он заимствован у Рудольфа Штайнера), что бросает новый свет и на наши рис.116—121.

Представление, или, вернее сказать, сила, стремящаяся к разработке представлений, втекает в многочленного человека из прошлого. А из будущего приходит волна вожделений. И то и другое не является собственно душевной жизнью, но стоит у истоков ее возникновения. В разнообразном преломлении обе силы действуют во всей тройственной душе. Сама же она, являясь результатом их взаимодействия, преломления, представляет собой также и нечто автономное. Попытаемся представить себе это в общем виде, опираясь на полученное нами в табл. 5 и на рис. 95 и 96 (см. табл. 25).

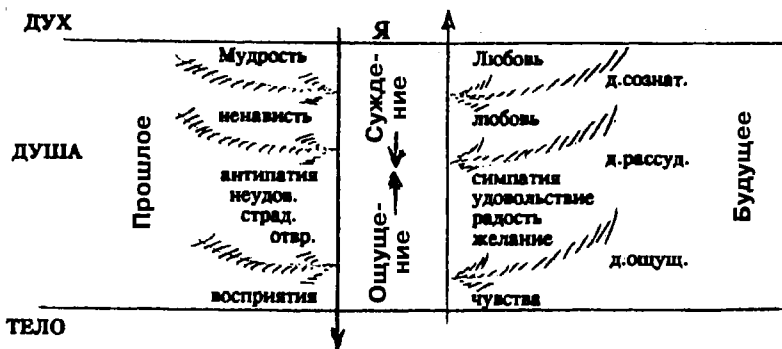

Рис. 25

Если полученную таблицу привести в связь с табл. 5, то нам нужно будет представить себе характерологическую основу восходящей снизу вверх по ступеням тройственной души. Навстречу ей, сверху вниз, нисходит понятийная основа, — значит и то и другое следует мыслить себе вышедшим из пространственно-временных отношений и определяемым лишь ступенями душевно-духовной индивидуализации. Каждая сфера тройственной души представляет

собой закрепление в некоего рода единстве трех *состояний*: формы, жизни и сознания. И это закрепленное единство приобретает в человеке характер личного, вечного, пребывающего (т. е. развивающегося не по законам пространственно-временного бытия).

Импульс вождения, вступая в душу, оказывается в положении между прошлым и будущим. Он тогда разрывается надвое и образует иерархии полярно противоположных переживаний, начиная от страстного желания и отвращения и кончая любовью и ненавистью. Среднее положение в этой иерархии (а она восходит в душе снизу вверх) занимают симпатия и антипатия. Впервые, как мы помним, они возникли на древнем Сатурне, когда Духи Движения начали посылать свое астральное тело в совместное действие воли Престолов и жизни Духов Мудрости. Все образование Сатурна, к тому моменту уже достигшее способности отражать жизнь, теперь как бы одушевляется астральным телом Духов Движения, начинает проявлять симпатии и антипатии, являющиеся не чем иным, как отраженным действием Духов Движения.

Перед Иерархиями тогда стояла задача объективировать творение, задуманное в Любви и Мудрости Серафимов и Херувимов, следовавших задачам высшего Триединства: «Серафимы приняли цель мировой системы, Херувимы обработали эту цель, а Престолы излили в мировое пространство первичный огонь своей собственной сущности» (110; 14.IV).

Такова, скажем, доначальная триада сил: Любовь, Мудрость и «чистая внутренняя сущность» (13; стр.151) Духов Воли. Это состояние дофеноменальное, и тем не менее в нем есть *отношение*, обусловленное наличием цели, намерения: отношение, в которое встают между собой космическая Любовь и космическая Мудрость, когда они соединяются в готовности Престолов принести в жертву чистую сущность, «первичный огонь». Эта сущность становится исходной в новом цикле творения. Возникает новая триада сил. Она еще ноуменальна, хотя бытие Сатурна положено. Оно пребывает в состоянии, среднем между пралайей и проявленным состоянием жизни. Если мы вспомним табл.15, то легко поймем, что речь в первые три эпохи существования древнего Сатурна идет о нисхождении импульса творения по ступеням состояний формы с высшего Девахана на низший и затем — в астральный мир. То, что мы называем феноменальным миром второго откровения, есть четвертое состояние формы, физическое*. Три предыдущие образуют на Сатурне внут-

* Если в формулировании понятий исходить из точки зрения трансцендентализма, то можно говорить о феноменальном мире как о чувственной реальности, над которой возвышаются два уровня ноуменального: уровень первого откровения и пралайя. В этой переориентации понятий мы получаем еще одну степень свободы, если при этом не теряем связи с осевым принципом познания мира, с категориями.

ренную, сверхчувственную жизнь. В ней состояние Престолов Рудольф Штайнер характеризует как «законченное в самом себе и не нуждающееся ни в каком внешнем существе, чтобы осознать себя» (13, стр. 150).

В бытии чистой сущности мы видим черты исходного, Отчего начала. Оно возникает на границе Пралайи и Манвантары, а затем начинает нисходить к внешне проявленному бытию по ступеням состояний формы (глобы). Для этого оно встает в отношение с Духами Мудрости, опосредующими в творении Иерархию Серафимов в ее направленности к проявленному бытию. Возникает указанное «совместное действие воли и жизни», или чистой сущности и чистого духовного света; воля — как сокровенная сущность, жизнь — как сокровенный свет. В такое отношение встают Отчее и Сыновнее начала на второй ступени опосредования. Их отношение разрешается в третьем, в явлении ощущения как сокровенной теплоты. Таково состояние высшей триады на первом этапе становления древнего Сатурна. Вышестоящее отношение Любви и Мудрости выступает в ней таким образом, что Духи Мудрости, как носители импульса Любви, сначала встают в отношение с Духами Воли, а затем выступают как *основание отношения*, благодаря которому внутренняя сущность Духов Воли объективируется как Мудрость в ощущении Духов Движения; и она в то же время есть субстанция, сравнимая с душевным теплом человека, о котором говорится в «Очерке Тайноведения» (см. табл. 26).

ОТЕЦ	СЫН	СВ.ДУХ	
Серафимы Любовь	Херувимы Мудрость	Престолы Первичный огонь	Состояние Пралайи
Престолы воля, сокров. сущность	Д.Мудр. жизнь, сокров. свет	Д.Движ. ощущение, сокров. тепло	Три со- стояния формы
Субстанция	Любовь	Мудрость	
Д.Формы дифференци- руют ощущ.	Д.Личн. теплота время	Архангелы свет	Феномено- логия

Табл. 26

Возвращаясь еще раз к теме диалектических триад, мы должны отметить, что первый дотепловой (сокровенный) этап развития древнего Сатурна является их первичным феноменом. Как он возникает? Сначала мы встречаем то, что в Евангелии выражено словами: «Отец послал Сына в мир». Это принятие Серафимами, Духами Все-

любви, мировой цели. Таков первый акт полагания мира. В следующей триаде сил он выражается в том, что Христова Ипостась выступает как основание отношения между Духами Воли и Духами Движения: принятие цели означает *деятельность*. В такой изначальной деятельности (чистой актуальности) содержится и элемент жертвы, и элемент любви, а главное — в ней пребывает высшее *намерение*. Это активное намерение встает в отношение с внутренне самодостаточной сущностью, в чем следует видеть первичный феномен того, что в мыслящем сознании мы встречаем как диалектическое противоречие.

В состоянии Пралаи Любовь и Мудрость сосуществуют, но так, что, будучи уже обращенными к творению, они имеют своим результатом то, что в творении выступает изначальное — Духов Воли. Изначально субстанциональное, сущность, как сущее, Отчее начало через Духов Воли встает в линию действия импульсов Ипостаси Святого Духа. В этих необычайно тонких для понятийного мышления отношениях важно уловить первичное явление синтеза. Он там есть Отчее, т. е. *первое* и, в то же время, — результат (в Престолах). Далее этот результат выступает сообразно своей внутренней, соотнесенной с Отчим началом, природе — как первое. И он закончен в себе, как сущность. Он полагается и абсолютно, и силой намерения. Ступенью выше это намерение было исходным — как Любовь Серафимов. Теперь оно выступает как актуальность, а в дальнейшем, в феноменальном мире, — как антитезис.

Таким образом, *антитезис есть исходное в начале всего нашего цикла эволюции*. И он есть космическая Любовь, воспринявшая от высшего Троиинства цель нашего мира. Вслед за тем антитезис выступает как постоянный движитель развития. В Евангелии об этом сказано словами Христа: «Се творю все новое». Мировая же цель, как таковая, в творении выступает всеобъемлющим полаганием: сначала как субстанция, потом как тезис, а некогда оно вновь станет субстанциональным.

Подобную мысль, быть может, будет трудно принять по той причине, что возникнет пугающий вопрос: а не стоит ли в таком случае все Христианство под знаком отрицания? Но такая мысль, появившись она, была бы лишь результатом поверхностного понимания того, о чем в данном месте идет речь. Ибо *истинная природа антитезиса не отрицание, а вечное осуществление, задуманное и производимое в любви*. Лишь на низших ступенях бытия, в сфере действия люциферических и ариманических духов осуществление принимает характер отрицания, однако и там оно служит развитию, как признается в том Гетевский Мефистофель, говоря о себе:

Часть вечной силы я,

Всегда желавшей зла, творившей лишь благое.

Человек должен набраться смелости заглянуть в лицо Мистерии добра и зла, и тогда он обнаружит, что оснований для страха перед нею нет. Нужно лишь расставить вещи точно по их местам.

Итак, между тезисом и антитезисом нет сущностного противоречия. Тезис имманентно содержит в себе антитезис, Я имманентно полагает не-Я. Но зато есть противоречие между антитезисом и синтезом, оно называется *становлением*. Триединство решено лишь на высшем уровне, на уровне трех исходных состояний формы. Оно там пребывает вне времени. Это лишь наше сознание разворачивает во времени (мыслительного процесса) диалектическую триаду по ее ступеням. В себе же она пребывает вне времени; и тем не менее ее элементы последовательно нисходят по ступеням состояний формы. Так приближаясь мы к пониманию развития в пребывающем, вне времени. Не существует «раньше» и «потом», и тем не менее наравне с триединством имеет место разделение по ступеням близости к пространственно-временному. Характер этого состояния отражается в переживании нашим сознанием диалектической триады.

Когда триада выступает в творении — будь то феноменология духа или чувственного бытия, — состояние синтеза всегда является целью, имеющей внутреннее стремление к осуществлению. *Синтез требует жертвы от тезиса и антитезиса по принципу «умри и будь».* Он, упрощенно выразившись, эгоцентричен. И такова форма пребывания изначального в ином; так закрепляется в творении безусловное положение. Оно закрепляется там как вновь творимая форма сознания — эго, а значит, оно есть *воплощения Мудрость*. Состояние формы (Отчее) и жизнь (Сыновнее) являются ее носителями. И потому они находятся в противоречии с нею, — особенно состояние жизни; исходная же форма присутствует и в ином, как форма мышления (законы логики). Мудрость в эго бессущностна и потому находится в противоречии с Жизнью-Любовью. Они примирятся — Любовь и Мудрость, — когда эго, низшее «я», совершит то же самое, что прежде совершили для него тезис и антитезис — субстанция и Любовь: оно тоже пройдет через «умри и будь». Но «я» должно для этого обрести достаточно большую силу, а главное — возникнуть в опыте отдельной души, а не в филогенезе.

Возникновение предполагает существование начала. Где начинается «я»? Оно начинается у врат души, там, где вождление сталкивается с чувственным восприятием, отчего в душе сохраняется устойчивая форма: ощущение. Исходный пункт ощущения — выступление Духов Движения на древнем Сатурне. Почему оно сразу же приобретает двойственный характер симпатии и антипатии? Да потому, что в их явлении достигается цель совместного действия воли и жизни. Природа симпатии такова, что она направляется на осуществление чего-либо, а, значит, всегда — в будущее. Феномен ощущения воз-

никает как отражение, за счет того, что совместное действие воли и жизни образуют для него некую преграду. Однако, когда оно подступает к ней, то для себя преграда не получает ничего, она жертвенно (зеркально) все возвращает назад Духам Движения. В то же время, поскольку *возникает отталкивание, в нем таится элемент отрицания — антипатия; она, таким образом, всегда обращена к прошлому.* Так в сферу чисто теоретико-познавательного, когда мы обдумываем его в ключе первофеномена, вступает этическое.

Итак: *бытие, этика, сознание* — таковы первоисточки становления индивидуального «я». Соединить их в себе в единство означает взойти от низшего «я» к Я высшему.

Низшее «я», как уже не раз говорилось, возникает в кругу восприятий чувств; восприятиям чувств в эволюции человека предшествует выработка жизненных процессов. Предысторию всего процесса образуют два вида отражения, имевшие место на древнем Сатурне — отражение жизни Духам Мудрости и отражение астрального действия Духам Движения. Отражает в обоих случаях бывшая до того бескачественной воля Престолов. Мы вправе сказать, что на том этапе развития Престолы получают новую проявленную форму бытия. Они, как существа, состоят из самих себя, из Духов Мудрости и Духов Движения, или: из собственной воли (субстанции), жизни и ощущения, которые они отражают. Так возникает высокая иерархическая триада, которая одновременно есть и единство, индивидуум, Я. Собственно говоря, единство — это и есть Я; и оно господствует над Жизнью и Мудростью, как ощущением. Ощущение же, в свою очередь, есть новая форма бытия Я Духов Движения, которые состоят из существ нижестоящих Иерархий.

Верхнее триединство, форма существования Я Престолов, есть будущий человек. Он возник, его творение началось только потому, что три рода существ Иерархий обратили свое сознание-бытие из сокровенного на «эту» сторону. Они могли бы этого и не делать, тогда возникла бы совершенно иная эволюция. Поскольку же они это сделали, то из соединения их Я-сознаний возникло единство, как бы всецело еще принадлежащее им и в то же время обуславливающее их обращенность на посястороннее. Можно сказать, что сама «обращенность» и есть первофеномен человека. Первофеноменом же «обращенности» является *намерение* наивысшего Триединства.

Далее возникает задача, как «обращенность» наделить самобытием в ином. И тогда двум другим членам сатурнического триединства также приходится приносить жертву. А когда на древнем Солнце Духи Мудрости жертвуют свое эфирное тело, то ощущение, насаждаемое Духами Движения в бытии древнего Солнца, раздваивается. Наравне с отношением: древнее Солнце — Духи Движения, возникает еще одно: монады древнего Солнца — их окружение на самом

Солнце. Монады начинают ощущать свое окружение, и в их ощущении, разделяющемся на симпатии и антипатии, сначала действуют Духи Формы, потом Духи Личности. Монаде переживаемые ими ощущения дают зачаток обмена веществом с внешней средой — зачаток слитых воедино дыхания и питания. Таким образом, *ощущение является первичным, возникновение самобытия в монадах — вторичным.*

На древнем Сатурне порожденное Духами Движения ощущение дало Духам Личности их предметную форму сознания, которая непрерывно связана с восприятием, с возможностью обособиться от внешней сферы в антипатии — в отражении — и в симпатии к высшему сознанию Духов Движения. Духи Движения не могли сами образовать внешнюю среду в ином для Духов Личности по причине высокого состояния своего Я. Для Духов Личности это Я было как высший Субъект. Но в указанной «обращенности» Иерархий для Духов Личности был создан объект.

На древнем Солнце Духи Личности взойшли на ступень имажинативного сознания, к единству бытия и сознания, овладели Самодухом. Для них отпала необходимость в рефлексии во внешнем объекте, и на их место встали Архангелы. На древней Луне Архангелы овладели Самодухом. Человек получил свои собственные жизненные процессы, а в его ощущениях тогда господствовали Ангелы. С помощью человеческих ощущений они овладевали предметным сознанием.

На Земле исходное, сатурническое триединство распалось на ряд самостоятельных форм бытия в ином. Во-первых, оно приобрело вид тройственного тела человека. Над ним оно живет в отражении, как абстрактное диалектическое мышление. Между обеими формами бытия, как опосредующую их взаимосвязь сферу, человек развивает жизненные процессы, которые доводят исходное, сатурническое отражение до вещественной формы. На древнем Сатурне остатком (или результатом) отражения астрального тела Духов Движения стало ощущение. На Земле этот остаток выражается в виде жизнедеятельности человеческого организма, которую мы уже не считаем ощущением. От былого принципа ощущения в ней осталось лишь постоянно действующее *отторжение* внешней вещественной среды. На древнем Сатурне отторжение (отражение) деятельности Духов Движения вызывало некий отклик в бытии Сатурна — ощущение. Оно было чем-то, остающимся на Сатурне в монадах, в связи с ними, но «наводимое» в них Иерархиями. На Земле от принятия внешних веществ в человеке остается активность его собственного эфирного тела (мы помним, что человек отторгает питательные вещества целиком). Она приходит не из космоса, а с Земли.

Начиная с древней Луны, жизненные процессы в человеке получают иную, более тонкую форму бытия в вычлениющихся органах

чувств, где происходит обмен со сверхчувственной, имажинативной средой. На Земле жизненные процессы и восприятия чувств разделяются. Восприятие и в обращенности на чувственное сохраняет эфирно-астральный характер, и от него в душе остается ощущение. Оно возникает у врат двенадцатичленной системы восприятий чувств — в чувстве жизни.

Когда мы воспринимаем, наше собственное астральное тело совершает определенную деятельность, хотя астрального тела мы не осознаем. Деятельность органов чувств, отпочковавшаяся от жизненных процессов, является результатом длительной эволюции. Породив совокупность трех тел, она еще остается за порогом нашего сознания. Но в эту инстинктивную деятельность тел вступает то, что мы должны назвать словом «вожделение», помня однако, что в Духовной науке это понятие имеет куда более широкое содержание, чем в тривиальном употреблении. «Вожделение, — пишет Рудольф Штайнер в книге «Антропософия», — является самостоятельным переживанием, которое «астральный человек» добавляет к чувству (например) голода. Существуют вожделения, коренящиеся в «астральном человеке», но не возбуждающиеся жизненными процессами или внешними восприятиями» (45, стр. 65); вторгаясь в человека, они приходят из будущего; и это есть «вождедеющий» индивидуальный выражения Самодух.

Всякий раз, как открываются врата чувств, возле них является Ангел. В его явлении живет изначальное (высшее) намерение, метаморфизировавшееся в феноменальном мире в чистую актуальность. В человеческом астральном теле актуальность выражается как импульс движения. Поэтому в нашей воле правит воля Богов. Изначальная воля Отца породила наше физическое тело: «В начале было Слово, и Слово было с Богом... и Слово стало плотью». Благодаря Сыну «в нем была Жизнь» (см. табл. 26). А затем изначальная воля Отца через посредство Сына ожила в человеческом астральном теле как импульс движения, как побуждение, обусловленное приходящим извне вожделением, намерением.

Сотворив тройственное тело, триединый Бог действует в нем таким образом, что физическое тело делает телом надежды, эфирное — телом любви, а астральное — телом веры. Таким образом, вера, надежда, любовь суть творцы нашего тройственного тела, они — их божественные движители. С другой стороны, триединство Атма, Буддхи, Манас в оболочке Манаса, как вожделение (в высшем смысле), пробуждает в человеке индивидуальные побуждения. Так выражается другая сторона действующего в нас высшего творческого принципа.

Вожделение действует с обеих сторон: от тела и из будущего. Тела возникают в процессе эволюции — из прошлого. В эволюции

также действуют импульсы двоякого рода. Один из них есть имманентные законы эволюции видов. Когда их действием создается тройственное тело, то они метаморфозируются в нечто иное: *когда утолена жасида (возделение) отдельной жизни, обособленных жизненных процессов, возникает возделение восприятий, а затем — представлений*. Этот приходящий из прошлого импульс осуществляет себя в единстве формы (ее конечная надежда — стать формой Я), жизни (любви) и сознания (веры в реализацию высшего Я) как в каждый момент развития новой ступени индивидуального сознания.

В центре этого процесса лежит движущая сила эфирного, а не астрального тела, ибо дело здесь заключается в завоевании единства бытия и сознания. Однако такой процесс был бы невозможен без встречного действия, приходящего из будущего.

Вожделение представления имеет своим источником Я человека, которым на Земле его одарили Элоимы. Я вызывает в тройственном теле процессы одухотворения, но само ими не обусловлено; оно постоянно нисходит свыше (см. рис. 95) и действует навстречу симпатии и антипатии, любви и ненависти, приходящим в душу снизу. Если сначала взять только душу ощущающую, то совокупность действующих в ней сил имеет вид, данный на рис. 125.

На границе души ощущающей и душевного тела выступают восприятия чувств. На рисунке они изображены в виде нижнего полукруга, и это верно лишь в отношении к тому, что остается в душе — к ощущению. Но в целом сферу восприятий чувств следовало бы изобразить в виде спирали (как было показано на рис. 36) и перпендикулярно к «кругу» души ощущающей, ибо ощущение через восприятия чувств творит трехмерного человека. За ощущением, надо полагать, стоят и более высокие силы.

Как только восприятия чувств открываются вовне, их тут же пронизывает вождление, но не то, которое приносит в душу Ангел. Ангел присутствует в человеческом астральном теле лишь постоль-

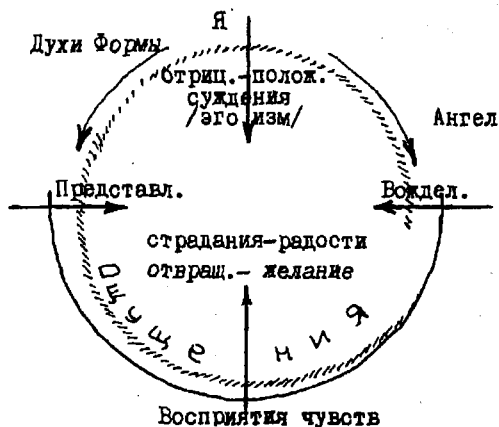

Рис. 125

ку, поскольку восприятия служат высшему развитию. В низших вождениях коренятся люциферические существа.

По мере того, как человек погружался в материю, высшее намерение, Любовь, метаморфизировалось в нем в силу веры, живущую в нашем астральном теле, — веры как активной силы, претворяющей астральное тело в Самодух в пределах вещественного царства, куда высшие Иерархии непосредственно нисходить не могут. Здесь высшее намерение также стало люциферическим вождением чувственного бытия, что и «проткнуло» органы чувств вовне, открыло их в сторону чувственного мира. На этом пути развития люциферические существа какое-то время несли человеку свет мудрости, оживающий в отдельном человеке через ощущения, дающие ему первый опыт индивидуализации. Люциферические духи привили человеку эгоизм, алчность, низшие порывы чувственности. Под их действием астральное тело, отрываясь от родового, стало облекаться все более плотной материей, в нем начали формироваться физические органы восприятия; по сути, весь физический человек стал делаться системой органов восприятия.

Люцифер, изойдя от Божественной Мудрости, знал, что в ней он навсегда останется служащим духом; действуя же в человеческом астральном теле, он надеется, овладев им в процессе его эволюции, всецело поселиться в нем и через него лишь для себя отвоевать сферу Самодуха и т. д. Рудольф Штайнер так описывает люциферических существ. В то время, говорит он, когда человек уже облекся материальным телом, существа Иерархий не испытывали от внешнего мира ни радости, ни страдания. Они всецело отдавались откровениям высших духовных сил. «Мудрость притекала к ним так, как к чувственным существам притекает свет; воля их была направлена лишь на то, чтобы действовать в духе Мудрости. И в этой деятельности заключалась их высшая радость. Мудрость, Воля и деятельность составляли всю их сущность». У люциферических существ, в отличие от Иерархий, все было иначе. Они не были достаточно развиты, чтобы в совершенной чистоте воспринимать откровения духовного мира. «Они испытали влечение получать впечатления извне и с удовлетворением такого влечения связывали радость, с неудовлетворением — недовольство». Иерархические существа, глядя в физический мир, получали лишь отраженный образ того, что они уже получили из духа. Но люциферические существа узнавали в физическом мире кое-что новое для себя. Они стали на время вождями людей, когда в душах людей имажинативные образы превратились в представления внешних предметов, что сопровождалось формированием физического мозга и разделением полов.

От иерархических существ человек получил, в форме инстинктивного влечения, способность размножения. Благодаря люциферическим

существам его душевные образы были направлены на чувственный мир. «Он стал существом, сознающим себя в чувственном мире. ...получил возможность в своих поступках изначально руководствоваться восприятиями чувственного мира. ...Теперь он начал следовать побуждениям и приманкам представлений. Вместе с этим в мир явился и человеческий произвол. Таково было начало добра и зла» (11: стр.92—93).

Навстречу Люциферу встают от земного плана вождения Аримана, господствующего в материи покуда материя существует. Ариман надеется, действуя из материи, захватить космическую интеллигенцию, которая наполняет человеческое «я», и погрузить ее в подфизическое, в сферу физических энергий и распадающихся эфиров, создать из нее свое царство и стягивать туда, сферу за сферой, все Мироздание. Ариманические духи действуют через обмен веществ, овладевая природой инстинктов, делая человека умным и позитивистом. Они живут, как их описывает Рудольф Штайнер, под земной поверхностью, у них нет чувственно видимого тела, но они обитают в земном и водном элементах, а свои действия простирают в такие природные феномены, как землетрясения, наводнения, вулканическая деятельность. Ариманические духи имеют дело с тем, что выражается в человеческих инстинктах, потребностях, вождениях, страстях, делая их настолько дикими и сильными, что они достаются им — как элементарные существа, порожденные человеком — после смерти человека (218; 16. XI).

Ныне все порождения низшей человеческой астральности часто переживаются во вспышках атактистического ясновидения, поскольку, в силу нравственного упадка всего человечества, ариманические существа приобрели немалую силу. Журналистика и оккультисты материализма преподносят их массовому сознанию как космических пришельцев, художники, находя к ним отношение в собственном подсознании, живописуют их ужасающие облики. Однако все эти существа являются воплощением творимого человеком зла, и у них нет материального тела. Они стремятся захватить все человечество, поскольку ариманическая сила ждет. «...что однажды благодаря своей карме люди сойдут в такую инкарнацию, что через инстинкты, страсти, вождения им особенно понравятся такие существа; и в одной из земных жизней человек скажет: не хочу возвращаться в духовный мир, я хочу, покинув физическое тело ...воплотиться в такое подчувственное существо; поэтому я остаюсь связанным с Землей; я делаю выбор и остаюсь подчувственным существом ...Таким путем они (ариманические существа) хотят сделать Землю бессмертной, чтобы она не распалась в мировом пространстве», когда исполнит свою миссию (218; 16.XI).

Вопрос о таком выборе решается человеком в целом ряде инкарнаций, и для того, чтобы он не был сделан в пользу ариманических духов, в мир пришла Антропософия. В высшей мере актуально уже сейчас понять природу внутренней жизни человека, дабы иметь силу изменять ее в нужном направлении. Действие люциферических и ариманических существ не упразднить догматическим установлением. А кроме того, в эволюции они играют также и правомерную роль. Она проявляется в нас, начиная с физического тела, когда на его базе мы формируем душевную жизнь. Через действие восприятий чувств, говорит Рудольф Штайнер, мы потребляем не только душевную, но и физическую материю. В нас тогда действуют люциферические духи. Они разрушают физическое тело, образуя в нем некоего рода «дырки», когда в нас действует воля. Она уничтожает в нас земное бытие, когда мы воспринимаем луч света, слышим звук. «Но мы реагируем на это: мы заполняем пустоты земным бытием». И заполнение происходит с помощью Аримана. Люцифер хотел бы нас дематериализовать, но с ним борется Ариман и заполняет создаваемые им в материи пустоты. Человек же образует равновесие в их борьбе (205;15.VII).

Убедиться в этом можно на основании внешнего опыта. Известно, например, что приезжающие в Италию туристы начинают интенсивно посещать музеи и порой теряют сознание, падают в обморок. Из-за перегруженности восприятиями они теряют слишком много материи, астральное тело теряет устойчивую связь с физическим и спонтанно выходит из него.

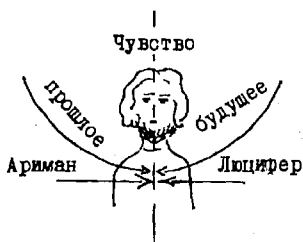

Рис. 126

Итак, рис. 125, на котором мы изобразили конфигурацию сил, действующих в душе ощущающей, необходимо дополнить, а также показать ее пространственно-временную ориентацию (рис. 126). Так мы продвинемся на шаг вглубь душевного, которым создается телесное.

По сути говоря, два рода вожделений: ариманические и люциферические заполнили справа и слева фантом (чисто духовное) физического тела материей. Границу между ними, проходящую строго по оси симметрии тела, воздвигли истинные Боги. Люцифер и Ариман ведут постоянную борьбу друг с другом, оставаясь по обе стороны этой границы, и искусство жизни состоит в том, чтобы постоянно удерживать равновесие между ними. Где-то на самой границе сознания мы устанавливаем это равновесие в восприятии чувств, когда воспринятое левым ухом, левым глазом, левой рукой, соединяем с подобными же восприятиями, полученными справа. Мы произво-

дим соединение на плоскости, которая, фактически, не имеет толщины. Жизнь наших чувств, как ее характеризует Рудольф Штайнер, представляет собой некоего рода живопись, которой мы занимаемся на обеих сторонах этой плоскости (и тем «окрашиваем» жизнь мышления). Следовательно, жизнь наших чувств двукмерна.

Положение человека, изображенного на рис. 126, обладает особым значением для понимания того, как вообще возникает феномен человека сознательного. Но рисунок нужно взять в раскрытии, к которому мы пришли на рис. 104, 116 и др. Плоскость, делящая человека на две симметричные части, проходит, фактически, через все Мироздание. Она есть то мировое настоящее, в котором будущее переходит в прошлое, а прошлое — в будущее. Поэтому настоящего, как такового, нет, а есть только становление. Настоящее — это становление. Человек пребывает в постоянном становлении. И становление есть Христос — Жизнь вечная, образующая отношение между Отцом (Прошлым в каждый момент бытия) и Святым Духом (Будущим в каждый момент бытия). Жизнь во Христе есть Мировое Я — высшее единство бытия и сознания: Я-единство. В вечности единство восходит к Отцу, в творении — к Сыну. Ибо в творении Отец все отдал Сыну, «дал Ему власть над всякою плотью» (Ин. 17;2).

Уже на древнем Сатурне Христово начало образует последовательность ступеней: Мудрость — Любовь — Личность (Духи Личности) (см. табл. 26). Таким образом, в личности и через личность Христос примиряет разошедшиеся в творении на две стороны Любовь и Мудрость. И примирение совершается в человеке. Человек образует отношение между Мудростью и Любовью, в чем выражается его подражание Христу. Но чтобы мочь совершать такую работу, человеку пришлось спуститься на самое дно материального бытия. Изображенное на рис. 104 явилось для него некоего рода «воронкой», затянувшей его в центр противостояния люциферических и ариманических сил. Но как бы глубоко в материю ни опустился человек, Христово начало всегда проходит через центр его бытия.

Фактически, на самом дне материальной Вселенной этот центр «обрастает» самобытием за счет выработки тройственного тела, души и духа. Этот процесс можно уподобить изготовлению свечи, когда нить то погружают в расплавленный воск, то вынимают, чтобы остудить. И когда на нити образуется достаточный слой воска, ее зажигают, она тогда горит своим собственным пламенем.

Срединное положение человека между действующими на него и в нем силами обязывает его постоянно восстанавливать равновесие между ними. И в той мере, в какой это равновесие удерживается, возникает субъект. Любой его состав: трех-, четырех-, семи-, девяти-

или двенадцатичленный, многообразие индивидуализированных психических, духовных проявлений — все является результатом синтеза противоположностей, которым формируется восхождение субъекта по вертикали: по вертикали духа в указанной плоскости становления. А если мы спросим, что движет становление по горизонтали (т.е. во времени)? — то ответом на этот вопрос будет: в горизонтальном направлении человек движется силой принципа семичленной метаморфозы на уровнях от органического до логического вне зависимости от того, определяется ли это движение объективно или субъект действует исходя из свободного целеполагания.

Плоскость становления пронизывает также и царства природы, а над человеком она обуславливает систему трехчленных отношений между существами Иерархий, участвующими в творении. Можно выявить ряд ее уровней (табл. 27).

Одна сторона полярности		Синтез	Другая сторона полярности
минеральное царство	тьма	цвет	свет
растительное царство	смерть	метаморфоза	жизнь
животное царство	голод	вожделение	насыщение
антитезис		суждение	тезис
шесть внутренних восприятий чувств		«я»	шесть внешних восприятий чувств
душа ощущающая		душа рассуд.	душа сознат.
диалектическая триада		созерцание	три последних элемента имажинат. логики
мысль		чувство	воля
воля		чувство	мысль

Табл. 27

Человек, как венец природы, соединяет в себе все уровни синтеза, которые возникают в других царствах природы, поскольку все они устремлены к духу и в них Божественное намерение стремится стать субъектом.

Рудольф Штайнер, как мы помним, в отношении суждения совету-ет спрашивать, куда оно ведет, а не откуда приходит. Теперь мы можем понять, почему следует так поступать. В Иерархии становления индивидуального духа мы имеем абсолютное начало. Оно возникает из противостояния духа и материи. Снизу вверх в противостоянии духа и материи идут ступени становления субъекта. Но чтобы субъект возник и мог затем восходить, в материю должен был снизойти дух. Дух должен был разделиться в себе, вызвать противостояние Я и не-Я и одной частью остаться чистым духом в Я, а другой — спуститься до материи. Однако при всем том он остается единым, триединым духом. На одном из высочайших уровней он выражается в триаде: Любовь — Мудрость — Первичный огонь; на другом: Субстанция — Любовь — Мудрость (см. табл. 26). В человеческом мыслящем сознании он выражается в диалектической триаде. Триединый принцип духа обладает самодвижением. Поэтому суждение (как деятельность) тотчас же вспыхивает в душе, как только она обретает первичное индивидуализированное свойство. Это подобно дыханию, когда достаточно лишь слегка привести в движение органы дыхания, чтобы воздух внешней атмосферы попал внутрь нас.

Лишь только мы реализуем первый элемент индивидуальной души — душу ощущающую, как тут же в ней вспыхивает деятельность суждения. Навстречу ей вырастает иерархия душевных проявлений с ее последовательным «откуда». Более того, все другие противоположности, приведенные в табл. 27, есть не что иное, как деятельность суждения, но происходящая либо на сверхчеловеческом, либо на подчеловеческом уровне. И деятельность эта обращена внутрь человека. Так сказать, «выше» и «ниже» человека она есть соприкосновение двух миров, разделенных плоскостью становления, где человек, как субъект, отсутствует. Например, на древнем Сатурне, когда Духи Движения посылали к нему свое астральное тело и весь Сатурн отражал им его обратно, то ощущение образовывалось противостоянием в ином Духов Воли и Духов Мудрости Духам Движения. Но, наконец, изначальное инобытие удалось замкнуть в самом человеке и настолько отчуждить от первофеномена, что его соприкосновение с внешним бытием стало рождать в человеке внутреннее бытие; внешнее мировое противостояние Любви и Мудрости стало внутри человеческой души рождать субъективные пары переживаний: желания и отвращения, удовольствия и неудовольствия, симпатии и антипатии, любви и ненависти. Эти пары субъективных переживаний не породили, а обнаружили в субъекте деятельность суждения. Стремление к чувственному удовлетворению (синтезу чувств) поднялось до мыслительного удовлетворения — *решения*, к которому (куда) устремлена деятельность суждения.

По сути говоря, *все уровни человеческого бытия представляют собой акт решения*. В организме человека через деятельность печени Ариман справа воюет с Люцифером, который противостоит ему слева через деятельность селезенки; люциферический импульс в крови борется с ариманическим в нервах. В результате их борьбы мы имеем обмен веществ и известную долю процессов в восприятиях чувств — их раскрытие в сторону чувственной реальности. На этом уровне решение носит характер чистой органики либо чувства удовлетворения, а высшее намерение, как принцип самодвижения, — характер вожделения.

Деятельность суждения в высшем мире есть взаимодействие космических интеллигенций, существ высших Иерархий. Основной закон такого взаимодействия обусловлен высшим Триединством. Согласно ему, если одна из Иерархий (как существо, как форма единства бытия и сознания) полагает какую-либо деятельность, то этим она встает в отношение с нижестоящей Иерархией и через *реальное* отношение обретает себя в ином, *ступенью ниже*, но в мире первого откровения, образуя ноуменальные, по отношению к миру второго откровения, уровни бытия. Затем все нисходит в мир чувственной, пространственно-временной реальности. Троичность порождает четверичность — направленное сверху вниз (и обратно: уровни совершенства) и из прошлого в будущее (и обратно: во времени) развитие. Возникает двенадцатеричная (3×4) полнота пространственно-временного творения. Она возникает в двух аспектах: высшем — как круг зодиакальных сил, и низшем — как система восприятий чувств.

Высшее, нисходя в низшее, во-первых, сохраняет в себе свой закон (триединство, если даже речь идет о типе) и, во-вторых, меняет свои качества на противоположные. Таким образом, в низшем мы получаем двоякое: присутствие высшего и его инобытие — люциферически-ариманический принцип. Говоря о высшем, мы и в самой низшей, органической деятельности должны видеть действие космической интеллигенции, суждения. Говоря о низшем, мы имеем дело с веществом, органами, а в душевном — с низшими вожделениями, эгоизмом, а далее: с преодолением люциферически-ариманического, с этикой.

Материальный мир создан высшей из Иерархий, и в то же время он *наиболее эгоцентричен*. Менее эгоцентричны жизненные процессы: там возникает обмен с внешней средой. Еще на одну ступень эгоцентризм понижается в восприятиях чувств. Когда образуется душа ощущающая, то деятельность высшего в ней, суждения, выступает как прямой эгоизм. Люциферическое начало воспринимает алчно (потому так трудно овладеть более высокими восприятиями: мысли и т. д.) и через восприятие познает вне-

шний мир, к которому следует отнести и физическое тело человека.

Представим себе такую картину. Ото всех направлений круга Зодиака исходит некая высшая деятельность. В своей конечной точке она рождает тройственное тело, которое возникает на столь несовершенной ступени, что высшая деятельность сдавливает его в намерении превратить в ничто. Но в сдавливании присутствует также намерение проникнуть внутрь инобытия. И поскольку это намерение высшее, то оно стремится проникнуть внутрь сотворенного субъекта.

Навстречу высшему стремлению поднимается люциферическое. Оно, напротив, стремится проникнуть в *объект* Божественного творения, что ему и помогают сделать человеческие восприятия чувств. Ариманическое при этом стремится качество высшего придать самому низшему: сделать мыслящей материю.

Но вот в человеке с помощью двенадцати органов чувств разворачиваются восприятия. Существо Ангела стоит у их врат. Оно опосредует действие трех приходящих из будущего импульсов: Самодуха, Жизнедуха и Духочеловека. Но оно же действует в человеке и в направлении сверху вниз. Там первое, что вступает в человека, есть Самодух. Он осеняет душу сознательную и несет нам знание о Христе. Из будущего на наше физическое оказывает ведущее к воскресению действие Сам воскресший Христос, Духочеловек. Конечно, и в том и в другом случае все опосредуется Ангелом.

Действуя из будущего и свыше, Ангел опосредует действие Духов Формы, даровавших нам Я; действуя из будущего и снизу вверх, Ангел опосредует деятельность Тронов, даровавших нам физическое тело. И во всю его деятельность вступает сила Христова действия. В первом из указанных направлений оно помогает нам претворить эволюционно приобретенный прямой эгоизм в милость, в любовь; во втором — от рожденного, опять-таки, эволютивно чувства жизни — двигаться к сфере высших чувств.

В чувстве жизни Духочеловек пронизывает наше эфирное тело, сжимает его словно судорогой, поскольку оно уже не принадлежит Духам Мудрости, пришло в тесную связь с физическим, вещественным телом, с деятельностью чувственных восприятий. Духочеловек выдавливает из эфирного тела астральное, чтобы первое из них вознести в высокие сферы духа. Эта деятельность удерживается в равновесии высшими Иерархиями. Но как только, по причине человеческой жизнедеятельности, равновесие нарушается, в астральном теле ощущается давящее действие Духочеловека. Оно означает, что существо Ангела частично вступает в человеческие оболочки. Мы переживаем его вступление как ощущение, извне формирующее наше «я».

Но в астральном теле человека сидит жало люциферического искушения. Оно, как вождление, устремляется из нашего астрального тела навстречу деятельности Ангела, стремясь через внешнее проникнуть к стоящему за внешним миром Иерархий. Все это происходит, напомним, у истоков души ощущающей, в самом начале индивидуальной душевной жизни. Здесь то, что приходит из прошлого, также имеет сначала вид вождления, а не представления. Представление проявляется в более высоких сферах души, а лучше сказать, представление, вступая в душу человека, имеет ряд модификаций. Чтобы понять тонкий процесс возникновения индивидуальной душевной жизни все эти вещи необходимо аккуратно расставить по своим местам, и не один раз.

Не теряя связи с тем, к чему мы уже пришли, вернемся еще раз к началу главы. Вспомним рис. 119. Мы видим на нем поток астральных сил, идущий из сферы индивидуального Духочеловека в душу ощущающую, а оттуда — в астральное тело. Поскольку движется он из будущего, в нем присутствует высшее намерение пронизать астральное тело человека сознанием. Таково высшее «вождление». Поскольку же поток приходит в душу ощущающую, пронизав предварительно почти всего девятичленного человека, в нем действует импульс настоящего — приходящее свыше Я. В первом случае имеет место чисто Божественная деятельность, та, которая началась еще на древнем Сатурне, а на Земле привела к образованию минерального царства. Далее вниз Божественное намерение не идет. При соприкосновении с веществом оно метаморфозировается, отражается от него и начинает снова восходить. И в его восхождении возникает феномен человека разумного.

Но начинается этот процесс с участием люциферического импульса. Почему? Да все по той же причине, что Божественное не может низойти в инобытие непосредственно, поскольку оно для него есть небытие. В небытии действуют вторичные, отраженные боги. В соответствии с их сущностью и отражение высшего полагания в своем начале носит бессущностный характер (абстрактной идеи) и лишь восходя в сферу истинного бытия облекается сущностью. Таков принцип творения из ничего.

Итак, импульс, идущий из высей, через душу ощущающую достигает нашего астрального тела. А там со времени райского искушения укоренился Люцифер. Отсюда он, как богоборец, устремляется навстречу высшему импульсу (рис. 117). Но, достигая души ощущающей, он неспособен тут же и далее двигаться прежним путем, поскольку он ведет к Духочеловеку. Поэтому через врата человеческих органов чувств Люцифер устремляется в то последнее, к чему пришел древний сатурнический Духочеловек — к чувственному, физическому миру, надеясь, овладев конечным состоянием эволюции

мирового Духочеловека, некогда добраться до него самого. Вот почему Люцифер вожделеет чувственных восприятий. Через них он стремится овладеть основанием чувственного мира — его идеальным содержанием. И так полагается индивидуальная эволюция человека. Высший астральный поток не через астральное тело, а через тело душевное, а далее через душу ощущающую уходит тогда в прошлое (рис. 118).

Именно в этом обращении Люцифера высшими силами на служение человеческому развитию и обнаруживается деятельность суждения в человеческой душе. Оно вместе с люциферическим импульсом уходит из души ощущающей во внешний мир (как форма вожделения) и там получает свое удовлетворение в форме решения. Эта *первоначальная форма решения есть восприятия чувств*. В дальнейшем, когда решение достигнет идеальной основы мира, оно соприкоснется с объективной истиной. Люцифер тогда, став побудителем к мышлению, будет, как узко субъективный дух, преодолен человеком.

Таким образом, деятельность суждения обнаруживается в душе в результате противоборства у ее врат ангельского импульса с люциферическим. Когда эта деятельность проявляется в первом из чувств — в чувстве жизни, то в ней и выражается столкновение Духочеловека, опосредованного Ангелом, с астральным телом. Люцифер стремится противопоставить вытесняющей силе Духочеловека нечто равнозначное, что выражается в консолидации астрального тела, в его оплотнении до эфирного и до физического тел, а также в рождении эгоизма души ощущающей.

Эгоизм души ощущающей, выступающий из понятийной основы, и есть деятельность, а также сама зарождающаяся в ней форма суждения, которая не принадлежит ни прошлому, ни будущему, но, возникая между ними, им обязана своим существованием. В силу люциферической природы эгоизм испытывает отвращение к прошлому*, куда уходит Божественный импульс; и он вожделеет будущего, где Люцифер надеется распространить свою эго-экспансию на высшие сферы духа. Освобождаясь силой добрых Богов от люциферических колебаний между желаниями и нежеланиями, человек приходит к способности универсальной деятельностью суждения порождать в себе суждения как форму логического, переживать в себе симпатию и антипатию в форме тезиса и антитезиса. Поэтому мы вправе сказать, что предпосылки для мышления создаются в душе ощущающей, само же оно проявляется выше — в душе рассудочной и сознательной.

Теперь обратимся к другой стороне вопроса. С импульсом, приходящим из прошлого, в нашу душу вторгается ариманическое влия-

* Отношение самого Люцифера к прошлому — это другой вопрос.

ние. Ариман главным образом атакует из эфирного тела душу рассудочную (рис. 117). Господствуя в материи, он стремится ее законы навязать эфирному телу. Боги такому стремлению Аримана противопоставляют метаморфозу, протекающую в смене рождения и смерти.

Ариман пытается овладеть человеком также и через астральное тело. Он проникает туда с потоком эволюции, движущейся из прошлого в будущее и приводящей к образованию тела душевного. Но внутри человека Ариман вторгается в замкнутый контур сил, возникающий в астральном теле благодаря тому, что уходящий из этого тела астральный поток частично, в результате описанного выше противоборства сил, возникающих у врат органов чувств, в метаморфизированном виде снова движется вместе с потоком эфирно-физических сил по многочисленному человеку (рис. 116, 119; см. точечные линии).

По сути говоря, Ариман в своем неправомерном действии движется тогда, вместе с Люцифером, от астрального тела к душе ощущающей. Пространственно же он движется навстречу Люциферу. Сделаем уточнение. Люцифер всегда остается в двухмерном пространстве; Ариман проникает до трехмерного, и из мира, который предстает нашим органам чувств, устремляется внутрь нашей души. Он вожделеет овладеть в нас субстанцией крови, которая подступает к органам чувств, когда они открываются вовне, в сторону чувственных восприятий. Но у врат чувств его встречает Люцифер, действующий в неочищенной, переполненной вожделением крови. Кровь же и нерв не переходят друг в друга. Они лишь опосредованно воздействуют друг на друга. В результате человек воспринимает, не подпадая под власть противоборствующих духов.

Навстречу ариманическим атакам, идущим снизу вверх, из астрального тела, а вобщем-то из совокупности всех трех тел, встает деятельность Ангела. Она имеет отношение не к ариманическому вожделению, а к восприятию. В потоке астрального тела она устремляется через врата органов чувств во внешний мир и устанавливает с ним объективную, соответствующую его внутренней природе связь. Благодаря этой деятельности в душе рождается восприятие, склонное стать созерцанием. Это и есть свойство тех чувств и ощущений, по поводу которых Гете сказал, что чувства не обманывают.

8. Самобытие душевной жизни. Формула человека

ПОДВЕДЕМ ИТОГ[~] последним рассмотрением. Уясним себе еще раз, что творение мира совершается путем отторжения, выдоха, де-

лаемого Космосом в той или иной форме. Отторгнутое с неизбежностью противостоит своему первоисточнику — Я. Я противостоит не-Я. Здесь коренится начало антипатии, но взятой *не в этическое смысле*. Далее отторгнутое образует основание отношения между 2-й и 3-й Иерархиями. Третья Иерархия живет в творимых космосом монадах, как их душевно-духовное содержание. Она развивается в них и через них находит свое отношение к высшему — ко 2-й Иерархии.

Человек повторяет путь 3-й Иерархии, но в земных условиях. Он способен это делать по той причине, что работа 3-й Иерархии в нем в предшествующие зоны привела ко вполне определенным последствиям. Так, уже в конце зона древнего Сатурна Архангелы, приходя через тепловые монады в отношение с наивысшей Иерархией, с Серафимами, всецело превращают монады в органы чувств, состоящие из светового эфира.

Серафимы через эти органы чувств созерцают (интуитивно) процессы на древнем Сатурне, но плоды созерцания отказываются принять в себя, дают созерцанию отражаться и жертвуют его Архангелам. Так внутренний мир Архангелов (еще всецело сновидческий) творится извне в сгущающейся эфирной субстанции, которую на Сатурн посылают Духи Мудрости. Она как бы закрепляется в бытии Сатурна, употребляется в его бытии на иные, кроме самого этого бытия, цели. Возникает новая форма отторжения — световой эфир в виде органов восприятия монад, но действующих в обратном, по сравнению с земным состоянием, направлении: извне внутрь монад. Монады же на Сатурне представляют собой единство формы и бытия, т. к. Серафимы через органы чувств монад созерцают их внутреннее и в монадах обособляется сновидческое сознание Архангелов. Высшее созерцание становится в инобытии формой сознания.

В дальнейшем этот процесс объективируется еще более. Следующая Иерархия — Херувимы, встает через монады в отношение с Ангелами. Отношение строится на основе жизненного эфира. В существах Ангелов возникает нечто, напоминающее обмен веществ, но всецело управляемый Херувимами.

И восприятия чувств Архангелов, и жизненные процессы Ангелов являются формами бытия их сознания. На том уровне, в том состоянии бытие и сознание еще оставались единством.

Начиная с древнего Солнца подобие высших, иерархических отношений начинает возникать в творении. Возникает взаимодействие монад с внешней средой древнего Солнца, поскольку некоторые субстанции отстают. Монады принимают в себя и выталкивают наружу тонкую тепло-воздушную вещественность, что является для них одновременно и жизненным процессом (дыханием-питанием), и восприятием чувств. На древней Луне процессы разделяются, но только частично. И лишь на Земле жизненные

процессы и восприятия чувств образуют в человеке две совершенно различные сферы бытия.

Осуществляемое на всех уровнях творения вбирание в себя означает завоевание сознания, утверждение высшего целеполагания в творении. Но утверждение не способно закрепиться в инобытии без отказа, без отталкивания всего того, что встает по отношению к нему как внешнее, без его отрицания. Поэтому вбирание в себя сопровождается в монадах удовольствием, отталкивание — неудовольствием. Так возникает первофеномен утвердительного и отрицательного суждения: в единстве низшего, элементарного бытия с высшим, еще не индивидуализированным сознанием. Симпатию и антипатию от процессов питания и дыхания переживает астральное тело; ими же оно и развивается. *Эфирное эсе тело развивает в себе силы лишь за счет полного отторжения внешних веществ.*

В органах чувств, после их открытия вовне, люциферические духи стали развивать в нас симпатию к внешнему миру за счет отрицания нас самих, нашего физического тела, что нашло свое выражение в разрушении, отмирании нерва в процессе нервной деятельности. Когда чувства еще были обращены вовнутрь, к миру имажинаций, человек переживал внутренние отображения внешних процессов, а это означает, что внешнее, которое могло бы быть дано восприятию, он полностью отталкивал. И тогда в человеке обитало существо Ангела. Я Ангела действовало в отталкивании внешнего и порождении в человеке идеальных, имажинативных противоположностей внешних событий. (Ныне по такому принципу действует наше эфирное тело). Поскольку процесс этот шел в одном направлении с жизненным процессом, то рождавшиеся в астральном теле симпатии и антипатии, положительные и отрицательные суждения шли вниз, вплоть до обмена веществ, в чем и выражалось единство бытия и сознания.

После открытия органов чувств вовне Ангел еще некоторое время оставался в человеческом астральном теле и действовал в нем наравне с люциферической деятельностью. Тогда имажинативные переживания в человеке существовали наравне с образным мышлением. Но с середины древнегреческой культуры Ангел начал покидать внутренний мир души человека, перестал обитать в ней как высшее Я. Он встал на пороге восприятий чувств.

Человек ныне, вождедая питания, дыхания, принимает предметы питания и воздух *в себя*. Вождедая восприятий, он должен *покидать себя* и своим астральным телом соединяться с объектами восприятия. И если бы человек был целиком предоставлен самому себе, то он просто «выдохнул» бы свое астральное тело через органы чувств и слился бы им с объектами восприятия, с лежащим в их основе миром элементарных существ. В некотором смысле он повторил бы что-то подобное тому, что совершили Серафимы на древнем

Сатурне по отношению к Архангелам. Только в данном случае, не обладая могуществом высшего Я, человек оказал бы услугу Люциферу за счет погашения собственного сознания*. Ибо Люцифер, поселившись в человеческом астральном теле, даре Духов Движения, желает слиться в его оболочке с идеальным содержанием мира природы. Человек обособился от этого мира, отторгнул его от себя, объективировал, чтобы через отражение в объекте стать субъектом. Люцифер желает пойти обратным путем, став групповым Я всего человечества.

Некогда, чтобы поселиться в астральном теле человека, Люцифер обособил его от Божественного, от родового, консолидировал в себе, сделал эгоцентричным, что привело это тело в тесную связь с эфирным и физическим телами. Поэтому астральное тело, выходя из нас в акте восприятия, имеет неодолимое желание вернуться обратно: *от восприятий мы устаем*. Ему в его склонности помогает эфирное тело, ибо к органам чувств в акте восприятия приливает кровь.

Ариман, действуя в обмене веществ, испытывает отвращение к внешнему миру. Проникая с током крови в органы восприятия, он посылает оттуда в нерв антипатию к объектам восприятия. Но у него возникает симпатия к тому, что от восприятия через нерв действует на кровь, поскольку с помощью этого он надеется найти непосредственный доступ к человеческой крови — носителю индивидуального я. Ариман стремится восприятие слить в единство с жизненным процессом.

В таком противостоянии люциферических и ариманических сил человек получает то, что мы называем *ощущением*. Ощущение возникает как результирующая борьбы люциферических и ариманических сил в системе человеческих восприятий. Подобного рода результирующими являются в нас и четыре тела (включая душевное) на современной стадии их индивидуализации. Ощущение представляет собой ту форму индивидуального бытия, которая возникает в душе, но еще не является самой душевной жизнью. *Ощущение есть форма присутствия Ангела в нашей душе*. Подчеркнем: не бытия, а присутствия.

Все, что мы переживаем душевно-духовно, дано нам в ощущении; само же ощущение нам не дано. Нам даны его производные: симпатия и антипатия и суждения. Доступ к нам ощущение находит через вождление. Субстанционально ощущение одной с ним природы и в то же время есть чистое вождление — аналогично чистому понятию (без отношения к восприятию).

* Это факт легко понять, исходя из общей связи вещей. Высшее повторяет себя в низшем; низшее возводит себя через подражание высшему. Одно отражается в другом. Но повсюду возникает своя нюансировка процессов.

Собственно говоря, и к ощущению человек развивает вожеление. И оно, как высшее намерение, входит в индивидуальную душу. В результате этого душа, как плод «антипатии» космоса, поскольку она «выдохнута» им в индивидуальное бытие, развивает свою антипатию к миру восприятий*. А далее, оттолкнувшись от внешнего мира, душа повторяет этот процесс в себе, развивая антипатию к *бессознательному*, а значит — к прошлому, и симпатию к самосознанию, а значит — к будущему. Она начинает развиваться *во времени*. Но прежде должно завершиться развитие телесности как объекта антипатии космоса, и потому — *в пространстве и времени*.

Душа развивается во внутренней симпатии и антипатии; мировое противостояние она берет внутрь себя и тем снимает трехмерное пространство, переходит *от противоречия к отношению*: с высшим. Переходной ступенью тут является созерцание. В созерцании мы подражаем Богам, и потому оно доступно лишь индивидуальному духу. *На доиндивидуальной ступени в наше время, когда Ангел уже не обитает в душе человека, а стоит у ее врат, созерцание превращается в грезу, в люциферизированную деятельность; и таковым является атактистическое ясновидение. В нем Люцифер похищает субстанцию человеческой души и творит из нее собственное люциферическое царство.*

Процесс индивидуализации начинается с ощущения, возникающего в душе вследствие восприятий чувств. Откровение телесного через чувство жизни рождает первое ощущение в нашей душе. Последнее, *высшее ощущение есть интуиция* — переживание духовного откровения. Такое ощущение дано нашему Самодуху.

Впервые ощущение возникает в астральном теле благодаря его связи с эфирным и физическим, поскольку вожеления рождаются уже жизненными процессами. Через эфирное тело эти процессы-вожеления рожают свои противоположности в астральном теле, которые достигают нашего сознания как ощущения. Например, голод есть исходная форма вожеления, но переживаем мы не сам голод, как нарушение баланса эфирно-физических сил, а то, что через кровь достигает нерва и астрального тела — ощущение голода.

Достигая через Самодух интуиций, мы своим астральным телом полностью отождествляемся со сверхчувственным объектом, т.е. собственным астральным телом, сами производим воздействие на объект. Объект же в обоих случаях (как в чувстве голода, так и в интуиции) один и тот же — Духочеловек. В чувстве жизни (благодаря которому ощущается голод) Духочеловек воздействует

* Наслаждение восприятиями — это совсем другой процесс. Он разворачивается в сфере эстетического, т.е. индивидуально-осознанного; описываемое же нами остается на ступени подсознательного.

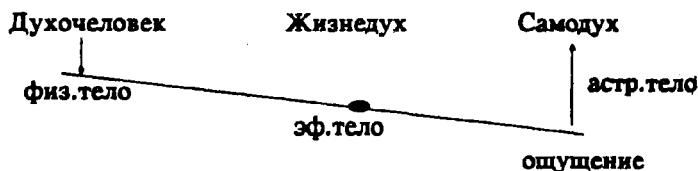
на эфирное тело и выжимает из него тело астральное. Эфирное тело при этом ведет непрерывную борьбу с физическим: отторгая поступающие в организм средства питания и за счет отторжения строя из своих сил физическое, как оно это делало уже на древнем Солнце.

В гигантском противостоянии физического и эфирного на стороне эфирного тела, конечно, стоит Жизнедух, для которого материальные вещества питания служат лишь указателями — в каком «направлении», в какой форме, в каком составе творить физическое на данной ступени эволюции. В сдавливающем действии Духочеловека выражается высшее, Божественное намерение. Это оно, по сути, выражает себя во всех физических свойствах материи — в силе тяжести, плотности, во всех косвенно, через математические вычисления познанных свойствах атомных структур: плотности ядер, гипотетических сверхплотных состояниях материи, зависимости массы от движения со скоростью света и др.

Во всех подобных явлениях обнаруживается универсальное стремление Отчего начала претворить материю в дух, в сознание, одарить творение самосознанием.

Наше эфирное тело опосредует связь космического сознания с индивидуальным самосознанием. Малейшее нарушение весьма подвижного равновесия в противостоянии эфирного тела веществу выражается в нарушении гармонической связи эфирного тела с астральным, в нарушении связи астрального тела с космосом, что и обнаруживается через ощущение.

Физическое, будучи оплотневшим духом, вытолкнутым в инобытие, становится минералом, эфирное в инобытии рождает жизнь, астральное в инобытии рождает смерть и ощущение. *Минеральное полярно противоположно бытию сущего, астральное в ощущении полярно противоположно космическому сознанию.* Оттого возникает некоего рода «рычаг».

В нем чем сильнее давление Духочеловека, тем выше поднимается «плечо» ощущения, т. е. тем ближе человек к космическому сознанию. Некогда все вещественное будет «выдавлено» (через ряд метаморфоз) в сферу чистого бытия-сознания, на астральный план. Процесс этот уже идет, когда мыслящее сознание спиритуализируется, вбирает в себя духопознание. Периодическое сгущение и растворение материи в

состояниях жизни, формы, в зонах создает лишь предпосылки для развития индивидуального духа, для инволюции.

Итак, все на Земле, начиная с атомных и кристаллических структур, устремлено к самосознанию. Вратами же к нему служит человек. Врат этих в человеке двое: у начала душевной жизни и на границе души и духа. И там, и там на пороге стоит существо Ангела, только у первых он является в сопровождении Люцифера и Аримана (это явление в оккультизме называется Малым Стражем Порога), у вторых через существо Ангела человеку является Сам Христос (Великий Страж Порога). У врат духа человек переживает встречу со Христом.

У врат души переживание Христа сказывается косвенно, как Сила, помогающая облагораживать вожеления. Ангел же является вестником Бога-Отца, вернее, Духа Формы, даровавшего нам «дыхание жизни», и с первым ощущением вступает во врата души с дарованным нам Я. Некогда, в начале земного зона, Элоим Ягве привел три наших тела в такую взаимосвязь, что в них смогло возникнуть низшее «я», способное восходить до индивидуального тождества с Я высшим. (На древней Луне нашими непосредственными творцами были Духи Движения; они привели астральное тело в гармоническую связь с физическим и эфирным и т.д.)

Аналогично образу своего действия на человека в прошлые зоны, Ангел действовал в человеке и на Земле вплоть до момента Мистерии Голгофы. Он обитал в нем как высшее, организующее начало, как регент нисшедшей из высей (сотворенной еще на древней Луне) двойственной, а потом (начиная с Лемурийской эпохи) тройственной души. Эта душа погрузилась в три тела и через тепловую субстанцию (огонь) замкнула круг связи души с телом. Тогда в душу вошли люциферические и ариманические влияния, подступившие со стороны увязавшего в материальном бытии тройственного тела. Со вступлением их в душу возникло то сложное, уже описанное нами, взаимодействие человека, как субъекта, с внешней средой. При этом люциферическое начало имитировало древнюю деятельность Иерархий, что раскрыло органы чувств вовне. Кроме того, люциферическое действие в человеке противостояло намерению Аримана ввести через человеческую душу земные элементы в духовный мир, минуя ступень самосознания, погрузив их в стихию падших эфиров. Свое намерение Ариман стремится осуществить, переводя вещество в энергию, в более тонкую форму существования материи в виде электричества, магнетизма и стягивая туда душевное существо человека. В настоящее время навстречу этому стремлению Аримана идут все сторонники так наз. биоэнергетики и парапсихологии. Они не спиритуалисты, они — материалисты высшей степени. И если даже они порой говорят о Боге, то это, если разобраться, — бог

материи. Он существо не тривиальное, космическое, но это Ариман.

Низводя человеческие души в энергетическое поле Земли, до известной степени «растворяя» их в нем, сливая в бессознательное единство, Ариман поселяется в нем как в своем царстве и отсюда штурмует Небо, поскольку оно сотворило человека. Но осуществиться намерениям Аримана мешает Люцифер, борющийся с оплотнением материи. Он стремится материю снова превратить в дух, а человеческое астральное растворить во всеобщей астральности Земли, низвести его на ступень древнелунного состояния.

Искусство жизни (а это поистине искусство, а не некий автоматический или полусонно-медиумический процесс) состоит в том, чтобы постоянно способствовать взаимопогашению неправомерной деятельности Люцифера и Аримана в нашей душе. В помощь нам в этой работе дано существо Ангела. Он вступает в нашу душу с обеих сторон: на границе с духом и на границе с чувственным миром, — а вступив в нее, остается у ее врат, поскольку все остальное: индивидуальная выработка души, — составляет индивидуальную задачу человека.

У врат души Ангел действует во всей системе восприятий чувств. В ней действуют все Иерархии (см. рис.37), но лишь благодаря Ангелу восприятия чувств становятся в нас ощущением. А далее *весь процесс индивидуализации в нас осуществляется, по сути говоря, за счет нарушения высшей гармонии и восстановления ее*. Думая об этом, не забудем, что от начала творения нашей Вселенной возникает противостояние: сначала как отношение (в Иерархиях), потом как противоречие (дух и материя). Наша внутренняя жизнь есть в первую очередь противоречие: сначала с внешним миром, который не терпит обособления, потом в самой душе, где противоречие дозревает до отношения, — в подражание миру Иерархий (возникает ряд: симпатия — антипатия, тезис — антитезис, любовь — мудрость).

Существо Ангела подступает к вратам нашей души с потоком сил, приходящих из прошлого (рис. 119, 125), в которых живет вождение представления, стремление материи одухотвориться, для чего она должна прийти к определенному состоянию формы, и таковой на первом этапе становится телесность как форма органов восприятий чувств. Далее эта форма стремится метаморфизироваться в мыслеформу, в форму органа идеального восприятия, чему служит имажинативная логика. После того человек обретает возможность одухотвориться до *мыслесущества*. Она проявляется в душе как намерение, как вождение и как ощущение — в форме индивидуального чувства. Навстречу ему, из будущего, приходит род деятельности, творящей эту форму, — деятельность суждения. Достигая врат души, она сужается до формы прямого эгоизма.

На такое двухстороннее действие (вожделения и суждения) душа откликается желанием — нежеланием, радостью — страданием и т.д. Так возникает душа ощущающая. Вся она построена из эгоизма и желания или отвращения по отношению к ощущениям, доставляемым восприятиями чувств. Вся эта совокупность, двигаясь по нижнему полукругу вправо (рис.125), приближается к потоку сил, текущих из будущего, и постепенно входит в восприятие высших чувств, а навстречу, из верхнего полукруга, приходит деятельность суждения, но не в форме прямого эгоизма (он расширяется в высших чувствах), а в логической форме, в форме представления.

Так импульс, приходящий слева (из прошлого), достигает своей цели справа, но через посредство индивидуальной души. И это уже сфера души сознательной, где, собственно, и возникают представления.

Деятельность Я из верхнего полукруга вступает в нижний не только сверху, но и слева — через оболочки, — а в душе ощущающей заявляет о себе как такт и нравственный вкус. Противостояние астрального тела, скованного эгоизмом, внешнему миру постепенно переходит в противостояние понятий восприятиям, которые, соединяясь в душе сознательной, образуют представления. Но их соединению предшествует прохождение через шкалу противостояния субъекта объекту в восприятиях чувств.

Во всей перечисленной деятельности и рождается инобытие души. Его первичным феноменом является деятельность Ангела в нашем астральном теле, постоянно находящая отношение к внешнему для нашего «я» чувственному и сверхчувственному мирам.

Когда в третью, египто-халдейскую эпоху Ангел начал постепенно покидать внутреннее человеческой души, то он делал это двояким образом: он выходил из души одновременно и «вверх», и «вниз». «Вверх» он ушел в мир объективных имажинаций, где обитает человеческий Самодух. Его действия, нисходящие в нас, мы ощущаем в чувстве мысли и в самом процессе мышления, как деятельность суждения. Такова опосредованная субъектом деятельность Ангела в нашем духе. Непосредственно он вступает туда в виде откровения.

Покидая нас «вниз», через врата души, Ангел лишает нас атавистических имажинаций и одаряет гармоничным переживанием чувственных восприятий. Этот выход Ангела из души совершался поэтапно. Сначала Ангел через наши органы чувств созерцал в имажинациях процессы, подступавшие к земному человеку из внешней материальной среды, и, подобно *Серафимам в их отношении к Архангелам на древнем Сатурне, жертвенно свои созерцания представлял человеку*. Человек тогда начал переживать имажинации в связи со своим существом, получая, благодаря им, косвенное свидетельство о том, что происходило в его материальном окружении. Имаги-

нации играли роль современных понятий, которые мы присоединяем к восприятиям. В глубокой древности человек созерцал их как мыслесуществ. Деятельность суждения в нем тогда не была отъединена от бытия; бытие рождало в человеке внутренние представления-созерцания.

После открытия органов чувств вовне, к имагинациям присоединился опыт чувственных восприятий. Начался этап двойного восприятия: чувственного объекта и его сверхчувственной идеи, явленной в объекте, а не в человеческом духе. Иными словами, человеку открылся источник, порождавший в нем имагинации. С этого момента начинается искушение человека Люцифером. Человек утрачивает внутреннюю целостность и начинает переживать не тождество с внешним миром, а противостояние ему.

Большие перемены происходят и в органах чувств. Если прежде они формировались деятельностью, шедшей изнутри, из астрально-эфирных сил, то теперь их начинает формировать также и сам акт чувственного восприятия, внешняя действительность. Человек при этом облекается плотной вещественностью, оставаясь однако лишь системой органов восприятия. Тогда ариманические духи начали использовать его как врата, через которые они стали материю переносить в духовное, вернее в «поддуховное» бытие. Но такой ариманической деятельности противостояла люциферическая, устремившаяся из человеческого внутреннего вовне. Возник некоего рода «затор», которым и стало плотное, материальное физическое тело.

С тех пор это так и идет: ариманические духи атакуют человека в процессе восприятия извне, стремясь предельно плотно, до энергетического сгустка консолидировать его эфирно-физическое; люциферические духи в акте восприятия стремятся увлечь астральное тело из физического и растворить его во всеобщей мировой астральности, а вслед за ним подвергнуть той же участи и эфирное.

Существо Ангела в таком противостоянии духов постепенно ослабило люциферическую деятельность до формы понятий-образов. То был этап мифологического мышления. А затем все истончилось до абстрактных понятий, до чисто астральной деятельности. Так люциферическим духам был отсечен доступ к эфирному телу на доиндивидуальном этапе развития человека*, но была сохранена зародившаяся деятельность суждения; а борьба Люцифера и Аримана у врат восприятий чувств, борьба двух родов вожелений, была синтезирована в высшее вожеление — направленное к индивиду-

* Теперь, овладев свободным мышлением, человек имеет индивидуальную задачу найти связь понятий с эфирной субстанцией.

альному развитию, что одновременно явилось метаморфозой высшего намерения.

Что касается ощущения, то оно коренится в эфирном теле, поскольку на его базе происходит столкновение люциферического действия, идущего из астрального, и ариманического, идущего из физического. Следует помнить, что материя теснится в человека не только через органы чувств, но и из обмена веществ. Эфирное, осененное Жизнедухом, отторгает и то и другое, и таким способом строится собственное эфирное, а от него — физическое тело человека, как это повелось со времен древнего Солнца. С индивидуальными эфирным и физическим телами приходит в связь Самодух; сначала в виде понятийного мышления. Но вместе с тем на эфирное тело налетает поток люциферического действия, стремящийся эфирное вновь растворить до астрального состояния. Противодействуя этому, эфирное тело заключает астральный поток, идущий через человека из прошлого, в форму души ощущающей, ограничивает его, действуя совместно с физическими силами органов восприятия.

Таким образом, ощущение формирует процесс внутреннего отражения эфирным телом натиска ариманически-люциферических вожелений, *лишая их инстинктивного, животного характера*. При этом оно само является как форма вожеления, т. е. родственным тому, что приходит из бессознательного, но ориентация его полярно противоположна инстинкту. Оно, как новая, индивидуализированная форма вожеления встречает идущий из души к вратам чувств древний поток деятельности суждения, той деятельности, которую прежде осуществлял Ангел. У врат чувств к этой деятельности примешивается люциферическое, поднимаясь из астрального тела. Сама же деятельность осуществляется в душе. Основа для нее была заложена еще Духами Движения на древней Луне.

На пути до врат чувств деятельность суждения остается бессознательной. Но если она там осознается, то вспыхивают люциферизированные имажинации. С ними борются ариманические духи. Деятельность суждения останавливается на границе органов чувств, и возникает восприятие — *не ощущение!* — ибо суждение здесь еще не входит в сознание, поскольку остается сверхчеловеческой деятельностью, приходящей из *будущего*.

Когда Ангел действовал внутри души, он создавал в ней ощущение субъекта, но на сверхсознательном уровне Самодуха. Теперь та деятельность выступила из души вверх, а в душе осознается суждение. Внизу, сталкиваясь с воздействием, приходящим извне, деятельность суждения впервые осознается как индивидуальная, возникающая в акте восприятия. Далее человек вырабатывает способность отвлечься от восприятия и осознать деятельность суждения внутри души; тогда он переживает ощущение. Оно рождено восприятием и

представляет собой деятельность, идущую от души ощущающей к душе рассудочной, навстречу выходу Ангела из человеческой души.

А теперь на основе полученных результатов мы могли бы еще раз провести анализ всей системы восприятий чувств, которым мы занимались в третьей главе, и он, на этот раз, еще конкретнее показал бы нам процесс рождения индивидуального «я». Нам значительно подробнее раскрылось бы все то, что мы свели к единству на рис. 38. Если тот рисунок привести в связь со всем полученным на рис. 116-121, то наши исследования приобретут искомую полноту. Мы тогда увидим внутреннюю природу становления индивидуального духа в пространственно-временной эволюции. При этом, пожалуй, придется еще вспомнить рис. 71, на котором показан общий принцип того, как нам следует соединить полученные на указанных рисунках части в единое целое.

Представим себе изображенное на рис. 38 как своего рода проекцию на горизонтальную плоскость того, что изображено на рис. 116-121, и наоборот. Тогда пространство и время соединятся, а индивидуальный дух станет триединым человеком. Мы не станем давать полного графического выражения такой связи. Рисунок получился бы слишком громоздким, и нам все равно не удалось бы передать в нем главного — движения. А ведь все изображенное на рис. 116 или 118 постоянно в процессе духовно-душевной жизни человека пульсирует вверх-вниз по отношению к плоскости изображенного на рис. 38. Далее, если взятые под углом в 90° по отношению друг к другу плоскости рис. 118 и 38 соотнести с пространственным образом человека, данным на рис. 91, то тогда плоскость рис. 118 пришлось бы взять вращающейся вокруг вертикальной оси и тем выражающей состояния каждой из девяти сфер в тот или иной момент осознанной жизни «я».

Так пришлось бы нам поступить, если бы мы захотели дать полное и детальное графическое выражение полученным результатам исследования. Но можно поступить проще: понять лишь главную суть полученной взаимосвязи. Откуда бы мы ни начали ее рассматривать, ее центральной точкой всегда будет оставаться индивидуальное «я». Оно остается своего рода подвижным «шарниром», связывающим разные позиции движущихся плоскостей.

Возьмем физическое тело за исходную точку рассмотрения, и потом обе плоскости (и рис. 38, и рис. 116 или 118) приведем в соприкосновение так, как показано на рис. 127 (левая позиция). Мы получим соотношение, констелляцию рождения первого восприятия, чувства жизни в индивидуальном опыте души. При этом, что бы ни рождалось в системе двенадцати восприятий чувств, оно всегда останется в горизонтальной плоскости, будучи, в то же время, связанным со всем космосом, а то, что переходит в индивидуальную душу

(благодаря ощущению), всегда останется в вертикальной плоскости, связанной с прошлым, настоящим и будущим.

Пройдя через все нюансы душевно-духовной жизни, вертикальная плоскость приходит в другую крайнюю связь с горизонтальной плоскостью (рис. 127; правая позиция) — в точке Духочеловека. При этом вертикальная плоскость проделывает еще поворот на 360 градусов. Все остальные аспекты индивидуальной жизни умещаются в преде-

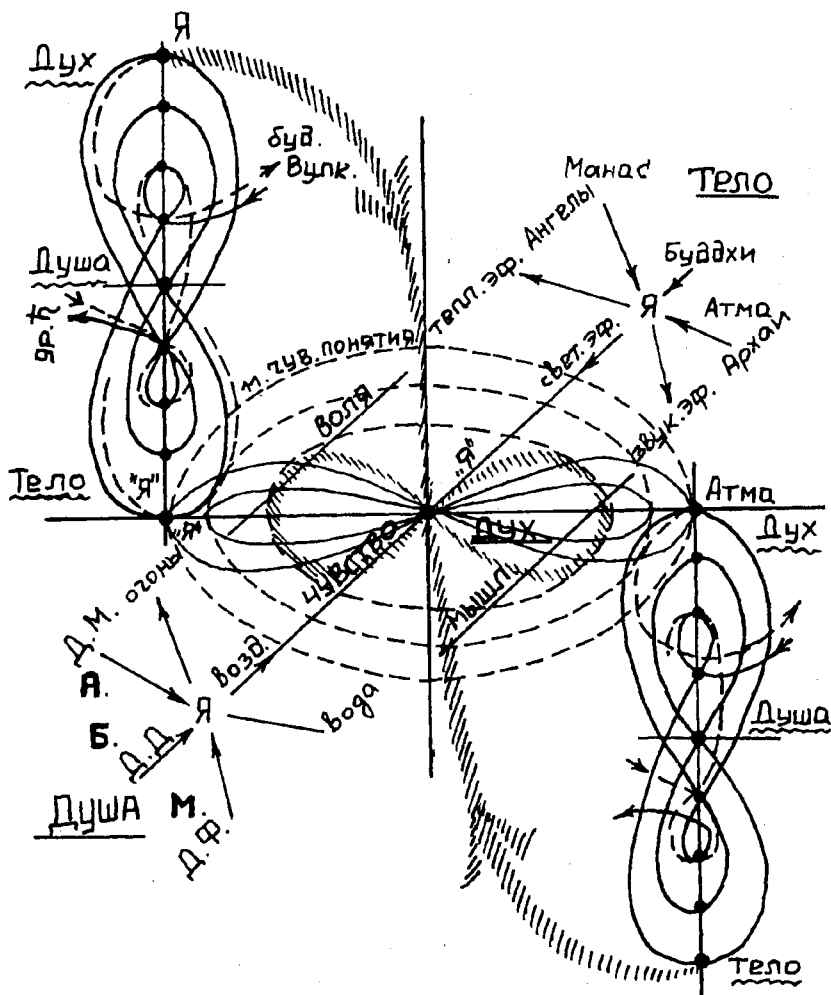

Рис. 127

лах этих двух граничных состояний. Не станем пугаться обозначенных границ, хотя в горизонтальной плоскости они простираются до мира неподвижных звезд, а в вертикальной — от зона древней Луны до будущего Вулкана. Все же полезно иметь представление о человеке, как о существе, довольно определенно заключенном в указанные пределы, обусловленные эволюцией и инволюцией индивидуального я.

Горизонтальная плоскость, в которой возникают восприятия чувств, — инволютивна в онтогенезе души в пятой послееатлантической культурной эпохе. Действующая в ней тройственная душа выступает в своем космическом аспекте. Она еще не выработана человеком индивидуально и целиком. Присущие ей мышление, чувствование и воление проявляют субстанциональность Иерархий. Это, по сути, единая космическая воля, инволютивно вобранная в себя существом человека и метаморфизированная разделением эфиров и элементов.

Плоскость восприятий чувств в плане эволюции также простирается от первого до седьмого зона (см. рис. 16). Поэтому ее осевой вертикальный принцип, или, выражаясь в духе нашего исследования, ее *динамическое настоящее* стоит под знаком высшей деятельности Святого Духа. Как мы помним, троичность первых зонов образует законченное целое; оно по окончании зона древней Луны имело тенденцию оставить человека идеальным отражением высшего и по трем ступеням будущих зонов возвести его в духовные выси, не надевая акциденцией свободного духа. Конечно, тенденция эта была скорее условной, чем реальной, хотя и условность была настолько высокого порядка, что в эволюции стала реальностью в том смысле, что постоянно присутствует, как альтернатива, в каждом акте свободного (а также и несвободного) выбора.

Процесс наделения человека я-сознанием в земном зоне породил в эволюции мира иное динамическое настоящее, стоящее под водительством Христа (см. рис. 16). Так возникает плоскость индивидуальной эволюции, где осевым принципом выступает Импульс Христа.

Ипостась Сына через человека приходит в отношение с Ипостасью Святого Духа. Приходят в отношение в ином Космическая Любовь и Космическая Мудрость. Их синтез — в Отце; однажды он был явлен в человеке — в Мистерии Голгофы. С тех пор задан путь индивидуальной душе к такому синтезу. Первая его ступень — индивидуальная жизнь души, зарождающаяся благодаря переживанию полярных противоположностей: желания и нежелания, симпатии и антипатии и т. д. Нужно постоянно иметь в виду, что величайший Праобраз стоит за каждым элементарным движением души. Лишь потому она и становится индивидуальной, безусловной, что Праоб-

раз абсолютен. Поскольку Он ничем не обусловлен, кроме Самого Себя, то такой же характер получает и душа уже с первых шагов своей самореализации.

Деятельность Ангела, выступающего у врат органов чувств, вызывает феномен движения и взаимодействия плоскостей тела, души и духа. Но она не идет дальше ощущения. Все возникающее вслед за тем вызывается ныне индивидуальной деятельностью «я».

9. Ингредиенты душевной жизни. Нравственность

ВЫВЕДЕННАЯ НАМИ ВЗАИМОСВЯЗЬ плоскости восприятий чувств с плоскостью двенадцатичленного человека* позволяет устранить одно недопонимание, которое могло возникнуть из сравнения рис. 126 с рис. 91. На втором из них показано, откуда человек получает приток сил, строящих его физическое тело: они приходят слева и в направлении с севера на юг. Согласно рис. 120, слева в нас входит поток астральных сил, текущих из будущего. Но здесь нет противоречия. Человек пространственный возникает как результат пересечения трех плоскостей. При этом физическое тело образуется в нем в плоскости восприятий чувств, т. е. в горизонтальной плоскости, которую мы имеем и на рис. 91, и на рис. 127. Своим первичным феноменом она, напомним, имеет зодиакальный круг, в котором правит Отчая воля.

В человека душевного слева притекает «материя» чувств, чувствований, заявляющих о себе в душе рассудочной. Что касается душевного тела и души ощущающей, то они образуют переход от плоскости восприятий чувств к плоскости души и духа. Поэтому они действуют в вертикальной плоскости, делящей человека на две симметричные части. Так это получается согласно рис. 91. Согласно же рис. 127 эту третью плоскость следует представлять себе вращающейся на 360°.

Всему, показанному на рис. 127, можно дать еще более конкретизированную развертку, если привлечь на помощь рис. 38. Тогда обе вертикальные плоскости спроецируются на горизонтальную. В эволюции это так и произошло; поэтому мы говорим, что ощущение было первичным, а материя — вторична.

Однако в эволюции индивидуального духа физический принцип приходит в болочке Самодуха *из будущего, а не из пространства*. Поэтому на рис. 91 и 120 речь, попросту говоря, идет о различных,

* Не забудем, что на рис. 116—121 душевное тело, «я» и Я не только возникают в процессе действия указанных там сил, но и воздействуют на их прохождение через девятичленного человека. Их место — в интервалах.

хотя и взаимосвязанных вещах. Их связь становится особенно очевидной при переходе к душе рассудочной.

В вертикальной плоскости симметрии, как уже говорилось, действует человеческое чувствование. Свое начало оно берет в ощущении и через него образует свою плоскость в направлении снизу вверх. В том же направлении противостоят друг другу два рода вождений. Сверху вниз эту плоскость образует деятельность суждения, которое становится логическим по мере того, как ощущение оживает в душе в полярности симпатии и антипатии.

В суждении также противостоят один другому люциферический и ариманический принципы. Человек погашает их действие, приходя к умозаключениям, приводя тезис и антитезис к синтезу. Иными словами, в деятельности, направленной снизу вверх, все проистекает из единства: из ощущения. И это единство просто дано человеку. Но оно рождает в душе дуализм чувств: желание и отвращение, симпатию и антипатию. Вверху симпатия и антипатия переходят в *свое идеальное иное*: в тезис и антитезис. И там приведение их к единству есть всецело задача индивидуального духа. Там единством все кончается.

Таким образом, плоскость симметрии многоаспектна. На глубоком подсознательном уровне она волевой природы, поскольку коренится в жизненных процессах. В душевном теле и в душе ощущающей она чувственной природы и образует зачатки индивидуальных переживаний, т. е. создает основу для мыслящего сознания и потому приходит во вращательное движение и в конце концов становится той плоскостью, в которой действуют эфирно-физические силы, творящие мозг.

О душе ощущающей мы по этой причине говорим *двояко*: как о *посительнице наших чувств и мышления*. Если выразаться совсем точно, то следует сказать, что в душе ощущающей создаются *предпосылки* для чувствования и мышления. В самом деле, ее характерологическая основа рождает побуждения типа: желание — отвращение, нравится — не нравится. Что они в сравнении с чувством как таковым: гордостью, смирением, любовью? — не более, чем смутные побуждения, пробивающиеся из темных глубин подсознания и бросающие душу из одной крайности в другую.

Что выступает в душе ощущающей из понятийной основы, — еще не мысли, а мотивы люциферической природы, эгоизм, как форма замыкания в себе тела душевного. Наконец, что особенно важно, мотивы и побуждения в душе ощущающей рождаются в направлении, скажем, «не вполне перпендикулярном» по отношению к потокам, текущим во времени. Переход из одной плоскости в другую совершается таким образом, что прямой эгоизм, метаморфизировавшись в косвенный, все более опирается на индивидуально вырабатываемую понятийную

основу, а с помощью такта и нравственного вкуса осознаются и облагораживаются вожделения. В результате перемен в характерологической основе понятийная основа рождает нравственные суждения, побеждающие эгоизм. Они-то и переводят жизнь души из ощущающей в рассудочную.

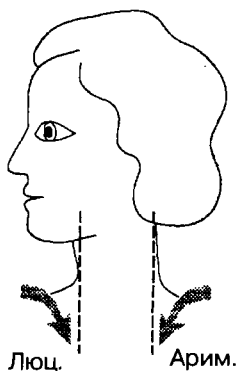
О душе рассудочной также следует говорить двояко, как о носительнице чувствований и мышления. В ней они благодаря коренной метаморфозе всего многочленного существа человека приобретают индивидуально-осознанный характер. Говоря языком нашего исследования, суть этой метаморфозы мы должны выразить так: душа рассудочная «встает под углом 90°» по отношению к душе ощущающей.

Вспомним, что говорит по этому поводу Рудольф Штайнер. Он показывает соотношение действующих на человека люциферических и ариманических сил, разделенных в своем противостоянии двумя плоскостями. Одна из них проходит в нас сзади, касаясь позвоночника, другая — спереди, вдоль грудной кости. Если слева и справа Люцифер и Ариман ведут между собой войну в нас через наши мысли (в душе рассудочной, уточним мы), так что мысли «со свистом» прилетают слева и справа и сталкиваются на разделительной плоскости (симметрии), то спереди и сзади Люцифер и Ариман ведут войну через наше чувство так, что остается некоторая свободная область в нас, где в чувствах мы можем принадлежать себе (158; стр.123—124).

Свободное пространство для наших чувств Иерархии создали благодаря тому, что способствовали развитию в нас индивидуальной душевной жизни. Можно, правда, спросить, а разве жизнь мыслей в нас не индивидуальна? — Нет. В нас индивидуальна деятельность суждения. Мысли же — это тени мыслесуществ интеллигибельного мира. Они «продуманы» творческой деятельностью высших Иерархий, и результатом их продумывания-творения стали древний

Сатурн и т. д. Мыследеятельность первых двух зонов живет ныне в нас как отношение и одновременно — как противоположность физического и эфирного тел (см. рис. 91). Благодаря зоне древней Луны, между ними встала плоскость астрального тела. В ней в зоне Земли под действием импульсов творения, идущих сверху (Я), и противодействующих им импульсов, идущих снизу, стало слагаться наше повседневное «я».

Некогда эфирное тело станет основанием отношения между физическим и астральным телами — через выработку тройственной души. Но на подсознательном уровне физическое и эфир-

ное тела суть антагонисты в силу противоположности между духом и материей, бытием и инобытием. Этой противоположности мы обязаны тем, что космические мыслеобразования низошли в мир элементарных существ, в царства природы. Элементарные существа, как мы не раз говорили, явлены нам двояко: в восприятии и в мышлении. Они рождают в нас две противоположности: симпатии-антипатии и тезиса-антитезиса. Но в высшем бытии все это восходит к единству. Поэтому и мы, осуществляя синтез противоположностей в нас, обретаем черты высшего бытия.

В высшем смысле отношение между нашим физическим телом и эфирным подобно отношению между состоянием формы и состоянием жизни. Но поскольку они перешли в инобытие, то эфирное тело атакует Ариман со своим импульсом смерти, а астральное тело — Люцифер, порождая на поверхности физического мозга абстрактные мысли. В результате человек в средней плоскости, в плоскости астрального тела и «я», мыслит в понятиях, постоянно умирая в своей нервной системе. По той же причине прямой эгоизм в своем эгоцентризме не знает предела. Если Духочеловек сжимает физическое тело в точку интуитивного бытия, то что-то отдаленно напоминающее это стремятся сделать с астральным телом Ариман и Люцифер, хотя природа астрального тела противоположна физическому, в нем действуют центробежные силы.

Человеку подобает овладеть истинной природой астрального тела, но не ранее, чем он сформирует индивидуальное я; иначе ему грозит опасность раствориться в астральном мире (в чем ему также помогают Люцифер и Ариман). Первой стадией индивидуализации является формирование душевного тела. Благодаря ему в плоскости симметрии образуется, если можно так выразиться, «зазор», в который через ощущение вступает Ангел. Но в верхней части зазор захлопывается — по мере приближения к головной системе принудительное действие космических мыслей возрастает. Их принудительный характер обусловлен полярным противостоянием Люцифера и Аримана. Разрешение противоположности человек обретает через логику, где принудительное действие законов мышления помогает рождать собственные мыслеформы.

Навстречу описанному зазору образуется другой: сужающийся сверху вниз зазор между действием люциферических и ариманических сил в сфере чувств. Наши чувства коренятся в эфирном теле, а оно убережено от люциферического искушения (Древо Жизни) и от ариманических сил смерти. Эфирные силы только метаморфизируются. И в этой не доступной супостатам сфере возникает наша собственная жизнь чувств. Ощущаем мы с помощью астрального тела. Поэтому все чувства двойственны: симпатия и антипатия, любовь и ненависть разделяют их. Из переживания проиво-

положности рождаются индивидуальные чувствования, коренящиеся в эфирном теле, типа гордости, смирения и т. д. Претворенные симпатии и антипатии выступают в душе как тезис и антитезис; из них рождается синтез иного рода (мыслеформы), снова в астральном, но уже души сознательной.

Итак, в эфирном теле коренятся чувствования, но ощущаем мы их в астральном теле благодаря колебаниям удовольствия и страдания. Например, нам доставляет страдание переживание высокомерия, и мы тогда все более укрепляемся в скромности, смирении — сначала благодаря удовольствию, которое нам доставляет отказ от высокомерия. Такое переживание связано с астральным телом. Но постепенно чувство смирения становится чертой нашей характерологической основы, его связь с чувством удовольствия перестает быть доминирующей, оно облекается субстанцией эфирного тела и живет в душе рассудочной. Чистое смирение, в котором искоренены последние остатки эгоцентризма, означает завоевание частицы Жизнедуха. Нечто подобное совершается при переходе от души сознательной к Самодуху, когда от рефлектирующего мышления мы переходим к созерцанию, овладеваем созерцающей силой суждения и воспринимаем моральные интуиции. Пока идею, суждение мы почерпнем через столкновение тезиса с антитезисом, мы живем в астрально-физической субстанции души сознательной. Созерцая ее вне тезиса и антитезиса — в объекте, — мы реализуем в себе частицу Самодуха.

Душа рассудочная возникает в результате разрешения противоречия между душевным телом и душой ощущающей, если представление о ней строить согласно рис. 91. Душевное тело является первым ингредиентом становления индивидуального духа; низшее «я» — его второй ингредиент. Это «я» живет главным образом в душе рассудочной, как *индивидуальные состоящие формы*. Иными словами, через душу ощущающую душевное тело метаморфизмуется в форму «я», в тело «я». Такое состояние формы не абстрактно, как в логике, хотя может вмещать в себя и абстрактное.

Чтобы лучше понять это, представим себе еще с одной стороны общий ход становления человеческого существа в пространстве и времени. По окончании зона древней Луны все проявленное бытие одухотворилось и вззошло на высший Девахан, стало, по сути говоря, сотворенным еще на древнем Сатурне человеком, но в состоянии единства дарованных ему Духочеловека, Жизнедуха и Самодуха. Это единство образовало план будущего, земного, зона, где человек был одарен искрой Я — проекцией высшего триединства духа в инобытии. В зоне Земли человек низошел в новый цикл эволюции по четырем ступеням состояния формы и стал четырехчленным человеком Земли (рис.128; стрелка 1). Затем в четырехчленном человеке

началось развитие тройственной души. На промежуточном этапе образовалось душевное тело как единство физического, эфирного и астрального тел: феномен высшего прафеномена, триединого духа. Благодаря телу душевному, физическое состояние формы приняло трехмерный характер, оплотнело до состояния вещества, а затем, воздействуя на физическое тело, вызвало к жизни душу ощущающую.

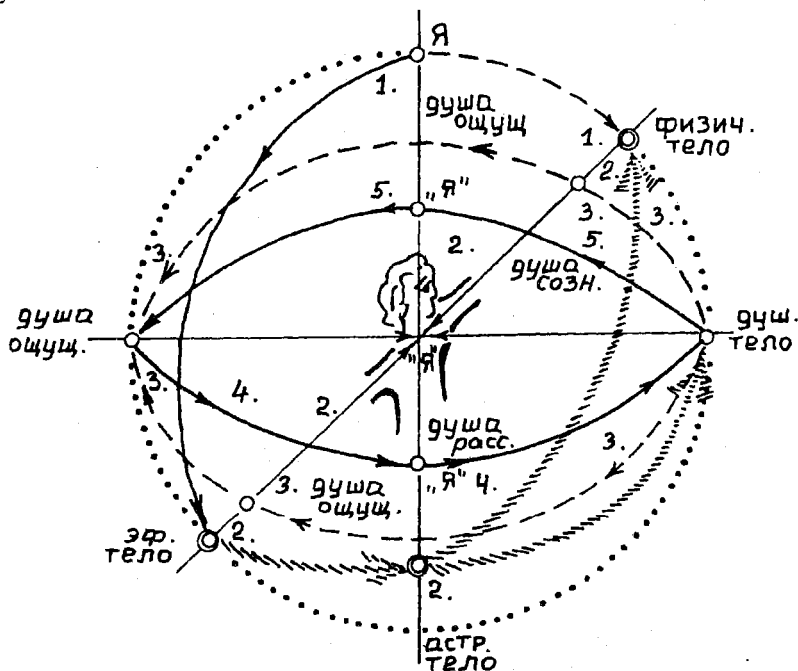

Рис. 128

Душевное тело стало, фактически, точкой приложения люциферических и ариманических сил в их атаке на становящегося человека, поскольку оно являет собой единство трех тел в их ориентированности на становление индивидуального «я» (стрелка 2). Душевное тело — это своего рода противоположность высшего Я, форма его инобытия, в котором, хотя и в совершенной смутности, присутствует первый зачаток самосознания в неразрывном единстве с бытием. Такое состояние душевного тела позволяет Я уже в ином измерении воздействовать на физическое тело и давать ему направление к развитию высшей нервной деятельности, что приводит к образованию внутри формы душевного тела (но так, что его *внутреннее*

становится *внешним*) первого ингредиента трехчленной души — души ощущающей (стрелка 3).

Итак. Земля, четвертый зон, рождает четырехчленного человека — всецело плод творения высших Иерархий. Затем на базе прафеноменальной троичности (она производит три тела) четвертый принцип, дар Духов Формы (Я), творит свое иное — душевное тело. Возникает четверичность в инобытии, отчего все три тела принимают иной характер, отрываются от своего Божественного первоисточника и подчиняются законам эволюции видов. Далее высшее Я ведет развитие через посредство душевного тела. И снова в силу вступает триединый принцип, а сознание отделяется от бытия.

Низшее развитие идет через подражание высшему, но принимает вторичный, отражательный характер. С возникновением души ощущающей Я уходит на шаг далее от себя и оживает в «я». Вслед за тем сгущается еще одно триединство, в котором Я присутствует как «я» без какого-либо опосредования. И в оболочке душевного тела тогда рождается душа рассудочная (стрелка 4; рис. 128). Ну, а далее импульс «я» погружается в астральное тело души ощущающей и метаморфизировывает, высветляет ее до души сознательной (стрелка 5).

Полученный рисунок довольно просто раскрывает нам соотношение всех ингредиентов тройственной души. Лишь первый из них — душа ощущающая, имеет отношение к трехмерному пространству, благодаря чему нам становится доступен опыт внешних чувств. Но когда он уже получен, то и душа ощущающая начинает покидать трехмерное пространство.

Душа ощущающая выступает в человеческом существе в двух аспектах и играет двойную роль. Однажды она выявляется, когда от плоскости четырехчленного человека физического тела, эфирного, астрального и Я «отслаивается» плоскость симметрии, где высшей силой Я, дифференцирующей родовое астральное тело, формируется душевное тело, а затем душа ощущающая (см. рис. 91). Возникает человек трехмерного пространства. В нем зарождающемуся опыту восприятий чувств, эгоцентризму противостоит деятельность Ангела внутри души. Ангел в таком случае как групповое Я образует высшее, доиндивидуальное единство души рассудочной и сознательной в исходной плоскости трех тел и «перпендикулярно» соотносит его с опытом души ощущающей, нарождающегося «я»*. «Перпендикулярность» в данном случае выражает соотношение чувственного и сверхчувственного.

Но постепенно индивидуальная эволюция все более перемещается в плоскость симметрии. Что некогда «отслоилось» от мировой двух-

* См. в этой связи рис. 113, который теперь получает дальнейшее раскрытие; возникает дополнительный аспект и для рис. 91.

мерности, становится всеопределяющей двухмерностью индивидуального духа, в которой человек окончательно овладевает своей тройственной душой, как это показано на рис. 127. Что касается горизонтальной плоскости, то ее существование снимается по мере преодоления люциферического и ариманического влияния в многочленном человеке, по мере перенесения воли в мышление, что означает выход в верхний «конус» бытия (см. рис. 72), в мир первого откровения.

Итак, в индивидуальной эволюции душа рассудочная развивается в плоскости симметрии и в направлении, противоположном развитию души ощущающей (не под прямым углом, как это было на доиндивидуальной стадии развития). Для нее душа ощущающая — пройденный этап, а преобразование душевного тела в «я» — цель, приходящая из будущего. Ее общая констелляция показана на рис. 129.

В онтогенезе души рассудочной некоторая связь с трехмерным пространством сохраняется. Она обусловлена «подпиткой» симпатии и антипатии процессами, происходящими в душе ощущающей, удовольствиями и неудовольствиями, обусловленными процессами во внешнем мире, в том числе и жизненными процессами. Но по мере того, как душа рассудочная вырабатывает собственное содержание и субстанцию, она как бы поворачивается на 90° и входит в плоскость симметрии. При этом она получает свое, не подверженное непосредственному действию Люцифера и Аримана пространство. Оно есть пространство нашего «я», изживающего себя в устойчивых чувствованиях и понятиях. Извне их атакуют Люцифер и Ариман через физиологические функции, вождения, восприятия чувств, но все это образует лишь внешнюю оболочку «я» (ее, естественно, образуют и добрые влияния извне) — тело «я». Внутри же «я» всему вредному доступа нет. В его сокровенном внутреннем оживает высшее субстанциональное Я — меч иного, по сравнению с мечом души ощущающей в ножках душевного тела (см. «Теософию»), рода. Это о нем Христос сказал: «Не мир, а меч принес Я в мир».

Позиция, в которой Ариман атакует нас сзади, а Люцифер спереди, соответствует душе ощущающей. В ней Ариман действует через физическое органов восприятия, жизненных процессов, и мы этого действия прямо не осознаем. Люцифер же в вождении предстает самосознанию. В душе рассудочной первостепенную опас-

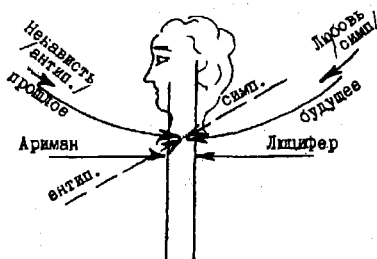
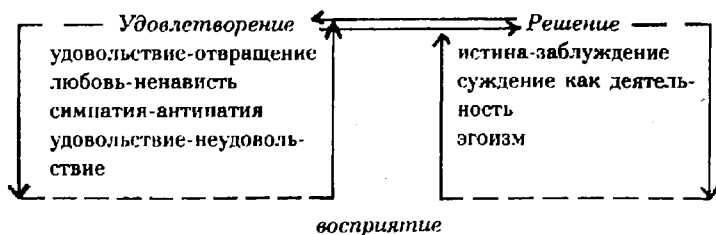

Рис. 129

ность представляет ариманическое искушение. Здесь Ариман подступает спереди. В этом факте скрыта тайна всей мировой истории. Все движение культурных эпох с востока на запад вело к индивидуальной выработке души рассудочной. Ей на выручку на Землю пришел Христос. Прафеномен «заката Европы» состоит в действующем навстречу движущемуся с востока на запад культурному импульсу импульсе Аримана. В пятую культурную эпоху эволюция культур начинает делать поворот с запада на восток. С ним связана выработка души сознательной, и в помощь ей в мир западной культуры пришла Антропософия, ознаменовавшая наступление истинного Христианства: *ex okcident lux*.

Рудольф Штайнер говорит, что если душевное движение замирает на пороге восприятий чувств, то возникает восприятие внешнего мира; если оно замирает, не достигнув границы чувств, то возникает ощущение (115, стр.85—86). Процесс этот протекает бессознательно и достигает души рассудочной как ощущение чувствований. Там в него вступает сильная деятельность суждения. Фактически, здесь суждение выступает как вожделение высшего рода, в нем проявляется высшая сила отношения Любви и Мудрости. В душе возникает вожделение их синтеза, осуществляемого через выработку представлений. Но наследие души ощущающей к ее низшим вожделениям создает тут помеху. В оппозиции к таким вожделениям в душе рассудочной рождается ненависть, а из устремления к душе сознательной — любовь. Любовь и ненависть, соединяясь внутри души с деятельностью суждения, рождают чувствования. Но они могут и не соединиться с суждением. Тогда душа рассудочная погружается в стихию души ощущающей, а далее — рассудочная деятельность свергается атаками Люцифера, наступает тонкая или грубая форма безумия. В первом случае человек становится рабом определенных чувствований: высокомерия, зависти и т. п. (Филипп IV, маркиз де Сад, Дон Жуан); во втором — примеры мы находим уже в древней римской истории, когда появляются одержимые цезари, типа Нерона, Калигулы.

О возникновении чувствования в душе рассудочной мы уже говорили. Вожделение вспыхивает при соприкосновении души с внешним миром. Что в ней от него остается, мы называем удовольствием и отвращением, наслаждением и страданием. Деятельность суждения, приходя сверху, устремляется через врата восприятий чувств во внешний мир и сохраняет в себе от соприкосновения с ним осознанное чувство истины или заблуждения. Итак: удовольствие и отвращение, чувство истины и заблуждения — таковы четыре составляющие жизни чувствований. Из них первые две разрешаются в Любви, которая знаменует победу удовольствия в связи с разрешением второго противостояния (истины и заблуждения) в *решении*.

Когда человек принимает решение на основании познанной истины, то он испытывает удовольствие; он тогда совершает поступок из любви к нему. Любовь тогда рождает чувство удовлетворения, а присутствие истины освобождает ее от всего субъективного, от симпатии и антипатии, как побуждений к действию. Любовь к поступку поднимается над ними, она мотивирована высшим, которое стало совершенно личным достоянием субъекта. Рудольф Штайнер называет такой поступок свободным. Но совершается он не душой рассудочной. В ней создается лишь свободное пространство для индивидуальных чувствований и деятельности суждения в познании. Когда они приходят к единству, то в душе рассудочной возникает ощущение «я», а затем чувство «я». Причем первое приходит извне и образует оболочку «я», второе всецело принадлежит нам. В чувстве «я» наше астральное тело в наибольшей мере покидает нас и отождествляется с другим «я», получает от него новую конфигурацию. А то, что его конфигурирует, само соткано из переживаний любви, ненависти и деятельности суждения.

Недостаток истины, жизнь в неудовлетворенности — они ослабляют «я» и могут даже привести к болезням, поскольку вождения в таком случае остаются неразрешенными. Неудовлетворенное вождение стягивает душу в сферу Аримана и Люцифера, где удовлетворение вообще невозможно, а лишь безграничный рост самих вождений. Удовлетворение возможно лишь внутри самой души, при отказе от внешнего возбудителя вождения, но при таком отказе, когда в душе возникает не пустота, а *собственное внутреннее содержание*.

Рудольф Штайнер приводит по этому поводу один пример, где говорит о двояком отношении к произведениям искусства. В одном случае можно вождеть обладания произведением искусства, в другом оно становится нашим достоянием в эстетическом переживании и суждении, которые порождает в нас. Обладание одним произведением искусства рождает желание (вождение) обладать еще и еще одним — без какого-либо плода в самой душе. Развитие же эстетического вкуса рождает удовлетворение как способ преоб-

ражения души, которое становится вечным достоянием души, не зависящим от внешних объектов.*

Душе рассудочной даны и другие вспомогательные средства для развития «я». Одно из них — совесть. О совести можно сказать, что она оживает в нас, когда *чувство удовлетворения совпадает с переживанием высшей истины*. Душе рассудочной это может быть дано как готовый результат. Но от результата можно пойти назад, и мы тогда обнаружим в душе источник спокойной или беспокойной совести. Мы тогда можем узнать, что удовлетворение или неудовлетворение мы получили от соответствия наших дел тому, что безусловно истинно. Совершив поступок по совести, мы даем высшему возможность действовать в низшем и видоизменять его; в том числе и саму нашу душу.

Раньше, до возникновения совести, в помощь человеку были даны заповеди. До того, как деятельность суждения в человеке обрела способность находить истину вне его души, во внешнем мире, из этого внешнего (которое следует мыслить и как духовное) истина сама входила в него и, как заповедь, воздействовала на сферу его вожделений, давая строй и направление проявлениям симпатии и антипатии. Заповедь вытаскивает человека из вожделений души ощущающей и порождает в нем высшее вожделение — вожделение Царства Небесного, что по сию пору выражается в нас как жажда самоусовершенствования, обретения собственного высшего внутреннего содержания.

Душа рассудочная потому является первым элементом в полном смысле слова собственной, индивидуальной жизни человека, что в ней «овнутряются» все мировые противоположности, из которых рожден человек и которыми держится (эволюционирует) весь тварный мир. Сойдясь в человеке, эти противоположности и разрешаются в нем в виде плодов личности. Кроме человека подобную деятельность совершает Божественное Троиединство — наивысшее, всеобъемлющее Я мира. Только там плодом ее деятельности является сотворенная Вселенная с бесконечным многообразием форм бытия и сознания — Макрокосмос; в человеке его индивидуальная вселенная явлена как микрокосмос.

Душа рассудочная во многих отношениях занимает срединное положение. Она, как и весь многочисленный человек, ткется на сопряжении прошлого и будущего, в динамическом настоящем. Кроме того, она занимает среднее положение в трехчленном человеке обмена веществ, ритма и нервно-чувственной деятельности, опираясь по

* На более или менее осознанном (отцами психоанализа) понимании этого закона души основано его фундаментальное искажение теоретиками сексуальной революции.

преимуществу на ритмическую систему дыхания и кровообращения. В ней сходятся полярные противоположности тройственного духа и тройственного тела (см. рис. 118). При этом повсюду, где сходятся противоположности, в мире или в человеке, возникают симпатия и антипатия, поскольку все во Вселенной одушевлено и одухотворено. Противостояние Я и не-Я на макрокосмическом уровне сопровождается бытием симпатии и антипатии (аристотелева категория «страдание»), поскольку противостояние пронизано астральным, а где есть астральное, там есть ощущение, а где есть ощущение, там возникает противостояние симпатии и антипатии*.

Все человеческое существо есть результат космической симпатии и антипатии. Например, наша голова, говорит Рудольф Штайнер, «выдохнута» космосом, есть результат его антипатии. Ее круглая форма является отображением космоса. А когда в голове наша антипатия, развивающаяся в процессе нервной деятельности, сталкивается с антипатией Космоса, возникает восприятие. Когда, например, мы видим цвет или свет, то в глазном нерве возникает не просто антипатия к этому процессу, а отвращение (ведь он разрушает нерв!). А когда к глазу приливает кровь — оживляющий принцип, сопровождающийся чувством симпатии, — то в результате возникает нейтральный акт зрительного восприятия. Что дело обстоит именно так, мы убеждаемся всякий раз, когда одного из процессов не хватает для полного покрытия другого.

Погружаясь в люциферически-ариманическую сферу, симпатия и антипатия принимают более инстинктивный характер, превращаясь в алчность и отвращение. Они тогда встают на границе жизненных процессов. В нашей груди деятельность сердца и легких облагорожены, по сравнению, скажем, с обменом веществ, противостоянием симпатии и антипатии. Еще более ими может быть (или не быть) облагорожен жизненный процесс репродукции. В целом в человеческом организме имеется три очага взаимодействия симпатии и антипатии. Первый из них находится в голове, где взаимодействие крови и нервов выходит за пределы органического, порождает восприятие, феномен памяти и др. Симпатия и антипатия, как противоположности, могут соединяться лишь с помощью чего-то третьего, в результате какого-то скачка. И везде, где такой скачок имеет место, обнаруживается взаимодействие симпатии и антипатии. Второй скачок происходит в спинном мозгу, там, где от него отходит так наз. остистый (шиповидный) отросток. Наконец, третий скачок возникает в ганглиевых бугорках симпатической нервной системы (193; 8.П). А в целом мы получаем трехчленного человека, заклю-

* Вопрос *уровней* осознания ощущений должен ставиться в иной плоскости, что уже неоднократно делалось нами.

ченного между двумя плоскостями, к которым подступают действия Люцифера и Аримана.

Тому обстоятельству, что космос «выдохнул» нас, мы обязаны нашей свободой, которую мы реализуем, овладевая мыслящим сознанием. В нем космическая воля, вытолкнувшая нас в инобытие, вновь приходит к себе через иное. Так рождается наше «я». Все, что проявляется в нем как активная воля, обуславливает бодрственное предметное состояние сознания-симпатии. Наиндивидуальная воля живет в бессознательном-антипатии. Это спящая воля, она продуцирует отрицательные суждения: космос, выдохнув нас, отрицает себя в нас, в нашем бессознательном. Бодрственная воля продуцирует утвердительные суждения, *тетические* по типу, но в них космическое не возвращается к себе. Чтобы оно к себе вернулось, человек должен научиться отрицательное и положительное сводить к синтезу, рождать умозаключения актом собственной воли. Умозаключение поднимает нас над симпатией и антипатией, а до тех пор, пока мы живем в них, нас ведут люциферические и ариманические существа, вмешивающиеся в космическую волю на ее пути к нам. Не следует думать, что и в наших симпатиях живет только Люцифер, — нет, он обитает там лишь постольку, поскольку бытие симпатии обуславливается противостоящей ей антипатией. Симпатия же, стоящая на самой себе, — это любовь. И мы можем понять, почему Рудольф Штайнер говорит, что одухотворенная сила любви одного рода с силой восприятия (35; стр.402).

Восприятие, как мы уже говорили, — это нейтральный процесс в человеке, он представляет собой синтез симпатии и антипатии, проявляющихся на досознательном уровне, в крови и нервах. Иными словами, *восприятие есть первая ступень синтеза мировых противоположностей в человеке*. Он совершается у входных врат нашей души. У других врат, ведущих из души в индивидуальный дух, встает любовь — высший синтез. Это духовная любовь. Ей не противостоит ничто, но через нее нечто рождается. Как из восприятия рождается ощущение (восприятию не противостоит не восприятие: запаху — не запах, вкусу — не вкус и т. д.), так *через любовь рождается созерцающая сила суждения. Она рождается из чистой любви к объекту. И тогда нашему свободному духу открывается мудрость. Но если любовь носит чувственный характер, то ей противостоит ненависть — одна из форм эгоизма*.

Симпатия и антипатия наполняют не только наш мир. Из них состоит другой мир, в котором мы пребываем до рождения и после смерти. Мир тот простирается до нижнего Девахана, пребывая в астральном состоянии формы. За вратами смерти, говорит Рудольф Штайнер, начинается «...царство всеобщей способности ощущения... господство симпатии и антипатии». Там, так сказать, и руки нельзя

протянуть, не вызвав тут же в окружении удовольствие или страдание (182; 29.XI). Восхождение души после смерти через сферы душевного и духовного миров обусловлено ее способностью отдаваться симпатии и антипатии. (Рудольф Штайнер подробно говорит об этом в «Теософии» и «Очерке тайноведения».) Так что вся работа и борьба, которые мы ведем за овладение высшими проявлениями нашей души, не кончаются в момент физической смерти, а имеют гигантское, прямо-таки космическое продолжение, где содеянное в земной жизни определяет судьбу жизни посмертной, а из той, в свою очередь, ткется план следующей земной инкарнации.

Однако и для Земли не безразлично, что человек делает из себя в ходе жизни. Многие принесено в жертву, закрепощено в материальном бытии ради человека. Своим высшим развитием он сначала оплачивает долги. «Человек, — говорит Рудольф Штайнер, — распространяет вокруг себя ауру, сияющую ауру, благодаря чему постоянно обогащается духовно-земной элемент... (в нем) содержится все то, что человек передает Земле как моральное и многое другое — как человеческие качества, которые он несет в себе, вырабатывая их в жизни. ...человек постоянно посылает в мир свою моральную, интеллектуальную и эстетическую ауру, и эта аура, как Дух Земли, живет затем далее в земной духовности» (155; 16.VII). Эту работу мы совершаем в субстанции космического жизненного эфира. Мы превращаем его в духовный элемент Земли и тем готовим Землю к грядущему одухотворению, а также и к следующему планетарному воплощению.

Жизненный эфир, «Древо Жизни», от которого не вкусить, не освободившись от первородного греха, связан с нашим высшим Я. Сила освобождения от греха — свет познания, но не абстрактного; здесь необходим световой эфир, действующий в душе рассудочной. Христос — высшее Я (Путь, Истина и Жизнь) — через световой эфир светит во «тьму» нашей души рассудочной, терзаемой симпатиями и антипатиями, пока мы не выработаем добрые качества, а с ними — индивидуально поволненное мышление. А тогда произойдет одновременно и освобождение от греха, и причащение от даров «Древа Жизни». Наше сознание тогда соединится с бытием, и мы приобретем черты существ, творящих в сущностном.

Итак, моральное, интеллектуальное, эстетическое, — когда они в человеке приводятся в соответствие с законами высшего бытия, тогда человек священнодействует: пресуществляет саму Землю и все, обитающее на ней. Понимания этой задачи вполне достаточно, чтобы импульс к постоянному самоусовершенствованию почерпать из самого себя. Самоусовершенствование же состоит в познании и в выработке определенных душевно-духовных качеств. Их преобразующее действие простирается во все члены человеческого суще-

ства, видоизменяя характер и интенсивность текущих через человека из прошлого и будущего субстанционально-силовых потоков.

Сознательная работа над качествами становится возможной после индивидуального овладения душой рассудочной, поскольку новые качества становятся поистине нашим приобретением, лишь закрепившись в эфирном теле, в световом эфире. Оттуда они текут в две стороны: 1) к тепловому и звуковому эфиру; 2) к жизненному эфиру (см. рис.38). В своей совокупности качества, выработку которых рекомендуют христианская святоотеческая традиция (см. «Добротолюбие») и Антропософия, творят внутреннее содержание нашего низшего «я», приводя его к метаморфозе в высшее Я. Оболочку низшего «я» ткут восприятия чувств и процессы в астральном теле. По мере же развития «я» само превращается в оболочку для высшего Я.

Рудольф Штайнер дает немало описаний человеческих качеств и их действия на наше многочленное существо, например: «Истина есть нечто сверхчувственное, но ...связана она непосредственно с деятельностью, с процессами, протекающими в голове. ...Истина захватывает непосредственно эфирную часть головы и переносится, как истина, на физическую ее часть. ...Познание, восприятие, истина — они так захватывают человека, что окружающий его внешний мир, проходя через «я» и астральное тело, поскольку они участвуют в головной деятельности, действует извне вплоть до эфирного тела. ...Поскольку же человек не способен сознательно погружаться в эфирное тело, то истина приходит к нему как нечто готовое. В том и состоит потрясающее, изумительное в процессе посвящения, что человек начинает истину, какой она пульсирует в эфирном теле, ощущать как нечто столь же свободное, как в ином случае он ощущает в астральном теле пульсацию в себе морального или прекрасного. ...Человек приходит к более свободной взаимосвязи с истиной, а потому — к более ответственному отношению к ней. Если же истина приходит к нему бессознательно, то она приходит в готовом виде, и мы пользуемся обычной логикой, говоря: это истинно, а то ложно. Человек тогда куда менее отвечает за истину, чем в случае, когда он знает, что в основе своей истина столь же зависит от глубоко лежащих чувств симпатии и антипатии, как и моральность, и красота...» (170; 5.VIII). Поэтому моральность, эстетическое воспитание уже в посюстороннем готовят нас к переживанию Божественной Мудрости, которой сотворен мир, к познанию-переживанию Божественной Софии, у трона Которой стоит рождающая Бога в человеке чистая, духовная Любовь.

Без любви и красоты человек погружается в бездну лжи и аморальности. Поняв это, мы уже не будем иметь двух мнений о разрушающих феноменах современной идеологии и массовой культуры.

Нам тогда уже не покажется, будто бы в современной политике или рок-музыке являются то михаэлиты, то михаэлические импульсы (такое порой утверждается в антропософской среде). Споры о том ведут до тех пор, пока остаются в абстрактном и в животной природе человека.

Отказ от поиска истины, от борьбы за нее, от познания, от интеллектуального вообще есть грех против Духа Святого, о котором сказано, что он не будет прощен. Можно, правда, возразить, что интеллектуальное и познание истины далеко не всегда совпадают друг с другом. Однако попробуем представить себе человека, познавшего истину и не способного выразить ее ни в одном понятии. Такое состояние духа близко к сновидческому. И не следует путать его с другим, когда в прошлом посвященные истину познавали, но по тем или иным причинам не говорили о ней.

О необходимости выработки качеств говорили и древние. Платон советует упражняться в четырех добродетелях: мудрости, сердечности, вернее, способности к деятельности, содержащей в себе сердечную силу, рассудительности и справедливости. Ему, как ученику Мистерий, было известно, что выработка перечисленных добродетелей производит положительные изменения соответственно: в «я», астральном, эфирном и физическом телах. При этом мудрость, поясняет Рудольф Штайнер, как истина действует через мысли, извне она подступает к «я» и астральному телу, а затем к эфирному телу головы. Далее, если мы хотим истину почувствовать, то она должна излучиться в грудь. Так спиритуальное переживается как моральное. В физическом теле, через мозг, мы связаны с существами из сферы мудрости. При эстетическом подходе к вещам мира нашу голову окружают элементарные духи природы: эльфы, саламандры и т. д. (170; 6.VIII).

Добродетель справедливости работала в нас, когда мы были детьми, в силах, сделавших нас прямостоящими существами. Во взрослом состоянии справедливость определяет меру связи человека с Богом; несправедливость, напротив, означает потерю связи с нашим Божественным происхождением.

Становясь мудрыми, мы преобразуем астральное тело в Самодух. Сердечность, как сила мужества в нас, позволяет нам освободиться в нашем «я» от эфирной и физической оболочек, не теряя с ними связи. Рассудительность освобождает «я» от всех трех оболочек (159; 31.I).

Рассудительности свойственна также умеренность — добродетель, уберегающая от крайностей; ею совершенствуется душа сознательная.

Справедливость и мудрость указывают нам на прошлое, когда мы еще пребывали в лоне Бога. Мужество и рассудительность (умеренность) светят в будущие инкарнации. Мудрость и справедливость

нельзя развивать, не преодолев эгоизм, поскольку они делают нас членами единого человечества (159; 31.I).

«Истина, — читаем мы у Рудольфа Штайнера, — родственна физическому телу, красота — эфирному телу, добро — астральному телу». «Нечестный человек ...лжец отрезает себя от своего духовного прошлого. Тупое презрение к прекрасному желает основать на Земле места, где человеку не светило бы Солнце духа... Человек, отрицающий добро, отрицает, собственно говоря, свое духовное будущее» (220; 19.I).

Эстетическое воздействует на наше астральное тело, «...действует так, что возникает изумительная игра между астральным телом, которое интенсивно связано со всякой подвижностью — будь то нервная или мышечная, — и той частью астрального, которая менее связана с подвижностью. Астральное тело находится в ином отношении к голове, чем к остальному телу. Поэтому человек имеет две астральности: относительно свободную в голове и связанную с физическими процессами в астральном теле. И эта свободная и связанная астральности начинают играть одна в другой через эстетические импульсы» (170; 5.VIII). Так душа сознательная воздействует на душу ощущающую, что находит свое выражение в нравственном вкусе, такте.

В эволюции мира справедливость берет свое начало еще на древнем Сатурне, истина — на древнем Солнце. Благодаря истине эфирная часть нашей головы открывается космосу. Свое завершение развитие истины получит на будущем Юпитере. Красота берет свое начало на древней Луне, а завершения достигнет на будущей Венере. В красоте наше астральное тело открывается космосу. Моральность родилась на Земле. Она связана с нашим «я». Некогда «...все, пульсирующее в огневых процессах крови, станет очищенным «я», и тогда «я» станет моральным, полностью охваченным моральным. ...сила «я» и сила морали станут одним, а тепло крови ...станет святым огнем Вулкана» (170; 5.VIII). Так изначальное тепло Духов Воли вернется к себе, но в ином — в Духочеловеке, который впервые был явлен на Земле через Мистерию Голгофы. Тайна страстной Пятницы — это тайна очищения крови от эгоизма и материи.

Итак, в ходе эволюции мира мы имеем еще одну составляющую, соединяющую в единую цепь все семь эонов творения, семь ступеней мировой метаморфозы (рис.130). Для индивидуальной эволюции эта составляющая имеет наибольшее значение по той причине, что в ней как бы сходятся воедино начала и концы эволюционного процесса: наивысшее Триадиное Божество и Его тварное подобие — индивидуальная душа, я. По сути говоря, нет иного, сильнее говорящего уму и сердцу выражения для эволюции мира и человека, чем указан-

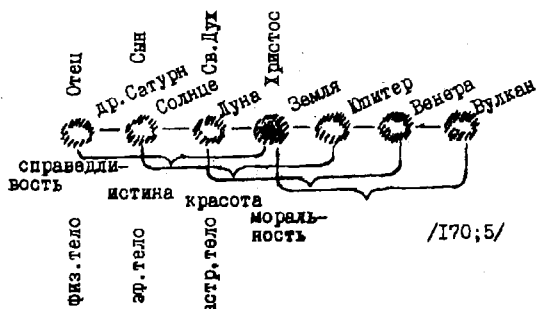

Рис. 130

ная цепочка добродетелей. Ее можно и необходимо осмыслить на всех уровнях проводимого нами исследования.

Прежде всего, она находится в полном соответствии с онтологическим рядом категорий. Вспомним интересную мысль Б. Вульфа (мы приводили ее в первой главе) о четвертой категории Аристотеля — «отношение», — что в познающем сознании она встает на первое место (где находится «субстанция») и «обозначает интервал между третьей Ипостасью Бога и первой». И это есть Сын Божий, приводящий к откровению все «отношения»: «Нет ничего тайного, что не стало бы явным».

Идя далее от теории познания через религиозную философию, к учению об эволюции мира, мы говорим о том, что исполнение миссии древнего Сатурна дало человеку физическое тело и волю, древнего Солнца — эфирное тело и чувство, древней Луны — астральное тело и способность мышления. На Земле человек обрел «я», а в нем — задачу привести три вышеназванные силы в равновесие. И поскольку речь идет о задаче для «я», то равновесие следует мыслить не на инстинктивном уровне, а на индивидуально осознанном. Правда, тут встает вопрос: как сознательно уравновесить то, что сознанию непосредственно не дано? Не говоря об оболочках, вспомним, что и тот порядок, который мы получили в наших чувствах, мыслях и волеизъявлениях к началу послеатлантической эпохи, был результатом трех космических жертв Христа, совершенных Им через Натанову Душу. И этот порядок снова пришел в хаотическое состояние по мере становления я-сознания в тройственной душе. Правда, новый хаос не столь губителен для человека, как древний, и с ним человек, обладающий «я», способен справиться сам. Он способен на это благодаря добродетелям.

Равновесие трех сил: мысли, чувства и воли — а благодаря ему тройственное тело претворяется в тройственный дух, — достигается с помощью добродетели моральности, высшее выражение которой

есть любовь. *Взаимодействие* этих трех сил, говорит Рудольф Штайнер, есть «*деяние любви*». В нем развитие в трех прошлых зонах приходит к своему результату. Там, в прошлом, через *посредство* девяти Иерархий возникло тройственное тело. Но поскольку в своем первообразе оно творилось в лоне Триединого Бога, то мы вправе искать в этом теле и Его *непосредственное* присутствие. Так вот, им-то и являются три первых из приведенных на рис.130 добродетелей.

Бог-Отец *непосредственно* присутствует в эволюции мира как Справедливость, Бог-Сын — как Истина, Бог-Дух Святой — как красота.

Эволюция мира проходит через состояния сознания, жизни и формы, через три состояния творения. И все они исходят из чего-то первоначального, которое в своей сути остается в состоянии Пралайи. Это первоначальное мы называем *абсолютным Я*. Оно одно и *триедино*. Так возникает мировое отношение 1:3, и мы получаем *изначальную четверичность*. В ней все сущностно, ибо в этом отношении 1:3 речь не идет о Я и не-Я; Я даже в своей обращенности к миру всегда остается надмировым. Но далее, в творении, его «три» многократно опосредуется Иерархиями. Иерархии в своей связанности с творением (не в вечности) входят в мир не-Я, но при этом образуют Иерархию отношений с Я, а не противопоставлений ему, как это имеет место в «я». Поэтому Иерархиям не нужно жертвовать своим «Я», чтобы пережить себя в Я. Они живут одновременно в двух состояниях сознания: в вечности, в лоне Я всеединого Бога, и они тогда суть части мирового тела Бога, и в Божественном откровении, для которого они образуют «лестницу» из 3х3 ступеней, каждая из которых имеет свое «Я». Таким образом, *между Я и не-Я существует отношение в виде множественности «Я»*. Об этом говорят сами Божественные Имена:

Сын	I Серафимы — Духи Вселюбви, Воспламенители огня
	II Духи Мудрости Полные света, славы, величия — Herrlichkeiten
Св. Дух	I Херувимы — Полнота Софии, Духи Гармонии
	II Духи Движения — Добродетели
Отец	I Духи Воли — Лучистые Жизни, Лучистые Пламена
	II Духи Формы — Духи Света

Серафимы, как мы помним, восприняли план мира от высшего Триединства. Они же есть Вселюбовь и Огонь. Обработала эту цель Полнота Софии. Лучистые Пламена принесли жертву. Итак: Вселю-

бовь (которая есть также Мировой Огонь) — Божественная Премудрость — Свет (который есть Огонь и Жизнь). Все три силы образуют равносторонний треугольник, обращенный (если смотреть с плана творения) вершиной вверх: первая Иерархия «лицезреет Бога». Вторая Иерархия также образует равносторонний треугольник, но направленный вершиной вниз — к творению.

В этих треугольниках все субстанционально, космично, сверхчужственно. И вначале обе Иерархии следует мыслить направленными вверх. Тогда в первой Иерархии соединяются Любовь (Огонь) и Мудрость (Свет), во второй — Мудрость (Гармония) и Добродетель, в третьей — Лучащийся Огонь (Жизнь) и Свет. Затем второй треугольник обращается вершиной вниз, и образуется *отношение* (взаимосвязь) между двумя треугольниками. Оно рождает нечто *четвертое* (седьмое) — вещьественность древнего Сатурна, физическое тепло (рис. 131).

Что привело эти треугольники в движение? — Некое «сдвижение» внутри высшего Триединства. Господствуя как вечность над творением, Триединство с давних пор выражается в виде осмысленного образа равностороннего треугольника со всевидящим оком внутри. Так изначально, в образе, индивидуальному сознанию явлена тайна од-

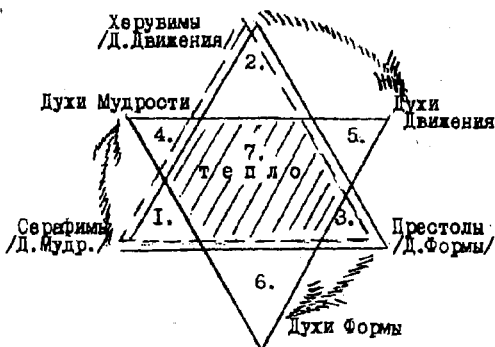

Рис. 131

новременно единого и триединого Бога. Принцип Бога-Отца (всевидящее Око) олицетворяет собой Единство равноудаленных от Него Ипостасей; и Он же в триединстве есть Ипостась. В единство уходит Божественная Троица по ту сторону бытия и сознания, — в неизреченное. Оттуда на эту сторону единство светит как всевидящее Око. Но когда начинается акт творения мира, выступает принцип: «Отец послал Сына в мир» и все (в творении) вверил Ему. Поэтому Христос в пространственно-временном образует идеальное отношение с неизреченным единством, с единым Богом. Поэтому в творении Христос есть единый Бог. Но Он един по-другому по сравнению с изначальным единством. Три Ипостаси Бога, сходясь в единстве, *покидают мир откровения*; через Христа же, как единого Бога, *три Ипостаси приходят к откровению*. Христос в зоне Земли образует четвертый принцип по отношению к трем принципам

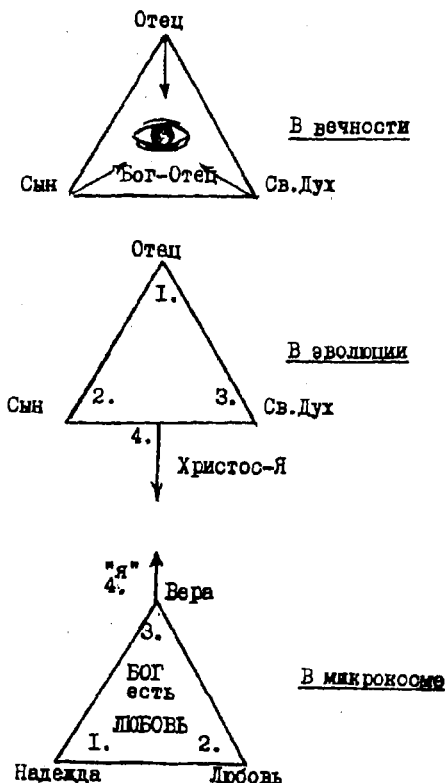

Рис. 132

триединого Бога. В высшем Триединстве Христос — Регент древнего Солнца; в зоне Земли Христос — четвертый принцип и одновременно *единый Бог Откровения*.

Соединяясь с земным человеком, единый Бог Христос выступает в третьем аспекте, как единый центр трехчленного человека, потому что главной добродетелью Земли становится моральность. Моральность есть главный двигатель развития человека от низшего «я» к Я высшему. И высшее Я оживает в индивидуальном человеке как Я Самого Христа. Таково явление единого Бога в низшем треугольнике человека. Он явлен в нем не как всевидящее Око, а как принцип: Бог есть Любовь (рис. 132).

В полноте эволюционного процесса семичленный принцип творящих сил (рис. 131), будучи перенесенным на существо человека, получает следующее выражение (см. рис. 133).

Вера, Любовь, Надежда — эти три укореняющиеся в микрокосмосе добродетели с помощью моральности зона Земли, благодаря Любви Самого Бога, претворяют в течение трех грядущих зон тройственное тело человека в тройственный дух.

Рис. 133

В одной из лекций Рудольф Штайнер говорит о Христе, что Он есть та Сила, которая минерал замыкает в кристалл, растение гонит в рост, животное вводит в жизнь желаний, а человека ведет от несовершенства к совершенству.

Христос одухотворяет любовь, чтобы в ней не действовала просто природная потребность. Он основывает закон, но такой, который подходит к человеку не извне, а как внутренняя потребность в нравственности.

Нравственность погружается в любовь, как прежде в нее погружалось природное. «Прежде тело находило тело по естественному принципу; в Христианстве душа находит душу в высшей любви благодаря принципу Христа» (54; 22.II). Так единый Бог Христос претворяет наше низшее «я» в господина всего нашего многочисленного существа. Мы через земную любовь, делающую человека регентом внутри эволюции видов, поднимаемся до космической Любви*.

Что касается триединства веры, любви и надежды, то Рудольф Штайнер сообщает нам по поводу их следующее: «Силы веры — это силы астрального тела; и как верно выражение «астральное тело», так верно выражение «тело веры».

«Эфирное тело есть в то же время тело любви». «Мы имеем средоточие человеческого существа... сущностное ядро «я». И это «я» окружено, как своей ближайшей оболочкой, телом веры, а затем телом любви». «Далее оно окружено телом надежды, физическим телом» (130; 2.XII).

Человеческое «я» троично, оно трояко выражает себя в человеческом существе: через тройственную душу. Вера, любовь и надежда превращают три души в Манас, Буддхи и Атма (127; 14.VI).

У Рудольфа Штайнера имеется множество других определений, описаний семи, привлеченных в наше рассмотрение добродетелей. Мы не будем приводить их все, а только скажем, что они лишь увеличивают достоверность сделанных нами выводов. Всего добродетелей, душевных и духовных качеств, через выработку которых совершается индивидуальная эволюция, необычайно много, но все они восходят к семи вышеперечисленным.

Если теперь подвести общий итог сказанному о связи развития с добродетелями, то,

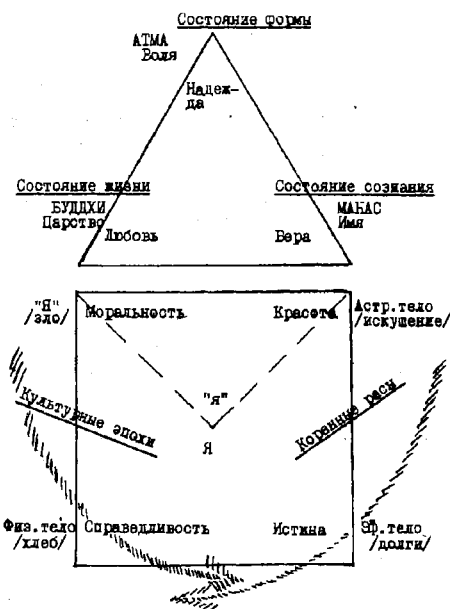

Рис. 134

* Потому и апостол Павел, говоря о вере, любви и надежде, подчеркивает, что любовь из них — наиважнейшая, т. е. он говорит об отношении 3:1.

вновь обращаясь к семичленному существу человека, каким оно дано Рудольфом Штайнером в связи с молитвой «Отче наш» (см. рис. 20), его можно выразить с помощью еще одного рисунка (рис. 134).

Что существенно здесь отметить — это обратное, по отношению к Макрокосмосу, положение состояния формы в человеке. Из высшего Триединства, как исходное, Отчее, выступает состояние сознания. Но поскольку это состояние имеет начало и конец — конец его реализации в человеческом сознании, то в состоянии формы, к которой приходит индивидуальное «я», выражается состояние сознания. Иными словами, в Божественном откровении состояние формы ведомо Ипостасью Святого Духа; в творении состоянием формы управляет Отец. Форма восходит к Нему через Христа, как Духочеловек.

10. Любовь и Мудрость

ТРЕУГОЛЬНИК ВЫСШЕГО ТРИЕДИНСТВА царит над всеми стадиями развития, в результате которого рождается гексаграмма макрокосмоса. Пред Ним в вечности благоговейно склоняются Иерархии. Но вот наступает: «Отец послал Сына в мир», — и принцип единства переходит ко второй Ипостаси, но так, что Она образует отношение между первой и третьей Ипостасями.

Будучи в первом треугольнике (рис. 131) опосредованной Серафимами, Ипостась Сына во втором треугольнике (направленном вершиной вниз) действует через Иерархию Духов Мудрости (древнего Солнце). Так возникает отношение Любовь — Мудрость; оно возникает через единого Бога откровения — Христа. Вот почему вначале они образуют единство — в мире первого откровения. Но во втором откровении они все больше расходятся, поскольку *расходятся бывшие в первом откровении единством состояния сознания, жизни и формы с их переходом в мир второго откровения*. Переход этот сопровождается превращением космической воли-сознания в форму-сознание рефлектирующего мышления. В прошлой эволюции этим были обусловлены ступенеобразные метаморфозы астрального в эфирное, эфирного в физическое, в результате чего физическое стало минеральным, материей, где триединство состояний сознания, жизни и формы распалось почти окончательно*.

От конечной стадии разъединения сознания, жизни и формы начинается их новое соединение: в триединстве физического, эфирного

* Однако тяга к восстановлению былого единства сохранилась во всем. Так, последняя стадия состояния формы — пепел, не имея в себе, казалось бы, ни малейших следов жизни и сознания, оказывается хорошим катализатором в процессе горения.

и астрального тел. Совершается оно «деянием любви», поскольку Серафимы восприняли от Бога план мира. Но для нового триединства необходим четвертый принцип. Им стало человеческое «я». В творении (форме) тогда возникает самобытие и самосознание. Однако «я» не способно из собственных сил уравновесить силы тройственной души и дать им высшее развитие. Поэтому в мир микрокосма входит Бог-Сын и обитает в нем как Бог-Любовь. Внутри инволюции, проходящей сквозь коренные расы и культурные эпохи, Он вызывает индивидуальную эволюцию за счет того, что треугольник духа как бы поворачивает внутрь четырехугольника тройственного тела и «Я», дарованного Духами Формы (см. рис. 134).

Духи Формы ввели в человеческое развитие принцип кровнородственной любви. В их работу затем вмешались отставшие духи Формы, благодаря чему возникли человеческие расы. Деятельностью Духов Личности нормального и отсталого развития в создаваемое расами было внесено историческое развитие; далее тканием Архангелов — опять-таки нормального и отсталого развития — были созданы отдельные народы и языки. Наконец, Ангелы привели отдельного человека «на подобающее ему на Земле место» (121; 11.VI). Так ткалась в прошлом великая сеть любви. С пришествием Христа ей был напечатлен принцип свободы, а с ним — возможность от «я»-эго восходить ко вселенскому Я как индивидуальному достоянию.

Человеческая любовь впервые возникла во временных отношениях. Поэтому и в наивысшем бытии Сын исходит от Отца и Святого Духа и становится между ними историей (Бертольд Вульф). И не только историей. Любовь во времени возникает на основе кровного родства, где древний Ягве — лунный Бог — лишь отражает свет Христа-Солнца, выступает как Лик Божий. Постепенно, по мере прохождения через культуру и историю, человек начинает вырабатывать любовь на пространственной основе, как духовное братство.

Рудольф Штайнер обращает наше внимание на то, что мы живем в смене дня и ночи, где на нас попеременно влияют то Луна — символ Ягве, то Солнце — символ Логоса, являющегося совокупной силой других шести Элоимов, обитающих на Солнце. Через Ягве человеку в течение долгого времени в бессознательном состоянии, во время сна напечатлевалась сила любви. Так человек был подготовлен к восприятию Самого Логоса, силы Его Любви. «Человек на Земле призван к овладению самосознающей любовью. Поэтому в светлом дневном сознании он должен иметь водителя, учителя, который предстал бы ему так, что он мог бы его воспринимать. Только во время ночи, в сумеречном сознании могла быть напечатлена человеку любовь. Но мало-помалу должно было наступить не-

что такое, что дало бы человеку возможность внешне, физически самому увидеть Сущность Любви... Это могло произойти только так, что Существо Божественной Любви, Логос явился на Земле. ...Поскольку человек развился до восприятия через органы внешних чувств, то Бог Логос должен был Сам стать чувственно видимым Существом. Он должен был выступить в плотском теле» (103; 20.V). (См. также рис 31).

Не учение о любви, говорит Рудольф Штайнер, принес людям Христос — это сделал Будда, — а саму любовь, «субстанциональное содержание любви» (114; 25.IX). Поэтому человек, развивая в себе бескорыстную любовь к окружающему, к другому человеку, к людям, причащается высшей, ничем не обусловленной, но все обуславливающей Божественной субстанции. И только это возвращает его низшему «я» присущий ему характер четвертого принципа: самообусловленность (рис. 134).

«Я» в процессе зарождения, становления зависит от многого, но ставшее «я» само начинает все обуславливать. Поэтому Рудольф Штайнер говорит, что деяния, совершенные из любви, не получают и даже не предполагают получения вознаграждения. Так поступает Сам Бог. Он Самого Себя принес в жертву развитию человека из, скажем языком «Философии свободы», чистой любви к поступку, к поступку, который положил начало древнему Сатурну и с тех пор одаряет сонмы существ самобытием и самосознанием.

В земных условиях такой закон деятельности нов, необычен. Мы постоянно пытаемся давать ему оценку с точки зрения эгоизма, и потому столь трудно продвигается развитие «я». Нам трудно и страшно порвать с обусловленным; и не только в социальном, но даже в логическом. Мы не способны созерцать, так как для этого нужно на время утратить себя в ином, в объекте, отвергнуть себя ради иного. Весь опыт наших восприятий коренится в эгоцентризме. Выступая из себя в астральном, мы тут же стремимся вернуться обратно и потому видим, слышим и т. д. Такое поведение правомерно до тех пор, пока для нашего «я» не стало глубоким убеждением и опытом души: Бог есть Любовь. А тогда уже в акте восприятия мы осуществляем принцип: «Не я, но Христос во мне». Вот почему наука, а тем более наука посвящения, должны быть глубоко христианизированы. В ином случае они люциферизируются или ариманизируются и становятся враждебными человеку.

Созерцая со Христом, мы во Христе умираем, порываем с обусловленным, с низшим «я», и обретаем себя в безусловном, в истине: Со Святым Духом воскресаем. В этом воскресении бытие (любовь) и сознание (исполненное мудрости содержание любви) пребывают в единстве, и их единство есть зачаток тела воскресения. Мы тогда в Бога *рождаемся*. Через четвертый принцип, «я», пронизанный мо-

ральностью, мы восходим от низшего, тварного, триединства физического, эфирного и астрального тел, где мы из Бога рождаемся, к чистому бытию Бога в нас: к триединству справедливости, истины и красоты, которыми «всякая плоть» претворяется в дух.

Возникает семичленная цепь метаморфоз, ведущая от тела к душе (см. рис. 91). Ее сменяет другая семичленность: справедливость, истина, красота (трехчленная душа), моральность («я»), вера, любовь, надежда (трехчленный дух). Все ее звенья надприродны, и потому моральность, которую человек по преимуществу вырабатывает в процессе воспитания, т. е. получает извне, может быть очищена от примеси люциферического, от эгоизма и претворена в духовную любовь.

Апостол Павел говорит, что, как строгий последователь ветхозаветного закона, он считался совершенным и, как таковой, преследовал христиан. Лишь встретив на пути в Дамаск Саму Любовь, вынужден был признать, что все его бывшее совершенство — иллюзорно. Оно стало иллюзией, поскольку наступили времена *новой стадии метаморфозы*. Перед Павлом встало: умри и будь. И если бы он уже не сделал из себя нечто в древнееврейских Мистериях, то просто умер бы. Поэтому Христос говорит, что пришел не упразднить, а исполнить закон, что значит: метаморфозировать его. И Павел был первым, в ком Христос осуществил исполнение закона, что сделало Павла представителем нового времени, первостепенным провозвестником Христианства, претворившим в себе закон в любовь, претворившим в добро неизбежную часть зла, примешанную к закону, которая так трагически обнаружила себя в акте преследования носителей Христовой любви совершенными представителями закона. Впечатляющим образом обо всем этом говорит сам Павел, чего по сию пору не способны понять многие, называющие себя христианами, но вынужденные вслед за наместником Фестом повторять: «...безумствуешь ты, Павел! Большая ученость доводит тебя до сумасшествия». (Деян, 26; 24).

Прежде чем любовь могла быть напечатлена человеку, она прошла через весь ряд Иерархий. Когда она охватила Духов Формы, они, став существами Любви, жертвенно одарили человека искрой Божественного Я. И это Я, должны мы теперь сказать, с самого начала было Божественной Любовью. Как Христос говорит, что все Отчее принадлежит также и Ему, так с определенной стадии развития существа Иерархий достигают состояния, в котором могут сказать себе, что *все принадлежащее Христу принадлежит также и им. В этом — суть психосидения Христа к Земле через сферы Иерархий*.

Как Иерархии овладевают таким состоянием? Сначала все излучаемое ими вовне, к объекту творения (к субстанции Духов Воли), возвращается к ним обратно. Это означает, что все их развитие, даже будучи обращенным вовне, протекает внутренне. Но в конце

концов они достигают такой степени зрелости, что могут сущностно раскрыться вовне, произвести нечто во внешнем мире, ничего не получая обратно. В таком состоянии Духи Мудрости жертвуют свое эфирное тело древнему Солнцу, Духи Движения — свое астральное тело древней Луне, Духи Формы — свое Я Земле.

Христос, в отличие от существ Иерархий, изначально действует лишь отдавая нечто вовне — откровению. Иерархии, достигая такой способности, отождествляются со Христом, становятся существами Любви. Последними в ряду Иерархий существами Любви стали Элоимы. Один из них — Ягве — перенес сферу своей деятельности на Луну, чтобы оттуда совершать, с одной стороны, древнейшую по своей форме деятельность: нечто отражать, а с другой — делать это по-другому: отражать идущий от Солнца свет Христовой Любви, ничего при этом не получая для себя. Так рождается четвертый принцип — Я — в земной зоне.

В течение дня солнечный свет озаряет четырехчленного (с низшим «я») человека, прошедшего долгий путь эволюции. Стоящие над ним Духи Формы извне излучают духовный свет Христа-Солнца, как Мировую Мудрость. Начало этому процессу было положено на древнем Солнце, где Духи Мудрости пожертвовали своим эфирным телом. Регентом древнего Солнца был Христос. Поэтому истина с тех пор несет в себе Христово начало. Во Христе Мудрость и Любовь пребывают в единстве, поэтому Он может послать людям Духа Утешителя*.

Такое единство начинают переживать (пожертвовав своим эфирным телом) и Духи Мудрости. А когда его достигают Духи Движения (на древней Луне), то они становятся Добродетелями. Духи Формы, изжив в себе желание получать Мудрость через отражение их собственного существа, излучавшегося к Земле, отождествляются с нею в ее высшем космическом аспекте. Мудрость начинает притекать к ним из более высоко стоящих Иерархий, поскольку Духи Формы становятся членами вселенского Тела Христова, нисшедшего к Земле вплоть до сферы современного Солнца, а затем Луны. А тогда Духи Формы начинают свою деятельность направлять вовне, в инобытие. Чтобы мировая Мудрость могла вливаться в них, они должны наружу излучать Христову Любовь**.

* Святой Дух исходит и от Сына, поэтому возможна Христология, более того: эзотерическое Христианство.

** Третья Иерархия отождествится со Христом в ходе земного и двух последующих зонов. Ее высшее развитие тесно связано с развитием человека. Благодаря ему они стали Я-существами. Отсюда следуют их особые задачи в выработке человеческого Я-существа. В особом положении стоит Архангел Михаил: он, имея право взойти в ранг Духа Личности, жертвенно остается Архангелом и потому — Ликом Христовым, Существом Любви.

Когда очередь доходит до индивидуализации человека, то и он своим душевно-духовным существом вводится в сферу действия высших законов. Прежде, будучи инструментом вне его стоящей деятельности, человек ничего не мог направить внутрь себя, т. е. поступить по принципу действия высших существ, получить нечто в отражении от внешнего. Он оставался идеальным зеркалом высшей деятельности, иными словами, был как бы выше Иерархий, но не он сам, а Творец в нем. *Это одновременно высшее состояние и пребывание бессознательным инструментом и выразилось в наделении человеческого существа тройственным духом в ходе трех прошлых эонов развития.*

Но когда выступили люциферические существа, которые отстали и потому не могли стать существами Любви, а значит, и мировая Мудрость не могла притекать к ним непосредственно, — то в Мироздании они противопоставили Любви Мудрость, поскольку последняя достигала их хотя бы в отражении; Любовь же превратилась в них в свою противоположность — в желание самозамкнуться, обособиться. Они не смогли принцип отражения претворить в нечто высшее и стать одним с Творцом. Поэтому они попытались стать одним с творением и через него *замкнуть в себе все Мироздание*. Так они надеются нагнать упущенное. Поэтому решение их судьбы — в человеке, отождествляющемся со Христом.

Духи Формы тоже стали одним с человеком, но при этом ничего не желая для себя. Их отождествление сказывается в неистребимом стремлении человека к высшему. Люциферические духи все желают для себя; они отцы крайнего эгоизма. Под действием тех и других существ человеческая душа разделилась надвое. Одна часть замкнулась в эгоцентризме, и поэтому излучаемое Духами Формы в человека — Любовь и Я — стало в нем себялюбием, образовало в нем эго, обратилось на развитие жизненных процессов, органов чувств, через которые люциферические существа наконец проникли во внешний мир, вышли из своей замкнутости, но внешним для них стал чувственный мир, где сотворившая его Мудрость присутствует опосредованно.

Человек в результате этого получил индивидуальные восприятия чувств и рефлектирующее мышление, которые насквозь люциферичны, поскольку находятся в оппозиции к мировой Мудрости, не отождествляются с нею, а отражают ее. Мудрость создала наше трехчленное тело и отражается от него. Но в своей последней доводке тело, став инструментом отражения, есть результат действия другой части любви Духов Формы, которая не была замкнута внутри человека. Она разделила людей на два пола и ожила между ними как чувственная, кровно-родственная любовь. Люцифер и эту

любовь пронизал эгоизмом и желанием. С тех пор человек любит и мыслит потому, что желает, вожделеет.

Однако в чувственной любви продолжает действовать и высшее, чистое начало. Благодаря ему человек жертвенно служит продолжению рода человеческого. И такая любовь изначально благородна. Все, что позже примешалось к ней как эротика, или, как это называют на Западе, сексуальность, пришло с другого конца — из любви к себе, из экзистенциализма вожделений, в котором правит Люцифер. Половое влечение — одной природы с голодом и жаждой. Оно, как и все другое, данное восприятиям чувств, достигает души на волнах вожделения, стучащего во врата души *извне*. Поэтому современная поп-культура стремится человека повсюду окружить дикими эротическими и античеловеческими объектами восприятия. На следующем этапе основоположники и творцы сексуальной революции пытаются еще на один шаг отдалить чувственную любовь от ее Божественного первоисточника. Они не просто отождествляют ее с сексуальностью, а пропагандируют однополюсые связи, делая тем положение совершенно безвыходным. Как общий, пусть даже не объявленный вслух, встает принцип: Люцифер есть сексуальность. «Я» под таким водительством начинает отпадать от Бога и гаснуть, а с ним, естественно, и жизнь.

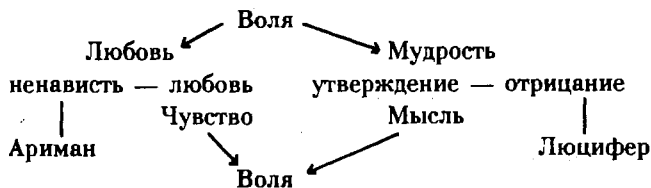
Любовь, становясь вожделением, сохраняет при этом свойства, отличающие ее от всех других вожделений. В своем высшем аспекте она есть сила, творящая весь мир, начиная от древнего Сатурна. Рудольф Штайнер говорит, что сила Любви есть Сам Христос. Мир творится преизбыточной, бьющей через край готовностью отдавать, приносить жертву. В этом суть и основа всякой жизни. Любовь Бога столь велика, что Он приемлет, объемлет Собой даже противопоставление Себе. Противостоит же любви не ненависть, а Мудрость. Пронизывая Любовь, Мудрость дает ей форму. В тварном мире Любовь и Мудрость противостоят друг другу как жизнь и сознание.

В минеральном царстве сознание есть закон, нечто безжизненное, данное абстрактному рассудку человека. Но уже минерал, кристалл многообразием форм и красок начинает являть некое подобие душевного; являть для человека. Растение имеет некое бытие в себе, а его закон — метаморфоза. В животном сознание приобретает характер ощущения.

На всех ступенях мира природы мы наблюдаем принцип Любви, пришедший в то или иное противоречие с самим собой через в-себе-замыкание. Высшей степени это замыкание достигает в человеке, где оно принимает характер себялюбия. Любовь в человеке становится миром в себе, а мудрость — сознанием в себе, само-сознанием. Так возникает микрокосм. Действием Любви и Мудрости созданы наши

три тела, обособленные от сотворивших их мировых сил и субстанций. В них образованы органы жизни и органы души. Благодаря последним, любовь, обособившаяся в человеке от мира, разделяется на противоположность любви и нелюбви. С другой стороны, и мудрость уходит в инобытие так далеко, что в цепи форм жизни порождает форму сознания в ином, существующего за счет противоположности мудрости и не-мудрости, утвердительных и отрицательных суждений, тезиса и антитезиса, образующих в своем движении *жизнь сознания*.

Так исходное противостояние Любви и Мудрости распадается в человеке на четыре элемента, получает своих носителей в виде духа материи, Аримана (ненависть), и духа отрицания, Люцифера, и через сопряжение противоположностей образует великий макро-микроскопический круг, в котором совершается переход бытия в сознание.

Над высшей Любовью и Мудростью правит высшее единство — Воля Отца. В человеке это становится противоположностью мысли и чувства, сведенных к единству в свободной воле, прошедшей через чреду побуждений характерологической основы и мотивов субъективного ума. Такая воля снова приобретает субстанциональный характер.

Итак, для нас стало очевидным, что все органическое в человеке имеет задачей образовать основу для душевно-духовного. При этом действие любви, оставаясь верным своему высшему принципу, на всех уровнях носит центробежный характер, творит жизнь. Мудрость, со своей стороны, рождает формы жизни, в которых она могла бы обитать как сознание. Давая формам жизни закон, сознание приходит в конце концов в противоречие с жизнью. Жизнь изливается в инобытие, где высшее сознание может пребывать как бессознательное. Приходя к себе, в инобытии, сознание начинает отрицать жизнь. Так рождаются противоположности: жизнь — смерть, сознание — бессознательное. В конце концов дело сводится к тому, что мы получили на рис. 31.

Противоположностям к Отчему началу в земном человеке встает Ариман. Он желает овладеть космической Мудростью, исключая из всех форм бытия жизнь. Люцифер, как антипод Святого Духа,

отрицает индивидуализированные формы сознания, стремясь овладеть субстанцией интеллигибельного мира. Но в человеке между Люцифером и Ариманом встает Христос. Он вносит в человека принцип метаморфозы, с помощью которого творит и весь остальной мир. Мудрость, исчерпав все возможности формы на тех или иных этапах манвантары, разрушает их и возвращается к себе, но будучи обогащенной опытом бытия в ином. Также и жизнь, претерпев действие формы, возвращается к себе, имея опыт инобытия как формы существования сознания в ином.

Этот процесс собирания Любовью и Мудростью опыта в инобытии и есть индивидуальная жизнь человека. *Любовь в человеке обретает свой изначальный характер, но в бытии самосознания.* Еще раз подобное имеет место лишь в запредельном, в вечности непроявленного мира (его символ — Ветхозаветная Троица). В человеке этот синтез впервые возникает в узости души ощущающей, раскрывающейся навстречу высшему, когда рождается нравственное суждение. В нем любовь и мудрость (не как антагонисты), как высшее вожеление, рождают удовлетворение. Возникает совесть. Нравственное суждение, совесть — это формы существования любви, побеждающей нелюбовь — в сфере мудрости, — формы сосуществования любви и мудрости. Поэтому далее, восходя в сферу души сознательной, нравственное суждение становится таким мотивом действия, в котором человек интересы всего человечества (а ведь оно есть единство) переживает как свои собственные. Человеческое эго, вбирая в себя, или охватывая собой весь мир, устремляется в него, творя, созидая, без желания себялюбивого вознаграждения. Такая форма самосознания обладает самобытием в космическом смысле слова. И такое сознание, как говорит Рудольф Штайнер, будет некогда непосредственно, силой слова рождать самого человека. Магией слова один человек станет как бы «выговаривать» другого и тем рождать его. Слово непосредственно станет плотью, но, естественно более вещественно тонкой. То будет некоего рода «обратный культ».

Священнодействием Богов творился человек. В конце этого процесса Сам Логос стал плотью — для того, чтобы плоть снова стала Словом.

Любовь — это добродетель, берущая свое начало в душе рассудочной. Здесь она впервые получает задачу соединить ум с сердцем, вызвать в индивидуальном духе понимание, что *любить — это мудро*. С другой стороны, любовь к мудрости, по словам Рудольфа Штайнера, не эгоистична, «ибо эта любовь становится тем больше, чем ближе мы подходим к моменту смерти. Она возрастает в той мере, в какой убывает намерение иметь что-либо от мудрости» (143; 17.XII). А в «Очерке тайноведения» Рудольф Штайнер дает та-

кую замечательную формулу: «Мудрость есть условие любви; любовь есть плод возрожденной в «я» мудрости» (13; гл.6).

Любовь без мудрости слепа и не всегда ведет к добру. Об этом не раз писали и предупреждали святые христианские подвижники. А та любовь, что служит продолжению человеческого рода, непосредственно управляется высшей мудростью. В этом смысле любовь двух, по словам Рудольфа Штайнера, есть желание третьего воплотиться, родиться. Эротика примешалась к такой любви по той причине, что в человеке вспыхнуло низшее сознание — дар Люцифера. Люцифер, стремясь к познанию космической Мудрости, заключенной в чувственном мире, вождление в нас сделал осознанным. Интересен Люциферу и феномен нашей душевной и духовной жизни, поскольку и он для него есть объект. Ну, а мы благодаря Люциферу получаем энтузиазм в познании.

Навстречу Люциферу в человеке из органов жизни вырывается Ариман. Из субстанции вождлений он стремится соткать свой мир. Вождление — это первая форма существования материи в мире сознания. Из всех вождлений сексуальное имеет ближайшее отношение к всепронизывающему принципу бытия — любви, и к становлению сознания. Поэтому сексуальность есть враг и любви, и сознания. *Она есть ненависть*. Отсюда следует одна из первостепенных задач человека, культуры, цивилизации: во что бы то ни стало отделить любовь от сексуальности*.

Возвышение любви происходит не только от инкарнации к инкарнации, но уже в ходе одной жизни, когда мудрость обретает силу преобразовать низшую чувственность, высветлять характерологическую основу. Жизнь от этого не становится бесцветной. Напротив, ее на-

* Но возможна ли любовь без страсти? — могут возразить нам. — Вспомним тогда, что до недавнего времени страсть, порождаемая любовью, понималась не как низшее вождление, а как пробуждение в духе ее высших, прекраснейших потенций. Она рождала в душе желание пожертвовать всем для другого, кровно не родственного человека, питала в душе творческий энтузиазм. Сексуальность же принадлежит к миру низших вождлений. Она родилась в человеке с узкой целью: положить начало индивидуализации жизненных процессов и восприятий чувств. Вождление — это лишь средство. В древности, как говорит Рудольф Штайнер, жрецы ведали процессом отношения полов. Обыкновенные люди его не осознавали. При этом они не умирили со скуки, а, напротив, вели жизнь, полную смысла и содержания. Лишь наше время ознаменовалось открытием, что «свобода — это рабство», что сексуальная распушенность есть выражение освобождающейся личности.

Но, разумеется, не следует быть и абстрактным идеалистом, пытаясь одним скачком преодолеть пропасть вождлений. Туда, прежде всего, следует внести свет понимания. Нужно понять, что человек, как единство, включает в себе мужское и женское начало. Физическое разделение полов — лишь временное состояние. Однако и эта разделенность компенсируется браком, супружеством. Любовь, ведущая к браку, при здоровых отношениях начинается с возвышенного и только возвышенным удерживается в дальнейшем, углубляясь взаимопониманием, взаимоуважением и т. д.

полняет тонкий вкус, красота, гармоничное многообразие интересов. Духовное банкротство в старости переживает лишь тот, кто низшее вождение сделал принципом жизни и потому потерял способность к душевно-духовной метаморфозе. Но кто развил и приумножил способность к ней, тому с годами лишь прибавляется.

В недалеком прошлом к этому были, хотя бы на инстинктивной основе, устремлены большие силы культуры. Лишь наш век и здесь утратил какое-либо понимание вещей. Литературоведение, журналистика ныне пытаются во что бы то ни стало принизить людей возвышенного духа. Исканно, извращенно люди вкось и вкривь истолковывают жизненный путь Льва Толстого, Гете и многих других, не желая и будучи не способными понять, что люди эти мучились проблемой возвышения, одухотворения любви, ее возвращения к Божественному первоисточнику, что Гете, например, был не старым сластолюбцем, а человеком, до глубокой старости сохранившим способность переживать романтическое начало в любви.

Если человек берет свое развитие в собственные руки, то он в душе рассудочной возводит свое познание до мудрости, как «условия любви». Тогда в «я» души сознательной Любовь выступает как метаморфоза Мудрости, «как плод возрожденной в «я» Мудрости», что открывает нам врата в сферу Самодуха, где мы начинаем осуществлять нравственные цели мира, Христовы цели, постигнутые интуитивно, т.е. в полном отождествлении с ними. Ну, а что тогда встает со стороны характерологической основы? В душе сознательной она порождает не симпатию и антипатию, не любовь и ненависть, а представления. *Здесь любовь метаморфизуется в мудрость, а мудрость — в любовь. Одно умирает и возрождается в другом. Так осуществляется синтез любви и мудрости.*

(Прод. сноски)

Ужасающим диссонансом, поистине смертным грехом является обращение к однополой «любви», получающей в наш апокалиптический век повсеместное оправдание и одобрение. Человек в таком случае вступает в противоречие с собственной эволюцией продолжительностью в две коренные расы (около 30 тыс лет). На протяжении их мужское и женское в отношениях брака научаются грядущему воссозданию единства. Когда придет время колоссальной духовно-биологической мутации, человек соберет опыт, накопленный в ряде разнополых инкарнаций, опыт разнополых отношений внутри инкарнаций, где была собрана сила преодоления низших вожделений, и на новой, индивидуализированной основе восстановит в себе былое единство. Те же, у кого этого опыта и сил не хватит, рискуют тогда выпасть из эволюции и образовать подчеловеческое царство.

Отметим еще попутно то понимание греха, к какому мы приходим на основании наших рассуждений. Грехом является все, что противоречит развитию, эволюции индивидуального духа; и чем больший отрезок эволюции охватывает противоречие, тем тяжелее грех. Если противоречие создает невосполнимые, необратимые потери, то такой грех можно назвать непрощаемым, смертным.

Пройдя через ряд ступеней формы, любовь, как жизнь, восходит со ступени органического на ступень душевного в форме жизни чувств, или чувствований (стыд, гордость и т. п.), а затем переходит в сферу деятельности суждения. Симпатия и антипатия метаморфизируются в душе в силу образовывать противостояние тезиса и антитезиса. А далее, в душе сознательной, снова возвращаясь во внешний мир восприятий, симпатия обретает жизнь в понятии, а антипатия — в восприятии. Из их соединения рождаются представления. В них мудрость, всецело ставшая субъектом, понятием в человеке, соединяется с самой собой как с объектом, с внешним миром. Поэтому в душе человека образуется целостная картина мира.

Любовь, ставшая Мудростью на вершине человеческой души, приходит в отношение с Мудростью, ставшей Любовью: любовью к объекту познания (в созерцании), любовью к поступку (совершаемому на основе моральной интуиции).

Представление метаморфизируется в нравственные интуиции в сфере Самодуха. С ними человек возвращается в чувственную реальность и совершает поступки, *соответствующие ей, но не обусловленные ею*, поскольку в этой реальности Любовь и Мудрость противостоят друг другу, а человек научился приводить их к единству. В сфере духа обретает человек единство Любви и Мудрости и тем достигает цели, ради которой нисшел к земным воплощениям.

Так это происходит в сфере Самодуха. Но вернемся еще раз к душе сознательной, чтобы рассмотреть ее в ключе того подхода, с помощью которого мы провели анализ души рассудочной и ощущающей.

В одной из цитированных нами ранее лекций Рудольф Штайнер говорит еще об одном действии Люцифера и Аримана, которое подступает к человеку сверху до линии основания черепа и снизу до грудобрюшной преграды (158; стр.125). На рисунке, которым в лекции поясняется эта мысль, человек повернут лицом к читателю. Но если исходить из того, что дано на рис. 91 и 122, то мы должны в этом случае представить себе человека повернутым лицом в направлении от душевного тела к душе ощущающей (рис. 135).

Пространство в нас, свободное от действия люциферических и ариманических сил, атакующих душу сознательную, ограничено действием двух я. «Я»,

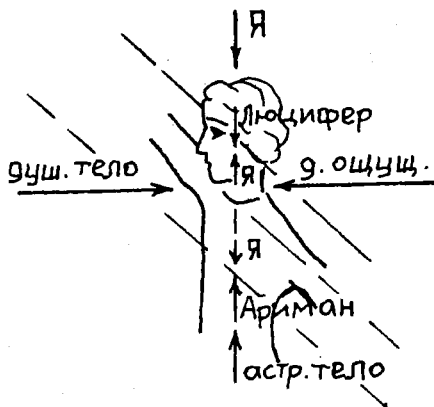

Рис. 135

действующее на нижней границе, — это то, которое образуется в нас на базе восприятий органов чувств. По отношению к нему ариманическое, связанное с восприятием материального мира, остается по ту сторону врат органов чувств, поскольку само восприятие идеально. Ариман не может через восприятие внести в нас вещество, как это имеет место в процессе питания и дыхания. В нашу душу извне входит лишь вожеление. Оно поднимается из подсознательного, из сферы обмена веществ и конечностей в наше астральное тело и достигает ритмической системы. А там человек переживает симпатии и антипатии.

Действие Люцифера подступает к душе сознательной на путях мировой мудрости, но проявляется лишь в рефлектирующем, теневом мышлении. А когда мышление начинает опираться на эфирное тело, то оно обретает бытие. Такое мышление есть чистая воля — другой, высший аспект Я. Снизу к душе сознательной подступает окрашенное ариманическое чувство. Теперь душа сознательная открывается внешнему миру, но не только для того, чтобы наблюдать, а чтобы и созерцать и таким образом развивать тринадцатое, имагинативное чувство, четырнадцатое, инспиративное чувство и т. д.

Итак, мы начали наш экскурс в сферу трехчленной души с рассмотрения того, как пробуждается первое ощущение у открывающихся в сторону внешнего мира врат души. Теперь мы пришли к тому, что душа обращается к восприятиям для активного наполнения себя внутренним содержанием, и, вместе с тем, она теперь начинает стучаться во врата высшего сверхчувственного мира.

11. Самобытие душевной жизни (продолжение)

Для ПОЛНОТЫ КАРТИНЫ нам теперь осталось еще раз проследить весь процесс взаимодействия основных ингредиентов, строящих нашу индивидуальную жизнь. Пусть читателю это не покажется топтанием на месте. При более пристальном внимании он убедится сам, что штурм стоящей перед ним твердыни познания нужно вести не только с разных сторон, но все возобновляющимися приступами. Задача перед нами стоит труднейшая: описать в понятиях то, чему сами понятия обязаны своим происхождением.

Рудольф Штайнер поясняет, что вожеления — это воля, воля с предметом вожеления (115; стр.130). Отдельные вожеления являются просто модификациями воли, от которых она должна в конце концов освободиться, чтобы выступить в нас как чистая космическая воля, освобожденная от игры симпатий и антипатий. Такая воля есть

живое мышление, жизнь среди существ интеллигибельного мира, одним из которых становится и человек.

Воля, модифицируемая связью с объектами чувственного мира, является в нас, как многообразие вожделений, с которыми, в свою очередь, родственна природа наших чувств (о чем уже говорилось). А тогда получается, что единство мира сохраняется на всех ступенях эволюции. Всеопределяющая воля Отца есть единственная мировая реальность. Но в явлении она обретает характер множественности, данной нашему мыслящему сознанию в двенадцати онтологических категориях. С другой стороны, мыслящему сознанию предстоит многообразие бытия, опыт. В ноуменальном мире первого откровения, т. е. в мире Иерархий, бытие и сознание пребывают в единстве и проявляются *в многообразии этого единства* в отличие от *многообразия противоположностей* мира второго откровения.

Когда возникает древний Сатурн, то принесенная Духами Воли в жертву субстанция воли является, по сути, новой мировой целью единого Бога. Она есть цель в явлении, как субстанция, содержащая в себе универсальный закон нового цикла творения: Триединство. Триединство есть абсолютная реальность, как и Единство. Но это не означает, что существуют две абсолютные реальности. Реальность одна, и она разделяется в себе надвое, образует *отношение в себе*: Абсолют в вечности, в неизреченном и непостижимом, потому единство — одно, за пределами которого невозможно представить себе что-нибудь другое, и Абсолют в явлении — Божественная Троица.

Через три Ипостаси Абсолют выходит из единства, Пралайи, и возвращается к нему, всегда оставаясь при этом Абсолютом. Для него то, что возникает в начале, существует и в конце. Он всегда един, целостен и трехипостасен. Воля Престолов, становясь объектом творения на древнем Сатурне, в Абсолюте присутствует и в конце всего семичленного цикла творения, где она — чистый субъект. Силой Абсолюта эволюция течет в двух направлениях: от прошлого к будущему и наоборот. Но тогда она опосредована тремя Ипостасями того же самого Абсолюта.

По образу и подобию высшего Божественного плана сотворен и человек. В своей главной сути он есть малое отражение Абсолюта: микрокосм. В развитии он трехчленен, причем многообразно трехчленен, ибо через многообразие трехчленностей творит Абсолют.

Эволюционные процессы в человеке с момента возникновения мыслящего сознания движутся по восходящей линии. На последней границе, до которой нисходит Абсолют, возникает трехчленное тело. В нем зарождается троичность мышления, чувствования и волеизъявления. Присутствие Абсолюта, единства, в этой субъективной троичности и есть наше «я» — не сам Абсолют, а его присутствие,

четвертый принцип. Сам он противостоит нашему низшему «я» как Я высшее — *пятый принцип.* Поэтому, перефразируя слова Рудольфа Штайнера о природе вожелений, мы вправе сказать, что низшее «я» людей есть модификации единого, абсолютного Я; *они суть Я, соединенное с объектом.* И они единосущны с Я, т.е. их субстанция есть чистая космическая воля. Но эта воля «я» погружена в мир явлений (все той же абсолютной воли) и потому становится вожелением. *«Я», как отдельная модификация Я, обретает свой мир модификаций: возжеления.* И как «я» для Я есть объект, так возжеления для «я» суть объекты.

Что делает «я» субъектом? — В первую очередь — чувство. Из него, во вторую очередь, развивается мышление, жизнь в понятиях, представлениях, которые, в третью очередь, находят отношение к воле, приобретают характер чистого бытия в нас, в чем и выражается присутствие живого Бога в человеке. Но Бог и изначально пребывает в нас, в нашем духе. Этим началом было одарение нас искрой Я в эпоху древней Лемурии. Тогда Абсолют, будучи опосредован 3х3 Иерархиями, низшел в нас как *свободный дар*, совершенный из чистой любви к поступку, к творению. Это был первый акт свободного одарения человека качеством, личностью. Поэтому способность к свободной жертве, к деяниям из любви к объекту составляют единственную реальность становящегося «Я». Она внесена туда Самим Богом, есть Его часть в нас; все остальное в «я» имеет вспомогательное, преходящее значение.

Чуть ниже мы выявим последний акт этого высшего одарения. На пути к нему развилась в нас вся деятельность суждения, которую можно назвать размышлением (115; стр. 119), имея в виду, опять-таки, процесс.

Два рода вожелений, т. е. модификаций Божественной воли, вступают в человека. Один род вожелений обуславливает метаморфозу формы бытия: из Бога рождается, — как говорит розенкрейцерская мудрость. Наша характерологическая основа является одним из состояний этой формы (ступень метаморфозы). И это состояние не последнее. Из характерологической основы вырываются побуждения. Они представляют собой не что иное, как стремление абсолютную волю, идущую путем состояний формы, обрести *непосредственно, без объекта* — форму бытия в ином, в «я».

Но состояния формы не являются самоцелью творения. Творение готовит их для себя и нисходит в них на своем пути к некой конечной цели. Высшие формы самотождественного присутствия Бога в первом откровении — это Иерархии. В мире второго откровения форма и содержание пребывают раздельно: форма приобретает чувственный характер, ее Я остается в той или иной сфере духа. Лишь в

человеке они снова соединяются, но еще не становятся тождеством, как это имеет место у существ Иерархий.

Итак, воля как форма — это три наших тела и три души. Воля как Я — это деятельность суждения, размышление. Наконец, воля вливается в нас из будущего. Такая воля стремится форму растворить в содержании. Она соединяется с объектом, чтобы претворить его в субъект, в дух. Силой импульсов, приходящих из прошлого, человеческое «я» рождается и остается в мире чувственных явлений. Силой импульсов, приходящих из будущего, оно постепенно преодолевает связь с чувственным миром и становится чистым духом.

В душе этот процесс разворачивается таким образом, что приходящая из будущего воля как вожеление сталкивается, скажем (в согласии с нашими рисунками), под углом 90° с размышлением. И поскольку в дальнейшем она действует из астрального тела, то мы вправе говорить о полярном противостоянии вожеления и суждения в нашей душе (см. рис. 116 и др.). На первой ступени их противостояния действие суждения минимально. Вожеление принимает (воспринимает) вещества внешнего мира, дабы высвободить из них высшую форму сознания, соединиться с нею; но все кончается процессами обмена веществ и дыхания: грубыми формами восприятия (принятия в себя).

Воля вбирает в себя вещества внешнего мира лишь ради извлечения из них породившей их высшей воли. Поэтому, вобрав в организм вещество, вожеление тут же отторгает его. И в этом процессе отторжения все более обособляются и консолидируются астральное и эфирное тела.

Когда на древнем Солнце монады вбирали, вдыхали в себя полуодухотворенное тепло, а затем воздух, то не требовалось большой силы эфирного и астрального тел, чтобы затем отторгнуть их. Результат той борьбы оставался минимальным, но он все же был и сводился к привязке группового эфирного тела к группе физических монад — как бы отдельных субъектов вожеления. Иное дело — земные условия, где субъектом вожеления выступают представления. Поэтому и в низших сферах человеческого бытия возникают индивидуализированные процессы питания и дыхания. В ходе их вожеление порождает силы отдельного бытия эфирного и астрального тел. Поэтому, когда приток вещества в организм кончается, в душе встает чувство голода и жажды. Насыщение удовлетворяет вожеление; оно тогда получает объект, а теряя его (преодолевая), вновь заявляет о себе у врат души.

Взаимодействие вожеления с суждением на этой ступени подобно процессу осязания. Да таковым оно, собственно говоря, и является. Ибо чувство жизни есть первая форма соприкосновения суждения с нашим астральным телом в акте соприкосновения с внешней

средой. Вожделение, получив средство питания, удовлетворяется в себе, что означает восстановление равновесия в трех телах, испытывающих воздействие тройственного духа, творящего состояния формы (процесс возникновения чувства жизни был уже нами описан).

В осязании мы узнаем нечто не о внешнем мире, а только о процессах в нас самих, вызванных его воздействием на нас. Так это происходит в первых четырех восприятиях чувств, включая осязание как самостоятельное восприятие. В то же время, эти чувства не однозначны. Уже в чувстве движения вожделение имеет дело с состоянием формы не вещественного мира природы, а мира пространственного. Пространство же есть многочленный человек, который одновременно является и плодом временного развития. Все это образует составляющие процесса становления самосознающей личности.

Физическая Вселенная возникла ради человека и через человека. Внутри ее, становясь личностью, человек возвращается в духовную Вселенную, и вслед за ним туда взойдет, одухотворясь, и Вселенная физическая. Не держа постоянно перед душой этот общий принцип эволюции, трудно понять ее отдельные части. Например, сообщение Рудольфа Штайнера о том, что древний Сатурн возник как физическое тело, следует, исходя из общего принципа эволюции, понимать так, что и вся материальная Вселенная той эпохи заключалась в этом образовании, а вокруг него простирался дух. Подобно желтку в яйце, физический Сатурн «плавал» в духовной вселенской оболочке.

На древнем Солнце физическая Вселенная-Человек оказывается в состоянии «привести в движение собственные силы. Это те силы, которые в конце периода Сатурна были влиты в человеческое существо Престолами». Человеческое существо начало жить внутренней жизнью, которую «можно сравнить с внутренним восприятием запаха. Наружу, в небесное пространство, это человеческое существо проявляется как личность, но, разумеется, не управляемая внутренним «я». Человеческое существо представляло собой, скорее, растение, которое действует как личность» (13; стр. 165).

Растениеобразное существо-личность. — Загадочный, впечатляющий образ, не правда ли? Силы, которые действуют в нем как личность, — это силы Духочеловека, напечатленные физическому телу, т. е. сверхличности. На Сатурне это тело могло лишь *отражать* духовные действия, приходившие к нему извне. И таково было первое проявление физического, сообразное заключенной в нем закономерности. Закономерность в физическом и была явлением в нем Духочеловека. Закон физического мира есть личностное начало в нем, неразрывно слитое с существованием этого мира. (Заметим для сравнения, что в современном человеке закон его души

или закон духа и их существование в чувственной реальности далеко отстоят друг от друга).

На древнем Солнце этот закон усложняется — в нем проявляется то, что мы теперь называем центробежной тенденцией, которая не может существовать без тенденции центростремительной, как явление света невозможно без тени, темноты. И поэтому то личностное проявление Духочеловека через человеческие монады древнего Солнца есть не что иное, как начало становления закона всемирного тяготения. Обращенность в сторону внешнего физического приводит на древнем Солнце к выделению еще одной планеты, в которой пребывает отставшая субстанция древнего Сатурна. На самом Солнце возникают два царства, а в физическом космосе — две планеты. И все это исходит от человека.

Можно ли относительно того времени говорить о существовании физического мира неподвижных звезд? — Лишь в той мере, в какой Солнце рождало физический свет и высыпало его вовне, творя этим пространство: систему материально-силовых отношений. Но духовно, как мир Иерархий, Зодиак уже тогда был проявлен в своей четырехчастности.

На древней Луне процесс формирования физической Вселенной также обусловлен развитием человека. На древнем Солнце процессы питания, дыхания, восприятия соединены в одно. Существует однозначный дуализм между монадой и внешним миром, внутренним и внешним. Но этот дуализм есть отношение, впервые вынесенное в пространство посюстороннего мира, отчего и образуется два космических тела. Они существуют физически, чувственно, но в пространстве, где существенно лишь движение, идущее по кругу.

На древней Луне процессы питания, жизненные процессы несколько эмансипируются от процесса дыхания. Оформляется процесс сверхчувственного восприятия, тесно взаимоувязанный с процессами во внешнем мире. В результате образуются три планеты: вновь возродившийся древний Сатурн, но с отношением к обмену веществ лунного человека, вновь восставшее Солнце, регулирующее процесс дыхания и все ритмы в лунном человеке, и собственно древняя Луна, на которой идет формирование органов восприятия. Через трехчленного человека Иерархии как бы «выдавливают» вовне физическую Вселенную. В ней, словно некая греза, мираж, то возникает, то снова исчезает впечатление, будто бы измерений — три.

На Земле человек становится строго выраженным трехчленным существом, к которому, как четвертое, присоединятся Я. Кроме того, все это вводится в эволюцию видов, где всецело в посюстороннем правит закон семичленной метаморфозы. Вследствие этого, из единого космического образования, канто-лапласовской туманности, постепенно выделяется семь планет. Они представляют

собой проекцию на физическую Вселенную духовных первофеноменов земного зона, сформировавших внутренние органы человека и вышедших через них вовне. Это, по сути, есть то высшее вожелделение, которое на древнем Сатурне могло лишь отражаться, вновь возвращаясь к себе, а теперь, наконец, достигшее своей цели: объективации в инобытии. Ныне, когда человек умирает, он как бы выворачивается наизнанку и живет в планетной системе как в своем теле, где Солнце — его духовное сердце, Венера — духовные почки и т. д. Когда человек рождается, он выворачивается на эту сторону, оплотневает в материальных органах, в которых, тем не менее, с большой силой сказывается влияние духовных прабразов.

Далее в человеке эмансипируются ритмические процессы. Они образуют переход от жизненных процессов к восприятиям чувств. А вовне как великий ритмизатор снова встает Солнце — одновременно и планета (сердце), и звезда (ритм). А когда эмансипируются органы восприятия, то через них вовне изливается наивысшее вожелделение, которое и в инобытии желает быть духом. Это вожелделение дает видимый облик звездам зодиакального круга, физическая субстанция которых — только свет. Наконец, развитие кармы и реинкарнации дает чувственно видимый облик всему звездному небу.

Таким образом, только в зоне Земли видимая физическая Вселенная приобрела свой современный вид. Ее главный центр — человек. От него она «разлетелась» и, может быть, продолжает «разлетаться», раздвигая границы трехмерного пространства. Но некогда, вместе с одухотворением человека, она снова начнет «сжиматься» и через человека дематериализуется.

На пути материализации Вселенная проходит через ряд метаморфоз высшего, духовного (физического) в эфирное и астральное нижестоящих ступеней, пока не достигнет человека, а через него — состояния вещества, материи (см. табл. 7, 10, 11). Там мировая центростремительная сила меняется на центробежную. Ею рождается мир планет.

Человек возник сначала как физическое тело. И это была вся физическая Вселенная древнего Сатурна. На Земле физическое тело двенадцатерично и своими закономерностями простирается до двенадцатичленного круга Зодиака. На др. Сатурне физическое получило отпечаток Духочеловека — вселенский отпечаток. Он стал его законом и остается таковым поньне. Все законы материи, физики — суть производные от этого основного закона. Сам же он действует как вселенское Я из-за круга Зодиака, поскольку оно — абсолютный субъект. С человеческим «я» вселенское Я встает отчасти в непосредственную связь. Поэтому процессы в человеке имеют космический резонанс, и наоборот.

Физическое в человеке, став материей, в то же время служит основанием для духовной деятельности — мышления. Поэтому высшими среди законов физического мира являются законы мышления. Они в человеке ближе всего стоят к универсальному закону Я, который двенадцатичленно действует в «я», в виде 12-ти типов мировоззрений, инспирируемых кругом Зодиака. Вобрать в «я» всю систему мировоззрений — задача не из легких. Человек по преимуществу отождествляется лишь с одним из них: с идеализмом Овна (наиболее яркий его представитель — Платон) или с реализмом Весов (Аристотель), сенсуализмом Льва (Кондильяк), материализмом Рака (Геккель, Бюхнер), пневматологией Водолея (Новалис) и т. д. Овладевая всей системой мировоззрений, научаясь свободно в отождествлениях двигаться по ее кругу, человек приближается к той субстанции, которая некогда сотворила физическое тело и теперь отражается от высшего образования в нем: от физического мозга.

Итак, в отношении мышления человек отражает — что он делал и на древнем Сатурне, — но не как «я». Иное дело — восприятия чувств. В них то, чего мышление достигнет лишь в будущем: единство бытия и сознания, имеет место уже теперь. Через врата органов чувств космическая воля как вождение входит, не отражаясь, в человеческое существо, а из него — во внешний мир. Первая встреча космической воли с человеком происходит на периферии чувственной Вселенной. При этом удаленность звезд от Земли не имеет существенного значения. Разговор о гигантских расстояниях во Вселенной должен быть сведен к тому, что небесный свод, по сути, двухмерен и представляет собой некую плоскость встречи космического вождения с физическим миром. Поэтому древние переживали на небе имажинации животных образов. На небосводе отобразилось становление человеко-животного древней Луны человеком Земли*.

В таком подходе к пониманию эволюции мира и человека мы возьмем в помощь себе еще один графический образ, производный от рис. 31 и 37. Он имеет вид, показанный на рис. 136.

Переживая в себе внутренние чувства, мы, фактически, повторяем в индивидуализированной форме состояние первых трех зон. Так будущее, сверхсознание, впервые проникает через нас в прошлое. При этом, чем бессознательнее инструмент (в человеке), тем большая сила духа требуется для введения его в сферу восприятий. Но чем выше сила духа (Иерархии), тем мощнее живущее в нем желание (вождение) породить сознание в ином, без чего это последнее могло бы быть навеки потеряно. Так возникает у нас шкала сближаю-

* Спектральный анализ обнаруживает наличие не вещества в звездах, а духовные прафеномены. Они материализуются до световой материи по мере приближения к Земле — материальному центру Вселенной. Вся материя есть сгущенный свет.

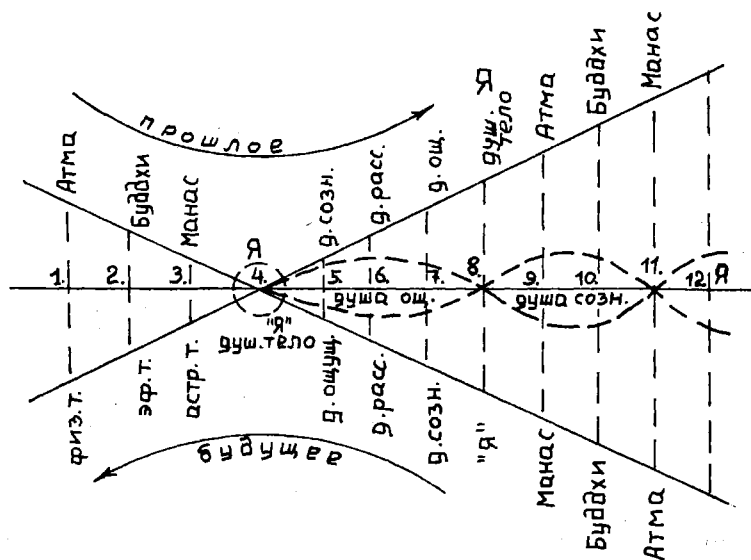

Рис. 136

щихся взаимодействий (рис. 136, левая часть). На наибольшем удалении друг от друга взаимодействуют Атма и физическое тело. Результатом их взаимодействия на «оси» становящегося «я» выступает чувство жизни. Чувство движения обусловлено взаимодействием Буддхи и эфирного тела и т. д. Общим результатом воздействия тройственного духа на тройственное тело является рождение душевного тела. В нем Я соприкасается с «я», после чего действие Я вновь начинает возноситься, рождая ряд противоположностей — индивидуальную душу и дух человека.

Навстречу этому действию идет импульс тройственного духа из будущего. В высших своих проявлениях он впервые заявляет о себе лишь в восприятиях высших чувств, которые пока что очень мало развиты у человека. Пройдя точку скрещения осей, импульс будущего уходит, в форме индивидуального человеческого сознания, в прошлое, преобразуя тройственное тело в тройственный дух. Человек идет навстречу этому стремлению, развивая тройственную душу, восходя от восприятия к переживанию жизни чувств, мышления, воли. При этом он развивает деятельность суждения.

До точки скрещения осей деятельность суждения приходит снизу, из тел, а вожеления сверху, от духа (как высшее целеполагание). Из прошлого в человеке рождается, как общая совокупность, сложная форма бытия понятия (как иерархического существа) и восприятия, персонифицированного в тройственном теле. Поэтому чувство жиз-

ни, движения, равновесия — это формы бытия космического сознания, облекшиеся в человеке в форму первичных экзистенциальных представлений, которые в своей истинной сути одновременно надиндивидуальны и доиндивидуальны. Их последующее осмысление в философии — вторично по отношению к их первому явлению, в котором деятельность суждения и вожеления взаимоуравновешены и *отражены в себя*.

В точке скрещения осей (рис. 136) начинается некое проникновение в «зазеркалье». Вожеление начинает переходить в чувственный мир, а суждение из тела в душу, но в душу космическую, дарованную в конце зона древней Луны и завершенную в своей целостности в Лемурийскую эпоху. Действие вожеления при этом в становящейся индивидуальной трехчленной душе ослабевает в своем космическом импульсе и от души сознательной проникает до души ощущающей. Со стороны человеческого начала идет возрастание я-сознания по мере индивидуального овладения тройственной душой. Душа рождается как форма, а вдоль центральной оси идет становление «я», индивидуального духовного содержания (мира).

Начиная с чувства осязания, можно говорить о рождении души ощущающей. В чувстве обоняния она уже вполне конкретно заявляет о себе; еще больше — в чувстве вкуса*.

Так это происходит теперь. В прошлые зоны становление человека шло в обратном порядке. Так, например, на древнем Солнце в противостоянии космической и индивидуальной души рассудочной (лишь в импульсах), благодаря которому родилось чувство вкуса, Духи Гармонии, Херувимы пришли в отношение с Сынами Жизни, Ангелами. Человек тогда не как индивидуальность, а как двойственное тело возникал, скажем, вдоль средней линии нашего рисунка. Рудольф Штайнер говорит, что Агнелы тогда получали в дар от Херувимов их созерцания творения и вработывали эти образы в эфирное тело человеческих монад. Шедшее от Духов Гармонии, как гармония, музыка сфер, не отражалось к ним обратно, а производило некое действие на эфирно-физические монады, оставаясь связанным с ними в виде зарождающегося самосознания Ангелов и феномена вкуса. Ангелы, придя в тесную связь с монадами, смогли удержать дарованные им высшие созерцания, инспирации, образовать из них форму (предварительную) своего я и им конфигурировать формы монад, образуя в них внутреннее содержание. Так произошло чувство вкуса. Вовне от монад исходила не музыка сфер, а физический звук. Он наверняка обладал могучей магической силой и воздействовал на физическое окружение монад. Сам человек представлял собой

* Действие души в органах чувств, описанное в третьей главе, имеет отношение к ее космическому, несомому Иерархиями аспекту.

некоего рода музыкальный инструмент. У него было две струны. Одна из них приводилась в колебание тем, что мы называем симпатией, другая — антипатией. (Планет, вспомним, тоже было две).

Когда к монадам на древнем Солнце подступают Престолы, то навстречу им выступают не существа Иерархий, а сами монады с собственной жизнедеятельностью. Возникает феномен запаха. Такова точка скрещения осей (рис.136) на древнем Солнце. В ней тогда создаются предпосылки для одарения монад астральным телом. Вспомогательный импульс для этого приходит из высочайших сфер: Херувимы, Полнота Софии, мудро обмыслившие мировую цель, воспринятую от Троидного Бога Серафимами, созерцают сверхчувственные образы происходящего на древнем Солнце. В их созерцании явлен высший аспект, первофеномен того, что ныне в человеческой душе выступает как деятельность суждения. Как Херувимы не желают, чтобы их созерцания отражались к ним обратно, так и деятельность суждения не предрасположена быть отражением. Оно отражается как мыслеформа, но в ней отсутствует его суть.

Можно представить себе, что весь сверхчувственный мир первого откровения есть мир Божественного созерцания, в чем выражается действие Ипостаси Святого Духа. А поскольку первое откровение обращено ко второму, то созерцание это есть деятельность Херувимов. И это созерцание есть одновременно объективация космического сознания. В отношении с Ипостасью Отца созерцание становится принципом жертвы — внизу это происходит через деятельность Престолов, — восстанавливающей единство бытия и сознания.

Человек живет сразу в двух мирах: чувственном и сверхчувственном. В одном из них пребывает причина, в другом — действие. Обретая собственные органы восприятия, человек, подобно Ангелу, сначала получает их в мире сверхчувственного созерцания. А когда органы чувств открываются вовне, то созерцание уходит внутрь человека и становится деятельностью суждения.

На древнем Солнце Херувимы, жертвуя созерцание Ангелам, входят отношение к Ипостаси Отца в ином. Поэтому речь там идет об одарении Ангелов определенной степенью сознания. Принцип жертвы приводит Херувимов также в отношение с Ипостасью Сына в ином. Их дар уходит безвозвратно и, будучи опосредован ангельским сознанием, производит действие в эфирном теле монад. Об этом можно сказать еще так: жертва-созерцание, как реальная форма творящего бытия, отражается Ангелами в монады как их состояние жизни; т.е. творческим в таком случае оказывается и сознание Ангелов, несмотря на всю его смутность в зоне древнего Солнца. Оно все формируется в *эфирной* субстанции и представляет собой жизненный процесс. В эфирной субстанции совершается вся цепочка метаморфоз единого явления бытия и сознания.

Подобная деятельность приводит монады на древнем Солнце к воссозданию единства бытия и сознания на растительном уровне, чем полагается начало восхождению Божественного импульса творения. Духочеловек, как Отчее начало, через эфирную часть монад (сферу Сына) приходит в связь в ином с Ипостасью Святого Духа. И связь эта оказывается обусловленной существованием монад. Они оказываются связующим звеном в параллельном существовании прошлого и будущего мира, отчего формируются пространственно-временные условия развития.

Отчая воля продолжает действовать и в современном человеке, и в ней по-прежнему живет устремленность к Святому Духу. Она привела монады к современному состоянию их формы, где они обладают собственным интересом к бытию. А поскольку современный человек обладает и индивидуальным астральным телом, то воля-вожделение, устремляясь к деятельности суждения, рождает ощущение уже в первом восприятии чувств — в чувстве жизни. Сначала в этом ощущении человек дан сам себе как объект, затем он приходит в соприкосновение с окружающим миром. Успевшие внутрь человека созерцания выталкивают его астральное тело в чувственный мир и словно щупальцами осязают его. Так выражает себя деятельность суждения, так она «созерцает» истину в ином, в духе, ставшем материей и обитающем в ней как закон. Вожделение стремится дать этому «созерцанию» форму. Ею в душе становятся восприятия чувств. Они, как состояние формы, эгоцентричны в своей деятельности, строго избирательны по принципу приятно-неприятно, нравится-не нравится. Перед их натиском деятельность суждения в душе ощущающей отступает или сужается до формы прямого эгоизма, что ведет астральное тело ко все возрастающей консолидации, оплотнению и самоизоляции.

Но уже начиная с чувства зрения восприятия чувств несут душе реальность внечеловеческого мира, и деятельность вожделения ослабевает или облагораживается. Рождаются нравственные суждения. При этом не следует забывать, что в душе, наравне с восприятиями чувств, рождается и крепнет жизнь чувствований. Как мы помним, в физическом теле изначально живет надежда, в астральном — вера, в эфирном — любовь. Они суть непосредственное присутствие высшего Божественного в ином. Здесь это Божественное облекается в многообразные субъективные оттенки, краски души. Так, надежда в душе ощущающей под влиянием эгоизма приобретает характер нетерпения — чистого вожделения, перед которым капитулирует деятельность суждения. Нетерпение питается эгоизмом и в нем получает удовлетворение. Сила суждения при этом не получает никакого развития. Но когда вожделение в физическом находит отношение к суждению, то нетерпение метаморфизуруется в чувство надежды.

Суждению тогда открывается путь вовне, где оно приходит к решению. И поскольку, как говорит Рудольф Штайнер, оба элемента удерживают равновесие в чувстве — подобно двум чашкам весов, — то чувство надежды получает завершение, законченность. В нем тогда содержится столько же удовлетворения, сколько и возможности благополучного решения. А если суждению недостает силы прийти к решению, то вместо надежды рождается сомнение (115; стр.119).

Таким образом, человек оказывается заключенным как бы между двумя крайностями. Чрезмерно отдаваясь симпатиям и антипатиям, он позволяет вожделению замкнуть обитающий в нем дух в закрытую и обособленную от всего мира форму. К этому стремится в человеке Ариман. Склоняясь перед истиной вплоть до потери собственного к ней отношения, человек рискует одухотворить свое «я» прежде, чем оно в нем сформируется. В капитуляции перед истиной под влиянием одного только авторитета сказывается деятельность Люцифера. Разрешение дилеммы наступает в душе рассудочной, когда мы приходим к эстетическим суждениям.

Стремление к истине, по словам Рудольфа Штайнера, является долгом человека, исполняя который он побеждает в себе вожделение. Чтобы постичь истину, необходимо всего себя целиком посвятить ее обретению. Однако, обретая истину, мы должны дать ей в себе форму, чтобы она жила именно в нас и была бы не пустым приобретением, а движущей к самоусовершенствованию силой, что, по сути, и является задачей соединения сознания с бытием. Где этого не делают, там живут либо в абстракциях, либо в отвлеченной созерцательности, подобной той, которую переживают последователи восточных видов оккультизма.

Существует форма самоотдачи, в которой человеческое «я» получает само себя назад как подарок. В системе восприятий чувств такой феномен возникает в чувстве «я». Здесь, погружаясь в объект, который есть субъект в ином, мы приходим к некоему тождеству «я» = «я». Деятельность вожделения в восприятии встает на путь суждения, поскольку «я» есть форма сознания, оно приносит назад не удовлетворение, а решение, познание. В то же время, в акте совершения чувства «я» человек обретает некое богоподобие. *Ибо то, из чего «все начало быть», есть, выражаясь языком философии, Я = Я.*

В эстетическом суждении метаморфоза вожделения в суждение происходит на ступень ниже — в душе рассудочной, а не в сознательной, где мы овладеваем чувством «я». В жизни эстетических суждений человек *«может то, что он должен по отношению к истине»* (115; стр.127). В акте переживания прекрасного требуется самозабвения не менее, чем в познании истины. «Однако при этом что-то

возвращается к нам назад, что не является результатом обретенного вонне решения. Мы сами тогда возвращаемся к себе. Мы отдаем себя и себя же получаем обратно. Истина приносит нам назад только суждение (как логическую форму. — *Авт.*). Эстетическое же суждение приносит с собой назад и нас самих, как подарок.

В этом состоит своеобразие эстетической жизни: она содержит в себе истину, т.е. содержит в себе бескорыстие, и в то же время — доказательство наличия *внутреннего господина* в душевной жизни» (115; стр. 127). Так происходит по той причине, что в произведениях искусства мировая мудрость пребывает в оболочке человеческого «я», творящего искусство. Как объект восприятия произведение искусства дает вожделению решение, и таким решением является феноменология Я в «я». Не вожделение обладать произведением искусства дает нам удовлетворение, а чистое наслаждение прекрасным, сверхчеловеческим. В нем мы получаем назад *«суждением удовлетворенное вожделение»* (115; стр. 125). *Значит, в переживании прекрасного в человеке явлено единство сознания и бытия.*

Так действием эстетического характерологическая основа превращается в нечто иное — *в производителя представлений*, а не симпатий и антипатий, любви и ненависти. Тогда душа рассудочная метаморфизуется в душу сознательную.

Мировая воля, создав наше астральное тело, живет в нем как вожделение стать индивидуальным духом в человеке. Мировой дух живет в душе как деятельность суждения. В понятийной основе души рассудочной он (см. табл. 5) через заповедь явлен как пришедшая в душу извне истина. В переживании совести в душе рассудочной оживает та древняя жертва Херувимов, которая на древнем Солнце одарила Ангелов сознанием сна. *Совесть — это, по сути, есть чистым, надчеловеческим вожделением удовлетворенное суждение.* Содержащийся в совести элемент космической жертвы. Ипостась Христа в оболочке Святого Духа, является той движущей силой, которая претворяет прямой эгоизм души ощущающей в высший косвенный — души сознательной. В любви ко всему человечеству симпатия побеждает антипатию и переходит из характерологической в понятийную основу души. Тогда Христом движимый Дух Святой оживает в человеке, и Я в определенной мере выступает в оболочке «я».

Через переживание прекрасного эгоизм, как форма сознания, метаморфизуется в форму бытия и, расширяясь из собственных сил до переживания мировой мудрости, превращается в характерологическую основу. И в ней тогда рождается высшая форма приходящего из прошлого импульса эфирно-физических сил — представление. Отдаваясь жизни прекрасного, душа соединяется с мировой Мудростью, пришедшей в связь с чувственным миром в индивидуализированной форме, т. е. в той или иной мере непосред-

ственно. *В искусстве мы созерцаем представления.* Это не означает, что характерологическая основа души сознательной вся пребывает в мировой Мудрости, но что лишь ей доступна Мудрость, она стоит под знаком ее действия.

В начале душевной жизни низшему вожделению противостоит эгоизм. Внутри души они находят друг друга и объединяются. Прimitивная душевная жизнь не знает в себе противоречий. Диссонанс образуется между нею и внешним миром. На вершине души сознательной эгоизм, расширенный до личностной любви ко всему человечеству, из которой тогда рождаются нравственные цели (этические представления), противостоит вожделению, претворенному в форму индивидуализированной мудрости, «практическому а priori». В таком случае снимаются и внутреннее и внешнее противоречия. Здесь воля, с одной стороны, пройдя через состояние сознания, приняла форму чувства, с другой, — пройдя через состояние чувства, приняла форму сознания. А в результате возник индивидуальный дух.

Взаимодействуя в душе сознательной, Любовь и Мудрость рожают индивидуальную волю, «я», сменяющее опору на низшее, обусловленное: мир чувств, восприятий, симпатий и антипатий и т. д. — на состояния высших отождествлений в мире обуславливающего. Душа входит во врата Самодуха, вернее, Самодух осеняет ее, подобно голубю на Иордане.

Чтобы удостоиться такого возвышения индивидуальной жизни, необходимо овладеть созерцающей силой суждения. Ею характерологическая основа, порождающая представления, превращается в понятийную основу Самодуха. Мы начинаем *воспринимать истину*, мировую Мудрость, отдаваясь ее воздействию как я. В этом выражается высшая верность опыту, способность умереть как «я» и получить себя назад, в дар, как Я. Дар этот имеет форму понятийной интуиции, почерпнутой через отдачу себя в созерцании — явление Духа Святого душе, принесшей себя в жертву высшему.

С другой стороны, нравственное понимание становится понятийной основой вместо характерологической основы. Любовь через человека приходит в связь с Мудростью. Человек переживает *нравственные интуиции*. Мир же интуиции есть чистая воля. В ней мировая Любовь и Мудрость изначально пребывают в единстве, в Троиединстве. Когда этот синтез, наконец, осуществляется в человеке, то в его волеении Любовь примиряется с Мудростью в инобытии, ради сотворения которого они разделились. Они примиряются в «я», способном отождествиться с Я и быть. Тогда высшее Я принимает форму индивидуального бытия в человеке. Христиане о таком состоянии говорят: «Не я, а Христос во мне».

Это также есть индивидуальная реализация высшей четверичности в ином; ее символ — треугольник, в центре которого стоит: «Бог есть

любовь». Центр этот и есть человеческое Я, пришедшее к необусловленному волеизъявлению. Он в своей деятельности как бы пульсирует между Божественным треугольником (см. рис. 132) — бытием в Боге — и треугольником микрокосма, субъекта, в котором живут мысль, чувство и воля, обращенные к земному плану. Над этим, вторым, треугольником теперь работает человеческое Я, стоящее выше симпатий и антипатий, примирившее в себе высшую Любовь и Мудрость в принципе: «Бог есть Любовь». Так приходит человек к реализации целей земного плана и отдается исполненной жертвенности работе над спасением всего тварного мира, которое будет длиться еще три плана. Самому человеку в этой работе предстоит пресуществить три тела в триединый дух. И общим принципом такого пресуществления впредь будет только свободная жертва, совершаемая из чистой любви к поступку. Ибо лишь такое деяние поистине мудро.

12. Дополнительные вопросы

НА ЭТОМ можно было бы поставить точку в наших исследованиях. Но задержимся еще немного на нескольких дополнительных вопросах. Нам удалось выявить ряд несомненно не лишенных значения моментов феноменологии душевно-духовной жизни. Отправляясь от полученных результатов, как от некоего центра, наметим еще ряд направлений возможного познания.

Мы выявили, что первичным ингредиентом индивидуальной душевной жизни является чувство — сначала как ощущение, восприятие, потом как переживание симпатии и антипатии и как устойчивое чувствование, как привычки чувств. Этот ингредиент, являясь первоначальным, в трехчленной душе занимает среднее положение. Поэтому, даже если, на первый взгляд, это звучит парадоксально, мы должны сказать, что человек начинается с середины. В чем тут дело? Снизу идет образование нашей телесности — совершенно бессознательный процесс; сверху подступает сверхсознательная деятельность. В плоскости соприкосновения обоих видов деятельности, или мировых волей, и возникает жизнь чувств. Воля, живущая в сверхсознании, есть космическая интеллигенция (субстанция мысли, мыслесущества); творящая в подсознании мировая воля вступает в нашу душу как акты постепенно индивидуализирующихся волеизъявлений.

В физическом теле верхняя воля в своем явлении опосредуется нервной системой, нижняя — системой ганглиев. Рудольф Штайнер говорит, что можно составить себе представление о некоей внутренней границе, соединив на одной ее стороне все нервные

окончания, а на другой — все ганглии. «Если на этой границе, — продолжает он, — вы представите себе, как словно через решето здесь с одной стороны теснится воля, а с другой интеллигенция, тогда в середине вы будете иметь чувство, сферу чувств. Ибо все принадлежащее к чувствам есть наполовину воля, а наполовину интеллигенция. Воля подступает снизу, интеллигенция — сверху; этим образуется чувство. В чувстве, с одной стороны, всегда дремлет интеллигенция, а с другой — спит воля» (194; 7. XII).

В этом описании мы легко узнаем уже знакомые нам суждение и вожеление, из совокупного действия которых и складывается, рождается жизнь наших чувствований. Мировая воля, подступая к нашей душе как вожеление, создает душевную форму для духовного содержания. И весь вопрос заключается в этой форме, без которой мировой дух пронизывает нас, так сказать, без задержки. Однако и форма без побуждений со стороны духа имеет тенденцию «заикливаться» в каждом цикле развития. Рудольф Штайнер так определяет их взаимосвязь. Неверно думать, говорит он, что к человеческой интеллигенции добавляется мировое мышление. «В действительности суммируются мировые чувства и человеческие мысли... Чем больше интеллигенции имеет человек, тем больше она просветляет то, что мировые чувства дают нам как внутренний свет. Но если мы упускаем что-то сделать для нашего мышления, нашей интеллигенции, то в этот свет, в это мировое чувство тут же устремляется тьма» (119; 24. III).

Таким образом, мы вновь здесь встречаемся с тем, с чем имели дело при рассмотрении взаимодействия вожеления и суждения. По мере поднятия этого процесса по ступеням души мы преодолеваем влияние физического на душевное, отдаляемся от жизненных процессов с их инстинктивной природой и в душе рассудочной переживаем световой эфир мирового чувства, волящего индивидуальное в нас. Но и мышление должно исходить из светового эфира, а в дальнейшем — из жизненного. Первоначально действие надчеловеческого мышления выражается вовне как звук, потом возникает осмысленная речь (см. рис.38).

Мысли возникают в душе ощущающей, но не продумываются в ней. Деятельность суждения, как «мысленная субстанция», как внутренняя астральность, течет, например, из глаза в акте зрения вовне и вступает в противоборство с астральностью внешнего мира, вещи которого есть лишь иная форма духосуществ. На границе вещей обе астральности вступают в борьбу, что рождает в нас переживание цвета. Но если внутреннее способно отвратиться от чувственной формы и найти отношение к духовным праобразам вещей, то возникает понятие (9; ч. II, гл. II).

Мысль, чувство и воля во всех проявлениях души действуют неразрывно. Мы лишь на время, условно расчленим их для познания. Реальная жизнь души являет нам чувство и волю в мысли, мысль и волю в чувстве, мысль и чувство в воле. Но при этом остается в силе то, что было сказано об отношении верхнего и нижнего в человеке, прошлого, настоящего и будущего. духовного и материального, из чего, собственно говоря, и рождается феномен душевной и духовной жизни индивидуума. Рассмотрим одну из форм этого феномена, в которой мы обнаруживаем все вышеперечисленное в метаморфизированном виде.

Среди свода антропософских тезисов, в которых Рудольф Штайнер суммирует все содержание созданной им Духовной науки, имеется такой: «Более тонкое представление должно сказать себе: мышление всегда образует основу для чувства и воли, чувство — основу для мышления и воли, воля — основу для мышления и чувства. Только в жизни мысли над другим содержанием господствует мышление, в жизни чувства — чувство, а в жизни воли — воля.

Чувство и воля в жизни мышления содержат кармические последствия предыдущих жизней. Мышление и воля в жизни чувства кармически определяют характер. Мышление в жизни воли вырывает современную жизнь из кармических связей. В чувстве и воле мышления человек изживает карму своего прошлого, в мышлении и чувстве воления он подготавливает свою будущую карму» (26; стр.74, тезисы 97—99). Дадим сказанному Рудольфом Штайнером образно-символическую форму. Тогда мы вновь находим два потока, полученные на рис.116,119 в треугольнике мысли, чувства и воли (см. рис. 137).

Прошлое, вступая в нас, образует треугольник, направленный вершиной вниз. Вершина эта — мышление предметное, понятийное, абстрактное. С него начинается я-сознание. Треугольник, направленный вершиной вверх, устремлен к мышлению сущностному, которое все есть воля и жизнь. Но Рудольф Штайнер говорит также о мышлении и воле в жизни чувств, как о нашем настоящем, которое

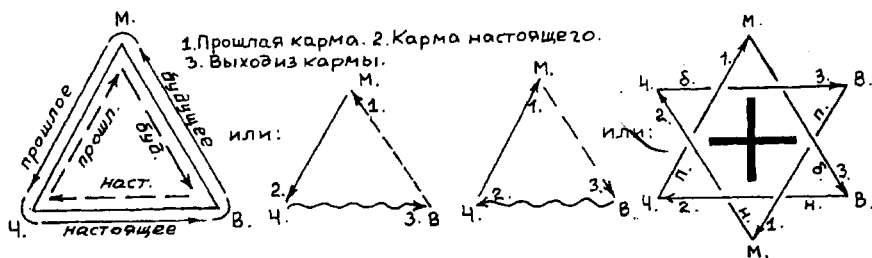

Рис. 137

опосредует связь прошлого с будущим, а будущего с прошлым и кармически формирует характер. В гексаграмме на рисунке это настоящее представлено шестизначно, или двумя рядами тройственных связей. Фигура гексаграммы обычно рисуется так, что линии обоих треугольников не пересекаются, а проходят выше или ниже одна другой, что показывает, какой импульс является преобладающим в каждом отдельном случае: идущий ли из прошлого в настоящее или наоборот. На рис. 116, 119 это также означало, идет ли импульс снизу — из тела через душу — или сверху, из сферы сверхсознания. Идущее сверху всегда имеет перевес над идущим снизу, и от этого зависит очень многое в нас. Рудольф Штайнер дает, например, такие связи: перевес физического тела над эфирным обуславливает восприятие чувственного мира, эфирного над астральным — физически органические процессы, перевес «я» над астральным — слияние «я» с мышлением, чувствованием и волением (134; 29.XII). И так далее, скажем мы, поскольку картина эта необычайно многообразная.

Таким образом, карма настоящего, карма характера, характерологической основы ткется шестью факторами: в ней действуют два рода мышления, чувствования и воления; а с другой стороны, ее пронизывают импульсы будущего, настоящего и прошлого. Преобладает во всем этом чувство и настоящее. Поэтому знак кармы настоящего есть крест внутри гексаграммы, в котором вертикальная ось выражает собой настоящее, соответствующее вертикальной оси на рис. 116, 119, а горизонтальная ось — это два потока, текущие из прошлого в будущее и из будущего в прошлое. На скрещении осей рождается четвертый принцип — «я». Так троичность переходит в четверичность.

На следующем уровне мы входим в жизнь мышления, чувствования и воления, которые с рождением «я» получают сознательное отношение к тому, что Рудольф Штайнер поясняет следующей схемой:

То есть, в этом случае мысль, чувство и воля попадают в промежуток между членами четырехчленного человека, а в целом возникает семичленная, уже хорошо знакомая нам структура. В нее теперь с полным сознанием мы можем включить три элемента кармы. Структура эта выражается четырехугольником и треугольником или лемнискатой. Поэтому вспомним еще раз рис. 17, 18, 20, 21 и, взяв всю совокупность полученных теперь взаимосвязей, мы можем считать себя достаточно подготовленными, чтобы начать предметный разговор об антропософском учении о карме.

Далее можно углубиться в науку посвящения, продумывая в ряде вариантов соотношение треугольника и четырехугольника сил. У Рудольфа Штайнера мы читаем о них следующее: «Этой жизнью (четыреугольник), из которой лишь подобно тени поднимается мышление, чувствование и воление (треугольник), этой жизнью наших инстинктов, потребностей, нашего темперамента мы куда более тесно, чем считаем, связаны с действительностью. Подобно тому, как наша душевная жизнь трехчленна, эта действительность всегда четырехчленна и такой всегда была для посвященных. И если таким образом рассмотреть всего человека, то мы получим семичленное существо. Только низшие члены, те, в которых человек некоторым образом повторяет животное, более интенсивно содержат в себе характер действительности, чем тeneвым образом дистиллированные абстракции мысли, чувства и воли». Мир четырехугольника должен быть облагоустроен, иначе он станет миром зла. Помочь тут можем сверхчувственное познание, ибо, если «человек погружается в материальное, то (многое) зависит от того, погружается ли он чисто этически, со свободным образом мыслей, или это происходит с нечистым, аморальным, несвободным, т.е. с эмоциональным, инстинктивным, животным настроением» (198; 17.VII).

Итак, соединяя познание и нравственность, внося в абстрактное мышление жизнь путем изменения его формы, мы, начиная с логического, меняем содержание как треугольника, так и четырехугольника. В троичности мысли, чувства и воли оживает тройственный дух; на вершине низшее «я», пройдя через «умри и будь», метаморфизмуется в Я высшее. Фигура в целом принимает характер лемнискаты, где отношение 3:4 вмещает в себя отношение 5:7 (см. рис. 138).

Верхнее кольцо лемнискаты (как и треугольник) работает как вне, так и внутри нижнего: микро- и макрокосмически. В работе над собой человек может достичь момента, когда верхнее кольцо разомкнется в сторону Универсума. Тогда откроется сверхчувственное познание. На новом пути посвящения оно должно разомкнуться как вовнутрь, так и вовне, что означает соединение в акте посвящения мистического, дионисийского, пути и аполлонического, гетеанистического.

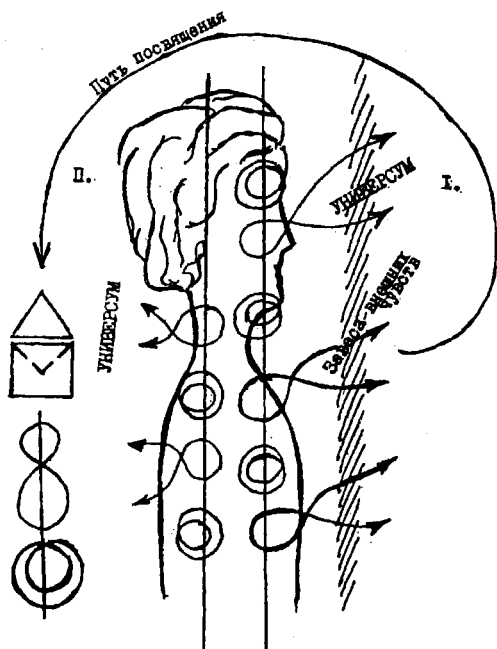

Рис. 138

Чувственно видимый облик человека оплотнел из имажинативно-го облика. Выражением этого процесса является строение позвоночника и ребер. Ребра — это, по сути, оплотневшие верхние кольца лемнискат. Выше, к голове они замыкаются в круг, внизу они и у физического человека остаются разомкнутыми, поскольку в системе обмена веществ и конечностей правит бессознательная воля.

Развитие, идущее в направлении интеллектуализации, замкнуло ребра в кольца; а головное образование, как метаморфоза позвонка, повернуло второе кольцо лемнискаты внутрь себя. В процессе духовного развития человек имеет задачу эту «головную» лемнискату разомкнуть, направив вовне два луча, исходящие из двухлепесткового лотоса, и пронизать ими завесу внешних чувств. Далее процесс размыкания должен идти вниз, вдоль всего позвоночника. Его подготовка совершается в пространстве, свободном от прямого действия люциферических и ариманических сил, каковым является пространство эфирного тела и души рассудочной, осеняемое Жизне-духом. Чтобы уверенно выступить за пределы этого пространства, необходимо иметь сильное живое мышление и глубокую моральность. Первое вырабатывается под знаком: «Не я, но Христос во мне», — второе — под знаком: «Бог есть Любовь».

ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СЕМЬ СТУПЕНЕЙ МЕДИТАЦИИ КАМНЯ ОСНОВЫ

ВСЕ БЫТИЕ в нашем цикле развития, простирающемся от древнего Сатурна до будущего Вулкана, подчинено закону метаморфозы, явленному в бесконечном разнообразии форм. Неоднозначно подчинен ему и человек. Через один род метаморфоз он проходит бессознательно: в ходе земной жизни, в ходе ряда жизней, в реинкарнации. Но, как сказано в «Философии свободы», «последний чекан» человек дает себе сам, в полном сознании. И это есть чисто духовная метаморфоза. Она не возникнет, если человек, собрав достаточно сил, не вызовет ее в себе сам. Она венчает все другие метаморфозы, дает им смысл и направление. Без нее они были бы обречены на нищевское «вечное возвращение».

Одним из значительнейших способов ввести себя в духовную метаморфозу является углубленное сопереживание христианских праздников года, достигаемое с помощью медитативной работы соответствующего рода. Правда, ныне откуда только не услышишь настоятельные советы делать медитации. Молчание в этом вопросе хранит, пожалуй, одна только Христианская церковь, т. е. та инстанция, от которой подобные советы, вероятно, только и должны были бы исходить. Антропософия восполняет этот не сказать пробел, но — глубоко трагическое упущение. Ибо медитации медитациям рознь. И если ложные пути рефлектирующего мышления вызвали невиданный кризис цивилизации, то положение может стать совершенно безвыходным и безнадежным, если в европейской культуре возобладает несоответствующая ей, не христианизированная медитативная работа человеческого духа. Ибо медитация не рефлективна. В ней реально и непосредственно сознание приходит в единство с бытием. И если это делается правильно, то медитативная работа отдельных людей вносит даже в социальную жизнь оздоравливающие импульсы большой силы. Они той же природы, что и импульсы, порождаемые молитвенной практикой, если она не принижается до чисто душевных, эмоциональных усилий, чем лишь ослабляется связь человеческого духа с Божественным миром.

Христианская цивилизация способна пронизать собой все сферы человеческой жизни. Есть у нее свое слово и в медитативной прак-

тике. Это слово зиждется на точном знании природы человека, какой она сложилась именно к настоящему времени. Современный человек владеет абстрактным мышлением. Однако учась мыслить по законам той логики, где живое развитие мысли проходит по семи ступеням, мы подготавливаем себя к переживанию самих мыслесуществ божественного мира. Но реально к этому можно прийти лишь в медитативном сознании, восходящем на ступени имажинации, инспирации и интуиции. Чтобы медитативное сознание не погасило плоды личности, а, напротив, привело их к возвышению, содержание медитаций должно быть построено на основе точного знания существа человека и принципов его развития. Лучшие медитации — те, которые звучат *непосредственно из мира Божественных Иерархий*. И именно такие медитации даны Рудольфом Штайнером. Среди них совершенно особое место занимает так наз. медитация Камня основы, данная в 1923/24 гг. на Рождественском собрании Всеобщего Антропософского Общества. Этому собранию Рудольф Штайнер придавал особое значение. По его словам, силы союза, установленные благодаря собранию, с добрыми духовными существами, т. е. с Божественными Иерархиями, смогут преодолеть мощные враждебные демонические силы, использующие земного человека в своих целях (37; с.236). Если произошедшее на Рождественском собрании поставить со всей серьезностью перед душой, то тогда оно «пошлет в душу сильный импульс, который подвинет ее на исполненные силы действия, в которых нуждается современное человечество, дабы в ближайшие инкарнации люди оказались в состоянии встретить Стража Порога, т. е. цивилизация стала бы такой, что сама, как цивилизация, могла бы стоять перед Стражем Порога» (260; с.261).

Для того, чтобы серьезно поставить перед душой Рождественское собрание, требуется многое. Необходимо основательно заняться собой, собственным развитием. Но тем, в чем и работа над собой, и служение миру сливаются воедино, несомненно является медитация Камня основы. Работа с нею означает принятие импульсов Рождественского собрания и служение всему, что связано с ним. Она является совершеннейшим средством введения индивидуального духа в спиритуальную метаморфозу. Природными метаморфозами обусловлено развитие нашего тройственного тела. Жизнь в обществе: прохождение через школьное воспитание, работа по профессии, развитие индивидуальных интересов и т. д., — все это способствует развитию тройственной души. Но у этих метаморфоз есть предел: они не рожают свободного духа, для чего духовная метаморфоза должна быть уподоблена природному процессу, должна стать сущностной. Поэтому и осуществить ее можно лишь подражая природе, вызывая во внутренней, душевно-духовной жиз-

ни процессы, проходящие через цепь реальных метаморфоз. Медитация Камня основы может стать содержанием такого процесса, поскольку построена по законам имажинативной логики; ее «материя» онтологична и имажинативна. Данная мышлению, она вводит его не в теневую, а в живой процесс, где в мыслительном действуют законы бытия. А поскольку это медитация, а не умозаключение, то бытие ее сверхчувственно. Что касается ее содержания, то оно поистине всеобъемлюще.

Медитация состоит из четырех отделов. Они соответствуют, или в них выражено переживание четырех зон развития. Это, можно сказать, встает в первую очередь, а затем открывается, что первые три зона содержат в себе проекцию на будущие три зона, и т. о. медитация объемлет все семь зон. Переживая первый отдел медитации, можно сверхчувственно проникнуть в состояние древнего Сатурна с его Отчим принципом, господствующим в нашем теле и в нашей воле. Во втором отделе встает древнее Солнце с его принципом Сына, господствующим в нашей душе, в чувстве. Третий отдел имеет отношение к древней Луне с ее принципом Святого Духа, господствующим в нашем духе, в мышлении. Все три отдела, в порядке их следования, соответствуют человеку обмена веществ, ритма и головы. В четвертом отделе встает земной зон, где человек обретает индивидуальное «я» и приводит его в связь со Христом, осуществляя принцип: «Не я, но Христос во мне». Благодаря этому работа с первыми тремя отделами может быть возвышена до переживания тройственного духа, а вместе с тем и трех грядущих зон. Происходит это таким образом, что человек возвышает свое микрокосмическое, выраженное во вторых *частях* первых трех *отделов*, до макрокосмического, выраженного в их первых частях. При этом нам на помощь может прийти многое из того, о чем шла речь в предыдущих главах.

Работа над медитацией, как это дано Рудольфом Штайнером, проводится в семь приемов, благодаря чему мы вызываем реальную метаморфозу нашего духа, которая затем оказывает свое действие на все, вплоть до нашего физического тела. Семь приемов — это семь медитативных формул, образованных из различных частей медитации. Работу с ними следует проводить в соответствии с днями недели. Неделя представляет собой минимальное выражение всего нашего эволюционного цикла. Поэтому каждый ее день стоит под влиянием определенной планеты. Совершая каждый день соответствующую медитативную работу, мы вписываемся в космическую конstellацию текущего дня.

Цикл упражнений следует начинать в субботу, которая управляется Сатурном и служит воспоминанием о древнем Сатурне. Для каждой ступени цикла Рудольф Штайнер берет определенные части

медитации и кристаллизует из них медитативную формулу, с которой, собственно, и надлежит работать. Однако предварительно необходимо хотя бы совсем короткое время пережить и ее исходный материал. В пятницу, день будущей Венеры, цикл заканчивается. Текст всей медитации в целом при этом следует пережить как восьмую ступень, ту, скажем опять, октаву, к которой восходит седмица недельных упражнений.

Медитируя таким образом по дням недели, мы превращаем недельный цикл в небольшую метаморфозу нашего духа. Успех, достигнутый за одну неделю, не может быть значительным; в то же время недели перестанут быть однообразной серой чередой дней с экзотическими, непонятными названиями. Вместо этого придет сознательное отношение к космосу, к эволюции и к повседневному. Двигаясь малыми недельными циклами, мы также придем в более осознанную связь с седмицей праздников года. Она даст богатую окраску неделям, вычленив в них *сезонные* отличия и многое другое. Так ступим мы на путь посвящения, основа которому была положена на Рождественском собрании 1923/24 года.

Ныне предпринимаются многочисленные попытки исказить антропософский эзотерический праксис и весь даваемый Антропософией путь посвящения. Его пытаются объединять с фрагментами древних, ставших атавистическими, приемов посвящения. Создаются разного рода эклектические комплексы упражнений, куда включают и кое-что из того, что дано Рудольфом Штайнером. Уже встречаются случаи, когда само изучение Антропософии превращается в насилие над духом. Например, читают по 12 раз подряд каждый цикл лекций в надежде на то, что содержащуюся в нем духовную силу можно будет стусить и ею попросту «продать» завесу, отделяющую чувственный мир от сверхчувственного; стремятся создать такое духовное перенапряжение, при котором духовное знание подействовало бы ослепляюще, погасило бы сознание и втолкнуло читающего в состояние транса, а следовательно, — и сверхчувственного опыта. Наш мир переполнен насилием. Проникает оно и в сферу духовных исканий. Кучки честолюбцев, будучи не способными войти в мир духа «через дверь», штурмуют «окна» и «ограду». Гибельные последствия ожидают душу, вступившую на подобный путь, и они будут тем губительнее, чем дальше душа по нему продвинется. Большой грех берет на себя человек, не желающий развиваться духовно, но величайший грех составляет намерение развиваться вопреки поволенной Богом эволюции. Ибо душа рискует тогда вообще из этой эволюции выпасть, безнадежно отпасть от Бога.

Через Антропософию миру дана новая, отвечающая современной стадии развития, наука посвящения. Она, несомненно, сложна, но целостна в себе. Она позволяет вступить на путь посвящения, зная

заранее, что ожидает идущего по нему. Для этого с самого начала следует развивать и укреплять силы мыслящего сознания, учиться вносить волю в мышление. Затем необходимо развивать душевную жизнь, но не уединенно, условно, а в конкретной связи с социальной жизнью; необходимо христианизировать душу, пробуждать в ней сочувствие, сострадание, любовь к ближнему. Ибо *по законам человеческих добродетелей* протекает бытие в том мире, куда человек вступает благодаря истинному посвящению. Не имея в себе развитых добродетелей, человек, вступив в тот мир, оказался бы в вопиющем противоречии с его законами.

Молниеносно, одним скачком, человеку не дано изменить себя. Краткий миг способен переменить наши представления, но не астральное и эфирное тела. Поэтому новый посвятельный путь эволютивен. Медитация Камня основы всецело отвечает этому *эволютивному* принципу, поэтому она образует семь ступеней. Они суть не абстрактно построенная семеричность, а цепь метаморфоз, органично вырастающих из принципов троичности, на которых построен общий текст медитации. Высшая Троичность Бога-Отца, Сына и Святого Духа образует основу первых трех отделов медитации и нисходит в них по ступеням трех Иерархий до трехчленного человека конечностей, ритма и головы, а также воли, чувства и мысли. В образовании ежедневных медитативных формул троичности варьируются в различных модуляциях и метаморфизируются при переходах со ступени на ступень. Рассмотрим все это детально, для чего возьмем сначала весь текст медитации. Для удобства пользования обозначим в нем отделы римскими цифрами, а части арабскими.

I.1. «Душа человека,
Ты живешь в конечностях,
Которые тебя через мир пространства
В сущность моря духа несут:
Упражняйся в *памятовании* о духе
В душевных глубинах,
Где в правящем
Бытии Создателя мира
Собственное я
В Божественном Я
Пребывает;
И ты будешь поистине *жить*
В мировом существе человека.

I.2. Ибо правит Дух-Отец в высях,
В глубинах мира бытие порождая.
Серафимы, Херувимы, Престолы,

Дайте из высот прозвучать (тому),
Что в глубинах найдет эхо;
Оно гласит:
Из Бога рождается.
Это слышат элементарные духи
На востоке, западе, севере, юге:
Да услышат это люди.

II.1. Душа человека,
Ты живешь в биении сердца и легких,
Которое тебя через ритм времени
К чувству собственной душевной сущности ведет:
Упражняйся в *размышлении* (Bessinen) о духе
В душевном равновесии,
Где волнующиеся
Деяния мирового развития
Собственное я
С мировым Я
Соединяют;
И ты будешь поистине *чувствовать* (себя)
В душевной деятельности человека.

II.2. Ибо правит Воля Христа в окружении,
В мировых ритмах благословляя души.
Господства, Силы, Власти,
Дайте с Востока возгореться (тому),
Что через Запад формируется;
Оно гласит:
Во Христе умираем.
Это слышат элементарные духи
На востоке, западе, севере, юге:
Да услышат это люди.

III.1. Душа человека,
Ты живешь в покоящейся голове,
Которая тебе из основ вечности
Мировые мысли открывает:
Упражняйся в *узрении* духа
В покое мышления,
Где вечные цели Богов
Мировой сущностный свет
Собственному я
Для свободной воли
Даруют;

И ты будешь поистине *мыслить*
В духовных основах человека.

III.2. Ибо правят Духа мировые мысли,
В Существо мира моля о свете.
Архаи, Архангелы, Ангелы,
О, дайте из глубин испросить,
Что в высотах будет услышано;
Оно гласит:
Со Святым Духом воскресаем.
Это слышат элементарные духи
На востоке, западе, севере, юге:
Да услышат это люди.

IV. На повороте времен
Вступил свет мирового Духа
В земного существа поток;
Ночи тьма
Была преодолена,
Ясный свет дня
Воссиял в человеческих душах;
Свет,
Что согревает
Бедные сердца пастухов;
Свет,
Что просветляет
Мудрые головы царей (волхвов).

Божественный Свет,
Христос-Солнце,
Согрей
Наши сердца;
Просветли
Наши головы;

Чтобы добром стало,
Что мы
Из сердец (исходя) основываем,
Из голов (исходя)
Исполненным цели хотим вершить» (260; стр.266—269).

На первой ступени, в качестве исходного, Рудольф Штайнер берет микрокосмические части первых трех отделов: I-I, II-I, III-I и кристаллизует из них следующую медитативную формулу:

Памятуй о духе *	Размышляй о духе *	Созерцай дух *
Собственное я В Божественном Я Пребывает —	Собственное я С мировым Я Соединяют —	Собственному я для свободной воли Даруют —

Взятая в целом, эта формула есть некоего рода тезис, где — вспомним слова Беме — «первосущество» получает свой безмолвный, замкнутый в себе образ. Но, в отличие от Беме, в этой формуле образ подвижен внутри целого, благодаря соотношению своих частей. В нем происходит восхождение от памятования через размышление к созерцанию, что становится возможным благодаря тому, что «я», вначале тождественное с Божественным Я, силою Христа обретает самобытие, существует как отдельное «я», и уже таковым приводится в связь с Я. И этому «я» силою Святого Духа даруется свободная воля. Памятование — волевой природы, размышление, каким оно выражено в медитации (Besinnen), — чувственной; это то живое мышление, в котором бытие и сознание приходят к единству. Можно сказать, что речь здесь идет о *переживании* мышления: упражняйся в переживании мышления, тогда можно прийти к его созерцанию, нам откроется сверхчувственный опыт, в котором субъект мышления и объект — одно, а мышление открывается как состоящее из субстанции воли.

Итак: Отчая воля, данная человеку в воспоминании; чувство-переживание мышления; созерцание воле-мышления. В этой тесной взаимосвязи микрокосм и открывается как отражение высшего Троиинства. При этом мысль, чувство, воля образуют верхний, проявленный слой микрокосмического существа, а в подосновах его идет тройственная метаморфоза «я», пребывающего в лоне трединого Бога.

Поистине трудно представить себе что-то иное, столь необъятное по содержанию и в то же время столь лаконичное по форме выражения, как эта медитативная формула. Потому она и обладает внутренней силой, изливающейся в душу в процессе не мыслительного, а медитативного усилия, при котором мы стараемся просто жить в этих словах, стать с ними одним.

На второй ступени (воскресенье) за исходное берутся те же части медитации, что и на первой, но из них образуется иной мантрам:

Собственное я В Божественном Я Пребывает	Собственному я Для свободной воли Даруют

Жить
В мировом существе
человека

1.

2

Собственное я
С мировым Я
Соединяют

Чувствовать
В душевной деятельности
человека

Мыслить в духовных
основах человека

3.

То, что в первой медитации было второй частью, здесь выступает первой, а далее раскрывается то, что лишь внутренне присутствовало в первой части первой медитации: жить — чувствовать — мыслить. К этому добавляется человек тела, души и духа. Так образуется антитезис, «микрозон» древнего Солнца в микрокосмосе отдельного человека. На второй ступени все пронизано элементом эфирных сил; на первой же ступени мы, по преимуществу, строили на физическом, на мышлении, опирающемся на физический мозг и стремящемся преодолеть связи с ним, чтобы опереться на мозг эфирный. В отличие от метаморфозы в сфере биологии и абстрактного мышления, где первая ступень исчезает в небытии при переходе на вторую, в медитативной метаморфозе, поскольку мы проникаем в сферу сверхчувственного, куда уходят и откуда возвращаются ступени иных метаморфоз, остается видимым и промежуточное состояние, отделяющее одну ступень от другой. Если бы медитация строилась, скажем, по принципу имитативной логики, то можно было бы первую и вторую ступени сократить до формул: 1) Памятуя о духе; 2) жить в мировом существе человека, и т. д. Ибо 2-е тут имманентно присутствует в 1-м. Но нам дан еще и иной текст. Он раскрывает, почему это обстоит именно так. Процесс имеет две стороны: Божественное творчество и его результат — человек мыслящий, чувствующий, волящий.

И еще нам необходимо отметить одно отличие медитативного мышления от логического. В медитации отсутствует диалектика мышления, она в ней преодолевается. Движение мысли при медитировании тождественно движению сил в мире сущего, где противоречия сняты, а развитие остается. Нужно обстоятельно обдумать этот факт. Из него станет ясно, почему медитативное мышление представляет собой более высокую, по сравнению с логическим мышлением, ступень и почему *настоящая практика медитации возможна лишь в сфере европейской культуры*.

На третьей ступени к первым частям трех первых отделов добавляется по две первых строки из вторых, макрокосмических частей. На такой основе образован мантрам:

Упражняйся в памя-
товании о духе

Ибо правит Дух-Отец в
высях,
В глубинах мира
бытие порождая

1.

Упражняйся в
узрении духа

Ибо правят Духа
мировые мысли,
В существе мира
моля о свете

3.

2.

Упражняйся в размы-
шлении — пережива-
нии духа

Ибо правит воля
Христа в окружении,
В мировых ритмах
благословляя души.

Это синтез, соответствующий зону древней Луны. Медитация делается в понедельник. В ней из лона триединого Бога восстает человек, обладающий тройственной душой. Он потому может помнить, мыслить, созерцать, что, с одной стороны, обладает системой обмена веществ, ритма и нервов, а с другой — тройственным телом. Обо всем этом шла речь в предыдущих мантрах. Теперь открывается первоисточник человеческого самобытия — Сам Бог. Микрокосм пришел в связь с макрокосмом благодаря тому, что первоначально положенное: Упражняйся в памятовании о духе и т. д., через пробуждение в себе трансцендентного: жить в мировом существе человека и т. д. — возвращается к себе, к Я, из которого оно изошло, но уже с плодами «я», живущего в тройственной душе. Это «я», как такое, еще не вполне проявлено. Оно существует как тройственная деятельность мышления, чувствования и воления, но несомых высшей силой; этому «я» еще недостает самобытия, оно несколько сверхлично.

На четвертой ступени, в день Марса, Я из лона триединого Бога нисходит в мир Иерархий, которыми обусловлено все многообразие чувственного мира. Все три отдела звучат целиком, за исключением двух последних строк. И возникает следующее:

Упражняйся в памято-
вании о духе

Серафимы, Херувимы,
Престолы,
Дайте из высот
прозвучать, что
в глубинах найдет эхо

1.

Упражняйся в
узрении духа

Архаи, Архангелы,
Ангелы,
Дайте из глубин
испросить, что в высо-
тах будет услышано

3.

2.

Упражняйся в раз-
мышлении-пережива-
нии духа

Господства, Силы,
Власти,
Дайте с Востока воз-
гореться, что через За-
пад образуется

Развитие идет вширь. В имажинативной логике эта ступень соответствует созерцанию. Дарованная человеку искра Я деятельностью всех трех Иерархий несется в глуби, выси и шири мира. Человек осваивает мир, воспринимая его, но не в первозданном своем состоянии, а уже как обладающий «я». Поэтому вновь повторяется рефрен, выраженный в тезисе. На четвертой ступени в тройственном «упражняйся» необходимо полностью отдаться воле Иерархий, разлиться через их деятельность (а не произвольно) в мире — в глуби, выси, шири, из которых навстречу упражняющемуся встают Отец, Сын и Святой Дух. Это движение необходимо постоянно сопровождать внутренним движением от памятования через размышление к узрению, к имажинации, — вертикальным движением, соответствующим восхождению «я» через три сферы души.

На пятой ступени звучат первые части трех первых отделов и весь четвертый отдел. Мы вступаем во вторую половину земного зона — *из эволюции в историю*. Здесь все пребывает под знаком Мистерии Голгофы. Мудрость и Любовь приходят к единству:

1. Упражняйся
в памятовании
о духе

2. Упражняйся
в размышлении-пере-
живании духа

3. Упражняйся
в узрении духа.

4. Чтобы добром стало,
Что мы
Из сердец основываем,
Из голов (исходя)
Исполненным цели
Хотим вершить.

Новый христианский путь посвящения характерен прежде всего тем, что на нем познание неразрывно связано с сознательным отношением к морали. И это не та люциферическая мораль атавистического оккультизма, к которой прибегают с единственной целью — не осложнять проникновение в сверхчувственные миры. На христианском пути человек стремится к высшему развитию ради того, чтобы служить людям. Такой человек переживает свое «я» в гармоничном взаимодействии ума и сердца, к которому он приходит в результате решения тех задач, которые были поставлены на

предыдущих ступенях. Там он должен был осознать себя и встать под водительство Иерархий. На пятой ступени необходимо суметь пожертвовать завоеванным «я» и сказать себе: «Не я, но Христос во мне». Ибо перифраз этого принципа и представляет собой вторая часть последнего мантрама. Здесь «я», упражняющееся трояким образом, ставшее «Я», приносится в жертву.

После совершения жертвоприношения возрожденное во Христе «я» получает свою индивидуальную задачу: нести Христову силу в мир людей и элементарных духов (а, значит, царств природы). Эти духи принесены в жертву ради возвышения человека («стенает всякая плоть»), и потому он обязан уплатить им свой долг.

Христос, пройдя через Мистерию Голгофы, соединился со всеми царствами Земли и с человеческим родом. Пронизанное Христом «я» становится Христофорусом и вершит на Земле Его дело. Мантрически *на шестой ступени* это выражается так, что звучат микрокосмические части первых трех отделов и весь четвертый отдел, а затем образуется:

Божественный свет,
Христос-Солнце.
Это слышат элементарные духи
На востоке, западе, севере, юге.
Да услышат это люди.

Таков поистине индивидуальный человек. Он должен быть способен совершенно альтруистически произнести мантрам из себя, ибо лишь силой Христа эти слова могут достичь в нем тех, кому они адресованы. В эгоистической душе они звучат сентиментально и превращаются во фразу. Шестая ступень чрезвычайно ответственна. Кто способен уплатить здесь свой долг, восходит к Самодуху. На этой ступени выступает чистый Я-принцип. Он уже не вспоминает, не размышляет и не созерцает, а служит. Эта его деятельность напоминает иную, которую некогда он совершал в Раю, давая имена творениям Божиим.

Следует еще сказать, что движение по ступеням медитации Камня основы имеет вид лемнискаты, в которой первые три ступени проходят во внутреннем круге, четвертая образует переход, а следующие три ступени переходят во внешний мир.

На седьмой, завершающей, ступени (пятница) звучит то же, что и на третьей ступени: все три отдела без последних двух строк. И нам должна быть понятна причина этого: на седьмой ступени синтез, достигнутый на третьей, восходит к своему последнему завершению — именно не восхождению, а завершению (что подобно значению праздника Михаэля в круге года).

Ты живешь в конечностях.

Ибо правит Дух-Отец
в высях,
В глубинах мира
бытие порождая
1.

2.
Ты живешь в биении
сердца и легких

Ибо правит воля
Христа в окружении,
В мировых ритмах
благословляя души

Ты живешь в покоя-
щейся голове

Ибо правят Духа
мировые мысли,
В существе мира поля
о свете
3.

Человек-микрокосм, как творение Божие, восходит на ступень единения с Макрокосмом, предвосхищая далекие ступени своего развития. Он приходит в соприкосновение с индивидуальным Жизнедухом, его пронизывает, как дар, приходящий из будущего, Жизнедух Христа.

В единении с Макрокосмом «я», живущее в человеке конечностей, ритма и головы, возвращается к себе, будучи наделено качеством Я.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ВХОДЯ В ДУХОВНУЮ НАУКУ Рудольфа Штайнера, мы как бы отправляемся в плавание по безбрежному «морю» миро- и человекопознания. Плавание это, проходящее под флагом «Познай себя», становится образом нашей жизни. Оно наполняет нашу жизнь смыслом и содержанием, ставит ей ясную цель. И в нем, как и в любом плавании по морям и океанам физического мира, необходимы «капитан», «штурман» и некоторые «навигационные приборы». В Мистериях древности «капитаном» ученика, отправлявшегося в плавание по морю сверхчувственного, выступал иерофант, учитель посвящения. В его руках были и «навигационные приборы». Ныне человеческое самосознание созрело настолько, что мы стали способны совместить в себе и роль учителя, и роль ученика. Мы теперь сами способны научиться ориентировать курс «корабля» нашей жизни по звездам, первой из которых — Христос-Солнце. Духовная наука для нас есть некоего рода самоучитель, по которому нам надлежит приготовить в своем «я» и «капитана», и «штурмана», что в переводе на язык науки означает: овладеть методологией Антропософии. «Навигационными инструментами», после соответствующей упорной и продолжительной подготовки, становятся наши мысли, чувства, волеизъявления, а также ожившие в тройственной душе понимание, способность различения, положительность, добрый нрав, человеколюбие, самоотверженность, мужество, способность на жертву и многие другие качества.

Чтобы совершить всю эту работу, недостаточно просто накапливать духовно-научные знания. Духовная наука, Антропософия — это духовная пища. Она, как и всякая пища, должна быть усвоена как средство, — средство питания индивидуального духа. Благодаря ей он растет, набирает силы и делается способным на самостоятельные действия, которые, в первую очередь, выражаются в способности человека ориентироваться в «океане» духовознания, самостоятельно прокладывать в нем курс своей конкретной жизни, а не только жизни вообще. Решению этой задачи и служит наше исследование. Оно представляет собой некоего рода методологическое введение в Духовную науку. Как и всякая наука, Антропософия обладает собственной методологией. Как и в случае любой науки, антропософски ориентированным духовознанием не овладеть, не будучи хорошо знакомым с его методологическими принципами. Методология образует центр на-

уки, кто им владеет, тот способен отдельные познания приводить в систему.

Но и более того можно сказать антропософскому читателю. Мы живем в оксидации второго импульса Антропософии, который из мира Иерархий должен прийти в наш мир, прежде чем Антропософия станет всецело его делом. Первый импульс был дан в ответ на все те вопросы, которые цивилизация накопила к концу XIX столетия — те вопросы жизни и познания, без ответа на которые стало невозможным дальнейшее развитие мира и человека. Теперь, в конце XX столетия, мы говорим: ответ на те вопросы дан. Дальше — дело за человеком. Если мы ничего не сделаем после того, как получили желаемые ответы, то будет бессмысленно в дополнение к первому давать второй антропософский импульс. В таком случае в мир пришли бы ответы на непоставленные вопросы.

Вот почему возникает задача употребить духовознание как духовную пищу, вобрать его в себя и дать ему умереть, чтобы оно затем возросло в нас плодами личности.

Познание Антропософии составляет этап, через который должен пройти каждый. На этом этапе полезно научиться соединять отдельные мысли, высказывания Рудольфа Штайнера в самостоятельные представления. Но если ограничиться только этим, мы породим еще одну форму теологии, которая довольно скоро перестанет что-либо давать и уму, и сердцу. Антропософия, становясь знанием как информацией, попросту забывается. Ну а что в Антропософии говорит прямо к нашему сердцу, не нуждается в посредниках и комментаторах, тут достаточно читать самого Рудольфа Штайнера.

Итак, чтобы второй импульс Антропософии пришел в мир, антропософы должны выйти ему навстречу, и не с жадностью получить новую информацию, а как способные родить Антропософию из себя.

В будущем мы станем духовную мудрость дарить друг другу, сходясь вместе под знаком духовного братства. Но чтобы нечто дарить, необходимо им обладать, необходимо собственные души и дух превратить в сосуды, достаточно чистые и совершенные, чтобы в них мог исходить «голубь» святого познания, живая мудрость. Поэтому Антропософию нужно изучать долго, напряженно и с живым участием.

Это совершенно логичное настроение, ныне широко распространяющееся среди антропософов, что нечего-де все время держаться за д-ра Штайнера, что, например, вальдорфская педагогика может идти дальше сама и без Антропософии и т. п. Такое настроение образует другую крайность по сравнению с намерением возвести антропософскую теологию. И оно столь же «умно», как намерение лишить дерево корней на том основании, что оно уже выросло. Мы имеем здесь дело с люциферически-ариманическим искушением. Эти

духи желают одним толчком перебросить нас в то состояние, когда мы будем рождать мудрость из себя, перебросить нас туда без способности это делать. Отдаваясь такому намерению, мы не только не готовим условия для прихода второго импульса Антропософии, а разрушаем под корень даже первый ее импульс.

Такая опасная тенденция нарастала десятилетиями. В начале 90-х годов создается впечатление, что она приняла необратимый характер. Все меньше появляется книг, являющихся плодом претворенной в индивидуальном духе Антропософии, подобных сочинениям Громана, Клооса, Хаушки, Пеликана, Бенеша, Вульфа и других, подобных им, авторов. Эзотерика, якобы из страха перед логической мистикой, изгоняется из Общества. Все заполняет плоское теологизирование — и в книгах, и в докладах. Большая доля вины в этом ложится на всех членов Общества и Движения в целом.

Коснеют и принимают все более ариمانизированный характер административные структуры антропософских объединений. Все активнее заявляет о себе непретворяемая, необлагораживаемая природа души, склада ума в людях, сходящихся на антропософской ниве для общих дел. Повсюду замечаешь призрачные тени каких-то страшных, абсолютно чуждых светлему духу Антропософии кулис. Удивляться этому не стоит, поскольку свято место пусто не бывает.

Проснемся ли? Восстанем ли?

Апокалиптический зов Ангела к Филадельфийской общине — к будущей славяно-германской культуре, обращен также и ко всем антропософам наших дней, поскольку они взяли на себя задачу, оздоравливая современную культуру, сея в ней семена доброго, прекрасного, вечного, готовить приход будущей культуры Самодуха. А потому, друзья, впишем в наши сердца огненными письменами Божественный призыв: «Дерзси, что имеешь, дабы кто не восхитил венца твоего!»

Москва — Дорнах,
19 сентября 1992 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Р.Штайнер. Методические основы Антропософии. Сборник статей 1884-1901 гг. Дорнах (Швейцария), 1961, с.243—244. (нем.).

² Р.Штайнер. Истина и наука. Москва, изд-во «Духовное знание», 1913, с.14.

³ R.Steiner, Die Philosophie der Freiheit. Dornach/Schweiz, 1973, S.29.

⁴ Ibid., с.88.

⁵ Ibid., с.95.

⁶ Р.Штайнер. Методические основы..., с.411.

⁷ R.Steiner, Die Philosophie der Freiheit, S.250.

⁸ Ibid, S.49.

⁹ Таково было решение 8-го Вселенского собора, состоявшегося в IX в. по Р.Х. в Константинополе.

¹⁰ А.Тонди. Иезуиты, Москва, 1955, с.296.

¹¹ См. А.Горбовский. «Книга гипотез». Отрывки опубликованы в журнале «Спутник» (Дайджест советской прессы и литературы), № 8, 1987.

¹² См. Драмы-Мистерии Рудольфа Штайнера.

¹³ Heidegger, Holzwege. Frankf. a. M., 1963. S.69-70.

¹⁴ К.Г.Юнг. Избранные труды по аналитической психологии. Под редакцией Э.Метнера. «Психологические типы», Цюрих, 1929, с.15.

¹⁵ Там же, с.63.

¹⁶ Там же, с.4.

¹⁷ Там же, с.3.

¹⁸ Там же, с.8, 474-475.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, с.404.

²¹ Там же, с.406-408.

²² К.Г.Юнг. Избранные труды... Либи́до, его метаморфозы и символы. Цюрих, 1929, с.V—VI.

²³ Начнем мы с того, что посмотрим, действительно ли Юнг вносит что-то существенно новое в фрейдовский «пансексуализм». По поводу трактовки Фрейдом греческого мифа об Эдипе Юнг пишет: «Такое расширение зрения имеет в себе нечто от откровения. ...на школьной скамье едва можно было удержать скептическую усмешку, считывая нескромным образом возраст матроны Пенелопы... Не знали мы тогда... что мать может означать для сына всепожирающую страсть...» (с.2; здесь и далее цитируется «Либи́до, ее метаморфозы и

символы»). Однако, когда Юнг заявляет уже от себя: «Фаллос есть источник жизни и libido, великий создатель и чудотворец» (с.80), то это звучит всего лишь откровеннее и непристойнее, чем у Фрейда.

Позволив себе подобное, извлечь все остальное не составило для Юнга никакого труда: «...в начале была libido неразличимая и двуполоая» (с.135); «...изобретение добывания огня обязано стремлению поставить на место полового акта символ» (с.131); «...символы землешаства. В этой последней деятельности голод и кровосмешение переплетаются друг с другом» (с.134).

Так это якобы было в далеком прошлом; но не иначе, по мнению Юнга, обстоит дело и в современной культуре. Например, в таинственной сцене нисхождения гетевского Фауста к Матерям он, оказывается, нуждается «в фаллическом волшебном жезле для того, чтобы совершить величайшее из чудес, именно создание Париса и Елены... при посредстве незаметного маленького инструмента» (с.104). А вот доказательство:

«Мефистофель: Вот ключ...

Фауст: В руке растет, блестит, сверкает он».

В другом месте Юнг объясняет происхождение образа Агасфера. У суфиев, говорит он, встречается фигура, параллельная Агасферу, ее зовут аль-Хадир, или Хидгер — «вечно-юное» божество или полубожество. Старинные комментаторы, утверждает Юнг, отождествляли его с Илией. А Илия — это «своего рода Гелиос». Далее Юнг предлагает взять 3-й стих из 16-й главы Ев. от Матфея и сцену преображения Христа, и нам, как он считает, должно стать ясно, «что Христос стоит на одном уровне с Илией», хотя и не отождествлен с ним. И, «как мы видим, можно перебросить вполне удобно проходимые мосты от Христа через Илию к Хидгеру и Агасферу» (с.172). И весь этот набор слов Юнг считает достаточно убедительным. — Почему? Да потому, что, кто знает, кто такой аль-Хадир, Агасфер, если и во Христа-то можно лишь верить и ничего не знать о нем? Невежество современников и этический индифферентизм — вот чем пользуется Юнг, сокрушая европейскую культуру с колоссальным успехом. Но «наука» Юнга построена по принципу: если уже переломана мебель и перебита посуда, то почему бы, наконец, не поджечь и весь дом?

Юнг признает в Христианстве наличие «мыслительных форм», «жизненной мудрости», которые «могут все еще быть полезными каким-нибудь образом». Но главным его недостатком, считает он, его «подводным камнем является злосчастное сцепление религии и морали (!) Вот что надлежит преодолеть». И Юнг это преодолевает. Он разъясняет: «Так как божественное в нас и есть libido, то мы не

должны удивляться тому, что в нашей теологии мы захватили с собой из глубин веков образы седой старины, придавшие богу тройственный вид. Этого тройственного бога мы переняли из фаллической символики... Мужские половые органы составляют основу этой тройственности» (с.177). Соответственно и «традиционное изображение распятия с Иоанном и Марией с двух сторон тесно примыкает к тому же кругу представлений, совершенно так же, как распятие с разбойниками» (с.178). Наша вера в «религиозные символы» есть не что иное, как «бессознательная трансформация кровосмесительного желания» (с.207-208).

Однако из всего этого, как считает Юнг, вовсе не следует, что нужно отказаться от Христианства, ибо не следует забывать, что мы принимали его «для того, чтобы спастись, наконец, от грубости античного мира» (с.206).

Таков итог. Мы не станем приводить другие выкладки Юнга (а их у него множество), призванные «оздоровить» нашу психику, поскольку не рискуем более испытывать нравственное чувство и нервы читателя. Ведь даже самому Юнгу в конце концов от его собственных опусов становится не по себе. Представляется, как этот ученый, весь потный и багровый от стыда (легко ли выставить себя *neglige* перед всей образованной публикой начала XX века!), переходит к обороне и начинает оправдываться, чтобы в следующий момент сказать очередную пакость. «Нам не трудно понять возмущение, — говорит он, — поднимающееся против психоаналитического вскрытия действительности... Всегда и повсюду наталкиваешься на непристойный момент сексуальности, представляющийся каждому современному благомыслящему человеку как нечто грязное». Но что делать, если Христианство «является негативом сексуального культа в античном мире» (почему негатив и что такое в подобном контексте негатив — не разъясняется) и «блаженной памяти св.фаллос принимает почитание в сельских часовнях...» (с.204—206).

Можно, конечно, возразить Юнгу и по существу. Можно, например, показать, сколь возвышенны были культы и Мистерии в древности, в то время, как Юнг берет лишь их самые поздние, упадочные (и не повсеместные) формы. Можно было бы сослаться на Августина, назвавшего Платона и Аристотеля христианами до пришествия Христа. Можно было бы вспомнить моральный облик Сократа и т. д. Но делать все это нет смысла, ибо проблема заключается в декадентском, впадающем в варварство духе нашего времени и в самом Юнге, в его психике. Она у него патологична и потому, да простят нам это сравнение, во всякой выпуклости и вогнутости, где бы они не повстречались (рельеф местности здесь также не составляет исключения), он всегда видит одно и то же. И пусть нас не обвиняют в том, что мы вырвали цитаты из контекста. У

Юнга весь контекст таков. В негоходишь, словно в густой чад; и он не убеждает, а морочит, притупляет и оглушает.

Ключ к пониманию патологии Юнга дает обращение к его биографии. Известно, что в раннем детстве он свалился с лестницы и сильно поранил голову. В другой раз он едва не упал с матерью в реку, где они могли бы утонуть. Он часто переживал в раннем детстве безотчетное чувство страха, и т. п. В своей автобиографии он рассказывает об одном сновидении, привидевшемся ему года в четыре. Ему приснилось, что он попал в подвал, в подземный свод, где он увидел некое гигантское древоподобное образование с чем-то вроде глаза на верхушке. Десятилетия спустя, уже обогащенный психоаналитическим опытом, он «догадался», что это был ритуальный фаллос, «подземный бог, о котором никогда не упоминают». И Юнг решает: «Через этот детский сон я был посвящен в царство тьмы (выделено нами. — Авт.) (C.G.Jung, *Erinnerungen, Traeume, Gedanken, aufgezeichnet und herausgegeben von A.Jaffe. Zuerich, 1963. S.21*).

Так разве же не симптоматично, что оказать услугу в укреплении «подлинно религиозного ядра» нам пытается человек, заявляющий о том, что он был посвящен в «царство тьмы»? Его защитники, вероятно, скажут, что признание его не более чем гипербола, полет фантазии. Ведь в наше время таким образом можно уйти от ответственности за любые слова. Но тогда, не имея понятия о существе инициации, почему он берется судить о Мистериях и о самом Христианстве? Однако вернемся к нашему основному изложению, подчеркнув еще раз, что Христианство составляет главный объект юнговской «культурологии»; он не оставил в нем ни одного места, не втоптанного в грязь.

²⁴ C.G.Jung, *Die Psychologie der unbewussten Prozessen*. (В позднейших изданиях носит название: «Das Unbewusste im normalen und kranken Seelenleben»). Kap.5. Zuerich, 1917, S.120.

²⁵ См. «Психологические типы». Предисловие Э.Метнера. (Прим. 14).

²⁶ К.Юнг. Психологические типы, с.177, 179.

²⁷ Н.С.Семенкин, *Философия богоискательства. Критика религиозно-философских идей софиологов*. Москва, Политиздат, 1986, с.7, 170—171.

²⁸ Lothar-Ruediger Lutge, Carlos Castaneda und die Lehren des Don Juan. 1986, Breslau, «Esotera Taschenbuecherei».

²⁹ Чтобы не быть все-таки обвиненными в предвзятости, мы приведем одно документальное свидетельство. Если это газетное объявление сравнить с тем, что происходит в Европе и Америке, то оно — сущая малость. Но кто понимает сложившиеся в Вост. Европе отношения и настроения, тот усмотрит в нем симптомы наихудшего рода.

Литературно — художественная газета таинственных случаев и аномальных явлений. 16 больших страниц. Фото — графия. Иллюстрация. Предназначается для всех, кто хочет приобщиться к сокровищницам Знания и Духа.

История. Мифология. Купты и ритуалы древности. Сокровенные знания жрецов и магов. Феномены. Таинственные случаи и загадки тысячелетий. Зомби. Пинопланетяне и НЛО. Контакты с пияыми цивилизациями Космоса и параллельными мирами. Гиперсенсорика. Духи, привидения, монстры, призраки, зверолоуды, вампиры, оборотни и людоеды в прошлом и настоящем. Воскрешение из мертвых и оппсанния потусторонних миров. Чародейство и колдовство. Предсказания. Тайные структуры сект, правящих миром. Самозащита от порчи, глаза и энергетического вампиризма. В пптературных разделах: Ужасы. Приключения. Фантастика.

Голос Вселенной Индекс 50022

³⁰ Эти Имена не единственные, имеются и другие. Частично их можно встретить во многих древних языках. Антропософия тут лишь открыто говорит (в соответствии с духом нашего времени) о том, что в прошлом составляло «тайное знание» для посвященных. Но Антропософия все черпает заново из своих собственных источников и лишь затем приводит это в связь — если таковая возможна — с древним знанием с целью облегчить понимание. Поверхностные критики обвиняют ее за это в эклектизме.

Не должен смущать читателя и научный язык Антропософии, когда она говорит о вещах в полном смысле слова святых. Никто не может упрекнуть ее в недостатке почтения к ним; наоборот, она дает основание для самого искреннего и глубокого их почитания, но так, что человека оставляет совершенно свободным. Нельзя не склониться в почтении перед тем, что разуму раскрывается в потрясающей возвышенности. Заговорить об этом еще и эмоциональным языком означало бы сделать многое просто обжигающим. Вот почему столь, как кажется, бесстрастно написаны книги Рудольфа Штайнера. Кто способен в них углубиться, найдет богатейшую пищу и для жизни чувств, но в их возвышенной чистоте, которой не знает страстная эмоциональность низшего мира. Люди, не способные это пережить (даже среди антропософов), дилетантски заявляют, что, якобы, Рудольф Штайнер был плохим стилистом, что его книги скучны и проч. Авторы таких высказываний не подозревают о том, сколь компрометируют они этим самих себя.

³¹ Гегель. Энциклопедия философских наук. т.1. Наука логики. М. 1974, с.218.

- ³² Гегель. Наука логики. т.1. М. 1970, с.131.
- ³³ Гегель. Наука логики. с.125.
- ³⁴ Гегель. Энциклопедия... с.218.
- ³⁵ Там же, с.217.
- ³⁶ Гегель. Наука логики, с.159.
- ³⁷ Там же, с.127;
- ³⁸ R.Steiner, Die Philosophie der Freiheit. S.7
- ³⁹ Ibid., с.53.
- ⁴⁰ G.W.F.Hegel, Wissenschaft der Logik. Werke in 20 Bande. Bd.I. Suhrkamp Verlag, 1983, S.107.
- ⁴¹ Гегель. Наука логики, т.2. М.1971, с.7, 9.
- ⁴² Гегель. Наука логики, т.1, с.148.
- ⁴³ R.Steiner, Die Philosophie der Freiheit. S.249.
- ⁴⁴ Гегель. Наука логики, т.2, с.7.
- ⁴⁵ Там же, с.8.
- ⁴⁶ Там же, с.173-174.
- ⁴⁷ Там же, с.176.
- ⁴⁸ N.Hartmann, Zur Grundlegung der Ontologie, 1935, S.40—41.
- ⁴⁹ Гегель. Наука логики, т.2, с.105.
- ⁵⁰ Thomas von Aquino, Ueber das Sein und Wesen. Koeln, 1956, S.16—17.
- ⁵¹ Шеллинг. Сочинения в двух томах. т.1. М. 1987, с.184, (Введение к наброску системы натурфилософии..., 1, п.2).
- ⁵² Владимир Соловьев. Собрание сочинений. т.3, С-Петербург, с.38—39.
- ⁵³ Там же, с.40.
- ⁵⁴ Там же, с.44.
- ⁵⁵ Там же, с.48.
- ⁵⁶ Там же, с.49.
- ⁵⁷ Там же, с.57.
- ⁵⁸ Там же, с.89.
- ⁵⁹ Гегель. Наука логики, т.1, с.133.
- ⁶⁰ Гегель. Философия религии. Статья «Жизнь Иисуса». М. 1975, т.1, с.35.
- ⁶¹ R.Steiner, Philosophie und Anthroposophie. Dornach/Schweiz, 1965, S.101.
- ⁶² Ibid., с.101.
- ⁶³ Ibid., с.101-103.
- ⁶⁴ Ibid., с.188-189.
- ⁶⁵ Гегель. Наука логики, т.1, с.128.
- ⁶⁶ Гегель. Философская пропедевтика. Раздел 3, п.74. См. Гегель. Работы разных лет. М., 1971, т.2, с.77.
- ⁶⁷ Гегель. Энциклопедия философских наук, т.1, с.242.
- ⁶⁸ И.Г.Фихте. Избранные труды. М., 1916, т.1, с.85.

- ⁶⁹ Там же, с.116.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Там же, с.112.
- ⁷² E.Marti, Die vier Aether. Stuttgart, 1981, S.38.
- ⁷³ Гете. Созерцающая способность суждения (1817). См. И.В.Гете. Избранные философские произведения. М. 1965, с.210.
- ⁷⁴ Там же, с.210—211.
- ⁷⁵ Гегель. Энциклопедия философских наук. т.1, с.187.
- ⁷⁶ И.Г.Фихте. Избранные труды, с.128—156.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ См. статью: И.Бокемюль «Растительный тип как облик движения», в сб. «Goetheanistische Naturwissenschaft», Bd.2. Botanik. Stuttgart, 1982.
- ⁸⁰ Шеллинг. Соч. в 2-х томах, т.1, с.182.
- ⁸¹ Там же, с.182.
- ⁸² П.Флоренский. Из богословского наследия. Журнал «Богословские труды Московской патриархии». Вып.XVII, с.143—145.
- ⁸³ И.Фихте. Избранные труды, с.153.
- ⁸⁴ Там же, с.182.
- ⁸⁵ Там же, с.161.
- ⁸⁶ Там же, с.217, 219.
- ⁸⁷ Там же, с.217.
- ⁸⁸ Там же, с.221.
- ⁸⁹ Там же, с.205.
- ⁹⁰ П.Флоренский. Из богословского наследия, с.143.
- ⁹¹ B.Wulf, Goethe und Hegel. Gesamtausgabe. Bd.IV. Zuerich, 1985, S.12—13.
- ⁹² И.Фихте. Избранные труды, с.175.
- ⁹³ И.В.Гете. Избранные философские произведения, с.213.
- ⁹⁴ И.Г.Фихте. Избранные труды, с.224.
- ⁹⁵ Там же, примечание к стр.226.
- ⁹⁶ F.Schelling, Ideen zu einer Philosophie der Natur als Einleitung in das Studium dieser Wissenschaft, 1803, 1 Teil. Einleitung, S.63.
- ⁹⁷ Гете. Дидактическая часть «Учения о цвете». Введение.
- ⁹⁸ Гете. Подготовительные труды к психологии растений. Понятия психологии, 1. В собрании «Естественнонаучные сочинения Гете», т.IV, отд. 2-й. Издание Немецкой национальной литературы. Берлин-Штутгарт, 1897 (нем.).
- ⁹⁹ Автор должен отметить, что эта таблица родилась в результате совместной работы в антропософской группе над циклом лекций «Оккультная физиология» (ИПН. 128).
- ¹⁰⁰ G.Schubert, Die Kategorien des Aristoteles. Журнал «Das Goetheanum», Nr. 43 от 23 окт. 1927 г.